

ФРАНТИШЕК ДВОРНИК

СЛАВЯНЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

STUDIA HISTORICA

OTAKARO ODLOŽILÍK
olim Pragensis Caroli IV, nunc Pennsylvaniae
Universitatis professori,
necnon

ROMANO JAKOBSON
olim Brunensis, nunc Harvardianae
Universitatis professori,
consortibus laborum

С о д е р ж а н и е

От составителя и переводчиков	9
От автора	12
<i>Введение</i>	14
<i>Глава I.</i>	
Европа в XIII веке	23
<i>Глава II.</i>	
Последние Пржемысловичи, Чехия и Польша	46
<i>Глава III.</i>	
Ян Чешский, император Людовик IV и Польша	65
<i>Глава IV.</i>	
Карл IV, император и король чешский, и Казимир Великий, король польский	91
<i>Глава V.</i>	
Второе Болгарское царство, подъем Сербии	124
<i>Глава VI.</i>	
Политическая организация славянских стран в Средние века.	160
<i>Глава VII.</i>	
Достижения славян в области культуры в эпоху Средневековья.	193
<i>Глава VIII.</i>	
Чешская Реформация и ее последствия	231
<i>Глава IX.</i>	
Русские княжества, возвышение Литвы и Москвы. Федерация Ягеллонов	264
<i>Глава X.</i>	
Династическое «содружество» Ягеллонов и турецкая угроза	288
<i>Глава XI.</i>	
Польско-Литовское государство и Балтика	305

Глава XII.

- Возвышение Московского государства и его отношения
с Польско-Литовским государством 318

Глава XIII.

- Возрождение и славяне. Культурные достижения славян
в XV и XVI вв. 346

Глава XIV.

- Социальное и политическое развитие южных
и западных славян в XV—XVII вв. 395

Глава XV.

- Развитие самодержавия в Московском государстве:
социальные и политические изменения в Восточной Руси . . 435

Глава XVI.

- Реформация и славяне 467

Глава XVII.

- Габсбурги, Московское государство,
Польско-Литовское государство и Чехия 519

Глава XVIII.

- Польша, «Смутное время» в Московском государстве
и рождение Украины 555

Глава XIX.

- Московское государство при первых Романовых. 582

Глава XX.

- Российская империя и славянский мир 625

- Список правителей 663*

- Библиография 674*

- Указатель исторических лиц 756*

От составителя и переводчиков

Предлагаемая читателю книга является первой монографической публикацией на русском языке одного из крупнейших в XX столетии византинистов и славистов Франтишека Дворника (1893—1975). Ф. Дворник (Dvořník) родился в Чехии. В 1916 г. принял духовный сан. Учился в Карловом университете в Праге (1919—1920, под руководством чешского слависта Я. Бидло), затем в Сорбонне (1920—1925, под руководством французского византиниста Ш. Диля) и Школе политических наук (École des sciences politiques) в Париже; в 1926 г. получил докторскую степень в Сорбонне. С 1928 г. профессор истории церкви богословского факультета Карлова университета. После оккупации Чехословакии с 1938 г. жил во Франции, Великобритании, США; с 1946 г. преподавал в Гарвардском университете (США), с 1947 г.—также в Центре византийских исследований в Думбартон-Окс (Dumbarton-Oaks Centre for Byzantine Studies). Член многих академий и научных обществ мира. Круг основных научных интересов Ф. Дворника составляют история византийской культуры, особенно в ее взаимоотношениях со славянством, в частности деятельность просветителей славян свв. Кирилла и Мефодия и весь спектр «кирилло-мефодиевских» проблем, ранняя история славян и становление славянской цивилизации, место славянской цивилизации в контексте европейской истории: *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, 1926 (2-е éd. Hattiesburg, 1970); *Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, Prague, 1933 (2-е éd. Hattiesburg, 1969); *The Photian Schism. History and Legend*, Cambr., 1948 (2nd ed. 1970); *The Making of Central and Eastern Europe*, London, 1949; *The Slavs. Their Early History and Civilization*, Boston, 1956; *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*, Wash., 1958; *Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background*, Wash, 1966; *Les Slaves: Histoire et civilization de l'antiquité au débuts de l'époque contemporaine*, Paris, 1970; *Byzantine Missions among the Slavs*, New Brunswick, 1970; *Photian and Byzantine Ecclesiastical Studies*, London, 1974; и многие другие.

Книга «Славяне в европейской истории и цивилизации» (The Slavs in European History and Civilization, New Brunswick, 1962) была написана Ф. Дворником на основе курса лекций, читавшегося им в конце 1950-х гг. в Гарварде. Жанр лекционного курса делает ее интересной и привлекательной для разных категорий читателей: любителей истории, студентов, историков-профессионалов. Она охватывает весьма значительный хронологический промежуток времени — XIII—XIX вв.— и знакомит читателя со всеми ветвями славянства: западной, южной и восточной, причем исторические судьбы различных славянских народов рассматриваются в их взаимосвязи и переплетении. Более того, славянская цивилизация ни в коей мере не представит неким самодостаточным феноменом: это славяне в контексте европейской истории и цивилизации, испытывающие воздействие всех основных культурных, политических и экономических процессов европейской ойкумены и в то же время сами ощутимо воздействующие на остальной европейский мир. Особенно это очевидно в главах, посвященных различным аспектам периода Реформации на славянских землях. Такой комплексный подход представляет особый интерес и ценность для студентов и читателей-непрофессионалов: курсы истории зарубежных славян, Руси и западноевропейской средневековой традиции традиционно читаются раздельно, редко такого рода публикации и в жанре научно-популярной литературы. В этом смысле показательно даже посвящение книги друзьям и коллегам Ф. Дворника Отакару Одложилу и Роману Якобсону — раздвинувшим национальные рамки ученым общемирового уровня.

Курс лекций неизбежно носит яркий личностный отпечаток: профессор вновь и вновь возвращается к излюбленным мыслям и темам, стремится донести до слушателей свое личное — часто весьма эмоциональное — видение предмета; повторим, что это видение одного из авторитетнейших историков нашего времени. Лекционный жанр определяет и стилистику книги: определенную «разговорность» и облегченность изложения, временами дидактичность, относительную редкость цитат и прямых ссылок на источники и литературу. Читателю предлагается многое принять на веру либо подвергнуть самостоятельному критическому анализу, обратившись к богатейшему списку библиографии. Этот список (предлагаемый студентам!), пожалуй, представляет самостоятельный интерес: круг научного чтения европейского гуманитария 1920-х — начала 1960-х гг.

Созданный около сорока лет назад, труд Ф. Дворника являет собой несомненный памятник эпохи, но нам эта эпоха представляется

уже удаленной, и в ряде аспектов книга кажется несколько «архаичной». Особенно это касается истории Руси: автор имел возможность пользоваться довольно ограниченным кругом источников и литературы, а за последние годы историческая наука, и в том числе отечественная, прошла очень большой путь. Однако эта особенность сочинения Ф. Дворника придает ему и самостоятельный историографический интерес: именно такой в 1960—1962 гг. виделась история Руси крупнейшему европейскому и американскому слависту.

В своих примечаниях переводчики сочли возможным лишь отметить ряд выявленных опечаток и неточностей (во многом отражающих уровень историографии того времени и круг доступной автору литературы), а в ряде случаев указать на более привычные отечественному читателю названия и термины. Переводчики благодарны В. В. Мочаловой, В. Я. Петрухину и А. А. Турилову за сделанные замечания, которые были учтены в процессе работы.

От автора

В течение 1956/57 учебного года я читал курс истории славян и славянской цивилизации XIII—XVII вв. на отделении славистики Гарвардского университета. Мои коллеги, в особенности возглавлявший тогда отделение профессор А. Б. Лорд, настояли на том, чтобы я продолжил и расширил этот курс, а затем опубликовал в виде книги. В некотором отношении данная книга представляет собой также продолжение другой моей работы — *The Slavs, Their Early History and Civilization*, написанной на основе курса, прочитанного на том же отделении Гарвардского университета в 1951 г., и изданной Американской академией искусств и наук в Бостоне.

Поскольку многие вопросы, затрагивавшиеся мною в лекциях, заслуживают более глубокого изучения, я значительно расширил рассмотрение проблем славянства в течение наиболее сложного и зачастую неверно понимаемого периода — в XIII—XVIII вв. Так как данная книга имеет также целью способствовать более детальному изучению обсуждаемой в ней тематики, к каждой главе приобщена библиография на неславянских языках и указаны важнейшие источники. Студенты, которые могут пользоваться публикациями на славянских языках, найдут в примечаниях отсылки на работы, содержащие более подробную библиографию. Списки литературы, особенно к последней главе, конечно, не являются полными, но я надеюсь, что они будут полезны.

Мне посчастливилось получить помощь и поддержку от многих друзей и коллег. Мой бывший коллега по Карлову университету в Праге, ныне профессор истории Центральной Европы в Пенсильванском университете, прочел рукопись целиком и дал мне бесценные советы относительно разбивки книги на главы, а также по проблемам чешской, польской и немецкой истории. Профессор Р. Якобсон из Гарвардского университета, энтузиаст развития славистических исследований в США, прочел главы о чешской и русской литературе. Мне посчастливилось проконсультироваться в Британском музее с профессором С. Котом, известным специалистом по истории Реформации, по некоторым вопросам, касающимся распространения

Реформации на славянских землях, особенно в Польше. Профессор В. Вайнтрауб из Гарвардского университета любезно прочитал главы о польской литературе, и я благодарен ему за сделанные предложения. И. Шевченко, профессор Колумбийского университета, сообщил мне много полезных сведений о русской и украинской истории, а специалист по истории Балкан, ныне профессор университета штата Индиана Г. К. Соулс прочитал главы по истории и литературе Сербии и Болгарии. Д. Р. Хичкок, ныне профессор-ассистент университета штата Мэриленд, помог мне с транслитерацией славянских слов и составил таблицы транслитерации и произношения.

Я очень обязан профессору П. Чаранису, рекомендовавшему эту книгу издательству Рутгерс Юниверсити Пресс. Я хотел бы выразить свою благодарность г-ну Дж. С. Тэчеру, директору Думбартон-Окс, за средства, предоставленные для ее публикации.

Я чрезвычайно признателен директору издательства Рутгерс Юниверсити Пресс, Уильяму Слоуну, который со своими весьма компетентными сотрудниками руководил печатанием этой книги: поскольку предмет ее малоизвестен, это была трудная задача, потребовавшая большого умения и опыта со стороны как редактора, так и типографских работников.

Я посвящаю этот труд двум своим друзьям и коллегам в знак признательности за ту помощь, которую они мне оказали.

Думбартон-Окс, осень 1960

Введение

Наиболее сложным периодом в истории Центральной и Восточной Европы являются поздние Средние века и начало Нового времени, с XIII по XVIII век. Хотя славяне были преобладающим этническим компонентом, во всяком случае в Восточной Европе, множество неславянских народов — немцы, мадьяры (венгры), литовцы, балты, татары, турки, румыны и другие — принимали участие в политической, культурной и экономической истории этой части Европы, и некоторые из них временами играли главенствующую роль среди определенных славянских народов.

Неудивительно, что из-за сложности проблем изучению этого периода придавалось недостаточно внимания, особенно на Западе. Для исследователей, знакомых со становлением того феномена, который мы называем Западной Европой, где в это время латинские (романские) и германские народы создавали свои государства и общий фундамент для будущего развития цивилизации, история восточной части Европы должна была казаться странной и необычной, отчасти даже хаотической. Все это представляет дополнительные сложности для тех, кто стремится найти некую основу для всестороннего исследования истории этой части Европы, столь отличной от Запада в географическом, этническом и культурном аспектах.

Безусловно, славянские народы являются основным объектом изучения Средневековья и раннего Нового времени в Восточной Европе — они представляли вполне органичное единство. Славяне были не только доминирующим этническим элементом в этом регионе, но, хотя и разделенные в географическом и культурном отношении, все они имеют много общих черт в политической истории, цивилизации, в национальном характере и языке. Более того, славянское единство заявляло о себе не только на ранних стадиях истории, но также и в Средние века и в Новое время. Даже религиозное разделение не могло подавить этого единства.

Даже чехи, которые были более подвержены западному влиянию, чем другие славянские народы, и оказались под немецким господством, сохранили чувство славянского единства: оно заявило о

себе в тринадцатом веке во время борьбы чешского короля с Рудольфом Габсбургом и в начале XIV в. при попытке создания Чешско-Польского государства. Карл IV, хотя и был римским императором, поддерживал славянскую идею в своем государстве и относился к сербскому королю как к члену той же славянской семьи народов. Гуситы использовали языковое родство, когда пытались склонить на свою сторону словаков, поляков и хорватов, а также пытались добиться понимания на славянском Востоке.

Представление о том, что Польша была частью славянского мира, повторяется во всех ранних польских хрониках. Чешское, украинское и белорусское влияние на развитие современного польского литературного языка показывает родство этих народов. Действительно, общий славянский дух был продемонстрирован во время польского Ренессанса выдающимися польскими писателями Я. Кохановским и М. Бельским. Родство между русскими и поляками проявлялось, несмотря на политические и религиозные различия, в попытках создания общего государства.

Даже сторонники Реформации, а после них контрреформаторы использовали идею славянского единства для религиозной пропаганды. Во время турецкого завоевания хорваты и другие южные славяне рассчитывали прежде всего на поляков, а затем на русских как на братские народы в своих надеждах на освобождение. Весьма значительным было сербское и болгарское влияние на литературу москвитов. Даже убежденный католик хорват Крижанич отправился в Москву в надежде склонить царя к идее национального и религиозного единства.

Таким образом, идея славянского единства отнюдь не зарождается, как это часто принято считать, в XIX веке в среде русского панславистского движения. Она жила с самого начала истории славянских народов и продолжала существовать на протяжении Средних веков вплоть до Нового времени¹.

Очевидно, что этот единый фактор оправдывает трактовку истории всех славянских народов как общности, тем более что они играли доминирующую роль в судьбе Восточной и Юго-Восточной Европы в самые решающие моменты. Но поскольку история славян тесно связана со многими неславянскими народами, мы не можем игнорировать эти народы в нашем исследовании. Равным образом, история славян и соседних народов не может изучаться в отрыве от истории остальной Европы. Славяне очень часто были тесно связаны с западными народами, и их история — часть истории всей Европы.

В последние десятилетия проблемы деления европейской истории на восточную и западную сферы и разграничения этих сфер стали объектом целого ряда продолжающихся научных дискуссий. Было выдвинуто много различных теорий по поводу деления истории Восточной Европы на различные периоды². Мы не можем здесь вдаваться в подробности всех дискуссий. Историческая концепция «Восточной Европы» менялась на протяжении разных периодов в зависимости от убеждений или предрассудков историков, занимающихся этой проблемой.

Принимая во внимание различия в периодизации, мы все же можем различать, несмотря на видимый разноречивый в предыдущих исторических исследованиях Юго-Восточной Европы, определенные факторы, которые делят эту историю на хорошо различаемые периоды. Первая фаза характеризуется влиянием Византийской империи и ее цивилизации на славянские народы. Это влияние распространялось не только на болгар и сербов, но также и на хорватов, чехов и словаков, затронуло поляков. У русских с их центром в Киеве определенно доминировали византийская религия и цивилизация, хотя они и сохраняли связь с латинским Западом. Ранняя славянская история демонстрирует замечательное единство, которое характеризуется общим литературным языком — старославянским. Я описывал этот период славянской истории в моей книге *Славяне: ранняя история и цивилизация*, опубликованной в 1958 году (Американская академия искусств и наук, Бостон, Массачусетс, 280 Ньютонстрит).

Но и в XIII—XIV вв. византийское влияние было заметно на Балканах в возродившихся государствах болгар и сербов, равно как в Московии. Даже Польша была частично вовлечена в этот культурный процесс (после оккупации православной Галиции). Более того, как мы увидим, политика венгерской династии Арпадов, вначале также ориентированная на Византию, в то же время сосредоточивалась на балканских славянах в усилиях заменить византийское политическое господство своим собственным.

Среди чехов последний реликт византийского культурного влияния — славянская литургия — исчез в конце XI века, но память о ней сохранялась, несмотря на то что в X в. Чехия стала частью восстановленной Западной Римской империи. Польша, сохранявшая свою независимость, добилась выдающегося положения в XIV в. как в славянском мире, так и в Европе и таким образом открыла второй период восточноевропейской истории: он характеризовался польско-литовским доминированием на Востоке и турецким господством на

Юге. Турки-османы всеми способами вытесняли Византию и распространяли власть своей империи не только на Балканы, но также и на часть Хорватии, на Венгрию, на два румынских княжества, Молдавию и Валахию, вплоть до Черного моря. Польско-Литовское государство также привлекало на свою сторону Чехию и Венгрию, но было не в силах остановить натиск турок. Турецкая угроза влияла и на судьбы России, освободившейся от монгольского ига, но подвергавшейся опасности со стороны крымских татар — вассалов турок.

Другой характерной чертой этого периода стали попытки объединения Польско-Литовского государства с растущей Московией — посредством выборов общего правителя или же путем завоевания Москвы. Попытки потерпели поражение, и с конца XVII в. началась новая фаза в истории Восточной Европы, характеризующаяся усилением Москвы, которая создала империю, объединив украинские и белорусские земли и, таким образом, предрешив исчезновение Польского королевства. Москва притязала на большее влияние в европейских делах и полагала себя покровительницей всех православных народов.

Естественно, мы не можем ограничивать себя только изучением Восточной Европы. Были и другие политические факторы, которые господствовали в Центральной Европе, временами воздействовали и на Западную Европу, оказывая глубокое влияние на славянские народы и весь Восток. Прежде всего, это была Западная Римская империя, восстановленная саксонским королем Оттоном I в X веке. Чехия была частью этой империи так же, как и альпийские земли, частично заселенные словенцами. Борьба императоров с феодальными магнатами нашла широкий отклик в Чехии и альпийских землях, отзвук этой борьбы докатился и до Польши. Претензии империи на балтийские земли, где тевтонские рыцари закладывали фундамент будущей Пруссии, вызвали жесткую реакцию Польши, которая стремилась к образованию Польско-Литовского государства. Даже Россия, отрезанная от Балтийского моря, по стечению обстоятельств была вовлечена в это противостояние; затем последовал острый конфликт, разрешенный Петром Великим.

Постепенное раздробление империи на практически независимые княжества, колонизация славянских земель на Балтийском побережье и между Эльбой и Вислой, рост германских городов, оседание германских бюргеров и крестьян в Чехии, Польше и Венгрии — все это имело глубокое влияние на экономическую, национальную и

культурную жизнь чехов, словаков, словенцев и поляков. Даже украинцы переняли германские законы для правовой системы своих городов. Не следует забывать и о значении германского элемента в модернизации Московии.

Также должен быть рассмотрен и феномен средневекового папства, оформившийся при Григории VII в XI в.: тогда была выдвинута идея превосходства духовного над светским. Идея была направлена на защиту от вмешательства светских князей в дела церкви и встретила сопротивление, в первую очередь, германских императоров. Вопрос о том, имели ли право светские князья назначать духовенство и до какой степени последнее должно было нести феодальные повинности в отношении своих светских сеньоров в обмен на те земли, которые им предоставлялись, или так называемый спор из-за инвеституры, потряс основы Западной Римской империи и привел к падению могущественной династии Гогенштауфенов.

Победа папства при Иннокентии III впечатлила даже болгар и сербов. Основатели их восстановленных государств хотели получать свои короны в Риме. Престиж, которым папство обладало в Средние века, помог Польше в ее борьбе за объединение и независимость. Налог, называемый «денарий св. Петра», выплачивать который обязались все польские правители вскоре после обращения их народа, равно как и церковная организация были единственными напоминаниями о национальном единстве во время расчленения королевства на ряд княжеств и обеспечили Польше защиту от притязаний императоров после восстановления Польского королевства. Положение Чехии было другим. Первые попытки Реформации в землях Чехии были предприняты гуситами и привели к затяжному конфликту с папством.

Разделение христианской церкви на римскую католическую и православную стало роковым для славянского культурного единства и имело глубокие последствия для славянских народов. Попытки создать церковную унию, предпринятые римской курией, были на короткое время положительно восприняты сербами и болгарами. Решительный отказ Московии от попыток к объединению при Василии II увеличил разрыв между православным Востоком и католическим Западом, усилил культурную и политическую изоляцию Московии, напряженность в отношениях с Польско-Литовским государством (которое, не будучи поддержано украинцами и белорусами, одно стремилось к объединению церквей). Отзвук этой враждебности к униатам был очевиден до последнего времени, несмотря на все изменение ситуации на Востоке.

Другим важным обстоятельством стало обретение династией Габсбургов, унаследовавшей от чешских королей захваченные ими альпийские земли, корон и Чехии, и Венгрии; теперь в ее руках оказался императорский скипетр. Не раз претендовали Габсбурги и на корону Польши, надеясь, что она в конце концов окажется на голове одного из их отпрысков. О дипломатических отношениях с последними Рюриковичами и надеждах, которые эти отношения порождали в Вене и Москве, известно мало, но и о них не следует забывать.

Помимо политических и религиозных факторов существовали и другие импульсы, исходившие от западных стран и стимулировавшие развитие славянских и других народов Центральной, Восточной и Южной Европы. Следует учитывать, к примеру, как французская и германская феодальные системы воздействовали на социальную жизнь славян и какой отзвук находило развитие монархической идеи на Западе в государствах, основанных славянами или населенных ими. Польше принадлежит значительный вклад в историю политических идей в эпоху Ренессанса: ее «парламентскую» систему, столь отличную от английской и французской, необходимо исследовать в соответствии с ее собственными параметрами (равно как и те менее похвальные стороны этой системы, которые привели к краху государства). Московская монархическая идея зиждилась на иных, в сравнении с Западом, основаниях: ее корни восходят к византийским политическим теориям, воздействовала на нее и монгольская традиция.

Мы должны также обратить особое внимание на те культурные стимулы, которые исходили из Западной, Южной и Центральной Европы. Начиная с тринадцатого века Запад стал соперничать с культурной гегемонией византийского Востока. Новый вид литературы, использующей местные языки, возник во Франции и в Провансе и стал распространяться по всей Европе. Родилось готическое искусство, и рыцарский дух получил распространение на Западе. Эти новые тенденции проникали на земли, населенные славянами, из Франции, Италии и Германии, хотя на юге и востоке византийские культурные традиции продолжали доминировать.

Затем последовала мощная волна гуманистических и ренессансных влияний из Италии. Они охватили Чехию и способствовали становлению золотого века польской литературы; их отголосок обнаруживается и в России. На юге, где сохранялся оазис славянской независимости в Дубровнике (Рагуза), были созданы великие литературные произведения, которые наряду с другими местными традиция-

ми способствовали формированию хорватской, сербской и болгарской литератур.

Конечно, славянские страны не могла миновать и другая могучая волна, которая захлестнула Европу из Германии, Франции и Швейцарии,— влияние Реформации. Многие признаки свидетельствуют об этом влиянии, хотя они недостаточно изучены. Сторонники Реформации создали словенский национальный язык и письменность и стали первыми распространителями панславистской идеи. Эта волна потрясла славянское население Чехии, Польши и Венгрии. Она достигла и Хорватии, ряд выдающихся деятелей которой послужил Реформации. Опять-таки, эхо этого движения было слышно в Московии и Румынии.

Стремясь противостоять Реформации, сторонники контрреформации вынуждены были применять методы своих противников. Использование местных языков в литературе, начатое реформаторами, привело к становлению новых жанров литературы барокко и способствовало выживанию чешской культуры в самую неблагоприятную для чехов эпоху их национальной жизни, в XVIII веке. Стиль барокко, который стал характерным для периода контрреформации, проник из Италии, Германии и Вены в Чехию, Венгрию и Польшу. Особого расцвета он достиг в чешских землях и был воспринят в Московии.

Все эти феномены должны быть исследованы для того, чтобы выяснить, насколько славянские народы воспринимали импульсы, исходящие из Западной Европы с XIII по XVIII века. В то же время мы должны понять, какова была степень влияния славянских народов на политическое, культурное и религиозное развитие Европы. Они ослабили и, наконец, остановили продвижение турок в Центральную Европу, они внесли значительный вклад в развитие европейской цивилизации в эпоху гуманизма и Ренессанса, равно как и в эпоху Реформации.

Все это объясняет деление книги на главы. Представляется необходимым дать в вводной главе краткий обзор проблемы происхождения славян, их места в европейской истории и в нескольких фразах охарактеризовать ситуацию в Европе в начале XIII в., особенно разные стадии борьбы папства и империи. В третьей и четвертой главах я считаю необходимым подробно описать ситуацию в империи и в остальной Европе. Это был тот период, когда Чехия благодаря своим королям, Яну Люксембургскому и особенно его сыну Кар-

лу IV, играла важную, если не решающую, роль в империи и ее влияние достигало Франции, Англии и Италии. Невозможно также, описывая правление Карла IV, обойти молчанием его германские планы. Считая себя славянином, он предпринимал серьезные попытки установить прочные мирные отношения между своими славянскими подданными и немцами.

Сложные проблемы польской истории в период правления Ягеллонов заставили меня посвятить несколько самостоятельных глав польско-литовским проблемам, которые кажутся мало связанными между собой: турецкой угрозе, которой стремились противостоять Ягеллоны, сложным отношениям на Балтике с Пруссией и усиливающейся Москвой.

Я намереваюсь посвятить это исследование только периоду с XIII до XVIII вв., поскольку именно эти века чаще всего оказываются недостаточно представленными в сочинениях по общей истории Европы и истории славянских народов — события этого периода истории наиболее трудны для описания. Тем не менее, в последней главе я добавил краткую историю Петра Великого вместе с обзором проблем, связанных с влиянием имперской России на славянские народы и на остальную Европу вплоть до Нового времени. Я считаю это вполне достаточным и не намереваюсь вникать в детали, так как новая история России и славянских народов полно описана в исторических руководствах и специальных исследованиях. Именно средневековый период и раннее Новое время известны меньше. Я добавил последнюю главу как раз потому, что почувствовал необходимость показать, насколько политическое развитие и развитие идей определяются более ранним периодом и до какой степени это обстоятельство воздействовало на современную историю исследуемых регионов Европы.

Стремясь продемонстрировать влияние Европы на славян и вклад славян в политическое и культурное развитие мира, я следовал хронологическому, а не «схематическому» методу. Этот подход имеет свои негативные стороны, к примеру, в тех случаях, когда литература и политическая организация разных народов описываются в разных главах. Для того чтобы избежать многочисленных перекрестных ссылок, я почел необходимым дать в некоторых главах краткий обзор тех проблем, которые более полно обсуждались в других частях книги.

Я думаю, что каждый специалист согласится со мной в том, что написать историю славянских народов и их соседей в Средние века

и в раннее Новое время — задача большая и сложная. Найдутся читатели, которые предпочли бы найти в книге более детальную разработку интересующих их проблем, но необходимо было соблюсти определенные рамки. Я пытался дать важнейшим проблемам адекватное разрешение.

Обычно исследование таких сложных исторических и культурных проблем, которые относятся к длительному периоду, доверяют целому коллективу ученых, специализирующихся в разных областях. Опыт показывает, однако, что такие коллективные работы имеют много недостатков. Главный из них — отсутствие единства повествования наряду с противоречивыми послылками и ненужными повторами. Я надеюсь, эти обстоятельства оправдают мою попытку последовательно описать разнообразные и комплексные проблемы истории славянских народов как единой общности в контексте целостной европейской истории и цивилизации, прослеживая (с самого начала) все возрастающую историческую роль этих народов.

Примечания

¹ Ср. подробнее: R. Jacobson, *Comparative Slavic Studies* // *The Review of Politics*, 16 (1954), p. 67—90.

² Эти проблемы и дискуссия по ним тщательно исследованы чешским историком: J. Masůšek, *Dějepisectví evropského východu*, Praha, 1946, s. 1—128.

Глава I

Европа в XIII веке

Появление славянских и германских народов на европейской политической сцене — Моравская держава и последствия ее разрушения — Германское политическое господство в Центральной Европе. Славяне в западной и восточной сферах культурного влияния — Расцвет и кризис Киевской Руси — Рост могущества папства в XIII веке — Поражение имперской идеи — Генрих VI и Фридрих II — Поражение папства в попытке установить политическое господство священства — Политический распад Германии — Германский натиск на Балтике, в Пруссии и Ливонии — Экономическое развитие Германии и Италии — Активизация культурной жизни в Европе — Распространение светских тенденций в литературе — Соперничество Запада и Востока

Появление славянских народов на авансцене европейской истории было относительно запоздалым. Их примитивные поселения большей частью находились, предположительно, в регионе между реками Висла и Днепр. Оттуда некоторые славянские племена начали довольно рано проникать в земли за Днепром и вниз по течению этой реки по направлению к Черному морю, Дунаю и к землям за ними. Группа племен, возможно, предводительствуемая сарматской элитой, называемой антами, была первой, кто вошел в контакт с Византийской империей, но объединение антов было уничтожено в VI в. н. э. тюркскими завоевателями — аvaraми. Племена, расселенные по Днепру и за ним, позже получившие имя «русские», были покорены другими завоевателями — тюрками-хазарами, но нашли поддержку в союзе со скандинавскими дружинами, которые в IX в. создали единое государство с центром в Киеве.

Когда германские племена с Балтийского побережья начали мигрировать на юг, славянские племена в VI веке пересекли Вислу и Одер и распространились по балтийскому побережью вплоть до Эльбы, форсировав ее во многих местах. Эти племена, называемые балтийскими славянами, полабскими славянами, поморскими славя-

нами, сорбами (в современной Саксонии), были почти обречены на истребление, когда франки и германцы начали свою экспансию на север и восток.

Чехи и словаки заняли Чехию, Моравию и Словакию, где они проживают и поныне, уже в VI в. Тогда же словенцы были вытеснены в альпийские земли в направлении к Адриатике. Тюрки-авары, осевшие в долине Дуная, покорили славян: вместе они начали завоевание Византийской империи в VI и VII веках, разорив цветущие провинции в Паннонии и Иллирии. Славяне, осевшие на землях нынешней Югославии, были освобождены от авар в VII веке хорватами и сербами, которые пришли из-за Карпатских гор — из земли, ныне называемой Галиция, по приглашению императора Ираклия (610—664). Они заложили фундамент государств южных славян — Хорватии и Сербии. Славяне, населяющие земли между Дунаем и Балканами, были сплочены в единую политическую организацию тюрками-болгарами, назвавшими свое государство Болгарией.

Племена, которые продолжали обитать в примитивных поселениях, распространились по Висле и Одру по соседству с полабскими славянами, поморанами и сорбами. Они были названы поляками, по имени одного из главных племен, но приобрели общие отличительные черты только в X веке.

Ранняя история славянских народов полна трагических инцидентов, блестящих надежд и многообещающих возможностей, редко осуществлявшихся из-за различных обстоятельств и событий, неподконтрольных славянским правителям.

В этом смысле германские народы были более удачливы, поскольку появились на европейской сцене несколькими веками раньше. После расселения и прорыва через укрепленные границы западной части Римской империи германские племена захватили ее процветающие провинции и создали свои собственные королевства в Галлии, Германии, Испании, Африке, Италии и Британии.

Таким образом, задолго до славян германские племена появились в сфере западной и латинской культур и, после восприятия христианской веры, стали решающей силой на христианском Западе. Хотя римские миссионеры преуспели в распространении у вновь обращенных германцев римской формы христианства и литургии на латинском языке, они не смогли заставить их принять римский менталитет в целом. Движущая сила молодой общности была столь мощной, что церковь в Западной Европе не смогла воспрепятствовать глубокой германизации некоторых элементов ее организации. Наи-

более очевидным образом это проявилось в новой системе церковной собственности, введенной во всех германских землях. Теперь короли и знать не только объявлялись владельцами храмов, основанных ими, но также имели право назначать как высшее, так и низшее духовенство в созданных ими церковных организациях. Это было опасным нарушением старой римской традиции, которой до сих пор следовала церковь как в восточной, так и в западной частях Римской империи. Более того, этот новый курс в западном христианстве невольно способствовал отчуждению между Востоком и Западом.

Франки, наиболее сильные среди германских племен, сделали эту новую систему стовым хребтом своего государства. Вскоре, после распространения власти своей империи от Испании до Эльбы и от Дуная до Апеннин, франки под руководством их правителя Карла Великого (771—814) приняли на себя главенствующую роль на Западе и протекцию над церковью в обновленной Римской империи.

Христианство, однако, распространялось довольно медленно в среде хорватов, сербов, болгар, словенцев и чехов. Они были полностью христианизированы только в IX в. Хотя франкские, римские, ирландские миссионеры работали среди славян наряду с византийскими, временами кажется, что не только южные, но и западные славяне попали под прямое влияние восточного христианства и византийской культуры. Первым государственным объединением в Центральной Европе была Великая Моравия, включавшая современную Моравию со Словакией и часть Австрии до Дуная. Археологические находки в Моравии показали, что с начала IX в. византийское культурное влияние было очень сильным в новом Моравском государстве. Понятно поэтому, что правитель Моравии Ростислав (846—870) заключил политический и культурный союз с Византией. Этот альянс помог Византии остановить экспансию франков на Балканах, подчинить другое новое славянское государство — Болгарию — влиянию своей цивилизации и распространить свою власть на славянские племена будущей Сербии.

Упрочение христианства в Моравии трудами византийских миссионеров в IX в., казалось, открывало путь к блестящему будущему не только славян, но и всего Запада. Введение литургии на родном языке греческими апостолами Моравии свв. Кириллом и Мефодием (это деяние была санкционировано Римом) обещало быстрое распространение христианской веры среди новых народов и делало религиозные таинства более доступными для простых людей. Быстрый

расцвет старославянской литературы в Моравии и затем в Чехии живо показал, чего могут достичь и другие народы, развивая литературу на родном языке, если последуют этому примеру. Проникновение как византийской, так и латинской культуры в Моравию также было хорошим предзнаменованием для лучшего взаимопонимания между Востоком и Западом.

Некоторые из этих возможностей могли бы быть реализованы, если бы моравский эксперимент имел место в более благоприятных условиях. В действительности все эти обстоятельства были использованы моравскими правителями для того, чтобы остановить проникновение франков в Моравию и Дунайскую долину и при помощи папства подорвать мощь восточнофранкской (германской) церкви в новых землях. Франки были слишком могущественными, чтобы быть так легко побежденными, а новая государственная и культурная власть в Моравии — слишком молодой, чтобы диктовать свою волю. Новое государство изнемогало под германским мечом и было втоптанно в землю копытами венгерских коней (906). Доступ к культурным сокровищам Византии, который, казалось, был открыт для Западной Европы по Дунаю, был закрыт еще раз. Новые завоеватели Центральной Европы — венгры — обосновались непосредственно в долине Дуная и вбили клин между западной и восточной славянскими группами. Чехия, присоединившаяся к Восточной Франкской империи, была спасена от катастрофы и унаследовала культурные достижения Великой Моравии.

Так славяне потеряли возможность стать решающей политической и культурной силой в Центральной Европе. Лидерство перешло к *Regnum Teutonicorum* — восточной части приходящей в упадок Франкской империи, или Германии. Славяне, жившие между Эльбой и Одером, были первыми, кто почувствовал последствия перемен. Завоевание их земель Генрихом I (919—936) и Оттоном I (936—973) и введение германской церковной системы угрожали не только их независимости, но и самому существованию.

Так было положено начало вражде между германцами и славянами, вражде, которая растянулась на столетия. Только однажды появилась возможность мирного сотрудничества между славянами и немцами — в восстановленной Римской империи при Оттоне III (983—1002). Тогда казалось, что немцы взяли на себя роль Великой Моравии и стали посредником между византийским Востоком и римским Западом, но преждевременная смерть молодого императора разбила все эти надежды.

Судьба не была благосклонна и к попытке создать собственно славянскую империю путем объединения Польши и Чехии в одно государство в правление великого польского государственного деятеля — Болеслава I (992—1018). Это обстоятельство предопределило судьбы славянских народов между Эльбой и Одером и послужило началом новой фазы германского натиска на Восток и проникновения западной культуры к чехам и полякам при германском посредстве.

Папство же вновь попыталось разрушить опасную систему церковной собственности и уменьшить влияние государственной церкви (*Reichskirche*). Но попытка Григория VII (1073—1085) окружить Германию кольцом враждебных государств провалилась из-за отказа чехов — чешский князь Вратислав сохранил верность отлученному от церкви императору Генриху IV.

Немцам была дана новая возможность укрепить свои позиции среди славян на Балтике и по Эльбе. Фундамент новых германских колоний — Берлина и Пруссии — был заложен герцогами Генрихом Львом и Альбрехтом Медведем после учреждения Тевтонского ордена в Польше; он был создан для борьбы с балтийскими пруссами, литовцами и финноязычными эстонцами и обращения их в христианство. Только поворот имперских интересов в сторону Сицилии и южной Италии в правление последнего Гогенштауфена, видимо, спас Чехию и Польшу от судьбы полабских славян.

Результатом этих событий стало включение западных славян в сферу римской и латинской культур. Влияние византийской культуры удерживалось только в Болгарии, где византийская пропаганда велась при посредстве славянской письменности и литургии на родном языке. Из Болгарии она проникла в Сербию, но византийцы не преуспели в распространении своего политического и культурного влияния в Хорватии. Поскольку случилось так, что южные славяне оказались разделены, хорваты и словенцы развивались в границах римского и латинского мира, Болгария и Сербия — в границах византийского.

Несмотря на то что византийская церковь относилась терпимо к использованию литургии на родном языке и способствовала развитию национальной литературы, отношения между Болгарией и Византией развивались недружественно. Византийцы упустили саму возможность включения Болгарии в состав империи на согласительной основе, когда гордая императрица Зоя отказалась женить своего сына Константина Багрянородного на дочери получившего греческое образование Симеона Великого Болгарского (893—927). После-

дующая вражда приняла характер кровавой войны между славянами и греками. Это привело к трагическому концу Первого Болгарского царства и включению Болгарии как завоеванной провинции в состав Византии. Болгары никогда не смогли смириться с концом своей независимости.

Более счастливые отношения установились между Византией и вновь обращенными — русскими. Киевское государство, созданное при помощи норманнов, вскоре превратилось в могущественную державу за Карпатскими горами. Его столица — Киев — стала важнейшим торговым центром между Византией, Арабским миром и Западной Европой, прежде всего Германией и Скандинавией. Здесь живо развивалась культура, впитывавшая влияния славянской литературы из Болгарии и Чехии. Византийские художники обучали русских секретам своего мастерства, византийские священники наставляли их в вопросах восточной теологии и духовной жизни. За короткое время русские овладели их методами и достигли высокой степени цивилизации. Несмотря на византийский характер христианства и цивилизации, Киевское государство поддерживало оживленные контакты с латинским Западом, ощущая себя активным членом Европейского содружества наций. Расстояние, разделявшее Византию и Киев, защищало Русь от имперского вмешательства во внутренние дела; в то же время, признавая верховную власть византийского императора в Христианском содружестве, Киевская Русь развивала свою собственную политическую систему, представлявшую собой удивительное сочетание демократических городов-государств с монархическими принципами управления.

Эта неустойчивая политическая система оказалась роковой для Киева. Ослабленная внутренней междоусобицей князей — представителей правящей династии — и завоеваниями новых азиатских кочевников, тюрков-куманов, отрезавших ее от выходов к Черному морю, Киевская Русь медленно приходила в упадок. Монголы быстро уничтожили русскую политическую независимость, и на два столетия Русь исчезла с европейской политической сцены.

Новая эпоха для всех славянских народов началась в XIII в. Это столетие считается периодом наивысшего развития средневековой цивилизации. Многие черты, издавна присущие европейской жизни, продолжали развиваться, другие зарождались, возвещая ее новые направления.

Это было особенно очевидно в отношениях между папством и светской властью. Здесь идеологический процесс, который начался еще в IX в. при Николае I, получил особое развитие при Григории VII в XI в. и достиг апогея при Иннокентии III (1198—1216). Постулат превосходства духовной власти над светской был решительно введен при Григории VII. Этот постулат защищали его последователи, реформаторы, враждебно настроенные по отношению к любому вмешательству мирян в дела церкви, и в дальнейшем детально разрабатывали канонисты, пока он не стал основой отношений между папством и правителями средневековой Европы. Эти отношения были описаны канонистами при помощи аллегорических сравнений солнца и луны, души и тела, золота и свинца.

Новая политическая теория представляла полную противоположность более ранним политическим спекуляциям, базирующимся на эллинистических идеях царской власти. В рамках такого политического порядка именно император рассматривался как представитель Бога на земле, отвечающий не только за светские, но и за духовные дела и таким образом наставляющий подданных на путь к Богу. На Западе эти императорские прерогативы были постепенно переданы папе, а с завоеванием Константинополя латинянами в 1204 г. даже восточные императоры, казалось бы, потеряли прежнее достоинство в сравнении с достоинством верховного понтифика. Один из канонистов описал эту ситуацию в таких словах: «Папа превышает императора, потому что он сам истинный император»¹.

Иннокентий III хорошо представлял историческую подоплеку старого и нового соотношения властей. Он возводил эту реформу власти к Карлу Великому, настаивая на том, что, когда папа короновал Карла императорской короной (800), он перевел империю от греков к германцам². Слабость этих аргументов осознавалась уже Иннокентием IV, который объявил в 1245 г., что Христос, истинный царь и священник, передал Петру и своим последователям два ключа — священство и царство³. Идеи, которые реформисты популяризовали в своих трактатах о полноте папской власти, в дальнейшем были детально разработаны канонистами.

Эти новые теории были проверены на практике во время борьбы за инвеституру. Благодаря усердной деятельности реформистов, которые гневно противостояли любому вмешательству светских князей в дела церкви, папство смогло одержать победу в этом долгом и мучительном противостоянии и подорвать германскую систему церковной собственности. Вормсский конкордат (1122) возвратил папам

свободное распоряжение церковными приходами в Италии, и во время слабого правления Лотаря II (1125—1137) и Конрада III (1138—1152) римская курия смогла взять под свой прямой надзор Reichskirche. Вновь установленная практика назначения на богатые церковные должности оказалась источником существенного дохода для курии. В результате папство в Средние века стало не только решающей силой в церковной и политической сферах, но и располагало богатыми финансовыми ресурсами, превышающими средства любого тогдашнего правителя.

Основным следствием этой ситуации было, конечно, поражение имперской идеи, которую в это время отстаивало Германское королевство. Несмотря на это, оно не оставляло своих претензий на мировое господство. Ломбардия, Арелат (Бургундское королевство) и Чехия — негерманские земли — все еще были частью империи. Сами императоры были большей частью повинны в этом поражении. Они пренебрегали усилением идеологического базиса империи перед лицом растущего престижа священства, усиленного развитием канонического права, причем для поддержки авторитета священства и понтифика чрезвычайно удачно были использованы некоторые принципы римской юриспруденции.

Великий правитель из династии Гогенштауфенов (Штауфенов) Фридрих I Барбаросса (1152—1190) предпринял дерзкую попытку восстановить достоинство имперской идеи. С помощью своих юристов, возглавляемых канцлером Рейнольдом Дассельским, Фридрих I возродил традиции королевской теократии, введенной Карлом Великим, отстаивая божественное происхождение светской власти и ее превосходство над церковной. Опираясь на феодальные отношения, он возвратил влияние на Reichskirche и усилил свои королевские права в борьбе против сепаратизма германских герцогов и князей.

Этой старой германской концепции королевской власти оказалось, однако, недостаточно для восстановления имперского авторитета в Ломбардии. Фридрих недооценил возрастающую силу ломбардских городов и их предприимчивых бюргеров, и ему не приходило на ум, что они предчувствовали коренные перемены в общественной жизни. Он хотел принудить ломбардские города вернуться к древнему феодальному статусу и свести их права к простому вассалитету. В результате города присоединились к папской партии, а далее последовала длительная, жестокая и кровавая борьба между настроенными проимперски гибеллинами и антиимперскими гвельфами.

В этой борьбе Фридрих I упустил возможность идеологической поддержки со стороны специалистов в области римского права, изучение которого процветало в Болонье. Когда он одержал свою первую победу над Миланом, студенты, изучающие римское право, ожидали, что он провозгласит его основой правосудия в Италии, реорганизует в соответствии с ним административную систему и сделает его вдохновляющей идеей императорской власти. Фридрих просмотрел эти возможности и вместо этого приказал законникам изучать и трактовать старые феодальные обычаи. Восстание следовало за восстанием вплоть до поражения Фридриха от Ломбардской лиги при Леньяно в 1176 году и Констанцкого мира в 1183, который дал городам Ломбардии статус великих корпоративных вассалов и феодальную инвеституру — их консулам: это был безвозвратный разрыв со старыми традициями и еще один шаг в направлении нового порядка в Европе.

Капитуляция императора перед папой Александром III (1177) оставила спор между империей и священством нерешенным. Папство сохранило свою независимость, и третий Латеранский собор (1179) продемонстрировал еще раз, что главенствующая роль папы на Западе была бесспорной реальностью.

Величайшим дипломатическим успехом Фридриха I были переговоры о браке между его сыном Генрихом и Констанцией, дочерью Рожера II (родившейся после его смерти) и наследницей норманнского Сицилийского Королевства. Генрих VI, утвердив свою власть в Сицилии, не стал укреплять режим своего отца в Германии, а решил сделать Италию центром и опорой державы и разделил ее на провинции, управляемые подчиненными ему чиновниками. Он даже планировал распространить эту систему на папские государства. Под его энергичным правлением полная победа империи над священством казалась неизбежной. Не удовлетворившись Сицилией и Западной империей, Генрих VI вынашивал решение восстановить Средиземноморскую империю Древнего Рима, охватывавшую Сирию, Палестину и даже Константинополь. Внезапная смерть Генриха VI (1197), однако, перевернула новую страницу в истории соперничества между империей и священством. Это было, действительно, событие чрезвычайной важности, так как оно переменило всю ситуацию (что редко случается в истории). Папство, достигшее, казалось, крайнего упадка, возродилось и обрело небывалую высоту при Иннокентии III.

Новый папа, прирожденный правитель, отрицал королевскую теократию и способствовал утверждению теоретического превосходства священства, называя себя Божьим, или Христовым, Викарием: папа оказывался ниже, чем Бог, но выше, чем человек⁴. Иннокентий III получил возможность применить эти принципы на практике, оставив за собой право на официальное признание императорского титула во время борьбы двух соперников — Вельфа Оттона Брауншвейгского и Гогенштауфена Филиппа. Когда Оттон IV пошел по стопам Генриха IV, папа организовал избрание сына Генриха — Фридриха II, чьим опекуном он был в его детстве. При поддержке Франции он определил участь Оттона IV в битве при Бовине: четвертый Латеранский собор (1215), который утвердил низложение Оттона IV и избрание Фридриха II, ясно показал всей современной Европе, что папа имеет право низлагать императоров.

Несмотря на свои интеллектуальные достоинства и качества государственного деятеля, Фридрих II (1211—1250) не преуспел в сохранении империи. Он был прежде всего королем Сицилии. Фридрих II не добился таких успехов в утверждении своей власти в Германии, как Генрих VI, а его попытка сделать Италию основой своей империи и установить там абсолютный монархический режим была расстроена папством в союзе с гвельфами⁵. Папы демонстрировали свою силу, постоянно отлучая от церкви Фридриха II и его сына Конрада IV (1250—1254). Великое междуцарствие (1254—1273), характеризовавшееся двойным избранием в 1257 г. двух иностранцев, Ричарда Корнуэльского и Альфонса X Кастильского, было печальным эпилогом победы священства над империей и сделало высокий императорский титул практически бессмысленным. Наконец, папское превосходство также стало явным в Италии, когда в 1266 г. Урбан IV предложил корону Сицилии, к которой относился как к папскому лену, Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX Французского. Вместе с ним в средневековой истории Европы появился новый фактор. Амбиции Анжуйской династии вскоре привели ее на другую, нежели Сицилия, сцену — в Италию, на Балканы, в Венгрию и в Польшу, где их интересы часто вступали в конфликт с интересами славянских народов.

С упадком империи только папство, казалось, могло реализовать идею политического универсума, которая была так близко связана с Римской империей. Однако, несмотря на интенсивную пропаганду идеи о том, что есть только один источник царской власти в мире и

этот источник есть священство, папство не преуспело в превращении теократии в реальность. Хотя некоторые папы подошли близко к осуществлению этой цели, плоды их трудов часто прерывались междоусобицами, такими как то, что, начавшись в 1268 г., длилось больше трех лет. Практика избрания пап также являлась помехой для теократии. Естественно, что коллегия кардиналов более подходила для олигархического правления, чем для папской автократии.

Основная причина этого провала, однако, заключалась в росте суверенных государств, особенно на землях, которые не были частью новой Римской империи, восстановленной германскими королями, а именно, в Англии, Франции, Арагоне⁶, Кастилии и Португалии. Правители этих королевств укрепляли власть династическими связями, объединяя свои владения, и стабилизировали управление, упрочивая феодальную систему и совершенствуя те примитивные административные средства, которые были унаследованы от раннего Средневековья.

Постепенная дифференциация населения на четыре сословия — высший клир, аристократия, бюргеры и простолюдины — улучшила систему администрации. Норманны оказались пионерами в создании новой формы государства с централизованной администрацией и зависимой бюрократией. Во всяком случае, такие реформы управления были проведены в норманнской Сицилии и Англо-Нормандском государстве. Подобные черты обнаруживаются и в той системе, которую Генрих VI и Фридрих II Гогенштауфены хотели ввести в Италию.

Скрытая оппозиция папской теократии также может быть отмечена в этих государствах. Она проявилась, в частности, в Сицилийском королевстве при Генрихе VI и Фридрихе II, а затем и при Манфреде и Анжуйской династии, она была сильна и в Англии, что явно обнаруживает борьба там за инвеституру. С другой стороны, римская курия нуждалась в помощи французских королей в борьбе с Гогенштауфенами, и это заставило ее ослабить свои притязания во Франции. Более того, национальное чувство, основывавшееся на общности языка и медленно пробуждавшееся в XIII веке, способствовало обретению этими государствами возрастающего сознания национального суверенитета.

В этом отношении самые показательные изменения произошли во Франции. Филипп II Август (1180—1223) продолжил дело, начатое при ранних Капетингах, — он стремился к дальнейшей консолидации монархии и созданию единой основы для государственной ор-

ганизации. Средневековая Франция переживала золотой век при Людовике IX Святом (1226—1270), считавшемся идеальным королем Средневековья. После того как его брат, Карл Анжуйский, принял в 1266 г. предложенную папой корону Сицилии, Франция стала все больше и больше интересоваться итальянскими делами. Как король Сицилии и Неаполя (1268—1285) Карл возымел грандиозные планы возрождения на Востоке Латинской империи, которая заменила бы империю Византийскую. Второй крестовый поход его брата св. Людовика против Туниса (1270) был, возможно, инспирирован Карлом, который вынашивал планы господства над всем Средиземноморьем. Этот проект кончился катастрофой со смертью святого короля в Тунисе. Восстание сицилийцев против французов, начавшееся резней во время Сицилийской вечерни (1282), положило конец всем этим амбициозным предприятиям. Сицилия стала независимым королевством под управлением испанского дома Арагонов.

Ведущее положение на Западе Франция стремилась занять при Филиппе IV. Бросая вызов запрету Бонифация VIII взимать налог с клира (это было подготовлено работами законников Филиппа, особенно легиста Пьера Дюбуа), Филипп нашел поддержку населения Франции. Более того, в своей оппозиции папе Филипп нашел союзника в лице Эдуарда I Английского, и папа был принужден уступить. Когда же, однако, Бонифаций VIII обнародовал свою знаменитую буллу *Unam Sanctam* (1302), где решительно заявил претензии на господство над всеми национальными государствами и правительствами, Филипп выступил с протестом и приказал своему члену совета, Гийому Ногаре, привезти папу во Францию, с тем чтобы он был осужден собором, собранным королем. Смерть спасла Бонифация от дальнейшего унижения. Но правление Климента V (1305—1314), француза по происхождению, начало новую эпоху в истории папства, известную как Авиньонское пленение (1309—1376). В этот период папы проживали во Франции, в Авиньоне, и находились под сильным давлением французских королей.

Такова была новая концепция государственного суверенитета и централизованного управления, которая дала Франции смелость отстаивать свои национальные интересы, бросая вызов притязаниям папской теократии. Конечно, несмотря на столь яркое появление в политической истории, новая идея суверенного и централизованного государства так и не достигла полного развития (с точки зрения современных теорий). Централизованная власть, начало которой было столь успешным, после утверждения в Неаполе и Сицилии,

Англии и Франции была ослаблена продолжительными войнами. Это привело к упадку Сицилийского королевства, в то время как Столетняя война между Францией и Англией позволила высшей аристократии обоих королевств добиться значительных прав на участие в управлении государством. Это развитие событий было предзнаменовано Великой хартией вольностей 1215 г. в Англии. Такая концепция власти появилась в средневековой Европе.

Из-за губительного соперничества между императорами и папами Германское королевство понесло больше потерь в суверенитете, чем какие-либо другие государства. При династии Оттонов королевская власть укрепилась прежде всего в обширных королевских владениях, которые позволили королю держать большое число рыцарей. Королевский домен значительно уменьшился во время борьбы за инвеституру, его земли стали собственностью могущественных нобилей, чья помощь была необходима королям. Фридрих I начал восстанавливать домен на деньги, которые он получил в Италии, но все то, что он выиграл, было потеряно в последующей борьбе. Владения Гогенштауфенов в Швабии были значительными, но недостаточными для покрытия всех их нужд. После пресечения династии они были разделены между соседними знатными фамилиями, и будущие короли теряли даже эту базу, на которой можно было строить державу. Пропорционально тому, как ослабевала королевская власть, возрастала сила герцогов и графов. Расширение старых племенных герцогств сдерживалось их дроблением на части. Бавария, например, была разделена на четыре герцогства: собственно Бавария, Австрия, Штирия и Карантия. Собственно Бавария перешла в руки Виттельсбахов. Австрия отошла к Бабенбергам. Великое герцогство Саксония было разорвано на части Фридрихом Барбароссой после того, как он победил саксонского герцога Генриха Льва. Только Брауншвейг и Люнебург остались за Генрихом и его потомками Вельфами. Основная западная часть была присоединена к архиепископству Кёльнскому, а остаток, который продолжал называться герцогством Саксонским, был отдан во владение сыну Альбрехта Медведя — он стал основателем новой Саксонской династии. Около середины XIII в. даже это герцогство было разделено между двумя ветвями — Виттенбергами и Лауенбургами.

Фамилия Виттельсбахов, которая приобрела Рейнский палатинат (Пфальц), около 1225 г. также разделилась на две ветви. Это деление совпало с важным событием в германской политической жизни. До

середины XIII в. земли обычно сохранялись неразделенными между потомками князей. Причина этого кроется в том, что, хотя лен был наследственным в княжеских фамилиях, должности маркграфа, графа и герцога оставались, по крайней мере теоретически, в королевском распоряжении. Ослабление королевской власти во время междоусобиц привело к забвению этого принципа. В результате не только лены, но и другие земли и должности оказались наследственными, и княжеские фамилии стали располагать ими по своему усмотрению без королевского согласия. Вследствие этого Германия была раздроблена на множество наследственных княжеств. Принцип наследования был укреплен частными соглашениями между княжескими домами в соответствии с их собственными интересами.

Другим племенным герцогствам была уготована та же судьба. Швабия и Франкония потеряли собственных герцогов. Лотарингия была разделена на герцогство Брабант и другие меньшие земли. Новые города, которым королями и аристократами были даны многочисленные привилегии, также стали самоуправляющимися и почти независимыми. Они не в состоянии были рассчитывать на покровительство королевской власти и принуждены были объединяться в союзы для защиты против князей. Наиболее важными были Рейнская Конфедерация и Ганзейский Союз, возглавляемый Любеком в Северной Германии.

Землями, сыгравшими особую роль в средневековой истории славян, были маркграфство Бранденбург, находившееся в руках Асканиев, Лужица, разделенная на Нижнюю и Верхнюю, и Мейсен. Эти земли все еще сохраняли значительную часть своего автохтонного славянского населения, численность которого, однако, имела устойчивую тенденцию к сокращению в процессе германской колонизации и ассимиляции. Маркграфства Мейсен и Тюрингия, вместе с Саксонским палатином, находились в руках фамилии Веттинов с 1261 г. Эти земли часто бывали предметом зависти для королей Чехии и Польши. Более того, Польша жаждала получить во владение западную Померанию (Поморье) на Балтике, которая до сих пор управлялась славянской династией и, хотя номинально являлась частью империи, фактически была независимой. Славянское население в графствах Гольштейн и Мекленбург также стремительно поглощалось наплывом немецких колонистов.

Несмотря на то что процесс феодального раздробления развивался, значение крупных фамильных владений увеличивалось. Меньший размер владений позволял более эффективно управлять ими,

что привело к появлению в Германии в течение второй половины XII века целого ряда земель, правители которых претендовали на такие же административные и судебные права, какие принадлежали королю. Эта ситуация была закреплена Фридрихом II, который пожаловал правителям полный суверенитет в их землях. Династическая идея, конечно, не могла развиваться в таких условиях, как это было и в других западных королевствах. Знать настаивала на своем праве утверждать наследника королевского трона. Германия стала королевством, где правителя выбирали, право выбора было закреплено за семью наиболее значительными князьями — курфюрстами⁷.

В начале XIII века к империи были присоединены новые территории на Балтике. Там соседями славян Поморья, поляков и русских были балтийские пруссы, литовцы и летты, говорившие на языке, не имевшем родства ни со славянскими, ни с германскими языками. Удаленные от западного и латинского центров цивилизации, они в XIII в. оставались язычниками. Немецкое влияние начало пускать здесь корни в 1198 г., когда несколько купцов из Бремена основали город Ригу в устье реки Двина как склад для своих товаров. Первым миссионером среди леттов был монах-августинец Мейнхарт, который также стал их первым епископом. Поскольку христианизация леттов дала некоторые результаты, епископ Ливонии Альберт (1199—1229) возымел идею создания военного ордена для утверждения христианства: им стал орден рыцарей-меченосцев (Братья Воинства Христа). С помощью крестоносной армии немецких рыцарей он преуспел в завоевании всей Латвии. Король Филипп II Швабский пожаловал эту страну в лен Альберту и ордену. Немецкое политическое и культурное влияние проникло еще дальше на север, когда между 1207 и 1217 гг. Альберт и его орден с помощью датского короля Вальдемара II завоевали Эстонию. Эта страна была населена народом, этнически родственным финнам. Город Дерпт (Юрьев, Тарту), основанный русскими славянами, был захвачен и стал резиденцией немецких епископов в Эстонии — новым центром немецкого политического и культурного влияния.

Поляки были в большей мере заинтересованы в христианизации своих соседей, пруссов и литовцев. Некоторый успех был достигнут в Пруссии монахами-цистерцианцами из Лехно (Великая Польша) и из Оливы (около Гданьска). Христиан, один из этих миссионеров, в 1215 г. стал первым епископом Пруссии. Миссия, однако, не достигла больших успехов из-за соперничества между папством и польски-

ми князьями, которые покровительствовали миссионерам. Князья планировали распространить свое господство на все завоеванные земли, но папы желали получить прямую власть на землях прусских миссий и держать вновь обращенных под своим непосредственным управлением. Языческая реакция разрушила большую часть того, что было достигнуто. Даже аббатство Олива и польский район Хелмно (Кульм) страдали от повторяющихся набегов язычников.

В результате польский герцог Конрад Мазовецкий возымел то же намерение, что и Альберт Ливонский, и, при поддержке епископа Христиана, учредил в 1228 г. новый военный орден — Братство добжинских рыцарей. В то же время он вел переговоры с Тевтонским орденом, который был основан во время осады Акры в Палестине крестоносцами (1191), а с 1197 г. обосновался и в Европе.

Именно Конраду принадлежала инициатива доверить тевтонским рыцарям защиту Хелмно, чтобы удержать эту землю под своим суверенитетом. Великий магистр ордена Герман фон Зальца намеревался, однако, получить эти земли под власть ордена и присоединить их вместе с территориями, которые он надеялся завоевать, к империи. Поэтому при начале переговоров с польским князем великий магистр просил императора Фридриха II подтвердить пожалование земель, данных Конрадом, и даровать ему привилегии германского князя на прусских землях, которые он завоюет.

Первый отряд рыцарей прибыл в Пруссию в 1230 г. С помощью фальшивых документов, показывавших, что Конрад даровал им полный суверенитет над Хелмно, рыцари получили подтверждение этих прав от папы. Орден усилился после слияния с Братством добжинских рыцарей. Более того, когда в 1237 г. военные силы рыцарей-меченосцев были уничтожены литовскими язычниками, Тевтонский орден поглотил остатки меченосцев и принял на себя задачу замирения Эстонии и Ливонии. С этого времени могущество Ордена постоянно росло. Пополненный крестоносцами из Германии, Орден основал в завоеванных Прусских землях новое германское государство на Балтике⁸.

Таков был один из результатов крестоносной идеи, которая много утратила за XIII столетие, когда ее нехристианская подоплека становилась все более очевидной. Именно эта идея на Ближнем Востоке спровоцировала реакцию среди «неверных» — арабов и турок, так же как приложение этой идеи на Севере спровоцировало не менее однозначную реакцию литовских язычников. Обеспокоенные постоянными вторжениями рыцарей и армий крестоносцев из Германии,

Чехии и Польши, литовцы, усиленные беженцами из Пруссии, показали себя свирепыми воинами. Испытывая непрерывное давление с северо-запада, литовцы поняли преимущества сплоченной политической организации. Их первый великий правитель — великий князь Миндовг около 1240 г.* преуспел в объединении разных племен в единое государственное образование. С принятием христианства — он получил при этом королевский титул от папы Иннокентия IV — Миндовг обрел передышку для своего народа и продолжил распространение своей власти на соседние русские княжества, находившиеся под игом монголов. Возврат Миндовга к язычеству должен был показать набожным крестоносцам, сколь неэффективны были их миссионерские методы. Оставаясь язычниками, литовцы стали главной силой на Севере Восточной Европы и оказывали сильное влияние на историю Польши и Руси на протяжении XIII и XIV вв.

Распространение немецкого влияния в странах Балтики было тесно связано с экономическим развитием Германии и остальной империи. В этом смысле, несмотря на нестабильную и почти хаотическую политическую ситуацию, Германия и Италия достигли устойчивого и подчас неожиданного прогресса в экономике. Колонизация славянских земель на Балтике открывала большие возможности для германской торговли. Новые города становились торговыми центрами, и их число постоянно росло. Висбю на острове Готланд был основан около 1160 г., Росток — около 1218 г., Штральзунд и Гданьск (Данциг) — около 1230 г., Висмар — около 1269 г., Грейфсвальд в Поморье — в 1240 г. Старый город Люнебург вырос в большой торговый центр в конце XII в. Старейший из этих городов — Любек (1158) взял на себя инициативу объединения купцов из всех балтийских городов в могущественную торговую организацию — Ганзейский союз, который установил процветающие торговые связи с Новгородом, балтийскими землями, Англией и со всей остальной Европой⁹. Союз имел свои главные конторы в Лондоне (с середины XII века) и в Брюгге. Последний был наиболее важным международным торговым центром в Европе того времени. Купцы из всех крупных торговых центров устраивали свои конторы в этом фламандском городе. Там Фландрия и Брабант получали английскую шерсть, которая была необходима их бюргерам для производства тканей, экспортировавшихся Ганзой из Брюгге на север, а другими купцами во Фран-

* Приблизительно, в конце 1230-х гг. — *Прим. перев.*

цию, Германию, Испанию и Италию. Брюгге также был портом, куда венецианцы привозили специи и предметы роскоши с Востока для дальнейшего их распространения в северной Европе.

Итальянские товары достигали Брюгге и северной Франции не по морю, а сухопутным путем. Города на Рейне, конечно, извлекали прибыль из этой торговли, как и из торговли своими собственными продуктами и рейнскими и мозельскими винами. Морские связи с Брюгге и северной Европой были открыты Генуей и Венецией только в первой половине XIV века.

В самой Италии политическая нестабильность и кровавая вражда между городами и между гибеллинами и гвельфами не остановили экономического роста. Правда, эти обстоятельства спровоцировали возникновение еретических движений, таких как флагелланство, которое распространилось также на южную Германию и достигло Чехии; но в целом, несмотря на политически небезопасную ситуацию, экономическая жизнь процветала. Промышленность достигла замечательного роста в городах Ломбардии, где уже наблюдались некоторые элементы капиталистического развития.

Города становились городами-государствами, распространявшими свое влияние на сельскую округу, и продолжали копить богатства, а торговый обмен процветал благодаря открытию новых рынков на Ближнем Востоке. Патриции из Венеции и Генуи, с их огромными флотилиями, были хозяевами морских путей Средиземноморья. Они заправляли в важных колониях, основанных на территории Византийской империи, и их отважные моряки достигали берегов и Черного моря, и Азорских островов. Вместе с крестоносцами они проникли в Сирию и Палестину. Завоевание мусульманами большинства христианских государств, основанных крестоносцами, не остановило развития торговли. Из Египта и Сирии венецианцы и генуэзцы распространили свои торговые связи внутри исламского мира, сохраняя прибыльную монополию в торговых отношениях между Ближним Востоком и Западной Европой.

Виды товаров, которые они экспортировали с Востока — специи и предметы роскоши, — обеспечивали им значительно большую выгоду, чем товары, которые распространял Ганзейский союз. Они переняли методы торговли у византийцев и арабов и продолжали их развивать. Их разведчики проникали даже в глубь Азии. Миссионеры-францисканцы открыли возможности сношений с Монгольской державой, раскинувшейся от Волги до берегов Тихого океана. Братья-венецианцы Никколо и Маттео Поло даже достигли Китая и привезли

просьбу хана Хубилая папе прислать группу ученых людей, чтобы наставлять его народ в христианской религии и свободных искусствах. Из-за длительного междоусобия 1269 года Рим оказался не в состоянии ответить на обращение хана. Описание молодым Марко Поло своей поездки в Китай и Индию в его *Il Milione (Книге)* дало средневековым ученым первые знания об экзотических культурах Дальнего Востока.

Экономический рост сопровождался значительным прогрессом в культурной жизни. Достижения XIII в. стали возможными благодаря основам, заложенным Ренессансом XII века¹⁰. Наилучшие политические условия для культурного развития существовали благодаря консолидации королевской власти во Франции. Французские Капетинги могли не только защищать свои права перед лицом самонадеянных вассалов, скоро они осознали значение растущих городов в национальной жизни и научились их контролировать. Франция также доминировала в контактах с культурой Востока во время Первого крестового похода. Через своих баронов, утвердившихся в завоеванных землях, она познакомилась с культурой Византии и Ближнего Востока. Неудивительно, что большинство культурных начинаний в XIII веке пришло из этой страны. Готический стиль в архитектуре, столь характерный для XIII и XIV веков, происходит из Франции. Высокие шпили соборов наиболее полно выражали идеи этого периода, особенно мистическую устремленность к божественному и надежду обрести более ясное восприятие христианского учения. Из Франции новый стиль проник в Англию и Германию. Будучи одной из самых совершенных форм архитектуры всех времен, он относится к высшим культурным достижениям Средневековья; этот стиль наилучшим образом символизировал католический универсализм и распространился из Германии в славянские страны, а через Балтику и Польшу достиг рубежей Руси, развивавшей собственную и византийскую культурные традиции. Лишь sporadически готический стиль проникал в Италию. Итальянцы предпочитали развивать художественные формы, унаследованные от Рима. В то же время в Сицилии норманны и Гогенштауфены предпочитали художественный стиль со смешанными раннехристианскими, романскими, византийскими и исламскими чертами.

Франция также дала Европе один из ее первых университетов — в Париже, — основанный около 1200 г.* Высшее образование не было, однако, французской монополией. Университеты были в это же вре-

* В 1215 г. — *Прим. перев.*

мя основаны в Болонье и Оксфорде. К ним вскоре добавились университеты в Неаполе (1224), Тулузе (1229), Саламанке (1243) и Риме (1294—1295). Эти учреждения высшего образования стали центрами схоластической философии, которая, базируясь на философской системе Аристотеля, развивала и объясняла глубины христианского вероучения. Первенствовал здесь св. Фома Аквинский, но имена Александра из Гэльса, св. Альберта Великого, св. Бонавентуры и других были столь же известны.

Более гуманистическое и популярное толкование христианского вероучения было предпринято основателями двух новых орденов — св. Франциском и св. Домиником. Францисканские и доминиканские обители были построены не только в деревнях, как бенедиктинские и цистерцианские аббатства, но и в городах, где их монахи совершали богослужения для нового класса — бюргеров, и это тоже было новым явлением в развитии религиозной жизни.

Учеба и писание книг, однако, уже не ориентировались, как в предыдущие столетия, исключительно на религиозную тематику и духовенство. Впервые в течение XII и XIII столетий культурная монополия латинского языка была подвергнута сомнению. В этом отношении Франция также взяла на себя ведущую роль. Движение началось во французских аристократических кругах и вскоре стало важным фактором, влияющим на культурный процесс в Средние века. Характеризующий его рыцарский дух поначалу отражал нормы социального поведения высших классов¹¹. Этот рыцарский дух послужил основным толчком для создания нового жанра французской поэзии, который очень скоро стал вдохновляющим и преобладающим в литературной деятельности других народов. Поэты искали вдохновения прежде всего в собственных национальных традициях. Их фантазия превратила короля Артура и его рыцарей в легендарные личности, идеальное воплощение рыцарства. Поэтов также привлекали классические герои и эпос, вновь открытые в XII веке, особенно Александр Македонский, Эней и сказания о Трое и Фивах. Восточные легенды также пленяли их воображение.

Французская поэзия проникла в Германию при Фридрихе I. Немецким аналогом французу Кретьену де Труа был Вольфрам фон Эшенбах с его «Парсифалем». Новое литературное направление дало Германии и величайший эпос Средних веков — «Песнь о Нибелунгах», создание которого датируется концом XII в.

Наряду с эпической получила большую популярность лирическая поэзия. Изначально она развивалась трубадурами Прованса, кото-

рые слагали не только любовные песни, но и меткие вирши, откликаясь на политическую ситуацию. Из Прованса любовная лирика (*Minnesang*) распространилась в северную Францию, в Англию, Германию, Италию, Каталонию и Португалию.

Но не только лирическая и эпическая поэзия заняли свое место в национальных литературах. Франция дала образцы и исторической прозы на родном языке — в лице Жоффруа де Виллардуэна, создавшего хронику о Четвертом Крестовом походе (1204) — «Завоевание Константинополя». Это одно из старейших французских произведений в прозе. За ним последовал Жан де Жуанвиль, чья история св. Людовика IX дала Франции первые мемуары. Джованни Виллани был первым итальянским историком, писавшим на родном языке. Эйке фон Репков составил на саксонском диалекте между 1215 и 1235 гг. старейшую книгу законов — «Саксонское зеркало»*.

Развитие литературы свидетельствовало об удивительном расцвете светского духа. Это впечатление усиливается, если принять во внимание существование и другого литературного жанра, очень популярного среди странствующих клириков и студентов, которые любили выражать свои чувства в жизнерадостных застольных песнях и непристойных любовных песенках. Этот вид литературы, конечно, превосходили многочисленные и замечательные религиозные гимны, созданные в тот же период. Тем не менее, интересно отметить популярность светской литературы не только в аристократических кругах, но и среди бюргеров, причем она достаточно серьезно соперничала с литературой религиозной и разрушала монополию духовенства и латинского языка в письменной культуре: рост светских настроений способствовал тому, что папская теократия не реализовалась в полной мере.

Прогресс в области культуры в этот период был столь значительным, что Запад начал конкурировать с византийской культурой и затмевать исламскую цивилизацию. Данте и Петрарка были предтечами великого западного Ренессанса. Однако во многих отношениях Византия все еще лидировала. Она, конечно, потеряла значение в европейской истории, когда попала под власть латинян, и империя сохранила лишь свои владения в Малой Азии. Но даже несмотря на это, императоры Никеи и правители Эпира играли важную роль на Балканах и сильно влияли на историю балканских славянских госу-

* Между 1221 и 1225 гг.; первоначально на латыни (потом переведено на нижненемецкий).—Прим. *перев.*

дарств. Византия возвысилась еще раз, когда в 1261 г. Михаил VIII Палеолог отвоевал Константинополь и большую часть империи у латинян. Византийская культура затем пережила новый период расцвета: мозаики и фрески времен династии Палеологов восхищают специалистов своей свежестью и живыми композициями. Волна византийского культурного возрождения захлестнула Болгарию и Сербию, оставив там многочисленные памятники, и поныне являющиеся гордостью этих стран. Эта волна достигла и Италии, где оплодотворила восприимчивый дух итальянского искусства. Византийский ренессанс достиг даже России, все еще подвластной монголам, но уже ищущей объединения и освобождения.

Все это дает общие представления о той ситуации, в которой славяне должны были строить свою политическую, культурную и экономическую жизнь в XIII—XIV веках. Их земли были частью Европы, и все, что случалось среди других народов на Западе и Юге, оказывало влияние на их историю и развитие их цивилизации. Естественно, это влияние среди славянских народов было заметно не в равной степени и по-разному сказалось на разных сторонах их жизни. Два славянских народа были, однако, более всех подвержены западному воздействию и тому, что происходило в империи и Германии,— это чехи и поляки.

Примечания

¹ Анонимный автор *Summa Coloniensis* (опубликовано: J. F. v. Schulte, *Zur Geschichte der Literatur über das Dekret Gratians* // *Sitzungsberichte, Acad. Wien, Phil. hist. Kl.* 69 (1870), S. 111. Ср., однако, М. Stickler, *Imperator vicarius Papae* (там библ.). Подобные декларации не всегда следует воспринимать в прямом церковно-иерархическом смысле.

² Ср. F. Kempf, *Papstum und Kaizertum bei Innocent III*, Roma, 1954, S. 65—84.

³ В своем письме к Фридриху II: опубликовано E. Winkelmann, *Acta imperii inedita*, Innsbruck, 1885, V. II, S. 698, № 1035.

⁴ Специально в его *Sermo secundus consecr. pontificis*, P. L., v. 217, col. 658 A.

⁵ E. Kantorowicz, *Kaiser Friedrich der Zweite*, Berlin, 1928, S. 340 f.

⁶ Об усилении королевской власти в Арагоне см.: P. E. Schramm, *Der König von Aragon: Seine Stellung im Staatsrecht (1276—1410)* // *Histor. Jahrbuch*, 74 (1955), S. 99—123.

⁷ Подробнее об изменениях в правовом положении Германии и об экономической эволюции см.: G. Barraclough, *Medieval Germany, 911—1250*, Ох-

ford, 1938. В первом томе автор прослеживает историю Германии начиная с выборов первого короля до времени Гогенштауфенов. Второй том содержит переводы статей наиболее известных немецких ученых по различным проблемам германской истории. Статьи подобраны хорошо и дают ясное представление о проблемах, затрагиваемых в этой книге.

⁸ Краткая история Ордена, в том числе его отношения с Польшей, описаны в кн.: Z. Wojciechowski, *Territorial Development of Prussia in Relation to the Polish Homeland*, Toruń, 1936; St. Zajączkowski, *Rise and Fall of the Teutonic Order in Prussia*, Toruń, 1935. Последняя публикация — резюме работы автора, изданной по-польски, *Polska a Zakon Krzyżacki*, Lwów, 1929. См. также работу по истории Ордена: Rudolf ten Haaf, *Deutschordenstaat und Deutschordensballeien: Untersuchungen über Leistung und Sonderung der Deutschordensprovinzen in Deutschland vom 13. bis 16. Jht.*, Göttingen, 1951, второе изд. 1954. Тот же автор дает полезную библиографическую справку в буклете: *Kurze Bibliographie zur Geschichte des Deutschen Ordens 1198 bis 1561*, Kitzingen, 1949. См. также обзор работ и источников по истории Ордена: M. Hellmann, *Neue Arbeiten zur Geschichte des Deutschen Ordens* // *Historisches Jahrbuch*, 75 (1956), S. 201—213. См. также главу IX.

⁹ Полезная библиографическая справка по истории Ганзы — W. Vogel, *La Hanse d'après les publications récentes* // *Revue historique*, v. 179 (1937), p. 1—33. См. также K. Pagel, *Die Hanse*, Oddenburg, 1943.

¹⁰ Ср. C. H. Haskins, *The Renaissance of the Twelfth Century*, Cambridge (Mass.), 1939. См. также *Twelfth Century Europe and the Foundation of Modern Society*, ed. by M. Clagett, G. Post, R. Reynolds, Madison (Wis.), 1961.

¹¹ Ср. S. Painter, *French Chivalry: Chivalric Ideas and Practices in Mediaeval France*, Baltimore, 1948.

Глава II

Последние Пржемысловичи, Чехия и Польша

Пржемысл I Чешский получает королевский титул — Блаженная Анежка Чешская, сын императора и английский король — Король Вацлав I и Австрия — Пржемысл II, Польша и Литва — Союз Австрии и Чехии — Пржемысл II и Рудольф I Габсбург — «Манифест к полякам» — Вацлав II, король чешский и польский — Чешско-польско-венгерская империя? — После пресечения чешской национальной династии

Земли чехов — Чехия и Моравия — были частью Римской империи, воссозданной германским императором Оттоном I (962), и уже в силу этого политическое развитие Германии оказывало глубокое воздействие на их национальную жизнь. Усиление империи при Фридрихе I Барбароссе и распри между членами чешской правящей династии, Пржемысловичами, заставили чехов ощутить ее власть на своих землях. К счастью для них, Фридрих Барбаросса и его преемник Генрих VI, занятые в Ломбардии и Сицилии, не смогли в полной мере воспользоваться этой возможностью.

В князе Пржемысле I Отакаре (1197*—1230) чехам посчастливилось обрести талантливого правителя, сумевшего воспользоваться борьбой за германский трон после смерти Генриха VI во благо страны и своей династии¹. Ослабление королевской власти в Германии усилило позиции чешского князя среди немецких владетелей. Он управлял обширным государством, превосходившим любое из территориальных княжеств, формировавшихся в то время в Германии. В полной мере сознавая, что его страна является частью империи, он, как и другие крупные князья, стремился извлечь выгоды из сложившейся после смерти Генриха ситуации.

В лице своего брата Владислава III Пржемысл нашел понимающего партнера, который не только отказался в его пользу от чешско-

* Пржемысл I являлся князем также в 1192—1193 гг.—Прим. перев.

го трона, но и как маркграф Моравии по-прежнему лояльно поддерживал все шаги амбициозного правителя. Пржемысл I воспользовался своим правом курфюрста — князя-избирателя — принять участие в выборах нового императора и поручил своему брату архиепископу зальцбургскому Адальберту отдать голос за Филиппа Швабского. Лично прибыв на церемонию коронации в Майнц (1198), он обещал Филиппу помощь против его соперника Оттона IV в обмен на дарование императором и его преемниками королевского титула Пржемысловичам. Он добился также подтверждения границ королевства, за исключением Моравии, и права инвеституры епископов. Это было очень большим успехом, особенно если вспомнить все вмешательство Фридриха Барбароссы и Генриха VI в чешские дела, вмешательства, угрожавшие распадом Чешского княжества на территориальные образования, непосредственно зависящие от германского короля и императора.

Пржемысл I был осведомлен о притязаниях папства в империи, и когда Иннокентий III после некоторых колебаний объединился с противником Филиппа Оттоном IV, обнаружилось, что будет очень нелегко добиться папского подтверждения привилегий, данных Филиппом Швабским, тем более, что римская курия легко могла найти предлог для вмешательства в чешские дела. Пржемысл, имея несколько детей от Адлеты из известного дома маркграфов Мейсенской марки Веттинов, полюбил сестру венгерского короля Имре Констанцию и добился от пражского епископа аннулирования своего брака на основании запрещенного церковью родства. Отвергнутая жена обжаловала решение чешского епископа перед римской курией, и возникла опасность, что этот инцидент перерастет в трагедию, такую же, как с Филиппом II Французским, с которым Иннокентий III обошелся без всякого милосердия.

Однако сознание значения Чехии в империи, и в частности, в ходе борьбы за императорский престол, заставило папу вести себя с чешским королем несколько по-другому. Он предложил Пржемыслу I присоединиться к партии Оттона IV и получить свой титул от лица, обладающего всей полнотой императорского достоинства и, кроме того, коронованного папой*. Несмотря на скрытую угрозу, содержащуюся в этом предложении, Пржемысл колебался и перешел на сторону последнего, лишь когда его позиции укрепились. Папа подтвердил привилегии, данные Пржемыслу Оттоном IV, но не же-

* Филипп Штауфен (Швабский) папой коронован не был.—*Прим. перев.*

лал давать согласие на его просьбу сделать Прагу центром архиепископии. Пржемысла побуждали к тому предшествующий опыт отношений Пржемысловичей с пражскими епископами и постоянное вмешательство императоров в этот вопрос, поскольку пражское епископство подчинялось майнцскому архиепископству. Не желая делать столь большую уступку, папа, тем не менее, разрешил приступить к канонизации (1204) св. Прокопа, настоятеля Сазавского монастыря, последнего оплота славянского богослужения в Чехии.

В конфликте, последовавшем за отступничеством Пржемысла I, Филипп Швабский добился преимущества и даже угрожал выдвинуть другого кандидата на чешский трон. Когда же Пржемысл вновь присоединился к его партии, Филипп покинул своего кандидата, и два монарха скрепили дружественный союз обещанием поженить своих малолетних детей.

Разочарованный папа тщетно пытался вновь склонить чешского короля на сторону своего кандидата на имперский престол. Даже когда Филипп был убит (1208), Пржемысл, несмотря на нажим папы, сохранял династическую традицию лояльности Штауфенам (Гогенштауфенам). Тем временем Оттон IV был отлучен папой от церкви за попытку вторгнуться в Сицилию в 1211 г., а Пржемысл избежал от угрозы, которую поберегала против него курия, поскольку его отвергнутая жена умерла. Он был первым из князей, кто оставил Оттона и примкнул к другому кандидату папы, Фридриху II Штауфену. Поддержка Пржемысла склонила чашу весов в пользу Фридриха, и молодой император* признал эту услугу, подтвердив 26 сентября 1212 г. в «благородном городе Базеле» все привилегии, данные чешскому королю Филиппом Швабским, и освободив его и его преемников от обязанности присутствовать на рейхстагах, кроме тех, которые проходили вблизи Чехии в Бамберге, Нюрнберге и Мерзебурге. Далее, чешским королям предлагалось поставлять триста рыцарей для церемонии коронации императора в Италии или, вместо того, на выбор, выплачивать триста марок серебром. Булла, запечатанная золотой печатью Сицилийского королевства, открыла новый этап в истории Чехии и стала наиболее ценным документом ее королевских архивов.

Чтобы отвлечь последнюю возможную опасность престолонаследию, Пржемысл I представил знати своего сына Вацлава для вы-

* В 1212 г. Фридрих стал германским королем, а императором был коронован в 1220 г.—*Прим. пер.*

бора в качестве своего преемника с последующим подтверждением императором (это подтверждение было должным образом получено). Таким образом, в доме Пржемысловичей, наконец, было более твердо установлено право первородства, что покончило с бесконечной чередой конфликтов, ставших отличительной чертой истории Чехии: они постоянно вызывались старым порядком наследования, оказывавшим предпочтение старшему члену династии. Благодаря дипломатическому искусству Пржемысла I королевство вновь рассматривалось как единое целое, Моравия была объединена с Чехией и титул маркграфа потерял ассоциировавшийся с ним прежде зловещий оттенок. Все это явилось стартовой точкой для беспрецедентного роста.

Престиж Чехии быстро рос как внутри империи, так и во всей Европе. Первым огромным успехом Пржемысла было обручение его восьмилетней дочери Анежки (Агнесы) с четырнадцатилетним германским королем Генрихом (VII), сыном и наследником императора Фридриха II (1219)³.

Помолвка Анежки, однако, явилась началом сложной цепи событий, отразившихся не только на международных связях Чехии, но и на политической и религиозной ситуации всей Европы. Брачное соглашение между чешским королем и императором не отвечало взглядам кельнского архиепископа Энгельберта, де факто правившего Германией от имени юного короля. Как бы ни требовали интересы Фридриха II для получения необходимой поддержки римской курии сохранения дружественных отношений с Францией, Энгельберт, побуждаемый, вне сомнения, традиционной ревностью кельнских архиепископов к своей соседке, Франции, способствовал сближению между Германией и соперницей Франции Англией. Он склонил к этому плану герцога Австрии Леопольда VI Бабенберга и предложил брак английского короля Генриха III и дочери герцога Маргариты. Одновременно он замыслил брачный союз между юным германским королем и младшей сестрой Генриха III Изабеллой. Энгельберт воображал, что он перехитрил Пржемысла I, побудив юного короля Генриха порвать помолвку с чешской княжной, однако и чешского короля, и архиепископа превзошел герцог Австрии, который, опасаясь осложнений с императором в случае союза Бабенбергов и Плантагенетов, добился (1225) руки сына Фридриха II для своей дочери Маргариты.

Между Чехией и Австрией вспыхнула война (1226). Тем временем Пржемысл не отверг намерений, проявленных в Праге Генрихом III

Английским в отношении руки его дочери, и не возражал против переговоров с Плантагенетами, но он слишком стремился избежать конфликта с императором, чтобы довести дело с английским королем до конца³. Война с Австрией тем временем принесла чехам очень мало удовлетворения. Все, чего сумел добиться Пржемысл I Отакар, это воспрепятствовать австрийскому герцогу стать членом регентского совета после убийства Энгельберта и обеспечить своему союзнику Людовику Баварскому положение одного из советников Генриха.

Переговоры между Лондоном и Прагой продолжились и после этого инцидента, но без ощутимых результатов. В то время как преемником Энгельберта в Кельне и герцогом баварским замышлялся союз между Англией и империей, Фридрих II навлек на себя отлучение от церкви из-за неоднократного откладывания обещанного крестового похода. Папа Григорий IX, подыскивая замену на германский трон, нашел (явно вдохновляемый Англией) кандидата в лице Оттона Брауншвейгского, племянника покойного императора Оттона IV. На земле Германии угрожала вновь вспыхнуть старая распря между гвельфами и гибеллинами. Людовик Баварский, присоединившийся к этой политической комбинации, пытался привлечь Пржемысла I на свою сторону, но чешский король предпочел сохранить верность Фридриху II⁴. Так планы курии вновь оказались расстроены лояльностью Чехии императору и традиционной симпатией Пржемысловичей Штауфенам. Оттон Брауншвейгский снял свою кандидатуру, Людовик Баварский подчинился королю и императору, а переговоры между английским королем Генрихом III и Пржемыслом I Отакаром были прерваны. Княжна Анесжка потеряла своего второго поклонника.

Таково было положение в Чехии и империи, когда 15 декабря 1230 г. Пржемысл I умер и его единственным преемником стал Вацлав I. Последний уже в 1228 г. был коронован майнцским архиепископом, являвшимся также архиепископом пражским. Инвеституру от императора он получил только в 1231 г., но обратился за нею не лично, а через посольство. Его метод действий показывает, сколь далеко зашло развитие Чехии: инвеститура, ранее предвещавшая политические бури и дававшая императорам вечную возможность вмешательства в чешские дела, ныне превратилась в чистую формальность.

Поначалу казалось, что Вацлав I разрушит планы австрийских Бабенбергов. Юный король Генрих (VII) устал от жены, которая, ма-

ло того, что была старше его, но и все еще ожидала выплаты своего приданого — важное обстоятельство для мужа, постоянно испытывавшего нехватку денег. Людовик Баварский, женой которого была чешская княжна, добился расположения Генриха и использовал свое влияние, чтобы побудить молодого человека отказаться от союза с Бабенбергами ради сближения с Пржемысловичами. Поскольку отношения Генриха с отцом все ухудшались и ему не терпелось получить власть, герцог мог быть уверен, что к нему прислушаются. Делу помогало то, что молодой король был уже влюблен в чешскую княжну и жестоко раскаивался в том, что изменил ей с Маргаритой⁵.

В 1231 г. Генрих открыто обнаружил свое намерение развестись с женой и жениться на чешской княжне. Из-за возможных политических последствий эта новость вселила во многих немецких князей ужас и смутнение. Император, который не мог себе позволить открытой враждебности с могущественным австрийским герцогом, немедленно выплатил приданое Маргариты из собственного кармана. Король Вацлав I, как бы высоко он и его сестра ни ценили влюбленности Генриха, мудро воздержался от действий. Генрих уступил уговорам и подчинился отцу.

Разочарованная в земной любви⁶, чешская княжна решила оставить мир. Она выбрала суровый устав ордена кларисок, наиболее пламенных последовательниц св. Франциска, и поступила в монастырь, основанный ею в Праге. Она принадлежала к первому поколению учеников св. Франциска, энтузиастов, пытавшихся со всей возможной строгостью придерживаться идеалов бедности и самоотречения смиренного святого Ассизского; в течение двадцати лет она была личным другом св. Клары Ассизской⁷. Вместе с основанным ею монастырем она участвовала в миссии распространения идеалов св. Франциска в Центральной и Восточной Европе и явилась вдохновительницей учреждения нового чешского ордена — крестового.

Удаление княжны от двора и общественной жизни в монастырь не разрешило австро-чешский конфликт. Новому австрийскому герцогу Фридриху II Бабенбергу, человеку мстительному и беспринципному, удалось войти в союз со своим зятем, моравским маркграфом Пржемыслом, братом короля. С его помощью герцог планировал отомстить за разорение Австрии и свергнуть Вацлава I. Ему сопутствовал успех, пока внезапная болезнь не заставила его приостановить военные действия, и мятежный маркграф был вынужден покориться. Воинственный герцог вскоре оказался в затруднительном

положении из-за венгров, заключивших союз с чехами, и два короля, Андрей (Эндре) II и Вацлав I, в 1235 г. совместно опустошили австрийские земли.

Тем временем император, подозревавший герцога в соучастии в недавнем заговоре своего сына Генриха, низложил и изгнав сына (1235), преисполнился решимости положить конец зловредным действиям Фридриха II. Новые инциденты и подозрительные контакты австрийского герцога с ломбардскими городами принудили императора к немедленным действиям: непокорный Бабенберг был лишен своего герцогства, а король Вацлав I и Оттон, преемник убитого Людовика Баварского, были сделаны (1236) исполнителями имперского объявления его вне закона (*Reichsacht*). Они добрались до Вены, и тогда вся страна покинула злосчастного герцога, а на следующий год император завершил всю кампанию в Вене, где добился избрания королем Германии своего сына Конрада (IV)⁸.

Фридрих II находился на вершине могущества, сокрушив всю оппозицию в Германии и заставив ломбардские города признать свою власть. Возможно, он лелеял план низвести Чехию до ее прежнего униженного положения в империи: это могло бы объяснить, почему Вацлав I на короткое время присоединился к партии папы. Впрочем, вскоре под влиянием традиционных симпатий Пржемысловичей к Штауфенам он вернулся к имперской партии. Тем не менее, конфликт с Фридрихом Австрийским, ныне примирившимся с императором, продолжался, и лишь общая монгольская опасность, грозившая Центральной Европе, заставила двух соперников прийти к соглашению: австриец согласился на брак своей племянницы Гертруды с сыном Вацлава Владиславом (1241).

Опустошившие Силезию монголы, к счастью, были остановлены на путях, ведущих в Чехию. Разграблены были только Моравия и Австрия. Когда монгольская опасность миновала, конфликт с Австрией возобновился. Похоже, что после смерти жены-англичанки Фридрих II сам обратил свои помыслы, если не чувства, к Гертруде, имея в виду значение австрийских земель для продвижения фамильной политики в Германии. Считают, что еще в 1245 г. он обещал герцогу Фридриху предоставить Австрии и Штирии статус королевства. Перед лицом этой новой опасности Вацлав I присоединился к папе Иннокентию IV и его кандидату на имперский трон Вильгельму Голландскому. К счастью, во время новой войны с Венгрией Фридрих Австрийский внезапно умер (1246). Чешский принц Владислав женился на Гертруде, но умер через несколько месяцев после свадьбы.

Для чешского короля это было ударом, а за ним последовало новое разочарование — мятеж чешской знати, недовольной его политикой в отношении курии. Чешские гибеллины избрали сына короля Пржемысла маркграфом и соправителем Моравии. Гражданская война продолжалась до 1250 г., когда Вацлав примирился с сыном. Эта война была чешским отзвуком борьбы гвельфов и гибеллинов, и она длилась, пока гвельфы и их программа в отношении курии не выиграли окончательно. Такой поворот в политике в конце концов помог королю реализовать свои амбиции в отношении Австрии. В 1251 г. умер второй муж Гертруды Герман Баденский, и чешские перспективы в Австрии вновь выросли. Пржемысл, правитель Моравии, был избран австрийскими сословиями герцогом и сумел с помощью племянника чешского короля, архиепископа зальцбургского, завладеть Австрией. Чтобы подтвердить свои притязания и заглушить любую возможную оппозицию, Пржемысл решил жениться на вдове германского короля Генриха (VII) Маргарите, хотя она была уже достаточно стара, чтобы быть его женой, и всерьез размышляла об уходе в монастырь. Не соответствующая друг другу пара соединилась в политическом браке в 1254 г.

Сложности возникли с венгерским королем Белой IV, притязавшим на Штирию, политически объединенную с Австрией. После нескольких кровавых столкновений благодаря вмешательству папской курии был подписан мирный договор, предоставивший Австрию и часть Штирии Пржемыслу, а Штирию в ее современных границах — сыну Бела IV Иштвану.

Пржемысл II Отакар (1253—1278) был самым могущественным государем Центральной Европы. При двух его предшественниках значительно усилились династические узы, связывавшие чешские земли с их правителем. Оставшись единственным живущим мужчиной — членом династии, он не должен был с кем-либо делить управление моравским маркграфством. Этническая общность его подданных составляла прочный базис королевства. Этот базис усиливал замечательный экономический расцвет, достигнутый открытием при Вацлаве I серебряных рудников в Чехии и Моравии и интенсивной колонизацией приграничных земель. Колонисты — горнорудные рабочие, ремесленники и крестьяне — преимущественно приходили с севера Германии, из Тюрингии, Бранденбурга, Швабии и Саксонии. Пржемысл поддерживал очень дружественные отношения с ведущи-

ми домами этих княжеств — Веттинами, Асканиями, Вельфами и даже с графами Гольштейна Шаумбургами.

Возможно, именно из-за хороших отношений с князьями северной Германии Пржемысл, вместо того чтобы попытаться распространить свою власть в этом направлении, на все еще жившие там славянские народы, в начале своего правления обратился к северо-востоку. Ситуация в Польше, казалось, особенно провоцировала его вмешаться. Разделенная на несколько княжеств, управлявшихся членами династии Пястов, Польша жестоко пострадала от нашествия монголов в 1241 г. и не могла организовать общую оборону от вторжений как монголов, так и балтов — пруссов и литовцев⁹. Пржемысл был хорошо осведомлен об этом положении и в письме епископу краковскому Прандолу (1255) обещал помощь и содействие краковскому князю, как и всем другим польским князьям, против их врагов. Его слова звучали эхом идеи крестового похода, все еще владевшей умами многих. Современники, должно быть, считали Пржемысла II распространителем христианства среди неверных, именно в этом качестве его восхваляет автор современного чешского эпоса *Александрейда*.

В 1255 г. долг крестоносца привел Пржемысла II на Балтику, где он оказал желанную помощь Тевтонскому ордену в его попытках покорить область Самбию в Пруссии. Город Кенигсберг (ныне Калининград), основанный Пржемыслом в завоеванной части Пруссии, до сих пор напоминает о доблестном чехе, прозванном современниками Железным королем.

На 1267 г. планировался новый поход против язычников-литовцев. Король замыслил смелую идею превратить все завоеванные земли в лены чешской короны и подчинить все вновь основанные епископии своему верному советнику оломоуцкому епископу Бруно из рода Шаумбургов. Оломоуц (по-немецки Ольмюц), таким образом, превратился бы в миссионерский центр для Севера — соответственно планам, прежде лелеявшимся Оттоном I в отношении Магдебурга¹⁰. Это был грандиозный проект, характерный для предприимчивого и романтического короля, но он потерпел неудачу. Римская курия не желала наделять такой особой ролью Бруно и его епископство, а Климент IV нуждался в помощи Пржемысла II во внутривосточных делах. Некоторые польские князья тоже не желали поддерживать этот план, хотя Пржемысл и намеревался предоставить им в держание часть завоеванных земель. Тевтонский орден, хотя и нуждался в помощи, едва ли мог приветствовать соперничество чехов на

Балтике. Перед лицом такой оппозиции чешскому королю пришлось отказаться от своего проекта и выслать в помощь Тевтонскому ордену только небольшой отряд рыцарей, но из-за непривычных климатических условий эта экспедиция достигла немногого.

Тем не менее, казалось, что у чешского короля, если бы он упорствовал в своей экспансии на восток, были прекрасные перспективы успешного проникновения в Польшу, хотя некоторые польские князья за помощью и союзом обращались, скорее, к Венгрии. Однако Пржемысл II ограничился завязыванием дружбы с польскими князьями Силезии, где чешскому делу был особенно привержен князь вроцлавский. Вместо продолжения экспансии на восток Пржемысл сосредоточился на южном направлении, где в германских альпийских землях попытался создать обширный домен для своего рода.

Желанный случай для дальнейшей экспансии на юг представился в 1259 г., когда знать Штирии восстала против венгерского короля Белы IV; Пржемысл II завладел Штирией.

Родина Белы IV жестоко пострадала в ходе монгольского нашествия, целые области Центральной Венгрии обезлюдели. Бела IV поселил там тюрок-куманов (половцев) и аланов-языгов, используя против своих врагов этих свирепых воинов-язычников. Благодаря его усилиям и дипломатическому искусству Венгрия быстро оправилась от разорения и смогла распространить свое влияние на славянские государства на Балканах¹¹. Бела IV не собирался уступать свои альпийские владения и выступил с куманами против Пржемысла II. В битве при Кресенбруне (1260) чешская армия продемонстрировала свое превосходство над свирепыми ордами куманов, воины Белы IV были истреблены. Чтобы усилить свое влияние в Венгрии, Пржемысл II, добившийся аннулирования своего брака с Маргаритой, ставшей монахиней, женился на внучке Белы IV Кунигунде (Кунгунте) и устроил брак сына Белы со своей племянницей Кунигундой Бранденбургской¹².

За этим вскоре последовали другие выдающиеся достижения. Как наследник своего племянника, каринтийского герцога Генриха (Йиндржиха), в 1269 г. Пржемысл присоединил к своим альпийским владениям это герцогство, а также Крайну, Истрию и город Пордонне. Каринтия (Хорутания) и Крайна все еще в значительной части оставались славянскими землями—в них жили словенцы. Вскоре влияние короля стало ощутимо и в Ломбардии¹³. Таким образом, Пржемысл II явился истинным создателем Австрийской империи

нового времени. Благодаря ему идея союза Чехии и альпийских земель стала частью истории Центральной Европы.

Все эти приобретения являлись имперскими ленами, и, конечно, взлет Пржемысла II как одного из наиболее могущественных правителей Европы вызывал большую ревность других князей. Пржемысл достиг того, что оказалось недоступным всем усилиям императоров-Штауфенов: создания обширного домена, который должен был обеспечить их позиции перед лицом феодальной аристократии. Если бы Пржемысл II стал императором, он бы обладал влиянием, нежелательным для многих завистливых князей. Похоже, что Пржемысл II изначально лелеял такие намерения. Его шансы быть избранным императором после военного успеха 1255 г. испортила римская курия, поддержавшая Вильгельма Голландского, а после его смерти Ричарда Корнуэльского. Поначалу Пржемысл II колебался между Ричардом и Альфонсом X Кастильским (Мудрым)¹⁴, но чтобы предотвратить избрание внука Фридриха II, Конрадина, встал на сторону Ричарда и принял от него как имперские лены Австрию и Штирию. Похоже, что Пржемысл собирался выдвинуть кандидатом на германский престол Фридриха Мейсенского, с которым он обручил свою дочь Кунгуту (Кунигунду), но и этот план испортила курия¹⁵. После смерти Ричарда Корнуэльского (1272) Пржемысл надеялся, что курия поддержит его кандидатуру, однако Григорий X предоставил германским князьям свободу выбрать, кого они пожелают. Как и следовало ожидать, завистливые князья избрали соперника Пржемысла II графа Рудольфа I Габсбурга (1273), добившегося от них подтверждения своего решения, что все имперские лены, полученные после смерти Фридриха II, будут возвращены империи — мера, прямо направленная против чешского короля. Пржемыслу оставался один выбор — не признать избрание Рудольфа и встать на сторону Альфонса Кастильского. Когда же в 1275 г. Альфонс под нажимом курии был вынужден признать Рудольфа, Пржемысл II оказался в изоляции и единственным исходом стала война. Покинутый своим сторонником Генрихом Баварским, Пржемысл был не в состоянии защищать свои альпийские владения. Лишь Вена отказалась открыть ворота Рудольфу. Король поспешил ей на помощь, но накануне решающей битвы его предали чешские паны: обогатившиеся благодаря экономическому процветанию своих владений, они, видимо, последовали примеру своих немецких собратьев, желая добиться большей независимости от короны; их вождем был пан Завиш из Фаль-

кенштейна¹⁶. Пржемысл II вынужден был сдаться и отказаться от всех альпийских владений, а собственные земли принять от Рудольфа как имперские лены.

Последнее столкновение вызвал сам Рудольф I, в пользу чешских феодалов и в ущерб королевским правам Пржемысла урезая его право вмешательства. Когда роковое решение было принято, дело жизни Пржемысла погребло и сам он был убит в битве у Сухих Крут в Австрии¹⁷. Обедневший шваб, граф Рудольф Габсбург, ставший германским королем, получил все выгоды от достижений Пржемысла в альпийских землях и, таким образом, вывел Австрию и Габсбургов на европейскую сцену.

Это был трагический конец, и до сих пор неясно, почему Пржемысл II не сумел добиться своей главной цели. Представляется, что основной причиной была завистливость имперских князей, не желавших иметь императора с такими обширными владениями и экономической мощью. Далее, Пржемысл, хотя в общем и следовал политике курии, не получил ее поддержки в тот момент, когда нуждался в ней. Национальный вопрос, видимо, не имел первостепенного значения. Двор Пржемысла был полон немецких авантюристов и придворных, в его королевстве были многочисленные немецкие колонисты и немецкие города, под его знаменами сражалось много немецких наемников. Ричард Корнуэльский и Альфонс Кастильский тоже не были немцами, а универсальный характер империи все еще признавался.

Несмотря на это, славянская природа короля и его королевства должна была многих возмущать в Германии. В панегирике Рудольфу обнаруживается антиславянский настрой, бюргеров Вены обвиняли в том, что они присоединились к славянину¹⁸. Сатирический поэт того времени Зайфрид Хельблинг¹⁹ насмешливо упрекал австрийскую знать за подражание чешским манерам: они научились приветствовать друг друга по-чешски, а чешские ругательства предпочитают немецким; австрийским немцам следует от чехов научиться, как надо любить свой родной язык. Все это очень характерно, но в то же время упреки поэта свидетельствуют, что правление Пржемысла, хотя и короткое, имело в Австрии прочные корни.

При дворе Пржемысла выражались и антинемецкие чувства. Вполне вероятно, что Пржемысл II в конце концов осознал, что сделал ошибку, сконцентрировавшись на альпийских землях и пренебрегая поляками. Отражением подобных чувств, преобладавших при

дворе перед трагическим конфликтом или после, является «Манифест к полякам» — обращение к польским князьям Генриха Изернского, беглеца-гибеллина из южной Италии, искавшего счастья при чешском дворе. Кажется, что манифест представляет собой лишь стилистическую композицию, одну из многих, написанных красноречивым итальянцем, но идеи, выраженные автором, весьма интересны. Чешский король здесь обращается к полякам как к родичам чехов, связанным с ними узами общей крови и сходного языка. Он обещает польским князьям свою помощь в защите их прав, желает им процветания и выражает надежду, что в случае необходимости тоже может рассчитывать на их помощь²⁰. Удивительно в эту эпоху обнаружить такое славянское самосознание.

Национальные чувства в Чехии значительно усилились после смерти Пржемысла II, когда Рудольф I Габсбург, предоставив управление Моравией себе, управление Чехией и попечительство над юным сыном Пржемысла Вацлавом II поручил Оттону Бранденбургскому. Последний сильно злоупотреблял полученной властью и со своими наемниками бесстыдно использовал Чехию в собственных интересах. Рудольфу пришлось вмешаться (1280), чтобы остановить гражданскую войну, восстановить порядок и несколько удовлетворить недовольных чехов.

Юному королю было только двенадцать лет, когда в 1283 г. Оттон, наконец, дал ему вернуться в родную страну. Главное влияние на ведение дел оказывал прежний враг политики его отца Завиш из Фалькенштейна, амбициозный и высокоталантливый человек, добившийся любви вдовы Пржемысла королевы Кунгуты. Завиш следовал антигабсбургской политике, и молодой король слушал его, но когда в 1287 г. он женился на дочери Рудольфа Гуте, влияние Завиша прекратилось. Вацлав II боялся, что Завиш сам намеревается захватить чешский трон. Завиш был заключен в тюрьму и казнен, тогда же подверглись репрессиям все его родичи, восставшие (1290) в этих трагических обстоятельствах.

У Данте в *Чистилище* есть несколько нелестных для Вацлава II стихов (VII, 97—103), повлиявших на мнение о нем современников. Действительно, молодой король, физически слабый, с плохим здоровьем, предпочитавший тихую жизнь, в рыцарский век выглядел не на месте, но он оказался умным и умелым государем. Некоторые его представления об управлении превосходили методы, применявшиеся канцеляриями его соседей. Кажется, его вдохновляла Фран-

ция, где Филипп IV Красивый и легисты модернизировали старые способы управления. У Вацлава принципы администрации были более бюрократическими, и некоторые признаки указывают, что прочную базу для законодательства он искал не в обычном, а в римском праве, изучение которого вновь началось в Италии. Его попыткам кодификации на этой основе чешского права воспрепятствовала знать, опасавшаяся сокращения своих прав. Однако Вацлаву II удалось опубликовать кодекс горнорудного права, а некоторые его декларации свидетельствуют, что его концепция королевской власти коренится в позднеримском праве, предоставляющем государю исключительное право законодательства²¹.

В международной политике Вацлав II также проявил большую мудрость. Он отказался от представившейся ему в 1291 г. возможности быть избранным императором и, вразрез с отцовской политикой, следовать которой наставлял его Завиш, отказался от идеи завоеваний на юге, сконцентрировав усилия на севере и северо-востоке. Добившись прочной опоры в Мейсене, где еще жили славяне-сорбы (лужичане), он сосредоточился на Польше. При поддержке сильной прочешской партии польских князей он, прежде всего, занял Краков (1291). В последнее время в Польше набирала силу идея возрождения королевства, и два князя, вроцлавский — силезский — Генрик IV Пробус и гнезненский — великопольский — Пшемислав II, предприняли серьезные шаги для ее реализации²². После смерти последнего чешский король вступил в Гнезно и был коронован там как польский король (1300) архиепископом гнезненским Якубом Свинкой, одним из главных сторонников восстановления польского королевства. Чтобы усилить свои позиции, Вацлав II женился на дочери Пшемислава Риксе. С этого времени он с гордостью называл себя Божьей милостью королем Чехии и Польши (*Dei gratia Bohemiae et Poloniae Rex*).

До последнего времени к правлению чешского короля в Польше польские историки, в общем, относились неблагоприятно²³. Их критический подход в значительной степени провоцировали национальные предубеждения, при этом не рассматривались некоторые аспекты ситуации, бросающие совсем иной свет на чешско-польскую унию. Действительно, Вацлав II согласился признать Польшу имперским леном, но в то время этот факт не имел того значения, которое он приобрел бы при Штауфенах. Империя переживала упадок, и Вацлав правил Польшей без оглядки на нее. На самом деле, это было необходимой предосторожностью, призванной обезопасить новую славянскую империю от иноземного вмешательства. Более того,

приток польского элемента в Чехию должен был перевесить немецкое влияние при чешском дворе, а оно благодаря предшествующей немецкой колонизации Чехии было очень велико.

Последние исследования показывают, что краткое правление в Польше чешского короля было чрезвычайно благоприятно для страны. Вацлав II был хорошим администратором, внесшим некоторый порядок в дезорганизованную экономику Польши. Его правление следует оценивать как положительный шаг к консолидации польских земель в XIV в.

Все это могло бы иметь колоссальное значение и для чехов, и для поляков, и для всей Европы. Если бы уния Чехии и Польши продолжалась дольше, в этой части Европы мы наблюдали бы нечто подобное тому, что происходило во Франции. Там северяне и южане слились в единый народ с одним литературным языком, хотя их наречия отличались друг от друга сильнее, чем польский и чешский языки в XIV в. Фактически, для чехов и поляков это была последняя возможность слиться в единый народ.

Правление Вацлава II важно и в другом отношении. Впервые в истории получила перспективы идея великой центральноевропейской монархии, в которую вошли бы даже венгры. После смерти Андрея (Эндре) III, последнего правителя из династии Арпадов (1301), венгерская корона, объединенная с хорватской, была предложена юному сыну чешского короля. Венгерские сторонники Пржемысловичей одержали победу над приверженцами Анжуйского неаполитанского дома, и юный Вацлав (III) был коронован как король Венгрии²⁴.

Приобретение одной династией трех корон вызвало очень большую ревность. Папа Бонифаций VIII, ссылаясь на то, что Венгрия была папским леном, открыто выступил в пользу анжуйской кандидатуры и в поддержку противника чешского короля в Польше Владислава Локетка. Император Альбрехт I* присоединился к этой коалиции и запросил долю в чешских серебряных рудниках. Вацлав II нашел союзника в лице французского короля Филиппа IV Красивого, и в 1303 г. или 1304 г. было дано торжественное обещание взаимной помощи в случае нападения императора или папы. Однако французский король заключил соглашение с Бонифацием VIII, и Вацлаву II пришлось выдержать главный удар Альбрехта в одиночку; начавшаяся партизанская война принесла ему полную победу.

* Германский король Альбрехт I Габсбург не был коронован папой императором.—Прим. перев.

Тем не менее, союз императора, папы и неаполитанских Анжеев-нов оказался слишком мощным для чешского короля. Ему пришлось покинуть Венгрию, хотя бы на время, и вернуть сына в Прагу. Вацлаву II было не под силу возобновить борьбу за Венгрию. В июне 1305 г. он умер. После неудачного старта его юный сын Вацлав III начал обнаруживать некоторые черты отцовской решимости и мудрости. От императора он добился почетного мира, но под давлением Анжуйского дома был вынужден отказаться от притязаний на венгерский трон, который занял Карл Роберт Анжуйский. В Польше Вацлав III продемонстрировал твердую решимость продолжить отцовский курс сохранения унии Чехии и Польши. Но и здесь судьба нанесла роковой удар. В 1306 г. в Оломоуце, по пути в Польшу, куда он направлялся для подавления возглавленного Владиславом Локетком античешского мятежа, Вацлав III был убит неизвестным, возможно, недовольным аристократом. Это был конец династии Пржемысловичей, и с этого времени развитие Польши и Чехии шло порознь.

После пресечения национальной династии Чехия оказалась свидетельницей ожесточенной борьбы за свой трон. Прежде всего Габсбурги, следуя традиции Рудольфа I — основателя могущества их дома в Австрии,—наложили свои жадные руки на чешскую корону. Император Альбрехт I заявил, что Чехия является имперским ленном, и убедил чешскую знать избрать королем его сына Рудольфа. Последний женился на вдове Вацлава II польке Риксе, которую чехи звали Рейчка, обозначив таким образом жизненность чешско-польских притязаний. Его отец, чтобы обеспечить Габсбургам Чехию и урезать недавно подтвержденные им электоральные права чешской знати, обусловил, что преемниками Рудольфа на престоле будут его братья. Этот факт, а также скупость Рудольфа сделали Габсбургов очень непопулярными, и когда в 1307 г. Рудольф внезапно умер, чехи избрали королем герцога Йиндржиха (Генриха) Хорутанского, женатого на старшей сестре Вацлава III. Последовавшие за этим избранием военные осложнения с Габсбургами прекратило только неожиданное убийство императора Альбрехта I одним из его родичей в 1308 г.

Йиндржих Хорутанский был избавлен от угрозы со стороны Габсбургов, но не сумел добиться поддержки чешской знати, недовольной тем предпочтением, которое он оказывал немецким городам. Горожане, чтобы добиться участия в сейме королевства, даже осмелились захватить занимавших высочайшие должности чешских панов.

Новый курс чешской истории проложили два человека, игравшие важную роль при дворе Вацлава II. Петр Аспельт, его бывший канцлер, а ныне майнцский архиепископ, продолжая профранцузскую политику Вацлава, организовал избрание графа Генриха Люксембургского римским и германским королем (1308—1313). Петр и чешские монахи-цистерцианцы, имевшие огромное влияние на Вацлава II, добились поддержки чешской знатью своего кандидата, юного сына короля Генриха Яна (Иоганна) Люксембургского и устроили его брак со второй дочерью Вацлава II Елизаветой (Елишкой). Йиндржих Хорутанский был изгнан из Праги, а основатель новой чешской династии Ян Люксембургский стал королем (1310—1346).

Примечания

¹ Ср. главу I, с. 31, сл., и Dvornik, *The Slavs*, p. 321 ff.

² Отсутствие Пржемысла I при избрании короля Генриха (VII) побудило Эйке фон Репкова, составителя знаменитого сборника саксонского права *Саксонское зеркало*, отрицать право чешского короля участвовать в избрании императора: он мог быть имперским курфюрстом, но он не был немцем. Таково было личное мнение известного юриста, и около 1235 г.* , когда было написано *Зерцало*, оно разделялось в некоторых немецких кругах, но не отражало общего убеждения всех немецких князей. В работах B. Wunderlich, *Die neueren Ansichten*, и W. Neumann, *Die deutschen Königswahlen*, содержится подробная литература об эволюции германской коллегии выборщиков.

³ Эти подробности сообщает помимо других источников отчет о посольстве в Германию, представленный королю Генриху III епископом карлайльским Уолтером (10 февраля 1225 г.). W. W. Shirley, *Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III // Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland*, vol. 27 (1, 252).

⁴ Из другого английского источника, письма, написанного между октябрём 1228 г. и 1229 г., мы узнаем, что чешский король распространял известия о подвигах Фридриха II в Святой земле и делал вид, что получил от него письмо с описанием его свершений. Это доказывает, что чех не имел намерения отказаться от службы императору ради какой-либо политической комбинации. Письмо было написано Генриху III герцогом лотарингским и брабантским Генрихом; перепечатано В. В. Шерли (*ibid.*, p. 343).

⁵ В числе любовных песен, сочинявшихся в то время миннезингерами, есть две чрезвычайно красивые и романтические, приписываемые в некото-

* «Саксонское зеркало» было составлено между 1221 и 1225 гг.—Прим. перев.

рых рукописях «кайзеру Генриху». В них говорится о нежной любви к прекрасной даме, которой влюбленный не может обладать, хотя готов отдать за нее свою корону. Ныне общепризнано, что эти песни принадлежат королю Генриху VII, изливавшему в них свою любовь к Анежке.

⁶ Легенда о св. Анежке говорит относительно второго брака Фридриха II, что сестра короля Генриха III Изабелла заняла место, от которого отказалась Анежка. Это должно бы указывать на то, что Фридрих II пытался жениться на возлюбленной своего сына — чешской княжне. Это возможно, но не может утверждаться наверняка. Спутать отца и сына тем легче, что до Фридриха Изабелла предназначалась Генриху (VII).

⁷ Существуют три письма, написанные св. Кларой Ассизской чешской княжне. Клара поддерживала усилия Анежки добиться папского одобрения устава, обеспечивавшего выполнение сестрами обета бедности, как учил св. Франциск. Известно, что это не удалось ни блаженной Анежке, ни св. Кларе. Письма опубликованы Сетоном (W. Seton; см. Библ.). Ср. также J. K. Vyskočil, *Legenda bl. Anežky*, Praha, 1932.

⁸ Изданный по этому поводу имперский декрет демонстрирует очевидный прогресс, достигнутый курфюрстами (князьями-избирателями) в утверждении своих прав и привилегий.

⁹ Подробнее см. F. Dvornik, *The Slavs: Their Early History*, p. 312 ff.

¹⁰ Ср. F. Dvornik, *The Slavs: Their Early History*, p. 109—113.

¹¹ Подробнее см. ниже.

¹² Известный чешский историк В. Халоупецки (V. Chaloupecký, *Uherská politika Přemysla Otakara II* // *Pekatův Sborník*, Praha, 1930, s. 138—188) считал, что венгерская политика Пржемысла II содержала планы присоединения северной Венгрии (современной Словакии) к Чешскому королевству, а Паннонии к альпийским землям. Однако Я. Шуста (J. Šusta, *Soumrak Přemyslovců a jejich dědictví*, Praha, 1935) отказывается от столь далеко идущих интерпретаций венгерской политики Пржемысла, корректно утверждая, что Пржемысл II лишь стремился усилить свое влияние в Венгрии и обеспечить себе ее помощь в случае необходимости. Он занял области в северной Венгрии лишь после смерти Белы IV, когда в стране царил анархия, чтобы защитить собственные земли от вторжений куманов. Труд Шусты имеет огромное значение для истории последних Пржемысловичей. Имеется его обзор по-французски: B. Mendl, *Les derniers Přemyslides* // *Revue historique*, vol. 179, 1937, p. 34—62.

¹³ Город Пордонне находился под его верховной властью. Известный средневековый путешественник блаженный Одорик из Пордонне, видимо, был сыном чеха из гарнизона, размещенного там Пржемыслом II.

¹⁴ Подробнее о роли Пржемысла II в этом двойном избрании см. F. R. Lewis, *Ottokar II of Bohemia and the Double Election of 1257* // *Speculum*, 12 (1937), p. 512—515.

¹⁵ Наиболее подробный анализ проблемы можно найти в книге Я. Шусты: J. Šusta, *Soumrak Přemyslovců a jejich dědictví*, s. 57 f. Автор показывает недостатки описания О. Редлихом избрания Рудольфа I Габсбурга (O. Redlich, *Rudolf von Habsburg*, см. Библ.) и несостоятельность подозрений Лоренца о том, что Пржемысл II желал раздробить империю (*Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhunderte*, Bd I).

¹⁶ О Завише см. ниже, с. 189.

¹⁷ Я. Шуста (*op. cit.*, s. 271 f.), рассмотрев все доступные свидетельства, пришел к заключению, что сообщения об измене чешской знати во время второго конфликта не являются несомненными.

¹⁸ См. Šusta, *Op. cit.*, s. 204.

¹⁹ XIV, 20—23; VIII, 783 сл., hrsg. v. J. Seemüller (Halle/Salle, 1886), S. 1, 2, 210 (см. Библ.).

²⁰ Чешское королевство называется стеной, воздвигнутой для защиты Польши. Говорится, что если римский король разрушит его, жадные глотки немцев распахнутся еще шире и в своей ненасытной алчности немцы протянут бесстыдные руки в сторону Польши. «Мы ваша крепкая стена, и если эта стена не выдержит, вам будет грозить великая опасность. О, каких только притеснений не придется претерпеть вашему многочисленному народу, столь ненавидимому немцами. О, сколь тяжело будет иго рабства, которое придется нести вольной Польше...» Следует добавить, что подобные чувства славянской солидарности и недоверия по отношению к немцам выражал и магистр Богуслав, канцлер супруги Пржемысла II Кунгуты, в письме, адресованном Агнешке, аббатисе польского монастыря в Тшебнице. Королева упрекает аббатису за предпочтение немецким монахам в ущерб польским братьям, говоря, что та, вместо того чтобы уже по своему происхождению сочувствовать трудностям несчастных, говорящих на ее языке, напротив, поддерживает братьев-немцев. Аббатисе следует более покровительствовать и защищать братьев, говорящих по-чешски и по-польски. Письмо тоже является лишь стилистической композицией. См. публикацию обращения к полякам: *Codex epistolaris Primislai Ottocari* (см. Библ.), S. 93 f. Письмо, приписываемое королеве, опубликовано Ф. Палацким: *Formelbücher*, Bd I (см. Библ.). О Богуславе см. статью Новака в сборнике в честь Голла: *Sborník ... J. Golla*, Praha, 1906, s. 124—152.

²¹ См. также ниже.

²² См. F. Dvorník, *The Slavs*, p. 316, 320.

²³ В частности, выдающимся польским историком Освальдом Бальцером в кн.: *Królestwo Polskie 1295—1370*, t. 1—2, Lwów, 1919. См. чешские возражения на критику с польской стороны: J. Šusta, *Úvahy a drobné spisy historické*, t. 1—2, Praha, 1934.

²⁴ Ср. ниже.

Глава III

Ян Чешский, император Людовик IV и Польша

Император Генрих VII Люксембургский, Франция и Италия—Странствующий рыцарь чешский король Ян Люксембургский—Папа Иоанн XXII, его фискальная политика и политика в Италии, интересы Франции в Италии—Первый конфликт между Людовиком IV и папой; Ян Чешский как посредник. Коронация Людовика IV в Риме, Марсилиус Падуанский и его революционные идеи—Итальянская авантюра Яна Люксембургского—Неудачная попытка Яна Люксембургского нового посредничества между императором и папой—Притязания Яна Люксембургского на Польское королевство; сложное положение Владислава Локетка в Польше—Коронация Владислава Локетка и союз с Венгрией и Литвой—Ян Чешский, Польша и Тевтонский орден—Казимир III Польский, переход Силезии к Чехии, а Поморья к Ордену—Новый кризис в польско-чешских отношениях—Людовик IV, Ян Чешский и Ренская декларация—Окончательный разрыв между Людовиком IV и Чехией—Климент IV избирает сына Яна Люксембургского Карла кандидатом на германский престол—Карл—избранный германский король—Гибель Яна Люксембургского в битве при Креси и оценка его правления в Чехии.

С избранием Генриха VII Люксембургского германским королем, казалось, перед империей открывается новая эра. Его избрание разрушило надежды французов добиться имперской короны для французского королевского дома, но Генрих, проникшийся идеями империи, воспламенявшими воображение французов того времени, сам был более французом, чем немцем. Начиная с правления Людовика Святого Франция стала первоклассной европейской державой, а в ходе конфликта между Филиппом IV Красивым и папой Бонифацием VIII имперская идея обрела новую цену. Легист Пьер Дюбуа¹ очень четко выразил новые идеи, провозгласив, что христианский мир обретет мир и порядок, лишь когда Франция выведет имперскую идею из того ничтожества, в которое ей позволила впасть германская знать в последние шестьдесят лет, и когда она осознает, что главным двигателем империи должен быть дух христианства и универсализма. Растущие интересы Франции в Италии и утверждение

Анжуйского дома в Неаполитанском королевстве пробудили надежды, что именно Франции предопределено возродить униженную имперскую идею.

Надежды Филиппа Красивого утвердить на имперском троне своего брата Карла Валуа разрушило избрание 1308 г. Незначительный граф Люксембургский, также воодушевленный новыми французскими имперскими идеалами, сделал новую и решающую попытку *renovatio imperii* (обновления империи). Естественно, его шансы на успех повысило утверждение его дома в Чешском королевстве. Кроме того, он нашел могучего союзника в лице своего брата Балдуина, трирского архиепископа и курфюрста. Приветствуемый итальянскими патриотами, надежды которых с такой силой выразил Данте², Генрих VII прибыл в Италию, чтобы быть коронованным в Риме легатами Климента V. Последний, хотя и пребывал в Авиньоне под «защитой» могущественного французского короля, был в значительной мере удовлетворен тем, что ему не придется возлагать императорскую корону на чело Капетинга. В северной Италии и Риме, однако, Генрих VII встретил очень большие затруднения и мужественно сражался с восставшими городами, но прежде, чем его сын Ян (Иоганн) смог прислать ему требуемую помощь из Чехии, Генрих неожиданно умер и был похоронен в сохранявшей ему верность Пизе³.

Таков был конец имперских мечтаний Генриха VII. Надежды его сподвижников, что его юный сын продолжит дело отца, разрушило вмешательство Габсбургов, стремившихся добыть императорский титул для какого-либо члена их рода. Максимум, чего смогли достичь главные сторонники Яна Люксембургского — трирский и майнцский архиепископы, — это сплотить большинство курфюрстов вокруг кандидатуры Виттельсбаха — Людовика IV Баварского (1314—1347), меньшинство же курфюрстов проголосовало за Габсбурга — австрийского герцога Фридриха III. Двойная элекция повлекла кровавые столкновения соперников, в ходе которых имперская идея в значительной мере обесценилась, а престиж германской короны вновь упал.

Ян (Иоганн) Чешский принял сторону Виттельсбахов против Габсбургов. От Людовика IV он добился подтверждения всех прав своего королевства и обещания признания всех возможных будущих ленов и приобретений. Тот факт, что чешские притязания на Польское королевство не были забыты, показывает, что новая династия стремилась продолжать политику Пржемысловичей.

Жена Яна Елизавета (Елишка) была вполне предана традициям управления и внешней политики, утвердившихся при последних Пржемысловичах и, особенно, ее отце Вацлаве II, и желала, чтобы им следовал и ее юный муж. В особенности она противостояла покушениям на королевскую власть со стороны чешской знати. Вождем панов был Йиндржих из Липы, обладатель высшей в королевстве должности маршала. Его влияние представлялось тем более опасным, что он добился милости вдовы Вацлава II и Рудольфа королевы Рейчки (Риксы). Пытаясь сокрушить влияние его и панов, король Ян заключил его в тюрьму, но переоценил собственные силы и, чтобы подавить вспыхнувший мятеж знати, вынужден был призвать на помощь Людовика IV (1318). Йиндржих из Липы вернул свои посты в королевстве, роль знати в Чехии усилилась. Единственная попытка Яна повысить значение королевской власти оказалась безуспешной.

К несчастью, Ян потерял отца в самом начале своего правления в Чехии. Следование мудрым отцовским советам и влияние королевы Елизаветы, возможно, смягчили бы авантюристические черты его характера и помогли укрепить его связи с Чехией. Усилия Елизаветы внушить мужу унаследованные от отца концепции управления и королевской власти оказались тщетны. После того как из-за его импульсивности и безрассудства оказались сорваны все попытки укрепить его власть в Чехии, Ян Люксембургский предоставил дела управления Йиндржиху из Липы и другим панам, предпочитая подолгу находиться в Люксембурге и при французском дворе.

Отчуждение от королевы заставило его даже поверить утверждениям ее врагов из числа чешских панов о том, что она намеревается лишить его трона и править сама от лица их сына Вацлава (Карела)⁴. Несмотря на симпатии, которыми пользовались в Чехии последние Пржемысловичи, он задержал и изолировал жену и заключил в тюрьму сына. Правда, Яну Люксембургскому пришлось все же уступить пражанам, горячо защищавшим свою королеву, и примириться с ней, а также освободить сына. Опасаясь, однако, что в будущем подобный заговор может быть реализован, он увез сына в Париж, чтобы тот воспитывался при дворе Карла IV.

В результате Ян никогда не ощущал себя в Чехии дома⁵ и наезжал туда, только чтобы добыть денег для своих зарубежных авантур. Он стал странствующим рыцарем, для которого рыцарский идеал — это все. Его попытки сделать Прагу центром рыцарства и устроить там «круглый стол короля Артура» сорвала неудача «международного» турнира в 1319 г. В итоге все свои симпатии Ян отдал Фран-

ции, где рыцарский дух ценился выше. Едва ли в Европе найдется сколь-нибудь значительный военный конфликт, в котором Ян не искал бы случая обнажить меч, так что недаром говорилось, что ничего не может быть сделано без помощи Божьей и короля Чехии.

Наиболее эффективным из военных предприятий Яна было его участие в битве при Мюльдорфе в 1322 г. Он внес большой вклад в победу Людовика IV над Габсбургами, увенчанную пленением претендента на германский престол Фридриха III Габсбурга и его брата герцога Генриха. Для Габсбургов это была катастрофа, в результате которой они более чем на столетие лишились возможности играть ведущую роль в Европе.

В признание выдающегося значения оказанной им помощи Ян Чешский получил от Людовика IV помимо других милостей имперский лен Хеб (Эгер), но при этом он же оказался глубоко вовлечен в конфликт между императором и папой Иоанном XXII, который вскоре вспыхнул с небывалой силой.

Иоанну XXII (1316—1334), уроженцу Кагора, в то время финансового и ростовщического центра южной Франции, принадлежит заслуга усовершенствования централизаторской политики курии и подчинения всего духовенства ее фискальной политике благодаря новой практике раздачи церковных бенефициев, осуществлявшейся во всем западном христианском мире. Папа был непреклонен в укреплении бюрократического фискального аппарата, обосновывая свои притязания теократическим характером своей власти и новыми положениями канонического права. Таким образом, он создал абсолютистское государство с иерархически организованным управлением, полностью контролируемым судебными и фискальными полномочиями его главы, причем подданными этого государства были все христиане. Он был одним из первых, кто осознал значение твердой финансовой системы для всякой политической власти в мире, быстро эволюционировавшем в сторону денежной экономики, но результатом его политики было обесценивание тех духовных сил, которые папа, собственно, должен был защищать и распространять, и это вызывало фанатическое противодействие ряда последователей св. Франциска, настаивавших на необходимости совершенной бедности монашеских институтов. Одним из самых яростных противников Иоанна XXII был знаменитый английский философ-францисканец Уильям Оккам.

Главной задачей Иоанна XXII представляется восстановление политической власти папства в Ломбардии и центральной Италии с

помощью неаполитанского Анжуйского дома и королей Франции, в результате чего, как он надеялся, станет возможным его триумфальное возвращение из Авиньона в Рим. Естественно, осуществление этого плана подразумевало прекращение германского влияния в Италии. В связи с этим после смерти Генриха VII в Неаполе и Авиньоне формируется новое течение общественной мысли. Многие выдающиеся знатоки канонического права искали возможность разорвать унию Германии с Арелатом (Бургундским королевством) и Ломбардией. Власть германского короля, избранного курфюрстами, должна была ограничиваться собственно Германией. Утверждалось, что папа не должен давать императорскую корону всякому германскому королю, пожелавшему распространить свою власть на Италию.

Оживились и французские притязания на участие в этой новой организации. Папе были предложены два возможных решения: распространение власти Анжуйского дома на всю Италию либо создание нового Ломбардского королевства для члена династии Капетингов.

Иоанн XXII на протяжении своего понтификата так и не занял определенной позиции в отношении этих проектов, хотя, возможно, в разное время он их и рассматривал. Воспользовавшись анархией в Германии в результате двойной элекции, Иоанн XXII потребовал, полагая себя сеньором императора, исключительного права осуществлять императорскую власть в Италии до легитимного избрания нового императора, назначил генеральным имперским викарием в Италии Роберта Неаполитанского и постарался усилить партию гвельфов в Ломбардии, отправив туда своих легатов с вооруженными отрядами. Пытался он в ломбардском вопросе повлиять и на французского принца Филиппа*, но малоуспешно. Несмотря на упорное сопротивление гибеллинов, у папы были очень большие возможности добиться умиротворения Ломбардии, но прямое вмешательство в итальянские дела Людовика IV после победы при Мюльдорфе все изменило.

Вдохновленный победой над Габсбургами, Людовик IV предпринял смелую попытку усилить позиции своего дома, когда после пресечения династии Асканиев, присоединившей к Германии чрезвычайно ценную Бранденбургскую марку, предоставил ее в качестве имперского лена, а также права курфюршества своему сыну. После того как папа отказался признать правомерность его избрания на престол, Людовик направил в Ломбардию своего викария, который

* Имеется в виду будущий король Филипп VI Валуа.—Прим. перев.

при поддержке немецких рыцарей усилил позиции гибеллинов и пресек успехи папского легата.

Раздосадованный папа обвинил Людовика Баварского в нелегитимном — без одобрения Святым Престолом — осуществлении королевских и императорских полномочий. Под угрозой отлучения от церкви королю было предложено в течение трех месяцев сложить с себя королевскую и императорскую власть. Считается, что папа решил разрубить «железную змею империи» на три части: Германию, Арелат и Италию. Людовик ответил апелляцией к папе, «знающему лучше»⁶; угроза острого конфликта между двумя главами западного христианства побудила многих влиятельных государей выступить посредниками между ними. Наиболее выдающимся среди них был Ян Чешский. Предложенный им компромисс очень характерен и отражает складывавшееся в то время в Западной Европе направление мысли: Людовик IV должен остаться германским королем, от императорского же достоинства ему следует отказаться в пользу французского короля. Чтобы завоевать одобрение такого решения Карлом IV Французским, посредники предложили королевство Арелат его дяде (брату Филиппа IV) Карлу Валуа. Этот проект явился эхом идей, распространявшихся некоторое время назад Пьером Дюбуа, и он прекрасно отражает сложное положение чешского короля, стремившегося примирить верность империи с симпатиями к Франции⁷.

Все эти проекты, однако, подрывали самую основу, на которой Оттон I в 962 г. возрождал Римскую империю, и едва ли могли найти одобрение в ответственных кругах Германии. В той же мере не удовлетворяли они и парижский, и неаполитанский дворы. После того как попытки примирения провалились, папа отлучил Людовика IV от церкви. Последний ответил новым обращением против папы, обвинив его в узурпации прав германских князей-избирателей и самого императора, а также, как отрицающего распространявшуюся некоторыми учениками св. Франциска доктрину о бедности Христа, в ереси. Несправедливое решение папы предлагалось пересмотреть будущему вселенскому собору.

Эти чрезвычайно веские слова напоминают обвинения, выдвигавшиеся против Бонифация VIII Филиппом IV Красивым. Однако в Германии, измученной бесконечной борьбой между императорами и папством, ни папские буллы против короля, ни обращения Людовика IV не имели большого эффекта. Лишь Габсбурги решительно противодействовали Людовику IV и даже выражали желание способствовать избранию на германский престол французского короля.

Впрочем, Людовик IV уничтожил союз между Габсбургами и Францией, отпустив на свободу своего пленника Фридриха III Австрийского и признав его вторым королем Германии — своим соправителем. Новое сближение с Яном Люксембургским⁸ дало Людовику возможность внять призыву гибеллинов и в 1327 г. довести до конца свой римский поход.

С восторгом встреченный ломбардскими гибеллинами, Людовик IV был увенчан в Милане железной короной Ломбардии. Рим был охвачен антипапским восстанием. Его вождь Скиарра Колонна от имени римского народа предложил Людовику принять императорскую корону и как высшему главе христианства реформировать папство, столь униженное фискальной политикой Иоанна XXII. Людовик триумфально вступил в Рим и от представителей римского народа принял звание сенатора и правителя (подеста) Рима. От имени же римского народа он был коронован императором. Церемония завершилась пиром, который римский народ устроил в честь императора на Капитолии, символе величия древнего Рима, воздвигнутом независимым римским народом.

Все это является отзвуком революционных идей, выраженных Марсилием Падуанским в трактате *Defensor pacis* (*Защитник мира*) — наиболее смелом произведении средневековой политической мысли. В противоположность теократическим принципам папства Марсилием выдвигал принцип суверенитета народа как основы, на которой строится государство. Компетенция церковной иерархии ограничивается у него обеспечением духовных нужд под наблюдением государства. Действия папы подлежат контролю собора, в котором должны быть представлены наряду с клириками миряне и светские власти. Марсилием Падуанским и его друг-француз Жан Жанден оказывали влияние на Людовика Баварского (которому он и преподнес свой труд), оба они присутствовали на торжествах в честь Людовика в Риме. Логическим следствием этих революционных событий явилось низложение Иоанна XXII и избрание — римским народом — антипапы Николая V*, одного из преследовавшихся фанатичных последователей св. Франциска.

Однако для реализации революционных идей Марсилия время еще не настало, неясно также, создавал ли сам Людовик IV все значение предлагавшихся им радикальных нововведений. Избрание

* В оригинале ошибочно — Мартина V. — Прим. перев.

антипапы было ошибкой, помешавшей Людовику привлечь новых сторонников. Теснимый Робертом Неаполитанским, он должен был оставить Рим, недавно приветствовавший его, а теперь осыпавший проклятиями, и еще два года безуспешно сражался в Ломбардии, пытаясь добыть победу гибеллинам.

В начале 1330 г. Людовик IV вернулся в Германию, пообещав своим сторонникам предпринять новый поход в Италию, к участию в котором он склонил чешского короля.

Ян Чешский вновь принял на себя роль посредника между императором и папой. Как и его дядя архиепископ трирский, он остался глух к предложению папы содействовать избранию нового германского короля и теперь, мечтая о новых приключениях в Италии, с санкции Людовика IV решил обратиться к папе с предложениями компромисса. Яну удалось склонить к примирению с императором даже Габсбургов: Людовик IV должен отказаться от поддержки антипапы и своего обращения к собору, а также всех действий и выступлений против папы; ему следует подчиниться папе, но без ущерба для своего королевского и императорского достоинства.

Папа отверг какой-либо компромисс, требуя полной капитуляции императора и сложения им с себя королевской и императорской власти. Французский король Филипп VI выступил с притязаниями на Ломбардию для кого-либо из членов своего дома. Несмотря на неудачу своей миссии, Ян Люксембургский продолжал готовиться к итальянскому походу. Соглашение с герцогом Йиндржихом (Генрихом) Хорутанским (Каринтийским) явилось важным шагом в реализации его планов: Йиндржих отказывался от всех притязаний на Чешское королевство и давал согласие на брак своей дочери Маргариты (Маульташ) с младшим сыном Яна Иоганном Генрихом (Яном Йиндржихом), который должен был унаследовать герцогство Каринтию и графство Тироль. Находясь в Триенте (Тренто), Ян Чешский принял посольство коммуны Брешии, предложившее ему власть над городом в обмен на оказание помощи против вторжения гибеллинов. Ян принял предложение, хотя уже получил известия о новом доказательстве переменчивого характера императора: тот заключил соглашение с Габсбургами, направленное на вытеснение Люксембургов из альпийских земель.

Так началась итальянская авантюра Яна Чешского, на которую его вдохновляли кроме свойственной ему страсти к приключениям династические интересы Люксембургов. Возможность утвердить

младших потомков Люксембургов в Каринтии искушала предприимчивого короля к созданию по соседству, на солнечных землях Ломбардии, нового обширного домена своего дома. Однако роль, которую он намеревался играть в Ломбардии, не получила одобрения ни императора, ни папы, ни Франции, недостатки же своего плана он маскировал, подчеркивая дружественные отношения с этими политическими силами. В Ломбардии желание мира было так велико, что Ян, представлявшийся миротворцем, вскоре был признан государем в очень многих коммунах, включая Брешию, Верону, Кремону, Милан, Модену и Лукку. Его успех был столь неожиданным, что даже папа предпочел сохранять по отношению к нему нейтралитет, удовлетворяясь уже тем, что Ломбардия не оказалась вновь захваченной Людовиком IV. Чтобы усилить свои позиции в Италии, Ян приказал своему сыну Карлу (Карелу), находившемуся в то время в Люксембурге, присоединиться к нему в Ломбардии, выражая таким образом надежду, что положение государя Ломбардии станет в его роду наследственным.

Следовало ожидать, что Людовик не одобрит блестящий успех Яна в Италии. Когда Ян узнал, что император готов поощрить угрозы Габсбургов Чехии, ему пришлось оставить ведение итальянских дел своему юному сыну, чтобы постараться умиротворить Людовика IV. После долгих споров в августе 1331 г. в Нюрнберге ему удалось достичь соглашения с императором: тот санкционировал его завоевания в Италии и предоставил ему в наследственные имперские лены Брешию и Лукку, а девять коммун (Милан, Бергамо, Новару, Павию, Кремону, Парму, Модену, Реджо и Боббио) в залоговое держание. Французскую поддержку Яну обеспечило его обещание военной помощи против Англии и в случае любого другого нападения (кроме императора). Франко-чешскую дружбу должен был укрепить брак дочери Яна Гуты и наследника французского престола принца Иоанна*.

С помощью французского короля Яну удалось достичь соглашения и с Иоанном XXII, но в этот момент чешские владения в Италии оказались в большой опасности. Правители Милана и Вероны Висконти и Скалигеры начали менять курс; первой коммуной, отпавшей от Карла Люксембургского, стала Брешия. Правители различных коммун начали формировать новую Ломбардскую лигу, но победа, одержанная над нею Карлом при Сан-Феличе, не остановила новых

* Будущий король Иоанн II Добрый (1350—1364).— *Прим. перев.*

успехов ломбардских городов. Король Ян с отрядом рыцарей поспешил из Франции в Италию, но после того как войско Люксембургов было разбито у Феррары, бесполезной оказалась даже поддержка папского легата. Чешские владения в Италии неуклонно сокращались. В Тоскане Карл удерживал Лукку (там он построил укрепление, которое до сих пор называют Монте-Карло), но он ясно понимал, что итальянские владения сохранить невозможно, и убедил отца разрешить ему вернуться в Чехию. В октябре 1333 г., оставив небольшие гарнизоны в Парме и некоторых других городах, Ян Чешский покинул Италию⁹. Единственным результатом его авантюры в Италии был рост там единодушия в неприятии иностранного господства. Яну не удалось установить более дружественные отношения с ломбардскими коммунами, и в Ломбардии, как и в Чехии, он оставался чужестранцем. Петрарка сравнивал Яна в его отношении к Италии с голодным волком, жаждущим богатой добычи¹⁰.

Возможно, оставив Италию, Ян Чешский еще надеялся вернуться и предпринять новую попытку добыть для дома Люксембургов владения на Апеннингах. Он тут же вновь приступил к роли посредника между императором и папой. В соответствии с новым планом, превращению которого он себя посвятил, Людовик IV должен был отречься в пользу своего племянника (и зятя Яна) герцога Нижней Баварии Генриха, последний давал необходимые гарантии целостности всех владений, приобретенных Людовиком для дома Виттельсбахов; после этого папа снимет с Людовика отлучение. Ян добился согласия на это Филиппа VI Французского — в обмен на обещание Генриха, по принятии германской короны, заключить с Францией договор о дружбе и союзе и уступить французскому королю все имперские владения в Арелате. Видимо, Филипп VI рассчитывал стать также папским викарием в Ломбардии. Таким образом, вероятно, Ян Люксембургский мог надеяться предпринять новую попытку в Италии с помощью и под покровительством Франции.

Папа медлил дать принципиальное согласие начать переговоры с Людовиком IV. Ему не нравилось усиление влияния Франции и приходилось считаться с противодействием Роберта Неаполитанского. Когда же, наконец, он решился послать легатов к Людовику, было слишком поздно. К императору уже обратился кардинал Орсини, готовивший новый удар против Иоанна XXII: папа должен был быть обвинен в покровительстве ереси и предстать перед судом собора. Хитрый император, знавший о недовольстве, которое вызвали в некоторых кругах Германии слухи о планах его отречения, объявил

эти слухи безосновательными. Так план примирения папы и императора потерпел неудачу. Ян Чешский, разочарованный в своих надеждах, хотел посоветовать папе отделить Арелат от империи и вызвался содействовать избранию своего зятя на германский престол. Внезапная смерть девяностолетнего папы 4 декабря 1334 г. положила конец всем этим проектам.

Так завершился первый этап вмешательства Яна Люксембургского в европейскую международную политику. На втором этапе его направлял его сын Карл, умевший благодаря своему более уравновешенному характеру обуздывать безрассудный и опрометчивый нрав отца.

Имперские дела были не единственным объектом забот Яна Люксембургского в этот период. Отношения Чехии с Польшей представляли проблему, требовавшую решения и, более того, прямо влиявшую на его королевские амбиции. Хотя Ян предпочитал пребывание в Германии или Франции жизни в собственном королевстве, он ни в коей мере не намеревался отказываться от унаследованных от Пржемысловичей притязаний, в том числе и на польскую корону.

Тем не менее, хотя Людовик IV подтвердил притязания Яна на Польское королевство, для осуществления их он долгие годы делал слишком мало, и это дало время противнику Вацлава III Владиславу Локетку¹¹ укрепить свое положение. Когда же Локетек начал действовать, он столкнулся со многими трудностями. Хотя он был единственным из князей-Пястов, чье положение позволяло ему попытаться вновь объединить княжества в единое политическое целое, поначалу сочувствие он встретил только в Сандожежском княжестве. Лишь благодаря смерти Вацлава II ему удалось преодолеть оппозицию Малой Польши и в 1306 г. занять Краков. В Великой Польше положение определял силезский князь Генрик Глоговский. В этих обстоятельствах представлялось вполне вероятным, что Локетек потерпит поражение, но после убийства 8 августа 1308 г. Вацлава III его войско распалось. Это помогло Локетку занять Восточное Поморье (нем. Поммереллия, Малая Померания), на которое притязали также правившие в Бранденбурге Аскании, получившие на него юридические права от Вацлава III. Когда же в 1308 г. бранденбуржцы в результате нового вторжения захватили Гданьск, Владислав Локетек обратился за помощью к Тевтонскому ордену, но тот обманул князя и предательски занял все Восточное Поморье, а также заключил соглашение с Бранденбургом, что явилось страшным ударом для Ло-

кетка и всей Польши. Восстание ряда малопольских городов в 1311 г. и борьба, которую Локетку пришлось вести с краковским епископом*, продемонстрировали, сколь ненадежно было его положение. Однако в 1312 г. Яну Люксембургскому из этой ситуации удалось извлечь очень мало. Положение Локетка упрочилось, когда после смерти Генрика Глоговского ему удалось изгнать его сыновей в Силезию и в 1314 г. овладеть всей Великой Польшей. На этот раз чешский король вновь упустил возможность вмешаться, хотя глоговские князья продолжали притязать на польскую корону.

Как и при Вацлаве II, высшие духовные лица Польши оставались самыми горячими сторонниками возрождения Польского королевства. Теперь их симпатии были на стороне Владислава Локетка, и они начали добиваться признания его притязаний папой. «Денарий св. Петра», платеж, осуществлявшийся Польшей в пользу папства, оказался самым лучшим средством завоевать сочувствие такого финансиста, как Иоанн XXII. В 1318 г. на съезде в Сулееве Локетек и его епископы согласились с требованием папы увеличить «денарий св. Петра» втрое. В результате папа не только дал согласие на коронацию Владислава Локетка, состоявшуюся в 1320 г. в Кракове, но и начал судебный процесс против Ордена, по приговору которого Восточное Поморье должно было быть возвращено Польше. Хотя Орден, обжаловав приговор, уклонился от его исполнения, по его престижу был нанесен удар¹².

Чешский король в Авиньоне выступил с протестом против папского решения о коронации Локетка, но сделал это в такой форме, что папа, заявив, что начинание Локетка не нарушит ничьих прав, признал совершившийся факт¹³.

Новый польский король по-прежнему сталкивался с оппозицией своей власти, особенно со стороны мазовецких и силезских князей. Последние, претендуя на титул *duces Poloniae*, считали себя самостоятельными государями, и когда некоторые из них выступили с протестом против согласия Локетка увеличить «денарий св. Петра», они ясно дали понять, что считают свои княжества лежащими вне пределов польской короны¹⁴.

Несмотря на эту оппозицию, власть Локетка продолжала расти. Самым большим его успехом было заключение союза между Поль-

* Имеется в виду восстание в Кракове — так называемый бунт войта Альберта — и конфликт с епископом Мускатой. — *Прим. перев.*

шей и Венгрией, скрепленного браком вдовствовавшего венгерского короля Карла Роберта с дочерью Локетка Эльжбетой (1320). В 1325 г. Локетек заключил союз с литовцами, остававшимися язычниками, и его сын Казимир (Казимеж) женился на дочери их князя Гедимины Анне (Алдоне).

С помощью Литвы в 1326 г. Локетек совершил поход в Бранденбург, находившийся в руках младшего сына императора Людовика IV, против которого Иоанн XXII собирал все наличные силы, однако известия об опустошениях, учиненных язычниками-литовцами в христианской стране, отвратили европейское общественное мнение от Локетка. Тевтонский орден установил более тесные отношения с юным Виттельсбахом и заключил союз с вроцлавским князем.

Более серьезную опасность для Локетка представляли действия, предпринятые в этой ситуации Яном Люксембургским. Вновь предъявив свои притязания на польскую корону, он перешел в наступление и продвинулся до Кракова. Лишь вмешательство союзницы Локетка Венгрии заставило Яна остановиться, однако немедленным следствием его похода было признание по меньшей мере пятью, если не восемью, княжествами Верхней Силезии своим государем чешского короля. Еще важнее было то, что князь вроцлавский Генрик VI, главным образом по инициативе немецкого бюргерства Вроцлава, заключил союз с Яном Чешским, признав его своим наследником. Король лично прибыл во Вроцлав, где действовал как его сюзерен.

Войну против союзников Локетка литовцев продолжал Тевтонский орден, в чем ему помогал приток привлеченных идеей крестового похода рыцарей из Германии. В конце 1328 г. к ним присоединился чешский король, возмужавший, надеявшийся хотя бы таким образом исполнить свой обет участвовать в крестовом походе против Гранады, последнего оплота мусульман в Испании. С орденскими войсками он из Торуня вторгся в литовские земли, где их совместными усилиями была взята важная крепость Медельваген. Наступление Локетка против Ордена предоставило Яну Люксембургскому новую возможность выступить с притязаниями на польские земли. Он заключил с Тевтонским орденом договор о дружбе, направленный против литовцев и «краковского короля» Владислава Локетка, и как король Польши уступил Ордену Восточное Поморье, права на которое оспаривали Локетек и Орден. Затем Ян занял Добжиньскую землю в Куявии и принудил мазовецкого плочного князя стать его вассалом. Прежде чем уйти в Силезию, Ян Люксембургский отдал

Ордену половину Добжиньской земли и обещал еще половину земель, которые он рассчитывал захватить в Мазовии.

Рыцари Ордена продолжали наступление в Куявии и Мазовии и заняли несколько важных городов: таков был печальный результат военных действий Локетка на землях Ордена. Чтобы избежать осложнений с Бранденбургом, что серьезно ухудшило бы его простое положение, Локетку пришлось заключить мир с маркграфом Виттельсбахом.

Военные успехи Яна Люксембургского в Польше отразились и на положении в Силезии. Чешский король не только смог прекратить нападения на Генрика VI Вроцлавского других силезских князей, недовольных его соглашением с Яном, но и заставил ряд мелких князей признать свой суверенитет¹⁵. Глоговский князь сопротивлялся, но после его смерти в 1331 г. и это княжество стало чешским леном. Верхняя Лужица, которая после пресечения рода Асканиев оставалась в руках силезского яворского князя, также покорила власть чешского короля.

В 1330 и 1331 гг. Владислав Локетек продолжал с переменным успехом воевать с Орденом, но позиции того были слишком сильны, и Локетку пришлось оставить надежду вернуть Восточное Поморье Польше. В 1333 г. он умер, так и не сумев объединить все земли, которыми владели Пясты. Трудности, с которыми он столкнулся, показывают, что если бы Ян Чешский сосредоточил усилия на завоеваниях на Востоке, его задача была бы гораздо тяжелее. Отсутствие у Яна Люксембургского, предпочитавшего авантюры на Западе, искренней заинтересованности в делах своего королевства значительно облегчало положение Локетка. Главной заслугой Владислава Локетка было возрождение им идеи объединения Польши под властью короля-поляка.

Сын и преемник Владислава Локетка Казимир III Великий (1333—1370)¹⁶ ясно сознавал невозможность войны против двух могущественных соседей — Тевтонского ордена и Чешского королевства, тем более что сохранялась опасность со стороны маркграфа бранденбургского Людовика* Виттельсбаха, поддерживаемого его отцом, императором Людовиком IV. В связи с этим Казимир удовлетворился продлением перемирия с Орденом и с королем Яном Чешским и начал переговоры с Виттельсбахами. Однако такой поворот событий

* В оригинале ошибочно — Генриха. — *Прим. перев.*

был опасен для Яна, и его сын Карл, маркграф моравский, начал готовить почву для новых переговоров между королями Чехии и Польши, начавшихся благодаря посредничеству венгерского короля Карла Роберта в Тренчине (в то время на территории Венгрии). В ответ на признание готовности Яна Чешского оставить все притязания на польскую корону Казимир продемонстрировал решимость признать положение в Силезии, где большая часть князей перешла под суверенитет чешского короля. Это было важным дипломатическим успехом Казимира, ибо Ян отказался от союза с Орденом и обещал вместе с венгерским королем быть арбитром в конфликте между Орденом и Польшей¹⁷.

В результате переговоров в ноябре 1335 г. в резиденции Карла Роберта Вышеграде, где собрались три короля, был торжественно заключен мир. Ян Чешский недвусмысленно отказывался от титула короля польского в обмен на уплату Казимиром значительной суммы денег. Два арбитра решили, что Восточное Поморье перейдет к Ордену, но Куявия и Добжиньская земля должны быть переданы Казимиру¹⁸.

Казимир III, хотя и сознавал, что при существующих обстоятельствах он едва ли мог добиться более благоприятного решения, не решался дать согласие на переход Силезии к Чехии и пошел на это только в 1339 г. во время новой встречи в Вышеграде. Так завершился важный этап отношений двух славянских государств. Силезия, за владение которой боролись поляки и чехи, стала землей чешской короны. Благодаря этому приобретению значительно вырос престиж Чешского королевства и была отвлечена угроза того, что, по крайней мере, часть силезских князей станет непосредственными вассалами императора. Однако история показала, что передача Силезии Чехии значительно ослабила там славянский элемент. Немецкая колонизация, начавшаяся уже при польских силезских князьях, была особенно значительна в Нижней Силезии, где большинство городов было основано немцами. Немецкие бюргеры были главными сторонниками Яна Люксембургского в Силезии. Тем не менее, нельзя сказать, что Ян Люксембургский в собственных интересах поощрял германизацию Силезии, как и нельзя быть уверенным, что если бы она осталась польской, этот процесс замедлился бы (хотя польское высшее духовенство всегда сопротивлялось проникновению немецкого элемента больше, чем какого-либо иного).

Сколь ни болезненна была для Казимира III передача Силезии, еще более он сопротивлялся утрате Восточного Поморья. Он ясно

видел, что его страна оказывается отрезанной от моря, что препятствует какому-либо расширению польских интересов в этом направлении. Прежде всего, он попытался избежать передачи Восточного Поморья, затеяв новый судебный процесс. С согласия папы процесс открылся в Варшаве в 1339 г.; его материалы имеют огромное значение как источник знаний о Польше XIV в. Хотя решением суда Орден обязывался вернуть все захваченные польские территории Казимиру, этот вердикт остался мертвой буквой, и даже папа не решился настоять на его исполнении. В конце концов, Казимир понял, что должен уступить, и в 1343 г. в Калише подписал мирный договор с Орденом на основе решений арбитража 1335 г. Обеспечив таким образом мир для своего королевства, Казимир III сосредоточил усилия на политической и экономической консолидации своих земель, что, в частности, дало ему возможность начать экспансию Польши на Восток.

Возможно, отношения между Польским и Чешским королевствами были бы более дружественными, если бы был заключен брак между Казимиром и Маргаритой, сестрой маркграфа моравского Карла, который, считая укрепление отношений между Чехией, Польшей и Венгрией одной из главных целей своей политики, и замыслил этот союз. Бракосочетание должно было состояться в Праге в 1341 г., но, к большому горю своего жениха, Маргарита заболела и умерла, и тот смог присутствовать только на ее похоронах. Вместо чешской княжны Казимир III женился на Аделаиде Гессенской, но и этот брак был организован Карлом, желавшим привлечь Казимира к партии германских князей — противников Людовика IV.

В этом отношении полного успеха Карл не добился. В начале 1345 г. император вовлек Казимира III в союз, направленный против Люксембургов, его должен был скрепить брак второй дочери Казимира и сына Людовика IV. Первым враждебным актом Польши против Чехии явилась попытка Казимира захватить в плен Карла, когда тот возвращался после очередного неудачного крестового похода против литовцев, в котором он участвовал вместе с отцом и юным венгерским королем Лайошем. Карл же, узнав о намерениях поляков захватить его во время пребывания в Калише, с помощью немецких бюргеров этого города сумел избежать ловушки.

Казимир, потеряв хорошую возможность потребовать территориальные уступки в обмен на освобождение царственного пленника, напал на Ратиборское княжество в Силезии. Чешский король немед-

ленно нанес ответный удар, и вскоре его армия стояла у стен Кракова. Казимир III был вынужден просить мира, и вскоре благодаря вмешательству римской курии чешско-польский конфликт был урегулирован. Чтобы укрепить дружественные отношения с союзницей Польши Венгрией, Карл посетил молодого короля Лайоша и предложил ему брак со своей дочерью Маргаритой.

Польско-чешский конфликт был тесно связан со вторым этапом вмешательства Яна Люксембургского в конфликт Людовика IV с папством. Новый папа Бенедикт XII (1334—1342) был более склонен к примирению с императором и проигнорировал предложения Яна и французского короля выступить против Людовика Баварского в соответствии с планом, согласованным перед смертью Иоанна XXII. Ободренный этим обстоятельством, Людовик IV осмелился нанести новый удар Люксембургам. После смерти Генриха (Йиндржиха) Хорутанского (1335) в нарушение воли покойного герцога, завещавшего Каринтию и Тироль своей дочери Маргарите Маульташ, жене младшего сына чешского короля Иоганна Генриха (Яна Йиндржиха), император передал Каринтию и Крайну как имперские лены Габсбургам, а себе забрал северный Тироль (правда, верность тирольского дворянства сохранила Маргарите, по крайней мере, эту землю). Ян Чешский тщетно протестовал против несправедливого решения. Военный конфликт с Габсбургами и императором, в котором Яна поддержала Венгрия, не принес однозначного результата, маркграф Карл лишь сумел укрепиться в Тироле. Чтобы ослабить позиции императора, Ян заключил соглашение с Габсбургами, отказавшись от прав на герцогство Каринтию при условии, что Маргарите и ее мальчику-мужу будет оставлен во владение Тироль. В 1337 г., когда Карл на несколько месяцев потерял доверие отца, тот вновь появился в Тироле и даже смог распространить свою власть на два итальянских города — Беллуно и Фельтре.

Союз Яна с Габсбургами не ослабил императора. Надеясь при поддержке Филиппа VI Валуа примириться с папой, тот укреплял дружественные отношения с Францией. Когда же оказалось, что его усилия не приносят успеха, он обратился к английскому королю Эдуарду III, который возобновил свои притязания на французский престол и был полон решимости защищать свои права на провинцию Гиень в южной Франции и торговлю с Фландрией. Папа отчаянно пытался примирить соперников, опасаясь последствий вооруженного конфликта между ними для западного христианства. Ян

Люксембургский, действуя в интересах своей союзницы Франции, предпринял тщетную попытку отговорить императора от союза с Англией.

Общественное мнение Германии, уставшей от длительного соперничества между императором и папой, становилось все враждебнее по отношению к Авиньону и Риму. Воспользовавшись этим изменением общественных настроений, Людовик IV подвиг курфюрстов на важный акт в защиту своих прав и прав избранного ими императора против притязаний курии. На съезде в Ренсе (1338)¹⁹ курфюрсты заявили, что избранный ими император не нуждается в одобрении или утверждении со стороны курии. Будучи законно избранным, он обладает полным правом осуществлять свои королевские и императорские права, а папе принадлежит лишь право его титулования и коронования императорской короной.

Ян Чешский был единственным курфюрстом, не присутствовавшим в Ренсе. Официальный союз между Англией и империей был заключен летом 1338 г., когда Эдуард III встретился с Людовиком IV в Кобленце и получил титул генерального викария в Германии. Когда не только дядя Яна архиепископ трирский, но и его зять герцог Нижней Баварии Генрих присоединились к императору против Франции, Ян оказался в изоляции и был вынужден капитулировать перед императором. Весной 1339 г. во Франкфурте он принес Людовику IV вассальную присягу и формально принял от него свои владения как имперские лены. Затем между Виттельсбахами и Люксембургами был заключен союзный договор, при этом Яну удалось получить гарантии своих обязательств в отношении Франции.

Союзу Виттельсбахов и Люксембургов не суждена была долгая жизнь: первые трещины в нем появились уже осенью того же года. После неожиданной смерти зятя Яна нижнебаварского герцога Генриха император принял регентство на себя, чтобы таким образом не дать овдовевшей дочери Яна Люксембургского Маргарите править от лица ее сына Иоганна. Когда в конце 1340 г. одиннадцатилетний сирота умер, Людовик IV просто присоединил нижнебаварское герцогство к собственному — верхнебаварскому, лишив вдову даже ее апанажа. Последний удар, окончательно разрушивший альянс, был нанесен в 1342 г. Положение Иоганна Генриха в Тироле в последнее время ухудшалось: местная знать была разочарована в Люксембургах, от которых ожидалась более решительная поддержка в защите земель покойного герцога. Еще опаснее было отчуждение между

Маргаритой (которой потомки дали нелестное прозвище Маульташ, «пасть-мешок») и ее мужем, который был гораздо моложе ее. Она охотно приняла приглашение обратиться к императору, причем ее рука была предложена его овдовевшему сыну Людовику Бранденбургскому. Брат Иоганна Генриха Карл воспрепятствовал осуществлению этих планов, вторгнувшись в Тироль в 1340 г. В конце следующего года при поддержке дворянства Маргарите удалось изгнать мужа из Тироля. Император поторопился принять предложение, и в 1342 г. его сын женился на Маргарите, несмотря на то, что ее предыдущий брак с канонической точки зрения оставался в силе²⁰, и вступил во владение Тиролем. С союзом Люксембургов и Виттельсбахов было покончено, на границах Чехии и Баварии происходили вооруженные столкновения.

Хотя император нарушил предписания церкви относительно святости брака и действовал без санкции церкви, Люксембурги едва ли получили бы полную поддержку Бенедикта XII, не готового обострить конфликт курии с императором, но папа умер в апреле того же года, и на Святом Престоле его сменил фаворит французского двора и друг Люксембургов Пьер Роже — некогда он был наставником маркграфа Карла.

Новый папа Климент VI (1342—1352) был полон решимости низложить Людовика IV, избрав нового германского короля. Людовик предпринял попытки к примирению, посылая посольства в Авиньон, прося о поддержке курфюрстов и предложив Люксембургам в компенсацию за потерю Тироля Нижнюю Лужицу (1345). Однако сыновья Яна Люксембургского, не доверяя императору, не дали отцу принять предложение. В 1346 г., в разгар новых переговоров между императором и Люксембургами, папа принял решение, призвал в Авиньон Яна и его сына и раскрыл перед ними свое намерение подготовить избрание своего бывшего ученика Карла императором. Кандидатура самого Яна не была бы уместна, и не только из-за его непостоянного характера, но и потому, что он совершенно ослеп²¹.

Очень осторожно папа приступил к реализации своего плана. Не отвергая совершенно возможность примирения с отлученным от церкви императором, он продолжал укреплять позиции Люксембургов, предоставляя им время для того, чтобы склонить курфюрстов к новым выборам. Одной из мер, которая должна была усилить позиции Карла, было предоставление пражскому епископству статуса архиепископии, которой должны были подчиняться епископства оло-

моуцкое и вновь основанное литомысльское. Ставя в привилегированное положение столицу Чехии, Климент VI одновременно действовал против вставшего на сторону Людовика IV майнцского архиепископа, до того являвшегося одновременно архиепископом пражским.

Тем временем популярность императора неуклонно падала. Общественное мнение Германии, ранее приветствовавшее союз Людовика с Англией против Франции, теперь из-за его двусмысленной позиции в ходе первых военных столкновений двух королей и умышленного нарушения церковной заповеди о нерасторжимости брака постепенно оборачивалось против него. Князей возмущало сосредоточение, невзирая на права прежних владельцев, имперских ленов в руках Виттельсбахов. Новый инцидент такого рода возник в 1345 г., когда император после смерти графа Нижней Голландии захватил его земли. Таким образом, Людовику IV не удалось добиться такой же поддержки князей, как в Ренсе. Его попытки окружить владения Люксембургов потерпели неудачу, когда Ян с сыном заставили Казимира III Польского отказаться от надежд на территориальные приобретения в союзе с императором.

Из-за опасности, которую мог навлечь непредсказуемый Баварец, если бы ему было дано больше времени для интриг, папа решил выступить открыто. В апреле 1346 г. он возобновил все прежние приговоры против «Антихриста» Людовика Баварского, лишил его всех прав и призвал курфюрстов немедленно приступить к новым выборам, пригрозив им, что в случае их колебаний он будет принужден назначить германского короля и римского императора. Одновременно он объявил германским князьям, что его кандидатом является Карл Чешский.

До этого объявления Климент VI заключил специальное соглашение с Карлом, которое часто критиковали как уступку императорских прав папству. Теперь, однако, скорее превагирует мнение, что в ходе переговоров с папой Карл успешно пытался спасти все, что только можно, в отношении имперской идеи и функций императора. Пристально наблюдавший за развитием Германии в последнее время, он сознавал, сколь важна для германского народа и германского королевства имперская идея с ее обращением к универсальности. В отсутствие строгого монархического режима, основанного на династических узах, имперская идея являлась единственной скрепой, которая могла бы придать некоторое подобие связи и национального

единства множеству полунезависимых государств, на которые была раздроблена Германия. Помня о чувствах, недавно выраженных курфюрстами в Ренсе, Карл не мог принять заявленную Иоанном XXII точку зрения курии, что лишь одобрение папы легитимизирует осуществление королевских полномочий избранным монархом, и обещал испросить такое одобрение лишь перед получением императорских полномочий в Италии. Из тех же соображений он избегал любых деклараций, объявляющих недействительными акты Людовика IV как германского короля. Во многих отношениях его соглашение с папой напоминает текст декларации (прокураториума) Людовика IV 1336 г., в которой Баварец перечисляет уступки, на которые он готов пойти, чтобы примириться с папой²².

Французское одобрение нового соглашения не могло быть получено публично, поскольку Филипп VI (1328—1350) воевал с Англией и не желал провоцировать Людовика IV на прямое вмешательство против Франции. Тем не менее, зять Карла дофин Иоанн уверил его в молчаливом согласии Франции. Дядя Карла архиепископ трирский был его главным агентом в Германии. Папа облегчил ситуацию, назначив в Майнц нового архиепископа, расположенного к Люксембургам. Хотя количество князей, обещавших поддержку Карлу, было невелико, выборы, состоявшиеся 11 июля 1346 г. в Ренсе, прошли мирно. Карл был избран римским королем всеми пятью присутствовавшими курфюрстами.

Людовик Баварский мог бы поставить Люксембургов и папу в очень сложное положение, если бы предпринял против антикороля немедленные и энергичные меры, однако он, похоже, переоценил свои силы, имея в виду малое число имперских князей, поддерживавших Карла. Уверен он был и в поддержке германских городов: то, что в этом он не ошибался, показывает отказ Ахена, где обычно проходили королевские коронации, допустить в свои стены антикороля. В результате, после одобрения избрания Карла папой коронация была совершена в Бонне 26 ноября архиепископом кельнским.

Людовик IV мог рассчитывать также на помощь Англии, с королем которой Эдуардом III (1327—1377) он был в дружеских отношениях. Последний только что вторгся во Францию, и Филипп VI собирал вассалов под свои знамена. Ян Люксембургский и вновь избранный король Карл предпринимали тщетные попытки завоевать симпатии Рейнских земель, когда до них дошли эти известия. Помня об обязательствах по отношению к Франции и Филиппу VI и наде-

ясь, что французская победа над Англией ослабит Людовика IV и усилит позиции его сына, Ян поспешил во Францию с люксембургскими и чешскими рыцарями. Карл под знаменем римского короля предводительствовал собственным отрядом. Решающая битва у деревни Креси, гибельная для французской армии, разрушила их надежды. Англия впервые продемонстрировала преимущество хорошо обученной пехоты, вооруженной длинными луками, против атакующих рыцарей. Потери, которые понесли французские рыцари, были ужасающими, среди погибших был и чешский король²³.

Французский историк Жан Фруассар в хронике, составленной после 1370 г., оставил очень трогательное описание последнего боя и смерти рыцарственного короля Яна, показывающее, сколь глубоко впечатлил современников трагический конец слепого короля, который предпочел благородную смерть постыдному бегству²⁴. Хотя отчет Фруассара не во всех деталях подтверждается другими хрониками, нарисованная им картина героической смерти слепого странствующего рыцаря может считаться памятником, который французское рыцарство воздвигло в память чешского короля.

Говорят, что король Эдуард, узнав о его смерти, воскликнул со слезами на глазах: «Сегодня пал венец рыцарства. Не было никогда равных королю Чехии». Сын же его, «Черный принц»*, воспринял три страусовых пера со шлема Яна Люксембургского и слова его девиза «Ich diene» («Служу»); они и по сей день остаются на гербе и в девизе принцев Уэльских²⁵.

Многочисленные отзвуки, которые трагическая смерть чешского короля нашла в современных хрониках, показывают, как хорошо знали Яна при дворах Европы XIV в. В то же время их можно рассматривать как своего рода символическую вассальную присягу, принесенную рыцарским веком «венцу рыцарства». Подданные же Яна Чешского едва ли могли с удовлетворением вспоминать о его правлении. Хотя Чехия составляла основу для всех его политических комбинаций и военных предприятий, в собственном королевстве Ян оставался чужестранцем. Он посещал его редко и ненадолго, и основной целью его визитов было добыть денег для заграничных авантюрных проектов. Результатом такого пренебрежения королевскими обязанностями были уменьшение власти короля и рост влияния знати на управление. Постоянное выкачивание денег из королевских

* «Черный принц» — прозвище принца Уэльского Эдуарда, сына Эдуарда III. — *Прим. перев.*

имений и других доходных статей, непомерные налоги финансово разрушали страну. Лучше всего это иллюстрирует описание состояния дел, сделанное сыном Яна Карлом в 1333 г., когда он стал маркграфом Моравии: «Мы нашли королевство в столь убогом состоянии, что не обнаружили ни одного королевского замка, который бы не был заложен со всеми своими поместьями, и нам негде было останавливаться, кроме как в домах бюргеров, как обычным горожанам».

Прискорбный упадок экономического положения Чехии в правление Яна Люксембургского еще более удручает, если сравнивать его с расцветом Венгрии, которой тоже правил король из иноземной династии — Карл Роберт Анжуйский (1308—1342). Этот француз после длительной борьбы подчинил могущественных магнатов и затем посвятил всю свою энергию хозяйственному развитию королевства. Не чех, а венгерский король извлек выгоды из опыта и реформ последних Пржемысловичей. Карл Роберт по чешскому образцу наладил эксплуатацию горных богатств Венгрии и по примеру Вацлава II провел успешную денежную реформу. Регулируя налогообложение и поддерживая растущие города, Карл Роберт обеспечил своему королевству новую эру процветания²⁶.

Этого невозможно сказать о Яне Люксембургском. И все же его правление нельзя назвать совсем бесплодным для развития Чешского королевства. Долговременным приобретением для чешской короны оказалось установление власти над Хебом (Эгером), Верхней Лужицей и большей частью Силезии. Задачей его сына и преемника Карла было закрепить эти приобретения и привести Чехию к новому хозяйственному и финансовому расцвету.

Примечания

¹ Подробнее см. E. Zeck, *Der Publizist Pierre Dubois* (см. Библ.); ср. также F. Bock, *Reichsidee und Nationalstaaten*, S. 147—148 (см. Библ.). О Дюбуа ср. *ibidem*, S. 486 f.

² Письма Данте Генриху VII опубликовал П. Тойнби: P. Toynbee, *Dantis Alagherii Epistolae*, Oxford, 1920.

³ Подробные указания на материалы источников и полные библиографические сведения о Генрихе VII приведены Ф. Шнейдером: F. Schneider, *Kaiser Heinrich VII* (см. Библ.).

⁴ Ян Люксембургский дал сыну имя Вацлав в честь святого — покровителя Пржемысловичей и в память отца Елизаветы-Елишки Вацлава II. Его

стали называть Карлом в честь дяди — французского короля Карла IV Красивого (1322—1328), присутствовавшего как крестный отец при его конфирмации.

⁵ Наиболее значительное чешское исследование о Яне Люксембургском принадлежит Я. Шусте: J. Šusta, *Král cizinec* // *České dějiny*, t. 2, č. 2, Praha, 1939; Idem, *Karel IV: Otec a syn, 1333—1346* // *Ibidem*, t. 2, č. 3, Praha, 1946 (там же библиография чешских работ).

⁶ Подробнее о судебных процессах папства против Людовика IV и его апелляциях см.: R. Moeller, *Ludwig der Bayer und die Kurie*, S. 36 f. (см. Библ.). Автор лишь кратко упоминает о роли чешского короля как посредника применительно к 1330 г. (S. 80). Ср. также: T. Lindner, Bd I, S. 284, 411 f. (см. Библ.).

⁷ Некоторые немецкие историки считают целью посредничества Яна Люксембургского желание низложить Людовика IV и расчислить путь к имперскому престолу для себя или своего сына. Я. Шуста (*Král cizinec*, s. 370 f.) убедительно показывает, что в тот период у Яна не было намерений бороться за императорскую корону.

⁸ Людовик IV отправил Яну Люксембургскому чрезвычайно дружественное письмо, предлагая на время своего отсутствия должность викария в Германии. Итальянские гибеллины также обратились к Яну Люксембургскому в поддержку имперских планов Людовика IV, напоминая о его отце Генрихе VII. Письма опубликованы Е. Е. Штенгелем: E. E. Stengel, *Nova Alamaniae*, Bd I, Berlin, 1921, S. 93 f. Письмо итальянских гибеллинов адресовано Яну, «Bohemia et Polon(ie) regi» (sic!).

⁹ Подробнее см.: L. Röppelmann, *Johann von Böhmen in Italien (1330—1333)*, S. 249—462 (см. Библ.). Автор ссылается на основные итальянские и чешские источники, существенные для периода правления Яна Люксембургского. Их дополняет Е. Шихер в своей работе о политике Яна Люксембургского по материалам итальянских архивов: E. Schiecher, *Příspěvky k dějinám politiky Jana Lucemburského. Podle pramenů z italských archivů* // *Zprávy českého zemského archivu*, t. 7 (1927). См. также A. Lehleiter, *Die Politik K. Johans von Böhmen in den Jahren 1331—1334*, Bonn, 1908; J. Šusta, *Král cizinec*, s. 481—573. Об итальянской политике курии см. H. Otto, *Zur italienischen Politik Johans XXII* (см. Библ.).

¹⁰ Ср. L. Röppelmann, S. 390—392. Петрарка в то время жил в Авиньоне и описал прискорбное положение Италии в написанном гексаметром письме, адресованном Энео Толомеи ди Сиена.

¹¹ Правление Локетка до сих пор не было предметом монографического исследования. Лучшая польская работа о Польше XIII в. и Владиславе Локетке принадлежит Загоровскому: S. Zachorowski, *Wiek XIII i panowanie Wld. Łokietka* // *Encyklopedia Polska*, v. 5, p. 1, Kraków, 1920, s. 134—309. На с. 302—309 автор приводит подробную польскую библиографию, посвящен-

ную этому периоду. Книга Репелла и Каро, хотя во многих отношениях и устарела, до сих пор полезна: J. Roepell, J. Caro, *Geschichte Polens*, Bd 2, Gotha, 1863.

¹² Главные источники, касающиеся споров между Орденом и Польшей, приведены в двухтомной публикации, изданной в Познани в 1890 г.: *Lites et res gestiae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum*. См. также более подробную библиографию: St. Zajaczkowski, *Polska a Zakon Krzyzacki* // Archivum Tow. Nauk, Lwów, 1929.

¹³ Польский историк О. Бальцер в своей образцовой работе, посвященной этому периоду (O. Balzer, *Królestwo polskie 1295—1370*, Lwów, 1919—1920, t. II, s. 281 f.), выдвигает тезис, что Ян Люксембургский, говоря о своих правах на Польское королевство, притязал только на Великую Польшу. Я. Шуста (J. Šusta, *Král cizinec*, s. 426, 468) четко показывает, что Ян всегда имел в виду все Польское королевство.

¹⁴ О проблемах, касающихся «денария св. Петра», см. E. Maschke, *Der Peterspfennig* (см. Библ.).

¹⁵ Известный французский поэт Гильом Машо, большой почитатель Яна Люксембургского, на службе которого он находился с 1323 г., в своем сочинении *Le Confort d'ami* говорит о тринадцати силезских князьях, приносящих вассальную присягу Яну; здесь же имеется чрезвычайно интересная информация о литовском походе Яна: Hoerpfner, *Oeuvres de Guillaume de Machaut*, v. 3 (1921). Ср. также: Comte de Puymaure, *Une campagne de Jean de Luxembourg, roi de Bohême* // *Revue de questions historiques*, v. 42 (1887), p. 168 f.

¹⁶ См. о Казимире III Великом: O. Halecki, *Kazimierz Wielki* // *Encyklopedia Polska*, v. 5, p. 1, Kraków, 1920, s. 310—409. См. подробные указания на источники, относящиеся к правлению Казимира III, и библиографию польских работ: Z. Kaczmarzyk, *Kazimierz Wielki, 1330—1370*, Warsz., 1948, s. 388—394. Ср. также книгу: *Monarchia Kazimierza Wielkiego. Organizacja kościoła, sztuka i nauka*, Poznań, 1946.

¹⁷ Документы, подписанные в Тренчине, опубликовал О. Бауер: O. Bauer, *Poznámky k mírovým smlouvám českopolským z roku 1335* // *Sborník Friedrichův*, Praha, 1931, s. 9—22.

¹⁸ Во время нового похода в Литву, предпринятого им в 1336 г. как крестовый, Ян Люксембургский вновь попытался примирить Орден и Казимира Великого. С подобной же миссией его сын Карл в октябре 1341 г. посетил великого магистра Ордена.

¹⁹ Подробнее об этом важном съезде и вообще о конфликте между Людовиком IV и папством см.: E. E. Stengel, *Avignon und Rhens* (см. Библ.).

²⁰ В этом отношении императору помогали его советники Марсилиус Падуанский и Уильям Оккам. Первый выдвигал в качестве аргумента то, что ради благополучия своих подданных император обладает правом растор-

гать неудачные браки. Оккам считал брак Иоганна Генриха недействительным. Не отрицая, как Марсилий, права церкви выносить свое суждение о законности и действительности брака, Оккам в исключительных случаях наделял этим правом и императора. Позднее Иоганн Генрих получил признание недействительности своего брака с Маргаритой Маульташ на том основании, что супружеские отношения не были осуществлены. Подробнее см. E. Wegunsky, *Geschichte Kaisers Karls IV* (см. Библ.), Bd I, S. 451 f.

²¹ Ян Люксембургский с детства страдал плохим зрением. В 1337 г., во время крестового похода против литовцев, он ослеп на один глаз. В 1340 г. он отправился в Монпелье, чтобы проконсультироваться со специалистами, но они не смогли спасти и второй его глаз. Причина его несчастья неизвестна, возможно, потеря зрения была вызвана глаукомой, против которой средневековые врачи были бессильны.

²² Все это явствует из осуществленной К. Цеймером публикации актов Карла: M. G. H. *Constitutiones VIII*, S. 12—17. Слова и фразы Карла, взятые из декларации Людовика IV, выделены здесь мелким шрифтом.

²³ О битве при Креси см., в частности, J. Viard, *La Campagne de juillet-août 1346 et la bataille de Crécy* // *Moyen Âge*, 36, 1926, p. 1—84 (там же более ранняя библиография).

²⁴ *Chroniques abrégées*, publ. par Kervyn de Lettenhove, *Œuvres de Froissart*, v. 17, Bruxelles, 1872.

²⁵ Я. Шуста (*Karel IV: Otec a syn*, s. 505—512), сделав обзор основных известий о смерти Яна Люксембургского, выражает сомнения относительно достоверности данной традиции. Сомнительно, что в день битвы Ян имел шлем с тремя страусовыми перьями: один из источников говорит, скорее, о соколиных перьях; видимо, нет надежных свидетельств и о девизе «Ich diene» («Служу»). Эдуард III повелел совершить над королем похоронный обряд и отправил его тело в Люксембург. Останки Яна претерпели ряд перипетий, в 1833 г. они были обнаружены прусским королем Фридрихом Вильгельмом III* в коллекции различных редкостей и помещены в церкви Капеля на Сааре, откуда 26 августа 1946 г., в шестисотлетнюю годовщину смерти, были перевезены обратно в Люксембург.

²⁶ Заслугой венгерского историка Б. Хомана является новое освещение экономических реформ Карла Роберта — первого венгерского короля из Анжуйской династии. Подробнее см. B. Hóman, *Gli Angiovinini di Napoli* (см. Библ.), p. 149—243.

* Фридрих Вильгельм III (1797—1840); в оригинале — Фридрих Вильгельм IV, вступивший на престол в 1840 г. — *Прим. перев.*

Глава IV

Карл IV, император и король чешский, и Казимир Великий, король польский

*Образование и характер Карла IV — Борьба за имперский трон — Правление Карла в Германии — Итальянская политика Карла — Карл и Кола ди Риенцо в Праге — Первая итальянская экспедиция Карла; критика Петфарки — Второй итальянский поход Карла — Император Карл и королевство Арагон — Золотая Булла — Правовые и экономические реформы в Чехии, *Maiestas Carolina* — Территориальные приобретения Чешского королевства — Торговая политика Карла; контроль над водными путями по Одеру и Эльбе — Прага, столица империи — Карл и Габсбурги — Польская экспансия на восток при Казимире Великом — Консолидация Польши при Казимире — Казимир, Карл IV и Тевтонский орден — Краковский конгресс — Успешные действия Казимира на востоке и против Бранденбурга — Преемники Казимира — Людовик Анжуйский, король польский — Кандидатура Люксембурга на польский трон — Карл обеспечивает германский трон своему сыну Вацлаву — Имперская политика Карла IV*

Карл IV был хорошо подготовлен к стоявшим перед ним нелегким задачам. В юные годы он временами испытывал то же влечение к опасностям, которое подвигло его отца стать странствующим рыцарем, но вместе с тем он унаследовал гораздо более ровный характер своей матери Елизаветы (Елишки) из династии Пржемысловичей. Более того, считая родиной не Люксембург, а именно Чехию, он в совершенстве овладел чешским, родным языком матери. Юность Карл провел в Париже, при самом блестящем дворе тогдашней Европы. Там он не только получил хорошее образование, но и ознакомился с административным аппаратом французской монархии, модернизированным и улучшенным благодаря стараниям последних Капетингов. В Париже к тому же находился знаменитый университет и, по мнению великих преподавателей схоластической философии, — центр христианского образования. Все это стимулировало его рвение в учебе и интерес к религиозным вопросам¹.

Опыт, приобретенный в Италии, где в самых неблагоприятных условиях он сражался в течение двух лет, лишь обострил его впечатлительный ум. Там он был втянут в сложные переплетения итальянской дипломатии, ознакомился со всеми ее притягательными и отталкивающими аспектами и проявил способность быстро и основательно усваивать новую информацию. Контраст между политической неразберихой в Ломбардии и строгим монархическим и феодальным режимом во Франции научил Карла по достоинству ценить стабильное центральное управление, необходимое для благополучия государства. В Ломбардии он осознал и значение прочной финансовой системы, а богатство местных городов помогло ему понять, какую важную роль в процветающем государстве играет торговля. Там, в Лукке, Карлу пришлось на собственном опыте испробовать и соблазны порока. Однако яркий сон, в котором один из его друзей предавался подобным излишествам и был наказан ангелом, грозившим той же участью и Карлу, настолько глубоко запал в душу юноши, что всю последующую жизнь служил ему нравственной путеводной звездой. Проникновенное религиозное чувство, также унаследованное им от матери, проявилось в живом интересе Карла к теологическим дискуссиям, в его высокой оценке добрых отношений между имперской и церковной властью, а также в страсти к собирательству религиозных реликвий. В этом отношении он следовал веяниям времени, и, хотя его рвение ныне может представляться несколько преувеличенным, Карл ни в коей мере не являлся религиозным фанатиком. По сути своей он был реалистом, способным даже церковные дела рассматривать хладнокровно, постоянно помня об интересах собственного государства².

После смерти отца и собственной коронации Карл IV, не теряя времени, организовал военную экспедицию против Людовика IV. Однако в самый критический момент он получил весть, что его баварский противник во время медвежьей охоты внезапно скончался от апоплексического удара. Положение Карла значительно поправилось, ибо отныне он законным образом мог объявить себя королем. Виттельсбахская партия была ослаблена и тщетно искала подходящего преемника Людовику IV. Карл завоевал сторонника в лице курфюрста Пфальца Рудольфа, Виттельсбаха, на чьей дочери Анне он женился после смерти своей первой супруги Бланки.

Курьезный случай позволил ему окончательно перетянуть на свою сторону остальных Виттельсбахов. В Бранденбурге, где Людо-

вик был особенно непопулярен, неожиданно объявился некий старец по фамилии Мюллер, объявивший себя асканийским маркграфом Вальдемаром, который умер в 1319 г. После мнимого погребения он якобы провел много лет в Палестине, а теперь явился предъявить права на свою землю. Вероятно, благодаря определенному внешнему сходству с покойным Вальдемаром, а также из-за непопулярности Людовика Баварского в Бранденбурге этот авантюрист нашел многочисленных приверженцев среди простолюдинов. Соседи Бранденбурга, архиепископ магдебургский, герцог саксонский и граф анхальтский, использовали этот инцидент в своих интересах, надеясь, что после смерти старого претендента они смогут «наследовать» его владения. Приглашенные Карлом проверить достоверность истории претендента, соседи признали ее правдивой и вторглись в Бранденбург. Однако результаты военных операций не оправдали их надежд. Карл, сперва признавший правомочность требований претендента и надеявшийся наследовать после него Лужицу, перешел на другую сторону, отвернулся от своих прежних союзников и начал тайные переговоры с Виттельсбахами. Поддержав их территориальные претензии на Бранденбург и Тироль, он убедил Виттельсбахов отказаться от графа Гюнтера—их кандидата на наследство Людовика и принести ему вассальную присягу. После смерти Гюнтера Карл лично посетил его похороны, благодаря чему завоевал новых приверженцев, а также удовлетворил оппозицию, добившись подтверждения своего королевского титула повторной, на этот раз традиционной, коронацией в Ахене (Экс-ла-Шапель) 18 июня 1349 г. Виттельсбахи уступили Карлу корону и другие императорские знаки отличия в феврале 1350 г., когда, отказавшись признать Вальдемара, он в Бауцене (Будишине) торжественно утвердил их во владении землями как имперскими ленами.

Карл IV, таким образом, проявил необычайную дипломатическую ловкость в устранении множества затруднений, препятствовавших его окончательному признанию в качестве германского и римского короля. Некоторые его шаги показывают, что он был способным учеником ловких ломбардцев. В целом он правильно оценил ситуацию в Германии, где люди устали от продолжительной борьбы за трон и с нетерпением ожидали мирных времен. В этом кроется одна из причин того, что Карл так часто предпочитал вести дела хитростью, обращать на свою сторону противников деньгами или же новыми пожалованиями.

Другая причина его осторожности в урегулировании опасных ситуаций коренилась в новых социальных бедствиях, обрушившихся на Германию. Черная Смерть, чума, пришедшая с Востока, перекинулась в 1348 г. из Италии в Германию и истребляла жившее в антисанитарных условиях население средневековых городов. Распространению эпидемии сопутствовала волна религиозных волнений. Неистовые процессии флагеллантов — кающихся грешников, сияющих умиловать Бога и отвратить Черную Смерть самобичеванием, блуждали от города к городу, сея панику, истерию и способствуя распространению заразы. Эти религиозные фанатики разносили нелепые слухи, будто евреи отравили колодцы, вызвав тем самым эпидемию. Волнения вылились в массовую резню евреев по городам. Кровавая баня часто приветствовалась бюргерами, завидовавшими экономическому процветанию еврейских купцов и финансистов, и происходила с попустительства знати, которая таким образом гасила свои задолженности еврейским банкирам и обогащалась за счет имущества убитых евреев. Погромы спровоцировали такие беспорядки и волнения, что всякий военный конфликт лишь ухудшил бы и без того сложную ситуацию. Страна нуждалась в мире, и первой задачей нового короля было положить конец волнениям. Карл, тем не менее, действовал без спешки и не пренебрег той пользой, которую несла королевской казне гибель богатых купцов. К активным действиям он перешел лишь тогда, когда волнения достигли его наследственных владений³. Он также обратился к Клименту VI с просьбой осудить и предать анафеме братства флагеллантов.

Для правления Карла IV в Германии характерны мирные методы. Он был достаточно реалистичным государственным деятелем и не упускал из виду тот факт, что раздробление империи на независимые княжества зашло слишком далеко и единства не достичь силой оружия. Свою королевскую власть он использовал, чтобы прекратить вооруженные конфликты между отдельными территориями и городами, и навязывал запрещавшие частные войны мирные соглашения — «земский мир» (Landfriede) — империи в целом и различным ее частям, побуждая, таким образом, различные классы своих подданных помнить, что они принадлежат к одному политическому объединению, равно как и, что по-прежнему существует центральная власть, которой они должны подчиняться. Поэтому он как мог часто лично появлялся в различных частях Германии, навязывая «земский мир» и способствуя лучшему пониманию идеи империи.

Конечно, то была лишь жалкая замена отсутствовавшей в Германии центральной власти, но при сложившихся обстоятельствах Карл IV не мог, да и не желал предпринимать ничего более существенного. Подобные методы как нельзя лучше соответствовали его собственному характеру. Он не был воином, а серьезный приступ подагры, пережитый им в 1350 г., еще больше склонил его к мирным методам. Для пущей эффективности управления он закрепил за собой прямое осуществление администрации над восточными территориями Германии, а наместником в западной части назначил своего дядю, архиепископа трирского⁴. Эта же система была распространена вплоть до Ломбардии и королевства Арелат, где, разумеется, об имперской власти уже практически забыли.

Что касается Италии, Карл IV на собственном опыте убедился в опасности, которую могло повлечь за собой вмешательство в местную сложную политическую ситуацию. В итальянской политике он не стремился брать пример со своего деда, Генриха VII, или же с Людовика IV. Единственной его целью было приобрести титул императора посредством коронации в Риме и принудить многочисленные местные политические образования признать его императорскую власть, воздав ему дань уважения и начав платить ему имперские налоги. У него не было намерений тратить ресурсы Германии и Чехии для извлечения каких-либо иных выгод из этого хитросплетения политических интриг и наследственной вражды.

Он понимал, что пропасть между имперской Италией и Германией за последние годы значительно увеличилась и было бы более чем рискованно пытаться остановить процесс отчуждения. Вражда между гибеллинами и гвельфами утихла со времен итальянского похода Людовика IV, но в своей основе эти группировки не претерпели существенных изменений. Добившись большей сплоченности, они, тем не менее, не сумели достичь сколь-нибудь заметного прогресса в строительстве политического единства Италии. В Тоскане ряд гвельфских городов — Флоренция, Лукка, Сиена с подвластными территориями — стоял в оппозиции к местной аристократии, большая часть которой питала симпатию к гибеллинам. *Popolo grasso* — «толстый» класс купечества и предпринимателей, управлявший этими городами, — ревниво оберегал свои свободы и в принципе выступал против любой власти со стороны, особенно императорской. На севере род Висконти, властвовавший в Милане, достиг наибольшего прогресса в деле объединения Италии, распространив свою власть

на всю Ломбардию, Геную и папскую Болонью. Воспользовавшись нападением короля Людовика Венгерского, притязавшего на наследство Неаполитанского королевства для венгерской ветви Анжуйской династии, Висконти заняли ряд городов в Пьемонте, принадлежавших королеве Иоанне Неаполитанской. Висконти были самыми лютыми врагами папской политической власти в Италии. В непрерывной борьбе с Висконти папы Авиньона стремились защитить свое государство и права на империю через легатов, номинально действовавших как имперские наместники.

Поэтому вполне естественно, что Климент VI добивался соглашения между тосканскими гвельфами (поскольку Флоренция угрожала экспансия Висконти) и Карлом IV против правителей Милана. Карл, тем не менее, не желал направлять свои силы в Италию для политической выгоды папства и отпустил флорентийское посольство, снабдив его неопределенными обещаниями. Папа, со своей стороны, отчасти утратил свой былой энтузиазм по отношению к Карлу, который не раз уже демонстрировал ему свою независимость и особенно разочаровал его примирением с отлученными от церкви Виттельсбахами. Побоявшись, что итальянская экспедиция Карла может привести к неожиданным последствиям, папа предпочел не заключать договор с флорентийцами и Карлом, приняв предложение Висконти, обещавших признать его власть. Он также умышленно медлил с разрешением на римскую коронацию Карла.

Ко всему прочему папу, по-видимому, встревожили попытки сближения с Карлом, предпринимавшиеся Кола ди Риенцо, который еще прежде, не считаясь с папой, на краткий промежуток времени установил свою власть в Риме в качестве народного трибуна. После своего низвержения в конце 1347 г. Кола, энергичный поборник величия Рима, поселился в уединенной горной местности среди францисканских монахов. Там он пришел к убеждению, что слава Рима может быть возрождена единственно благодаря новому Августу, роль предтечи которого ему надлежало возложить на собственные плечи. Поэтому в 1350 г. он объявился в Праге и раскрыл перед Карлом некие тайные пророчества: Карл, новый римский король, якобы был избран Провидением для восстановления прежней славы Рима и объединения под своим скипетром всего христианского мира⁵. На Карла произвел впечатление энтузиазм пылкого мечтателя, хоть он и не был тронут самими пророчествами и идеями Кола ди Риенцо. Опасаясь, что присутствие в Праге изгнанника, обвиняемого в ереси, неблагоприятно повлияет на его дальнейшие отношения

с папой, Карл поместил Кола под надзор архиепископа пражского. Однако даже из Рудницкого замка, где изолировали Кола, тот в письмах и трактатах продолжал уговаривать Карла осуществить *renovatio imperii* (обновление империи), для чего Карл был якобы избран Богом. Неистовый трибун даже объявил себя незаконнорожденным сыном Генриха VII.

Характерно, что Карл, отвечая на письма Кола, высоко оценивал образованность, стиль и риторический талант трибуна⁶. Когда Петрарка призвал Карла предпринять поход на Рим и пойти по стопам деда, тот обратился с просьбой к Риенцо сочинить ответ на письмо Петрарки. В конце концов, по настоянию папы Карлу пришлось отослать Риенцо в Авиньон. Клемент VI, однако, умер до окончания судебного разбирательства против Риенцо. При его преемнике Риенцо даже получил шанс воплотить свои идеи в жизнь при помощи и на благо папства. Посланный Иннокентием VI (1352—1362) в Рим в качестве сенатора, Риенцо был убит в ходе восстания, спровоцированного против него римской аристократией (1354).

Отправка Риенцо в Рим была обусловлена политикой нового папы, отказавшегося от идеи господства над всей Италией и старавшегося усмирить и получить обратно хотя бы Папскую область. Для этой цели ему требовалась помощь Карла IV против Висконти, угрожавших папским территориям. Поэтому Иннокентий VI не возражал против похода Карла на Рим⁷. Карл заключил соглашения со всеми противниками Висконти, но отнюдь не испытывал восторга при мысли, что вступление в Италию должно означать начало войны. Из столь неприятной ситуации его выручил неожиданный несчастный случай, повлекший за собой смерть миланского архиепископа Иоанна, самого энергичного лидера рода Висконти, и заставивший остальных членов клана с большей готовностью пойти на мирные переговоры. За имперское наместничество, пожалованное им Карлом, они признали его верховную власть императора и гарантировали ему свободный проезд через их территории. Карл получил возможность торжественно вступить в Милан и был коронован там железной короной лангобардских королей.

Используя свои дипломатические таланты, Карл двинулся дальше на юг, принимая знаки почтения от правящих классов итальянских городов и собирая имперские подати. Ему удалось склонить на свою сторону даже Флоренцию, самого упорного противника имперской власти, получив от города огромную сумму денег. Подойдя к

Риму, Карл в обличье пилигрима посетил святыне, но официально вступил в город лишь в день собственной коронации, в пасхальное воскресенье 1355 г., и, в соответствии с обещанием, данным им папе, покинул город в тот же день.

Благодаря походу на Рим Карл достиг того, к чему стремился,— получил титул императора и бескровно восстановил свою власть над имперской Италией. Однако не этого ожидали некоторые его современники в Италии. Кола ди Риенцо оказался не единственным, кто мечтал о реставрации Римской империи. Был и более выдающийся мыслитель и писатель, надеявшийся, что Карл последует по стопам своего деда Генриха VII, осуществив умиротворение Италии и став истинным преемником великих римских цезарей. Речь идет о Петрарке. Карл был пленен блестящими способностями этого предтечи гуманизма и пригласил его на встречу во время своего путешествия в Рим. Они встретились в Мантуе, и Карл, которого приводила в восторг личность Петрарки, терпеливо выслушал увещевания поэта, советовавшего ему подражать добродетелям великих римских цезарей и возродить величие древнего Рима. Несмотря на высокую оценку талантов поэта, Карла ни в коей мере не убедили его аргументы. Разочарованный в своих ожиданиях Петрарка обратился к вернувшемуся императору с горькими словами упрека, созвучными настроениям многих других патриотов Италии. Гибеллины не могли простить Карлу его покорности желаниям папы и расценивали его краткое пребывание в Риме как унижение императорского достоинства. Это чувство досады быстро распространялось, и в Пизе Карлу едва удалось бежать от разъяренной толпы, которая подожгла королевский дворец. Однако все это лишь убедило Карла поторопиться с отъездом из Италии.

Историки нередко подвергают критике позицию Карла IV. Действительно, в ходе своей экспедиции в Рим он часто прибегал к хитрым дипломатическим приемам, а его позиция едва ли могла воодушевить некоторых итальянских патриотов. Однако в целом Карл правильно оценил ситуацию и, при сложившихся обстоятельствах, сохранил для империи все, что еще можно было сохранить. Со стороны Карла было бы полнейшим безрассудством пытаться осуществить планы Генриха VII, как ожидал от него Петрарка. Риенцо оказался более реалистичным в своих мечтах, чем Петрарка. Его надежды на образование федерации итальянских городов со всеми их подданными во главе с национальным императором, проживающим в Риме, по крайней мере имели под собой некую практическую осно-

ву, тогда как Петрарка ограничивался фантазиями о величии древнего Рима, которому предстояло возродиться стараниями Карла. Итальянцы, по-прежнему почитавшие имперскую идею, в то же время выступали против любой эффективной имперской власти. Риенцо и Петрарка со своими приверженцами держались обособленно, а их мечты, в сущности, не находили отклика ни в одном из многочисленных городов-государств и суверенных княжеств, где собственные местные интересы ставились выше любого рода общих. Карла не ослепили тучи пыли, поднятые политическими бурями и вихрями сложных интриг, и, будучи государственным мужем-реалистом, он довольствовался тем, чего мог достичь, не прибегая к силе оружия. Следует признать, что даже Генрих VII и Людовик IV не сумели добиться силой того, что дипломатическими методами удалось Карлу,— в особенности подчинения гвельфской Флоренции⁸.

То был не единственный итальянский поход, организованный Карлом IV. В 1368 г., руководствуясь императорским долгом защищать папский престол, он счел необходимым вновь выступить на Рим⁹. Карл знал о растущем желании ревностных христиан вернуть папский престол из Авиньона в Рим. Пока престиж Франции убывал из-за бедствий Столетней войны против Англии, в возвращении папства в Рим не было крайней необходимости. Однако когда король Карл V Мудрый (1364—1380) вновь укрепил французскую монархию, авиньонское пленение стало вызывать все большее негодование за пределами Франции, особенно в Англии и Германии.

Папа Урбан V (1362—1370), в прошлом аббат бенедиктинского монастыря, был горячим сторонником реформы церкви. Прислушиваясь к страстным призывам, звучавшим из уст Петрарки и прочих итальянских патриотов, он склонялся к возвращению в Рим. Однако для воплощения этого плана ему требовалась помощь императора. Папская область вновь подвергалась опасности со стороны Висконти, вызывающее поведение которых вынудило императора отобрать ранее дарованное им наместничество. Италию разоряли банды солдат, служивших прежде в армиях Франции и Англии, но вследствие мира, заключенного в Бретињи (1360), перенесших свою активность в Италию; предлагая свои услуги различным враждующим городам и политическим партиям, они опустошали земли и вымогали огромные суммы денег у несчастного населения. Папа основал специальную лигу для обороны от бродячих солдатских шайк, но без помощи императора на усмирении Папской области и обеспечение благополучного возвращения папы в Рим никакой надежды не было.

Император, посетив Урбана V в Авиньоне в 1365 г., твердо пообещал ему свою поддержку и на имперском съезде добился одобрения итальянского похода в помощь папе, вернувшемуся в Рим в 1367 г. Имперская армия атаковала Висконти и их союзников, однако дипломатия Карла вновь оказалась более эффективной, чем сила его оружия. Император заключил с Висконти выгодный мир в Модене и заново пожаловал им имперское наместничество в Ломбардии. Он убедил их присоединиться к лиге, сформированной папой, и получил в свое распоряжение значительный военный контингент для похода на Рим, где в 1368 г. его приветствовал сам папа.

Несмотря на то что Карл воздал папе все традиционные почести, признав превосходство духовной власти, он не был готов последовать совету папистов и расширить Папскую область, продолжив давление на Висконти. Напротив, он убедил папу заключить мир с Висконти и лишь с неохотой назначил одного из кардиналов имперским наместником в Тоскане, понимая, сколь непопулярно будет это назначение. Дальнейшие события подтвердили его опасения. В большинстве случаев Карл ограничивал свои дипломатические усилия поощрением мирных отношений между территориями и городами-государствами (*signorias*, синьории). Он понимал, что синьории представляют собой силы порядка, и бороться с ними было бы ошибкой. Враждебность он проявлял исключительно по отношению к неуправляемым группам, особенно к шайкам наемников, и разбил одну из самых опасных банд близ Ареццо. Благодаря дипломатии Карл добился в Италии результатов, сходных с итогами своего первого итальянского похода. И вновь даже Флоренция признала верховную власть Карла IV, а налоги, выплаченные его итальянскими подданными, покрыли расходы на экспедицию.

К сожалению, почти все вернулось на круги своя, стоило Карлу отбыть из Италии летом 1369 г. Висконти взбунтовались, возобновилась и вражда между синьориями. Папа, чувствуя себя в Риме изолированным, возвратился в Авиньон, где вскоре скончался (1370). После этих событий Карл вернулся к прежней тактике по отношению к Италии, ограничиваясь дипломатическим вмешательством и назначением имперских наместников.

Сходной политики придерживался Карл и в Арелате, по-прежнему являвшемся номинальной частью империи, но испытывавшем серьезное влияние Франции, чьи короли претендовали на власть над ним. Посягательства Франции вышли на качественно новый этап,

когда запутавшийся в долгах граф Дофине (он носил титул дофин) в 1343 г. продал свои земли французскому престолонаследнику (соглашение вступило в силу в 1349 г.). В это время Карл все еще боролся за корону в Германии. Все, что он мог сделать для защиты интересов империи против дальнейших посягательств,—это в 1347 г. заключить дружественный договор с Францией, а в следующем году — аналогичный договор с Англией¹⁰. Кроме того, он отделил Савойю и графство Женевское от королевства Арелат и сделал их непосредственными подданными империи. Чтобы гарантировать права империи в Дофине, Карл убедил французского престолонаследника принять от него графство в качестве имперского лена. Когда же дофин как прямой наследник взошел в 1364 г. на французский престол, император в 1365 г. сам короновался в качестве короля Бургундии, чем наглядно продемонстрировал, что она по-прежнему остается частью империи. Все предшественники Карла, начиная с Фридриха Барбароссы, пренебрегали этой церемонией. Карл лишь отказался от имперских прав на Авиньон в пользу папства после того, как папа получил эту область от Иоанны, королевы Неаполитанской, владевшей южной частью Арелата как имперским леном. Карл также возобновил свои притязания на верховную власть над графством Бургундия (Франш-Конте), которое уже прочно держала в руках Франция, пожаловав его в качестве имперского лена принцу Филиппу (1362).

Его действия могли лишь отсрочить, но не остановить процесс, ведущий к окончательному слиянию этой части империи с Французским королевством. Позднее сам Карл придал серьезный импульс этому развитию. Чтобы добиться от французов одобрения перехода германского трона к своему сыну Вацлаву и женитьбы другого сына — Сигизмунда — на принцессе Марии Анжуйской, наследнице венгерского престола, Карлу пришлось пожаловать французскому престолонаследнику не только наместничество в Дофине и соседних провинциях, но также во всем королевстве Арелат (1378). Он расценивал эту жертву как необходимость, поскольку в противном случае французская династия могла предъявить претензии на венгерский трон, который Карл планировал приобрести для своего сына Сигизмунда¹¹.

Карл IV ясно сознавал, что мечты Гогенштауфенов (Штауфенов) о расширении империи, несомненно, отжили свой век и даже благородные попытки его деда вернуть к жизни имперскую идею уже не могут быть повторены, поскольку ситуация в Германии и Италии

претерпела радикальные изменения. Будучи реалистом, он строил свою международную и имперскую политику в соответствии с этими изменениями. Однако со времен Гогенштауфенов ситуация серьезно изменилась и в самой Германии. Здесь Карл тоже действовал как реалистичный политик, стремясь мирными методами сберечь то, что еще могло быть сохранено.

Ситуация, с которой Карл столкнулся в Германии, в некоторых отношениях являлась наследием Гогенштауфенов. Фридрих II, неспособный в одиночку руководить все более многочисленными князьями, стремившимися лично хозяйничать на своих землях, был вынужден даровать суверенные права самым значительным из них в надежде при их активной помощи установить контроль над государством. Однако оказалось невозможно ограничиться раздачей подобных привилегий лишь нескольким местным правителям. Количество князей, получивших такие права, неуклонно увеличивалось. К счастью, некоторые имперские князья могли поддерживать свое привилегированное положение, позволившее им как курфюрстам играть видную роль в период междоусобицы после пресечения династии Гогенштауфенов. В правление Людовика IV князья-избиратели приобрели еще большее значение как защитники имперских прав против притязаний папской курии.

Карл IV, до некоторой степени копируя методы Фридриха II Штауфена, превратил коллегия курфюрстов в свою союзницу по установлению контроля над скопищем полунезависимых городов, а также светских и духовных княжеств. Однако по мере развития ситуации, учитывая, что права курфюрстов основывались исключительно на традиции, император принял решение подвести под их положение более прочную правовую базу. Специальный кодекс, воплотивший в жизнь эти чаяния, после тщательной разработки и длительного обсуждения с курфюрстами и другими князьями на имперских съездах в Нюрнберге и Меце был обнародован Карлом в 1356 г. Документ, содержащий этот законодательный акт, задуманный, чтобы дать империи своего рода конституцию, был скреплен имперской Золотой буллой, по которой и получил свое название.

Прежде всего, точно фиксировалось количество курфюрстов и устранялись всякие сомнения, какая из ветвей рода имеет право участвовать в голосовании. Помимо архиепископов Майнца, Трира и Кельна были подтверждены избирательные права четырех светских князей — короля Чехии, пфальцграфа Рейнского, герцога Саксонии и маркграфа Бранденбурга. До сих пор первенство часто оспарива-

лось различными ветвями княжеских родов — особенно баварской и пфальцской ветвями Виттельсбахов, а также домами Веттинов и Лауенбургов в Саксонии. В обоих случаях Карл отдал первенство своим сторонникам. Для предотвращения подобных распрей в будущем специально оговаривалось, что светские курфюршества должны быть неделимыми и наследоваться по принципу первородства. В случае пресечения княжеского рода, владевшего курфюршеством, правопреемника назначал король или же, как в Чехии, он выбирался местными князьями. Кроме того, во избежание двойных имперских выборов, уточнялось, что они должны проводиться большинством голосов и безотлагательно. Архиепископа майнцского уполномочивали созывать князей-избирателей во Франкфурт, где и должны были проходить выборы. Коронацию следовало проводить в Ахене (Экс-ла-Шапель), а первый имперский сейм собирался в Нюрнберге.

Более того, курфюрсты получали определенные привилегии, отличавшие их от других князей. Им давались регалии — монопольные права на получение доходов от добычи соли, эксплуатации рудников, от чеканки монеты, от еврейских общин. Отныне их суды выносили окончательный приговор, который не мог быть обжалован в вышестоящих инстанциях. Только в исключительных случаях при отказе в правосудии допускалось вмешательство королевского суда. Чехия полностью изымалась из юрисдикции имперских судов. Личность князей-курфюрстов защищалась также посредством распространения на них привилегии, которую давал сенаторам Юстиниан.

Знаменательно, что в Золотой булле не нашли отражения папские притязания против империи и императора. Карл, таким образом, признавал условия Ренской декларации, защищавшие права курфюрстов и отвергавшие претензии папы утверждать итоги выборов и исполнять папское наместничество в период междоцарствия. При подобном повороте событий империей должны были управлять пфальцграф Рейнский и герцог Саксонии. На слушании дела в суде пфальцграф должен был восседать над королем, правда, последний мог обойти этот казус, просто не явившись в суд.

Таким образом, становится очевидным, что Карл стремился преобразовать германскую монархию в аристократическую олигархию. Его намерение делается еще отчетливее благодаря другой идее, сохранившейся в Золотой булле. Карл планировал ежегодные встречи с курфюрстами для обсуждения наиболее важных дел империи. Из-за больших расстояний, разделявших земли курфюрстов, и примитивных средств сообщения эта мера не могла быть осуществлена на

практике. Карл также хотел бы, чтобы курфюрсты разделяли его взгляды на империю как на вненациональное государство, претендующее на универсальность. Для этого он особо оговорил в Золотой булле, что наследники курфюрстов обязаны владеть не только немецким языком, но также итальянским и чешским.

Статьи буллы, касавшиеся других князей и городов, в большинстве случаев одобряли феодальные обычаи и права. Союзы городов могли образовываться лишь с разрешения местных князей. Городам разрешалось предоставлять гражданство исключительно своим постоянным жителям, а беженцев из районов чужой юрисдикции принимать не следовало. Другие нормы предназначались для предотвращения частных военных конфликтов и поощрения союзов, осуществлявших «земский мир» (*Landfriede*), включая как местных владетелей, так и города¹².

В целом, в Золотой булле Карл IV не устанавливал новых норм, а лишь кодифицировал и актуализировал то, что было полезно в старых законах и обычаях. Он достиг своих главных целей — окончательного исключения из практики двойных выборов, столь бедственных для Германии и империи, создания системы управления на новой основе, то есть аристократической олигархии в виде коллегии курфюрстов. Его кодекс оставался основным законом империи вплоть до 1806 г.

Принимая во внимание, что императорская власть зависела главным образом от прочности и процветания родовых владений (*Hausmacht*) императора, Карл IV основные свои силы тратил на укрепление могущества и процветания Чешского королевства. Еще при жизни своего отца, будучи маркграфом Моравии, а затем наместником Чехии, Карл помог реорганизовать экономику и укрепил финансы королевства, истощенные Яном Люксембургским. Став королем Чехии, Карл прежде всего замыслил дать стране новую правовую основу. Эта чешская «Золотая булла» — свод законов, известный под названием *Maiestas Carolina*¹³, — была готова к обнародованию в 1355 г. Главными задачами Карла были усилить власть и администрацию королевского суда, положить конец злоупотреблениям местных судов, находившихся в руках знати, реформировать уголовное право и прекратить локальные междоусобицы. Власть чешских панов значительно возросла в период правления Яна Люксембургского, но до какой степени — стало очевидно на сейме 1355 г. Члены сейма отказались утвердить кодекс, побоявшись, что его положения урежут их

старые и новоприобретенные привилегии. Карл не настаивал на принятии кодекса, сообразив, что не сможет добиться этого, не прибегая к силе оружия. Но сознавая свою растущую мощь и полагаясь на помощь церкви и городов, он решил добиться поставленных целей иными методами.

Позднее Карлу действительно удалось провести некоторые намеченные в документе реформы административными средствами. На некоторые положения кодекса ему удалось добиться согласия сейма. Сам он особо ценил беспристрастное исполнение правосудия и был беспощаден к любым актам неповиновения в государстве. Карл лично возглавлял походы против размножившихся во время его длительного отсутствия в начальный период правления разбойничьих банд, которые делали рискованным любое путешествие по большим дорогам. Эти мероприятия Карла, по-видимому, особенно впечатляли его подданных. Один из хронистов того времени, Бенеш из Вайтмиля, с восхищением описывает, как Карл собственноручно надел петлю на шею одного из самых свирепых рыцарей-грабителей, предварительно разрушив его замок. Тот же рыцарь еще раньше был награжден Карлом золотой цепью за храбрость¹⁴. На этот раз король одарил его веревкой, заметив, что он раздает не только золотые цепи.

Более всего Карл пекся об экономическом процветании своих земель. Он не только заботился о развитии городов, но и вводил новые производства, особо же беспокоился о росте производительности сельского хозяйства. Он ввозил в Чехию виноградную лозу из Бургундии и сливовые деревья из Лотарингии, разбивал фруктовые сады, устраивал новые водоемы для развития рыбоводства и следил за лесными угодьями. Подобная активность со стороны короля не могла не привлечь внимание за пределами Чехии. Один итальянец, недовольный политикой Карла на его родине, не без сарказма заметил, что император, вместо того чтобы соперничать во славу империи с Августом, Оттоном I или Гогенштауфенами, предпочитает сидеть в Чехии, разбивая виноградники и сажая figовые деревья. Все означенные меры в сочетании с усиленной заботой о торговле, а также об удобных и безопасных коммуникациях привели к беспрецедентному экономическому процветанию в стране.

Этот успех убедил Карла в необходимости аккумуляции финансовых средств для дальнейшего увеличения его родовых владений — *Hausmacht*. Он не был удовлетворен территориальными приобретениями, осуществленными его отцом, и трудился, осуществляя тща-

тельно разработанный план дальнейшего расширения своих земельных владений за счет ближайших соседей. Сей замысел отразился и в его просьбе к папе даровать полномочия папского легата архиепископу пражскому с тем, чтобы соседние епархии Бамберга, Регенсбурга и Мейсена оказались у него в подчинении: эта должность была пожалована папой архиепископу Очко из Влашима.

Первым крупным успехом Карла в его экспансионистской политике было включение в королевство последнего силезского княжества, доселе остававшегося вне политической орбиты Чехии. Он приобрел его в результате своего третьего брака — с Анной, дочерью князя свидницкого и яворского (Швейдниц и Яуэр). Затем, с одобрения силезской знати, приступил к составлению свода законов для всего княжества.

Другой заботой Карла было защитить и расширить Хебскую область (Эгерланд). У своего второго тестя, пфальцграфа, испытывавшего денежные затруднения, Карл приобрел значительные земельные владения, которые еще расширил в направлении Дуная, среднего Майна в сторону Франкфурта и до Неккара. Нюрнберг и Франкфурт получили новые привилегии и попали в сферу влияния чешского короля.

На севере Карл расширил свои владения в направлении Дрездена и Лейпцига. Его приобретения здесь были столь существенны, что маркграф Мейсена, доселе ревностный сторонник Карла, стал опасаться за безопасность собственных земель. Однако главной целью Карла был не Мейсен, а Бранденбург. Воспользовавшись серьезными трениями между баварской и бранденбургской ветвями Виттельсбахов, Карл убедил представителей бранденбургской ветви заключить договор, в соответствии с которым его сын Вацлав должен был получить их земли в случае, если они умрут, не оставив наследников. После кончины Людовика Бранденбургского (1365) Карл, чтобы обеспечить наследование для собственной династии, отдал свою вдовствующую дочь Екатерину замуж за оставшегося в живых маркграфа Оттона Ленивого. Затем он приобрел во владение Нижние Лужицы (1367) и присоединил их (1370) «навечно» к землям чешской короны.

Остальных Виттельсбахов приводил в ужас такой рост могущества Люксембургской династии и потому они обратились за помощью к Польше и Венгрии, одновременно перетянув в свой лагерь маркграфа Оттона. Это дало Карлу IV повод для вооруженного вторжения. В конце концов он убедил своего зятя продать ему маркграфст-

во за гигантскую сумму денег и принять в качестве компенсации земли Карла в Пфальце (1373).

Бранденбург стал наиболее важным приобретением Карла. Добываясь его, император проявил известную неразборчивость в средствах, однако потом потратил немало времени на улучшение экономических условий на новоприобретенной территории. Он и здесь составил правовой кодекс для всего маркграфства и усердно заботился о безопасности и процветании местного населения. Его правление в маркграфстве оказалось столь благотворным, что бранденбургские сословия изъявили желание навсегда остаться под властью династии Люксембургов (1374)¹⁵.

Одновременно с воплощением в жизнь замыслов по приобретению Бранденбурга Карл распространял свое влияние на Западное Поморье, женившись в четвертый раз — на Елизавете, дочери Богуслава V, герцога Померании — Вольгаста (1363). Очевидно, что все это было частью тщательно разработанного плана. Благодаря своим новым приобретениям, а также дружеским отношениям с саксонскими Асканиями и Веттинами из Мейсена Карл получил контроль над Одером, от Силезии до самого устья реки, и над большей частью Эльбы. Предложение, сделанное Карлом Венеции в 1364 г., свидетельствует о грандиозном размахе его планов. Он обратился к Венецианской республике с просьбой вести торговлю через Австрию и Чехию и вместо Рейна использовать для транспортировки товаров в тогдашние торговые центры Брюгге и Лондон Влтаву и Эльбу. По некоторым сведениям, он даже собирался прорыть канал, соединяющий эти реки с Дунаем. Однако этот проект не мог быть осуществлен, несмотря на то, что предлагаемый водный путь, пусть и протяженный, был бы дешевле и безопасней, чем традиционные. Резиденция Карла в Бранденбурге, Тангермюнде, должна была получить право заключать оптовые сделки; однако этому активно противился Магдебург, уже обладавший такой привилегией. К тому же средневековые купцы были заинтересованы не столько в дешевых коммуникациях, сколько в как можно большем количестве населенных пунктов, встречавшихся по пути. Тем не менее, будущее доказало остроумие замысла Карла. Эльба в конечном счете превратилась в самую важную водную артерию Германии, а Гамбург, «открытый» Карлом и получивший от него свои первые привилегии, стал крупнейшим торговым центром поздней Германской империи.

Карл заботился об удобных средствах сообщения и по другой причине. Он, по-видимому, поддержал инициативу строительства канала, связывающего Эльбу с Балтийским морем, которая позднее и была реализована (Stecknitzkanal). Это произошло в 1375 г., когда он посетил Любек, главный город Ганзы. Несмотря на то что Карл неодобрительно относился к образованию городских союзов, он полностью признавал значение Ганзы, добившейся безраздельного господства на Балтике после победы над Вальдемаром IV Датским (1370). Карл даровал Любеку множество привилегий, включая имперское наместничество¹⁶.

С самого начала правления Карл уделял особое внимание расширению и украшению своей столицы, Праги, которая являлась и столицей империи. В те времена редкие города Центральной Европы могли сравниться с Парижем или городами Ломбардии пышностью своей архитектуры. Карл был очарован великолепием Парижа, Лукки и Болоньи, которыми имел возможность любоваться в юности, и желал вознести Прагу на те же высоты. Рядом со старым он основал Новый Город (1348) и в процессе его возведения использовал богатый опыт градостроительства, накопленный в средневековой Европе. Новый каменный мост связал оба города, украшением которых стали новые церкви и замок в Градчанах. По другую сторону Нового Города, на Вышеградском холме, Карл возвел еще один королевский замок. Чтобы снизить безработицу и облегчить тяготы, вызванные чередой неурожайных лет, Карл отдал распоряжение начать строительство стены вокруг Градчан и прилегающих к ним кварталов (Мала Страна). Она до сих пор зовется Стеной Голода.

Карл IV сделал Прагу интеллектуальным центром империи, основав первый в Центральной Европе университет (1348). Здесь он вновь руководствовался примером Парижа. Центральное место Чехии в империи символизировалось еще и тем, что именно в Чехии хранились императорские регалии и драгоценности, помещенные в специально отстроенную для этих целей большую крепость Карлов Тын (Карлштейн)^{17, 18}. Два пуркрабия (бургграфа), назначенных управляющими дворца, вскоре встали в один ряд с высочайшими сановниками королевства. Схожей идеей Карл руководствовался, и начав строить в Праге новый собор, куда поместил мощи святых, покровителей различных имперских территорий. Небывалое процветание его государства позволило Карлу IV собрать в Чехии выдающихся архитекторов и художников Европы, возводивших и укра-

шавших многочисленные церковные здания и памятники, основывавшиеся как самим Карлом, так и жителями процветающих городов и священнослужителями¹⁹.

В своей внешней политике как король Чехии Карл IV столкнулся с проблемами, сходными с теми, что испытывали его предшественники. Ему пришлось регулировать отношения с австрийскими Габсбургами, с Венгрией и с Польшей. По мнению Карла, для его имперских планов Габсбурги представляли меньшую опасность, чем Виттельсбахи. Он не мог бороться сразу с двумя враждебными династиями, поэтому выбрал Габсбурга в качестве союзника и выдал свою дочь Екатерину за герцога Рудольфа IV Австрийского²⁰. Пока Карл не имел наследников мужского пола, он даже подумывал завещать свои земли австрийскому зятю. Однако заносчивость и тщеславие герцога серьезно мешали их дружеским отношениям. Сначала Карлу пришлось уговаривать Рудольфа отказаться от некоторых титулов, на которые у того не было прав. Затем герцог оскорбился, что его не включили в число князей-курфюрстов. В 1359 г. он вручил тестю некие старинные документы с подлинными печатями, в которых герцогу австрийскому якобы жаловались титулы и привилегии, гораздо более существенные, чем те, что предоставлялись курфюрстам Золотой буллой. Некоторые из этих привилегий восходили еще ко временам Цезаря и Нерона. Карлу не составило труда разобраться в этой фальсификации, однако, желая выслушать квалифицированное суждение касательно их юридической силы, он обратился как к специалисту к Петрарке, чтобы тот изучил документы. Отвергнув их подлинность, последний получил в награду от Карла золотую чашу.

Отношения между Карлом и Рудольфом IV совсем испортились, когда родился первенец императора Вацлав (1361), а Рудольф присоединился к врагам императора, Венгрии и Виттельсбахам. В ответ Карл пригрозил вызвать противников в имперский суд и установить отношения с образовавшейся против Габсбургов Швейцарской конфедерацией, которую он ранее не признавал. Наконец, стремясь прежде всего свести счеты с Виттельсбахами, Карл заключил новое соглашение с Рудольфом, но сначала помог ему приобрести Тироль, находившийся во владении Виттельсбахов.

В договоре, скрепленном печатью в Брно (Брюнн) (1364), говорилось, что каждая из династий наследует земли другой в случае ее пресечения. В то время Карл не мог предвидеть, что не его род, но дом враждебных Габсбургов извлечет пользу из этого соглашения и

с XV в. до XX в. станет править его землями. К счастью для Карла, Рудольф умер на следующий год, а его преемник Альбрехт III, также зять Карла, продолжал поддерживать дружеские отношения с императором.

Отношения между Чехией и Польшей в правление Карла IV значительно улучшились. Правда, польский король Казимир III²¹, лишь с трудом смирившийся с потерей Силезии, так и не расстался полностью с надеждой когда-нибудь вернуть эту богатую провинцию, но он был слишком реалистичным политиком, чтобы из-за этого позволить втянуть себя в конфликт со столь могущественным соседом. Кроме того, вскоре он обнаружил благоприятную возможность для экспансии на восток. Его кузен, Болеслав (Юрий) Мазовецкий, был избран (около 1325) галицко-волинским князем после пресечения местной династии, с которой он был в родстве²². Эта часть бывшего Киевского государства, также известная как Западная Русь, все еще находилась под верховной властью монголов и являлась предметом притязаний со стороны Литвы. Болеслав получил подтверждение своих прав от монгольского хана и положил начало более дружественным отношениям с литовцами. Но местной знати пришлось не по душе его правление, и в 1340 г. он был убит. Казимир III заявил права на наследство и занял Львов, однако бояре предпочли в качестве преемника Болеслава литовского князя Любарта, одного из семи сыновей Гедимины, заложившего основы величия Литвы и, к тому же, женатого на русской княжне. Любарт занял Воынь и заставил польского короля отступить из Галиции. Он признал верховную власть татар и получил от них поддержку в борьбе с Польшей.

Союзницей Казимира III в этом конфликте была Венгрия. Венгерские короли также претендовали на владение Галицией и Воынью, которые они называли *regnum Galiciae et Lodomeriae*. Чтобы получить поддержку от Венгрии, Казимир был вынужден вести переговоры сначала с Карлом Робертом, а затем с его сыном и преемником Людовиком (Лайошем) Анжуйским, который приходился Казимиру племянником. В окончательном варианте соглашения Казимир, не имевший наследников мужского пола, связал проблему спорных земель с вопросом о наследовании Людовиком польского престола. Было решено, что если Людовик не станет королем Польши, ему будет позволено выкупить у польских королей Галицию и Воынь.

Несмотря на помощь Венгрии, Казимиру III пришлось дожидаться удобного случая; таковой представился благодаря вмешательству в литовские дела Тевтонского ордена. Воспользовавшись ослаблени-

ем Литвы после смерти Гедимина (1341) и раздела великого княжества между его семью сыновьями и братом, тевтонские рыцари предприняли новую атаку. В 1345 г. титул великого князя литовского принял энергичный Ольгерд (правил в 1341—1377), которого поддержал его брат Кейстут, однако было уже слишком поздно. Их войско, усиленное дружинами русских подданных Литвы, потерпело полное поражение (1348). Казимир II, воспользовавшись удобным случаем, в 1349 г. занял Галицкую землю и Львов. Несмотря на продолжительную борьбу, Казимир и Людовик Анжуйский не смогли захватить оставшуюся часть Галицко-Волынской Руси. Однако и достигнутое представляло собой серьезный успех, открывая пути для дальнейшей польской экспансии.

После заключения мира с Литвой в 1352 г. Казимир III сосредоточил внимание на укреплении своей власти в Польше. В 1355 г. последний князь Мазовии признал его верховную власть, таким образом накрепко связав эту провинцию с польской короной. Казимир преуспел в объединении под своим главенством и всей Куявии. Труднее ему пришлось в Великой Польше, где старый сепаратизм и незаинтересованность в единстве государства, видимо, имели самые глубокие корни. Тем не менее, он проявил незаурядное умение и терпение, заставляя непокорную знать возвращать незаконно отчужденную собственность короны. Наконец, в 1358 г. ему удалось сокрушить последний оплот сепаратизма в Великой Польше.

Как и Карл IV в Чехии, Казимир III в своих усилиях объединить страну и поднять экономический и культурный уровень Польши пользовался решительной поддержкой церкви. В характере правления обоих королей прослеживается и много других схожих черт. Казимир так же живо сознавал значение торговли: благодаря его политике в области коммерции Польша вскоре превратилась в важное звено на пути от Балтики к Черному морю. Он способствовал подъему городов, причем защищал в них польские интересы даже более успешно, чем Карл IV — чешские. Дабы сократить число апелляций, шедших в германские суды от польских городов, основанных в соответствии с «немецким» правом, Казимир учредил в Кракове апелляционный суд для всех городов Польши, перешедших на это право. Он поощрял колонизацию и защищал крестьянство от притеснений со стороны знати.

В области развития культуры Казимир также придерживался линии, избранной Карлом IV. Величайшим его достижением явилось основание в Кракове юридической школы, превратившейся в уни-

верситет, второй в этой части Европы. Примеру Карла IV Казимир также следовал, создавая благоприятные условия для образования, учреждая новые религиозные ордена и возводя церкви²³.

Вполне естественно, что Карл IV, продолжая борьбу с Виттельсбахами в Бранденбурге, стремился установить добрососедские отношения с Польшей. К счастью, Казимир III, будучи более заинтересован в завоеваниях на востоке, не желал конфликтовать с Карлом ради сомнительной дружбы с Виттельсбахами. Поэтому уже в 1348 г. они без особого труда пришли к соглашению. Текст договора демонстрирует, что Казимир не потерял надежды отобрать у Тевтонского ордена и Бранденбурга утраченные Польшей территории. Казимир обещал Карлу IV военную поддержку против любого врага, кроме Венгерского королевства, но только после того, как с его помощью восстановит прежние польские границы на севере.

Договор был продлен в 1356 г., когда Казимир III посетил Карла в Праге. Основным предметом их обсуждения вновь стали отношения с Тевтонским орденом. В то время Орден, возглавляемый великим магистром Винрихом фон Книпродом (1351—1382), находился на вершине своего могущества. Казимир понимал, что в одиночку он не может пойти на крупномасштабный конфликт с ним, но избежать локальных стычек было невозможно. Карл же не решался на проявления открытой враждебности к Ордену, утверждавшему, что действует в интересах христианского мира и империи. Вместе с тем Карл IV, в отличие от своего отца, никогда не имел с Орденом и особенно дружеских отношений. Как император он ограничился подтверждением всех привилегий, дарованных Тевтонскому ордену его предшественниками, и освободил его от имперских налогов. На встрече в Праге Казимир также подтвердил договор, заключенный в 1353 г. в качестве его доверенного лица королем Венгрии. По условиям договора, Карл отказывался от суверенитета над Плоцком в Мазовии, покоренным его отцом, в то время как Казимир принимал сложившуюся ситуацию — *fait accompli* — в Силезии, вошедшей затем в состав Чешского королевства.

Казимир III проявлял также живой интерес к обращению литовцев в христианскую веру, предпочитая, однако, действовать мирными, а не насильственными методами, характерными для Тевтонского ордена. По инициативе Казимира III один из сыновей Гедимины отправился в Германию на переговоры с Карлом IV об условиях крещения. Литовцы надеялись, что если они примут христианство, им

вернут земли, отнятые Орденом. Однако, конечно, в условиях, когда военная мощь Ордена достигла зенита, обсуждать выполнение подобных условий не представлялось возможным, так что несмотря на добрую волю Карла, инициатива Казимира не имела позитивного результата. Тем не менее, сам факт встречи обеспокоил Орден, а то, что Карл IV, побуждаемый Польшей, охотно пошел на переговоры с литовцами, демонстрировало его осведомленность о сомнительных методах, применявшихся Орденом в языческой Литве.

Взаимное согласие между Чехией и Польшей было нарушено в 1362 г., когда король Венгрии Лайош (Людовик) Анжуйский убедил своего польского дядю присоединиться к коалиции, которую Рудольф IV Габсбург организовывал против Карла. Последний, тем не менее, предотвратил кровавое военное столкновение, грозившее произойти в Верхней Венгрии — современная Словакия, — договорившись о перемирии. Благодаря посредничеству Казимира III Карл IV и Людовик вскоре достигли взаимопонимания. Дружеские отношения между Карлом и Казимиром окрепли в 1363 г., когда овдовевший Карл попросил у Казимира руки его внучки Елизаветы, княжны из Западного Поморья, воспитывавшейся при дворе деда. Свадьба была отпразднована в Кракове. Позже Казимир выступил посредником между герцогом австрийским и своим новым родственником Карлом IV. Перемирие, которое он помог заключить, было затем закреплено знаменитым договором в Брно (1364), упомянутым выше.

Дружба между Карлом, Казимиром и Людовиком Анжуйским значительно окрепла после первого международного конгресса, состоявшегося в Кракове осенью того же года²⁴. Инициатором этой ассамблеи выступил кипрский король Петр, объезжавший различные европейские дворы в надежде заинтересовать их правителей новым крестовым походом против турок. В августе он с большим почетом был принят Карлом IV в Праге, однако император не решался давать какие-либо твердые обещания, предложив взамен устроить предварительную встречу с королями Польши и Венгрии. Местом будущей встречи он указал Краков, подчеркнув важное положение обоих королей.

В Кракове к императору и трем королям присоединился Вальдемар II Датский*, с которым Казимир заключил союз. Однако только король Венгрии проявил истинную заинтересованность в крестовом

* Ошибка Ф. Дворника; правильно — Вальдемар IV Датский. — *Прим. перев.*

походе, поскольку именно его владения более всего подвергались опасности со стороны Османской империи, уже оккупировавшей в 1363 г. Адрианополь и Филиппополь. Император ограничился обещанием рекомендовать участие в походе курфюрстам, князьям и городам империи. Время для подобных предприятий прошло, и идея крестового похода не вызывала в Европе того энтузиазма, что в XII—XIII вв. Единственным монархом романтического склада, принявшим всерьез предложение о крестовом походе, был Иоанн II, король Франции. После его смерти в апреле 1364 г. стало очевидно, что план, который вынашивал король Кипра, оказался мертворожденным²⁵.

Пять королей, собравшихся в Кракове, воспользовались встречей, чтобы укрепить добрососедские отношения между своими странами. Карл IV заключил также дружественный пакт с Венгрией и получил от Людовика Анжуйского подтверждение условий договора, заключенного с Габсбургами в Брно. Для самого Казимира III встреча в его столице пяти королей и многочисленной знати стала настоящим личным триумфом. Польша, почти не принимавшаяся в расчет при Владиславе Локетке, ныне была признана императором и остальными европейскими правителями важной политической силой Европы. К тому же соседи Казимира имели возможность убедиться, как далеко в культурном и экономическом отношении продвинулась под его мудрым руководством Польша.

Возможно, вдохновленный идеалами крестовых походов, обсуждавшимися в Кракове, в 1366 г. Казимир III предпринял свой маленький поход против Литвы. Он оказался более успешным, чем предприятие короля Кипра. Казимир убедил часть литовской знати стать его вассалами и захватил западную Волинь. Литовцы ответили вторжением в Мазовию в 1368 г. Все же отношения между двумя странами несколько потеплели, поскольку они столкнулись с общим врагом — Тевтонским орденом.

Казимиру III не удалось осуществить мечту о возвращении Польше отобранных Орденом земель, но в пограничье Польши и Бранденбурга он был более удачлив. В результате мирных переговоров с местными правителями ему удалось прибрать к рукам ряд важных укреплений и мелких княжеств. Эти скромные приобретения были важны, так как благодаря им Польша вклинивалась между владениями Ордена и Бранденбурга и восстанавливала связи с Западным Поморьем. Край этот номинально подчинялся империи, но его князья в значительной степени оставались независимыми. Таким образом, Казимир через дружественные земли получал выход к морю, о

чем прежде мог лишь мечтать. Он понимал, что это как нельзя лучше отвечает интересам Польши. Даже в этом Казимир III имел нечто общее с Карлом.

Заинтересованность Карла IV в Польше получила новый импульс, когда стало очевидно, что Казимир не оставит после себя наследников мужского пола. В семейной жизни Казимир был менее счастлив, чем Карл. Его первая жена, литовка, умерла, а второй брак с Аделаидой Гессенской, оставшийся бесплодным, был в конце концов расторгнут. Третий брак с силезской княжной, которую он по-встречал в Праге, не сразу был признан церковью. От первого и третьего брака он имел только дочерей, и одна из них вполне могла стать его наследницей. Поэтому Карл IV планировал женить кого-либо из своих сыновей на дочери Казимира в надежде наследовать после его смерти Польское королевство; Казимир же прочил в наследники польского престола своего племянника Людовика Анжуйского.

Тем не менее, Казимир не был доволен собственным выбором. Вероятно, он предвидел, что для получения поддержки польских магнатов Людовику придется раздавать им различные привилегии, что пагубно отразится на королевской власти в Польше. В сущности, это было очевидно уже по требованиям, предъявленным Людовику знатью в 1351 и 1355 гг., еще при жизни Казимира. Правда, соглашение с Венгрией было заключено, когда Польша остро нуждалась в союзниках и могла найти их лишь в лице венгерского правителя. Существовала и проблема венгерского наследства, поскольку Людовик пока тоже не имел сыновей. Исходя из этих соображений, Казимир в 1368 г. усыновил собственного внука Казимира Щецинского (Слупского), таким образом показав, что хотел бы его видеть преемником Людовика на польском троне. Такой выбор очень характерен для Казимира, поскольку вновь демонстрирует его озабоченность обеспечением Польше выхода к Балтийскому морю, чему препятствовали завоевания Тевтонского ордена. Неспособный отвоевать Гданьск (Данциг) и Восточное Поморье, он никогда не упускал возможности укрепить связи с Западным Поморьем, надеясь, что некогда хотя бы эта часть утраченного региона воссоединится с Польшей.

Однако злой рок не позволил ему продвинуться в этом направлении. 5 ноября 1370 г. на седьмом десятке лет он погиб в результате несчастного случая на охоте. Потомки прозвали его «Великим», и Казимир вполне заслужил этот титул. Во многих отношениях именно он заложил основы будущего величия Польши.

Вскоре после смерти Казимира III выяснилось, что его выбор преемника не вполне отвечает интересам Польши. Новый король Людовик Анжуйский (1370—1382) мало уделял внимания польским делам. Он появлялся в Польше через длительные интервалы времени и не задерживался здесь надолго. Регентство он поручил своей матери Елизавете, а после ее смерти назначил регентский совет во главе с краковским архиепископом. Оба этих решения оказались неудачными²⁶. Один из князей Мазовии, Земовит, восстановил свою независимость, кроме того, Людовик столкнулся с неудачливым претендентом на трон в лице последнего представителя династии Пястов в Куявии. В 1377 г. в борьбе с ним погиб Казимир Щецинский. Он являл собой блестящий образец лояльности по отношению к Людовику, хотя король, страшая претендента на трон, значительно урезал привилегии, дарованные ему Казимиром Великим.

В своей внешней политике Людовик также пренебрегал польскими интересами. Ничего не было сделано для активизации польской экспансии на север или для обеспечения прямого выхода к Балтийскому морю. С Тевтонским орденом поддерживались мирные отношения, но связи с Западным Поморьем не укреплялись. На северо-западных рубежах была утрачена важная крепость Санток, а на востоке литовцы захватили Владимир Волынский. Людовику не удавалось даже защищать венгерские интересы на Балканах перед лицом неуклонного продвижения турок. Пренебрежение этими насущными интересами двух королевств явилось следствием его плана завоевания Неаполитанского королевства и Сицилии для его собственной ветви Анжуйского дома, а также возобновления вражды с венецианцами. Таким образом, политическими перспективами, открытыми Казимиром, его преемник пренебрег.

К тому же оставался открытым вопрос о наследстве Людовика. Не имея наследников мужского пола, он желал добиться от знати переосмотра заключенного с Казимиром соглашения, чтобы обеспечить наследование польского престола одной из своих дочерей. Его власть пользовалась наибольшей поддержкой в Малой Польше, шляхта которой всегда имела тесные контакты с венгерскими соседями. Она с готовностью принимала династическую политику Людовика, которая, впрочем, наталкивалась на сопротивление знати и высшего духовенства Великой Польши, более удаленной от Венгрии и завидовавшей возвышению Кракова над Гнезно.

Для обсуждения этой насущной проблемы Людовик пригласил представителей польской знати в Кошице (Кашша) на территории

Венгрии (современная Словакия). После долгих трехэтапных переговоров в сентябре 1374 г. между королем и шляхтой было достигнуто взаимопонимание и принята особая хартия, ознаменовавшая новый период в конституционной истории Польши. Шляхта обещала принять в качестве королевы любую из дочерей Людовика, по усмотрению короля, его матери или жены. Но согласилась она на это, лишь получив от Людовика новые широкие привилегии. Королю пришлось освободить польскую знать от всех налогов, кроме нескольких символических, дать гарантии, что на официальные должности будут назначаться лишь представители шляхты заинтересованных областей, и обещать, что отныне только местные уроженцы будут управлять королевскими замками.

Соглашение — Кошицкий привилей — стало очередным шагом на пути установления всевластия шляхты в Польше. С другой стороны, оно демонстрирует национальное самосознание польской знати, ее оппозицию иноземной власти. С этой точки зрения, польская знать защищала национальные интересы королевства более бдительно, чем ее чешские соседи.

Одно время казалось, что во главе Польского королевства встанут Люксембурги. Разумеется, Карл IV внимательно следил за развитием событий в ожидании возможностей, которые могли открыться для его дома в Польше и Венгрии. Ему удалось договориться о женитьбе своего второго сына Сигизмунда, сделанного им бранденбургским маркграфом, на Марии, дочери Людовика. Именно эта княгиня после смерти своей сестры Екатерины в 1378 г. была названа отцом наследницей польского трона. Часть польской шляхты упорно сопротивлялась этому решению. Но Людовик проявил твердость и убедил их воздать должные почести не только самой Марии (1379), но и Сигизмунду (1382).

Однако эта договоренность утратила силу в том же году, вскоре после кончины Людовика. Преемницей в Венгрии он определил свою дочь Ядвигу и в пятилетнем возрасте выдал ее замуж за Вильгельма Габсбурга, надеясь таким образом добиться сближения между Венгрией и Австрией. Несмотря на это соглашение, непредсказуемая венгерская знать выбрала «королем Венгрии» не Ядвигу, а Марию. Казалось, что личная уния двух королевств сохранится. Однако польская знать достаточно натерпелась от этого союза, все недостатки которого она испытала на себе в правление Людовика. Поэтому она убедила вдову Людовика назначить, в соответствии с Кошицким

привилеем 1374 г., преемницей в Польше младшую дочь, Ядвигу. Однако возникала новая проблема. Националистически настроенные поляки не желали мириться с мыслью, что их правителем станет германский принц. Эта антипатия сыграла серьезную роль при отклонении кандидатуры Сигизмунда, маркграфа Бранденбурга, а вариант с Вильгельмом Австрийским был еще менее приемлем.

В 1377 г. внимание Польши вновь оказалось сконцентрировано на Литве. Крупная победа объединенной армии Людовика над литовцами не только положила конец их частым набегам, но также распространила польский суверенитет на Волинь и земли некоторых литовских князей. На восточных рубежах открывались многообещающие перспективы, и великий князь литовский Ягайло всерьез рассматривал возможность принятия христианства для обеспечения более мирного сосуществования со своими польскими соседями. Многие представители польской шляхты обратили взоры в его сторону, а знать Мазовии с особым интересом обсуждала вариант союза между Ядвигой и литовским великим князем.

Смерть не позволила Карлу IV наблюдать дальнейшее развитие событий. Тем не менее, он сделал все возможное, чтобы обеспечить своему сыну Сигизмунду хотя бы корону Венгрии, если не польский престол в придачу. Вне всяких сомнений, то был мастерский ход его дипломатического гения. В последние годы жизни императора заботила и еще одна проблема. Речь идет о его стремлении обеспечить своему старшему сыну наследование не только чешского, но и германского престола. Вацлав уже в 1363 г. был признан королем Чехии на съезде чешской знати. Однако в Германии Карл столкнулся с серьезными затруднениями. Более ста лет ни один наследник германского трона не получал признания при жизни правящего короля. Карл сам сильно способствовал формированию гипертрофированного самомнения курфюрстов, которые теперь, естественно, негодовали при любом ограничении их избирательных прав. Кроме того, папство до сих пор не отказалось от претензий контролировать выборы посредством своей санкции, хотя эти претензии были отклонены Ренской декларацией и ловко обойдены вниманием самим Карлом в его Золотой булле.

Папа Григорий XI (1370—1378), узнав о намерениях Карла IV, вновь поспешил заявить о своих правах. Однако Карл уже успел добиться для своего сына согласия курфюрстов, даровав им новые привилегии. Теперь он ловко сыграл на их недовольстве, вызванном

вмешательством папы. Вацлав был выбран единогласно в 1376 г. и первым делом подтвердил привилегии курфюрстов.

Все это заставляло воздать должное Ренской декларации и Золотой булле, однако было необходимо удовлетворить и папу. Последний попал в затруднительное положение и нуждался в помощи императора, поскольку совсем недавно покинул Авиньон и столкнулся с крайне неустойчивой ситуацией в Риме и в Италии в целом. С другой стороны, для успешной коронации сына Карл не мог обойтись без сотрудничества с папой. Ради спасения репутации оба пошли на уступки. В датированном задним числом письме Карл просил папу об утверждении выборов, в то же время обещая от себя и от имени сына, что при жизни они не станут добиваться выборов преемника. Разумеется, курфюрсты не были связаны обещанием Карла, и даже когда после его кончины Вацлаву в угоду папству пришлось лично принести сходные заверения (1379), «великий раскол» Западной церкви и его последствия не дали папам возможности воспользоваться уступками отца и сына. Таким образом, благодаря инициативе Карла IV порядок передачи германского трона совместил в себе наследственные и выборные черты.

Следует отметить, что имперская политика Карла была скоординированной и отличалась дальновидностью. Император Максимилиан, несомненно, преувеличивал, называя Карла заботливым отцом Чехии, но отчимом империи. В Золотой булле он дал империи правовую основу, посредством которой, за отсутствием конституции, стремился по возможности обезопасить королевскую власть, положить конец борьбе за трон и обеспечить в Германии хотя бы минимальный порядок²⁷. То было доброе начинание, которое могло принести существенную пользу германскому народу и имперской идее, если бы оно было должным образом развито его преемниками.

Нельзя винить Карла IV и за одержимость, с которой он заботился о величии и процветании Чешского королевства. Здесь он придерживался политики большинства германских королей и императоров, концентрируя внимание на создании мощной династической власти, *Hausmacht*, которая была бы его главной опорой в империи и в масштабах Европы. Кроме того, его методы ведения династической политики свидетельствуют о намерении создать в Центральной Европе могущественную политическую структуру, основанную на крепких династических принципах, которая бы многие годы играла ведущую роль в европейских делах. Именно поэтому его интересова-

ла Венгрия, которую он стремился добыть для своего сына Сигизмунда, причем одновременно вкладывал крупные денежные средства, чтобы обеспечить избрание другого сына, Вацлава, римским королем, и все это — ради лидирующей роли своего дома в империи и в Европе. Таким образом, он заложил основу мощного политического здания, возводить которое в конечном счете выпало не Люксембургам, а Габсбургам.

Немаловажно также по достоинству оценить то упорство, с которым Карл IV акцентировал внимание на Чехии как независимой и самой важной части империи. Поэтому в Золотой булле он подтвердил все привилегии, дарованные Чехии прежними императорами, и раз и навсегда определил ее положение в рамках империи. Есть основание полагать, что Карл рассматривал империю как наднациональное образование универсального характера и верил, что эта политическая структура дает возможность мирного симбиоза немцев и чехов. Любопытно, что при этом Карл знал о подъеме национального духа в Чехии и действительно делал все возможное, чтобы обеспечить чешскому языку полагающееся ему достойное место в государстве. Он даже уговаривал курфюрстов учить чешский язык. Однако последующие события показали, что идея Карла неосуществима из-за обстоятельств, которые он не мог предвидеть. Проживи он на десять лет дольше, возможно, история более благосклонно отнеслась бы к его целям. Ныне же приятно хотя бы отметить широкий размах его замыслов.

Примечания

¹ Диссертация В. Кляйна о проведенном в Париже отрочестве Карла (см. Библ.).

² Хотя правление Карла представляет огромную важность не только применительно к истории Чешского королевства, но и в контексте эволюции имперской идеи и развития взаимоотношений между имперской и церковной властью, полная история его жизни до сих пор не написана. Конечно, существует много монографий, посвященных его времени и правлению. Прежде всего заслуживает особого внимания исследование Х. Фридьюнга: Friedjung H., *Kaiser Karl IV und sein Anteil am geistigen Leben seiner Zeit*, Wien, 1876. Далее следует работа К. Хефлера: Höfler K., *Kaiser Karl IV und Kaiser Karl V. Eine Parallele* // *Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen*, Praha, 1891, Bd 29. Ученик К. Хефлера Е. Верунский предпринял самую замечательную попытку написать историю правления Карла IV:

Werunsky E., *Geschichte Kaisers Karls IV und seiner Zeit*, Innsbruck, 1880—1892. Однако его подробное и беспристрастное исследование осталось незавершенным. В трех томах своего труда ему удалось проследить события лишь до 1368 г. Полезные сведения о правлении Карла в Германии могут быть почерпнуты в книге Т. Линднера: Lindner Th., *Deutsche Geschichte unter den Habsburgern und Luxemburgern*, Halle, 1890—1893, Bd II, S. 3—100. Краткие, но ценные зарисовки жизни Карла созданы двумя выдающимися немецкими историками — Фрицем Фигенером в сборнике *Meister der Politik* (1922) и, особенно, К. Хамплем в: *Herrschergestalten des deutschen Mittelalters*, Heidelberg, 1927; 6. Aufl., 1955, S. 298—315; в указанном шестом издании была добавлена самая свежая библиография. Работа Пфитцнера — Pfitzner J., *Kaiser Karl IV // Deutscher Könige und Kaiser*. Hrsg. v. W. Reese, Potsdam, 1938 — несвободна от влияния нацистских расовых теорий. Краткий очерк об имперских идеях Карла см.: G. Groveland Walsh, S. J., *The Emperor Charles IV 1316—1378. A study in Holy Empire Imperialism*, London, 1924. Вызывает разочарование и не основана на самостоятельном исследовании биография Б. Джаррета: Jarrrett B. O. P., *The Emperor Charles IV*, London, 1935. Я. Шуста представил жизнеописание Карла IV для монументальной чешской истории, начатой Я. Новотным еще в 1912 г. Им опубликованы два тома: первый охватывает период с 1333 по 1346 гг. (*Karel IV. Otec a syn, České dějiny, díl II, část 3*, Praha, 1946), второй — с 1346 по 1355 гг. (*Za císařskou korunou*, ibidem, díl II, část 4, Praha, 1948). Второй том вышел уже после смерти автора. Жаль, что Я. Шуста не смог завершить свою работу, ибо он, казалось, был особенно хорошо подготовлен для выполнения столь трудной задачи. Полезные библиографические указания касательно чешской литературы представлены О. Одложилком в сборнике *Československá Vlastivěda*, т. 7 (История). Некоторые конспективные сведения о публикации источников см.: Pfitzner J., *Kaiser Karl IV*, S. 108 ff. Полный перечень источников содержится в трех томах Верунского. Краткая оценка работы Я. Шусты дана О. Одложилком в: *Speculum*, vol. 24 (1949), p. 143—148; vol. 25 (1951), p. 215—217 ff. См. также очерк Г. Геймпеля в: *Handbuch der Deutschen Geschichte*, hrsg. v. A. O. Meyer, Potsdam, 1936 (полезная библиография); Fischer O., *Karl IV deutscher Kaiser, König von Böhmen*, Bremen, 1941.

³ Особенно подробное исследование распространения эпидемии чумы, еврейских погромов в Германии и беспорядков среди флагеллантов см.: Werunsky E., *Geschichte Kaisers Karls IV*, Bd I, S. 239—324. О позиции Карла см.: Ibid., S. 271 f.

⁴ О наместниках Карла в Германии см.: Huttenbranker L. (см. Библ.), S. 546—568.

⁵ О Кола ди Риенцо, его взглядах и пророчествах см.: Burdach K., Piur P., *Briefwechsel des Cola di Rienzo // Vom Mittelalter zur Reformation*, Bd II, Teil I, Berlin, 1913; Burdach K. *Rienzo und die geistige Wandlung seiner Zeit*.

⁶ Публикацию этих писем см.: Burdach K., Piur P., Op. cit., Bd II, Teil III, Berlin, 1912, S. 191 f.

⁷ Подробнее см.: Scheffer W., *Karl IV und Innozenz VI, 1355—1360* // Histor. Studien, Heft 101, Berlin, 1912.

⁸ Наиболее реалистичную оценку итальянской политики Карла см.: Werunsky E., *Geschichte Kaisers Karls IV*, Bd 2, S. 613 f. Я. Шуста (Šusta J., *Karel IV. Za císařskou korunou*, s. 298, 300, 380) справедливо критикует пристрастное описание отношения Карла к идеям Петрарки, данное Й. Пфитцнером (Pfitzner J., *Kaiser Karl IV*, S. 60 ff.).

⁹ Подробнее ср.: Pirchan G., *Italien und Kaiser Karl IV in der Zeit seiner zweiten Romfahrt* (см. Библ.).

¹⁰ Об отношениях Карла с Англией см. наблюдения Р. Саломона: Salomon R., *Zur Geschichte der englischen Politik Karls IV* (см. Библ.).

¹¹ О королевстве Арелат см. следующую монографию: Grieser R., *Das Arelat in der europäischen Politik* (см. Библ.), где представлена ранняя библиография по этой теме. О политике Карла см.: Ibid., S. 56—63.

¹² Наиболее пространное исследование Буллы см.: Zeumer K., *Die Goldene Bulle Kaisers Karls IV* // Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reichs in Mittelalter und Neuzeit. Bd II. Weimar, 1908 — в двух частях. Текст Буллы см. в части 2.

¹³ См. Werunsky E., *Maiestas Karolina* (см. Библ.). Чешская библиография см.: Šusta J., *Karel IV. Za cis. korunou*, s. 186—224.

¹⁴ Хроника, Кн. IV, *FRB*, Bd IV, S. 525.

¹⁵ О методах, которыми Карл IV включал свое новое приобретение в состав Чешского королевства, см.: Bülow, Hedwig Saunmann von, *Die Inkorporationen Karls IV* (см. Библ.), S. 34—66.

¹⁶ Об отношениях Карла с Ганзой см.: Reincke H., *Kaiser Karl IV und die deutsche Hanse* (см. Библ.).

¹⁷ Карл назначил специальный день, в который драгоценности ежегодно выставлялись на свет для инспекции и торжественного публичного обозрения. В этот день толпы пилигримов из Чехии и Германии стекались в Карлштейн.

¹⁸ Тем не менее, Й. Пирхан в своем исследовании (см. Pirchan J., *Karlstein* // Prager Festgabe für Theodor Mayer; см. Библ.) полагает, что дворец возвели не для имперских знаков отличия, а для реликвий Страстей Господних, мощей, заключенных в кресте, который входил в число королевских регалий Чехии.

¹⁹ О культурном прогрессе в Чехии в правление Карла см. ниже, с. 203.

²⁰ О герцоге Рудольфе IV Австрийском существует следующая монография: Winter E. K., *Rudolf IV*, Wien, 1934—36, Bd I—II. О его отношениях с Карлом см.: Ibid., Bd I, S. 290 f.

²¹ Самые последние исследования о монархии Казимира, а также о церковной организации, искусстве и науке в период его правления см. в главе VII, с. 228—229. Полную библиографию на польском языке см. Kaczmarczyk Z., *Kazimierz Wielki*, Warszawa, 1948, s. 388—394. Ср. также том второй сочинения Я. Домбровского: Dąbrowski J., *Dzieje Polski średniowiecznej*, Kraków, 1926. О русской политике Казимира см.: Paszkiewicz H., *Polityka ruska Kazimierza Wielkiego* // *Rozprawy histor. towar. nauk*, t. 4, Warszawa, 1925.

²² Подробнее о Галиции и Волыни см. главу IX, с. 265 и сл.

²³ Подробнее о достижениях Казимира в области культуры см. ниже, с. 213 и сл.

²⁴ Монографию о Краковском конгрессе см.: Grodecki R., *Kongress Krakowski w roku 1364*, Warszawa, 1939. Ср. самую недавнюю публикацию о Казимире Великом: Sieradzki J., *Polska wieku XIV. Studium z czasów Kazimierza Wielkiego*, Warszawa, 1959.

²⁵ Любопытное сообщение о посещении королем Петром Праги и Краковского конгресса присутствует у современника этих событий, известного французского поэта и писателя Гильома Машо в его описании взятия Александрии (*La Prise d'Alexandrie* // *Publications de la Société de l'Orient latin, serie hist.*, vol. I / Ed. Mas Latrie, Genève, 1897, p. 27 f.). Карл IV собирался привлечь к крестовому походу банды солдат-наемников, скитавшиеся по Италии, но его план оказался невыполним. Тогда Карл отказался от идеи в целом. На следующий год Петр Кипрский с небольшой армией, в основном состоявшей из французских рыцарей, напал на Александрию, которая была взята и разграблена крестоносцами. Однако предприятие закончилось полным провалом, и крестоносцы обратились в бегство перед надвигавшейся турецкой армией. В качестве ответной меры султан лишил свободы всех христианских купцов в Египте и Сирии и конфисковал их имущество.

²⁶ Самым суровым критиком правления Людовика в Польше был вице-канцлер Казимира Янко из Чарнкова. Его хроника опубликована во втором томе SRS, с. 78—155.

²⁷ Брюс в своей «Священной Римской империи» тоже слишком суров по отношению к Карлу, когда, комментируя издание Золотой буллы, пишет: «Он узаконил анархию и назвал это конституцией» (Изд. 1922 г., с. 246).

Глава V

Второе Болгарское царство, подъем Сербии

Балканы между Востоком и Западом. Сербьы, болгарьы и Западная империя — Латинское и византийское влияние в Сербии — Болгария, папство и Латинская империя — Сербия, Рим и Никея — Двусмысленный поступок короля Стефана Первовенчанного и его объяснение — Царь Иван Асень II, Рим, Венгрия и Латинская империя — Бедственные последствия монгольского вторжения на Балканы — Новая балканская политическая комбинация и триумф Михаила VIII Палеолога — Венгрия и южные славяне — Хорватская национальная экспансия и подъем Боснии — Двудличье императора Михаила VIII на Лионском соборе; упадок Болгарии — Сербское лидерство на Балканах — Победоносные достижения Сербии при царе Стефане Душане — Упадок Сербии; турецкое завоевание Болгарии; поражение сербов на Косовом поле

В XIII в. в юго-восточной Европе возникли два новых независимых государства славян — Болгария и Сербия. В этой части Европы главной политической силой была, конечно, не Священная Римская, а Византийская империя. Император Василий II, по прозвищу Болгаробойца, уничтожил Первое Болгарское царство, и с начала XI в. Болгария существовала лишь как византийская провинция.

Первая попытка славян-сербов создать независимое политическое объединение сорвалась в конце XI в., когда император Алексей I Комнин включил земли славянского княжества Зета (Дукля)¹ в состав Византии.

Император Мануил I Комнин (1143—1180) расстроил аналогичную попытку Уроша II, жупана собственно Сербии, тогда называвшейся Рашкой, и вынудил его преемника жупана Неманю (ок. 1167—1196)* отказаться от союза с венецианцами и признать господство Византии. Мануил также разбил венгров, которые приобрели суверенитет над территорией Боснии, и присоединил эту область к империи. Кроме того, он распространил свою власть на большую часть

* Речь идет о Стефане Немане. — *Прим. перев.*

Хорватии и изгнал венецианцев из Далмации. Такова была политическая ситуация на Балканах в конце XII в.

Однако Византия была не единственной державой, кровно заинтересованной в юго-восточной Европе. С конца XI в. венгерские короли являлись также правителями Хорватии. Вполне естественно, что они старались распространить свое влияние и на соседние славянские земли на юге. Ближайшая к Хорватии Босния, последовав примеру хорватов, добровольно присоединилась к Венгрии в 1120 г. А из Боснии уже было рукой подать до Хума (современная Герцеговина) и Рашки. Позднее, когда возросли противоречия между католиками и православными христианами, особенно после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., венгерские короли не устояли перед искушением предстать в качестве поборников папства и латинской цивилизации на Балканах.

Кроме того, постоянно росли морская мощь Венеции, а вместе с ней и желание венецианцев стать хозяевами на Адриатике и захватить надежный плацдарм в Далмации. Именно Венеция главным образом виновата в том, что Четвертый крестовый поход отклонился от своей первоначальной цели, а на востоке появилась Латинская империя. Следует помнить, что все предприятие началось с падения Задара в Далмации, который крестоносцы захватили для венецианцев в 1202 г. Поэтому неудивительно, что венецианские дипломаты при малейшей возможности старались вмешаться в дела южнославянских государств.

Другим претендентом на влияние на Балканах было норманнское Сицилийское королевство, в котором в XIII в. к власти пришли представители Анжуйской династии. Карл Роберт Анжуйский мечтал о создании средиземноморской империи и потому также был заинтересован в славянских государствах на Адриатике.

Императоры Священной Римской империи были слишком заняты делами Германии, Италии и Центральной Европы, чтобы уделять достаточное внимание балканским перипетиям. Но оставалась другая великая сила, папство, с ее обширным духовным и политическим влиянием в Западной Европе. Отголоски победы священства — Святого Престола — над империей достигали православных земель на Балканах и звучали даже у стен Константинополя. Сербь и болгары, боровшиеся с Византией за свою независимость, естественно, желали получить помощь с Запада и моральную поддержку пап. Однако их византийское религиозное образование мешало им как следует понять те идеологические изменения, что происходили в то

время на Западе. Все эти факторы естественным образом влияли на политические и культурные сдвиги, происходившие в южной Европе в течение XIII—XIV вв. Неудивительно, что, несмотря на иное культурное и религиозное мировоззрение, наследованное от Византии, средневековые Сербия и Болгария имеют некоторые черты, сходные с теми, которые мы уже наблюдали у западных славян.

Таким образом, не было оснований рассчитывать, что при жизни Мануила Комнина сербы получат шанс добиться самоуправления. Этот великий воин и дипломат предпринял последнюю смелую попытку восстановить Римскую империю из Константинополя. Он стал последним византийским императором, возвеличивавшим свое имя, в чисто римской манере прибавляя к нему пышный титул правителя Далмации, Боснии, Хорватии, Сербии, Болгарии и Венгрии.

Однако после смерти Мануила положение изменилось коренным образом. Воспользовавшись династической борьбой в Византии, Бела III Венгерский (1172—1196) захватил все византийские владения в Далмации и Хорватии. Неманя быстро справился с княжеством Зета, подчиненным тогда Византии. Великие жупаны Рашки давно зарились на его территории и постоянно вмешивались во внутренние дела, когда оно было ослаблено династическими волнениями. Теперь же исчезли последние следы потомков короля Константина Бодина, его основателя. Неманя также захватил Улцинь, Антибари (Бар) и Котор на Адриатическое море. Успешно сопротивлялась только Рагуза (Дубровник), но когда она заключила соглашение с сицилийскими норманнами, Неманя воздержался от дальнейших попыток захватить ее. Он заключил мир и подтвердил торговые привилегии Рагузы в Зете и Рашке. Так были заложены основы средневековой Сербии.

В 1186 г. в Болгарии вспыхнуло восстание, боляре дунайского региона поднялись против Византии. Удачное восстание ознаменовало собой начало Второго Болгарского царства во главе с братьями Петром и Асенем², которые как цари держали двор в Тырново. Развить первоначальный успех императору Исааку II Ангелу (1185—1195) помешал мятеж, поднятый одним из его лучших полководцев, и он не смог разбить восставших, которые получили помощь от тюркского племени половцев (куманов).

Неманя, обладавший тонким чутьем, немедленно заключил союз с новым славянским государством, в то же время продолжая присоединять части соседних территорий, вплоть до Ниша, к собственным

владениям. Затем, нуждаясь в новых союзниках, чтобы легализовать эти приобретения, он, что вполне естественно, обратил свой взор на Германию и императора Священной Римской империи. Прознав, что Фридрих Барбаросса намеревается предпринять новый крестовый поход, он отправил к нему послов с подтверждением своей доброй воли и обещанием помощи, если император и его армия пройдут по сербской территории. Болгарские союзники Немани поддержали эту инициативу, и Петр обещал Фридриху 40 000 валашских и половецких лучников для нападения на Константинополь. Неманя, по-видимому, даже обратился к императору с просьбой короновать его «диадемой греческого царства». Нападение было назначено на весну 1190 г. Фридриху льстили все эти знаки почтения, и в какой-то момент уже казалось, что его противостояние с Византией выльется в прямое нападение на Константинополь. Однако Барбароссу главным образом заботил успех его крестового похода, и он предпочел заключить мир с византийским императором.

Таким образом, славянских союзников обязали самих улаживать свои разногласия с греками. Болгарам повезло, и в 1191 г. они разгромили греческую армию, что позволило им захватить Средец (Софию). Немане же после серьезного поражения на реке Морава пришлось пойти с греками на компромисс, но, по счастью, ему удалось выторговать вполне удовлетворительные условия мира. Белград, Равно, Ниш, Скопье, Призрен, Круя и Алессио (Лежа) стали пограничными городами Византийской империи. В последний раз византийская кавалерия напоила своих коней у слияния Савы и Дуная, когда Исаак II встретился со своим тестем, Белой III Венгерским, в Белграде, бывшем Сингидунуме. Исаак отдал свою племянницу за сына и наследника Немани Стефана. А его преемник, Алексей III, стремясь сохранить хотя бы видимость зависимости Сербии от Византии, оказал Стефану величайшую почесть в империи, пожаловав титул севастократора.

Вполне естественно, что в борьбе против Византии оба славянских государства искали союзников на Западе. Но если они ожидали помощи от Фридриха Барбароссы, их надежды потонули вместе с самим императором в ледяных водах реки Салефа, в Малой Азии. По-видимому, он действительно имел некие планы на Балканах, которые, вероятно, собирался воплотить в жизнь по возвращении из крестового похода. Как бы то ни было, он поручил Бертольду IV Андексу, маркграфу Истрии, продолжать переговоры с сербами. Маркграфы Андексы мнили себя главными поборниками империи в юго-вос-

точной Европе и очень гордились своим титулом «герцогов Хорватии и Далмации (Мерании)».

Другая возможность появилась при преемнике Барбароссы, Генрихе VI (1190—1197). Вместе с Сицилийским королевством Генрих VI наследовал далеко идущие амбиции великих норманнских королей, Роберта Гвискара, Рожера II и Вильгельма II. Не раз, ведомые жаждой власти, флоты и армии сицилийских норманнов направлялись вдоль побережья Адриатического моря или в глубь Греции. Их появление в тех землях всегда будило в славянском населении надежду на восстановление независимости от Византии. Эти волнующие перспективы, разумеется, находили живой отклик в сицилийской канцелярии Генриха, при том, что балканский опыт Барбароссы разделили и его доблестные рыцари, которые не замедлили сообщить о своих впечатлениях его сыну и преемнику. Возможно, этот практичный, суровый и проницательный дипломат рассчитывал именно на открывающиеся на Балканах перспективы, когда задумывал смелый план создания новой средиземноморской империи, где ему самому отводилась роль правителя Византии.

Однако коварный климат Сицилии положил конец жизни и замыслам Генриха. Все его балканские планы канули в Лету, и Ниш, где Барбаросса в последний раз встречался с сербами и болгарами, ждал до 1916 г., когда, наконец, другой германский император, Вильгельм II, встретился здесь с другим болгарским царем, Фердинандом I, его союзником в новой погоне за мировым господством Германии.

Немания не забывал поддерживать хорошие отношения и с другой могущественной западной державой, имевшей колоссальное духовное и политическое влияние,—с папством. Его сын Стефан отмечал в биографии отца, что Немания часто посылал богатые дары во все церкви Востока и Запада, особо почитавшиеся его современниками-христианами,—в храмы Иерусалима и Константинополя, а также в соборы св. Димитрия в Фессалонике, святых Петра и Павла в Риме и св. Николая в Бари. После завоевания княжества Зета и трех городов на побережье Неманя напрямую соприкоснулся с романской культурой этих регионов. Речь прежде всего идет об Антибари (Баре), чей архиепископ в правление зетских королей Михаила и Бодина распространял свою юрисдикцию даже на Рашку.

К несчастью для Антибари, с закатом княжества Зета при преемниках Бодина был подорван престиж и его архиепископа, у которо-

го появился опасный соперник в Рагузе. С начала XII в. Рагуза год от года все более процветала, неизменно получая от папы подтверждение ее привилегий и статуса архиепископии. Тогда же она предъявила права на юрисдикцию над всеми землями, ранее подчинявшимися Антибари, включая епархию Рашки. В посланиях пап Александра III (1167) и Климента III (1188), который последним подтвердил привилегированное положение Рагузы, Антибари фигурирует лишь в качестве епархии.

Епископы Антибари, разумеется, старались изменить ситуацию в свою пользу. Непосредственно перед захватом города Неманей местный епископ Григорий стал именовать себя архиепископом. Восстановление прежнего статуса Антибари благоприятно сказалось бы на отношениях между Римом и новыми правителями Зеты и Рашки. Поскольку город включался в новое политическое образование, вполне естественно, что Неманя и его братья предпочли бы, чтобы их территории попадали под юрисдикцию архиепископа Антибари, а не заграничного архиепископа Рагузы. Однако в Риме, по-видимому, не успели оценить изменившуюся ситуацию. В 1189 г. папа Климент III послал сердечное письмо Немане и его братьям, представляя нового архиепископа Рагузы Бернарда, чья юрисдикция, по мнению папы, распространялась на всю Зету, Сербию и Хум. Папа, похоже, заключил, что князья, к которым он обращался, являются подданными Святого Престола, чьим решениям они обязаны подчиняться, и что архиепископ Рагузы представляет высшую духовную власть в их владениях.

На самом деле ситуация была не столь благоприятна для Рима, как представляют ее папские документы этого времени. Юрисдикция католического архиепископа Антибари могла быть действительна даже в православной Рашке, когда эта область была частью княжества Зета; однако ситуация определенно изменилась с падением княжества, когда влияние великих жупанов Рашки стало чувствоваться гораздо сильнее. Перенос церковной власти из Антибари в Рагузу несколько не усилил римское влияние в Рашке. Великие жупаны Рашки признавали местного православного епископа, а связи между Рашкой и Охридом неуклонно развивались, поскольку именно из этого центра старославянской культуры сербы получали славянские переводы Библии и другие литературные шедевры. Таким образом, вполне естественно, что духовная зависимость епархии Рашки (Раса) от автономного архиепископства Охида не только возобновилась, но и окрепла.

Глубина влияния на сербов славянской литургии и литературы, а также образа духовной жизни, присущего византийцам, замечательно иллюстрируется на примере самого Немани. Несмотря на свое благожелательное отношение к Риму и к Западу вообще, все его религиозные принципы основывались на православии. Афонские монахи часто гостили при дворе Немани, а его сына Растко (Растислава) так впечатлили их рассказы об этом центре византийского благочестия и чтение церковнославянских и греческих религиозных книг, что он тайно покинул двор отца и под именем Савы (Саввы) стал на Афоне монахом Ватопедского монастыря. Неманя не только не был шокирован поступком сына, но и последовал его примеру. В 1196 г. он передал верховную власть над сербскими землями своему старшему сыну Стефану, подчинив ему другого сына Вука, или Вукана, поставленного жупаном прибрежной провинции, то есть бывшего княжества Зета, и удалился в один из основанных им же монастырей — в Студенице. Вскоре новоявленный монах под именем Симеон присоединился к своему сыну на Святой горе, где они основали знаменитый сербский Хиландарский монастырь.

Новые болгарские правители первыми стали ходатайствовать о помощи Рима. Послание, адресованное в 1199 г. папой Иннокентием III «благородному мужу Иоаннике», правившему в Болгарии после убийства Асеня и Петра, показывает, что с такого рода просьбой, по-видимому, обращался в Рим именно адресат, которого также звали Калояном (Иваном Калояном) (1197—1207), или же кто-либо из его братьев. В этой связи письмо, в котором папа упоминает о римских корнях предков Иоанники, или, скорее, последующая реакция на эту аллюзию дают дополнительное свидетельство в пользу владарского (румынского) происхождения правителей Болгарии. Вероятно, они намекнули, что готовы присоединиться к католической церкви, и между Римом и Болгарией завязалась любопытная переписка.

Хитроумный правитель, именовавший себя «царем болгар и владаром», был польщен комплиментом и тепло поблагодарил папу за память о его романском происхождении. После щедрых изъявлений почтения Калоян обратился к папе с просьбой прислать ему императорскую корону и произвести епископа его столицы Тырново в патриархи с правом посвящать и наставлять епископов его царства. Для пользы собственного дела и желая просветить папу в области истории Болгарии, Калоян напомнил ему, что его предшественникам, в частности Петру и Самуилу, был дарован императорский титул.

Этот отрывок из письма Калояна часто толковали превратно, а многие историки, особенно специалисты по истории церкви, трактовали его как свидетельство, доказывающее, что все болгарские цари обращались за официальным признанием в Рим. Это неверно, и из контекста нижеприведенного пассажа явствует, что Калоян никогда не писал ничего подобного (PL, vol. 214, col. 1113): «Первая милость, что мы испрашиваем у нашей матери, Римской Церкви, как возлюбленный ее сын — это корона и титул, ибо наши царственные предки уже обладали ими в прежние времена. Один был Петр, другой — Самуил, помимо прочих, предшествовавших им на троне, как записано в наших книгах».

Калоян, очевидно, не говорит о том, что болгарские цари получали свой титул из Рима, однако римская канцелярия Иннокентия III первой пришла к этому ошибочному выводу, как явствует из ответного письма папы: «Ты смиренно просил, чтобы Римская Церковь даровала тебе корону, как славной памяти Петру и Самуилу и другим твоим предкам, согласно твоим книгам».

В другом письме Калоян намекает колеблющемуся папе, что он без труда мог бы получить испрашиваемую милость от греков, которые, в сущности, уже вступали с ним переговоры на эту тему. Затем Калоян послал кандидата на пост патриарха Василия в Рим; однако Василий был задержан греками в Диррахии (Дурресе), когда уже всходил на борт корабля для отправки в Италию. В третьем письме Калоян согласился с интерпретацией болгарской истории, предложенной папой, и простодушно признался, что, перечитав свои книги, сам пришел к заключению, что все его предшественники получали царский венец из Рима. Он, как ранее Борис, также присовокупил обещание навсегда остаться под римской юрисдикцией и подчинить Риму все земли, которые сам сумеет покорить.

В то же время Калоян извлек максимальную пользу из общей сумятицы, царившей на Балканах в результате похода католиков против Константинополя (1204), и захватил всю область от Софии до Фессалии³. На севере он продвинулся вплоть до рек Морава и Дунай. Его молниеносные достижения, должно быть, произвели впечатление в Риме и прибавили вес его изъяснениям верности. Поскольку было бы опрометчиво допустить охлаждение в отношениях со столь могущественным соседом зарождавшейся Латинской империи, в 1204 г. Калоян, наконец, получил от Рима корону со скипетром и хоругвью святых Петра и Павла в придачу. Но папа действовал осмотрительно и не без лукавства: он даровал Калояну лишь ко-

ролевский титул, а епископа Тырново сделал примасом Болгарии. По трактовке самого папы, это было почти все равно, как если бы он возвел его в сан патриарха. Калояна не смутили эти тонкие различия, и он невозмутимо продолжал именовать себя императором (царем), а своего примаса — патриархом.

Однако болгарско-романское сближение не получило развития. Мироззрение болгарина было слишком проникнуто византийским духом, и он не мог приспособиться к менталитету нового западного порядка, который с удовольствием навязали бы ему римляне. Оскорбленный требованиями латинского императора в Константинополе признать его суверенитет, Калоян вновь обратился к грекам, восставшим против латинского владычества. В 1205 г. он заключил с греками альянс и вскоре практически обескровил Латинскую империю. И действительно, Балдуин I, первый латинский император в Константинополе, умер в болгарском плену. Калоян, не решившись атаковать Константинополь, упустил шанс выгнать католиков с Босфора и на деле оправдать принятый в X в. Симеоном титул «царя болгар и ромеев». Калоян погиб в 1207 г., пав жертвой дворцового переворота, не давшего ему осуществить план нападения на Фессалоники.

Папство не преуспело и в отношениях с преемником Калояна, Борилом (1207—1218). Будучи узурпатором, нуждавшимся в поддержке папы, Борил, тем не менее, вел церковные дела по византийскому образцу, созвав в Тырнове собор против еретического движения богомилов, аналога западноевропейских катаров. Судя по актам, выпущенным собором, болгарские правители копировали церковную политику константинопольских императоров, и, хотя папа в это время послал в Болгарию кардинала, процедуры собора носили чисто православный характер. Римские порядки так и не прижились в Болгарии, и как только болгары почувствовали, что союз с Римом им уже не так выгоден, они немедленно вернулись к византийским идеалам.

В Сербии преемник Немани великий жупан Стефан на протяжении своего долгого правления, с 1196 по 1228 гг., демонстрировал качества изобретательного полководца и гибкого дипломата. Он был одарен удивительным политическим чутьем и, как только углядел признаки грядущего падения Византии, отвернулся от Константинополя, разорвал все связи с императором Алексеем III и отрекся от своей жены Евдокии, дочери императора. Затем, желая подтвердить

свою независимость, он пошел на переговоры с папством, которое представлял в то время неукротимый Иннокентий III.

Казалось, на это раз Рим проявит лучшее понимание сложившейся в Сербии ситуации. Иннокентий III признал права Антибари, а его легаты доставили Иоанну Антибарийскому паллий — короткий плащ, ношение которого являлось прерогативой католических архиепископов и митрополитов. Из переписки между папой и Вуканом, управлявшим Зетой при его брате, великом жупане, становится ясно, что инициатива исходила именно от Вукана, поддержавшего просьбу Иоанна Антибарийского. Акты синода Антибари под председательством папских легатов были подписаны шестью викарными епископами — все из «королевства» Вукана. Вопрос о юрисдикции над Рашкой, владением великого жупана, был обойден вниманием.

Однако папа не забыл об этой части молодого государства. Через своих легатов он переслал Стефану письмо. Стефан также воспользовался случаем и отправил папе сердечное послание, приветствуя его как своего духовного отца и заверяя, что он намерен следовать примеру своего отца Немани и «всегда соблюдать заповеди Римской церкви». Он также обещал отправить своих послов в Рим. Когда же это посольство действительно собралось в дорогу, ему было поручено просить папу даровать Стефану королевскую корону, а в обмен великий жупан сообщал о своей готовности признать вассальную зависимость от Рима.

Папа был склонен оказать ему эту милость, однако его легатов по дороге в Сербию перехватил венгерский король Имре (1196—1204). Из переписки, ведшейся между папой и королем Венгрии, ясно, что Имре намеревался создать своего рода протекторат над всей юго-восточной Европой. Он возражал против планов папы в отношении Болгарии и осмелился даже задержать папского легата, кардинала Льва, который вез Калояну королевскую корону. В случае с Болгарией Имре, в конце концов, пришлось уступить давлению папы, однако он по-прежнему лелеял надежду на вмешательство во внутренние дела Сербии. Он вступил в сговор с амбициозным братом Стефана Вуканом, который принял королевский титул прежних правителей Зеты и теперь стремился стать единственным властителем над всей Сербией. Чтобы привлечь на свою сторону папу, Вукан через Имре передал тому о своей готовности подчиниться Риму. Стефан был вынужден покинуть страну. Имре сам принял титул короля Сербии (*Rex Rasciae*), который носили все венгерские короли вплоть до 1918 г.,

и оставил Вукану во владение все сербские земли под сюзеренитетом Венгрии.

Стефана выручили болгары, которых возмутило вмешательство Венгрии в дела Сербии. Вукану пришлось подчиниться Стефану, а Саве, в конце концов, удалось помирить своих братьев. В 1217 г. Стефан воспользовался другим удобным случаем, когда преемник Имре Эндре II (1205—1235) отбыл из Венгрии в крестовый поход. Он еще раз обратился к Риму, возможно, через посредство венецианцев и, согласно сообщению хрониста Фомы Сплитского (Фомы Архидьякона), просил у Гонория III королевскую корону. В 1218 г. в Сербию для осуществления церемонии коронации был послан кардинал. С этого времени в сербских летописях Стефан зовется Стефаном Первовенчанным.

В данном случае, однако, Рим также несколько обманулся в своих ожиданиях. Латиняне, естественно, предполагали, что сербское духовенство будет подчиняться латинскому архиепископу. Для этой роли особенно подходила архиепископия Антибари: она находилась на сербских землях, ее статус был восстановлен, она могла гордиться славной историей со времен Зеты (Дукли), когда ее юрисдикция простиралась на всю Рашку. Однако притязания Антибари по-прежнему оспаривал могущественный город-государство Дубровник (Рагуза), продолжавший при поддержке Венеции настаивать на своем признании в качестве церковного центра. Папам, особенно Григорию IX и Иннокентию IV, вновь и вновь приходилось вмешиваться с тем, чтобы защитить права Антибари, но и не обидеть могущественный Дубровник.

Неопределенность в положении Антибари, видимо, не способствовала тому, чтобы новый сербский король установил более тесные церковные связи с его архиепископом. Более того, Антибари как часть Зеты находился под управлением брата Стефана Вукана. Несмотря на примирение, достигнутое по просьбе Савы, Стефан Первовенчанный менее всего был склонен забыть прошлое и находил неумным передать свое королевство под юрисдикцию архиепископа, который, вполне вероятно, окажется на стороне его завистливого брата.

Необходимо было решить и еще одну проблему. Епископ Рашки (Раса) номинально подчинялся греческому архиепископу Охрида, и эта субординация значительно укрепилась в правление отца Стефана. Пока Охрид был политически нейтрален, это не имело значения,

но после распада Византийской империи он отошел к сопернику Стефана — греческому Эпирскому деспотату.

Чтобы нейтрализовать возможную опасность, вытекающую из этого положения, Стефану надо было найти способ сделать епископа независимым. Переход под юрисдикцию Рима создал бы новые трудности с Охридом и остальными греками. Стефан мог думать об одном единственном решении: получить от константинопольского патриарха, находившегося в то время в Никее и считавшегося главой православной церкви, включая верховную власть над Охридом, разрешение на создание самостоятельной сербской церкви. Переговоры он поручил своему брату Саве. Никейский император Феодор I Ласкарис видел все политическое значение этого шага. Он ревниво следил за своим греческим соперником в Эпире и был готов приветствовать союз с сербами. Феодор удовлетворил их просьбу, и его патриарх Мануил I (Сарентен) поставил Саву первым сербским архиепископом (1219). После возвращения Савы на сербских землях было учреждено несколько новых епархий. Протесты греческого охридского архиепископа, ученого Димитрия Хоматиана, были тщетны. Деспот Эпира, собиравшийся принять императорский титул и начать наступление против Фессалоники и Константинополя, мудро воздержался от каких-либо действий и даже выдал свою дочь Анну за сына и наследника Стефана Радослава.

Двусмысленное поведение Стефана, пославшего посольство в Рим, испрашивая королевский титул, и в то же время обратившегося к греческому патриарху по вопросу об автокефалии сербской церкви, считалось самой непонятной загадкой сербской истории. На современный взгляд, эти два поступка совместить невозможно, и они бесконечно критиковались историками, особенно церковными. Поздняя сербская традиция, даже уже начиная с *Жития Савы Сербского*, написанного в 1254 г. сербским монахом Доментианом, пыталась минимизировать значение вмешательства Рима, приписывая венчание короной, благословенной папой, св. Саве. Чтобы примирить две традиции и спасти православную честь св. Савы, сербские и русские авторы придумали две коронации: одну — короной, присланной папой, осуществленную папским легатом, и вторую — короной, доставленной из Никей, осуществленную св. Савой, хотя современные событиям источники не упоминают ни о второй церемонии, ни о второй короне.

На самом деле, проблема возникает только для того, кто предпринимал вопрос, исходя из допущения, что между Западом и Востоком в

то время существовали отношения ненависти и недоверия,—предубеждение, распространенное среди более поздних поколений. Однако в начале XIII в. ситуация в Сербии и Болгарии была совершенно иной, и было бы анахронизмом приписывать сербам и болгарам того времени те же чувства, которыми были движимы в отношении Запада греки. Выше было показано, как сербские и болгарские князья неоднократно пытались установить связи с могущественными силами Запада—папами и германскими императорами. Более того, осуществленный латинянами Четвертый крестовый поход, повлекший в 1204 г. захват Константинополя, у сербов и болгар, видимо, не мог вызвать те же чувства недоверия, гнева и ненависти, что у греков. Византия, от которой сербы и греки унаследовали основы своей национальной культуры, тем не менее, была их политическим противником, причем в конце XII—начале XIII вв. их антагонизм должен был быть наиболее силен. Ведь именно в этот период правители Сербии и Болгарии предпринимали наибольшие усилия, чтобы обеспечить свою политическую независимость и освободить свои народы от византийского ига. По отношению к никейскому императору из отдаленной Малой Азии, побежденному латинянами, они не испытывали такого недоверия, как к более опасному для них эпирскому деспоту. Обрядовая разница не могла в то время вызвать никакого чувства недоверия в том, что касается западных христиан: ведь следует помнить, что тогда даже в Италии два обряда сосуществовали.

Поэтому неудивительно, что сербский король оба своих поступка искренне полагал совершенно логичными⁴. Совершенно некорректно делать Стефана Первовенчанного поборником латинских традиций в Сербии, а Саву—ревностным защитником «православной» стороны. Видимо, в политических взглядах между двумя братьями не было никаких расхождений, и ответственность за решение о посольстве в Никею следовало бы приписывать не Саве, как многие бы утверждали, но самому королю.

С точки зрения изучения отношений между Западом и Востоком весь этот случай представляет уникальный интерес, показывая, насколько еще был жив первоначальный христианский инстинкт в то время и в той части Европы, где люди мало знали и еще меньше заботились о различиях между двумя церквями, лелея наивное убеждение, что следует поддерживать нормальные отношения с обоими великими центрами христианства. Этот же инцидент доказывает, сколь ошибочно представлять, что после прискорбного эпизода

1054 г. между двумя церквями возникло полное разделение, или думать, что после этого все восточное христианство безвозвратно отделилось от западного. Многие пути, которые могли бы привести к взаимопониманию, все еще оставались открыты, закрылись они позднее, по мере нарастания различий в развитии.

Одно из принципиальных различий лежит в разном отношении к национальным церквям. В этой области сербы и болгары были учениками восточной церкви, и вся эволюция папства начиная с XI в. была им чужда. Их желание обеспечить независимость своих национальных церквей во главе с собственными патриархами или, по крайней мере, автономными архиепископами во многих отношениях отличалось от развития христианства на Западе, где национальные церкви были фактами отдаленного прошлого и где, исходя из практических целей, папа управлял каждым диоцезом. Это страстное желание иметь самостоятельную национальную церковь было по существу византийским, а не римским, и именно оно является главным фактором, объясняющим, почему терпели крах все многочисленные попытки воссоединения церквей, предпринимавшиеся на рубеже XIII—XIV вв., и почему в итоге сербская и болгарская церкви более других оставались в лоне церкви византийской.

Среди латинян в Греции эти различия породили недоверие по отношению к болгарам, хотя Болгария канонически все еще находилась под главенством Рима, за что им в итоге пришлось очень дорого заплатить. Новый болгарский царь Иван Асень II (1218—1241), победивший узурпатора Борила, предпочел бы сохранять мир с латинянами, и франкские бароны в Константинополе полностью отдавали себе отчет о влиянии, которым он пользовался. Поэтому, когда умер незадачливый латинский император Робер, обсуждался план женитьбы его юного сына Балдуина II (1228—1261)* на дочери болгарского царя. Предложение нашло благоприятный отклик у Ивана Асеня II, надеявшегося таким образом реализовать мечты своих предшественников о том, чтобы стать регентом в Константинополе.

Этот проект, однако, был неприемлем для Феодора Эпирского (1224—1230)**, значительно расширившего свои владения и принявшего императорский титул, отобрав у латинян Фессалоники. Рассчи-

* Балдуин II, сын императора Робера де Куртене (1221—1228), самостоятельно правил в Латинской империи в 1238—1261 гг., перед этим императором был Иоанн Бриеннский (1231—1237).—*Прим. перев.*

** Эпирский правитель Феодор Ангел правил в 1215—1230.—*Прим. перев.*

тывая на возможную помощь своего зятя, нового сербского короля Радослава (1228—1233), и полностью игнорируя свой договор о дружбе с Болгарией, он напал на Ивана Асеня II, рассчитывая сорвать брачный проект. Тем не менее, фактор внезапности, на который надеялся Феодор, не сработал, и весной 1230 г. он, как того и заслуживал, был разбит при Клокотнице на реке Марице. Его армия была разгромлена, а сам он со своим двором и семьей был взят в плен. Иван Асень II обращался с пленниками с похвальной снисходительностью и за свою гуманность был вознагражден тем, что греки добровольно перешли под его власть. Он присоединил Адрианополь и земли в низовьях Марицы и по реке Месте, территорию северной Албании, включая Дуррес (Диррахий, Дураццо) и Крую, оставив Фессалоники, Фессалию и Эпир своему зятю, Мануилу Ангелу, брату несчастного Феодора.

Эта великая победа полностью изменила всю ситуацию на Балканах. В Сербии Радослав был вынужден передать корону своему брату Стефану Владиславу (1233—1242) и бежать в Рагузу и затем в Дуррес⁵.

Венгрия была встревожена, и Эндре (Андрей) II напал на болгар, но брат Асеня справился с ним. Более неожиданное следствие победы Ивана Асеня наблюдалось в Латинской империи. Бароны, с их инстинктивной неприязнью к сильным правителям в Константинополе и страхом, что другой иностранный принц овладеет городом, с глубоким беспокойством следили за растущим могуществом царя, в то время как латинское духовенство всячески показывало, сколь отвратительна ему идея женитьбы молодого императора на православной принцессе. Имея в виду, что в соответствии с каноническим правом болгары все еще имели то же вероисповедание, что и папа, отказ латинского духовенства иметь дело с болгарским православным правителем кажется совершенно экстраординарным. Все дело было передано папе, который, к сожалению, принял сторону латинского духовенства. В результате Иоанн Бриеннский (1231—1237), бывший король Иерусалимского королевства, стал правителем Константинополя с императорским титулом, и было обусловлено, что его дочь выйдет замуж за молодого императора.

Даже если предположить, что существовала опасность, что Иван Асень II в конце концов займет константинопольский престол, риск стоил того, поскольку для латинян альтернативы не было. Отказавшись же от союза с Болгарией, бароны подписали Латинской империи смертный приговор. Иван Асень II был в ярости и с этого мо-

мента искал только способа полностью ее победить. Имея в виду эту цель, он вошел в союз с греческим никейским императором Иоанном III Дукой Ватацем (1222—1254). Никейская империя уже добилась больших успехов в Малой Азии, а латиняне к тому времени были оттуда почти полностью вытеснены. Новым союзникам не удалось захватить Константинополь в 1236 г. лишь из-за того, что в последнюю минуту вмешался венецианский флот, поддержанный другими итальянскими городами-республиками и отрядом, присланным латинским Ахейским княжеством.

Оскорбленный отношением папы, Иван Асень II последовал примеру сербов и начал переговоры с никейским патриархом, но когда греки начали чинить препятствия, он попросту избрал нового тырновского архиепископа и провозгласил самостоятельность своей церкви. Тем не менее, после заключения болгаро-греческого союза православный собор в Галлиполи санкционировал это церковное установление и согласился на создание болгарской патриархии.

Папа был встревожен всеми этими событиями и назначил венгерского короля и венгерского архиепископа своими агентами в юго-восточной Европе, уполномоченными вести дела с «благородным мужем Асенем», но тот сумел на время успокоить папу новыми уверениями в подчинении Риму и новым союзом с латинянами. Однако, когда оказалось, что слова Ивана Асеня не подкрепляются делами, папа Григорий IX под звуки фанфар объявил крестовый поход против царя-еретика, возложив его организацию на венгерского короля Бела IV.

Крестовый поход, самая злободневная тема папских посланий в Венгрию 1238—1239 гг., провалился, и все затраченные на него усилия ни к чему не привели,—разве что историк в посланиях понтифика найдет много интересных деталей, касающихся международного положения Венгрии в то время⁶.

Все эти затруднения вынуждали Ивана Асеня поддерживать хорошие отношения с сербами, причем эти отношения неизмеримо улучшились в результате того, что, возвращаясь из паломничества в Святую Землю, Сава посетил Ивана Асеня II, который принял его с необычайной сердечностью. В Тырново Сава и умер 12 января 1236 г.; он был похоронен там же в церкви Сорока Мучеников, построенной Иваном Асенем в память о великой победе при Клокотнице. Там же в следующем году король Владислав (Стефан Владислав) посетил своего тестя и перевез тело своего святого дяди в монастырь в Милешево, им самим основанный. Так великий национальный ге-

рой Сербии внес большой вклад в установление тесного союза между его соплеменниками и болгарами.

После того как крестовый поход потерпел фиаско, Иван Асень II мог в мире закончить свои дни (1241), почитаемый как могущественный правитель, придавший непревзойденный блеск и величие болгарскому престолу и болгарскому народу. Однако после его смерти начался период медленного упадка, период разорения и мелких схваток за его наследие. Именно на этот этап пика внутренних распрей пришлось время смертельной борьбы с монголами, предводительствуемыми Бату (Батыем) и Субедеем. Бату напал на Польшу и Чехию, а Субедей вторгся в Венгрию, в 1241 г. рассеял армию Бела IV и преследовал бежавшего короля за Загреб вплоть до Сплита. Хорватия, Босния, Сербия и Болгария тяжело пострадали. Основанное Бату ханство Золотая Орда, державшее в своей власти Русь, простиралось до нижнего Дуная. Болгары избежали полного крушения и покорения монголам только благодаря их предложению ежегодной дани, которую они выплачивали хану с 1242 до 1300 гг.—достаточно долго, чтобы монгольское влияние не один раз дало о себе знать в Болгарии. Более того, Болгария навсегда потеряла лидирующее положение на Балканах.

Вполне вероятно, что если бы монголам была предоставлена свобода действий на Балканах на более долгий срок, они бы завершили их завоевание до появления турок-османов, но они оказались лишь предвестниками последующих завоевателей. Достаточно любопытно, что в конце XIV в. турки начали свое завоевание Балкан из Болгарии — той самой страны, которую столетием ранее монголы избрали базой для своих дальнейших операций.

Вновь лидерство на Балканах от сербов и болгар перешло к грекам, менее всех затронутым монгольским вторжением. Никейский император Иоанн III Дука Ватац (1222—1254) воспользовался упадком Болгарии в правление преемников Ивана Асеня II Калимана I Асеня (1241—1246) и Михаила I Асеня (1246—1256), чтобы занять всю болгарскую территорию южнее Адрианополя до реки Вардар. Одновременно деспот Эпира захватил земли, включающие города Велес, Прилеп и Охрид. Ватац мог рассчитывать на поддержку нового сербского короля Стефана Уроша I (1242—1276), которому его брат Стефан Владислав (1233—1242), ослабленный монгольским вторжением, передал бразды правления. Обнадеженный этой поддержкой, никейский император занял Фессалоники (1246), захватил

западную Македонию и Албанию, включая ее столицу Крую, и готовился уничтожить своего греческого соперника — эпирского деспота Михаила II.

Сербьы, видимо, извлекли выгоду из своей дружбы с Ватацем. Когда болгарский царь Михаил I Асень заключил союз с Дубровницкой республикой (Рагузой), значение которой неуклонно возрастало, и напал на Сербию⁷, его вторжение, похоже, остановило вмешательство Ватаца. Попытка Михаила вернуть земли, отнятые греками, была пресечена преемником Ватаца, его сыном Феодором II Ласкарисом (1254—1258). Позднее болгарский царь пал жертвой мятежа недовольных бояр. Едва ли он выиграл от помощи, оказанной ему его зятем Ростиславом, русским князем, изгнанным монголами из Галицкой земли и получившим от венгров в Славонии Банат с Белградом. Преемник Михаила Калиман II Асень разделил его судьбу. Ростислав затем попытался захватить вакантный болгарский престол, в результате чего, с учетом территорий, которыми он владел под сюзеренитетом венгров, должно было образоваться достаточно значительное государство, но от этой попытки ему пришлось отказаться, поскольку могущественные и гордые бояре не желали иметь царем иноземного князя, и к тому же венгерского вассала. В конце концов, родственник династии Неманичей Константин Тих, заручившись помощью никейской дипломатии, развелся со своей женой и женился на Ирине, дочери Феодора II Ласкариса — внучке Ивана Асеня II и правнучке Эндре II Венгерского: он удерживал болгарский трон с 1257 до 1277 гг.

Восшествие на престол царя, претендовавшего на родство и с сербской, и с греческой династиями, явилось последним результатом сербо-греческого сотрудничества, поскольку вскоре после этого Стефан Урош I (1242—1276) отвернулся от греков, чтобы присоединиться к новой балканской политической комбинации, составленной эпирским деспотом Михаилом II Ангелом (1237—1271). Последний, завидуя более успешным никейцам, добился поддержки своих зятьев, ахейского князя Гийома Виллардуэна и сицилийского короля Манфреда Гогенштауфена, являвшегося к тому же распорядителем приданого своей жены Елены, включавшего остров Корфу с Дурресом (Диррахий, Дураццо), Берат и Валону (Влера). Первые результаты военных операций, начатых коалицией, были удовлетворительны. Все земли между Адриатикой и Вардаром были заняты деспотом, в то время как сербы захватили Скопье и Прилеп, где был взят в плен византийский историк Георгий Акрополит, бывший там им-

ператорским наместником. Со смертью Феодора II Ласкариса, сын и наследник которого Иоанн* был несовершеннолетним, перспективы казались еще более радужными, но военачальник Михаил Палеолог** восстановил позиции греков, став сначала одним из опекунов Иоанна, затем императором-соправителем и, наконец, единственным правителем Никейской империи. Узурпация им престола, однако, обернулась для греков большой удачей. Михаил II Эпирский уже угрожал Фессалоникам, когда Палеолог смешал карты коалиции, изгнав его из Македонии, и двинулся к Албании, собственным землям деспота. В 1259 г. в долине Пелагонии он столь решительно разбил армию Михаила II и его союзников, что они надолго лишились мужества. Никейская империя вновь сокрушила некогда могущественный Эпирский деспотат, так что он перестал существовать как политическая сила на Балканах.

Оставалась еще задача изгнания латинян из их твердынь вокруг Константинополя и из самого города. В 1260 г. Палеолог начал военные действия, а в следующем году в результате неожиданной удачи его полководец Алексей Стратигопул хитростью захватил Константинополь, едва ли пролив хоть каплю крови. Латинский император Балдуин II бежал в такой спешке, что бросил все знаки императорского достоинства, и после триумфального въезда в Константинополь Михаил Палеолог 15 августа 1261 г. был коронован в храме св. Софии. Таков был бесславный конец Латинской империи.

После столь громкого успеха Михаил VIII Палеолог почувствовал себя в силах решить судьбу мальчика-императора Иоанна IV, не боясь осложнений со стороны сторонников династии Ласкарисов. В соответствии с византийским обычаем, Иоанн был ослеплен и заточен, что расчистило путь династии Палеологов, правившей восстановленной империей в течение двух столетий. Константинополь вновь начал было подниматься к вершинам славы, знакомым ему до латинского завоевания, но так никогда и не достиг их вновь, поскольку раны, нанесенные ему Западом, были слишком глубоки и обескровили его экономически и политически.

Монгольское вторжение и отвоевание Константинополя греками можно считать двумя главными событиями, завершившими длитель-

* Никейский император Иоанн IV Ласкарис (1258).—Прим. перев.

** Михаил VIII Палеолог, никейский (1258—1261), а затем константинопольский (1261—1282) император.—Прим. перев.

ный период развития юго-восточной Европы. При этом, в то время как падение Латинской империи отразилось на Балканах в целом, монгольское вторжение в особенности затронуло интересы Венгрии, завершив знаменательный период ее истории, имевший живейшее касательство к южным славянам. Когда венгерские короли стали королями Хорватии и сюзеренами Боснии, следовало ожидать, что они проявят непосредственный интерес к развитию событий в других южнославянских землях. Правители из династии Арпадов не раз проявляли этот интерес, и они были достаточно дерзки, чтобы претендовать на господство над освобожденными сербами и болгарами.

В XI, XII и даже в XIII вв. возникали возможности, при которых венгры могли бы объединить вокруг себя несколько славянских народов в могущественную федерацию. Короли из рода Арпадов проводили очень либеральную политику в отношении других народов и придерживались завета, данного св. Иштваном своему сыну: «Царства-моноглоты, знающие только один язык, никогда не бывают сильными». Такой объединительный центр южные славяне, в борьбе за независимость искавшие союзников на Западе, могли бы приветствовать. К сожалению, венгры не отвечали некоторым важным условиям, необходимым для подобного развития событий: в этническом отношении они были чужими для всех своих соседей. Это затрудняло связи славянских элементов с центром власти, королем и его советом знати, и препятствовало наложению ими своего отпечатка на политическую жизнь собственно Венгрии. Сколь бы не старались короли Венгрии утвердить свою власть в славянских государствах, сам ход событий только укреплял венгерский элемент и препятствовал любому этническому смешению, которое бы ко взаимной пользе сблизило венгров и славян.

В этот период для развития своей территории Венгрия нуждалась в колонистах. Среди славян только чехи и хорваты могли передать венграм искомый ими культурный уровень, но в то время ни один из этих народов не был в состоянии посылать колонистов, ремесленников или священнослужителей в Венгрию. Так что наиболее многочисленными и рьяными пионерами западной цивилизации в Венгрии были немцы, которые в больших количествах селились в комитатах, примыкавших к Восточной марке, пролагали пути в северные области — современную Словакию, где были открыты богатые серебряные копи, и основывали значительные колонии в Трансильвании.

Таким образом Венгрия, в ранние периоды приветствовавшая византийские культурные влияния, вестернизировалась настолько полно, что оказалась неспособна понимать восточнохристианскую ментальность своих славянских соседей на Балканах. С ее стороны было совершенно неправильно выставлять себя в юго-восточной Европе поборницей папства и западной цивилизации, как и организовывать крестовые походы против схизматиков.

Иноземный неславянский элемент в Венгрии чрезвычайно усиливали венгерские короли, привыкшие принимать «гостей» из диких тюркских племен. Точно так же, как в XI в. печенеги, бежавшие от половцев-куманов, нашли пристанище в Венгрии, так и в XIII в. куманы, разбитые монголами, были радушно приняты Белой IV, и их вождь Котян поселен с сорока тысячами своих воинов на землях между Дунаем и Тисой с предоставлением всех прав, которыми пользовались венгры. Сам Бела женился на половецкой принцессе, а его сын Ласло IV оказывал им покровительство во многих других отношениях — ведь их присутствие приносило венграм пользу, значительно усиливая на их землях неевропейский элемент. Хотя первые годы их пребывания в Венгрии были довольно бурными, в течение XIV в. они были ассимилированы, придав, однако, венграм силы сопротивляться проникновению немцев и славян. Слияние куманов и венгров знаменовало конец всякой возможности проникновения славян в состав венгров, как и более тесных взаимоотношений между двумя этносами. И тем не менее, именно эта возможность являлась необходимым условием успеха планов венгерских королей добиться гегемонии над славянским населением: такова главная причина, объясняющая их неудачу, хотя в то время едва ли кому-либо пришло бы в голову связывать этнические и национальные проблемы с ходом развития Европы.

Последствия хода внутреннего развития Венгрии вскоре проявились в Хорватии и Далмации, поскольку именно в этот период хорватская знать начала проявлять активный интерес к национальной экспансии. Во многих случаях далматинские города должны были договариваться с влиятельными хорватскими фамилиями, обосновавшимися по соседству и даже правившими на землях за городскими стенами. Крепостные стены Задара (Зары), разрушенные в 1202 г. крестоносцами, нанятыми Венецией, были восстановлены хорватскими владетелями. Хотя город находился под сюзеренитетом Венеции, лидирующую роль в нем играло богатое семейство Свачичей.

Другие хорватские фамилии, такие как Шубичи и Кашичи, де факто являлись правителями всего Адриатического побережья, совершенно не считавшимися с притязаниями патрицианской Венецианской республики. Преобладание хорватской знати, особенно в далматинских районах, является достаточным доказательством того, что создание наличия родовой хорватской монархии, хотя и воплощавшейся иноземной династией, было еще весьма живо.

Потеря Задара была огромным ударом по престижу Венгрии. Нанести ответный удар не было никакой возможности, и в 1216 г. король Эндре II, ощущавший слишком большую нехватку денег и средств передвижения, чтобы финансировать и транспортировать свою армию для частного крестового похода, отказался от своих прав на Задар и признал венецианское господство над городом.

Могущество хорватской знати в Далмации и королевская власть там (соответственно, ослабленная) претерпели самое суровое испытание во время монгольского вторжения, когда граф Стефан Шубич отвечал за оборону Трогира, а король Венгрии и Хорватии Бела IV в 1243 г. упустил прекрасный шанс вернуть Задар. Его горожане разорвали вассальную зависимость от Венеции и укрылись в старом хорватском городе Нине, но Бела IV нуждался в венецианских деньгах и не мог вмешаться. Так что Венеция в результате усилила свою власть над городом и приняла строгие меры, чтобы предотвратить приток туда хорватских элементов.

В то же время Венгрия не препятствовала ослаблению своей власти над Боснией. Следует помнить, что императору Мануилу I Комнину (1143—1180) удалось установить собственный суверенитет над Боснией, с 1120 г. принадлежавшей Венгрии. После смерти Мануила правитель Боснии бан Кулин (1168—1204), номинально признав венгерский сюзеренитет, втайне попытался добиться полной независимости своего государства. Он творил чудеса во имя экономического развития Боснии и вновь открывал серебряные копи, бездействовавшие со времен римского владычества. Самый ранний боснийский исторический документ представляет собой торговый договор Кулина с Дубровником (Рагузой). Чтобы его страна могла твердо держаться на ногах и противостоять влиянию и католиков, и православных, Кулин принял богомилство и попытался возвести его в ранг государственной религии. Устрашенный вмешательством папы Иннокентия III, призвавшего короля Имре изгнать покровителя ереси из страны, Кулин отступился и разрешил собрать в Боснии собор (1203), осудивший богомилство.

Однако ересь продолжала распространяться в Боснии, и при Нинославе (1232—1250) ее приняло почти все население. Чтобы сломить сопротивление еретиков и восстановить венгерскую власть над страной, понадобились два крестовых похода. Однако стоило крестоносцам отвернуться, как Нинослав вновь овладел Боснией. Благодаря вторжению монголов он удерживал свои позиции до самой смерти в 1250 г., несмотря на некоторые попытки снаряжения крестовых походов. После смерти Нинослава Беле IV удалось вернуть под свой контроль Боснию и Хум (Герцеговину), но богомилство так никогда и не было истреблено, и в XIV в. богомилы вновь овладели ситуацией.

С восстановлением Михаилом VIII Византийской империи в Болгарии и Сербии вновь проявилось старое недоверие ко всему византийскому. Михаил VIII Палеолог, которому угрожал новый враг, сицилийский король Карл I Анжуйский (1268—1285), тщетно пытался сохранять хорошие отношения со своими славянскими соседями. Карл I, амбициозный французский принц, надежным оплотом которого была территория современной Албании (королем которой он стал), явно демонстрировал стремление восстановить Латинскую империю с центром в Константинополе. В Болгарии Ирина, жена царя Константина Тиха и сестра несчастного Иоанна IV Ласкариса, ослепленного и лишенного трона Михаилом VIII, подстрекала мужа против нового греческого императора.

Болгарский царь в союзе с татарами вторгся на греческую территорию, но Михаил VIII перехитрил его, побудив выступить против него могущественного боярина деспота Светислава, который, видимо, унаследовал часть владений Ростислава. Подстрекаемый греками, Светислав женился на сестре Ирины, провозгласил себя царем и занял значительную часть болгарской территории к югу от Дуная. Вдохновленный успехом, он попытался захватить и часть венгерских земель, но был побежден венграми и вынужден признать их верховную власть⁸. Михаил VIII, раздраженный венгерским вмешательством, попытался добиться дружбы недавно овдовевшего Константина Тиха, женив его на своей племяннице Марии. У Марии, однако, оказались собственные счеты с дядей, отказавшимся передать Болгарии обещанные ей в приданое города Анхиал и Месемврию, так что император смог отразить новую опасность, исходившую от союза болгар с Анжуйским домом, лишь благодаря помощи татар.

Сербский король Стефан Урош I также оказывал поддержку Карлу Анжуйскому. Чтобы выиграть время и расколоть силы западных

держав, хитрый Михаил VIII попытался умиротворить папу Григория X, предложив унию с Римской церковью. На Лионском соборе 1274 г. он добился ликвидации болгарского патриархата и автономии сербской церкви, хитроумно заявив, что оба эти института были созданы без согласия папы и в умаление прав Охрида как наследника Юстинианы Примы, чьи права патриархии, в свою очередь, были подтверждены не только императором Юстинианом, но и папой Вигилием. Это был чрезвычайно ловкий маневр, позволивший обмануть латинян; обман этот длился до тех пор, пока всем не стало ясно, что Михаил VIII погряз в политических аферах, и против него на Западе не поднялась волна возмущения.

Чудовищность ошибки латинян видна из того факта, что перед созывом собора болгары, видимо, выражали желание установить более тесные отношения с Римом. Письмо, написанное в 1291 г. папой Николаем IV (1288—1292), показывает, что когда в 1272 г. он, в то время простой францисканец Иеремия из Асколи, прибыл в Константинополь для подготовки участия греков в Лионском соборе, во Влахернском дворце в его и императора Михаила VIII присутствии болгарский патриарх Игнатий заявил, что он притязает на прямое подчинение папе римскому⁹. Естественно, после ликвидации собором болгарской и сербской церковной автономии все усилия Николая IV побудить Болгарию и Сербию принять унию были тщетны.

Бедствия, обрушившиеся на Болгарию в результате интриг царицы Марии¹⁰, которой больной царь поручил регентство, спасли Михаила VIII и даже предоставили ему несколько возможностей вмешаться в болгарские дела. Несчастливая страна постоянно подвергалась нападениям татар, теперь ее национальным героем стал Ивайло, простой свинопас, который организовал оборону государства, убил царя Константина Тиха и сам занял престол (1278—1279). Ставка бояр и императора на Ивана Асеня III (1279—1280), которого они поддерживали в противовес Ивайло, оказалась неудачной; Георгий I Тертерий (1280—1292), основатель новой династии Тертериев, не имел другого выбора, кроме как стать татарским вассалом. Под этими ударами государство начало распадаться, и наместники отдельных приграничных провинций стали вести себя как независимые правители. Татарский хан Ногай* сделал царем протатарски настроенного боярина Смилеца (1292—1298); он правил под верхо-

* Золотоордынский татарский правитель (темник) Ногай не носил титул хана.—Прим. перев.

венством татар. Даже когда после смерти Ногая татарская угроза стала менее актуальной и сын Георгия Тертерия Федор Святослав (1300—1322) избавился от претендовавшего на болгарский престол сына Ногая Чаки*, его усилия восстановить престиж Болгарии и ее царей не увенчались успехом. Его сын Георгий II Тертерий (1322—1323) был еще менее удачлив. Медленный, но неуклонный упадок государства продолжался и при новой династии Шишмановичей, основанной Михаилом III (1323—1330)¹¹.

Лидерство на Балканах медленно, но верно переходило к Сербии. Новый период сербской истории открыл Стефан Урош II Милутин (1282—1321), которому добровольно уступил трон его брат Стефан Драгутин (1276—1282)¹². Милутин продолжил борьбу против Михаила VIII и завоевал важную территорию вокруг Скопье. Тем временем, однако, могущество его союзника Карла Анжуйского, подорванное еще ранее победой Михаила при Берате, было окончательно сломлено в результате восстания на Сицилии — «Сицилийской вечерни» (1282), вылившейся в кровавую бойню сторонников Анжуйского дома. Пришедшаяся вовремя смерть Михаила VIII и недееспособность его сына и преемника Андроника II (1282—1328) позволили Стефану Урошу II сохранить и преумножить свои завоевания, причем не только в Македонии, но и вдоль Адриатики; сумел он и продвинуться на важном северном направлении к Дунаю и Саве. Тем не менее, Милутин не был в состоянии воссоединить с Сербским королевством земли, которым управлял его брат. Он не был хорошим дипломатом, и его политика не отличалась стабильностью. Стефан Урош II менял ориентацию с греков на латинян с той же легкостью, как и своих жен. Женившись на шестилетней византийской царевне Симониде¹³, он даже начал лелеять мечту о династической унии Византии и Сербии. Неприятности ему доставляли Рагуза и Венгрия, а также его брат — из-за своей прогреческой политики. Его собственный сын Стефан восстал против него и в наказание был ослеплен¹⁴. Тем не менее, полководцем Милутин был хорошим, и счастье было на его стороне. Своей неизменной удачей он считал себя обязанным св. Николаю из Бари, в честь которого в 1319 г. соорудил массивный серебряный алтарь с латинской надписью, характеризующей его как «владыку всех земель от Адриатического моря до великой реки Дунай».

* Чака был царем так называемого Второго Болгарского царства в 1298—1299 гг. — *Прим. перев.*

Факт такого почитания православным правителем святого, погребенного в католической церкви, важен и сам по себе, и как иллюстрация ментальности сербов того времени. В этом отношении еще более показательно отношение матери Стефана Уроша II Елены: француженка, жена православного правителя, она оставалась католичкой, и при этом ее очень ценили православные сербы. Православный архиепископ Данило отдаст высочайшую дань уважения ее уму и истинно христианскому образу жизни. После смерти мужа она жила в обширном поместье на адриатическом побережье между Рагузой и Скутари (Шкодером). Елена основывала многочисленные католические церкви и монастыри в прибрежных городах, она же основала православный монастырь Градац на реке Ибар. Елена поддерживала постоянные связи с папами, которые использовали ее как посредницу в своих усилиях склонить сербов и болгар на сторону Рима. Правда, Стефан Урош II и Георгий I Тертерий не обращали никакого внимания на приглашения, исходившие от Николая IV (1288, 1291) и Бенедикта XI (1303), присоединиться к католической церкви¹⁵. В 1308 г., начав переговоры с Карлом Валуа, Стефан Урош II обратился к Клименту V с предложением унии, но осознав, что из сохранения этого союза нельзя извлечь никакой политической выгоды, тут же отвернулся и от французского принца, и от папы и остался с греками.

Возможно, грубая ошибка католиков на Лионском соборе, когда они позволили обмануть себя Михаилу VIII, в стратегических целях выступившему против сербской и болгарской церквей, усилила антиримский настрой сербов и болгар и сделала их подозрительнее относительно намерений папства. Они слишком высоко ценили самостоятельность своих церквей, чтобы подвергать ее опасности.

Труды Стефана Уроша II Милутина продолжил его незаконный сын Стефан Урош III (Стефан Дечанский) (1321—1331). Он назначил своего юного сына Стефана соправителем и победил двух претендентов на престол — сводного брата Константина и двоюродного брата Владислава. Этими потрясениями воспользовалась Босния, где вождь богомилов Котроманич* (1322—1353) сбросил венгерское иго и начал расширять свою территорию. Боснийцы прорвались через сербскую область Хум (Герцеговину) к Адриатике, и сербские короли тщетно боролись за возвращение этого ценного владения. Боснийцам даже удалось распространить свое влияние на Далмацию.

* Имеется в виду бан (князь) Степан Котроманич.—Прим. перев.

Таким образом, ими была создана новая славянская держава, религиозный фанатизм которой, к несчастью, грозил осложнить ситуацию на Балканах.

Потери сербов на Адриатике компенсировали приобретения в Болгарии. Царь Михаил III Шишман (1323—1330), принявший активное участие в мятеже царевича Андроника* против его деда императора Андроника II, заключил альянс с византийцами против сербов. Однако в 1330 г. Урош III неожиданно настиг болгарскую армию, двигавшуюся на соединение с византийскими союзниками, около Велбужда (современный Кюстендил) и полностью разбил ее; сам царь Михаил III погиб. Стефан Урош III сумел распространить свою власть на большую часть долины Вардара. Византийцы отказались от своих завоеваний на сербских землях, но, воспользовавшись беспорядками в Болгарии, заняли некоторые области на болгарской границе. Великолепный монастырь Дечани до сих пор напоминает о великой победе сербов при Велбужде.

Несмотря на победу над болгарями, в следующем году Стефан Урош III был свергнут собственным сыном и знатью; вскоре он умер (возможно, был убит). Правление его сына Стефана Душана (1331—1355) знаменует наиболее славный период истории Сербии. Молодой царь был одаренным и энергичным правителем и хорошим военачальником. Он внедрил эффективную административную систему, осуществил новую кодификацию законов и, желая достичь прогресса в торговле, развивал пути сообщения. Стефан Душан установил прекрасные отношения с великими торговыми республиками Дубровником (Рагузой) и Венецией и даже стал почетным гражданином последней¹⁶. Он обладал способностью находить хороших администраторов и финансовых экспертов и добиваться их лояльности и поддержки. Его двор был полон «специалистов» из всех стран Европы, служба которых приносила ему большие выгоды. Все это способствовало значительному материальному благосостоянию Сербии, которое наблюдалось в годы его царствования.

При Лайоше Великом Анжуйском (1342—1382) Венгрия постоянно проявляла подозрительно живой интерес к Сербии и продолжала разыгрывать внушавшую опасения роль защитника западного христианства и папства против схизматиков-славян. Тем не менее, что-

* Имеется в виду будущий византийский император Андроник III.—
Прим. перев.

бы сохранить свободу рук для действий на южном направлении, Стефан Душан очень мудро делал все возможное, чтобы сохранить мир на северных границах. Принявшая форму гражданской войны династическая борьба между Палеологами и Иоанном Кантакузином сотрясала самые основы Греческой империи. В начале конфликта Иоанн нашел убежище при дворе Стефана Душана. В 1340 г. первым делом Душан выступил против Анжуйского дома и завоевал албанское побережье вплоть до Валоны (Влеры). Затем он распространил свою власть на остальную часть Албании и Македонию. К 1348 г. он был уже также владыкой Эпира и Фессалии до границ каталонского Афинского герцогства. Душан поддерживал дружеские отношения с болгарским царем Иваном Александром (1331—1371), на сестре которого Елене он женился. Фактически, после великого поражения, понесенного от сербов в 1330 г., Болгария в определенной степени находилась под сербским верховенством.

Военные и политические успехи подали Стефану Душану идею заменить собой византийских императоров в Константинополе. В 1346 г. в качестве первого шага для выполнения этого плана он провозгласил себя «царем сербов и греков (ромеев), болгар и албанцев». Он был торжественно коронован печским архиепископом Иоанником, возведенным в сан патриарха, и завел в Скопье блестящий двор по византийскому образцу. В Сербии были введены византийские титулы и в значительной степени византийский церемониал.

Одним из первых актов нового царя была публикация знаменитого *Законника*, свода законов, являющегося одним из важнейших дошедших до нас документов, отражающих социальные условия и культуру Сербии в XIV в.

Душану представились также благоприятные возможности отвоевать потерянные области Хум и Боснию. Бан Боснии Степан Котроманич, напавший на Сербию в 1349 г., вследствие своих переговоров с папством лишился симпатий многих богомилов, и значительное количество его подданных предпочло бы иметь своим господином и владыкой сербского царя. Душан как раз достиг значительного успеха в Хуме, когда две атаки, одна со стороны Кантакузина на юге, а другая со стороны венгров, заставили его сменить театр боевых действий. В конце концов, после победы в 1353 г. над Лайошем Венгерским и его крестоносцами Белград был занят сербами.

Теперь Стефан Душан считал, что настал момент сместить своего соперника в Константинополе и захватить царственный город на Босфоре. Он знал, что многие греки, изнуренные затянувшейся гра-

жданской войной, встревоженные угрозой со стороны турок-османов и недовольные соперничающими правителями, приветствовали бы сильного человека, способного спасти гибнущую империю. Однако судьба распорядилась против Душана и сразила его в расцвете сил в возрасте 48 лет, когда он, как утверждают, был в разгаре приготовлений для нападения на Константинополь (1355).

Безвременная смерть Стефана Душана явилась несчастьем для всех Балкан. В то время он был одним из немногих, кто отчетливо предвидел опасность, угрожавшую христианству со стороны турок. В 1353 г. Иоанн VI Кантакузин обратился к туркам за помощью против Иоанна V Палеолога и его союзников, в тот момент представленных одним болгарским и одним сербским отрядами. Турки близ Дидимотики рассеяли эти два союзных подразделения, причем сербы понесли еще большие потери, чем болгары. Это было первым предупреждением, и Душан не преминул обратить на него внимание. Когда же затем турки укрепились в Галлиполи, Душан отчетливо увидел, что это предвещает. Он ясно выразил свое желание стать военным вождем всего христианского мира против турок и доказал серьезность своих намерений, отправив торжественное посольство в Авиньон к папе Иннокентию VI. Стефан Душан заявил о готовности признать папу отцом всех христиан и преемником апостола Петра. Он был готов содействовать миру и дружественным отношениям между католиками и православными в своих царствах. Папа с готовностью приветствовал предложение Душана и выразил желание назначить его «командующим всего христианства»¹⁷. Папские легаты, епископ Варфоломей Трогирский и ученый француз Петр Фома Перигорский, по пути в Сербию в Пизе встретились с германским императором и чешским королем Карлом IV, и Карл передал им письмо, в котором приветствовал намерения Душана и его самого как равногославянского правителя.

К несчастью, Лайош Венгерский расстроил весь план своим несвоевременным нападением на Сербию, возможно, предпринятым из ревности к новому защитнику христианства. Последовавшая вскоре смерть Душана положила конец всем проектам этого рода.

Вскоре после смерти Душана стала очевидной слабость новой сербской империи. Огромная протяженность царства, естественно, давала больше самостоятельности правителям отдельных провинций. Удержать их вместе можно было только твердой рукой. Сын и преемник Душана Стефан Урош IV (1355—1371), неумелый юноша,

был не в состоянии сдержать разрушительные амбиции могущественных магнатов. Царство выродилось в олигархию мелких владетелей, укрепившихся в различных провинциях и правивших ими в соответствии со своими желаниями без оглядки на центральную власть законного царя. Дядя Уроша укрепился в Эпире и Фессалии, Вукашин — в Македонии (Прилеп, Призрен и Скопье), Лазарь Хребелянович — в Руднике, а семейство Балшичей — в Зете (Черногории), в то время как самому Урошу пришлось довольствоваться древней областью Рашкой.

Тем временем турки неуклонно добивались успехов в Греции. Они утвердились во Фракии и в 1363 г. захватили Адрианополь, ставший их столицей. Вместо того чтобы объединиться перед лицом общей опасности, греки и болгары затеяли войну друг с другом. Кроме того, на царя Ивана Александра (1331—1371) напал Лайош Венгерский, захвативший выделенное им сыну Ивану Срацимиру Видинское царство и пленивший его там. Лишь в 1369 г. царь смог освободить сына и вновь утвердить его в Видине. Раздел Болгарского царства на два — Тырновское и Видинское — имел следствием то, что территория близ дельты Дуная обрела независимость под властью собственных деспотов*. Все это значительно ослабило возможности болгар к сопротивлению. Внутренние неурядицы при преемнике Ивана Александра Иване Шишмане (1371—1393) открыли путь новым успехам турок. Свой следующий сокрушительный удар они в 1371 г. нанесли по Вукашину, именовавшему себя королем Македонии. В битве при реке Марице турки уничтожили войска короля и сербской знати. Это явилось началом турецкого господства на Балканах.

Вукашин погиб в битве, и вся Македония до Фессалии и Албании была открыта туркам. Сербские и греческие владения смиренно подчинились их власти. Сын Вукашина Марко (1371—1394) продолжал носить королевский титул, хотя и был всего лишь незначительным турецким вассалом. Он погиб в Валахии, сражаясь в турецкой армии, и после его смерти его королевство стало турецкой провинцией. Тем не менее, Марко прославлен в сербском фольклоре и воспет в многочисленных эпических произведениях как великий национальный герой.

Стефан Урош IV умер в том же году, что и Вукашин, и распад Сербского царства продолжился. Род Балшичей, укрепившийся в

* Имеется в виду княжество Добротица (Добруджа), выделившееся из состава так называемого Второго Болгарского царства.— *Прим. перев.*

Зете (Черногории), объявил ее самостоятельным княжеством. Остальные магнаты, особенно род Бранковичей, начали вести себя как независимые владыки. Сильнейшим из сербских правителей был Лазарь I из рода Хребеляновичей (1371—1389), но он, хотя и считал себя наследником Неманичей, довольствовался титулом «князь». Ему удалось заделать трещину в отношениях с императором и патриархом константинопольским, существовавшую со времен объявления себя царем Стефаном Душаном и учреждения сербского патриархата. В 1375 г. Константинополь признал сербскую патриархию и аннулировал анафему памяти Стефана Душана.

Области западной Сербии были захвачены боснийским баном Твртко I (1353—1391), воспользовавшимся смертью в 1382 г. короля Венгрии Лайоша Анжуйского и регентством его вдовы Елизаветы для того, чтобы распространить свою власть на большую часть адриатического побережья и значительную часть Хорватии. Он принял титул «Божьей милостью король Сербии (Рашки), Боснии, Далмации, Хорватии и Приморья»¹⁸. В анналы истории было занесено новое политическое образование, сильнейшее на Балканах, но несмотря на внушительный титул его основателя, указывающий на грандиозное намерение объединить всех южных славян в одном государстве, оно оказалось недолговечным и, к сожалению, не смогло оставить сколь-нибудь прочных традиций.

Ослабленный борьбой со Срацимиром, болгарский царь Иван Шишман вынужден был принять условия турок и в 1375 г. отдать свою сестру в жены султану. В 1382 г. София была отдана туркам. Затем, воодушевленный скоротечной военной победой, одержанной сербами при князе Лазаре, он решил, что настал момент, когда можно с успехом бросить вызов туркам. На проверку же оказалось, что он потерпел поражение и обязан жизнью вмешательству сестры, жены султана. Болгария стала турецкой провинцией и одновременно потеряла церковную самостоятельность. Патриархия была ликвидирована, и болгарская церковь поставлена под прямую юрисдикцию константинопольского вселенского патриарха. Лишь в 1870 г. был основан самостоятельный болгарский экзархат, и даже тогда он не был признан вселенским патриархом¹⁹.

Затем наступила великая катастрофа битвы на Косовом поле 15 июня 1389 г. Князю Лазарю удалось собрать коалицию сербов, боснийцев, албанцев, румын Валахии с тем, чтобы предпринять героическую попытку остановить продвижение турок. Несмотря на первоначальный успех, его армию поразила катастрофа. Султан Му-

рад I был убит сербским воином: о его смерти напоминает мечеть, которую все еще можно видеть на поле битвы. Однако сын султана Баязид* разгромил сербскую армию, захватил Лазаря и убил его вместе со многими другими представителями сербской знати.

Это явилось концом независимой Сербии. Сын Лазаря Стефан Лазаревич (1389—1427) стал турецким вассалом. В течение нескольких десятилетий сербам было позволено жить в тени турецкого полумесяца, но еще до конца XV в. последние следы сербской политической независимости были уничтожены на многие столетия²⁰.

Примечания

¹ Подробнее см. Dvornik F., *The Slavs*, p. 279 ff. Библиографию истории и цивилизации южных славян до XIII в. см.: Ibid., p. 353—357. Научных книг по истории славян Сербии, Хорватии и Болгарии, написанных на славянских языках, немного. По югославской истории следует отметить двухтомные труды А. Мелика (*Zgodovina Srbov, Horvatov i Slovencev*, Ljubljana, 1919—1920) и М. Прелора (*Pregled povijesti Južnikh Slavena Srba, Hrvata i Slovenaca*, Sarajevo, 1920—1921). Краткий комплексный обзор С. Станоевича (*Istorijska Srba, Hrvata i Slovenaca*, Београд, 1928. Изд. 3) был издан также на русском (1917) и французском (1919) языках. Лучшее исследование по истории сербов — труд К. Иречека (см. Библ.), опубликованный также на сербском языке в 1952 г. с добавлениями Я. Радоница: *Иречек К., Историја Срба*, кн. 1—2, Београд, 1952. С. Станоевич опубликовал на сербском языке историю сербов (*Историја српског народа*, Београд, 1926. Изд. 3) и краткие биографии основных правителей династии Неманичей (*Немања*, 1933; *Стеван Првovenчанин*, 1934; *Краљ Урош*, 1935; *Краљ Драгутин*, 1936; *Краљ Милутин*, 1937; *Цар Душан*, 1921). Более развернутую библиографию по истории сербов и хорватов см.: *Историја народа Југославије*, кн. I, Београд, 1953, с. 533—553, 800—812. Это издание представляет собой наиболее обширный синтез истории стран и народов современной Югославии. Общей работы по истории Хорватии данного периода, которая бы отвечала всем современным запросам, до сих пор не существует. Обращение к этому периоду см. в первых двух томах работы В. Клаича: *Klaić V., Povijest Hrvata*, sv. 1—6, Zagreb, 1899—1920; историю до 1526 года см.: *Dabinić A., Hrvatska država i pravna povijest*, Zagreb, 1940. Отличное исследование боснийской истории этого времени, лишь первый том которого, охватывающий период до конца XV в., появился после смерти автора, см.: *Боровић В., Историја Босне*, Београд, 1940. Историю Болгарии с 1187 по 1280 гг. см. в третьем томе следующего издания: *Златар-*

* Будущий султан Баязид I Молниеносный.—Прим. перев.

ски В. Н., *История на българската държава през средните векове*, София, 1940. Для последующего периода до сих пор наиболее полезны чешское и немецкое издания «Истории» Иречека (см. Библ.). Дополнительные замечания и исправления, сделанные самим автором, см. в издании Ст. Аргирова: Иречек К., *Историята на Българите*, София, 1946. Новейшее и самое обширное исследование интересующего нас периода см. в следующем двухтомном труде: Мутафчиев П., *История на българския народ*, София, 1943. Более краткий обзор см.: Державин И. С., *История Болгарии*, Москва, 1946. Полезны и нижеследующие издания: Hůbl F., *Dějiny národa bulharského*, Praha, 1930; а также монография, посвященная образованию Второго Болгарского царства,—Успенский Ф. И., *Образование второго болгарского царства*, Одесса, 1879.

² Происхождение братьев—предмет острых споров между болгарскими и румынскими учеными. Первые объявляют их чистыми болгарами, последние же настаивают на их влахском происхождении. Влахи, изъяснявшиеся на латинском диалекте, родственном языку румын, были большей частью кочевниками и занимались на Балканах скотоводством, признавая верховную власть Византии или Болгарии. Они являлись потомками даков, поселенных римлянами в провинциях на правом берегу Дуная (см. Dvorník F., *The Slavs*, p. 186 ff.). Их романизация, начавшаяся еще в Дакии, завершилась на новом месте расселения. Вероятно, некоторые из них осели в Трансильвании, стране их предков, которая в те времена, перед явлением в бассейне Дуная венгров, подчинялась Болгарии. Венгры не были заинтересованы в гористой местности и обошли ее стороной. Позднее, когда после монгольского вторжения венгерские короли начали колонизировать опустошенные регионы, их численность увеличилась. Что касается происхождения Петра и Асеня, судя по всему, они были влахами. Однако основанное ими государство во всех отношениях являлось по преимуществу болгарским образованием. Ясное изложение сути полемики и исчерпывающую библиографию вопроса с важной дополнительной информацией см.: Wolff R. Lee, *The Second Bulgarian Empire. Its Origin and History to 1204* // *Speculum*, vol. 24 (1949), p. 167—206.

³ Образование Латинской империи полностью изменило политическую ситуацию на Балканах. Латинскому императору подчинялись Фессалоникийское королевство, герцогство Афинское и княжество Ахейское, в то время как венецианцы обосновались на островах Эгейского моря. Эпирский деспотат, основанный Михаилом I Ангелом Комнином, находился в непосредственной близости от славянских государств и соперничал с Никейской империей в деле восстановления Византийской империи с центром в Константинополе. Члены династии Комнинов основали на черноморском побережье Малой Азии Трапезундскую империю, которая просуществовала до XV в. Греческие феодальные владения были основаны также на острове Родос, в Филадельфии и в материковой Греции.

⁴ Свидетельство в пользу этого содержится в реестре Гонория III, оно опубликовано кардиналом Цезарем Баронием в *Annales Ecclesiastici* (Ed. Od. Raynald, A. Theiner, Bar-le-Duc, 1870, vol. 20; год 1220, № 37): «Подобно тому, как все христиане любят и почитают Тебя и взирают на Тебя, как на своего отца и господина, мы также желаем считаться верным сыном Твоей Римской церкви, уверенным, что Божье и Твое благословение и одобрение всегда и явно будут дарованы нашей короне и нашей стране; и мы посылаем к Тебе нашего епископа по имени Мефодий с тем, чтобы Ты оказал нам услугу, ответив, если Тебе угодно, письменно, через подателя настоящих писем, что бы ни решила Твоя Доброта и Святость». Видимо, письмо достигло Рима в марте 1220 г. Если это так, допустимо заключить, что сербский король в 1219 г. послал к папе особого посла, возможно, епископа Рашки (Раса), с тем, чтобы повторить выражения почтения и верности и уверить, что обращение к никейскому патриарху не следует понимать как неуважение к Риму.

⁵ В Дурресе несчастный экс-король потерял свою жену-гречанку, убежавшую с французским бароном. Говорят, что Радослав, сердце которого было разбито, вернулся на родину, где принял имя Иоанн и умер монахом в монастыре Студеница. Его неверная жена раскаялась и стала монахиней в греческом монастыре. Эти факты хорошо иллюстрируют образ действий и устроения того времени.

⁶ Например, Бела IV в длинном письме (№ 308 в собрании А. Тейнера — см. Библ.) просил уверения папы, что он один будет апостольским легатом в Болгарии, наделенным властью определять в завоеванной стране границы диоцезов и назначать епископов: «поскольку все эти привилегии были некогда пожалованы св. Иштвану, блаженной памяти нашему предку». Вот как в 1238 г. венгры понимали привилегии, дарованные папой Сильвестром II и императором Оттоном III Иштвану I, когда венгерский князь присоединился к восстановленной Оттоном I Римской империи (подробнее см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 261 ff.). Такая интерпретация легко могла дать начало венгерской легенде о том, что первый венгерский король был папским легатом и это звание было наследственным. Папа был явно смущен подобной просьбой, но, по крайней мере, пожаловал привилегию нести перед королем и его войском символ креста, «чтобы способствовать народной любви». Даже эта уступка в венгерской легенде была использована, чтобы поддерживать притязания венгерских королей, что перед ними, в соответствии с особой привилегией, всегда несут крест.

⁷ Наступление болгар и их половецких войск было столь стремительным, что сербский архиепископ счел желательным перенести свою резиденцию из Жичи в Печ (Ипек), который с этих пор и до 1766 г. оставался центром сербской автономной церкви.

⁸ Светислав сохранял царский титул, но уже как венгерский вассал. Победивший Светислава сын Бела IV Иштван V, всходя на венгерский престол в 1270 г., присоединил к своим королевским титулам титул «короля Болгарии»; его употребляли все его преемники вплоть до 1918 г.

⁹ *Vetera Monumenta* под ред. А. Тейнера (см. Библ.), т. 1, стр. 376, сл.: «... olim quondam magnifico viro Michaelae Palaeologo...eo tempore Constantinopoli residente, professus fueris, in palatio Blaskava (sic) coram nobis ... oraculo vive vocis te pape Romano immediate subesse». О миссии Иеремии из Асколи 1272 г. см. *Regesta pontif. Rom.* под ред. Поттгаста (см. Библ.), т. II, стр. 1826; там же см. инструкции, данные Иеремии Григорием X, № 20633, 20638, 20766, 20810. Чешский автор истории болгарского народа Ф. Хибл (*Dějiny národa bulharského*, Praha, 1930, t. I, s. 203) ошибочно приписывает всю историю с подчинением папе инициативе царицы Марии уже после собора. В 1274 г. Иеремия, находясь еще в Константинополе, был избран генералом своего ордена. В 1276 г. Иннокентием V он действительно еще раз был послан в Константинополь, чтобы добиться определенного согласия на унию (Potthast, *ibid.*, t. II, p. 1708, № 21142 f.). На этот раз Иеремия и его спутники не добрались до Константинополя, поскольку еще до того, как сесть на корабль в Анконе, узнали о смерти пославшего их папы. Его преемник Иоанн XXI избрал для передачи посланий Иннокентия V императору двух доминиканцев и двух епископов, так что в 1276 г. Иеремия не мог находиться в Константинополе (ср.: W. Norden, *Das Papsttum und Byzanz*, Berlin, 1903, S. 566, 572). Ф. Хибл не обращал внимания на эти детали (ср. также F. Hýbl, *K dějinám církevní unie lyonské // Český Časopis historický*, t. 29, 1923, s. 181—183).

¹⁰ Наиболее отвратительной ее интригой было убийство Светислава, которого она пригласила в Тырново и признала своим «сыном», который должен править с ее настоящим сыном, «братом» Светислава Михаилом.

¹¹ См. недавнюю монографию о династии Шишмановичей: А. Бурмов, *История на България през времето на Шишмановци (1323—1396)* // Годишник на Софийския университет, историко-филологич. клон, 1947, т. 43.

¹² Неизвестно, сохранил ли он за собой какие-то сербские земли. Некоторые авторы того времени считали короля Драгутина законным правителем, а Милутина лишь регентом, который должен был уступить бразды правления сыновьям Драгутина. Как бы то ни было, все современники называли Драгутина королем вплоть до его смерти в 1316 г. В 1284 г. он получил от своего зятя, венгерского короля, земли, которыми русский князь Ростислав управлял как венгерский вассал, включая Срем (в прошлом здесь находился известный римский город Сирмий, ныне Сремска-Митровица) с Белградом, Мачву и северо-восточную часть Боснии. Драгутин стал ревностным католиком и в своем королевстве проводил очень строгую антибогомильскую политику. Он призвал в Боснию францисканцев, и с этого времени, даже в эпоху турецкого господства, они играли важную роль в политическом и

культурном развитии этой страны. Драгутин выдал свою дочь замуж за Степана Котромана, бана остальной части Боснии, правившего под сюзеренитетом Венгрии и Драгутина. После пресечения династии Неманичей это родство с ними использовал внук Степана бан Твртко I, принявший королевский титул и претендовавший на сербский престол.

¹³ О византийских царевнах в средневековой Сербии см. M. Laskaris, *Vizantijske princeze u srednjevekovnoj Srbiji*, Beograd, 1926.

¹⁴ К счастью, мятеж потерпел неудачу, и Стефан Урош II был достаточно умен, чтобы скрыть этот факт.

¹⁵ Папские послания (A. Theiner, *op. cit.*, v. I, p. 359 f., 410 f.) представляют собой интересное чтение. Николай IV также послал письмо болгарскому патриарху, называя его архиепископом, и принял Стефана Уроша II и его королевство под покровительство Святого Престола. Тем не менее, все это было бесполезно.

¹⁶ Усилия Стефана Душана добиться морской поддержки Венеции в планируемом им завоевании Константинополя оказались безрезультатны. Венецианцы предпочитали в Константинополе иметь дело со слабым греческим правительством, а не с могущественным сербским государем.

¹⁷ Переписка папы показывает, что это был серьезный проект. Он не только ответил на посольство Душана и дал подробные инструкции своим легатам относительно реформ, которые следует произвести в «королевстве Рашки, Албании и Сербии», но и лично обратился к королеве Елене, сербскому патриарху (sic!) Иоанну, церковной иерархии трех стран и всем главным министрам двора Душана (A. Theiner, *op. cit.*, v. II, p. 8—17). Инициатива Стефана Душана тем более интересна, что в своем Законнике он выражает очень недоброжелательное отношение к католицизму.

¹⁸ Твртко I был коронован королем Сербии и Боснии в 1377 г. в Милеше. О церемонии коронации см. N. Radojčić, *Obred krunisanja bosanskoga kralja Tvrtka I; prilog istoriji krunisanja srpskih vladara u srednjem veku*, Beograd, 1948. См. также V. Klajić, *Geschichte Bosniens*, Leipzig, 1884, S. 202 f.—перевод королевской декларации Твртко. Ср. также краткое исследование Чоровича: Ђоровић В., *Краљ Твртко I Котроманић*, Београд—Земун, 1925. Об истории Боснии и Герцеговины до 1463 г. см. написанную выдающимися хорватскими историками работу *Poviest Hrvatskih zemalija Bosne i Hercegovine...*, Sarajevo, 1942.

¹⁹ С тех пор между вселенским патриархатом и болгарским экзархатом, ставшим патриархатом после Первой мировой войны, существовал некоторый раскол. Отношения между двумя патриархатами были нормализованы только в 1945 г.

²⁰ См. ниже, главу X.

Глава VI

Политическая организация славянских стран в Средние века

*Преодоление древнеславянского политического деления Чехии — Принципы древнейшей политической организации Чехии — Происхождение чешской знати — Особенности чешского феодализма; «земское право» — Превращение шляхты в особое сословие — Положение высшего духовенства и горожан в Чехии — Чехия — «дуалистическое» государство — Попытки создания нового свода законов — *Maiestas Carolina*; корона — символ государства — Особенности происхождения польской знати — Положение высшего духовенства и горожан в Польше — Польская знать как правящее сословие — Престолонаследие в Польше; реформы Казимира III — Административные реформы — Словенцы — Словаки и политическое развитие Венгрии — Матуш Чак и словаки — Реформы королей Анжуйской династии и словаки — Политический статус хорватов — Хорватские саборы; венгерское влияние в Славонии — Пережитки римско-византийского права в Далмации — Дубровник (Рагуза) — Второе Болгарское царство — византийская модель — Византийские и западноевропейские элементы в средневековой Сербии — Происхождение сербской аристократии; прония; религиозная ситуация; сербские города;
Законник Стефана Душана*

Начиная с XII в. судьбы чехов, словаков, поляков, хорватов и словенцев оказались тесно связанными с Западной Европой: в большинстве случаев западноевропейские модели давали импульс возникновению и оказывали влияние на развитие их социальной, религиозной, литературной и культурной жизни. В этой ситуации логично предположить, что политическая организация этих стран также определялась западноевропейскими институтами.

В XI—XII вв. политическое и социальное развитие чехов и поляков сдерживалось господством древнеславянского принципа, в соответствии с которым страна считалась чем-то вроде апанажа — удела правящего рода, все члены которого обладали правом на долю в управлении¹. Результатом этого было членение этих стран на мелкие княжества, в которых постепенно утрачивалось представление об об-

щегоосударственных интересах. Последствия этого были особенно губительны в Польше, лишившейся в результате двух важных областей — Силезии и Поморья. Но и в Чехии соперничество князей-Пржемысловичей чуть не привело к распаду государства, когда на некоторое время все территориальные князья оказались непосредственно подчинены императору. Наиболее велика опасность распада была в правление императора Фридриха I Барбароссы.

В последний момент возможность такого развития событий была предотвращена Пржемыслом I. То обстоятельство, что члены династии Пржемысловичей были не столь многочисленны, как польские Пясты, как и то, что между 1200 и 1204 гг. системе уделов пришел конец, не дало чешскому государству разделить в этом отношении участь Польши и Киевской Руси². Как было показано выше, в конце концов были определены отношения Чехии к Священной Римской империи, суверенный статус королевства был подтвержден Золотой сицилийской буллой Фридриха II Штауфена и Золотой буллой Карла IV. Был определен порядок престолонаследия (принцип первородства, более твердого установления которого добился Пржемысл I в 1216 г., в 1341 г. получил дальнейшую разработку), при этом, однако, права наследника должны были быть подтверждены сеймом, в котором представителем всего народа выступала шляхта, и признаны императором.

Изначально власть князя в Чехии была абсолютной, и он не должен был разделять ее с кем-либо. Он назначал на придворные должности и наместников административных областей, которые, вероятно, сформировались на базе племенных княжений в IX—X вв. В Моравии система княжеских уделов обусловила особенности ее внутреннего деления. Только князь контролировал *жупанов* (*supanis beneficiarius*), впоследствии называвшихся *comes*, *praefectus*, *castellanus*, отвечавших за управление краем. Всех должностных лиц князь избирал из состава своей дружины. Управление осуществлялось из градов (замков) — резиденций наместников-жупанов³. Жупан возглавлял размещенный в граде гарнизон, а также, в случае войны, отряды ополчения. Постепенно вводились различные придворные должности по западноевропейскому образцу. Должность надворного жупана (*comes palatinus*) исчезла очень рано, но ведающий финансами коморник, *summus camerarius*, сохранял свое значение.

Княжеские наместники, каждый в своем административном округе, отвечали за безопасность, финансы и правосудие. Лишь с первой

половины XIII в. появляются особые королевские чиновники (*villici*), к которым от наместников перешли юридические и охранные функции. В вознаграждение за службу наместники получали княжеские бенефиции и часть собиравшихся князем налогов.

На процесс возникновения чешской знати и рост ее роли в государстве оказывали влияние также западноевропейские институты. Отдельные представители свободного населения могли возвыситься над основной массой простого люда, состоя на княжеской службе, или благодаря богатству, добытому на войне или княжеской службе. Однако в Чехии и Польше знать, видимо, возникала позднее, чем в Западной Европе. Чешское ее обозначение — *шляхта* — отражает немецкое влияние⁴, восходя к средневерхненемецкому *slahtha* (совр. *Geschlecht*), означающему «род, происхождение, порода». Со временем сформировалось различие между высшей и низшей знатью; последнюю составляли свободные люди, которые могли нести конную военную службу. Правда, это развитие совершалось медленнее, чем где-либо в Европе. В XII—XIII вв. свободные конные воины все еще назывались «знатные второго положения» (*milites secundi ordinis*) и не считались шляхтой. В состав шляхты они вошли только в XIV в. и стали называться *рыцари*, или *владыки*, в отличие от высшей знати — панов, «знатных первого положения» (*barones, domini*). По немецкому обычаю, князья и высшая знать стали использовать рабов для несения различных придворных, хозяйственных, административных обязанностей в своих имениях (*villici, ministeriales*). Немецкое влияние проявилось также в распространении гербов, родовых титулов, строительстве замков.

Роль высшей знати в управлении государством формировалась в соответствии с теми же моделями, что и в Германии и других странах Западной Европы. Вместе с тем в Чехии мы наблюдаем одну важную особенность. Конечно, феодализм существовал в Чешском княжестве, но его институты никогда не были здесь столь развиты, как в остальной Европе. Как было показано выше, феодализм расколол Германию и Италию на многочисленные княжества, в то время как во Франции и Англии он же стал, по крайней мере на некоторое время, основой для нового прочного политического порядка. Ни одна из этих линий развития не реализовалась в Чехии. Знатные роды здесь были меньше заинтересованы в держаниях и должностях, не являвшихся наследственными: их члены стремились к получению аллодов, становящихся родовым наследием.

Западноевропейская феодальная система предоставляла знати определенные гарантии против злоупотреблений королевского абсолютизма, защищала ее свободы и привилегии и обеспечивала реальное участие в управлении королевством. В Чехии высшая знать добилась сходных результатов, актуализируя и защищая права и свободы, развившиеся на базе древних народных обычаев и представлений или благодаря различным уступкам и гарантиям, полученным от князей и королей. Эти права и свободы получили название *земское право* (*ius terrae*). Преимуществом такого пути развития было то, что Чешское княжество не превратилось в свободный конгломерат квазинезависимых владений, с другой же стороны, кодификация земельных прав неминуемо должна была существенно ограничить власть правителя.

Впервые знать добилась подтверждения своих привилегий от князя Конрада Оттона в 1189 г. Оригиналы его статута не сохранились, акты же его преемников, подтверждающие «Право Конрада» (*iura Conradi*), предоставляют свободному населению определенные гарантии против злоупотреблений княжеской власти и перехода местных судов в руки могущественных княжеских наместников-жупанов. Содержат они и существенные изменения в правах наследования, распространяя их также на дочерей и братьев умершего знатного человека. Гарантии знати расширялись и за счет утверждения порядка, в соответствии с которым пан может быть изгнан или его собственность конфискована лишь после длительной судебной процедуры в соответствии с установленными земскими обычаями.

Обнародование «Права Конрада» маркирует завершение периода развития Чехии, который может быть определен как патриархальный княжеский деспотизм. Хотя декларировавшиеся изменения распространялись на всех свободных и знать добилась их с помощью рыцарей, именно высшая шляхта более всего выиграла в новой ситуации. Ее свободы и привилегии, подтвержденные и расширенные последними Пржемысловичами, стали основой для развития чешских сословий.

Свободные, обладавшие меньшей собственностью, также оказались в выигрыше. Поскольку они уже получили важные гарантии своей собственности и статуса, им не было нужды добиваться этих гарантий, отдаваясь под покровительство высшей знати и принимая на себя феодальные обязательства. Следствием этого был рост числа вольных рыцарей, притязавших на меньшую степень знатности. Это,

однако, не означает, что высшая знать не была заинтересована в феодальных связях. Обладание придворной или земской должностью приносило значительный рост влияния и могущества. Поэтому знать стремилась не только к увеличению своих родовых наследственных владений, но и к расширению власти благодаря королевским пожалованиям — бенефициям. Вскоре, однако, бенефиции стали рассматриваться как принадлежащие определенной феодальной должности, а сами эти должности как наследственные. Таким образом развивалась вотчинная судебная юрисдикция, и уже в XIII в. знать осуществляла прямую юрисдикцию над населением своих владений.

Несмотря на такой ход развития, король по-прежнему считался единственным источником закона, но осуществлял он свою высшую власть, даруя многочисленные изъятия из судебной юрисдикции должностных лиц, которые должны были действовать как его представители. Санционируя новый порядок вещей, король косвенным образом ограничивал собственную власть.

Ободренная своими достижениями, знать восстала против короля Вацлава I, объединившись с его сыном Пржемыслом*. Хотя Вацлаву удалось сохранить власть, с этого времени знать формирует особое сословие, заменившее прежних жупанов и возвышавшееся над прочим населением благодаря своему происхождению, богатству, общественным и частным привилегиям. Шляхта, не исполнявшая никаких должностей, позднее также была допущена в ряды этого сословия. Так возник класс знати — панов, обладавших блестящими дворами и многочисленными дружинами⁵.

Другим формирующимся сословием было высшее духовенство. Отголоски борьбы за инвеституру, которые мы наблюдаем в Чехии в правление Пржемысла I, были весьма бурными. Вернувшись из Рима, где он присутствовал на созванном папой Иннокентием III 4-м Латеранском соборе (1215), епископ пражский Андрей начал долгую и ожесточенную борьбу за полное освобождение чешской церкви от какого-либо вмешательства светских лиц. Несмотря на налагавшиеся им интердикты и прямое вмешательство Рима, Андрею не удалось полностью достичь своей цели. Чешская церковь не добилась освобождения от налоговых платежей и выполнения земских работ, однако ей удалось обеспечить, в определенной степени, собственную юрисдикцию (*privilegium fori*) и значительную самостоятельность при назначении на церковные должности. Естественно, как и высшая

* Будущий Пржемысл II. — *Прим. перев.*

знать, паны, высшее духовенство сосредоточило в своих руках и гражданское судопроизводство в отношении населения своих владений.

Жителям новых городов, начавших расти в Чехии с конца XII в., в этот период не удалось добиться признания себя отдельным сословием. В большинстве своем города основывались немецкими колонистами, призывавшимися последними Пржемысловичами, и их строй соответствовал немецкой модели: управление основывалось либо на магдебургском, либо на нюрнбергском праве. Города изымались из юрисдикции жупанов и освобождались от выполнения земских работ; они обладали собственной юрисдикцией и правом содержать войско.

Жители Праги и Кутной Горы, важнейшего центра добычи серебра в Чехии,—они были особенно богаты—в 1309 г. предприняли смелую попытку добиться участия в управлении страной, захватив важнейших чиновников королевства. Попытка не удалась, и бюргеры (мещане) были признаны отдельным сословием только в 1421 г. Как и в Германии, высшее духовенство и горожане являлись лучшими союзниками королей в их борьбе против растущего влияния высшей знати.

Наиболее важным следствием развития земского права было то, что с начала XIII в. чешское государство можно определять как «дуалистическое»: политическая власть в нем принадлежала не только королю, но и привилегированным классам, представлявшим весь чешский народ. Яркой иллюстрацией этому служит то, что с этого времени высшая знать как класс, позднее совместно с сословиями (все вместе они назывались нацией, народом), стала обладать собственной печатью, прикладывавшейся наряду с королевской к государственным документам. Через некоторое время королевские придворные должности и королевский суд трансформировались в земские должности и земский суд. Последний, контролировавшийся панами, в то время заменял институт сейма, в полной мере развившийся лишь в XV в. Введение *tabulae terrae* («досок земли Чешской») — регистра земельной собственности, чешского варианта английской «Книги Страшного суда»*, также является хорошей иллюстрацией этой интересной особенности развития Чехии.

Как было упомянуто выше, основания «земского права» лежали в местных обычаях, сложившихся к концу XII в. Вместе с тем извест-

* Свод материалов поземельной переписи в Англии 1086 г.—Прим. перев.

ны три попытки королевской власти создать новый свод законов. Первая была предпринята Пржемыслом II в 1271 г., правда, никаких данных о мотивах и характере этой инициативы, оказавшейся бесплодной из-за противодействия высшей знати, не сохранилось. Пржемысл мог руководствоваться примером французского двора либо мог попытаться кодифицировать королевские права, борясь за ограничение действия земского права⁶.

Вторая попытка, предпринятая Вацлавом II, представляет больше интереса, кроме того, мы имеем больше информации о ее причинах и характере. Общеизвестно влияние, которое оказывал на юного короля пример Франции, к тому же он был большим поклонником новой школы римского права, расцветавшей в то время в Болонье. Одного из итальянских юристов, Гоццио из Орвието, он пригласил в Прагу как советника. Однако Вацлав II оказался не удачливее английского короля Эдуарда I (1272—1307), планировавшего аналогичные реформы в своем королевстве. Английская знать, удовлетворенная обычным правом и Великой хартией вольностей, категорически отвергла предложение короля, заявив «*Nolumus leges Angliae mutari*»*. Чешская знать, сама того не зная, последовала примеру английской.

Пребывание Гоццио при чешском дворе, однако, не оказалось безрезультатным для истории чешского права: ему в значительной мере принадлежит замечательный горнорудный кодекс⁷, обнародованный Вацлавом II. Во введении к нему Вацлав обнаруживает свое пристрастие к римскому праву, именуя себя, по примеру римских императоров, «одушевленным законом» — *lex animata*.

Третью попытку кодификации чешского права предпринял Карл IV. Его законник, *Maiestas Carolina*⁸, не обнаруживает следов воздействия новой школы римского права, хотя Карл и был хорошо о ней осведомлен. Во введении к кодексу он ссылается как на источник на введение Фридриха II к Золотой сицилийской булле — *Constitutiones regni Siciliae*. Составляя 109 статей законника, Карл IV руководствовался национальными обычаями и желанием не только усилить королевскую власть, но и донести до своих подданных более высокую концепцию государства, ставя его интересы выше эгоистических целей панов или прихоти правителя.

Помимо основ публичного и конституционного права, законник содержит установления, касающиеся уголовного и гражданского пра-

* «Не желаем менять законы Англии». — Прим. перев.

ва, а также процедуры судопроизводства. Особенно стремясь ускорить процедуру рассмотрения уголовных дел, Карл IV установил, что обвинения по таким делам будут изъяты из юрисдикции высшего и местных земских судов и их станут рассматривать так называемые судебные исполнители (*popravci*). Очевидно, эти чиновники существовали и до эпохи Карла IV, но именно он расширил их юрисдикцию по уголовным делам.

Хотя законник *Maiestas Carolina* не являлся систематическим изложением чешского права и не был из-за сопротивления знати некоторым содержавшимся в нем новшествам принят в качестве официального руководства, он сыграл большую роль в усилении монархического начала в строе Чешского королевства⁹. В заслугу Карлу IV следует поставить и то, что он укрепил узы, связывающие концепцию монархии с высшей государственной идеей, воплощенной в чешской короне. Известно, что эта идея, возникнув на Западе¹⁰, во второй половине XII в. получила уже распространение и в Чехии. Корона как символ королевства приобрела еще большую важность, когда с пресечением рода Пржемысловичей исчез династический принцип объединения земель и народа. Даже Ян Люксембургский вполне признавал значение этого символа. Карл IV во Франции научился ценить символическое значение короны и коронационного церемониала и использовал эти символы для выражения высшей государственной идеи. Именно это имел он в виду, заказывая для коронации новую корону, которая должна была быть положена на череп св. Вацлава (умер в 929), «наследника земли чешской», и разрабатывая с благочестивым тщанием новый чин коронации¹¹. Идея короны королевства (*corona regni*) как символа высшей концепции государства из Чехии проникла в Польшу и здесь также способствовала возрождению и консолидации государства при Владиславе I Локетке и Казимире III Великом.

Социальное и политическое развитие средневековой Польши является определенными чертами сходства с Чехией, но во многих отношениях заметно отличается от всего, что характеризует другие центральноевропейские народы того времени. После того как в ранний период польской истории династией Пястов было достигнуто объединение племен, власть князя, как и в Чехии, была абсолютной. Как и в Чехии, в Польше период патриархального абсолютизма продолжался до XIII в. В X—XI вв. великие Пясты, от Мешко I (960—992) до Болеслава III Кривоустого (1102—1138), создали чрезвычайно

сильную и мощную монархическую систему, которой разумно пользовались¹².

В социальной сфере изначальная Польша не знала ни знати, ни феодализма: все сородичи были свободными, за исключением военнопленных и рабов. Однако классовые различия проявились рано: родовые старейшины (*старосты*), естественно, должны были начать считать себя выше остального народа. Все свободные могли стать воинами, но князья содержали собственные *дружины*. Дружинники были не только воинами и на поле боя военачальниками ополчения свободных общинников, но и правителями в княжеских укрепленных замках, *гродах*, — центрах политической администрации.

Таким образом, постепенно возникал привилегированный класс, выделявшийся своим богатством или высоким положением, занятым благодаря правителю. Число привилегированных значительно выросло в период распада Польши на отдельные княжества, поскольку каждый князь имел собственный двор и дружину. Необходимость защищать границы и вести войны породила спрос на воинов-рыцарей, обученных лучше обычных свободных ополченцев. Князья давали им за службу земельные пожалования, и скоро они стали отделять себя от прочего народа. Так возникал класс низшей знати. Свободные крестьяне постепенно оказывались все теснее привязаны к знатым родам или церковным институтам. Разделение на классы — магнатов, рыцарей и простой люд, в принципе, все еще обладавший личной свободой, постепенно делалось все более четким, хотя, в отличие от Чехии, рыцари обладали теми же правами знатности, что и магнаты. Отличие благородного сословия от простого народа подчеркивалось распространением немецкого обычая иметь родовой герб и титул. Гербы появились в Польше позднее, чем в Чехии, фактически лишь во второй половине XIII в., а общеупотребительными стали только к концу столетия¹³.

В отличие от Чехии, в Польше как отдельное сословие первым утвердилось высшее духовенство и, таким образом, приобрело в государстве выдающееся положение. Духовенство представляло собой образованный класс. Именно клирики отвечали за переписку князя с другими правителями, составляли правовые документы и заявления юридического характера. Они же первыми обеспечили себе важные привилегии и гарантии против вмешательства государства. Первые привилегии духовенству были одобрены Ленчицким съездом в 1180 г., а затем расширены в 1211 (1210) г. и 1214—1215 гг.

благодаря архиепископу гнезненскому Генрику Кетличу (1199—1219). Он был наиболее выдающимся в Польше приверженцем церковных реформ в духе Григория VII. Церковная собственность была освобождена от почти всех государственных повинностей, а духовенство получило полную самостоятельность в решении своих дел на церковных соборах. Важные правовые привилегии были пожалованы церкви в связи с ее благотельной ролью главного защитника общепольского единства, а также благодаря нередкому вмешательству папства в защиту польской независимости от притязаний императоров Священной Римской империи. В отличие от Чехии, высшие сановники церкви сумели добиться и сохранить положение привилегированного сословия.

Вслед за высшим духовенством горожане (мещанство) также организовались как отдельное сословие. Города развивались частью из предградий, возникавших вокруг укрепленных гродов, частью из поселений, выраставших вокруг монастырей и церквей, частью из обыкновенных деревень. Как и в Чехии, первыми горожанами стали немецкие колонисты; вскоре им были пожалованы обширные привилегии и освобождение от государственных сборов и повинностей. Города получили статус самоуправления, основанный на магдебургском праве. Вслед за восходящим к нему городским правом Хелмно и Шроды новое городское право распространилось на Мазовию¹⁴.

Высшая знать, обладавшая обширными имениями и традиционно занимавшая главные земские и придворные должности, а также гораздо более многочисленная низшая знать осознали свои личные привилегии и свободы и свое положение как отдельного сословия как раз тогда, когда пресеклась занимавшая польский престол династия Пястов. Казимир III Великий, стремившийся обеспечить престолонаследие за своим племянником Людовиком Анжуйским (венгерским королем Лайошем), был вынужден разрешить знати присоединиться к переговорам. Знать в должной мере воспользовалась случаем, чтобы добиться от Людовика Венгерского обещания дальнейшего расширения привилегий в обмен на признание его королем Польши (1355).

Эти привилегии были подтверждены и распространены на все благородное сословие Кошицким привилеем 1374 г. В обмен на готовность знати признать одну из его дочерей своим государем король Людовик Венгерский освободил ее от всех налогов, кроме чисто номинального сбора в размере двух грошей с лана земли. Вместе с

тем, король обещал, что государственные должности в отдельных землях будут занимать только местные землевладельцы-дворяне, а королевские наместники (*старосты*) 23 важнейших городов будут принадлежать только к польской знати.

Притязания знати значительно увеличились во время междуцарствия (1382—1384), последовавшего за смертью Людовика, и в первые два года правления десятилетнего «короля» — Ядвиги. Новая возможность расширения привилегий представилась знати в связи с признанием ею новым королем Польши Ягайло Литовского, брак которого с Ядвигой был организован ею. Дальнейшие уступки были получены в 1399 г., когда Ядвига умерла, не оставив потомства.

Таким образом, правящий класс Польши состоял из высшей знати — магнатов, не только владевших огромными имениями, но и занимавших все ключевые посты при дворе и в отдельных землях. Магнаты вместе с высшим духовенством заседали в королевском совете, через который и осуществляли свое влияние на короля. Их исключительные привилегии не были гарантированы никаким особым документом, но поскольку магнаты составляли сплоченную крепкую группу, всегда признавались и уважались.

Как было отмечено выше, представление о королевской короне как государственном символе проникло в Польшу из Чехии. Та же концепция получила развитие в Венгрии, и то обстоятельство, что Польша поддерживала дружественные отношения с Венгрией, способствовало легкости ее восприятия здесь, причем в Польше она приобрела особое значение. До объединения Польши престол в многочисленных княжествах Пястов передавался по наследству в пределах данной княжеской линии. Приступая к объединению государства, Владислав Локетек мог, собственно, притязать на власть только над собственным княжеством. Правда, идею польского королевства еще до Локетка проводили в жизнь Генрик IV Пробус, Пшемислав II (1295) и Вацлав II Чешский¹⁵. Но только после коронации Владислав Локетек смог предъявить законные притязания на власть над остальными княжествами. Символ королевской короны значительно помог переходу властных полномочий. Выражение *Corona regni Poloniae* (корона Королевства Польского) стало обозначать, таким образом, все польские земли, подлежащие королевской власти, в то время как слово *regnum* (королевство) означало лишь территорию, непосредственно подчиненную королю¹⁶.

Все это показывает, какое значение приобрела коронация в строе Польши. В XIV в. церемония совершалась в соответствии с римским коронационным обрядом, который в XV в. был адаптирован к польскому обычаю в соответствии с чешским образцом. Хотя коронационный ритуал совершался в Кракове, он оставался прерогативой архиепископа гнезненского. Только по совершении коронации король мог в полной мере осуществлять свои функции.

Поскольку изначально Польша не знала феодализма, перед первыми двумя королями-поляками встала трудная задача добиться более выраженного признания своей власти. Казимир III, однако, быстро понял, какие преимущества феодальная система дает Яну Люксембургскому по части постепенной инкорпорации силезских княжеств в состав чешской короны. Он усвоил урок и применил его в ходе успешной борьбы за присоединение Мазовии с Плоцком и Варшавой, управлявшейся князем-Пястом, к польским королевским землям.

После восстановления королевства польская корона оставалась наследственной. К несчастью, политические перемены второй половины XIV в. проложили путь трансформации наследственной монархии в выборную. Казимир III Великий мог надеяться, что после смерти его племянника и признанного наследника Людовика (Лайоша) Венгерского трон займет его внук, усыновленный им поморский князь Казимир Слупский (Щецинский)¹⁷. Если бы это состоялось, наследственный принцип, возможно, был бы спасен, однако требование Людовика, чтобы одна из его дочерей была признана его преемницей, и смерть бездетной Ядвиги открыли дорогу прямому вмешательству знати в наследование польской короны. В конце концов такое вмешательство должно было привести к коренным переменам в порядке занятия престола.

С конца XII в. верховная власть польских правителей значительно ограничивается различными льготами и привилегиями, которые они силой обстоятельств вынуждены были жаловать церковным деятелям, религиозным орденам, магнатам и рыцарям. Казимир Великий предпринял ряд смелых шагов, направленных на прекращение этого процесса и укрепление королевской власти. Он стабилизировал систему земских налогов (*порадльное*), восстановил королевские права над государственной собственностью, вернул *фегалиш* — монопольное право короля на доходы от таможен, рудников и чеканки монеты. Особое значение имели его денежная реформа и попытки

кодификации польского права. До тех пор правовая система и судопроизводство Польши основывались исключительно на обычном праве, часто отличавшемся в различных княжествах. Казимир III собрал и до некоторой степени систематизировал эти законы, добавив к ним новые ордонансы и статуты. Вместе с тем, ему приходилось уважать местные различия бывших княжеств: статут Малой Польши был обнародован в 1346 г. или 1347 г. на Вислицком съезде знати, а статут Великой Польши в том же году на Петроковском съезде. Его примеру последовал мазовецкий князь Земовит III, обнародовав в 1377 г. Мазовецкий статут, основанный на Казимировом статуте¹⁸.

Кодифицируя польское право, Казимир III следовал примеру Карла IV в Чехии. Чешское влияние очевидно в его кодификации, но, видимо, на него большее воздействие, чем на Карла IV, оказывали римское и каноническое право. Похоже, что Казимир особенно стремился усилить основы польского права, выведенного им из прежнего хаотического состояния. Чтобы обеспечить стране должное количество хороших юристов и теоретиков-правоведов, Казимир III основал в Кракове юридическую школу, которой суждено было превратиться в университет.

Другой важной проблемой, стоявшей перед первыми правителями возрожденного королевства, было установление более тесной зависимости отдельных земель от короля. Прежние княжества по-прежнему управлялись палатинами, или *воеводами*, контролировавшими администрацию через собственных чиновников. Вацлав II Чешский, став польским королем, столкнулся с той же проблемой и попытался решить ее, учредив в каждой земле особых чиновников — *старост*, зависящих от короля. Его примеру последовал Владислав Локетек, Казимир же завершил строительство новой системы. В каждой провинции Великой Польши назначались королевские представители — *старосты*, призванные контролировать земскую администрацию, военные и судебные дела. Управление Малой Польшей было предоставлено непосредственно королю, постепенно учредившему должности различных чиновников, с помощью которых он и осуществлял свои функции. Должности *воевод* и *каштелянов* (*castellanus*), уполномоченных, возглавлявших гарнизоны королевских городов (*castellum*), сохранявшиеся в руках местных знатных фамилий и считавшиеся наследственными, не были ликвидированы, но потеряли свое значение. По мере того как в результате деятельности *старост* власть короля в провинциях росла, развивался и процесс цен-

трализации управления всем королевством. Важнейшие королевские чиновники Малой Польши (составлявшей собственно *regnum* короля)—канцлер, подканцлер, подскарбий—все более считались отправляющими свои обязанности в отношении всего королевства.

Воеводы, однако, вскоре нашли компенсацию за потерю контроля над местной администрацией. Желая получить поддержку каких-либо своих мероприятий или совет по каким-либо важным вопросам, короли по-прежнему собирали должностных лиц и знать отдельных провинций на съезды (*wеча*, *wiese*), где обсуждались их проблемы. Эти съезды могли созывать и старосты. На таких съездах они возглавляли земских чиновников и местную знать: естественно, эта новая функция значительно увеличивала их престиж. Именно из этих съездов и суждено было развиться всем известным институтам представительной системы Польши.

Еще один славянский народ, история которого тесно связана со Священной Римской империей,—это словенцы. Политическая независимость словенцев продолжалась недолго¹⁹. Земли, которые они населяли,—Штирия, Каринтия, Крайна, Истрия—вначале перешли под власть Баварии (745—788), затем франков, затем на короткое время—венгров (907—955). Когда империя распространила свою власть на все альпийские области, земли словенцев разделили судьбу герцогства Бавария, раздробленного на мелкие княжества и земли. В XI—XIII вв. ими правили мелкие немецкие династии—Бабенберги, Андекс-Мераны, Шпангеймы, графы Целейские, патриархи Аквилейские, графы Горицкие. Лишь короткое время словенцами правил славянин: когда Пржемысл II Чешский завладел наследственными владениями Бабенбергов и Шпангеймов. После того как он потерпел поражение, правителями всей Словении стали Габсбурги.

Память об изначальной политической независимости словенцев сохранялась в церемонии интронизации герцогов Каринтии на каменном престоле («князем камне») около Крнски-града и Госпа-Света в бассейне Целе. Ритуал, вышедший из употребления при Габсбургах, подробно описан в австрийской рифмованной хронике Отакара²⁰.

В IX—X вв., как и у соседей-немцев, начался процесс выделения знати из состава свободного населения. В документах этого периода и начала XI в. упомянуты несколько словенцев—должностных лиц немецких герцогов. Однако в первой половине XI в. большая часть знатных словенских фамилий исчезает и их место занимают немцы.

Некоторые древние словенские обычаи, общие для всех славянских народов, сохранялись и в средневековье, несмотря на германизацию администрации. Например, старейшины словенских деревень в южной Штирии и районе Фриули назывались славянским термином жупаны*, можно было обнаружить и следы местного самоуправления²¹. В прочих же сферах социальной и политической жизни словенцам приходилось соблюдать обычаи своих немецких властителей, причем занимаемая ими территория постепенно сокращалась из-за притока немецких колонистов.

Два других славянских народа, словаки и хорваты, в этот период участвовали в социальном и политическом развитии неславянского народа, венгров, с которыми они были объединены в одном государстве. Хорваты сохранили свой автономный статус и с Венгрией были связаны лишь общностью короля. Положение словаков не было столь привилегированным. Есть ряд указаний на то, что после окончательной аннексии словацких земель в начале XI в.²² венгерские короли обычно жаловали территорию северной Венгрии, составляющую большую часть современной Словакии, своим сыновьям как герцогство (*ducatus*), но тем не менее, словаки и занимаемые ими земли в составе Венгрии никогда не получали аналогичный Хорватии статус.

Вестернизация Венгрии, начавшаяся при св. Иштване (Стефане) I в начале XI в., продолжалась и в последующий период. Высшая знать, включавшая древнейшие и богатейшие венгерские роды, начала формироваться в могущественную группу, которая, как и повсюду, консолидируя принадлежавшие ей земли, разрушала политическую и судебную организацию государства вокруг королевских замков (градов). В XII в. начала появляться и низшая знать, состоявшая из королевских «воинов» (*milites*), королевских служилых людей — министриалов (*ministeriales*) и «королевских слуг» (*servientes regis*), а также свободных, проживавших на королевской собственности. К этому разряду населения следует добавить воинов гарнизонов королевских замков (*milites castri, iobbagiones*), обретавших более высокий статус, чем у просто свободных, и становившихся землевладельцами. В основном, они размещались близ границ королевства, и их значение постоянно росло. В этот же период началась колонизация Венгрии немецкими поселенцами.

* Предполагается изначально аварское происхождение терминов *жуна*, *жупан*. — Прим. перев.

Практика земельных пожалований друзьям и сторонникам, введенная св. Иштваном I, в еще большем масштабе была продолжена его преемниками. В результате постепенно формировался обширный класс земельных магнатов, ранг которых примерно соответствовал рангу прежних племенных вождей. Быстрый рост этого олигархического сословия оказывал все возрастающее воздействие на положение свободного населения. При том, что королевская власть значительно уменьшилась, многие свободные попадали в зависимость от магнатов. Этот процесс достиг своего пика в начале XIII в. в результате щедрых пожалований магнатам короля Андрея (Эндре) II (1205—1235). Чтобы защитить свободы вольного населения и подтвердить привилегии знати, Андрею II пришлось издать знаменитую Золотую буллу (1222). *Servientes regis* и *iobbagiones* получили тот же статус, что и магнаты; магнаты лишались права арестовывать их без должной процедуры. Вся знать освобождалась от какого-либо налогообложения, могла отказаться нести военную службу за пределами государства, в случае же судебного разбирательства тщательно разработанная процедура должна была исключить всякие злоупотребления в ее отношении. Каждому дворянину гарантировалось право являться перед судом, ежегодно собиравшимся королем или его высшим должностным лицом — палатином, и приносить свои жалобы. Подобные же льготы были пожалованы духовенству, причем в 1282 г. они были еще расширены.

После обнародования Золотой буллы, во многих отношениях напоминающей английскую Великую хартию вольностей, влияние низшей знати на управление государством значительно выросло, и короли часто искали ее поддержки против магнатов. В округах-комитатах, количество которых увеличилось с 45 в XI в. до 72 в XIII в., лишь главный ишпан (феишпан) по-прежнему назначался королем, но по условиям Золотой буллы его должность не была наследственной. Уполномоченные, судьи, ассессоры, нотариусы и другие чины местной администрации избирались собраниями местного дворянства. Законы обнародовались собраниями комитатов и проводились в жизнь комитатскими чиновниками. После 1435 г. даже королевские налоги, в том числе шедшие на содержание королевского войска, собирались в комитатах. Таким образом, наряду с магнатами представители низшей шляхты, зачастую обедневшей, принимали участие в управлении королевством.

Золотая булла должна была гарантировать права потомков изначальных венгерских завоевателей. Они не должны были попадать в

зависимость от магнатов. В последующий период не только венгры, но и многие словаки и румыны включались в состав дворянства. Иногда целым деревням королем жаловалось дворянское достоинство. И все же, хотя численность низшей шляхты была очень велика, несвободного населения, попадавшего в феодальную зависимость, было много больше: оно составляло до девяти десятых жителей Венгрии.

С другой стороны, следует признать, что Золотая булла открыла дорогу феодализации Венгрии и усилению феодальной зависимости. Бела IV (1235—1270), видя эту опасность, пытался остановить распространение феодальных отношений и обуздать своеволие магнатов. Нашествие татар обусловило неудачу его усилий. Колонизация обезлюдившей страны язычниками-куманами (половцами) в конечном счете усилила неславянские элементы в Венгерском королевстве и исключила последнюю возможность того, что славянское население будет играть в нем выдающуюся роль. В правление последних Арпадов могущество магнатов продолжало расти. Они установили контроль над древней системой комитатов и многие «королевские слуги» попали от них в феодальную зависимость. Страна распалась на полунезависимые владения, управлявшиеся группами магнатов. Лишь центральная часть государства и еще две небольшие области оставались в непосредственной власти короля. Период олигархического правления продолжался с 1301 до 1310 гг.

Если бы Словакия составляла единое политическое образование в составе Венгерского королевства, существовала бы возможность основания каким-либо могущественным магнатом полунезависимого лена на севере Венгрии. Такую попытку, действительно, предпринял Матуш Чак, один из могущественных магнатов, влиятельный член олигархической группировки, определявшей наследование венгерского престола после пресечения династии Арпадов. Матуш Чак создал квазинезависимое владение в западной и центральной части современной Словакии и в 1299 г. сделал город и замок Тренчин своей столицей. Став палатином, Чак завел собственный двор и посредством феодальных связей распространил свою власть на многих свободных. Именно Чак привлек большую часть венгерского дворянства на сторону чешского кандидата на венгерский престол Вацлава III. В то же время отступничество Чака было главной причиной, заставившей чехов оставить Венгрию. Карл Роберт Анжуйский победил благодаря поддержке Чака. Когда же вскоре магнаты восстали, ко-

роль в ходе продолжительной борьбы с олигархами сумел отвоевать большую часть территории, контролировавшейся Чаком, хотя центр его власти, Тренчин, захватил только после смерти последнего (1321).

Хотя Чак правил на огромной части территории Словакии, он никогда не намеревался создать что-либо вроде словацкого герцогства и для усиления власти едва ли взывал к национальным чувствам своих подданных. Он был всего лишь представителем могущественной магнатской олигархии Венгрии, стремившейся к расширению своего могущества и влияния.

Многие магнаты погибли вместе с Чаком во время войн, которые вел против них новый король Карл Роберт Анжуйский (1308—1342), преисполненный решимости обуздать их могущество и укрепить королевскую власть. Король добился успеха и создал новую, более послушную себе знать, передавая конфискованные земли своим сторонникам (часто иностранного происхождения) в борьбе с олигархами. Из этих магнатов, высших чиновников и прелатов он сформировал лояльный королевский совет. Карл Роберт реорганизовал суд и канцелярию, сосредоточив судебные дела в особом учреждении, возглавляемом секретарем, но подчиненном высшему канцлеру (*supremus cancellarius*).

Карл Роберт ввел в Венгрии обычаи французского и итальянского рыцарства. При нем положение новой высшей шляхты регулировалось в соответствии с феодальными нормами. Знать должна была поставлять в королевскую армию особые отряды в соответствии с размерами своих владений и вести их в бой под своим знаменем (*banderia*). Военные отряды мелкой и средней шляхты входили в состав бандерий своих комитатов. Эту политику продолжил его преемник Лайош I Великий (1342—1382), в 1351 г. заново кодифицировавший права и обязательства венгерского дворянства. Чтобы обезопасить и упрочить новую военную организацию, он ограничил право дворянства свободно распоряжаться своей собственностью и, таким образом, предотвратил раздробление огромных владений на более мелкие поместья.

Карл Роберт реформировал королевские финансы и благодаря удачной денежной реформе, основанной на золотом стандарте, поставил экономику Венгрии на прочную основу. Все эти реформы, конечно, глубоко отразились на словаках. Открытие золотых и серебряных рудников в северной Венгрии вызвало возникновение, рост и процветание шахтерских городов на территории современной Сло-

вакии. Горное дело организовывалось по чешскому образцу. Кремнице (важнейшему из новых городов) был пожалован горный устав Кутной Горы, Банской Штявнице — Иглавы в Моравии. Другие горнорудные города, основанные на словацких землях, — Банска Быстрица, Гельница, Рожнява, Пуканец.

Первыми горняками и жителями новых городов были, естественно, немецкие колонисты, городской строй основывался на магдебургском или нюрнбергском праве. Вскоре, однако, в городах стало селиться и коренное население, что постепенно меняло их облик. Город Жилина, например, получил от Лайоша Великого особую «привилегию для славян» (*privilegium pro Slavis*), что доказывает, в частности, рост словацкого населения в новых центрах. Кроме того, по мере того как колонисты-словаки проникали все дальше в лесные массивы, новые поселения основывались в сельской местности. В то же самое время в северную Венгрию продвигаются украинские колонисты, вливаясь в ряды славянского населения, начавшего пересекать Карпаты уже в X в. Они не пользовались особым статусом, подобно другим колонистам, в частности куманам-половцам, секеям, саксонцам и румынам в Трансильвании, поскольку их массового одновременного расселения в Венгрии не происходило, но в их деревнях у них были собственные старосты, солтысы.

Политический статус хорватов в Венгрии был совсем иным, чем у других народов и колонистов. Преемники короля Коломана (Кальмана) соблюдали условия договора, заключенного в 1102 г. с представителями хорватской знати, признавшей его королем Хорватии. Поэтому земли хорватов считались не завоеванными (*partes subiugate*), а присоединенными (*partes adnexae*). Исключительный статус Хорватии подчеркивал особый коронационный ритуал венгерского короля королем Хорватии. Особая хорватская коронация была ликвидирована в XIII в., возможно, в 1205 г., когда престол перешел к Андрею (Эндре) II, но и позднее независимый статус Хорватии соблюдался. Как короли Хорватии венгерские правители носили титул «король Хорватии и Далмации» (*rex Croatiae et Dalmatiae*). Хорватия управлялась баном — наместником короля, высшим чиновником королевства. Иногда в качестве правителей венгерские короли посылали в Хорватию своих сыновей или младших братьев, принимавших титул герцога (*dux*) или воеводы. Герцоги, баны носили титул *dux, banus Slavoniae* (иногда также — всей Славонии, *totae Slavoniae*, подчеркивая, что их власть распространяется на все королевство Хорватию).

Со второй половины XIII в. венгерские короли начали назначать двух банов: одного для Паннонской (Посавской) Хорватии, включавшей земли между реками Дравой и Савой, а другого для остальной части королевства. Первая область стала называться Славонией, а Далматинской Хорватией именовались земли между Славонией и Адриатикой.

Герцоги действовали как настоящие короли, называя себя герцогами «милостью Божией» (*Dei gratia*). Они назначали собственных банов и епископов, подтверждали королевские привилегии, выступали высшими судьями, чеканили собственную монету, распоряжались финансами и созывали сословные собрания — саборы. Власть бана тоже была очень велика, хотя и меньше, чем у герцогов. Его представителем был *vicebanus*, печать которого хранил протонотарий, избиравшийся собранием знати.

Изначально сословные собрания, как и в Чехии и Польше, представляли собой не собственно сеймы, а судебные сессии. Кроме магнатов и высшего духовенства их членами были низшая знать и представители городов. Председательствовали король, герцог или бан. Хотя начиная с XIII в. обычно собирались два сабора — для Славонии и Далматинской Хорватии, иногда собирался сабор, общий для всего королевства (*congregatio totius regni Slavoniae*). Характер политических органов саборы приобрели только начиная с XV в.

Страна по-прежнему делилась на *жупы*, управлявшиеся *жупанами*. Жупан председательствовал в местном суде, апелляцию на его решения можно было подавать суду бана. Гарнизонами королевских замков командовали *градчики*. Владения церкви и наследственной аристократии (*perpetui comites*, *кнежье*) были изъяты из юрисдикции жупанов и подлежали суду непосредственно бана. Последние короли-Арпады жаловали многочисленные освобождения от судебной власти бана. Карл Роберт в 1325 г. отменил все эти льготы, разрешив апеллировать на суд бана только королю. Однако эта мера повлекла за собой ограничение независимости Хорватии. Короли передавали такие апелляции высшему суду Венгрии, который, таким образом, оказался в определенном смысле выше суда бана; подобная ситуация вызывала протесты хорватов.

Влияние Венгрии все более и более распространялось в Хорватии. Особенно это было заметно в Славонии, расположенной ближе всего к собственно Венгрии. Например, хотя племенные жупы в собственно Хорватии сохранялись до XIV в., в Славонии они по венгер-

скому образцу вскоре были объединены в более крупные образования. В Славонии вскоре начали появляться аристократические венгерские семьи, Карл Роберт положил начало новой чиновной аристократии. В то же время в собственно Хорватии сохранялась и своя аристократия. В Славонии распространялись венгерские обычаи и установления, иногда они проникали и в Далматинскую Хорватию. Как и в собственно Венгрии, в Славонии новые города и деревни основывались на немецком праве. Мало-помалу мадьяризация хорватского общества и его обычаев придавали Славонии все более венгерский облик. В XV в. продолжали развиваться ассимиляционные процессы, особенно учитывая, что с 1442 г. славонский сабор начал посылать своих представителей (*nuntii, oratores regni Slavoniae*) на венгерские сеймы.

Далматинская Хорватия продолжала выказывать больше независимости. Одной из причин этого было то, что здесь собственная правовая система могла формироваться не только на базе обычного права, но и римско-византийского. Последнее сохранялось в прибрежных городах и на входивших в состав Византийской империи Далматинских островах Адриатики, на которые постоянно притязали короли Хорватии²³. Вскоре на острова и в города начинает проникать славянский элемент; тесные связи между этими осколками Римско-Византийской империи и собственно Хорватией оказали влияние на развитие хорватского публичного и частного права.

Прибрежные города сумели сохранить свой автономный статус и во время венецианского господства, и под властью Хорватии или Венгрии. Обычно ими управляли князь (*comes, кнез*), нередко назначавшийся венецианцами, которому был придан заместитель-викарий (*vicarius*), и судьи, избиравшиеся городскими советами. В Дубровнике (Рагузе) было три совета — Большой совет (Большое вече), апелляционный Сенат (Вече умоленных) и административный Малый совет (Малое вече). С византийских времен сохранялись городские сходки, объединявшие все взрослое мужское население, но к концу XIV в. они стали выходить из употребления. В Дубровнике, скажем, функции сходки по решению важнейших вопросов городского управления перешли к Большому совету.

Все далматинские города имели собственные статуты, основанные на древних традициях, восходящих к римскому или византийскому времени, дополненные нормами славянского обычного права и испытывавшие сильное воздействие итальянских и, особенно, венециан-

ских правовых отношений. Важнейшим является статут Дубровника (Рагузы) — *liber statutorum civitatis Ragusii* 1272 г. (сохранился лишь в более поздних копиях). У Сплита был собственный статут, датирующийся 1240 г. (сохранился лишь восходящий к нему статут 1312 г., демонстрирующий заметное присутствие, наряду с нормами обычного права, положений римского и канонического права; во второй половине XIV в. возникла его новая дополненная редакция).

Статут Задара (Зары), также датирующийся началом XIV в., обнаруживает итальянское влияние, одна из его частей содержит морское право. У Шибеника был древний статут, отразившийся в памятнике, датирующемся 1305—1322 гг., и затем пополнявшийся в XIV—XVI вв. Этот статут представляет большой интерес в связи со своим в значительной мере славянским происхождением: Шибеник был хорватским поселением. Существуют особые статуты Далматинских островов Адриатики, в частности Корчулы, Брача, Хвара, Ластово, Млета. Эти статуты имеют более славянский характер, они содержат законы и предписания, касающиеся земледелия, виноградарства и рыболовства. Наиболее древним из них является статут Корчулы, частично существовавший уже в 1214 г.²⁴

Наиболее важным для истории хорватского права является Винодольский статут, составленный на хорватском языке в 1288 г. В XIII в. Винодольская жупа простиралась вдоль побережья от Новиграда (Нови) до Риеки (Фиуме), ее статут оказал огромное влияние на хорватское право. Он включает нормы публичного права, касающиеся обязательств горожан в отношении главы жупы и церкви, и интереснее в части уголовного, а не гражданского права. Содержит он и ценные указания относительно сложившейся системы судопроизводства²⁵.

В этот период началось развитие одного из прибрежных городов, Рагузы (Дубровника), в квазинезависимый город-республику. Рагуза (*Ragusium*) была основана в VII в. выходцами из Эпидавра, римского города, разрушенного аvarами и славянами. Его изначальными обитателями были латины, славянский элемент начинает проникать с X в. В 1199 г. князем (*comes*) Дубровника был славянин — Доброслав. До 1205 г. город находился в зависимости от Византии, в 1205—1358 гг. — под властью Венеции, в 1358—1526 гг. — под номинальным сюзеренитетом короля Венгрии и Хорватии. Уже в XII в. он начал заключать торговые договоры с итальянскими городами. Значение Дубровника возросло в XIII в., когда к нему перешел ряд островов — Локрум, Колочеп, Лопуд, Ластово и Млет, а в XIV в. террито-

рия еще увеличилась благодаря сербскому царю Стефану Душану и боснийскому королю Степану, благожелательно относившимся к этому растущему торговому центру Адриатики. Объем торговли Дубровника с балканскими странами был особенно велик в XIV в., впоследствии его жители в большей мере сосредоточились на морской торговле. Термин «аргозий», «большое торговое судно», происходит от названия Рагузы, процветание которой составило прочный базис для дальнейшего развития хорватской цивилизации.

Мало что нового можно сказать относительно строя Второго Болгарского царства и его общественного развития. Государственный строй Болгарии был соотнесен с византийской моделью уже царем Симеоном Великим; в течение двух столетий, когда Болгария была византийской провинцией, происходит византинизация управления и развивавшейся системы общественных отношений. И позднее, несмотря на свою враждебность к Византии, болгарские цари не имели другого выбора, кроме как развивать ту же традицию.

Продолжалось применение титула, усвоенного Симеоном Великим в подражание византийцам: «Во Христе благоверный царь и самодержец всех болгар и греков»; как и византийцы, говоря о себе, болгарские цари употребляли выражение «мое царство» (также поступали и сербские правители).

Интересно, что вместо византийского термина «василевс», равнозначного римскому «император», болгары, а позднее также сербы и русские пользовались титулом «царь», образованным от латинского «цезарь». Наиболее явное указание на такую этимологию содержат древнеславянские документы, содержащие термин «цѣсарь», позднее — «цсарь». Слово возникло в те отдаленные времена, когда славяне поддерживали связи с римлянами, и перешло к ним, возможно, через готское посредство.

Папой были пожалованы Калояну корона, скипетр и знамя (плат) с изображением св. Петра, но царей часто изображали с византийским венцом. Сама корона называлась по-византийски *диадемой*. Часто изображается скипетр, увенчанный крестом или державой; державы с крестом изображены только на монетах Ивана Асеня II. В торжественных случаях цари представляли в драгоценном пурпурном одеянии, багрянице, с поясом, украшенным драгоценными камнями: все в соответствии с византийским церемониальным убором.

Болгарский двор также строился в соответствии с византийским образцом. Цари ввели титул *деспота*, следующий за царским, давав-

шийся правителям княжеств-провинций. Как и в Византии, родственники царя назывались *севастократорами*, глава канцелярии — великим *логофетом*, глава финансового ведомства — *протовестиаριем*. Почти все византийские придворные должности имели соответствия при тырновском дворе.

Административные единицы, провинции, обозначались греческим словом *хофа*, наместники царя, сосредоточивавшие судебную, финансовую и административную власть, назывались *кефалиями*. Налоговая система была почти такой же, как и при византийском господстве; облагались постройки, скот, земельные наделы, особый налог взимался для содержания местных чиновников.

Номинально царь был самодержцем, но в действительности, как явствует из политической эволюции Второго Болгарского царства, его власть значительно ограничивалась боярством. Бояре, как и во времена Первого Болгарского царства, делились на два разряда: великие и малые; малые соответствовали западноевропейским рыцарям. Похоже, что эта дифференциация боярства со временем становилась все более ярко выраженной. Численность бояр значительно возросла, поскольку в его состав влились многие куманы (половцы).

Естественно, кадры чиновников и управителей черпались царями из состава бояр. При царе существовал боярский совет (синклит), бояре участвовали в созывавшихся царями соборах. Во время часто случавшихся междоцарствий бояре управляли государством и из своей среды выбирали новых царей. Высшие церковные иерархи — епископы и настоятели монастырей — также входили в синклит, а на соборах имели приоритет над боярами.

Это показывает, что высшее духовенство, при том, что его численность уменьшилась, сохраняло привилегированное положение. Тырновская патриархия включала только семь епископий, в то время как в Первом Болгарском царстве в правление царя Петра их было сорок. Высшее духовенство имело обширные привилегии и льготы, включая судебный и налоговый иммунитет. Существовали многочисленные монастыри, наиболее известным из которых был Рильский; кроме того, ряд монастырей болгары имели на Афоне, из них важнейший — Зограф. Низшее духовенство происходило из простого народа; подобно ремесленникам и городским торговцам, оно принадлежало к свободным, но не составляло привилегированного класса.

Крестьяне находились в зависимости от бояр, либо непосредственно, в качестве челяди, либо обрабатывая барскую запашку; последние назывались византийским термином *нафики* (*paroikoi*). Суще-

ствовали и свободные крестьяне (*eпоikoi*), владевшие участками земли и обязанные платить государственные налоги и выполнять общественные работы, однако их количество уменьшалось в связи с тем, что налоги и повинности делались непосильными, и многие из них предпочитали становиться париками бояр или монастырей.

В отличие от средневековой Западной Европы, города Болгарии не добились какого-либо политического статуса. Большая часть их восходила к древнеримским поселениям, хотя вокруг укрепленных мест, становившихся административными центрами, возникло и некоторое количество новых городов. Главным занятием горожан была торговля, что было чрезвычайно существенно для эпохи Второго Болгарского царства, являвшегося средоточием важных торговых путей, соединявших Италию и Адриатику, с одной стороны, и Фессалоники и черноморское побережье — с другой²⁶.

Политическое и социальное развитие сербов в этот период протекало сложнее, чем у болгар, поскольку сербы поддерживали непосредственные связи не только с Византией, но и с Западной Европой. В развитии Сербии очевидны и западные, и восточные влияния.

Власть сербских правителей носила более абсолютный характер, чем у болгарских царей. Это связано с тем, что на заре политической независимости Сербии там не было аристократии. Единственное упоминание о существовании знати, а также князя содержится в источниках, относящихся к Нарантани, земле неретвян. Умершие правители назывались святыми, как и в Болгарии, что является пережиточной формой титула «божественный» (*theios*), дававшегося римским и византийским императорам. Начиная с XIII в. правящие сербские короли именовались «светородными» (т. е. священнорожденными) — как преемники и потомки св. Симеона (Стефана Немани), канонизированного церковью: такое именование является сербской версией византийского титула «порфирородный» (*porphyrogenetos*, «рожденный в пурпуре»), дававшегося отпрыскам правящего императора.

Сербские короли притязали и на византийский титул *самодержец* (*автократор*) как выражение абсолютной власти монарха: даже Стефан Душан присоединил его к пышному титулу «царь сербов и греков», а королевский титул предоставил наследнику престола.

Сербы усвоили и другой византийский институт — назначение соправителями членов династии. В некоторых случаях этот обычай должен был компенсировать недостаточное развитие принципа на-

следственного замещения престола: король по своему выбору или по рекомендации собора знати, представлявшей сербский народ, избирал своим преемником любого члена правящего рода. Принцип выборности в полной мере действовал в Боснии, что было одной из главных причин падения недолговечного Боснийского королевства.

Византийские и западноевропейские элементы присутствуют в символике королевской власти. Корона имеет западноевропейское происхождение и была пожалована Стефану Урошу I папой. Трон часто изображается на фресках и монетах. Король, сидя на троне, держит в одной руке скипетр или меч, либо державу, увенчанную крестом, иногда знамя и крест. Он носит пурпурную мантию и украшенный драгоценностями пояс. Подобно византийцам, болгары и сербы не знали геральдической символики. В то же время на гербе деспотов появляется золотой двуглавый орел или лев, явно имеющий западноевропейское происхождение. Босния, имевшая более тесные связи с Венгрией, в отношении геральдики восприняла венгерские обычаи.

Как и в ранний период сербской истории, страна делилась на области — *жупы*, управлявшиеся *жупанами* — наместниками короля, соединявшими в своих руках не только гражданскую, но и военную администрацию, а также судебную власть. Особый чиновник управлял финансами и отвечал за сбор налогов. Изначально все должностные лица, от старосты деревни до высших сановников и членов правящего рода, носили титул *кнез*, соответствующий латинскому *comes*. Позднее он стал прилагаться только к представителям высшей знати и к концу существования независимого Сербского государства стал почти равнозначен королевскому титулу. Должностные лица назывались *властелями*, *властеличами*. С XIII в. распространяются некоторые византийские титулы, например *севаст* (от *sebastos*, «достойный поклонения, священный») и *кефалия* (от *kephalē*, «глава», первоначально означал командиров гарнизонов приграничных городов). Придворные титулы имели обычные соответствия, но с прибавлением эпитета «великий» — еще одно подражание византийскому обычаю.

Стефан Душан, приняв царский титул и введя многие византийские должности и титулы, не стал полностью следовать византийскому придворному церемониалу. Он отменил титул *жупан* (сохранившийся лишь в Боснии), заменив жупанов наместниками, носящими греческий титул *кефалия*, и в то же время создал новую должность королевского судьи. Канцелярия сербских королей и царей, в общем, была организована по византийскому образцу.

Развитие аристократии в Сербии начинается только с конца XII в. и происходит и под западноевропейским, и под византийским влиянием. Высшая знать происходит из родов *жупанов* и других высших должностных лиц, а также потомков отдельных ветвей королевской фамилии; поначалу ее представителей называли *вельможами*, затем был усвоен термин *властелин* (мн. ч.—*властели*), являющийся калькой греческого *архон* («правитель, начальник, повелитель»). Представители низших разрядов знати назывались *войниками* (подобно византийским воинам—*стратиотам*) и соответствовали западноевропейским рыцарям.

Воздействие знати на королевскую администрацию осуществлялось, во-первых, через королевский совет, состоявший из высших должностных лиц, которыми являлась только знать, членов знатных родов и церковных иерархов, и, во-вторых, через соборы. Сербские *соборы* (*зборы*, *састанаки*, *скупщины*) упоминаются начиная с правления Стефана Немани. Они собирались королем и включали высших должностных лиц, представителей высшей знати, военачальников (*воевод*), некоторых представителей низшей знати и, кроме Боснии, высшее духовенство. Поскольку постоянной королевской резиденции ни в Сербии, ни в Боснии не существовало, соборы проходили там, где в данный момент находился двор. На них обсуждались вопросы наследования престола, назначения соправителей, отречения, а также важнейшие церковные дела, такие как выборы архиепископа, учреждение новых церковных институтов. Боснийские соборы оказывали большее влияние на государственные дела и сохраняли право избрания нового правителя²⁷.

Знаменитый *Законник* Стефана Душана, важнейший сербский памятник права, также был принят на соборе в Скопье в 1349 г. В нем нет гражданского законодательства, главное содержание составляет публичное и уголовное право. Обнаруживается некоторое влияние византийского законодательства, но основными его источниками являются законы, принятые предшественниками Стефана Душана, и сербское обычное право²⁸. Византийские частно- и гражданскоправовые нормы доминируют в другом сербском памятнике этого периода, так называемом «Законе царя Юстиниана».

Вхождение в ряды знати было обусловлено владением наследственным безусловным имением—*баштиной*. С конца XIII в. короли восприняли византийскую практику предоставления знати земель и деревень в условное держание (*пропия*, *пропоия*). Его владелец не мог свободно им распоряжаться (хотя оно и могло быть унаследовано) и

был обязан нести с него военную службу. Система *прохии* была распространена в Сербии и Зете (Черногории) до конца XV в., но не получила применения в Боснии²⁹.

Сербское духовенство пользовалось огромным авторитетом. После основания архиепископства было создано восемь новых епископий, а после учреждения патриархии их количество значительно увеличилось. Многие епископы имели резиденции в монастырях, которые были чрезвычайно многочисленны и, в общем, лучше обеспечены, чем епископства. Главные монастыри (Студеница, Жича, св. Георгия в Скопье и Хиландарский на Афоне) назывались «королевскими» и, в подражание византийскому обычаю, освобождались от епископского суда. Низшее духовенство содержалось либо за счет собственности, которая могла быть пожалована их церквям, либо за счет наделения «тремя полями по закону»; все, чем оно владело, освобождалось от налогообложения. Получало оно доход и от особого налога, которым облагались прихожане.

Католики, в основном жившие на побережье, подчинялись барскому архиепископу и которскому епископу; много здесь было бенедиктинских монастырей.

Сербские города никогда не играли особенно важной роли в политической жизни страны. Новые города развивались из поселков, возникавших вокруг укрепленных административных центров (яркой иллюстрацией этому является то, что слово *град* означает и укрепленный пункт, замок, и город). Некоторые города стали важными торговыми центрами, но они никогда не приобретали того значения, которое имели западноевропейские города. Администрацию осуществляли начальник гарнизона, *кефалия*, а также *кнез*, контролировавший торговую деятельность, и сборщик налогов. Византийские города и при сербском господстве сохраняли муниципальную организацию и управлялись градоначальниками и судьями, избиравшимися из нобилитета.

Самоуправление сохраняли только романские города на побережье. Сохранился статут Котора, причем *кнез* (*comes*), наместник короля, обязывался добросовестно соблюдать его. Демократическая сходка горожан в XIV в. трансформировалась в Большой совет, включавший наиболее выдающихся граждан, составлявших местный нобилитет³⁰.

Крестьяне, называвшиеся в Сербии *себры*, а в Боснии *кметы*, в основном, жили на землях, принадлежавших либо королю, либо знати, либо духовенству, и несли такие же тяжелые повинности в отноше-

нии государства и своих господ, что и византийские и болгарские парики. Введение института *пропии* еще ухудшило ситуацию, поскольку два дня в неделю им приходилось работать на *пропиафа*. Развитие сербского крестьянства повторяло развитие крестьянства западноевропейского. Крестьянам не разрешалось по своему усмотрению менять место жительства, а Законник Стефана Душана предусматривал тяжелые наказания предоставившим убежище беглым без письменного разрешения царя. На землях знати и монастырей жили многочисленные *отроки*, статус которых, близкий к рабскому, также регулировался Законником Стефана Душана.

Организация земледелия в Сербии испытала значительное византийское влияние³¹. Финансовое управление было во многом сходно с болгарским: многие налоги были аналогичны, причем в этой сфере также очевидно византийское влияние.

Интенсификация с XIII в. разработки природных ресурсов значительно способствовала обогащению Сербии и ее правителей. На рудниках в Сербии и Боснии в основном работали немцы (саксонцы), которые переселялись из Венгрии, привлеченные обещаниями особых привилегий. Получив статус самоуправления, они принесли в Сербию саксонское горнорудное право, сохранившееся в турецком переводе. Оно подробно регулирует права и обязательства горняков, содержание рудников и требования к продукции. Горнорудное дело способствовало развитию торговли, так что средневековая Сербия была вполне процветающим государством.

Примечания

¹ Подробнее см.: F. Dvornik, *The Slavs*, p. 314 ff.

² Относительно Киевской Руси см. *Ibid.*, p. 279 ff.

³ Ср. H. F. Schmid, *Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern* (см. Библ.), S. 81 f.

⁴ Польское обозначение дворянства *шляхта* происходит из чешского *šlechta* и, таким образом, показывает, что происхождение польской аристократии связано с чешским и немецким образцами.

⁵ Наиболее могущественным знатым родом в Чехии в XIII в. были Витковцы. Они владели обширными вотчинами и поместьями не только в южной Чехии, но и в соседней Баварии и желали бы объединить все свои владения в одно полунезависимое политическое образование. Будучи сами чешского происхождения, члены этого рода посредством брачных уз со-

стояли в родстве с баварской знатью. Завиш, предводитель восстания против Пржемысла II, был из рода Витковцов. У него была мать-немка, а сам он прозывался по одному из своих баварских замков, Фалькенштейн. О восстании см. выше, с. 56—57.

⁶ Скорее всего, Пржемысл II руководствовался версиями *Саксонского зерцала* (*Sachsenspiegel*), служившего в то время источником правотворчества в северной Германии.

⁷ См. публикацию: A. Zicha, *Das böhmische Begrecht des Mittelalters auf Grundlage des Begrechts von Iglau*, Wien—Berlin, 1900. Автор затрагивает вопросы, связанные с рудным делом в Чехии. Ср. также О. Peterka, *Rechtsgeschichte* (см. Библ.), Bd I, S. 151; E. Otto, *Beiträge* (см. Библ.), S. 62 f. О влиянии римского права на чешских юристов ср. О. Peterka, *Ursachen und Wege der Rezeption* (см. Библ.), S. 37—55.

⁸ См. публикацию: H. Jireček, *Codex juris bohemicus*, Bd II, Teil 2, Praha, 1870 (желательно новое более критическое издание). Ср. E. Werunsky, *Das Maiestas Carolina* // Zeitschr. d. Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, German. Abt. (1888). См. также чешскую библиографию: J. Šusta, *Karel IV*, t. 2, s. 187 (Praha, 1948). См. также выше, главу IV, с. 104—105.

⁹ Похоже, что *Ordo iudicii terrae*, важный правовой памятник того времени, содержащий нормы судопроизводства, не был источником *Maiestas Carolina*, а скорее, сам основывался на кодексе Карла IV. Древнейший памятник права, написанный на чешском языке,—это *Kniha Rožmberská*, посвященная, преимущественно, судопроизводству в Чехии (wyd. V. Brandl, Praha, 1872).

¹⁰ См. F. Hartung, *Die Krone als Symbol der monarchischen Herrschaft* (см. Библ.). См. также J. Prochno, *Terra Bohemiae, regnum Bohemiae, corona Bohemiae* (см. Библ.), S. 91—111. Автор приводит все источники, с 1165 г. до середины XIV в., в которых встречаются вышеупомянутые термины. Ср. также A. Soloviev, *Corona regni* // Przewodnik historii cznoprawnu, 4 (Lwów, 1934), s. 27—48.

¹¹ Карл IV использовал коронационный церемониал Пржемысловичей начала XIII в., основанный на коронационном обряде немецких королей X в., а также французский обряд 1328 г. и добавил к ним несколько собственных молитв и обрядовых действий. Критическое издание коронационного обряда Карла IV осуществил Я. Цибулка: J. Cibulka, *Český řád korunovační a jeho původ*, Praha, 1934.

¹² Ср. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 110 ff., 312 ff.

¹³ О происхождении польского рыцарства см. F. Wojciechowski, *Das Ritterrecht in Polen vor den Statuten Kasimirs des Grosse*, übers. v. H. Bellec (см. Библ.).

¹⁴ Ср. о развитии городов в Польше в этот период недавнюю работу С. Пекарчика: S. Piekarczyk, *Studia dziejow miast polskech v. XIII—XIV*, Warsz., 1955. Две книги польских ученых о колонизации в Польше доступны в немецких переводах: Th. Тус, *Die Anfänge der dörflichen Siedlung* (см. Библ.); В. Заборски, *Über Dorfsformen in Polen* (см. Библ.).

¹⁵ Польские историки не единодушны в оценке концепции польского королевства 1295—1370 гг. С. Кутшеба, специалист по истории государственного строя Польши, считает, что концепция польского королевства ограничивалась только Великой Польшей и имела чисто локальное, а не общепольское значение. Другой специалист, О. Бальцер, пытается доказать, что идея Полонии никогда не ограничивалась только Великой Польшей и даже в XII—XIV вв. папская курия и соседи Польши подразумевали под этим термином всю Польшу; последняя теория представляется более предпочтительной.

¹⁶ Идея единства польского государства нашла также выражение в изображении орла на государственном гербе, которое начало появляться на государственном знамени и большой государственной печати при Казимире III.

¹⁷ Сильно различаются оценки польских историков в отношении пожалования Казимиром III своему приемному сыну Казимиру Слупскому восьмой части польских земель в качестве независимого владения: это огромная территория, отделяющая Великую Польшу от Малой Польши. Некоторые считают, что, совершая это пожалование, Казимир был не в своем уме.

¹⁸ Подробнее см.: O. Balzer, *Les Statuts de Casimir le Grand*, Poznań, 1947 (*Studia nad historią prawa polskiego*, t. 19). Два советских автора опубликовали исследования о польских феодальных институтах XIII—XV вв.: К. Е. Ливанцев, *История государства и права феодальной Польши. XIII—XIV вв.*, Л., 1958; Л. В. Разумовская, *Очерки по истории польских крестьян. От древних времен до XV в.*, М. —Л., 1958.

¹⁹ О ранней истории словенцев см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 34, 41 ff., 64, 70 ff.

²⁰ *Oesterreichische Reimchronik* //MGH. *Scriptores rerum Germanicarum*, Bd V, S. 263—267. Ср. также: Joannes Victoriensis, *Liber certarum histor.* Все источники, относящиеся к этому ритуалу, были переведены на словенский язык и опубликованы Б. Графенауэром: *Ustoličevanje koroških vojvod na država karantan-skih Slovencev* // SAZU. *Razprave. Razred za zgodovino in društvene vede*, Ljubljana, 1952. Там же имеется библиография, касающаяся этого ритуала, происхождение и значение которого остаются спорными. Обряд перестал практиковаться в начале XV в.

²¹ Ср. A. Dopsch, *Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpen-slaven*, Weimar, 1909. Подробнее о истории Словении до периода Реформации см. M. Kos, *Zgodovina Slovencev od naselitve do reformacije*, Ljubljana, 1933. М. Кос собрал все источники о словенцах с VIII в. до 1246 г. в своем труде *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku*, t. 1—5, Ljubljana, 1902—1928.

²² Подробнее см. F. Dvornik, *The Making of Central and Eastern Europe*, London, 1949, p. 215, 221. Лучшая монография на чешском языке по ранней и

средневековой истории Словакии: V. Chaloupecký, *Staré Slovensko*, Bratislava, 1923.

²³ Подробнее см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 152 ff., 174 ff.

²⁴ О недавно открытом *Zavode* Трогира см. M. Horvat, *Das Troginer 'Zavod' Buch vom Jahre 1326* (см. Библ.). Мне недоступна работа M. Kostrenčić, *Zakonik cara Stefana Dušana. Hrvatska pravna poviest*, Zagreb, 1923. Более доступно исследование: M. Lanović, *Ustavno pravo Hrvatske narodne države* // Rad JAZU (Zagreb), knj. 265 (1938), s. 167—242.

²⁵ Многие из упомянутых здесь статуты были изданы и переизданы Югославянской академией наук и искусств (JAZU) в Загребе: *Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium*. Издано одиннадцать томов, ряд статутов еще ждет своего издания или переиздания; некоторые доступны лишь в изданиях XVI в. Исследование о Винодольском статуте недавно опубликовал M. Барада: *Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu*, Zagreb, 1952. Имеется французский перевод статута: *La Loi du Vinodol traduite et annotée*, publ. par J. Preux // Nouvelle revue historique du droit français et étranger, 1896. Полицкий статут 1440 г., аналогичный винодольскому, переведен на немецкий язык: T. Matić, *Statut der Poljica* (см. Библ.). Подробнее см. K. Kadlec, *Introduction* (см. Библ.), p. 304—315. См. также более новое издание: H. F. Schmid, *Dalmatinische Stadtbücher* (см. Библ.).

²⁶ Проблемы социального и экономического развития Второго Болгарского царства нуждаются в более тщательном исследовании. Полезны замечания в этой области Д. Ангелова и М. Андреева: Д. Ангелов, М. Андреев, *История на българската държава и право*, София, 1955. Аграрные социально-экономические отношения в Македонии в XIV в. проанализированы Д. Ангеловым: *Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век*, София, 1958 (имеются резюме на французском языке и подробная библиография).

²⁷ О сербских соборах есть хорошая монография Н. Радойчича: Радойчић Н., *Српски државни сабори у средњем веку*, Београд, 1940. О роли сербской знати при Стефане Душане см. G. Ostrogorsky, *Etienne Dušan et la noblesse serbe dans la lutte contre Byzance* // Byzantion, 22 (1952), p. 151—159.

²⁸ Имеется английский перевод Законника: *The Code of Stephen Dušan*, publ. by Malcolm Burt // The Slavonic and East European Review, 28 (1949—50), p. 198—217, 516—539. Там же, стр. 198, о сербских изданиях. Ср. также A. Soloviev, *Le droit byzantin dans la codification d'Etienne Douchan* (см. Библ.). См. также сборник к шестисотлетию Законника, опубликованный Сербской АН: *Зборник у част шесте стогодишнице законика цара Душана*, Београд, 1951. См. также подробную югославскую библиографию: J. Žontar, *Ob šeststoletnici Dušanovego Zakonika* // Zgodovinski časopis, 5 (1951), s. 209—214. Ср. также: Радойчић Н., *Законик цара Стефана Душана* // Архив за правне и друштвене науке (1949), с. 542—556. Д. Янкович недавно опубликовал историю публичного

права в средневековой Сербии: Јанковић Д., *Историја државе и права феудалне Србије (XII—XIV век)*, Београд, 1953. Об истории сербского средневекового публичного, уголовного и гражданского права, а также судопроизводства см. F. V. Taranovskij, *Istorija srpskog prava u Nemanjičkoj državi*, t. 1—3, Belgrade, 1931—35.

²⁹ Два параграфа Законника Стефана Душана касаются обязательств проиаров. Подробнее см. работу Г. Острогорского: Острогорски Г., *Про-нија*, Београд, 1951 (на сербском языке, имеется резюме по-немецки; франц. перевод: *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*, Brux., 1954, trad. par H. Grégoire et P. Lemerle).

³⁰ О развитии городов на Балканах см. кроме упомянутых в библиографии трудов К. Иречека работу С. Новаковича в *Archiv für slavische Philologie*, Bd 25 (1903). О развитии городского строя Котора во второй половине XII—начале XV вв. см.: I. Sindik, *Komunalno urečeniје Kotora*, Belgrade, 1950 (имеется резюме на французском языке).

³¹ См. краткий очерк истории горнорудной промышленности в средневековой Сербии: М. Динић, *За историју рударства у средњовековној Србији и Босни*, Београд, 1955 (имеется резюме на французском языке).

Глава VII

Достижения славян в области культуры в эпоху Средневековья

Вестернизация чешского христианства; латинская религиозная поэзия в Чехии — Оригинальные латинские сочинения в Чехии — Чешские переводы латинских сочинений — Поэтические и прозаические сочинения на чешском языке — Чешская эпическая поэзия и проза; ее западные образцы — Старочешская светская лирика и ее взаимоотношения с провансальской и немецкой поэзией — Чешское национальное чувство — Исторические сочинения эпохи Карла IV — Ранний гуманизм в Чехии — Devotio moderna в Чехии; ее представители и связи с движением в Германии — Чешское готическое искусство — Развитие культуры в Польше; первые сочинения на латыни — Постепенное развитие польской литературы под чешским влиянием — Изобразительное искусство в Польше — Развитие литературы в Болгарии — Сербская литература — Византийская основа болгарского искусства — Сербская архитектура — Самобытность сербской живописи

В раннем Средневековье литературная продукция, в целом, носила религиозный характер. Причины этого вполне очевидны. Богатое наследие классической Греции, в основном, сохранявшееся в восточной части Римской империи, было почти полностью утеряно на Западе из-за вторжений варваров и последовавшего за ними разрыва политических и культурных связей между Западом и Востоком. Все, что сохранилось, было приспособлено для целей объяснения и пропаганды христианских доктрин и передавалось сложившимся на Западе народам миссионерами, епископами и монахами, обращавшими их в новую веру на латыни — языке материнской Римской церкви. Понятно, что в этих обстоятельствах в средневековой Западной Европе не только главный объект литературного творчества был связан с религией, но и национальные языки обращенных народов поначалу были малоупотребительны в их культурной жизни.

На Востоке ситуация была совсем иной. Там сокровища классической и эллинистической литератур сохранялись в почти полной це-

лостности и были легко доступны каждому, желавшему обогатить свои познания. То предубеждение против классики, которое проявлялось в среде христиан в I—III вв., в IV в. было преодолено: поэмы Гомера, произведения греческих драматургов читались в школах, идеи Платона и Аристотеля свободно обсуждались, применялись или отвергались, церковные историки следовали образцам Фукидида, Геродота и Плутарха. Даже фривольные произведения, столь многочисленные в эпоху эллинизма, особенно Лукиана из Самосаты, копировались и сохранялись.

Классический ренессанс в Византии IX в., в котором доминировала великая фигура патриарха Фотия, сделал классическое знание доступным и славянским народам, входившим в сферу византийского христианства. Но и здесь в ходе христианизации моравян, болгар и русских первой задачей византийских миссионеров было передать новообращенным сокровища религиозной литературы, переводившиеся на древнеславянский. Политические катастрофы, сокрушившие молодые славянские народы в IX, XI и XIII вв., не позволили им обогатить свои литературы нерелигиозными произведениями, хотя переводы Отцов церкви, греческие антологии и др. были глубоко насыщены классическими знаниями¹.

Чехия, унаследовавшая греко-славянскую культуру, семена которой были посеяны святыми Кириллом и Мефодием в IX в., к концу XI в. была полностью вестернизирована и латинизирована². С XII в. чехи успешно усваивают культурные сокровища латинского Запада; культурное развитие в этой области достигло пика в XIV в. В Чехии западное влияние в религиозной сфере начало проявляться в конце XI в. растущей враждебностью к использованию славянского языка в богослужении³. При этом, хотя уже в XII в. латынь превалировала, другие дисциплинарные реформы, проведенные папой Григорием VII, например celibat духовенства, были приняты лишь после очень серьезной борьбы во второй половине XII в. Главным приверженцем этих реформ был епископ оломоуцкий Йиндржих Здик, человек ученый и отличавшийся религиозным рвением. Дальнейшая вестернизация чешского христианства во многом осуществлялась усилиями орденов премонстрантов и цистерцианцев. Их главные центры располагались в Страхове (с 1142) у премонстрантов и в Седлеце около Кутной Горы (с 1142) и Велеграде (с 1205) у цистерцианцев. Ордена внедряли новые агрикультурные методы, а их учреждения стали крупными образовательными центрами, поддерживавшими культурные связи с Францией и Германией. Появление в новых

городах Чехии, Моравии и Силезии францисканцев и доминиканцев усилило эти связи, причем в их орбиту была включена и Италия. В 1237 г. по инициативе блаженной княжны Анежки (Агнесы), возглавлявшей приверженцев учения св. Франциска и св. Клары Ассизской, был основан чисто чешский крестовый орден. Августинцы были приглашены в Чехию Пржемыслом II в 1263 г. В XIII в. переживают новый расцвет религиозные идеи цистерцианцев, проявлением чего явилось основание ими пяти новых монастырей. Цистерцианцы в Чехии были так влиятельны, что, как было упомянуто выше, избрание на престол Яна Люксембургского произошло во многом благодаря им. Ян Люксембургский основал около Праги картузианский монастырь «Сад Богородицы», ставший важным фактором спитуализации религиозной жизни.

Глубину западного влияния на чешское христианство лучше всего иллюстрирует появление оригинальных латинских религиозных сочинений в стихах и прозе. Большая часть поэтических композиций, естественно, носит литургический характер и следует западноевропейским — французским, итальянским и немецким — образцам. Одним из древнейших памятников этого рода является *Тропарий* св. Вита в Праге, сохранившийся в рукописи 1235 г. Он содержит сочиненные в Праге литургические песнопения — тропари, а также читавшиеся во время службы молитвы (*Kyrie eleison*, *Gloria*, *Sanctus* и др.). Кстати, это доказывает, что пражский кафедральный собор явился первым крупным центром латинской религиозной поэзии в Чехии. Возможно, составление Тропария совпало с реформой религиозного пения в Праге, которую приписывают декану собора св. Вита. Позднее это собрание тропарей было расширено новыми композициями, сохранившимися в составе *Graduale* св. Вита 1363 г.

Другие композиции — это гимны святым, сочинявшиеся для капитулов и монастырей, и секвенции, певшиеся в ходе обедни. Новые латинские гимны слагались не только в честь чешских святых (Вацлава, Людмилы, Войтеха-Адальберта, Прокопа, Кирилла, Мефодия, Ядвиги), но и других особо чтившихся в Чехии, а также для некоторых народных религиозных праздников. Новые секвенции сохранились в Дражицком требнике 1342 г. и в собрании, возникшем в окружении архиепископа Арношта из Пардубиц. По форме и содержанию эти композиции, в основном, следуют старым чешским гимнам и секвенциям, переписывавшимся наряду с ними в составе единых сборников.

Кроме того, с той же целью в Чехии были составлены новые службы, частично в стихах. Многие службы в честь чешских святых демонстрируют патриотические чувства их авторов. Старейшей является служба *Umučení Krista Pána*, возможно, написанная в монастыре св. Йиржи в Праге в начале XIV в.

Значительное число новых литургических композиций сохранилось в многочисленных рукописных сборниках. Важнейший из них, из Вышебродского монастыря, содержит сорок новых песнопений. Древнейшие из них очень просты, но вскоре они стали и длиннее, и содержательнее; некоторые являются сложными поэтическими композициями, в которых к эпическому ядру добавляются субъективные мотивы — размышления, молитвы и обращения к Господу. Этот род литургической поэзии в Чехии стал очень популярен, особенно выросло число таких произведений в XV в., и они оказали значительное влияние на богослужение гуситского периода.

Большая часть литургической поэзии анонимна, один автор, однако, известен — это Ян из Йенштейна, архиепископ пражский (1378—1396). Количественный рост литургической поэзии в Чехии во второй половине XIV в., возможно, объясняется притоком преподавателей и студентов в основанный в 1348 г. Пражский университет⁴.

Чешская латинская поэзия показывает, в том числе, насколько было здесь вестернизировано христианство и насколько Чехия в религиозной сфере составляла неотъемлемую часть Западной Европы. Чешских религиозных поэтов вдохновляли те же таинства и доктринальные истины, что и их зачастую более талантливых собратьев на Западе. Культ Богородицы, человеческой природы Христа, Христа-ребенка, страстей Господних, разработанный св. Бернаром Клервоским и углубленный и развитый св. Франциском Ассизским и его последователями, в Чехии был так же популярен, как и в Западной Европе в позднем Средневековье.

Интересную иллюстрацию этого духовного умонастроения представляют остатки библиотеки, собранной для себя и сестер-монахинь дочерью Пржемысла II Кунгутой (Кунигундой), настоятельницей монастыря св. Йиржи в Праге (1302—1321). Кроме неканонических проповедей о детстве и страстях Христовых, здесь содержатся приписываемое св. Бернару Клервоскому *Stimulus amoris* (Муки любви), *Беседы Девы Марии со св. Ансельмом*, два плача, несколько латинских сочинений, прославляющих добродетели Богородицы, *Древо жизни* св. Бонавентуры, молитвы св. Ансельма, популярный диалог *Synonyma* св. Исидора Севильского и *Soliloquium* Гуго Сен-Викторского. Служба

Corpus Christi, включая многочисленные молитвы, произносившиеся до и после причащения, также сохранилась в составе библиотеки Кунгуты, что доказывает, что культ святого причащения, так глубоко укоренившийся на Западе, получил распространение и в Чехии⁵.

Кунгута способствовала составлению в том же духе и оригинальных прозаических произведений на латыни, сохранившихся в составе так называемого Пассионала аббатисы Кунгуты, известного среди специалистов по средневековому искусству благодаря великолепным миниатюрам работы каноника монастыря св. Йиржи Бенеша. Два из этих сочинений, *De strenuo milite* (О доблестном рыцаре) (1312) и *De mansionibus coelestibus* (О небесных жилищах) (1314), написаны доминиканцем Колдой из Колдиц. В первом Колда описывает земной путь Христа во искупление людских грехов, особенно орудия его страстей (в рыцарском духе — используя метафору доблестного рыцаря, положившего многие труды на освобождение своей нареченной от власти заточившего ее соблазнителя), второе восходит к псевдоареопагитову описанию небесных иерархий. Возможно, два Плача, один Марии, а другой — Магдалины, переписанные в составе того же Пассионала, также были сочинены Колдой⁶.

Следует упомянуть и литературный вклад друга архиепископа Яна из Йенштейна, приора доминиканского монастыря Альберта Пражского (умер в 1397). Он является автором ряда латинских рифмованных молитв различным святым, сохранившихся в составе сборника *Scala coeli* (Лестница небесная), содержащего службы и молитвы, популярные во всех центральноевропейских странах того времени. Молитвы Альберта — это скорее размышления на темы житий святых, причем его основным источником здесь была популярнейшая Золотая легенда (*Legenda aurea*) Якова Ворагинского (Якопо ди Варацце). Многие молитвы из *Scala coeli* содержатся также в молитвеннике (*Oracionale*) Арношта из Пардубиц. Основные идеи, вдохновлявшие создателей этих молитв, — это кроме культа святых культа Богородицы, страстей Господних и евхаристии.

Видимо, собрание молитв Альберта оказало глубокое влияние на духовную жизнь Чехии эпохи Карла IV. Во второй половине XIV в. очень многие молитвы из *Scala coeli* были переведены на чешский язык. Будучи предназначены для чтения в церкви для простого люда, часто эти переводы не дословны, многие лирические моменты опущены, и, напротив, добавлены дидактические объяснения. Однако это не первые сочинения на чешском языке, написанные в то вре-

мя. Естественно, первые произведения чешской литературы тоже носят религиозный характер⁷. Одним из древнейших образцов чешской религиозной лирической поэзии является датируемая 1260—1290 гг. так называемая «Островская песнь», в четырех строфах прославляющая воплощение Христа⁸. Две другие чрезвычайно популярные песни, «Господь всемогущий» и «Иисус Христос — щедрый князь», возможно, датируются концом XIV в. Самая прекрасная и впечатляющая из этих композиций — «Молитва Кунгуты» в 38 строфах (названа так, поскольку ее список содержится в одной из рукописей библиотеки Кунгуты), восходящая к евхаристической композиции св. Фомы Аквинского *Lauda Sion Salvatorem* (Восхвали, Сион, Спасителя). За ней следует очень популярная в средневековой Центральной Европе «Песнь о св. Дороте», описывающая мученичество святой в 133 строках. Другие песнопения — Богородице, рождественский гимн, плачи — также относятся к этому периоду.

Началом XIV в. датируются чешские стихотворные композиции о Деве Марии, об апостолах, о ниспослании Духа Святого, о Пилате, об Иуде. Все они основываются на Евангелиях или апокрифических сочинениях. Заслуживают упоминания и легенды о св. Георгии (Йиржи) и св. Алексее.

Настоящей жемчужиной среди этих сочинений является «Легенда о св. Екатерине», датирующаяся серединой XIV в., — достаточно внушительная поэма в 3519 строк⁹. Анонимный автор в чрезвычайно живой манере описывает историю популярной святой, ее обращение, спор с языческими учеными (что позволяет ему проявить многосторонность собственных познаний) и мученичество.

Подобные стихотворные легенды сочинялись и во второй половине XIV в. Их авторы писали о местных святах, например о св. Прокпе, известность которого еще выросла после канонизации в 1204 г., а также о других святах, культ которых стал популярен в Чехии. Поэтический уровень этих легенд примерно такой же, как и у более ранних рифмованных композиций.

Начало чешской национальной прозы также было положено еще до середины XIV в. Как и первые чешские лирические и эпические композиции, первые прозаические произведения анонимны и относятся к агиографическому жанру. Появление этого рода литературы ознаменовали чешские переводы трех латинских сочинений, лучше всего характеризующих доминирующее умонастроение эпохи Средневековья. Первое из них, *Životy sv. otců* — жития Отцов церкви эпохи раннего христианства — возникло в XIII в. и было очень популяр-

но на Западе, а на чешский язык переведено в XIV в. Еще большее значение имела *Legenda aurea* (Золотая легенда) — собрание житий, расположенных в соответствии с их праздниками по церковному календарю, составленное около 1270 г. генуэзским архиепископом Яковом Ворагинским (Якопо ди Варацце). Труд Якова Ворагинского является синтезом достижений средневекового агиографического жанра, он столь хорошо отвечал потребностям человека Средневековья, что оказался наиболее популярен в Западной Европе и затмил все прочие произведения житийной литературы.

Должно быть, *Legenda aurea* проникла в Чехию вскоре после написания, поскольку два ее рукописных списка, выполненные в Чехии, относятся к концу XIII в. Она стала чрезвычайно популярна и стимулировала появление чешских поэтических имитаций; вскоре в делавшиеся в Чехии латинские списки стали включать и жития чешских святых. Чешский же перевод — *Passionale* — был выполнен около середины XIV в. в правление Карла IV, чье латинское житие св. Вацлава было избрано переводчиком для праздника этого святого. Переводчик *Золотой легенды* успешно справился со своей работой, проявив при этом и некоторую оригинальность. К сожалению, до сих пор не существует критического издания этого чешского перевода.

Третьим сочинением является *Meditationes vitae Christi*, ошибочно приписываемые св. Бонавентуре, а на самом деле написанные в конце XIII в. францисканским монахом. *Meditationes* также стали очень популярны и вскоре были переведены на национальные западноевропейские языки. Чешская версия представляет собой не просто перевод, а скорее независимое сочинение, лишь восходящее к *Meditationes*. Авторские цитаты из Евангелий важны для изучения древнечешских переводов воскресных евангельских чтений. Вполне вероятно, что *Passionale* и *Meditationes* принадлежат одному автору, возможно, доминиканскому монаху Якубу¹⁰. К этим произведениям примыкает и очень популярный чешский перевод *Беседы Девы Марии со св. Ансельмом* — композиции, описывающей вопрошание архиепископом кентерберийским Богородицы о страстях Христовых.

Эпическая поэзия XIV в., хотя и посвященная в основном религиозным сюжетам, должна рассматриваться как переходная к вскоре расцветшей светской поэзии и прозе. К вышеупомянутым сочинениям следует присовокупить легенды о десяти тысячах рыцарей, о св. Маркете, о детстве Христовом. К этой же категории относятся имеющие библейскую основу житие Адама, Иосиф в Египте, Заветы двенадцати патриархов, Варлаам и Иоасаф, Сольфернус, Белиал, Асенефа.

Как и религиозные сочинения, чешская светская литература отражает основные тенденции, характерные для средневековой Западной Европы. Чешские эпические поэты вдохновлялись теми же героями, которых прославляли во французской и немецкой литературах, и произведения, популярные на Западе, вскоре переводились на чешский язык. Жизнь Александра Македонского привлекала внимание поэтов и писателей всей средневековой Европы; он является героем лучшей чешской эпической поэмы того времени — *Александриды*. Анонимный автор, взяв за образец французскую эпическую поэму об Александре Вальтера Шатильонского, следует ему довольно строго, а оригинальность проявляет, вплетая в повествовательную ткань собственные размышления, свидетельствующие о его уме и широкой образованности. Язык очень богат, а владение поэтической формой выдает высокоталантливого поэта. О его чешском патриотизме свидетельствуют некоторые сатирические ремарки, касающиеся немцев. Очевидно, повлияла на автора и идея крестового похода, поскольку он выражает желание, чтобы чехам был дарован король, подобный Александру, который приведет в лоно церкви всех язычников, а также народы, отколовшиеся от истинной веры, причем упоминает специально литовцев, татар, пруссов и русских (sic!)¹¹.

Остальные произведения эпической поэзии нередко являются чешскими переделками французских и немецких композиций: так, например, «Тристрам (Тристан) и Изольда», «Тандариаш и Флорибелла», «Штильфрид», «Брунцвик», сказания о Зигфриде, Кримхильде, Аттиле и Теодорихе.

Два латинских сочинения, использовавшиеся в средневековых школах как учебники, приписывавшиеся Катону Старшему *Disticha Catonis*, и басни Эзопа также имеют чешские стихотворные переводы. Существовало множество сатирических и дидактических поэм, например объяснение десяти заповедей Божьих, сатира о торговцах. В ряду драматических поэм наиболее популярен *Спор души с телом*. Ряд поэтических произведений написан в ознаменование актуальных современных событий, например песнь (или, скорее, баллада) о предательстве пана Штермберка. Как и на Западе, драматическая поэзия развивалась из представлений о страстях Христовых и Воскресении. Так, пьеса *Mastičář (Продавец мазей)* является вставкой в литургическую драму.

Лучшие образцы эпической и дидактической поэзии принадлежат Смилу Фляшке из Пардубиц и его школе. *Новый совет (Nova rada)* С. Фляшки (2116 строк) представляет собой аллегорию: парла-

мент зверей, подающих советы королю — льву. Это своего рода наставление, или зеркало, праведному князю; видимо, автор знаком с аналогичными западноевропейскими произведениями, в композиции ощутимо французское и английское влияние. Ему же принадлежат *Советы отца сыну* и интересное собрание чешских пословиц¹².

Прозаические произведения также имеют западноевропейские образцы: чешские переделки французского романа о Трое, позднелатинских и греческих жизнеописаний Александра Македонского. Очень популярны были *Gesta Romanorum* (*Римские деяния*), роман об Аполлонии Тирском и др. Известны частные кодификации обычного права начала XIV в.: Рожмберкская книга (на чешском языке), сборник *Ordo judicii terrae* (на латинском и чешском языках), дающий сведения об обычаях и законах, соблюдавшихся земским судом.

Ранняя чешская светская лирика лишь недавно привлекла внимание чешских ученых. Пристальное изучение этого литературного жанра привело к очень интересным открытиям, касающимся его возникновения и связей с творчеством трубадуров Прованса и немецких миннезингеров¹³.

Источниками ранней чешской светской лирики были народные песни. Две из них, «Потеряла я милого» («Прощай, сердце мое») и «В роще Страхотина», сохранились и демонстрируют высокий уровень лирики, достигнутый в Чехии к моменту проникновения туда придворной поэзии. Большое количество народных песен безвозвратно утрачено, но некоторые из них позднее были переработаны в духе придворной поэзии. Сохранилось достаточно документальных свидетельств, позволяющих проследить существование народных песен вплоть до языческих времен.

Корпус чешской лирической поэзии также должен был быть значителен, но уцелела от него лишь малая часть. Сохранившиеся образцы свидетельствуют о хорошем знании их авторами всех характерных черт западноевропейской придворной поэзии. Среди них можно обнаружить песни, любовные послания, романс, балладу, фрагмент пасторали, три «утренние песни» (альбы). Детальный анализ последних показывает, что старые чешские альбы имеют все типичные особенности «утренних песен» (*aubade*), сочинявшихся трубадурами в самый ранний период развития провансальской поэзии — в XII—XIII вв. В это время Чехия не имела прямых связей с южной Францией. Тогда каким образом сведения о старой провансальской придворной поэзии достигли Чехии? В данном случае все указывает на дворы средневековой Италии, куда поэзия трубадуров

проникла из Прованса. Из Италии она распространилась в Рейнскую область, Баварию и Австрию, немецкие же миннезингеры донесли это новое поэтическое искусство до пражского двора.

Действительно, имеются свидетельства, что рыцарские манеры начали культивироваться пражским двором при Вацлаве I (1230—1253), а еще более — при Пржемысле II (1253—1278). В его правление не только миннезингеры из Австрии и Баварии могли принести новое искусство в Чехию, но, поскольку альпийские земли находились под сюзеренитетом чешского короля, существовали и прямые контакты между Чехией и Италией.

Очевидно, наиболее ревностным пропагандистом этого поэтического искусства при пражском дворе был эмигрант из Италии Генрих Изернский. Он был преподавателем грамматики и риторики, а также автором эротических посланий, типичных для итальянской придворной и любовной поэзии¹⁴. При Вацлаве II (1283—1305) при пражском дворе процветала рыцарская поэзия, сам король, как утверждают, составил три любовные песни на языке миннезингеров.

Более заметными чешские композиции в этом жанре делаются в начале XIV в. Видные чешские магнаты завели собственные небольшие дворы, и благодаря этим новым центрам чешская лирическая поэзия стала очень быстро развиваться. Скоро она проникла и в более низкие социальные слои, особенно в новых городах, а наибольшего подъема достигла в эпоху процветания в правление Карла IV.

Сохранившиеся образцы светской лирики анонимны. Известно имя лишь одного чешского сочинителя — Завиш; одни его отождествляют с магистром Завишем из Зап, который в 1421 г. был каноником в Оломоуце, а другие — с монахом, носившим то же имя, другом архиепископа Яна из Йенштейна. В любом случае его литературную деятельность следует датировать концом XIV в. Завиш является выдающимся сочинителем литургических песнопений, ему же принадлежит самая известная ранняя чешская любовная поэма «Песнь Завиша», для которой он сочинил и мелодию. Его музыкальная композиция особенно важна для истории чешской музыки; она показывает, что под влиянием французской музыки чехи начали освобождаться от власти немецкой музыкальной традиции и формировать собственную музыкальную школу¹⁵. Литературная ценность этой поэмы также очень велика: ее без колебаний можно сопоставить с лучшими образцами западноевропейской средневековой лирики, и она является полноценным вкладом Чехии в этот жанр средневековой литературы¹⁶.

Быстрый расцвет чешской литературы, наблюдавшийся со второй половины XIII в., и богатство выражений старочешского языка¹⁷ предполагают их долгую эволюцию и противоречат тому мнению, что в XII—XIII вв. интеллектуальная жизнь Чехии была полностью германизирована¹⁸. Немецкий миннезанг при дворах Пржемысла II и Вацлава II являлся творчеством иностранных поэтов, приглашавшихся чешскими королями, и было бы неоправданным считать, что их влияние простиралось на всю интеллектуальную жизнь Чехии. Даже от этого периода сохранились многочисленные выражения глубоко укоренившегося чешского национального самосознания, хотя показания источников недостаточны, чтобы судить, следовала ли в этом отношении чешская знать примеру королевского двора. Напротив, как было показано выше, чешские аристократы, которым Пржемысл II поручил управление альпийскими землями, даже в немецком окружении предпочитали свой язык. Так, Вилем Заиц из Вальдека, игравший столь большую роль в правление Яна Люксембургского, после своей смерти (1319) был прославлен в чешском плаче как «друг чешского языка».

Более того, видимо, память о славянской эпохе в истории христианства в Чехии никогда не исчезала полностью. Отзвуки ее сохранялись в легендах о местных святах, и память о ней вновь ожила в 1204 г., когда Пржемысл II добился канонизации основателя Сазавского монастыря Прокопа. Сознание национального родства чехов и поляков выражено в манифесте Генриха Изернского¹⁹, а акцентирование связей между чехами и сербами в послании Карла IV царю Стефану Душану²⁰ может быть вполне объяснено только с учетом осознания общеславянского субстрата истории обоих народов. Еще отчетливее это было выражено Карлом IV, когда он просил папу возобновить в Чехии славянское богослужение. Папа дал ему разрешение основать только один монастырь римского обряда со славянским богослужением — Эммаусский в Праге. Он был населен монахами из Хорватии, где славянское богослужение сохранялось наряду с латинским, но вскоре к ним присоединились и монахи чешского происхождения.

К рассмотренным выше чешским стихотворным произведениям следует присовокупить и рифмованную Далимилову хронику, составленную в начале XIV в., — первую хронику на чешском языке. Ее автор — пламенный чешский патриот, ни разу не упустивший возможности излить свои патриотические чувства и неприязнь к нем-

цам. Позднее будет показано значение этой хроники для лучшего понимания национализма гуситов.

Исторические труды, предназначенные для интеллектуальной элиты, по-прежнему, естественно, писались по-латыни. Великолепная хроника настоятеля Збраславского монастыря Петра Житавского (*Chronicon aulae regiae*, или *Збраславская хроника*) охватывает правление последних Пржемысловичей и Яна Люксембургского до 1338 г. и является важнейшим историческим источником, написанным современником, который сам принимал активное участие в политической жизни Чехии.

Патриотически настроенный ученый, епископ пражский Ян Дражицкий инициировал составление *Chronicon Pragense*, синтезировавшей все исторические сочинения, известные в Праге начиная с древнейшей хроники каноника собора св. Вита Козьмы Пражского до 1283 г. Этот памятник особенно важен как источник по истории XIII в. Продолжить его епископ поручил священнику Франтишеку Пражскому. Содержание его труда, однако, разочаровывает: единственная новая информация, которую он содержит, касается епископа Яна, прославление которого автор считает своей главной задачей. Архиепископ Арношт из Пардубиц, неудовлетворенный второй частью *Chronicon Pragense*, поручил канонику Бенешу Крабице из Вайтмиля составить новую редакцию и продолжение сочинения Франтишека Пражского²¹.

Карл IV²², прочитав труд Бенеша, решил дополнить информацию современных историков автобиографией. Это первая попытка такого рода, сделанная мирянином в средневековой Западной Европе. Вероятно, Карл IV написал автобиографию около 1350 г., но изложение довел лишь до 1340 г.²³ Неизвестный продолжатель добавил к нему описание событий шести последующих лет эпохи Карла IV. Карл IV является также автором легенды (на латинском языке) о св. Вацлаве.

Видя интерес Карла IV к историческим сочинениям, Франтишек Пражский сделал новую редакцию своей хроники, продолжив ее до 1352 г., и преподнес ее императору. Однако эта вторая редакция не намного лучше первой. Карл IV желал видеть историю Чехии, представленную на более широком фоне всемирной истории. Для этой цели он избрал итальянца-францисканца Джованни (Яна) Мариньола из Флоренции, прославившегося благодаря своему путешествию на Восток, где он провел 15 лет как папский легат. Мариньола приехал в Прагу и взялся за работу, но, насколько можно судить по един-

ственному дошедшему до нас экземпляру рукописи, его труд оказался совершенно неудачен. Аналогичную, но столь же неудачную попытку по заказу Карла IV предпринял аббат Опатовицкого монастыря Неплах.

Желая получить, по крайней мере, хорошую историю Чехии, Карл IV инициировал составление новой хроники — Пулкавской. Этот труд, содержащий определенную новую информацию — как источник по истории Бранденбурга, — имеет и много недостатков, но тем не менее он стал очень популярен и вскоре был переведен на чешский язык; он доходит до 1330 г. Бенеш из Вайтмиля составил новую редакцию своей хроники, доведя изложение до 1374 г. К сожалению, Карл IV, несмотря на всю свою заинтересованность в исторических сочинениях, не смог найти историка уровня Петра Житавского. О более позднем периоде сохранилось лишь несколько отрывков хроник, составлявшихся в монастырях для местных нужд.

Следует упомянуть также Мартина Опаевского (1239), чешского церковного историка, которого часто считают поляком (*Martinus Opataviensis*, или *Martinus Polonus*). Он составил аналитическое руководство по всемирной истории и истории римской церкви*, ставшее очень популярным в Средние века и переведенное на чешский язык с немецкой версии в конце XIV в. Бенешем из Горжовице.

Анонимный чиновник канцелярии Карла IV написал латинский трактат, аналогичный многочисленным княжеским зеркалам, популярным в эпоху Средневековья. В нем Карл IV наставляет своего сына, Вацлава IV, как доброму правителю избежать некоторых дурных качеств. Определенные намеки на сочинения Петрарки, Цицерона, Сенеки — считается, что Карл IV брал их с собой в путешествия, — видимо, указывают, что некоторые из них действительно могли быть известны и читаться в Праге в эпоху Карла IV. Весь же трактат вдохновлен гуманистическими идеями, пропагандировавшимися Петраркой²⁴.

Все это показывает, что раннее гуманистическое движение, зародившееся в Италии, достигло Чехии и было уже достаточно сильно в эпоху Карла IV. Первым восторженным приверженцем этого течения в Чехии был епископ пражский Ян IV Дражицкий. Он участвовал во Вьеннском вселенском соборе (1311—1312), где встретил ряд предшественников гуманизма и Ренессанса. Поскольку он защищал

* «*Chronicon de summis pontificibus et imperatoribus*». — *Прим. перев.*

права своих клириков против францисканцев, которые в Чехии были, в основном, немцами по происхождению, против него в папской курии были выдвинуты обвинения, и ему пришлось провести 11 лет в Авиньоне, прежде чем в 1329 г. он был оправдан. Знакомство с новыми идеями, получившими распространение в этом крупном центре культуры XIV в., где достиг духовной зрелости отец гуманизма Петрарка, побудило его способствовать развитию гуманистического и религиозного знания на родине. По его приглашению в Чехии в Роуднице поселились августинцы. Их организация должна была стать в Чехии таким же центром гуманистического знания, как Авиньон во Франции.

Епископ Ян IV явился предшественником того огромного культурного и духовного движения в Чехии, которое достигло своего пика при Карле IV и Вацлаве IV. Поощрял его и преемник Яна IV, первый архиепископ пражский Арношт из Пардубиц, обучавшийся в Болонье и других известных культурных центрах. Очагами раннего гуманизма стали множившиеся в Чехии и Моравии монастыри августинцев. Дальнейшее развитие получили приобретшие новое значение классические штудии. На латыни писали и говорили с изысканной элегантностью²⁵. Культ красоты проявлялся не только в богослужении, но и в изготовлении рукописей, переписывавшихся и иллюминировавшихся с безупречным вкусом, а также в других произведениях искусства. В духовной сфере личная связь человека с Богом приобрела более индивидуалистическую основу.

Кроме Яна Дражицкого выдающимися представителями раннего чешского гуманизма были имперский канцлер Ян из Стршеды (Ян из Неймаркта, Иоанн де Ново Форо; умер в 1364 г., будучи епископом оломоуцким), а также епископы Альбрехт Штермберк и Петр Йелито. Ян из Стршеды составлял изысканные и элегантные императорские и королевские послания Карла IV, его библиотека включала огромное количество классических латинских трудов и сочинений Данте, а рукописи были великолепно иллюминированы²⁶. Одним из его учеников был Иоганн из Шуттвы (Штиборжа), автор диалога *Der Ackermann aus Böhmen* (*Чешский пахарь*): некоторые специалисты считают его замечательным примером того влияния, которое три великих предшественника Ренессанса — Данте, Петрарка и Кола ди Риенцо — оказывали на Европу. Эта прозаическая композиция считается наиболее ранним и лучшим произведением немецкого гуманизма, хотя автор намеревался лишь показать, что подобные сочинения можно составлять на немецком языке так же, как и на латыни.

Немецкий образец побудил анонимного чешского интеллектуала написать подобный же диалог по-чешски (*Thadleček — Ткач*). В немецком сочинении Пахарь обвиняет Смерть в том, что та забрала у него жену, в чешском же Ткач пререкается со злой Судьбой по поводу потери возлюбленной, вышедшей замуж за другого. Хотя автор-чех имел в качестве образца немецкий диалог, он проявил определенную независимость, его композиция намного длиннее, выразительнее и вполне оригинальна по своим идеям и художественной ценности.

Несмотря на многочисленные античные реминисценции и цитаты, которыми чешское сочинение изобилует еще более немецкого, и на то влияние, которое любовная литература оказала на обоих авторов, оба памятника глубоко пропитаны христианским духом. В то же время их авторы обнаруживают и сильный индивидуалистический настрой. Этот настрой, как и стремление установить более интимную связь индивидуума с Богом, характеризует «современное благочестие» — *devotio moderna*, получившее в XIV в. распространение в Чехии, где его центрами были монастыри августинцев и картезианцев. И немцы, и чехи были равно затронуты новым течением; среди немцев наиболее выдающимися были богослов Матвей Краковский и проповедник монах-августинец Конрад Вальдгаузер.

Начало чешской *devotio moderna* положил Милич из Кромержижа, также ученик Яна из Стршеды, при котором он служил нотарием в имперской канцелярии. Очень близок Миличу ученый богослов Адальберт Ранконис (Войтех Ранкув из Йежева), который в 1355 г. был ректором Парижского университета. Позднее, при Вацлаве IV, главным выразителем этого течения стал архиепископ Ян из Йенштейна, крупными представителями были магистр Матвей из Янова, Томаш Штитный и ученики Милича, сформировавшие его центр в пражской Вифлеемской часовне, построенной их ревностными сторонниками-мирянами; имелись также центры в южной Чехии и Моравии.

Характерной чертой всех представителей «современного благочестия» было особое почитание евхаристии. Это явствует из трудов Матвея Краковского, а также доминиканца Генриха Биттерфельдского, Томаша Штитного, Милича и Матвея из Янова²⁷. Известно, что особое значение, придаваемое евхаристии, составляет характерную особенность западноевропейской средневековой набожности; многие специалисты удивляются, почему эта приверженность не повлекла более частое причащение верующих в Средние века. На са-

мом деле, такое умозаключение было сделано в XIV в. в Чехии. Матвей из Янова был особенно ревностным приверженцем ежедневного причащения мирян. Видимо, Милич в своих молитвах и проповедях тоже пропагандировал эту идею среди мирян.

Другая характерная черта течения отражала жажду народа в духовной литературе на национальном языке. В этой области путь также проложил Ян из Стршеды своими переводами на немецкий язык *Siloloquia* Августина Блаженного, труда св. Иеронима и составлением молитв для мирян. Многочисленны и чешские молитвы Милича из Кромержижа. К этой школе восходят немецкие и чешские переводы Библии. Среди чехов наиболее выдающимся в этом отношении был Томаш Штитный, дворянин-мирянин, переведший на чешский язык ряд религиозных трудов, которые он считал классическими,—святых Августина Блаженного, Бернара Клервоского, Бонавентуры, Гуго Сен-Викторского, Фомы Аквинского, а также популяризовавший схоластическое знание в оригинальных чешских сочинениях (*Knížky šestery o obecných věcech křesťanských*—*Шесть книжек об общих вещах христианских*, *Řeči besední*—*Речи из бесед*, *Řeči nedělní a sváteční*—*Речи воскресные и праздничные*). За популяризаторскую деятельность он подвергся нападкам со стороны магистров Пражского университета, но упорно защищал свою инициативу—уникальный случай в истории Средних веков.

Это движение следует связать с аналогичным, зародившимся в конце XIV в. в Нидерландах, коренившимся в искренней жажде церковной реформы и стимулировавшимся распространением раннего гуманизма в Чехии. Интересно отметить, что Флорентий Радейвин, основатель «Братств общинной жизни», монастыри которых явились ядром нидерландской *devotio moderna*, учился в Пражском университете, где он мог войти в контакт с некоторыми представителями чешского движения²⁸.

Чешское движение породило ряд подвижнических трудов, способствовавших пропаганде идей чешской *devotio moderna* за границей. Наиболее выдающимся из них был *Malogranatum*, руководство в духовной жизни, возможно, написанное в картузианском монастыре около Праги. В этой связи следует упомянуть и Петра Кларификатора, настоятеля собора в Роуднице. Некоторые из своих идей Ян из Йенштейна пропагандировал в Риме, где он жил в изгнании, поссорившись с преемником Карла IV Вацлавом IV. Конечно, эти сочинения не могут сравниться с известным «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, классическим сочинением нидерландской *devotio moder-*

на. Бедствия XV в. положили конец дальнейшему развитию этого интересного религиозного течения в Чехии, до сих пор слишком мало привлекавшего внимание историков религии²⁹.

Конечно, в развитии *devotio moderna* были опасные моменты. Искренняя жажда церковной реформы и прискорбная неспособность папства осуществить ее сбили с верного пути ряд энтузиастов религиозного движения, погрузившихся в деструктивный крайний критицизм. Некоторые из них придерживались взгляда, что Антихрист уже установил свое царство на земле (Милич), других церковь подозревала в ереси (Матвей из Янова и его трактат «Правила Ветхого и Нового Завета»), хотя в целом движение твердо основывалось на ортодоксальной католической доктрине.

Впечатляющего расцвета достигло искусство Чехии, развивавшееся под сильным воздействием готики. Готическую архитектуру принесли в Чехию немецкие колонисты после 1230 г. В отличие от Германии, чешская готическая архитектура не несет никаких пережитков романики. Раннеготический стиль был воспринят почти как революция во всей своей чистоте. В южной Чехии утвердилось баварская готика, а в остальной части королевства — саксонская. Одними из первых готических сооружений в Чехии были францисканский монастырь и церковь, основанные княжной Анежкой (Агнесой)*. В позднеготической архитектуре в правление Яна Люксембургского начало сказываться французское влияние. В новых городах, при том что характерные черты церковной архитектуры, особенно в длине и высоте нефа, начали проявляться лишь недавно, доминировал готический стиль.

Своего зенита расцвет готической архитектуры достиг в правление Карла IV. По его инициативе французским зодчим Матье из Арраса было начато строительство собора св. Вита в Праге, но настоящим открывателем этого архитектурного направления в Чехии был его преемник Петр Парлер (Парлерж), родом из Швабии. Именно он развил характерные черты готики, уже существовавшие в Чехии, и акцентируя пространственную соразмерность за счет обычного готического вертикализма, стал величайшим архитектором XIV в. и одним из создателей позднеготического стиля. Высокие достижения основанной им школы демонстрируют соборы св. Вита в Праге,

* Монастырь кларисок (св. Анежки) в Праге; около 1234—1280.—Прим. *перев.*

св. Бартоломея в Колине, св. Барбары в Кутной Горе, а также Карлова церковь в Праге, известная своим арочным потолком, Староместская башня Карлова моста, церковь св. Якуба в Брно. Мастерская Парлера оказала глубокое влияние на архитектуру Центральной Европы, причем оно достигло Вены, Баварии, Швабии, Страсбурга, Вроцлава, Кракова и даже Милана.

Петр Парлер открыл также новый период в развитии чешской скульптуры. В его мастерской чешские и немецкие мастера изготовили в Праге, особенно в трифориях хора собора св. Вита, ряд превосходных каменных портретных изображений, замечательных своим реалистическим воспроизведением индивидуальных черт портретируемых. Под воздействием новой художественной школы в Чехии было выполнено много статуй готических мадонн. Характерное для них реалистическое изображение Мадонны с младенцем отражает влияние Парлера, а богатство уборов и изысканность исполнения почти предвосхищают эпоху Возрождения. Чешские мадонны «мягкого», или «красивого», стиля принадлежат к выдающимся созданиям европейской скульптуры того времени; они оказали значительное воздействие на скульптуру Германии и Австрии.

Очень велики были достижения в области живописи. Чешская готическая живопись стартовала довольно поздно. Французское влияние очевидно в миниатюрах, выполненных около 1320 г., например в Пассионале аббатисы Кунгуты. Итальянское влияние обогатило заложенные традиции, и вскоре чешские живописцы и миниатюристы достигли такой степени совершенства, что их творения следует причислить к лучшим достижениям этой школы в Европе XIV в. Величайшим мастером готического итальянского стиля был анонимный Мастер Вышебродского алтаря, создавший цикл картин на темы страстей Господних. Его ученики работали не только в Чехии, но и в Австрии. Им, а также другим чешским художникам принадлежит ряд изображений Богоматери, представляющих собой своеобразную трансформацию византино-итальянской иконописи. Мастеру Теодорику принадлежит несколько замечательных реалистических портретов³⁰.

Наиболее прославленным мастером был миниатюрист, украсивший молитвенник епископа Яна из Стршеды. Его самобытный труд отвечает высочайшим стандартам средневековой европейской миниатюры. В начале второй половины XIV в. достигла полного расцвета и фресковая живопись. Высококвалифицированные художники, особенно придворный живописец мастер Теодорик, работали в

капелле замка Карлштейн, предназначенной Карлом IV для хранения имперских инсигний и реликвий, в Эммаусском монастыре и др.

Величайшим живописцем этого периода был анонимный Мастер Тршебоньского алтаря, выполнивший цикл алтарных картин для августинского собора св. Ильи в городе Тршебонь. Работая в готическом стиле, он применял новую технику, отличающуюся особенной индивидуализацией образов. Он оказал значительное влияние на искусство не только Чехии конца XIV—XV вв., но также Австрии, Франконии, Силезии и Польши. Традиции эпохи Карла IV нашли в Чехии продолжение при Вацлаве IV, который сам был большим библиофилом. Особую известность получил тогда Лаурин из Клатова, украсивший миниатюрами так называемый Газенбургский молитвенник (закончен в 1409, в правление Вацлава IV).

Готическое искусство рано проникло и в северную Венгрию, на территорию современной Словакии. Главными пропагандистами этого стиля были немецкие колонисты, привлеченные начавшимися там разработками серебра и золота. Готика превалировала в Словакии до первой половины XVI в. Влияние чешской мастерской Петра Парлера ощутимо в Братиславе в капелле св. Яна церкви францисканцев, сооруженной в последние годы XIV в. Новеместская церковь августинцев является имитацией Карловой церкви в Праге.

Влияние школы Парлера, проникшее, возможно, уже из Вены, можно наблюдать и в самом монументальном сооружении Словакии, кафедральном соборе св. Альжбеты в Кошице. Характерные черты, разработанные школой Парлера, прослеживаются и в других готических церквях Словакии.

Лучшим национальным архитектором был Штефан из Кошице (вторая половина XV в.), строитель собора св. Альжбеты и других памятников. В готическом стиле были перестроены многие замки и городские дома.

В Словакии сохранилось очень мало образцов каменной скульптуры; лучшими являются работы школы Штефана в Кошице. Гораздо полнее сохранилась деревянная скульптура, в основном алтарная. В этом отношении наиболее продуктивным периодом была вторая половина XV в., причем центром опять же был Кошице, где работал немецкий мастер, из мастерской которого вышло несколько замечательных произведений. Воздействие польской школы, сформировавшейся в Кракове вокруг немецкого мастера Вита Стоша (Ствоша), ощутимо в Бардееве и Левоче, где работал его ученик Павел.

В живописи очевидно итальянское влияние, которое принесли мастера, приглашавшиеся королями Анжуйской династии. После 1400 г. в некоторых миниатюрах можно проследить чешское влияние. Кроме чешского в живописи северной Венгрии прослеживается также силезское и австрийское воздействие. Имеются и монументальные шедевры, особенно алтарь собора св. Альжбеты в Кошице, имеющий 48 живописных панно на боковых створках. В богатых горнорудных городах известными мастерами также был создан ряд замечательных произведений алтарной живописи³¹.

Культурное развитие Польши с XI в. и особенно после восстановления единого польского государства в XIV в. было весьма значительно. Географические условия, прежде всего удаленность от культурного Запада, а также политическая раздробленность имели результатом то, что до начала XVI в. культурные достижения здесь по сравнению с Чехией представляются не столь эффектными. Возглавляло культурное движение духовенство, при этом обучение клириков-поляков, которые должны были прийти на смену иностранным миссионерам, продвигалось медленно, после первого взрыва энтузиазма в правление Болеслава I Храброго достаточно трудно приживались религиозные обычаи.

Медленность проникновения в Польшу западноевропейских идей иллюстрирует тот факт, что церковные реформы папы Григория VII были здесь восприняты много позже, чем в Чехии: в начале XIII в.

С самого раннего времени поляки поддерживали оживленные культурные связи с Западом, особенно с Францией. Считается, что даже их первый историк — священник Галл Аноним — был французом или валлонцем³². Его хроника, написанная в Польше на латинском языке между 1110 и 1135 гг., является важнейшим источником по ранней польской истории. Продолжателем его хроники явился краковский епископ Винцент Кадлубек, труд которого, хотя зачастую тенденциозный и основанный на легендах, был очень популярен. Кадлубек получил образование в Париже, а умер в 1223 г. цистерцианцем: два факта, иллюстрирующие общую ситуацию с образованной частью польского духовенства того времени. Авторами других хроник были епископ познаньский Богуфал, Мартин Поляк (хотя он, кажется, был чехом из Силезии) и Янко из Чарнкова (умер в 1389). Последний был современником Казимира III, но, к сожалению, мало что поведал о правлении великого короля, поскольку более интересовался эпохой нелюбимого им Людовика Венгерского

(Анжуйского). В 1347 г. Малая Польша получила первый законник: статут, принятый Вислицким сеймом³³.

Обосновавшиеся в Польше религиозные ордена — премонстрантов, цистерцианцев, францисканцев и доминиканцев, — как и в Чехии, стали новыми и важными связующими звеньями с культурным Западом. В языческих Пруссии и Литве рос интерес к христианскому миссионерству. Польский францисканец Бенедикт сопровождал Платона Карпини во время его миссии в Монголию (1245—1247) и описал свое путешествие ко двору хана Бату, добавив ряд интересных деталей к отчету Карпини.

Как и в Чехии, религиозные сочинения на латыни свидетельствуют о полной включенности Польши в западную латинскую культуру. Это рифмованные антифоны, посвященные святым Григорию и Войцеху-Адальберту, и собрания псалмов, житие Войцеха, песнопения, посвященные св. Станиславу, эпитафии, гимны, молитвы и проповеди. Количество этих композиций незначительно и они несравнимы с аналогичными чешскими XIII—XIV вв.

Светские стихотворные латинские произведения более многочисленны. Это краткие сочинения в память военных действий, кончин духовных лиц, святых и князей, несколько кратких эпических песен (некоторые из них сохранились в составе хроники Галла Анонима), эпиграммы и надписи. В числе дидактических поэм следует упомянуть *Disticha Catonis*. В XV в. подобные поэтические произведения стали многочисленнее³⁴.

Основание Пражского университета, в котором получали образование многие юноши-поляки, во многом способствовало распространению в Польше западной культуры. В 1364 г. в Кракове был основан университет или, скорее, юридическая школа, хотя в ней с самого начала были две медицинские кафедры и одна свободных наук, и при этом три кафедры канонического права и пять — римского права: это дало новый импульс развитию образования в Польше. Казимир III основывал его не по образцу Парижского университета, а скорее, по образцу Болонского или Падуанского: обстоятельство, указывающее на тесные связи между Польшей и Италией. Тем не менее, несмотря на многообещающее начало, просуществовала эта высшая школа недолго, но уже в 1400 г. она была восстановлена. Учреждение Краковского университета усилило позиции Польши в Европе того времени.

Вполне очевидно то большое влияние, которое церковь оказывала на польский народ с самого начала его истории, и восстановление единого польского королевства произошло в основном благодаря деятелям церкви. Одним из следствий такого положения было то, что культурная жизнь поляков была латинизирована больше, чем любого другого народа Европы, хотя это и не означает, что культуру Польши развивало только духовенство. Знание латыни было распространено шире, чем где-либо, и для выражения своих идей интеллектуалы использовали именно этот язык. В результате польская национальная литература начала развиваться гораздо позже чешской, очень медленно шло формирование польского литературного языка. Лишь недавно было признано, сколь глубоким было чешское влияние на развитие польского литературного языка и польской национальной литературы³⁵. Видимо, богемизмы присутствуют уже в древнейшем польском песнопении *Bogurodzica* (*Богородица*). Богемизмы обнаруживаются даже в некоторых написанных в Польше латинских сочинениях, содержащих пояснения по-польски, в хрониках и актах³⁶: поляками в полной мере сознавалось близкое родство двух славянских языков.

В числе самых ранних образцов старопольских сочинений — переводы с латыни религиозной литературы, типичны здесь так называемые Свентокшижские проповеди* и Гнезненские проповеди³⁷. «Флорианская псалтырь» написана на трех языках — латинском, польском и немецком³⁸ — в основанном около 1350 г. архиепископом пражским Арноштом из Пардубиц монастыре *Mons Mariae* в Кладско**. Польский перевод, как свидетельствуют многочисленные богемизмы, очевидно, сделан с помощью чешской псалтыри. Возможно, «Флорианская псалтырь» была создана для королевы Ядвиги. К этому же времени относятся переводы ряда молитв и молитвенников, например *Modlitwy Wacława****. С конца XIV в. известны краткие формы присяг по различным делам.

Несомненно, в Польше распространялись и переписывались чешские сочинения: об этом свидетельствуют многочисленные полониз-

* По названию монастыря св. Креста.—Прим. В. В. Мочаловой.

** Согласно другой точке зрения, создана в Кракове монахами из Кладско.—Прим. В. В. Мочаловой.

*** «Часослов Вацлава» («Молитвы Бедного Вацлава») — копия молитвенника, содержащая переводы псалмов, выполненная Бедным (из Бродни) Вацлавом в 1476—1482 гг.—Прим. В. В. Мочаловой.

мы в чешских рукописях, например в рукописи Краковского университета, содержащей чешские прозаические и рифмованные молитвы, в «Песни о св. Дороте». Польская легенда о св. Алексее сохранила, по крайней мере, эпическую форму чешских легенд.

Польская религиозная лирика появилась только в конце XIV в. и также имела образцом чешские религиозные песни. Известны по крайней мере шесть переведенных с чешского песен, прославляющих Воскресение Христово, переделки двух чешских гимнов и песни, посвященной Духу Святому, трех чешских песен «Марийного» цикла и инвокации к св. Дороте³⁹.

Светская лирика начала развиваться в Польше только с XV в. и здесь тоже очевидно чешское влияние. Чешские языковые и литературные влияния распространялись в Польше, в основном, из Силезии, где во всех сферах преобладал чешский элемент (уже в XIII в. официальные документы содержат записи по-чешски). В XIII—XIV вв. благодаря своим связям с Чехией Силезия являлась наиболее культурной областью Польского королевства.

Изобразительное искусство Польши также достигло высшей ступени своего развития только в XVI в. Ранее Польша довольствовалась тем, что следовала по пути развития западноевропейского искусства, воспринимая образцы и культурные импульсы от соседей: ближайших — Германии и Чехии — и отдаленных — Франции и Италии. Ротонды с одной или несколькими апсидами — стиль церковной архитектуры, развивавшийся в Чехии при Пржемысловичах, распространились и в Польше, особенно в Кракове. Религиозные ордена принесли из Европы в Польшу художественные традиции романники и готики. В XIII в. развивались архитектурные формы, принесенные цистерцианцами; эту комбинацию элементов романники со стрельчатыми арками применяли и при сооружении соборов францисканцев и доминиканцев. Наиболее интересными образцами такой архитектуры являются монастыри в Сулеюве, Вонхоцке и Могиле и доминиканский костел св. Якуба в Сандомеже, в конструкции и убранстве которого обнаруживаются некоторые ломбардские мотивы.

В XIV—XV вв. в Польше распространился готический стиль. На юге, особенно в районе Кракова, преобладала французская готика, немецкая готика характерна для западной и северной Польши. Немецкие колонисты внесли значительный вклад в развитие готического искусства в основанных ими городах. Тевтонский орден, великие магистры которого часто вели большое строительство, придержи-

живался того направления готической архитектуры, которое получило распространение на северо-востоке Германии в богатых городах Ганзы. Многие значительные сооружения, построенные Орденом, такие как костел Девы Марии в Гданьске (1345—1503) и величественный кирпичный дворец великих магистров в Мальборке (Мариенбурге) (1276—1335), оказали огромное воздействие на архитектуру северо-востока Польши. Проникло в Польшу и чешское готическое искусство, представленное учениками Петра Парлера. Позднегоготический стиль расцвел в Польше только в XV в.

Наиболее древние скульптурные памятники Польши украшают романские костелы, особенно выделяются бронзовые двери кафедрального собора Девы Марии в Гнезно и двери собора в Плоцке. Готическая скульптура датируется XIV—XV вв. Наиболее значительны скульптурные фигуры князей-Пястов, сохранившиеся во Вроцлаве, Ополе, Любуше, Кракове. С середины XIV в. значительное развитие получает деревянная скульптура; сохранились прекрасные образцы резных деревянных алтарей.

К числу лучших образцов живописи относятся миниатюры и рисунки в кодексе, содержащем житие св. Ядвиги работы Миколая Прузня (1353). Чешское искусство миниатюры, в котором смешались французская и итальянская традиции с чешской самобытностью, проникло в Польшу только в XV в.

Как было показано выше, словаки, развиваясь в русле венгерской культуры, испытывали воздействие импульсов, исходящих из Чехии и Польши. Земли словенцев, находившиеся под властью немецких князей, были вовлечены в сферу немецкой культуры; словенский литературный язык и первые литературные труды на словенском языке появились только в XVI в.

Культурная жизнь болгар и сербов развивалась совершенно по-другому, основываясь на византийском наследии. В эпоху Второго Болгарского царства литература развивалась в том же русле, что и в правление Симеона Великого и Самуила⁴⁹. Как свидетельствуют многочисленные рукописи, в основном из Македонии, переписывались старые сочинения, возникшие в XI—XIII вв. Дошедшие в большом количестве сборники разнородного содержания включают богословские, апокрифические и легендарные тексты: верный признак того, что литературные произведения более раннего периода сохранили свою популярность.

Для изучения истории богомилства огромное значение имеет *Синодик царя Борила*⁴¹ 1211 г., составленный в связи с собором, собравшимся в Тырново для борьбы с ересью. Оригинальный характер имеют агиографические сочинения, посвященные новым болгарским святым, особенно Ивану Рильскому и царю Петру; включались в болгарские житийные сборники и жития русских и сербских святых. В 1371 г. сербский монах Исаяя перевел Псевдо-Дионисия Ареопагита; его труд, предназначенный также и для болгар, познакомил балканских славян с философией неоплатонизма.

На болгарский переводились сочинения и других византийских авторов-мистиков: Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита и др., а также два богословских труда — *Гексамерон* Севериана Габальского и *Паноплия* Евфимия Зигавина (одно из главных византийских теологических сочинений).

Труды греческих мистиков широко читались как в старых и новых переводах, так и в оригинале. Мистическое течение исихастов нашло многочисленных приверженцев в Болгарии. Одним из них был выдающийся реформатор того времени, великий любитель учености и образованности Феодосий Тырновский, живший в эпоху царя Ивана Александра (1331—1371). Ученик Феодосия монах Дионисий прославлен как переводчик Иоанна Златоуста. Другой его ученик, Евфимий Тырновский, в 1375 г. избранный патриархом, основал литературную школу болгарских, сербских и русских книжников. Его труды, в основном жития болгарских святых и послания выдающимся деятелям церкви, являются важным источником по истории XIV в. Евфимий же предпринял попытку исправления славянского текста Священного Писания и богослужебных книг.

Иоасаф, митрополит Видинский (Бдинский) и, очень вероятно, ученик Евфимия, составил Похвальное слово св. Филофее Тырновской. Два других ученика Евфимия — Киприан, умерший в 1406 г. митрополитом киевским и всея Руси, и Григорий Цамблак из Тырново — стали основателями литературных школ на Руси. Последний, в числе прочих сочинений, составил 24 проповеди и Похвальные слова Киприану и Евфимию, Житие сербского короля Стефана Уроша III (Стефана Дечанского)*. Приписываемое ему житие св. Ромила на самом деле было написано отшельником Григорием. Третий болгарский книжник этого круга, Константин Философ (Костенечский),

* В оригинале ошибочно — Стефана II. — *Прим. перев.*

после крушения Второго Болгарского царства нашел убежище в Сербии, где много сделал для развития сербской литературы.

Судя по некоторым намекам, в этот период должен был быть составлен ряд оригинальных исторических трудов, но, к сожалению, ни один из них не сохранился. Все, что дошло до нас,— это краткий *Рассказ о возобновлении болгарской патриархии* и *Споменик*, список умерших царей, включающий также имена их жен, патриархов, епископов и выдающихся бояр. Началом XIII в. датируется *Синописис* народов и языков, подробно описывающий различные языки и системы письменности.

Единственный важный памятник староболгарской историографии, *Именник болгарских ханов*, сохранился в составе объемной исторической компиляции, составленной по инициативе царя Ивана Александра, и известен в двух версиях: первая доходит до 963 г., а вторая — до 1204 г. Эта компиляция, *Хронограф*, содержит хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола (Мниха), Александрию и ряд апокрифических сочинений; она стала очень популярна на Руси.

Благодаря царю Ивану Александру на среднеболгарский была переведена византийская хроника Константина Манассии. Перевод очень хорош и включает многочисленные сделанные переводчиком интерполяции, в основном из византийских источников. Хроника также содержит повесть о Троянской войне, видимо, переведенную на среднеболгарский с латинского западноевропейского источника.

Светская литература в этот период обогатилась переводом повести *Стефанит и Ижидат* (отрывок из индийской «Панчатантры»). Через персидское посредство индийский источник, сильно видоизмененный, проник во все литературы средневековой Европы. Греческий перевод был выполнен в XI в., а в следующем столетии, скорее всего в Сербии,— южнославянский, попавший оттуда в Болгарию.

Болгарская литературная продукция этого периода не пользуется такой репутацией, как произведения десятого — «золотого» — века, но тем не менее, литература Второго Болгарского царства также весьма значительна.

Интеллектуальное развитие средневековой Сербии, естественно, протекало под влиянием центров славянской книжности, существовавших в Болгарии: именно оттуда сербы получили славянские богослужебные книги и Священное Писание. В Сербии славянские книги из Болгарии переписывались и слегка видоизменялись в соответствии с локальными языковыми особенностями. Сербы, как и болгары,

ры, увлекались апокрифической литературой, вследствие чего сербские рукописи включают большую часть апокрифов, известных в Болгарии и на Руси: об Адаме, книгу Еноха, об Аврааме, о Соломоне, Апокалипсис Варуха, Евангелие Фомы, Евангелие Никодима, Евангелие Иакова, Послания Авгаря, Деяния Апостолов, Вопросы апостола Варфоломея, Вопросы Иоанна Богослова. Наиболее популярны в Сербии были, видимо, апокрифические Хождение Богородицы по мукам, эсхатологическое Слово Мефодия Патарского, Паралипомены Иеремии, Видение Исайи.

Популярные в Болгарии повести проникли и в Сербию. Вместе с тем, в сербской *Александрии* герой превратился в христианского рыцаря. История о Троянской войне, вошедшая в болгарский перевод Хроники Константина Манассии⁴², похоже, была переведена с латинского оригинала в Боснии или Далмации, причем первоначально на глаголице. Сербам были известны сказания о Тристане и о Бово д'Антоне, Послание пресвитера Иоанна (Сказание об Индийском царстве). Имеются данные о том, что в Далмацию и Сербию из Западной Европы проникли легенды о Карле Великом, равно как и о том, что в средневековой Сербии были известны легенды о короле Артуре: это еще одно свидетельство того, как в Сербии смешивались восточное и западное начала. Читали сербы также повесть о Варлааме и Иосафате, басни из Стефанита и Ихнилата. Сказания о Соломоне и Китоврасе, видимо, попали в Болгарию из Сербии.

Сербская версия *Физиолога* с описаниями реальных и вымышленных животных (он был очень популярен в средневековой Европе) сохранилась в нескольких рукописях, датирующихся XV в. и очень отличающихся от греческого и сирийского оригиналов.

Оригинальными произведениями средневековой сербской литературы являются преимущественно жития сербских правителей и архиепископов. Первыми возникли жития Стефана Немани (в монашестве Симеон), написанные его сыновьями, королем Стефаном Первовенчанным и св. Савой (Саввой)⁴³, привлекательные своей простотой и искренностью и убедительно показывающие, сколь глубоко христианские идеи проникли в сознание сербов XIII в.

Св. Сава написал также два *типикона* — устава для Студеницкого и Хиландарского монастырей. Хиландарский монастырь был важным культурным центром всей средневековой Сербии. Пользуясь византийским источником, Сава составил славянский *Номоканон* — *Кормчую книгу*, ставшую классическим сводом православного славянского канонического права⁴⁴. В XIV в. на сербский язык был переве-

ден труд византийского канониста Матфея Властариса «Алфавитная синтагма»⁴⁵.

Ученик Савы иеромонах Доментиан продолжил заложенную им традицию, написав два оригинальных сочинения — *Житие Савы Сербского* и *Житие Симеона Немани*; новую редакцию первого из них составил в XIV в. хиландарский иеромонах Феодосий. К тому же периоду относится приписываемый архиепископу Даниле сборник (*цароставик*, или *родослов*) *Жития королей и епископов сербских*: он содержит биографии королей Радослава, Владислава, Стефана Уроша I, Драгутина, Милутина, его матери королевы Елены, Стефана Уроша III, а также сербских архиепископов⁴⁶. Другое житие Стефана Уроша III было написано, как указывалось выше, болгарским писателем Григорием Цамблаком. Болгарин Константин Философ, нашедший убежище при сербском дворе, написал *Житие деспота Стефана Лазаревича* (1432) — одно из лучших оригинальных сочинений в средневековой сербской литературе⁴⁷.

Существует около тридцати летописей, относящихся к разным периодам, древнейшая — 1371—1390 гг., а последняя — 1526 г.⁴⁸ Их литературная ценность невелика, но как историческими источниками ими пренебрегать не следует. Лучшие из них — Печская, завершающаяся 1391 г., Копоринская, написанная дьяконом Дамианом в 1453 г., и Карловацкая 1503 г. Известен целый ряд популярных книг — сонников, лечебников, — литературная ценность которых незначительна.

Два сербских правовых памятника заслуживают специального внимания. Первый из них, составленный в 1288 г. в прибрежном хорватском городе Винодоле *Винодольский статут* (*Винодольский закон*), чрезвычайно ценен для изучения сербской и хорватской истории⁴⁹. Второй — уже неоднократно упоминавшийся *Законник Стефана Душана* — достоверно отражает высокий уровень цивилизации, достигнутый сербами в самый блестящий период их истории⁵⁰.

После завоевания Болгарии и Сербии турками литературное творчество в обеих странах было резко прервано. Древние традиции поддерживали странствующие народные певцы; их песни лишь в недавнее время привлекли заслуженное внимание специалистов. Народные песни образовывали связь с древними поэтическими традициями, возрождали интерес к сербскому героическому эпосу и сохраняли нетленной память о великих днях болгарского и сербского народов.

Искусство Второго Болгарского царства развивалось под влиянием византийского культурного ренессанса. В болгарской архитектуре этого периода нет того грандиозного великолепия, которое отличало, в особенности, постройки эпохи Симеона Великого. Восточные мотивы, характерные для многих памятников Первого Болгарского царства, позднее были вытеснены византийскими. Базилики исчезают, строящиеся церкви имеют крестово-купольную форму, они меньше по размерам, главное внимание уделяется декору, как внешнему, так и внутреннему. Как и в Византии, кроме различного камня употребляется красный кирпич, обычно помещаемый среди каменной кладки: эта техника очень декоративна.

Главным центром болгарского искусства этого периода было Тырново. К описанному типу храма здесь принадлежали церкви св. Димитрия (1186), Сорока мучеников (первая половина XIII в.), Петра и Павла. Новая техника мозаикоподобного декора внешних стен наиболее совершенна в церкви св. Ивана Алитургитоса в Несебуре (Месемврии) (XIV в.).

К тому же архитектурному типу принадлежат церкви Охрида, которые относят к памятникам своего искусства и болгары, и сербы. Специального упоминания заслуживают четыре из них: св. Климента (1295), св. Иоанна (XIV в.), Константина и Елены (XIII—XIV вв.) и монастырь св. Наума (XIV в.).

Церкви богато украшались фресками. Можно предполагать, что импульс замечательному подъему болгарского искусства этого периода придали византийские мастера, бежавшие в Болгарию из Константинополя после его захвата крестоносцами в 1204 г. Однако участвовали в нем и болгарские мастера; возникшая болгарская школа живописи переживала расцвет в XIII—XIV вв. Самые прекрасные фрески, истинная жемчужина болгарского искусства, были выполнены в 1259 г. в небольшой Боянской церкви около Софии. Некоторые их мотивы, равно как и манера исполнения, выдают византийское происхождение, причем византийский художник проявил удивительную самобытность, особенно в многочисленных образах Христа. Изображения реальных персонажей отличаются определенной реалистичностью, особенно царя Константина и его жены, а также заказчика — Калояна: несмотря на некоторую церемониальную статичность, это настоящие портреты.

Художники XIV—XV вв. обнаруживают пристрастие к мотивам христианской древности, которые они пытаются интерпретировать в своей собственной индивидуалистической манере. В XV в. значи-

тельное влияние на болгарское искусство оказывало итальянское Возрождение.

Искусство миниатюры также развивалось под византийским влиянием, достигнув в XIV в. очень высокого художественного уровня. Особое значение имеют миниатюры великолепной рукописи перевода Хроники Константина Манассии (между 1356 и 1362 гг.), хранящейся в Ватикане: изображая сцены из болгарской истории, добавленные переводчиком, художник должен был руководствоваться лишь собственным талантом, без опоры на византийский образец. Другим выдающимся памятником является Евангелие царя Ивана Александра (1356; так называемое Лондонское), находящееся в Британском музее.

В Рильском монастыре сохранилось несколько шедевров болгарской деревянной резьбы. Многочисленны иконы, причем замечательны и многие серебряные оклады, особенно в церкви св. Климента в Охриде. Дошедшие до нас золотые и серебряные предметы ювелирного искусства часто демонстрируют развитие собственно болгарских мотивов на византийской основе.

Развитие средневекового сербского искусства происходило под влиянием как византийских, так и западноевропейских образцов. Памятники искусства, преимущественно церкви и монастыри, чрезвычайно многочисленны. Правители-Неманичи щедро тратили свои богатства, и почти каждый из них считал нужным соорудить «задужбину» — храм во имя спасения души.

В развитии сербского искусства, особенно архитектуры, выделяются три периода. При королях Дукли (Диоклеи, или Зеты) и первых Неманичах преобладают западные образцы. В первый период сербской истории на побережье, как и в Хорватии и по всей Адриатике, преобладает предроманский стиль. Украшающие многие сооружения барельефы в значительной мере характерны для всей раннесредневековой Европы. Помимо небольших купольных церквей нерегулярной планировки следует упомянуть латинские базилики св. Сергия и св. Вакха (Бояна), а также архангела Михаила (около Котора). Древние традиции, обогащенные влияниями романского стиля и византийской архитектуры, преобладали в творчестве зодчих, творивших при первых Неманичах. Облицованная мрамором церковь Успения Богородицы монастыря Студеница построена в форме купольной базилики. Церкви св. Георгия (Джурджеви Стубови) близ Нови-Пазара и Успения Богородицы в монастыре Морача

являются лучшими образцами этого стиля. Вскоре, однако, в Рашку проникли византийские формы крестово-купольного храма и техника орнаментальной кладки из чередующихся рядов камня и разноцветного кирпича. Сербские мастера очень быстро усвоили эти новшества и, сочетая их с западноевропейскими романскими и готическими мотивами, создали ряд выдающихся памятников. Церковь Вознесения в Жиче, церковь королевы Елены в Градаце около Рашки и Троицы в Сопочани (1272—1276) являются типичными образцами того смешения стилей, которое отличает школу Рашки. Жемчужиной архитектуры школы Рашки является и церковь Пантократора в монастыре Дечани (1327—1335): она наиболее красива и своеобразна, истинный шедевр сербского искусства.

Следующий период характеризуется господством византийского стиля. Центр художественного творчества перемещается в Македонию. Основным остается крестово-купольный тип храма, куполов делается больше; в этом стиле была перестроена церковь Хиландарского монастыря. Наиболее совершенными образцами этой школы являются очень своеобразные пятикупольные сербские церкви св. Георгия в Старо-Нагоричине (1312—1313) и Благовещенья в Грачанице (около 1321). Следует упомянуть также церкви св. Михаила и Гавриила в Лесново (1341) и св. Димитрия в Марковом монастыре.

Третий период развития архитектуры совпадает с последними годами сербской независимости. Центром государства была долина реки Моравы, поэтому там сосредоточены и памятники этой сербской школы. Зодчие моравской школы следовали образцам эпохи первых Неманичей, строя базиликальные и вытянутые крестово-купольные храмы, типичные для сербо-византийского стиля. По образцу афонской архитектуры добавляются две боковые апсиды. Наиболее значительными памятниками моравской школы являются церковь в монастыре Раваница, построенная князем Лазарем Хребеляновичем, церкви в Крушеваце, Калениче, Любостине и Манасии; последние две отличаются наибольшей гармоничностью.

Характерной чертой сербского искусства является обильное использование для украшения церковных построек декоративной скульптурной пластики. В первый период преобладали мотивы, близкие романским, распространенным в Далмации и Италии. Богатейший скульптурный декор, восходящий к западноевропейским образцам, отличает церковь Пантократора в монастыре Дечани. Сербо-византийская школа, естественно, восприняла византийские мо-

тивы, хотя встречаются также мотивы и техники, происходящие из региона Кавказа; они чаще использовались мастерами моравской школы. Помимо византийского можно обнаружить и легкое влияние мусульманского искусства.

Чрезвычайно самобытна сербская фресковая живопись. Сербская живопись XIII в. продолжала византийские традиции, проникшие в Сербию уже в XII в. (церковь св. Пантелеймона в Нерези). К лучшим памятникам относятся росписи церквей монастырей Милешева и Сопочани, обнаруживающие сильное влияние ранневизантийского искусства мозаики. Об этом свидетельствуют не только их монументальность, но и использование желтого фона вместо обычного голубого как имитация золотого фона мозаик. Манера изображения людей отличается самобытностью, мастера стремятся к реалистическому выражению эмоций. В этих аспектах часто можно обнаружить параллели с итальянским искусством первой половины XIII в. Описанные композиции действительно производят глубокое впечатление благодаря своей монументальности, декоративности, а также свежести и чистоте красок.

В XIV в. сербская живопись (особенно в Нагоричине) испытывает влияние византийского «палеологовского ренессанса» конца XIII в. Совершенно замечательной делается моделировка фигур. Резкий переход от света к тени, искусное расположение фигур (они выглядят менее монументальными, а их количество в композициях увеличивается) создают выразительный эффект жизненности и движения. Другой живописный стиль, лучше всего представленный в Марковом монастыре, придает меньше значения моделировке фигур, но производит большее впечатление жизненности и движения и отличается огромной декоративностью. В церквях долины Моравы преобладает тот же стиль, что и в Нагоричине и Грачанице, но больше внимания уделяется орнаментальности.

Изучение сербской иконописи и миниатюры началось лишь недавно. Итальянским влиянием отмечены миниатюры «Мирославова Евангелия» (конец XII в.). «Призренское Евангелие» более самобытно, скорее, оно отражает восточные влияния. Одним из лучших образцов искусства миниатюры является «Мюнхенская Псалтырь» (конец XIV в.). В целом, рисунок сербских миниатюр менее совершенен, но они реалистичны и более жизненны. Миниатюры сохранили для нас большое количество портретов сербских правителей и представителей знати. Поражает реализм их исполнения, по своему худо-

жественному уровню они, несомненно, соответствуют византийским портретам того же времени.

В результате катастрофы, поразившей Сербию в XV в., ее богатая и многообещающая художественная традиция была резко прервана. В период турецкого господства традиции национального искусства, насколько это было возможно, сохранялись, но прогресс прекратился⁵¹. Лишь те сербские эмигранты, что нашли прибежище в Венгрии, смогли продолжить свою творческую деятельность; памятью о них являются несколько церквей и монастырей, сооруженных там в XVII—XVIII вв. Но и в последний период происходит нечто вроде художественного ренессанса, центрами которого стали Нови-Сад и Белград: они образуют связь, соединяющую художественное возрождение современной Сербии с ее славным прошлым.

Примечания

¹ Ср. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 147 ff., 225 ff.

² Ibid., p. 325 ff.

³ Ibid., p. 312 ff.

⁴ До сих пор чешские историки литературы пренебрегали изучением этого жанра литературы. Большая часть латинской поэзии чешского происхождения была опубликована Г. М. Древсом, открывшим в 1886 г. свое собрание средневековых гимнов томом *Cantiones Bohemicae*. Он обнаружил свыше трехсот композиций, которые с уверенностью можно считать чешскими по происхождению; они разбросаны по 49 томам его *Analecta hymnica* (Leipzig, 1886—1906). Первым чешским специалистом, обратившим внимание на эту литературу, был З. Неядлы в своем труде по истории чешского песнопения догуситского периода: Z. Nejedlý, *Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách*, Praha, 1904. Ср. репринт старого труда Виликовского: *Latinská duchovní lyrika v Čechách* // J. Vilikovský, *Pisemnictví českého středověku*, Praha, 1948.

⁵ Для сравнения с западной литературой этого жанра см. A. Wilmart, *Auteurs spirituels et textes dévots au Moyen Âge*, Paris, 1932.

⁶ Ср. J. Vilikovský, op. cit., s. 26—40 (имеется библиография на чешском языке).

⁷ О древнейших чешских религиозных гимнах см. R. Jakobson, *Nejstarší české písně duchovní*, Praha, 1929.

⁸ Ср. F. Spina, *Über das alttschechische Ostrowerlied* // Archiv für slavische Philologie, Bd 37, 1920, S. 406 f. Несмотря на сомнения Спины, более вероятно, что эта песня является чешской переделкой неизвестной латинской песни.

Указания на издания произведений средневековой чешской литературы, а также полные библиографические сведения можно обнаружить в истории чешской литературы Якубеца: J. Jakubec, *Dějiny literatury české*, Praha, 1929, t. I, s. 56—314. Более новая работа Влчека не содержит библиографических указаний: J. Vlček, *Dějiny české literatury*, Praha, 1951, t. I. Ср. также: V. Flajšhans, *Pisemnictví české slovem i obrazem*, Praha, 1901, s. 28—141. Многие произведения ранней чешской литературы, упомянутые в данной главе, изданы и прокомментированы польским филологом-славистом Брюкнером: A. Brückner, *Böhmische Studien, Abteilungen und Texte* (см. Библ.). Недавно вышедший труд Храбака, мне недоступный, содержит одиннадцать исследований чешской средневековой литературы: J. Hrabák, *Príspevky k dejinám starší české literatury*, Praha, 1959.

⁹ См. текст с библиографическими указаниями: F. Spina, *Die Altöechische Katharinenlegende der Stockholm-Brünner Handschrift*, Praha, 1913, а также новое издание с комментариями по-чешски: J. Vilikovský, *Legenda o svaté Kateřině*, Praha, 1946.

¹⁰ Ср. J. Vilikovský, *Pisemnictví českého středověku*, Praha, 1948, s. 141—160.

¹¹ Поэма должна была содержать свыше восьми тысяч строк, из них сохранилось лишь около половины.

¹² Большая часть этих композиций была опубликована, с библиографическими примечаниями, Г. Кунстманном (см. Библ.).

¹³ Первое собрание чешской лирической поэзии: J. Fejfalík, *Altöechische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV. und XV. Jahrhunderts* (см. Библ.). Более новое издание: J. Vilikovský, *Staročeská lyrika*, Praha, 1940. Этот жанр тщательно изучил В. Черни: V. Černý, *Staročeská milostná lyrika*, Praha, 1948. См. также четкий и наводящий на размышления обзор проф. О. Одложлика из Пенсильванского университета в *Speculum*, 26 (1951), с. 743—750.

¹⁴ В. Черни показал (ук. соч., с. 186—234), несмотря на прежде сделанные замечания, что контакты Гильома Машо и Эсташа Дешана с Прагой не могли оказать никакого воздействия на распространение новых литературных форм из Франции в Чехию.

¹⁵ Ср. Z. Nejedlý, *Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách*, Praha, 1904, s. 126—136.

¹⁶ Другой вид этой литературы, песни вагантов, также был известен в Чехии. В этом духе написаны сатирические «Песни веселых нищих».

¹⁷ В особенности это иллюстрирует чешско-латинский словарь, составленный магистром Кларетом с сотрудниками около 1360 г.: он содержит около 7000 слов, некоторые вновь образованы. Ср. V. Flajšhans, *Claret a jeho družina*, t. 1—2, Praha, 1926—28. В это же время были составлены два латинско-чешских словаря.

¹⁸ Эта тенденциозная точка зрения особенно отличает труд Б. Бретхольца: B. Bretholz, *Geschichte Böhmens und Mährens*, Liberec, 1921. Его первый том

имеет подзаголовок, обнажающий эту тенденционность: *Das Vorwalten des Deutschtums bis 1419* («Преобладание немецкого элемента...»). В своем критическом отзыве, опубликованном в *Český časopis Historický*, К. Крофта резко отверг это положение. О культурной роли немцев в Чехии см. у К. Крофты (см. Библ.).

¹⁹ См. выше, главу II, с. 57—58.

²⁰ См. выше, главу V, с. 152.

²¹ Многие историки считают, что Бенеш по происхождению немец, хотя для таких предположений нет никаких оснований.

²² О роли Карла IV в интеллектуальном движении в Чехии см. исчерпывающий труд Томсона: S. H. Thomson, *Learning at the Court of Charles IV* // *Speculum*, 25 (1950), p. 1—20.

²³ См. сокращенный перевод автобиографии Карла IV: B. Jarret, *The Emperor Charles IV*, New York, 1935 (ch. II).

²⁴ «Зерцало» было опубликовано С. Штейнхерцем (см. Библ.). Предположение редактора, что оно было написано самим Карлом IV, не имеет подтверждений. В этой связи следует заметить, что именно Карл IV разработал чешский коронационный церемониал. В правление Карла IV уже был переведен на чешский язык латинский оригинал, основанный на французском коронационном церемониале. См. выше, главу IV, с. 167, 189.

²⁵ Он составил нечто вроде дипломатического протокола: *Summa cancellariae Caroli IV* (содержит также образцы писем на немецком языке) и *Summa cancellariae officii olomucensis*. Первый протокол опубликовал Ф. Тадра (Прага, 1895). См. также F. Tadra, *Cancellaria Johannis Noviforensis* // *AÖG*, 68 (1886), S. 1—157. Труды Яна из Стршеды были опубликованы Я. Клаппером и П. Пиуром в издании К. Бурдаха: K. Burdach, *Vom Mittelalter zur Reformation*, Bd VI, 1, 2, 4; Bd VII (Praha, 1931, 1932, 1935, 1937).

²⁶ Другим представителем этого движения был августинец Микулаш из Лоуни. См. о нем: J. Himmerle, *Nikolaus von Laun* // *Studien zur Geschichte der Karls-Universität zu Prag*, hrsg. v. R. Schreiber. Freilassing-Salzburg, 1957, S. 81—129.

²⁷ Главной работой Матвея из Янова является латинский трактат *Regulae veteris et novi testamenti*, опубликованный В. Кибалем: dil. 1—5, Praha, 1908—26. См. также монографию о нем: V. Kybal, *Matěj z Janova. Jeho život, spisy a učení*, Praha, 1905.

²⁸ Первые два ректора «Братьев общинной жизни» в Цволле, Герард Скадде и Люберт Берньер ван ден Буш, также учились в Праге. Подробнее см. E. Winter, *Die europäische Bedeutung des Frühhumanismus in Böhmen* // *Zeitschrift für Deutsche Geistesgeschichte*, Bd I (1935), S. 232—242. О *devotio moderna* в Нидерландах см. А. Нума, *The Christian Renaissance: A History of the «Devotio moderna»*, Grand Rapids, Mich., 1924.

²⁹ История раннего гуманизма в Чехии и чешской *devotio moderna* заслуживает специального изучения. Основные особенности нового движения выявил только Е. Винтер: E. Winter, *Tausend Jahre Geisteskampf im Sudetenraum*, Praha, 1938. Чешские историки, сосредоточив внимание на Я. Гусе, во всех остальных видали лишь его предшественников, однако эта точка зрения совершенно неправильна. К. Бурдах (*Vom Mittelalter zur Reformation*, Praha, 1912—37) собрал большой и ценный материал для изучения раннего гуманизма в Чехии, но до всесторонней оценки этого интересного явления еще далеко. Прежде всего, нуждаются в изучении труды Яна из Йенштейна, хранящиеся в библиотеке Ватикана (Vat. Lat. 1122). Шестисотлетие основания Пражского университета, отмечавшееся в 1948 г., должно бы было стимулировать изучение этого периода, но события в Чехии накануне и после 1948 г. не способствовали начинаниям в этом направлении. Исследование В. Червинки (В. Červinka, *Príspevky k životopisu Jana z Jenšteina*, Praha, 1936) является важным вкладом в изучение биографии Яна из Йенштейна.

³⁰ Ему посвящена монография А. Фридля: A. Friedl, *Magister Theodoricus*, Praha, 1956. Он же является автором монографии о выполненных чешскими художниками миниатюрах кодекса, хранящегося в библиотеке Ватикана: *Kodex Jana z Jenšteina* (Praha, 1936). З. Вирт (Z. Wirth) при участии ведущих чешских историков искусства издал образцовую работу по искусству средневековой Чехии: *Dějepis výtvarného umění v Čechách*, Praha, 1923—31 (т. 1). Она превосходит труд Я. Браниша (1892—93), посвященный тому же периоду, и книгу Б. Грюбера (см. Библ.). Ср. также недавнюю публикацию о готической настенной живописи в чешских землях: *Gotická nástěnná malba*, Praha, 1958.

³¹ По истории искусства в Словакии см. V. Wagner, *Dejiny výtvarného umění na Slovensku*, Trnava, 1930.

³² Чешский историк Ф. М. Бартош недавно выдвинул гипотезу, что автором первой польской хроники мог быть архиепископ гнезненский Якуб из Жнина—чех из рода Славников, как и пражский епископ св. Адальберт-Войтех: F. M. Bartoš, *Nejstarší polský kronikář a jeho český původ* // *Věstník ČSAV*, 61 (1952), № 1. Ср. М. Plezia, *Kronika Galla*, Kraków, 1947.

³³ Впервые он был переведен на польский в 1449 г. Второй перевод датируется 1460 г., третий—1503 г. Ср. R. Hube, *Prawo polskie XIV wieku*, Warsz., 1881, s. 27—98.

³⁴ См. очерк в Польской энциклопедии (т. I, Варшава, 1918, с. 54—90): W. Bruchnalski, *Poezya Polska średniowieczna*. Ср. A. Brückner, *Średniowieczna poezia łacińska*, Kraków, 1892 (в основном о латинской поэзии начиная с XV в.).

³⁵ Подробнее см. R. Jakobson, *Polska literatura średniowieczna a Cześć* // *Kultura*, Paris, 1953.

³⁶ О польских глоссах в латинских документах см. J. Łoś, *Początki piśmiennictwa polskiego*, Lwów, 1922. Первая фраза по-польски читается в латинском

памятнике рубежа XIII—XIV вв.—*Книге об основании монастыря Девы Марии в Генрикове (Kniha Henrykowska)*.

³⁷ См. W. Nehring, *Kazania gnieźnienskie*, Kraków, 1897; A. Brückner, *Kazania Świątokrzyski* // *Prace Filologiczne*, 2 (1888), s. 697—740 (отдельное издание: Warsz., 1891). О связи средневековых польских и чешских проповедей см. V. Vydra, *Polská středověká literatura kazatelská a její vztahy ke kazatelské literatuře české*, Praha, 1928 (в США недоступна). Вообще же о средневековых польских проповедях см. A. Brückner, *Kazania średniowieczne* // *Roz. h-f. PAU* 24 (1895), 25 (1896).

³⁸ См. библиографию о псалтыри: J. Łoś, *op. cit.*

³⁹ Блаженный Владислав из Гельнева (ок. 1470—1505) считается автором нескольких польских песен.

⁴⁰ Подробнее см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 177 ff.

⁴¹ Лучшее издание: «Български Старини», 1928, кн. 8. О нем же ср. D. Obolensky, *The Bogomils*, p. 234—249.

⁴² О проблемах, встающих в связи с этим переводом, см. A. Wesselofsky, *Die altslavische Erzählung vom Trojanischen Kriege* (см. Библ.).

⁴³ О св. Саве см. работы сербских историков в книге: *Светосавски Зборник*, Београд, 1939.

⁴⁴ Новое издание трудов св. Савы предпринял В. Чорович: *Списи светогоса Саве* // *Зборник за историју, језик и књижевност српског народа*, Београд, 1928.

⁴⁵ Под редакцией С. Новаковича: *Зборник за историју, језик и књижевност српског народа*, Београд, 1907.

⁴⁶ Опубликован Дж. Даничичем: *Животи краљева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило* (Београд, 1866); сербский перевод Л. Мирковича (Белград, 1935—38). О хорватской и словенской литературах см. главу XVI.

⁴⁷ Издано под редакцией В. Ягича: Јагић В., *Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског по двјема српско-словенским рукописима* // *Гласник српског ученог друштва*, 42, 1875, с. 223—328.

⁴⁸ Изданы Л. Стояновичем (*Зборник за историју, језик и књижевност српског народа*, Београд, 1927). См. также V. Jagić, *Ein Beitrag* (см. Библ.).

⁴⁹ См.: Kostrenčić M., *Vinodolski zakon* // *RAD Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*, knjiga 227, Zagreb, 1923; а также выше, с. 181, 220.

⁵⁰ См. Новаковић С., *Законик Стефана Душана*, Београд, 1898. Подробнее см. С. Jireček, *Das Gesetzbuch des Serbischen Caren Stephan Dušan* (см. Библ.). Последнее критическое издание осуществлено Н. Радойчичем: *Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 г., изд. и прев. Н. Радойчић*, Београд, 1960. Ср. выше, главу VI, с. 186, 191, 192.

⁵¹ Только далматинские города, находившиеся под властью Венеции, чрезвычайно активно участвовали в художественной жизни Италии XV—XVIII вв. Есть несколько превосходных работ о далматинской школе искусства. Подробнее и библиографию см.: D. Westphal, *Malo poznata slikarska djela XIV do XVIII stoljeca u Dalmaciji*, Zagreb, 1937. Ср. также: М. Абрамећ, *Sur quelques bas-reliefs byzantins en Dalmatie* // *L'Art Byzantin chez les Slaves*, Paris, v. V, p. 2; L. Karaman, *Notes sur l'art byzantin et les Slaves catholiques de Dalmatie* // *Ibidem*.

Глава VIII

Чешская Реформация и ее последствия

Характер Вацлава IV—Его первый конфликт с архиепископом—Высшая знать выступает против Вацлава IV—Растущая непопулярность режима Вацлава в Германии—Изменение церковной политики Вацлавом приводит к его падению в Германии—Новая политическая нестабильность в Чехии—Углубление упадка церковной жизни в Чехии—Чешское реформационное движение—Реформационная деятельность Яна Гуса—Учение Дж. Уиклифа и его воздействие на чешских реформаторов—Конфликт между немецкими и чешскими последователями Уиклифа—Новое изменение церковной политики Вацлава и его последствия для устава Пражского университета—Ян Гус и злоупотребления индульгенциями—Изгнание Гуса—Король Сигизмунд, Ян Гус и Констанцкий собор—Суд над Гусом и его трагическая смерть—Роковая ошибка—Грозные отзвуки смерти Гуса в Чехии, развитие утравизма—Умеренные и радикалы—Новый взрыв и смерть Вацлава IV—Оппозиция чехов Сигизмунду; Ян Жижка, вождь оппозиции—Объявление «Четырех Пражских статей»—Гуситские войны—Поражение радикального крыла гуситов и признание «Четырех Пражских статей» Базельским собором—Причины роста радикальных движений в Чехии—Утрависты и преемник Сигизмунда—Конфликт короля Йирижи Подебрада с папством—Радикальный реформатор Петр Хельчицкий—Рост движения Чешских братьев

Смерть Карла IV была трагически преждевременной. Его старшему сыну Вацлаву IV было всего семнадцать, когда он наследовал отцу. Карл сделал все возможное, чтобы обеспечить обе короны, чешскую и германскую, своему любимому сыну, которого он с ранней юности начал приобщать к делам короны и империи. Вацлав был хорошо образован и унаследовал от отца многие хорошие качества. Ему не хватало одного: спокойствия и твердости характера, которые его отец приобрел благодаря горькому опыту юности. Юность Вацлава была чрезвычайно легкой, обо всем заботился его любящий отец. В первые годы своего правления Вацлав IV следовал примеру отца и, окруженный его опытными советниками, проявлял отцовские добрые качества. Однако пристрастие к охоте и развлечениям

выливалось в пренебрежение королевскими обязанностями; при этом он демонстрировал симпатии к горожанам и низшей шляхте, назначая людей низкого происхождения на высшие придворные должности. Это вызывало противостояние высшей знати — панов, при Карле IV занимавших высшие земские и придворные должности. Нововведения Вацлава свидетельствовали о его прогрессивности и открывали новую главу в управлении королевством, но они же отвратили от него могущественных панов, в то время как успех Карла IV заключался в их привлечении к сотрудничеству с короной.

И еще в одном отношении Вацлав IV отказался от отцовских традиций. Добрые отношения между церковью и короной вскоре оказались нарушены столкновениями между Вацлавом и архиепископом Яном из Йенштейна. Новый архиепископ, суровый аскет, не всегда следовал примеру своих великих и мудрых предшественников, Арношта из Пардубиц и Яна Очко. Он был преисполнен решимости защищать права и привилегии церкви, как он их понимал, и в своей непреклонности был поддержан рядом советников. С другой стороны, масло в огонь подливали новые советники Вацлава, и распря между королем и архиепископом продолжалась, прерываемая лишь краткими периодами примирения.

Напряжение достигло максимума в 1393 г. Вацлав намеревался основать новое епископство на базе собственности, принадлежавшей Кладрубицкому монастырю. Архиепископ, однако, воспротивился этому и после смерти настоятеля назначил его преемника, не посоветовавшись с королем; таким образом он разрушил весь план. За этим последовало заключение советников архиепископа под стражу. Ян Непомук, генеральный викарий архиепископа, был пытан и заплатил жизнью за защиту его дела. Его тело было сброшено с Карлова моста во Влтаву. Ян Непомук считается мучеником, он был канонизирован в 1729 г. и стал популярным святым-покровителем Чехии. Архиепископ ожидал поддержки от Бонифация IX, но тщетно, ибо папа нуждался в помощи короля. Разочарованный, Ян из Йенштейна ушел со своего поста и последние годы жизни провел в Риме.

Следует сказать, что Вацлав IV, хотя и популярный среди простого народа, был не в состоянии контролировать внутреннее положение с требуемыми тактом и твердостью. В Праге распространялись слухи, что он слишком много пьет и из лени пренебрегает своими обязанностями. Все это поощрило панов предпринять смелую ак-

цию. Была организована конфедерация ведущих панских родов Чехии, союз панов, во главе ее встали пан Йиндржих Рожмберк (Генрих Розенбергский) и двоюродный брат Вацлава моравский маркграф Йошт¹. Брат Вацлава Сигизмунд, симпатизируя конфедератам, вел двойную игру. Так произошло опасное нарушение мира и соглашения в Люксембургском доме, заботиться о сохранении которых так горячо призывал родичей Карл IV. Когда Вацлав отказался выполнить требование конфедерации назначать только представителей высшей знати на государственные должности и править в соответствии с их советами, те взяли его в плен и назначили маркграфа Йошта *старостой* с диктаторскими полномочиями.

На этот раз Вацлава IV спас его брат Ян Згоржелицкий из Лужицы, который, появившись в Праге, добился поддержки горожан. Затем помощь пришла от брата Йошта Прокопа и ряда германских князей. Собирали силы начали бюргеры королевских городов. Паны вынуждены были освободить короля, но он так и не смог победить своих могущественных противников. Междоусобная война продолжалась, и Вацлав вынужден был просить о посредничестве Сигизмунда и даже Йошта. Компромисс, достигнутый между королем и панами, был чрезвычайно выгоден последним. Й. Рожмберк стал пуркрабием (бургграфом), а Йошт фактически правил в Праге. Однако, как только смог, Вацлав отвоевал власть и изгнал Йошта из Чехии.

Развитие событий в Чехии не позволяло Вацлаву IV уделять должное внимание положению в Германии. Здесь главные трудности, препятствовавшие успешному управлению, проистекали из соперничества между городами и дворянством. Немецкие города отличались от итальянских городских республик. Немецкие территориальные князья стремились добиться полного суверенитета для своих земель (*Landeshoheit*) и не любили расположенные на них вольные города: их существование искушало крестьян покидать свои наделы и переселяться под защиту бюргеров. Вацлаву нужны были деньги, чтобы выплатить огромные суммы, обещанные Карлом IV курфюрстам за избрание сына. Опасаясь быть переданными в залог князьям как обеспечение этих платежей, города начали организовывать союзы для защиты своих свобод. Вацлав предпринял несколько попыток провозгласить «земский мир» (*Landfriede*), но после того как в 1388 г. баварские города потерпели поражение от князей*, распус-

* Имеется в виду поражение Швабского, Рейнского союзов и примкнувших к ним городов южной Германии от императора и князей.—Прим. перев.

тил все городские союзы. Тем не менее, «земский мир», заключенный на сейме (рейхстаге) в Хебе (Эгере) (1389), обеспечивал городам равное с дворянством участие в земельных судах. Эгерский рейхстаг, возможно, явился самым памятным событием в деятельности Вацлава в качестве германского императора. Однако его враги в Германии были многочисленны, и недостаток энергии, проявленный Вацлавом в управлении родным королевством, побудил их обвинить его в пренебрежении своими королевскими обязанностями в Германии. Вацлав IV поспешил в Германию и на Нюрнбергском сейме (1398) тщетно попытался обезоружить своих противников, готовивших избрание новым императором курфюрста Рупрехта Пфальцкого. Перемена Вацлавом церковной политики обернула решение против него.

До сих пор Вацлав IV, следуя совету своего покойного отца, преданно поддерживал папу Урбана VI и его преемника Бонифация IX против авиньонского антипапы Климента VII. Верность Вацлава римскому папе повлекла решительные и далеко идущие последствия для его международной политики. Он разорвал союз с Францией, поддерживавшей авиньонского антипапу, и сблизился с английским королем Ричардом II, от которого потребовал признать в качестве истинного папы Урбана VI. Ричард не только согласился на это, но и заключил с ним союз, который должен был скрепить браком с сестрой Вацлава Анной. Брак был заключен в 1382 г., и Вацлаву удалось получить от зятя в качестве субсидии огромную сумму денег.

Однако во время пребывания в Германии после Нюрнбергского сейма Вацлав IV изменил курс и попытался сблизиться с Францией, чтобы способствовать преодолению скандального раскола церкви. Он был на полпути к заключению соглашения с французским королем Карлом VI, которое предусматривало отречение обоих пап, после чего собор должен был избрать нового папу, которого признают и Франция, и Германия. Естественно, это не удовлетворило римского папу Бонифация IX, и он объединился с врагами Вацлава в Германии. С его согласия три духовных курфюрста низложили Вацлава IV и избрали на его место пфальцкого курфюрста Рупрехта (1400). Самым серьезным обвинением, выдвинутым против Вацлава, было то, что он в обмен на огромную сумму денег пожаловал титул герцога миланского Джан Галеаццо ди Висконти — акт, расцененный как попытка расчленить империю².

На этом несчастья Вацлава IV не закончились. Поощряемые врагами Вацлава в Германии, в 1399 г. чешские паны возобновили гра-

жданскую войну. Хотя Вацлаву и удалось вывести своего кузена Йошта из союза панов, пожаловав ему Лужицу, ему пришлось уступить и создать королевский совет в составе главных членов союза. Вацлав был преисполнен решимости взять реванш и обратился за помощью к своему брату Сигизмунду (Жигмонду) Венгерскому, которому он ранее помог в борьбе с венгерскими магнатами. Вацлав вызвал Сигизмунда в Прагу, предложив ему соправление в Чехии, и пригласил сопровождать его в путешествии в Рим, поскольку он решил добиваться коронации как император. Однако Сигизмунд самым постыдным образом обманул брата и заключил его в тюрьму, назначив епископа Яна из Литомышля регентом Чехии (1402).

Королевские города и сторонники Вацлава IV восстали. Выступить против них Сигизмунду помешало восстание, разразившееся в Венгрии. Прежде чем он смог вернуться в Чехию, Вацлаву удалось освободиться из-под стражи в Вене, где он находился у союзника брата, герцога австрийского, и поспешить в Прагу. Поступок Сигизмунда возмутил даже врагов Вацлава, и они решили прекратить все враждебные действия против короля, который, наконец, смог восстановить полную власть над своими землями.

Однако несмотря на соглашение 1403 г. между королем и его бывшими противниками, в стране продолжалась борьба за власть между панами и низшими сословиями, которые всегда сохраняли верность королю. Во время этой долгой борьбы Вацлав IV проявил упорство и решительность. Следует сказать, что он во всех ситуациях поддерживал своих сторонников, платя верностью за верность. Панами не удалось победить, но и Вацлав потерял почти весь свой авторитет. Королевский престиж сильно упал, когда стало очевидно, что сильный человек может заключить короля в тюрьму, хотя бы временно, и узурпировать высшую власть в государстве³.

Борьба за власть, которая сделала такой нестабильной политическую жизнь Чехии, осложнялась различными событиями, происходившими в то же время в ее религиозной жизни. Карл IV был не только мудрым правителем, сознававшим важность добрых отношений между церковью и государством, но и благочестивым христианином, не забывавшим о своих обязанностях поддерживать церковь материально. Он еще умножил многочисленные церковные институты, уже существовавшие в королевстве, и был чрезвычайно щедр в своих пожалованиях, считая это правильной политикой, поскольку церковные земли находятся под властью короны. Примеру Карла

последовало дворянство, а вскоре и бюргеры начали делать вклады в старые и новые церковные институты. Несомненно, то же самое происходило во всех европейских странах, но похоже, что в начале XV в. в Чехии церковь была особенно богата. Об этом свидетельствует неравномерное распределение пахотной земли и лесов среди различных сословий⁴. Шестая часть земель принадлежала короне, две шестые — дворянству и свободному крестьянству, а все остальные являлись собственностью епископов, капитулов, городского и сельского духовенства и религиозных общин.

При таком положении дел церковная должность рассматривалась как лучшее и надежнейшее средство к существованию, и многие дворянские семьи стремились обеспечить своим сыновьям, часто еще в детском возрасте, одну или несколько высших церковных должностей. Фискальная политика, проводившаяся папой Иоанном XXII, делала это возможным через различные финансовые соглашения с курией. Многие должности давались мирянам за службу, которую они несли королю, а также иностранцам, которые часто даже не жили в стране.

Все это вело к упадку нравов в среде духовенства. Богатые пожертвования порождали роскошь и суетность. Вскоре, однако, стало не хватать приходов для все растущего числа священников. Многие из них нанимали в качестве викариев богатые пребендарии, которые, не будучи посвящены, не могли выполнять священнические обязанности. Многие же не могли найти и такой скромной должности и странствовали, ища работу, от прихода к приходу, вынужденные браться за занятия, унижающие их пастырское достоинство. Такое неравномерное распределение церковных богатств порождало сильную горечь среди наименее удачливого низшего духовенства, недовольного также и теми огромными суммами, которые приходилось отсылать курии. В правление Вацлава IV ситуация быстро ухудшалась, поскольку король был настроен не так благочестиво, как его отец, и не обеспечивал церковь новыми вкладами.

Упадок морального уровня комфортно устроившегося клира начался уже при Карле IV. Император был хорошо осведомлен об условиях жизни духовенства и поддерживал двух энтузиастов-реформаторов, австрийца Конрада Вальдгаузера и чеха Милича из Кромержижа. Наиболее опасными противниками обоих были францисканцы, жившие по большей части в немецких городах. Они завидовали успеху реформаторов среди верующих, а особенно им не нрави-

лись обвинения в отказе от обета бедности, столь дорогого основателю их ордена. Милич придерживался экзальтированных взглядов относительно неминуемого пришествия, вследствие всеобщего порочения нравов, Антихриста, а потому был обвинен в ереси и умер в Авиньоне (1374), куда отправился отстаивать свои представления⁵.

Особенно многочисленны были ученики Милича; несмотря на преследования врагов, они продолжали реформаторскую деятельность в Чехии. Архиепископы Арношт из Пардубиц и Ян Очко из Влашима также пытались остановить моральное разложение духовенства, созывая синоды, на которые приглашались реформистские проповедники. Продолжалось это и при архиепископе Яне из Йенштейна. И другие участники *devotio moderna* («современного благочестия») в Чехии — магистр Адальберт Ранконис (Войтех Ранкув из Йежева), хорошо известный в Париже и Оксфорде, магистр Матвей из Янова, дворянин Томаш Штитный — активно участвовали в реформационном движении и в своих сочинениях и проповедях пропагандировали его идеи. Деятельность реформаторов находила многочисленных и рьяных последователей, а особенно живой отклик она имела среди бюргеров и низших городских слоев. Движение росло, особенно после того, как богатый торговец Кржиж основал особую часовню — Вифлеемскую — для ведения реформационных проповедей на чешском языке. Призыв к реформе стал мощным движением, пронизывающим всю общественную и религиозную жизнь столицы, когда, сменив Стефана из Колина⁶, проповедником в новом храме был назначен его ученик, молодой священник Ян Гус, представитель младшего поколения реформаторов.

Ян Гус родился в местечке Гусинец в южной Чехии в 1371 г. По его признанию, он хотел стать священником, чтобы жить более обеспеченной жизнью. Учился в Пражском университете, претерпевая все невзгоды жизни бедного студента. В 1393 г. стал бакалавром свободных искусств, а в 1396 г. получил степень магистра. С 1398 г. читал лекции на факультете свободных искусств, в 1400 г. принял священство. В 1401 г. стал деканом философского факультета, возможно (хотя это и не точные данные), в 1402 г., в соответствии с обычаями того времени, в течение полугода исполнял обязанности ректора университета. Одновременно начал деятельность проповедника в церкви св. Михаила в Старом городе и имел такой успех, что в 1402 г. был назначен проповедником в новой Вифлеемской часовне. Возможно, в это же время в нем произошел внутренний сдвиг. Как

он неоднократно признавал, понимание Священного Писания открыло ему глаза, и он стал чрезвычайно серьезно относиться к своим священническим обязанностям, посвящая все силы спасению душ⁷.

Должно быть, он был очень талантливым оратором, поскольку успех имел выдающийся. Верующих привлекало не только ораторское искусство его проповедей, но и примерная священническая жизнь. Ян Гус был целиком предан своему призванию, довольствовался скромным жалованием проповедника, целомудрен, озабочен только духовным ростом своих слушателей и искоренением злоупотреблений, пятнающих непорочные одежды церкви. Не только бюргеры и простой народ прислушивались к его страстным обличениям упадка нравов в обществе и, особенно, среди священства, но и церковные власти также, казалось, благосклонно относились к его деятельности. Новый архиепископ Збынек из Газенбурга, назначенный в 1403 г., одобрил его реформистское рвение и настоял, чтобы он, устно или письменно, осудил перед церковными властями все злоупотребления в управлении церковью, о которых ему станет известно. Гус стал членом назначенной архиепископом комиссии по изучению чуда с кровоточащими облатками в Вильснаке, и по его совету архиепископ объявил «чудо» ложным и запретил туда паломничество. Дважды, в 1405 и 1407 гг., Гус приглашался архиепископом проповедовать о реформах церкви на съездах духовенства. Король Вацлав IV также, кажется, одобрял его деятельность реформатора, возможно, под влиянием королевы Софьи, оказавшейся в числе почитательниц Гуса⁸.

Естественно, деятельность Гуса встречала и суровую оппозицию со стороны богатых пребендариев, обвинявших его в преувеличении злоупотреблений и унижении достоинства священников в глазах простого народа. Но несмотря на это, Гус так и кончил бы свою карьеру ревностным вождем *devotio moderna* в Чехии, если бы не попал под обаяние другого известного реформатора, который в своей критике беспорядков в церкви пошел еще дальше — до критики церковной доктрины, — Джона Уиклифа.

Чешские члены философского факультета интересовались философскими сочинениями знаменитого англичанина и предпочитали его реализм, учивший, что универсалии имеют более «реальное» существование, чем вещи, номинализму, учившему, что универсалии являются только именами. Они приняли его с тем большей готовностью, что номинализм был официальной философией немецких профессоров университета, всегда составлявших подавляющее большин-

ство — три «нации» против одной чешской «нации», имевшей только один голос. Гус также читал философские сочинения Уиклифа, но его больше привлекали реформаторские идеи англичанина и та смелость, с которой тот критиковал злоупотребления церкви, еще усилившиеся с «великим расколом» западной церкви. В искреннем стремлении к церковной реформе Уиклиф, однако, пошел слишком далеко, требуя абсолютной бедности церкви, богатства которой должны быть переданы государству. Заостряя идеи Блаженного Августина о предопределении, он считал церковь невидимым сообществом, состоящим из душ, предопределенных к спасению. Естественно, такое сообщество, главой которого является лишь Христос, не нуждается в папстве, якобы учрежденном Антихристом. Уиклиф отрицал все церковные установления, породившие критиковавшиеся им злоупотребления, — почитание святых и мощей, celibat, церковную иерархию, монархизм, и объявил Библию единственным источником веры. Многие из его идей были восприняты реформаторами XVI в. Хотя его доктрины вызвали сильную оппозицию в Англии, он умер мирно в своем приходе в Латтеруорте в 1384 г. Лишь после его смерти 24 статьи, извлеченные из его сочинений, были осуждены лондонским синодом. Труды Уиклифа стали известны в Чехии около 1398 г. благодаря чешским студентам, учившимся в Оксфорде. Связи между Чехией и Англией были весьма близкими благодаря браку сестры Вацлава IV Анны с английским королем Ричардом II⁹. Очевидно, Иероним Пражский, молодой друг Яна Гуса, завез в Чехию наиболее смелые богословские трактаты Уиклифа. Их увлеченно читали и изучали чешские профессора. Среди наиболее восторженных последователей учения Уиклифа в Чехии были магистры Станислав из Знойма, Стефан из Палеча и Якоубек (Якоб Малый) из Стржибра (Миса). Во всех сочинениях Гуса, и латинских, и чешских, содержатся обширные цитаты из трудов Уиклифа, хотя он и был далек от принятия всех его идей. Например, представления Уиклифа о пресуществлении, а именно, что после освящения хлеба и вина сущности обоих остаются в евхаристии, никогда не разделялись Гусом, хотя и были приняты некоторыми из его более радикальных друзей. Гуса более привлекал призыв Уиклифа к реформе церкви и жизни клира, и он принимал только идеи, близкие своим, хотя они и не могли быть, даже в формулировках Гуса, истолкованы в соответствии с учением церкви¹⁰.

Первое наступление на чешских профессоров, распространителей учения Дж. Уиклифа, было осуществлено Пражским университетом

в 1403 г. под руководством немецких членов университета. Составляя три господствующие «нации» в университете, они осудили, тремя голосами против одного, двадцать четыре статьи из трудов Уиклифа, уже осужденные лондонским синодом, добавив к ним еще двадцать одну статью. Был наложен запрет на учение и распространение этих статей. Станислав из Знойма опубликовал трактат в их защиту, особенно относящихся к таинствам, но, будучи осужден Краковским университетом, принял решение отречься.

Обвинения, однако, не прекратились и были направлены также против архиепископа и короля, которые, якобы медлили бороться с ересью. Впервые было упомянуто и имя Гуса вместе с именами его друзей. По предложению папы римского архиепископ как канцлер университета созвал собрание чешской «нации» и попросил ее членов осудить сорок пять статей, уже осужденных в 1403 г. Резолюция, принятая чешской «нацией», смягчила осуждение, запретив учение названных статей только в том значении, которое может дать повод скандалу или ереси. Были приняты и другие меры, и Станиславу из Знойма и Стефану из Палеча было предложено явиться в Рим. По дороге они были арестованы и освобождены лишь в Чехии после неоднократных вмешательств короля. Архиепископ приостановил деятельность нескольких подозреваемых проповедников. Гус чрезвычайно страстно протестовал против этой меры и в итоге потерял доверие архиепископа.

Вскоре ситуацию обострили международные осложнения. Чтобы положить конец скандальному «великому расколу», большинство кардиналов покинули обоих соперничающих пап — Григория XII в Риме и Бенедикта XIII в Авиньоне — и собрали собор в Пизе для выборов нового папы. Как было упомянуто выше, римский папа поддерживал немецкого короля Рупрехта и даже одобрил низложение Вацлава IV курфюрстами. Чтобы добиться поддержки Вацлава, кардиналы обещали признать его законным королем Германии, если он прекратит повиновение римскому папе и признает папу, избранного собором. Вацлав, никогда не оставлявший надежды взять верх над Рупрехтом, с готовностью принял предложение, однако встретил жесткую оппозицию в лице архиепископа и немецких профессоров университета. Чтобы официально провозгласить нейтралитет своей страны в распре двух пап, Вацлаву требовалась, по крайней мере, благоприятная декларация университета, а ее готова была дать только чешская «нация». Поэтому по рекомендации Микулаша из Лобко-

виц, своего главного советника, Вацлав решил изменить устав университета и, якобы по образцу устава Парижского университета, дать чешской «нации» три голоса, а остальным — только один. Это провозглашалось в знаменитом Кутнагорском указе короля 18 января 1409 г., вызвавшем великое возмущение немецких преподавателей и студентов. Когда король отверг всякий компромисс и просто утвердил назначение чешского ректора и декана, немецкие преподаватели и студенты покинули Прагу. Всех их насчитывалось около тысячи человек, но вместе с различными слугами и подчиненными лицами могло быть до 3—5 тысяч. Некоторые из них направились в Лейпциг, где основали новый университет, другие — в университеты Гейдельберга, Вены, Кельна, Эрфурта, повсюду распространяя слухи, что Чехия полна еретиков.

Так Пражский университет потерял свой международный характер и перестал быть центром учености всей империи. Конечно, растущее число университетов в Германии все равно привело бы к тому же в близком будущем, но и потеряв международное значение, Пражский университет мог бы поддерживать связи с другими научными центрами. Теперь же, поскольку его профессора одобряли учения, повсюду считавшиеся еретическими, детище Карла IV становилось все более узко национальным и изолированным от остального ученого мира.

Вацлав IV получил искомый голос университета и признал избранным собором в Пизе папу Александра V. Однако тот не был признан повсеместно, и некоторое время христианский мир наслаждался скандальным соперничеством трех пап, борющихся за признание. Пражский архиепископ поддержал Вацлава, только когда тот угрожал конфисковать всю собственность непокорного духовенства.

Ян Гус и его друзья, способствовавшие возникновению этой ситуации, вскоре обнаружили, что их положение существенно ухудшилось. Новые обвинения были выдвинуты против Гуса, ставшего теперь вождем уиклифитов. Он был избран первым ректором университета после отъезда немцев и имел поддержку университета и чешского народа. Архиепископ предложил Гусу явиться к чешскому инквизитору и осудил его перед курией. Папа повелел принять решительные меры, чтобы прекратить распространение учения Уиклифа, и разрешил проповеди только в приходских церквях (1410). Эта мера, обнародованная архиепископом, была направлена против пропо-

ведей Гуса в Вифлеемской часовне. Гус пренебрег приказом архиепископа и апеллировал к новому папе Иоанну XXIII.

Архиепископ, однако, был преисполнен решимости разбить партию уиклифитов; Гус и его сторонники получили новый вызов. Учение Уиклифа опять было осуждено, и около двухсот манускриптов с сочинениями английского реформатора по философии и богословию были публично сожжены во дворе суда епископского дворца. Этот поспешный акт был резко осужден университетом. Несмотря на возбуждение, которое вызвал этот инцидент, Збынек за неповиновение отлучил Гуса и его последователей от церкви. Гус протестовал и апеллировал к Иоанну XXIII. Поддерживаемый большинством простого люда, он продолжал проповедовать и преподавать в университете. Король, королева, ряд известных бюргеров отправляли в Рим петиции в его защиту, Гус же слал туда друзей в качестве своих представителей.

Переговоры оказались безрезультатны. В марте 1411 г. отлучение Гуса было подтверждено, а его заступникам и советникам пригрозили таким же наказанием. Короля стало раздражать обвинение, что в его землях угнездилась ересь. Архиепископ наложил на Прагу интердикт, против чего король вознамерился употребить силу, но новый и еще более острый конфликт не разразился только благодаря неожиданной смерти Збынека на пути в Венгрию, где он хотел искать защиты у короля Сигизмунда.

Оставалась еще некоторая надежда, что конфликт разрешится миром, поскольку новый архиепископ — королевский врач немец Альбик из Уничова был настроен более миролюбиво, чем его предшественник. Даже в Риме ситуация для Гуса казалась более благоприятной, но тут был объявлен новый интердикт, разрушивший все надежды и доведший конфликт до высшей точки. Иоанн XXIII отлучил от церкви неаполитанского короля Владислава, отказавшегося признать его и угрожавшего папе военной силой. Папа объявил против Неаполя крестовый поход и обещал отпущение грехов всякому, кто жертвует, в соответствии со своими средствами, на это предприятие.

Папские буллы были торжественно обнародованы в Праге особым легатом. Гус немедленно обрушился на буллы и на манеру, в которой проповедники рекомендовали покупать индульгенции, и поставил вопрос об индульгенциях перед университетским собранием. Здесь, однако, он встретил решительных оппонентов в лице своих прежних друзей Станислава из Знойма и Стефана из Палеча, поки-

нувших партию уиклифитов, и других преподавателей богословского факультета. Разразились беспорядки, грозившие сорвать торговлю индульгенциями. Король, поддерживавший Иоанна XXIII, запретил противодействовать продавцам индульгенций и пригрозил смертной казнью всякому, кто будет вмешиваться в их деятельность. Трое молодых людей, устроивших демонстрацию против индульгенций, были арестованы и казнены.

Это было поспешным актом, лишь подлившим масла в огонь. Начались волнения простого люда, тела несчастных молодых людей были принесены в Вифлеемскую часовню и похоронены Гусом, объявившим их святыми мучениками. В Праге и во всей Чехии нарастали волнения, и король тщетно пытался достичь примирения между друзьями Гуса и партией теологов. Думая, что время поможет залечить раны, он посоветовал Гусу на время покинуть Прагу. Его оппонентам также было велено удалиться.

Из-за оппозиции индульгенциям положение Гуса в Риме, конечно, ухудшилось, хотя папа за это время примирился с Владиславом Неаполитанским и нужда в крестовом походе отпала. Летом 1412 г. Гус вновь был отлучен от церкви, поскольку он не явился перед курией. Чтобы избежать упрека в крайнем неповиновении, Гус апеллировал к Христу как к высшему судье, надеясь, что вмешательство короля и архиепископа облегчит приговор. Однако это была напрасная надежда. Гус потерял поддержку короля из-за своего недипломатичного поведения во время полемики об индульгенциях. Чтобы избежать наложения на Прагу интердикта из-за его пребывания там, он на некоторое время оставил город, предоставив друзьям искать примирения с королем и умиротворения оппонентов. Умиротворения не произошло, и рассерженный король приказал главным оппонентам Гуса также покинуть Прагу.

Гус удалился в замок Козийградек в южной Чехии, принадлежавший одному из его сторонников, а позднее — в замок Краковец около Праги. Там он посвятил себя написанию латинских и чешских трудов, включая главный — *De ecclesia* (*О церкви*), а также проповеднической деятельности среди крестьян. Время от времени он появлялся в Праге и проповедовал. Уже после смерти Гуса воспоминания о его пребывании в южной Чехии, несомненно, способствовали распространению там гуситского движения.

Новый этап в деле Гуса начался, когда король Сигизмунд добился согласия папы Иоанна XXIII на созыв вселенского собора в Кон-

станции. При этом Сигизмунд действовал в новой роли — как германский король: в 1410 г. антикороль Рупрехт умер, и немецкие курфюрсты, как должно, поделили голоса между двумя представителями дома Люксембургов, венгерским королем Жигмондом (Сигизмундом) и его кузеном Йоштом, однако последний вскоре тоже умер, и Сигизмунд пришел к соглашению со своим братом Вацлавом IV о том, что тот отказывается от титула германского короля, претендуя лишь на титул императора Священной Римской империи (его он, однако, никогда не получил).

Собор, ожидалось, не только прекратит раскол церкви, низложив обоих противников Иоанна XXIII (который и сам обещал отречься), но и покончит с полемикой по делу Гуса и уиклифитского движения в Чехии. Сигизмунд был готов дать Гусу охранную грамоту для проезда в Констанц и обратно, и последний согласился с этой идеей, полагая, достаточно наивно, что он сможет защитить свое учение на публичных слушаниях в присутствии отцов собора. Гуса сопровождало несколько доверенных друзей — чешских дворян. Сердечный прием, который он встретил в немецких городах по дороге, особенно в Нюрнберге, внушил Гусу ложное впечатление, что в Констанце также все будет благополучно, и тут он сделал первую ошибку. Вместо того чтобы поехать в Шпейер на встречу с Сигизмундом, он решил отправить туда одного из своих друзей-дворян, чтобы тот получил для него обещанную королем охранную грамоту, а самому ехать прямо в Констанц. Если бы он появился там в сопровождении Сигизмунда, это уберегло бы его от многих неприятностей. Прибыв в Констанц, где он встретил теплый прием со стороны простого люда, Гус совершил новую ошибку. Будучи все еще отлучен от церкви, он продолжал служить мессу и проповедовать перед своими друзьями. По наущению своих главных обвинителей — литомышльского епископа Яна Железного, Михаила де Каузиса и Стефана из Палеча — Гус был арестован и заточен в доминиканском монастыре. Благодаря заступничеству друзей он получил возможность писать письма и готовить свою защиту.

Когда Сигизмунд накануне Рождества 1414 г. появился в Констанце и узнал о заключении Яна Гуса, он пришел в ярость, но собор, желая продемонстрировать свое верховенство не только над папой, но и над германским королем, отказался освободить его. Сигизмунд пожертвовал Гусом во имя достижения добрых отношений с отцами собора. Положение Гуса ухудшилось, когда Иоанн XXIII, бежав из Констанца, отказался от своего намерения отречься. Гус был

передан под надзор епископа констанцкого и, закованный в цепи, брошен в холодное подземелье замка Готтлибен, куда был вскоре помещен и захваченный в плен Иоанн XXIII.

Тем временем специальная комиссия рассматривала сочинения Гуса, отмечая сомнительные или ошибочные положения. Прежде всего, были вновь осуждены доктрины Уиклифа, затем три слушания были посвящены Гусу. Он не всегда был тактичен в ответах и разочаровался в своих наивных ожиданиях, что ему дадут возможность подробно изложить свои взгляды и будут доказывать их ошибочность только ссылками на Священное Писание. В выдвинутых против него обвинениях было много путаницы, и он все время протестовал, что обвинения в ошибках несправедливы. На самом деле, уже одного тезиса было достаточно для его противников, чтобы осудить Гуса как выразителя взглядов, губительных для церкви и общества: что папа или епископ, обретающиеся в смертном грехе, не являются истинными папой и епископом. Когда же он приложил этот принцип и к светской власти, слышавший его Сигизмунд спокойно ответил: «Ян Гус, всякий есть грешник»¹¹.

Трудно избежать впечатления, что в отсутствие папы отцы собора стремились показать свою озабоченность чистотой католической веры и нуждались в осуждении каких-либо еретических доктрин. В этом может лежать причина того, что суд над Гусом был так ускорен. Вместе с тем, есть значительное количество свидетельств того, что многие отцы собора предпочли бы получить публичное отречение Гуса, но не осуждать его. Ему предлагались различные формы отречения, но он отверг даже самую мягкую, кардинала Остии, заявив, что он не может дать ложное показание, отказываясь от доктрин, которых он не придерживается, или отрицая истины, в которые он верит, и воззвал к Христову суду. В конце концов Гус был осужден как еретик, и Сигизмунд, забыв о своей охранной грамоте, повелел сжечь его на костре (6 июля 1415 г.)¹².

Это была огромная ошибка. Сигизмунду следовало отослать его к Вацлаву IV, который несомненно нашел бы более мягкое решение. Петиция собору от многих чешских дворян в защиту Гуса должна была показать Сигизмунду, что в королевстве, которое он надеялся унаследовать после своего бездетного брата, его ждет сильная оппозиция.

Трудно составить окончательное суждение о Гусе. Если он и заблуждался, то впал в заблуждение из-за своего страстного желания

реформы церкви: рвение заставило его переступить черту. В нем было тайное желание пострадать и умереть за свои убеждения, несколько раз выражавшееся им в последние годы жизни. Гус предстает чрезвычайно гордым своим высоконравственным поведением, а восхищение и преданность верных последователей делали его слепым относительно последствий, к которым может привести крайность некоторых его взглядов и пунктов учения. Самыми опасными были суждения Гуса о церкви и папской власти, как они интерпретировались его оппонентами. Из тридцати статей, извлеченных из сочинений Гуса и считавшихся еретическими, тринадцать касаются папской власти. Правда, в этом отношении Гус только адаптировал некоторые положения Уиклифа о церкви как об общине верующих, предопределенных к спасению. На ранних этапах своей полемики с антиреформаторами Гус толковал этот тезис таким образом, что он мог быть примирен с официальной католической доктриной. Однако высшим главой церкви на земле он считал не папу, спасение которого не предопределено наверное, а Христа. Эти взгляды, хотя и инспирированные главным образом прискорбным положением в церкви, где было два или три папы, мало что делавшие для реформы ее и клира, бросали очень опасный вызов папской власти, в том числе законодательной.

Неясно, насколько сам Гус верил во все те идеи, что были извлечены из его сочинений, часто независимо от их контекста: ведь он постоянно протестовал, что его обвиняют несправедливо. Средневековые богословы часто заходили очень далеко, излагая свои взгляды в ходе академических диспутов¹³.

Гуса часто считают предшественником Лютера. В его учении есть некоторые пункты, напоминающие те, которые позднее развивались протестантами: акцент на авторитете Библии, проповеди слова Божия, ограничение священнической власти и др., но эти сближения являются поверхностными. На самом деле Ян Гус был средневековым католическим священником со всеми характерными особенностями того времени¹⁴. Никогда в его намерения не входило основать новую церковь, и он всегда считал себя верным сыном церкви. Он хотел умереть верным католиком и был чрезвычайно утешен тем, что ему был предоставлен исповедник, давший ему безусловное отпущение грехов. В его поведении есть так много якобы отягчающих обстоятельств, а в действиях его противников столь многое вызывает вопросы, что лучше всего оставить конечное суждение о Яне Гусе Христу, которого он любил и к которому взывал.

Трагическая смерть Яна Гуса на костре вызвала в Чехии волну возмущения. Петр из Младеновиц, описавший суд над Гусом и его трагическую судьбу, слышал обращение Сигизмунда к отцам собора не отпускать Гуса живым в Чехию, и потому взрыв негодования был направлен преимущественно против вероломного короля. Чешский сейм направил собору резкое письмо протеста, в котором защищает память о Гусе — «безупречно нравственном и с незапятнанной славой». Была организована лига в защиту свободы проповеди и как вызов интердикту, вновь наложенному на Прагу. Пражский университет был признан высшим судьей по доктринальным вопросам в Чехии. 452 дворянина, возглавляемые Ченекон из Вартемберка, подписали декларацию лиги. Католическая лига, возглавляемая Яном Железным (епископом литомышльским), имела мало успеха.

Казнь друга Гуса Иеронима Пражского в мае 1416 г. после его осуждения Констанцским собором подлила масла в огонь восстания, начавшегося в Праге¹⁵. Собор призвал членов лиги явиться на его трибунал. Этот призыв и интердикт были проигнорированы, и вскоре большая часть пражских церквей оказалась в руках у священников-гуситов. Наиболее яркой отличительной чертой новой религиозной деноминации было разрешение причащать мирян под обоими видами. Это не было идеей Гуса, и до сих пор неясно, как эта идея проникла в Чехию, но именно Якоубек (Якоб Малый, Jacobellus) из Стржибра, радикальный последователь Гуса, предложил тому ввести это установление. Гус никогда не был в восторге от этой инновации и даже когда, наконец, в письме из Констанца согласился с ней, то считал только полезной с точки зрения большего благочестия, но отнюдь не необходимой для спасения, как учили некоторые из его более радикальных последователей. Так получилось, что вскоре последователей Гуса католики стали называть утравкистами (чашниками), поскольку они принимали святое причастие под обоими видами (*sub utraque speciae*) — хлебом и вином из чаши¹⁶.

Примечательно большое количество чешских дворян, открыто выразивших свои прогуситские чувства. Ясно, что призыв Гуса и его друзей к светским властям помочь в деле реформы церкви был с готовностью воспринят в Чехии. Реформаторы-гуситы не удовлетворялись неопределенными призывами к индивидуальной реформе, которыми ограничивались их предшественники. Развитию движения, несомненно, способствовали также социальные и экономические причины. Низшая шляхта часто страдала оттого, что небольшие рыцарские имения были окружены латифундиями богатых церковных

собственников или панов, с продукцией которых они не могли конкурировать, и с готовностью слушала реформаторов, осуждавших церковную собственность, рассчитывая таким образом присоединить часть церковной земли к своим владениям. Это, в частности, объясняет, почему так много умелых воинов из числа рыцарей присоединилось к гуситским армиям.

Рассматривая все еретические взгляды, приписывавшиеся Яну Гусу, удивляешься, как умеренны те доктринальные «ошибки», которых открыто продолжали придерживаться гуситы после его смерти. Об этом свидетельствуют попытки умеренных гуситов и Вацлава IV прийти к соглашению с церковью в 1415 г. Архиепископ был склонен к этому, но собор вновь наложил на Прагу интердикт, который тот снял. Вследствие этого ректор университета Ян Кардинал сделал архиепископу новые уступки в отношении его власти и церковной собственности, настаивая только на утравизме, но собор был непреклонен и отстранил от дела университет. Только тогда, в 1417 г., программа, выработанная гуситской лигой в 1415 г., была полностью претворена в жизнь и было решено, что гусизм должен утвердиться повсюду.

Не только консерваторы устанавливали свою преемственность с Гусом. В Праге было сообщество радикальных реформаторов, проповедь которых шла гораздо дальше Гуса. Они группировались вокруг двух немцев, Николая и Петра, изгнанных из Дрездена за еретические взгляды. Их хорошо встретили в Праге, и они начали проповедовать в «Черной Розе». Их доктрина была не столько уиклифитская, сколько вальденская. В своем радикализме они отрицали чистилище, молитвы за умерших, почитание святых, смертную казнь и владение имуществом, требуя абсолютной бедности церкви и права проповедовать слово Божие всякому, даже женщине. Все эти представления были распространены среди вальденсов. Эти два немца оказали огромное влияние на молодого друга Гуса Якоубека из Стржибра, являвшегося, кроме того, большим почитателем Матвея из Янова. Он следовал Николаю и Петру во многих отношениях, отрицая всю излишнюю ученость, проповедуя простоту церковного убранства, выступая против почитания святых, их статуй и мощей, но все это с меньшим радикализмом, чем его немецкие друзья. Другим радикалом был священник Ян Желивский, имевший огромное влияние на пражан. Эти же радикальные идеи пропагандировались в разных частях Чехии и Моравии странствующими проповедниками.

ми, причем особенно живой отклик они находили в южной Чехии, где еще сохранялись остатки вальденсов, известных там в XIII—XIV вв. Другой важный центр радикализма появился в городке Усти. Он получил название Табор и вскоре стал оплотом радикальных гуситов.

Радикализм этот не одобрялся консервативным крылом гуситов и университетом, неоднократно призывавшими радикалов к сдержанности. Нечто вроде соглашения было заключено между консерваторами и радикалами во главе с Якоубеком на синоде в Праге в сентябре 1418 г. Впервые в двадцати трех статьях были сформулированы религиозные принципы уtrakвизма. В них должное внимание уделено радикальному учению Якоубека, но исключены все вальденские доктрины. Основные принципы католицизма были провозглашены действительными, но таким образом, что радикалы не обязаны были вводить католические установления, против которых они возражали¹⁷.

Тем временем католики были воодушевлены событиями в Констанции. Сигизмунд наконец достиг своих целей. Был избран новый папа, Мартин V, признанный всем западным христианством. Церковная же реформа, вторая цель, с которой был созван собор, не была осуществлена. Стремясь ограничить власть собора, претендовавшего быть выше папы, Мартин V распустил его. Тем не менее, он подтвердил все соборные декреты против Уиклифа и Гуса и поощрил Сигизмунда к принятию решительных мер против чешских еретиков.

Это придало смелости чешским католикам и спровоцировало инцидент, которому суждено было стать роковым. Вацлав IV, встревоженный тем, что его королевство считается еретическим, издал декрет, отдававший уtrakвистам только три церкви в Праге. Те собрали массовый митинг протеста, и когда процессия во главе с народным вождем священником Яном Желивским, несшим дароносицу, проходила мимо ратуши Нового города, из окон в нее полетели камни. В ярости простой люд ворвался в ратушу и выбросил всех членов городского совета из окна на улицу, где они были убиты. Когда Вацлав IV узнал об этом случае, с ним случился удар и он умер (16 августа 1419 г.).

Для Чехии было большим несчастьем, что в один из наиболее критических моментов ее истории во главе государства оказался столь слабый король. Его советники, избранные из фаворитов и выскочек, еще ухудшили ситуацию своей некомпетентностью, а пере-

менчивый нрав короля делал твердое управление невозможным. Сомнительно, и что Вацлав IV сознавал серьезность ситуации, которая ухудшалась уже так много лет.

У наследника Вацлава IV Сигизмунда были некоторые ясные идеи, но он был расточителен и даже еще более лишен характера, чем брат. Амбиции побуждали его браться за многие великие проекты, но ему не хватало постоянства, чтобы осуществить их. В момент смерти Вацлава шансы Сигизмунда завоевать на свою сторону чехов были очень малы. Возможно, если бы он мог во главе сильной армии вторгнуться в Чехию вскоре после кончины брата, то сумел бы навязать свою власть прежде, чем оппозиция стала организованной, но в тот момент он пытался удержать часть из того, на что притязала Венгрия на Балканах. Во время регентства королевы Софьи, а затем Ченека из Вартемберка прочного правительства в Праге не было; в городах католики и гуситы воевали друг с другом.

Чешское дворянство поначалу не подвергало сомнению право Сигизмунда наследовать престол, но оно потребовало от него разрешения утраквизма, отмены симонии, реформы клира и исключения духовенства из светских должностей, свободы университета, воздания почестей памяти Яна Гуса и Иеронима Пражского, а также выдвинуло условия политического характера. Сигизмунд дал уклончивые ответы делегатам сейма, но из всего его прежнего поведения было ясно, что он далеко не расположен подписаться под требования-ми утраквистов.

Оппозиция правлению Сигизмунда в Чехии возникла в среде более радикальных элементов гусизма, центром которых был Табор. К счастью для них, в решительный момент среди них оказались способный государственный деятель, Микулаш из Гуси, и, что еще более важно, блестящий военачальник, Ян Жижка из Троцнова¹⁸, выходец из мелкого дворянства южной Чехии. Ян Жижка занимал пост при дворе королевы, был очень религиозен и большой почитатель Яна Гуса. Получив от университета положительный ответ на свой вопрос о разрешении использовать оружие против насилия и преследования, Жижка начал готовить сопротивление Сигизмунду. Сначала он собрал свои небольшие силы в городе Пльзень, но здесь численно преобладали сторонники короля. Тогда он изменил план и выбрал центром укрепленный им Табор. Вскоре тот был наводнен радикальными гуситами. Сторонники короля хотели подавить этот опасный очаг сопротивления в зародыше и атаковали Жижку в Су-

домерже. Здесь он впервые проявил свой военный талант, применив систему вагенбурга — укрепления из повозок, которое можно было использовать как мобильную крепость и которое защищало воинов на марше. Его новая тактика оказалась сокрушительной для врагов.

Тем временем Сигизмунд показал свои истинные чувства в отношении гуситов: сжег жителя Праги за гуситские убеждения и призвал всех христиан к крестовому походу против еретической Чехии. Армии крестоносцев начали наступление против Праги в июне 1420 г. Общая опасность сплотила консервативных и радикальных гуситов, и вновь благодаря военному таланту Жижки крестоносцам было нанесено сокрушительное поражение около Праги на горе, которая с тех пор носит его имя. Сигизмунд, поторопившийся короноваться как чешский король в соборе св. Вита, был вынужден поспешно отступить.

Сотрудничество между двумя фракциями движения привело к опубликованию «Четырех Пражских статей» — знаменитой хартии гуситской веры. Первая статья декларировала, что в королевстве всеми священниками должно свободно проповедоваться слово Божье. Вторая требовала причащения под обоими видами. Третья нападала на земные владения священников и монахов, которым следует вести образцовую жизнь. Четвертая требовала, чтобы все смертные грехи, особенно совершенные публично, были наказаны надлежащими властями. Таким образом, между двумя группировками, учение которых было столь различно, было достигнуто некоторое единство.

Это единство было скреплено в том же году новой победой при Вышеграде, когда Сигизмунд попытался прийти на помощь осажденному в крепости гарнизону, но был принужден к позорному бегству. Однако здесь впервые победоносные табориты продемонстрировали иконоборческие тенденции. Королевский замок, гордость Карла IV, был разрушен, из церкви унесены все украшения и ризы, помещения каноников разрушены. Капитуляция Кутной Горы в апреле 1421 г. увенчала победу гуситской армии. Ее дело еще укрепилось благодаря признанию пражским архиепископом (более того, немцем) Конрадом из Вехты «Четырех Пражских статей». В этой обстановке чешский сейм, собравшийся в Чаславе¹⁹, низложил Сигизмунда и избрал совет правителей страны из двадцати членов. «Четыре статьи» были формально объявлены исповеданием Чехии.

Затем гуситы предложили чешскую корону Витовту, брату польского короля Владислава II (Ягайло), и в Чехию был послан племянник короля Корибут*. Однако Сигизмунд ловко расстроил их планы, заключив мир с Витовтом и Владиславом, и, таким образом, лишил чехов поддержки Польши и Литвы. Крестоносные армии Сигизмунда тем временем терпели одно поражение за другим: сначала при Жатце осенью 1421 г., затем при Небовидах и при Немецком Броде в январе 1422 г.

Разногласия среди радикальных таборитов не ослабили военной мощи гуситов. Некоторые экстремисты, отрицавшие реальное присутствие Христа в евхаристии, были сожжены как еретики, а секта адамитов, учивших, что следует поделить все, даже женщин, была изгнана (1421) Жижкой, который, как и его непосредственные последователи, никогда не принимал взглядов крайних таборитов на евхаристию и почитание святых. Таборитов не привела в смятение даже такая огромная потеря, как смерть слепого Яна Жижки (11 октября 1424 г.) — как раз в тот момент, когда он добился нового примирения с Прагой и умеренными утраквистами. Более близкие последователи Жижки отделились от основного ядра и стали называть себя *сифотами*, а командование гуситскими армиями вскоре перешло в умелые руки священника Прокопа Голого.

Новая армия немецких крестоносцев была истреблена гуситами у города Усти в апреле 1427 г., другой поход крестоносцев потерпел позорное поражение при Тахове в августе того же года. В следующем году Прокоп вторгся в Силезию и принудил силезских князей принять свои условия. Когда новые переговоры с Сигизмундом опять оказались сорваны, армии Прокопа вторглись в Германию. Ужасы войны узнали Тюрингия и Саксония, гуситская пропаганда находила опасный отклик среди простых немцев. Было выдвинуто требование созвать новый собор, его огласили гуситы в специальном манифесте, адресованном князьям и народу Германии (1430).

Прежде чем созвать собор, Мартин V объявил новый крестовый поход. В августе 1431 г. самая большая из крестоносных армий вторглась в Чехию, но «Божьи воины» выиграли свою величайшую победу над захватчиками в битве у Домажлиц. Кардинал Джулиано Чезарини, как папский легат сопровождавший крестоносцев, едва спасся,

* Сигизмунд Корибутович, племянник Ягайло, прибывший в Чехию в 1422 г. как наместник Витовта, двоюродного брата Ягайло. — *Прим. перев.*

потеряв в бегстве плащ и папскую буллу. Лишь теперь он убедился, что единственным способом уменьшить гуситскую опасность будет предоставить им слово на вселенском соборе. Несмотря на противодействие нового папы Евгения IV, собор был созван в Базеле в 1431 г., и в Чехию были посланы делегаты с приглашением гуситам присутствовать и обещанием безопасности. В числе чешских делегатов были Прокоп Голый, Ян Рокицана — наиболее выдающийся утраквистский священник — и англичанин-уиклифит, нашедший в Чехии второй дом, — Питер Пейн. Делегация гуситов прибыла в Базель в январе 1433 г. Основой для дискуссии явились «Четыре Пражские статьи» 1420 г., и переговоры были продолжены в Праге.

Тем временем среди гуситов появились разногласия. Табориты и сироты проявляли все растущую враждебность к продолжению переговоров, опасаясь, что примирение с собором приведет к признанию папизма, в то время как умеренные склонялись в пользу переговоров. Они уже устали от долгих разрушительных войн и с недовольством взирали на рост радикализма при отсутствии дисциплины в среде таборитов и сирот. Дворяне, обогатившиеся благодаря конфискации церковных земель, жаждали мира, чтобы восстановить разрушенное хозяйство. Когда табориты напали на центр католиков в Пльзене, утраквисты пошли на союз с католическим меньшинством и почти полностью уничтожили армию радикальных гуситов в битве у Липан (30 мая 1434 г.). Прокоп Голый и его заместитель Прокупек погибли на поле боя вместе с большинством вождей радикального крыла.

Теперь стало возможно продолжить переговоры, и чешская делегация добилась принятия отцами собора расплывчато сформулированных Четырех статей, получивших название Пражские компакты²⁰. За этим последовали признание Сигизмунда чешским королем и молчаливое признание Яна Рокицаны в качестве нового пражского архиепископа.

Чехи вновь наслаждались миром. Однако результаты его едва ли стоили тех жертв, которые принес народ за столь долгие годы. Единственной очевидной уступкой, на которую с неохотой пошел собор, было разрешение причащать мирян из чаши (причем одобрения этого со стороны папы получено не было). С другой стороны, в окружавшем их позднесредневековом обществе чехи вскоре ощутили себя в изоляции: в скором будущем это положение принесло большие неудобства.

Можно удивляться, почему столь яростная революция против средневекового духовного строя началась именно в Чехии, а не в какой-либо другой стране. Фискальная политика Иоанна XXII проницала церковные институты повсюду, не только в Чехии, и повсюду способствовала разложению духовенства. То, что именно в Чехии взрыв оказался столь бурным, следует отнести главным образом за счет религиозных причин. В правление Карла IV Чехия была центром империи, и ни одно духовное движение Европы не миновало Праги и ее университета, единственного в империи. Чешские интеллектуалы видели Кола ди Риенцо, Петрарку и многих других лидеров европейской мысли того времени. До сих пор основным объектом изучения был Ян Гус, центральная фигура чешской Реформации, и возвеличивалась именно его реформационная деятельность. Однако его деятельность никогда не оказалась бы столь значительна, если бы не существовало базиса, заложенного многочисленными приверженцами *devotio moderna* в Чехии. В этих кругах жажда реформ была абсолютно искренна и имела чисто религиозные мотивы. Как мы видели, Милич из Кромержижа даже отправился в Рим, чтобы предложить папе конкретный план реформы всей церкви.

Яростности чешского взрыва сильно способствовали социальные и экономические причины. Но здесь чехи были не единственными, кто так резко протестовал против средневекового социального устройства. Во всей Европе вследствие перехода от прежде доминировавшей аграрной экономики к новой денежной вторая половина XIV в. оказалась критической. Этот переход не обошелся без вспышек насилия. Движение начал Кола ди Риенцо в Италии, затем последовал Этьен Марсель, поднявший ремесленников Парижа против нобилитета, при том что одновременно Гильом Каль вел против господ французских крестьян. Англия пострадала больше, чем Франция: положение там усугубляли потери, понесенные в войне с Францией. Это также объясняет происхождение и популярность в народной среде учения Дж. Уиклифа. Жестокость крестьянского восстания 1381 г. под руководством Уота Тайлера и Джона Болла, а также унижение, которое они принесли Ричарду II, хорошо известны. В Париже в 1411 г. впервые революционной толпой во главе с Кабошем была взята Бастилия — событие, которое можно счесть предзнаменованием Французской революции. В Германии постоянные войны между союзами городов и знатю несли всей стране нестабильность и беспорядки.

Далее, после открытия серебряных рудников Чехия стала богатейшей страной Центральной Европы. Отмеченное выше неравномерное распределение богатств должно было где-то привести к взрыву. В Чехии все осложнялось национальной проблемой. Богатства в основном концентрировались в городах, а бюргеры в своем огромном большинстве были немцами. Чтобы получить ясное представление о растущей враждебности между чешским большинством и немецким меньшинством, богатым и влиятельным непропорционально своей численности, достаточно обратиться к рифмованной Далимиловой хронике, охотно читавшейся и переписывавшейся во время гуситских войн. Те же чувства выражены в латинском трактате *Teutonicis bonum dictamen*.

Для объяснения введения в литургию национального языка следует обратиться к кирилло-мефодиевской традиции, никогда не исчезавшей совсем, хотя литургия на старославянском языке была запрещена в конце XI в. Канонизация Прокопа (1204), основателя сохранявшего славянское богослужение Сазавского монастыря, значительно оживила эту традицию, о чем свидетельствует также появление новых легенд о святых Кирилле и Мефодии, Прокопе, Вацлаве. Карл IV должен был сознавать все это, обращаясь к папе с просьбой разрешить основать несколько монастырей со славянской литургией. Разрешено было основание только одного монастыря, Эммаусского, монахи которого присоединились к утраквистам в разгар их движения. В 1417 г. Якоубек, приказывая ввести национальный язык в литургию, ссылаясь на эту уступку, сделанную Эммаусскому монастырю. Все это следует иметь в виду при объяснении ожесточенности чешского восстания против средневекового религиозного и социального устройства.

Сигизмунд недолго наслаждался признанием себя чешским королем. В следующем году (1437) он умер, и королем был избран его зять, венгерский король Альбрехт Австрийский, но и он, добившись трона в соперничестве с польским королем (сын которого был избран противниками Альбрехта), умер в 1439 г. Младенец-сын Альбрехта, Ладислав Погробек (1439—1457), был признан законным королем, но император Фридрих III Габсбург как опекун держал его вне Чехии. К счастью для страны, конец анархии положил энергичный молодой дворянин Йиржи Подебрад, овладевший Прагой в 1448 г. Став лидером утраквистов, он положил всю свою энергию на достижение примирения с католиками. Избранный верховным правителем стра-

ны, он сокрушил радикальных гуситов, захватив в 1452 г. их оплот — Табор. Удалось ему и доставить юного короля в Прагу. Казалось, открывается новая эра сотрудничества юного короля-католика и вождя гуситов, но тут судьба вновь вмешалась: Ладислав внезапно умер.

Избранный королем (1458—1471), Йиржи Подебрад продолжал политику примирения. Его надежда, что Четыре статьи — одобренные Базельским собором Пражские компактаты — будут приняты папой, не оправдалась. В 1462 г. Пий II отверг их, а его преемник Павел II отлучил Йиржи от церкви и лишил королевства. Йиржи Подебрад энергично защищал свои права против восставших панов и венгерского короля Матвея Корвина (Матьяша Хуньяди) (1458—1490). Последний как борец за осуществление воли папы вторгся в Чехию, рассчитывая самому стать ее королем при поддержке католического населения. Он добился некоторого успеха в Моравии и Силезии, но Йиржи, проявив величайшую доблесть, взял верх. Чтобы добиться помощи Польши, он принес огромную личную жертву: отказался от излюбленного проекта, что один из его сыновей унаследует ему и станет основателем новой чешской национальной династии. Йиржи Подебрад предложил наследование чешского престола Владиславу, сыну польского короля Казимира IV. Увы, он не смог насладиться плодами своей окончательной победы над мятежными панами и венгерским королем, так как в возрасте пятидесяти одного года умер от водянки²¹.

Йиржи Подебрад был одним из лучших чешских королей. Он приложил все усилия, чтобы вывести страну из изоляции, к которой ее привели гуситские войны. Йиржи Подебрад ясно сознавал, что с упадком имперской идеи и падением авторитета папства в годы «великого раскола» в Европе не было централизованной власти, обладавшей достаточным авторитетом и могуществом, чтобы обеспечить мир среди христианских государей и помочь в решении европейских политических проблем. В связи с этим он предложил создать союз монархов во главе с королем Франции. Главными задачами такого союза были бы лидерство в войнах с турками и сохранение мира в Европе. Этот проект, нечто вроде Лиги наций, конечно, был преждевременным, но столь же несомненно, что он заслуживает быть упомянутым как интересная попытка в XV в. реализовать ту же идею, которая занимала столь многих государственных мужей в XX в.*

* В 1964 г. по решению ЮНЕСКО отмечалось 500-летие этого проекта.—
Прим. перев.

В свете последующих событий упорная оппозиция пап «Четырем Пражским статьям» представляется ошибкой. Пражские статьи легко могли быть примирены с католической доктриной. Двумя главными моментами, на которых настаивали уtrakвисты, были богослужение на национальном языке и причащение под обоими видами. Другой ошибкой был отказ Рима посвятить в архиепископы Яна Рокицану, избранного архиепископом Праги. В глубине души уtrakвисты были католиками; если бы им была оказана поддержка, о которой они просили, вполне вероятно, что они смогли бы остановить распространение нового реформационного движения — так называемых Чешских, или Моравских, братьев, продолживших традицию радикального крыла гуситов.

Духовным отцом этого движения был величайший и наиболее оригинальный религиозный мыслитель того времени Петр Хельчицкий (около 1390—1460). Хотя этот простой мелкий землевладелец из южной Чехии был довольно мало образован (он очень недостаточно знал латынь), его литературная деятельность была во всех отношениях замечательна. Его вдохновляли чешские реформаторы — Томаш Штитный, Матвей из Янова, Ян Гус. Пытался он постичь и учения Вальдеса (Пьера Вальдо) и Уиклифа, причем в своей трактовке их доктрин проявил большую оригинальность. Исследуя их в свете Библии и с позиций собственного упрямого рассудка, он пришел к выводам, гораздо более смелым, чем у любого другого средневекового мыслителя. Свои заключения Хельчицкий изложил в многочисленных догматических и полемических трактатах, многие из которых утеряны; его главными литературными и богословскими сочинениями являются *Постилла* (*Postilla*) и *Семь веры* (*Sit' Věry*)²².

В соответствии с главной идеей его сочинений лишь первые христиане вполне осуществили заповеди Христа, изложенные в Евангелиях. Все, что впоследствии было добавлено к учению и установлениям первоначальной церкви, было внушено Антихристом. Поэтому истинный христианин должен в точности следовать Божиим заповедям согласно Библии так, как их понимает его собственный разум, стараясь восстановить простоту первоначальной церкви эпохи апостолов. Ему следует отвергнуть всю церковную традицию, все, что было развито в области литургии, всю церковную иерархию, так как все это есть учение католической церкви, служащей дьяволу. Но это еще не все: истинный христианин должен отвергнуть государственную политическую организацию и все привилегии королей, знати и духовенства. Он не должен подчиняться законам и обращаться в суд,

а сверх того, ему следует отказаться от всякого применения силы, включая войны. В этом отношении Хельчицкий резко отличается от таборитов, защищавших свою веру силой оружия.

Сочинения Хельчицкого содержат проповедь своего рода христианского нигилизма, причем в форме весьма убедительной и заставляющей задуматься. Однако этот радикальный мыслитель избегал делать такие практические выводы из своего учения, которые могли бы разрушить все социальное и религиозное устройство, настаивая, что важнейшей библейской заповедью является непротивление злу. В этом отношении он на несколько столетий опередил русского мыслителя Льва Толстого. Поэтому Хельчицкий настаивал на пассивном приятии всех несправдливостей, выпадающих на долю крестьян,—при всей жесткой критике им этих несправдливостей. Группа преданных и восторженных слушателей проповедей Рокицаны об идеалах первых христиан, которые он читал в церкви Богородицы в пражском Тыне*, вскоре вошла в контакт с Хельчицким и начала читать его сочинения. Их вождем стал племянник Рокицаны брат Григорий (умер в 1474 г.), монах сохранявшего славянскую литургию Эммаусского монастыря в Праге. Таким образом, Рокицана, хотя и против своей воли, оказался в ответе за возникновение нового интересного движения.

В своем восторженном рвении реализовать идеалы первых христиан Григорий и его последователи, называвшие себя Общиной братьев, приняли почти все догматы Хельчицкого, считая, что они соответствуют нормам поведения первых христиан. Сделали они из них и практические заключения: поскольку отрицалась светская власть со всеми ее «языческими обычаями и правами», в первый период существования общины Братьям не разрешалось занимать светских должностей и служить в армии. Община организационно оформилась зимой 1457—1458 гг., когда Рокицана получил для нее позволение короля Йиржи Подебрада поселиться в королевском имении Кунвальд и там исповедовать свою веру. К ним вскоре присоединились «Хельчицкие братья» (близкие последователи религиозного мыслителя) и остатки таборитов и вальденсов²³.

Все это обратило на себя внимание утравкистского духовенства, и вскоре Братьев обвинили в исповедовании еретических учений. Рокицане пришлось вмешаться, и он призвал брата Григория и его последователей отказаться от своих еретических воззрений. Король,

* Купеческое подворье в пражском Старом городе.—Прим. *пфев.*

стремившийся продемонстрировать свое рвение об истинной вере и в результате добиться одобрения папой Пражских компактатов, с 1461 г. начал преследовать Братьев. В 1467 г. Братья, открыто разорвав с уtrakвистами, основали собственную организацию, возглавлявшуюся тремя выборными священниками, получившими посвящение от вальденского епископа. Начались новые преследования, продолжавшиеся до конца правления короля Йиржи. В конце XV в. брату Лукашу удалось примирить различные течения внутри Общины и завершить ее организацию в качестве самостоятельной конфессии. От строгой дисциплины, обязательной в начале существования Братьев, отказались, и те неофиты, которые не могли оставить свои светские занятия, тоже допускались в Общину, причем ее численность значительно выросла.

Желание возродить в церкви практику первоначального христианства является очень характерной чертой чешской Реформации. Оно вело чешских реформаторов к сближению с христианским Востоком, где, как они верили, все еще преобладала жизнь первых христиан. Около 1452 г. уtrakвисты начали переговоры об унии с константинопольской церковью. Послание константинопольской церкви 1452 г. «священникам и князьям Чехии» также выражало надежду на унию с чешскими уtrakвистами. В том же году на него дала ответ уtrakвистская консистория Праги. Падение Константинополя в 1453 г., естественно, положило конец этим переговорам.

То же желание найти церковь, в которой живы традиции первых христиан, побудило Братьев послать эмиссаров в восточные земли на поиски такой церкви или общины. Результаты этих экспедиций неизвестны. Один из эмиссаров, Мартин Кабатник, оставил живое описание своего путешествия «Из Чехии в Иерусалим и в Египет». Его описание Каира и Египта особенно пространно и интересно, но о своем религиозном опыте он говорит очень мало; возможно, об этом он доложил Братьям устно.

Учение Чешских братьев, основанное на идеях Хельчицкого, было гораздо радикальнее и революционнее, чем у уtrakвистов. Таким образом, не уtrakвистская церковь, как часто считают, а именно Община чешских братьев стала предшественницей протестантской Реформации, причем прежде всего ее наиболее суровой и доктринально радикальной ветви — кальвинизма. Когда же доктрины Лютера начали проникать в чешские земли, то из-за противодействия Рима уtrakвистам, которые на самом деле в глубине души были католиками, большинство из них приняло лютеранство²⁴.

Примечания

¹ Брат Карла IV Иоганн Генрих, маркграф Моравии, умер за три года до императора. Йошт наследовал отцу как маркграф, в то время как второй его сын, Прокоп, унаследовал земли в Моравии, а третий сын стал епископом литомышльским, а позднее патриархом аквилейским.

² Лучшей работой о правлении Вацлава IV в Германии до сих пор остается монография Т. Линднера (см. Библ.).

³ Полный перечень источников и литературы о правлении Вацлава IV можно найти в работе Ф. М. Бартоша (F. M. Bartoš) *Čechy v době Husově, 1378—1415* (Praha, 1947; с. 450—458: Чехия в эпоху Гуса). На с. 459—474 автор приводит все известные подробности о советниках Вацлава. Р. Холинка (R. Holinka) написал монографию о церковной политике Яна из Йенштейна во время понтификата Урбана VI: *Cirkevní politika Jana z Jenšteina za pontifikátu Urbana VI*, Praha, 1933.

⁴ Здесь мы следуем оценке, которую приводит Я. Шимах: J. V. Šimák, *Hus a doba před ním*, Praha, 1915, s. 29.

⁵ Уже в 1367 г. Милич из Кромержижа отправился в Рим, чтобы защититься от обвинений, выдвинутых против него его противниками. В 1368 г. он представил папе Урбану V меморандум, в котором подробно изложил свои идеи о настоятельной необходимости реформы церкви, которую следует начать созывом вселенского собора. Наиболее новая чешская монография о Миличе написана О. Одложиликом: О. Odložilík, *Jan Milič z Kroměříže*, Praha, 1924.

⁶ Критическое исследование о деятельности этого пламенного реформатора и чешского патриота опубликовано О. Одложиликом: О. Odložilík, *Štěpán z Kolína*, Praha, 1924 (Husitský archiv, t. I). Там же на с. 46 приведены библиографические указания.

⁷ Пятидесятилетие Яна Гуса было отмечено двумя образцовыми работами: V. Novotný, V. Kybal, *M. Jan Hus, život a učení*, Praha, 1919—1931 (имеется подробная библиография), и J. Sedlák, *Mistr Jan Hus*, Praha, 1915. Важнейшие работы о Гусе по-английски: Count Franz von Lützow, *The Life and Times of Master John Hus*, London, 1909; О. Odložilík, *Wyklif and Bohemia*, Praha, 1937; М. Spinka, *John Hus and the Czech Reform*, Chicago, 1941; работа о Гусе К. Крофты в *Cambridge Medieval History* (vol. VIII, 1936). Важный вклад в английскую историографию Гуса принадлежит Манделу Крейгтону: Mandell Creighton, *History of the Papacy during the Period of the Reformation*, vol. I, London, 1882. См. также Библ.: E. Gullet, A. H. Wratislaw, E. Denis, H. B. Workman, D. S. Schaff, J. Herben (последнее — популярная работа о Гусе).

⁸ Говорят, что на проповеди Гуса ее сопровождал придворный, дворянин Ян Жижка, впоследствии ставший военным вождем гуситов.

⁹ Подробнее см.: O. Odložilík, *Wycliffe's Influence upon Central and Eastern Europe* // *Slavonic Review*, 7 (1929), p. 637—648; Idem, *Wyklif and Bohemia*, Praha, 1937. Ср. также R. R. Retts, *English and Czech Influences on the Hussite Movement* // *Transactions of the Royal Historical Society*, 21 (1939). Влияние Дж. Уиклифа проникло даже в Далмацию: это показал М. Брандт в своей книге о ереси Уиклифа и восстании в Сплите в конце XIV в. (M. Brandt, *Wyclifova hereza i socijalni pokret u Splitu krajem XIV st.*, Zagreb, 1955).

¹⁰ Длинные выдержки из Уиклифа содержатся, в особенности, в труде Гуса *De ecclesia*. Лозерт (J. Loserth, *Hus und Wyclif*, 2. Aufl., Berlin, 1925) объявляет это плагиатом, однако его критический подход чрезмерно суров и несправедлив, поскольку он не учитывает средневековые представления об авторстве.

¹¹ Следует подчеркнуть, однако, что Гус не отрицал за находящимися в смертном грехе права исполнять свои должности. Большая часть обвинений против Гуса основывается на его трактате *De ecclesia*, привезенном в Констанц его противниками. В предшествующих работах Гуса нельзя было найти достаточного материала для его осуждения. Наиболее известными экспертами были французские богословы П. д'Альи и Ж. Жерсон.

¹² Уничтожающую критику поведения собора в отношении Гуса можно прочитать в переводе Леклерка «Истории соборов» Хефеле (Hefele K. J., Leclercq Dom H., *Histoire des Conciles*, v. VII, Paris, 1916, p. 329—337): «Huss etait-il coupable? Devant le supplice qu'on lui infligea et l'attitude qu'il observa, un grand nombre ont été troublés et ont eu peine à admettre que celui-là fût digne d'un pareil traitement qui le subissait avec cette résignation...»*

¹³ В. Новотный и В. Кибаль в своей образцовой работе о Яне Гусе постарались во многих отношениях реабилитировать его. В. Кибаль пришел к заключению, что учение Гуса в большинстве, если не во всех, случаях может быть примирено с католической доктриной, если его рассматривать в свете современных теологических дискуссий и если принять во внимание те чрезвычайные обстоятельства, в которых приходилось творить Гусу и другим реформаторам. Такое представление не совпадает с экспертизой учения Гуса, произведенной ранее двумя специалистами-католиками, Ленцем и Седлаком: A. Lenz, *Učení M. Jana Husi*, Praha, 1875; J. Sedlák, *Mistr Jan Hus*, Praha, 1915. Аргументы Кибалья заслуживают более глубокого изучения; во всяком случае, они доказывают, что говорить о еретическом учении Гуса следует с большими оговорками. Ср. также P. de Vooght, *L'Hérésie de Jan Huss-Hussiana*, Louvain, 1960.

* «Гус виновен? Перед той мукой, которую ему причинили, и тем отношением, которое он наблюдал, большинство было смущено и с трудом допускало, что он заслуживал столь дурного обхождения, которое он претерпел с такой покорностью судьбе».

¹⁴ Об отношении Лютера к Яну Гусу и о месте гусизма в первом этапе Реформации интересные данные собраны А. Краусом в книге о гусизме в современной литературе: A. Kraus, *Husitství v literatuře prvních dvou století svých*, Praha, 1917. Следует отметить, что труд Гуса *De ecclesia* был напечатан в 1520 г. по инициативе Лютера. В ознаменование 500-летия смерти Гуса он был переведен на английский язык Д. С. Шаффом (Нью-Йорк, 1915; новое издание — Томсона, S. H. Thomson, Boulder-Colo, 1956).

¹⁵ Иероним Пражский, более гуманист, чем реформатор, был другом Поджо Браччолини, который описал его характер и выразил свое восхищение мужеством и достоинством, с которыми его друг принял смерть на костре.

¹⁶ В некотором отношении это является логическим следствием сокращения привилегий духовенства, которое одно могло ранее пользоваться этим правом.

¹⁷ История разногласий среди гуситов в 1415—1418 гг. очень сложна. См. недавнее детальное исследование Каминского: H. Kaminsky, *Hussite Radicalism and the Origins of Tábor 1415—1418* // *Medievalia et Humanistica*, 10 (1956), p. 102—130 (имеется подробная библиография).

¹⁸ Микулаш из Гуси, игравший выдающуюся роль на первом этапе этой борьбы, вскоре погиб в результате несчастного случая. Имеется исчерпывающее биографическое исследование о Я. Жижке Хеймана: F. G. Heymann, *John Žižka and the Hussite Revolution* (Princeton, 1955; очень подробная библиография). На автора не оказывает давление чешская национальная традиция и его суждения о Жижке как человеке и воине беспристрастны и уравновешены. Ср. очень ясный и точный обзор этой книги, выполненный О. Одложиликом, в *Speculum*, 31 (1956), p. 381—384. На стр. 383 автор сжато излагает мнения о Жижке, высказанные тремя выдающимися чешскими историками — Ф. Палацким, В. Томеком и Й. Пекаржем (*Žižka a jeho doba*, 2 vyd., t. 1—3, Praha, 1933). Ср. также R. Urbánek, *Jan Žižka* // *Slavonic Review*, 8 (1924). Социальный и революционный аспекты гусизма исследованы двумя чешскими историками, пишущими при новом режиме: J. Macek, *Husitské revoluční hnutí*, Praha, 1952; G. Graus, *Městská chudina v době předhusitské*, Praha, 1949.

¹⁹ Подробнее см. F. G. Heymann, *The National Assembly in Čáslav* // *Medievalia et Humanistica*, 7 (1952), p. 32—55.

²⁰ Согласно Пражским компактам: 1. Святое причастие должно даваться свободно под обоими видами всем христианам Чехии и Моравии и повсюду всем, кто исповедует веру этих стран. 2. Все смертные грехи должны быть наказаны и искоренены теми, кому надлежит это делать. 3. Слово Божье должно свободно и правдиво проповедоваться священниками и достойными дьяконами. 4. Священник не должен притязать на владение никакими мирскими имуществами.

²¹ Эпоха Йиржи Подебрада наиболее тщательно изучена чешским историком Р. Урбанеком: R. Urbánek, *Věk poděbradský* (опубликовано В. Новотным в Истории Чехии, ч. III, т. 1—3, 1915—1930). Для нечитающих на славянских языках полезны библиографические указания в работах О. Одложилка и Маркграфа (см. Библ.).

²² О многочисленных сочинениях Хельчицкого и их изданиях см. Jan Jakubec, *Dějiny, op. cit.*, s. 463—500. Имеется немецкий перевод «Сети веры» Хельчицкого: Vogt C., *Petr Cheltschizki, Das Netz des Glaubens*, Dachau, 1924.

²³ Основным источником по истории Чешских братьев являются их Акты, или Архивы, сохранившиеся в Герингте в тринадцати томах. Частично они опубликованы Я. Бидло: J. Bidlo, *Akty Jednoty bratské* (Prameny dějin moravských, Praha, 1915—). Основные работы о Чешских Братьях: A. Gindely, *Geschichte der böhmischen Brüder*, Prag, 1857, 1858; J. Goll, *Quellen und Untersuchungen der böhmischen Brüder*, Prag, 1878, 1882 (имеется новое издание под ред. К. Крофты: Jar. Goll, *Chelčický a Jednota XV století*, Praha, 1916); J. Th. Müller, *Geschichte der böhmischen Brüder*, Bd 1—3, Herrenhut, 1922—1931 (имеется новое издание по-чешски под ред. Ф. М. Бартоша: *Dějiny Jednoty bratské*, Praha, 1923); R. Říčan, *Jednota bratská*, Praha, 1956.

²⁴ См. ниже, главу XVI, с. 474 и сл.

Глава IX

Русские княжества, возвышение Литвы и Москвы. Федерация Ягеллонов

Немецкие военные ордена и княжества Северной Руси—Галицкая земля, Волынь и латинский Запад—Литва и русские княжества—Ранняя история Москвы—Дмитрий Донской—Ягайло Литовский, Москва и Польша—Шансы Витовта объединить русские земли вокруг Вильнюса—Литва и Польша—Религиозные планы Витовта—Великий князь Василий I и византийский император—Кратковременный успех Витовта

Различные внешние факторы, которые так часто влияли на положение в Польше в XIII и XIV вв., оказывали мощное воздействие и на историю ее восточных соседей—русских. Продвижение различных племен вдоль Балтийского побережья в направлении земель, на которые притяжали русские, началось уже в киевский период. Ярослав Мудрый (1019—1054) должен был принять энергичные меры, такие как основание Дерпта (Юрьева), чтобы остановить продвижение балтов—литовцев и латышей, а также финнов—эстов во внутренние области русских. Но еще бóльшая угроза русским княжествам возникла на севере.

В начале XIII в. рыцари Ордена Меченосцев (*Fratres militae Christi*), основанного в 1202 г. для миссионерской работы среди северных язычников, обосновались в устье Двины. Из Риги (основанной в 1198 г.)—важного центра немецкой миссионерской деятельности—они стали распространять свое присутствие на русское Полоцкое княжество. В результате многих столкновений с рыцарями славяне потеряли Юрьев (Дерпт), и на некоторое время даже Псков и Изборск были вынуждены признать верховную власть Ордена.

После того как в 1237 г. ливонские рыцари-меченосцы слились с Тевтонским орденом, в то время уже прочно укрепившимся в Пруссии, на севере сформировался сильный немецкий центр, представлявший угрозу не только местному языческому населению, но и ок-

ружавшим его православным славянам. Более того, другой германский народ, шведы, начал экспансию в Финляндии и уже бросал завистливые взоры в сторону Новгорода.

Немецкое завоевание значительной части балтийского побережья в XI—XII вв. также имело серьезные экономические последствия для Новгорода. Новые немецкие города Любек, Штральзунд, Висмар, Росток, Грейфсвальд, Лüneбург—так называемые вендские члены могущественного торгового союза Ганзы—отняли у русских процветающую торговлю с балтийскими землями, Англией и остальной Западной Европой. Новые города, основанные на Балтике,—Ревель, Нарва, Або, Выборг—также стали серьезными конкурентами Новгорода и Пскова. Все эти события происходили в тот самый судьбоносный момент, когда татарские орды наводнили русские земли. С Запада, слепого к новой угрозе из Азии, не поступило никакой помощи, и более того, к общему хаосу на Руси добавился новый натиск с севера.

Имеются определенные свидетельства того, что русские сопротивлялись этому враждебному западному вмешательству. В начале XIII в. начала проявляться антизападная ментальность, не существовавшая в киевский период¹.

Первый серьезный конфликт русских с Западом начался в 1240 г.—в год, отмеченный окончательным завоеванием Руси монголами. Благодаря энергичным действиям новгородского и (с 1252) владимирского князя Александра наступление шведов было остановлено на Неве, за что герой сражения получил прозвание Невский. Двумя годами позже Александр разгромил тевтонских рыцарей на Чудском озере (озеро Пейпус), и, по крайней мере, Новгород и Псков были спасены.

Кроме Новгорода было еще одно русское княжество, избежавшее, в силу своего географического положения, худших последствий татарского владычества и также открытое для влияний Запада,—Галицко-Волынское. Эта земля, не игравшая большой роли в X—XI вв., начала приобретать значение во второй половине XII в., когда в соседние южные княжества хлынуло большое количество беглецов, желавших обезопасить себя от набегов половцев-куманов. Впервые Галицкая и Волынская земли были объединены князем Романом (1199—1205), сыном Мстислава II Изяславича Киевского. В осуществлении своих амбициозных политических проектов ему, однако, приходилось противостоять завистливым западным соседям—поля-

кам и венграм. Он умер внезапно во время войны с поляками уже после того, как распространил свою власть и на Киев*.

После смерти Романа венгерский король Андрей (Эндре) II пригласил к себе вдову Романа и объявил себя опекуном ее двух малолетних сыновей, Даниила и Василька. К тому времени венгры уже завладели так называемой Подкарпатской Русью, которую населяли славяне, говорившие на том же языке, что и в Галицко-Волынской земле, и стремились распространить свою власть далее, на славянские земли за Карпатами. Воспользовавшись случаем, Андрей II занял Галич и принял титул «король Галиции и Лодомерии» (rex Galicie et Lodomeriae, Лодомерия = Волынь; этот титул венгерские короли сохраняли до 1918 г., как и титул «король Сербии, Боснии и Болгарии»). Сын Андрея Коломан был коронован как король Галиции. Союзник и тесть Андрея Лешко Краковский занял Перемышль и Брест, предоставив остальную часть Галицкой земли венграм, а часть Волынской — сыновьям Романа Мстиславича. Распри между венграми и поляками имели результатом завоевание Галиции князем-Рюриковичем Мстиславом**.

Сыновья Романа Мстиславича Даниил и Василько вновь объединили Галицкую и Волынскую земли, причем не только установили свою власть над Волынью, но и изгнали из Галиции зятя венгерского короля князя Ростислава (1245)². Ввиду татарской опасности Даниил Романович старался сохранять хорошие отношения с Польшей и Венгрией и даже обращался за помощью к папе. Иннокентий IV (1243—1254) посулил объявить крестовый поход против татар. Даниил обещал обратиться в римско-католическую веру и в 1253 г.*** был коронован присланной папой короной как король Галиции. Видя, однако, что папа не в состоянии сдержать свое обещание, и никакая помощь от «латынян» не придет, Даниил уступил оппозиции, которую вызвала в княжестве его попытка унии с Римом, и порвал с папством. В борьбе с татарами и в попытках освободить Киев он мог рассчитывать только на собственные силы. Даниилу Романовичу не удалось осуществить свои дерзкие замыслы, и в 1264 г. он умер.

* Роман Мстиславич, претендовавший на власть над Киевом, киевским князем, однако, не был.—Прим. перев.

** Имеется в виду князь Мстислав Мстиславич Удалой, в 1221 г.—Прим. перев.

*** В 1254 г.—Прим. перев.

После смерти его и его брата Галицко-Волынская земля стала объектом заговоров и амбициозных устремлений ее жадных соседей, Польши, Венгрии и Литвы, которые только и ждали возможности расчленить княжество. С другой стороны, сыновья Даниила Романовича не скрывали стремлений распространить свою власть на венгерские, польские и литовские земли. Это особенно характерно для наиболее энергичного из них — Льва, основателя города Львов. После пресечения династии Романа Мстиславича бояре избрали королем Болеслава-Юрия — польского князя, родича прежних правителей. Ревнивые соседи воспользовались недовольством, которое возбудило правление нового князя-католика среди его православных подданных. В 1340 г. Болеслав-Юрий был отравлен сторонниками литовского кандидата. Вмешательство польского короля Казимира III, действовавшего совместно с венгерским королем (с которым он в 1339 г. заключил тайный договор), подорвало шансы Литвы завладеть всем княжеством. С 1349 г. и до 1772 г. (первый раздел Польши) Галиция составляла часть Польского королевства, а Волынская земля вошла в состав Литвы.

Воздействие Литвы на историческое развитие Руси и Польши тесно связано с утверждением немецкого военного могущества на Балтике. Под натиском рыцарей Тевтонского ордена литовцы, ранее раздробленные на множество племен, достигли определенной степени единения и, поскольку путь на север и на запад им преграждали Орден и немецкие колонисты, начали экспансию в южном направлении.

Экспансию на русские земли осуществлял уже первый известный литовский князь Миндовг (ок. 1240—1263). Ему удалось овладеть так называемой Черной Русью в бассейне верхнего Немана с городами Новогрудок, Гродно, Волковыск, Слоним, а также раздробленным Полоцким княжеством. Свою резиденцию Миндовг устроил в Новогрудке. Чтобы защититься от тевтонских рыцарей, готовивших против него крестовый поход, он крестился и, как и Даниил Галицкий, принял от папы Иннокентия IV королевскую корону (1251)*. Однако усилившись, Миндовг оставил немецкую веру и вернулся в язычество. Миндовг был достаточно умен, чтобы оценить преимущества той политической организации, которую он застал на русских землях, и это помогло ему укрепить свою власть в родной Литве.

* В 1253 г.—Прим. перев.

В XIV в. курс на экспансию в восточно-славянские земли продолжали его преемники. Гедимин (1316—1341), ставший фактическим основателем нового литовского государства, распространил свою власть на Минское, Туровское, Пинское, Витебское княжества и все среднее Поднепровье. Свою резиденцию он перенес в Вильнюс, ставший столицей нового государства. Его сын Ольгерд (1341—1377*) с помощью своего брата Кейстута тщетно пытался избавиться от немецкой угрозы. Большого успеха он достиг в экспансии на юг, присоединив Чернигово-Северскую землю в бассейне Десны. Галицию он отдал полякам, но закрепил за собой Вошьнь, оттуда вторгся в Подолию и, разбив татар (1368**), завоевал остальную часть Киевского княжества. Свои владения он расширил от Подолии до берегов Черного моря. Его власть признали смоленские князья, а на некоторое время и Псков. В сферу его влияния вошло Тверское княжество, и лишь у стен Москвы он был остановлен.

Такое колоссальное расширение Литовского княжества было достигнуто не только силой оружия, но и потому, что русские князья приветствовали литовцев как освободителей от татарского ига. Союз с Литвой также усиливал возможности их сопротивления натиску Тевтонского ордена с севера. Таким образом, в 1238—1386 гг. почти вся южная и западная Русь оказалась объединена в одном могущественном государстве. До некоторой степени литовские князья воскресли Русь Олега, Владимира I и Ярослава Мудрого, только центром ее теперь был не Киев, а Вильнюс.

Это тем более интересно, что литовские князья сохранили в неприкосновенности политическую, религиозную и административную организацию большинства русских княжеств, признавших их верховную власть. Лишь некоторые западные русские земли стали частью собственно Литвы, а Полоцкое, Витебское, Смоленское, Киевское княжества, Вошьнь, Подолия, Чернигово-Северская земля по-прежнему управлялись русскими князьями-Рюриковичами, признававшими верховную власть великого князя литовского, которому они выплачивали дань и оказывали военную помощь.

Литовцы сохраняли язычество и с готовностью приняли более высокую культуру населения своих новых владений. Многие представители литовской знати принимали православие, женились на русских и усваивали русские обычаи. Скоро западнорусский вариант

* Ольгерд (1345—1377).—Прим. перев.

** В 1363 г., битва у Синих Вод.—Прим. перев.

старославянского языка стал официальным языком литовского двора, применявшимся в административной, законодательной и судебной областях. Специфические русские титулы и должности, существовавшие в киевский период в сфере городской и земельной администрации, распространились и на чисто литовские земли, и, как и на Руси, литовская знать называла себя боярами*. Древнерусское законодательство, получившее развитие в Киеве, также было принято литовцами и легло в основу Первого Литовского статута 1529 г. Даже Вильнюс, столица нового государства, был по большей части русским.

Если бы в XV в. Литва продолжала развиваться в том же направлении, что и в XIV в., то она вкупе с Южной и Западной Русью представляла бы феномен, сходный с тем, какой являл собой Киев X—XI вв., когда правящий класс в нем был скандинавским. Литовская династия и литовский народ были на пути к объединению всей Руси и слиянию с ее населением в единое политическое и национальное образование.

Видимо, Ольгерд ставил целью распространить свою верховную власть на княжества Восточной Руси, находившиеся под монгольским игом. История показала, что русским землям суждено было объединиться не вокруг Вильнюса, резиденции литовских князей, а вокруг Москвы и ее князей, которые во времена Ольгерда постепенно становились лидерами среди восточнорусских княжеств³.

История возвышения Москвы чрезвычайно увлекательна. Впервые она упоминается в 1147 г. как место, где останавливались ростово-суздальские князья, но город в собственном смысле появился только в 1156 г., когда был заложен деревянный Кремль. До середины XIII в. Москва оставалась незначительным пограничным городом и крепостью на юго-западной окраине** Владимиро-Суздальского княжества. Ее настоящая история начинается около 1263 г., когда герой Невской битвы князь новгородский и владимирский Александр, следуя обычаю Рюриковичей, оставил город с прилегающими землями своему младшему сыну Даниилу (1263—1303). Как младший сын, Даниил должен был удовольствоваться самой меньшей долей отцовского наследия. Единственным преимуществом Московско-

* В Великом княжестве Литовском термин «боярин» имел более широкое значение, чем на Руси,—служилый человек благородного происхождения.—Прим. перев.

** В оригинале ошибочно—северной.—Прим. перев.

го княжества было достаточное население⁴. Оно было расположено в месте, где сходились речные пути, и его удаленность от центра державы монголов обеспечивала определенную защиту от их опустошительных набегов. Крестьяне, стремившиеся обезопасить себя от них, предпочитали селиться в небольшом новом княжестве.

Даниил Александрович расширил его территорию, присоединив Переяславское княжество, унаследованное им от своего племянника, а его сын Юрий (1303—1325) завоевал часть земель Рязанского и Смоленского княжеств. Юрий был первым, кто оспорил великокняжеский титул, удерживавшийся старшим в роде, Михаилом Ярославичем Тверским. Разбитый Михаилом, Юрий Данилович добился большего успеха, прибегнув к помощи татар. Однако за это ему суждено было заплатить жизнью, и в 1325 г. он был убит в ханской ставке сыном Михаила Дмитрием. Убийственная распря с тверским княжеским домом продолжилась при брате Юрия Иване Даниловиче (1325—1341), который вновь обеспечил себе победу с монгольской помощью. Александр Тверской с сыном были казнены ханом, как ранее его брат Дмитрий и отец Михаил*. Иван Московский получил великокняжеский титул и заставил Тверское, Рязанское и Суздальское княжества признать его верховенство.

Экономическое процветание Москвы позволило Ивану утроить его размеры, покупая земли и города других княжеств. Обедневшие князья Углича, Белоозера и Галича, которые, возможно, были не в состоянии выплачивать дань татарам, были вынуждены продать их Ивану Московскому, который, таким образом, значительно расширил свою власть и владения в северном направлении.

Привлеченные щедростью Ивана, многие бояре оставляли службу своим князьям и переходили к великому князю. Иван знал, как обеспечить их верность пожалованием важных привилегий. Он также выкупил тысячи русских пленных у монголов и расселил их на своих землях—это было весьма выгодно для великого князя. За свою ловкость в финансовых и хозяйственных делах Иван получил прозвище Калита («кошель»). Благодаря щедрым дарам, которые он расточал хану и его придворным, а также своей беспринципности и унижительному раболепству перед монгольскими владыками Иван Калита получил от хана Узбека, обычно оказывавшего ему особен-

* Князь Михаил Ярославич Тверской был убит в ханской ставке слугами Юрия Даниловича Московского (1318); Иван Данилович Калита умер в 1340 г.—Прим. перев.

ную милость, для себя и своих преемников великую привилегию сбора дани, которую русские вассальные князья должны были платить монголам⁵. Эта привилегия принесла русским большое облегчение, поскольку приезды монгольских сборщиков дани часто были очень обременительны. Благодаря такому проявлению милости со стороны татарских ханов авторитет великих князей московских значительно вырос, что дало им новые возможности для собирания русских земель вокруг своего княжения.

Ростом своего могущества московские князья были обязаны не только милостям, оказывавшимся им ханами, но также, и даже в большей мере, поддержке со стороны русской церкви. Около середины XIV в. Иван Калита добился нового крупного успеха, завоевав Владимир, столицу Суздальского княжества*. Здесь была резиденция митрополита киевского, оставившего разрушенный город в 1299 г. Митрополит Петр, русский по происхождению, часто навещал Ивана в Кремле и умер там в 1326 г. Его преемник, грек Феогност, окончательно учредил свою резиденцию в Москве. Для великого княжества московского это было событием огромного значения: оно стало духовным наследником Киева, центром русской православной церкви. Возглавлявший русскую церковь митрополит был единственным символом единства всей Руси, разделенной на многочисленные княжества, причем некоторые из них оказались под властью Польши и Литвы. Благодаря такой удаче и Москва стала символом этого единства. Иван Калита понимал все это и был достаточно умен, чтобы использовать предоставившуюся возможность, а потому стал называть себя «великий князь владимирский и всея Руси».

Новая опасность замаячила, когда преемник Калиты Симеон (1341—1353) вместе с двумя своими сыновьями и братом Андреем пал жертвой эпидемии чумы. Его выживший брат и преемник, Иван Кроткий (1354—1359), был менее способным правителем**. К счастью, новый митрополит Алексей, потомок боярского рода (Плещеевых)***, имел необходимые качества государственного деятеля и

* Иван Калита стал великим князем владимирским в 1328 г., основную территорию княжества с Владимиром получил в 1332 г., а умер в 1340 г.—*Прим. перев.*

** Иван II Красный (Кроткий) (1354—1359).—*Прим. перев.*

*** Митрополит Алексей был сыном черниговского боярина Федора Бяконта, один из сыновей которого стал родоначальником Плещеевых.—*Прим. перев.*

крепко держал в руках дела великого княжества. Когда Иван II внезапно умер, оставив только малолетнего сына Дмитрия, Москва казалась близкой к крушению. Но основы, заложенные Иваном I Калитой, оказались прочными. Бояре, извлекавшие большие выгоды из процветания княжества, стали стойкими сторонниками юного Дмитрия, понимая, что в их интересах иметь единственного правителя, главу процветающего государства.

Хотя великокняжеский титул временно, в 1359—1363 гг., отошел к суздальскому князю*, бояре не оставили службу юному князю московскому. В малолетство Дмитрия митрополит Алексей проявил качества умелого дипломата и блестящего администратора. Ему удалось сорвать план Ольгерда Литовского получить собственного митрополита для своих православных подданных. Поначалу Ольгерд поддерживал инок Феодорита, поставленного болгарским тырновским патриархом митрополитом киевским. Отказываясь признавать власть Алексея, поставленного константинопольским патриархом Филофеем (1354—1355) в «митрополиты киевские и вся Русь», Ольгерд добился от патриарха поставления родича своей жены Романа митрополитом киевским. Оба митрополита притязали на власть над всеми русскими землями. Собор 1356 г., собранный патриархом Каллистом (1355—1363), разделил и разграничил их юрисдикцию, сделав Романа митрополитом литовским, а Алексея — митрополитом киевским и вся Русь. Роман продолжал осуществлять юрисдикцию над русскими землями, но Алексею удалось пресечь его деятельность и добиться от патриарха упразднения отдельной литовской митрополии после смерти Романа (1361). Алексей, пребывавший в Москве, вновь был митрополитом всех православных русских и в Литве, и вне ее.

Алексей, бывший в великой чести при ханском дворе, с помощью московских бояр старался вернуть великокняжеский титул внуку Ивана Калиты. Наконец ему удалось этого добиться, и в 1363 г. юный Дмитрий, несмотря на притязания своих соперников в ханской резиденции в Сарае, получил *ярлык* (ханская официальная грамота) на великое княжение.

При поддержке многочисленных сторонников-бояр молодому князю удалось занять Владимир и победить своего соперника — суздальского князя. Мир был скреплен браком Дмитрия с его дочерью. Хо-

* Князь Дмитрий Константинович Суздальский являлся великим князем владимирским в 1360—1362 гг. и в течение недели в 1363 г.

тя Дмитрий и позволил тестю носить великокняжеский титул, сам он действовал как единственный великий князь на Руси. Он вмешивался в споры ростовских князей и с помощью митрополита Алексея и Сергия, игумена Троицкого монастыря (один из самых известных русских аскетов и святых), заставил брата суздальского великого князя вернуть Нижний Новгород законному наследнику*. Вторично для реализации политического решения великого князя московского были применены церковные санкции⁶.

В это же время Дмитрий столкнулся с устремлениями великого князя литовского Ольгерда объединить всю Русь вокруг Вильнюса. Литовская угроза была тем более серьезна, что Ольгерд являлся союзником своего тестя Михаила Александровича Тверского, также претендента на великокняжеский титул. Трижды литовцы со своим тверским союзником вторгались на территорию Московского княжества, но всякий раз безуспешно. Лидерство великого князя московского в восточной Руси первый раз было продемонстрировано современникам в 1375 г., когда Дмитрий с войсками 19 восточнорусских князей, включая Новгород, осадил Тверь. Михаил был вынужден капитулировать. Ему было позволено сохранить великокняжеский титул, пожалованный ханом, но только в качестве «младшего брата» великого князя московского**. Теперь позиции Дмитрия были столь сильны, что он мог пренебречь претензиями на этот блестящий титул со стороны суздальских, тверских и рязанских князей, при том, что всем им пришлось признать его верховенство. Более важно для него было ослабить тверского князя, выведя часть тверских земель из его непосредственного подчинения и обязав оказать Москве военную помощь против противника, даже если это будут литовцы или татары.

Вскоре после этого лидерство Москвы проявилось еще более выразительно. Золотоордынская империя вновь оказалась свергнута в

* Дмитрий Константинович был великим князем нижегородским (с 1364), а Дмитрий Иванович как великий князь владимирский обладал более высоким статусом. Согласно Никоновской летописи, посланный в Нижний Новгород Алексеем Сергий Радонежский «затворил» там церкви, чем вынудил князя Бориса уступить город Дмитрию Константиновичу.—*Прим. перев.*

** Михаил Александрович, великий князь тверской (1368—1399), был братом жены Ольгерда Ульяны Александровны и, следовательно, шурином Ольгерда. Он трижды получал ярлык на обладавшее наивысшим статусом великое княжение владимирское, но утвердиться на нем ни разу не смог.

кризис. Многочисленные опустошительные набеги татарских отрядов на русские земли вынуждали князей Восточной Руси к сопротивлению. Русские воины под руководством Дмитрия осмеливались доходить до Казани*. Особенно большого успеха против татар он добился в 1378 г. на Оке. Мамай, могущественный «делатель ханов», сам объявивший себя ханом, организовал мощный поход против Москвы и ее союзников. Хан заключил союз с литовцами, возглавлявшимися сыном Ольгерда Ягайлом, и с огромным войском вторгся на Русь. В час опасности Дмитрий воззвал к национальным и религиозным чувствам русских. Прежде чем выступить со своим войском из 150 тыс. человек, собранным из всех княжеств Восточной Руси, кроме Рязани и Новгорода, Дмитрий отправился в Троицкий монастырь за благословением наиболее почитаемого религиозного деятеля Руси игумена св. Сергия Радонежского**. Битва на Куликовом поле на Дону (1380) является одним из наиболее памятных событий в истории Московского государства⁷. Эта первая победа русских над их угнетателями произвела глубочайшее впечатление на всех современников, присвоивших Дмитрию прозвание Донской. Однако победа не была решающей, и через два года Дмитрию пришлось покориться погубителю и преемнику Мамаю могущественному Тохтамышу, который, вторгшись, дошел до Москвы, захватил ее и разрушил. Великий князь вновь вынужден был изъявить покорность и платить дань, но он уже доказал, что татар возможно победить и что их мощь может быть сломлена общими усилиями всех русских под умелым руководством. Памятная битва принесла Москве новый престиж, и национальное чувство, казалось, едва существовавшее в годы угнетения, с благословения церкви вновь начало проявлять себя. Эти чувства нашли выражение в современных событию повествованиях, в том числе поэтических, таких как «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище»***.

* Видимо, имеется в виду взятие столицы Волжской Булгарии Булгара московско-нижегородским войском в 1377 г.—*Прим. перев.*

** К Дмитрию не присоединились также Тверское, Нижегородское и ряд др. княжеств. По современной оценке, в его войске насчитывалось 30—40 тыс. человек. Вопрос о его свидании с Сергием Радонежским является дискуссионным; по сообщению летописной повести, от Сергия на Дон пришла «грамотка» с благословением на битву.—*Прим. перев.*

*** Если «Задонщина» традиционно датируется 80-ми годами XIV в., то «Сказание», видимо, возникло не ранее первой четверти XV в.—*Прим. перев.*

Перед смертью Дмитрий Донской ввел важное новшество в политическую традицию Москвы. Хотя принцип первородства в наследовании великокняжеского титула уже был молчаливо признан Москвой, старый порядок наследования с разделом родовой собственности на *уделы* между детьми продолжал применяться. В своем завещании Дмитрий также оставил своим сыновьям уделы, но крупнейший и важнейший вместе с великокняжеским титулом определил старшему сыну. Таким образом, монархический принцип, который постепенно начинала признавать Москва, значительно укрепился. Это был важный шаг на пути к установлению единовластия великих князей, получившего развитие уже при следующих поколениях.

Дмитрий Донской хорошо сознавал те преимущества, которые он мог извлечь из дружбы с Литвой. Доказав свою силу Ольгерду, он устроил брак своего брата Владимира с дочерью Ольгерда (вероятно, в 1371)* и охотно поддерживал хорошие отношения с рядом литовских князей.

После смерти Ольгерда в 1377 г. Дмитрий выступил с очень смелым планом, демонстрирующим его талант государственного деятеля (подробности его стали известны науке только недавно). Между Дмитрием и вдовой Ольгерда и ее сыном Ягайло (или, по-польски, Ягелло, 1377—1434) было заключено соглашение, в силу которого последний должен был жениться на дочери Дмитрия. Переписка, касающаяся этого соглашения, утеряна. Недавно в архивах московского великого княжества была обнаружена копия 1626 г. документа, свидетельствующего не только о существовании соглашения, но и о его основных условиях.

Это список с грамоты («докончания») «великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Олгердовы ... о женитьве великого князя Ягайла Олгердова, жениться ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичу дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле (стать подданным Дмитрия), и креститься в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди»⁸.

Если бы этот проект реализовался, развитие Руси и Восточной Европы пошло бы по совершенно иному руслу. Возможно, было бы ускорено объединение всех русских земель в одном могущественном

* Двоюродный брат Дмитрия Донского Владимир Андреевич серпуховской и боровский, муж Елены Ольгердовны с 1372 г.—*Прим. перев.*

государстве и освобождение остальной Руси от татарского ига, предотвращено распространение пагубного антагонизма между восточными русскими и «латынянами», а полякам, ближайшему и наиболее культурному западному народу, была бы предоставлена возможность дружески передавать западную культуру православным русским.

Однако план Дмитрия не осуществился. Литовцев привлекали не только возможности, открывавшиеся перед ними в русских землях, но и Польша, которая могла предложить своим соседям-язычникам культуру более высокую, чем в русских княжествах.

В то время как великий князь литовский стоял на перепутье, выбирая между Русью и православием и Польшей и католицизмом, в Польше возникла новая ситуация, заставившая поляков приложить все свои дипломатические способности, чтобы привлечь Ягайло на свою сторону. Усиливающаяся опасность, исходящая от Тевтонского ордена, отняла у Польши Поморье с Гданьском (Данцигом), и король Казимир III Великий вынужден был примириться с этим; его преемник Людовик Венгерский (Анжуйский) мало что мог сделать, чтобы исправить положение. После его смерти, в соответствии с соглашением, заключенным с польской знатью, его десятилетняя дочь Ядвига была коронована «королем» Польши (1384). Польская знать, жаждавшая обрести действенного союзника против немцев, убедила юную королеву, уже помолвленную с Вильгельмом Австрийским, выйти замуж за Ягайло Литовского. Этот брак (1386) не только прекратил польско-литовское соперничество за Галицкую и Волынскую земли, но и привел к личной унии между двумя государствами. Ягайло отвернулся от Москвы и вместо принятия православия обещал, по соглашению в Крево (1386)*, стать католиком, обратить весь свой народ в римскую веру, предоставить в распоряжение Польши литовские войска и объединить свои земли с Польшей⁹.

На выбор Ягайло повлияло то, что Орден угрожал не только Польше, но и Литве. Он и сам имел горький опыт отношений с ним. Его восхождение к высшей власти в Литве после смерти отца — Ольгерда — не обошлось без кровопролития. Тогда, чтобы помешать своему дяде Кейстуту принять великокняжеский титул, Ягайло вынужден был заключить тайное соглашение с Тевтонским орденом, уступив ему Жемайтию и признав его верховную власть. Ему удалось перехитрить Кейстута, умершего в заключении, и заточить другого

* Кревская уния 14 августа 1385 г.—*Прим. перев.*

своего соперника, двоюродного брата Витовта*. Однако тот спасся из плена и нашел убежище у Ордена. Когда Витовт обещал Ордену дальнейшие территориальные уступки и объявил о своей готовности не только принять крещение, но и стать его вассалом, великий магистр повернул против Ягайло и начал помогать Витовту вернуть свое родовое наследие. Лишь примирение между двоюродными братьями, предложенное Ягайло (1384), предотвратило превращение Литвы в вассала Ордена. Возможно, этот опыт отношений с Орденом стимулировал решение Ягайло отвергнуть предложение Москвы и принять предложение Польши. Заключенное им соглашение явилось очень серьезным ударом по политическим планам Ордена, но оно же отвратило литовцев от пути, которым несколькими столетиями ранее пошли скандинавы-варяги. Литовская династия стала католической, и народу пришлось последовать примеру Ягайло, принявшему при крещении имя Владислав.

Следовало ожидать, что в результате такого развития событий обострится антагонизм между Москвой и Литвой. Видимо, с этого времени Москва усвоила право считать себя не только политическим центром всей Руси, но и единственным защитником русского православия от «латынства».

Такое направление развития, однако, проявилось не сразу после обращения Ягайло в католичество и заключения польско-литовской унии. Несмотря на эти события, идея сотрудничества между Москвой и Литвой все еще находила многочисленных сторонников в Восточной Руси. В Литве же план Ольгерда собирания всех русских княжеств вокруг Вильнюса нашел нового поборника в лице двоюродного брата Ягайло Витовта¹⁰.

После примирения с Ягайло Витовт (1384—1430) получил от того в удел все значительные русские земли, включая города Брест, Дрогичин, Мельник, Бельск, Каменец, Волковыск, Гродно. По совету Ягайло он принял православие, что значительно увеличило его популярность среди православных подданных**. Видимо, это обстоя-

* После смерти Ольгерда Кейстут признал Ягайло великим князем, выступил же против него и занял Вильнюс, только узнав о его секретных договорах с Орденом; в 1382 г. он был захвачен в плен Ягайло и задушен в Кревском замке.—*Прим. перев.*

** Хотя Витовт и носил в 1380-е гг. православное имя, видимо, самого акта крещения он не принимал.—*Прим. перев.*

тельство указывает на его намерение посвятить свои таланты дальнейшему проникновению на русские земли.

Заключение польско-литовской Кревской унии (1386) изменило планы Витовта. Он должен был признать унию и, чтобы продемонстрировать единство династии, позволил крестить себя вместе с двоюродным братом по католическому обряду, сохранив имя Александр, принятое при православном крещении. Однако Витовту никогда не нравилась уния с Польшей, и, хотя Ягайло назначил наместником в Литве своего брата Скиргайло, он выступил с притязаниями на великокняжеский титул. Вскоре стало ясно его стремление насколько можно ослабить унию и добиться независимости Литвы и ее русских земель. В этих планах его поддержал сын Дмитрия Донского Василий I, который, бежав из Орды, где находился в заложниках, оказался у Витовта в Луцке и попросил руки его дочери.

Вскоре Витовт попытался достичь своих целей с помощью Тевтонского ордена и женившегося на его дочери Василия I, ставшего великим князем московским (1389—1425) после смерти Дмитрия. Ягайло вынужден был вступить в новые переговоры со своим амбициозным кузеном. По договору в Острове, тот получил наследство своего отца и стал фактическим владыкой собственно Литвы. Скиргайло перенес свою резиденцию из Тракая в Киев.

Все это, казалось, указывало на то, что открывается новая эпоха сотрудничества между Москвой и Литвой. В действительности, однако, Василий I свою политику направлял скорее на восток, чем на запад. Он присоединил Нижний Новгород и Муром и распространил свое влияние на некоторые новгородские колонии на северо-востоке. Эту его экспансию остановила новая татарская опасность. Мятеж Тохтамышша против великого хана Тамерлана (Тимурленга)* еще более ослабил Золотую Орду. Победенный великим завоевателем, Тохтамыш бежал к Витовту. Вновь могущественная татарская армия, возглавляемая грозным Тамерланом, стояла на границе Московского княжества. По благочестивому представлению современников, вторжение предотвратило вмешательство Богоматери. В день, когда по приказанию митрополита была принесена в Москву наиболее чтимая икона Богородицы, перенесенная из Киева во Владимир Андреем Боголюбским, Тамерлан ушел из Руси. Естественно, среди

* Тимур (Тамерлан) носил титул эмира; столицей созданного им государства был Самарканд.—Прим. перев.

верующих сильно возросла популярность и знаменитой иконы, и молодого великого князя.

Эта угроза, пусть и счастливо устраненная, явилась напоминанием Восточной Руси, что татарская опасность уменьшилась, но не исчезла. Поэтому поход против татар с целью возвращения его протекже Тохтамышу ханства, который Витовт организовывал, несмотря на предупреждения Ягайло и Ядвиги, видимо, встретил в Москве сочувственное одобрение. Многие желали успеха великому князю литовскому, надеясь, что поражение татар явится началом полного освобождения Руси от татарского владычества. Однако эти надежды оказались напрасны, армия Витовта потерпела сокрушительное поражение на реке Ворскла. Вместо того чтобы обрести освобождение, русские земли были опустошены новым татарским вторжением, докатившимся до стен московского Кремля. Василий I вновь принужден был к уплате дани и признанию суверенитета татар^{* 11}.

Если бы Витовт победил, Москва тоже много бы не выиграла. Его заветной целью было завоевание Московского княжества с помощью татарского союзника, которого он надеялся утвердить в качестве хана. Подчинение Василия татарам предотвратило какое-либо повторение попытки Витовта, даже тогда, когда на ханском престоле оказался сын несчастливого союзника литовца.

Поражение на Ворскле разбило надежды Витовта на владычество над всей Восточной Европой, и ему пришлось пересмотреть свое прохладное отношение к польско-литовской унии. В 1401 г. вассалы Витовта и Ягайло в Вильнюсе и Радоме одобрили соглашение, достигнутое между двоюродными братьями. В документе было подчеркнуто создание постоянного оборонительного союза и вновь были определены отношения Витовта к польскому королю. Ягайло оставался королем польским и «верховным князем» литовским, но в Литве он делегировал свою власть Витовту и пожизненно жаловал ему великокняжеский титул и полномочия. Все еще сохранявшиеся в Литве и на ее русских землях местные князья, хотя Витовт и заменил большую их часть своими наместниками, должны были принести Витовту вассальную присягу, но вся страна считалась владением польской короны. Таким образом, Витовт добился правовой гаран-

* Имеется в виду поход золотоордынского правителя (беклярибека) Едигея 1408 г.—*Прим. перев.*

тии автономии Литвы, но вновь должен был признать ее зависимость от Польши.

Новое соглашение упрочили последовавшие осложнения с Тевтонским орденом. За переходом младшего брата Ягайло Свидригайло на сторону Ордена последовало примирение, но Жемайтию, население которой восстало против Ордена, вернуть не удалось. Мирным договором 1404 г. Польше была возвращена только Добжиньская земля, и то за очень большой выкуп.

После этого Витовт вернулся к своим планам экспансии в восточном направлении, на Русь. В 1404 г. он присоединил к своим владениям Смоленское княжество, ослабившее к тому времени свои в прошлом тесные отношения с Литвой*. Когда же Витовт проявил намерения присоединить Новгород и Псков, Москва вмешалась, и Витовту пришлось воевать с собственным зятем. Мирный договор 1407 г. уступал Смоленск Литве, но Витовт должен был отказаться от своих планов в отношении Новгорода и Пскова. Границей между двумя государствами стала река Угра**.

Новые осложнения со Свидригайло и Тевтонским орденом на время приостановили продвижение Литвы на восток. Ордену удалось привлечь на свою сторону короля Вацлава IV Чешского и Жигмонда Венгерского (Сигизмунда I Люксембургского). Однако на этот раз совместная акция Ягайло и Витовта увенчалась полным успехом. В кровавой битве при Грюнвальде и Танненберге (1410) армия Ордена потерпела сокрушительное поражение, его великий магистр и большинство высших руководителей сложили головы на поле боя. От этого удара Орден никогда не оправился полностью.

К сожалению, поляки и литовцы в должной мере не воспользовались плодами победы. Помимо контрибуции единственным приобретением была Жемайтия, но только на время жизни Витовта. Когда Орден, отказавшийся принять посредничество Сигизмунда Люксембургского, вновь стал угрожать обеим странам, Польша и Литва были вынуждены заключить новое соглашение, призванное с еще большей ясностью продемонстрировать оформление унии. Горodelьская

* Смоленск, впервые захваченный Витовтом в 1395 г., в 1401 г. отпал от него.—Прим. *перев.*

** Военные действия между Витовтом и Василием I 1406—1408 гг. завершились миром в 1408 г. (в 1407 г. Витовт оформил мир с Новгородом, а в 1409 г.—с Псковом). См. А. В. Черепнин, *Образование Русского централизованного государства*, М., 1960, с. 713—714.—Прим. *перев.*

уния, заключенная в 1413 г., вновь подчеркнула автономный статус Литвы, признав, что и после смерти Витовта она сохранит собственного великого князя; это условие, естественно, удовлетворяло амбиции Витовта. С другой стороны, соглашение предусматривало усиление вестернизации Литвы и распространение на нее польских политических институтов. Вводились новые должности местной администрации по польскому образцу, великокняжескому совету (раде панов) придавались совещательные функции, закладывались основы для развития представительной (сеймовой) системы. Но этими привилегиями могла воспользоваться только католическая знать. Польские аристократические традиции внедрялись и тем, что сорок семь литовских знатных родов были приняты в гербовые роды польской шляхты.

Согласиться с такими изменениями литовского строя Витовта заставила прежде всего опасность, исходившая от Ордена. Споры с Орденом продолжались, в том числе даже на Констанцском соборе. Поляки отвергли (1420) третейский суд Сигизмунда Люксембургского, как явно пристрастный в пользу Ордена, и пытались оказывать на него постоянное дипломатическое давление, чтобы заставить изменить свое отношение к Ордену. Одной из форм такого давления было выдвижение на чешский трон кандидатуры племянника Ягайло Сигизмунда Корибутовича, одобренной умеренными гуситами¹². В конце концов Сигизмунд уступил, опасаясь поддержки Витовта Сигизмунду Корибутовичу, и примирился с Ягайло в Кошице в 1423 г.

Витовт, должно быть, сознавал, что растущие различия в религиозной и социальной организации между Литвой и находившимися под его властью русскими княжествами составляют главное препятствие для осуществления его общерусских планов. Поэтому, оставаясь формально католиком, в своих владениях он по-прежнему демонстрировал явную симпатию православной церкви. В противном случае он неминуемо лишился бы поддержки православного боярства. Начало открытой вражды с Василием I имело результатом, впервые в истории Москвы и Литвы, своего рода исход русских бояр в Московское княжество. Чтобы произвести впечатление на православных подданных, Витовт вместе со своим двоюродным братом, польским королем, после битвы при Грюнвальде и Танненберге произвел военную демонстрацию в своих восточных землях.

Чтобы покончить с религиозным притяжением к Москве на своих землях, Витовт решил последовать примеру Ольгерда и учредить для православных подданных самостоятельную митрополию. В 1415 г.

он заставил православных епископов избрать митрополитом киевским болгарина Григория Цамблака. Митрополит московский Фотий выразил протест, и константинопольский патриарх, ответивший отказом на все просьбы Витовта о самостоятельной митрополии, отлучил Цамблака от церкви. Корни этого проекта, возможно, лежат в западной политике Ягайло и Витовта. Они рассчитывали, что присутствие на Констанцском соборе (1415) нового митрополита киевского и всея Руси явится неоспоримым свидетельством ненужности продолжения деятельности Тевтонского ордена в Пруссии: крещено не только все языческое население этих мест, но и русские схизматики возвращены польско-литовскими усилиями в лоно Римской церкви. Весь этот план провалился. Ученый болгарин отказался поддерживать их политические планы и отверг предложения собора об унии*. После его смерти (1419) московский митрополит продолжал осуществлять юрисдикцию над православными литовцами.

Следует подчеркнуть, что во всем этом деле византийский император и патриарх последовательно держали сторону Москвы. Таким образом, они не только расплатились за все те щедрые субсидии, которые им давала Москва для их отчаянной борьбы с турками, но и продемонстрировали полную солидарность всех православных. В 1414 г. император Мануил II (1391—1425) женил своего сына на дочери Василия I. Этим жестом он рассчитывал обеспечить финансовую поддержку Москвы своей гибнущей империи, но союз с императорским домом послужил и значительному росту авторитета московской династии среди прочих русских князей¹³.

В этой связи следует упомянуть инцидент, который в начале правления Василия I угрожал нарушить добрые отношения между Византией и Москвой. Чтобы подчеркнуть свое возросшее политическое значение, великий князь Василий I велел исключить упоминание имени императора из церковной службы. Патриарх Антоний вмешался и в 1393 г. прислал ему длинное послание, приложив все усилия, чтобы объяснить положение царя-василевса в христианском «содружестве». Он доказывал, что царь не может быть поставлен на один уровень с другими правителями, поскольку он с самого начала помогал церкви бороться с ересями, созывал вселенские соборы, вы-

* Григорий Цамблак участвовал в деятельности Констанцкого собора в 1418 г., возглавляя делегацию Литвы, Новгорода, Молдавии и Большой Орды.—Прим. *перев.*

работавшие православные догматы в согласии с Божественными и священными канонами, и поддерживал церковную организацию. Царь является правителем не только ромеев, но и всех христиан, и его имя поминается в священной литургии каждым патриархом и епископом. Его ранг так высок, что даже «латыняне», ныне отпавшие от православной церкви, чтут его так же, как и до отделения; тем более оснований чтить его православным. То, что его власть ныне ограничена в силу тех бедствий, которые приходится претерпевать от рук неверных турок, не повод для христианина пренебрегать им¹⁴.

Эта интересная грамота показывает, что византийские идеи о роли императора не изменялись с IV по XIV вв. и что русские разделяли их в течение четырех столетий своего национального существования. В то же время инициатива Василия I обнаруживает стремление великих князей всюду, в том числе в Константинополе, демонстрировать свое высокое положение. Тем не менее, Василий I принял объяснения патриарха, и тесные отношения между Византией и Москвой вновь реализовались, когда Литва попыталась ограничить юрисдикцию митрополита московского на своих землях. Инцидент же, оставшийся в то время без последствий, указал на то направление, в котором в будущем будут развивать свою религиозную политику великие князья московские.

В конце жизни Витовт все же получил неожиданную возможность осуществить свои общерусские планы. Его зять Василий I Московский перед смертью передал свою семью и наследника Василия II попечению Витовта. Василий I умер в 1425 г., и престарелый великий князь посвятил свои последние годы триумфальным объездам восточнорусских княжеств, собирая русские земли под своей властью. Один за другим князья клялись ему в верности, вручая дань и дары. Его донесения об этих победных путешествиях великому магистру Тевтонского ордена показывают, как дорога ему была мечта об объединении русских земель. В верности ему клялись князья Рязани, Переяславля, Пронска, Новосила, Одоева, Воротынска, Твери и Смоленска, земли которых окружали Московское княжество, оказавшееся под его опекой. В 1428 г. его признал даже Псков, и лишь гордая Новгородская республика продолжала сопротивляться и, даже потерпев поражение, оставалась враждебна*.

* Договор с Псковом был заключен в 1426 г.; имеется в виду поход на Новгород 1428 г.—*Прим. перев.*

Но все это оказалось тщетно: чтобы упрочить свои успехи, Витовту не доставало времени. Он умер в 1430 г., тешась планами принятия королевского титула, предложенного ему императором Сигизмундом I на встрече в Луцке.

Преемник Витовта Свидригайло, хотя и католик, достаточно популярен среди русских (даже Новгород признал его власть в 1432 г.), был не в состоянии сохранить его наследие. Вновь обострилось старое соперничество между Польшей и Литвой из-за Подолии и Волыни, и Свидригайло опять обратился за помощью к Тевтонскому ордену. Смещенный Сигизмундом (родным братом Витовта и двоюродым — Ягайло), он на некоторое время сумел укрепиться в южнорусских землях. Во время этой борьбы был момент, когда казалось, что подвластные Литве русские земли составят самостоятельное политическое образование и что «содружество» Ягеллонов разделится на три части: Польшу, Литву и юго-западную Русь.

Чтобы сохранить свои позиции в южнорусских землях, Свидригайло вступил в переговоры с папой Евгением IV и Базельским собором (1434), обещая содействовать унии своих православных подданных с Римом. Однако союз Свидригайло с Орденом и дурное обращение с собственными союзниками из числа русской знати подорвали его шансы на победу. В 1435 г. он даже обрек смерти митрополита Герасима, обвиненного в мятеже, хотя перед тем сам же выдвигал его кандидатуру в митрополиты киевские и всея Руси и в 1431 г. добился его поставления константинопольским патриархом, отвергшим, таким образом, кандидатуру Москвы.

В 1435 г. Свидригайло был окончательно побежден Сигизмундом¹⁵. Ягайло умер 31 мая 1434 г. Все это дало Восточной Руси необходимую передышку, чтобы восстановить свою независимость. Пережив первые кризисные годы своего правления, Василий II возобновил политику собирания русских земель¹⁶, и все сохранявшиеся для Литвы перспективы исчезли.

Примечания

¹ Согласно Новгородской IV летописи (ПСРА, т. 4), в 1212 г. псковский князь Владимир Торопецкий был смещен из-за того, что выдал свою дочь замуж за брата немецкого епископа Альбрехта Рижского, основателя ливонского Ордена Меченосцев. В 1233 г. из Киева были изгнаны доминиканцы. Сильное эхо этой вражды ощутимо даже в современной русской историо-

графии. И. П. Шаскольский приписывает организацию антирусского «крестового похода» 1240—1242 гг. папству: *Папская курия — главный организатор крестового похода 1240—1242 гг. против Руси* // Исторические записки, т. 37 (1951), с. 169—188. Ср. также популярную книгу В. Т. Пашуто об Александре Невском: *Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в.* (М., 1952). О немецкой экспансии на Балтике см. также гл. I, с. 37—39.

² О политических амбициях Ростислава среди южных славян см. выше. О попытках Польши, Литвы и Венгрии присоединить Галицкую и Волынскую земли см. также гл. IV, с. 110—111.

³ Об истории и политической организации литовско-русского «содружества» см. М. К. Любавский, *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно* (М., 1910), и его же, *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута* (М., 1892). Работы В. Т. Пашуто о возникновении Литовского государства, опубликованные в журнале Вопросы истории (№ 8, 1947), в Известиях Академии наук СССР (серия истории, № 9, 1952) и Вестнике истории (1958)*, были подвергнуты критике М. Хельманом (M. Hellmann, *Zu den Anfängen des litauischen Reiches* // JGO, N.F. 4, 1956, S. 159—165) и Г. Штеклем (G. Stökl, *ibid.*, Bd 6, 1958, S. 482). Критики согласились с тезисом В. Т. Пашуто, что успехам литовцев в славянских княжествах способствовало желание дружинников князей, покорившихся татарам, предложить свою службу литовским князьям — единственным, кто мог сопротивляться татарам. Это также объясняет, почему власть Литвы была безропотно принята славянским населением. О начале литовского правления см. также H. Paszkiewicz, *The Origin of Russia*, London, 1954, p. 185—232. См. также статью М. Хельмана в «Saeculum» (см. Библ.). Об отношениях между Ягеллонами и Москвой в XIII—XIV вв. см. также H. Paszkiewicz, *Jagiellonowie a Moskwa*, t. 1: *Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku*, Warsz., 1933.

⁴ О ранней истории Москвы см. недавнее издание *История Москвы*, т. I, М., АН СССР, 1952 (там же библиография русских работ). Вместо труда И. Е. Забелина *История города Москвы* (2 изд., ч. I, М., 1905) для раннего периода теперь следует рекомендовать книгу М. Н. Тихомирова «Древняя Москва. XII—XV вв.» (М., 1947)**.

⁵ Ср. главу XV, с. 442.

⁶ Относительно северных русских княжеств в татарский период по-прежнему широко используется работа А. В. Экземплярского *Великие и удельные князья северной Руси в татарский период*, т. 1—2, СПб., 1889—1891.

* Обобщены в монографии: В. Т. Пашуто, *Образование Литовского государства*, М., 1959. — Прим. перев.

** Ср. М. Н. Тихомиров, *Средневековая Москва в XIV—XV веках*, М., 1957. — Прим. перев.

См. также *Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.* М., 1953 (под ред. Б. Д. Грекова, А. В. Черепнина, В. Т. Пашуто).

⁷ Памятью о нем гордятся и в современной России, о чем свидетельствует получивший Сталинскую премию за 1942 г. исторический роман С. П. Бородин *«Дмитрий Донской»* (1941; имеется английский перевод—Eden and Cedar Paul, L.; N.Y., 1944).

⁸ Опубликовано А. В. Черепниным в работе *Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского* // Исторические записки, т. 24 (1947), с. 249. Ср. упоминание докончания О. Халецким: О. Halecki, *Imperialism in Slavic and East European History* // The American Slavic and East European Review, 11 (1951), р. 6. Не вполне ясно, исходила ли инициатива польско-литовского сближения от поляков или от литовцев. Г. Паскевич (*Origin of Russia*, р. 233—254) выдвигает некоторые новые аргументы в пользу того, что инициатива исходила от литовцев. В любом случае, выбор между двумя государствами для Ягайло был нелегок. Только принятие католичества могло прекратить «миссионерскую» деятельность Тевтонского ордена—в то время опаснейшего врага Ягайло. С другой стороны, это решение означало отказ от амбициозного плана собирания всех русских княжеств вокруг Вильнюса.

⁹ О Польско-Литовском государстве имеются образцовые польские работы: L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. 1, 1377—1499, Warsz., 1930; О. Halecki, *Dzieje unji Jagellońskiej*, t. 1—2, Kr. 1919—1920; St. Kutrzeba, *Unia Polski z Litwą*, Kr., 1914; H. Paskiewicz, *Jagellonowie a Moskwa*, t. 1: *Litwa a Moskwa w 13 i 14 wieku*, Warsz., 1933.

¹⁰ О Витовте см. J. Pfitzner, *Großfürst Witold von Litauen als Staatsmann* (см. Библ.; на с. 9—12 автор приводит обзор польских, русских и немецких работ о Витовте, там же на с. 225—239 см. наиболее полную сводку источников и литературы по этому периоду и о польско-литовской унии). О Литве и Руси в XV в. см. работу Г. Яблоновского (см. Библ.; там же подробная библиография).

¹¹ Подробнее см. G. Vernadski, *The Mongols and Russia*, New Haven, 1953, р. 263—282. О Тамерлане см. H. Lamb, *Tamerlane the Earth Shaker*, N. Y., 1928. См. также общий очерк монгольского периода на Руси в книге А. Н. Насонова *Монголы и Русь*, М.; Л., 1940.

¹² См. выше, главу VIII, с. 252.

¹³ Подробную информацию о религиозной политике Литвы и Москвы со ссылками на источники и литературу см. в книге: A. Ammann, *Abriss der Ostslawischen Kirchengeschichte*, Wien, 1950, S. 73—129.

¹⁴ «Итак, очень нехорошо, сын мой, что ты говоришь: „Церковь имеем, а царя не имеем“. Невозможно христианам Церковь иметь, а царя не иметь. Царство и Церковь имеют между собою тесное единение и общение, и невозможно отделять одно от другого. Христиане отвергают только царей-

еретиков, которые неистовствовали против Церкви и вводили догматы, извращенные и чуждые учению апостольскому и отеческому. Но державнейший и благочестивый мой самодержец по благодати Божией есть православнейший, вернейший поборник Церкви, защитник и блюститель, и невозможно, чтобы нашелся такой архиерей, который бы не поминал его. ... Ибо какие отцы или какие Соборы и какие каноны говорят об этих царях? Но о прирожденном царе сверху и снизу вопиет все: его законоположения, повеления и распоряжения принимаются по всей вселенной; имя его одного, а не другого кого, поминают повсюду христиане». Цит. по: Макарий, *История Русской Церкви*, кн. 3, М., 1995, с. 515.

¹⁵ Борьба Свидригайло и его популярность среди князей юго-западной Руси подробно описаны М. Грушевским, *Исторія України—Руси*, т. IV (Нью-Йорк, 1955, с. 177—242). Монографию А. Левицкого (A. Lewicki, *Powstanie Świdrygiełły*, Кг., 1892) дополняет исследование О. Халецкого о его последних годах (O. Halecki, *Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiełłończyka*, Кг., 1915). Утверждение Левицкого (с. 58) о роли Тевтонского ордена в заключении пакта с Москвой Свидригайлом в 1408 г. опровергает К. Форштрейтер (K. Forstreuter, *Preussen und Russland*, S. 49, см. Библ.). О попытках Свидригайло заключить унию своих православных подданных с Римом см.: A. Ammann, *Ostslawische Kirchengeschichte* (S. 127—219; см. Библ.). О роли Тевтонского ордена как союзника Свидригайло во время Базельского собора (1431—1435) см. К. Forstreuter, *Op. cit.*, S. 51 f. «Унионистский» курс Свидригайло, естественно, отвратил Ягайло и Сигизмунда от идеи унии. Подозрительное отношение к ней сохранялось в Польше некоторое время даже после Флорентийского собора (1439). С другой стороны, «унионистский» курс отторг от Свидригайло его союзников в славянских землях. О попытках Свидригайло заключить унию см. O. Halecki, *From Rome to Brest*, Rome, 1958, p. 39 ff.

¹⁶ См. ниже, главу XII, с. 318 и сл.

Глава X

Династическое «содружество» Ягеллонов и турецкая угроза

Сын Ягайло Владислав III, король Польши, избранный королем Венгрии — Жигмонд (Сигизмунд) Венгерский и последние дни Сербии — Владислав III Варненчик — Завоевание Сербии, Боснии, Герцеговины, Зеты (Черногории) и Албании Мехмедом II — Матвей Корвин (Матъяш Хунъяди) и Владислав (Уласло) II Ягеллон, король Чехии и Венгрии — Казимир IV, король польский, великий князь литовский — Продвижение Турции к южной границе Польши — Катастрофа, постигшая поход Яна Ольбрахта к черноморским портам — Успехи Александра в Крыму — Сигизмунд I Польский и Габсбурги — Трагическая гибель Людовика (Лайоша) II Ягеллона в Мохачской битве — Габсбурги сменяют Ягеллонов в Чехии и Венгрии — Габсбурги, последние Ягеллоны и Турция

Польско-литовская уния имела естественным следствием колоссальный рост престижа в Восточной Европе династии Ягеллонов, ставшей важнейшей после Габсбургов, и взоры соседей Польши устремлялись к Кракову и Вильнюсу всякий раз, когда разражался политический кризис или следовало избрать нового правителя. Первый такой инцидент произошел в Венгрии в 1440 г. после смерти Альбрехта II Габсбурга, сменившего в 1437 г. Жигмонда (Сигизмунда I Люксембургского). Владислав III (VI), король Польши (1434—1444), сын и преемник Ягайло, был избран королем Венгрии*. Это избрание явилось серьезным поражением Габсбургов, которые сумели лишь удержать чешский трон для сына Альбрехта Ладислава, родившегося после его смерти. Искать помощи Польши венгерских магнатов побудила турецкая угроза. Катастрофическое поражение сербов на Косовом поле было первым сигналом, предупредившим венгров, что они могут стать следующей жертвой наступающих турок.

* Уласло I Ягеллон (1440—1444).—Прим. перев.

Венгрия всегда проявляла живой интерес к балканским странам, особенно к Сербии и Боснии. Когда после битвы на Косовом поле правитель сохранившейся части Сербии Стефан Лазаревич (1389—1427; сын погибшего там князя Лазаря) стал турецким вассалом, Венгрия и Жигмонд были чрезвычайно встревожены развитием событий и выступили (тщетно) с притязаниями на власть над землями Лазаря. Обеспокоенность Венгрии еще возросла, когда в 1393 г. Баязид I занял оставшуюся часть Болгарии. Краткосрочный успех военной кампании против турок в 1395 г. побудил Жигмонда организовать в 1396 г. крестовый поход, но все его притязания и надежды в том же году разрушило уничтожение его армии турками в Никопольском сражении¹. Положение сербского правителя облегчило вторжение в Малую Азию монголов и поражение, нанесенное Баязиду I Тамерланом при Анкаре в 1402 г.² Даже Византия проявила интерес к гибнущей Сербии. В 1402 г. Стефан Лазаревич получил от византийского императора Иоанна Палеолога* титул деспота — высший титул, который в то время могла даровать растерявшая свои владения империя. Это был лишь угасающий отблеск византийской славы в годы ее сумерек и умирания, но сербский князь гордился им и воздал византийскому императору как главе православия запоздалые почести.

При Стефане, а также его племяннике и преемнике Георгии Бранковиче (1427—1456), ставшем деспотом в 1429 г., Сербия обрела большую компактность, поскольку земли князя Лазаря, а также родов Бранковичей и Балшичей, представители которых действовали как независимые правители, были объединены в одних руках. Таким образом, Сербия почти восстановила размеры королевства при Неманичах в XIII в. Конечно, «Сербская деспотовина» платила дань туркам, но она же была венгерским вассалом и в признание этого факта король Жигмонд даровал деспоту Стефану Лазаревичу многочисленные существенные пожалования в Венгрии.

Императора Сигизмунда I (Жигмонда Венгерского) часто и справедливо обвиняют в том, что он не сконцентрировал венгерские и немецкие силы для решающей борьбы с турками. Если бы он направил войска крестоносцев против турок, а не против гуситов, у него были бы прекрасные шансы остановить продвижение турок и помочь балканским народам освободиться от турецкого ига. В его время экспансия турок еще только начиналась, и их могущество далеко не достигло своего пика³.

* Иоанн VII, регент в отсутствие Мануила II.—Прим. *перев.*

То, что Сигизмунд I упустил эту возможность, тем более обидно, потому что в это время в результате поражения при Анкаре от вторгшихся в Малую Азию монголов османское государство переживало серьезный кризис. Османская империя была спасена лишь Мехмедом I Восстановителем (1413—1421), начавшим войну с Венецией, и Мурадом II (1421—1451). В результате, после смерти Сигизмунда (1437) турки воспользовались ситуацией, напали на сербов и в 1439 г. положили конец независимости «Сербской деспотовины»*. Эта новая катастрофа явилась суровым предупреждением венграм о том, что турецкая угроза приближается к их собственным землям.

Избрание Владислава III на венгерский престол произошло в тот самый момент, когда восставшими подданными был убит великий князь литовский Сигизмунд, сын Кейстута. Король Владислав, приглашенный литовцами править в великом княжестве, послал туда в качестве наместника своего брата Казимира, но вскоре тот был провозглашен литовской шляхтой великим князем и, опираясь на нее, правил фактически самостоятельно.

Владислав стремился ускорить осуществление обещанного похода против турок, но новые осложнения в Венгрии сорвали его планы. Вдовствующая королева Елизавета потребовала венгерский трон для своего младенца-сына Ладислава Погробека (Ласло Постума), признанного наследником своего отца в Чехии. Ее поддержали император Фридрих III, немецкие города в Венгрии и чешская гуситская армия под командованием Яна Искры из Брандиса. Последний от имени младенца-короля занял северную часть Венгрии (современная Словакия) и отрезал Венгрию от Польши. Побежденная военачальником Владислава Яношем Хуньяди, королева заключила перемирие с ним только в 1442 г.

Все это значительно отсрочило поход Владислава. Поощряемые папским легатом Дж. Чезарини, в 1443 г. король и Янош Хуньяди вторглись на Балканы, где поначалу их ждал большой успех. Хуньяди взял Ниш и продвигался к Софии. Султан Мурад II запросил мира, обещая вернуть Сербию Георгию Бранковичу. Полагают, что был заключен мир, и Владислав в Сегеде скрепил его клятвой. Сербия освобождалась, а Валахия отдавалась Венгрии. Однако считается, что папский легат кардинал Чезарини убедил короля не соблю-

* Включение в состав Османской империи всей Сербии произошло в 1459 г. (захват турками Смедерево и ликвидация сербской государственности).—Прим. перев.

дать этот мир, а продолжить крестовый поход против турок на том основании, что христианин не может быть связан выполнением договора, заключенного с неверными. Владислав был наказан за нарушение клятвы уничтожением его армии в битве при Варне в 1444 г.; сам король и легат сложили головы на поле боя.

Таково традиционное освещение событий 1444 г., но оно, в известной мере, нуждается в переоценке. Короля можно безоговорочно обвинять только в том, что он принял предложение султана начать мирные переговоры, которые велись в резиденции султана в Адрианополе, и обещал ратифицировать его условия. Мурад II, стремившийся перебросить свою армию в Малую Азию, где ему угрожала новая опасность, согласился на вышеназванные условия и одобрил договор, который венгерский король должен был ратифицировать в Сегеде. Нет сомнений, что Георгий Бранкович заключил перемирие, но король, видимо, считая нужным продолжить крестовый поход, по совету легата отказался ратифицировать договор, в выполнении которого уже поклялся Мурад II. В самом деле, несмотря на отсутствие сербского отряда, шансы на успех казались велики. Ожидалось, что венецианский флот не позволит султану перебросить свои основные части из Малой Азии в Европу, а небольшая армия короля казалась вполне в состоянии победить турок и помочь оказавшемуся в бедственном положении византийскому императору⁴.

К несчастью, король не смог начать экспедицию в планировавшиеся сроки. Эта отсрочка и то обстоятельство, что флот христиан не смог воспрепятствовать переброске турецкой армии через проливы к европейскому побережью, оказались роковыми для похода и самого короля. Трансильванский воевода Янош Хуньяди, участвовавший в переговорах и сопровождавший короля, сумел спастись и сохранить большую часть своей армии.

Янош Хуньяди вновь вторгся в Сербию в 1445 г. и встретил войско Мурада II на Косовом поле, однако христианская армия потерпела серьезное поражение на том же поле битвы, где незадолго перед тем была решена судьба независимой Сербии.

Вскоре после того как в Турции пришел к власти Мехмед II Завоеватель (1451—1481), решилась судьба остатков Византийской империи. В 1453 г. пал Константинополь. Встревоженный продвижением турок, Хуньяди совершил ряд походов на завоеванные ими земли, однако Мехмед II дошел до Белграда и осадил его⁵. Последним славным подвигом венгерского героя явилось освобождение, с

помощью сербского отряда, доблестных защитников города (1456). Однако после смерти Хуньяди уже никто не был в состоянии остановить турецкое наступление.

Георгий Бранкович, подвергшийся нападению в 1454 г., вынужден был просить мира и стать вассалом султана. Он умер в 1456 г., а его преемники, посредственные правители, враждовавшие между собой, были не в состоянии спасти Сербию. Ее завоевание было завершено в 1459 г. после взятия последнего оплота — крепости Смедерево, и это был конец средневековой Сербии. О последнем этапе сербской средневековой истории напоминало только пожалование венгерскими королями, вплоть до начала XVI в., титула деспота членам рода Бранковичей и другим славянским аристократам, поселившимся в Венгрии после покорения Сербии.

Завоевав Сербию, Мехмед II повернул против Боснии. После смерти своего самого выдающегося правителя Твртко I (1391) эта страна была ввергнута в анархию. Начиная с Жигмонда Люксембургского венгерские короли притязали на сюзеренитет над Боснией, но большая часть магнатов действовала как независимые князья, не признавая власти ни боснийских королей, ни своих венгерских сюзеренов⁶. С 1440 г. южная часть Боснии (Хум) оказалась почти независимой и после того, как ее правитель Степан Вукчич принял титул герцога, стала называться Герцеговиной. Поначалу, с 1414 г., турки довольствовались вторжениями на территорию Боснии. Решающее наступление, которое Мехмед II предпринял лишь в 1463 г., не встретило большого сопротивления. Феодалы признали турецкий сюзеренитет и, чтобы спасти свои владения, приняли веру Пророка. Большое количество богомилов также приняло ислам. Последний боснийский король Степан Томашевич был взят в плен и убит. Герцеговина еще некоторое время сражалась за свою свободу, но в 1466 г. турки-османы стали полными хозяевами и этой страны*.

Тем временем турки одолевали и сопротивление Албании. Здесь вождем и вдохновителем сопротивления был Скандербег (Георг Кастриоти), искусный стратег, хорошо знакомый с обычаями турок, поскольку он в качестве заложника воспитывался при султанском дворе. В ходе столкновений турок с монголами в Малой Азии он покрыл себя военной славой, в 1443 г. по неясным причинам бежал и объединил вокруг себя албанские племена. В борьбе с турками

* Окончательно Османская империя захватила Герцеговину в 1482 г.—

Прим. перев.

его сначала поддерживал Альфонс, король арагонский и неаполитанский, а с 1458 г. — Венеция. Своими довольно успешными походами он изматывал турок, а осажденный в крепости Круя, яростно отражал натиск противника. Однако после его смерти в 1467 г.* сопротивление скоро было сломлено, и Албания стала частью Османской империи⁷.

Самое длительное сопротивление турки встретили в Зете, позднее получившей название Черногория. Ею правил доблестный род Черноевичей, возглавивший оборону, облегчающуюся гористым характером местности. Установить свою власть над страной турки смогли лишь в 1479 г., хотя Черноевичи, поддерживаемые Венецией, сопротивлялись и после этого. Полностью эта часть Балкан была подчинена только в 1499 г.⁸

Все эти события явились косвенным последствием катастрофы, которую венгерский король потерпел под Варной в 1444 г. Венгрия была единственной христианской страной, которая могла вторгнуться на Балканы и была непосредственно заинтересована в их судьбе. К сожалению, политическая ситуация в Венгрии не всегда этому благоприятствовала.

После смерти Владислава Варненчика (Уласло I) венгерская корона была предложена чешскому королю Ладиславу Погробеку (Ласло Постуму), сыну императора Альбрехта II, предпочитавшему находиться в Буде, а не в Праге, где он чувствовал себя неловко среди подданных-утраквистов. После его смерти (1457) сын героического Яноша Хуньяди Матвей Корвин (Матьяш Хуньяди) стал королем Венгрии (1458—1490). К сожалению, как и Жигмонда, его более привлекали перспективы завоеваний в более культурных Чехии и Австрии, чем на Балканах. Если бы он мог сосредоточиться на войне с турками, то благодаря военной реорганизации Венгрии был бы в силах надолго остановить их наступление на Балканы. Проведенные Матвеем Корвином финансовые реформы позволили ему сформировать постоянную армию из чехов и других наемников, внушившую уважение туркам. В 1479 г. он одержал громкую победу над турецкой армией, вторгшейся в Трансильванию, а в 1480 г. отвоевал часть Боснии, где учредил две военные бановины в Яйце и Сребренике, но не сумел воспользоваться кризисом в Турции после смерти Мехмеда II в 1481 г.

* В 1468 г. — *Прим. перев.*

Проводившаяся Матвеем политика экспансии на запад привела его к конфликту с чешским королем Йиржи Подебрадом, а после его смерти, когда королем Чехии был избран старший сын Казимира IV Польского Владислав II,—с Ягеллонами. По достигнутому в Оломоуце компромиссу (1478), Матвеем Корвину достались Моравия, Силезия и Лужица — завоеванные им земли чешской короны. Однако когда после его смерти (1490) магнаты избрали Владислава II также и венгерским королем (Уласло II), они были воссоединены с Чехией.

Прежде всего Владиславу нужно было победить собственного брата Яна Ольбрахта, также претендовавшего на венгерскую корону. Увы, он был слабым правителем, полностью находившимся в руках магнатов, которые по этой причине и избрали его, рассчитывая усилить свое влияние. Поэтому в его правление большая часть достигнутого Матвеем Корвином во внутренней и внешней политике была потеряна. Постоянная армия, созданная доблестным королем, была расформирована, и этот важный фактор, который мог бы сдерживать турок, исчез.

К счастью, султан Баязид II (1481—1512) не был агрессивным правителем, а его преемник Селим I (1512—1520) столкнулся с новыми осложнениями на востоке. Так что турки возобновляли мирный договор с Венгрией каждые три года, как только истекал его срок. Тем не менее, возможность вмешательства на Балканах была упущена, и все, чего добилась Венгрия в Далмации, это заключение договора с Венецией.

Польские Ягеллоны не могли непосредственно вмешиваться в дела южной Европы. После трагической гибели Владислава III у Варны в течение двух лет польский трон оставался свободным из-за ходивших слухов (и им охотно верили), что король жив и находится в плену у турок. В 1446 г. краковский епископ Збигнев Олесницкий, пользовавшийся в Польше наибольшим влиянием, добился общей поддержки для избрания великого князя литовского Казимира, брата погибшего короля. Казимир принял предложение, но воспротивился усилиям Олесницкого установить более тесную унию Литвы с Польшей. Коронованный польской короной в 1447 г.⁹, Казимир IV отстаивал принцип равенства между Литвой и Польшей и завершил территориальный спор между ними, передав Подолию Польше, а Волынь Литве.

Тем временем с юга к границам Подолии надвигалась турецкая угроза. Два румынских княжества — Молдавия и Валахия — были

ближайшими соседями Венгрии и Польши, и, конечно, они были более всего обеспокоены продвижением турок. В 1390 г. Валахия уже заключила нечто вроде союза с Польшей, но та не могла регулярно влиять на дела там, поскольку Валахию от нее отделяла Молдавия. Еще в 1387 г. при Ягайло молдавский господарь стал польским вассалом, и в XV в. эти отношения между двумя странами сохранялись. Самым доблестным из молдавских господарей был Стефан Великий (1457—1503*), который сохранил независимость своей страны, несмотря на несколько походов турок, разграбивших Валахию одновременно со взятием Константинополя¹⁰.

Более серьезным фактором было турецкое завоевание генуэзской колонии в Крыму Кафы, важнейшего торгового центра. Оказавшись в опасности в связи с турецким продвижением к Крыму, Кафа обратилась за защитой к Польше, но та не могла ей помочь, и в 1475 г. Кафа попала в руки турок¹¹. То, что турки утвердились в Крыму, таило угрозу и для Польско-Литовского «содружества». До тех пор татарское Крымское ханство, управлявшееся династией Гиреев, было союзником Польши и Литвы. После турецкого завоевания Кафы хан Менгли-Гирей переменял курс и стал вассалом Турции и союзником Москвы. Своими частыми вторжениями на русские земли, находившиеся под властью Литвы, он отрезал Литву от Черного моря.

Наступление турок на этом не закончилось. В 1484 г. Баязид II напал на Молдавию и захватил два важных черноморских порта — Килию и Аккерман. Эта тяжелая потеря заставила Стефана Великого обратиться за помощью к Польше и стать вассалом Казимира IV, хотя последний и не отваживался вступить в прямой конфликт с турками. С военной помощью Польши Стефан смог изгнать турок из Молдавии, но объединенного войска было недостаточно для того, чтобы отвоевать черноморские порты и освободиться от уплаты дани туркам. Дальнейшее польское наступление было сорвано вторжением Золотой Орды^{**}, инспирированным крымским ханом и турками.

Новые осложнения на южной границе проявились в правление преемника Казимира IV Яна Ольбрахта (1492—1501). Новый король был очень популярен среди польской шляхты и горожан, но, хотя он и стремился усилить королевскую власть, был вынужден сделать новые уступки магнатам, чтобы получить необходимые ему средства.

* Стефан III Великий (1457—1504).—Прим. перев.

** Имеется в виду так называемая Большая Орда, выделившаяся к тому времени из распавшейся Золотой Орды.—Прим. перев.

Он не забывал польских интересов на юге, и венецианцы прилагали огромные усилия, чтобы убедить его продолжить войну с Турцией. Видя, однако, что для подготовки его планов требуется больше времени, Ян Ольбрахт принял предложение Баязида II и в 1494 г. заключил перемирие сроком до 1497 г.

В 1494 г. в Левоче в Верхней Венгрии на съезде Ягеллонов обсуждались планы отвоевания черноморских портов и Кафы. Было решено принять меры для укрепления власти Уласло (Владислава) II в Венгрии, но в ходе обсуждения кампании против турок выяснились расхождения Польши и Венгрии в отношении положения Молдавии. Венгрия считала ее своим вассалом, что делало Стефана Великого подозрительным в глазах Польши.

Ян Ольбрахт подготовился к походу на черноморские порты и предпринял его в 1497 г. Литовцы во главе с великим князем Александром снарядили собственный поход. Однако все предприятие закончилось катастрофой. До сих пор неясно, что побудило Стефана Великого враждебно отнестись к полякам, как только они вступили на молдавскую землю. Вместо того чтобы воевать с турками, польская армия безуспешно осаждала столицу Стефана Сучаву. Когда же благодаря дипломатическому вмешательству Уласло II Венгерского было заключено перемирие, и польская армия отступала через Буковину, она была атакована войском Стефана и потерпела серьезное поражение. Ее спасла помощь, посланная великим князем литовским Александром, но вся экспедиция польских и литовских войск завершилась провалом. Турки отомстили, дважды вторгшись в Польшу и опустошив страну вплоть до Львова, Самбора, Санока и Пржеворска. Ян Ольбрахт был вынужден заключить оборонительный союз с Венгрией и примириться со Стефаном Великим. Он отказался принять участие в крестовом походе, который должен был помочь венецианцам в их войне с турками (1499), и начал переговоры о перемирии, заключенном в 1500 г.

Яна Ольбрахта сменил на престоле его брат Александр (1501—1506), ранее бывший великим князем литовским. Он мало что мог сделать для улучшения ситуации на юге, поскольку был глубоко поглощен конфликтами с Московским государством, серьезно усугублявшимися проводившейся им вестернизацией и полонизацией русских земель, находившихся под властью Литвы. Александр настойчиво, хотя и с малым успехом, защищал права короны от посягательств знати. Благодаря вмешательству Уласло II Венгерского между Польшей и Молдавией было достигнуто соглашение; сын и пре-

емник Стефана Великого Богдан III уступил Польше Покутье и женился на принцессе из дома Ягеллонов (1505). За этим успехом в 1506 г. последовало поражение, нанесенное крымскому хану Менгли-Гирею литовцами, в результате чего хан вынужден был отказаться от союза с Москвой.

Правление Сигизмунда I Старого (1506—1548) отмечено расцветом польской культуры и глубоким воздействием Ренессанса¹². Мир на южной границе Польши вскоре был нарушен. Богдан III воспользовался сменой короля и вновь занял уступленное им Покутье (1508). Изгнанный польскими наемниками, в 1509 г. он вновь вторгся на спорную территорию. Благодаря посредничеству Венгрии, чей сюзеренитет над Молдавией Польша признала в 1507 г., в 1510 г. был заключен мир. Новые осложнения в Турции, где Селим восстал против своего брата Баязида II и собирался завоевать Молдавию, и в Крыму, где хан Менгли-Гирей заключил союз с Московским государством, требовали принятия предосторожностей на южной границе. Татарские набеги были прекращены предложением финансовой помощи хану, а новый турецкий султан Селим I (1512) возобновил перемирие с Польшей.

Осложнения с великим магистром Тевтонского ордена, поддерживаемым императором Максимилианом I, и опасность, угрожавшая Польско-Литовскому государству со стороны Москвы, побудили Сигизмунда I вступить в переговоры с Габсбургами. Договор, заключенный между Габсбургами и Ягеллонами в Вене в 1515 г., был скреплен браками Людвика (Лайоша) II Ягеллона, будущего короля чешского и венгерского, с внучкой Максимилиана Марией, а также одного из внуков императора Фердинанда с сестрой Людвика Анной.

К счастью, султан Селим I, занятый в Египте и в Армении, не принял предложения Москвы о союзе против Польши и возобновил с ней перемирие, но в правление его сына Сулеймана I Великолепного (1520—1566) турецкая угроза проявилась в полной мере. Предприняв новую попытку завоевания Европы, турки вторглись в Венгрию, где правил сын Уласло II Лайош II Ягеллон (1516—1526). Как и его отец, он одновременно являлся чешским королем (Людвик II). В 1521 г. Белград был захвачен турками, и путь в Венгрию оказался открыт.

В это время возможности Венгрии к сопротивлению были подорваны анархией в управлении и социальными беспорядками, явившимися следствием эксплуатации крестьян дворянством, влияние

которого на общественную жизнь значительно выросло в годы слабого правления Уласло II. Перед лицом новой опасности юный король обратился за помощью к чешскому сейму и к Польше. Сигизмунд I Польский сумел прислать лишь небольшой отряд, а чешские силы подошли слишком поздно. Король отважился встретить турецкую армию у Мохача, где его небольшая армия была полностью уничтожена, а сам Лайош погиб (1526)¹³.

В это же время в огне была и южная граница Польши. Вторжения турок и их крымского ставленника Сидет-Гирея опустошали русские земли, находившиеся под властью Польши и Литвы. Эти набеги вынуждали короля усиливать оборону южной границы. Благодаря энергии великого коронного гетмана Яна Тарновского был осуществлен старый проект содержания на южной границе постоянной армии наемников. Набеги на польские земли прекратились, а вскоре литовский великий гетман Константин Острожский аналогичным образом обезопасил и литовские пограничные территории.

В этих условиях впервые на сцену истории Литвы вступают казаки. Это были колонисты различного происхождения, по большей части русского и польского, беглые крестьяне и дворяне, селившиеся в пограничных землях между Польско-Литовским государством и Крымским ханством, получивших название Украина. Для защиты своей собственности они организовывались в военные общины. Литовский сейм выдвинул идею (1524) включить их в литовскую армию для защиты границы. Кроме того, в 1533 г. на нижнем Днепре была основана флотилия для обеспечения безопасности этих районов. Однако попытка Польши отвоевать черноморский порт Очаков* была сорвана Сулейманом Великолепным и его марионеткой — крымским ханом. Более того, поражение в Мохачской битве имело следствием угрозу польской безопасности на венгерской границе.

Если бы Сигизмунд I немедленно после получения известия о Мохачской катастрофе выставил свою кандидатуру на чешский и венгерский трон, он, возможно, имел бы некоторые шансы быть избранным. Но он сделал это слишком поздно и без должной убежденности, и это давало шанс Габсбургам, притязавшим на обе короны в силу договора 1515 г. и скрепивших его брачных уз. Избрание Фердинанда I Австрийского (1526—1564), супруга Анны Ягеллонки и брата императора Карла V (1519—1556), в Чехии произошло после

* Очаков расположен на Днепровском лимане.—Прим. перев.

длительного торго, а в Венгрии состоялась двойная элекция, поскольку часть дворянства проголосовала за Яноша Запольяи. Между двумя кандидатами началась гражданская война. Это явилось страшным несчастьем для Венгрии и всей Центральной Европы. Разделенная Венгрия не могла сопротивляться захватчикам, и турки заволокли ее равнины. Была завоевана большая часть Хорватии. Далмация, оккупированная после распада королевства Боснии Венецией, также подверглась вторжению. Спасла свою самостоятельность только Рагуза — благодаря торговым связям с турками. Мирный договор 1540 г. отдал прибрежные далматинские города Венеции.

В Венгрии оба соперника обратились за помощью к Сигизмунду I Польскому. Король оказался в сложной ситуации. Запольяи был его зятем, и ему благоволила польская шляхта. Фердинанд I ссылался на венское соглашение, и, несмотря на враждебность большинства шляхты к Габсбургам, он также пользовался некоторой поддержкой польской знати. Все, что Сигизмунд мог сделать при таких обстоятельствах, это постараться прекратить гражданскую войну и примирить противников. Его усилия оказались тщетны, и Запольяи, дважды побежденный Фердинандом, бежал в Польшу, а затем был спасен султаном, с которым при посредничестве своих польских сторонников заключил союз. С помощью султана он смог захватить Буду и продвинуться до Вены.

В 1532 г. Сулейман Великолепный предпринял еще один поход на Вену, и в 1533 г. под впечатлением от успехов турок Сигизмунд I заключил мирный договор с султаном. Опасаясь новой враждебной акции со стороны султана, Фердинанд I и Янош Запольяи в 1538 г. заключили соглашение о разделе Венгрии. Запольяи получил Трансильванию, Буду и центральную Венгрию, но было обусловлено, что после его смерти все не захваченные турками земли перейдут под власть Габсбургов.

Ситуацию на южной границе Польши осложнили очередные неприятности, связанные с Молдавией. Новый молдавский господарь Петр Рареш, хотя и являлся венгерским вассалом, воспользовался борьбой за венгерский престол для враждебной акции в отношении Польши. Он захватил уступленную Польше молдавскую провинцию Покутье, но был разбит гетманом Сигизмунда Яном Тарновским, вернувшим спорную территорию (1531). Дальнейшие вторжения Рареша в Польшу прекратило новое нападение на Молдавию турок, поставивших вместо него господарем Стефана и ставших полными владыками страны.

С другой стороны, события в Венгрии предоставили султану новый предлог для вмешательства. Отношение Польши к обоим правителям разделенной Венгрии было довольно двусмысленным. В 1538 г. Сигизмунд I дал окончательное согласие на брак своего сына Сигизмунда Августа с эрцгерцогиней Елизаветой из дома Габсбургов. Несмотря на это, королева Бона из итальянского дома Сфорца, более благоволившая Запольяи, убедила мужа выдать за него замуж их дочь Изабеллу. Последний, рассчитывая на турецкую и польскую поддержку, забыл заключенное с Фердинандом I в 1538 г. соглашение. Когда в 1540 г. Запольяи умер, венгерская националистически настроенная знать провозгласила его младенца-сына Яноша Жигмонда королем Венгрии. Польский король просил султана поддержать его внука и в то же время уверял Фердинанда, что будет соблюдать нейтралитет в венгерских делах в обмен на признание притязаний Боны на герцогство Миланское.

Поход Фердинанда I на Буду привел к турецкому вторжению в Венгрию (1541). Армия Фердинанда была разбита, и Буда включена в турецкие владения в Венгрии. Янош Жигмонд получил, под турецким сюзеренитетом, Трансильванию с землями к востоку от реки Тисы. Новое нашествие турок в 1543 г. еще увеличило их владения. Опасаясь возобновления наступления турок, королева Бона дала согласие на отказ своей дочери Изабеллы от венгерского трона в обмен на обещанные ей Фердинандом уступки в Силезии (1544).

Националистически настроенные поляки, как и королева Бона, сохраняли враждебное отношение к Габсбургам и даже замыслили заключение антигабсбургского союза с Турцией и Францией. Напротив, прогабсбургская партия выступала за войну с Турцией. Обещания Габсбургов в отношении претензий Боны на герцогство Миланское предотвратили создание антигабсбургской коалиции, и Сигизмунд Август женился на эрцгерцогине Елизавете (1543), умершей, однако, спустя два года.

В интересах Габсбургов было спровоцировать конфликт между Польшей и Турцией. Польша нуждалась в свободном доступе к Черному морю и в 1545 г. захватила объект своих притязаний — порт Очаков. Войну, однако, предотвратило то, что королева заставила сейм одобрить выплату Турции возмещения за эту потерю и понесенный ущерб¹⁴.

В первые годы правления Сигизмунда II Августа (1548—1572) Габсбурги продолжали разжигать в Польше антитурецкие настро-

ния. Молодой король не скрывал своей неприязни к беспокойной польской шляхте и доверял только тем, кого сам возвысил до положения магнатов. Наиболее влиятельны среди последних были Радзивиллы, занимавшие первое место в Литве. Чтобы усилить свой престиж в королевстве, Сигизмунд Август считал полезным укрепить связи с Габсбургами. В 1549 г. он заключил союз с королем Чехии и Венгрии Фердинандом I и императором Карлом V (это подразумевало отказ от защиты интересов в Венгрии сына Яноша Запольяи и сестры Сигизмунда Августа Изабеллы).

Заключение Польшей пакта с Габсбургами, естественно, было с неудовольствием встречено в Турции, но поскольку султан в это время вел войну с Персией, он не смог предпринять никакой враждебной акции против Польши. Антитурецкая агитация, разжигавшаяся в Польше Габсбургами и их сторонниками, имела некоторый успех. В 1552 г. несколько авантюристов из польской шляхты предприняли поход против Молдавии, находившейся под властью Турции. Тем не менее, в 1553 г. султан утвердил польско-турецкий мирный договор. Дальнейшие экспедиции такого рода, предпринимавшиеся между 1560 и 1562 гг. и в 1572 г., не привели к разрыву дружественных отношений между Польшей и Турцией. Султан не хотел толкать Польшу в объятия Габсбургов, а Сигизмунд II Август, со своей стороны, глубоко вовлеченный в войну с Московским государством¹⁵, не желал никаких осложнений с Турцией. Дважды, в 1565 и 1569 гг., обсуждалась возможность польско-турецкого союза против Москвы, но она так и не была реализована.

Таким образом, Габсбурги должны были бороться с турками в Венгрии в одиночестве. В 1551—1562 гг. Фердинанд I вел в Венгрии постоянные военные действия с войсками Сулеймана I, но не добился решающих результатов. Сменив своего брата Карла V на императорском троне (1556), Фердинанд заключил мир с Яношем Жигмондом Запольяи, отказавшись в его пользу от притязаний на Трансильванию. Турки продолжали удерживать собственно Венгрию, а за предоставленную ему ее западную часть Фердинанд был вынужден платить им дань.

Преемник Фердинанда Максимилиан II (1564—1576) прекратил рейды на турецкую часть Венгрии, и Сулейман I в 1566 г. организовал против него новый поход. Это был его тринадцатый поход против Запада, оказавшийся и последним: он умер во время безуспешной осады крепости Сигетвар, которую героически оборонял хорватский бан Миклош Зриньи. Это было последнее наступление турок.

Максимилиан II, однако, не сумел развить успех и в 1568 г. заключил мир сроком на восемь лет с султаном Селимом II (1566—1574), не пытаясь извлечь выгоду из правления этого умного, но неумелого правителя. Даже великая морская победа, одержанная Испанией и Венецией над турками при Лепанто (1571), не подвигла Максимилиана II к действию, хотя победители были полны желания продолжать войну с Турцией. Бездействие Габсбургов и Ягеллонов дало Османской империи, мощь которой быстро сокращалась, некоторую передышку. Со смертью Сигизмунда II Августа (1572) пресеклась династия Ягеллонов, и польский трон вновь стал объектом соперничества.

Тяжелые обязательства, взятые на себя Польшей перед Литвой против растущей мощи Московского государства, были основной причиной, по которой «содружество» Ягеллонов было не в состоянии более эффективно бороться против турецкой опасности, хотя короли-Ягеллоны некоторое время занимали троны Польско-Литовского государства, Чехии и Венгрии.

Другой причиной была слабость польских королей в силу упадка королевской власти и роста экономического и политического влияния шляхты. Король целиком зависел от доброй воли шляхты и магнатов, принимавших на сеймах решения относительно налогов и податей. Жена Сигизмунда I королева Бона слишком хорошо это понимала, и одной из ее главных забот было создание для королевского дома собственного состояния: в этом отношении она следовала примеру германских королей XIII и XIV вв. Она пыталась провести многие другие экономические и политические реформы, направленные на усиление королевской власти, но не смогла добиться поддержки своих идей демократической шляхтой и эгоистическим магнатством. Так не оправдало ожиданий правление Ягеллонов, которым, казалось, была предназначена особая роль в борьбе с турецкой опасностью, но в этом их, пожалуй, едва ли можно обвинять.

Примечания

¹ Подробнее см. S. A. Atiya, *The Crusade of Nicopolis*, London, 1934. Ср. также: J. Dąbrowski, *Władysław I Jagiellończyk na Węgrzech*, Warsz., 1922.

² Стефан Лазаревич со своим войском участвовал в битве при Анкаре так же, как и ранее в турецких походах против Болгарии, Румынии и Жигмонда (Сигизмунда I Люксембургского). Его политикой, как и других сербских владетелей, было спасти остатки сербского государства ценой союза с осма-

нами. Перед смертью Стефан обратился к Сигизмунду и признал сюзеренитет Венгрии.

³ Подробнее см. G. Beckmann, *Der Kampf Kaisers Sigismunds* (см. Библ.).

⁴ Подробнее см. O. Halecki, *The Crusade of Varna* (см. Библ.). На с. 82—93 автор вновь опубликовал некоторые документы, касающиеся договора, до сих пор интерпретировавшегося по-разному. Определенный новый свет на все дело бросают письма Кириака Анконского, служащие О. Халецкому главным аргументом для пересмотра оценки позиции Владислава III. Однако интерпретация Халецкого, хотя и впечатляющая, не вполне убедительна. Как можно объяснить столь раннее возникновение традиции обвинения Владислава в клятвопреступлении? Даже если с короля должно быть снято обвинение в нарушении клятвы, поскольку он не ратифицировал договор, который уже скрепил клятвой султан Мурад II, его поведение многими будет расценено как намеренно лживое. Когда он уверял Мурада, что намеревается ратифицировать договор, то желал заставить султана вернуть свою армию в Азию, рассчитывая продолжить войну и изгнать турок из Европы. О реакции на победу у Варны в Турции ср. L. Fekete, *Das Fethnâme über die Schlacht bei Varna* // *Byzantinoslavica*, 14, 1953, S. 258—270. Ср. также замечание Г. Острогорского: G. Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, p. 503.

⁵ Ценные библиографические указания на литературу на славянских, венгерском и румынском языках, касающуюся продвижения турок к Дунаю после падения Константинополя, приводит Я. Мацурек в своей работе *Турецкая опасность и средняя Европа накануне и во время падения Константинополя* (*Byzantinoslavica*, 14, 1953, p. 130—157).

⁶ У Твртко I были следующие преемники: Дабиша (1391—1395); вдова Дабиши Елена (1395—1398); сын Твртко Степан Остоя (1398—1404); Твртко II (1404—1408); Степан Остоя (1408—1418); его сын Степан Остоич (1418—1421); Твртко II (1421—1443); сын Остои Степан Томаш (1444—1461); его сын Степан Томашевич (1461—1463). Их правления были заполнены борьбой с магнатами, Венгрией и турками. См. полнейшее описание: V. Klaić, *Geschichte Bosniens*, Leipzig, 1889, S. 248—439. Ср. также: R. W. Vlajić, *Untergang des bosnischen Königreiches*, Sarajevo, 1926, а также недавнюю работу О. Мандича: О. О. Mandić, *Bosna i Hercegovina*, Chicago, 1960.

⁷ Подробнее см. A. Gegaj, *L'Albanie et l'invasion turque* (см. Библ.).

⁸ Подробнее см. S. Gorčević, *Geschichte von Montenegro und Albanien*, Gotha, 1914, S. 79—124. Благодаря связям с Венецией культурный уровень Черногории в этот период был довольно высок. Черноевичи основали в Цетинье первую на Балканах типографию, где были напечатаны все известные сербские литургические инкунабулы.

⁹ См. специальные исследования о правлении Казимира IV и его сына Яна Ольбрахта: F. Papée, *Studia i szkice z czasów Kozimierza Jagłlonczyka*, Warsz., 1907; idem, *Jan Olbracht*, Kraków, 1936.

¹⁰ Подробнее см. R. Rosetti, *Stephen the Great* (см. Библ., р. 87—103).

¹¹ О Кафе имеется хорошая монография по-польски: M. Małowist, *Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475*, Warsz., 1947 (содержит полезные библиографические указания, с. 347—352, и резюме на французском языке, стр. i—xxxі).

¹² См. ниже, главу XIII, с. 363 и сл.

¹³ Об участии Чехии в обороне Центральной Европы от Османской империи см. J. V. Polišenský, *Bohemia, the Turk and the Christian Commonwealth* (см. Библ.; имеются библиографические указания).

¹⁴ О попытке Польши и Габсбургов получить доступ к Черному морю в конце XVI в. см. J. Macūřec, *Zápas Polska a Habsburků o přístup k Černému moři na sklonku 16 století*, Praha, 1931. См. ниже, главу XVII, с. 534 и сл., 551.

¹⁵ См. главу XI, с. 311 и сл., главу XII, с. 337.

Глава XI

Польско-Литовское государство и Балтика

Нестабильность в Пруссии после польской победы при Грюнвальде — Прусский союз; Польша восстанавливает власть над Пруссией и Поморьем (Померанией) — Альбрехт Бранденбургский и секуляризация герцогства Прусского — Успехи Польско-Литовского государства в Ливонии — Влияние ситуации в Ливонии на Польшу и Литву: Люблинская уния 1569 г. — Пассивность Польши в Пруссии

Проблемы, с которыми с самого начала столкнулась Польско-Литовская федерация, были связаны как с ее южными и западными границами, так и с северными, где она была отрезана от Балтики Тевтонским орденом. Поражение, нанесенное Ордену при Грюнвальде и Танненберге в 1410 г., было результатом тесного взаимодействия правителей Польши и Литвы — Ягайло и Витовта, но результатами победы поляки и литовцы не воспользовались в должной мере: Торуньский мир 1411 г. был очень невыгоден для победителей¹. Орден лишь отказался в пользу Литвы от притязаний на Жемайтию, и то только пока был жив Витовт. Многочисленные вопросы остались неурегулированными, в т. ч. выплата значительной контрибуции Польше.

Победители медлили развить свой успех в Пруссии, и в результате Орден получил новую передышку, что достойно лишь сожаления. Быстрая капитуляция прусских баронов и городов перед наступавшими поляками после Грюнвальда ясно показала, что новое государство на Балтике вовсе не было так сильно, как казалось, и пик его могущества уже миновал. Тому было несколько причин. Прежде всего, несмотря на успехи колонизации завоеванных земель, в Орденском государстве сохранялись многочисленные национальные различия. Дворянство Хелминьской земли оставалось польским, в том числе по своей ментальности. Дворяне Померании (Поморья) имели определенные общие интересы с поляками Хелминьской земли, а последние отличались от жителей немецких городов на побережье.

Немецкая и прусская знать западных районов опять-таки имела собственные интересы, но все вместе они сопротивлялись монополизации власти Орденом, члены которого, в основном выходцы из Германии, считались местной аристократией чужаками. В возникшем высоко централизованном государстве местные жители не имели никакого голоса. Привилегии, которых польская знать добилась в Польше, естественно, привлекали прусских дворян, в то же время серьезные экономические причины ставили процветавшие города в оппозицию к Ордену, являвшемуся их опасным торговым конкурентом.

В XIV в., по мере того как религиозный настрой слабел, ибо с обращением литовцев *raison d'être*, смысл существования Ордена — насаждение христианства среди язычников — прекращался, рос дух возмущения против рыцарей. Несмотря на «железное» правление рыцарей, оппозиция проявила себя беспорядками под пропольскими лозунгами в Гданьске (Данциге) в 1361 г. В 1378 г. дворянство Поморья выступило с петицией о снижении налогов; антиорденскую оппозицию, видимо, представлял и т. н. Союз ящериц (*Eidechsen Bund*) дворянства Хелминьской земли.

Все эти возможности Польша после битвы при Грюнвальде проигнорировала, но рыцари не забыли случившегося и особо отомстили Гданьску и хелминьской шляхте. Несмотря на временное усиление Ордена после 1410 г., вольнолюбивый настрой сословий и городов был велик. Поражение при Грюнвальде подорвало силы Ордена, и рыцари уже так и не оправились от понесенного ужасного удара. Тем не менее, они прилагали большие усилия, чтобы восстановить свои былые позиции, и в этом определенную поддержку им оказывал венгерский король Жигмонд (одновременно — германский король и император Сигизмунд I Люксембургский), соперничавший с Польшей, особенно из-за Галицкой земли, но его политика отличалась непоследовательностью. Обе враждующие стороны обратились за разрешением своих споров к высшей инстанции. Папский престол был, скорее, на стороне Ордена, но у него не было сил, чтобы навязать свою волю. В 1415 г. поляки представили свои жалобы перед Констанцским собором и развернули активную антиорденскую пропаганду среди других христианских народов. Ректор Краковского университета Павел Влодковиц из Брудзеня провозгласил ряд принципов, показавшихся большинству его современников революционными, выступив в защиту права язычников на существование и объявив практику насильственного крещения нехристианской. Отрицал он и право императора передавать земли язычников Ордену.

В 1420 г. в ходе новых дебатов император Сигизмунд I вынес благоприятное для Ордена решение, что побудило поляков и литовцев вновь развернуть военные действия, завершившиеся в 1422 г. упрочением власти Литвы над Жемайтией. В 1431—1435 гг. вспыхивали новые конфликты. В 1435 г. Орден заключил союз со Свидригайлом, но его ливонское отделение, напавшее на Литву, потерпело серьезное поражение. По требованию победителей заключенный мир должен был быть гарантирован прусскими сословиями, а Орден обязывался не обращаться ни к папе, ни к императору. Условия мира подверглись жестокой критике со стороны отделения Ордена в Германии, и этот конфликт не только серьезно ослабил его внутреннее единство, но и продемонстрировал падение его престижа.

Главный удар по Ордену нанесли города и сословия Пруссии. Воспользовавшись упадком Ордена и опасаясь последствий анархии, уже проявлявшейся среди рыцарей, хелминьская шляхта создала так называемый Прусский союз, ставившей целью расширение прав сословий. Орден отказал им в этом и был поддержан и императором, и папой, не заинтересованными в его дальнейшем ослаблении. Тогда члены союза стали ориентироваться на Польшу и, восстав против Ордена в 1454 г., обеспечили себе поддержку польского короля Казимира IV (1447—1492). Король в том же году провозгласил «инкорпорацию» Пруссии в состав польской короны, гарантировал и расширил привилегии членов союза.

В результате вспыхнул новый военный конфликт между Польшей и Орденом, не носивший уже, однако, такого общенационального характера, как «великая война», победу в которой принесла Грюнвальдская битва. Поляков поддерживал Прусский союз во главе с Данцигом, предоставившим все свои богатства в распоряжение польского короля. Хотя ожидавшиеся подкрепления из Германии не поступили и наложенный на союз интердикт не имел эффекта, Орден чрезвычайно решительно защищал свои владения. В его распоряжении были не только рыцари и священники, но и наемные войска. Поляки опирались на посполитое рушение — шляхетское ополчение, но его вооружение и тактика уже устарели, и оно не могло сравниться с опытным орденским войском. В результате война продолжалась тринадцать лет². Лишь когда поляки при финансовой поддержке Данцига обратились к наемникам — многие из них были по происхождению чехами, знакомыми с тактикой современной войны, — их положение улучшилось, и Орден должен был признать свое поражение.

Торуньский мир 1466 г. был гораздо более выгоден Польско-Литовскому государству, чем мир, заключенный в Торунь же в 1411 г., но победители вновь не использовали возможности окончательно ликвидировать власть Ордена. Польская шляхта не осознавала, что в польских интересах было выдворить Орден из Прибалтики, и опасалась вмешательства в этом случае на стороне Ордена папы и императора. Таким образом, Орден сохранил свое присутствие в Пруссии, хотя и потерял большую часть своих владений. Поморье с Гданьском, Хелминьская земля, северо-западное пограничье Пруссии с городами Мальборком, Эльблонгом (Эльбингом) и Вармийским епископством (позднее называвшиеся Королевской Пруссией) отошли Польше. Восточная Пруссия с Кенигсбергом осталась под властью Ордена, но в качестве вассала польской короны. Великий магистр получил титул князя-сенатора Польши, должен был принести вассальную присягу польскому королю и в случае войны оказывать помощь своему сюзерену. Условиями договора было также оговорено, что в будущем поляки будут допускаться в члены Ордена, хотя он и сохранит немецкий характер.

Торуньский мир 1466 г. предоставил Польше очень большие преимущества. Земли, за которые поляки сражались почти два столетия, были воссоединены с родиной, и Висла опять стала польской рекой. Польша вновь получила выход к Балтийскому морю, остававшийся в ее распоряжении почти до последней четверти XVIII в. Король пожаловал прусские города правами местной автономии и многими привилегиями. Отвоєванные земли не были непосредственно инкорпорированы в состав Польши, а получили автономный статус в сфере администрации, законодательства и суда, осуществлявшийся посредством прусского сейма, составленного из представителей шляхты, духовенства, городов и вновь учрежденного административного аппарата³.

Орден подписал договор 1466 г., но не имел намерения выполнять его условия. Польша, однако, переоценивала слабость Ордена и не обращала должного внимания на изменение его позиции, в результате чего поляки по-прежнему не допускались в его члены. С помощью венгерского короля Матвея Корвина (Матьяша Хуняди) (1458—1490) Орден попытался изменить условия договора, и великий магистр Мартин Трукзес отказался принести вассальную присягу польскому королю. В 1478 г. он даже предпринял дерзкую попытку вернуть утраченные земли. Примирившись с венгерским королем

согласно Оломоуцкому договору⁴, Казимир IV подавил этот мятеж, и в 1479 г. великому магистру пришлось унизиться перед польским владыкой. До конца XV в. Орден лояльно выполнял наложенные на него договором обязательства.

Орден продолжал поддерживать связи со Священной Римской империей и утешался тем, что ни император, ни папа не признали Торуньский мир. Связи Ордена с Германией усилились, когда великим магистром в 1498 г. был избран Фридрих Саксен-Мейсенский, несколько реорганизовавший орденские институты по образцу германских княжеств. Как имперский князь он отказался присягать Польше на верность, пока условия договора не будут изменены. Только в 1501 г. король Ян Ольбрахт (1492—1501) осмелился потребовать, чтобы великий магистр принес вассальную присягу, но умер, не достигнув цели, а его преемник Александр (1501—1506), всецело поглощенный войной с Московским государством, не имел возможности настоять на выполнении этого требования.

После смерти Фридриха в 1511 г. великим магистром был избран Альбрехт Гогенцоллерн, сын маркграфа Бранденбург-Ансбахского и Зофьи Ягеллонки, дочери Казимира IV⁵. Он также отказывался принести присягу своему дяде, королю Сигизмунду I (1506—1548), в чем нашел союзника в лице императора Максимилиана I. Последний был врагом дома Ягеллонов, занимавшего троны Чехии и Венгрии, на которые притязали Габсбурги. Ободренный поддержкой Габсбургов, Альбрехт потребовал не только освобождения от вассальных обязательств, но и возвращения некоторых земель по правому берегу Вислы и предпринял усилия по созданию антипольской лиги, включая Московское государство, с целью расчленения Польши.

Сигизмунд I положил конец этим планам, заключив с Габсбургами в Вене в 1515 г. договор о взаимной помощи, скрепленный браками Людвика (Лайоша) Ягеллона, венгерского наследника, с внучкой Максимилиана I и Фердинанда, одного из внуков императора, с сестрой Людвика Анной. Однако это не решило прусской проблемы, и Альбрехт продолжал готовиться к войне.

Альбрехт объявил войну в 1519 г. после смерти Максимилиана I. Она не принесла решительных результатов, и при посредничестве Лайоша II Венгерского и императора Карла V в 1521 г. в Торуне было заключено перемирие. Немедленным следствием этой войны было дальнейшее ослабление Ордена. Магистр его немецкого отделения в 1521 г. принял титул германского князя, в 1530 г. его примеру последовал магистр ливонского отделения. Такой же шаг за-

мыслил и Альбрехт, но будучи в Германии, вступил в контакт с Лютером, учение которого произвело на него огромное впечатление, и согласился с его предложением преобразовать территорию Ордена в светское герцогство. Естественно, этот план, сделавший бы Альбрехта имперским князем, не мог претендовать на поддержку императора, возглавлявшего в Германии католическую партию. Выход для Альбрехта был только один: отказаться от антипольского курса и признать вассальную зависимость от Польши. Эта идея нашла благоприятный отклик в Пруссии, где учение Лютера пользовалось значительной поддержкой. В 1525 г. Альбрехт представил свой проект королю Сигизмунду I.

При польском дворе идея Альбрехта была встречена со смешанными чувствами; согласие поляков на предложения Альбрехта и на секуляризацию Ордена обеспечило то, что становясь протестантским князем, Альбрехт должен был полностью порвать не только с папством, до сих пор выступавшим защитником Ордена, но также с императором и Священной Римской империей. В 1525 г. в Кракове был заключен мирный договор, и там же на рыночной площади Альбрехт как вассал Польши принес присягу Сигизмунду I.

Решение прусского вопроса поставило Польшу и Литву перед еще одной прибалтийской проблемой. К северу от Пруссии и Литвы лежали земли Ливонии (Лифляндии), включая Курляндию и Эстляндию,—современные Латвия и Эстония⁶. С XIII в. на этих землях активно селились немецкие колонисты, прибывавшие по приглашению Ордена Меченосцев, родственного Тевтонскому ордену, с которым он и объединился в 1237 г. После секуляризации Тевтонского ордена в Пруссии это его ливонское отделение* продолжало независимое существование. Другой могущественный политический фактор в Ливонии представляло Рижское архиепископство, оспаривавшее у Ордена высшую власть над страной.

Ливония же была объектом притязаний со стороны могущественного правителя Московского государства Ивана IV Грозного, полного решимости получить для своей растущей империи выход к Балтике. Рижский архиепископ Вильгельм, брат герцога Альбрехта Прусского, и несколько влиятельных членов Ордена представляли польско-литовскую партию, а орденский магистр Генрих фон Галлен со своими сторонниками желал заключить дружественное соглашение с Москвой.

* Имеется в виду Ливонский орден.—Прим. перев.

Король Сигизмунд II Август ясно сознавал, что в интересах Польско-Литовского государства присоединить Ливонию к королевству и таким образом обезопасить Литву от нападения Московского государства с северо-востока. В лице Альбрехта Прусского он нашел союзника, и уже в 1552 г. король и герцог обсуждали возможность секуляризации архиепископства и Ливонского ордена, на чьих землях уже распространилось протестантство. Затем Ливония должна была быть объединена с Польско-Литовским государством, как и Пруссия.

Однако, когда в 1554 г. магистр Ливонского ордена заключил договор о перемирии с Москвой, между ним и архиепископом разразилась война. Архиепископ был побежден и взят в плен, но благодаря вмешательству императора Фердинанда I преемник фон Галлена* признал верховную власть короля, а Вильгельм Рижский вернул себе свободу. Когда в 1558 г. Иван IV вторгся в Ливонию⁷, пропольская партия Ордена избрала нового магистра, Готтгарда фон Кеттлера. Последний, предвидя долгую борьбу с Московским государством, стремился заключить оборонительный союз не только с Литвой, но и с Польшей, однако в Литве вновь проявился старый дух партикуляризма, и в 1559 г. соглашение было подписано одной только Литвой**.

Вскоре стало очевидно, что для защиты Ливонии одних литовских войск, занятых также и на южной границе Литвы, недостаточно. Другие державы стремились извлечь свои выгоды из ситуации в Ливонии. Дания оккупировала остров Эзель, а шведы высадились в Эстляндии и в 1561 г. овладели Ревелем (Таллином). Эти осложнения ускорили развитие событий. Магистр и архиепископ согласились на секуляризацию своих религиозных интитутов; Готтгард фон Кеттлер стал герцогом Курляндским и вассалом польского короля, а территория с Ригой, оставшаяся от Латвии, непосредственно подчинилась Сигизмунду II Августу***.

Трудно было ожидать, что император Фердинанд I (1556—1564) потерпит новую ситуацию, поскольку Ливония считалась имперским леном. Сигизмунд II Август избежал вмешательства императора и возможности заключения им союза с Москвой благодаря своим союз-

* Имеется в виду Вильгельм фон Фюрстенберг.—Прим. *перев.*

** Соглашение о переходе Ордена под «протекцию» великого князя Литовского.—Прим. *перев.*

*** В 1561 г.—герцогство Задвинское (без Риги; Рига—с 1581 г.).—Прим. *перев.*

никам в Германии, наиболее могущественным из которых был курфюрст Бранденбургский, представитель другой ветви дома Гогенцоллернов. Чтобы привлечь его, Сигизмунд II Август в 1561 г.* расширил право наследования герцогства Пруссии, распространив его, кроме Альбрехта, его брата и их наследников, на курфюрста Бранденбургского и его потомство. Это было дорогой ценой, ибо Польша утрачивала право непосредственно инкорпорировать Пруссию после ожидавшегося пресечения линии герцога Альбрехта.

В том же году Московское государство вновь вторглось в Ливонию, и война продолжалась до 1570 г. Поначалу Польша выступала в союзе с Данией против Швеции и Московского государства, но последний союз распался, когда русские стали угрожать шведским владениям в Финляндии. Польско-Литовское государство было вынуждено создать нечто вроде пиратского флота, но Гданьск и города Ганзы вскоре начали протестовать против сокращения своей торговли на Балтике и с Русью. На мирном конгрессе в Штеттине в 1570 г. была сделана попытка координации интересов Польши, Дании, Швеции, императора Максимилиана II (1564—1576) и Ганзы. Однако император выступил в защиту своих притязаний на суверенитет над Ливонией, и требования Польши были отклонены; Ганза особенно возражала против ее настояний закрыть для судоходства реку Нарву, поскольку это воспрепятствовало бы возобновлению ее торговли с Русью.

Распространение интересов Польши на новый большой участок балтийского побережья привело к установлению ее более тесных связей с Англией. Между двумя дворами состоялся обмен несколькими посольствами. Польское посольство 1555 г. ясно обнаружило главный предмет своей озабоченности. Его глава гуманист Крыский просил королеву Марию Тюдор подтвердить права и торговые свободы, которыми до тех пор пользовалась в Лондоне Ганза. Эта просьба была высказана по настоянию прусских ганзейских городов, ныне находившихся под властью Польши.

Ход событий в Ливонии оказал значительное воздействие на внутреннюю эволюцию Польско-Литовского государства. В начале своего правления Сигизмунд II Август не скрывал недоверия шляхте, шумно требовавшей на сеймах конституционных реформ и более тесной унии между Польшей, Литвой и Пруссией. Однако поскольку

* В 1563 г.—*Прим. перев.*

король нуждался в поддержке шляхты для ведения Ливонской войны, между ними стали осуществляться более тесные контакты и произошло определенное сближение. Таким образом, в 1562 и 1563 гг. по крайней мере часть реформ была осуществлена. Петроковский сейм постановил вернуть короне всю собственность, розданную магнатам после 1504 г. без согласия сейма. Со своей стороны, король обещал четверть этих новых доходов отдавать для создания постоянной армии.

Требования более тесной унии Королевской Пруссии с польской короной, естественно, оказались тщетны. Ни король, ни магнаты не обращали серьезного внимания на такие предложения, а прусское дворянство и города упорно защищали свои привилегии, отказываясь создать общий сейм со всем королевством. Вместе с тем уступка, которую сделал король, разрешив бранденбургской ветви Гогенцоллернов унаследовать герцогство Пруссию, положила конец всем надеждам укрепить узы, связывающие герцогство с Польшей.

Лишь усилия достичь более тесной унии между Польшей и Литвой привели к позитивному результату, и то после того, как затянувшиеся переговоры были прерваны новым кризисом. Король не желал терять прочную династическую базу дома Ягеллонов в Литве из-за более тесной, реальной унии с Польшей, поскольку великим князем литовским мог быть избран только член дома Ягеллонов. Поэтому, чтобы сохранить унию с Литвой, поляки в кризисной ситуации должны были избрать королем Польши Ягеллона.

В Литве оппозиция реальной унии была наиболее сильной среди магнатов, из которых наиболее могущественными были Радзивиллы. Они даже лелеяли надежду, что если Сигизмунд II Август умрет, не оставив потомства, великим князем будет избран член их рода. Партикуляризм был глубоко укоренен в Литве, и унию с Польшей терпели лишь в силу необходимости. Даже в ходе обсуждения вопроса об унии этот настрой проявлялся всякий раз, когда литовцы одерживали военный успех в борьбе с Москвой.

Война с Московским государством была, однако, слишком тяжелым бременем для Литвы, и становилось все более очевидно, что без военной помощи Польши она не может противостоять войску Ивана IV; бои в Ливонии продемонстрировали это очень отчетливо. Вскоре литовская шляхта присоединилась к польской в стремлении создать более тесную унию двух государств. Литовская шляхта ревниво смотрела на те привилегии, которых добилась шляхта польская, и желала последовать ее примеру. Вскоре стало ясно, что пре-

людией и первым шагом к реальной унии должно стать преобразование литовского сейма: он должен был обрести те же состав и права, что и польский сейм. В 1565 г. королевским указом было прокламировано равенство сеймов, причем не только литовский сейм реорганизовывался по польскому образцу, но в Литве также учреждались сеймики и осуществлялись административные и судебные реформы, сближавшие ее с Польшей.

В начале 1569 г. в Люблине оба сейма начали переговоры об условиях унии, но уже во время первой их стадии вновь проявился старый дух литовского сепаратизма, и члены литовского сейма покинули город, втайне надеясь таким образом отсрочить дело. Однако король и члены польского сейма продолжили работу над своим проектом унии, предусматривавшим единый сейм при сохранении особого политического статуса Литвы. Литва должна была сохранить собственных высших должностных лиц и армию. Кроме того, король и польский сейм инкорпорировали в состав польской короны три области Южной Руси—Рутении, бывшие под властью Литвы: Подляшье, Волынь и Брацлавщину⁸. Киев также стал частью Польского королевства. Это расширение Польши мотивировалось ее желанием принять более активное участие в литовско-русском конфликте и обороне южной Литвы от татар, что было возможно, только если Польша будет иметь общую границу с обоими противниками Литвы.

Ухудшение финансового и военного положения Литвы вынудило ее шляхту, собравшуюся в Вильнюсе, принять Люблинскую унию, несмотря на оппозицию Радзивиллов. Литовцы потребовали только, чтобы кроме общего сейма в обоих государствах продолжали существовать отдельные сеймы для обсуждения местных дел. Таким образом, унию между двумя государствами представляли общий король и избиравший его общий сейм, который должен был собираться недалеко от литовской границы в Варшаве. После элекции коронация должна была производиться один раз, в Кракове. Общий сейм также должен был выносить решения, касающиеся внешней политики⁹.

Заключение Люблинской унии знаменует важную веху в истории Восточной Европы. Восхваляемая польскими историками как способствовавшая распространению западной цивилизации далеко на восток, другими она осуждается как акт насилия в отношении литовцев. Однако шляхта Волыни и Киевщины, желавшая добиться таких же свобод, как и польская знать, вовсе не видела все дело в таком свете, а прочее население, естественно, в расчет не принималось. Об одной вещи можно сказать наверняка: после 1569 г. значительно уси-

лилась враждебность Московского государства в отношении Польши, и как только Русь преодолела внутренний кризис, последовавший за пресечением династии Рюрика, эта застарелая враждебность к Польше вновь оказалась фатальной и для нее, и для Литвы.

С другой стороны, Польша не смогла добиться более тесной унии Пруссии с польской короной. Сигизмунд II Август упустил самую лучшую возможность к этому, когда Альбрехту наследовал как герцог прусский его умственно неполноценный единственный сын Альбрехт Фридрих, который не мог самостоятельно удерживать бразды правления. Это предоставляло польскому королю возможность, как ожидали пропольские прусские сословия, назначить регентом герцогства Пруссии поляка. Однако у Сигизмунда и его сената не было четкой политики в отношении Пруссии, и они не осознавали, что для Польши жизненно важно установить контроль над всем балтийским побережьем. Благоприятная возможность не была использована, и реальная власть в Пруссии сосредоточилась в руках герцогского совета. В то же время решение Сигизмунда установить более тесную унию Королевской Пруссии с польской короной и урезать ее автономию имело следствием беспорядки, с которыми лишь с трудом удалось справиться.

При новом польском короле Стефане Батории (1576—1586) Гданьск возглавил опасную попытку отторгнуть Поморье от Польши¹⁰. Королю пришлось пойти войной на Гданьск, граждане которого перешли под защиту датского короля. Однако прусская политика энергичного и храброго Стефана Батория встретила очень мало понимания со стороны польской аристократии. Война с Гданьском началась в 1576 г. и завершилась в следующем году Мальборкским миром. Гданьск возвращался под власть Польши, выплачивал контрибуцию, и ему жаловалась полная амнистия. К 1585 г. город уже восстановил большую часть своих привилегий, урезанных Сигизмундом II Августом.

Тяжелые бои на русском фронте не дали, однако, Стефану Баторию возможности сконцентрироваться на Королевской Пруссии. Он отказался от всех планов более тесной унии Пруссии с Польшей и вверил опеку над Альбрехтом Фридрихом и управление Пруссией Георгу Фридриху Бранденбург-Ансбахскому, дав ему титул герцога прусского. Таким образом, наследование герцогством Пруссией перешло к иной ветви Гогенцоллернов.

Другая возможность была упущена Стефаном Баторием в 1582 г., когда прусские сословия, недовольные регентством Георга Фридри-

ха, организовали оппозицию ему и обратились к польскому королю с просьбой о вмешательстве. Вместо того чтобы назначить регентом поляка, король и канцлер Ян Замоиский приняли сторону Гогенцоллернов в их борьбе с мятежными сословиями. В 1585 и 1597 гг. те вновь тщетно взывали к польскому королю. Таким образом, благодаря помощи самой Польши Георг Фридрих сумел укрепить связи между герцогством Пруссией и Бранденбургом.

Король Сигизмунд III (1587—1632) из шведской династии Ваза, как и его предшественник, был пассивен в герцогстве Пруссии. Когда в 1603 г. Георг Фридрих Гогенцоллерн умер, Сигизмунд III вместо того, чтобы назначить регентом поляка, вручил управление Пруссией бранденбургскому курфюрсту Иоахиму Фридриху, а после его смерти в 1609 г.—его сыну и преемнику Иоганну Сигизмунду. Польская аристократия не более осознавала польские национальные интересы в Пруссии, чем король, который был поглощен своими притязаниями на шведский престол, и в 1611 г. сейм санкционировал его курс. Курфюрст, принеся вассальную присягу польскому королю, добился дальнейшего расширения права наследования Пруссии. Только после пресечения всей бранденбургской династии герцогство Пруссия могло быть возвращено польской короне. Курфюрст обещал содержать флот для защиты прусской торговли на Балтике, ежегодно выплачивать Польше 300 тысяч гульденов и оказывать помощь своему сеньору в случае войны.

Когда в 1618 г. умственно неполноценный Альбрехт Фридрих умер, бранденбургский курфюрст стал герцогом Пруссии. Хотя феодальная зависимость Пруссии от Польши сохранялась, узы между польской короной и герцогством Пруссия, естественно, ослабели. Польское влияние в Пруссии продолжало падать, пока в 1657 г. та не перешла окончательно под власть бранденбургского курфюрста, переставшего быть польским вассалом; его независимое правление оказалось губительно для свобод и привилегий прусских сословий.

Конечно, в XVI и XVII вв. поляки не могли предвидеть последствий своей пассивности в Пруссии. Польские короли, поглощенные конфликтами с Московским государством, Швецией и Данией, вне сомнения, рассматривали свои соглашения с Гогенцоллернами как выгодные при существовавшем положении вещей. И все-таки, отсутствие твердой и стабильной политики в Пруссии помогло Гогенцоллернам построить мощное авторитарное государство и усилить свое влияние в Германии. За это Польше пришлось тяжело расплатиться в XVIII в., когда именно Пруссия инициировала ее раздел.

Примечания

¹ См. главы IX, с. 280. Ср. С. Krollmann, *Die Schlacht bei Tannenberg, ihre Ursachen und Folgen*, Königsberg, 1910.

² См. исследование К. Горского о последствиях этой войны для балтийских земель: К. Gorski, *Pomorze w dobie wojny trzynastoletniej*, Poznań, 1932.

³ О первых сорока годах истории Королевской Пруссии см.: К. Gorski, *Pierwsze czterdziestolecie Prus Królewskich, 1466—1506* // *Rocznik Gdański*, 11 (1937). См. также его более общую работу о Тевтонском ордене: *Państwo krzyżackie w Prusach*, Gdańsk—Bydgoszcz, 1946.

⁴ См. выше, главу X, с. 290.

⁵ О политике Альбрехта в отношении Польши см. Е. Joachim, *Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg* (см. Библ.). О попытках Пруссии заключить союз с Русью см. К. Forstreuter, *Preussen und Russland*, S. 75—100 (см. Библ.). Ср. также главу XII, с. 334.

⁶ Для средневековой истории Ливонии остается полезным второй том труда Шимана: Th. Schieman, *Russland, Polen und Livland*, Berlin, 1887. См. также М. Hellmann, *Das Lettenland im Mittelalter*, Münster, 1954, и W. Kirchner, *The Rise of the Baltic Question*, Newark, 1954. См. также главу I, с. 37—38.

⁷ Подробнее см. главу XII, с. 337.

⁸ Польская точка зрения на проблему инкорпорации изложена О. Халецким: О. Halecki, *Przylączenie Podlasia, Wołynia i Kijowczyzny do Korony w roku 1569*, Kraków, 1915. Ср. главу XVIII, с. 567, 579.

⁹ Несколько важных исследований о правовых отношениях между Польшей и Литвой было представлено известными польскими историками на симпозиуме *Polska i Litwa w dziejowym stosunku* (Польша и Литва в историческом освещении—Warsz., 1914). Ср. также О. Balzer, *Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej*, Lwów, 1919, и его же, *Stosunek Litwy do Polski* (в т. 3 посмертного издания его сочинений—Lwów, 1937; имеется резюме по-французски). Краткий очерк истории унии принадлежит О. Халецкому: *L'évolution historique de l'Union polonolithuanienne* // *Le Monde Slave*, 2 (1926). Ср. также библиографический обзор польских работ о Польше и Литве: *Przegląd badań nad dziejami Litwy 1385—1569* // *Pamiętki VI zjazdu histor. polskich* (1935).

¹⁰ Подробнее см. К. Lepszy, *Stefan Batory a Gdańsk* // *Rocznik Gdański*, 6 (1932).

Глава XII

Возвышение Московского государства и его отношения с Польско-Литовским государством

Борьба Василия II за московский трон и новая политика в отношении татар—Литва и соби́рание Василием земель Восточной Руси—Василий II и Флорентийский собор—Москва, Польско-Литовское государство и Византия—Иван III—великий соби́ратель Руси—Иван III, Казимир IV, великий князь литовский, король польский, и татары—Иван III, византийская принцесса Зоя (Софья), папа и турки—Василий III—продолжатель политики соби́рания земель—Победы Ивана IV над Казанью и Астраханью и экспансия Руси в Сибирское ханство—Успехи Ивана IV в Прибалтике—Кандидатура Ивана на польский престол и его неудачи в Прибалтике—Иван IV и знать—Иван IV и европейская дипломатия—Федор I, патриаршество на Руси и пресечение династии Рюрика

В то время как Польша и Литва, все более склонявшиеся в сторону Запада, должны были принимать участие в борьбе Центральной и Южной Европы с турками, Москва получила столь необходимое ей время, чтобы преодолеть внутренний кризис и продолжить соби́рание княжеств Восточной Руси. Сын Василия I Василий II (1425—1462) стал московским правителем благодаря постепенно утверждавшейся в политической жизни княжества новой системе наследования—по праву первородства. Видимо, этот принцип был принят уже настолько широко, что когда дядя Василия II князь Юрий Дмитриевич оспорил права молодого князя, он не рискнул сослаться на древнее право наследования—старшего в роду, а апеллировал к условиям завещания Дмитрия Донского, неверно интерпретированного им в свою пользу. Дмитрий, действительно, упомянул Юрия как наследника Василия I, но только в том случае, если тот умрет, не оставив потомства.

Ордынский хан, призванный быть арбитром в споре, решил вопрос в пользу Василия II. Когда Юрий силой оружия изгнал молодого великого князя из Москвы, бояре и население Москвы поднялись

на защиту его прав и вынудили Юрия отказаться от своих притязаний. После того как Юрий, которому удалось вторично изгнать Василия II из Москвы, неожиданно умер, его старший сын Василий Косой предъявил права на наследство отца по праву первородства. Он потерпел поражение, потерял свой удел, был ослеплен, а затем лишен жизни.

К счастью для Василия II, Золотая Орда со столицей в Сарае на Волге постепенно распадалась. Группы татарских воинов отпадали от политического центра, и их вожди основывали независимые орды. Другие группы кочевали на ничейной земле в степи как вольные воины—*казаки**. Василию II удалось разбить одну из таких орд, предпринявшую поход на Рязань (1443—1444). Событие, случившееся в 1445 г., подтвердило, что в отношениях между Москвой и татарами наступил новый период. Когда Улу-Мухаммед, хан одной из орд, захватил Новый Низовый город около Городца¹ и напал на Муром, Василий II попытался изгнать его орду из русских земель, но потерпел поражение и был взят в плен**.

Показательно, что во время своего пленения Василий подружился со многими представителями татарской знати, включая двух сыновей Улу-Мухаммеда—Якуба и Касима. Пообещав богатый выкуп, Василий II был освобожден и вернулся в Москву в сопровождении многочисленных татарских царевичей, посланных наблюдать за сбором средств для выкупа².

После того как Улу-Мухаммед был убит своим старшим сыном Махмутеком, утвердившимся в Казани, Василию II удалось привлечь на свою сторону большую часть пришедших с ним татар, а также завладеть собранными ими деньгами. К ним присоединились другие татары, недовольные Махмутеком, но привлеченные посулами великого князя. Так Василий II обрел значительное количество лояльных татарских вассалов, которых можно было использовать не толь-

* Вообще, казаки (тюрк.)—вольные люди; воины. Казачество формировалось, в основном, из славянского населения, селившегося на окраинах.—*Прим. перев.*

** Согласно Никоновской и др. летописям, Улу-Мухаммед в 1444 г. занял Нижний Новгород; принятая автором версия Г. Вернадского, что данные события происходили в Городце, подвергается обоснованному сомнению—ср. А. А. Зимин, *Витязь на распутье*, М., 1991, с. 101, 244—245. Сокрушительное поражение в 1445 г. Василий II потерпел от татарских царевичей Махмутека и Якуба, сыновей Улу-Мухаммеда.—*Прим. перев.*

ко во внутривластных делах, но и в борьбе с другими татарскими ордами. Конечно, это вызвало оппозицию со стороны русского боярства. Брату Василия Косого Дмитрию Шемяке удалось во время отсутствия Василия, отправившегося на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, захватить Москву, взять Василия в плен и ослепить его.

Василий II, освобожденный Шемякой по настоянию рязанского епископа Ионы и получивший в удел Вологду, был восстановлен на престоле своими русскими и татарскими сторонниками. Касим и Якуб, после трагической смерти своего отца нашедшие убежище на среднем Днепре «в Черкасах», пришли на помощь Василию и присоединились к его сторонникам. Шемяка был вынужден оставить Москву и освободить семью Василия, но сохранил свое родовое наследие. Несмотря на поражение, он продолжил борьбу за великокняжеский престол. Василий II обратился к суду русской церкви. Ее иерархи заняли твердую позицию и направили Шемяке послание с требованием подчиниться. Этот документ имеет огромное значение, показывая, насколько прочно идеи монархии, права первородства и гегемонии Москвы вошли в сознание современников.

В своем послании иерархи сравнили мятеж отца Шемяки против великого князя с грехом Адама, восставшего по наущению сатаны против Бога, а деяния Шемяки — с деяниями Каина против его невинного брата Авеля и Святополка Окаянного, предавшего смерти знаменитых святых-мучеников Бориса и Глеба. Князю пригрозили отлучением от церкви, а когда он продолжил свою борьбу, эту угрозу привели в исполнение*. В конце концов Шемяка потерпел поражение и был отравлен в Новгороде, где он обрел убежище, агентом Москвы (1453). Этот инцидент еще раз свидетельствует о той огромной помощи, которую церковь оказывала московским князьям в их борьбе за первенство, и о том, как позиция высших церковных иерархов способствовала утверждению монархической идеи в Восточной Руси.

Татарские отряды, перешедшие на сторону Василия, несли сторожевую службу, помогая русским отражать набеги татарских орд из Казани, Сарая и Поднепровья в 1449 и 1451 гг. Чтобы умерить недовольство русских бояр раздачей русских городов в уделы (*кормления*) татарским царевичам, а также обезопасить границы московского великого княжества от набегов из Казани и Сарая, Василий II поселил

* Факт отлучения Шемяки от церкви подвергается большим сомнениям — ср. А. А. Зимин, *Витязь на распутье*, М., 1991, с. 144. — Прим. перев.

татар с царевичем Касимом в Городце на Оке, основав тем самым новое татарское ханство — Касимовское, вассальное Москве. Этот успех ясно показывает, что эпоха монголо-татарского ига на Руси приближалась к концу.

К счастью для Руси, литовская угроза на многие годы отодвинулась в тень. План Витовта укрепить независимый статус Литвы путем обретения ее великими князьями королевского титула на некоторое время был актуализирован его преемником Свидригайлом, братом Ягайлы. Однако все это кончилось ничем, поскольку разразилась братоубийственная борьба между Свидригайлом и братом Витовта Сигизмундом³. При великом князе Сигизмунде и особенно после 1440 г., при его преемнике Казимире, сыне Ягайлы, все более развивается процесс поглощения Литвы Польшей, усилившийся, когда Казимир стал польским королем.

В этой ситуации тверской и рязанский князья, присоединившиеся в 1427 г. к создававшемуся Витовтом «литовскому содружеству», сочли более перспективной борьбу за московский великокняжеский трон и отказались от идеи союза с Литвой. Василий II одержал победу над Шемякой при помощи Твери; добрые отношения между Москвой и Тверью укрепил брак старшего сына Василия Ивана с дочерью Бориса Тверского Марией.

Благодаря всем этим обстоятельствам Василий II, наименее способный из всех московских великих князей, стал одним из наиболее успешных «собирателей русских земель». Под разными предлогами ему удалось избавиться от князей, симпатизировавших его противникам, он присоединил Можайск, Боровск и Серпухов, а в Рязани установил власть московского наместника, номинально правившего от имени малолетнего князя, которого умирающий отец поручил покровительству Василия. Затем Василий II предпринял поход на Новгород, не поддержавший его в ходе борьбы за великое княжение. Новгородская республика потеряла Устюг и Вятку и вынуждена была выплатить Москве огромные суммы денег. Была ликвидирована законодательная власть *веча*, город должен был отказаться от своей печати и лишился права предоставления убежища.

Вскоре религиозный вопрос создал новые проблемы на русских землях Литвы, что позволило Василию II провозгласить великого князя московского единственным защитником православия. Поводом для этого послужил союз, заключенный между Византией и Рим-

ской церковью на соборе во Флоренции (1439). Великий князь неохотно дал разрешение русскому митрополиту Исидору (Сидору) отправиться на собор. Исидор был поставлен патриархом митрополитом Руси вопреки желанию Москвы, предлагавшей на этот пост епископа рязанского Иону. Василий II обнаружил свои истинные чувства, когда перед поездкой предупредил Исидора о невозможности какого-либо соглашения с «латынянами». Митрополит, однако, принял Флорентийскую унию, был сделан кардиналом и папским легатом, а по приезде в Москву стал проповедовать воссоединение с Римом.

Интересны свидетельства о путешествии Исидора в Феррару и самом соборе в *Софийской II*⁴ и *Воскресенской*⁵ летописях, сделанные русским православным современником, а также описания изумления великого князя и москвичей при известии об унии, заключенной с латинскими «еретиками». Исидор повелел нести перед собой латинский крест и в начале своего путешествия, в Дерпте (Юрьеве), даже поцеловал этот еретический символ; «водимый дьяволом», он упомянул имя папы во время литургии. Благоверный великий князь, «царь всея Руси», которому «откры Господь Бог велеумне разумевати и вся мудрствовать», не дал ввести себя в заблуждение. Услышав все эти ужасные вещи,—а митрополит даже зачитал публично послание папы православному князю—Василий II отказался принять благословение от еретика-митрополита, отправил его каяться в монастырь, лишил сана митрополита и, наконец, дал бежать «к папе своему»⁶.

Меры, принятые великим князем, были одобрены всеми епископами русской православной церкви⁷. Борис Тверской, обратив которого надеялся Исидор, бросил его в тюрьму; не добился он успеха и в Литве. Отношение русских к унии характеризует и то, что когда Дмитрий Шемяка занял Москву (1446) и ослепил своего двоюродного брата Василия II, он не выказал никакого интереса к судьбе митрополита Исидора, хотя его собственный мятеж против великого князя был резко осужден православными иерархами. Напротив, Шемяка даже ускорил дальнейшее развитие событий. Он отказался примириться с Василием II, вновь одержавшим победу и вернувшим себе титул великого князя. Ввиду отсутствия на Руси митрополита, Василий созвал священный собор (1448) и способствовал возведению епископами рязанского епископа Ионы на митрополичий престол. Выборы и поставление митрополита киевского и всея Руси совершенно не зависели от константинопольского патриарха.

Благодаря событиям в Польше и Литве новый митрополит смог распространить свою юрисдикцию также на православное население

Польско-Литовского государства. В Литве польский король Казимир IV нашел опасного противника в лице сына Сигизмунда Михайла и поэтому стремился сохранять хорошие отношения с Василием II. Дружественные узы между двумя государствами были скреплены договором, подписанным в 1449 г. В результате в 1451 г. Иона получил официальное подтверждение своей юрисдикции над Литвой, а позднее и над находившейся в составе Польши Галицкой землей. Когда в 1452 г. епископ Даниил, поставленный Исидором, признал митрополитом Иону, победа Москвы была полной.

Следует подчеркнуть, что Василий II не собирался полностью порывать с Византией. Его первой реакцией было написать константинопольскому императору Иоанну VIII (1425—1448), жалуясь на Исидора и испрашивая разрешения избрать нового митрополита Руси без вмешательства патриарха. Послание сохранилось, его первую редакцию следует датировать 1441 г. Оно, однако, не было отправлено, поскольку тем временем великий князь узнал, что и император, и патриарх приняли унию с «латынянами». Возможно, оно было послано два года спустя новому патриарху Григорию Мамме, так как *Софийская II летопись* содержит его список с новой датой.

Реакция Константинополя на это послание, если оно туда попало, неизвестна. Истинные чувства великого князя в связи с полным разрывом с Константинополем отражает его письмо 1451 г. императору Константину XI (1449—1453), информирующее об избрании русскими епископами нового митрополита, Ионы Рязанского. Письмо чрезвычайно почтительное, великий князь прилагает все усилия, чтобы объяснить инициативу свою и епископов. Из-за татар и турок путешествие в Константинополь столь опасно, а разногласия оказывают такое разрушительное действие на церковь, что великий князь и русские иерархи были вынуждены предпринять эту меру; императора просят понять это правильно. Акция русских вызвана исключительно обстоятельствами и не содержит намерения оскорбить императора или патриарха. Великий князь выражает также желание объяснить свои действия патриарху, но не знает, есть ли он в Константинополе⁸.

Послание представляет собой важное свидетельство тех чувств, которые в XV в. русские питали к императору и константинопольскому патриарху. Оно также показывает, что отделение от Константинополя не было столь неожиданным, как это может показаться, и что русские, возможно, продолжали бы считать константинопольско-

го императора главой восточного христианства независимо от того, что их митрополиты избирались бы без согласия патриарха, если бы в 1453 г. турки не положили конец Византийской империи.

Это событие, а также эволюция Польско-Литовского государства оказали глубокое воздействие на будущий статус церкви Восточной Руси. Польский король Казимир IV изменил свое отношение к митрополиту киевскому и всея Руси Ионе и обратился с просьбой к Риму о новом киевском митрополите в преемники Исидору. В 1459 г. ученик Исидора Григорий появился в Литве и был признан в качестве митрополита киевского. Польский король просил даже великого князя московского принять нового митрополита, и существовала опасность, что он будет принят в Твери и Новгороде. Просьба была, естественно, отклонена, но так как Григорий похвалялся, что он был поставлен константинопольским патриархом Григорием Маммой (1443—1450), то представлялось необходимым укрепить позиции Ионы.

В 1459 г. был созван собор русской церкви, на котором русские епископы отвергли Григория и провозгласили Иону и его преемников правомочными митрополитами киевскими и всея Руси. Это решение завершило отделение русской церкви от Константинополя и прокламировало ее независимость. Хотя литовские епископы, поддержанные королем Казимиром, оставались верными Григорию, Ионе удалось, по крайней мере, предотвратить переход Твери и Новгорода на сторону его соперника. С этого времени, однако, в церковном отношении Западная и Южная Русь были отделены от Восточной. После смерти Ионы его преемник отказался от прежнего титула и стал называть себя митрополитом московским.

Провозглашение церковной независимости Москвы явилось судьбоносным шагом, имевшим серьезные последствия для будущего развития Руси и всего православия. Русская церковь потеряла поддержку влиятельного, хотя и далекого константинопольского патриарха и все сильнее втягивалась в зависимость от великого князя московского. С этого времени митрополиты избирались епископами, но утверждались великим князем. Собор 1459 г. особо признал эту прерогативу московского правителя, естественно, еще усилившую его авторитет.

С другой стороны, «отступничество» Константинополя от православия, выразившееся в принятии Флорентийской унии, усилило осознание себя русской церковью как единственной защитницы истинной веры. Падение Константинополя было расценено Ионой и его современниками как Божье наказание за «отступничество» и убе-

дило русских, что их отношение к союзу с «еретиками»-латынянами нашло одобрение свыше. Решительная победа Василия II над Шемякой и смерть последнего интерпретировались как Божья награда за бескомпромиссную позицию великого князя в вопросах веры. Все это укрепило подозрительное отношение церкви Восточной Руси ко всем иноземным влияниям, равно с католического Запада и с греческого Востока, и сделало ее духовную изоляцию еще более полной. Вскоре великий князь стал рассматриваться как неустршимый защитник православия, воспринявший в некотором отношении роль константинопольского императора, а политическая вражда между Польско-Литовским государством и Москвой еще сильнее разжигала антилатинские настроения. Так было подготовлено завершение процесса утверждения политического и религиозного лидерства Москвы, достигнутое при Иване III, Василии III и Иване IV. Все это, несомненно, питало теорию «Третьего Рима», так сильно повлиявшую на русскую мысль: первым был Рим, подвергшийся порче, вторым — Византия, отпавшая от православия, третий — Москва, а четвертому — «не быть»⁹.

Великий князь Иван III (1462—1505) не только упрочил основы, на которых строилось Московское государство¹⁰, он, несомненно, обеспечил его гегемонию в Восточной Руси и продемонстрировал его растущую мощь дворам современной Европы. Василий II, стремившийся обеспечить наследование за своим сыном, с детства приобщал Ивана к ведению политических и военных дел. Несчастья отца закалили характер Ивана и наполнили его решимостью принять все меры предосторожности против повторения подобных событий. Он был полон физической энергии, сознавал, сколь велика роль великого князя в государстве, и был преисполнен решимости сохранить и усилить его самодержавную власть. Великий князь обладал определенными талантами государственного деятеля, был терпелив и хитер в переговорах и предпочитал добиваться своих целей, не прибегая к военным методам.

В Восточной Руси четыре князя еще обладали следами былой самостоятельности — ярославский, ростовский, тверской и рязанский. Существовало также пять уделов, четыре из которых были даны Василием II братьям Ивана, а пятый, верейский, находился во владении князя Михаила Андреевича. Новгород, хотя его права и владения сократились, был все еще могуществен и полон решимости защищать остатки своей независимости. Город-республика Псков был более лоялен к великому князю.

Прежде всего Иван III сконцентрировал внимание на ликвидации потенциальных противников внутри Восточной Руси. В 1463 г. Москве подчинился князь ярославский, за ним в 1474 г. — князь ростовский. В 1465 г. с вероломной безжалостностью была уничтожена самостоятельность Верейского княжества. Затем те же методы Иван обратил против своих братьев. Когда в 1472 г. умер его брат Юрий, Иван захватил его удел, нарушив таким образом древний обычай, согласно которому в таких случаях удел делился между живущими братьями. Он унаследовал удел своего младшего брата, но Борис Волоцкий и Андрей Углицкий¹¹ заключили союз и восстали против брата. Новое вторжение татар заставило Ивана примириться с братьями, но в 1491 г., забыв свои обещания, подкрепленные клятвой, Иван вероломно арестовал Андрея с сыновьями и бросил умирать в тюрьме. Великого князя не тронуло даже заступничество митрополита. Он открыто признал, что стремится избежать всякой опасности для себя и своих наследников со стороны других членов династии. Бориса оставили в покое, так как он более не был опасен. Незадолго до смерти Ивана половина княжения Бориса была завещана великому князю его племянником*.

Борьба за Новгород длилась дольше¹². В городе-республике великого князя поддерживала промосковская партия, имевшая многочисленных сторонников среди беднейшей части горожан. Однако в начале правления Ивана в политической жизни республики доминировала сильная пролитовская партия. В результате брат киевского князя был призван в Новгород в качестве князя и защитника города. Однако, когда архиепископом новгородским стал московский кандидат Феофил, усилилась промосковская партия.

Под воздействием поражения Тевтонского ордена (1466) и его окончательного подчинения Польше Новгород заключил формальное соглашение с королем Казимиром IV^{**}. Когда Иван узнал об этом, он не замедлил напасть на республику (1471) прежде, чем польский король смог что-либо предпринять для защиты своего нового союзника. Новгородцы потерпели поражение и были вынужде-

* После смерти Бориса Волоцкого (1494) его удел был разделен между его сыновьями; бездетный Иван (умер в 1503) оставил свою часть Ивану III. — *Прим. перев.*

** Факт новгородской «измены» подвергается современными историками обоснованному сомнению. Ср. Я. С. Лурье, *Две истории Руси 15 века*, СПб., 1994, с. 139—143. — *Прим. перев.*

ны выплатить победителю огромную сумму денег, уступить важные части своей территории и разорвать союз с Польско-Литовским государством. С этого времени Иван III вершит в Новгороде верховный суд. Когда в 1477 г. в городе вспыхнул новый мятеж*, великий князь предпринял новый поход и заставил Новгород капитулировать. Иван III в недвусмысленных выражениях обозначил свой сюзеренитет над Новгородом, уничтожил остатки его демократических и властных институтов и, как символ нового статуса города, вывез его колокол, который прежде сзывал горожан на городское собрание — *вече*.

Новгородцам было тяжело примириться с утратой своих древних прав. Чтобы предотвратить повторение предшествующих событий, Иван III занял город, устроив кровавую баню замышлявшим новый мятеж и выселив из города сто аристократических семейств. Новые попытки восстания вызвали новые жестокие меры. Свыше семи тысяч горожан и купцов были насильственно выселены в обмен на купцов и знатных людей из Москвы и других городов. Это мероприятие, завершенное в 1488 г., окончательно сломило независимый дух Новгорода и повлекло за собой его экономический упадок. Контора Ганзы была закрыта в 1494 г.¹³ Новгород и его огромные колонии были окончательно включены в состав Московского государства.

В борьбе с Новгородом Иван III пользовался поддержкой князя Михаила Борисовича Тверского¹⁴. Последний слишком поздно осознал, что, помогая Ивану покорить Новгород, он не только способствовал росту могущества Москвы, но и лишал себя ценного союзника. Во второй половине XV в. в Твери вновь проявились столь сильные прежде идеи независимости и претензии на гегемонию в Восточной Руси. Они получили отражение в *Тверском летописном своде*, датирующемся 1455 г.¹⁵ Летописец ставит Тверь в центр событий, совершавшихся в Восточной Руси, и подвергает нападкам Москву, утверждая, что ее великий князь не имеет оснований претендовать на роль защитника православия: эта роль должна принадлежать великому князю тверскому. Было заявлено, что падение Византии никоим образом не изменило положения в православной церкви, поскольку константинопольский патриарх все еще находился в городе. Поэто-

* События в Новгороде точнее определить как внутривоспольский кризис — новгородцы расправились с несколькими боярами из промосковской партии, изгнали московских купцов и дезавуировали признание своими послами Ивана «государем» Великого Новгорода.—Прим. перев.

му именно патриарх, а не митрополит московский является истинным главой православия.

Твери было слишком поздно предъявлять претензии на столь значительную роль в Восточной Руси. Многие бояре покидали службу у великого князя тверского, полагая, что у московского князя их ждали лучшие перспективы. Встревоженный усилением могущества Москвы, чему он сам способствовал, Михаил заключил союз с королем Казимиром IV. Разразившаяся война между Михаилом и Иваном III выявила слабость Твери и безнадежность положения Михаила. Бояре массово покидали его, город оставался без защиты. Польско-Литовское государство не оказало помощи, и в 1485 г. Тверь была присоединена к Москве, а ее неудачливый князь нашел убежище в Литве.

Рязанские князья, в отличие от Михаила Тверского, оставались верными вассалами Москвы. Иван III унаследовал город Рязань от одного из своих племянников и как полновластный правитель управлял остальной частью княжества. Такое положение устраивало Ивана, и включение всего княжества в состав Московского государства он предоставил своему преемнику. Таким образом, за исключением Северских городов, все еще находившихся под властью Литвы, почти вся Северная и Северо-Восточная Русь была объединена вокруг Москвы.

В том что касается будущей экспансии на восток, особое внимание следует обратить на территориальные приобретения за Пермской землей. С целью прекратить набеги монгольских племен в пределы Московского государства князь Федор Курбский в 1483 г. вторгся через Средний Урал в Сибирь вплоть до рек Иртыш и Обь; в 1499 г. этот успех был значительно расширен.

Впервые Москва могла помышлять об экспансии в южные и западные русские княжества, входившие в состав Литвы. Польско-литовский правитель Казимир IV был не в состоянии остановить наступление Москвы. В течение многих лет он был занят войной с Тевтонским орденом, пока Торуньский мир 1466 г. не дал Польше прямую власть над Гданьском, Поморьем, Хелминьской землей и Западной Пруссией, в то время как Восточная Пруссия, оставшаяся вассалом Ордена, признала ее сюзеренитет.

Неудивительно, ввиду той угрозы, которую прежде Орден представлял Новгороду и Пскову, что Новгород искал поддержки Польско-Литовского государства. Но несмотря на свой усилившийся пре-

стиж, Казимир был вынужден пренебрегать северо-восточными границами Литвы во имя династических амбиций Ягеллонов в Венгрии и Чехии.

В 1471 г. после смерти чешского короля Йиржи Подебрада Казимир в противовес притязаниям венгерского короля Матвея Корвина (Матьяша Хуньяди) поддержал кандидатуру своего сына Владислава на чешский престол. Разразившаяся война сковала польские войска, а тем временем Иван III сокрушил Новгород. Матвей Корвин поощрял сопротивление Тевтонского ордена, и только после того, как в 1478 г. Казимир согласился уступить Матвею Моравию, Силезию и Лужицу, в то время как Владиславу досталась Чехия, великий магистр был принужден принести вассальную присягу польскому королю. После смерти Матвея в 1492 г. Владислав воссоединил чешские земли, а также получил венгерскую корону^{16*}.

Габсбургский дом ревниво следил за экспансией Ягеллонов в Центральной Европе. Император Фридрих III (1440—1493) и его сын Максимилиан I (1493—1519) заявили о собственных притязаниях на чешскую и венгерскую короны¹⁷. Все это объясняет, почему новгородцы и тверской князь тщетно ждали помощи от Польши, в то время как Иван III в лице императора мог обрести союзника против Польши.

Все, что Казимир IV попытался предпринять, чтобы помочь Новгороду,—это заключил союз против Ивана III с ханом Золотой Орды¹⁸. Но его расчеты вновь оказались ошибочны, так как Золотая Орда уже обладала лишь тенью былого могущества. С начала XV в. золотоордынская империя начала распадаться. В конце концов она раскололась на три главных ханства — Казанское, Золотоордынское и Крымское^{**}. Распад Монгольской империи побудил многочисленных представителей татарской знати поступить со своими дружинами на московскую службу. Иван III, продолжая политику своего отца, привечал их, и татарские отряды играли важную роль в его походах. Он был достаточно хитер, чтобы использовать службу татарской знати в дипломатических отношениях, завязанных им с восточными соседями Золотой Орды. Это позволило Ивану III изолировать хана

* Матвей Корвин умер в 1490 г., тогда же Владислав II стал королем Венгрии.—Прим. *перев.*

** Государство-наследник Золотой Орды, образовавшееся в ходе ее распада наряду с Казанским, Крымским и др. ханствами, в отечественной литературе называется Большой Ордой.—Прим. *перев.*

Ахмата, все еще лелеявшего планы силой вернуть Москву в прежнюю вассальную зависимость. Однако соперничество последнего с крымским ханом не позволило ему достичь этой цели.

С помощью другого татарского хана, Касима, которого привлек на свою сторону Василий II, Иван предпринял смелую попытку добиться контроля над Казанским ханством. Ему удалось заставить хана признать формальный сюзеренитет Москвы. В 1474 г. Иван III добился большого успеха, заключив союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, отец которого был союзником Казимира. Ситуация переменялась, и хан обещал поддержку Ивану в случае нападения Польши. Этот союз сохранял ценность для Ивана и после 1475 г., когда турки завоевали Крымское ханство и сделали Менгли-Гирея своим вассалом.

Таким образом, в 1480 г., когда хан Золотой Орды Ахмат как союзник Казимира IV двинул свою армию против Москвы, позиции Ивана III были сильны. Армии встретились на границе Литвы и Московского государства, но ни одна из сторон не решалась начать сражение. Иван был не уверен в себе и колебался, а хан ждал подхода литовских войск, но они не появлялись. Смелый набег татарских вассалов Ивана в степь в район Сарая заставил хана отступить. Так в 1480 г. сюзеренитет Золотой Орды над Русью, уже почти формальный в последние десятилетия, окончательно перестал существовать.

С помощью своего крымского союзника Ивану III удалось посадить на казанский престол Мухаммед-Эмина, поклявшегося в верности Москве (1487). Вскоре после этого московские войска и крымцы двинулись против остатков Золотой Орды. Сыновья Ахмата сложили жизни в войне с крымцами, и в 1502 г. Золотая Орда, окончательно распавшаяся, прекратила существование. Так восточная политика Ивана увенчалась неожиданным успехом, в то время как Польша и Литва потеряли союзника на востоке, ибо Астраханское ханство, основанное на руинах Золотой Орды, было слишком слабо, чтобы представлять угрозу Москве.

Растущий престиж Москвы оказывал сильное влияние на многих князей Южной и Западной Руси. Религиозные и политические противоречия подрывали лояльность русского населения Казимиру IV, сосредоточившему в своих руках управление и Польшей, и Литвой. При Казимире начала усиливаться католическая пропаганда среди православного населения, и враги союза с «латынянами» рассматривали великого князя московского как защитника православия. Казимир был вынужден пойти на некоторые уступки своим православ-

ным подданным. В 1432 г. он разрешил православной знати занимать государственные должности, и в 1440 г. князь Александр, родственник Василия II, был назначен наместником Киева. Несмотря на это, многие князья Южной Руси покидали службу Казимиру и со своими *вотчинами*, боярами и слугами переходили на сторону Москвы. Среди знати Литвы, а также Южной и Западной Руси усиливались сепаратистские настроения. Когда Казимир отверг их требование о том, чтобы один из его сыновей стал великим князем литовским, вспыхнул мятеж, возглавленный князем Михаилом, до того недолго княжившим в Новгороде и которого Казимир отказался утвердить в Киеве. Вполне вероятно, что существовали определенные связи между зачинщиками заговора и Москвой. Казимир казнил Михаила, но многие представители южнорусской знати перешли на сторону Москвы. Кажется, Иван III отомстил за казнь Михаила, побудив своих союзников, крымских татар, напасть на Киев (1482). Хан послал Ивану священные сосуды из ограбленных татарами киевских церквей.

Иван III, который в собственном государстве стремился уничтожить старинное право бояр свободно выбирать князя, которому они служат, вставал на защиту этого же права в случае отъезда литовских князей на московскую службу. Казимир, слишком глубоко вовлеченный в центральноевропейские дела и ограниченный в своих действиях своенравием аристократического сейма, был не в состоянии прекратить эти отъезды. Ситуация для Польши еще более осложнилась, когда после смерти Казимира IV в 1492 г. личная уния между Польшей и Литвой распалась. Литовцы избрали своим великим князем его сына Александра, а сейм предложил польскую корону другому его сыну Яну Ольбрахту (1492—1501). Иван воспользовался этим положением для открытого нападения. Не в состоянии оказать сопротивление, литовцы предложили заключить брак между дочерью Ивана Еленой и литовским великим князем Александром. Последний был вынужден (1494) уступить Ивану III земли, князья которых перешли на сторону Москвы, и город Вязьму.

К несчастью для Александра, рвение его церковных советников все испортило и предоставило Москве новый повод выказать себя защитницей православия. Под влиянием фанатиков католицизма Александр сделал попытку восстановить Флорентийскую унию и начал удалять московских бояр от двора Елены. Вновь начался массовый отъезд православных бояр (или, в соответствии со старинным русским обычаем, смена ими службы), что в 1500 г. привело к новой войне с Литвой. Иван III выступил как защитник православия, жа-

люясь, что в нарушение брачного соглашения его дочери не дают исповедовать ее веру,— претензия, которая не кажется вполне обоснованной. Поляки были спасены войсками своего вассала великого магистра Тевтонского ордена, но согласно мирному договору, заключенному в 1503 г., Александр, ставший к тому времени и польским королем (1501—1506), был вынужден уступить Ивану все земли, принадлежавшие князьям, перешедшим на сторону Москвы. Западные владения Ивана III значительно расширились, территории, которые он приобрел, включали девятнадцать городов и семьдесят волостей, в том числе Черниговское и Брянское княжества, а также части княжеств Смоленского и Витебского.

В борьбе с Литвой Иван впервые отчетливо обозначил, что главной задачей московских великих князей он считает объединение под главенством Москвы всех княжеств, некогда входивших в состав Киевского государства. Подписывая договор 1494 г., Иван III употребил титул «государь всея Руси» — к большому неудовольствию поляков и литовцев, ясно осознававших его значение¹⁹.

Ивана III по преимуществу заботили татарская и литовская проблемы, и он не разбирался в других международных вопросах, занимавших умы государственных деятелей современной ему Европы. Экспансия Турции в бассейне Дуная представляла растущую угрозу Центральной Европе и всему христианскому миру, и папа неустанно призывал христианских правителей к крестовому походу, чтобы остановить продвижение турок, освободить балканских христиан и отвоевать Константинополь. С открытием на востоке, за границами Польши и Литвы, могущественного христианского государства у папы Павла II возникла идея вовлечь его правителя в благочестивое предприятие по освобождению балканских и греческих христиан от турецкого ига. В Риме под папским покровительством жила Зоя Палеолог, дочь Фомы, последнего греческого деспота Мистры, и племянница Константина XI, последнего византийского императора. Фома, нашедший после завоевания своих владений турками убежище в Риме, передал свою дочь под покровительство папы. Иван III, вдовевший с 1467 г., искал себе новую жену. Племянница византийского императора, казалось, имела более всего оснований стать великой княгиней, тем более что такой союз повысил бы престиж Москвы не только на Руси, но и в Западной Европе. Поскольку Зоя была воспитана в духе Флорентийской унии, папа надеялся через нее склонить Ивана к унии церквей. Переговоры, начатые ученым гре-

ком кардиналом Виссарионом, благополучно завершились, и Зоя, сменившая имя на Софью, стала женой Ивана III.

В Москву ее сопровождали папский легат, итальянские зодчие и несколько греков. Москву не привлекала идея унии, что выяснилось из инцидента, случившегося еще до въезда туда Софьи. Московский митрополит Филипп, узнав, что папский легат приказал нести перед свадебным кортежем латинский крест, открыто заявил, что он покинет город, если будет позволено пронести проклятый латинский символ через ворота. Так что легату пришлось обойтись без креста, а сам Иван лишь вежливо отвечал на его призывы присоединиться к унии. Софья успокоила опасения митрополита: хотя и воспитанная как католичка, на Руси она предпочла быть женой защитника православия.

Иван III сделал все, чтобы брак увеличил его престиж. Он произвел значительные перемены в придворном церемониале в соответствии с византийским образцом и сведениями о западноевропейских дворах, а также воспринял герб византийских императоров — двуглавый орел (сохранившийся на русском гербе до 1917 г., когда он был заменен серпом и молотом). Иван III позволял восхвалять себя как защитника православной веры, но он вовсе не был заинтересован в византийском политическом наследии и еще менее в войне с Турцией. Его союзник, крымский хан, был турецким вассалом, и турки были более опасны его врагам в Литве и Польше. Более того, от любого турецкого нападения его защищал молдавский господарь Стефан Великий, дочь которого была замужем за сыном Ивана Дмитрием*. В своих дипломатических отношениях с Западом Иван III реалистично сконцентрировал внимание на Польско-Литовском государстве и защите подступов к Балтике. Это было основной целью его переговоров с Габсбургами и с Данией. С последней в качестве защитной меры против Швеции, начавшей проявлять растущий интерес к балтийским землям, был заключен союз.

Сын Ивана Василий III (1505—1533) оставался верен реалистической политике своего отца. Он завершил отцовский замысел объединить всю Восточную Русь под главенством Москвы, присоединив Псков (1510) и Рязань (1517). Хотя крымский хан разорвал союз с преемником Ивана и начал совершать опустошительные набеги на

* Елена Стефановна Волошанка на самом деле была женой сына Ивана III Ивана Молодого и матерью царевича Дмитрия (Дмитрия-внука). — *Прим. перев.*

русскую территорию, Василий III не изменил своего отношения к Турции, в вассальной зависимости от которой находился Крым. В 1519 г. великий магистр Тевтонского ордена через своего посла информировал Василия III, что папа собирается создать антитурецкую лигу и предложит великому князю присоединиться к ней и, конечно, к унии церквей. В этом случае папа был готов короновать его как «христианского, благороднейшего и непобедимого царя всея Руси». В своем послании великий магистр выразил также надежду, что Василий III будет воевать за свое «константинопольское наследство». Великий князь, однако, не удостоил ответом это предложение.

Столь же тщетны были и усилия Габсбургов пробудить интерес Василия к проектировавшейся антитурецкой лиге. Их посол Сигизмунд фон Герберштейн²⁰ дважды посетил Москву по поручению императоров Максимилиана I и Карла V, но все его красноречие пропало впустую. В своей внешней политике Москва упорно отказывалась смотреть дальше Южной и Западной Руси, все еще находившихся под властью Польши и Литвы.

Вначале Василий III рассчитывал присоединить эти земли с помощью своей сестры Елены после смерти ее мужа Александра. Однако брат последнего Сигизмунд присвоил себе власть над Польшей и Литвой (1506—1548), и Василию пришлось прибегнуть к силе оружия. В этом ему оказал поддержку Михаил Глинский, недовольный магнат татарского происхождения, отъехавший к Москве и активно сколачивавший антипольский альянс Москвы, Тевтонского ордена и императора. Война длилась несколько лет, и, хотя Польшу поддерживал крымский хан, а планировавшийся Глинским альянс так и не был создан, по перемирию, заключенному в 1522 г., Василию III удалось удержать Смоленск²¹, присоединенный им в 1514 г.

Неблагоприятное развитие событий на востоке в вассальном Казанском ханстве побуждало Василия III завершить польскую кампанию. Русский вассал в Казани внезапно был замещен братом крымского хана (1521), и оба хана двинулись на Москву, которой опять грозила страшная опасность быть захваченной татарами. Эту опасность удалось отразить, но Василий понял, что он должен уделять больше внимания крымской угрозе. Он соорудил линию обороны вдоль берега Оки и трижды водил свои войска против Казани. В 1531 г. ему удалось взять город и посадить там угодного ему хана*.

* Третий поход на Казань состоялся в 1530 г., но город тогда занять не удалось (был захвачен лишь Булакский острог близ Казани); московский

Хотя и менее успешно, чем отец, Василий III продолжал следовать основным направлениям его внешней политики.

Своими успехами Василий III был обязан произведенному его отцом переустройству политической и общественной жизни Московского государства²². В годы малолетства сына Василия Ивана IV (1533—1584) заложенные еще Иваном III государственные основы доказали свою прочность. Когда умер Василий III, Ивану было только три года, и его мать Елена приняла регентство. Обозначилась опасность, что и Московское государство пойдет по дороге, приведшей Польшу на грань катастрофы. Бояре начали предъявлять все усиливающиеся притязания на участие в управлении государством. Боярские роды Шуйских и Бельских боролись за регентство. Когда Ивану было восемь лет, он потерял мать, которая, как утверждают, была отравлена боярами. Шуйские пренебрегали воспитанием мальчика и не скрывали намерения заменить на московском троне династию Рюрика князем своего рода*.

Несмотря на это, государственный механизм, запущенный Иваном III, продолжал действовать, и вновь именно русская церковь спасла династию Рюрика и самодержавную власть. Два митрополита, Даниил и Иоасаф, выдвинутые Шуйскими, были смещены ими, когда обнаружили решимость воспрепятствовать боярским планам**. В 1542 г. Макарий, один из самых энергичных и известных московских иерархов, стал митрополитом, и после пяти лет борьбы, в 1547 г., ему удалось объявить Ивана IV совершеннолетним. Умный священник Сильвестр был сделан попечителем Ивана (до 1553 г.)***.

ставленник Яналей (Джан-Али) был посажен на казанский престол в 1531 г. Ср. А. А. Зимин, *Россия на пороге нового времени*, М., 1972, с. 364—370.— *Прим. перев.*

* Точнее — династию Ивана Калиты, Шуйские также являются Рюриковичами.— *Прим. перев.*

** Имеются в виду Даниил (1522—1539) и Иоасаф (Скрипицын; 1539—1542). Даниил был поставлен митрополитом по настоянию Василия III, а Иоасаф выдвинут партией Шуйских; оба были удалены Шуйскими в Кирилло-Белозерский монастырь.— *Прим. перев.*

*** Сильвестр, священник московского Благовещенского собора, не был (в годы своего фавора) ни попечителем, ни даже духовником Ивана IV, но как неофициальный духовный наставник и член Избранной рады оказывал большое влияние на юного царя. Разрыв с царем произошел около 1560 г. См.

Правительство молодого государя²³ продолжало развивать заложенную Иваном III военно-служилую поместную систему, очень способствовавшую усилению военной мощи Московского государства. В 1550 г. был учрежден специальный отряд «лейб-гвардии» из тысячи детей боярских. Его членам, обязанным быть в любое время в распоряжении царя, были даны земли вблизи столицы. С помощью иностранных специалистов продолжалась модернизация армии. Утверждают, что когда молодой царь начал военный поход против Казани, в его распоряжении было 150 пушек.

Казанское ханство продолжало сдерживать продвижение русских на Среднюю Волгу, и еще предшественники Ивана IV предприняли ряд попыток овладеть им. Кампания, подготовленная правительством Ивана IV, считалась чем-то вроде крестового похода против неверных. В 1552 г. армии Ивана благодаря использованию новой техники осады городов удалось штурмом взять крепость и занять все ханство. Новые земли становились объектом русской колонизации. В последующие годы войско Ивана IV отвоевало путь вниз по течению Волги, и в 1556 г. Астраханское ханство также оказалось в русских руках. Для русской торговли открылся речной путь по Волге и свободный доступ к Каспийскому морю. Русские достигли Кавказа, и на реке Терек была сооружена крепость.

Это была великая победа. Иван IV сравнивался с величайшими русскими героями — Александром Невским, Дмитрием Донским и Владимиром Святым. Мусульманский мир вынужден был перейти к обороне. Москва, доселе постоянно опасавшаяся нападений из глубин Азии, перешла в наступление, увенчавшееся блестящим завоеванием Сибирского ханства, осуществленным благодаря частной инициативе семейства Строгановых по благословению царя. Строгановы, богатые купцы и первопроходцы этих мест, наняли отряд казаков во главе с Ермаком. В 1582 г. был завершен первый этап завоевания Сибири, увенчавшийся основанием Тобольска в 1587 г.²⁴

Иван IV был пионером и в других областях развития Руси. Уже в начале своего правления он видел, сколь важно было бы для Москвы иметь свободный доступ к Балтике — чтобы восстановить древние торговые традиции Новгорода и торговать со странами Западной Европы без посредства немецкого союза Ганзы. Сознавал он, и

Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV—XVI в.), часть 2, Л., 1989, с. 323—324.

что свободный доступ к Балтике облегчит Москве более тесные политические связи с западными державами и, таким образом, поможет растущему государству удовлетворить острую нужду в западных специалистах. Пока же только Англия сумела, оттеснив Ганзу, установить прямые коммерческие связи с Русью через Белое море и порт Архангельск²⁵.

Английские купцы, ведшие заморскую торговлю, искали прямой путь в Центральную Азию и воспользовались русским завоеванием Казани и Астрахани, где им было даровано право беспошлинной торговли. Порт Архангельска, однако, имел тот недостаток, что его можно было использовать лишь в течение короткого летнего сезона.

Поэтому Иван IV обратил свои взоры к Балтике и решился завоевать всю Ливонию, включая Нарву, Ревель и Ригу. С его точки зрения, завоевание этих территорий было частью московской программы собирания русских земель вокруг Москвы. Разве Дерпт (Юрьев) не был основан киевским князем Ярославом, а весь этот район не составлял часть наследия Рюрика?

После всесторонней военной подготовки в 1558 г. Иван IV начал кампанию на Балтике. Момент казался очень благоприятным для Москвы. Ливонский орден, контролировавший всю территорию, был в состоянии упадка, а соперничество между магистром и Рижским архиепископом ослабляло военную мощь обоих. Все это помогло Москве добиться в первые годы войны блестящих успехов. Ливонские крепости не могли противостоять артиллерии Ивана. Была взята Нарва, Дерпт вынужден был сдаться, а Ревель осажден²⁶.

Для Ивана IV был очень важен захват Нарвы, и он делал все, что мог, чтобы добиться расположения горожан, но целью его было завоевание Ревеля и Риги. Русские победы ускорили распад Ордена, кульминационным пунктом которого стали секуляризация его земель и ликвидация Рижского архиепископства. Однако это дало повод для вмешательства соседям Ливонии. Эстония с Ревелем признала сюзеренитет Швеции, Ливония — Польско-Литовского государства, а Дания оккупировала остров Эзель. Вместо распадавшегося Ордена Москва оказалась лицом к лицу с его могущественными и решительными соседями.

Все это привело к нескольким поражениям русской армии на уже завоеванной территории. Литва была самым опасным противником, и Иван IV решил напасть на нее в наиболее уязвимом месте. Приняв командование армией, царь двинулся против Литвы и в 1563 г. одержал блестящую победу, позволившую ему занять важный город

Полоцк и большую часть литовской территории до Вильнюса. Однако когда в 1569 г. Литва была вынуждена пойти на унию с Польшей, ситуация для Москвы, столкнувшейся с объединенными силами двух государств, вновь осложнилась. Чтобы усилить свои позиции в Ливонии, Иван IV решил прекратить распространение на завоеванную страну русских порядков и предоставить ей автономный статус. Ливония была провозглашена королевством, и союзник Ивана датский принц Магнус провозглашен королем под верховной властью Москвы. Несмотря на успешные военные действия в Ливонии, Магнус не смог взять Ревель, поддержанный шведами.

После прекращения династии Ягеллонов в 1572 г. неожиданно возникла возможность союза между Польшей, Литвой и Московским государством. Значительная часть польской знати склонялась к избранию Ивана IV королем Польско-Литовского государства. Сам гнезненский архиепископ Якуб Уханьский поддержал кандидатуру Ивана, заявив, что Польша и Русь, два славянских государства, должны иметь одного правителя.

Однако французская, турецкая, шведская дипломатия и Габсбурги противились реализации столь смелого плана. В конце концов поведение Ивана IV и выдвинутые им условия лишили его всех шансов на избрание. Он настаивал на том, чтобы Ливония стала частью Московского государства, домогался передачи ему значительной части русских земель, и особенно Киева, еще находившихся под властью Литвы, и требовал избрания себя королем отдельно Польшей и Литвой и коронации православным митрополитом. Более того, он никогда не выказывал никакой симпатии к польской знати, игравшей решающую роль в политической жизни. Существовали также глубоко укоренившиеся различия в религии и культурной ориентации. Таким образом, выдвижение Ивана на польско-литовский престол кончилось полным провалом.

В 1575 г. Иван IV возобновил наступление в Ливонии. Уверенный в конечной победе, он отодвинул Магнуса в тень и в 1577 г. начал свой самый большой поход с целью завоевания всей Ливонии. Царские войска заняли всю страну, за исключением Риги, Трейдена и Динабурга. Эта кампания истощила все финансовые и военные ресурсы Москвы, и когда новый польский король, энергичный Стефан Баторий (1575—1586)*, обрушился на московские владения, у царя

* Стефан Баторий стал польским королем в 1576 г.—Прим. *перев.*

не оказалось средств, чтобы остановить польско-литовские войска. Полоцк пал, Магнус, перешедший на сторону поляков, наступал в районе Дерпта, шведы добились успеха в Финском заливе. В 1580 г. были потеряны Великие Луки, а в следующем году Стефан Баторий осадил Псков, где героически оборонялись гарнизон и горожане. Шведы взяли Нарву, а кроме того, Иван узнал о новых неприятностях в Казани и Астрахани.

Угнетенный и униженный этими неудачами, Иван IV обратился к Риму, прося папу вмешаться. Папа, в расчете добиться своей излюбленной цели, унии русской церкви с Римом, послал на Русь иезуита А. Поссевино. При его посредничестве в 1582 г. было заключено перемирие, за которым последовало заключение мирных договоров с Польско-Литовским государством и Швецией. Иван IV должен был отказаться от всех своих завоеваний в Ливонии и Литве, Швеция получила Эстляндию с портом Нарва.

Длительные военные действия на Балтике оказались очень обременительны для Московского государства. Иван IV был вынужден ускорить организацию военно-служилой поместной системы, заложенной еще его дедом, а также распространить обязательную военную службу на бояр, наследственные владения которых (*вотчины*) до того не были обусловлены военной службой*. Эти меры, а также характер личности Ивана отвратили от него многих бояр, некоторые оставили его службу и отъехали в Литву. Среди них самым выдающимся был Андрей Курбский, с которым Иван вел обширную переписку. Эти измены усилили неприязнь Ивана к аристократии и побуждали его учредить новый институт, так называемую *опричнину*, направленную против старой знати. Ее имения конфисковывались и передавались *опричникам*²⁷. Все переустройство общественной жизни совершалось со страшной жестокостью, и эти потрясения, конечно, не облегчали реализацию экспансионистских мечтаний Ивана IV.

* Московские правители наступают на права вотчинников уже со второй половины XIV в., со времен Дмитрия Донского: ограничиваются право свободного отъезда, возможность не служить суверену, иммунитетные права, правовой статус вотчины сближается с поместным. Уложение о службе 1556 г. не ввело обязательности военной службы с вотчины (она существовала и ранее), но регламентировало ее независимо от статуса — поместного или вотчинного — земли. Последние исследования не выявили фактов отъезда многих бояр в Литву при Иване IV и исключительно антибоярской направленности опричнины. — *Прим. перев.*

В его самодержавии и безжалостности были, однако, и демократические моменты. Они проявились в некоторых декларациях и особенно в 1564 г., когда Иван IV с семьей покинул Москву, провозгласив свое отречение от престола по причине того, что он не может более терпеть боярские козни, хотя русские люди ни в коей мере не несут за них ответственности. По просьбе горожан он вернулся в Москву и продолжил свои социальные реформы, санкционированные народом на соборе 1566 г., на который он пригласил также торговцев и купцов; русские историки считают его первым настоящим Земским собором*.

Несмотря на общественные неурядицы, вызванные самодержавной и антибоярской политикой царя, при Иване IV Московское государство во многих отношениях добилось больших успехов. К обширным московским владениям прибавилась новая огромная империя на Востоке, была сломана стена изоляции от Запада, иностранные купцы и дипломаты появились в городах и при царском дворе, и впервые московские послы были приняты при многих дворах Западной Европы.

Целью нескольких дипломатических миссий, посланных в Москву с Запада, было втянуть новую могущественную христианскую державу в антитурецкий альянс. Поэтому папы и императоры — Фридрих III и Максимилиан I — уделяли такое внимание византийскому наследию, попавшему в руки Москвы, и выражали надежду, что могущественный христианский правитель освободит православных христиан на Балканах от турецкого ига. Они прельщали Ивана IV образом московского правителя, завоевывающего Константинополь и принимающего в этом центре восточного христианства вассальную присягу не только от своих православных подданных, но и от представителей западного христианства — папы и императора, — готовых приветствовать его как истинного императора, наследника правителей Византии.

Однако Ивана IV не увлекла идея, вдохновлявшая пап, — что весь христианский мир должен управляться двумя императорами, западным и восточным. Он не недооценивал могущество турок, под сюзеренитет которых крымские ханы отдали свои владения. В своей ме-

* Первый Земский собор был созван в 1549 г., опричинную санкционировал собор 1565 г., собор 1566 г. собрался в связи с Ливонской войной, на нем, действительно, были представлены верхи посада. — *Прим. перев.*

ждународной политике Иван IV оставался верен традиционной для московской династии осторожной и реалистичной программе. Вместо того чтобы организовывать рискованные экспедиции против Крымского ханства и турок, он сосредоточился на побережье Балтики и на огромных равнинах за Волгой и Уралом, где русские войска встречали наименьшее сопротивление. Для него ничего не значило обещание императорского титула Западом. Он считал этот титул принадлежащим ему милостью Божьей, полновластие было даровано Господом ему и его предкам. Он принял выражение верности со стороны константинопольского патриарха, когда последний в 1561 г. признал его царский титул, но отказался от предложения патриарха прибыть в Москву и совершить новую коронацию, довольствуясь тем венчанием, которое было совершено митрополитом московским в 1547 г. Он даже отказался принять патриаршее благословение, посланное через греческого митрополита, под тем предлогом, что, проезжая через Литву, грек целовал латинские кресты.

Это отношение Ивана IV очень показательно. Оно раскрывает его намерение увенчать новейшее развитие Москвы превращением ее, а не Константинополя, в центр православия. Но и в этом отношении он следовал династической традиции, проявившейся уже у его предка Василия I, давшего смелое указание опустить во время литургии упоминание имени византийского императора.

Эволюция Москвы в этом направлении завершилась при сыне Ивана IV Федоре I (1584—1598) благодаря умному маневру регента Бориса Годунова. После смерти дяди Федора, Никиты Романова*, Борис правил от имени своего слабохарактерного зятя, не способного удерживать бразды правления. Воспользовавшись приездом в Москву константинопольского патриарха, искавшего субсидий, Борис сумел добиться превращения московской митрополии в патриархию (1589). Были учреждены четыре новые митрополичьи кафедры — новгородская, казанская, ростовская и крутицкая. В качестве специального знака отличия патриарх получил белый клобук, который, по местной легенде, был прислан из Рима в Константинополь, а оттуда попал на Русь. Мечта Ивана IV реализовалась, но только отчасти. Восточные патриархи, собравшиеся на собор в Константинополе в 1590 и 1593 гг., чтобы одобрить это новое установление, при-

* Никита Романович Захарьин-Юрьев (умер в 1586), родоначальник собственно Романовых.— *Прим. перев.*

дали московскому патриарху только пятое место среди восточных патриархов, после константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского.

Борис Годунов оказался умелым администратором и способным правителем. Ему удалось пресечь попытки старой знати восстановить свое былое влияние в государстве, обезопасить, соорудив цепь укреплений, южную границу от татарских набегов и продолжить успешное проникновение в Сибирь.

Это многообещающее развитие было прервано смертью царя, не оставившего наследников. Поскольку Иван IV убил своего старшего сына в припадке безумной ярости, а его младший сын Дмитрий погиб во время трагического инцидента в 1591 г., династия Рюрика, начавшая свой взлет в Москве при Данииле и Иване Калите, пресеклась.

Примечания

¹ Г. Вернадский в своей работе *The Mongols and Russia*, p. 316 (см. Библ.), справедливо утверждает, что набег хана не мог быть направлен, как это обычно считается, против Нижнего Новгорода, расположенного при слиянии рек Оки и Волги.

² Б. Шпулер (B. Spuler, *Die Goldene Horde*, S. 165—см. Библ.) считает, что, освободив Василия II, Улу-Мухаммед упустил прекрасную возможность полностью подчинить Москву. Г. Вернадский (*The Mongols and Russia*, p. 319), однако, утверждает, что хан хорошо взвесил все шансы и, сознавая рост могущества Москвы, правильно рассчитал, что это было наилучшим решением. Конечно, он не предвидел будущей реакции своего сына Махмута.

³ Ср. главу IX, с. 282, 283.

⁴ ПСРА, т. VI, с. 151—163.

⁵ Там же, т. VIII, с. 100—109.

⁶ В одном из пассажей *Степенной книги* (Там же, т. XXI, 2, с. 462) еще сильнее подчеркивается инициатива Василия. Составитель, описывая епископов и бояр спящими и пренебрегающими своими обязанностями, говорит, что все молчали и нашелся лишь один человек, ревнитель Бога и Его истинного закона,—Василий II. Этот отрывок, видимо, отражает дальнейшее развитие идеи царя-самодержца, характеризующее царствование Ивана IV, когда и была написана *Степенная книга*. В другом месте (Там же, с. 506—512) дается сокращенная версия *Воскресенской летописи*.

⁷ Подробнее см. у М. Чернявского—M. Cherniavsky, *The Reception of the Council of Florence in Moscow* // *Church History*, 24 (1955), p. 347—359. Здесь также приводится хороший анализ русских источников об этих событиях.

Подробный обзор литературы о Флорентийской унии и ее последствиях для Руси дан М. Грушевским в его *Истории Украины—Руси*, т. 5, с. 508—618, 657—661. Западный взгляд на унию и ее последствия для русской церкви выражает А. Циглер (A. Ziegler, *Die Union des Konzils von Florenz*—см. Библ.). О Польше и унии см. у О. Халецкого—O. Halecki, *From Florence to Brest*, Rome, 1958, p. 33—140.

⁸ Это послание, а также другие документы, касающиеся церковных дел на Руси того времени, опубликованы в т. I *Памятников древнерусского канонического права*, СПб., 1908 (РИБ, т. VI).

⁹ Подробнее см. ниже, глава XV, с. 448—449, 464.

¹⁰ О проведенных Иваном III реформах управления, военной и социальной организации см. ниже, главу XV. О русской внешней политике второй половины XV в. см. К. В. Базилевич, *Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века*, М., 1952. Краткий, но ценный очерк политики Ивана III и Ивана IV в отношении Запада (Польши, Литвы и Ливонии) содержится в работе Г. фон Рамм-Хельмсинг (H. v. Ramm-Helmsing), *Die Moskauer Westpolitik Ivans* (см. Библ.), S. 61—69.

¹¹ Существует не обладающая особой ценностью краткая работа об Угличе и угличских князьях: Л. Ф. Соловьев, *Краткая история города Углича*, СПб., 1895. Об Андрее Углицком см. Там же, с. 24.

¹² В современной науке история древнего Новгорода еще не исследована. Помимо общих трудов по русской истории специально по истории Новгорода см.: С. М. Соловьев, *Об отношениях Новгорода к великим князьям*, М., 1846; Г. Е. Кочин, *О договорах Новгорода с князьями*, Ученые записки ЛГПИ, т. 19, Л., 1939; Н. И. Костомаров, *Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада*, т. II: Новгород и Псков, СПб., 1863. Специально о росте московского государства в этот период см.: А. Е. Пресняков, *Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий*, Пг., 1918. Важные документы по истории XIV и XV вв. опубликованы под редакцией С. Н. Валка: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, М.; Л., 1949. Там же, с. 338—344, содержится полная библиография источников по истории Новгорода. Новейшая публикация по Новгороду XVI в., содержащая важные библиографические указания: А. П. Пронштейн, *Великий Новгород в XVI веке*, Харьков, 1957. Автор также касается полемики о заключении Новгородом в 1471 г. договора с Казимиром Польским. А. А. Зимин (*О хронологии договорных грамот великого Новгорода с князьями XIII—XV вв.* // Проблемы источниковедения, вып. 5, 1956, с. 300—327) согласился с тем тезисом, что договор являлся всего лишь новгородским проектом, реализация которого была сорвана Иваном III, организовавшим вторжение, когда этот проект еще только обсуждался.

¹³ Ср. у П. Йохансена—P. Johansen, *Novgorod und die Hanse* // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtl. Kräfte*, Gedächtnisschrift F. Röhrig, Lübeck, 1953,

S. 121—248. Ср. также исследование на ту же тему Н. А. Казаковой в *Исторических записках*, т. 28 (1948), с. 111—131, и там же, т. 47 (1954), с. 259—290. Ср. также работу М. П. Лесникова там же, т. 39 (1952), с. 259—279.

¹⁴ В русской историографии все еще отсутствует всесторонняя история Тверского княжества. Историей Твери занимался В. С. Борзаковский: *История Тверского княжества*, СПб., 1876. Некоторые важные сведения о правлении Бориса Тверского приводятся И. Виноградовым: *Новые данные по истории Тверского княжества: княжение Бориса Александровича (1425—1461)*, Тверь, 1908. Более древняя история Твери особенно нуждается в тщательном изучении.

¹⁵ ПСРА, т. XV. О тверских летописях см. А. Н. Насонов, *Летописные памятники Тверского княжества* // Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. Серия VII, №9, 10, Л., 1930. Его же, *Летописные своды Тверского княжества* // Доклады АН СССР, Серия В (нояб.—дек.), Л., 1926.

Сходную ментальность отразило «Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче», написанное вскоре после 1453 г. и приписываемое обычно тверскому иноку Фоме; опубликовано Н. П. Лихачевым в *Памятниках древней письменности*, т. 168, М., 1908. Ср., однако, W. Philipp, *Ein Anonymus der Tver Publizistik im 15. Jahrhundert* // Festschrift für Dmytro Cyževskij. Ost-Europa Institut der freien Universität Berlin, slavistische Veröffentlichungen, Bd 6, Berlin, 1954, S. 230—248. В. Филипп доказывает, что атрибуция этого панегирика Фоме не может быть принята и «Слово похвальное» является анонимным.

¹⁶ Подробнее см. выше, глава X, с. 293—294.

¹⁷ Подробнее см. ниже, глава XVII, с. 522 и сл.

¹⁸ Классической работой по истории Золотой Орды остается книга Б. Шпулера—В. Spuler, *Die Goldene Horde* (см. Библ.). Об этом периоде см. S. 109 f. Подробную библиографию см. S. 456—516.

¹⁹ Именно питаемое многими успехами растущее самосознание Московского государства пробудило промосковские настроения в русской части Литовского государства. Религиозный вопрос только стимулировал такое развитие событий. Следует подчеркнуть, что подобная тенденция едва ли существовала в этой части Литвы до последней четверти XV в. Подробнее см. у Г. Яблоновского—Н. Jablonowski, *Westrussland* (см. Библ.), S. 113—132, где приводится подробная библиография на славянских языках.

²⁰ Его *Rerum Muscovitarum commentarii* (Записки о Московитских делах, Вена, 1549), вышедшие несколькими изданиями на латыни, немецком и итальянском языках, представляют собой очень важный исторический источник о Московском государстве этого времени. Это было первое описание нового государства, доселе фактически не известного в Западной Европе.

²¹ Подробнее о переговорах Василия III с Габсбургами см. главу XVII. История Смоленска вплоть до начала XIV в. изучена Р. В. Голубовским. Его

История Смоленской земли до начала XV столетия, Киев, 1895, представляет собой серьезное исследование развития Смоленска под литовским владычеством. С. 87—170 посвящены ремеслу и торговле, автор публикует торговый устав Смоленска, датирующийся XIII в.

²² См. главу XV, с. 455 и сл.

²³ Монография С. Ф. Платонова *Иван Грозный*, Пг., 1923, часто рассматривается как наиболее взвешенное описание правления Ивана IV. Академик Р. Виппер (*Иван Грозный*, М., 1947) во многом очень оригинально рисует образ Грозного. О социальных реформах Ивана Грозного см. главу XV.

²⁴ О русском завоевании и колонизации Сибири в XVI и XVII вв. см. С. В. Бахрушин, *Очерки по истории и колонизации Сибири в XVI и XVII вв.*, М., 1928. Хороший обзор экспансии России на восток от ее начала до новейшего времени—сравнимой с экспансией США на запад—дан Г. Вернадским (*The Expansion of Russia*; см. Библ.); на с. 391—425 приводится подробная библиография. Ср. также работы Ф. А. Голдера и Ю. Семенова (см. Библ.). Подробная литература о ранней истории Сибири приводится в книге Г. В. Ланцева—G. V. Lantzeff, *Siberia in the Seventeenth Century* (см. Библ.), р. 215—230. *История Сибири* В. К. Андреевича (т. 1—5, СПб., 1887—89) заменила описание первого историка Сибири Г. Ф. Миллера 1750 г. (есть англ. перевод) и труд Фишера 1774 г. См. также Н. Н. Фирсов, *Чтения по истории Сибири*, т. 1—2, М., 1920—21.

²⁵ Подробнее, а также библиографию см. I. Lubimenko, *Les relations* (см. Библ.).

²⁶ См. также главу XI, с. 310 и сл., 317 и цитирующуюся там работу Шинеманна (Bd II, S. 229 f.). О Пруссии и Иване IV см. K. Forstreuter. *Preussen und Russland* (см. Библ.), S. 101 f.

²⁷ Подробнее см. главу XV, с. 460—462.

Глава XIII

Возрождение и славяне. Культурные достижения славян в XV и XVI вв.

I. Возрождение в Италии, Нидерландах, Франции и Германии и его воздействие на славян — Чешская литература, отражающая религиозную борьбу XV в.; литературная деятельность Я. Гуса и гуситов — Утраквисты и католики — Сохранение гуманизма в Моравии, новые гуманистические влияния из Италии — Чешские гуманисты — Немецкий гуманизм и его воздействие на Общину чешских братьев — Возрождение, чешская историография и литература — Возрождение в искусстве Чехии

II. Первые контакты Польши с западным гуманизмом — Польские короли и гуманисты — «Золотой век», польские сочинения об искусстве управления государством — Польская национальная литература — Миколай Рей — Ян Кохановский — великий польский поэт — Современники и эпигоны Кохановского — Возрождение в польском искусстве — Польские культурные влияния в Литве, Западной и Южной Руси; первые белорусские и украинские литературные произведения — Реакция православия на унию, православная полемическая литература

III. Литература Восточной Руси XIII и XIV вв.: эхо национальной катастрофы — Рост Московского государства и оппозиция ему — отражение в литературе XV в.; южнославянское литературное влияние — Первые русские ереси и полемическая литература — Максим Грек — Московская идея унификации — отражение в литературной деятельности — Итальянское Возрождение и искусство Восточной Руси — Русское национальное искусство иконописи

IV. Гуманисты в Далмации и Дубровнике (Рагузе) — Первые хорватские лирики и драматурги — Золотой век поэзии Дубровника — Характер литературы Далмации — Итальянское Возрождение и искусство Далмации

I

На XV в. падает конечный этап эволюционного процесса, начавшегося у западноевропейских народов еще в XI в., — процесса эмансипации мысли, формирования индивидуалистического самосозна-

ния и концепции права. Этот процесс прошел несколько стадий, начиная с отказа бюргерства поднимающихся итальянских городов-государств от феодальных правовых обычаев. Этот новый класс средневекового общества должен был обратиться к принципам римского права — еще сохранявшимся в Византии, — чтобы на его прочных основах организовать городскую жизнь. Начало изучения римской юриспруденции в Болонском университете знаменовало открытие культурного наследия античности, распространение новых штудий формировало идею индивидуальности в области частного и публичного права.

Другим важным этапом явилось открытие Западом, при посредстве арабов и евреев, греческой философии. Утверждение аристотелизма в Парижском университете открыло новую главу в истории теологического умозрения, связанную с именами св. Фомы Аквинского и его последователей. Вдохновляясь той же античной традицией, в Англии Роджер Бэкон вводит экспериментальный — эмпирический — метод.

Новые идеи эмансипации индивидуума все более распространялись среди интеллектуалов, приходя в противоречие со старыми феодальными концепциями и способствуя возникновению почти во всех странах социальных, политических и религиозных кризисов. Процветание свободного городского торгового предпринимательства открыло эру раннего капитализма в Западной Европе, что в свою очередь оказало серьезное воздействие на политическую сферу. Возникшая западноевропейская концепция монархизма нашла свою правовую основу в учении Аристотеля о том, что управление должно быть сосредоточено в руках лучших людей.

Гуманисты, почитатели латинской и греческой древности, открыли литературные и художественные сокровища античности, что придало новый стимул литературе и художественной жизни Европы. И вновь в распространение новых идей наибольший вклад внесла Италия. Данте, Петрарка, Боккаччо демонстрировали новые подходы в литературе, Брунеллески и Донателло — в искусстве. Флоренция заняла место Константинополя в развитии эллинистической цивилизации. Герцоги Медичи коллекционировали греческие рукописи и привечали при своем дворе византийских ученых, бежавших из своей порабощенной страны. Их примеру следовали другие города, правители и папы. Началась эпоха Возрождения с ее борьбой за человеческую эмансипацию, утверждение права личности мыслить и действовать. Период интеллектуального и художественного Ренес-

санса вдохновлялся литературными и художественными образцами античной классики. Всем интеллектуалам Европы были известны имена Джованни Виллани, использовавшего научную методику, первого хрониста, писавшего по-итальянски, писателя Поджо Браччолини, Ариосто, автора «Неистового Роланда», Донателло, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициана, Рафаэля, Галилея. Итальянский Ренессанс пошел далее всех в отказе от традиционных убеждений и образа жизни, в культе языческих героев античности. Он же вызвал к жизни Макиавелли, развившего в своем сочинении «Государь» новую концепцию государства, свободного от всех моральных норм, и Помпонацци, основателя рационалистической Падуанской школы.

В другом центре капитализма, Нидерландах, сформировался центр Возрождения, во многом отличный от Италии. Гуманисты Нидерландов не так далеко, как итальянские, зашли в своем утверждении человеческой индивидуальности и отказе от средневековых убеждений и методов. Они использовали новые критические методы в изучении Библии и ограничивались предложением религиозных и социальных реформ в рамках христианства. Все это характеризует величайшего нидерландского гуманиста и философа Эразма Роттердамского, автора сатиры *Encomium Moriae* (*Похвала Глупости*), переводчика и издателя Нового Завета. Он был другом выдающегося английского гуманиста св. Томаса Мора. Последний, как и Дж. Колет и Хью Латимер, не принимая крайностей некоторых итальянских гуманистов, подготавливал реформу церкви в Англии.

В Германии движение охватило, в основном, города Рейна и Южной Германии. Здесь его известнейшими представителями были Рейхлин и Меланхтон, Дюрер и Гольбейн.

Французское Возрождение развивалось под воздействием итальянского и нидерландского. Поначалу во французской живописи было сильно фламандское влияние, но с приездом в Фонтенбло Леонардо да Винчи итальянское влияние стало более заметно. Однако, усваивая искусство итальянского Возрождения, французы лишь постепенно отказывались от традиционных приемов готики. Похожая ситуация была и в Англии. В XVI в. во Франции Гийомом Бюде и Жаном Боденом были достигнуты величайшие достижения в области юриспруденции.

Влияние Нидерландов обнаруживается также в творчестве величайших французских писателей того времени — Ронсара, Рабле, Монтеня и Кальвина. Рабле был последователем Эразма, но испытал

также воздействие рационализма Помпонации. *Опыты* Монтеня характеризуют его как предшественника Вольтера. Кальвин стремился воплотить идеалы Возрождения в христианстве, но религиозное рвение завело его слишком далеко, и он стал самым радикальным из реформаторов.

Сочинения Кальвина считаются классикой французской прозы. В этой области французское Возрождение достигло замечательных результатов. При Франциске I наречие центральной Франции стало официальным языком государства. Благодаря выдающимся писателям того времени язык быстро развивался, и литература XVI в. предвосхитила достижения классической французской словесности, открыв, таким образом, период современного развития.

Следовало ожидать, что столь оживленное развитие, принесшее идеи, апеллировавшие к человеческому стремлению к прогрессу в области знания, к свободному выражению индивидуального мышления, окажет также влияние на прогресс культуры славянских народов XV—XVI вв. Этому влиянию способствовало использование учеными латыни, и изысканность классической латыни, на которой многие гуманисты выражали свои идеи, побуждала интеллектуалов-славян к соперничеству с ними в своем литературном творчестве. Развитие национальных языков многими выдающимися ренессансными писателями стимулировало формирование литератур на славянских языках.

Изучая воздействие западноевропейского Возрождения на славянские народы, следует, однако, иметь в виду два момента. Возникновение и распространение культуры Ренессанса были тесно связаны с состоянием экономики. Процветание, которое принесли западноевропейским приморским народам их торговые связи с Востоком и Новым Светом, оказало огромное стимулирующее воздействие на развитие нового культурного движения. С другой стороны, обедневшая, вследствие утраты прежнего положения в международной торговле, центральная Германия была мало затронута Возрождением. Славяне получали новые культурные импульсы преимущественно из Италии, Нидерландов и Франции.

Чехи географически оказались ближе к центрам Возрождения, чем поляки и русские. Многообещающее гуманистическое движение, принесшее столь впечатляющие результаты, в Чехии, однако, было прервано Реформацией. Литературная деятельность в Чехии в начале XV в., естественно, во многом отражала религиозную борьбу, начавшуюся еще в XIV в. и продолжавшуюся в последующий период¹.

Одним из выдающихся писателей этого периода является, конечно, Ян Гус. В том, что касается религиозной деятельности, Гус является спорной фигурой, но его заслуги в отношении роста национального самосознания и развития чешского литературного языка пользуются единодушным признанием. В этой области чехам не нужно было ждать побудительных импульсов Возрождения. Свои первые работы на чешском языке Гус написал между 1406 и 1410 гг., а наиболее важные — в последние три года жизни, между 1412 и 1415 гг. Он писал на том языке, на котором проповедовал, и подверг пражский диалект реформе орфографии, изложенной им в латинском трактате *Чешская орфография*. Он внес огромный вклад в чешскую орфографию и модернизацию литературного языка. Под влиянием церковнославянского правописания, употреблявшегося чешскими монахами Эммаусского монастыря, Гус добился передачи каждого звука речи отдельной буквой. Его реформа, широко использовавшая диакритические знаки, лежит в основе современных алфавитов чехов, словаков, хорватов, словенцев, многочисленных других моделей современных национальных алфавитов и даже международной системы фонетической транскрипции.

Письма Гуса, по-чешски и по-латыни, обладают большой привлекательностью для современного читателя. Они написаны очень живым языком и прекрасно отражают индивидуальность чешского реформатора. Наиболее трогательны многочисленные письма из Констанца.

Из других его сочинений по-чешски наиболее выдающимися являются два, адресованные слушательницам в Праге: *Výklad* (толкования веры) и *Dcerka. Postilla* (1413) представляют большой интерес для понимания учения и образа мыслей Гуса. Рвение религиозного реформатора демонстрирует чешский трактат *О симонии*.

Среди многочисленных латинских сочинений прекрасным образцом философского творчества Гуса является его комментарий к труду Петра Ломбардского «Четыре книги сентенций...» — *Super IV sententiarum*². Трактат *De ecclesia* (*О Церкви*) основывается на одноименном сочинении Дж. Уиклифа.

Следует также отметить, что Гус сыграл большую роль в истории чешской религиозной музыки. Пение гимнов составляло важную часть проводившихся Гусом служб. Он и сам написал несколько гимнов для своей конгрегации. Его примеру последовали ученики, и затем пение гимнов и песен стало очень характерным для гуситов³, они представляют собой и важнейшую часть гуситской литературы.

Песнопения — существенная составляющая литургической практики гуситов. Наиболее умеренные пражские гуситы во главе с Яном из Пржибрама придерживались старого латинского литургического канона, а Ян Желивский, вождь радикальной партии, даже начал служить обедню по-чешски. В этой среде возникли новые чешские религиозные песнопения, исполнявшиеся также и сторонниками Якоубека, центристской частью пражских гуситов. Табориты, которые свели литургию к ее главнейшим моментам — чтению Священного Писания, песнопениям, молитве Господней — «Отче наш», освящению святых даров, причастию, — также широко использовали религиозное пение.

Йистебницкий канционал, составленный около 1420 г., ярко характеризует этот род литературы гуситского периода. Он представляет собой нечто вроде сборника литургических и религиозных песнопений, исполнявшихся сторонниками радикальной пражской партии Яна Желивского и таборитами. Латинские литургические гимны соседствуют с новыми редакциями старых чешских композиций. Кроме того, сборник содержит новые литургические песнопения, воскресные и праздничные песнопения, стихотворные молитвы, а также военные песни. Многие композиции отражают реформистские устремления Яна Гуса и его последователей; большинство из них анонимны. В большинстве новых песен догматико-теологический смысл и полемический дух превалируют над истинным религиозным чувством, в них мало лирического настроения.

Среди новых песен выделяются песни военные. Наиболее популярной среди них была таборитская песня «Кто же вы, Божьи воины» (*Ktož jsů boží bojovníci*) с величественной и мощной мелодией⁴, которую некоторые приписывают самому Яну Жижке. Ее пели гуситские воины перед боем. Гуситские победы прославлялись в рифмованных песнопениях; сочинялись песни также в честь Яна Гуса и Иеронима Пражского.

Многочисленны сатирические стихотворные композиции. Они сочинялись католиками против Дж. Уиклифа и гуситов и гуситами против католиков. Их мелодии должны были пропагандировать соответствующие идеи среди толпы. В этот период были также составлены и пелись несколько стихотворных диспутов.

Сохранились две стихотворные композиции исторического характера: первая — о возникновении гусизма, а вторая, дошедшая лишь частично, — рифмованная чешская хроника. Два сходных сти-

хотворных сочинения прославляют расправу Жижки над таборскими экстремистами.

Более радикальный Якоубек написал по-чешски комментарий к Апокалипсису и проповеди на темы Апостолов, читавшиеся во время воскресных служб. Он также перевел трактат Дж. Уиклифа *Triialogus* (Беседа между Истиной, Ложью и Мудростью).

Даже воину Яну Жижке принадлежит особое место в гуситской литературе: он — автор трактата *Vojenský Rad* (*Воинский устав*), составленного им и его офицерами и опубликованного в 1423 г. Некоторые сохранившиеся его письма обнаруживают глубокие религиозные чувства.

Среди умеренных гуситов заслуживает упоминания Ян из Пржибрам. Он был упорным противником англичанина-лоллардиста Питера Пейна, так называемого английского магистра, с его уиклифитским учением. Среди его наиболее важных чешских трактатов — *Kniha o zarmouceních velkých církve svatě...* (*О великой печали святой Церкви*) и *Život kněží Tábořských* (*Жития таборских священников*).

Петр из Младеновиц также принадлежал к умеренной партии. Его *Relatio de magistri Joannis Hus causa* (опубликована также краткая чешская версия) открывает серию работ гуситской историографии. Для периода 1414—1431 гг. наиболее существенным источником является *Гуситская хроника* (*Historio de bello hussitico*) Вавржинца (Лаврентия) из Бржезовы (сохранилась чешская версия); этот же автор восславил в стихотворной *Песни о победе у Домажлиц* подвиги гуситов, он является редактором латинской всемирной хроники, излагающей события с VII в., популярны были его перевод *Cesty Jana Mandevilly* (*Путешествия сэра Джона Мандевиля*) и *Kniha snověho...* (о снах). Особого упоминания заслуживает анонимный сборник документов *Старые чешские хроники*, охватывающий события с 1378 г. до конца XV в. и служащий важным историческим источником для событий после 1400 г. В других сочинениях гуситов отражены их антинемецкие настроения.

Радикальные реформаторы не были склонны к научной деятельности, за исключением, разве что, медицины. Немец Альбик из Уничова, пражский архиепископ, является автором нескольких латинских трактатов, в которых он рекомендует новый метод — диету. Кржиштан из Прахатиц опубликовал по-латыни *Гербарий* и по-чешски *Лекарскую книгу* — трактат по медицине. В XV в. было также переведено на чешский несколько трудов по медицине, популярных в то время в Западной Европе.

Интересное документальное свидетельство о религиозных идеалах таборитов и полемике с их противниками содержится в *Chronicon sacerdotum Taboriensium* (Таборской хронике) в двух частях Микулаша из Пельгржимова по прозвищу Бискупец (умер около 1459), таборского епископа, возглавлявшего религиозную и светскую администрацию Табора. Хроника содержит также сообщение о переговорах на Базельском соборе.

Главным представителем консервативных утраквистов (чашников) был Ян Рокицана, избранный архиепископом Праги, но не признанный папой (умер в 1471). Его искренние попытки примирения с католиками не имели успеха. Противники часто подвергали его нападкам (сохранилась направленная против него чешская обличительная песня), но в своих латинских и чешских сочинениях он смело защищал утраквистскую ортодоксию. Его патриотический и религиозный настрой нашел выражение в красноречивых проповедях, временами напоминающих ораторское искусство Яна Гуса. Многие из них сохранились в его *Postilla*, написанных в духе чешских реформаторов живым языком, обнаруживающим влияние литературной традиции Яна Гуса.

Преследования, развернувшиеся против Общины чешских братьев, заставили их защищать свои доктрины в литературной форме, в т. ч. анонимных писем, адресованных Яну Рокицане, королю Йиржи Подебраду и их противникам. Главным автором этих апологий был брат Григорий, составивший также ряд сочинений, освещающих религиозные и социальные вопросы, обсуждавшиеся Братями.

Преемником Яна Рокицаны был Вацлав Коранда (1425—1519), убежденный противник Чешских братьев, один из важных членов посольства, посланного в 1462 г. королем Йиржи Подебрадом к папе Пию II с призывом признать Пражские компактаты. Хотя среди членов посольства были и представители католической знати, папа отверг компактаты. Все это описано Корандой, сочинения которого содержат апологию компактатов. Его латинские и чешские труды, направленные против учения Чешских братьев и противников утраквизма, были собраны им самим в *Manuale*.

В своих усилиях добиться одобрения компактатов и вывести Чехию из политической изоляции, в которую ее поставило осуждение ереси, король Йиржи использовал также иностранных дипломатов. Одним из них был немец Григорий из Хаймбурга (умер в 1472), защищавший Йиржи в своих письмах и в *Апологии*⁵, другим — Антонио Марини из Гренобля (de Gratianopoli), оказавший королю очень важ-

ные услуги во время миссий в Рим, Францию, Польшу и Венгрию. По просьбе короля Марини написал политико-экономический трактат, из которого дошла, к сожалению, только наименее интересная часть.

Сохранились два других описания миссий во Францию. Одно из них представляет собой дневник Ярослава, младшего члена посольства 1469 г., второе — составленное Шашеком описание посольства 1465—1467 гг. во главе с Львом из Рожмиталя во Францию, Испанию и Португалию⁶.

Другим выдающимся защитником Йиржи Подебрада и уtrakвизма был дворянин Цтибор Товачовский из Цимбурка, утверждавший свои идеи в аллегорическом диалоге *Hádání pravdy a lži...* (*Спор Истины с Ложью об именах и власти духовенства*). Более важно его юридическое сочинение *Kniha Tovačovská*, содержащее подробное описание правовых обычаев Моравии.

Ряд сатирических песен отражает напряженные отношения между уtrakвистами и католиками. Сохранилось также несколько поэтических батальных описаний, в том числе песня о битве при Варне (1444), ошибочно рисующая ее как победу христиан.

Хотя при Карле IV и Вацлаве IV⁷ некоторые ранние итальянские гуманисты уже были известны и ценились в чешских интеллектуальных кругах, всю силу Ренессанса в Чехии ощутили только к концу XV в., когда стихла религиозная борьба. Чиновниками в имперской канцелярии Сигизмунда I были преимущественно итальянцы, передавшие свой энтузиазм гуманистов чешским коллегам и друзьям. Австрийские и немецкие гуманисты, в т. ч. Иероним Бальб и Конрад Цельтис, также нашли поклонников и подражателей среди чехов.

Более того, традиция, основанная ранними гуманистами, не умерла. Даже когда Чехию раздирала внутренняя борьба, она сохранялась в Моравии, где гуситское движение было не так сильно, у августинцев и при дворе оломоуцких епископов.

Все это объясняет, почему основные представители чешского гуманизма были преимущественно католиками. Главным вдохновителем первых чешских гуманистов был Энеа Сильвио Пикколомини (впоследствии папа Пий II), бывший секретарем в канцелярии императора Фридриха III. Он встречал многих чешских интеллектуалов на Базельском соборе и оказывал глубокое влияние на своих чешских коллег в канцелярии. После их возвращения на родину он поддерживал с ними оживленную переписку. Официальные обязанности привели Энеа Сильвио в Чехию (он дважды посетил Табор), и

в 1458 г. он замыслил написать — на своей элегантной латыни — историю Чехии, основываясь на собственном опыте и чешских документах, переведенных для него друзьями. Естественно, этот искренний католик резко осуждал гуситское движение, и его даже часто обвиняли в античешских пристрастиях, но его труд сделал Чехию и выдающихся представителей гуситского движения (его характеристика Яна Жижки особенно наводит на размышления) известными во всем ученом мире. Первый чешский перевод его истории появился в 1510 г.

Конечно, гуманизм затронул только представителей высокообразованной дворянской элиты, получившей классическое образование за границей. В период религиозных споров Пражский университет потерял свой научный характер и превратился в арену диспутов религиозных противников. Гуманистические тенденции поздно и очень медленно проникали в университетские круги. Первые представители чешского гуманизма были преимущественно поклонниками латинского красноречия Цицерона, сатир Марциала, поэзии Горация и Вергилия. В своих литературных произведениях они подражали античным мастерам и поэтам и писателям, сочинявшим на новой латыни, и редко выражали свои индивидуальные чувства. Вместе с тем, они следовали своим учителям в толерантном отношении к религиозным чувствам других людей, — и это была новая и желанная тенденция в Чехии, атмосфера которой все еще была наполнена религиозным фанатизмом.

Чешские гуманисты, хотя и писали на латыни, не были чужды патриотическому чувству, характерному для гуманистического движения. Оно особенно заметно в сочинении *Dialogus* Яна Пфлюга из Рабштейна (умер в 1473), католического прелата, использовавшего свою гуманистическую подготовку и дипломатическое искусство для защиты короля Йиржи от оппозиции знати. Ян из Рабштейна может считаться продолжателем не только гуманистической традиции, но и чешской *devotio moderna* («современного благочестия»), в духе которой и написан *Dialogus*, резко осуждающий преследования людей за веру.

Чешские гуманисты интересовались и платонической философией. К сожалению, главное философское произведение в этом духе, *Microcosmos* Яна Шлехты из Вшегрд, утеряно. Моравский гуманист Августин из Оломоуца является автором значительной критической работы — *Dialogus in defensionem poeticae*.

Наиболее выдающимся представителем чешского гуманизма является Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц (1460—1510). Во вре-

меня обучения в Италии он познакомился с классической ученостью и глубоко проникся духом гуманизма. Отказавшись от политической карьеры, поселился в своем поместье и посвятил жизнь изучению античности и латинскому сочинительству. Он поддерживал оживленную переписку с известными зарубежными гуманистами, и его многочисленные письма свидетельствуют об овладении стилистическим искусством Цицерона и Сенеки. Он был высокоодаренным поэтом, в его одах часты описания, в духе Горация и Вергилия, красоты и очарования его родины — Чехии. Богуслав Гасиштейнский по праву считают одним из лучших поэтов, писавших на новой латыни.

Чешские гуманисты скоро начали писать и на родном языке, переводя тексты с классической и новой латыни на чешский язык. При этом они обнаруживали предпочтительный интерес к практическим аспектам римской культуры, а именно к юриспруденции и риторике. Тот же практический интерес побуждал их к изучению сатирической и дидактической поэзии, уделяя мало внимания лирике и драме. Более других гуманистов привлекал Эразм Роттердамский. Книгопечатание пришло в Чехию из Нюрнберга, в 1468 г. оно появилось в Пльзене, а вскоре и в Праге. Это способствовало переводу и публикации сочинений Петрарки, Поджо Браччолини, Боккаччо и даже Лукиана Самосатского.

Несколько имен заслуживают упоминания: Григорий Грубый из Елени⁸, Вацлав Писецкий — один из первых чешских гуманистов, изучавших греческую классику, Микулаш Конач из Годишкова — переводчик Лукиана и Боккаччо и автор сатиры о пороках различных классов общества.

Наиболее монументальный труд чешского гуманизма принадлежит перу юриста-патриота Корнелиуса Викторина из Вшегрд (около 1460—1520). Он не учился за границей, но и в Чехии приобрел такие глубокие знания в области гуманистической учености, что даже Богуслав Гасиштейнский ценил его как выдающегося гуманиста. В *Девяти книгах (Knihy devatery)* «о правах земли чешской» свое знание римского права и критическое чутье, обостренное гуманистической образованностью, он использовал для оценки чешского обычного права. Его труд является замечательным достижением чешской юридической науки. Последователем Викторина является Павел Кржиштан из Колдина (1530—1589), книга которого о городском праве *Práva městská král. Českého (Городские права Чешского королевства)* находила применение в Моравии и частично в Силезии до 1812 г.

К сожалению, враждебное отношение университетских кругов к гуманизму вынудило выдающегося чешского гуманиста Зигмунда Гелена (1497—1554) стать «корректором» у известного типографа-издателя Фробена в Базеле. Друг Эразма и Меланхтона, он вел исследования в итальянских университетах, но не мог получить университетскую должность на родине. В Базеле он был известен как крупнейший филолог и один из первых критических редакторов произведений латинской и греческой классики.

В третьем десятилетии XVI в., когда гуманизм начал утверждаться в Пражском университете, чешские гуманисты находили вдохновение не в Падуе и Болонье, а в центре деятельности Лютера — Виттенберге. Этот последний период развития чешского гуманизма, глубоко пропитанный идеями великих немецких реформаторов, представляется более прозаическим и менее привлекательным. Вдохновлявшие ранее чешских гуманистов итальянская живость и любовь к прекрасному должны были уступить место германскому гению, более педантичному и скрупулезному, но не так интересующемуся радостями жизни. Следствием этого были распространение в Чехии идей протестантизма и германизация интеллектуальной жизни.

Виттенбергский гуманизм был более всего приемлем для интеллектуалов из Общины чешских братьев, воодушевлявшихся нежным духом нового протестантского благочестия Меланхтона, и вскоре он проник в их ряды. В результате большинство Чешских братьев стало позитивно относиться к учености. Благодаря организаторским талантам епископа Лукаша Пражского эта новая тенденция покорила также консервативное меньшинство, что способствовало признанию ее и теми, кто не мог отрешиться от своих возвышенных позиций в мирских делах и в сфере учености. Братья начали основывать школы, посылать учеников в германские университеты и использовать обретенные благодаря изучению классики риторические и дидактические навыки в полемике с католиками, уtrakвистами и лютеранами.

Учеником Меланхтона был наиболее выдающийся писатель, принадлежавший к Чешским братьям, епископ Ян Благослав (1523—1571). Он учился не только в Виттенберге, но и в Базеле, посещал и другие центры учености. Ян Благослав представлял Братьев, дома и за границей встречаясь с католиками, уtrakвистами и лютеранами и защищая, как и Лукаш Пражский, их позиции. Благодаря ему в Общине стала явной победа интеллектуальной партии над кон-

сервативным меньшинством и ее культурный уровень достиг новой вершины.

Благослав был знаком со всеми направлениями гуманизма, и к тому же он обладал талантом великолепного филолога, проявленным им в труде *Musica*, в чешской грамматике (*Gramatice*) и в переводе Нового Завета (1564). Вопреки распространенному мнению, этот перевод был выполнен не с оригинала. Благослав не знал греческий так, как латынь, но кроме латинских переводов греческий оригинал также был им использован. Филологический талант помог ему придать чешскому литературному языку новую, живую и элегантную форму, положенную в основу полного перевода Библии Чешскими братьями, опубликованного в 1588 г. в Кралице, Моравия, и также выполненного с латинского источника с привлечением языков оригинала. Язык этого перевода почти триста лет считался классическим.

Благослав написал также труд *O происхождении братской общины* — *O původu Jednoty a řádu v ní* (*Historia Fratrum*), составил (1561) для Братьев канционал, содержащий 735 песнопений, сочиненных или переложенных им, по большей части, в духе и стиле псалмов. Особенно активны были Братья в области истории, используя этот жанр для защиты своих воззрений от католиков и лютеран. Зачинателем здесь был Ян Черный, за ним последовали многие другие. Их работы представляют ясную картину истории Общины чешских братьев⁹.

В целом, чешская историография этого периода испытала лишь незначительное влияние гуманистических идей. Робкие попытки подражания классическим образцам можно обнаружить только в латинской *Истории* Яна Скалы из Дубравии и чешской *Хронике* (*Kronika založení země české*) Мартина Кутхена из Шпринсберка. В *Чешской хронике* Богуслава Билейовского (1537) сделана попытка доказать, что утраквизм был древним чешским установлением, введенным еще св. Мефодием. *Пражская хроника* Бартоша Писаржа, рисующая ясную картину первых лет правления Фердинанда I, демонстрирует больше историзма. Этот труд, как и *Мемориалы* Сикста Оттерсдорфского, посвященные неудачному восстанию чешского дворянства против Фердинанда I в 1546 г.^{*}, является ценным историческим источником. Более популярны были переводы ранних христианских хроник и легкие литературные компиляции, не имеющие особой исторической ценности, например хроника католического автора Вац-

^{*} Имеется в виду Чешское восстание 1547 г.—Прим. перев.

лава Гаека из Либочан, полная сказочных историй, рассказанных в развлекательном стиле.

Чешских гуманистов мало привлекал философский аспект Ренессанса. Их морализаторство более сродни идеям, унаследованным от чешских реформаторов. Этим объясняется, почему труд английского философа Уолтера Берли *De vita et moribus philosophorum et poetarum* вызвал интерес сразу трех чешских гуманистов, в том числе Микулаша Конача из Годишкова (ум. 1546), дворянина и печатника-утраквиста. Он написал и перевел несколько сочинений в этом роде, лучшее из них — аллегорическая жалоба Добродетели, или Справедливости, на упадок нравов. Утраквистский священник Ян Чешка (ум. 1551), поклонник Петрарки, составил трактат в духе Берли. Другие анонимные композиции в этом роде, сохранившиеся в *Нейбуфгском собрании*, еще исполненные духа средневековья, сатирически откликаются на ту радость жизни, *joie de vivre*, которая характерна для периода Возрождения.

Чешская художественная литература этого периода представляет мало образцов, сравнимых с западноевропейскими. Гуманистические влияния ощутимы в беллетристических произведениях, подражающих Боккаччо и другим знаменитым писателям итальянского Ренессанса, но большинство переводов и переложений выполнено не с итальянских оригиналов, а с немецких переводов.

Более интересны и оригинальны некоторые описания путешествий этого периода. Они совершеннее вышеупомянутых сочинений послов короля Йиржи Подебрада. Ян Гасиштейнский из Лобковиц (1450—1517), брат известного гуманиста Богуслава, живо описал свое паломничество на Святую Землю через Венецию, Родос и Кипр. В описании аналогичного путешествия, предпринятого в 1546 г. Одальрихом Префатом, интересны картины Кипра незадолго до его захвата турками. В описании паломничества Криштофа Гаранта из Польжиц (*Cesta do svatě země*) заметна гуманистическая образованность автора. Очень популярно было сочинение *Přihody* (*Приключения...*) — описание посольства в Константинополь 1591 г., участники которого были брошены в Турции в тюрьму, выполненное его младшим членом, Вацлавом Вратиславом из Митровиц.

Главные представители научного мира Праги — Кеплер, Тихо Браге и Тадеуш Гаек — писали свои математические и астрономические труды по-латыни. Гаек и другие ученые пользовались чешским языком только в популярных сочинениях — астрономических календарях и гербариях.

В последние десятилетия XVI в. в лице Даниила Адама из Велеславина (1546—1599), в прошлом профессора Пражского университета, известного издателя, чешская литература нашла вдохновенного покровителя и организатора. Его типография выпустила большое количество хроник, религиозной и географической литературы, различного рода переводов, отвечавших вкусам публики того времени. Несколько сотрудников помогали ему в выборе произведений для печати. Велеславин проявил некоторый талант в исторических компиляциях, но главный вклад в чешскую литературу и лингвистику он внес благодаря своим лексикографическим работам. Его чешский считался классическим, а сам он оценивался историками литературы как гениальный писатель. Современные исследователи, однако, более критически оценивают заслуги Велеславина. Его чешский синтаксис и стиль, выработанные под влиянием латыни, не достигают той чистоты языка, которая отличает переводчиков Кралицкой Библии. Многочисленность и разнообразие литературных произведений, напечатанных благодаря Велеславу, столь впечатляют, что историки литературы характеризуют вторую половину XVI в. как золотой век чешской литературы. Такое суждение представляется, однако, преувеличенным, поскольку многочисленность и разнообразие не возмещают недостаток мастерства и оригинальности.

В архитектуре влияние Ренессанса заметно уже во «Владиславском» зале королевского дворца в Пражском Граде (конец XV в.), но доминирует оно только в чешском искусстве XVI в., хотя чешские зодчие и продолжали использовать элементы готики, преимущественно в церковном строительстве. Чисто ренессансные памятники строились в Чехии иностранными архитекторами: летний королевский дворец Бельведер под Пражским Градом (Джованни Спацио и Паоло делла Стелла), королевский охотничий замок Звезда и др. сооружения в Праге.

Чешская знать следовала примеру королей-Габсбургов и приглашала иностранных архитекторов для сооружения дворцов в Праге и других местах. В Праге лучшим является так называемый Шварценбергский дворец. Вскоре в стране оказалось множество ренессансных дворцов и других зданий, наиболее характерные — в юго-восточной и южной Чехии на землях магнатов Рожмберков (Розенбергов). Наиболее известным мастером был Балтазар Майо да Вомио, с которым работали многие его соотечественники. Для строительства в новом стиле бюргерство многих чешских городов нанимало итальян-

янских зодчих. Пльзень, Пардубице, Прахатице, Литомержице особенно богаты постройками в стиле Возрождения.

Подобная же строительная деятельность развернулась в Моравии благодаря щедрости высшей знати, особенно в Бошковицах, Жеротине и Пернштине. И здесь горожане следовали примеру знати. Пластический декор новых зданий также, как правило, выполнялся итальянскими мастерами. Последние отзвуки готического стиля скоро были вытеснены чисто ренессансными мотивами. Там, однако, где преобладало немецкое население, германское и, особенно, саксонское влияние обнаруживается наряду с итальянским. Итальянские мастера принесли в Чехию и Моравию также фресковую живопись и технику стукко, ставшую очень популярной; фасады покрывались росписями сграффито. Ренессансная живопись более всего процветала в Праге и Кутной Горе. Культурные импульсы в этой сфере приходили большей частью из Германии, очень глубоким было воздействие Кранаха и Дюрера.

Земли, населенные словаками, соприкоснулись с Возрождением раньше чешских. Во второй половине XV в. брак короля Матвея Корвина (Матьяша Хуньяди) с арагонской принцессой привел множество итальянских художников в Венгрию. Многие из них работали на севере страны, хотя элементы готики сохранялись там еще в полной мере. Кроме итальянских влияний в Словакию проникали и германские ренессансные мотивы из Австрии. Наступление Турции в глубь Венгрии прервало это многообещающее развитие, но в многочисленных фортификационных сооружениях, строившихся ввиду турецкой угрозы, в городах, замках, церквях применялись новые технические достижения, принесенные Ренессансом. Все это, несомненно, является характерной чертой словацких городов — почти единственной части Венгерского королевства, не захваченной турками. Следует отметить, что области современной Словакии, наиболее глубоко затронутые Реформацией, особенно район Спиша на востоке, дольше оставались верны ренессансному стилю, чем западная часть страны, где вскоре победили контрреформация и новый стиль барокко.

II

Влияние Возрождения было особенно значительно в Польше¹⁰. В отличие от Чехии, эту страну в XIV и XV вв. не раздирали религиозные распри. Преобладание римского католического духовенства

привело к тому, что уже в ранний период истории Польши ее интеллектуальная и политическая жизнь была почти полностью латинизирована. Естественно поэтому, что первые польские гуманисты принадлежали к духовенству, писавшему исключительно на латыни. Этим также объясняется тот факт, что ранний польский гуманизм был не таким светским и «языческим», как итальянский.

Хотя на ранних этапах польской истории культурные влияния шли преимущественно с Запада — из Франции, Бельгии и Италии, в XII и XIII вв. обнаруживается больше подражаний немецким образцам. Борьба с Тевтонским орденом, поддерживаемым Германией, побудила, однако, поляков вновь обратиться за культурными стимулами к Западной Европе, особенно к Италии.

Первые гуманистические веяния проникли в Польшу через Чехию и Венгрию. Краковский университет, реорганизованный в 1400 г., с готовностью усваивал их и придавал новый импульс развитию образования в Польше. Деятельность университета способствовала росту престижа и влияния Польши в Европе, что особенно проявилось во время Констанцского собора (1414—1418). Глава польской делегации гнезненский архиепископ Миколай Траба являлся одним из кандидатов на папский престол, а Анджей Ласкаж, новый познаньский епископ, образованный и ревностный сторонник идеи верховенства собора над папой и церковной реформы, играл выдающуюся роль в развернувшихся дискуссиях. Ректор университета Павел Влодковиц из Брудзеня написал трактат о власти папы и императора в отношении обращения неверных, привлекая к себе внимание смелостью изложенных в нем идей. На Базельском соборе декан Миколай Лясоцкий встречался с итальянскими гуманистами, в т. ч. с Гварино Веронезе, в Польше он стал деятельным пропагандистом их идей среди молодежи.

Гуманистические влияния из Чехии и Венгрии, встречи с европейскими гуманистами в Констанце и Базеле принесли замечательные результаты. Выдающийся государственный деятель кардинал Збигнев Олесницкий и львовский архиепископ Гжегож из Санок были первыми польскими гуманистами. Гуманистические штудии, особенно знакомство с историей Тита Ливия, вдохновили протеже Олесницкого, каноника, позднее архиепископа львовского, Яна Длугоша (1415—1480) на написание истории Польши (*Annales seu cronica inclty regni Poloniae*) — лучшего польского труда в этом жанре, превосходившего все современные ему западноевропейские сочинения.

Труд Длугоша, имевший различных продолжателей и подражателей, доминировал в польской историографии до XVIII в.

В XV и начале XVI вв. Краковский университет внес большой вклад в распространение образования в Польше. До начала своего упадка он занимал выдающиеся позиции в математике, астрономии, философии. В Краковском университете получил образование Николай Коперник (1473—1543), публикация эпохального астрономического труда которого прославила Польшу.

Первые предвозрожденческие литературные центры были основаны в Польше иностранными гуманистами, итальянцем Филиппо Буонакорси, известном как Каллимах (1437—1496), и немцем Конрадом Цельтисом (умер в 1509)*. Гжегож из Санoka взял под свое покровительство политического изгнанника Каллимаха, ранее нашедшего приют в Венгрии (он написал по-латыни историю Венгрии и турецких войн); король Казимир IV назначил его наставником своих сыновей. Цельтис основал в Кракове первое литературное общество — *Societas Vistulana*. Его поддерживало немецкое бюргерство Кракова, но среди поляков большими симпатиями пользовался его итальянский коллега. Другие гуманисты прибыли из Швейцарии, наиболее выдающимся из них был Рудольф Агрикола. Через посредство швейцарских гуманистов поляки познакомились с Эразмом Роттердамским, с которым позднее они поддерживали переписку.

В этот ранний период польского гуманизма светский дух Возрождения проявился в труде Яна Остророга о государственном устройстве. В своем *Monumentum* Остророг, защищая права шляхты, продемонстрировал сильные национальные и антиклерикальные чувства. Он выдвинул ряд оригинальных идей по теории государства и предвосхитил некоторые политические и социальные концепции, получившие много позже всеобщее распространение.

Воспитанные Длугошем и Каллимахом сыновья Казимира, Ян Ольбрахт, Александр и Сигизмунд I, сменявшие друг друга на польском престоле, были ревностными поборниками Возрождения. Правление Сигизмунда I (1506—1548) имело особое значение для распространения в Польше гуманистической культуры. Сам он как типичный ренессансный правитель принимал при своем блестящем дворе иностранных и польских гуманистов. Влияние итальянского Ренессанса в Польше достигло вершины после 1518 г., когда король

* Конрад Цельтис (1459—1508).—Прим. перев.

женился на итальянской принцессе Боне Сфорца. В ее свите были художники и придворные дамы, многие из которых впоследствии вышли замуж за польских аристократов. Ее двор стал центром гуманизма, вдохновлявшимся вновь открытыми трудами античных авторов и сочинениями выдающихся деятелей итальянского Возрождения. Бона ввела в польскую политическую жизнь ренессансные идеи государственного управления, направленные на усиление королевской власти и ограничение влияния знати на государственные дела. *Советы Каллимаха*, теоретический диспут на политические темы, приписываемый Буонакорси и отражающий некоторые идеи Макиавелли, свидетельствует о борьбе между пропагандировавшейся Бонной ренессансной концепцией абсолютистского государственного устройства и эгоистической политикой польской знати, которая, принимая многие идеи Ренессанса, резко выступала против его политической идеологии.

Сигизмунд I был щедрым покровителем новых направлений в искусстве, и его примеру следовали польские магнаты. Его канцлер Кшиштоф Шидловецкий собрал вокруг себя многих писателей и ученых — гуманистов. Еще более известным гуманистом был краковский епископ подканцлер Петр Томицкий, насаждавший возрожденческую культуру в университете, где он способствовал изучению римского права, и поощрявший лингвистические исследования. Другим выдающимся гуманистом был Станислав Горский — публикатор дипломатической и частной переписки Томицкого, являющейся важнейшим источником для изучения польского Возрождения. Архиепископ гнезненский Анджей Кжицкий (Андреас Крициус) был прославленным поэтом-латинистом, а познаньский епископ Ян Любраньский основал в городе гуманистическую школу, пропагандировавшую новое движение в Великой Польше. Большой вклад в распространение гуманизма внес аристократический род Ласких. Ян Лаский в Базеле, центре швейцарского Ренессанса, был тесно связан с Эразмом Роттердамским и другими гуманистами; позднее он стал вождем польского протестантизма. Следует упомянуть еще двух поэтов-латинистов: дипломата Яна Дантышека, из Гданьска, и чрезвычайно талантливого Клеменса Яницкого (Янициуса), крестьянского сына, посланного меценатом в Италию.

Все они, как и менее значительные гуманисты, подготавливали почву для великолепного расцвета образованности, искусства и литературы в эпоху польского «золотого века» с середины XVI до начала XVII в., в правление Сигизмунда II Августа (1548—1572) и Стефана

Батория (1576—1586). Большинство известных авторов этого периода писали еще на латыни. Одним из крупнейших философов был Анджей Фрыч-Моджевский (1503—1572), занимающий выдающееся место в истории польской политической мысли. В двух своих трактатах он защищал идеи равенства всех сословий — дворянства, горожан и крестьян — перед законом. Его основной труд *De republica emendanda* (Об исправлении государства) касается вопросов государственного управления и устройства. В его пяти книгах рассматриваются проблемы общественных нравов, законов, войны, церкви, образования. Он защищал принципы сильного центрального правительства, прочных финансов, хорошо организованной армии, протестовал против эгоистической политики шляхты и чрезмерной эксплуатации крестьянства. Идеи в области церковной доктрины обнаруживают симпатии к Реформации. Моджевский требовал реформы церковной жизни и духовенства, отмены celibата, введения национального языка в литургии, перераспределения церковной собственности, подвергаясь за свои воззрения преследованиям со стороны вождей католицизма, но продолжая готовить церковную реформу и проповедуя терпимость в религиозных делах¹¹. Лаврентий Гослицкий также внес заметный вклад в возрожденческую общественную мысль. Станислав Иловский написал первый польский трактат по теории истории. Епископ Марцин Кромер, последний из учеников Длугоша, анализировал обычаи и государственное устройство Польши.

В правление Стефана Батория наиболее выдающимся деятелем гуманизма был канцлер Ян Замойский (1542—1605). Он был таким поклонником Римской республики и ее институтов, что мечтал и Польшу сделать своего рода республикой с выборным королем, абсолютной свободой и равенством, но, в духе века, признавал свободу и равенство только для шляхты.

Интересно отметить, сколь много польских интеллектуалов XVI в. интересовались политической теорией. Возрождая некоторые римские республиканские идеи в сочетании с принципами гуманистического индивидуализма, польские политики создали государственное устройство, не имеющее параллелей в европейской истории.

Замойский лелеял мысль превратить Краков в международный центр гуманистической учености. Он планировал, что новая школа займет место схоластического Краковского университета, переживавшего период застоя и упадка. Но иностранные ученые, приглашенные поселиться в Кракове, не приехали. Поэтому в 1594 г. в принадлежавшем ему городе Замосць Замойский основал новый уни-

верситет*, в котором усиленно развивались гуманистические исследования. В этом своем начинании он следовал примеру короля Стефана Батория, в 1579 г. основавшего Виленский университет, во главе которого был поставлен иезуит Петр Скарга.

Проникновение в Польшу гуманистических идей и учености способствовало развитию польской национальной литературы. До того времени оригинальные сочинения по-польски были редкостью¹², что побуждало поляков читать по-чешски; польские библиотеки до сих пор обладают большим количеством чешских рукописей, и до 1519 г. в Польше переписывалась чешская версия «Троянской истории». Все это свидетельствует о трудностях развития польского литературного языка при участии многих чешских слов (ср. частоту богемизмов в польском). Многие оригинальные польские сочинения утеряны, но в XV в. их количество росло. Более многочисленны были религиозные песнопения, собранные в первом польском канционале (сохранился частично). Наиболее известным сочинителем духовных песен был Владислав из Гельнева, лучшим произведением которого является *Pieśń o Bożym umęczeniu*. Его считают автором песенного цикла «Псалтырь, или Пятнадцать размышлений о страстях Господних», но, возможно, оно является лишь переложением соответствующего чешского собрания.

Лучшей польской песней XV в. является гимн Св. Духу. От этого периода сохранились также эпические песни о святых, в т. ч. о св. Алексее (*Legenda o św. Aleksym*).

Сохранилось лишь несколько светских стихотворений, хотя их должно было быть много больше. Большая часть их, любовные песни и др., возможно, сочинялась студентами Краковского университета. Особенно популярны были песни об убийстве шляхтича Тенчиньского в Кракове в 1461 г. (*Wiersz o zabiciu Andrzeja Tęczyńskiego*) и о Грюнвальдской битве.

Появилось несколько дидактических поэм, самая длинная — *Стих о поведении за столом* (*Pieśń o chlebowym stole*) некоего Слоты, возможно, краковского студента. Разрушение Сандомежа татарами также было описано в стихах. Наиболее известная нравоучительная песня — *Диалог магистра Поликарпа со Смертью* (*Rozmowa mistrza Polikarpa ze Śmiercią*). *Жалобы умирающего* (*Skarga umierającego*) являются переложением чешской песни. Полна юмора *Сатира на ленивых крестьян* (*Satyra na*

* Имеется в виду т. н. Академия Замойская. — Прим. перев.

leniwych chłopów). Более оригинальны *Записки янычара* (*Pamiętniki Janeczara*) уроженца Боснии серба Константина Михайловича, однако неясно, был ли этот интересный литературный памятник изначально написан на старославянском или на польском языках; польская версия известна уже в начале XVI в. «Записки» были очень популярны и неоднократно переписывались, были переведены на чешский язык. По своему содержанию они были редкостью в европейской литературе того времени.

Начало литературной деятельности в Польше выглядит гораздо скромнее, чем достижения чешской литературы. По сравнению с Чехией в распространение литературы на национальном языке значительный вклад внесли ряд ренессансных писателей и Реформация с ее требованием церковной проповеди на родном языке. В короткое время польская национальная литература достигла удивительно высокого уровня, и ее золотой век совпадает с расцветом польской гуманистической культуры.

Первым крупным поэтом, открывающим золотой век польской культуры, был последователь Реформации Миколай Рей (1505—1569)¹³. Он не обучался за границей — факт, свидетельствующий о том, сколь глубоко в польское общество XVI в. проникли идеи итальянского Ренессанса. Рей первым продемонстрировал, что литература может успешно развиваться на родном языке, и внес большой вклад в победу в польской литературе национального языка над латынью. Он писал на живом и красочном языке, на котором говорила польская шляхта, и, несмотря на недостаток широкого образования, мог благодаря своему таланту, хорошему чувству ритма и рифмы легко в реалистической манере выражать свои мысли. Рей начал свою карьеру поэта сатирой, считающейся лучшей в польской литературе XVI в. Воображаемая беседа между дворянином, священником и крестьянином дает ему возможность нарисовать живую перспективу польского общества со всеми его пороками, причем он обвиняет дворянство и духовенство в эксплуатации крестьян. В описании Рей демонстрирует замечательный талант, хотя структуре всей композиции не достает истинного художественного стиля.

Рей дал выход своим религиозным чувствам и симпатиям к Реформации в переложениях псалмов, религиозных песнях и в *Postylla*, сборнике проповедей, морализаторски толкующих Евангелия. Писал он и драматические сочинения. Его *Жизнь Иосифа* является польским переложением латинского сочинения голландца Корнелия Кро-

куса. Другое сочинение этого жанра — *Купец*, имевшее образцом *Mercator* немецкого памфлетиста-лютеранина Томаса Наогеоргуса, выражает антипапские убеждения Рея.

Длинная дидактическая поэма Рея *Wizerunek* (*Портрет*) шире по содержанию. В ней поэт описывает жизнь молодого человека, странствующего по миру в поисках истины и посещающего всех классических философов. В этой поэме Рей вдохновлялся итальянским гуманистом Палингением, автором *Zodiacus vitae*, но в свое повествование включил много оригинальных заметок, анекдотов и сатир, дающих представление о жизни польской шляхты того времени.

Зверинец содержит краткие анекдоты из жизни персонажей греческой и латинской древности, а также современников и самого автора. Здесь Рей вновь выступает как блестящий наблюдатель и бескомпромиссный критик наименее привлекательных черт польского общества того времени.

Лучшее прозаическое произведение Рея — трактат *Zwierciadlo* (*Зерцало*), в котором собраны все сокровища опыта и философии эпохи. В его главной части описывается, как должен жить дворянин, и это описание вновь представляет нам увлекательную картину жизни современной Польши. *Зерцало* было очень популярно благодаря своему живому стилю, здоровому юмору и острому критицизму.

Творчество Рея важно для каждого, желающего изучать жизнь и устроения польского общества XVI в. Именно Рей создал живой стиль польской прозы, он же заложил прочные основы для дальнейшего развития польской поэзии.

Создавая польский литературный язык, Рей временами должен был прибегать к чешским выражениям, в его произведениях много богемизмов. Видимо, это было обычным явлением в то время. Его современник Лукаш Гурницкий, например, открыто признавал в сочинении *Dworzanin polski* (*Польский придворный*), правда, с осуждением, что когда невозможно подобрать польское выражение, поляки используют чешское. Ян Малецкий в своей *Апологии* (1547) также подчеркивает, что хороший польский перевод Евангелия невозможен без привлечения чешского перевода.

Развивая основы стихосложения, заложенные Реем, Ян Кохановский (1530—1584) создал шедевры польской поэзии, равные которым были написаны только Мицкевичем; их до сих пор читают и восхищаются. В отличие от Рея, Кохановский получил хорошее образование вне Польши, в Италии; посещал он и Францию. Поклонник латинской лирики Проперция, Тибулла, Катулла и Горация, Ко-

хановский в Падуе начал сочинять изящные эротические элегии. Его латинские стихи обнаруживают замечательный талант и превосходят все достижения его польских коллег. Во время своего пребывания в Париже Кохановский встречался с прославленным французским поэтом Пьером Ронсаром. Возможно, под впечатлением известного трактата Жоашена дю Белле «Защита и прославление французского языка» он решает писать по-польски. Уже первое стихотворение, сочиненное им в Париже по-польски, — «Что от нас ты хочешь, Боже, за свои щедроты», сделало имя Кохановского известным на родине. По возвращении в Польшу Кохановский провел некоторое время при дворах магнатов и короля Сигизмунда II Августа, но затем, оставив публичную жизнь, поселился в своем небольшом поместье Чернолесье, сочиняя по-польски и по-латыни. В *Песнях*, писавшихся в разные годы жизни, очевидны влияние Горация и мастерское владение характерной для того художественной техникой. Помимо любовной лирики собрание содержит патриотические, религиозные и др. стихотворения, отличающиеся замечательной ритмикой и торжественной мелодикой.

Как и Рей, Кохановский написал стихотворное переложение Псалмов Давида, ставшее очень популярным. Глубоким религиозным чувством исполнены *Трены*, в которых он оплакивает смерть своей маленькой дочери Уршулы; историки польской литературы считают их величайшим произведением польской поэзии эпохи до Мицкевича.

Стихотворная новелла *Шахматы* является переделкой итальянской поэмы Марко Видо. Две политические сатиры — *Сатир*, или *Дикий человек*, и *Согласие* — осуждают пороки польской знати и призывают враждующие религиозные и политические партии к мирному сотрудничеству. Интересна эпическая поэма, в которой Кохановский описывает ленную присягу, данную в 1525 г. Сигизмунду Августу прусским герцогом Альбрехтом Бранденбургским*. Единственное драматическое произведение Кохановского — *Отказ греческим послам* на сюжет Илиады Гомера — также имеет патриотическую основу, имея целью накануне войны с Россией преподать польскому юношеству пример мужества и боевого духа.

Очень популярные у современников *Фрашки* являются собранием коротких анекдотов, эпиграмм, стихотворных шуток, рисующих жизнь поэта.

* Имеется в виду «Флаг, или Прусская присяга» (1569). Ленная присяга была принесена королю Сигизмунду I (Старому). — *Прим. перев.*

Кохановский является одним из самых выдающихся деятелей польской литературы. Он создал современную польскую поэзию и усовершенствовал ее язык, тесно связав ее, при сохранении национального характера, с западноевропейской поэзией. Шедевры Кохановского составляют сокровищницу не только польской культуры, они принадлежат к лучшим произведениям европейского Ренессанса. Современником Кохановского был одаренный лирический поэт Миколай Шажиньский*, лучшие сочинения которого, сонеты и псалмы, выражают глубокое религиозное чувство. Менее талантлив был Себастиан Кленович (около 1545—1602). Его лучшее поэтическое сочинение *Роксолания* ценно для изучения южнорусского (украинского) фольклора того времени. Как горожанин Кленович выразил свои антиаристократические чувства в поэме *Victoria deorum* (*Победа богов*). Одна из лучших поэм — *Флис* (*Матрос речного судна*) — описывает путешествие из Варшавы до Гданьска по Висле. В *Мошне Иуды* дается красочное описание польского общества со всеми его пороками. Во всех своих произведениях Кленович защищает низы польского общества, смело протестуя против злоупотреблений, творимых сильными мира сего.

Ряд авторов развивал польскую литературу под влиянием Рея и Кохановского. Первый исторический труд по-польски был написан Марцином Бельским, а продолжен его сыном Иоакимом. Бельский также сочинил несколько сатирико-дидактических диалогов, отражающих его патриотические чувства и моральные устремления. Бартош Папроцкий, внесший вклад и в чешскую литературу благодаря своей работе по генеалогии чешских дворянских родов, также написал несколько сатирических произведений по-польски. Другой современник, Мацей Стрыйковский, написал хронику, включающую стихотворные пассажи, описывающие события польской и литовской истории**.

Мастером польской прозы был иезуит Петр Скарга (1536—1612), один из вождей католической контрреформации в Польше. Помимо многочисленных полемических и догматических памфлетов он написал труд об унии православия с Римом. Чрезвычайно широко читались и до сих пор распространены его *Жития святых*. Важнейшим сочинением Скарги являются *Сеймовые проповеди* — благодаря своему

* М. Сэмп Шажиньский (ок. 1550—1581).—Прим. перев.

** «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (1582).—Прим. перев.

содержанию, а также ораторскому совершенству и чистоте языка. Обращенные к польской знати, эгоистическая политика которой ставила государство на грань катастрофы, они не были, однако, произнесены перед сеймом. Скарга в них пророчески предрекает конец польской независимости, если государственное управление останется прежним — ведущим к хаосу и гибели. К сожалению, его предупреждения остались гласом вопиющего в пустыне, и пророчество Скарги исполнилось.

Принесенные Ренессансом новые художественные формы оказали глубокое воздействие на Польшу. Немец Вит Стош (Ствош), уехавший из Польши в 1496 г., является наиболее известным польским скульптором XV в. Две его последние работы в Польше — надгробия Казимира IV Ягеллончика и его друга Каллимаха (Краков); в последнем уже очевидны ренессансные мотивы. Величайшее творение Стоша в Польше — это, конечно, знаменитый алтарь костела Девы Марии в Кракове. В конце XV в. в рукописной миниатюре Кракова проявляется влияние итальянских образцов. Расцвет искусства Возрождения начинается в самом начале XVI в. при Сигизмунде I благодаря деятельности приглашенных им итальянских мастеров. Первыми в Польшу попали Франческо Фьорентино и Лука Береччи. Главная их работа — перестройка Вавельского королевского замка в Кракове. Очевидно стремление зодчих соединить новый стиль с поздней готикой, мастерами которой были поляки; это соединение стало характерной чертой польского Ренессанса. Дворец и капелла Сигизмунда в Вавеле работы Береччи являются истинными жемчужинами итальянского искусства в Польше. Начался период лихорадочного строительства костелов, городских и загородных дворцов и т. д., причем и в готическом, и в ренессансном стилях. Интересным примером традиционализма является кирпичный костел св. Анны в Вильно (Вильнюсе) в стиле «пламенеющей готики», обнаруживающий влияние северо-восточной Германии. Новые образцы, пришедшие из Фландрии, Чехии, Германии и Италии, оказались органически слиты с позднеготическими мотивами. Такое слияние доминировало и в искусстве миниатюры. Лучшими образцами этого жанра являются Понтификал (*Liber pontificalis*) плоцкого епископа Эразма Цёлека и молитвенники короля Сигизмунда I (ныне в Британском музее) и королевы Боны (ныне в библиотеке Бодли в Оксфорде). Хотя часто художники оставались анонимны, автор последних работ из-

вестен — это поляк Станислав Могила*. Многие итальянские и немецкие мастера, в т. ч. брат знаменитого Альбрехта Дюрера, трудились над украшением королевского дворца.

В числе наиболее талантливых учеников великих итальянских мастеров были Габриэль Слоньский (1520—1598), работавший преимущественно в районе Кракова, Ян Михалович (1530—1578), талантливый скульптор и архитектор**, и его ученик Ян Бялый (ум. 1592), соединивший восточные мотивы с итальянскими и фламандскими.

Итальянец Дж. М. Падовано (ум. 1574) был мастером монументальной скульптуры, ему принадлежат киворий в костеле Девы Марии в Кракове, надгробия Тарновских в соборе в Тарнуве. Агтик и лестница, сооруженные им при перестройке Сукеннице в Кракове, послужили образцом для многих построек в Польше и вне ее.

Кроме итальянцев немецкие, французские, фламандские мастера работали при дворе короля и магнатов, в городах Польши. Все крупные польские города: Краков, Познань, Плоцк, Вильно, Львов, позднее Люблин и Варшава — гордились постройками в возрожденческом стиле. Типичен Замосць, город, основанный в 1580 г. канцлером Яном Замойским. Построенный итальянским архитектором Бернардо Морано с помощью польских мастеров, он представляет любопытное смешение готических, польских и ренессансных элементов. Несмотря на появление с наступлением контрреформации стиля барокко, ренессансное искусство в течение всего XVII в. служило путеводной звездой польским мастерам.

Сравнивая достижения периода Возрождения в Польше и Чехии, приходится признать, что, хотя в литературной деятельности чехи, возможно, были более плодовиты, в качественном отношении польская литература превосходит чешскую. К сожалению, литературная и художественная деятельность в Польше были привилегией лишь одного класса — шляхты. Ввиду же враждебного отношения знати к городам и их претензиям на роль в государственной жизни, горожане, мещанство, лишь в очень ограниченной степени могли участвовать в этой деятельности. Низшие классы едва ли были вообще затронуты новыми культурными веяниями.

* Имеется в виду Станислав Самостшельник (Станислав из Могилы) (ок. 1485—1541), придворный живописец канцлера Шидловецкого, автор миниатюр в генеалогической книге Шидловецких и др. — *Прим. перев.*

** Ян Михалович из Ужендова (ок. 1530—1583). — *Прим. перев.*

Естественно, что высокий культурный уровень, достигнутый польской культурой в период Возрождения, оказал влияние и на непольское население Польско-Литовского государства. Литовские высшие классы с готовностью воспринимали культурные импульсы, перенесенные из Италии польским Ренессансом. Они даже пришли к заключению, основываясь на некотором сходстве имен, о родстве литовского и итальянского народов.

В Южной Руси (современной Украине) большое количество представителей знати, привлеченное новыми культурными тенденциями, уровнем польской культуры и теми привилегиями, которыми пользовалась польская шляхта, полонизировалось, отрекалось от православия и принимало католичество. Заключение Брестской унии явилось следующим шагом на пути ассимиляции, или по крайней мере вестернизации, русского населения.

В то же время языковая дифференциация между Западной и Восточной Русью становилась все более очевидной. Некоторые различия проявились уже к концу киевского периода, в последующие столетия по мере углубления политического разделения они усилились. В этих условиях на базе народных говоров постепенно развивались западнорусский (белорусский) и южнорусский (украинский) языки, в которые вошло много польских слов. По местным юридическим и др. актам белорусское и украинское наречия могут быть прослежены уже в XIV в.

В Западной Руси важнейшими актами являются Судебник великого князя Казимира, Литовский статут, принятый сеймом в 1530 г.^{*}, Метрика Литовская (приходские метрические книги^{**}) и Статут 1566 г. Местные летописи продолжали писаться на церковнославянском языке, но уже расцветавшем локальными диалектными включениями. Летописи эти, менее интересные, чем ведшиеся в Восточной Руси, сохранились во фрагментах в составе восточнорусских летописных сводов. Благодаря культурным влияниям, проникавшим из Польши, цивилизационный уровень Западной Руси был выше, чем Восточной. Смоленск, пока он находился под властью Литвы, являлся крупным центром учености и мог гордиться первым русским высшим учебным заведением^{***}.

^{*} Литовский статут 1529 г.—*Прим. перев.*

^{**} Литовская метрика—государственный архив Великого княжества Литовского, собрание его актов и документов.—*Прим. перев.*

^{***} Последнее—ошибочные сведения Ф. Дворника.—*Прим. перев.*

В богослужебных книгах, изготовлявшихся в Западной и Южной Руси, все еще доминировал церковнославянский язык, но западные культурные влияния проникали и в церковную сферу. Это явствует из того, что первые печатные книги духовного содержания на церковнославянском языке были выполнены немцем-печатником Фиолем в Кракове. За ним последовал белорус Скорина, замысливший издать первую русскую Библию. К реализации своего плана он приступил в Праге, основываясь на текстах церковнославянской Библии и чешской Библии 1506 г. и заменяя многие слова на белорусские, а продолжил работу в Вильно¹⁴. На белорусский диалект были также сделаны переводы из греческих Отцов церкви, теологических и полемических сочинений. Издания богослужебных текстов сопровождались введениями и комментариями, также на местном наречии.

Интеллектуалы Западной Руси, конечно, продолжали читать и переписывать сочинения периода Киевской Руси¹⁵, являвшиеся общим наследием всех групп русских. Жители Южной Руси, которых вскоре стали называть украинцами, считали эту литературу своей¹⁶. После *Слова о полку Игореве* наиболее выдающимся литературным памятником, возникшим в Южной Руси до татарского завоевания, была *Галицко-Волынская летопись*, излагающая события с 1200 до 1292 гг. После этой катастрофы культурная жизнь была подавлена, но не исчезла. Под влиянием польского языка медленно развивался новый язык, и уже в конце XV или начале XVI вв. на нем появилось переложение *Песни Песней* Соломона, выполненное с помощью чешского перевода. Между 1556 и 1561 гг. на украинский язык архимандритом Григорием были переведены Евангелия*.

Во второй половине XVI в. на Украине начало распространяться книгопечатание. Острог, резиденция богатого и могущественного боярина Константина (ум. в 1608)**, стал крупным культурным центром. Константином Острожским были здесь основаны первая православная академия*** и типография. В числе прочих книг здесь была напечатана Острожская Библия — первая полная Библия на церковнославянском языке.

* Перевод архимандрита пересопницкого Григория сделан с болгарского языка.—Прим. перев.

** Константин Острожский (1526—1608) — князь, киевский воевода. Термин *боярин* в Великом княжестве Литовском прилагался ко всем землевладельцам — служилым людям благородного происхождения.—Прим. перев.

*** Точнее, школа.—Прим. перев.

Константин Острожский был наиболее выдающимся защитником православия на Украине и в Белоруссии, противостоявшим унии с католиками, в том числе участвуя в соборе в Бресте. В его усилиях ему помогал бежавший из Московского государства князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1583)¹⁷. Во время пребывания в Литве, чтобы вооружить местное русское население в его борьбе за православие, он перевел многие сочинения греческих Отцов церкви, в том числе Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Григория Богослова и Василия Великого.

Надежды, что Брестская уния (1596) способствует вестернизации русского населения Польско-Литовского государства и сгладит различия между католиками и православными, не осуществились, хотя многие представители знати и приняли католичество или униатство¹⁸. Распространение польской цивилизации на Украине и в Белоруссии значительно подняло культурный уровень русских горожан, и именно это сословие возглавило борьбу в защиту православия и основ национальной жизни. Старые религиозные братства, существовавшие при православных приходах, превратились в мощные организации наподобие гильдий и начали основывать школы и типографии, чтобы помочь народу противостоять польскому культурному влиянию. Эта деятельность распространилась на всю Украину и Белоруссию, и культурный уровень русского населения достиг очень больших высот. Школы (наиболее известны в Остроге, Львове и Киеве), соперничая с аналогичными польскими заведениями, давали возможность своим ученикам получить солидную подготовку в области философии, истории, литературы, а также православной теологии.

Защита православия от католической пропаганды способствовала росту значения полемической литературы на украинском языке. Известны Герасим Смотрицкий, Стефан Зизаний, Христофор Филалет и др., наиболее крупным полемистом был Иван Вышенский с Афона. В своих сочинениях он с горячим патриотическим чувством обличает упадок нравов, который принесло распространение ренессансной культуры. Многие украинские авторы начали сочинять по польским образцам сатирические, эпические и лирические поэмы, но печатные экземпляры сохранились лишь очень немногих. По образцу драматических композиций, составлявшихся в иезуитских школах, аналогичные создавались и в украинских, что послужило основой для дальнейшего развития этого литературного жанра. Наиболее известным украинским драматургом был профессор поэтики в львов-

ской академии Митрофан Довгалецкий. В начале XVII в. под руководством митрополита Петра Могилы эта академия стала центром украинской и православной культуры, оказавшим также огромное влияние на культурное развитие Московского государства^{19*}.

III

Смоленск и Киев были аванпостами Руси, до которых доносились, при польском посредстве, отзвуки западноевропейского Ренессанса. Восточная Русь, вскоре объединенная в Московском государстве, была полностью закрыта для этих влияний. Культурная и народная жизнь здесь развивалась в атмосфере византийской цивилизации, в соответствии с ориентирами, проложенными еще в киевский период.

Литературное творчество Восточной Руси XIII—XVII вв. отражает ее политическое и культурное развитие. Народ развивался самобытно, в условиях, сильно отличавшихся от тех, в которых происходило развитие Западной Европы, и его литература имела мало общего с западноевропейской. До XVII в. можно проследить три этапа развития литературы Восточной Руси. Литература XIII—XIV вв. отражает угнетенное положение народа под татарским игом. XV в. отличает установление главенства Москвы, что отражают московские литературные произведения, а также тот оппозиционный настрой, который очевиден в сочинениях, созданных в других княжествах. Литература XVI в. уже московская. Писатели должны были принять существующее положение вещей, и провинциальной литературе пришлось адаптироваться к новой политической ситуации.

Национальное бедствие побудило Серапиона, епископа владимирского (1273—1275), размышлять о причинах, его вызвавших; в своих пяти проповедях — *Словах* — он объясняет его как Божье наказание народу за его грехи. Национальная катастрофа была запечатлена и в летописях; наиболее выразительное описание разгрома, учиненного татарами в Северной Руси, содержится в *Лаврентьевской летописи*. Очень интересной поэтической жалобой, обладающей высокими художественными достоинствами, является *Слово о погибели русской земли* (полностью не сохранилось).

* Имеется в виду Киево-Могилянская (львовская — ошибочно) академия (коллегия), основанная Петром Могилкой в 1632 г.; уже в XVIII в. ее преподавателем был автор т. н. школьных драм М. Довгалецкий. — *Прим. перев.*

Возможно, желание русских освободиться от ига способствовало усвоению ими повести, пришедшей в XIII в. в Северную Русь как сербский перевод с латинского оригинала: *Сказания об Индийском царстве*. В ней описывается легендарное христианское царство в Индии, призванное оказать могущественную помощь христианам в борьбе с неверными. Состояние душевной депрессии, в которой пребывали русские, видимо, объясняет популярность апокалиптической легенды *Слово о 12 снах царя Мамера (Шахашши)*. Как и другие повествования, в том числе популярнейшая книга басен *Стефанит и Ихнилат*, она восточного происхождения. Картину социальной напряженности в Восточной Руси накануне татарского нашествия отражает *Моление Даниила Заточника*, описывающее положение несвободного зависимого человека.

Повесть о житии Александра Невского, написанная, возможно, в Суздале, выражает более оптимистические чувства, рожденные победами ее героя над шведами и тевтонскими рыцарями. *Житие Авраамия Смоленского*, составленное его учеником Ефремом, подтверждает высокий культурный уровень этого города, гордившегося школой, где, как сказано, обучали не только славянскому, но и латыни и греческому. *Повесть о Шевкале* описывает сожжение заживо в Твери жестокого татарского чиновника-баскака Шевкала. Святыни Константинополя описаны в двух повествованиях новгородского происхождения. В Москве было написано *Житие митрополита Петра*, первого московского митрополита, отличающееся сильной промосковской направленностью. В Ростово-Суздальской земле были составлены *Житие Леонтия Ростовского* (епископа этого города) и, позднее, *Житие Исая и Авраамия Ростовских*, *Ростовская летопись* и житийная *Повесть о Петре Ордынском* (крестившемся татарском царевице). В литературном творчестве Ростова ярко выражена антимосковская сепаратистская направленность.

Сепаратистские тенденции наблюдаются и в провинциальной литературе XV в. С другой стороны, возвышение Москвы отражается и утверждается в сочинениях, составленных в Московском государстве или авторами, одобряющими складывание самодержавной власти. Еще одной характерной чертой этого периода является рост сербского и болгарского влияния на литературные произведения Восточной Руси, составлявшиеся в защиту православия от еретических движений. На эти сочинения большое воздействие оказало также соперничество между заволжскими старцами, проповедовавшими нестяжание — монастырскую бедность и религиозную реформу, и ио-

сифлянами²⁰, отстаивавшими право монастырей на светские имущества и необходимость тесного сотрудничества с мирскими властями.

Наиболее упорным противником возвышавшейся Москвы в Восточной Руси была Тверь. Чувство независимости и соперничество с Москвой особенно отразились в тверском летописании²¹. Инок Фома, участвовавший в написании Тверской летописи, составил панегирик *Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу*. В нем приводятся воображаемые хвалы, которые возносят князю все выдающиеся участники Флорентийского собора, делегация на который была послана Борисом, прославляются его победы, одержанные над московскими войсками, и помощь, оказанная Василию II Московскому.

Представляет интерес *Хождение за три моря*, в котором тверской купец Афанасий Никитин описывает свое путешествие через азиатские страны в Индию. Оно убедительно демонстрирует высокий культурный и экономический уровень, отличавший Тверское княжество в последние годы его независимого существования.

Стремление Новгорода сохранить самостоятельность нашло отражение в ряде легендарных преданий, возвеличивающих славное прошлое республики и связанных с именем архиепископа новгородского Иоанна (1163—1186)*. Конец независимости оплакивают пророческие легенды о конце Новгорода. Любопытна *Повесть о белом клобуке*, якобы подаренном Константином Великим папе Сильвестру, затем доставленном в Константинополь, а оттуда архиепископам Новгорода: она свидетельствует о стремлении новгородцев сохранить после потери независимости хотя бы часть византийского наследия в церковной сфере. *Житие Антония Римлянина*, составленное в Новгороде в XVI в., также отражает блестящее прошлое города и его торговые связи с Западной Европой.

Присоединение Василием III Пскова (1510) описано и оплакано в *Повести о псковском взятии*, демонстрирующей, сколь трудно было горожанам отказаться от самостоятельности и признать московское господство. В этом отношении любопытно отметить, что наиболее ревностным проводником идеи верховенства Москвы надо всей Русью был старец псковского Елизарова монастыря Филофей. Все это показывает, сколь безнадежны были мечты о независимости, лелеявшиеся патриотами Твери, Новгорода и Пскова.

* Иоанн — архиепископ новгородский в 1167—1186; с 1165 — епископ. — *Прим. перев.*

Победа над татарами 1380 г., естественно, усилила престиж Москвы и ее великого князя Дмитрия. Породив заметный отзвук в летописании всей Восточной Руси, особенно в Новгородской IV, Софийской I и Воскресенской летописях, она была прославлена в поэме *Задонщина*²². Ее автор, вероятно, Софоний, вдохновлявшийся *Словом о полку Игореве*, рассматривал поражение Игоря как начало крушения Руси, а победу 1380 г. как триумфальное избавление от столь долгого бедствия. Христианские чувства проявились в этом сочинении сильнее, чем в *Слове* с его эпическим двоеверием. Эта православная религиозная концепция еще усилена в *Сказании о Мамаевом побоище*, знаменитом московском панегирике победе Дмитрия, написанном под влиянием и *Слова*, и *Задонщины*.

В этих произведениях очевидно стремление утвердить идею главенства Москвы, еще более ярко выражено оно в *Слове о житии и о преставлении...* героя сражения, Дмитрия. Этот же настрой пронизывает полемическое сочинение против Флорентийской унии, составленное в 1461 г. Так была подготовлена та атмосфера, в которой Филофей сформулировал свою доктрину о Москве — Третьем Риме²³.

Падение Константинополя было описано неким Нестором-Искандером в *Повести о Царьграде*, содержащей пророчество о будущем освобождении завоеванного города христианами, что также указывает на растущую мощь Москвы как надежды православия. *Сказание о Вавилоне* сочинено или переложено для обоснования права Руси на византийское наследие. Согласно *Сказанию*, царские «знамения» — инсигнии, которые носили византийские императоры, — происходят из Вавилона и в их добывании участвовал русский юноша: так готовилась почва для легендарных измышлений о византийском происхождении инсигний московских правителей.

Легенда о Дракуле описывает валашского князя, самодержавного и жестокого владыку. Некоторые определения самодержавной власти здесь близки к идеям, обнаруживаемым в переписке Ивана IV. Экспансию Московского государства на Кавказ отражает *Повесть о царице Динаре* — иверской (грузинской) правительнице.

Среди агиографической литературы этого периода наиболее интересно *Житие Стефана Пермского*, свидетельствующее о начале миссионерской деятельности русской церкви среди язычников. Стефан (ум. 1396) крестил язычников-зырян, изобрел для них алфавит и перевел на их язык Евангелие. Автор жития, Епифаний Премудрый, написал также *Житие Сергия Радонежского*.

В XIV в. были часты церковные контакты с Константинополем, где селились русские монахи, и с Афоном. Это знакомило русских с новой греческой литературой и с оживленной литературной деятельностью в Болгарии и Сербии. В результате в Восточную Русь проникали многие южнославянские переводные и оригинальные произведения, переводились византийские сочинения: вся эта литературная деятельность была поистине замечательна²⁴.

Южнославянское литературное влияние еще более усилилось в XV в., когда в Восточной Руси нашли убежище многие болгарские и сербские интеллектуалы. После болгарина митрополита Киприана наиболее выдающимся из них был серб Пахомий Логофет. Он переработал множество житий московских и новгородских святых в высоком риторическом стиле византийских агиографов. Южнославянские эмигранты, естественно, приветствовали возвышение Москвы в надежде, что московские правители усвоят византийское наследие и освободят поработанные балканские народы. На основе общерусского свода, так называемого *Владимирского полихрона*, в 1442 г. Пахомий составил *Хронограф Русский*, в котором недвусмысленно выразил свое желание объединения всей Руси под главенством Москвы*.

Еретическое движение возникло в Пскове и Новгороде уже в XIV в.: это была ересь стригольников, основанная стригалем Карпом, отрицавшим церковную иерархию и необходимость заупокойных молитв**. Стригольничество может рассматриваться как форма оппозиции состоятельным духовным лицам. Более опасна была ересь жидовствующих, возникшая в Новгороде в 1470 г. Еретики не только выступали против церковных богатств, но и отрицали, подобно иудеям, божественность Христа и другие догматы православия. В некотором отношении они могут быть сопоставлены с западноевро-

* Современными авторами опровергается точка зрения А. А. Шахматова о том, что первая редакция *Хронографа Русского* была создана Пахомием. Ср. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв.*, ч. 2, Л., 1989, с. 500.—Прим. перев.

** О личности и занятиях Карпа мало известно. Летописи называют его дьяконом, обличитель ереси Иосиф Волоцкий пишет, что он был «художеством стригольник», что многие исследователи интерпретируют как обряд посвящения (пострижения) в ересь. Ср. Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века*, М.; Л., 1955, с. 51, 57.—Прим. перев.

пейскими реформаторами. Вождями их были в основном образованные люди, и движение имело свою собственную литературу.

Архиепископ новгородский Геннадий осознал, что для противостояния еретикам необходимо составление нового кодекса Библии. В этом важном предприятии (1489—1499) он использовал не только церковнославянский перевод с греческого, но также католическую Библию и древнееврейский оригинал. Одним из членов учрежденной им для этой работы комиссии был доминиканец славянского происхождения Вениамин.

Главным противником ереси был игумен Волоцкого монастыря Иосиф. Его полемические сочинения против еретиков собраны в книге *Просветитель*. Иосиф боролся также с последователями Нила Сорского (ум. 1508), выступавшего за реформу монастырской жизни и отстаивавшего принцип бедности (нестяжания) монастырей. Poleмика между двумя церковными течениями также нашла отклик в русской агиографии. Героями заволжских старцев-отшельников были св. Дмитрий Прилуцкий и старец Дионисий Глушицкий, а иосифлян — св. Пафнутий Боровский, житие которого написал брат Иосифа, Санин*.

В XV в. последователи Нила Сорского нашли выдающегося союзника в лице Максима Грека (1480—1556)²⁵, высокообразованного монаха с Афона, учившегося в Греции и в Италии, где он познакомился с Савонаролой. В 1515 г. по приглашению Василия III он прибыл на Русь**. Его первым трудом здесь стал перевод и толкование Псалтыри, затем он переводил комментарии к Деяниям Апостолов, переписывал и переводил книги для великокняжеской библиотеки. Обнаружив, что славянские переводы богослужебных книг содержат много ошибок и неправильностей, он исправлял их.

Кроме филологических занятий, Максим Грек проявлял очень живой интерес к религиозной, общественной и политической жизни Руси. Он тщетно пытался вновь поставить русскую церковь под юрис-

* Заволжскими старцами называли нестяжателей, последователей Нила Сорского. Житие Пафнутия Боровского написано Вассианом Саниным.— *Прим. перев.*

** Согласно новейшей литературе, даты жизни Максима Грека — ок. 1470—1555. На Русь он выехал в 1516 г. См. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв.*, ч. 2, Л., 1989, с. 89—90.— *Прим. перев.*

дикцию константинопольских патриархов и приветствовал бы вовлечение Москвы в конфликт с Турцией для освобождения балканских христиан. Максим стремился поднять религиозный и культурный уровень Руси и в многочисленных *Беседах*, *Посланиях* и др. выступал против социальных зол, невежества и предрассудков, внешней пышности богослужений. В одном из *Слов*, где «Василия» (царство) символизируется в образе несчастной вдовицы, он выступает против злоупотреблений сильных мира сего. Изложение христианской доктрины дано им также в *Луцидариусе**.

Критикуя некоторые католические доктрины, Максим Грек, однако, демонстрирует сдержанность, говоря о латинском Западе: ведь он провел два года в доминиканском монастыре во Флоренции. Его приводят в восторг возможности получить глубокое гуманитарное образование во Флоренции или Париже.

В своем стремлении к реформе русской религиозной жизни Максим солидаризировался с заволжскими старцами и стал личным другом их лидера, Вассиана Патрикеева. Все это сделало его весьма непопулярным среди иосифлян, и когда один из них, Даниил, стал митрополитом (1522—1539), Максим потерял всякую поддержку официальной церкви. Его обвинили в том, что он слишком далеко зашел в исправлении священных книг, трижды осудили и заточили в монастыре в Волоколамске, а затем в Твери. Его судьбу разделил его друг Вассиан Патрикеев. Максим был освобожден лишь за пять лет до смерти, но ему не разрешили вернуться на Афон.

Судьба Максима Грека показывает, сколь далеко было Московское государство XV—XVI вв. от духа гуманизма. Максима можно рассматривать как проводника гуманистической учености, с которой он ознакомился в Италии и во Франции. Он не осознавал истинного значения итальянского Ренессанса и оставался верен православному учению, но даже проявленная им умеренность в попытках новых решений старых проблем оказалась чересчур радикальна для русских, упорствовавших в приверженности старому образу жизни и мысли.

Митрополит Даниил оставил несколько слов, посланий и поучений, касающихся вопросов теологии и морали и показывающих состояние общества того времени. Сменивший его на митрополичьем престоле Макарий (1542—1563) также был убежденным иосифляни-

* Луцидариус—древнерусский перевод одной из западноевропейских народных «энциклопедий», его обличению посвящено одно из посланий Максима Грека.—Прим. перев.

ном. По его инициативе с движением заволжских старцев было покончено в 1554 г. на соборе, осудившем его вождей игумена Артемия и сына боярского Матвея Башкина, обвиненных также в симпатиях к протестантизму. За то же был осужден монах Феодосий Косой, и иосифлянская идеология прочно утвердилась в церкви Московского государства*.

Одним из самых выдающихся апологетов самодержавия был Иван Пересветов, дворянин-«воинник», приехавший в Москву из Литвы около 1538 г. На Пересветова оказали сильное влияние западноевропейские политические идеи; в двух своих сочинениях, *Сказаниях о царе Константине* и *Сказании о Магмет-Салтане*, он прославляет режим монархии²⁶, в *Челобитных* Ивану IV занимает твердую антибоярскую позицию. Сходные идеи выражаются в сочинениях, вышедших из среды низшего служилого люда.

Как уже было сказано, Иван Грозный открыто выразил свои политические идеи в посланиях, составляющих переписку с его бывшим другом князем Курбским. Курбский был не одинок, отстаивая необходимость участия бояр в управлении государством. Подобные идеи распространялись и анонимным автором *Валаамской беседы*, памфлета, представляющего собой воображаемую беседу двух Валаамских чудотворцев.

Объединение всей Восточной Руси под властью Москвы нашло сильный отзвук в литературе. Прежде всего оно выразилось в составлении новых московских летописей, использовавших как источник местные летописи и два общерусских свода, *Владимирский Полихрон* и *Хронограф Русский* Пахомия. *Воскресенская летопись* доводит изложение событий до 1541 г., ее переложение, *Никоновская летопись*,—до 1558 г., а *Львовская летопись*—до 1560 г.** Составители представля-

* Церковный собор 1553 г. (продолжавшийся и в 1554 г.—возможно, отсюда датировка Ф. Дворника) был посвящен преимущественно осуждению ереси Артемия и Матвея Башкина и с нестяжателями непосредственно не связан; Феодосий Косой был осужден как еретик в 1555 г. Полемика иосифлян с нестяжателями завершилась на соборе 1531 г. осуждением Вассиана Патриковского.—*Прим. перев.*

** Основными источниками Никоновской летописи были Симеоновская, Иоасафовская и Новгородская Хронографическая летописи; Воскресенская летопись была использована при составлении ее Патриаршего списка и списка Оболенского, последний доводит изложение событий до 1556—1558 гг. (первоначальная редакция доходила до 1520 г.). Текст собственно Львовской летописи продолжается до 1533 г. См. *Словарь книжников и книж-*

ют московских правителей как законных властителей всех русских земель и торжественно прославляют их самодержавную власть. Таковы же основные идеи составленного на основе Никоновской летописи огромного богато иллюстрированного *Лицевого летописного свода*, доходящего до 1560 г., но так и не заверщенного*.

Политическое объединение сопровождалось церковной унификацией, выражением которой стало грандиозное предприятие митрополита Макария — составление *Великих Миней Четьих*, основанных на чтениях переводных с греческого языка житий святых на каждый день года. В связи с решениями соборов 1547 и 1549 гг., определившими круг общерусских святых, были добавлены или переписаны многие жития русских святых. К житиям были присоединены священные книги и патриотические сочинения. Двенадцать огромных томов памятника включают в себе религиозную ученость Руси того времени, прославленной церковными авторами как единственный оплот православия, сменивший второй Рим — Константинополь.

Не менее торжественно возвеличены достижения Москвы в *Степенной книге царского родословия* (*Степенной книге*) (1563). Здесь в чрезвычайно цветистом стиле описываются деяния русских правителей прошлого и прославляется их полное согласие с церковью.

Три других произведения дают хорошее представление о религиозной и частной жизни Московского государства XVI в. *Домострой* детально описывает, как богобоязненный человек должен вести домашнее хозяйство, *Стоглав* содержит решения собора 1551 г., регулирующие церковную жизнь, а *Азбуковник* представляет собой род энциклопедического словаря знаний, которыми должен обладать здравомыслящий человек. Эти три сочинения достойно завершают политическую и церковную централизацию русского народа, благодаря которой под руководством московских князей и митрополитов вся Русь был создан единообразный упорядоченный государственный механизм, в рамках которого и должна была развиваться народная жизнь.

Закрепить объединение всей Восточной Руси под властью Москвы и придать единообразие политической, религиозной и общественной мысли помогло введение книгопечатания. Хотя первая типография была основана в Москве в 1563 г. и в следующем году была

ности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в., ч. 2, Л., 1989, с. 44, 49—50.

* Дошедшее до нас изложение обрывается на 1567 г.—Прим. перев.

напечатана первая книга — Апостол*, книгопечатание смогло утвердиться в Москве лишь позднее, причем в основном печаталась духовная литература²⁷.

Хотя культурная жизнь и литературное творчество Московского государства остались фактически не затронутыми новыми тенденциями, преобразовавшими западноевропейскую цивилизацию, итальянское Возрождение оказало значительное прямое воздействие на русское искусство, особенно архитектуру. Установление монгольского ига имело губительные последствия для русского искусства. В первые десятилетия монгольского господства Русь лишилась почти всех своих мастеров и ремесленников, угнанных победителями и собранных при ханском дворе для украшения ханской резиденции и производства украшений для нужд его гарема и приближенных. Только Новгород и Псков смогли сохранить большую часть своих художественных традиций и наследия Киевской Руси.

Во второй половине XIV в. новгородскую архитектуру характеризует стиль, развившийся на базе крестово-купольных церквей предыдущего периода, но с одной апсидой и четырьмя крутыми щипцами; его представляют Преображенская и Петропавловская церкви. Вскоре, однако, новгородские зодчие вернулись к традиционным формам церковной архитектуры Восточной Руси с куполом и тремя апсидами.

Псковская архитектура сохраняла традиционные формы четырехстолпного трехапсидного храма; наиболее типичным образцом является церковь св. Василия 1413 г. Псковские открытые звонницы, примыкающие к церкви, позднее послужили образцом для многих русских церквей.

В Москве традиции Владимиро-Суздальской архитектуры не были забыты и в монгольский период. Об этом свидетельствует то, что мы знаем о первых церковных сооружениях Москвы — Даниловом монастыре, основанном князем Даниилом (1272**), и церкви Спаса

* Первая московская типография (т. н. Анонимная) возникла около 1553 г., первая выпущенная книга — «узкошрифтное» Четвероевангелие (около 1553). «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца — первая точно датированная русская печатная книга. — *Прим. перев.*

** 1282 г. Современные раскопки не подтверждают каменного строительства в монастыре в тот период; церковь Спаса на Бору не сохранилась. — *Прим. перев.*

на Бору, построенной Иваном Калитой в 1330 г. Еще очевиднее это на примере двух звенигородских соборов, Успенского (1399) и Рождества Богородицы (1404), Троице-Сергиевой лавры (1422) и собора в Александровой слободе. Данный стиль был развит в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (1500).

В монгольский период местные русские зодчие были более оригинальны в деревянном строительстве. Русские ремесленники добились замечательных успехов, усовершенствовав византийские и киевские образцы, а русские зодчие создали новые типы крестообразных в плане четырех- и восьмигранных деревянных храмов, крытых высоким шатром. Из стремления сочетать основные принципы владимирского стиля со следованием образцам деревянного зодчества родились новые архитектурные формы.

Начало им положил Иван III. Для сооружения Успенского собора умелых зодчих в Москве не было, и тогда Иван III, вторая жена которого, Софья, привезла с собой не только новые манеры, но и итальянских мастеров, пригласил для строительства храма (1475—1479) архитектора из Болоньи Аристотеля Фиораванти ди Рудольфо. Тот обучил русских ремесленников новым технологиям строительства, но и сам должен был ориентироваться на традиционный стиль Владимира.

Этим опытом воспользовались псковские мастера при сооружении Благовещенского собора в Москве (1484—1489), знаменовавшего значительный шаг вперед в формировании русского стиля: в основе его лежит все та же владимирская школа, но при этом строители стремились воплотить в камне и некоторые смелые черты деревянной архитектуры.

Итальянские архитекторы Марк Фрязин (Марко Руффо), Пьетро Антонио Солари и Алевиз Фрязин (Алоизио ди Каркано) начали перестройку Кремля, сочетая новые ренессансные формы с традиционными русскими (Грановитая палата). Алевиз Фрязин, кроме того, построил приделы и ренессансную аркаду гульбища вокруг Благовещенского собора, сгоревшую в 1547 г.

Другим примером сочетания традиционного московского стиля с ренессансным является Архангельский собор в Кремле, сооруженный в 1509 г. миланским архитектором Алевизом Новым.

Новые архитектурные формы, привнесенные во владимирский стиль итальянцами, оказали некоторое влияние на новую московскую школу, но в работах местных мастеров, быстро овладевших иноземными технологиями, с особой силой проявилось стремление использовать смелые формы деревянного зодчества. Ряд таких со-

оружений был возведен в первой половине XVI в., например, в Дьякове, Острове, Коломенском и др. местах, но наибольшую дерзость в этом направлении проявили русские мастера Постник и Барма при строительстве Васильевского собора на Красной площади (1550—1560)*. Здесь новая московская архитектура достигла своего полного расцвета.

В Киевский период центрами искусства живописи были Киев и Новгород. Под руководством греческих мастеров местные художники начали украшать церкви фресками и основали знаменитые школы иконописи, ставшей национальным искусством Руси. В эпоху монгольского ига продолжить эти традиции мог только Новгород, хотя и в этот период на Русь проникали новые культурные импульсы, связанные с палеологовским ренессансом. В XIV—XV вв. контакты с Западом осуществлялись через Венецию, а также Сербию и Болгарию и, наконец, при посредстве итало-критской школы, прославленной своими иконами, соединившими византийские и западные ренессансные черты.

В период Московского государства в XV—XVII вв. эти контакты способствовали возрождению русской живописи. Лучше всего об этом свидетельствуют фрески Феофана Грека и связанных с ним мастеров в Новгороде и Москве. Самым известным русским иконописцем был Андрей Рублев (ум. 1430), приемы которого собором 1551 г. были объявлены каноническими. Последователем Рублева был Даниил Черный; фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре (1500—1501) сравнивают с Джотто. Дионисий является зачинателем новой, более повествовательной манеры иконописания; той же школе следовал его сын Федор**.

Кроме новгородской и псковской возникали новые школы: московская унаследовала блестящие традиции Суздаля; для строгановской (связанной с родом Строгановых***) характерно изысканное миниатюрное письмо. Искусство иконописи, являющееся значительным вкладом Руси в мировое искусство, процветало вплоть до второй половины XVII в.

* 1555—1560.—Прим. перев.

** Феодосий.—Прим. перев.

*** В современной литературе строгановская школа с родом Строгановых не связывается. Авторы этой школы, московские иконописцы, для Строгановых выполнили ряд икон.—Прим. перев.

Видимо, итальянское Возрождение повлияло и на русское искусство эмали. Период его расцвета начался в царствование Ивана IV. Очевидно, прекрасная техника филиграни, характерная для русских эмалей, была принесена на Русь с Афона. Лучшие эмали производились в XVI и XVII вв., их стиль представляет собой причудливый сплав различных элементов — византийских, восточных, итальянских и германских с оригинальными московскими.

IV

Ближе всего к Западу и наиболее открыты воздействию итальянского гуманизма и Ренессанса были хорваты и сербы. Сербское царство погибло, а национальное существование хорватов подвергалось постоянной опасности в борьбе с экспансией турок. Однако Далмация спаслась, по крайней мере на некоторое время, от турецкого захвата и даже обрела некоторую передышку под властью Венеции. Еще более счастливой была судьба Дубровника (Рагузы) на Адриатике, города-республики под протекторатом Венеции (1205—1358), а затем венгерских королей. Даже когда после Мохачской битвы 1526 г. республика была вынуждена признать вассальную зависимость от турецкого султана, она смогла сохранить автономию и процветать благодаря участию в торговом обмене с Италией и Османской империей. Во второй половине XIV в. ее население было почти полностью славянским, но с XV в. славянские государственные документы писались не кириллицей, а латиницей.

Итальянский гуманизм легко проникал в Рагузу и далматинские города. Большая часть молодежи из состоятельных семей получала образование в итальянских университетах, многие преподавали в университетах Италии, Венгрии и Германии. Так, босниец Юрай Драгишич, профессор метафизики и теологии в Пизе, считался одним из лучших теологов и филологов того времени.

Первые далматинские гуманисты писали свои поэтические и прозаические сочинения по-латыни. Сначала это был дипломат Вук Бобальевич, потом первый прославленный поэт Дубровника, почитатель Петрарки Петар Менчетич. Самым известным был Илия Цриевич, член гуманистического кружка в Риме. Гуманист Юрай Шишгорич был из Шибеника, дипломат и историк Ц. Ципико — из Трогира.

Хорватская лирическая поэзия развивалась под влиянием итальянской лирики и народных песен; вскоре она достигла замечатель-

ных высот в изысканной эротической поэзии Шишко Менчетича, народной и духовной лирике отца Джоре Држича. Андрей Чубранович стал известен благодаря своей оригинальной поэме «Цыганка». Монах-бенедиктинец Мавро Ветранович писал насыщенные народным духом лирико-эпические поэмы, полные глубокого религиозного чувства. В поэме «Отшельник» он рассказывает о своей уединенной жизни на острове, в эпической композиции «Путник» описывает обращение грешника. Многие его лирические стихотворения навеяны псалмами. Под влиянием популярных в Далмации литургических произведений он сочинял религиозные драмы. Величайшее воздействие на развитие южнославянской драмы оказал его «Алтарь Авраама», позднее переделанный для сцены Марином Држичем.

Марин Држич (ум. 1567) является наиболее выдающимся представителем драматического жанра в литературе Дубровника XVI в. Он написал ряд пьес на религиозные сюжеты и ввел в южнославянскую литературу итальянскую *dramma pastorale*, наиболее известными представителями которой были Тассо и Гварини; Држич с ней познакомился в Сиене. Три сохранившиеся пасторали Држича считаются интереснейшими образцами этого жанра. Држич также обогатил южнославянскую драму комедиями по образцу сочинявшихся в Италии в подражание Плавту. Лучшее из его драматических произведений — доныне популярная *Novela od Stanca* (Новелла о Станце), комедия о приключениях наивного крестьянина в городе.

Образцы латинской и греческой античной лирики вдохновляли поэтов, принадлежавших к интеллектуальному кружку высокообразованной и состоятельной дамы Флоры Цуцери (Цветы Зузорич): даже в этом отношении южнославянские поэты следовали примеру итальянцев. Динко Ранина в своей лирической поэзии был последователем Тибулла, Проперция, Овидия и александрийских поэтов Феокрита, Мосха и др.; известен он и как переводчик античной поэзии. Динко Златарич — последователь Петрарки, писал любовные, дидактические поэмы, сатиры, эпиграммы. И Ранина, и Златарич имели подражателей и последователей.

Золотой век поэзии Дубровника приходится на конец XVI и первую половину XVII вв. Величайшим поэтом в истории его литературы был Иван Гундулич (1588—1638). Его поэма *Слезы блудного сына* считается лучшей в Дубровнике лирической композицией на религиозные темы; шедеврами признаны драма-пастораль *Дубравка* и эпическая поэма *Осман*, в которой воспевается победа польского войска

над турками в Хотинской битве 1621 г. и описывается смерть султана Османа. Поэт, вдохновленный *Освобожденным Иерусалимом* Тассо, не только прославляет героев борьбы с турками, но и пророчески предрекает освобождение всех южных славян.

Другим выдающимся поэтом этого периода был Джуние Палмотич (1606—1657). Сюжеты для своих драматических композиций он брал не из античности или из поэзии Тассо и Ариосто, а из истории Рагузы. Наиболее популярна его историческая драма *Павлимиф* об основании города; известна религиозная поэма *Kristijade*.

Выдающимся лириком был Иван Бунич-Вучич, предпочитавший религиозные сюжеты (духовные песни, *Кающаяся Магдалина*), но писавший также любовные стихи и эклоги. Это был последний из круга великих поэтов Дубровника. Конечно, известны и эпигоны, подражавшие великим предшественникам. Наиболее выдающимся из них был вдохновлявшийся Овидием Игнатий Джорджич. В одном из лучших своих произведений, стихотворном переложении псалмов, он, возможно, выступает последователем польского поэта Яна Кохановского.

Писатели и поэты других далматинских городов творили в менее благоприятных условиях, чем их собратья из Дубровника. Опасность, что турки покорят всю Далмацию, часто побуждала их выступать с призывами к соотечественникам и Западной Европе объединиться, чтобы избежать этой угрозы. Это особенно характерно для Марко Марулича из Сплита (1450—1524), представителя религиозного возрождения в Далмации. Хорошо известным в Европе его сделал латинский трактат — наставление о хорошей и блаженной жизни *De bene beateque vivendi institutione*, выдержавший двадцать изданий и переведенный на итальянский (двенадцать изданий), немецкий (шесть изданий), французский, португальский и частично на чешский языки. Из других сочинений, в которых Марулич пропагандировал реформу религиозной жизни, был хорошо известен *Evangelistarium*. Он также является автором послания к папе Адриану VI с призывом объединить все христианские народы для борьбы с турками, эту же идею выражает его пространная эпическая поэма на хорватском языке *Юдифь*. Страдания хорватов под турецким игом живо описаны в *Молитве*.

Ханибал Луич (ум. 1553) — автор первой оригинальной хорватской драмы *Рабыня*, навеянной турецким господством: в ней описы-

вается судьба знатной хорватской девушки, ставшей пленницей турок. В любовной лирике Луич следует школе Петрарки.

Его земляк Петар Гекторович (ум. 1572), уроженец острова Хвар, стал известен благодаря своей поэме-идиллии *Рыбная ловля и рыбацкие присказки*, описывающей жизнь рыбаков. Но и здесь слышится эхо турецкой угрозы: в состав поэмы автор включил три эпические песни о народном герое Марко²⁸.

Наиболее живое и трогательное описание страданий христиан под турецким гнетом принадлежит Петару Зораничу из Нина (около Задара), автору пасторального романа в стихах и прозе *Планина*. Три поэтические композиции его земляка Юрая Бараковича также проникнуты глубоким национальным чувством. Б. Карнарутич, также из Задара, воспел гибель хорватского героя Миклоша Зриньи при обороне от турок крепости Сигетвар.

Во второй половине XVII в. началось угасание литературной деятельности в Дубровнике и Далмации. В 1668 г. Дубровник был почти полностью разрушен землетрясением, и город уже не оправился от этой катастрофы. Это также повлияло на литературную жизнь в нем и в Далмации в целом.

Для сербов и хорватов было большой удачей, что в наиболее трудный период истории Дубровник оказался надежным пристанищем для их культуры. Когда после освобождения от турецкого господства культурная жизнь этих народов начала возрождаться, она могла строиться на прочных основаниях, заложенных литературной школой Дубровника.

Естественно, что и итальянское искусство, прежде всего через посредство Венеции, оказало воздействие на Далмацию. Венецианская готика, уже пронизанная ренессансными мотивами, проникает в далматинские города с начала XV в. Далмация является родиной ряда мастеров этого периода, причем многие из них остались в Италии, где они учились. Один из них, Юрай Далматинец (Джорджо да Себенико), с 1441 г. продолжал в стиле венецианской готики сооружение собора в Шибенике. Позднее его привлек чистый ренессансный стиль: в этой манере в 1464 г. он перестроил Княжий двор в Дубровнике. Ему же принадлежит ряд скульптурных работ в Шибенике и Сплите. Его ученик славянского происхождения Андрей Алеши из Дурреса завершил строительство крещальни в Трогире и там же вместе с Николо Фиорентино (Никола Флорентинец) участвовал в украшении капеллы Ивана Урсини. Рагуза же в это время полно-

стью отгородилась от любого влияния Венеции, будь то в политике или в искусстве²⁹.

Примечания

¹ Подробнее о чешской литературе этого периода (там же библиографические указания) см.: Vlček, *Dějiny české literatury*, гл. VII, стр. 179, а также *Československá vlastivěda*, т. 8, Praha, 1929.

² Ср. Betts R. R., *The Influence of Realist Philosophy on John Hus* (см. Библ. к главе VII).

³ Большой заслугой З. Неедлы является то, что он показал это в своей замечательной книге *Dějiny husitského Zpěvu*, Praha, 1913.

⁴ Последние слова: «убивай, никого не щади», которые обычно приводятся, чтобы показать зверства таборитов, появились только в 1530 г. в печатном варианте песни. Народные собрания — таборы — запрещали убийства пленных.

⁵ Опубликовано Ф. Палацким в FRA, v. XX (1860): Gregorius Heimburg, *Apologia pro Georgio Poděbrad, rege Bohemiae*, 1467.

⁶ См. в Библ. новое издание 1957 г. М. Леттса.

⁷ См. главу VII, с. 204 и сл.

⁸ Особенно интересны работы Григория Грубого в области политической мысли. Он перевел византийский трактат (Поучение) Агапита о царстве и последнее латинское письмо Богуслава Гасиштейнского из Лобковиц к Петру Розенбергскому (Рожмберку) об обязанностях правителя. Его лучший перевод — *Encomium Moriae* Эразма Роттердамского.

⁹ Хорошая монография с библиографией Братства принадлежит К. Крофте — К. Krofta, *O bratském dějepisectví*, Praha, 1946.

¹⁰ См. последнюю общую работу о польском Ренессансе и гуманизме С. Земпицкого: S. Zempicki, *Renesans i humanism w Polsce*, Warsz., 1951. Работы о польской ренессансной литературе см. в главе VII, примечание 34. См. также пятитомное издание о польском Ренессансе, опубликованное в 1953—1956 гг. Польской Академией Наук: *Odrodzenie w Polsce*; т. 1 посвящен истории, т. 2 — науке, т. 3 — языку, т. 4 — литературе, т. 5 — искусству. О польской скульптуре см. *Sztuka polska czasów nowożytnych*, т. 1, 1450—1650. Warsz., 1953.

¹¹ Против него выступил другой политический мыслитель, Станислав Оржеховский (1513—1566), защищавший в своем сочинении *Quincunx* привилегии польской шляхты и «золотые шляхетские вольности», оказавшиеся столь губительными для государства.

¹² См. выше, гл. VII, с. 212 и сл.

¹³ Недавно вышло исследование Я. Кржижановского о М. Рее и литературных проблемах польского Ренессанса: J. Krzyżanowski, *Mikolaj Rey i Staś Gaska*, Warsz., 1958.

¹⁴ О переводе Библии Ф. Скориной см. статью на русском языке А. В. Флоровского в чешском издании *Sbornik filologický*, 12 (1940—46), s. 153—259. Автор отрицает предположение, что Скорина испытал влияние протестантизма. Скорина сам использовал чешский перевод, особенно книги Товита, которая у него представляет собой белорусское переложение чешского текста. Польские и чешские переводы использовались также издателями Острожской Библии и Библии 1751 г.

¹⁵ О литературе Киевской Руси см.: F. Dvornik, *The Slavs*, p. 225—250.

¹⁶ По истории украинской литературы см. недавнее издание Академии наук Украины: О. И. Билецкий, История украинской литературы, т. 1, Киев, 1954, с. 1—123 (период до XVIII в.). См. также Д. Чижевский, *Украинское литературное барокко*, т. I—III, Прага, 1941—44; *История украинской литературы*, т. II, *Ренессанс и Реформация. Барокко*, Прага, 1942; *История украинской литературы*, Нью-Йорк, 1956.

¹⁷ О Курбском см. ниже. Его сочинения были изданы Н. Г. Устряловым, *Сочинения князя Курбского*, СПб., 1883, и в РИБ, т. 31 (1914). Дж.Феннел (1955) перевел его переписку на английский язык (см. Библ. к гл. XV).

¹⁸ Хорошая работа по истории православной церкви в Польше (с польской точки зрения) написана К. Хлодыницким: K. Chłodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, 1370—1632*, Warsz., 1934. Ср. также о роли иезуитов в заключении Брестской унии: J. Tretiak, *Piotr Skarga w dziejach i literaturze Unii Brzeskiej*, Cracow, 1912. См. также ниже, гл. XVIII.

¹⁹ См. ниже, с. 637.

²⁰ См. ниже, с. 452—453.

²¹ См. выше, с. 327, 344.

²² Кроме русской литературы, проанализированной Н. Гудзием (ор. cit., с. 245, сл.), имеется исследование чешского автора Я. Фрчека (1948).

²³ Ср. главу XV, с. 448—449.

²⁴ Об этом см. А. И. Соболевский. *Переводная литература Московской Руси 14—17 вв.*, СПб., 1903, с. 1—37.

²⁵ Образцовая русская работа о Максиме Греке: В. С. Иконников. *Максим «Грек» и его время*, изд. 2, Киев, 1915. Подробную библиографию см. у Е. Денисова: E. Denisoff, *Maxim le Grec et l'Occident*, Louvain, 1943. Трехтомное издание сочинений Максима осуществлено Казанской Духовной Академией в 1859—1862 гг.

²⁶ Сходные идеи отражены в *Казанском летописце*, обосновывающем право Москвы на главенство и прославляющем великое деяние Ивана IV, взятие Казани в 1552 г. Это же событие, возможно, вдохновило анонимного ав-

тора на составление на основе древней былины *Сказания о киевских богатырях*, прославляющего героизм русских в борьбе с татарами*. О Пересветове см. исследование В. Филиппа (см. Библ. к гл. XV).

²⁷ О русской литературе этого периода см. N. K. Gudzij, *History of Early Russian Literature*, p. 182 ff. (см. Библ.). См. также D. Čiževskij, *History of Russian Literature*, Gravenshage, 1960. По истории русского искусства см. образцовую работу под редакцией И. Грабаря *История русского искусства*, М., 1909—1916, т. 1—6, а также новое издание АН СССР: М., 1953—57, т. 1—5. Ср. также С. В. Бессонов, *История русской архитектуры*, М., 1956; Н. М. Чернышев, *Искусство фрески в Древней Руси*, М., 1954. См. также Библ.

²⁸ О Марко см. выше, с. 153. По истории сербской и хорватской литературы см. Vodnik B., *Poviest hrvatske književnosti*, Zagreb, 1913, в т. ч. В. Ягича о хорватской литературе на глаголице. Ср. также Р. Поповић, *Pregled srpske književnosti*, Beograd, 1913; А. Gavrilović, *Istorija srpske i hrvatske književnosti*, Beograd, 1927; М. Kombol, *Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda*, Zagreb, 1945; S. Ježić, *Hrvatska književnost od početka do danas 1100—1941*, Zagreb, 1944. См. гл. XVI о сербской и хорватской литературе периода Реформации.

²⁹ Об искусстве Дубровника см. Тадић Ј., *Траћа о сликарској школи у Дубровнику, XIII—XVI вв.*, кн. 1—2, Београд, 1952. В книге также содержится материал о международных отношениях Дубровника, особенно с Османской империей.

* «Сказание...» — повесть начала XVII в., посвященная спасению киевскими богатырями Киева от набега царьградского царя Константина и его богатырей.—Прим. перев.

Глава XIV

Социальное и политическое развитие южных и западных славян в XV—XVII вв.

Социальные и экономические изменения в Западной Европе — Идея монархии и западноевропейский парламентаризм — Кодификация права в Западной Европе и экспансия на море — Германия теряет свое положение на международных торговых путях — Новые зерновые рынки стимулируют сельское хозяйство Германии — Упадок королевской власти в Чехии при королях из династии Ягеллонов — Чешский сейм, магнаты, рыцари и горожане — Крестьянский вопрос и гуситы — Закрепление крестьян в Чехии — Чешское право — Упадок королевской власти в Польше; возникновение польского сейма — Установление контроля шляхты над правительством — Упадок польских городов — Эксплуатация польского крестьянства — Попытки кодификации законов в Польше — Положение Литвы до унии с Польшей — Устремления Литвы к независимости, несмотря на унию — Постепенное распротранение польских институтов на Литву — Рада панов; возникновение литовского сейма — Уния и Литовские статуты — Усиление польского влияния на русских землях — Католики, униаты и православные — Рост различий между Южной, Западной и Восточной Русью: украинцы, белорусы и русские (великорусы) — Рост влияния магнатов в Венгрии и Словакии — Политическое и национальное положение хорватов; венецианцы и Далмация — Республика Дубровник — Социальная и политическая организация Османской империи и распространение ее институтов на Болгарию и Сербию — Славянский элемент в турецкой армии и администрации — Глубокие изменения в социальной жизни сербов и болгар — Церковь; сербская патриархия — Упадок в политической жизни Турции и угнетение христианского населения — Попытки восстания; гайдуки; ускоки — Сербьы и болгарьы во время турецких войн; католики в Болгарии — Миграция сербов в Венгрию

Социальные и экономические перемены в Западной Европе XIV в., описанные выше, оказали глубокое воздействие на развитие ее политических институтов. Зарождение капитализма предвещало конец феодального периода. Капитализм, распространение денежного хозяйства и морского мореплавания придали международный характер возрождению и расцвету торговли. Ее центрами были города Италии, Фландрии, Франции и Англии.

Эти новые явления, однако, прошли в своем развитии через ряд кризисов. Против господства городского патрициата, сменившего власть сеньора, выступали организации ремесленников и плебс, пролетарии, претендовавшие на участие в управлении. Революционное движение, начавшееся во Фландрии и во Флоренции, распространилось на Францию и Англию и даже оказало воздействие на Чехию, но было подавлено с помощью королевских войск.

Одним из важных последствий развития капитализма и городской жизни была ликвидация крепостничества — серважа и замена феодальных держаний арендными отношениями. Эти изменения были вызваны ростом стоимости земли и необходимостью производить для растущих городов все больше продуктов по растущим ценам. Уже в 1315 г. король Франции Людовик IX освободил своих крепостных*.

Кризисы сопутствовали и этим явлениям. Крестьяне, получившие свободу, но лишенные средств производства и подвергавшиеся эксплуатации со стороны знати, восставали во Фландрии, Франции, Англии, но не могли остановить ход развития. В результате был уничтожен патриархальный характер отношений между крестьянами и феодалами, характерный для мира средневековья. Крестьянам оставалась одна надежда — защита со стороны короля, и именно к нему обратили они свои взоры.

Глубокие социальные и экономические перемены привели к усилению королевской власти. С ликвидацией феодальных обязательств знать лишилась своего положения правящего класса; с развитием новых явлений в военном деле она потеряла и свою военную роль. Усиление роли пехоты против кавалерийских атак было доказано англичанами и швейцарцами, еще более снизило значение кавалерии и укрепленных замков изобретение артиллерии. Дворянство, таким образом, потеряло не только свою военную роль, но и бывшее положение в обществе, превратившись просто в землевладельцев.

Роль дворянства в управлении государством тоже постоянно сокращалась. У короля были специалисты в области права и умелые администраторы. Знать не могла соперничать с этим новым сословием профессионалов умственного труда, становившихся главной опорой короля. Придавая своим верным гражданским слугам более высокий социальный статус, король создавал новое сословие — дворян-

* Людовик X (1314—1316). Людовик IX умер в 1270 г. — *Прим. перев.*

ство мантии, представлявшее элиту королевских слуг. И именно это новое сословие знати помогло знати старой пережить крушение феодального режима, в недрах которого она зародилась, и сохранить свое привилегированное положение.

Естественным последствием такого развития было усиление, с помощью юристов, идеи королевской власти. Юристы вдохновлялись статутами римского права, усиленно изучавшегося в западноевропейских университетах. Все это, однако, не могло остановить дальнейшего развития парламентаризма, возникшего еще в феодальную эпоху. Феодальные монархи были вынуждены обращаться за необходимыми финансовыми средствами к своим вассалам — дворянству, духовенству и городам. Растущее национальное чувство диктовало продолжение сотрудничества с представителями нации и в наступающей новой эре. Поэтому представительные учреждения (генеральные штаты и др.) монархий Иберийского полуострова, Франции, Англии и Нидерландов сохраняли привилегию вотирования и одобрения налогов и разделяли с королем ответственность за управление.

Бедствия Столетней войны между Англией и Францией не ослабили парламентских институтов. В Англии парламент был разделен на палату лордов и палату общин, причем роль последней возрастала. Во Франции и Англии была даже сделана попытка введения всеобщего парламентского представительства. Однако Карл VIII (1483—1498) отклонил проект 1484 г., предполагавший нечто вроде всеобщего избирательного права, и с этого времени французская монархия, уверенная в поддержке своих бюрократических институтов, все более эволюционировала в сторону абсолютизма, что в конце концов и вызвало Революцию 1789 г. В Англии аналогичная попытка реформы Генрихом VII (1485—1509), предоставившим было представительство в парламенте для депутатов от всех достаточно значительных землевладельцев, была не более результативной, т. к. король всячески откладывал созыв палаты. И здесь тенденция к абсолютизму спровоцировала революционный взрыв, в ходе которого Карл I был обезглавлен и установился республиканский режим во главе с Кромвелем.

Благодаря возобновлению изучения и рецепции римского права западноевропейские монархи смогли усилить свое политическое могущество, даровав подданным кодексы законов. Одобренные кортесами *Las Siete Partidas* (*Семь частей*), составление которых с целью кодификации законодательства было инициировано кастильским коро-

лем Альфонсом X Мудрым (1252—1284), лучший европейский кодекс того времени, имели образцом Кодекс Юстиниана. Во Франции Карл VIII начал кодификацию обычного права, отчасти эта работа была продолжена в царствование Людовика XII (1498—1515), а завершена при Франциске I (1515—1547) и Генрихе II (1547—1559). В Англии важные правовые реформы были проведены Генрихом VII, создавшим высшее судебное учреждение* и реформировавшим правовые процедуры в соответствии с принципами римского права. В Португалии кодификация обычного права в монархическом духе была проведена при Альфонсе V (1438—1481).

Все эти новые явления сопровождались невиданным прогрессом в области мореплавания. Доселе основные маршруты торгового мореплавания пролегли в Средиземном море вдоль побережья Франции, в Северном и Балтийском морях. Когда во время Столетней войны доступ в Северное море оказался блокирован, португальцы обратились к югу, открыли Мадейру и Азоры и, пытаясь отыскать новый путь в Индию через мыс Доброй Надежды, утвердились на западноафриканском побережье. Арагон, успешно борющийся с Венецией и Генуей за контроль над Средиземным морем, установил протекторат над Тунисом. После объединения Испании благодаря династической унии Фердинанда II Арагонского (1479—1516) и Изабеллы Кастильской (1474—1504) Христофор Колумб в 1492 г. высадился в Новом Свете, совершив открытие колоссальной важности. Вскоре после этого начала свою морскую экспансию Англия. В 1497 и 1498 гг. генуэзец Джон Кабот, ставший английским адмиралом, достиг берегов Лабрадора и Новой Шотландии. Все эти события открыли новую эпоху, в течение которой мировой исторический процесс определяла Западная Европа.

Развитие событий в Западной Европе оказало очень неблагоприятное воздействие на экономическую и политическую эволюцию Германии и Центральной Европы. Выше было показано, какую прибыль в XIV в. извлекали немецкие города на Дунае, Рейне и Балтике от коммерческой деятельности, развернувшейся на пространстве от Италии до Брюгге на Северном море и Любека на Балтийском. Открытие серебра и золота в Чехии и Венгрии обеспечило этот растущий международный торговый обмен необходимым количеством драгоценного металла. Все это породило планы (не имевшие успеха)

* Имеется в виду Звездная палата.—Прим. перев.

Карла IV направить маршруты трансконтинентальной торговли через Прагу и связать Венецию с Северным морем по Влтаве и Эльбе.

Процветание немецких городов продолжалось в XV в. Развитие ремесла и торговли в городах на Северном море, при том что их нужда в продуктах питания постоянно росла, придало новый импульс торговой активности городов Ганзы. Это очень благоприятно отразилось на сельском хозяйстве Тевтонского ордена и Бранденбурга.

В XVI в., однако, ситуация изменилась. Открытие прямого пути на Восток и в Новый Свет позволило Лиссабону занять место Венеции в международной торговле и стать тем центром, из которого товары распространялись по всей Европе. Золото и серебро, в невиданных количествах поступавшие из Нового Света, обеспечили прочную денежную базу для этой торговли и скоро сделали невыгодной эксплуатацию уже выработанных шахт Центральной Европы. Вследствие этого трансконтинентальный торговый маршрут через Германию утратил свой международный характер, и капиталы отхлынули в города на побережье Атлантики и Северного моря. Контролем над торговым сообщением по Северному морю — ранее монополией Ганзы — завладели голландцы, и Ганзе осталась только очень ограниченная торговля на Балтике.

Естественно, в этих условиях политическое развитие Германии не могло быть таким же, как в остальной Западной Европе. Германия, лишенная капиталов, которые прежде ей доставляла международная торговля, вернулась к средневековой городской экономике. Побудительных причин для концентрации власти в руках монарха, как на Западе, здесь не было, и в Германии продолжал процветать феодальный строй. Культурные связи с Западом также ослабели, хотя и не были полностью прерваны. Только на западные области — Рейнланд, Пфальц, Баден и Вюртемберг оказывала некоторое воздействие экономика Нидерландов и Франции. Германия не могла участвовать в колониальной и экономической экспансии Запада, ведущую роль в которой играли сначала Португалия и Испания, обогатившиеся благодаря сокровищам Нового Света, затем Голландия и Франция и, наконец, Англия.

В одном отношении, однако, хозяйственное процветание Запада повлияло на экономику Германии. Растущие, процветающие индустриальные приморские города требовали все больше сельскохозяйственных продуктов, и голландские капиталисты забрали зерновую торговлю в свои руки. Это дало новый импульс экономике балтий-

ских государств — Гольштейна, Мекленбурга, Померании, Бранденбурга, Пруссии и Ливонии. Открытие новых выгодных зерновых рынков обусловило рост производства. Конечно, немецкие крестьяне-колонисты, сменившие на этих землях коренных жителей — славян и пруссов, не могли противостоять феодальным сеньорам, завладевшим большей частью пахотных земель и получившим юридическую власть над своими подданными. Так как знать не имела свободных ликвидных капиталов, чтобы нанять больше работников и интенсифицировать производство, единственное, что ей оставалось, — принудить подданных к обработке земли. В противоположность тому, что происходило на Западе, где серваж был ликвидирован, вольные колонисты восточной Германии потеряли свою свободу и превратились в крепостных. Естественно, использование подневольного труда крепостных значительно увеличило могущество знати и сделало в Германии невозможным формирование централизованной монархии по западному образцу. В той мере, в какой новые политические идеи проникали в Германию, они находили применение только в пределах отдельных княжеств и усиливали авторитарную власть отдельных принцев в их собственных землях.

Более всего выгод из новой ситуации извлек Бранденбург. С помощью земельной знати его курфюрст сумел постепенно добиться абсолютной власти на своих землях. Подтвердив ее социальные привилегии, курфюрст получил и ее полную поддержку в военной сфере. Ему не нужно было прибегать к наемникам, для чего у него не было средств, поскольку знать поставляла ему офицеров и солдат-рекрутов из собственных крепостных. Так новая ситуация на Западе способствовала созданию в Германии централизованного княжества, абсолютный правитель которого мог опереться на армию, набранную из собственных подданных и потому более надежную, чем дорогостоящие наемные войска. Все это через некоторое время вызвало определенные последствия восточнее, в Пруссии и Польше, в сторону которых как возможного объекта экспансии все более обращали свои взоры бранденбургские курфюрсты.

Естественно, что изменения на Западе и в Германии оказали воздействие на экономическое, политическое и социальное положение славянских государств. В XVI—XVII вв. эта новая ситуация на Западе могла повлиять только на две славянские страны — Чехию и Польско-Литовское государство. Руси было предопределено избрать иной путь развития, и ее лишь отчасти коснулись перемены на Западе и в

Германии. Словенцы разделили судьбу австрийских земель, оказавшихся под прочной властью Габсбургов; словаки были включены в состав Венгрии, как и хорваты, отчаянно пытавшиеся спасти остатки своей независимости; сербы и болгары были поглощены Османской империей. У южных славян оставался один луч света: республика Дубровник (Рагуза) — вассал Османской империи, ставший, однако, важным торговым центром на Адриатике, стремящимся обрести свое место в процветающей экономике Запада.

Чешское королевство было наиболее подвержено социальным, политическим и экономическим влияниям, проистекавшим из нового исторического развития на Западе и в Германии. Гуситские войны снизили тот уровень процветания, которого страна достигла при Карле IV и Вацлаве IV. Можно было ожидать, что одержав окончательную победу над радикальными гуситами, зная, обогатившаяся благодаря конфискациям церковных земель, значительно усилит свое влияние на управление государством к умалению королевской власти, и так ослабленной войнами и смутами бескорольевья. Доблестный король-чех Йиржи Подебрад во многом благодаря личному авторитету сумел, однако, восстановить монархию, хотя религиозная борьба внутри страны между католиками и чашниками-утраквистами, а также военные конфликты с Венгрией не позволили ему укрепить королевскую власть так, как он хотел.

Преемник Йиржи слабовольный Владислав II Ягеллон был неспособен продолжать его политику и даже лишился завоеваний своих предшественников. Знать согласилась на его избрание, только понимая, что он сохранит и умножит ее привилегии. Капитуляции, заключенные в 1471 г.^{*}, лишили пятнадцатилетнего короля возможности предпринять сколь-нибудь решительные попытки усилить в Чехии королевскую власть. Подтверждение всех прав, привилегий и обычаев страны означало, что никакие изменения государственного устройства или серьезные перемены в управлении не могли быть введены королем без согласия сейма, в котором преобладала высшая знать. Характерно, что от короля требовалось трижды обещать соблюдения этих *pacta conventa* — пересекая границу своего нового королевства, перед въездом в Прагу и перед торжественной коронацией.

Итак, в отличие от Франции и Англии, в Чехии по-прежнему превалировала феодальная концепция королевской власти, и положение лишь ухудшилось в правление династии Ягеллонов.

^{*} В оригинале ошибочно — в 1571 г. — *Прим. перев.*

Роль сейма в государственном устройстве и уменьшение королевской власти иллюстрирует тот факт, что решения сейма приобретали законную силу, только будучи внесены в *Tabulae terrae* в присутствии *relatores* (докладчиков) сейма и короля. Эти *Tabulae* («Доски») могли быть открыты для консультаций лишь в присутствии делегатов, избранных сеймом.

В первые годы правления Владислава большая часть королевских земель — находившихся под его прямым управлением — была отчуждена в пользу знати и кредиторов, а в 1500 г. король даже отказался от права возвращать свои земли после смерти их держателей. С этого времени король финансово полностью зависел от ассигнований, которые сейм с неохотой предоставлял на различные цели. Вскоре сейм даже предъявил претензии на верховный надзор за расходованием этих средств.

Все это, конечно, лишило короля малейшей возможности содержать постоянную армию из наемников, как было принято на Западе. Не имея войск в своем распоряжении, он мог только созывать всеобщее ополчение в случае вторжения или по усмотрению сейма. Король потерял и контроль над управлением страной. Для управления каждым краем следовало избирать двух гетманов, от панов и от рыцарей (владык); в 1497 г. эти два сословия распределили все основные должности в Чешском королевстве между своими членами. Паны получили чрезвычайно важные посты высшего пуркрabia (бургграфа) Пражского, земского судьи, высшего канцлера и двух пуркрabиев Карлштейна, где хранились коронационные инсигнии и королевский архив. Рыцари получили должности высшего писаря, подкоморника и третьего пуркрabia Карлштейна. Лишь должность главы финансового ведомства по усмотрению короля могла быть доверена представителю третьего сословия — бюргеров. Аналогичное соглашение между панами и рыцарями было заключено в Моравии в 1523 г.¹ Таким образом, управление королевством полностью перешло в руки знати. Король мог совершать назначения чиновников только по согласованию с высшими сановниками, членами сейма. Последний оспаривал право короля смещать их. Королевский совет, который должен был исполнять функции совещательного органа при короле, был составлен из высших чиновников, являвшихся просто делегатами сейма.

Вскоре управление землями, непосредственно принадлежавшими короне, также перешло под контроль сейма. Королевские чиновники постепенно превратились в земских. При Владиславе II под кон-

троль сейма перешла и судебная власть. Высший суд был составлен из определенного числа панов и рыцарей, которые не могли быть смещены королем, а избирались благодаря своего рода кооптации или по рекомендации королевского совета. Высший суд обладал прерогативой толкования законов, и его решения были окончательными. Имел он и политическую функцию, поскольку в определенной степени представлял собой постоянный комитет сейма, призванный осуществлять верховный надзор за действиями монарха.

Сейм в Чехии включал три сословия — панов, рыцарей и представителей городов. После гуситских войн высшее духовенство было исключено из сейма, в то время как в Моравии оно входило в одно сословие с представителями городов. Сейм созывался королем, а в Моравии также высшим гетманом. Для практических надобностей в административных округах стали созывать местные сеймы, посылавшие делегатов на земский сейм. В Силезии в каждом княжестве был свой сейм, а общие вопросы обсуждались и решались на общекняжеском сейме (*Fürstentag*). Обычай созыва местных сеймов в Чехии и Моравии не получил, однако, такого развития, как в Польше или Венгрии, и прекратился, когда Ягеллонов сменили Габсбурги.

В сейме и в королевстве в целом доминировали паны, сосредоточившие в своих руках наиболее важные должности. Они не были многочисленны. В XV в. в Чехии было около пятидесяти панских родов, наиболее могущественными из них было около 12. В XVII в. их количество выросло приблизительно до 70. В Моравии было лишь около 15 родов старой знати, но они владели большей частью земель и в правление Ягеллонов сумели установить квазиолигархический режим.

Паны пытались даже оспорить участие рыцарей в управлении, но когда рыцари начали объединяться с горожанами, вынуждены были пойти им на уступки. К сожалению, союз рыцарей с горожанами не был реализован, в противном случае Чехия развивалась бы по пути, аналогичному тому, по которому пошла Англия, где джентри и общины образовали низшую палату парламента. Подобная перегруппировка сил была бы столь же благотворна и для Чехии, обеспечив здесь здоровый контроль над властью панов.

Вскоре два благородных сословия начали совместное массированное наступление на третье сословие — горожан. Они заявили, что одобрение третьего сословия не является необходимым для промульгации новых законов, и отказались передать на рассмотрение депутатов от горожан статьи, касающиеся муниципалитетов. Города

горячо протестовали, но, к несчастью, король не сознавал, что поддерживать их в его интересах. Он объединился со знатью и передал должность подкоморника, от которого зависело назначение советников городской администрации, рыцарям. Последовали новые атаки на городское самоуправление, паны пытались сломить сопротивление горожан различными репрессалиями, нанесшими ущерб экономике городов и ограничившими их торговлю. В течение около тридцати лет продолжалось нечто вроде гражданской войны между панами и городами. Слабый король не мог остановить распрю. Наконец, в 1517 г. после долгих переговоров был заключен так называемый Святовацлавский договор. Города отказались от исключительного права на варку пива, признали в некоторых случаях юрисдикцию высшего суда в городских делах и смирились с тем, что подкоморником будет представитель знати. В ответ им было гарантировано право третьего голоса в сейме, возвращены свобода держать торги и внутреннее самоуправление.

Следует подчеркнуть, что в период экономического расцвета Чехии при Карле IV и Вацлаве IV в статусе крестьян наблюдались изменения, аналогичные тем, которые привели к ликвидации крепостничества на Западе. В соответствии с феодальным правом крестьянин не являлся собственником своей земли, а она ему жаловалась для обработки на определенных условиях феодалом-землевладельцем. В ранний период, по чешскому обычаю, он обязан был предоставить землевладельцу определенное количество продуктов и отработать определенное время на господской земле. Немецким колонистам были предоставлены некоторые привилегии, прежде всего подсудность собственным судьям в соответствии с собственным законом. Вскоре и исконные чешские насельники добились для себя части этих привилегий, и уже не было большой разницы между «старым чешским» и «новым немецким» правом.

В течение XIV в. обязанности крестьян перед их владельцами постепенно коммунтировались в ренту, уплачивавшуюся дважды в год. Барщина также могла быть заменена денежным платежом. Денежный интерес побуждал многих землевладельцев передавать барщинные земли крестьянам при условии уплаты ими денежной ренты. В результате во многих местностях барщина была изжита.

По мере того как росло благосостояние крестьян, многие деревни и селения покупали для себя изъятие из юрисдикции землевладельца, по крайней мере в незначительных вопросах, и тогда судьей пер-

вой инстанции становился их староста или им давалось разрешение переходить под юрисдикцию соседнего города.

В общем, в XIV—XV вв. и в Англии, и в Чехии крестьянский вопрос являлся предметом самого живого обсуждения. Все чешские проповедники и реформаторы того периода обращали особое внимание на положение крестьян. Они настаивали не только на личной свободе крестьянина, но и на том, чтобы земля, которую он обрабатывает, без ограничений передавалась по наследству его жене и потомкам, мужским и женским, а также на праве крестьянина завещательно ею распорядиться. Этого требовал для крестьян не только Ян Гус, но и архиепископ Ян из Йенштейна. Последний даровал такое право всем крестьянам своих имений, и его примеру последовали не только другие прелаты, но и многие светские землевладельцы, поддерживавшие реформаторов.

Ян Гус, хотя и признавал традиционное средневековое разделение общества на три сословия — духовенство, землевладельцев и трудящихся, провозгласил, что крестьянин должен быть собственником своей земли. Более радикальный Петр Хельчицкий проповедовал равенство всех людей и обличал правящий класс в эксплуатации трудящихся. Подобные идеи, как бы предвещающие Великую французскую революцию, распространялись радикальными гуситами — таборитами.

Рассудительный Ян Жижка, однако, понимал, что защита новой веры не может быть успешной без поддержки знати и городов. Поэтому его последователи вернулись по его настоянию к признанию средневекового сословного строя, но подчеркивали при этом единство и равенство сословий в исповедании новой веры. Свои победы Жижка одерживал при поддержке не только простолюдинов, но и низших слоев шляхты и городов.

Победа магнатов, шляхты и городов над радикальным крылом таборитов положила конец мечтам радикальных социальных реформаторов. Закончилось процветание эпохи Карла IV, и исчезнувшие с изменением экономической ситуации капиталы магнаты и шляхта могли заменить только крестьянским трудом. Нестабильная послевоенная ситуация побудила Йиржи Подебрада уступить требованиям шляхты и издать ряд эдиктов, ограничивающих свободу передвижения крестьян. В 1487 г. был обнародован закон, дополненный в последующие годы, который, считается, положил конец прежнему порядку и открыл эпоху постепенного нового закрепощения крестьян. В XVI в. ситуация все ухудшалась. Крестьяне все более прикрепля-

лись к предоставленным им землям и не могли изменить свой статус без согласия землевладельца.

Несмотря на значительное ухудшение статуса трудящихся, положение крестьян в Чехии в этот период не было столь же плохим, как в Польше и в Венгрии. Здесь сохранялось даже ограниченное деревенское самоуправление, естественно, под контролем назначавшихся землевладельцем старост. Серваж и барщина стали действительно тяжелым бременем лишь в первой половине XVII в.

Политическое и социальное устройство Чехии и Моравии отражают и анализируют сочинения по юриспруденции. В начале XV в. Ондржей из Дубы описал организацию судебного процесса и законодательство Чехии. Как было сказано в предыдущей главе, Корнелиус Викторин из Вшегрд написал «Девять книг...» — *Книги о законах, о судах и о досках земли чешской*. Первая редакция этого важного труда была завершена в 1499 г., вторая опубликована в 1508 г. Право и судебная процедура в моравских землях были описаны в *Книге Товачовской*, составленной между 1481 и 1490 гг. Цтибором Товачовским из Цимбурка, и в *Книге Дрновской*, представляющей собой новую редакцию Книги Товачовской, выполненную в 1523—1527 гг. Цтибором из Дрновиц. Интерес к юриспруденции стимулировало в Чехии возобновление изучения римского права, но его принципы не повлияли на применение обычного права.

Йиржи Подебрад силой обстоятельств не смог осуществить свой план кодификации чешского права по примеру законодателей Запада. Только при Владиславе по настоянию сейма кодификация чешского права была разработана, одобрена и опубликована в 1500 г. Она не сравнима с подобными кодификациями, осуществленными на Западе: ее пронизывает феодальный дух эпохи, подчеркивается превосходство сословий панов и рыцарей к умалению бюргерства и крестьян. «Законник Владислава» совершенно не придерживается принципов монархии, это скорее санкционирование олигархического режима знати. Только когда Габсбурги сменили Ягеллонов, в Чехии были предприняты попытки усилить монархическую власть и уменьшить влияние магнатов на управление, что, однако, было связано с религиозной борьбой и с политической оппозицией народа новой династии и заслуживает специального рассмотрения².

Выше уже были отмечены ограничения королевской власти в Польше, которых добилась знать после пресечения династии Пяс-

тов³. Привилегии, дарованные знати Людовиком Анжуйским и Ягайло, стали тем базисом, на котором основывалось ее все возрастающее, в ущерб королевской власти, влияние на дела управления. Ягайло как иноземец должен был править, опираясь на представителей магнатов. Управление в результате сосредоточилось в королевском совете, состоявшем из магнатов, преимущественно из Малой Польши, епископов, высших должностных лиц — канцлера, подканцлера, подскарбия, ведавшего финансами, маршалка, управлявшего королевским двором, воевод и каштелянов, возглавлявших местную администрацию. Сфера полномочий совета росла, она распространилась и на административные, и на политические вопросы, заседания его собирались все чаще, особенно в последние годы правления Ягайло, когда наиболее влиятельной фигурой в нем стал епископ Збигнев Олесницкий.

С другой стороны, и шляхта добивалась все новых привилегий, гарантирующих ее представителям свободу личности и права собственности. Наиболее важные из этих привилегий были зафиксированы в Нешавских статутах (1454), которыми в Польше была введена представительная система. Съезды местных должностных лиц, созывавшиеся ранее для облегчения управления, в XV в. превратились в сеймики, на которые собиралась вся шляхта воеводства. Статуты 1454 г. санкционировали этот институт, предоставив сеймикам право избирать местных должностных лиц, и постановили, что всеобщее шляхетское ополчение (посполитое рушение) не может быть создано без их согласия. Более того, шляхта освобождалась от уплаты податей на местных рынках. В 1496 г. эта привилегия была еще расширена, и шляхте было дано право беспошлинного ввоза и вывоза продуктов.

Ян Ольбрахт (1492—1501), один из лучших польских королей, ученик гуманиста Каллимаха, придал новый импульс развитию польского парламентаризма. Он благоволил к низшей шляхте и пытался править, опираясь на сеймики. Созывал он и сеймы Великой и Малой Польши, состоявшие из представителей сеймиков, а также общепольские сеймы, включавшие представителей — послов — сеймиков и королевский совет, получивший название сенат. Обе палаты, однако, функционировали раздельно.

В начале правления Александра I (1501—1506) сенат предпринял смелую попытку сосредоточить в своих руках всю власть в королевстве. Слабый король уступил и издал так называемый Мельницкий привилей 1501 г., но шляхта потребовала своей доли в управлении.

В конце концов Радомский сейм провозгласил новую конституцию *Nihil novi*, санкционировавшую парламентские институты и преобразовавшую сейм в законодательный орган (1505). Сенат, состоявший из магнатов, высших должностных лиц и высшего духовенства, до того обладавший лишь совещательным голосом, получил решающий голос в законодательных вопросах. На практике этот голос распространялся также на все предметы, подведомственные сейму, и на исполнительную власть. С этого времени король попадал все в большую зависимость от высших должностных лиц, что губительным образом урезало prerogatives его власти.

К несчастью, Радомская конституция не отменила привилегий 1454 г., даровавший сеймикам законодательные права. Сейм, хотя и законодательный орган, являлся только собранием депутатов (слов) от сеймиков, продолжавших существовать как независимые законодательные органы. Опасности, проистекавшие из этой ситуации, проявились к концу XVI в., когда шляхта стала все более осознавать важность своего голоса в сеймиках. В XVII в., когда политическая мораль упала чрезвычайно низко и шляхта стремилась обеспечить свои привилегии и материальные выгоды, невзирая на интересы государства, сеймики в Польше стали доминирующим фактором. Магнаты всегда могли обеспечить одобрение своих предложений, оказывая воздействие на бедную шляхту, нуждавшуюся в их защите и материальной поддержке.

Другим дефектом польского парламентаризма был тот принцип, что все решения сеймиков и сейма должны были приниматься единогласно. В XVI в. применение этого принципа было умеренным, меньшинство уступало большинству, протестам немногих членов не придавалось значения. В XVII в. меньшинство уже не шло на уступки и деятельность сеймиков и сейма часто бывала полностью блокирована. После 1652 г. общепринятой стала практика, при которой голос одного депутата мог воспрепятствовать общему решению. С этого времени принцип *liberum veto* стал рассматриваться как величайшая привилегия каждого шляхтича, и этот порядок сделал нормальное функционирование польской парламентской системы почти невозможным⁴.

Упадок королевской власти в Польше иллюстрирует и тот факт, что все высшие должностные лица, поначалу придворные, стали коронными. В конце концов, Петроковский сейм в 1504 г. провозгласил, что остававшиеся придворные сановники делались заместителя-

ми коронных. Таково было положение с *thesaurarius regni* — надворным подскарбием (королевским казначеем), который должен был замещать коронного подскарбия в его отсутствие.

Вскоре и королевские доходы, как отличные от общегосударственных, перешли под контроль сейма. Без согласия сейма король не мог даже распоряжаться доходами с собственности, составлявшей королевские имения, для содержания двора. Королевская собственность считалась принадлежавшей государству, с доходов от нее должно было уплачиваться жалование коронным чиновникам. Свободно короли могли распоряжаться только своими личными доходами.

Высшее командование армией как королевская прерогатива также было ограничено введением в конце XV в. новой военной должности гетмана, действовавшего как военный министр. Когда при Сигизмунде I (1506—1548) был введен еще пост польного гетмана, первый стал называться великим гетманом. Как главнокомандующий армией, он был даже могущественнее короля, и временами его власть делалась опасной для сословий. Как и коронный подскарбий (казначей), он был выведен из сената.

Высшие сановники — великий маршалок, великий канцлер, подканцлер, великий подскарбий, надворный маршалок — считались министрами и должны были приносить клятву верности королю и короне. Они были ответственны не только перед королем, но и перед сеймом. Король мог только порицать их, если они небрежно исполняли свои обязанности.

С установлением системы выборности королей их власть становилась все более иллюзорной. Шляхта вынуждала короля при избрании подписывать *pacta conventa*, еще сильнее уменьшившие королевскую власть и гарантировавшие все привилегии шляхты. Когда в 1573 г. был избран Генрих (Генрик) Валуа, шляхта обязала его в случае войны финансировать армию и флот из собственных доходов. В знаменитых Генриховых артикулах (*articuli Henriciani*) подчеркивается, что невыполнение королем всех условий *pacta conventa* освобождало магнатов и шляхту от обязанности повиноваться ему. Естественно поэтому, что в Польше Генрих не чувствовал себя уверенно. Позднее право неповиновения королю было регламентировано: в начале XVII в. были перечислены случаи, при которых повиновение прекращалось. Гнезненский архиепископ, сенат и затем сейм сначала должны были вынести порицание королю, и если он отказывался отменить свой указ, повиновение ему прекращалось.

В XVI в. магнаты завладели и высшими церковными должностями, приносившими богатые доходы. Некоторые финансовые привилегии духовенства были урезаны. В 1496 г. сейм принял закон, санкционированный папой Юлием II в 1505 г., передавший все высшие церковные должности представителям знати. Только пять должностей каноников польских капитулов были оставлены для недворян, окончивших университеты. В XVI в. сеймы постепенно распространили эту привилегию и на монастыри: настоятелями могли стать только дворяне.

Горожане были исключены из польского сейма. Города, по большей части основанные немецкими колонистами и пользовавшиеся правами самоуправления по магдебургскому праву, в XIV в. играли важную роль. Надеясь найти в горожанах противовес магнатам и шляхте, Казимир III Великий и Людовик Анжуйский оказывали им поддержку. Краков входил в Ганзу, и его бюргеры, обогатившиеся на торговых операциях, нередко выступали придворными банкирами. Города получали большие выгоды от торговли между Востоком и Западом, между Польшей, Венгрией и Черноморьем.

В этой торговой деятельности, особенно в транзитной торговле с Востоком, большую роль играли армяне. В XI в., после вторжения турок-сельджуков, разрушивших их царство, большое количество армян переселилось в Трабзон в Малой Азии, в Молдавию и Крым; по приглашению галицкого князя Дмитрия многие из них поселились (1062) в его владениях. Когда Галицкая земля перешла под власть Польши, Казимир III подтвердил армянам, большая часть которых жила во Львове, их автономный статус. Он также подтвердил их право иметь свое епископство (1367), позднее ставшее архиепископией и просуществовавшее до наших дней⁵. По большей части армяне были сосредоточены в городах Галиции, но жили и в других местах.

В XV в., однако, положение изменилось. Османское завоевание земель по Дунаю, генуэзской колонии Кафа в Крыму и портов на Черном море блокировало транзитную торговлю между Востоком и Западом; особенно пострадал от этого Львов. Вся сохранявшаяся коммерческая деятельность концентрировалась теперь в городах Балтики, особенно в Гданьске. Внутренняя торговля также переживала упадок. Все это происходило в тот период, когда росли привилегии магнатов и шляхты и зародился польский парламентаризм. При этом горожане не были признаны особым сословием, и их представители не допускались в сеймы. Только двум депутатам от Кракова было дозволено присутствовать при дебатах, хотя они и не имели

права голоса. Попытки Яна Ольбрахта и Александра I изменить это положение не увенчались успехом, и польские короли навсегда упустили шанс найти в горожанах союзников против знати.

С другой стороны, в то время как дворянство сумело свести значение королевской власти к нулю и установило свой контроль над политической и общественной жизнью Польши, города оказались лишенными той поддержки короля, на которую они могли бы рассчитывать, и полностью зависели от милости знати. Дарованное шляхте право беспошлинного ввоза и вывоза товаров явилось еще одним ударом, подорвавшим коммерческую активность городов. Вскоре знать начала непосредственно вмешиваться в экономическую жизнь города. Ремесленные цехи потеряли право назначать продажные цены на свои изделия. Сеймы предоставили это право своим представителям на местах, старостам, которые зачастую не имели никакого представления о стоимости товаров и назначали произвольные цены; все это разрушило доселе процветавшие цехи. Горожанам было запрещено владеть землей, а шляхте заниматься ремеслами и торговлей. Города вскоре потеряли свою административную автономию и перешли под контроль воевод и старост. Все это способствовало их окончательному крушению. В конце XV—начале XVI вв. количество мещан в городах значительно уменьшилось. Хотя в XVI в. горожане полностью полонизировались, до XIX в. города—в противоположность Чехии—не играли заметной роли в государстве и в национальной жизни.

Вскоре экономические перемены на Западе оказали губительное воздействие на положение польского крестьянства. Уже король Казимир III вынужден был защищать крестьян от эксплуатации со стороны землевладельцев. Он одобрил распространение «немецкого права», данного немецким колонистам и предусматривавшего ограниченную административную автономию, на деревни с польским населением. Однако, когда в XV—XVI вв. экспорт на Запад сельскохозяйственных продуктов из Гданьска достиг беспрецедентных размеров и цены на мясо и зерно возросли, польская знать расширила собственные обрабатываемые площади, входившие в состав обширных имений. Для распашки этих земель требовалось привлечь труд крестьян. Вскоре сеймы начали постепенно ограничивать личную свободу крестьян, и в 1532 г. крестьяне были полностью прикреплены к земле; менять место жительства они могли лишь с разрешения своих господ. Автономный статус деревень также постепенно ограничивался и после 1518 г. был полностью ликвидирован. Крестьяне

перешли под полную юрисдикцию своих землевладельцев, и еще остававшиеся солтысы (старшины), некогда независимые, стали просто исполнителями господских приказов. Только крестьяне, сидевшие на королевских или церковных землях, еще сохраняли право апеллировать к высшей инстанции.

Была введена барщина, впервые регламентированная в 1520 г. Формально, крестьянин был обязан отработать на господской земле по меньшей мере один день в неделю, но в действительности, особенно на магнатских землях, в большинстве случаев барщина продолжалась несколько дней в неделю.

После Казимировых статутах⁶ следующая попытка кодифицировать польское право была предпринята в 1488 г., когда к ним были добавлены Вартский, Нешавский и Корчинский статуты. Радомский сейм поручил Яну Ласкому собрать все древние законы, привилеи и статуты Польского королевства. Кодификация была завершена в 1506 г. и получила название статута Лаского. В нем содержатся постановления не только польского, но и немецкого права, завершали его, по мере публикации, постановления польских сеймов.

В 1523 г. было опубликовано общепольское процессуальное руководство — *Formula processus*. Аналогичное руководство, включавшее польское публичное и частное право и названное по главному из его шести редакторов статутом Ташицкого, было, однако, отвергнуто сеймом в 1534 г.

Мазовия, объединенная с Польшей лишь в 1526 г., имела собственные законы и обычаи. Их кодификация была завершена в 1540 г. и называется *Statuta ducatus Mazoviae*. Особые статуты Мазовии сохраняли силу и после ее объединения с Польшей, хотя с 1576 г. польский кодекс также стал здесь применяться; он был пополнен несколькими особыми постановлениями, отличными от польского права и имевшими силу только в Мазовецком княжестве⁷.

До династической унии 1385 г. политическое устройство Литвы было совершенно отлично от польского. Литва была менее однородна и менее централизована, чем Польша. Центр ее составляла собственно Литва, к которой были присоединены некоторые соседние княжества Руси — Полесья, Черной Руси (Гродно — Новогрудок) и части Белоруссии по Березине, среднему Днепру и верхней Припяти. Столицами были Вильнюс и Тракай, существовали собственная центральная администрация и правовая система. Литовское право

основывалось на обычаях Руси киевского периода. Эта часть государства была наиболее населенной, большая часть старой литовской знати владела здесь землями.

Непосредственными соседями собственно Литвы были русские удельные княжества — Пинск, Клецк, Городок, Кобрин. Литовская земля Жемайтия и бывшие русские княжества: Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Волынь, Подляшье и Подолия — сохраняли местные законы и привилегии, принятые еще до вхождения в Литовское государство. Каждый новый литовский великий князь подтверждал эти привилегии и обещал не распространять на коренное население русских земель действие иноземного, т. е. литовского, права. В связи с этой спецификой отношений между собственно Литвой и бывшими княжествами Руси некоторые специалисты называют Литовско-Русское государство федеративным⁸.

Русская система управления, законодательство и государственные должности, возникшие в киевский период, были распространены литовскими правителями на территорию собственно Литвы, старославянский язык в его западнорусской форме стал официальным языком всего государства⁹, и к концу XIV в. девять десятых его населения говорило по-русски.

В результате Кревской унии, заключенной в 1386 г.^{*}, процесс русификации Литвы, естественно, замедлился. Однако было очевидно, что воплотить союз в жизнь будет нелегко. Хотя по Кревским соглашениям Литовско-Русское государство должно было войти в состав Польши, оппозиция со стороны литовской знати помешала не только этому объединению, но и даже действенному союзу с Польшей¹⁰. Ягайло вынужден был уступить литовцам и сделать своего двоюродного брата Витовта их великим князем. Последний расширил подвластные Литве территории до черноморского побережья и лелеял мысль о преобразовании великого княжества в королевство. Он значительно усилил власть великого князя, ликвидировав все уделы и заменив князей наместниками, хотя и оставил границы и привилегии бывших княжеств нетронутыми.

Новая уния, провозглашенная в 1401 г. в Вильнюсе Витовтом и Ягайло, не изменила статуса Литвы. Городельская уния 1413 г. подтвердила право Литвы иметь своего великого князя, который должен был назначаться польским королем с согласия польских сенато-

^{*} Кревская уния была заключена 14 августа 1385 г.—Прим. перев.

ров и литовских бояр. Бояре провозгласили великим князем Сигизмунда, что было подтверждено унией 1432—1434 гг. Несмотря на эти унии, возобновлявшиеся в 1439—1440 гг., 1499 г. и 1501 г., литовцы рассматривали свое государство как равное польскому и независимое, хотя титул великого князя принадлежал польскому королю из династии Ягеллонов или его сыну.

Несмотря на независимый настрой Литвы, туда все более проникали польские обычаи и институты, а также польский язык. Литовских магнатов больше привлекали католическая вера и западноевропейская культура, представителями которой были поляки, чем цивилизация Киевской Руси и православная вера, к которой многие из них принадлежали. В XV—XVI вв. литовские города вслед за польскими приняли магдебургское право, и в это же время под влиянием Тевтонского ордена и Польши распространились феодальные институты, обязывающие население нести военную службу за земли, жалуемые сувереном.

Первый важный шаг в этом процессе инкорпорации Литвы в состав Польши был сделан Городельской унией 1413 г., благодаря которой польские социальные институты прочно укоренились в Литве. 47 знатных польских фамилий приняли в свои роды то же число литовских боярских родов с правом ношения польского герба. Эта привилегия была дарована только боярам-католикам, но в 1434 г. последним было дозволено, с согласия польской стороны, предоставлять это право и православным боярам. Эта привилегия была очень важной, поскольку она открывала новой знати путь к высоким государственным чинам и должностям, даровала ей полную свободу распоряжаться своей собственностью и приближала к статусу польской знати, добивавшейся в этот период исключительных прав.

Полная ассимиляция боярства прежних русских княжеств не была, однако, легкой. В бывших княжествах Киевской Руси существовало много групп боярства и знати, а общественная жизнь сохраняла более демократические и патриархальные формы. Князья здесь сохраняли свое доминирующее положение, но в положении бояр было много различий. Часть из них также была князьями, служившими более могущественному князю, часть никому не подчинялась, часть была зависима от князей или других бояр*.

* В Литве термин *бояре* означал всех служивших государю лиц благородного происхождения.—Прим. перев.

Естественно, что первыми от привилегий, дарованных в 1413 и 1434 гг., выиграли литовские и русские князья, в основном из династий Гедиминовичей и Рюриковичей. Они смогли сохранить за собой большинство важных государственных постов, в т. ч. в великокняжеском совете — раде панов, а позднее в сейме, и составляли господствующий класс, оказывавший огромное влияние на социальную и политическую жизнь в государстве. Некоторые из этих княжеских родов прославились в польской и литовской истории, например Острожские, Чарторыйские, Глинские, Сапегы, Радзивиллы.

Представители высшей знати заняли введенные в XV—XVI вв. в Литве по польскому образцу новые государственные посты: маршалка, канцлера, исполнявшего обязанности министра внутренних и иностранных дел (с особым главой канцелярии и ответственным за дипломатическую переписку), подканцлера, подскарбия (главы финансового ведомства), великого гетмана (верховного командующего, перед заключением Люблинской унии превратившегося в военного министра), польного гетмана.

С ликвидацией уделов система управления, восходившая к Киевской Руси, была изменена по польскому образцу. Вместо русских должностей были введены посты старост, воевод и каштелянов. Судебная система также была приближена к польской, и ко времени заключения Люблинской унии 1569 г. между действовавшими административными и судебными системами Польши и Литвы уже не было больших различий.

Состав и функции рады панов — великокняжеского совета, изначально напоминавшего Боярскую думу Московской Руси, также постепенно менялись по польскому образцу. Первоначально в нее входили князья — родичи правившего великого князя и бояре — наместники отдельных земель, позднее количество ее членов выросло за счет четырех католических епископов, всех князей, занимавших высшие государственные и придворные должности, и ряда других князей. Поначалу этот совет был консультативным органом, но его значение под польским влиянием все росло и постепенно он превратился в высший административный, судебный и законодательный орган. Под воздействием аналогичных польских установлений в 1492 г. ему был дан, а в 1506 г. подтвержден привилей, благодаря которому Литва превратилась в аристократическую олигархическую монархию: ни одно решение великого князя не могло быть обнародовано без участия и согласия рады панов; князьям, таким образом,

гарантировалось высшее по отношению к обычному боярству положение.

На русских землях и до, и после их включения в состав Литвы существовали свои представительные органы. Эти сеймы изначально включали великого и удельных князей княжеств или представляли собой великокняжеский совет. Существовали и сеймы отдельных земель, называвшиеся, как и в Киевской Руси, *вече*¹¹; в их состав входила не только знать, но и представители сословий. Вече существовало до второй половины XVI в. В это время, опять-таки под польским влиянием, шляхта стала изгонять прочие сословия из вече. Таким образом, в Литовско-Русском государстве были введены сеймики; в XVI в. великими князьями в Гродно, Минске и Вильнюсе собирались сеймы. Рада панов превратилась в сенат, бояре образовали низшую палату. С 1544 г. бояре приобретали все большие привилегии, благодаря которым их положение приближалось к положению польской шляхты. В 1563 г. Сигизмунд II Август (1548—1572) даровал православным боярам полное равенство с католиками, что позволило им занимать высшие государственные должности и входить в состав рады.

Магнаты, однако, выступали против полного уравнивания в правах всей литовской шляхты по польскому образцу. Поэтому, в то время как бояре понимали, что они смогут достичь такого равенства, лишь если Литва объединится с Польшей, магнаты, защищая свое привилегированное положение, выступали против унии. Более важный шаг на пути к этой цели мог быть сделан лишь после смерти лидера магнатов Миколая Радзивилла Черного (1565). Как было отмечено выше¹², опустошительные войны с Москвой побуждали литовцев с большей симпатией отнестись к идее унии. В том же году сейм в Вильнюсе одобрил новый литовский статут*, разделивший страну, как и польские земли, на поветы, входившие в шесть воеводств. Была принята польская административная система, а права шляхты расширены.

Люблинская уния была подписана литовцами в июле 1569 г.¹³ Но хотя два государства были объединены под властью общего правителя, польского короля, имели общий сейм, а само новое государство получило название *Rzeczpospolita polska* (Республика польская), настоящая уния еще не была достигнута. Ни один из трех народов, ее заключивших,—поляков, литовцев и русских, не был ею удовлетво-

* Литовский статут 1566 г.—Прим. перев.

рен. Скоро вновь проявилось старое литовское стремление к независимости. Литовские сеймы продолжали собираться, и в 1588 г. был принят новый статут, введивший ряд институтов, не согласующихся с духом унии. Люблинская уния в нем даже не упомянута, а Великое княжество Литовское рассматривается как самостоятельное политическое образование.

Этот статут завершил кодификацию литовского права. Первая попытка кодификации была предпринята Казимиром IV (1440—1492) в 1468 г. Судебник Казимира был заменен так называемым Первым литовским статутом, принятым в 1528—1529 гг. сеймом в Вильнюсе. Его новая редакция 1566 г. получила название Второго статута. Все три редакции статута основаны на древнерусском праве, действовавшем в русских княжествах. Естественно, в каждой редакции влияние польского права было все более заметно. Интересно отметить, что в то время как в польских кодексах едва ли можно обнаружить влияние римского права, во Втором (1566) и Третьем (1588) литовских статутах влияние римского—немецкого—права вполне очевидно. Литовский статут был написан по-русски и явился важным источником кодификации русского права, знаменитого Судебника царя Алексея Михайловича¹⁴.

Несмотря на литовский партикуляризм, польское влияние продолжало проникать не только в собственно Литву, но и на бывшие княжества Южной и Западной Руси. Как и в Польше, по мере усиления привилегий шляхты положение крестьян ухудшалось. Вскоре ряд древних русских родов полонизировался, и в литовском сейме и сеймиках увеличилось применение польского языка. В 1696 г. было решено, что все официальные административные и правовые документы Великого княжества Литовского должны составляться на польском языке.

Вестернизация древнерусских институтов и полонизация культурной жизни успешнее всего шли в Галицкой земле, оказавшейся под властью Польши уже при Казимире III Великом (1333—1370). Хотя Казимир сохранил автономный статус этой земли и обещал уважать ее религиозные и национальные традиции, польское влияние тут неизбежно должно было возрасти. Короли жаловали здешние плодородные земли польской шляхте, и вскоре ее стало так много, что она оккупировала все ключевые государственные должности. Это благоприятствовало распространению на Галицкую землю европейских феодальных институтов, и латынь постепенно вытеснила старославянский язык из официальной документации. Этот процесс

достиг максимума в XV в., когда латынь стала официальным языком в суде и сейме. В 1433 г. галицкая католическая шляхта получила те же привилегии, что и польская, а через три года земля была разделена на три административные единицы. Фактически это был конец автономии Галицкой земли. В XVI в. польский язык начал медленно вытеснять латынь из официальной сферы.

Вестернизация Галицкой земли проявилась и в религиозной сфере. Естественно, что с притоком сюда польской шляхты и польского населения в города распространялся католицизм. Галицкие князья оказывали гостеприимный прием католическим монашеским орденам. С ростом числа католиков благодаря постоянному притоку колонистов количество католических монастырей росло, и в 1375 г. была основана католическая архиепископия, а клир реорганизован.

Православной церкви была предоставлена свобода, хотя короли, бывало, вели себя своевольно. В 1303 г. была предпринята неудачная попытка добиться независимости галицкой православной церкви от киевской митрополии. В 1370 г. константинопольский патриарх и император вынуждены были уступить и разрешили учредить православную митрополию в Галиче* под угрозой того, что православные епископы будут поставлены под власть Рима¹⁵.

Аналогичным образом развивались события в бывших княжествах Киевской Руси, присоединенных к Польше в 1569 г. по Люблинской унии. Хотя им были гарантированы равный статус с польскими землями и автономия, к концу XVI в. в большей части официальных актов латынь и южнорусский (украинский) язык уже оказались вытеснены польским. Для южнорусского населения ситуация стала ухудшаться, когда короли начали жаловать здесь обширные территории польской шляхте, воспользовавшейся условиями Люблинской унии, открывшей для поляков Литовское государство. С польской шляхтой в Киевском княжестве, на Волыни и в Подолии в больших количествах стали селиться и польские крестьяне.

Главным препятствием для полного поглощения Польшей русских земель были религиозные различия двух народов. Жители Западной и Южной Руси, которых вскоре стали называть белорусами и украинцами, были православными, и их вера являлась важной нитью, связывавшей их с населением подвластной Москве Восточной

* Антоний был поставлен митрополитом в Галич в 1371 г.—Прим. перев.

Руси. Воспользовавшись очевидным упадком православной церкви на этих землях, польские церковные круги, поддержанные правительством и некоторыми украинскими прелатами, стремились к заключению в польском государстве унии православных с католиками. После длительных переговоров в 1596 г. в Бресте была провозглашена уния, поначалу принятая широкими кругами православного духовенства. В то же время правящие круги покровительствовали польским католическим институтам. Католические епископии были учреждены в Киеве и других городах, католические ордена основывали монастыри и школы среди православного населения. Все это расценивалось русским населением как попытка латинизировать и униатов, и православных.

Действительно, многие южнорусские дворянские роды были полонизированы и стали католиками, но в средних слоях скоро наступила реакция. Национальное чувство все росло и вскоре затронуло и Галицкую землю, часть Киевской Руси, дольше всего подвергавшуюся польскому влиянию. Высокомерное отношение католической иерархии к униатам и исключение униатских епископов из сената уничтожили шансы создать прочный союз двух народов¹⁶. Православная знать смело защищала права церкви в польском сейме, а средние слои становились все более непримиримы в своей оппозиции католикам. Лидеры православного русского (южно- и западно-русского) населения в Польше и Литве все более обращали взоры к православному царю Московского государства как к защитнику православия. Все это подготавливало почву для народного антипольского восстания, которое в конце концов привело к отделению Южной Руси от Речи Посполитой и ее объединению с Москвой.

С другой стороны, такое развитие событий на южно- и западнорусских землях имело неисчислимые последствия для дальнейшей истории всей России.

Раскол между восточными, западными и южными русскими землями делался все очевиднее. В области культуры вестернизация дала много преимуществ населению Южной и Западной Руси, но она же все более отделяла их от братьев на востоке, живших в совсем иных условиях. Столетний симбиоз южных и западных русских с Литвой и Польшей, несомненно, усилил дифференциацию между восточным, западным и южным наречиями русского языка, ставшую более очевидной в XVI—XVII вв. Можно с полным основанием утверждать, что без длительного отделения Южной и Западной Руси от Восточной и их длительного симбиоза с литовцами и поляками, ос-

тавившего такой глубокий след в политической и культурной жизни, скорее всего, не сформировались бы украинский (южнорусский) и белорусский (западнорусский) народы.

С другой стороны, постоянная вестернизация, происходившая на русских землях, оказавшихся под властью Польши и Литвы, вынуждала многих русских все подозрительнее и враждебнее относиться ко всему, приходящему из Западной Европы. Более высокая цивилизация, которой похвалялся Запад и которую он предлагал со снисходительностью «нுவориша» своим более бедным соседям, православному русским, вызывала у них нечто вроде комплекса неполноценности, заставлявшего со все большей страстью придерживаться унаследованных форм православного христианства, как если бы оно было единственно верной реализацией христианской доктрины, единственной истинной религией, в которую должен быть обращен и весь остальной мир.

В Венгрии политическое и социальное развитие шло аналогично Польше. В течение своего длительного царствования (1387—1437) Сигизмунд (Жигмонд) I больше интересовался делами империи и Чехии, чем Венгрии. Поэтому из сильной монархии, восстановленной королями Анжуйской династии, государственный режим медленно становился аристократическим. Жигмонд должен был подтвердить все привилегии, данные знати его предшественниками. Ему пришлось также обещать ежегодно созывать государственное собрание — сейм, состоявший не только из магнатов и высшего духовенства, но и из представителей мелкого и среднего дворянства, избранных представительными собраниями в комитатах, на которые делилась страна. Представлены в нем были и главные города, но все вместе они имели только один голос.

Как и в Чехии и Польше, королевские чиновники на местах превратились в земских, и дворянство, контролировавшее местные собрания, скоро сосредоточило в своих руках всю административную и судебную власть в комитатах. Дворянство требовало все новых привилегий и постепенно перекладывало бремя военных расходов и службы на своих подданных. Все высшие должности, из которых важнейшей оставалась должность палатина, находились в руках магнатов. Положение крестьян ухудшалось, и хотя Жигмонд I в 1405 г. подтвердил их право на свободу перехода, дворянство постоянно препятствовало им в этом, все сильнее прикрепляя к земле. Дурное

обращение с крестьянством вызывало восстания, безжалостно подавлявшиеся дворянством.

Избрание в 1437 г. на венгерский престол чешского короля Альбрехта Габсбурга (Австрийского)* позволило дворянству потребовать себе дальнейших привилегий к уменьшению королевской власти. Король был вынужден сделать должность палатина земской и предоставить дворянству возможность участвовать в его выборах. Он также был вынужден гарантировать оборону королевства за счет собственных средств.

В ходе борьбы за венгерский трон, развернувшейся между вдовой Альбрехта Елизаветой, защищавшей права своего сына Ласло (Ладислава), родившегося после смерти отца (отсюда — Погробек, Постум — Postumus), и избранным королем Владиславом (Уласло) Ягеллоном, большая часть современной Словакии оказалась оккупированной чешскими войсками чашников-утраквистов под предводительством Яна Искры из Брандиса, отстаивавшего права Ласло. Елизавету поддерживали влиятельные хорватские магнаты, особенно Франкопаны, и сербский деспот Георгий (Юрай) Бранкович, которому в южной Венгрии были пожалованы обширные владения. Борьба за трон принесла новое усиление влияния магнатов: после трагической гибели Владислава под Варной (1444) и в годы малолетства Ласло Постума управление всей страной было в руках нескольких магнатов. Избранные сеймом (1445) ишпанами, они рассматривали свои комитаты как феодальные владения, вовсе не заботясь об интересах королевства.

Распад королевства предотвратило избрание регентом Яноша Хуньяди¹⁷, защитившего страну не только от турецких захватчиков, но и от произвола магнатов. В правление его сына Матьяша — Матвея Корвина (1458—1490) королевская власть обрела новый престиж. Энергичный король предпринял смелую попытку преобразовать Венгрию в абсолютную монархию. Он реформировал должность палатина, превратив это высшее должностное лицо в королевского представителя и регента в период междуцарствия, усилил власть короля в сфере суда и управления и даже пытался кодифицировать в монархическом духе венгерские законы.

Однако после его смерти все эти реформы были отвергнуты магнатами, и новый король Владислав (Уласло) II (1490—1516) был вы-

* Герцог австрийский Альбрехт Габсбург стал венгерским королем в 1437 г., а чешским и германским — в 1438 г. — *Прим. перев.*

нужден обещать не проводить никаких реформ «как король Мать-яш». Царствование этого слабого правителя было заполнено борьбой мелкого и среднего дворянства с магнатами за власть; первым удалось добиться большего влияния в государственном собрании и королевском совете, который, как и в Польше, был из совещательного органа преобразован в верховный элемент государственного устройства, своего рода комитет сейма. Среднее и мелкое дворянство добилось также больших прав в комитатах и получило право избирать в них высших чиновников, заместителей глав комитатов (феишпанов)—алишпанов. Магнаты и прелаты попали под юрисдикцию судей комитатов.

В 1514 г. после поражения нового крестьянского восстания дворянство добилось ликвидации последних следов свободы крестьян. Они попали под административную и судебную власть своих землевладельцев, были обязаны выполнять барщину и нести платежи за пользование землей. Все эти дворянские привилегии были кодифицированы в представленном в том же году сейму *Opus tripartitum*, составленном Иштваном Вербеци. Королевская власть еще более ограничивалась тем, что король обязывался править при помощи «нации» — высшего, среднего и мелкого дворянства, получившего подтверждение всех своих привилегий и право оказывать сопротивление королю, если он их ограничит. «Нация» была провозглашена частью идеальной общности, символизирующей священную корону св. Иштвана.

Хотя «Трипартитум» не был одобрен королем и не нравился магнатам, он являлся официальным сводом законов Венгрии до 1848 г. Феодальная анархия, продолжавшаяся и при короле Лайоше II (1516—1526), повлекла катастрофу поражения при Мохаче, за которой последовал захват Венгрии турками.

Усиление влияния привилегированного класса распространялось на словацких дворян, как и на венгерских. Национальные предубеждения в Венгрии, видимо, еще не появились, и словацкий язык не только свободно функционировал в королевстве, но при Ягеллонах даже употреблялся в государственном собрании. В XV в. наиболее тесными стали культурные связи словаков с чехами — благодаря влиянию Пражского университета и присутствию чешских войск, оборонявших в годы малолетства Ласло Постума верхнюю Венгрию от Яноша Хуньяди, избранного венгерским дворянством регентом¹⁸.

Политическое и национальное развитие хорватов претерпевало значительный ущерб от экспансии турок. Венецианцы претендовали

на Далмацию уже с тех пор, как в 1203 г. с помощью крестоносцев захватили Задар (Зару), но добились успеха только в 1420 г., когда почти вся Далмация попала к ним в руки; завоевание было упрочено в 1444 г. Чтобы заявить, что короли Венгрии и Хорватии не отзываются от своих прав на Далмацию, Владислав (Уласло) II (1490—1516) принял титул короля Далмации, Хорватии и Славонии, но для отвоения потерянной провинции достичь ничего не удалось.

Наступление турок после Мохачской битвы (1526) еще сильнее уменьшило территорию Хорватского королевства. Вся южная Хорватия перешла под власть турок, восемь городов потеряли венецианцы. Мирный договор 1540 г. обеспечил венецианцам владение только приморскими городами Далмации, а вся внутренняя ее часть стала турецкой провинцией — санджаком во главе с санджакем, правившим в Клизе. Все это вело к массовой миграции славянского населения из турецкой части Далмации в города, терявшие в связи с этим свой латинский характер.

Чтобы усилить оборону оставшейся части Хорватии, Фердинанд I (1527—1564) создал вдоль турецкой границы укрепленную полосу, поделенную позднее на две части — Славонскую и Хорватскую крайны (Военную границу). Она была исключена из юрисдикции бана и хорватского сабора и управлялась военачальниками, назначавшимися императором. Выведение из-под хорватского суверенитета части территории королевства лишь отчасти компенсировалось объединением оставшейся части Славонии и Хорватии под властью одного бана и единого сабора.

Венецианцы не воспользовались своей победой в битве при Лепанто (1571), в которой участвовали и далматинские войска, чтобы расширить владения в Далмации. Остававшаяся свободной часть Хорватии понесла новые потери, и, когда Рудольф II (1576—1612) заключил в 1606 г. мир с турками, в его руках оставалась только западная часть страны.

Неудовлетворенность политикой Габсбургов, стремившихся лишить Венгрию и Хорватию их автономного статуса и превратить в австрийские провинции, особенно сильно проявилась в Хорватии при Фердинанде III (1637—1657) после заключения Вестфальского мира (1648). В конце концов, разгневанное отказом Леопольда I (1658—1705) использовать одержанную в 1664 г. победу над турками, хорватское дворянство решило положить конец правлению Габсбургов в Хорватии. Его лидеры, Петр Зриньи и Крсто Франкопан, повели

переговоры с Францией, Венецией, Польшей и Турцией, но заговор был раскрыт, и оба его вождя обезглавлены в 1671 г.

Венеция добилась успеха в новой войне с Турцией (1645—1664*), но только после поражения турок под Веной (1683) были освобождены основные части Хорватии и Венгрии. По Карловицкому миру 1699 г. вся Далмация, включая побережье Герцеговины, вновь отошла к Венеции. Однако император Леопольд I присоединил завоеванные территории в Славонии и Хорватии к Военной границе, что вызвало большое недовольство хорватов, усмотревших в этом новое сокращение их автономии и прав в королевстве.

После 1526 г. республика Дубровник (Рагуза) разорвала отношения с Венгрией и перестала платить дань императору Фердинанду I как ее королю. Отношения с Венгрией были восстановлены после победы императорской армии над турками в 1664 г. в надежде, что Леопольд I продолжит военные действия и освободит Боснию и Герцеговину. В таком случае Дубровник мог бы освободиться от вассальной зависимости от турецкого султана. Но тут Рагуза потерпела такое же разочарование, как и хорваты, когда император не смог использовать свою победу и заключил мир с турками.

Хотя, будучи вассалом султана, Дубровник вынужден был, чтобы сохранять свою независимость, оказывать ему некоторые услуги, город симпатизировал христианам в их войнах с турками и, несмотря на то, что его нейтралитет признавался и христианами, тайно послал им перед битвой при Лепанто эскадру транспортных кораблей.

Карловицкий договор предоставил республике Дубровник новые гарантии независимости, что было очень важно для города в связи с притязаниями на него Венеции. Воспользовавшись бедственным положением Дубровника после землетрясения 1667 г., разрушившего город и похоронившего под его обломками значительную часть жителей, венецианцы предприняли попытку захватить порт Груж. Несмотря на эту страшную катастрофу, благодаря мужеству нового лидера, нобилия Николая Боны, город восстал из руин, хотя его новый расцвет и был не сравним с XIV—XV вв. Теперь он не мог соперничать с Испанией, Португалией, Голландией и Англией, торговые флоты которых господствовали на морях¹⁹, но и дубровницкие торговые суда продолжали деловито курсировать по Средиземному морю, и их можно было часто встретить в Стамбуле, Греции, Египте, Тунисе и Марокко.

* Венециано-турецкая война 1645—1669 гг.—*Прим. перев.*

Дубровник пережил новый подъем в XVIII в., особенно процветала его торговля в период наполеоновских войн. Руджер Бошкович (1711—1787), один из наиболее выдающихся математиков, астрономов и философов XVIII в., был родом из Дубровника. Конец независимости республики настал в 1808 г., когда Наполеон включил ее в состав Иллирийских провинций под управлением генерала Мармона, сделанного императором герцогом Рагузским. В 1814 г. она стала владением Австрии.

Политическое и социальное положение сербов и болгар под властью Турции, прежде всего, определялось политической и социальной организацией Османской империи. В традициях ее национальной жизни очень мало соответствий с Западной Европой или Балканами до турецкого завоевания. Османское государство основывалось на абсолютной власти его правителя, султана. Этот принцип единодушно признавался всеми его подданными. Абсолютная власть султана ограничивалась только религиозными предписаниями ислама, на которых строились принципы, четко регулировавшие моральные обязательства, права и обязанности султана и его подданных. Вместе с тем, турки уважали права иностранцев и не нарушали их, если они не противоречили нормам ислама²⁰.

Османская империя — сильное военное государство: все в ней, даже административная система, было пронизано военным духом, и в этом отношении она отличалась от западноевропейских политических образований. У турок не было дворянского сословия, подобного тому, что сформировалось на Западе. Султан мог кого угодно назначить на любую высокий пост, но наследование звания или должности, в общем, было исключительным случаем.

Другой особенностью государственной организации Османской империи было то, что к занятию государственных постов допускались и подданные нетурецкого происхождения, принявшие ислам. Поэтому нередко почти весь административный аппарат оказывался в руках вероотступников из покоренных христианских народов; видимо, для них была закрыта только богословская и юридическая карьера. Специфическим проявлением этой практики оказалось формирование корпуса янычаров, ядра османской армии и личной гвардии султанов. Он состоял из юношей христианского происхождения, воспитанных в нормах ислама в обстановке строгой военной дисциплины: это была своего рода подать кровью (система *девширме*).

Характерна была османская административная система. Завоеванные земли делились на административные единицы — *санджаки* (первоначальное значение — «флаг», позднее — «полк») во главе с *санджакбеем*. Несколько санджаков образовывали *вилайет* во главе с *бейлербеем*. Беи и бейлербеи были одновременно и военачальниками, и гражданскими управляющими, полностью зависимыми от султана, который мог по своему усмотрению сместить их или перевести на другое место. Судьи, в принципе, были независимы от беев.

Один только турецкий аграрный институт *спахилык* может быть сравним с западноевропейским; вероятнее всего, он формировался под влиянием военной организации, созданной Византией в Малой Азии для усиления имперской армии. Каждый турок обязан был нести военную службу. Поскольку невозможно было всю постоянную армию, как янычар, финансировать непосредственно из султанской казны, вся завоеванная территория была поделена на большие или меньшие участки, раздававшиеся турецким конным воинам — *спахиям*; их жалование составляли подати, денежные и натуральные (продуктами), вносившиеся местными крестьянами-христианами.

Несмотря на сходство этой системы с западноевропейским феодализмом, спахии не образовывали дворянства в европейском смысле слова. Они не были собственниками пожалованной им земли, и хотя она обычно вновь жаловалась их сыновьям, изначально земля не являлась наследственной в данной семье. Спахии могли быть переведены в другой санджак или лишены своего держания, если они были не в состоянии нести военную службу или навлекли на себя немилость султана. В соответствии с размерами пожалования (*тимар* или *зеамет*), будучи призваны, они должны были являться на службу сами или в сопровождении нескольких воинов. Они также должны были поддерживать порядок среди крестьян своих земель, но не обладали над ними судебной властью. Аналогичные лены полагались за отправление определенных должностей, самые большие составляли личную собственность султана.

Подданные-христиане, в основном крестьяне, называвшиеся *райя*, должны были выплачивать в казну также и подушный налог. Иногда их обязывали работать на строительстве мостов или дорог, но барщина появилась в поздний период и считалась навязанной незаконно. Крестьянские земли жаловались им в наследственную аренду султаном — представителем Бога, полноправным владыкой вселенной. Крестьянин, однако, мог продать, обменять, сдать в субаренду, передать в дар свою землю — с согласия спахия, даваемого за неболь-

шую плату. Крестьянин даже мог призвать своего спашия к суду *кадия*, если считал, что тот с ним дурно обращается. Крестьяне избирали старейшин (*кнезов*), управлявших деревенскими делами.

Имелись также, особенно в Болгарии, привилегированные деревни, жители которых освобождались от налогов в обмен на несение особой службы, например охраны важных переходов, мостов, бродов, ведения горных работ и других повинностей.

Существовали также вспомогательные войска, набиравшиеся из христианского славянского населения,—*войнуков*. После турецкого завоевания Венгрии многие сербы-христиане становились *мартолозами*, наемниками, несшими гарнизонную службу в захваченных городах; особенно многочисленны они были около середины XVI в.

Так как янычары по большей части набирались на славянских землях, славянский язык стал вторым в этих элитных войсках. Большинство вероотступников, служивших в администрации империи, тоже было славянского происхождения; некоторые из них достигали очень высокого положения при дворе. Таким образом, славянский язык, особенно сербский, стал широко использоваться в турецкой дипломатии, и многие дипломатические документы были составлены на славянском языке и записаны кириллицей.

Имея все это в виду, приходишь к заключению, что материальное положение христианского населения Османской империи было не так плохо, как можно было думать, по крайней мере, в первый период турецкого господства. Вместе с тем в период турецкой оккупации социальное и национальное жизнеустройство сербов и болгар претерпело глубокие изменения. Первой важной переменной явилось полное социальное нивелирование. Турки-османы, столь упорно не допускавшие возвышения политически влиятельной аристократии в собственной среде (хотя тюрки-династы известны), не могли потерпеть дальнейшего существования правящих родов у покоренных народов. Все члены правящих и аристократических родов были уничтожены. Старая знать выжила только в Боснии, потому что сектанты-богомилы приняли веру Пророка; по той же причине уцелела и знать Албании. Сербь и болгары превратились в нации крестьян, тем более что в городах, процветавших под османским господством, доминировали турки и торговля была в руках преимущественно представителей неславянских, часто иноземных, народов: итальянцев, уроженцев Дубровника, евреев и левантинцев.

Без политических лидеров славяне были полностью изолированы от остального мира и не знали о социальном и культурном прогрессе в странах Западной Европы. Не имея возможности поднять свой культурный уровень, они цеплялись за исконные религиозные и народные традиции, временами возрождая древние почти забытые обычаи. У славян были только мелкие крестьянские хозяйства, поскольку крупные имения были конфискованы и османская политика в аграрной сфере не поддерживала крупного землевладения подданных-христиан.

Лишенные политических лидеров, славяне Балкан могли рассчитывать на моральную поддержку и руководство только своей церкви. К счастью, поскольку турки основывали собственную политическую и правовую систему целиком на принципах религии, они были готовы признать и за церквами райя руководство в тех же сферах. Священнослужители рассматривались как естественные вожди верующих, и их посредническая роль между государством и его подданными-христианами с готовностью признавалась. Епископы и священники являлись судьями для своей паствы, а каноническое право считалось сводом законов христиан.

Таким образом, Османская империя предоставила церкви большую власть над жизнью верующих, чем она имела когда-либо прежде. Вместе с тем положению церкви было нанесено два удара: храмы потеряли почти все свои владения, повсеместно передававшиеся мечетям, а клира также коснулась всеобщая нивелировка немусульманского населения. Священники, чтобы прожить, должны были иметь какое-нибудь дополнительное занятие; большинство из них обрабатывало землю, как и прихожане. С одной стороны, это делало их ближе народу, но с другой,—большую часть времени они были вынуждены отводить не священническим обязанностям. Очень тяжело пострадало духовное образование. Школ не было ни для мирян, ни для духовенства, и оно должно были узнавать основы литургии от своих отцов или других священников. Естественно, отсутствовало и религиозное просвещение народа, который лишь строго придерживался традиционных форм веры²¹.

К счастью, сербская патриархия была восстановлена — благодаря сербу-вероотступнику Мехмед-паше Соколу (1508*—1579), сыну священника, добившемуся поста великого везира, высшего при сул-

* По другим данным, он родился в 1505/06.— *Прим. перев.*

танском дворе. Видимо, он сохранял связи со своей семьей, и его старший брат Макарий, игумен Хиландарского монастыря на Афоне, очевидно, несколько раз посещал его в Стамбуле. Возможно, по просьбе Макария, поддержанного великим везиром, в 1557 г. Сулейман Великолепный восстановил сербскую патриархию, упраздненную в 1459 г. Макарий стал первым патриархом, учредив свой престол в Пече (Ипеке)²². Под юрисдикцию патриархии, ставшей важным национальным институтом, отошли все земли, населенные сербами.

Восстановление патриархии имело тем большее положительное значение, что положение христианского населения Османской империи вскоре значительно ухудшилось. Мехмед-паша Соколу, бывший верным великим везиром трех султанов — Сулеймана Великолепного (1520—1566*), Селима II (1566—1574) и Мурада III (1574—1595) — и многие годы не допускавший злоупотреблений в администрации, в 1579 г. был убит. Это открыло дорогу коррупции и анархии во всех сферах политической, социальной и правовой жизни империи. Должности продавались тому, кто предлагал за них высочайшую цену, строгая дисциплина, отличавшая политическую жизнь и являвшаяся основой военной мощи, была подорвана роскошью, которой предавался правящий класс; власть султана постепенно теряла свой базис.

Естественно, в этих условиях более всего страдали райя. Их эксплуатировали спахи, беи и бейлербеи, они не могли вносить высокие налоги и не находили справедливости в судах империи. Постепенно крестьяне становились настоящими крепостными, прикрепленными к земле.

Озлобленные актами жестокости, многие крестьяне оставляли свои деревни и отправлялись в поисках свободы в горы. Некоторые организовывали отряды и нападали на отдельные группы турок, мстя за несправедливости, допущенные в отношении их самих и их соотечественников. Эти *гайдуки* не представляли реальной опасности для турецкой военной мощи (хотя коррупция подорвала даже силу корпуса янычаров), но они явились предвестниками освобождения населения Балкан от турецкого ига. Так среди храбрых беглецов в горах зародилась идея освобождения, развитая в эпических песнях горцев, воскрешающих славное прошлое сербских царей и героев войн с турками. В Черногории этот дух никогда не умирал уже благодаря ее географическому положению: гранича с землями, подвла-

* В оригинале ошибочно — 1560 г. — Прим. перев.

стными Венеции, почти постоянно воевавшей с Турцией, она и сама могла бросать ей вызов. Можно сказать, что освободительная идея, зародившись в горах Черногории, питалась упорным сопротивлением ее населения турецкому господству.

Те же обстоятельства вынуждали многих сербов оставлять захваченные турками земли и селиться в венецианских или австрийских владениях; их называли *ускоками*. И там, и там власти оказывали им радушный прием и использовали их отряды в войнах с турками. Ускоки, однако, не отличались дисциплиной и продолжали свои набеги на турецкие территории даже тогда, когда их покровители заключали мир с султанами, создавая таким образом опасные ситуации.

Когда в самом конце XVI в. начались великие войны с Турцией, христианские державы стремились использовать революционный настрой ее христианских подданных в собственных военных целях. Церковь при этом являлась единственной силой, с помощью которой можно было склонить христиан оказать помощь австрийским войскам и облегчить им победу, вовремя подняв восстание.

Болгарская церковь по-прежнему подчинялась архиепископу Охридскому. Ее епископы играли очень активную роль в неофициальных переговорах с императором Рудольфом II (1576—1612), трансильванским князем Сигизмундом Батори (1581—1602) и валашским господарем Михаем, в результате которых в 1598 г., когда Михай вторгся на территорию Болгарии, вспыхнуло восстание. Многообещающая кампания кончилась катастрофой, и многие семьи болгарских повстанцев вынуждены были оставить свои дома и уйти с отступающими румынами, расселившись в Валахии. Тырновский митрополит Дионисий также должен был искать убежища за границей.

Во время австро-турецкой войны несколько раз вспыхивали восстания среди сербов. В 1594 г. восстали сербы Баната, в следующем году — Албания и Черногория, в 1596 г. крупные волнения происходили близ границы Боснии с венецианскими владениями, в 1603 г. сербы взяли за оружие в западной Боснии, в следующем году опять полыхала Черногория. Все эти восстания провоцировались несбыточными надеждами на победу австрийцев над турками. За каждым восстанием следовали новые репрессии²³.

Заключенный в 1606 г. мир в Сиватороке несомненно показал, что могущество турок клонится к упадку. Когда по Венскому договору 1615 г. Австрия добилась консульской юрисдикции над своими подданными в Стамбуле, католики усилили активность в Османской

империи, проповедуя среди православных славян. Окормлявшееся итальянскими прелатами католическое население Стамбула, состоявшее, по преимуществу, из иностранных купцов, очевидно, значительно выросло. При Мураде III (1574—1595) в городе ему принадлежало около 70 мест отправления культа; некоторые выдающиеся члены католической колонии даже обладали влиянием при султанском дворе. Во время болгарского восстания оживились религиозные и патриотические настроения католиков-болгар. В основном, они были потомками немецких горных рабочих и других колонистов; их центром был Чипровец, в прошлом процветающий шахтерский город. Францисканские миссионеры из Боснии вскоре так преуспели в Болгарии, что в 1601 г. их глава Солинат стал епископом Софии. Католическая пропаганда в Болгарии была столь успешна, что в середине XVII в. здесь были учреждены две католические митрополичьи кафедры—в Софии и Марсианополе, с епископиями в Никополе, Скопье и Охриде²⁴.

Один из софийских католических архиепископов, Петр Парчевич (1656—1674), уроженец Чипровца, вскоре стал национальным лидером и вдохновителем борьбы за освобождение от османского ига. Уже в 1630 и 1632 гг. представители балканских славян пытались склонить к войне с Турцией Фердинанда II Габсбурга и польского короля Сигизмунда III. Начало венециано-турецкой войны 1645—1664 гг.* возбудило в них новые надежды. Валахский воевода Метейр выказал антитурецкие устремления, и ему было предложено управление Болгарией, когда будет завоевана ее свобода. Петру Парчевичу, учившемуся в Риме и прекрасно знавшему Западную Европу, в 1648 г. была поручена миссия к польскому королю Владиславу, но смерть последнего положила конец всем приготовлениям к восстанию. В 1650 г. Парчевич вновь отправился в Польшу, Вену и Венецию и продолжил переговоры как архиепископ. Политика великого везира Мехмеда Кёпрюлю, реорганизовавшего, в определенной мере, турецкую армию, и наступление турецких войск в Польше, остановленное только благодаря королю Яну Собескому²⁵, вновь разрушили надежды Парчевича. Он умер в Риме, сломленный своей неудачной попыткой склонить западноевропейские державы к совместной борьбе за освобождение славян на Балканах.

Новые надежды возникли после поражения турок под Веной (1683). Победоносная австрийская армия заняла Белград (1688) и

* Война 1645—1669 гг.—Прим. *перев.*

вторглась в Боснию. Все Балканы охватило восстание. В Болгарии центром восстания, развернувшегося, когда императорские войска приблизились к болгарской границе, опять стал Чипровец. Армия повстанцев была, однако, разбита венгерским ренегатом Имре Тёкёли (Текеем), воевавшим на стороне турок. Их укрепленный центр Чипровец был взят и полностью разрушен; остатки местного населения переселились в Валахию. Только части восставших удалось присоединиться к императорской армии. Эта катастрофа положила конец католической пропаганде в Болгарии и перспективам лидерства католиков в борьбе болгар за свободу. С этих пор болгары потеряли заинтересованность в австрийской помощи и обратили свои взоры к России, которая при первых Романовых начала завоевание турецких владений на Украине и в Крыму²⁶.

Сербское восстание, достигшее пика, когда императорская армия достигла Македонии (1690), далее развивалось не более успешно, чем болгарское. Когда императорские войска вынуждены были оставить Сербию, Болгарию и Трансильванию, огромное количество сербов с семьями во главе с патриархом Арсением Черноевичем (Црноевичем) последовало за ними и расселилось в Среме и Славонии²⁷. В том же году император Леопольд I особым дипломом оформил автономный статус беглецов. По Карловицкому миру 1699 г. Австрия получила всю Венгрию, за исключением Баната с Темешваром, Трансильванию, Славонию и Хорватию, но собственно Сербия осталась турецкой, и беглецы были вынуждены оставаться на дарованных им землях. Преемники Арсения должны были отказаться от патриаршего титула, хотя они и поддерживали отношения с сербской патриархией в Пече. В Венгрии сербы по-прежнему пользовались автономным статусом и, хотя и составляли чужеродную группу в западноевропейском окружении, развили живую культурную деятельность, строя под западным влиянием школы, и заложили основы сербской литературы нового времени. Карловцы, резиденция митрополита, стали их религиозным и политическим центром, в котором готовилось освобождение сербов. После ликвидации сербской патриархии (1766) туда перешло религиозное руководство сербским народом²⁸.

Примечания

¹ Магнаты получили посты моравского верховного гетмана, что давало реальную власть в стране, коморника и высшего судьи. Рыцарям пришлось удовлетвориться должностями судьи, подкоморника и моравского писаря.

² См. ниже, главу XVII, с. 538 и сл.

³ Глава VI, с. 169 и сл.

⁴ О развитии этой практики см.: L. Koporczyński, *Le Libérum Veto*, p. 153—278 (см. Библ.).

⁵ В течение столетий многие армяне Галицкой земли приняли унию с Римом; в XVII в. их архиепископ Николай Торосович официально признал верховенство Рима. Об армянах в Польше см. Gromnicki, *Ormianie w Polsce: ich historia, prawa i przywileje*, Warsz., 1889, и Cz. Lechnicki, *Kościół ormiański w Polsce: Zarys historyczny*, Lwów, 1928. Ср. также Völker, *Kirchengeschichte Polens*, Berlin—Lpz., 1930, S. 68.

⁶ См. главу VI, с. 171 и сл.

⁷ Источники по истории польского права очень многочисленны и разнообразны: хроники, церковные документы, требники, дипломатические и юридические документы, коронные архивы, решения сеймиков и сеймов. Краткие и полезные указания на различные издания этих документов см. K. Kadlec, *Introduction à l'étude comparative*, p. 272—281 (см. Библ.). Большая часть критических изданий выполнена Краковской Академией наук, опубликовавшей также девятый том *Volumina legum* (1889) (начаты в 1732 г. Я. Забуским и Ш. Конарским), завершивший второе издание (СПб., 1859—1861). Коллекция правовых актов Литвы была опубликована И. И. Яковкиным: *Закондательные акты Великого княжества Литовского*, М., 1936. Об истории и организации литовско-русского сейма см.: М. К. Любавский, *Литовско-русский сейм*, ЧОИДР, М., 1900—1901, и И. И. Лаппо, *Великое княжество Литовское*, Юрьев, 1911. Ср. также G. Vernadski (см. Библ.), p. 170 ff.

⁸ Таково также мнение русского историка литовско-русского государства М. К. Любавского: *Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно*, М., 1910.

⁹ Ср. главу IX, с. 268.

¹⁰ Польские и украинские историки до сих пор спорят о значении соглашений, заключенных в Крево; обзор дискуссии и библиографию см.: G. Rohde, *Die Ostgrenze Polens*, Bd 1, S. 316—325 (см. Библ.).

¹¹ Об организации Киевской Руси см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 218—223.

¹² См. главу XII, с. 337.

¹³ См. главу XI, с. 312 и сл.

¹⁴ См. ниже, главу XIX, с. 588—589.

¹⁵ См. ниже, с. 563.

¹⁶ Документальные свидетельства об обращении католической иерархии с униатской церковью в Польше приведены у Е. Шмурло: Е. Schmurlo, *Le Saint-Siège et L'Orient Orthodoxe Russe* (см. Библ.); ср. главу XVIII, с. 564, 579 и сл.

¹⁷ Сейчас установлено, что Хуньяди был, видимо, румынского происхождения. Матерью его сына, короля Матьяша, была сербская принцесса, а его

первой женой была дочь чешского короля Йиржи Подебрада. С точки зрения положения разных этнических групп в Венгрии характерно, что ни одно из сохранившихся писем короля не было написано по-венгерски; в то же время несколько составлено по-чешски.

¹⁸ Ян Искра из Брандиса, командующий чешскими войсками, в 1462 г., после смерти Ласло, сдался королю Матьяшу Корвину, сыну Яноша Хуньяди, перейдя с большей частью своих воинов ему на службу; новому королю он оставался верен до самой смерти.

¹⁹ Имеется свидетельство, что в ранний период Рагуза вела также торговлю с Америкой и Индией, но с этих рынков была вытеснена могущественными западноевропейскими конкурентами. Ср. работу Ц. Миятовича в кн.: *Гласник Српског ученог друштва* (т. 33, 1872, с. 226).

²⁰ Новейший детальный очерк социальной и политической организации Османской империи: Н. А. R. Gibb & Н. Bowen, *Islamic Society and the West* (см. Библ.). Ср. там же, с. 41, о влиянии на Турцию византийских политических институтов.

²¹ См. краткий, но четкий очерк условий социальной жизни балканских христиан в эпоху турецкого господства: М. Braun, *Die Slawen auf dem Balkan*, S. 126—143, 163—200 (см. Библ.). Обзор более новых сербских публикаций на эту тему см. в кн.: *Dix années d'historiographie yougoslave (1945—1955)*, Belgrade, 1955, p. 256 ff.

²² Полезный библиографический обзор о сербской церкви и патриархии можно найти в кн.: L. Hadrovics, *Le peuple serbe*, p. 158—162 (см. Библ.).

²³ Более старую библиографию на славянских языках об этих восстаниях можно найти в кн.: А. Hajek, *Bulgarien unter der Türkenherrschaft*, S. 22—64, 317—321 (см. Библ.), и Станојевих С., *Историја српског народа*, Београд, 1926, с. 239—314. Новейшая литература по-сербски приведена в *Dix années d'historiographie yougoslave*, p. 268—274.

²⁴ Полную библиографию работ о католическом движении в Болгарии в XVII в. можно найти у И. Дуйчева: *Соборската католичка архиепископия през XVII век*, С., 1939, с. 182—184 (на с. 199—201 имеется подробное резюме по-итальянски).

²⁵ См. ниже, главу XVIII, с. 571 и сл.

²⁶ См. ниже, главу XIX, с. 584 и сл.

²⁷ Новейшая оценка деятельности А. Црноевича и «великого переселения» сербов принадлежит Р. Л. Веселиновичу (*Арсеније III Црнојевић у историји и књижевности*, Београд, 1949).

²⁸ Подробнее см. А. Ivić, *Istorija Srba u Vojvodini od najstarijih vremena do osnivanja potisko-pomoriške granice 1702*, Novi Sad, 1929.

Глава XV

Развитие самодержавия в Московском государстве: социальные и политические изменения в Восточной Руси

Черты демократии в Киевском государстве — Автократические тенденции во Владимиро-Суздальском княжестве — Исчезновение городских собраний (веча) — Установление наследственного принципа власти в Московской Руси — Триумф самодержавия — Москва и монгольские ханы — Византийские политические идеи в литературе Киевской Руси — Идеологические основы московского самодержавия — Русская церковь — покровительница монархии — От религиозного единения — к единению политическому — Великий князь московский — покровитель православия; новая волна византийской политической мысли достигает Московской Руси — Москва — Третий Рим — Монгольское влияние на развитие самодержавия в Московском государстве — Московские князья отказываются быть наследниками Византии — Различия между византийской и московской автократией — Церковь и цари — Реорганизация московской армии по монгольскому образцу — Государственное управление в Московской Руси; монгольское влияние на суд, византийское — на кодификацию — Введение Иваном III поместной системы военной службы — Города и крестьянство в Московском государстве — Иван IV и высшая знать — Мероприятия Ивана IV против аристократии — Опричнина; режим террора — Представление Ивана IV о самодержавии

В политическом развитии Восточной Руси начиная с XIV в. одна черта, на первый взгляд, напоминает соответствующие процессы в современной ей Западной Европе: это установление в Московском государстве режима сильной монархической власти. Однако было бы ошибочным относить возникновение здесь монархической системы за счет причин, сходных с Западом. Более того, в московской политической структуре очень рано проявились автократические тенденции: в Западной Европе их можно было наблюдать много позднее и в меньшей степени.

Проблема возникновения и роста самодержавного режима Московской Руси до сих пор является одной из наиболее дискуссионных

в русской истории. Сравнивая развитие монархий Западной Европы и Восточной Руси, никогда нельзя упускать из виду различие причин и обстоятельств их происхождения. Московской монархии предшествовал не феодальный период, как на Западе, а демократический с патриархальными чертами строй Киевского государства.

В политической организации Киевской Руси было много особенностей, которые, казалось бы, должны были предотвратить возникновение у русских сильного монархического режима. Государство считалось общим родовым наследием династии Рюрика и поэтому, логично, должно было делиться между всеми членами правящего рода. Эта система, естественно, вела к образованию такого количества государств или *вотчин* (наследственных родовых владений), сколько ветвей насчитывал род Рюриковичей, и затрудняла поддержание государственного единства. Право наследования по старшинству, передававшее высшую власть старейшим членам династии и породившее ротационную систему наследования в уделах, было установлено основателями государства с целью примирения двух фундаментальных принципов: долевого раздела общего наследия между членами династии и государственного единства. Таким образом, угроза раздела Киевского государства на несколько независимых государств была в известной степени снята, но великий князь, глава династии, никогда не мог претендовать на монархическую власть: в делах государственного управления и внешних сношениях он должен был сотрудничать с другими князьями.

Еще один принцип киевской политической системы препятствовал развитию сильной монархической власти. Престол каждого удельного княжества наследовался династически, но такое наследование должно было быть одобрено вече (народным собранием); оно же делало выбор из соперничающих кандидатов. Князь утверждался или избирался пожизненно — только в Новгороде и Пскове срок его мандата не был определен, — но вече при определенных обстоятельствах могло его и сместить. Церемонии коронации, как на Западе, не было, а при интронизации большую роль играл народ. «Союз» (*одиначество*) должен был существовать между утвержденным или избранным князем и его подданными, поэтому новые князья обыкновенно заключали с ними особый договор (*ряд*), которым фиксировали взаимные права и обязанности.

Вече также являлось препятствием для образования абсолютистского режима. Правом участвовать в собраниях, созываемых князьями, обычно в общественных местах города, обладали все свободные

мужчины. Они должны были выносить решения по важным вопросам, касающимся администрации и законов, иногда также судебным делам. В интересах князя было также получить народную поддержку в случае военных действий.

Происхождение и роль русской аристократии также сильно отличались от западноевропейской. Сословие знати медленно развивалось из военных соратников князей, первоначально скандинавов, составлявших их *дружину* и живших вместе с ними. Только в XII в. дружинники стали оседать в имениях, даваемых им князьями за службу, и только тогда иноземцы и видные местные землевладельцы сформировали единый класс, члены которого обозначались болгарским словом «бояре». Они занимали различные должности в администрации и были обязаны нести военную службу. Обладали они и опасной привилегией — правом в любое время оставить службу своему князю и по своей воле и даже со своей наследственной собственностью (*вотчиной*) поступить на службу к любому другому.

Бояре были также членами княжеского совета — *думы*. Однако между устройством княжеской думы и сходными институтами на Западе опять-таки имелась заметная разница. Князь сам избирал своих советников не только из числа бояр, но и духовенства и городских старейшин, представлявших население. В общем, дума состояла из очень ограниченного числа советников, но ее состав менялся, когда князь приезжал в какую-нибудь местность своего княжества, потому что в таких случаях обычно держался совет с боярами — местными землевладельцами или занятыми в местной администрации, а также с местными духовенством и старейшинами. С членами думы держали совет по всем вопросам, касающимся деятельности князей (международные отношения, внутренние дела, суд, право, военные дела).

Все это показывает, что сословная система, характерная для западноевропейского средневекового общества, так и не получила развития в Киеве. Кроме бояр и горожан — торговцев и ремесленников, существовал и класс свободных крестьян. Когда богатые земельные собственники сумели установить контроль над лучшей частью земель, свои имения они по особым соглашениям передавали для обработки крестьянам; эти соглашения, видимо, исходили из свободы крестьянского передвижения, но происходило это уже в московский период.

Таковы были основные препятствия для образования на Руси сильного монархического абсолютистского режима, и только волей судьбы создались условия, устранившие эти препятствия.

Процветание Киевского государства основывалось на оживленном торговом обмене между Черноморским побережьем, Византией, внутренними областями Руси и странами Центральной и Западной Европы. Основными факторами экономической и политической жизни государства были города и горожане, на вечах доминировало богатое купечество. Упадок международной торговли в результате захвата современной южной России куманами (половцами), отрезавшими Киев от морских путей, естественно, понизил роль *веча*, но урезать его прочно укоренившиеся привилегии было нелегко.

Это было возможно только в новых городах, основанных князьями на вновь колонизируемых землях. Такова была сознательно проводившаяся политика правителей нового Владимиро-Суздальского княжества, возникшего в треугольнике, образуемом Волгой на севере и Окой на юго-востоке. Такие города, как основанные переселенцами из Новгорода Владимир и Суздаль, конечно, имели вече, ревниво наблюдавшее за сохранением своих прерогатив. Однако в пренебрежение этим древним институтом¹ суздальские князья в основанных ими городах учреждали собственные должностные институты. Наиболее энергичным из этих князей был Андрей Боголюбский. Поскольку суздальское вече ему мешало, он перенес свою резиденцию в новый город Владимир². Но за свою бескомпромиссную и деспотическую политику, слишком еще непривычную для русских в то время, ему пришлось заплатить жизнью (1175*)³.

Брат и преемник Андрея, Всеволод Большое Гнездо, несмотря на сильную оппозицию, продолжал утверждать свою власть над боярами и городами. Таким образом, в течение второй половины XII в. у русских впервые возник режим сильной власти с чертами автократии. Суздальские князья также решительно разорвали с древней киевской системой, по которой очередность наследования княжеств определялась старшинством: они рассматривали свою территорию как собственность, где они правили как абсолютные суверены. Многочисленные колонисты, которых они туда призывали, зависели от них в отношении распределения земли и обеспечения безопасности и с готовностью принимали новый порядок. Так суздальские князья посеяли зерно, из которого позднее возрос самодержавный режим Московского государства.

Правда, установленный Андреем и Всеволодом режим был недолговечен. Вновь восторжествовал древний русский обычай делить тер-

* В 1174 г.—Прим. перев.

риторию между наследниками, и единство княжества было разрушено, хотя одно существенное новшество сохранилось: наследники рассматривали свои унаследованные *вотчины* как частную собственность. Новый принцип легко было расширить. Более амбициозный князь, естественно, был склонен считать частной собственностью, унаследованной от отца, не только свою долю, но и все княжество (*волость*). Таким образом, на территории, где суждено было возникнуть Москве, формировалась почва, благоприятствовавшая развитию идеи наследственной монархии. Владимиро-суздальские князья также усвоили себе великокняжеский титул, ранее связанный с Киевом, и с этого времени борьба за этот титул, символизировавший власть над всем русским народом, разворачивалась уже на этой территории между наследниками Всеволода, князьями Москвы и Твери. Эти города, как и Ярославль и Нижний Новгород, были новыми столицами на обширных землях Суздальского княжества.

Суздальские князья были первыми, кто предпринял успешное наступление на мощное влияние вече в русской политической жизни. Хотя кое-где вече и пережило монгольское нашествие, в течение второй половины монгольского периода его значение неуклонно сокращалось, чему способствовали существенные перемены в экономической и социальной жизни. Усиливающийся упадок торговли сильно уменьшил роль городов в политической жизни княжеств, и богатое купечество, обычно пользовавшееся большим влиянием на вече, исчезло⁴.

С другой стороны, князья должны были получать подтверждение своей власти от ханов Золотой Орды. Они должны были лично являться к хану, чтобы получить утверждающую грамоту, так называемый *ярлык*. Поскольку основным источником их власти была ханская воля, они могли пренебрегать голосом вече, так что во второй половине монгольского периода русской истории вечевые колокола, созывавшие прежде горожан на собрания, умолкли. Только в Новгороде, Пскове и некоторое время в Вязьме вече продолжало существовать и играть важную конституционную роль. С упадком вече из политической жизни Руси исчез существенный демократический элемент и перестало существовать одно из наиболее труднопреодолимых препятствий к установлению самодержавного режима. Пределы княжеской власти теперь могли устанавливать только привилегированные бояре и монгольские ханы. Такова была политическая ситуация в Восточной Руси к началу периода возвышения Москвы⁵.

С киевских времен сохранялся еще один обычай, который мог серьезно угрожать росту и процветанию нового Московского княжества: традиция раздела родового наследия между всеми наследниками. Как было сказано выше, Иван Калита разделил свое княжество между тремя сыновьями, женой и дочерьми. В то же время он сделал робкую попытку обеспечить его единство, установив в своем завещании, что три его сына должны править в Москве совместно под руководством старшего из братьев — Симеона (1341—1353)*.

Судьба была на стороне Москвы. Симеон, его сыновья и брат Андрей пали жертвами эпидемии, и единственный выживший отпрыск династии, Иван II (1353—1359), стал единственным московским правителем**. Благодаря счастливому случаю родовое наследие не было разделено между многочисленными наследниками, и за правило стал приниматься принцип первородства — передача княжества от отца к старшему сыну. Стойкость, с которой бояре и митрополит Алексей защищали права девятилетнего племянника*** Ивана I, Дмитрия Донского, ясно показывает, насколько твердо в Москве утвердился монархический принцип. Дмитрий также способствовал утверждению нового обычая, воздержавшись от раздела домена между детьми и оставив основную долю своему старшему сыну, Василию I. Конечная победа, одержанная Василием II в братоубийственной борьбе за наследие Василия I⁶, ознаменовала полный отказ от древнерусского порядка наследования титула великого князя и триумф принципа, названного современниками «отчина и дедина». Так в Москве был прочно установлен один из основных постулатов монархического строя. Другой принцип был провозглашен Василием II в договоре с великим князем тверским: принцип божественного права, который был окончательно установлен Иваном III в 1488 г. в ответ на предложение королевского титула, сделанное послом императора Фридриха III. Иван III заявил, что он, милостью Божьей, является государем на своей земле изначала, от первых своих прародителей⁷, и поставление имеет от Бога, как и его прародители, и никакого иного поставления не хочет.

При Иване III в 1480 г. было достигнуто окончательное освобождение Московской Руси от монгольского ига. Таким образом, навеки

* Симеон (Семен) Иванович Гордый (1340—1353).—*Прим. перев.*

** Иван II Красный (Кроткий) (1354—1359).—*Прим. перев.*

*** Правильно — внука, Дмитрий Донской был сыном Ивана II, второго сына Ивана I Калиты.—*Прим. перев.*

было ликвидировано главное ограничение власти московских великих князей, и Иван III был в полном праве считать себя монархом, ответственным за свои деяния только перед Богом.

Неудивительно, что Иван III стал пользоваться титулом *царь* в дипломатической практике и вести себя как настоящий автократор — самодержец, ни перед кем на земле не ответственный за свои действия. Он все еще обсуждал различные проекты с боярами, но как только решение было принято, добивался полного подчинения, сурово, в том числе применяя пытки, карая любое неповиновение. Новый пик самовластия приходится на правление Василия III. Он принимал решения без совета с боярами в думе, отвергал вмешательство или советы митрополита и без колебаний подавлял любую оппозицию своей внутренней или международной политике. Отчет барона Сигизмунда Герберштейна о посольстве к великому князю представляет данное современником описание самодержавного режима, установленного Василием III. Вот что он пишет о московской автократии:

«Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником... и постельничим... Божьим и вообще веруют, что он — свершитель Божественной воли. Поэтому и сам государь, когда к нему обращаются с просьбами о каком-нибудь пленном или по другому важному делу, обычно отвечает: „Бог даст, освободится“. Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-либо неверном или сомнительном деле, то обыкновенно получает ответ: „Про то ведает Бог да великий государь“»^{*}.

Оставался, однако, лишь один и последний элемент политической структуры, унаследованной Московским государством от Киевской Руси, который мог бы представить опасность для самодержавной власти великого князя — привилегии, которыми пользовался класс бояр. Эту проблему великие князья могли решить только тогда, когда все прочие ограничения их автократии были сняты. Наи-

^{*} Цит. по: Сигизмунд Герберштейн, *Записки о Московии*. Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко, М., 1988, с. 74.

более обременительна для князей была привилегия бояр по своей воле отъезжать на службу к другому князю, и начиная с Дмитрия Донского они всеми способами стремились ее ограничить, в том числе отказывались заключать с боярами или другими князьями соглашения, гарантирующие право бояр на свободу отъезда. Часто, если такие соглашения были заключены, они под разными предлогами нарушались князьями. Осуществление боярами такого права клеймилось как грех перед своим господином, преступное деяние, которое должно быть наказано.

Несмотря на многие поползновения, до Ивана IV великие князья не осмеливались отменить эту привилегию. Иван III, всеми средствами препятствовавший осуществлению права отъезда в Московском государстве, требовал его для князей и бояр, желавших оставить службу великому князю литовскому и отъехать в Москву. В результате это право, хоть и не отрицаемое в теории, на практике при Иване III трансформировалось в пожизненное обязательство служить князю. И только Иван IV, предприняв фронтальное наступление на боярские привилегии, зверскими методами разрушил этот старый класс и создал новый класс опричников. Боярам никогда уже не удавалось восстановить свои права, победил абсолютистский автократический режим.

Таковы основные стадии развития московского абсолютизма. Существовали, разумеется, и многие второстепенные причины его утверждения. С. Ф. Платонов относит быстрый рост Московского княжества в значительной степени за счет близорукости монгольских ханов, вовремя не обнаруживших, что Москва становится их потенциально самым опасным противником. В этом утверждении есть определенный резон. При пристальном изучении отношений князя Юрия и его брата Ивана Калиты с ханом становится ясно, насколько милость хана Узбека способствовала распространению их власти и помогала в борьбе с Тверью за титул великого князя владимирского. Юрий даже стал шурином хана. С самого начала московские князья придерживались политики мира с ханами и раболепствовали перед ними. Было бы, однако, преувеличением считать, что ханы не были осведомлены об опасности предоставления московским князьям слишком большой власти. Когда Узбек решил отменить в Восточной Руси систему непосредственного сбора дани татарскими сборщиками, он передал этот сбор не только московскому князю, как часто думают, а еще и князьям тверскому, рязанскому и нижегородскому, а

также назначил особых чиновников надзирать за четырьмя основными княжествами. Всем четырем князьям был пожалован титул великого князя.

Великое княжество Владимирское было самым большим, оно включало 15 единиц налогообложения, которые назывались *тьма*. Рязанское княжество было самым маленьким, оно включало две единицы, Тверское и Нижегородское делились на пять единиц каждое. Все это, конечно, усиливало роль московских правителей, которым был пожалован титул великих князей владимирских. Более того, в 1392 г. хан Тохтамыш позволил московскому князю Василию I присоединить великое княжество Нижегородское, что открыло пути для распространения власти Москвы на другие княжества.

Ростом своей власти и развитием автократической монархии московские князья были обязаны не только милости ханов, но также, причем даже в большей степени, поддержке русской церкви. Как это ни странно звучит, следует признать, что идеологический базис для развития монархии на Руси был заложен церковными писателями киевского периода. Не следует забывать, что деятелей русской церкви наставляли византийские миссионеры и произведения византийской литературы, переведенные на древнеславянский.

Ныне признано, что византийская политическая мысль не знала никакой иной политической системы, кроме монархии, и одобряла только монархическое правление. Поскольку киевская политическая система включала столько черт демократии, считалось, что она никогда не испытывала влияния византийских политических идей и они даже были неизвестны в Киеве.

Действительно, в ранний период древнерусской литературы не появилось ни одного трактата о царском сане или об отношениях между правителями и церковью, столь многочисленных в средневековых западноевропейских литературах. И тем не менее, жители и правители Киевского государства имели достаточно возможностей для того, чтобы познакомиться и испытать влияние основных принципов византийской политической мысли⁸.

Начиная с XI в. деятели русской церкви, правители и бояре уже имели славянские переводы византийских сборников канонического права — *Синагоге (Собрания)* Иоанна Схоластика и *Номоканона Четырнадцати Титулов*, а также переводы других византийских руководств — *Эклоги* и *Прохирона*. Эти важные памятники содержали многие новеллы императора Юстиниана, каноны соборов, обращения

императоров к отцам вселенских соборов и другие документы, отражающие византийские идеи о власти правителя. Эти сочинения были дополнены переводами греческих Отцов церкви, византийских хронистов и собраниями изречений, приписываемых греческим философам и Отцам церкви (некоторые из них пропитаны духом греческой, эллинистической и византийской, политической мысли). Самым значительным из них был греческий сборник *Пчела*, переведенный на славянский язык в Киеве в XII в., содержащий длинную главу «О власти и о княжении».

В этих сочинениях интеллектуалы Руси могли найти все базовые идеи византийской политической мысли: божественное происхождение царства и священства, необходимость тесного сотрудничества — симфонии — между этими двумя важнейшими факторами общественной жизни, долг правителя обеспечивать гармонию между духовными и светскими властями и его право и даже обязанность надзирать над церковью, поскольку он является представителем Бога на земле. Некоторые из этих идей рассыпаны в оригинальных писаниях ряда киевских авторов⁹, но при этом они, несомненно, восходят в византийской литературе.

Естественно поэтому, что некоторыми чертами своей политической структуры средневековая Русь должна была быть обязана византийскому образцу: с учетом этого легче понять отношения русских князей и византийских императоров. Русские приняли доминантную идею политической теории Византии: константинопольский император является представителем Бога на земле, верховным законодателем для христиан и высшим земным авторитетом, подчиняться которому надлежит всем христианам в вопросах, касающихся сообщества христианских народов. Вплоть до первой половины XV в. это особое положение византийского императора признавалось в Московском государстве. В отношениях русских князей к византийскому императору не было ничего, напоминающего западноевропейский феодальный вассалитет.

Отношения между церковью и государством в Киевской и Московской Руси также строились по византийской модели. Сохранение гармоничных отношений между священством и царством являлось одним из главных принципов политической философии Византии, что особенно четко выражено в шестой новелле императора Юстиниана¹⁰. Этот принцип стал ведущим для политического и религиозного развития Руси в течение многих столетий, в этом же кроется и

объяснение того, почему иерархи русской церкви считали своей первостепенной задачей поддержание добрых отношений с князьями. Они так поступали не столько из раболепства, как часто утверждают, сколько потому, что это был принцип, унаследованный от материнской византийской церкви. Перенос прерогативы византийского императора в отношении церкви на собственных князей, русское духовенство с готовностью принимало и княжеское попечение и законодательство в церковных делах¹¹.

Естественно, что русская церковь, вслед за византийской, одобряла единоличное правление. Это невысказанное предпочтение монархии и автократии являлось субстратом политологических спекуляций даже в киевский период. Это же предпочтение способствовало первым попыткам суздальских князей установить автократический режим в собственном княжестве¹², а позднее московским правителям — монархическую автократию.

С учетом всего этого понятно, почему митрополиты перенесли свой престол из Киева во Владимир, а затем в Москву, когда их князья начали добиваться гегемонии над Русью¹³, почему митрополит Алексей стремился обеспечить юному Дмитрию Донскому московский престол и великокняжеский титул, почему св. Сергей Радонежский благословил Дмитрия, выступившего против татарских полчищ Мамай. Его победа на Куликовом поле стала символом национального возрождения Руси — с благословения церкви и под главенством Москвы.

Идея единства и неделимости русской церкви, воплощенной в киевском митрополите, являлась другим важным фактором, открывавшим путь к установлению гегемонии Москвы над всей Русью. Эту идею упорно защищали константинопольские императоры и патриархи, назначавшие или, по крайней мере, утверждавшие митрополитов. Византия долгое время противостояла попыткам учредить на Руси еще одну митрополичью кафедру, и только угроза того, что православные подданные Литовского государства и Галицкой земли подпадут под власть Рима, вынудила ее уступить Ольгерду и Казимиру IV¹⁴. Таким образом, в критический момент константинопольская церковь оказала Руси, и особенно московской патриархии, знаменательную помощь.

Принцип религиозного единства Руси стал руководящим для политики Москвы, его важность осознавалась уже Иваном Калитой, ко-

торый стал именовать себя великим князем владимирским и всея Руси, когда митрополит учредил свою резиденцию в Москве. Этим же принципом руководствовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV, безжалостно присоединяя независимые княжества в ходе «собирания русских земель», в победоносной борьбе с Тверью и Новгородской и Псковской республиками, а также отражая натиск Литвы, стремившейся реализовать тот же идеал собирания русских земель вокруг Вильнюса. Уния Литвы с Польшей и обращение ее в католичество трансформировали политическое соперничество в религиозную борьбу, защиту русского православия от «еретического» Запада. К несчастью, эта политическая и религиозная вражда воздвигла вокруг Московской Руси стену недоверия и сделала изоляцией от Западной Европы, углублявшуюся в период монгольского владычества, почти непроницаемой.

В этой обстановке ряд событий, явившихся фатальными для развития Московской Руси, оказал серьезное воздействие на становление в ней самодержавия. Отвергнув унию, заключенную греками на Флорентийском соборе (1439), и разорвав отношения с Константинополем, обвиненным в постыдном предательстве православной веры, Василий II заговорил языком византийских императоров, объявив себя защитником истинного православия. Захват Константинополя турками в 1453 г., расцененный в Москве как Божья кара за «отступничество» от православия, усилил позиции московских князей в глазах русской православной церкви.

Более того, брак Ивана III с Зоей (Софьей) Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, был многими в Москве воспринят как своего рода юридическая санкция представления о том, что Московская Русь является политической и религиозной наследницей Византии.

Русское духовенство, следуя традиции своих киевских предшественников, в собственных интересах значительно способствовало развитию этой новой идеологии. Раз Москва наследует Константинополю, митрополит московский может считать себя самостоятельным, а также хранителем и толкователем истинной православной веры, которую призвана защищать новая наследница Византии. В связи с этим в XV в. новая волна византийской политической мысли достигла Москвы, значительно усилив тот византийский идеологический субстрат, который сохранялся со времен Киевской Руси.

Так, например, в 1492 г. митрополит Зосима на византийский манер назвал¹⁵ великого князя государем и самодержцем всея Руси, «новым царем Константином новому граду Константину — Москве». Геннадий, ученый архиепископ новгородский, внес свой вклад в развитие этой идеологии, сопоставив нового московского «царя» с византийским императором. Возможно, в византийских сочинениях он искал дальнейших обоснований для пропаганды этой идеи: в одном из его писем содержится просьба о копии послания константинопольского патриарха Фотия Борису-Михаилу Болгарскому, являющегося своего рода политологическим трактатом.

Волоцкий игумен Иосиф Санин еще более систематичен в своих толкованиях. В византийском стиле он рассуждает о небесном царстве, отражением которого является царство земное, и развивает византийскую доктрину, утверждая, что властью своей государь подобен «вышнему Богу» и «не напрасно носит он меч, ибо служитель Бога — гневный отмститель творящему зло»*. Имеется у Иосифа, когда он описывает царя, осиянного Божественным светом, и намек на солнечную символику, столь обычную в греческих сочинениях о царстве. Власть царя, хотя и подлежит закону, в том числе каноническому праву, является неограниченной, и каждый, в том числе церковь, должен повиноваться ей. Иосиф верит в священный характер власти правителя и присваивает царю *святительский чин*. Церковь выше мирского государства, но она подлежит величию царской власти; царь имеет право назначать епископов и надзирать над ними.

Доктрина Иосифа была развита его учеником митрополитом Даниилом, поставленным Иваном III без церковного собора. Соединив понятия духовной и мирской властей, он вручил ту и другую царю, назначенному свыше, и, следуя примеру своего учителя, предоставил ему право казнить еретиков и врагов церкви.

Иосиф был учеником Пафнутия, игумена Боровского монастыря, известного своей верностью Москве и ее правителям. Пафнутий воспитал новое поколение русского духовенства, проникнутое этим духом и развивающее представление о Божественном установлении московской монархии.

Таким образом очевидно, что поддержка духовенством самодержавной власти московского царя питалась идеями, пришедшими из Византии. В этот период византийская политическая литература бы-

* Пер. А. А. Алексеева, *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века*, М., 1984, с. 333. — Прим. перев.

ла широко распространена на Руси. Так, греческое «Поучение» диакона Агапита (VI в.) об императорской власти сохранилось в старославянском переводе XV или XVI в.¹⁶ В этот же период были переведены приписываемые Василию I Македонянину «Поучительные главы», адресованные его сыну Льву VI. В русском переводе XVII в. сохранились сочинения другого византийского политического мыслителя, Симеона Солунского. В русском сборнике XV в. содержится греческий трактат об императорской власти, русский перевод которого не обнаружен. Вероятно, послание о царстве патриарха Фотия Борису Болгарскому, как и трактат о царстве Феофилакта Болгарского (XII в.), прежде неизвестные на Руси, должны были быть переведены в это время. Все это показывает, что в эпоху политической трансформации Руси в XV—XVI вв. изучение византийской политической литературы происходило особенно интенсивно.

В этой атмосфере и родилась концепция Москвы как Третьего Рима. Видимо, этой идеей был вдохновлен автор Хронографа Русского редакции 1512 г., основывающийся на болгарском переводе греческой Хроники Константина Манассии. В конце своего труда, после описания падения Константинополя, он восклицает, что «всесильный Господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестия во тме злочестивых властей възжеть зело и попалить Измаилъ злочестивыхъ царства, якоже терние, и просветить свет благочестия и паки возставитъ благочестие и царя православныа... Сиа оубо вся благочестиваа царства...безбожнии Турци поплениша..., наша же Росийская земля, Божиею милостию...растетъ и младаетъ и возвышается, ейже, Христе милостивый, дажь расти и младети и разширяться и до скончания века»*.

Видения, описанные в IV книге Ездры** (IV Ездра 12:23), переведенной в это время на церковнославянский, и пророчества Даниила (Дан. 7:19) о последних царствах способствовали дальнейшему развитию идеи, отчетливо сформулированной псковским монахом Филофеем в посланиях к Михаилу Григорьевичу Мисюрю Мунехину, Василию III и Ивану IV***. Василию III он пишет: «Все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве:

* ПСРА, т. 22, с. 439—440.— *Прим. перев.*

** III книга православной традиции.— *Прим. перев.*

*** Авторство Филофея посланий великим князьям Василию и Ивану Васильевичу (в последнем некоторые исследователи видят Ивана III, некоторые — Ивана IV) подвергается сомнению. Ср. *Словарь книжников и книжно-*

один ты во всей поднебесной христианам царь»^{*}. Филофей объясняет, что Русское царство сменяет царства Рима и Константинополя, что Римское царство должно длиться до конца мира («Ромейское царство неразруσιμο») и что Московское царство как его наследник будет последним царством, после которого наступит вечное Божье царство Иисуса Христа. Наступает новая эра — эра Третьего и последнего Рима. В послании великому князю Ивану Васильевичу Филофей в том же духе толкует Апокалипсис Иоанна Богослова (12: 1—11)¹⁷.

Несмотря на усилия части московского духовенства византизировать новый политический строй Москвы, новые самодержцы не смогли усвоить все идеи, выдвигавшиеся интеллектуалами, и выказывали мало энтузиазма в отношении нового византийского наследия. Еще до того, как эта волна византийской политической мысли заполонила Московскую Русь, великие князья испытали действенность другой автократии — автократии монгольских ханов. При Чингисхане монголы стали владыками территории от Китая до Черного моря и Днепра. Унаследовав политические системы покоренных земель, они преобразовали их в безжалостное и деспотическое самодержавие.

Конечно, воздействие, оказывавшееся монголами на Московскую Русь, не следует преувеличивать. Русские и монголы почти не смешивались. Монголы не селились на землях покоренных народов, не было и особого общения между властителями и их подданными. Русские колонисты достигли монгольских территорий на средней и нижней Волге только в XVI в. после того, как Казанское и Астраханское ханства были сокрушены Иваном IV. Но даже и тогда религиозная и культурная рознь препятствовала более тесным связям между двумя расами. Правда, в определенной степени произошла татаризация русской знати. Многие русские князья женились на татарках, а когда власть татар стала клониться к упадку, особенно со времен Василия II, многочисленные татарские знатные роды поступали на службу к великим князьям и русифицировались. В XVII в. в Московском государстве насчитывалось 156 знатных родов татарского происхождения¹⁸. Приток знати, привыкшей к абсолютистскому режиму, видимо, немало способствовал автократической политике мос-

сти Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в., ч. 2, Л., 1989, с. 472; Н. В. Свиницына, Третий Рим, М., 1998, с. 171—173.—Прим. перев.

^{*} Пер. В. В. Колесова, *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века, М., 1984, с. 437.*

ковских князей. Существовал, однако, и значительный приток не знавшего самодержавия дворянства из Польско-Литовского государства и Западной Европы¹⁹.

Хотя в плане идеологии никакого прямого заимствования от монголов быть не могло, нет сомнения, что политическая и социальная система и самодержавный абсолютизм монголов оказали глубокое воздействие на развитие Восточной Руси. Нельзя себе представить, чтобы русские князья, убеждавшиеся во время посещений ханской ставки в действенности монгольского строя, не попытались подражать примеру своих суверенов. В этом отношении очень существен тот факт, что после крушения Монгольской империи московские правители считали себя наследниками ханов, и нельзя отрицать монгольского влияния на развитие административной, военной, финансовой, фискальной и правовой систем Руси.

Все это также объясняет, почему упомянутые выше предложения считать себя наследниками Византии, сделанные Ивану III и Василию III папой Павлом II, императором Максимилианом I и великим магистром Тевтонского ордена, не впечатлили московских правителей. Их интересовало только одно родовое наследие — русские княжества, оказавшиеся под властью Польско-Литовского государства. Борьба за это наследие всегда была для них на первом месте, а турки воспринимались прежде всего как враги их соперников²⁰. Есть и другие важные аспекты развития московского самодержавия до и при Иване IV, значительно отличающиеся от византийской политической теории и показывающие, что русское духовенство совсем не настолько, как это иногда считается, преуспело в своих стремлениях византизировать русскую автократию; имеются и веские указания на то, что русские церковные теоретики того времени не понимали всего значения византийских представлений о царстве. Распространявшаяся ими идея, что Москва стала Третьим Римом, не столько предполагает, что Москва стала наследницей Византии, сколько то, что она сменила Византию, предавшую свою миссию и потому покарнную Богом.

Византийский император считался главой всех православных христиан. Эта идея, очевидно, подразумевается в некоторых декларациях церковных теоретиков, византизировавших московское самодержавие. Обстоятельства, однако, помешали московским великим князьям в полной мере принять византийскую интерпретацию

императорской власти. Приняв Флорентийскую унию, греки отпали от православия. Истинное православие сохранилось только в Московском государстве, и великий князь является его защитником. Идея, что он должен стать главой и защитником всех православных, включая греков и балканских славян, не приходила в голову московским правителям.

Чужда была московским самовластцам и византийская концепция о возвышенном положении императора. Изучая дипломатическую переписку Ивана III, удивляешься, что он стремился всего лишь доказать западным правителям, что он равен им²¹. Это особенно ясно из ответов, данных в 1488 и 1489 гг. Иваном III и его дипломатическим агентом Федором Курицыным послу императора Фридриха III. Иван III даже не употребляет титул «царь» как соответствие императорскому титулу. Все, что он хочет доказать, это то, что он независимый правитель, получивший власть, как и его прародители, от Бога. Когда он говорит, что у его прародителей были хорошие отношения с ромейскими императорами в Константинополе, здесь, кажется, подразумевается, что московские правители равны в своем достоинстве с константинопольскими императорами. Конечно, это противоречит византийской теории, что император является всеобщим властителем и представителем Бога на земле и что все христианские правители, так или иначе, являются его вассалами или зависимыми от него сыновьями или братьями²².

Стремление показать, что московские правители унаследовали свои права от прародителей и равны правителям Запада, еще четче формулируется в той политической литературе, что была популярна при Иване IV. Легенда о том, что киевский князь Владимир Мономах (1113—1125) получил инсигнии от императора Константина Мономаха (1042—1054), была сочинена, чтобы доказать славное происхождение московских князей и древность их власти. Здесь автор легенды опять-таки представляет русского правителя равным константинопольскому императору. Но византийского происхождения для московских самодержцев было недостаточно: легендарная генеалогия династии Рюрика восходит к римскому императору Августу, о котором говорится, что он был владыкой всего мира, а когда разделил свое царство, то отдал его северо-восточную часть своему брату Прусу, предку Рюрика.

Московские правители даже не стремились обеспечить себе царский титул. Иван III особо подчеркивал, что он является великим *государем* всея Руси, употребляя это слово как синоним термина власти-

тель (сюзерен)²³. Только дипломатические контакты с западноевропейскими правителями, особенно с императорами Священной Римской империи, вынуждали правителей Руси к поискам титула, который бы адекватно выразил их власть и положение равных правителям империи. Защищая перед польским двором свои притязания на царский титул, Иван IV не только апеллирует к легендарным традициям Мономаха и Пруса, но и подчеркивает тот факт, что он является владыкой татарских Казанского и Астраханского ханств, правители которых имели право называться царями. И вновь его аргументация не содержит никаких признаков осознания им византийского наследия²⁴.

Данное Иваном IV определение своего самовластия иллюстрирует разницу между московской и византийской концепциями автократии. Иван так определяет власть царя: «Русские... самодержцы изначала сами владеют своим государством», обладая «властью, данной... от Бога», дело царя — «заботиться о телах и душах многих людей»*. Любой византийский политический теоретик согласился бы с этой дефиницией, но он же усомнился бы, прочитав некоторые пассажи из переписки Ивана с бывшим «канцлером» князем Курбским**, оставившим службу и бежавшим в Литву. Здесь Иван IV несколько раз подчеркивает, что власть царя является абсолютной и покорность его подданных не имеет пределов. Даже если царь повелит что-либо незаконное или греховное, они должны исполнить это, потому что такова воля Господа. Они должны уповать на Божий суд, который однажды вознаградит их за те несправедливости, что они претерпели на земле. Только в одном случае надлежит подданным не повиноваться царю: если он повелит им что-либо противное истинной вере.

Развитие отношений между церковью и государством демонстрирует рост влияния московских правителей на церковные дела. Поскольку духовенство способствовало росту московской автократии, существовала возможность компромисса между царским самодержавием и церковью на основе древнего и традиционного в русской жизни представления о гармонии между мирской и духовной вла-

* Первое послание Ивана Грозного Курбскому. Пер. Я. С. Лурье и О. В. Творогова, *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в.*, М., 1986, с. 37.— *Прим. перев.*

** А. Курбский был воеводой и членом неофициального правительства — Избранной рады.— *Прим. перев.*

стями. В Московском государстве существовало движение, руководимое Нилом Сорским и его учениками, ставившее задачей реформу русского монашества. Его последователи интересовались только духовным и отвергали милости и богатые пожертвования. В том, что касалось отношений между церковью и государством, они выступали против тесного сотрудничества со светскими властями, считая достаточным древний обычай гармонии священства и царства.

Иван III, нуждаясь в новых землях для своих бояр, благоволил идеям реформаторов, но против них выступали сторонники другого церковного течения, возглавлявшегося Иосифом Саниным, игуменом Волоцкого монастыря, защищавшего более тесные отношения со светской властью в борьбе против еретического движения «жидовствующих», обличавшего официальную церковь и ее богатства. Ситуацию осложняли интриги в великокняжеской семье. Иосиф поддерживал жену Ивана Софью и ее сына Василия против снохи Ивана Елены и ее сына Дмитрия. Когда Софья вернула расположение Ивана и обеспечила наследование за своим сыном, Иосиф и его сторонники торжествовали победу. Будучи самовластцем в собственном монастыре, Иосиф был наиболее ярким сторонником царской автократии и, более того, учил, что иерархи церкви должны также служить и государству. Триумф иосифлян был упрочен, когда митрополит Даниил, верный ученик Иосифа, из государственных соображений расторг, несмотря на оппозицию партии реформаторов, брак Василия III с бесплодной Соломонией Сабуровой и благословил его союз с княжной Еленой Глинской, родившей Василию III двух сыновей.

Для реформаторов это было гибельно: последних из них затравили по наущению иосифлян. Всякая надежда на достойный компромисс между церковью и государством исчезла. Благодаря раболепству иосифлян царская автократия даже предъявила права на прямое вмешательство в церковные дела. Все это помогает объяснить крайние взгляды на самовластие Ивана IV, получившего политическое образование от митрополита Макария, убежденного иосифлянина.

Одновременно с медленной трансформацией политической системы Восточной Руси важные изменения наблюдались в управлении государством и в общественной жизни. Многие из этих изменений восходили к монгольскому образцу. Наиболее глубокое преобразование древних киевских институтов под монгольским влиянием происходило в сфере военной организации. В Киевской Руси основой войска великого князя были его дружина из старших бояр, младшие

бояре, называвшиеся детьми боярскими*, и городское ополчение во главе с тысяцким. Сельское население не было обязано военной службой. Монголы установили систему всеобщей повинности. Поскольку города утратили свое бывшее значение в жизни общества, должность тысяцкого, главы городского ополчения, была ликвидирована**.

У великих князей сохранилась только их дружина, к которой добавились служилые люди, обязанные военной службой, которых называли, на монгольский манер, *двор*. Все вместе это и составляло военную мощь великого князя²⁵. Двор, таким образом, отличался от бояр, и старый термин *дружина* вышел из употребления. После освобождения от монголов великие князья сохранили свой военный двор наряду со всеобщей военной повинностью и продолжали по монгольскому образцу делить войско на пять полков. Московское войско восприняло монгольскую тактику и сохраняло монгольское вооружение, к которому добавилось огнестрельное оружие. Пушки, возможно, были заимствованы из Чехии, а ружья — из Персии и Индии через посредство волжских булгар. Реорганизация московской армии по монгольскому образцу обеспечила новых самодержцев значительной военной мощью, с которой не могли состязаться современные им западноевропейские правители.

Московские правители сохранили и другой монгольский институт, неизвестный тогдашней Западной Европе, — почтовую службу, позволявшую им удерживать под контролем отдаленные области и получать оттуда и с границы регулярную информацию. Иван III расширил почтовую службу, построив новые дороги и почтовые станции, называвшиеся на монгольский манер *ямами*. Почтовая служба, которой очень восхищался С. Герберштейн, оказалась чрезвычайно полезна во время военных кампаний Ивана IV.

Изменения в системе управления Московским государством часто совершались под монгольским влиянием. Великие князья сохранили монгольскую систему налогового обложения, к которой привыкло население и которая доказала свою высокую эффективность. Судеб-

* Сословие детей боярских появилось на Руси в XV в.; ряд авторов (Н. М. Карамзин, Н. П. Павлов-Сильванский и др.), действительно, возводит их к младшим членам княжеских дружин — «отрокам» («гриди», «детские»). Княжеская дружина в Киевской Руси делилась на «старшую» («княжие мужи») и «молодшую» («отроки», «гриди», «детские»). — *Прим. перев.*

** Должность тысяцкого известна до середины XV в.; в Москве упразднена Дмитрием Донским в 1374 г. — *Прим. перев.*

ные пошлины составляли еще один источник великокняжеских доходов. В городах суд вершили *наместники*, а в сельской местности — возглавлявшие данную область *волостели*, назначавшиеся великим князем и отвечавшие, соответственно, за общее управление городами и сельскими районами. Этим чиновникам позволялось удерживать часть судебных пошлин, а вместо жалования — «кормиться» со своей местности. Система *кормлений* существовала уже в киевский период, но полное развитие получила в Московском государстве. Назначались на эти должности лишь на короткий срок из-за опасности злоупотреблений, которыми была чревата вся система.

Помимо администрации государственных чиновников в Московском государстве существовала и манориальная администрация, которой подлежали земли великого князя, бояр и церкви. В этом отношении московская административная система была сходна с западноевропейской. Центром великокняжеской администрации был великокняжеский двор, главным должностным лицом которого был *дворский* (*дворецкий*). Он также являлся судьей и управителем над населением великокняжеского домена. Особыми административными подразделениями руководили специальные чиновники, *путники*, ответственные непосредственно перед великим князем; наградой им служила часть дохода, приносившегося руководимой ими отраслью великокняжеского хозяйства.

Изменения под монгольским влиянием претерпела и судебная система. Телесные наказания и смертная казнь, неизвестные в Киевской Руси*, но применявшиеся монголами, получили распространение в Московском государстве, равно как и пытки, к которым широко прибегали и в Западной Европе. Определенные влияния можно видеть также в уголовном праве и судебном разбирательстве, но не в самой судебной организации, в основе своей той же, что и в киевский период.

В административных реформах Ивана III помимо монгольского влияния усматриваются и древние византийские традиции, особенно это касается попытки кодификации русских законов. В 1497 г. великий князь обнародовал *Судебник*, составленный его «секретарем» Владимиром Гусевым и другими. Он основывается на своде законов Киевской Руси *Русской Правде* и других собраниях русского местного права и обычаев, включает кроме процедурных вопросов уголовное и гражданское законодательство. Интерес к правовым проблемам показывает, что московские законники не забыли правовые принци-

* Смертная казнь в Киевской Руси была известна.—Прим. перев.

пы, актуальные, благодаря переводам византийского канонического и гражданского права, в Киевской Руси.

При Иване IV в 1550 г. этот Судебник был заменен другим сводом — *Царским Судебником*, завершившим и расширившим свод Ивана III. Ко второму судебнику примыкает важное дополнение в области канонического права, называемое *Стоглав*, — собрание из ста глав о церковных правовых обычаях. Его составление было инициировано Иваном IV, в 1551 г. созвавшим собор русской церкви, перед которым были поставлены вопросы по различным церковным проблемам. Ответы, данные иерархами, и составили *Стоглав*.

В Московском государстве во время и после ордынского господства происходили и важные социальные изменения. В ряды бояр вошел новый класс, князья Рюриковичи и Гедиминовичи, княжения и земли которых были присоединены Москвой (или находились под угрозой такого присоединения) и которые предпочли отказаться от своих суверенных прав (с компенсацией или без нее) в пользу великого князя и поступить к нему на службу. Некоторые татарские князья, часто называвшиеся царями и царевичами, поскольку они принадлежали к династиям, правившим в Казанском и Сибирском ханствах, тоже стали вассалами московского царя. Хотя их ранг был выше боярского, они не имели права по своей воле оставить великокняжескую службу. Этот разряд князей начал расти в XIV в. и полностью развился к середине XVI в.

Вассальные* князья получали административные и военные должности, аналогичные тем, которые занимали бояре. Хотя и менее свободные, чем бояре, политически, они занимали более высокое положение на общественной лестнице и чрезвычайно стремились сохранить свой статус. Царям приходилось вести генеалогический «указатель» всех княжеских и боярских родов с детальными указаниями должностей, отправлявшихся их предками, причем своих советников и высших должностных лиц они должны были избирать в соответствии с этим сложным порядком старшинства, получившим название *местничество*. Ни князь, ни боярин не согласился бы на положение ниже того, которое, он считал, соответствовало его общественному рангу. Царь, в свою очередь, должен был выбирать новых членов в Боярскую думу из высшего слоя князей и бояр. Вскоре термин *боярин* приобрел новое значение — высшего думного чина. Вто-

* «Служилые», «служебные». — *Прим. перев.*

рой по старшинству чин составляли *окольничие* — люди из царского окружения, придворные.

Два низших разряда московских служилых людей составляли *слуги вольные* и обязанные службой; последние находились под юрисдикцией дворского и назывались *слуги под дворским*. Часто это были отпрыски обедневших боярских родов, изначально называвшиеся детьми боярскими. Обеим категориям великокняжеских слуг давались небольшие родовые имения. В войске вольные слуги обычно занимали младшие командные должности. Слуги под дворским служили в личном войске великого князя (дворе), участвовали в управлении дворцовым хозяйством, несли различные придворные должности. Многие из них служили при дворах князей до того, как те силой обстоятельств были вынуждены поступить на великокняжескую службу. Великие князья привечали их, нуждаясь во все большем количестве новых надежных кадров для гарнизонной службы в укрепленных городах и вновь присоединенных землях: слуги и составляли этот надежный элемент, который в случае необходимости можно было легко мобилизовать. Лишь очень немногие из детей боярских и *дворян* могли подняться в высший слой служилых людей и стать окольничими или даже членами Боярской думы*.

Практика жалования *дворянам* имений для их содержания стала основой еще одного важного социального института, учрежденного Иваном III, — *поместья*²⁶. После завоевания Новгорода в 1478 г. Иван III конфисковал и расчленил родовые владения покоренных новгородских бояр, раздав их средним и младшим командным чинам своей армии. Лишенные собственности бояре получили земли поблизости от Москвы. Новые землевладельцы стали называться *по-*

* Окольничие с середины XVI в. также являлись членами Думы. Дворяне — сословная группа светских феодалов. Изначально, в XII—XIII вв., — «слуги вольные» князя или крупного боярина, составляющие его двор и несущие различные службы (военную, административную и т. д.). С XIII—XIV вв. они наделяются за службу землями (в основном в условное держание — будущие помещики) и постепенно сливаются с основной массой феодалов. С середины XVI в. собственно дворянами называют две группы в составе Государева (Царского) двора: дворяне московские и дворяне, выборные из городов; основная масса провинциальных служилых людей называется детьми боярскими городовыми. В XVII в. происходит постепенная ликвидация сословно-чиновных групп в составе светских феодалов и консолидация дворянства как единого сословия. — *Прим. перев.*

мещики. Как правило, они не имели других средств к существованию и сохраняли свое поместье, только пока могли верно и добросовестно нести военную службу. Создав военные держания, Иван III не только сломил власть старой знати на покоренной территории, но и создал наиболее надежный род войск, призванный поддерживать центральное правительство. Сыновья помещиков в возрасте 15 лет должны были поступать на военную службу; их земельный надел увеличивался, только если пожалования их отцов были слишком малы для поддержания их существования. Таким образом, Иван III создал новый военный класс на основе особой системы хозяйства — поместной системы. В течение трех последующих столетий она составляла прочную основу военной организации России. Нигде в Европе манориальная система не имела такого успеха. Введение этой системы, усовершенствованной в XVI в., позволило правительству унифицировать фиск и посылать этих воинов-землевладельцев, находившихся под постоянным административным и хозяйственным контролем, в любую часть страны, на любую границу, где мир был под угрозой. Только турецкая система *тимаров*, дававшихся *спахиям*, может быть сравнима с московской поместной системой²⁷.

В XVI в. придворные — *дворяне* (*дворянство*) обрели более высокое положение. Царь создал третий думный чин, в который были допущены дворяне. Эти высшие дворяне, допущенные в верховный царский совет, вскоре стали считаться равными боярам, вплоть до того, что в XVIII в. термин *дворянин* стал означать любого человека благородного происхождения, а термин *боярин* вышел из употребления.

Города в Московском государстве так никогда и не смогли вновь обрести ту роль, которую они играли в киевский период. С исчезновением *веча* пропали и последние следы равностатусного положения горожан. Купцы, делившиеся, в зависимости от благосостояния, на три разряда (*гости*, *гостинная сотня*, *суконники*), были освобождены от податного обложения, но привлекались для службы в финансовой администрации и сбора не прямых налогов. Остальные горожане делились на «средних», имевших лучшее положение в торговле и ремесле, и «молодых» — мелких ремесленников и работников; все они подлежали обременительному налогообложению (*тягло*). Как правило, они жили вне собственно укрепленного города, в городских поселениях, называвшихся *посад*^{*}.

* Члены тяглой посадской общины делились на «лучших», «средних» и «молодых», а иногда и «самых молодых» посадских людей.—Прим. перев.

В монгольский период крестьяне стали называться по-другому: не *смерды*, как в Киевской Руси, а *крестьяне* — христиане. Возможно, такое словоупотребление возникло на церковных землях, а потом было распространено на земли царя и знати. В монгольский период крестьяне, селившиеся на церковных землях, были освобождены от уплаты *тягла*, поскольку церковь была освобождена от налогообложения. Но после освобождения от ордынского ига различие между крестьянами, жившими на церковных землях и на землях знати, исчезло. Поскольку крестьяне поместных земель несли также манориальные повинности, свободные от этих повинностей крестьяне церковных владений платили более высокие государственные налоги и подати. К середине XVI в. крестьяне, уладив свои расчеты с землевладельцем, обладали еще правом перехода, однако введение поместной системы вскоре выдвинуло проблему обеспечения *помещиков*, составлявших ядро войска, рабочей силой: это вынудило правительство ограничить право перехода на поместных землях. Такое ограничение, введенное в 1581 г., явилось дурным признаком, ознаменовавшим установление крепостного права, что и было недвусмысленно провозглашено в 1649 г.

Приток такого количества княжеских родов в ряды московских бояр представлял определенную опасность для самовластия великих князей. Представителям высшей знати, привыкшим править в своих бывших княжествах, было нелегко смириться с новым статусом великокняжеских слуг. Заняв высшие государственные посты, они надеялись получить и свою долю власти в управлении. Перед глазами многих из них был пример Польско-Литовского государства, откуда они и выехали, и они, вероятно, надеялись трансформировать московских режим в аристократическую монархию. Иван III и Василий III сочли необходимым принять суровые меры против тех, кто, выполняя свои новые обязанности, вел себя чересчур независимо.

Естественно, опасность возросла в годы малолетства Ивана IV. Его мать Елена Глинская должна была употребить всю свою энергию для защиты прав маленького сына от посягательств высшей знати, стремившейся расширить свое влияние на управление. Ей даже пришлось заключить в тюрьму двух братьев покойного мужа и собственного дядю. После ее безвременной смерти (ходили слухи, что она была отравлена боярами) интриги высшей знати усилились. Юный царь рос в этой отравленной атмосфере, и он никогда не мог забыть дурное обращение с ним князей Шуйских, возглавивших опекунст-

во. В одном из посланий к Курбскому Иван IV с большой горечью вспоминает опыт своего несчастного детства. Он был полон глубокой неприязни и даже ненависти к боярам, демонстрировавшим так мало уважения к юному царю, притом что сам Иван был вполне убежден в самодержавном характере царской власти — концепция, внушенная ему его наставником, митрополитом Макарием.

Реализуя свою политическую программу абсолютной власти, воплощенной в царе-самодержце, ниспосланном Богом и ни с кем эту власть не разделяющем, Иван IV глубоко трансформировал социальный и политический строй Московского государства. Его отрицательное отношение к высшей знати поощрялось низшими ее разрядами, завидовавшими богатым боярам и всегда готовыми поддерживать царя в его стремлении сломить власть князей. Один из таких мелких дворян, Иван Пересветов²⁸, в своих сочинениях вдохновлял царя на принятие решительных мер против бояр. Это был искатель приключений, служивший сначала чешскому и польскому королям, а затем ставший ярым сторонником самодержавия. Он страстно описывал злоупотребления бояр, их дурное обращение с крестьянами, утверждая, что только твердая рука царя-самодержца может обуздать их и защитить народ. Видимо, в Московском государстве многие, как и Пересветов, были убеждены, что только царь-автократор может защитить бедных и низших от злоупотреблений богатых и могущественных.

Первые шаги Ивана IV, хотя и обнаруживали антиаристократическую направленность, были умеренными. Прежде всего, он учредил кроме думы личный совет — *Избранную раду* из небольшого числа знатных людей, в верности которых был уверен, — Курбский был среди них наиболее выдающимся, и представителей более низких слоев (священник Сильвестр и мелкий боярин Адашев)*. Позднее антиаристократический настрой молодого правителя обнаружился в его *Судебнике* и речи при открытии церковного собора 1551 г. Власть бояр-наместников была ограничена и частично передана избиравшимся городами и сельскими местностями *излюбленным старостам***;

* Алексей Адашев, выходец из костромских дворян, получил чины думного дворянина, затем окольничего. — *Прим. перев.*

** Земской реформой Ивана IV власть на местах передавалась от наместников и волостелей земским старостам и излюбленным головам. — *Прим. перев.*

тема *кормлений*, порождавшая злоупотребления, была отменена. Было избрано около тысячи представителей низшего боярства, которым были даны земли около столицы; их основной задачей было в любой момент выполнить всякую миссию, возложенную на них царем: это можно расценить как расширение поместной системы.

Новым наступлением на высшую знать явился указ 1556 г., покончивший с привилегией бояр менять сюзерена и распространивший обязанность военной службы и на владельцев наследственных имений — *вотчин**. Особое негодование высшей знати возбуждала эта «деградация», уравнивавшая их с держателями поместий. Кажется, князь Курбский в своем первом после бегства послании Ивану IV имел в виду особенно этот указ²⁹.

Все это, однако, превзошел тот яростный удар против князей и старых боярских родов, которым явилось учреждение (1565) нового класса *опричников*, людей, избранных царем и полностью ему преданных. Иван IV начал проводить политику *опричнины* с благословения народа, молившего его, после притворного отречения, вернуться в Москву и править самовластно. *Опричники*, набранные из *дворян* и низших слоев знати, были расселены на наследственных землях старых боярских родов в центральных областях государства. Их прежние владельцы частью были безжалостно истреблены, а частью выселены на вновь присоединенные земли в приграничных районах**. В глазах царя эта революционная мера была санкционирована идеей высшей самодержавной власти, данной ему Богом, благодаря чему он был абсолютно свободен по своему разумению налагать на любого из подданных какие угодно обязательства перед государством.

Режим террора, введенный этими страшными переменами, продолжался около двадцати лет. Многие тысячи человек пострадали от бесчинств опричников, многие были безжалостно убиты³⁰. Система опричнины была постепенно распространена на другие части государства, к концу правления Ивана почти половина всех земель была включена в опричнину, а вторая половина, *земщина*, которой понача-

* См. примечание переводчика к главе XII, с. 339.

** Как показали новейшие исследования (А. А. Зимин, В. Б. Кобрин и др.), социальный состав опричников мало отличался от остававшихся в земщине; не произошло и масштабного перераспределения землевладения при выделении опричных земель.— *Прим. перев.*

лу Иван предоставил нечто вроде автономии, была поставлена под контроль опричников.

Очевидно, что на неистовства Ивана IV вдохновляла исповедовавшаяся им высокая идея автократии. Придерживаясь ее упорно и слепо, он считал своим священным долгом реализовывать ее во всей полноте. Его личная склонность к жестокости и желание отомстить за унижения, которые он претерпел от бояр в детстве, повлекли за собой непростительные эксцессы в осуществлении этой мечты. Пример предшественников, часто подражавших методам монголов, являлся некоторым оправданием его безжалостности. Иван IV является типичным примером фанатика, верящего в идею и считающего ее реализацию своим священным долгом, что оправдывает все средства: подобные примеры можно найти во все времена.

Только после смерти Ивана IV можно было оценить весь ущерб, который его реформы нанесли государству. Однако в целом Иван IV достиг своей цели. Власть старой знати была сломлена, и была создана новая знать, абсолютно преданная царю-самодержцу. Хотя старая знать и попыталась позднее восстановить свое влияние, она никогда уже не смогла занять в государстве то место, которое она занимала до Ивана IV.

Примечания

¹ Это было показано двумя выдающимися русскими историками, С. М. Соловьевым (*История России с древнейших времен*, 2-е изд., СПб, 1896, т. 1, с. 458, сл., 490, сл.) и В. О. Ключевским (*Курс русской истории*, франц. пер.—trad. par C. Andronikof, *Histoire de Russie*, Paris, 1956, v. 1, p. 342 ff.), и не опровергается возражениями, выдвинутыми А. Е. Пресняковым (*Образование великорусского государства*, СПб., 1918, с. 26—47) и А. Н. Насоновым (*«Русская земля» и образование территории древнерусского государства*, М., 1951, с. 173—196).

² Став великим князем киевским, он отказался следовать примеру своего отца Юрия Долгорукого и поселиться в Киеве, все еще верном демократическому институту веча, а остался во Владимире. Таким образом, центр власти на Руси был перенесен с юга на север.

³ Трагический конец Андрея Боголюбского подсказывает, что до создания Суздальского княжества в треугольнике, образуемом Волгой и Окой, мог существовать сильный класс бояр, скорее всего, пришедших из Новгорода и обосновавшихся среди коренного финского населения. Быстрый культурный рост княжества в XIII в. также показывает, что суздальские

князя вели строительство на прочных основах, которые они нашли уже готовыми на этой территории. С учетом этого, некоторые находки А. Н. Насонова и А. Е. Преснякова могут быть совмещены со взглядами старой школы русских историков, выраженными С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским. О культурных достижениях Суздаля см. F. Dvornik, *The Slavs*, p. 252 ff.

⁴ В последнее время представление о таком ходе событий было пересмотрено А. М. Сахаровым в исследовании о политической эволюции городов Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия: *О политическом развитии северо-восточных русских городов после монголо-татарского нашествия* (Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1956, № 2, с. 3—18). А. М. Сахаров пришел к заключению, что в течение первого столетия монгольского владычества, когда города были самостоятельны, наблюдалось возрождение активности веча. Однако это длилось недолго, поскольку в городах так и не возник класс, достаточно сильный экономически, чтобы руководить их политикой. Богатые купцы объединились с землевладельцами, и бояре стали осуществлять свою волю.

⁵ О возвышении Москвы см. выше, главу IX, с. 269 и сл.

⁶ См. главу XII, с. 318 и сл.

⁷ Эту идею поддерживало русское духовенство. Епископ ростовский Вассиан писал Ивану III после 1480 г. как «Богом венчанному, Богом утвержденному» государю всея Руси, побуждая его продолжить войну с татарами: «Се твердое, и честное, и крепкое царство дать Господь Бог в руце твои, Богом утвержденный государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в веки»*.

⁸ Документальные свидетельства и библиографию см.: F. Dvornik, *Byzantine Political Ideas in Kievan Russia*, *Dumbarton Oaks Papers*, 9—10 (1956), p. 73—121.

⁹ Особенно в сочинениях митрополитов Илариона и Никифора, князя Владимира Мономаха, епископов Луки Жидяты и Кирилла Туровского, Иакова Мниха и в Повести временных лет.

¹⁰ В наиболее существенном ее пассаже говорится, что «величайшее благословение, которое Божья милость, нисходящая с небес, ниспосылает роду человеческому, есть священство и царство. Священство вершит дела божественные, а царство руководит делами человеческими и за ними надзирает. Однако и то и другое происходит из одного источника, и оба служат украшением жизни человека». И далее о том, что ничто не достоин так царских попечений, как сан священников, беспрестанно молящих за них Бога; если эти два установления, священство и царство, успешны, возникает гармония, благотворная для человечества.

* «Послание на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло написано во время «стояния на Угре» в 1480 г. *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века*, М., 1982, с. 522—537.—Прим. перев.

¹¹ Первым свидетельством этому служит *Устав* Владимира Святославича, регулирующий отношения между церковью и светскими властями. Считается, что Владимир обнародовал его, побуждаемый духовенством, «разверзшие грецкый номоканон». Прослеживаются византийские источники *Устава* Владимира, дополненного Ярославом Мудрым. Подробнее см.: F. Dvornik, *op. cit.*, p. 97 ff.

¹² Смерть Андрея Боголюбского побудила составителя Лаврентьевской летописи выразить все свои симпатии сильной монархической власти правителя. Сравнив великого князя с Давидом и Соломоном, он восклицает, что «естествомъ бо земным подобенъ есть всякому человеку царь, властью же сана яко Богъ»*. Никогда еще власть русского князя не возвеличивалась так, как в этом панегирике первому русскому самодержцу.

¹³ Ср. главу IX, с. 271. Митрополит оставил Киев в 1299 г. Митрополит Петр, русский по происхождению, которого константинопольский патриарх предпочел кандидату, выдвинутому тверским князем, имея резиденцию во Владимире, естественно, искал поддержки Москвы, противницы Твери. Петр умер в Москве в 1326 г., и его преемник грек Феогност окончательно перенес туда свою резиденцию.

¹⁴ Подробнее см. А. М. Ammann, *Ostslavische Kirchengeschichte*, Wien, 1950, S. 88—98, 185 ff.

¹⁵ В «Изложении пасхалии», открывающей восьмое тысячелетие от сотворения мира (1492). В 1492 г. ожидался конец света: по древнему представлению, мир, сотворенный за семь дней, просуществует семь тысяч лет. Документ опубликован в *Памятниках древнерусского канонического права* (с. 795—802).

¹⁶ Об этом переводе см. капитальное исследование И. Шевченко (см. Библ.).

¹⁷ Послания Филофея были опубликованы В. Малининым в книге *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания* (Киев, 1901), существенной для изучения политических теорий Московского царства. Важная работа о росте московской аристократии принадлежит М. А. Дьяконову: *Власть московских государей*, СПб., 1889. Ср. также В. Вальденберг, *Древнерусские учения о пределах царской власти* (Пг., 1916). В последнее время Н. С. Чаев опубликовал исследование об идее Третьего Рима: «Москва — Третий Рим» в *политической практике московского правительствa XVI века* (Исторические записки, т. 17, М., 1945). Новейшая библиография по проблеме содержится в статье Д. Стреммоухова: Stremoukhoff D., *Moscow, the Third Rome* (см. Библ.), p. 84—101. Этот труд, как и работа Р. Л. Вольфа (R. L. Wolff, *The Three Romes*—см. Библ.), дополняет более старую книгу Х. Шедер (H. Schaefer, *Moskau, das dritte Rom*—см. Библ.), содержащую полную библиографию на русском и иных языках и перевод посланий Филофея. Следует отметить, что первый

* ПСРА, т. 1, М., 1997, с. 370.—Прим. перев.

русский патриарх Иов включил в Уложенную грамоту (1589) слова Филофея о Москве как о Третьем Риме.

¹⁸ Среди них были и широко известные фамилии, такие как, например, Годуновы, Уваровы, Урусовы, Апраксины, Ахметовы, Державины, Ермоловы, Карамзины, Муратовы, Тургеневы, Хомяковы, Юсуповы.

¹⁹ Ср. G. Vernadsky, *The Mongols and Russia* (см. Библ.), р. 370. Насчитывалось 229 благородных родов немецкого и западноевропейского происхождения и 223 — польского и литовского происхождения. Похоже, что в XVII в. родов иноземного происхождения было больше, чем русских, из которых 168 были Рюриковичами, 42 «русскими» и 97 неясного происхождения. Конечно, многие «польские» и «литовские» роды также могли быть по происхождению русскими.

²⁰ Ср. главу XII, с. 328. Это иллюстрирует тот ответ, которым бояре удостоили посла Тевтонского ордена (Дитриха Шонберга.— *Прим. перев.*). Когда посол выразил удивление, что великий князь Василий III не может заключить перемирие с польским королем и воевать за дело всех христиан с их общими врагами — турками, захватившими Константинополь — наследие («отчину константинопольскую») царя всея Руси, бояре ответили, что великий князь желает лишь одного наследия («отчины») — Русских земель, за которые и будет воевать с польским королем (текст опубликован в Сборнике РИО, т. 53, с. 55—92).

²¹ Иван III стремился утвердить достоинство государства в глазах остальной Европы. Его послы получали инструкции быть очень пунктуальными в том, что касается этикета, и никогда не уступать первенства другим послам или должностным лицам на приемах и официальных церемониях. Поведение московских послов особенно озадачивало итальянских дипломатов. В Московском государстве был очень тщательно разработан церемониал для приемов, аудиенций и содержания иностранных послов. Многие из этих обычаев были унаследованы от монголов и казались странными западноевропейским дипломатам. Ср. также ниже, главу XVII, с. 522 и сл., о дипломатии Московского государства.

²² Сходная тенденция прослеживается в послании Василия II императору Константину XI Палеологу, датированном 1451—1452 гг., в котором он объявляет об избрании Ионы митрополитом всея Руси. Василий упоминает своего прародителя, равноапостольного великого князя Владимира, называя его самодержцем всех русских земель: здесь использован тот же титул, которым в начале послания назван император.

²³ См. документы в *Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными* (см. Библ.), с. 6, сл.

²⁴ Большую часть документов, касающихся употребления царского титула Иваном IV, см.: Сборник РИО, т. 59; ср. также Памятники дипломатических сношений..., т. 1, стр. 604, сл.

²⁵ Была создана новая должность, опять же по монгольскому образцу, — *окольничего* («генерал-квартирмейстера», обеспечивавшего путешествия великого князя). Позднее тот же термин означал члена думы второго ранга.

²⁶ О. П. Бакус (O. P. Backus, *Die Rechtstellung der litauischen Bojaren* — см. Библ.) считает, что введение *поместий* едва ли могло произойти под влиянием аналогичных феодальных институтов Литвы, где в XV в. военные обязательства, соединенные с правом собственности, уже исчезали.

²⁷ Несмотря на некоторые сходства с византийскими *прониями* и турецкими *тимарами* (см. выше, главу XIV, с. 426), нет никаких прямых доказательств влияния этих двух институтов на введение и организацию *поместий*. Нельзя также назвать социальную и военную организацию Руси феодализмом в западноевропейском смысле, хотя некоторые исследователи (например, А. Экк) и склоняются к такой трактовке. Ср. M. Szeftel, *Aspects of feudalism in Russian history* // *Feudalism in History* (см. Библ.), p. 167—182. А. Экк приводит наиболее обширные в литературе на неславянских языках сведения о социальных и экономических переменах в Московском государстве (см. Библ.). Русский исследователь Н. П. Павлов-Сильванский (*Государевы служилые люди*, СПб., 1898) преувеличивает влияние западноевропейского феодализма на московскую систему.

²⁸ Подробнее см. работу В. Филиппа о Пересветове (там же библ.).

²⁹ Недоверие Ивана к знати усилилось, когда он узнал, что во время его болезни, казавшейся смертельной, в 1553 г., бояре не поддерживали его желание передать престол сыну Дмитрию. Свою жестокую антибоярскую кампанию он начал после смерти любимой жены в 1560 г. Прежде всего, он порвал со своими советниками, священником Сильвестром и боярином Адашевым, и окружил себя людьми низкого происхождения.

³⁰ Среди известных жертв был св. митрополит Филипп. Его смелое вмешательство в защиту преследуемых бояр и острая критика *опричнины* побудили опричников выдвинуть против него лживые обвинения. Он был выслан в Тверь и там в 1569 г. задушен по приказу царя одним из опричников. Монография о нем написана Г. П. Федотовым (*Святой Филипп, митрополит Московский*, Париж, 1928).

Глава XVI

Реформация и славяне

Ренессанс и упадок церковной жизни — Реакция верующих — Гуманисты и реформа церкви — Лютер, Цвингли, Кальвин

I. Религиозная ситуация в чешских землях — Лютер, утравкисты (чашиники) и Община чешских братьев — Фердинанд I, неоутравкисты, Чешские братья и католики — Распространение Реформации в правление Максимилиана II, Confessio Bohemica — Католики, лютеране, «филипписты» и кальвинисты — «Грамота величества» Рудольфа II, религиозная свобода — Католическая реакция, восстание протестантских сословий — Избрание Фридриха Пфальцского, катастрофа в битве при Белой Горе — Реформация у сорбов-лужицан, начало лужицкой литературы — Распространение Реформации в северной Венгрии — Лютеранство среди словаков и немцев, кальвинизм среди венгров — Религиозная свобода и организация лютеранской и кальвинистской церквей в Венгрии — Католическая контрреформация и словаки

II. Ситуация в Польше — Пруссия как центр лютеранской пропаганды — Варшавская конфедерация, распространение лютеранства и кальвинизма — Чешские братья в Польше — Попытки создания польской национальной церкви — Антитринитаризм — Католическая реакция, Ст. Гозий и иезуиты — Конец Реформации в Польше — Влияние Реформации на культурную жизнь Польши

III. Примож Трубар — словенский Лютер — Реформаторы как основатели словенской литературы — Католическая контрреформация действует методами протестантских реформаторов — Распространение Реформации среди хорватов — Протестантская хорватская литература — Флаций и Вергерий, хорватские реформаторы — Католическая контрреформация, создание сербскохорватского литературного языка — Протестантские и католические панславистские идеи, Ю. Крижанич — Протестантская пропаганда среди православных славян — Протестантизм и восточные славяне — Протестантизм и Московское государство

В рамках западноевропейского Возрождения есть одно очень замечательное явление. Замечательный прогресс в культурной и научной областях, который был совершен западноевропейскими народами, сопровождался всплеском гедонизма, приведшего к глубокому упад-

ку морали, в том числе и в церковной жизни: факт тем более примечательный, что восточное христианство никогда его не испытало. Византийцам не надо было вновь открывать наследие классической и эллинистической культур. Интеллектуалы Византии всегда свободно обращались к сочинениям греческих поэтов, философов и писателей, духовенство было образовано не только в богословии, но и в классической философии, художники продолжали работать в традициях, унаследованных от классической и эллинистической эпох: поэтому они всегда могли создавать шедевры, подобные недавно открытым мозаикам и фрескам начала XIV в. в Кахрие-джами в Стамбуле, продолжающим эллинистические традиции в стиле и технологии и в то же время одухотворенным христианскими чувствами.

Христианский Восток также пережил некоторый кризис, адаптируя свое учение к классической и эллинистической культурным традициям. К IV в. был найден ключ к использованию этих традиций для интерпретации новой веры. Хотя благочестивые монахи часто предупреждали верующих против изучения языческих и мирских писаний древних, их труды продолжали лежать в основе византийского образования. Был только один греческий ученый в XV в., в такой степени соблазненный языческой классикой, что стал автором «паганизированной» философской системы,— это Плифон, но последователей его заблуждений не нашлось.

Трудно объяснить, почему Возрождение принесло такой упадок морали у европейцев. Было бы несправедливо приписать глубокие изменения, происходившие в Западной Европе в XV и XVI вв., только новому духу индивидуальной свободы, открытому в сочинениях античных философов благодаря ученым, бежавшим из Константинополя. Столь же ошибочным было бы считать Ренессанс причиной Реформации, разорвавшей единство западного христианства. На самом деле, в Западной Европе упадок морали в церковной сфере неоднократно наблюдался и ранее, до эпохи Возрождения. Начало Реформации восходит к дурному примеру, который подавала верующим мирская жизнь иерархов церкви, которая оказалась слишком глубоко вплетена в феодальную систему германских княжеств.

Реформаторы XI в., пытаясь высвободить церковь из этих уз, невольно разрушили тот базис, на котором Карл Великий и Оттон I возвели возроденную Римскую империю, и она уже никогда не оправилась от этого удара. Идея универсальности, которую представляла империя, была реализована папством — противником империи, особенно при Иннокентии III в начале XIII в. Возрождение нацио-

нального чувства, приведшее к созданию национальных монархий, было серьезным посягательством на папскую систему универсального — вселенского — правления. Конфликт между французским королем Филиппом IV Красивым и Бонифацием VIII усугубил ситуацию, а «вавилонское пленение» пап в Авиньоне, за которым последовал «великий раскол», вырвало новые клочья из знамени универсализма, поднятого Римом.

Централизация фиска, введенная Иоанном XXII и распространенная на всю церковь, становилась все более непопулярной. Финансовые средства, собиравшиеся благодаря этому в Риме, использовались для украшения Вечного города, развития искусств и учености, но они же способствовали мирской суете и коррупции при папском дворе — наиболее блестящем в Европе. В хитросплетениях европейской политики XVI в. папы действовали как итальянские правители, заключая союзы и ведя войны для защиты и расширения своих владений.

Последствия такого упадка идеи папства и иерархического порядка вскоре нашли отражение в отношении верующих к церкви. Доверие к руководству высочайших духовных авторитетов, столь сильное в XIII в., значительно пошатнулось. Большинство богатых епископств и аббатств Европы стало лишь синекурами для отпрысков благородных фамилий, часто даже не исполнявших своих религиозных обязанностей, в то время как верующие были лишены привычного духовного руководства. Ситуация усугублялась нехваткой в городских и сельских приходах священников, ревностно исполнявших свой долг, и неудивительно, что причащение, особенно в Германии, и присутствие на литургии становились все более редкими. Вера и благочестие все более индивидуализировались и все меньше нуждались в коллективных формах религиозной практики, которые к тому же делались и труднее достижимы. Порочным отражением этих тенденций стал характерный для XVI в. рост приверженности к магии, вера в тайные сатанинские силы, и реформаторы не смогли этого поколебать.

С другой стороны, распространение культа Страдающего Христа, Христа-младенца, Гроба Господня, Пресвятой Девы, святых, — культа, не нуждавшегося в публичности, который можно было отправлять дома, с семьей, свидетельствовало о стремлении искренне верующих к удовлетворению своих религиозных духовных потребностей. Этой тенденции способствовало и использование нового великого изобретения — книгопечатания для распространения религиоз-

ной литературы, на латыни и национальных языках, а также пробуждение интереса к Библии.

Одновременно волна мистицизма охватила все еще многочисленных искренне верующих: это не позволило новым течениям духовной жизни стать материалистическими и в то же время усилило склонность к индивидуализации религиозной практики, ее отпращиванию без посредства духовенства, официальных служб и таинств церкви. Великие мистики XIV—XV вв.: немцы Майстер Экхарт, И. Таулер, Г. Сузо, фламандцы Я. ван Рейсбрук, Г. Гроот, с именем которого связано классическое выражение *devotio moderna* («современного благочестия») — «Страстное желание подражать Христу», француз Дионисий Картузианец — все они придали новые основания средневековому благочестию, поставив верующих лицом к лицу с Богом, величественным Абсолютом, в Чьем присутствии грешник сознает всю глубину своей вины и бессилия.

Тем временем гуманисты прокладывали прямо противоположный курс. Лоренцо Валла и его ученики во главе с Летом Помпонием отвергли все представления о греховности, возвеличивая человеческую натуру и возводя плотское удовлетворение дарами природы в цель человеческой жизни. Большинство оставалось верно христианским принципам, пытаясь в то же время согласовать с христианским учением новые идеи о человеческом достоинстве и свободном применении своих способностей и пользовании дарами природы. Большинство гуманистов стремилось облегчить бремя грехов в сознании верующих, утверждая, что человеку следует наслаждаться Божьими дарами, а извинением ему служит сложность человеческой натуры.

Такое отношение к человеческой природе и греху, естественно, снизило жажду к спасению и роль Спасителя как посредника между Богом и человеком. Христа стали рассматривать скорее как пример совершенного человека, его божественной природой в большей или меньшей мере пренебрегали. Таким образом, христианство становилось продолжением мудрости античности, представляя Христа как полезный пример человечеству на пути к прогрессу и счастью. Поскольку пример Христа запечатлен в Библии, это, равно как и филологический интерес, дало гуманистам новый импульс для чтения Священного Писания в оригинале и затем распространения новых знаний среди верующих.

В комментариях гуманистов можно усмотреть некоторые идеи, полностью развитые лишь в творчестве реформаторов. Безразличие

гуманистов к человеческим поступкам побуждало их сводить к минимуму значение благих дел и набожности. Эразм Роттердамский, лидер этого течения гуманизма, провозгласил, что только вера является вратами, ведущими к Христу. Французский гуманист Лефевр д'Этапль, который представляется наиболее близким к традиционному христианскому учению, еще более откровенен, убеждая паству, что человек спасется, если он предан истинной вере, независимо от его личных усилий и деяний. Все это не значит, что гуманисты отрицали спасительную благодать благих дел, но упор на веру и критика искажений обряда в народном христианстве в определенной мере способствовали распространению среди интеллектуалов более радикальных реформационных учений.

Христианские гуманисты в полной мере осознавали прискорбное положение церкви в тот период. Они сожалели о нем, живо, остроумно и смело¹ описывали злоупотребления, убеждали папство исполнить свой долг и отвратить нависшую над церковью угрозу бесчестия. Они не стремились стать ревностными реформаторами, но их призывы оставались незамеченными, а слабые попытки реформ со стороны пап имели более академический, чем жизненный характер. Когда Людовик XII Французский пытался надавить на папу Юлия II, с которым был в ссоре, то созвал собор в поддержку реформы сначала в Пизе, а затем в Милане. Папа в ответ созвал Латеранский собор, но теоретическая угроза признания верховенства собора над папой была тихо ликвидирована Львом X, заключившим, к удовлетворению обеих сторон, конкордат с Франциском I (1516). Все это вылилось в попытки реформы церкви изнутри, в значительной мере к разочарованию Эразма.

Были необходимы радикальные перемены, но академические призывы христианских гуманистов были недостаточны для их осуществления. Чтобы пробудить сознание властей и заставить их действовать, нужен был более радикальный толчок. Толчок оказался радикальнее и опаснее, чем можно было ожидать, и исходил он от одного человека — монаха, профессора Виттенбергского университета Мартина Лютера (1483—1546). Его мистический ум разделял тревогу многих его благочестивых современников о возможности спасения ввиду безмерности Абсолюта и греховности человеческой природы. Ответ он нашел в Послании к римлянам апостола Павла², отнесенном им лично к себе, что было уже в известной мере предложено христианскими гуманистами: спасение обеспечит единственно

твердая и неустрашимая вера в Бога и Его обеты. Логическим следствием этого для Лютера был отказ от необходимости добрых дел и ряда обрядов, таинств и установлений, включая индульгенции, почитавшихся церковью полезными на пути к спасению, но скомпрометированных в глазах верующих, многие из которых уже перестали им следовать. Учение Лютера, что «все христиане — священники», сделало ненужной посредническую роль духовенства. Это была революционная доктрина, угрожавшая самой основе, на которой доселе строилась религиозная жизнь, ее последствия потрясли даже христианских гуманистов, столь сурово критиковавших злоупотребления клира. Учение Лютера об испорченности человеческой природы и невозможности подняться над ней бросало вызов убеждению античных философов и всех гуманистов в свободе воли человека; Эразм Роттердамский пылко выступил в защиту свободной воли.

После жестокой схватки Лютер победил: благодаря общественным потрясениям, национальному возмущению против вмешательства Рима в политическую и религиозную жизнь Германии, алчности феодальной элиты, стремившейся расширить свои земельные владения за счет церковной собственности, и, наконец, всеобщему убеждению в необходимости реформ. Более половины Германии приняло его доктрину, она распространилась среди всех северных германских народов.

Два христианских гуманиста пошли еще дальше Лютера. Швейцарец Цвингли, поглощенный проблемой греха, пришел к выводу, что добрые дела могут быть совершены только благодаря милости Божией, которая даруется тем, кто предопределен к спасению. Французский богослов Кальвин в противоположность мистической вере Лютера защищает разум. Для него вера основана на разуме, озаренном словами Христа в Священном Писании. Подобно гуманистам, он считал, что человек должен быть свободен в мысли, но из этого у него не следовал принцип терпимости к мнениям других. Он более, чем кто-либо, учил, что все, противоречащее, по его мнению, истине, заключенной в Библии, подлежит каре.

Подобно Лютеру, Кальвин был поглощен проблемой спасения и, подобно Цвингли, учил, что некоторые души предопределены Господом к спасению, а другие к проклятию. Отвергая все средства, рекомендуемые верующим церковью в помощь на пути к спасению, он из таинств кроме крещения сохранил только причастие, в котором происходит единение души с Богом, но не через пресуществление хлеба и вина, а духовно на небесах. В отличие от Лютера, Кальвин

сохранил католические принципы универсальности и индивидуальности. Его церковь, национальная по своим организационным принципам, была приспособлена к автономному статусу города-республики Женева. Она не подчиняется политическим властям, как лютеранская церковь, но сохраняет дух универсальности, пытаясь властвовать над светской властью, установив своеобразную теократию, строго надзирающую над общественной и личной жизнью граждан. Это учение более отвечало гуманистическому настрою, превалировавшему в тогдашней Европе, и благодаря основанной в Женеве коллегии для священников пропагандировалось во всей северной Европе, прежде всего среди городского населения.

Выше говорилось об ответе славянских народов на влияния, распространявшиеся в эпоху Возрождения из Италии и Западной Европы. Естественно, что новое религиозное движение, во многом связанное с Ренессансом, получило распространение и среди славян, тем более, что большинство славянских народов жило в непосредственной близости от очага новых доктрин — Германии.

I

Из всех славянских народов чехи представляются наиболее готовыми к восприятию новых доктрин, которые Мартин Лютер начал проповедовать в начале XVI в. в Саксонии³. Утраквисты (чашники), составлявшие большинство населения Чехии, все еще не имели епископа и тщетно требовали признания папством Пражских (Базельских) компактатов. На сейме 1478 г. они получили новую организацию под руководством консистории из восьми священников и четырех мирян, которым для совершения правосудия были приданы шесть дворян. Были учреждены деканы, которым было вменено в обязанность надзирать над священниками в округах. Благогосклонность, которую король Владислав II (1471—1516) проявлял к католикам, отказываясь назначать утраквистов на высшие государственные должности, вызвала бурные протесты последних, но на сейме 1485 г. была провозглашена религиозная свобода обеих конфессий, что было вновь подтверждено в 1512 г. Католики — члены сословий даже пообещали поддержать требования утраквистов к Риму о поставлении им епископа.

Новые требования утраквистов, однако, не нашли понимания в Риме, требовавшем их полного подчинения и отказа от своей веры.

На некоторое время утраквистам удалось добиться сотрудничества с двумя итальянскими епископами, согласившимися рукоположить их священников. Один из них, Филиппо де Новавилла, даже поселился в Праге и возглавил утраквистскую церковь. После его смерти (1507) назначение утраквистских священников стало очень затруднительным, и приходилось довольствоваться священнослужителями очень низких моральных качеств, обученными католиками.

Община чешских братьев, третья религиозная организация Чехии и Моравии, решила проблему ординации священников самым радикальным образом, отказавшись от принципа апостольской преемственности в пользу назначения епископов и священников конгрегациями. Они еще более демократизировали организацию своей церкви, вручив управление ею малому совету из четырех епископов и десяти священников, избранных генеральным синодом всей церкви, на который допускались дворяне и миряне-протекторы. Чешские братья сохранили безбрачие духовенства и настаивали на строгой моральной дисциплине всех членов конфессии.

Примерная жизнь Чешских братьев привлекала к ним все больше последователей среди дворянства и простого народа, а их успехи усиливали оппозицию им со стороны и католиков, и утраквистов. В своих писаниях Братья защищались от выдвигавшихся обвинений. После смерти Владислава II преследования прекратились, и их учение и религиозная практика продолжали привлекать радикальные элементы утраквистов, ожесточенных неизменно негативным отношением Рима к их устремлениям. В результате утраквисты раскололись на два течения: консервативные продолжали надеяться на объединение с католиками, а радикальные, враждебные Риму, склонялись к союзу с Чешскими братьями. Положение утраквистов постепенно ухудшалось из-за низкого морального состояния их духовенства, резко контрастировавшего с безупречной жизнью клира Чешских братьев. Не имея епископов, чтобы рукоположить выбранных ими священников, утраквисты не могли изменить эту прискорбную ситуацию.

Естественно, что критика Лютером ряда католических институтов как нуждающихся в реформе или в отмене и его нападки на папство, столь враждебное чешской утраквистской церкви, нашли глубокий отклик у радикальных утраквистов. Их интерес к начинаниям Лютера еще возрос, когда они узнали, что в Лейпциге в 1519 г. во время диспута с доктором Экком Лютер заявил, что осуждение Гуса было несправедливым, и публично признал учение Гуса о церкви. По инии-

циативе Лютера в 1520 г. была напечатана работа Гуса *De ecclesia* («О Церкви»). Вне сомнения, учение Лютера о церкви и о всеобщем священстве всех верующих является дальнейшим развитием идей, обозначенных Гусом в его сочинениях о церкви.

Распространение идей Лютера среди более радикальных утраквистов, при том, что некоторые их священники начали выступать против почитания образов святых и отвергать ряд литургических ритуалов, сохранявшихся еще их конфессией, внушало тревогу консервативным, составлявшим большинство. В 1521 г. синод запретил любке инновации, заявив, что утраквистская церковь должна по-прежнему следовать традиционному учению в том, что касается толкования Священного Писания, семи таинств, почитания святых и поста. Администратор консистории, опасаясь дальнейшего распространения учения Лютера, начал переговоры с высшим католическим духовенством и королем о возможной унии с Римской церковью. Эта попытка, однако, была сорвана решением сейма, принятым под воздействием послания Лютера чешским сословиям, в котором тот убеждал их оставаться верными духу гусизма и не мириться с Римом⁴.

Чешских братьев также привлекала доктрина Лютера, во многих аспектах, особенно касавшихся учения о церкви, священстве и литургии, почти совпадавшая с их верованиями. Посланцы Братьев вступили в переговоры с немецким реформатором, и между Лютером и их старейшиной Лукашем Пражским завязался оживленный диспут о сущности евхаристии и таинствах. Братья, озабоченные тем, чтобы их не отождествляли с последователями Лютера, сохраняли собственные доктрины о пресуществлении, таинствах, безбрачии духовенства и необходимости добрых дел для спасения души. Лукаш еще энергичнее выступил против доктрины швейцарского реформатора Цвингли о евхаристии и исключил из Общины членов, принявших цвинглианство. Чтобы подчеркнуть свое отличие от секты анабаптистов⁵, Братья отказались от нового обряда крещения для прозелитов.

Учение Лютера продолжало распространяться среди радикальных утраквистов, составлявших уже сильную партию, называемую историками неоутраквистами. Лютер в послании городскому совету Праги советовал им рукополагать собственных священников. На синоде 1524 г. большинство неоутраквистов высказалось за введение некоторых лютеранских установлений, но консервативные вскоре установили свой контроль над муниципальными делами, и известные пропагандисты неоутраквизма были изгнаны из Праги.

Консервативные уtrakвисты вступили в переговоры с чешскими католиками, и обе партии обязались уважать Пражские компактаты и не мириться с Чешскими братьями. Начались переговоры с папским легатом о признании правоверности уtrakвистской церкви и ее унии с Римом, но непримиримость Рима вновь сделала примирение невозможным. Уtrakвисты отвергли условие легата о полном подчинении и отказе от всех установлений, не являющихся общими для всей Римской церкви, а при этом сами сочли его уступку о причащении мирян под обоими видами недостаточной.

Фердинанд I (1526—1564), яростный противник распространения Реформации, был полон решимости заключить унию уtrakвистов с Римской церковью, но в начале своего правления он невольно помог неоуtrakвистам завоевать новые властные позиции, заменив в консистории консервативных членов радикалами. Растущее влияние лютеранства на уtrakвистов проявилось во время их генерального собрания в 1534 г., и король, встревоженный резолюциями, принятыми под нажимом неоуtrakвистов, готовых заключить союз с Чешскими братьями, выступил против их применения, подчеркнув, что в королевстве могут быть допущены кроме католиков только уtrakвисты, придерживающиеся Пражских компактатов.

Тем временем Чешские братья продолжали дружеские контакты с немецкими реформаторами. В своем исповедании веры (1535, опубликовано в 1538 г. с предисловием Лютера) Братья сделали серьезные уступки учению Лютера и Меланхтона о евхаристии и таинствах. Их вождь, епископ Ян Августа, поддерживал дружественные отношения с реформаторами в Страсбурге, особенно с Мартином Бucerом, и с Кальвином, сохраняя, однако, автономию своей конфессии относительно реформированных церквей и уtrakвистов.

Развитие событий в Германии, естественно, находило отзвук в Чехии среди неоуtrakвистов и Чешских братьев. Император Карл V (1519—1556), стремясь привести протестантских князей к соглашению с Тридентским собором, созванным в 1545 г., начал переговоры со Шмалькальденским союзом. Переговоры оказались безуспешны, и император, при поддержке Католической лиги во главе с герцогом баварским и Фердинандом I, был готов к войне. Чешские сословия, бывшие на стороне неоуtrakвистов и Чешских братьев и не желавшие оказывать поддержку королю, для защиты своих религиозных убеждений организовали Чешскую лигу. Поражение Шмалькальденского союза во главе с саксонским курфюрстом при Мюльберге

(1547) изменило ситуацию в Чехии. По указу Фердинанда четыре вождя поднявшей восстание оппозиции были казнены, у многих конфисковано имущество. Чешские братья подверглись новым преследованиям⁶; многие из них оставили страну и поселились в Польше⁷.

Фердинанд, однако, не смог заставить уtrakвистскую церковь отказаться от своих установлений и подчиниться Риму. Выступление Морица Саксонского против императора изменило военную ситуацию в Германии, что породило новые надежды среди сочувствовавших Реформации чешских неоутраквистов. Аугсбургский религиозный мир (1555), разделивший Германию на две части, католическую и протестантскую, установил принцип *cuius regio, cuius religio* («чья страна, того и вера»), предоставивший князьям право навязывать подданным свои религиозные убеждения.

В 1556 г. Карл V, осознав невозможность воссоздания вселенской империи и неудачу своей попытки добиться религиозного единства Германии на основе католицизма, отрекся от престола. Сменивший его Фердинанд I стал проводить более мягкий курс в отношении протестантов и Чешских братьев. Неоутраквисты, воспользовавшись изменившейся ситуацией, стали смелее пропагандировать принципы протестантизма, более активны стали Чешские братья, причем не только в Моравии, но и в Чехии.

Фердинанд, не будучи в состоянии настоять на унии уtrakвистов с Римом, попытался, по крайней мере, восстановить влияние католицизма в своем королевстве и в 1556 г. пригласил в Прагу иезуитов. Их резиденция и коллегия св. Климента, бывший доминиканский монастырь, вскоре превратились в важный центр подготовки священников и интеллектуалов-католиков, соперничая с университетом, который почти полностью контролировался неоутраквистами.

В 1561 г. Фердинанд I добился от папы назначения на архиепископскую кафедру Праги, 140 лет остававшуюся незанятой, Антона Бруса из Мохельниц (Меглица). Поскольку во главе уtrakвистской консистории стояли неоутраквисты, которые, таким образом, могли внедрять в чешскую церковь протестантское учение, Фердинанд I в 1562 г. присвоил себе право ее номинации и назначил на руководящие должности умеренных уtrakвистов. Продолжал он и добиваться примирения католиков и уtrakвистов. В 1564 г. ему удалось добиться от Пия IV привилегии для мирян Чехии и соседних земель причащаться под обоими видами. Если бы папа пошел на такую уступку сто лет назад, чешские уtrakвисты, возможно, удовлетворились бы и примирились с Римом, но в 1564 г. было уже поздно. Даже консерва-

тивные уtrakвисты не были удовлетворены, а среди протестантов эта уступка встретила всеобщее недоверие. С другой стороны, ее осудили и непримиримые на Тридентском соборе, и она была отменена⁸.

Неоутраквисты и Чешские братья сосредоточили надежды на свободное исповедание своей веры на сыне Фердинанда Максимилиана II (1564—1576), признанном будущим королем Чехии в 1549 г. В юности Максимилиан выказывал некоторые симпатии к лютеранству, допустив при своем дворе в Вене пролютеранского проповедника и избегая католических ритуалов, но, в основном из политических и династических соображений, формально он оставался католиком и перед избранием римским королем (1562) принес обычную клятву защищать церковь. Оставаясь верным этой клятве, он сочувствовал многим идеям, выдвинутым реформаторами, и желал, чтобы его подданные, католики и протестанты, достигли компромисса, чтобы было возможным поддержание религиозного мира.

В Чешском королевстве он продолжил религиозную политику своего отца, поддерживая консервативных уtrakвистов и умеренных католиков. Он настоял на том, чтобы архиепископ пражский начал рукополагать уtrakвистских священников, но ввиду протестов Рима от этого пришлось отказаться. Он отверг требование неоутраквистов предоставить им право выбирать членов консистории и был чрезвычайно недоволен их требованием (1567), чтобы компактаты, поскольку они более не соответствуют их религиозным нуждам, были исключены из привилегий королевства. Максимилиан согласился на это, но отказался предоставить сословиям право исповедовать протестантизм согласно Аугсбургскому исповеданию — в своих замках и на своих собственных землях, привилегия, которую он вынужден был даровать сословиям Верхней и Нижней Австрии (1571).

Приостановление действия компактатов, составлявших часть фундаментальных законов королевства, привела к признанию *de facto* существования в Чехии других религиозных организаций кроме католиков и уtrakвистов — лютеран и Чешских братьев. Хотя Максимилиан II в известной мере симпатизировал Братьям, он должен был рассматривать их как деноминацию, официально не допущенную в королевстве, и в 1568 г. был принужден католиками и уtrakвистами закрыть в Чехии их церкви.

Неоутраквисты, которые все смелее проявляли свои симпатии к лютеранству, пытались достичь соглашения с Чешскими братьями и образовать чешскую протестантскую церковь. Этому сочувствовал освобожденный из тюрьмы епископ Августа, но Ян Благослав, наи-

более выдающийся представитель Братьев, выступал против, и Чешские братья сохранили свою самостоятельность.

Неоутраквисты не оставили попыток создать чешскую протестантскую церковь, сделав в Чешском исповедании — *Confessio Bohemica*, представленном ими Максимилиану II в 1575 г., важные уступки верованиям Братьев. 25 статей этого исповедания основаны на Аугсбургском исповедании 1555 г. Была полностью принята лютеранская концепция оправдания верой, но представление о евхаристии ближе идеям на этот счет Кальвина, в тот момент популярным у Братьев. Протестантские сословия потребовали также сохранения консистории как высшего органа чешской церкви, при том, чтобы им было предоставлено назначение на руководящие посты в ней.

Император оказался в сложном положении. С одной стороны, его родственники и папа убеждали его не делать каких-либо уступок протестантам, а с другой стороны, он нуждался в поддержке сословий, в своем огромном большинстве протестантских, для ведения войны с Турцией и в их согласии на избрание своего сына Рудольфа на чешский престол. В конце концов, был заключен компромисс. Консистория, члены которой назначались королем, сохраняла управление консервативными утраквистами, а неоутраквистским трем сословиям было предоставлено право выбирать в качестве властного органа 15 дефензоров. Дефензоры должны были в каждый округ назначать суперинтендента надзирать за священниками. Устно Максимилиан обещал сословиям полную свободу вероисповедания. Братья, которые не присоединились к неоутраквистам, по-прежнему рассматривались как секта, существование которой не должно быть дозволено. Таким образом, разделение утраквистов на два течения, одно из которых эволюционировало к католицизму, а другое, составлявшее огромное большинство, открыто признало лютеранство и кальвинизм⁹, стало очевидным.

Преемник Максимилиана II Рудольф II (1576—1612) был человек с обширными познаниями, широкими научными интересами и большой любитель искусства. Но он был эксцентричен, душевно неуравновешен, слаб и не способен вовремя принимать решения. В течение первых лет его правления религиозная ситуация в королевстве продолжала развиваться мирно. Католики, число которых в первой половине XVI в. сильно уменьшилось, начали восстанавливать некоторые свои позиции благодаря активности иезуитов и других орденов, которыми руководили архиепископ пражский и епископ оломо-

уцкий Марк Куен, а затем его преемник В. Прусиновский. Хотя они и составляли меньшинство, особенно в Чехии, основные административные должности в королевстве были в руках католической знати, ставшей более многочисленной, т. к. часть дворянства была обращена иезуитами и обучалась в их школах.

Главной целью католиков было не допустить создания независимой церковной организации неоутраквистов и оказывать доминирующее влияние на консисторию консервативных уtrakвистов, склонявшихся к католицизму. Чтобы добиться посвящения своих священников, в 1587 г. директоры уtrakвистской консистории тайно отказались от следования своим установлениям, кроме причащения из чаши для мирян, и приняли священников, рукоположенных архиепископом. В 1591 г. Фабиан Резек, новый администратор уtrakвистов, обещал полное повиновение архиепископу и стал католиком. Его примеру последовало около пятидесяти уtrakвистских священников, и в 1593 г. администратор и его клир в Риме были официально приняты в католическую церковь. Вернувшись в Прагу, он отказался от своей должности, и главой всего уtrakвистского духовенства стал архиепископ. Король, однако, из-за протестов некоторых уtrakвистских городских советов и чтобы не допустить принятия бюргерами-утраквистами протестантизма, был вынужден восстановить консисторию и назначить новых администраторов.

Тем не менее неоутраквисты, хотя и расколотые на три течения, завоевывали все новых и новых сторонников. Основная их часть придерживалась Чешского исповедания, представленного Максимилиану II в 1575 г. Многие, особенно немцы — дворяне и горожане, — склонялись к лютеранству согласно Аугсбургскому исповеданию 1530 г. и Формуле согласия 1577 г. Остальные были «филиппистами» — принявшими *editio variata* (1540) Аугсбургского исповедания Филиппа Меланхтона, обнаруживающее некоторые кальвинистские черты. Наиболее радикальные из неоутраквистов склонялись к чистому кальвинизму и поддерживали частые контакты с Гейдельбергом — его центром в Германии.

Неоутраквисты сознавали, что такие различия в учении ослабляли их позиции, и возобновили свои требования об учреждении собственной консистории как высшего органа чешской протестантской церкви. Часть католического дворянства была готова поддержать это требование протестантов при условии, что они одобряют запрещение иных конфессий, особенно Чешских братьев. Протестанты, од-

нако, не согласились отречься от своих союзников, и их требование было отвергнуто Рудольфом II (1584).

Одновременно король подтвердил свои прежние декреты против Братьев, которые не были проведены в жизнь. Чешские братья также переживали религиозный кризис. Они прекратили посылать свою молодежь учиться в Виттенберг, где после 1574 г. чистое лютеранство возобладаало над более близким им учением Меланхтона; студенты и священники стали теперь ездить в Страсбург, Базель и Женеvu, и в результате на Братьев все более сильное влияние стало оказывать кальвинистское учение. Консерваторы долгое время противились его распространению, но в конце концов кальвинистское течение, особенно сильное среди Братьев Моравии, победило и стало все более проявляться в их исповеданиях и катехизисах.

Католики, ободренные успехами контрреформации, начатой племянником Рудольфа Фердинандом в Штирии, и собственными успехами в Чехии, в 1602 г. добились от Рудольфа издания указа, подтверждавшего указ 1508 г., угрожавший смертью всякому, исповедующему иную веру, кроме католицизма и традиционного утравизма. Указ был направлен прежде всего против Братьев, но угрожал и неоутравкистам; главным лицом, инспирировавшим его появление, был папский нунций. Указ, однако, оказался совершенно безрезультатным, и на сейме 1603 г. вождь Братьев, Вацлав из Будейовиц, выступая также и от лица протестантов, подверг резкой критике всю религиозную политику короля.

Религиозный курс Рудольфа II в Венгрии тоже не был благоразумен. Когда его армии удалось временно освободить большую часть страны от турок, король по совету католиков начал там контрреформацию. Восстание венгров, перекинувшееся на Моравию, побудило Габсбургов провозгласить брата Рудольфа Матвея главой династии в связи с недееспособностью Рудольфа из-за состояния его здоровья, граничащего с умопомешательством.

Матвей, покончив с беспорядками в Венгрии и заключив (1606) мир с турками, который Рудольф не решался подписать, задумал отрешить брата от престола. Его поддержали сословия Венгрии, Австрии, Моравии и Силезии. Рудольфа II продолжали поддерживать только сословия Чехии, но их протестантское большинство решило добиться от него указа о терпимости к их конфессии. Вацлав из Будейовиц, вождь протестантов и Чешских братьев, представил королю меморандум из 25 пунктов. После длительных переговоров, ви-

дя, что отказ вызовет восстание, Рудольф II, несмотря на протесты советников-католиков, 9 июля 1609 г. подписал указ, получивший название *Грамота величества*, гарантировавший свободу вероисповедания для всех, придерживающихся Чешского исповедания — *Confessio Bohemica*.

Рудольф II уступил протестантам только после долгих колебаний и уверток. Чтобы придать новому повороту своей религиозной политики хотя бы видимость преемственности с прежними законами королевства, он настоял, чтобы слово «евангелическая» конфессия было заменено на «утраквистская». Сословия пошли на такую замену тем более охотно, что эта уловка давала возможность протестантам уговорить остатки консервативных уtrakвистов, склонных к католицизму. Все, в том числе Братья, согласились на причащение мирян под обоими видами.

Католические и «утраквистские» сословия дополнили этот важный документ соглашением, гарантирующим в Чехии полную религиозную свободу всем, даже крестьянам; обеим партиям было дано право свободно исповедовать свою веру на коронных землях. Консервативным уtrakвистам было позволено сохранить своих священников, рукоположенных епископом. Это установление облегчило ликвидацию старой уtrakвистской консистории и создание новой, в которой протестанты-утраквисты были представлены администратором и пятью ассессорами, а Братья их старшим епископом, который должен был быть вторым по старшинству после администратора, и двумя священниками. Кроме того, в новую консисторию были введены три профессора университета, руководство которым было передано уtrakвистам. Братья были широко представлены и среди 24 дефензоров, избравшихся тремя сословиями. Несмотря на оппозицию традиционных старых уtrakвистов и лютеран, Братьям было дозволено сохранить собственный чин и духовенство. Вновь организованная «утраквистская» церковь делилась на округа во главе с деканами и верховными деканами, в помощь которым учреждались местные консистории.

Чешская национальная церковь, таким образом, получила наконец твердые основания для реорганизации. Братьям, которым доселе приходилось проводить богослужения в частных домах в Праге, была передана Вифлеемская часовня в Праге, где проповедовал Я. Гус, еще одна церковь была дана Братьям немецкого происхождения. Свои церкви получили и немцы-лютеране. Вскоре евангелическое вероисповедание в Чехии имело 500 приходов и 50 церквей в Праге.

Вскоре, однако, появились определенные сложности. Некоторые консервативные уtrakвисты, хотя и управлявшиеся теперь новой консисторией, отказывались принять протестантскую литургию и продолжали следовать католическим обычаям; как и лютеране, они протестовали против принятия Братьев в новую церковную организацию. Протестанты оставались расколотыми на три течения — лютеран, «филиппистов» и кальвинистов, приобретающих все больше сторонников. Несмотря на эти различия, внутренний мир между деноминациями по-прежнему сохранялся. Братья, особенно в Моравии, демонстрировали все усиливающуюся тенденцию к слиянию с остальной церковью.

Естественно было ожидать, что католики, хотя они и остались в меньшинстве, без борьбы не смирятся с создавшимся положением. Они имели способных вождей в лице Яна Лохелия, архиепископа пражского (1612—1622), и кардинала Дитрихштейна, епископа оломоуцкого (1599—1636). Их усилия вернуть страну в лоно католицизма поддерживали высшие королевские чиновники, особенно Ярослав Мартиниц и Вильгельм Славата, которых Матвей, став после вынужденного отречения Рудольфа II чешским королем (1612—1619), оставил на своих постах. Усилия католиков привели к заметным результатам в Моравии, где число католических приходов выросло с 50 в 1560 г. до 280 в 1619 г. В Чехии католическое дворянство где только можно назначало католических священников и, по крайней мере, пыталось еще остававшихся консервативных уtrakвистских священников ставить во главе приходов на коронных землях и в королевских городах.

Наиболее опасной была борьба по вопросу о протестантских церквях на церковных землях. По старому чешскому обычаю, церковные земли считались феодем, пожалованным королем церкви в пользование, и поэтому протестанты распространяли права, данные им «Грамотой величества», на церковные имущества. Католики оспаривали это и в 1616 г. добились от короля Матвея декларации, подтверждавшей католическое толкование. Воодушевило католиков признание (1617) будущим королем Чехии племянника Матвея Фердинанда II, преуспевшего в возвращении в лоно католицизма своего герцогства штирийского. В том же году архиепископ распорядился разрушить построенную протестантами церковь в местечке Гробы (Клостерграб), являвшемся церковной собственностью, а аббат Бржежновский закрыл протестантскую кирху в Броумове (Браунау).

Протестантами это было воспринято как нарушение их привилегий, и когда король отказался рассмотреть их жалобы, представители сословий решили порвать с ним. Поэтому 23 мая 1618 г. после бурного собрания они выбросили наиболее доверенных королевских советников, Ярослава Мартиница и Вильгельма Славату, вместе с секретарем Филиппом Фабрицием из окна палаты совета.

Считается, что эта знаменитая «дефенестрация» положила начало Тридцатилетней войне. Она напоминает послужившую началом гуситских войн «дефенестрацию» 1419 г., когда были выброшены из окон католики — члены городского совета Нового города Праги. Это была открытая революция. Сословия избрали тридцать директоров, взявших в свои руки управление страной. Иезуиты были изгнаны из Чехии, страну покинули архиепископ и другие высшие католические иерархи. Казалось, что вся Чехия станет протестантской.

Естественно, сословия объявили недействительным избрание преемником Матвея Фердинанда II и после смерти Матвея (29 марта 1619 г.) стали искать нового короля. Возможно, у них было бы больше шансов на победу над Фердинандом II, если бы они привлекли на свою сторону саксонского курфюрста Иоганна Георга, но последний, строгий лютеранин, с подозрением смотрел на успехи кальвинизма в Чехии, и избрание чешским королем убежденного кальвиниста курфюрста Фридриха Пфальцского привело саксонского курфюрста на сторону Фердинанда, избранного императором немецкими курфюрстами. Кальвинистское рвение придворного проповедника Фридриха, Авраама Сцультетуса, вызвало отчуждение многих чешских лютеран, шокированных иконоборческими крайностями, допущенными им в пражском соборе св. Вита, ставшем кальвинистской модельней.

Помощь от протестантов империи была не так велика, как надеялись, английский король Иаков, тесть нового чешского короля, оставался нейтрален в войне против Габсбургов. Армия чешских сословий была плохо подготовлена, в ней не хватало талантливых генералов. С помощью Максимилиана Баварского Фердинанду удалось сначала сокрушить протестантские сословия Австрии, а затем победно вторгнуться в Чехию. Короткая битва у Белой Горы близ Праги 8 ноября 1620 г. на столетия решила судьбу Чехии. Фридрих, «Зимний король», потерял мужество и в панике вместе с двором бежал в Силезию. Это ознаменовало поражение чешской Реформации¹⁰ и открыло новую главу в политической и религиозной истории Чехии.

Остатки сорбов, или вендов, живших в Лужице, в то время еще принадлежавшей чешской короне, как и немецкое население этой земли, были охвачены Реформацией. Это и неудивительно: ведь Реформация началась в Саксонии, граничившей с Лужицей. В церковном отношении большинство сорбов подлежало юрисдикции Мейсенского епископства, которое с 1399 г. непосредственно подчинялось папе. Успехи лютеранства здесь сдерживались усилиями епископа Иоганна VII фон Шлейница (1518—1537), но когда Иоганн IX фон Хаутвиц (1555—1581) отказался от своего поста, чтобы стать протестантом, учение Лютера в Лужице стало господствующим¹¹.

Католичество уцелело благодаря ревностной активности Иоганна Лейзентритта (1527—1586), немца из Оломоуца (Моравия) и декана Будишинского капитула, являвшегося с 1560 г. эмиссаром епископа в Верхней и Нижней Лужице. Он занимался также литературной деятельностью, его собрание гимнов на немецком языке было очень популярно в Германии. Чтобы усилить католическую пропаганду среди лужичан, он защищал, конечно тщетно, отправление мессы на национальном языке.

Усилия Лейзентритта учредить епископию в Лужице были тщетны. Церковное управление лужицких католиков оставалось в руках декана капитула Будишина (Бауцена). Уступив в 1635 г. Лужицу Саксонии, Фердинанд II оставил за собой протекторат над сохранявшимися там католическими институтами. Остававшиеся в Лужице сорбы (около 100 000) были разделены: большинство принадлежало лютеранской церкви, а остальные, особенно в Верхней Лужице, состояли в католических приходах.

Реформация заложила основы лужицкой литературы. До тех пор, видимо, немногие священники, говорившие на лужицком языке, пользовались для религиозного обучения чешскими книгами. Католический катехизис, который, считается, был составлен на лужицком языке в конце XV в., не сохранился, и первым известным лужицким литературным памятником является перевод Нового Завета на нижнелужицкий диалект, выполненный Николаем Якубицем в 1548 г. За этим последовал перевод на тот же диалект Псалтыри. В 1574 г. в Будишине (Бауцене) были напечатаны переводы (Альбина Моллера) Лютеровой псалтыри и малого катехизиса. В 1597 г. тот же катехизис был напечатан на верхнелужицком.

Во второй половине XVII в. особенную активность проявлял протестант Михаэль Френцель, переводивший на верхнелужицкий диалект отрывки из Евангелия и Нового Завета. Его последователями

были иезуит Иаков Тицин, автор трактата о лужицкой орфографии, католик Георг Свотлик, переводчик Библии и автор первого лужицкого словаря, Иоганн Хойнан, автор первой грамматики (1650). К сожалению, первые лужицкие авторы — католики и протестанты — пользовались различными орфографиями, это помешало развитию лужицкого литературного языка и привело к его разделению на два диалекта.

Считалось, что среди словаков Реформация нашла плодородную почву¹², поскольку задачи ее проповедников облегчались наличием в северной Венгрии многочисленных гуситских анклавов. Полагали, что главными распространителями гусизма стали солдаты Искры из Брандиса, занявшие страну в интересах чешского короля Ладислава Погробека¹³, но последними исследованиями это мнение было опровергнуто¹⁴. Учение Лютера нашло первых последователей среди немецких бюргеров северной Венгрии, сохранявших связи с родиной. Влиятельные последователи Лютера были и при дворе Лайоша II в Буде. Одним из первых распространителей лютеранства был уроженец Моравии придворный проповедник Ян Кордатус.

Первые ростки лютеранства в Венгрии не смогли задушить указы, принятые рядом венгерских сеймов благодаря бдительности папского нунция. Условия для распространения новой доктрины стали благоприятнее после катастрофы в Мохачской битве (1526). Вместе с королем на поле брани погибли два архиепископа и пять епископов, а папа слишком долго медлил с назначениями на освободившиеся кафедры. Это обстоятельство, равно как и общий политический хаос в ходе борьбы двух претендентов на венгерский престол — Фердинанда I и Яноша Запольяи, усугублявшийся успехами турок, облегчали распространение Реформации в королевстве. В районах, где жили словаки, проповедникам лютеранства покровительствовали многие венгерские дворяне и имперские генералы. Центрами протестантизма стали крупнейшие города Словакии, а из немецких городов Реформация распространялась среди словацкого населения. Известно много имен словацких проповедников периода 1530—1540 гг. Сопротивлялись, по крайней мере в течение некоторого времени, только несколько горнорудных центров, особенно Кремница и Банска Бистрица. Приблизительно к 1550 г. Братислава (Пресбург) была уже в огромном большинстве протестантской, и Реформация распространилась в остальной части Венгрии и в Трансильвании¹⁵.

В течение некоторого времени протестанты в Венгрии пребывали в состоянии хаоса: здесь получили распространение многие теологические учения — Филиппа Меланхтона («филипписты»), чистое лютеранство, цвинглианство и кальвинизм, а из Моравии проник анабаптизм. В 1548 г. государственное собрание приняло закон, направленный против анабаптистов и кальвинистов. Чтобы продемонстрировать, что их вера отлична от осужденных сект, в 1549 г. пять главных городов Словакии представили императору свое исповедание, основывающееся на Аугсбургском исповедании, — так называемое *Confessio Pentapolitana*; его одобрили семь словацких шахтерских городов в своем *Confessio Heptapolitana*. Саксонские колонисты в Трансильвании также приняли Аугсбургское исповедание, и их церковь стала первой диссидентской религиозной организацией Венгрии, получившей официальное признание (1552).

Таким образом, немцы северной Венгрии и Трансильвании, как и словаки, стали явными лютеранами. Венгры некоторое время колебались между Лютером и Кальвином. Главным распространителем учения Лютера среди них был Матьяш Биро. Посетив центры швейцарской Реформации, он, однако, стал проповедовать кальвинизм и вместе с Петром Мелиусом стал основным организатором венгерской кальвинистской, или реформатской, церкви. Открыто венгерские кальвинисты и лютеране размежевались около 1560 г.; синод в Дебрецене (1567) придал прочный теологический базис венгерскому кальвинизму, ставшему вероисповеданием большинства народа.

Активное противодействие католики начали осуществлять только после одобрения государственным собранием законов 1548 г. Начало католической контрреформации положил архиепископ Николай Олах; он же, чтобы привлечь протестантов, разрешил в северной Венгрии причащение мирян из чаши. Его преемник Симон Форгах открыто пригласил в Словакию иезуитов. Поддерживаемые королевским двором, католики сумели занять важнейшие позиции в управлении и в армии и требовали возвращения церквей и имений, захваченных протестантами. Государственное собрание, где в то время большинство имели протестанты, выступило против использования военной силы для возвращения в лоно католицизма Кошице и Левочи, но Рудольф II отверг этот протест и по совету католических иерархов подтвердил антипротестантские законы Лайоша II. Восстание Иштвана Бочкаи в Трансильвании, воспользовавшегося неудовлетворенностью протестантов религиозной политикой Рудольфа II,

изменило ситуацию. Согласно мирному договору 1606 г., Рудольф был вынужден даровать религиозную свободу венгерскому дворянству и городам¹⁶.

Только после этого протестанты в Венгрии смогли организовать свои церкви. Доселе они по-прежнему подлежали юрисдикции католического духовенства, которому должны были также выплачивать десятину. Их священники стали организовываться в братства (*contubernia*, или *fraternitates*), но избравшихся старейшин братств должны были утверждать католические иерархи. Только после 1606 г. протестантам стало дозволяться назначать собственных епископов и суперинтендентов. Организация протестантских церквей в северной Венгрии была завершена в 1610 г. на синоде в Жилине в современной Словакии, возглавленном новым палатином, воинствующим протестантом Дьердем Турзо (восстановление этого поста было одним из условий мирного договора 1606 г.). Десять комитатов северной Венгрии — нынешняя Словакия — были разделены на три провинции, каждая из которых избирала собственного суперинтендента или епископа. Специальные инспекторы, избравшиеся для каждой провинции, должны были следить за соблюдением прав венгерского и немецкого меньшинств десяти комитатов. Синод 1614 г. учредил аналогичную организацию для комитатов северо-восточной Венгрии. Словацкие протестанты стали поддерживать оживленные связи со своими чешскими единоверцами и приняли чешский перевод Библии — Кралицкую Библию¹⁷, использовавшуюся в протестантском богослужении вплоть до периода новой истории. Важным вкладом в словацкую литературу стала *Cithara sanctorum*, собрание около 400 религиозных песнопений, составленное священником Йиржи Тржановским (1636) и до сих пор популярное у словацких протестантов. Кроме переводов и переложений гуситских и лютеранских композиций в нем собраны и оригинальные песни.

Католическая контрреформация в Венгрии достигла пика при иезуите архиепископе Петре Пазмани (1616—1637). Он реорганизовал католическую церковную организацию, основал в Вене и Риме специальные коллегии для подготовки венгерских священников и преобразовал высшую школу в Трнаве в университет (1635). Отпрыск старинного венгерского аристократического рода, он сосредоточил усилия на обращении в католичество венгерского дворянства и преуспел в рекатолизации подавляющего большинства магнатов, при поддержке которых католические миссионеры развернули успеш-

ную работу среди их подданных. Пазмани отверг также причащение из чаши для мирян. Его преемники продолжили этот курс, и католическая церковь восстановила лидирующие позиции среди словаков и венгров, утерянные ею в XVI в.

Ситуация не изменилась, даже когда князь Трансильвании Бетлен Габор, заключив союз с некоторыми дворянами-протестантами северной Венгрии, объявил себя защитником венгерских протестантов и вторгся на территорию современной Словакии. В 1620 г. он был избран протестантским дворянством королем Венгрии и в союзе с протестантскими сословиями Австрии и Чехии стал угрожать положению Фердинанда II. Однако поражение чешских сословий при Белой Горе (1620) все изменило, и Бетлен предпочел заключить мир с императором и отказаться от королевского титула взамен некоторых территориальных уступок. Он добился подтверждения свободы вероисповедания, данной в 1608 г.^{*}, но католическая контрреформация продолжала распространяться. Ее не остановил и преемник Бетлена Дьердь Ракоци, вторгшийся в северную Венгрию как союзник Франции и Швеции. По мирному договору в Линце (1645) Ракоци добился для протестантов расширения привилегий, но католические сословия были уже достаточно сильны, чтобы не допустить эффективного осуществления некоторых его условий. Упадок Трансильвании при слабом преемнике Ракоци лишил венгерских протестантов влиятельных сторонников.

II

История Реформации в Польше обнаруживает ряд черт, специфических для данной страны и не характерных для других славянских государств¹⁸. В XIV в. в Польше, в отличие от Чехии, не было Реформации, и хотя гуситское движение имело здесь некоторый отзвук, оно никогда не оказывало заметного влияния на национальную и религиозную жизнь страны. Естественно, идеи немецких реформаторов легко проникали в Польшу, как и в Чехию, причем поляки имели оживленные контакты также с швейцарскими интеллектуалами, особенно с Базелем и кружком, группировавшимся вокруг Эразма Роттердамского. Это объясняет, почему швейцарские реформато-

^{*} Имеется в виду Венский мир 1606 г. между И. Бочкаи и Рудольфом II.—
Прим. перев.

ры, Цвингли, Буллингер и Кальвин, пользовались в Польше большим влиянием, чем в других славянских странах.

Контакты с немецкими, швейцарскими и французскими реформаторами в основном осуществлялись благодаря польским студентам, обучавшимся в начале XVI в. во всех университетах Италии, Швейцарии, Франции и Германии. Упадок Краковского университета вынуждал сыновей польских дворян получать образование за границей. Многие из этих молодых шляхтичей имели личные связи с выдающимися реформаторами, особенно в Базеле, Цюрихе, Женеве, Виттенберге и Страсбурге. Один из них, С. Горка, в 1554 г. был даже избран ректором Виттенбергского университета.

Выше было показано, как контакты с зарубежными центрами учености способствовали началу гуманистических штудий в Польше¹⁹. Хотя среди пылких поборников гуманизма здесь было много известных представителей высшего духовенства, в итоге на польскую церковь, как и в ряде других стран, гуманизм в ряде аспектов оказал очень неблагоприятное воздействие. Выдающееся положение схоластического богословия в польской интеллектуальной жизни было поколеблено, а Краковский университет, упорно придерживавшийся старых схоластических методов, был не в состоянии согласовать новую систему взглядов с религиозным мышлением. Гуманистические идеалы личной независимости и свободы мнений, восходящие к античности, побуждали поляков к критике некоторых церковных институтов. Секуляризация интеллектуальной жизни и ослабление моральных принципов под влиянием итальянского Ренессанса оказали дурное влияние на многих представителей польского клира и отрицательно отозвались на религиозной жизни Польши. Результатом всего этого было понижение морального уровня монашества и приходского духовенства. То, что королева Бона, жена Сигизмунда I (1506—1548), продавала церковные должности тем дворянам, кто предлагал за них наивысшую цену, чтобы обеспечить средствами собственные экономические и политические планы, опровергнуто²⁰, но положение с высшим духовенством ухудшалось, и, конечно, это облегчало проникновение реформационных идей в Польшу²¹.

Характерен для Польши был и еще один фактор, сыгравший огромную роль в распространении здесь Реформации,—антагонизм между высшим духовенством и дворянством. Последнее отказывалось уважать ряд привилегий духовенства и, особенно, выплачивать десятину и упорно противилось осуществлению духовной юрисдикции над членами своего класса. Длительная борьба между шляхтой

и высшим духовенством, хотя последнее и состояло целиком из отпрысков благородных семей, отравляла политическую жизнь Польши²².

Естественно, что тезисы Лютера получили особенно громкий отклик среди немецкого населения Польши, особенно в Королевской Пруссии. Сначала учение Лютера нашло плодородную почву в Гданьске (Данциге). Проповедь некоторых местных монахов и священников, присоединившихся к немецким реформаторам, получила всеобщий отклик. Городской совет, противившийся распространению Реформации, был заменен вновь избранным советом, церкви передавались реформаторам, церковная собственность секуляризовывалась, монастыри распускались.

Вскоре, однако, наступила реакция. Смещенные советники явились к королю Сигизмунду I с просьбой о вмешательстве. То, что затронуты были политические и социальные проблемы, побудило короля выступить (1526) против первой попытки Реформации в Королевской Пруссии. Сигизмунд опасался, что Гданьск может оказаться вовлеченным в орбиту Германии, и был обеспокоен тем, что многие сочли происходившее восстанием низших классов против патрициата. Более того, он уже навлек на себя сильную критику со стороны католического мира за согласие на секуляризацию герцогства Пруссии. В результате старый городской совет был восстановлен в правах, католическое богослужение реставрировано, а пятнадцать вождей реформаторов приговорены к смерти. Герцогу прусскому Альбрехту удалось только спасти от смертной казни шесть священников.

Вскоре резиденция Альбрехта в Кенигсберге стала центром, из которого Реформация проникала в Польшу. Многие представители польской шляхты выказывали симпатии к Реформации, хотя и не были еще готовы открыто порвать с Римом. Под нажимом высшего духовенства Сигизмунд I опубликовал эдикты, запрещающие ввоз книг, написанных реформаторами, и посещение польскими студентами протестантских университетов. Духовенство в полной мере использовало свои судебные права против еретиков и неблагонадежных, но лютеранские доктрины продолжали распространяться, тем более что усилия примаса Яна Лаского реформировать польскую церковь оставались тщетны.

Сигизмунд II Август (1548—1572), казалось, благоволил Реформации. До восшествия на престол он получал письма от Меланхтона и Кальвина и избирал капелланов из реформированного духовен-

ства. Однако надежды протестантов, что молодой король примет Реформацию, оказались сорваны благодаря случайности. Большая часть шляхты, особенно протестантской во главе с Анджеем Горкой, как и Альбрехт Прусский, выступали против брака короля с глубоко любимой им Барбарой Радзивилл. В то же время высшее духовенство одобряло брак, и примас Польши в Кракове возложил на ее голову королевскую корону, покончив со всеми сомнениями, достойна ли Барбара быть польской королевой. Этот факт отвратил короля от протестантов, и он обещал сохранять верность католической церкви.

Тем не менее Сигизмунд II Август не был склонен использовать насильственные средства, чтобы прекратить распространение Реформации в своем королевстве. Он разрешил лютеранское богослужение в Гданьске и Королевской Пруссии (1557), а также в Ливонии (1561) и мало что мог предпринять, когда многие польские дворяне начали вводить протестантское богослужение в церквях, расположенных на их землях. Шляхта опять вступила в яростную схватку с высшим духовенством, привлекавшим их протестантских собратьев к суду церковных трибуналов. После нескольких попыток добиться компромисса король был вынужден максимально сократить церковные привилегии.

В результате этой борьбы через год после смерти Сигизмунда II Августа на сейме 1573 г. была принята Варшавская конфедерация, разрешившая всем членам сейма, независимо от их религиозной принадлежности, свободно исповедовать свою конфессию и обязавшая их не допускать преследований по религиозным мотивам. Это должно было послужить основой для декларации о веротерпимости, которую новый король должен был поклясться соблюдать после избрания. Формулировки были выдержаны в духе Аугсбургского религиозного мира 1555 г., хотя и не были столь отчетливы и не называли конкретных вероисповеданий; тем не менее Варшавская конфедерация была воспринята как «великая хартия вольностей» для польских протестантов. Генрих Валуа должен был стать первым королем, принесшим клятву на основе принципов конфедерации.

Итак, в Польше Реформация могла распространяться достаточно свободно. Доктрины Лютера, выраженные в *Confessio Augustana*, распространялись преимущественно среди немецкого населения Королевской Пруссии и в городах, где сохранялось много бюргеров-немцев. *Confessio Augustana* проникало и в Великую Польшу, где ряд дворян ввел лютеранскую службу в церквях своих владений.

Как уже было указано, польская шляхта начала открыто присоединяться к реформированной церкви в поздний период ее развития, когда наиболее выдающимся реформатором считался Кальвин. Его учение привлекало шляхту больше лютеранства, скомпрометированного в глазах многих бесплодной догматической распрей. Кроме того, в интеллектуальной области контакты Польши со Швейцарией были оживленнее, чем с Германией. Реформационные идеи, проникшие из Швейцарии и Франции, сильнее затрагивали национальные чувства шляхты, чем приходившие из Германии. Заключение в сфере политической мысли, которые можно было извлечь из кальвинистского учения, также находили у нее отклик. В отличие от Лютера, Кальвин не возлагал на светскую власть контроль над церковью, и шляхту полностью удовлетворяла идея ограничения королевской власти. В политической области кальвинизм склонялся скорее к республиканизму и демократии, которые, естественно, могли вылиться единственно в правление буржуазной и аристократической олигархии. Все это объясняет, почему кальвинизм был с такой готовностью принят в Польше, в том числе многими известными великопольскими знатными фамилиями. Оттуда кальвинизм проник в Литву, где его главным пропагандистом стал богатейший и влиятельнейший магнат князь Миколай Радзивилл, по прозвищу Черный. Его кальвинистское рвение разделял ряд литовских дворян, многие из которых прежде были православными. Особенно глубокие корни кальвинизм пустил в Малой Польше. Большой интерес к кальвинизму, кроме магнатов, проявляла мелкая шляхта, и он почти превратился в национальную реформированную церковь Польши²³.

Кроме реформированной церкви — лютеран и кальвинистов, в Польше много последователей нашло еще одно религиозное объединение: Чешские братья. Изгнанные в 1548 г. из Чехии после неудачного восстания против Фердинанда I²⁴, многие Братья переселились в Великую Польшу, где они нашли радушный прием на землях таких магнатов, как Анджей Горка и Станислав Остророг. К ним присоединилось много семей польского дворянства. Этническая близость поляков и чехов, родство их языков способствовали пропаганде Братьев в Польше; крупнейшие общины образовались в Познани и Лешно, ставшем позднее их религиозным центром. В XVII в. школа в Лешно стала широко известна благодаря знаменитому последнему епископу Братьев Яну Амосу Коменскому, внедрившему в ней новые методы обучения. Даже в Польше Чешским братьям удалось сохранить церковное управление в руках собственных конфессио-

нальных лидеров. Польские лютеране и кальвинисты в этом вопросе не могли следовать Братям, так как преобладающим влиянием в различных общинах пользовалась шляхта, которой реформированные церкви собственно и были обязаны своим существованием. Поскольку короли не приняли Реформацию, нельзя было и устроить церковную организацию по образцу Германии, где каждый князь как *summus episcopus* являлся главой церкви на своих землях. Связь религиозных общин могла поддерживаться только синодальной организацией. И лютеране, и кальвинисты на нескольких синодах пытались учредить такую систему, которая предоставила бы суперинтендентам и высшему духовенству преобладающее влияние в руководстве общинами, но роль шляхты в реформированных церквях была слишком велика, и все усилия демократизировать синодальную организацию и уменьшить вмешательство шляхты в религиозные дела не имели никакого успеха.

Преобладание шляхты в руководстве церковной жизнью являлось одним из величайших препятствий для польской Реформации. Другим препятствием было разнообразие символов веры, мешавшее формированию польской национальной церкви. Первым, кто выразил стремление к национальной церкви, был знаменитый гуманист Анджей Фрыч-Моджевский²⁴. Оставаясь католиком, Моджевский симпатизировал Реформации и, как было сказано выше, в своей смелой работе *De republica emendanda* (*Об исправлении государства*) высказал идеи об универсальной церкви со свободно избираемыми епископами и папой, полномочия которого происходят только из естественного права и согласия всех национальных церквей, объединившихся во вселенскую организацию. Конечно, такие идеи никогда не могли быть проведены в жизнь. Протестанты также ощущали необходимость ликвидировать догматические различия в своих церквях. Первая попытка такого рода была сделана в 1555 г. на Петроковском сейме, где протестантская шляхта представила королю общее исповедание, составленное Станиславом Лютомирским, но не получившее признания. Чешские братья отвергли его и в том же году заключили религиозную унию с кальвинистами Малой Польши, сохранив, однако, собственное богослужение и церковный порядок.

Два выдающихся польских реформатора, Ф. Лисманин и Я. Лаский, приглашенные малопольскими протестантами, продолжали предпринимать усилия для объединения трех ветвей протестантизма²⁵. Лаский, один из самых знаменитых польских реформаторов,

хорошо известный за рубежом, знакомый с Кальвином и Меланхтоном, склонялся к Гельветическому исповеданию, но среди лютеран и Чешских братьев он нашел мало поддержки.

После его смерти вопрос об общем исповедании обсуждался на нескольких синодах, особенно в Сандомеже в 1570 г., когда три конфессии достигли компромисса, признав и лютеранское, и кальвинистское учение о евхаристии, хотя и различающиеся по сущностному вопросу об истинном присутствии крови и тела Христовых в хлебе и вине, и правоту исповеданий веры каждой из них. Хотя общее исповедание, которое могло бы стать базисом для создания национальной реформированной церкви Польши не было выработано и различные религиозные установления трех конфессий продолжали существовать, Сандомежский компромисс предоставил польским реформатским церквам прочную основу для дружественного сотрудничества. В общей же истории Реформации он являет собой первую попытку реализации протестантской универсальной церкви, являвшейся идеалом, так никогда и не воплощенным, многих реформаторов.

Единство реформированных церквей подрывалось распространением новых доктрин, направленных против основополагающего христианского догмата о Троице. Пропагандисты антитринитаризма пришли из Италии, некоторые из них поселились в Базеле, Берне и Цюрихе, но, опасаясь судьбы испанца М. Сервета, сожженного на костре в кальвинистской Женеве за антитринитаризм, отправились распространять свое учение в Польшу. Первый из них, Франческо Станкаро (ум. 1574), после яростных выступлений против традиционного учения о совершении искупления не только человеческой природой Христа, но и божеской, в конце жизни примирился с протестантской церковью. Другие итальянцы, в частности Дж. Бландрата, Дж. П. Алкиати, Б. Окино, Дж. В. Джентиле, были еще откровеннее в своем отрицании Троицы. Они обрели последователей среди польских и литовских богословов-реформаторов: одним из первых был Петр Гонезий (Гонядзкий), а Гжегож Павел из Бжезина стал наиболее ревностным антитринитарием. Последние продолжали распространять антитринитаристское учение и после того, как их иностранные наставники были изгнаны из Польши королевским эдиктом 1564 г. В следующем году Гжегож Павел со своими последователями отделился от польской реформированной церкви и основал свою Малую реформированную церковь.

Антитринитарии были накануне раскола на несколько направлений из-за разницы в верованиях, но «Малая церковь» избежала дезинтеграции благодаря итальянскому реформатору Фаусту Социну (Соццини, 1539—1604), племяннику Лелия Социна, труды которого ценились реформаторами. До своего приезда в Польшу Фауст Социн уже пользовался славой проницательного богослова-реформатора и хорошего организатора. Хотя его учение о Христе обнаруживает явные антитринитаристские черты, Фауст Социн проявил определенную сдержанность в своем антитринитаризме, пытаясь убедить радикального трансильванского епископа-антитринитария Ф. Давида, что Христос, хотя он лишь возвышен Богом до божественности, должен быть почитаем христианами.

Несмотря на его репутацию и хорошие отношения с польской шляхтой, поначалу польские антитринитарии встретили Социна недружелюбно. Благодаря настойчивости и богословским талантам ему в конце концов удалось привести различные доктрины к некоторому единообразию, а также убедить антитринитариев-анабаптистов, что второе крещение взрослых необязательно. Его учение, включившее протестантскую доктрину о спасении через веру, находило отклик у многих, поскольку, казалось, упрощало фундаментальные доктрины христианства; основные его положения сформулированы в Раковском катехизисе (1605). Город Раков стал интеллектуальным центром польских антитринитариев, называемых также, что неудивительно, соццинианами, хотя Социн и не был основателем их церкви.

Социнианство распространилось в Польше и Литве. В период, когда оно пользовалось наибольшим влиянием, насчитывалось свыше семидесяти конгрегаций, двадцать из которых находились в православной Волыни, но в Великой Польше нашло немного последователей. В первой половине XVII в. польский антитринитаризм, называемый также арианством, переживал расцвет. В Ракове печатались многочисленные религиозные книги и трактаты собратьев и учеников Социна. Симон Будный²⁶ и грек по происхождению Иаков Палеолог, последователь радикальных антитринитариев, работавший в Трансильвании и Польше, опубликовали новый польский перевод Библии, обнаруживающий антитринитаристские черты. Знамениты были школы антитринитариев, особенно в Ракове и Любартове. Однако этот период расцвета был недолог. Против антитринитариев выступили не только католики, но и все протестантские деноминации в Польше и за границей. Заподозренные в нелояльности во время войн со Швецией²⁷, в 1658 г. они были изгнаны из Польши королем

Яном II Казимиром. Но еще до этого удара социниане потеряли большое число своих сторонников вследствие перехода многих дворян в католичество. Остатки польских антитринитариев рассеялись по Трансильвании, Пруссии, Голландии, Англии и Северной Америке, где они участвовали в возникновении и распространении унитариянства²⁸.

Антитринитаристские доктрины как противные основополагающим принципам христианства скомпрометировали все реформированные церкви в глазах польских католиков, хотя лютеране, кальвинисты и Чешские братья совершенно искренне с ними не согласились. Отсутствие единства среди реформированных церквей также помогало католикам в их борьбе против распространения Реформации. Вскоре католики обрели сильного лидера в лице епископа вармийского Станислава Гозия, сына эмигранта из Германии, получившего образование в Польше. Воспользовавшись хаосом в догматике протестантских церквей, Гозий составил *Confessio fidei catholicae christiana* (*Исповедание католической христианской веры*). Благодаря своей ясности и догматическому единству оно произвело большое впечатление в Польше, где вышло многими изданиями, и было переведено на другие европейские языки. Кроме того, вскоре после принятия Польшей решений Тридентского собора (1564) прискорбная ситуация с польским клиром была улучшена благодаря действенным реформам, к которым призывали еще Гозий и папские нунции.

Деятельность Гозия послужила началом польской контрреформации, с успехом продолженной иезуитами, которые в 1565 г. были приняты под особую защиту короля. Благодаря современным методам организации школьного и высшего образования иезуиты вскоре преуспели в рекатолизации огромного числа шляхетских фамилий. Польская Реформация почти всем была обязана шляхте, и когда шляхтичи-протестанты или их потомки вновь становились католиками, реформированные церкви на их землях постепенно исчезали, а в занимавшихся ими молельнях восстанавливалось католическое богослужение. Вскоре протестанты осознали, что они пренебрегали простыми верующими и что Реформация не проникла в глубь польского народа. С прекращением моральной и материальной поддержки шляхты простые верующие потеряли всякий интерес к религии, которой они поневоле следовали, повинаясь своим господам.

Миссионеры-иезуиты не ограничились обращением шляхты, обратив свою деятельность также на горожан и крестьян, привлекая их проповедями, изысканной литургической обрядностью и образо-

ванием, которое они давали в своих многочисленных школах и коллегиях сыновьям как дворян, так и горожан. Реформированные церкви пользовались свободой распространения своих доктрин: в течение периода Реформации в Польше было очень мало случаев преследования за веру, и теперь эта свобода способствовала антиреформаторской кампании католиков. Массовая рекатолизация шляхты была достигнута ненасильственно. В 1569 г. количество сенаторов-протестантов составляло 58 против 55 католиков, и, тем не менее, к концу XVII в. остатки реформированных церквей воспринимались поляками как нежелательное сектантское меньшинство. В 1666 г. последний протестант, каштелян Гданьска, перестал быть представителем в сенате, а в 1718 г. последний протестант исчез и из сейма.

В уцелевших общинах вскоре возобладал немецкий элемент, усилившийся новыми немецкими колонистами. Окончательная ликвидация польских реформированных церквей была все же достигнута насильственными методами. С успехами католической контрреформации королями и сеймами предпринимались меры, ограничивавшие строительство церквей диссидентами и требовавшие возвращения мест культа католикам, а также наказания католиков, перешедших в протестантство. Положение реформированных церквей ослаблялось их несогласиями в вопросах веры. Компромисс в Сандоже в значительной мере оставался мертвой грамотой, особенно непопулярен он был у лютеран. Обвинения в нелояльности, которые католики высказали во время войн со Швецией (1656), естественно, ухудшили политическое положение протестантов в королевстве. В правление Яна III Собеского (1674—1696) нажим смягчился, но усилия протестантов добиться правового признания веротерпимости в последний период польской независимости не увенчались успехом. Эдикт о веротерпимости был принят только в 1768 г. под угрозой русских штыков*. К этому времени некогда процветавшие польские реформированные церкви в Великой Польше насчитывали только пятьдесят пять общин, из которых лишь семь были кальвинистскими. В Малой Польше было восемь кальвинистских и одна лютеранская община, а в Литве — тридцать кальвинистских и пять лютеранских.

Позиции Чешских братьев укрепились благодаря беженцам из Моравии после поражения диссидентов в 1620 г. и авторитету по-

* Имеется в виду Варшавский договор с Россией, уравнивавший диссидентов в правах с католиками.—Прим. *перев.*

следнего епископа Чешских братьев, Яна Амоса Коменского. Их центр в Лешно пережил много катастроф и продолжает существовать, как и четыре другие общины.

Хотя Реформация в Польше не смогла достичь долговременных результатов, в XVI—XVII вв. ее влияние на культурную жизнь поляков было значительным. Необходимости протестантской пропаганды и обеспечения верующих польскими молитвенниками вынуждали реформаторов издавать свою литературу на национальном языке. Поначалу, когда издавать протестантские книги в Польше было невозможно, резиденция герцога Альбрехта, Кенигсберг, стала центром, где печаталась, часто при финансовой поддержке герцога, польская духовная литература. Главным книгоиздателем, печатником и книгопродавцем здесь был Ян Секлюциян. Начиная с 1555 г. у протестантов уже было несколько типографий и издательств в Польше. Был переведен катехизис Лютера, для литургических нужд сочинялись и печатались гимны и песнопения, в 1556 г. Секлюцияном была напечатана первая польская *Postilla*, которую впоследствии заменила *Postilla* Миколая Рея — лучшая протестантская публикация на польском языке. Этот протестантский автор небезосновательно называется отцом польской литературы³⁰.

Издание Секлюцияном польского Нового Завета, в чем его главным помощником был ученик Меланхтона С. Мурзиновский, вскоре было превзойдено переводом полной Библии в 1563 г. Известная как Брестская (по месту издания), или Радзивилловская (по донатору средств на перевод и публикацию), Библия, она является одним из лучших литературных достижений польской Реформации. Среди прочих духовных писателей у кальвинистов было и несколько поэтов, сочинителей религиозных песен³¹.

Протестанты начали внедрять новые методы в школьное дело. Строительство школ для протестантской молодежи было одной из первейших забот реформаторов. В этом отношении традиция была особенно сильна у Чешских братьев, школы которых пережили массовую рекатолизацию польской шляхты, прежде бывшей главной опорой протестантских школ. Среди выдающихся преподавателей протестантских высших учебных заведений были французские ученики Кальвина Ян Тено и Петр Статориус.

Тем же путем, чтобы добиться успеха в своей пропаганде, должна была следовать и католическая контрреформация. Отцы-иезуиты во всех крупных городах учредили школы, а в 1578 г. академию в Виль-

но, получившую от Стефана Батория те же привилегии, которыми пользовался Краковский университет. В ответ на протестантскую литературную продукцию католики также должны были печатать духовную литературу на польском. Кроме Петра Скарги, занимающего почетное место в польской литературе, многие другие иезуиты также переводили и сочиняли религиозные труды. Наиболее выдающимся из них был Якуб Вук. Его перевод Библии на польский язык (1599) превзошел предшествующий католический перевод 1561 г. и стал «польской Вульгатой». Его *Postilla* были предназначены заменить сочинение М. Рея, написанное в протестантском духе.

Другие католические авторы происходят из кружка, сложившегося вокруг Ст. Гозия. В их числе его преемник Марцин Кромер, историк и апологист В. Кучборский, биограф кардинала Гозия Станислав Решка. Некоторые католические историки, такие как П. Пясецкий и Шимон Старовольский, представили очень предвзятую картину польской Реформации. Эта литературная деятельность продолжалась и в XVII в., в этот период у протестантов дело защиты веры приняли на себя немецкие авторы.

III

Воздействие Реформации на словенцев и хорватов тесно связано с проникновением и распространением учения Лютера в собственно Австрии. Словенцы жили преимущественно в Каринтии, Крайне, южной Штирии, Горице, Истрии. Земли хорватов в течение длительного времени входили в состав Венгерского королевства и, избегав турецкого завоевания, также оказались под властью Габсбургов и поэтому теснее, чем раньше, связаны с австрийскими землями.

Учение Лютера начало проникать в Австрию вскоре после 1520 г. Ситуация в церкви здесь была не лучше, чем в Польше, что чрезвычайно облегчало распространение Реформации. Вскоре, однако, движение оказалось скомпрометированным в глазах многих сочувствовавших благодаря началу в 1525 г. крестьянского восстания*, безжалостно подавленного Фердинандом I. Несмотря на восстание и меры, принятые Фердинандом, многие дворяне, даже на землях, находившихся под его прямой юрисдикцией, приняли новое учение.

* Имеется в виду словенское крестьянское восстание 1515 г.—Прим. *перев.*

Огромное значение для Словении имело обращение в лютеранство словенского священника Приможа Трубара (Примус Трубер, 1508—1586). Бедным студентом он посещал учебные заведения Риеки (Фиуме), Зальцбурга, Триеста и Вены. Благодаря протекции триестского епископа известного гуманиста Петра Бономо Трубар, уже известный своей проповеднической деятельностью в Триесте и Каринтии, был назначен (1542) каноником и проповедником в Любляне (Лайбахе). Попад под подозрение епископа Любляны, Трубар был вынужден оставить приход св. Варфоломея, в котором он служил с 1546 г., и скрываться (с 1547) у дворян-протестантов. В следующем году он нашел убежище в Германии и стал проповедником в Ротенбурге на Таубере, а позднее приходским священником в Кемптене и Урахе около Тюбингена. Тем временем в Крайне Реформация пустила очень глубокие корни, и в 1560 г. сейм пригласил Трубара взять на себя управление и организацию протестантской церкви среди славянского населения. Несмотря на трудности, чинившиеся католическими властями, Трубар служил, с двумя перерывами, суперинтендентом протестантской церкви Крайны до 1565 г., когда он был пожизненно изгнан из страны сыном Фердинанда I эрцгерцогом Карлом. Трубар опять нашел убежище в Германии и в 1586 г. умер приходским священником в Дерендингене около Тюбингена.

В вероучении на Трубара оказали влияние не только Лютер, но и, как и на поляков, швейцарские реформаторы К. Пелликан и Г. Буллингер, комментарии которого к Новому Завету послужили основой для его проповеди, а также Кальвин. Целью Трубара было сделать учение реформаторов доступным его соотечественникам на их родном языке. Это было трудной задачей, поскольку до тех пор на словенском языке книги не публиковались. Трубар последовал примеру Лютера и для своих сочинений и переводов использовал язык простых людей. В своей деятельности Трубар пользовался поддержкой герцога Христофора Вюртембергского, отца которого Габсбурги на некоторое время лишили герцогства (1520—1534) и который сам был их яростным противником, а также барона Ганса фон Унгнада, бывшего губернатора Штирии и талантливого военачальника, оставившего свой пост в 1555 г. после отказа проводить антипротестантские меры Фердинанда I и удалившегося в добровольное изгнание в Германию.

Трубару удалось основать в Урахе около Тюбингена словенскую типографию; первой книгой, напечатанной на словенском языке (1551), был его *Катехизис*. Продолжив свою деятельность, он перевел

на словенский язык сначала отрывки, а в 1582 г. целиком Новый Завет. Катехизис вышел несколькими отличающимися изданиями, в 1566 г. была переведена Псалтырь. Большое значение имели его издание Аугсбургского, Вюртембергского и Саксонского исповеданий — т. н. *Articuli*, а также гимны и церковные песнопения. Как суперинтендент словенской протестантской церкви Трубар ощущал необходимость составления для нее молитвенника, основанного на установлениях Вюртемберга, Нюрнберга и Мекленбурга³². В 1586 г. он завершил перевод *Postilla* Лютера. Трубар по праву зовется словенским Лютером и Колумбом словенской литературы. Его сочинения, первые на словенском языке, до сих пор являются объектом серьезных исследований филологов-славистов³³. Один из соотечественников Трубара, Адам Бохорич, в 1584 г. опубликовал в Виттенберге первую словенскую грамматику. Таким образом, основы словенского литературного языка и письменности были заложены первыми словенскими реформаторами.

Преемник Трубара в Любляне, Себастьян Крель, дополнил сочинения Трубара катехизисом для словенских школ, несколькими религиозными песнями и переводом *Postilla* Шпангенберга. Христофор Шпиндлер, возглавивший (1569) управление протестантской церковью в Крайне, с помощью А. Бохорича в 1575 г. реорганизовал школу в Любляне. Тем временем в 1578 г. в Бруке на Муре общий сейм «Внутренней Австрии» — Каринтии, Крайны, Штирии и Истрии, большинство членов которого были протестантами, вынудил эрцгерцога Карла принести обещание уважать реформированную церковь на всех землях, кроме находившихся под его прямой юрисдикцией.

Распространение Реформации продолжалось, и печатание протестантской литературы было ускорено основанием Гансом Маннелем (Манлием) типографии в Любляне (1575). В этой типографии готовилось издание, по требованию Брукского сейма, первого словенского перевода полной Библии, завершенного в 1580 г. Юраем Далматином, но по приказу эрцгерцога она была закрыта, а ее основатель отправился в изгнание. Первая словенская Библия была напечатана в Виттенберге (1584). Далматин обогатил молодую словенскую литературу популярным молитвенником, религиозными песнями и другими сочинениями.

Подготовку протестантских священников словенцы могли получить только в Германии, в Тюбингене, остававшемся культурным центром словен и всех лютеран «Внутренней Австрии»³⁴. Однако

распространение Реформации на этих землях прекратилось, когда в 1590 г. правителем «Внутренней Австрии» стал Фердинанд II. Полный решимости ускорить контрреформацию, он на всех своих землях запретил протестантскую проповедь и изгнал протестантских священников. Ф. Трубар, сын основателя словенской литературы, бывший в то время суперинтендентом церкви в Крайне, некоторое время с рядом священников скрывался у дворян-протестантов, а когда применение антипротестантских законов усилилось, бежал в Вюртемберг, где и умер в изгнании.

Несмотря на меры против протестантских церквей и отправления культа, дворянство упорно сопротивлялось всем попыткам вернуть его в лоно католицизма. Лишь в 1628 г., когда Фердинанд II поставил их перед выбором — изгнание или рекатолизация, значительная часть дворян приняла католическую веру, но многие члены дворянских фамилий предпочли изгнание и поселились по большей части в Нюрнберге и Регенсбурге.

Контрреформация была вынуждена прибегать к тем же методам, что и первые словенские реформаторы, и это было к счастью для национального развития словенцев. Иезуиты, главные проводники контрреформации, уделяли особое внимание простым людям и вводили проповедь и церковные песнопения на словенском. В Любляне вместо закрытой протестантской школы они в 1604 г. основали собственную гимназию. Не пренебрегая начальным обучением, они предоставили словенской молодежи возможность получить высшее образование в Вене и Граце. Епископ люблянский Томаш Хрён даже нашел несколько чрезмерным усердие иезуитов в проповеди на словенском. В своих школах иезуиты разыгрывали на словенском различные народные драматические представления из жизни Иисуса, проповеди на словенском произносились и в Триесте. В своей пропаганде они использовали не только католическую религиозную литературу, в частности *Evangelistar* епископа Хрёна, но и сочинения словенских протестантов. Перевод Библии Далматина, исправленный в католическом духе, высоко ценился деятелями словенской контрреформации, использовали они также переводы протестантских *Postilla* и другие сочинения. Таким образом, культурное наследие словенских реформаторов не пропало, оно сохранялось как основа для дальнейшего развития словенской литературы и культуры.

Словенские реформаторы, трудясь над первыми сочинениями на словенском языке, ясно сознавали свое этническое родство с хорватами, сербами и болгарами. В предисловиях к своим трудам Трубар

и другие реформаторы выражали желание привести к реформированной церкви всех южных славян. В XVI в. этот упор на славянскую солидарность представляет собой достаточно интересный феномен. Некоторые реформаторы даже шли дальше и выражали надежды, что благодаря переводам Библии и другой духовной литературы на славянский язык даже турки познакомятся с христианским учением и примут реформированную веру, поскольку славянский язык является для них общеупотребительным. Таким образом, турецкая угроза, занимавшая всех, включая и словенских реформаторов, будет отведена мирным путем³⁵.

Это были наивные ожидания, но преимущественно благодаря первым словенским реформаторам протестантизм сумел пустить корни и среди хорватов. Трубар подготовил почву для печатания протестантской литературы на хорватском языке. Зная, что южные славяне используют два алфавита, отличные от латиницы, — кириллический и глаголический³⁶, он специально озаботился тем, чтобы снабдить свою типографию всем для печатания протестантской литературы для хорватов и сербов.

Реформация проникала в Хорватию преимущественно из Австрии через Крайну и лишь отчасти из Венгрии. Величайшее значение для распространения идей Реформации среди хорватов и словенцев имела типография в Урахе около Тюбингена. Хорваты, продолжавшие жить в Каринтии и Крайне, первыми были охвачены протестантской пропагандой словенских проповедников. Первым хорватским центром протестантизма был город Метлика, где была основана первая хорватская протестантская школа. Наиболее ревностным проповедником здесь был Грегор Влахович, распространявший среди хорватов и славянские протестантские книги, отпечатанные в Урахе. Успехи новой веры собственно в Хорватии облегчались склонностью, проявленной к ней баном Петаром Эрдеди, загребским епископом Матией Бруманом и некоторыми другими хорватскими дворянами.

В хорватской Крайне³⁷, или Военной границе, протестантские проповедники нашли благодатную почву благодаря многочисленным немецким солдатам, принявшим новую веру. В крупных городах здесь были основаны протестантские конгрегации. Главный город Крайны Карловац мог гордиться не только немецким проповедником для солдат гарнизона, но и хорватским проповедником для местных жителей, а также протестантской школой и церковью, существовавшей до 1645 г.

Дворянский род Зриньи покровительствовал распространению Реформации не только в Крайне, но и в междуречье Дравы и Мура за пределами турецких владений. Юрай Зриньи, сын героя обороны Сигетвара Миклоша Зриньи, открыто присоединился к протестантской церкви и основал в своем имении в Неделишче типографию, в то время как работе типографии в Любляне начала чинить препятствия католическая контрреформация. Новая славянская типография опубликовала не дошедшие до нас труды хорватского реформатора Миклоша Бучича. В 1586 г. типография была перенесена в Вараждин, другой крупный центр хорватского протестантизма. Публикация здесь (1586) *Постиллы* А. Вrameца послужила поводом для обвинения этого ученого богослова из Загреба, более известного как автор вышедшей в 1578 г. хроники, в симпатиях к протестантизму. Печатник Маннель, изгнанный из Любляны, продолжал свою деятельность в Вараждине, а с 1587 г. в Эберово в Венгрии, куда очередной раз была перенесена типография; этот перенос, однако, лишил хорватских протестантов наиболее действенного орудия их религиозной пропаганды.

В Славонию — территорию в междуречье Савы и Дравы — Реформация проникала из Вараждина и Загреба, а также из Венгрии. Так как венгры склонялись скорее к кальвинизму, то и хорваты Славонии в своем большинстве приняли учение этого французского реформатора; лютеранство предпочли только немецкие колонисты. Наиболее успешным кальвинистским проповедником в Славонии был словак Михаэль Старин, благодаря его деятельности протестанты Славонии уже в 1551 г. смогли организовать свой первый синод и учредить автономный сеньорат при венгерском суперинтенденте Бараньи. Успехи Реформации в Славонии облегчались тем, что здесь не было собственной католической епископии: частично она находилась под юрисдикцией загребских епископов, но свободный доступ их представителей туда стал затруднен, когда Славония перешла под власть Турции, а печский епископ Андрей Дудич, под чьей юрисдикцией была остальная Славония, вместе со своим клиром примкнул к Реформации.

Истрия познакомилась с принципами Реформации через посредство Венеции. Интересно отметить, что именно славянское население Истрии дало наиболее известных представителей югославянского протестантизма: Флация Иллирика (Матию Влачича), Петара Павла Вергерия, Стефана Конзула и Матию Грбича (Матиаса Гарбича Иллирика).

Из Истрии протестантские идеи проникали в далматинские города, находившиеся в то время под властью Венеции. Сильное эхо протестантской пропаганды достигло даже республики Рагузы. Здесь самым известным из обращенных в протестантизм был Марк-Антонио ди Доминис (Господнетич), епископ Сени, а с 1602 г. архиепископ сплитский. Лишенный Римом сана, он перенес свою деятельность в Германию и Англию, где присоединился к англиканской Церкви Англии, затем возвратился в католицизм, но не вернул себе расположения папы.

Главным желанием хорватских протестантов было напечатать хорватский перевод Библии. Все выдающиеся хорватские реформаторы — Петар Павел Вергерий, Флаций, Грбич — были глубоко заинтересованы в этом предприятии, осуществленном трудами Стефана Конзула (Истрианина) и Антона Далматина. Хорватская Библия была напечатана глаголицей в Урахе (1562), где наряду со словенской печатью была организована и хорватская. В следующем году последовало издание кириллическим шрифтом. Пока хорватская печать существовала в Урахе (1561—1568), там было напечатано несколько хорватских переводов протестантских трудов: катехизис вместе с сочинением Флация *De vocabulo fidei, Loci theologici* Меланхтона, Аугсбургское исповедание (*Articuli*), *Postilla* Лютера, Меланхтона и И. Бренца. Большая часть этих публикаций была выполнена тремя алфавитами, принятыми в Хорватии и Сербии, — глаголическим³⁸, кириллическим и латинским. Самой оригинальной хорватской протестантской публикацией был *Спор паписта с лютеранином* (1555). Скорее всего, автором этого трактата, использовавшим псевдоним Антон Сенянин, был Петар Павел Вергерий или кто-то из его друзей, действовавших по его наущению.

Тем не менее, в Хорватию Реформация проникла не так глубоко, как в Словению³⁹. Здесь под эгидой загребского епископа Юрая Драшковича (1563—1578), с 1566 г. одновременно бана Хорватии, рано начала разворачиваться католическая контрреформация. Преемники Драшковича продолжили этот курс и в Славонии. С обращением рода Зриньи в католичество (1623) протестанты потеряли своих главных приверженцев. В 1609 г. бан Томаш Эрдеди, еще ранее протестовавший против попыток венгров распространить на Хорватию указ о религиозной свободе, данный королем Матвеем (Матьяшем) Венгрии в 1606 г.^{*}, добился от хорватского сабора запрещения

^{*} Имеется в виду Венский мир 1606 г. И. Бочкаи с Рудольфом II. — Прим. перев.

исповедовать в Хорватии иную веру, кроме католичества. Для хорватских священников это обернулось бедствием. Когда Славония освободилась от власти турок, католическая церковь там тоже восстановила свои позиции.

Реформация могла распространяться в Истрии и Далмации, только пока у Венеции были натянутые отношения с папством. Когда же она установила дружественные отношения с Римом, здесь началась католическая контрреформация, и в течение XVII в. протестантизм почти полностью исчез на этих землях.

Протестантизм не оказал такого глубокого влияния на культурную жизнь Хорватии, как Словении, его вклад в хорватский литературный процесс довольно скромен. Более продолжительное воздействие на протестантское движение в целом оказала деятельность наиболее выдающегося хорватского реформатора Матии Влачича, или Флация Иллирика (1520—1575). Флаций учился в Венеции, Базеле, Тюбингене и Виттенберге. Читал лекции в Виттенбергском университете, но был вынужден оставить его, резко выступив против некоторых религиозных идей Меланхтона, который, казалось, склонялся к компромиссу с кальвинизмом. Он продолжил полемику с Меланхтоном в Магдебурге, где написал свое наиболее известное сочинение в защиту доктрины Лютера — *Catalogus testium veritatis* (1556). Там же со многими помощниками начал работу над монументальным историческим трудом *Centuriae Magdeburgenses* (1559—1574); тринадцать томов *Centuriae* открыли новый период в написании церковной истории. Ответом на них католиков явились *Annales ecclesiastici* кардинала Цезаря Барония (в двенадцати томах, Рим, 1588—1607). Флаций продолжал отстаивать чистоту учения Лютера, но его бескомпромиссная позиция стоила ему университетских постов в Йене и Страсбурге. Он умер в больнице Франкфурта в бедности, не завершив своей наиболее откровенной защиты Лютера — *Clavis scripturae sacrae* (1567).

Петар Павел Вергерий также сыграл выдающуюся роль в истории протестантизма. До обращения в лютеранство он был епископом в Модруше, а затем в Копере (Каподистрии) (1536), оказывал важные услуги Риму в качестве папского легата в Германии. Он обратил в новую веру многих прозелитов в Истрии и Италии, герцог Христофор Вюртембергский многожды использовал его для дипломатических поручений. Будучи с миссией в Польше, Вергерий познакомился с Чешскими братьями и за собственный счет опублико-

вал в Тюбингене их исповедание. Менее известен, чем два его хорватских соотечественника, Матия Грбич, ученик Лютера и Меланхтона, профессор в Виттенберге, а затем в Тюбингене.

Католическая контрреформация, естественно, должна была использовать те же средства для искоренения протестантизма, что и реформаторы для его пропаганды, однако католические литературные произведения появились нескоро: только в 1628 г. вышли составленные иезуитом Николаем Крайчевичем (Сарториусом) первый хорватский молитвенник и сборник гимнов. Впрочем, заинтересованность Рима в искоренении ересей и раскола на Балканах послужила развитию книгопечатания. От внимания пропагандистов католицизма не укрылся даже глаголический печатный станок, который барон Унгнад перенес сначала в Каринтию, а затем в Грац после запрещения своей типографии в Урахе. По их предложению станок был конфискован Фердинандом II и в конце концов отдан конгрегации для пропаганды веры в Риме, использовавшей его для печатания глаголических книг для славянской литургии в Хорватии.

По инициативе конгрегации в Риме иезуиты и францисканцы начали оживленную деятельность среди хорватов. Школы и «академии», организованные иезуитами, внесли большой вклад в развитие культурной жизни Хорватии. Благодаря их литературной деятельности постепенно сформировался хорватский литературный язык⁴⁰. В 1604 г. в Риме иезуитом Варфоломеем Кашичем (1575—1650) была напечатана первая хорватская грамматика. Кашич является также выдающимся деятелем хорватской контрреформации. Важнейшими его работами являются жизнеописание Иисуса (Рим, 1638), перевод части Псалтыри и Библии (остался в рукописи); ему также принадлежат жития нескольких святых. В лингвистических исследованиях Кашича поддержали итальянский иезуит Якопо Микалья и выдающийся католический писатель Юрай Хабделич, автор хорватского словаря*.

Кроме иезуитов важную роль в католической контрреформации и в миссиях среди хорватов, остававшихся под турецким господством, играли францисканцы. Среди них выделяются Ф. Главинич и Р. Левакович, оба изрядно сведущие в древнеславянском языке; им была поручена новая редакция глаголических литургических книг. Левакович также известен как историк церкви и религиозный писатель.

* Dictionar ili rechi szlovenszke (1670).—Прим. перев.

Известны поэт И. Т. Мрнавич, Матия Дивкович (1563—1631) — плодovitый религиозный писатель, переложивший на хорватский проповеди Р. Беллярмина и И. Херольта и различные предания. Дивкович в своем чрезвычайно популярном сочинении *Наук карстиански за народ словински* воспроизвел также старые хорватские религиозные песни.

Другие францисканские авторы следовали в своих религиозных трудах тому же образцу. П. Посилович, П. Папич, И. Анчич, И. Бандулавич, Н. Крайчевич (Сарториус) известны как распространители религиозных песен; Б. Миловец и А. Георгицевич продолжали писать на северохорватском диалекте (кайкавском). Хорват И. Белостенец (ум. 1675) из конгрегации св. Павла проявил себя хорошим богословом, особенно в *Десяти рассуждениях о евхаристии*. Лучшим прозаиком из загребского региона был иезуит Юрай Хабделич (1609—1678), автор морально-дидактических сочинений, популярного *Zerczadlo krepozti B. D. Marie* и *Pervi otza nashega Adama greh*.

Хорватская контрреформация унаследовала от хорватских и словенских религиозных писателей еще одну идею — объединения всех славян в единой церкви. Большинство выдающихся деятелей хорватской контрреформации получили образование в академиях, основанных для южных славян в Риме и Лорето. Студенты там оказывались под влиянием унионистской атмосферы, господствовавшей в то время в Риме. Пропаганда, естественно, сосредоточивалась на землях южных славян, особенно Боснии, где были перемешаны католики, православные и мусульмане, и хорватские интеллектуалы часто призывались Римом для миссионерских или дипломатических поручений среди местных православных.

Наиболее типичным представителем этого движения среди хорватов был Юрай Крижанич (1618—1683), которого можно считать предшественником панславизма XIX в. Он не только проповедовал расовое единство славян, но и мечтал о формировании единого славянского языка. Крижанич представил свои унионистские идеи в православной Руси, возлагая освобождение славян от иноземного ига на царей, единственных православных правителей, которые, по его мысли, объединившись с Римом, осуществят политическое и религиозное единение славян.

Его *Bibliotheca Schismaticorum universa* осталась незаконченной; свои политические и национальные идеи Крижанич выразил в *Политике*, написанной в Тобольске на смеси старославянского, русского и

хорватского языков, выдвигавшейся им как «всеславянский» литературный язык. Хотя его взгляды и не нашли благоприятного отклика ни среди хорватов, ни среди русских, Крижанич остается наиболее выдающимся политическим теоретиком среди современных ему славян⁴¹.

Тот интерес, который православные славянские народы вызывали у деятелей хорватской католической контрреформации, несомненно, был обусловлен общей религиозной политикой папства, но, возможно, стимулировало его и сознание, что их соотечественники-протестанты первыми попытались проложить дорогу Реформации в православном мире. В этой связи «экуменические» планы небольшой группы словен и хорватов, группировавшихся вокруг типографии Трубара в Урахе близ Тюбингена при щедрой поддержке барона фон Унгнада, лишь недавно привлекли должное внимание⁴². Переписка, которую Унгнад вел с ними и с другими поборниками его предприятия, свидетельствует, что эта группа действовала по тщательно выработанному плану и что их сторонники создали сеть агентов для тайного провоза напечатанных кириллицей книг в земли православных славян.

Сознавая необходимость помощи кого-то из православных для перевода протестантской литературы, Примож Трубар и Стефан Конзул на некоторое время пригласили в Урах двух сербских монахов-эмигрантов, но были чрезвычайно разочарованы, когда оказалось, что их план привезти в Тюбинген чрезвычайно умного и образованного православного серба Димитрия не может быть реализован. Последний, будучи первым секретарем валашского воеводы, провел несколько лет при дворе патриарха в Константинополе. Познакомившись с реформационным учением, вероятно, в Трансильвании, в 1559 г. он отправился в Виттенберг, где был обращен в новую веру Меланхтоном. Димитрий желал передать греческий перевод *Confessio Augustana* и других сочинений вселенскому патриарху и распространять Реформацию среди православных славян, греков и румын.

Некоторое время, пока его друг, греческий князь Иаков Гераклид, был господарем Молдавии, он имел возможность работать над претворением этого плана. Последний, будучи в изгнании в Германии, был обращен в протестантизм Меланхтоном. Поступив в армию Карла V, Гераклид в 1561 г. с помощью имперских войск вторгся в Молдавию, в то время управлявшуюся союзником турок Александром VI. Победив и турок, и Александра, Гераклид сам стал правителем. Его попытка ввести в завоеванной стране протестантизм явля-

ется единственным примером навязывания Реформации на православных землях. Попытка не удалась, вспыхнуло восстание православного населения, и в 1563 г. Гераклид был убит.

Кружок в Урахе не упустил этой возможности: зная, что у румын были приняты славянская служба и кириллический шрифт, они предложили прислать в Молдавию книги на кириллице. На этом деятельность Димитрия среди славян и румын завершилась, хотя позднее он, кажется, передал вселенскому патриарху исповедание веры Меланхтона и катехизис Лютера⁴³.

Унгнад и его сотрудники строили грандиозные планы. Они даже пытались заинтересовать своими идеями императора Максимилиана II, а Унгнад разослал письма всем протестантским князьям и городам Германии. Приглашая всех к участию в реализации своего плана, они подчеркивали не только необходимость пропаганды Реформации среди православных славян, но и возможность таким образом ознакомить турок с реформированным христианством и обратить их.

Православные восточные славяне тоже были охвачены этим планом. Агент Унгнада в Вене И. Фрелих, пристально следивший за протестантской пропагандой в Литве, среди белорусов и украинцев, вступил в переписку с князем Миколоасом Радзивиллом на предмет распространения среди славянского населения Литвы славянской протестантской литературы, напечатанной кириллицей, а также обратился к герцогу Альбрехту Прусскому, хорошо зная его интерес к пропаганде Реформации в Польше и Литве.

Еще до молдавской авантюры Димитрий выражал желание отправиться в Московию для учреждения там школы и пропаганды «истинной религии» среди москвитов. Даже Флаций Иллирик интересовался протестантскими миссиями среди украинцев и русских. Протестантская литература, печатавшаяся в Урахе, рассылалась в Чехию, Польшу и Литву, но имела ли она какой-то успех среди православных интеллектуалов, совершенно неизвестно.

Пример южнославянских энтузиастов и их немецких сторонников, видимо, способствовал началу аналогичной деятельности князя Радзивилла и других представителей литовской шляхты. Основанная ими типография в Несвиже была снабжена кириллическим печатным станком, и Симон Будный напечатал там для украинцев катехизис и краткое сочинение, объясняющее православным протес-

тантскую доктрину об оправдании верой (1562)*. Будучи сам поляком, Будный, уверенный, что это привлечет к Реформации православных, призывал дворян, отрекавшихся не только от православной веры, но и от родного наречия, продолжать пользоваться русским. Сочинения Будного обратили на себя внимание некоторых православных священников и вызвали полемический ответ старца Артемия. Насколько серьезно Будный был поглощен своей задачей, свидетельствует его послание к преемнику Цвингли Г. Буллингеру, в котором он спрашивал швейцарского реформатора, как следует протестантам относиться к *filioque*: католическая доктрина об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Сына резко осуждалась православием.

Вскоре, однако, Будный примкнул к антитринитариям и вынужден был защищать это учение от собственных единоверцев. Богословские споры между реформаторами, становясь все более страстными, уничтожили тот «экуменический» настрой, который характеризовал реформационное движение среди южных славян и докатился даже до восточного славянства.

Надежды литовских протестантов, что Реформация может распространиться в Московском государстве, возможно, возбудил тот факт, что в 1553 г. несколько православных монахов во главе с Феодосием Косым и Игнатием** бежали из Москвы из-за угроз со стороны церковных властей; они проповедовали доктрины даже более продвинутые, чем протестантские. Известны православные священники, выступавшие с реформаторской проповедью в Витебске и Полоцке, но в собственно Московское государство протестантская пропаганда проникала очень мало.

Современники Ивана IV могли узнать о Реформации от немецких и других западноевропейских ремесленников и специалистов, в услугах которых царь нуждался для проведения своих военных и экономических реформ, а также от английских купцов, получивших разрешение построить в Москве собственную церковь. Лучшее отношение царя к новым учениям иллюстрирует инцидент, случившийся в 1563 г. в Полоцке: захватив город, царь велел схватить про-

* Имеется в виду сочинение «Об оправдании грешного человека перед Богом». — *Прим. перев.*

** Артемием. — *Прим. перев.*

поведника Фому и, избив посохом, приказал утопить его в ледяных водах Западной Двины.

В 1570 г. была предпринята робкая попытка привлечь симпатии Ивана IV к учению Чешских братьев. В Москву из Польши была послана делегация для переговоров с царем о мире; два ее члена, состоявшие в польской организации Общины чешских братьев, попросили братского священника Яна Рокиту, чеха по происхождению, сопровождать их в качестве капеллана. Рокита принял приглашение, усмотрев в нем благоприятную возможность для распространения своего учения среди восточнославянских собратьев.

Надежды Рокиты не сбылись. На торжественном приеме царь, оскорбив его и назвав еретиком, задал десять вопросов, на которые тот должен был ответить письменно. На другом торжественном приеме Роките было передано ответное послание царя, завернутое в золотую парчу, украшенное жемчугом, но полное оскорблений. Царь завершил диспут, назвав его «не только еретиком, но и слугой антихристовым, воздвигнутым дьяволом», и запретил Роките проповедовать свое учение в его владениях, прося Господа охранить русский народ от тьмы его неверия. Сходным образом Иван IV рассуждал о лютеранстве в споре с немецким священником Бокхорном, хотя и хвалил знание Лютером Библии. Так завершились попытки протестантской пропаганды в Московском государстве.

Примечания

¹ Например, Эразм Роттердамский писал в «Похвале глупости», что епископы «... пасут только самих себя, возлагая заботы об овцах либо на самого Христа, либо на странствующих монахов и на своих викариев. ...лишь об ловлении денег воистину пекутся они и здесь, как подобает епископам... А если бы кардиналы, в свою очередь, поразмыслили о том, что они унаследовали место апостолов и, стало быть, обязаны подражать их жизни... Если бы отцы кардиналы взвесили все это, они не добивались бы высокого своего сана и покидали бы его с великой охотой либо вели жизнь, полную тяжких трудов и забот... А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Если бы они попробовали подражать его жизни..., чья участь в целом свете оказалась бы печальнее? Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, диспенсаций, сборов, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений? ...Их место заняли бы бдения, посты, слезы, проповеди, молитвенные собрания, ученые занятия, покаянные вздохи и тысяча других столь же горестных тя-

гот... Ныне же, напротив, все труды возлагаются на Петра и Павла,—ведь у них довольно досуга,—а блеск и наслаждение папы берут себе... Остается одно лишь оружие да те сладкие словеса, о которых упоминает апостол Павел и которых никогда не жалели папы в своем милосердии, и, наконец, interdикты, временные отречения от бенефициев, повторные отлучения, анафемы, картинки, изображающие муки грешников... Охотнее всего святейшие во Христе отцы и Христовы наместники поражают этими молниями тех, кто, наущаемый дьяволом, пытается умалить или расхитить достояние святого Петра...» (Эразм Роттердамский, *Похвала глупости*. Пер. И. Губера // Себастиан Брант, *Корабль дураков*. Эразм Роттердамский, *Похвала глупости* и др. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен, *Диалоги*, М., 1971, с. 187—189).

² Рим.1.17: В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: «праведный верою жив будет».

³ В чешской историографии подробная история Реформации в Чешском королевстве еще не написана. Ф. Хрейза (F. Hrejza, *Dějiny křesťanství v Českoslov.*, dl. 1—6, Praha, 1947—1950; там же Библи.) много внимания уделил чешской Реформации, но остановился на 1576 г.; им же написан краткий популярный очерк: *Česká reformace* (1914). Научный очерк с библиографическими примечаниями опубликовал О. Одложилек (O. Odložilík) в четвертом томе *Českoslov. Vlastivěda* (1932, с. 341—490). Книга Р. Ржичана (R. Říčan. *Dějiny Jednoty bratrské*, Praha, 1957) содержит полезный библиографический свод чешских работ о Реформации и особенно об Общине чешских братьев (с. 444—483). Тем же автором опубликована на немецком языке история Реформации в Чехии (см. Библи.).

⁴ Чехи были тронуты словами Лютера о Яне Гусе, что он и его приверженцы будут продолжать защищать Яна Гуса, святого мученика Христова, даже если вся Чехия отречется от его учения.

⁵ Томас Мюнцер, основатель движения анабаптистов в Германии, пропагандировал свое радикальное учение, осужденное Лютером, также и в Праге. Здесь он нашел ряд последователей, привлеченных его экстатической пророческой проповедью, напоминавшей о многих идеалах радикальных таборитов. В своем Пражском манифесте Мюнцер вспомнил и о Яне Гусе. «Новая Церковь», основанная им в Германии и Праге, проповедовала род христианского коммунизма. Мюнцер заключил союз с восставшими крестьянами южной Германии, а после поражения повстанцев был казнен со многими своими последователями (1525). В том же году в Праге на костре были сожжены многие его приверженцы. Враги Братьев часто отождествляли их с анабаптистами, равно осуждавшимися и католиками, и протестантами. Более умеренная группа анабаптистов во главе с Бальтазаром Губмайером после катастрофы в Германии нашла убежище в Моравии. Губмайер и другой вождь моравских анабаптистов, Якоб Гуттерер, были сожжены в Австрии,

но их секта продолжала существовать в Моравии и даже распространилась в Венгрии и Трансильвании. В Моравии они пользовались протекцией некоторых магнатов, ценивших их как умелых ремесленников, особенно в керамическом производстве. Организованные в семейные общины, они продолжали существовать в Моравии до 1733 г., когда большинство из них было обращено в католичество. Остатки их переселились сначала на Украину, а в 1874 г. в Южную Дакоту (США) и в Канаду, где они продолжают жить примерно тридцатью семейными общинами.

⁶ Их епископ Ян Августа, несправедливо обвиненный в предательских переговорах с курфюрстом саксонским, был подвергнут пытке и провел 16 лет в заключении.

⁷ О Чешских братьях в Польше см. с. 493—494.

⁸ В Чехии причащение мирян из чаши было запрещено в 1622 г. В Австрии Максимилиан II запретил его в 1571 г., убедившись, что эта уступка не может удовлетворить протестантов; так же поступил и герцог Баварский. О причащении из чаши в Венгрии см. ниже, с. 487.

⁹ Религиозный курс Максимилиана II продолжает оставаться предметом споров чешских историков. Он так и не смог сделать выбор между католическим и протестантским учением; посещая мессу, отказался причаститься Святых тайн на смертном одре. Видимо, Максимилиан склонялся к религии в основе своей католической, но воспринявшей некоторые протестантские идеи, особенно в сфере отправления обрядов. В этом отношении его религиозные взгляды были недалеко от утравкистских. С другой стороны, он уважал чужие религиозные верования и не был склонен к применению силы в религиозных делах. Характерный для Максимилиана дух терпимости являлся чем-то исключительным среди правителей того времени.

¹⁰ Среди многочисленных чешских публикаций о поражении протестантских сословий следует порекомендовать работу Пекаржа о его причинах и последствиях: J. Pekař, *Bílá Hora, její příčiny i následky*, Praha, 1921. Ср. также недавние работы двух молодых историков о политике Англии и Нидерландов в Чешском восстании и об участии испанцев в битве у Белой Горы: J. Polišenský, *Anglie a Bílá Hora*, Praha, 1949, и *Nizozemská politika a Bílá Hora*, Praha, 1957; B. Chuboda, *Špaňelé a Bílá Hora*, Praha, 1945. Ср. также F. Kryštof, *Protestantství v Čechách až do bitvy Bělohorské*, Praha, 1906: исследование о распространении протестантизма в Чехии до поражения сословий.

¹¹ Наиболее выдающимся лужичанином первого протестантского поколения был Каспар Пейцерс, профессор медицины в Виттенбергском университете и зять Меланхтона. Он являлся посредником между Чешскими братьями и университетом, а в письмах к Яну Благославу подчеркивал родство между чешским и лужицким языками, считая последний «материнским». Для него был характерен «экуменический» настрой, а в конце жизни он стал жертвой «антифилиппистской» лютеранской кампании.

¹² Из самых недавних работ о Реформации в Словакии см: Kváčala, *Dějiny reformácie na Slovensku, 1517—1711* (Lipt. sv. Mikuláš, 1935).

¹³ Ср. выше, главу X, с. 290.

¹⁴ См. особенно Е. Varsik, *Husiti a reformácia na Slovensku do Žilinskej dohody*, Bratislava, 1932.

¹⁵ В 1556 г. лютеранином стал даже епископ Нитры Ф. Турзо.

¹⁶ Ср. выше, с. 481—482.

¹⁷ Ср. выше, главу XIII, с. 357—358.

¹⁸ Польская историография не имеет подробной истории Реформации в этой стране. Вотчке (см. Библ.) использовал только источники, доступные в немецких и швейцарских архивах и библиотеках. Важные материалы, относящиеся к польской Реформации, публиковались под редакцией проф. С. Кота (см. Библ.), лучшего специалиста по этой проблеме, в журнале *Reformacja w Polsce*, издававшемся Обществом по изучению истории Реформации в Польше в 1921—1938 гг. и с 1945 г. Вместо старой работы Буковского (Х. У. Bukowski, *Dzieje reformacji w Polsce*, t. 1—2, Кг., 1883—1886) следует рекомендовать труд Вотчке. Книга Н. Н. Любовича *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше* (Варшава, 1890) содержит православную точку зрения на католическую контрреформацию. Краткое исследование Б. Штасиевского (В. Stasiński, см. Библ.) включает хороший обзор научных достижений по этим проблемам.

¹⁹ См. выше, главу XIII. Ср. Chrzanowski I. & Kot S., *Humanizm i Reformacja w Polsce* (Lwów—Warsz., 1927)—интересное собрание ранее не публиковавшихся документов и трактатов польских интеллектуалов.

²⁰ О королеве Боне см. главу X, с. 300—302, главу XIII, с. 364, 371 и главу XVII, с. 527. Ср. одно из последних исследований о ней: W. Pocięcha, *Królowa Bona* (t. 1—2, Poznań, 1949).

²¹ С. Кот в своей работе *Opposition to the Pope by the Polish Bishops, 1557—1560* (см. Библ.) показал, в отличие от традиционной точки зрения, что, хотя среди польских иерархов и не было своего Томаса Кранмера, имелось несколько случаев серьезной оппозиции польских епископов папству; двое из них даже, видимо, открыто встали на сторону реформаторов.

²² Во 2-м томе журнала *Reformacja w Polsce* (1922, S. 161—184) содержится работа на эту тему В. Поцехи.

²³ У лютеран всего насчитывалось в Польше 110 немецких и 32 польские общины. Кальвинистские общины, преимущественно польские, были многочисленнее: 80 в Великой Польше, 250 в Малой Польше и 191 в Литве. Подробная статистика содержится в книге: Н. Merczyng, *Zbory i senatorowie protestancy w dawnej Polsce*, Warsz., 1902.

²⁴ См. выше, с. 365.

²⁵ Об их литературной деятельности см. главу XIII, с. 365.

²⁶ Об экуменическом движении среди польских протестантов см. книгу К. Йоргенсена (К. Е. У. Jørgensen, см. Библ.). Там же о Моджевском, с. 175—218, о Ласком, с. 15—143, о Сандожежском синоде, с. 237—280.

²⁷ Полная библиография о Будном содержится в книге С. Кота *Szymon Budny* (см. Библ.). Будный был также страстным пропагандистом реформаторских идей среди православного населения Польско-Литовского государства. О литературной деятельности сочинил см. I. Szezucki, *Literatura arian-ska w Polsce XV wieku*, Warsz., 1958. См. также краткую работу Я. И. Порецкого: *Симон Будный — передовой белорусский мыслитель XVI в.*, Минск, 1961.

²⁸ См. главу XVIII, с. 568.

²⁹ Об унитариях в США см. Е. М. Wilbur, *A History of Unitarianism* (см. Библ.).

³⁰ О его литературной деятельности см. главу XIII, с. 367—370.

³¹ Подробнее см.: I. Grabowski, *Literatura luterańska w Polsce wieku XVI, 1530—1630*, Poznań, 1920.

³² Подробно исследовал эту тему Ф. Кидрич (F. Kidrič, см. Библ.).

³³ В этом отношении ср., особенно, М. Murko, *Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation* (см. Библ.).

³⁴ Подробнее см. Th. Elze, *Die Universität Tübingen und die Studenten aus Krain*, Tübingen, 1877,—единственная публикация, убедительно показывающая значение Тюбингена для Реформации в Словении.

³⁵ Подробнее см. М. Murko, *Die Bedeutung der Reformation...*, S. 6—24 (см. Библ.).

³⁶ Глаголический алфавит был изобретен апостолом славян св. Кириллом в IX в. для моравских славян. Он распространился в Хорватии и до сих пор применяется частью хорватского духовенства латинского обряда. Кириллический алфавит используется всеми православными славянами.

³⁷ Об образовании Военной границы см. выше, главу XIV, с. 423.

³⁸ То, с какой настоятельностью вожди хорватского протестантизма печатали свою литературу на глаголице, возбудило новые подозрения католических иерархов против славянского богослужения латинского обряда в Далмации и Хорватии из-за глаголического шрифта литургических книг. Синод в Загребе в 1634 г. запретил славянскую литургию, дожившую, однако, в Далмации до наших дней.

³⁹ Подробнее о хорватской протестантской литературе см.: F. Bučar, *Povijest hrvatske protestantske književnosti za reformacije*, Zagreb, 1910. Полная библиография хорватской протестантской литературы опубликована в журнале *Starine* АН Югославии, т. 39, Загреб, 1938, с. 79—128: F. Bučar & F. Fancev, *Bibliografija hrvatske protestantske književnosti za reformacije*.

⁴⁰ Хорватские протестанты использовали в своих сочинениях чакавский диалект, распространенный в Истрии, на Далматинских островах, в север-

ной и центральной Далмации. Кашич, однако, считал, что в основу литературного языка следует положить диалект самой большой группы южнославянских народов, и пользовался в своих трудах и составленной им грамматике штокавским диалектом Боснии и Герцеговины как наиболее чистым наречием, употребляемым большинством хорватов и сербами. Его выбор был определен желанием изложить католическое учение на языке, известном не только католикам-хорватам, но и мусульманам-боснийцам и православным-сербам. Кашич и хорватские иезуиты руководствовались миссионерскими и униатскими идеями римской конгрегации для пропаганды веры: в центре интересов папства находились Босния и Герцеговина, где славяне: православные, католики и мусульмане — жили совместно. Диалект Дубровника, которым пользовались его писатели, очень близок боснийскому. Таким образом, в результате длительной эволюции сербы и хорваты получили единый литературный язык.

⁴¹ Существует биография Крижанича на хорватском языке: V. Jagić, *Život i rad J. Križanića*, Zagreb, 1917. Его деятельность в России рассматривает П. Пирлинг в 4-м томе *La Russie et le S. Siège* (р. 1—39; см. Библ. к главе XII). См. также ниже, главу XIX, с. 611, 623.

⁴² Заслуга в этом принадлежит Э. Бенцу, подытожившему результаты своих исследований, публиковавшихся в различных научных журналах, в работе *Wittenberg und Byzanz* (особенно на с. 141—208; см. Библ.).

⁴³ О переписке Меланхтона со вселенским патриархом Иоасафом см. у Бенца (ор. cit., S. 63 ff., 94 ff.). Патриарх Кирилл Лукарис (1572—1638) явился единственным православным иерархом, ставшим кальвинистом; его исповедание было осуждено на православных соборах в Константинополе (1638), Яссах (1642) и Иерусалиме (1672)*.

* Иерусалимский собор 1672 г., напротив, совершенно оправдал Кирилла Лукариса.— *Прим. перев.*

Глава XVII

Габсбурги, Московское государство, Польско-Литовское государство и Чехия

Возвышение Габсбургов — Первые контакты с Московским государством — Союз Габсбургов с Москвой — Сигизмунд I, Василий III и Габсбурги — Венский конгресс 1515 г. — Выгодность дружественных отношений для Московского государства и Габсбургов — Максимилиан II, Иван IV и бескорольевы в Польше — Воцарение Стефана Батория, Рудольф II и Федор Иванович — Габсбурги, Ян Замойский и Борис Годунов — Ян Замойский, Габсбурги и Дунайские княжества — Попытки Карла V проводить имперскую политику — Политические концепции Филиппа II и их крах — Основные принципы испанского абсолютизма — Австрийские Габсбурги принимают испанскую концепцию — Ее воплощение в Чехии — Монархические планы Фердинанда II в Германии встречают противодействие Дании, Франции и Швеции — Конец Тридцатилетней войны, Вестфальский мир 1648 г., крах Чехии — Литературная деятельность чешских эмигрантов; Коменский, Жеротин — Чешская литература контрреформации — Чешские патриоты, упадок чешской национальной жизни — Чешское и словацкое искусство барокко

В XVI—XVII вв. ведущей династией Европы являлся, вне сомнения, дом Габсбургов, включая его австрийскую и испанскую ветви. Хорошо известна роль Габсбургов в истории Германии и всей Западной Европы того времени. Во многих аспектах эта роль имела судьбоносные последствия для ряда славянских народов. Некоторые события, часто недооцениваемые, не только оказали глубокое воздействие на возвышение и упадок Габсбургов, но и позволяют бросить свежий взгляд на историю современной Европы.

Прежде всего следует иметь в виду, что возвышение Габсбургов тесно связано с судьбой славянской страны — Чешского королевства. Как было показано в главе II, Габсбурги создавали свою славу на осколках деяний и устремлений доблестного чешского короля Пржемысла II Отакара. Последний в борьбе с основателем дома Габсбургов Рудольфом I потерял не только шансы на императорскую корону, но и все альпийские территории от границ Чехии до Адриатики, об-

ладание которыми явилось плодом проявленных им в течение всей жизни дипломатического искусства и военной доблести. С этого времени завладение чешской короной стало основной целью дипломатии Габсбургов. Сын Рудольфа, император* Альбрехт I (1298—1308), женил своего сына Рудольфа на вдове Вацлава II Чешского, и, когда династия Пржемысловичей в 1306 г. пресеклась, Рудольф стал королем Чехии. Смерть его и его отца, однако, помешала Габсбургам сохранить королевство за своим домом. Выдвинулась Люксембургская династия, отнявшая у Габсбургов не только чешскую, но и императорскую корону¹.

Тем временем новые возможности для Габсбургов открылись в Польше и Венгрии. Последний король Польши и Венгрии из Анжуйской династии, Людовик (Лайош) Великий, согласился выдать свою дочь Ядвигу, наследницу венгерской короны, замуж за Вильгельма, сына австрийского герцога Леопольда III. Бракосочетание было формально отпраздновано в 1378 г., когда принцессе было только пять лет. Когда в 1382 г. венгерские сословия избрали сестру Ядвиги Марию на королевство, было установлено, что Ядвига унаследует от отца польский престол. Надежды Габсбургов были, однако, подорваны решением польских сословий выдать десятилетнюю девочку-«короля» за Ягайло Литовского. Вильгельм Габсбург пытался отстоять свои права, но тщетно: его попытка захватить Вавельский замок в Кракове провалилась, и он был вынужден вернуться в Вену. Ядвиге, любившей своего молодого мужа, пришлось принести в жертву личные чувства интересам своего королевства².

В Чехии Габсбурги добились большего успеха. Новая глава в их истории открылась в 1437 г., когда Альбрехт II (1437—1439), зять последнего представителя Люксембургской династии Сигизмунда, унаследовал от него чешское и венгерское королевства, а также германскую корону^{3**}. Габсбурги занимали императорский престол, с одним небольшим перерывом, с 1438 г. и до ликвидации Священной Римской империи в 1806 г., что обеспечивало им огромный авторитет в Центральной Европе. Один из наименее способных императоров-Габсбургов, Фридрих III (1440—1493), был более всего уверен в будущем династии. Он стал «архитектором» ее возвышения в ев-

* Германский король Альбрехт I не был коронован папой императором Священной Римской империи.—*Прим. перев.*

** В 1437 г. Альбрехт II стал венгерским королем, а чешским—в 1348 г.; германским королем он был в 1438—1439 гг.—*Прим. перев.*

ропейской истории, устроив брак своего сына Максимилиана с Марией Бургундской, дочерью и наследницей Карла Смелого. Этот брак принес Габсбургам Нидерланды, одну из богатейших стран Европы.

Однако неспособность Фридриха действовать своевременно подорвала шансы Габсбургов в Центральной Европе. Он ничего не сделал, чтобы усилить позиции своего подопечного Ладислава Погробека, сына Альбрехта II и Елизаветы Люксембургской, признанного наследником чешской и венгерской короны. Сначала Ладислав (Ласло V) был лишен венгерского престола польским королем Владиславом III, погибшим в битве под Варной. После преждевременной смерти Ладислава в 1457 г. в Венгрии его сменил Матвей Корвин (Матьяш Хуньяди) (1458—1490), а в Чехии — Йиржи Подебрад. После смерти того и другого Чехия и Венгрия вновь были объединены Владиславом II (Уласло II) и его сыном Людвиком (Лайошем II) Ягеллонами.

Позиции Габсбургов в Европе значительно укрепил сын Фридриха Максимилиан I, в 1486 г. избранный римским королем. Максимилиан, возможно, наиболее способный из Габсбургов, по праву считается вторым основателем династии. Его брак с Марией, наследницей бургундского герцога Карла Смелого, принес его сыну Филиппу Красивому переживавшие расцвет Нидерланды. Брак последнего с Хуаной Безумной, наследницей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, отдал (1516) внуку Максимилиана Карлу все наследие Испании в Европе и Новом Свете. Правильно было сказано: «bella gerant alii, tu felix Austria, nube»^{*}.

Еще до того как стать императором (1493—1519), Максимилиан I развил бурную дипломатическую активность в Центральной Европе. После смерти Матвея Корвина в 1490 г. он стал кандидатом на венгерский престол, но вынужден был уступить Ягеллонам. Эти события послужили началом соперничеству Габсбургов и Ягеллонов в Центральной и Восточной Европе. Максимилиан яснее, чем его отец-император, сознавал опасность, которую Ягеллоны несли будущности династии. Люксембурги лишь в течение столетия препятствовали верховенству Габсбургов в Центральной Европе, но объединение польской, чешской и венгерской корон в руках Ягеллонов могло их сокрушить. Более всего Максимилиан желал предотвра-

^{*} «Другие воюют, а ты, счастливая Австрия, сочетаешься браком». — *Прим. перев.*

тить получение Ягеллонами венгерской короны и, предвидя конфликт, стал искать союзников.

Брак Ивана III Московского с Зоей (Софьей), племянницей последнего византийского императора, сосредоточил внимание Запада на новом могущественном правителе, соседе Польско-Литовского государства. Венгерский король Матвей Корвин уже заключил союз с Иваном III против польско-литовского короля Казимира IV. Первую информацию о Московском государстве императорский двор получил от Николая Поппеля, рыцаря, посетившего Московию в 1486 г. Император и его сын, зная о соперничестве Москвы с Польско-Литовским государством, в 1489 г. направили Поппеля с официальной миссией в Москву предложить Ивану III дружеский союз. Москвиты отнеслись к этому с некоторым подозрением, и посол Ивана III грек Юрий Траханиот занялся выяснением искренности намерений императора и его сына. Серьезные переговоры начались в 1490 г., когда императорский посол Йорг фон Турн вместе с Ю. Траханиотом прибыл в Москву. Иван III предложил союз против Польско-Литовского государства, обещая Габсбургам помощь в возвращении их «наследства» — венгерского престола, и Траханиот вновь был отправлен в Германию вести переговоры о формальном заключении союза.

Тем временем Матвей Корвин умер (1490), и Максимилиан начал войну в Венгрии за вакантный престол. К несчастью, Турн и Траханиот достигли Нюрнберга только в марте 1491 г. и обнаружили, что Максимилиан I, отвоевав австрийские территории, захваченные Корвином, в силу финансовых затруднений вынужден был прекратить кампанию в Венгрии, хотя ему и удалось расположить некоторых влиятельных магнатов в пользу своей кандидатуры. Осложнения во Франции, препятствовавшие получению наследства его жены в Нидерландах и Бургундии, отказ имперского сейма предоставить ему необходимые для борьбы средства заставили Максимилиана заключить Пресбургский договор с претендентом-победителем Владиславом II Чешским. Последний, боровшийся за венгерскую корону совместно со своим братом Яном Ольбрахтом⁴, согласился, что если он или его дети умрут, не оставив наследников, венгерский трон перейдет к Максимилиану или его наследникам. Соглашение было скреплено браками внуков Максимилиана Фердинанда и Марии с дочерью и сыном Владислава. Таким образом, Максимилиан I добился всего, на что мог рассчитывать в этой трудной ситуации, без русской помощи. Максимилиан попытался добиться от Ивана III за-

щиты Ливонии и Пруссии, которых он считал частью империи, но великий князь, осведомленный о Пресбургском договоре, отказался распространить договор с Максимилианом I на эти территории, подтвердив, однако, действительность их союза против Польско-Литовского государства. Максимилиан был несколько смущен отношением Ивана. Для него союз с Русью потерял все свое значение, и он вступил в переговоры с великим князем только тогда, когда Владислав Чешский и преемник Казимира IV в Польше и Литве Ян Ольбрахт заключили союз с Францией, с которой Максимилиан все еще воевал за наследство своей жены (1500).

У Максимилиана I оставалась еще одна карта, которую он мог использовать в соперничестве с Польшей. Великий магистр Тевтонского ордена оспаривал действенность условий Торуньского мира, заключенного в 1466 г. после поражения Ордена, и отказывался принести ленную присягу польскому королю. Император принял сторону Ордена и запретил великому магистру присягать польскому королю на том основании, что земли Ордена являются частью империи. Его переговоры с Иваном III, однако, не имели практического значения для этого спора⁵. У Ивана в тот момент не было особого интереса использовать договор с императором в своей дипломатии, а Максимилиан I был слишком поглощен делами дома Габсбургов в Западной Европе. Вместе с тем Иван III и его преемник Василий III (1505—1533) вполне сознавали, какое значение более тесные связи с Габсбургами могут иметь в случае нового конфликта с Польско-Литовским государством, и до нового благоприятного момента сохраняли дверь открытой.

Внимание Василия III к Максимилиану I привлек Михаил Глинский, отпрыск знатного крещеного татарского рода, в прошлом фаворит короля Александра I. Поссорившись с преемником Александра Сигизмундом I Польским, Глинский отъехал в Москву. Он рассчитывал, что решение венгерского дворянства 1505 г. исключить из наследования любого иноземного правителя невенгерского происхождения возбудит в Максимилиане подозрение, что его польский соперник поддерживает в Венгрии антигабсбургскую партию, и побудит его возобновить союз, заключенный еще с Иваном III. Василий III, ведший тяжбу с Сигизмундом I о приданом своей сестры Елены, вдовы Александра I⁶, последовал его совету. Максимилиан же, вовлеченный в борьбу в Италии, не ответил на инициативы Москвы и, более того, был разочарован отказом великого князя вернуть Ганзе богатства, конфискованные Иваном III в Новгороде.

Таким образом, Василий III вынужден был начать войну с Польско-Литовским государством без помощи Габсбургов. Ему удалось захватить Смоленск, но за этим последовало громкое поражение на реке Орше (1514)*, что заставило его активнее искать соглашения с Максимилианом I. Последний, узнав о браке Сигизмунда I с Барбарой, дочерью Яноша Запольяи, вождя антигабсбургской партии в Венгрии, также стал склоняться к более тесным отношениям. На этот раз Максимилиан взял инициативу в свои руки и направил в Москву Георга фон Шнитценпаумера, наделенного полномочиями возобновить дружеские отношения с москвитями и предложить образовать коалицию с Данией и немецкими князьями против Польши и Литвы. В действительности, император желал лишь воспользоваться угрозой коалиции против Сигизмунда, так как сложности его положения во Франции и Италии препятствовали началу каких-либо действий на Востоке.

Василий III ухватился за эту благоприятную возможность и благодаря дипломатическому искусству своих советников вынудил императорского посла заключить формальный антипольский союз. Он рассчитывал, что император окажет ему существенную помощь, напав на Польшу с тем, чтобы вернуть территории, потерянные Тевтонским орденом. Император был очень смущен, обнаружив хитрость русских дипломатов. Он не имел намерений начать немедленную вооруженную акцию в пользу Тевтонского ордена — не больше, чем саксонский и бранденбургский курфюрсты, более всего заинтересованные в конфликте Ордена с Польшей. Чтобы не оскорблять великого князя, Максимилиан I согласился на альянс, но немедленно послал посольство в Москву с новым текстом договора, который в значительной мере ослаблял ранее заключенный союз. Вместо того чтобы открыть военные действия, как требовал Василий III, Максимилиан предложил провести мирную конференцию заинтересованных сторон на имперском сейме в Любеке. Великий князь выразил протест и настаивал на том, что император связан текстом союзного договора, заключенного в Москве.

Хотя Максимилиан I никогда не намеревался соглашаться со всеми последствиями, вытекавшими из антипольского союза с Московским государством, его заключение принесло ему больше пользы, чем он, возможно, мог бы получить от вооруженного вмешательства.

* Правильно — у города Орши, расположенного при впадении в Днепр реки Оршицы. — *Прим. перев.*

Сигизмунд I узнал о переговорах между императором и великим князем и вполне сознавал все возможные последствия совместного нападения на Польшу и Литву со стороны императора, Тевтонского ордена и Москвы. Поэтому он воспользовался услугами Владислава Чешского, чтобы отвлечь императора от Московии. Максимилиан, все еще поглощенный делами в Западной Европе, дал благоприятный ответ, и в Вене в 1515 г. была организована встреча Владислава II, короля венгерского и чешского, Сигизмунда I, короля польского, и императора. Позиция императора, желавшего заключить сделку, ослаблялась негативными результатами переговоров на Любекском сейме. Поскольку коалиция Дании и курфюрстов саксонского и бранденбургского в поддержку Ордена не могла быть реализована, Максимилиан I был вынужден пожертвовать интересами империи и принять условия Торуньского мира. В течение последующих пяти лет все споры между Орденом и Польшей должны были быть представлены на арбитраж императора. В ответ на эту неожиданную уступку — Сигизмунд I был, очевидно, не осведомлен о негативных результатах Любекского сейма — Ягеллоны подтвердили и расширили условия Пресбургского договора в пользу Габсбургов. Последние, таким образом, были избавлены от соперничества с Польшей за венгерский трон и получили возможность унаследовать не только венгерскую, но и чешскую корону. Чтобы в какой-то мере выполнить обязательства, вытекавшие из союза с Москвой, Максимилиан обещал приложить усилия для заключения мирного договора между Сигизмундом и Василием III.

Узы дружбы, заключенной между Ягеллонами и Габсбургами на так называемом Венском конгрессе 1515 г., имели первостепенное значение для истории Европы. Для Ягеллонов он означал отказ в пользу Габсбургов от их амбиций стать первоклассной державой Центральной Европы. Вовлеченность в конфликт с Московским государством заставила их отказаться от той роли, которую они могли бы играть в истории Центральной и всей Западной Европы. Из-за шаткости королевской власти в Польше и ее постыдной зависимости от эгоизма шляхты Ягеллоны не смогли продолжать свою экспансию в Центральной Европе и были вынуждены искать поддержки Габсбургов. Для Габсбургов Венский конгресс, приведший к династическим связям с правителями Венгрии и Чехии, явился решающим шагом к достижению той огромной власти, которой они обладали в Европе в течение нескольких столетий.

Соглашение с Габсбургами дало Сигизмунду I передышку в той трудной ситуации, в которой он находился, обеспечило западную границу его королевства и изолировало Альбрехта Прусского, не желавшего приносить ему вассальную присягу. Более того, благодаря посредничеству Максимилиана он получил руку богатой наследницы, миланской принцессы Боны.

Таким образом, для Максимилиана I союз с Москвой потерял свое истинное значение. Великий князь был неприятно поражен, узнав от императорского посла барона Сигизмунда Герберштейна, что император предложил свои услуги в качестве посредника для заключения мирного договора между Польско-Литовским государством и Москвой. Это не было ожидавшимся им подтверждением союза, и высокомерное объяснение, что император считает своим долгом способствовать установлению мирных отношений между христианскими государями в условиях, когда христианскому миру угрожает наступление турок, не произвело впечатления на Василия III. Тем не менее, он был достаточно хитер, чтобы не разрывать свои и так достаточно слабые связи с Габсбургами. Переговоры между Сигизмундом I и Василием III затянулись, главным препятствием на них был категорический отказ великого князя уступить Смоленск. Василий даже принял обращение Альбрехта Прусского и заключил с ним союз, пообещав поддержку, если тот начнет войну с Польшей (на самом деле он не был готов выполнить это обещание). До смерти Максимилиана I (1519) не было заключено даже перемирие.

Польский король получил неожиданную возможность сыграть решающую роль в последующем избрании нового императора. Альбрехт Прусский, не удовлетворенный тем, что Габсбургам не удалось оказать ему поддержку против Польши, энергично способствовал избранию французского короля Франциска I и даже увлек этой идеей великого князя⁷. Сигизмунд I постарался извлечь прибыль из этих обстоятельств и получить возможно больше уступок, прежде чем отдать свой голос в качестве опекуна юного чешского короля Людовика. Однако чешские сословия вынудили его поддержать Карла Испанского, даже не получив от этого кандидата Габсбургов никаких твердых обещаний относительно ни Альбрехта Прусского, ни притязаний его жены Боны на Миланское герцогство.

Карл V (1519—1556) не был достаточно осведомлен о переговорах между Московским государством и Максимилианом I, но он решил продолжить политику своего деда и послал к Василию III посольство, предлагая посредничество в мирных переговорах между

Польшей и Москвой. Сигизмунд I не был обрадован этим предложением, поскольку его военное положение улучшилось, и он относился недоверчиво к возможности нового союза между Москвой и Габсбургами. Василий III увидел в возобновлении дипломатических отношений с императором подтверждение действенности союза, заключенного в 1514 г. Наконец, в том числе благодаря вмешательству легата папы Льва X, до которого дошли ложные слухи о стремлении великого князя к унии с Римом, было заключено перемирие сроком на пять лет.

Старое соперничество между Ягеллонами и Габсбургами возобновилось после пресечения венгерской ветви Ягеллонов в 1526 г. Несмотря на заключенные с Габсбургами соглашения, Сигизмунд I предпринял слабую попытку сохранить королевство за своей династией и, когда антигабсбургская оппозиция избрала национального короля — Яноша Запольяи в противовес Фердинанду I, выказал некоторую симпатию Запольяи. Фердинанд I, одновременно чешский король, относился к Сигизмунду с подозрением, но его брат, император Карл V, оставался лоялен к польскому королю и ответил отказом на предложение Василия III возобновить союз 1514 г. Вместе с тем, обмен посольствами между Московским государством и Габсбургами побудил Сигизмунда I возобновить дружественный курс в отношении Габсбургов. Он принял предложение Фердинанда выдать замуж свою дочь Елизавету за его сына Сигизмунда Августа и обещал отказаться от двусмысленной политики в Венгрии в отношении соперничества между Фердинандом и Запольяи.

Сторонниками прогабсбургского курса в Польше были два высокопоставленных должностных лица: канцлер Кшиштоф Шидловецкий и подканцлер Петр Томицкий. После их смерти королева Бона, всегда враждебно относившаяся к Габсбургам, убедила Сигизмунда I выдать их дочь Изабеллу замуж за Яноша Запольяи и делала все, что могла, чтобы обеспечить поддержку Польши малолетнему сыну и наследнику Запольяи Яношу Жигмонду, которого поддерживал и султан. Бона сумела также отдалить своего сына от его габсбургской жены, но когда Елизавета умерла и Сигизмунд Август заключил «морганатический» брак с Барбарой Радзивилл, вызвавший яростную оппозицию части польской шляхты, тот обратился за поддержкой к Габсбургам. В 1549 г., через год после восшествия на престол, Сигизмунд II Август заключил с ними соглашение, включавшее, кроме торгового договора, политическую статью, обязывавшую стороны не оказывать поддержки врагам друг друга.

Все это имело огромное значение для Фердинанда I и его соперничества с сыном и вдовой Яноша Запольяи, польской принцессой. Несмотря на предложения Франции порвать с Габсбургами, Сигизмунд II Август оставался верен своим союзникам. Страх перед альянсом Габсбургов с Москвой вынуждал Польшу сохранять прогабсбургский курс.

После смерти Василия III его вдова Елена — регент при своем малолетнем сыне Иване IV — отправила посольство к Фердинанду I и Карлу V. Позднее последовали притязания Ивана IV на литовское «наследство», принятие им царского титула, ложные слухи о том, что он склоняется к унии с Римом, расположившие папу и императора к признанию за ним королевского титула. Известия обо всем этом побуждали Сигизмунда II Августа сохранять хорошие отношения с Габсбургами. Эти связи укрепил брак вдовствовавшего польского короля с дочерью Фердинанда Екатериной.

Дружественные отношения с Московским государством приносили Габсбургам значительные политические преимущества, но и великие князья, со своей стороны, извлекали из контактов с Габсбургами большие выгоды. И Иван III, и Василий III хорошо понимали, насколько эти связи увеличивали их авторитет. Они открывали путь в Западную Европу, откуда можно было импортировать культурные ценности и товары, в которых нуждалась их страна. Великие князья использовали всякую возможность для приглашения западноевропейских художников и ремесленников для работы в Московском государстве. Василий даже ответил на инициативы папы посылкой своего ученого дьяка Дмитрия Герасимова к Клименту VII (1525). Он стремился расширить контакты с Италией, откуда приглашал лучших мастеров для работы в своей примитивной промышленности, хотя вовсе не был заинтересован в унии с Римом или в королевском титуле, обещанном ему взамен. Дружественные отношения с Габсбургами помогали великим князьям разорвать изоляцию от Европы, к которой их вынудили враждебные и завистливые соседи.

Даже Иван IV находил желательным сохранять должные, если не дружественные, отношения с Габсбургами. Его попытка присоединить Ливонию могла быть истолкована как акт, враждебный империи, поскольку Ливония считалась принадлежащей ей, и великий магистр обратился к императору за помощью. Отвечая на послание, отправленное по этому поводу императором, царь заявил, что Ливония является частью его «наследства». Он коварно напомнил императору, что ливонцы отреклись от истинной веры, и пожаловался,

что они разрушили русские церкви и иконы. Этим он показал, что хорошо осведомлен о религиозной ситуации в Ливонии, и разумно представил некоторые эксцессы воинствующих реформаторов как оправдание своего вооруженного вмешательства против воли императора.

То, как Иван IV обращался с императорским курьером, доставившим послание Фердинанда I, показывает, сколь высоко правители Москвы ценили знаки уважения со стороны императоров. Сожалея, что император не адресовался к нему как к царю, Иван IV тщетно пытался заставить курьера употребить этот титул, хотя бы устно, во время аудиенции. Во время переговоров о продлении перемирия бояре защищали право Ивана на царский титул, указывая, что еще Максимилиан I титуловал так Ивана III. На самом деле, императорский посол Шнитценпаумер использовал этот титул в проекте союзного договора, составленном в Москве в 1514 г., но без санкции императора. И тем не менее, этот момент использовался Иваном IV, митрополитом Макарием и даже Петром Великим как один из основных аргументов в пользу того, что этот титул принадлежит правителю Московского государства. Хотя Фердинанд I не соглашался признать за Иваном IV имперский титул и возражал против идеи папы даровать ему королевский титул, традиционно хорошие отношения между Габсбургами и Рюриковичами не прерывались, и в 1564 г. император Максимилиан II сам обратился к Ивану IV за помощью в войне с турками. Иван IV, униженный несколькими поражениями своей армии из-за вмешательства Польши в Ливонию⁸, ответил очень почтительно, что он бы очень хотел помочь, если бы у него не было столько неприятностей с польским королем, и уверил Максимилиана, что если это препятствие будет устранено, он как брат присоединится к императору, ведущему войну с неверными. Когда все земли, захваченные ими, будут возвращены христианам, царь и император по-братски разделят между собой весь свет и будут править в мире, соединившись в одной церкви.

Смерть последнего короля-Ягеллона (1572) открыла перед Габсбургами новые возможности. Хотя Сигизмунд II Август был зятем Фердинанда I и казалось вполне вероятным, что он умрет, не оставив наследников, император ничего не сделал, чтобы увеличить шансы перехода польской короны к члену своего дома. Действительно, Габсбурги были ненавидимы польской шляхтой, враждебной ко всему немецкому, но многие магнаты и представители высшего духо-

венства благосклонно относились к избранию Габсбурга и склоняли Фердинанда подготовить условия для будущих действий. Впрочем, это было тщетно, и император даже стремился к возвращению своей дочери в Австрию ввиду ее разрыва с царственным супругом.

Максимилиан II был не более удачлив. Сделанное им шурину приглашение присоединиться к антитурецкой лиге не было принято (1571), и король получил лишь неопределенные ответы на свои предложения об эрцгерцоге Эрнесте как лучшем кандидате на польский престол. Кандидатура Эрнеста, казалось, имела хорошие перспективы в Литве, где ее поддерживали не только видные литовские фамилии, но и папский нунций.

Традиция Москвы поддерживать хорошие отношения с Габсбургами вновь проявилась во время переговоров о наследовании в Польско-Литовском государстве после пресечения династии Ягеллонов. Максимилиан II выдвинул кандидатуру эрцгерцога Эрнеста, но в Литве мелкая шляхта более симпатизировала Ивану IV. Надеясь добиться продления перемирия, даже литовские магнаты, склонявшиеся к кандидатуре Габсбурга, пытались заставить Ивана поверить, что его избрание имеет хорошие перспективы, причем не только в Литве, но и в Польше. Однако Иван, видя, что его условия не будут приняты, рекомендовал литовцам избрать эрцгерцога Эрнеста вместо Генриха Валуа, брата французского короля Карла IX.

Тем не менее кандидатура Габсбурга провалилась, и благодаря бестактности императорских эмиссаров в Польше и ненависти шляхты к Габсбургам французская дипломатия торжествовала победу. Все это привело к более тесным отношениям между Максимилианом II и Иваном IV. Царь просил императора не разрешать новоизбранному королю пересекать Германию, надеясь, что если Генрих не прибудет в Польшу вовремя, состоятся новые выборы и Иван получит новый шанс, и предложил Максимилиану возобновить союзный договор 1514 г. Император поблагодарил Ивана IV за его вмешательство в пользу Эрнеста, но воздержался от враждебных действий против избранного короля.

Во время второго бескоролья после бегства Генриха Валуа во Францию (1574) перспективы Габсбургов в Польше прояснились. Польские магнаты склонялись к избранию Габсбурга, а в Литве, где они расположили в свою пользу наиболее значительную магнатскую фамилию Радзивиллов, перспективы были еще более благоприятны. Еще Фердинанд I даровал Радзивиллу Черному титул имперского князя, и Максимилиан II продолжил привлекать на свою сторону

влиятельных литовских дворян. Литовская шляхта, в целом, тоже склонялась к избранию эрцгерцога Эрнеста, надеясь, что если будет избран Габсбург, Иван IV воздержится от нападения на Литву и Ливонию. Польская же шляхта продолжала яростно противиться Габсбургам и, скорее, симпатизировала Ивану IV, кандидатуру которого поддержал также и примас⁹. Радзивилл умолял императора сделать решительный шаг и направить Эрнеста в Литву, где его избрание было гарантировано, заставив, таким образом, принять его и поляков; он также желал, чтобы император обратился к царю за поддержкой Эрнеста.

Максимилиан II опасался такой ситуации совершившегося факта, но все же отправил посольство к Ивану IV, прося его оказать поддержку кандидатуре Эрнеста и обещая титул восточного цесаря (императора) после изгнания турок из Константинополя, которое будет достигнуто благодаря союзу всех христианских государей. Тем временем из-за своей нерешительности и колебаний в предоставлении шляхте более определенных обещаний царь потерял многих своих сторонников в Польше. Поэтому шляхта предпочла другого кандидата, трансильванского князя Стефана Батория. Чтобы предотвратить его избрание, Иван IV предложил императорским послам нечто вроде раздела Польско-Литовского государства: своего сына Федора избрать в Литве, а Эрнеста — в Польше. Если же это окажется невозможным, он желал заключить союз с императором, чтобы не допустить правления в Польше Батория, вассала турецкого султана.

В результате состоялось двойное избрание: большинство шляхты избрало Батория, а прогабсбургское магнатство провозгласило премником Генриха Валуа Максимилиана II. Дело Габсбургов не было бы полностью потеряно, если бы Максимилиан мог и желал предпринять меры более решительные, чем дипломатическое вмешательство.

Иван IV продолжал настаивать на разделе Польши и Литвы между Габсбургами и Рюриковичами и отправил торжественное посольство на имперский сейм в Регенсбург. Это было первое официальное посольство к имперским депутатам, и оно произвело огромное впечатление на Западную Европу. Иван настаивал на заключении союза с императором и принятии жестких мер против Батория. Сейм, однако, не желал предоставить императору необходимые для этого предприятия средства, и бездействие императора помогло Стефану Баторию добиться признания в Польше и Литве даже со стороны разочарованных сторонников Габсбургов.

Преемник Максимилиана Рудольф II (1576—1612) был, как и его отец, заинтересован только в Ливонии и в своих посланиях Ивану IV давал лишь неопределенные обещания, касающиеся заключения союза. Царь остался в изоляции и, не в силах остановить победоносное продвижение модернизированной армии Стефана Батория, вынужден был обратиться к папе с просьбой о вмешательстве. Папский легат Антонио Поссевино умело вел переговоры о мире между Баторием, Швецией и Иваном, но Иван IV, вновь продемонстрировал свою дипломатическую проницательность, ловко рассеяв давно лелеемые папством надежды на примирение Руси с Римом и ее присоединение к антитурецкой лиге.

Успехи Батория побудили Рудольфа II вновь обратиться к Польше, но безрезультатно, поскольку император отказался разорвать свои отношения с Москвой. Смерть Ивана IV привлекла внимание Батория к новым возможностям в Московском государстве, где теперь правил слабый сын Ивана Федор. В связи со слухами, что преемником Федора как московского государя может быть Габсбург, Стефан Баторий прежде всего попытался завоевать поддержку бояр относительно своего собственного возможного наследования и, обеспечив согласие Сикста V, начал готовиться к завоеванию Москвы. Хотя Рудольф II холодно ответил на инициативы Федора, сделанные им после восшествия на престол, он протестовал в Риме против плана Батория совершить завоевание с помощью папы.

Неожиданная смерть Стефана Батория (1586) открыла перед Габсбургами новые возможности, которые колеблющийся Рудольф II не сумел использовать. Среди трех кандидатов на его королевство эрцгерцог Максимилиан продемонстрировал самые большие амбиции и энергию, но политическая ситуация в Польше была очень сложной. Антигабсбургская партия была на стороне Сигизмунда Шведского*, племянника вдовствующей королевы Анны, сестры последнего короля-Ягеллона, в то время как прогабсбургская партия была ослаблена соперничеством эрцгерцогов Эрнеста и Максимилиана, а литовцы на этот раз склонялись к избранию Федора Ивановича. Переговоры с ним потерпели неудачу из-за вопроса о вере, и в Москве слишком поздно осознали, что для них было бы лучше поддерживать кандидатуру Габсбурга. Опять состоялась двойная элекция: большинство во главе с влиятельным канцлером Яном Замой-

* Сигизмунд III Ваза.—Прим. перев.

ским избрало Сигизмунда Шведского, а прогабсбургская партия — эрцгерцога Максимилиана. Последний, недостаточно поддержанный императором, попытался завоевать трон силой, но был разбит и пленен канцлером Яном Замойским.

Хотя царь обещал помощь Рудольфу II в конфликте с Польшей и император отправил в Москву послов для переговоров, мирные переговоры с Яном Замойским провел папский нунций. Канцлер одержал дипломатическую победу, обещав освободить Максимилиана, только если тот отречется от претензий на польскую корону, а император откажется от какой-либо помощи царю в войне с Польшей и Швецией. Максимилиан отказался принести торжественное отречение и сумел спастись из плена. Он настаивал на своих притязаниях на польскую корону и расстроил, разгласив, секретный план Сигизмунда отречься в пользу эрцгерцога Эрнеста. Этим он создал новые трудности для Сигизмунда, который, желая установить более дружественные отношения между Польшей и Габсбургами, женился на австрийской эрцгерцогине Анне.

Новые успехи турок в Венгрии вновь заставили Рудольфа II искать договоренности с Польшей, имея в виду создание антитурецкой лиги христианских государств. Несмотря на принятие Максимилианом под давлением обстоятельств соглашения между Польшей и Габсбургами и вмешательство папского легата, полноценного польско-габсбургского сотрудничества добиться не удалось.

Находясь в затруднительном положении, Рудольф обратился за субсидиями к Москве. Хотя Федор Иванович и его влиятельнейший «министр» Борис Годунов возмущались позицией Габсбургов в деле с эрцгерцогом Максимилианом, Федор послал императору в дар драгоценные меха и принял его посредничество в заключении мира со Швецией.

Борис Годунов, избранный царем после смерти Федора (1598—1605), рассчитывал, что дружественные отношения с императором укрепят его позиции и усилят авторитет среди завистливых бояр. Поэтому он послал посольство императору, предлагая помощь в войне с Турцией и союз против Польши и прося руки принцессы из дома Габсбургов. При императорском дворе, однако, его инициативы встретили холодный прием. Императорское посольство, отправленное в 1604 г., просило только субсидий на войну с Турцией, но было очень уклончиво в вопросе о брачных узах и не сделало никаких предложений о союзе. Борис Годунов отказал в субсидиях, пока не будет заключен новый договор по образцу договора 1514 г. Его вне-

запная смерть резко оборвала дальнейшие связи между Габсбургами и Московским государством. Вполне возможно, что у Бориса Годунова были бы более крепкие позиции в конфликте с боярством, если бы Габсбурги полностью его поддержали. Как и раньше, Габсбурги не отважились на более решительные меры и потеряли свои шансы и в Польше, и в Московском государстве¹⁰.

Своей неудачей в Польше в конце XVI в. Габсбурги были обязаны прежде всего политике канцлера Яна Замойского. Этот проницательный государственный муж, являвшийся ключевой фигурой в общественной жизни Польши во время последнего бескорольева и правления Сигизмунда III, был открытым врагом Габсбургов. Именно Замойский подорвал все усилия папы и Рудольфа II образовать антитурецкую лигу христианских государств, включая Польшу. В этом отношении он следовал уже традиционной в Польше политике мирных отношений с турками. Видя почти безнадежное положение имперской армии в Венгрии перед лицом Османской империи, он избегал любого альянса с императором, могущего привести его страну к кровавому столкновению с Турцией.

Чтобы защитить Польшу от нападений турок и их вассалов — крымских татар, Ян Замойский употребил все свои дипломатические таланты на создание блока буферных государств в дунайском регионе и потому торпедировал любые усилия австрийской дипломатии по вовлечению правителей Трансильвании, Молдавии и Валахии в антитурецкий союз. В 1595 г. он даже предпринял военную интервенцию в Молдавию, чтобы сместить господаря Розвана, признавшего сюзеренитет императора, и поставил вместо него польского вассала Иеремию Могилу, которому было приказано сохранять дружественные отношения не только с Польшей, но и с султаном и отказываться от какого-либо союза с императором. Когда вассал императора валахский господарь Михай вторгся в Молдавию, Ян Замойский, действуя в согласии с султаном, победил его и восстановил своего ставленника Могилу в Молдавии, а брата последнего, Симеона, посадил в Валахии. Замойский даже пытался убедить трансильванцев, союзников императора, избрать такого князя, который бы согласился с его политикой.

Яну Замойскому удалось уберечь Польшу от конфликта с Турцией. Последняя одобряла его политику до тех пор, пока продолжалась война с императором в Венгрии. Ситуация, однако, изменилась, когда Польша, занятая войнами со Швецией и Московским государством, стала особенно нуждаться в мирной обстановке на своих юж-

ных и западных границах. Это сделало сближение возможным, и в 1613 г. Польша заключила союз с Габсбургами, предусматривавший обязательство взаимной поддержки в международных и внутренних делах. Габсбургам это условие пригодились в 1620 г., когда Польша воздержалась от поддержки восстания протестантских сословий в Чехии.

Так завершились попытки экспансии Габсбургов на Восток. На Западе они были удачливее, и опять-таки именно Максимилиан I заложил фундамент удивительного взлета династии, приобретшей ключевое значение в европейской истории того времени. В войнах с Францией за наследство своей жены, Марии Бургундской, Максимилиан потерял герцогство Бургундию, но сумел сохранить Нидерланды за своим сыном Филиппом, которого он женил на Хуане, дочери правителей Испании Фердинанда и Изабеллы. В конце концов, это привело к тому, что испанский трон унаследовал (1516) сын Филиппа Карл. Используя огромные финансовые ресурсы Фуггеров, финансистов из Аугсбурга, контролировавших банки Антверпена, крупнейшего торгового центра тогдашней Европы, Карл на имперских выборах 1519 г. победил Франциска I Французского и начал закладывать фундамент всемирной империи, руководимой домом Габсбургов, главой которого он был. Однако центром империи Карла V должна была быть не Германия, представлявшая собой основанную на старых феодальных принципах свободную конфедерацию почти независимых княжеств и городов, причем все усилия Фридриха III и особенно Максимилина I, вдохновлявшихся примером западноевропейского монархизма, обеспечить некоторую определенную законом централизацию власти в руках императора оказались тщетны. Нидерланды и Испания, составлявшие основу могущества Карла V, нацеливались на морскую, а не сухопутную экспансию его империи. Всемирная гегемония могла быть обеспечена, только если бы Карлу удалось добиться господства не только в океане, но и в Средиземноморском бассейне. Карл почти преуспел в этом в 1525 г., когда в битве при Павии разгромил и взял в плен Франциска I, своего опаснейшего соперника в Италии и Средиземноморье. Этот успех, однако, вызвал ответную реакцию со стороны папства, опасавшегося испанского окружения в Италии, и Англии, которая сама стремилась к морской экспансии. Франция оказалась вынужденной заключить торговое, а затем и политическое соглашение с турками, в результате чего принцип единства христиан и вообще Европы был совершенно похоронен.

Войны с Францией и Турцией выкачивали огромные финансовые средства из испанских владений в Америке. Экспедиция против Туниса в 1535 г. не смогла предотвратить успех турок на европейском континенте. В то же время все попытки внести в феодальный хаос Германии некий монархический принцип терпели поражение. В конце концов, разочаровавшись и убедившись в бесплодности своих усилий восстановить религиозное единство Германии, Карл V отрекся (1556) в Германии в пользу своего брата Фердинанда I, а в Испании, Италии и Нидерландах — сына Филиппа II (1556—1598).

Таким образом, в конце концов Священная Римская империя германской нации потеряла то религиозное единство, которое доселе придавало ей некоторую сплоченность, и к тому же уменьшилась в размерах. Нидерланды, прежде составлявшие часть империи, ныне оказались отделены от нее *de facto*, а Ломбардия, за обладание которой билось так много германских императоров, вместе с Неаполем и Сицилией перешла в руки испанцев.

Оставив Фердинанду I императорский титул, Филипп II приступил к строительству новой испанской империи, обнимающей Атлантический океан и включающей Испанию с колониями в Мексике и Перу и Португалию, унаследованную в 1580 г. от матери — Изабеллы, а также Бразилию, африканское побережье и Ост-Индию. Его брак с Марией Тюдор в 1554 г. на короткое время открыл возможность объединения с Испанией другой морской державы, Англии.

Эта колоссальная перспектива, однако, не была должным образом использована и завершилась провалом. Даже папа Павел IV осуждал самовластную и исключительную защиту Филиппом католической церкви, очищенной контрреформацией, и методы, применяемые испанской инквизицией для сохранения единства и чистоты веры на всех землях новой империи. В народе испанский брак ассоциировался со Смитфилдскими кострами*, и это многих отвратило от него в Англии; смерть же Марии Тюдор (1558) вновь открыла здесь возможность Реформации. Разгром Испанской Армады (1588) окончательно рассеял мечты Филиппа о мировом господстве Испании, объединенной с Англией. Силловые методы, примененные им в Нидерландах, вызвали всеобщее восстание, которое привело к отделению северных провинций, образовавших независимую Голландскую республику. Переход Генриха Наваррского в католичество от-

* Смитфилд — часть Лондона, место совершения казней (сожжений на костре) сторонников Реформации при Марии Тюдор. — *Прим. перев.*

крыл перед ним ворота Парижа и разбил надежды Филиппа обеспечить французский трон за своей дочерью Изабеллой. Когда в 1598 г. Филипп умер, Испания, изнуренная постоянными войнами, была финансово обескровлена и пребывала в состоянии экономического хаоса. Гегемонии Испании на море бросали вызов флоты Голландии и Англии, стремившихся лишить ее империи и подорвать ее торговлю в Америке и Ост-Индии.

Таков был печальный конец грандиозных политических замыслов испанской ветви Габсбургов. Филипп II, игнорируя политическое, экономическое и интеллектуальное развитие Испании, Италии и Нидерландов в период Возрождения, пытался достичь политического единства своих владений на основе принципов монархического абсолютизма и этатизма в экономике. Видя раскол, который принесла Германии Реформация, он стал поборником католицизма, силовыми методами препятствуя распространению в своих владениях иных религиозных доктрин. Филипп II игнорировал тот факт, что экономическое процветание итальянских, фламандских и испанских городов и банков создавалось благодаря инициативе бюргерства и купечества, работавших в атмосфере свободного предпринимательства. Вместо этого он стремился сконцентрировать все богатства, притекавшие из Нового Света, в руках государства, подчинявшегося его абсолютной воле, и ничего не сделал для поощрения их использования в испанской промышленности, остававшейся неэффективной. Абсолютизм Филиппа II исключал какое-либо сотрудничество с представителями нации, а силовые методы, применявшиеся им для достижения единства веры, часто приносили церкви больше вреда, чем пользы.

Несмотря на эту неудачу, идея монархического абсолютизма продолжала вдохновлять Филиппа III (1598—1621) и Филиппа IV (1621—1665). Вместо того чтобы поддерживать гегемонию своей династии разрушительными войнами, Филипп III предпочитал делать это путем династических браков с австрийскими Габсбургами и французскими Бурбонами — ведущими католическими домами Европы. Он развил далее представление об абсолютном монархе, который в силу божественного права, которым он облечен, концентрирует в своих руках всю полноту власти, и при своем блестящем дворе завел квазисвященнический церемониал, отражавший почти сверхчеловеческое положение монарха; его примеру вскоре последовали другие монархи. Испанские Габсбурги по-прежнему считали основой своей власти единство веры, санкционированное и одобренное инквизици-

ей. Они поддерживали чистоту расы, которой правили, изгоняя мавров и евреев, несмотря на разрушительные последствия этого для национальной торговли и финансов. Поскольку этот абсолютизм был сверхнациональным, власть суверена, самовластие которого имело божественное происхождение, могла быть распространена на разноязыкие и разнокультурные народы, объединенные только личностью правителя. Вся власть сосредоточивается в руках суверена, имеющего даже право лишить каждого своего подданного собственности, если он считает, что это будет в интересах веры, которую он защищает, или расы, чистоту которой он намеревается поддерживать. Абсолютистский режим испанских Габсбургов превратился в олигархию, осуществляемую высшим духовенством и аристократией. Централизация экономической власти в руках этой олигархии усиливала хозяйственный застой, начавшийся при Филиппе II, и привела к фактическому порабощению крестьянства и обнищанию среднего класса. Атрофия культуры вызывалась строгой регламентацией духовной жизни и насильственными методами всепроникающей инквизиции.

Идея абсолютной монархии была воспринята австрийской ветвью дома Габсбургов. Брат Карла V Фердинанд I, получивший образование в Испании, был точно так же готов поставить свои династические интересы в Австрии, Чехии и Венгрии над национальными интересами этих стран. В 1527 г.* он создал два центральных органа для всех своих владений: Тайный Совет и Надворную Палату, в 1556 г. к ним добавился Военный Совет. Хотя и наделенные сначала только консультативными функциями, они медленно трансформировались в органы, принимающие решения, обязательные для всей империи. План Фердинанда образовать общий для всех его владений парламент встретил противодействие сословий в разных землях, протестовавших также и против существования трех централизованных ведомств. Воспользовавшись поражением в Германии протестантского Шмалькальденского союза (1547), которому по большей части симпатизировали чешские сословия¹¹, Фердинанд урезал привилегии городов и изменил государственное устройство Чехии так, чтобы усилить королевскую власть (1549).

Чтобы обеспечить за своим домом две короны, Габсбурги предприняли несколько попыток урезать права чешских и венгерских со-

* Будучи с 1521/22 г. австрийским эрцгерцогом и с 1526 г. чешским и венгерским королем.—Прим. перев.

словий в отношении выборности их монарха. В Чехии они добились большего успеха, чем в Венгрии: им удалось заставить чешские сословия еще при жизни предшественников избрать на престол Максимилиана II, Рудольфа II и Фердинанда II. Польская шляхта была хорошо осведомлена об этих ловких нововведениях в Чехии и Венгрии, и страх, что король-Габсбург попытается ввести в Польше централизованную наследственную монархию, как и национальный вопрос, были главными причинами ее яростного сопротивления избранию Габсбурга на польский трон.

Фердинанд II (1618—1637*) еще более своих предшественников был полон решимости ввести в своих владениях наследственную монархию, основывающуюся на божественном праве, по образцу режимов своих испанских кузенов Филиппа II и Филиппа III. Он также намеревался строить свою империю на прочной базе религиозного единства и, еще будучи правителем Штирии, доказал свое рвение поборника католической контрреформации. Победа над протестантскими сословиями при Белой Горе (8 ноября 1620 г.) и постыдное бегство «Зимнего короля», Фридриха Пфальцского, дали ему желанную возможность осуществить этот курс, и он использовал эту возможность сполна.

Свое религиозное рвение Фердинанд II направил прежде всего против Чешских братьев и кальвинистов, чьи пасторы были изгнаны. По повсеместно признанному тогда праву законно избранного правителя против мятежных подданных, а также по праву победителя¹² он приговорил к смерти 45 представителей всех трех сословий, руководящих деятелей революции, и 21 июня 1621 г. 26 из них, немцы и чехи, лютеране, кальвинисты и Чешские братья, были публично казнены на Староместской площади в Праге. Были возвращены иезуиты, и их попечению отдан университет. В 1622 и последующих годах были изданы новые ордонансы против протестантских пасторов. Наконец, в 1627 г. новым указом государственное устройство Чехии было кардинально изменено: чешский трон был провозглашен наследственным в доме Габсбургов, коронация нового, почти абсолютного короля осуществлялась с поразительной пышностью. Привилегии трех сословий, к которым было добавлено — с правом старшинства — четвертое, духовное, были существенно урезаны. Сейм потерял всякий контроль над чиновничеством, ему позволялось толь-

* 1619—1637.—Прим. перев.

ко предлагать те или иные меры, которые могли быть отвергнуты двором. Должность чешского высшего пуркрабия (бургграфа) была ликвидирована, и все управление Чехией сосредоточено в чешской канцелярии в Вене, оставшейся в течение двух столетий последним рудиментом прежней чешской независимости, хотя она и была теперь в основном лишь органом, осуществлявшим посредничество между двором и местной властью. В религиозной сфере новый указ ликвидировал все привилегии, данные утравкистам и некаатоликам, и отменил Грамоту величества 1609 г., объявив католическую веру единственной допустимой в королевстве конфессией.

Последствием этих жестоких мер явилась массовая эмиграция дворян и мещан, отказавшихся перейти в католичество. Чешские братья переселились в Силезию, Словакию и Польшу. Город Лешно в Польше, где поселился последний епископ Братьев, Ян Амос Коменский, опять приобрел большое значение. Чешские протестанты преимущественно находили приют в Саксонии, в Мейсене, в Лужице и в Пруссии. Кальвинистам саксонский курфюрст, стойкий лютеранин, отказал в праве пребывания, и они, в основном, рассеялись в Голландии и Англии¹³.

Так как огромное большинство чешского дворянства было отвержено Реформации и участвовало в революции, последствием такой массовой эмиграции и конфискационной политики Фердинанда II явилось почти полное разорение старой чешской шляхты. Древние роды сменяли чужеземные дворяне, главным образом из Германии, Испании и Нидерландов, скупавшие собственность эмигрантов задешево либо наделявшиеся землями императором. Это обстоятельство, а также потеря большого числа чешских интеллектуалов и горожан открыли эпоху онемечивания Чехии. Немецкий язык получил в королевстве равные права с чешским, а так как новые дворяне в своих контактах со двором пользовались только языком императора, применение чешского языка в общественной жизни, естественно, сократилось. Ситуацию усугубила полномасштабная конфискация ревностными миссионерами чешских книг как антикатолических, причем они лишь отчасти заменялись католической религиозной литературой на национальном языке¹⁴.

Многие из этих насильственных мер, предпринятых Фердинандом II, нашли понимание и были признаны законными даже протестантскими князьями Германии, принявшими нехристианский принцип, сформулированный Аугсбургским религиозным миром 1555 г.: *cuius regio illius et religio*, «чья земля, того и вера». Однако даже Мак-

симилиан Баварский счел необходимым выразить протест против той нищеты и хаоса, в который эти меры ввергли Чехию. Фердинанд II очень быстро обнаружил свои истинные намерения и в отношении реорганизации империи. Он лишил Фридриха Пфальцкого всех суверенных прав и передал его княжество вместе с правами курфюршества своему союзнику Максимилиану Баварскому (1623), наиболее могущественному князю империи. Таким образом, среди семи курфюрстов католические князья получили прочное большинство, но это же явилось нарушением основополагающего закона империи, по которому такая передача прав могла осуществляться только коллегией курфюрстов. События в Чехии обнажили намерения Фердинанда II произвести и другие преобразования с тем, чтобы реализовать в Германии свои монархические планы. Встревоженные протестантские князья нашли вождя в лице Кристиана IV, короля датского и герцога гольштейнского, рассчитывавшего усилить связи прибалтийских княжеств империи с Данией.

Император имел в своем распоряжении две лучшие армии тогдашней Европы: Максимилиана Баварского и Альбрехта Вальдштейна (Валленштейна). Последний являлся отпрыском чешского шляхетского рода, обогатившимся благодаря выгодной женитьбе, скупке задешево конфискованных поместий и различным махинациям. Он снарядил хорошо организованную и оснащенную армию наемников, блестяще руководя которой в 1629 г. разбил Кристиана IV. Фердинанд II, считая себя хозяином положения в империи, обнародовал Реституционный эдикт, возвращавший католической церкви всю собственность, секуляризованную после 1552 г. Таким образом, под католический контроль вновь должны были перейти земли двух архиепископств, 12 епископств и 120 монастырей; имперскому контролю подлежали назначения на огромное количество должностей. Глазам озадаченных немецких князей открылась перспектива установления абсолютной монархии по испанскому образцу. Применение принципа «чья земля, того и вера» на землях, подлежавших реституции, должно было в Германии, как и в Чехии, изменить религиозную ситуацию, что означало бы серьезное поражение Реформации.

Новая ситуация содержала один аспект, тревоживший Францию. Если бы планы Фердинанда II в Германии были реализованы, Франция оказалась бы в окружении и под угрозой поглощения испано-австрийской мировой империей Габсбургов. Более того, влияние Габсбургов опять распространилось на Восток. Польско-Литовское государство, вовлеченное в войну короля Сигизмунда III с Швецией за

наследование шведской короны и Ливонию (1620—1629), должно было поддерживать хорошие отношения с Габсбургами, и Сигизмунд считал необходимым заключить с ними политический союз.

Тем временем обнаружился другой опасный план Фердинанда II. Восстановление католического Бременского епископства между устьями Эльбы и Везера открывало императору свободный доступ к океану. Валленштейну были пожалованы герцогства Мекленбург и Померания, титул герцога и генерала «Океанического и Балтийского морей» и обещана власть над государствами Балтики и Скандинавии. Последнее обстоятельство встревожило Густава II Адольфа Шведского (1611—1632), имевшего собственные планы относительно Балтики. Отняв у Польши Ливонию, он должен был только завладеть Мекленбургом и Померанией, чтобы превратить Балтийское море в Шведское озеро. Кардинал Ришелье, первый министр Людовика XIII (1610—1643), осознав это, заключил с Густавом Адольфом договор (1631), предоставивший шведам необходимые финансовые средства для войны с императором.

Густав II Адольф, один из лучших полководцев Европы, считал, что его задача облегчена тем, что в 1630 г. император удалил Валленштейна в отставку, и разбил имперскую армию при Брейтенфельде (1631). Войска саксонского курфюрста, союзника шведов, вторглись в Чехию и заняли Прагу; к ним в надежде, что события поворачиваются в их пользу, присоединились тысячи чешских эмигрантов. Тем временем Валленштейн, вновь призванный императором, переломил ход событий, изгнав саксонцев из Чехии. При Лютцене (1632) Валленштейн потерпел поражение от шведов, но в той же битве Густав II Адольф был убит. Это открыло перед Валленштейном новые перспективы для осуществления собственных амбициозных политических планов, и он вступил в тайные переговоры с неприятелем, имея целью, возможно, получить чешскую корону; в 1634 г. он был убит ирландскими и шотландскими наемниками из собственной армии в Эгере (Хебе)¹⁵.

Фердинанд II потерял своего самого талантливого военачальника, но испанская армия, посланная Филиппом IV, спасла ситуацию, победив шведов при Нердлингене (1634). В 1635 г. в Праге был заключен мир между Саксонией и императором. Фердинанд аннулировал Реституционный эдикт и уступил Саксонии Лужицу. Таким образом, за неудачу реализации имперской мечты Габсбургов в Германии расплатилось Чешское королевство, которому Лужица принадлежала ранее.

Такое развитие событий открыло новую возможность для установления гегемонии Габсбургов в Европе и побудило Францию объявить им открытую войну. Французские войска сражались с испанцами, в поддержку армиям Швеции и протестантских немецких князей предоставлялись французские капиталы. Тем временем голландский флот начал осуществлять морскую блокаду, оказавшуюся губительной для мощи Испании, лишившейся финансовых средств, поступавших из колоний; при этом мятежная республика Голландия колоссально обогащалась.

Несмотря на эти страшные неудачи, за которыми последовали беспорядки в Каталонии и потеря Португалии, Филипп IV упорно продолжал дорогостоящую войну в Германии и Чехии за континентальную гегемонию Габсбургов. Союз трансильванского князя Дьердя Ракоци со шведами (1645) привел к тому, что под угрозой оказалась даже резиденция императора в Вене, и катастрофы удалось избежать только благодаря сепаратному миру с Ракоци, которому угрожало вторжение турок. Последние два года войны принесли лишь бессмысленное опустошение; в 1648 г. она была закончена на Карловом мосту в Праге, который героически защищало новое поколение чешских студентов и горожан под руководством отцов-иезуитов.

Вестфальский мир, заключенный между Францией с ее союзниками и Фердинандом III (1637—1657), поставил точку на всех попытках установить в империи монархический режим. За германскими территориальными княжествами был, наконец, признан государственный суверенитет (*Landeshoheit*), при этом сама территория империи уменьшилась благодаря признанию независимости Голландии и Швейцарии и перехода Меца, Туля, Вердена и большей части Эльзаса Франции. Швеция почти осуществила свою мечту господства на Балтике, получив Бременское и Верденское епископства, а также западную Померанию; остальная часть этого княжества переходила к бранденбургскому курфюрсту (одновременно герцогу прусскому) из рода Гогенцоллернов, что явилось новой вехой в процессе возвышения Гогенцоллернов и превращения их в могущественнейшую династию империи.

Процесс контрреформации был остановлен признанием Аугсбургского религиозного мира 1555 г., распространенного и на кальвинистов. Чешские эмигранты, многие из которых воевали в шведской армии, тщетно рассчитывали, что победители обеспечат им возвращение на родину и свободное отправление их веры. Религиозная ситуация в Чехии в последние десятилетия глубоко изменилась: это

доказывает отказ нового поколения молодежи Праги присоединиться к шведской армии и сдать столицу врагам императора.

Чехия заплатила тяжелейшую цену за имперские мечтания Габсбургов. Ее население сократилось с приблизительно трех миллионов человек в 1618 г. до около 800 тысяч в 1654 г.; из 150 тысяч крестьянских семей, имевших землю, осталось только 30 тысяч. Наиболее серьезно пострадали города: около 550 из них исчезло, другие, некогда цветущие, обезлюдели, дома в них разрушены. Был установлен режим абсолютной монархии, управление, осуществлявшееся из Вены, делалось все более централизованным.

Политический и экономический крах оказал разрушительное воздействие на чешскую национальную культуру. Среди эмигрантов было немало интеллектуалов, писателей, покровителей чешской литературы, а снижение численности населения означало и уменьшение читательской публики. Уже в 1615 г. чешский сейм жаловался на рост в городах числа иностранцев, не знавших чешского языка. Их количество еще увеличилось после 1620 г., когда в городах место чехов — магистратов и мещан, а также чешского дворянства и духовенства стали занимать иноземцы, преимущественно немцы.

Многие эмигранты-протестанты и в изгнании продолжали публиковать книги на чешском языке, особенно в Саксонии, в Циттау и Перно, и тайно провозили их в Чехию. В Лешно по-прежнему печатались апологетические и религиозные сочинения Чешских братьев, особенно епископов Яна Кирилла и Павла Фабриция. Адам Гартман явился автором чешского мартиролога и истории преследований Братьев. Большинство этих работ неоригинально и отражает печальное умонастроение изгнанников. *Церковная история* Павла Скалы содержит важную информацию о развитии Реформации в Чехии с 1600 г. до 1623 г. *О Чешском государстве (Respublica Bohemiae)* Павла Странского — интересное описание Чехии, ее истории, обычаев и государственного устройства, причем автор пытается привлечь внимание протестантской Европы к трудному положению королевства. Той же цели служит страстное описание Андреем Габернфельдским борьбы чехов против Фердинанда II (с 1617 г.). Более эффективной была деятельность некоторых чешских изгнанников в Словакии. Как уже было отмечено, наиболее значительным здесь было собрание гимнов Йиржи Тржановского (Георга Траносция), так называемая *Cithara sanctorum*. Деятельность чешских эмигрантов в Словакии имела значение и для национальной жизни словаков, усиливая их

национальные и «славянские» настроения. У них были ученики среди словаков, в том числе Даниил Синапий, составивший старейшее собрание словацких пословиц.

Только один деятель чешской эмиграции внес действительно ценный вклад в культурный прогресс человечества — это последний епископ Чешских братьев Ян Амос Коменский (1592—1670). Уроженец Моравии, он учился в Гейдельберге, после 1627 г. нашел убежище в Польше. Там, в Лешно, он приобрел репутацию открывателя новых методов в образовании. Его первая научная публикация — *Janua linguarum* (*Открытая дверь к языкам*), представляющая собой сочетание грамматики и энциклопедии полезных познаний. *Великая дидактика*¹⁶ и *Orbis pictus* (*Мир чувственных вещей в картинках*), первый детский иллюстрированный учебник, написанные в Лешно, сделали его широко известным; Коменский получил предложения от нескольких протестантских государств, желавших внедрить у себя его образовательные методы.

Коменский провел девять месяцев в Англии, где имел встречи со всеми выдающимися учеными, явившиеся побудительным стимулом для основания там ученого сообщества (позднее — Лондонское Королевское общество). В Англии к нему обратился сын Джона Уинтропа, губернатора Массачусетса, пригласивший его преподавать в Гарварде. Отклонить это предложение Коменского побудили только желание быть ближе к своим изгнанным соотечественникам и надежда когда-нибудь вернуться на родину. Вместо того он отправился в Голландию, где встретился с Декартом, затем в Эльбинг (Пруссия) и Трансильванию, где разрабатывал школьную реформу по приглашению Дьердя Ракоци. После возвращения в Лешно он лишился всех своих рукописей и библиотеки, а последнее прибежище нашел в Амстердаме. Наиболее известны из его многочисленных публикаций *Лабиринт света и рай сердца*, напоминающий «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, *Orbis pictus* и *Пансофия*. Несмотря на мистическую окраску, его труды обнаруживают обширную эрудицию и нашли живой отклик среди современников. Коменский по праву считается пионером современной педагогики и в этом качестве занимает выдающееся место в истории. Его «пансофистские» теории имели меньше успеха, а усилия к единению протестантских церквей и установлению всеобщего мира оказались тщетны¹⁷.

Кроме Коменского европейскую известность завоевал еще один член Общины чешских братьев, игравший активную роль в политической жизни и являвшийся выдающимся чешским писателем, — это

Карел Жеротин. Отпрыск известнейшего магнатского рода, он учился в Страсбурге, Базеле и Женеве, был горячим сторонником Генриха IV и до его обращения в католичество сражался в его армии, был известен в Англии, Нидерландах и Германии, играл видную роль в моравском сейме. Жеротин не поддержал восстание чешских сословий и остался верен Фердинанду II, но, хотя ему было позволено оставаться в своих владениях, отправился в изгнание во Вроцлав и в 1636 г. умер, посещая Моравию.

Главный труд Жеротина, считающийся жемчужиной чешской прозы,—*Апология*—обосновывает его сдержанное отношение к тогдашнему политическому положению, многочисленные письма содержат важные сведения о различных событиях и выдающихся деятелях эпохи, комментарии к моравским сеймам иллюстрируют события 1599—1614 гг.¹⁸

Пропагандисты контрреформации¹⁹ должны были замещать конфискованную религиозную литературу католической. В этих сочинениях мало оригинального, авторы преимущественно довольствуются переводами и переложениями латинских или немецких религиозных трудов. Поляк-капуцин Франтишек из Роздрахова написал трактат против причащения из чаши и описание чудес св. Антония. Среди миссионеров-иезуитов наиболее плодovit был Йиржи Плахи (Ферус). Два автора-иезуита, Йиржи Константинс и Матей Штейр, опубликовали католическое издание Библии—Библию св.Вацлава (1677—1715). В этом издании с ними сотрудничал Ян Баннет, составивший многочисленные проповеди и комментарии к Евангелиям, а также переводивший экономические труды Криштофа Фишера. В своем издании Библии иезуиты следовали переводу, выполненному Чешскими братьями.

Важным предприятием было учреждение для распространения чешской литературы Общества святого Вацлава по инициативе М. Штейра в 1670 г. Оно просуществовало до современности, выпуская и распространяя среди простого люда огромное количество популярных чешских книг религиозного содержания. Сам Штейр, пламенный чешский патриот, был очень плодovитым автором, вдохновлявшимся итальянской и немецкой гомилетической, агиографической и другой религиозной литературой эпохи барокко. В числе оригинальных биографических работ—выполненное Яном Таннером жизнеописание ревностного и праведного миссионера А. Ханов-

ского, показывающее методы, к которым прибегали иезуиты в рекатолизации Чехии.

Многочисленные религиозные стихи и песни пришли на смену аналогичным произведениям протестантских поэтов. Хотя лишь редкие из них обладают высокими поэтическими достоинствами, большая часть этих композиций отличается от песен эпохи Реформации, часто чрезмерно догматических и лишенных личностного чувства, теплой чувственностью и образностью, позволяющими авторам более свободно выражать свою индивидуальность. Поэты подражали испанской барочной моде, чередующей земной эротизм с мистическим любовным чувством, итальянским и немецким барочным сочинителям, выучившимся у поэтов классического Рима, как очаровывать читателей пасторальными вымыслами и идиллическими сценами, любили метафоры и аллегории, следуя в этом традиции эпохи гуманизма и Возрождения. Многие следовали поэтическим инновациям итальянца Дж. Марино, с его игрой словами и наращиванием часто мало связанных образов. Главная тема этой поэзии — та же, что и в протестантских сочинениях: противопоставление божественной вечности и человеческой суетности.

Чешские сочинители едва ли могли соперничать с итальянскими и немецкими образцами, для современных ушей эта поэзия звучит странно. Произведения чешской барочной поэзии обычно рассматривались как красноречивая иллюстрация того, как глубоко пала чешская литература в «эпоху тьмы». Последние исследования, однако, показали, что чешская поэзия барокко заслуживает лучшего отношения историков литературы. Более тщательный анализ обнаруживает в этих произведениях многие черты, несколько рассеивающие тьму этого периода²⁰.

Одним из поэтов барокко был Адам Михна, лирик, писавший с истинным чувством; ему следовал Феликс Кадлински, который в своем переводе знаменитого сочинения *Trutznachtigal* немецкого иезуита Фридриха фон Шнее ввел в чешскую поэзию комбинацию пасторальной эротики и небесной любви. Лучшим из этой плеяды был Фредерик Бريدель (1619—1680), миссионер-иезуит, талант которого особенно проявился в рождественских и литургических гимнах, житийных стихотворениях²¹. Его современник Ян Роса (1620—1689), юрист и филолог, сочинил рождественскую пастораль, одно из лучших произведений чешской литературы барокко, служившее образцом чешским поэтам XVIII в.

Все эти писатели, встревоженные наплывом иностранных слов и пренебрежением чешским синтаксисом, были искренними патриотами, стремившимися сохранить чистоту родного языка. Многочисленные филологические сочинения XVII в. редко обладают большой ценностью, но исследование Яна Росы в области чешской филологии было очень полезно для патриотов XVIII в.

Теплое национальное чувство обнаруживается и в многочисленных сочинениях по чешской истории. В момент своего призвания в Чехию иезуиты были иностранцами, но их ряды вскоре пополнили многие чехи, из которых вышло большое число пламенных патриотов. Наиболее известным из них был Богуслав Бальбин, отпрыск чешского шляхетского рода. Список его исторических трудов открывает биография архиепископа Арношта из Пардубиц. В 1677 г. была опубликована *Epitome rerum Bohemicarum*, открывшая ученой публике славное прошлое Чехии. Незавершенное сочинение *Miscellanea (Исторические разнообразия)* содержит важные сведения по чешской истории, собранные из разных исторических источников. *Dissertatio apologetica (Защита славянского, в частности чешского, языка)*, не публиковавшаяся до 1775 г., обнаруживает теплое патриотическое чувство. У Бальбина был ряд последователей. Его друг каноник Томаш Пешина совместно с Я. Крюгером и Я. Таннером собрал и опубликовал огромное количество материалов из архивов дворянских фамилий (*Prodromus Moravographiae*). Его *Mars Moraviae*, описывающий все прошлые враждебные нападения на Моравию, остался незавершенным; интересны история и описание собора св. Вита в Праге.

Ученик Бальбина и Пешины, Ян Франтишек Бецковски, член чешского крестового ордена, опубликовал новое издание популярной чешской хроники Гаека из Либочан и собрал ряд материалов для ее продолжения до 1700 г., оставшихся, однако, неопубликованными.

Немногочисленные писатели-патриоты второй половины XVII в. напряженно трудились для спасения чешской культуры и сохранения чистоты чешского языка, но их усилий было недостаточно, чтобы остановить онемечивание чешской общественной жизни и медленное вырождение языка, явившиеся результатом не столько контрреформации, сколько абсолютистской централизаторской политики Габсбургов²², вытеснения большей части чешского дворянства иностранцами, опустошения в период Тридцатилетней войны, потери чешского населения, место которого в городах заняли имми-

гранты-нечехи. И тем не менее, новое поколение чешских патриотов XVIII в., начавшее трудиться ради национального возрождения, вдохновлялось трудами своих предшественников XVII в.

Сложившееся политическое и экономическое положение объясняет, почему чешское искусство представлено в основном иностранными мастерами — немцами и итальянцами. Искусство барокко не было принесено в Чехию контрреформацией: среди первых барочных памятников Праги были построенная протестантами церковь св. Троицы (1611—1613) и сооруженные в 1611 г. ворота в замок короля Матвея. Однако оно оказалось тесно связано с контрреформацией, а его произведения придали облику Чехии характерные черты, превалирующие над созданиями готического и ренессансного периодов.

Центром искусства барокко была Прага, хотя она и перестала быть королевской резиденцией. Два магната, обогатившиеся во время войны, Михна и Вальдштейн (Валленштейн), имели здесь дворцы, которые построили итальянские архитекторы А. Спецца и Дж. Марини. Другие итальянские мастера также работали над украшением аристократических резиденций. Штернберги выписали Дж. Орси и Д. Каневалле, соорудивших в Праге копию Santa Casa в Лорето работы Браманте — т. н. Лорета. Иезуиты пригласили Карло Лураго, построившего церковь св. Сальватора. Другие храмы, строившиеся иезуитами, в основном выдержаны в стиле церкви Иль Джезу в Риме. Лураго принял участие в сооружении ряда других церквей и перестройке пражских укреплений. Ф. Каратти и другие итальянские зодчие построили Лобковицкий, Чернинский и др. дворцы.

Прибытие в Прагу Ж. Б. Матея (1630—1695) из Дижона ознаменовало новый период чешского барокко. Более оригинальный в своих архитектурных идеях, хотя и следовавшей традиции римского барокко, он построил ряд памятников высокой художественной ценности (дворцы архиепископский, Троя и др., костелы крестового ордена и Страховский). Его традицию продолжили Марк Антонио Каневалле и чешский архитектор И. Байер (церковь св. Игнатия, замок в Глубока).

Ян (Дж.) Сантини (ум. 1723) ввел ряд новшеств, возрождающих черты готики (постройки в Седлеце, Желиве, Кладруби, Пласи), особенно очевидные в замке Кинских в Хлумце.

Ключевыми фигурами чешского барокко были отец и сын Динценхоферы: Криштоф (ум. 1722) и Килиан Игнац (ум. 1751). Криш-

тоф начал строительство церкви св. Микулаша, завершил церковь св. Троицы в Праге, работал в Бржевнове, Эгере (Хебе), в замке Кукс; его творения сопоставимы с лучшими образцами европейского барокко. Вершины чешская архитектура барокко достигла в созданиях его сына Килиана Игнаца. Знакомый со стилем знаменитого Гварино Гварини в Вене, он построил в Чехии ряд сооружений, даже превзошедших работы отца: Лорета, костелы св. Яна Непомука, св. Карла Боромейского, св. Екатерины, св. Микулаша в Праге, в Карловых Варах, Клатови. Костел св. Микулаша считается лучшей барочной церковью севернее Альп. В конце своей карьеры он вводит в Чехии черты французского классицизма. К. И. Динценхофер имел много последователей, в течение всего XVIII в. чешская архитектура развивалась под его влиянием.

Архитектура Моравии не может гордиться работами Динценхоферов, она развивалась, скорее, под венским влиянием. Ее лучшими достижениями являются костелы св. Копечек около Оломоуца, в Райхrade и в Кромержиже (архиепископский сад здесь был одним из первых барочных садов в этой части Европы).

В конце XVII в. начинается расцвет барочной скульптуры в Чехии, особенно прославленной работами Ф. М. Брокофа (ум. 1731) и уроженца Тироля Матиаша Брауна (1684—1738), создателей великолепных скульптур, украшающих Карлов мост в Праге и другие сооружения Чехии. Они имели многочисленных последователей, и их влияние ощущается в фигурах св. Троицы и Богоматери на рыночных площадях многих чешских городов.

Живопись также достигла определенных высот только к концу XVII в. Начало ей положили Абрахам и Исаак Годины из Нидерландов, а прославили три мастера-чеха — Карел Шкрета (ум. 1674), пытавшийся сочетать натурализм с идеализмом барокко, Петр Брандль (1668—1735), ученик австрийца М. В. Гальбакса (фрески в Бржевнове, Куксе, Йиндржихове-Градеце), и уроженец Праги Вацлав Рейнер (ум. 1743). Барочной архитектуре была свойственна только декоративная живопись, другие ее жанры имели мало выдающихся представителей; лучший из них, Ян Купецки (ум. 1740), чех по рождению, работал только в Австрии и Германии²³. Декоративная живопись Моравии развивалась более под влиянием Вены, чем Чехии.

Декоративно-прикладное искусство переживало расцвет в правление Рудольфа II, но его коллекции были рассеяны во время войн, и вновь чешское прикладное искусство ожило только в XVIII в.

В Словакию (Братиславу, Трнаву) барочная архитектура проникла из Вены, большинство архитекторов были итальянцами, призванными сюда вождем венгерской контрреформации кардиналом Петром Пазмани и иезуитами. Их примеру следовала аристократия, приглашавшая иностранных мастеров для перестройки и украшения своих дворцов и замков; творческих гениев в Словакии не было. Барочное искусство восточной Словакии отличается от западной многими чертами, особенно смешением ренессансных и барочных мотивов. В декоре храмовой архитектуры восточной Словакии до конца XVII в. сохранялись черты готики и Ренессанса. Под польским влиянием строились интересные деревянные церкви для греко-католиков — подкарпатских русинов, живших в составе северной Венгрии. Немногочисленные скульпторы и художники были в основном итальянцами и австрийцами; в области скульптуры особого упоминания заслуживает Георг Рафаэль Доннер, работавший в Братиславе. Во второй половине XVII в. Кошице превратился в важный центр ювелирной торговли.

В конце XVII в. австрийская ветвь Габсбургов реализовала идею абсолютной монархии не в Германии, а в своих «наследственных владениях» — в Австрии, Чехии и Венгрии, и тяжелейшую цену за это пришлось заплатить Чехии. Эта перестройка происходила в условиях контрреформации, и стиль барокко, так характерный для «наследственных владений», стал символом победы контрреформации и абсолютизма Габсбургов.

Примечания

¹ Ср. главу II, с. 53—58.

² Ср. выше, главу IX, с. 117. Отношения между Габсбургами и Речью Посполитой остаются не до конца изученными польскими историками. О. Халецкий (O. Halecki) посвятил отношениям между Габсбургами и литовским дворянством XV в. хорошо документированное исследование, содержащее обширную польскую библиографию (см. Библ.). Соперничеству между Польшей и Габсбургами в Дунайских княжествах в конце XVI в. посвятил монографию Я. Мацурек (J. Macurek, *Zápas Polska a Habsburků o přístup k Černému moři*, Praha, 1931; имеются резюме по-французски и полная библиография).

³ Ср. выше, главу VIII, с. 293, 294.

⁴ Ср. выше, с. 255, 256, 288.

⁵ Курьезный случай показывает, сколь мало знали на Западе русский язык. Максимилиан I просил великого князя писать ему по-латыни, по-

сколько при дворе не было никого, кто понимал бы по-русски. Иван III не выполнил этой просьбы, и императору пришлось отправить его послание для перевода епископу в Триест. Перевод, однако, оказался столь плох, что основные моменты остались непонятны, и император послал его в Москву для верификации.

⁶ Ср. выше, главу XII, с. 331, 334.

⁷ Это было единственное вмешательство русских в выборы императора. Видимо, московский двор не был достаточно информирован о складывавшейся обстановке; по крайней мере, письмо Василия III во Францию адресовано королю Карлу.

⁸ Ср. выше, главу XII, с. 339.

⁹ Ср. выше, с. 339.

¹⁰ Дипломатические отношения между Московским государством и империей Габсбургов достаточно подробно изучал лишь Х. Юберсбергер (H. Übersberger, см. Библ.). Документы, сохранившиеся в русских архивах, заслуживают большего внимания западных историков: они рисуют ясную картину происхождения и развития русской дипломатии, основывавшейся на византийской и монгольской традициях, но с рядом характерных русских черт, весьма отличных от западных образцов. Молодая и неопытная московская дипломатическая служба, однако, хорошо знала, как использовать отношения с Западом в целях пропаганды среди собственного народа, и своей проницательностью ее агенты часто превосходили опытных имперских дипломатов. В. Ляйч (W. Leitsch, см. Библ.) посвятил тщательное исследование периоду 1604—1654 гг., используя для этого новые материалы из австрийских и баварских архивов, а также русские работы по данной теме.

¹¹ Ср. выше, главу XVI, с. 476.

¹² Хотя Фердинанд II находился под влиянием испанской монархической теории, наделявшей монарха всей полнотой законодательной власти, в случае с Чехией он, видимо, руководствовался также представлением о том, что он как законно избранный правитель и победитель мятежной территории не связан клятвой, данной им перед коронацией, сохранять древние обычаи королевства и привилегии сословий.

¹³ По оценке современного историка Славаты, сторонника Фердинанда II, в 1628 г. Чехию покинуло 36 тысяч семей, из них 180 дворянских. Правильность этой цифры подтверждает специалист в данном вопросе Я. Билек (J. Bílek, *Dějiny konfiskace v Čechách*, Praha, 1893). Согласно его данным, стоимость конфискованной собственности превышала 100 млн. гульденов, причем конфискованы были 500 дворянских поместий из 936. Некоторые беглецы из Голландии переселились далее в Новый Амстердам (Нью-Йорк) в Новом Свете. Наиболее известным из них был Ф. Геррман, автор первой

карты Мэриленда, один из основателей штата, где ему было пожаловано поместье, названное им Богемией. Дж. Филиппсу, основателю одной из старейших церквей штата Нью-Йорк, было пожаловано обширное поместье на Гудзоне.

¹⁴ Хотя подавление восстания было обусловлено не национальными, а политическими и религиозными причинами, чехи считают поражение сословий в битве при Белой Горе величайшей национальной трагедией. Многие немецкие дворяне участвовали в восстании и понесли наказание наравне с чехами; восстание пользовалось поддержкой многих протестантских князей Германии. Принятие Реформации большей частью чешских сословий имело следствием то, что старая национальная вражда чехов и немцев, достигшая апогея в период гуситских войн, почти исчезла и сменилась чувствами религиозного братства. В частности, это проявилось в избрании немецкого князя Фридриха Пфальцского королем Чехии. Вероятно, если бы Фридриху сопутствовала удача, применение немецкого языка и немецкое влияние в Чехии усилились бы, но трудно представить, насколько далеко зашел бы этот процесс при наличии многочисленной чешской интеллигенции и положительного отношения протестантизма к использованию национального языка в публичном богослужении.

¹⁵ Убийство произошло с ведома Фердинанда II, который в этом случае, видимо, использовал принятое тогда право абсолютного монарха в отношении предателя. Фердинанд считал убийство Валленштейна казнью, исполненной на основании приговора тайного суда. Автор лучшей работы о Валленштейне — чешский историк Я. Пекарж (J. Pekař, см. Библ.; там же подробная литература по теме).

¹⁶ Существуют переводы на 15 языков, в том числе арабский, персидский и турецкий.

¹⁷ Сборники трудов Коменского с предисловием Ж. Пиаже и указаниями изданий, а также избранной библиографией на неславянских языках опубликованы ЮНЕСКО в 1957 г. О пребывании Коменского в Польше см.: L. Kurdybacha, *Působení J. A. Komenského v Polsku*, Praha, 1960.

¹⁸ Имеется хорошая монография о Жеротине: O. Odložilík, *Karel Starší ze Žerotína*, Praha, 1936.

¹⁹ До сих пор не существует полной истории чешской контрреформации. Книга А. Гиндели (Gindely, см. Библ.) доходит до 1628 г. В. Лива (V. Lída) в издании *Sborník příspěvků k dějinám Prahy* (т. 5, 7, 9; 1930, 1933, 1939 гг.) опубликовал ряд очерков о рекатолизации Праги (имеется резюме на французском языке). Хотя рекатолизация часто осуществлялась насильственно, во время оккупации Праги саксонцами в 1631—1633 гг. лишь немногие из обращенных вернулись в протестантизм, несмотря на то, что победа протестантов в тот момент казалась обеспеченной: это доказывает искренность их

обращения. В сельской местности рекатолизацию облегчал тот факт, что во многих случаях крестьяне оставались равнодушны к религии своих господ.

²⁰ Некоторые неизвестные тексты опубликовал Я. Вашица. Его исследование о чешской литературе периода барокко (J. Vašica, *České literární baroko*, Praha, 1938) в этой области является наиболее информативным. Ср. обзор чешских работ у Д. Чижевского (см. Библ.). Выдержки из чешской барочной поэзии с немецкими переводами привел А. Ангил (A. Angyal, см. Библ.; с. 31—79).

²¹ Даже А. Кониаш (1691—1758), известный искоренением некаатолических книг, был умелым сочинителем религиозных гимнов.

²² Это ясно видел Бальбин, и его *Защита...* содержит страстный протест против такой политики, что вполне сознавало правительство, отказавшееся печатать рукопись. В 1775 г., когда книга была напечатана, ее публикатор, патриот Ф. М. Пельцль, был на три дня заключен в тюрьму, а цензор, допустивший ее к печати, лишился своего поста; все отпечатанные экземпляры были уничтожены.

²³ Наиболее известным из чешских мастеров этого периода был гравер В. Голлар (1607—1677), переехавший в Англию по приглашению графа Т. Арендела. Испытавший большое влияние искусства Дюрера, Голлар является автором свыше двух тысяч гравюр на разные сюжеты, включая портреты и архитектурные виды, обеспечивших ему почетное место в английском искусстве того времени. Он был похоронен в церкви св. Маргариты в Вестминстере. О чешской живописи 17 в. см.: J. Neumann, *Malířství v 17. století v Čechách. Barokní realismus*, Praha, 1951.

Глава XVIII

Польша, «Смутное время» в Московском государстве и рождение Украины

Неудача Сигизмунда III в Швеции и провал планов реформ — Борис Годунов; Лжедмитрий; Василий Шуйский — Поляки в Москве — Потери на Балтике; возникновение казачества; первое столкновение Польши с Турцией — Казаки как защитники православия — Восстание Богдана Хмельницкого; Московское государство и Украина; Переяславская рада — Реакция Польши; Гадячский договор; раздел Украины между Польшей и Москвой — Авантюра Петра Дорошенко; Турция угрожает Польше — Победы и разочарования короля Яна Собеского — Экономический и культурный упадок в Польше — Польская литература барокко как отражение национальных культурных и политических концепций — Характерные черты польского искусства барокко

Избрание на польский престол представителя шведской династии Ваза определялось не только тем фактом, что Сигизмунд III был племянником последнего короля из дома Ягеллонов, но и теми преимуществами, которые уния с могущественным скандинавским государством могла принести Польше. Швеция неоднократно демонстрировала свои интересы на Балтике, которая приобрела большое значение в международной торговле благодаря нужде процветающих голландских городов в польском и прибалтийском зерне и русских пеньке и мехах, а также импорту промышленных изделий в Прибалтику и Новгород. Эта прибыльная торговля почти целиком находилась в руках голландских капиталистов. Надеялись, что уния Швеции с Польшей не только предотвратит возможные столкновения интересов двух государств в Ливонии, но и поможет обоим завоевать свою долю в выгодной прибалтийской торговле.

Если в Польше и были такие надежды, они не осуществились. Сигизмунд III (1587—1632), молодой человек, образованный по-немецки, в своем новом королевстве никогда не чувствовал себя дома. Его более привлекало наследование шведского трона (1592), но перспек-

тивы на родине ему портила его религиозная нетерпимость. Ревностный католик, он желал подавить Реформацию в Швеции, чем вызвал восстание протестантского большинства, возглавленное его дядей герцогом Карлом. Ливония превратилась в поле битвы шведской и польской армий (1601—1602). Когда победы блестящих польских полководцев Я. Ходкевича и С. Жолкевского вынудили Карла запросить мира, Сигизмунд, если бы он отказался от притязаний на шведскую корону, мог бы даже присоединить к Польше Эстляндию. Ходкевич добился преимущества над Карлом, провозглашенным в 1605 г. королем Швеции*, но Сигизмунд не сумел получить необходимую поддержку польского народа, чтобы использовать этот успех.

Король вполне сознавал необходимость в Польше конституционной реформы и, следуя общей линии развития Западной Европы, желал провести преобразования, укрепившие бы монархический строй. Своей цели он рассчитывал добиться при помощи Габсбургов. Именно таким образом понимала его брак с австрийской принцессой польская шляхта, враждебная политике Австрии и Швеции. Его предложения реформ, хотя и вполне здравые, вызвали рокош — восстание, подавленное (1607) его лучшим генералом Жолкевским, остававшимся вместе с Яном Ходкевичем, Потоцким и большинством сената, верным королю. Однако эти события положили конец планам реформ Сигизмунда III.

Тем временем на Востоке для Польши вырисовывалась неожиданная перспектива. Московское государство было погружено в новый политический кризис в связи с пресечением династии Рюрика. Народ, помня его административные реформы, успехи в новой войне со Швецией (1595), приблизившие Москву к берегам Балтики, умение руководить государственными делами и отвергнув идею регентства, провозгласил Бориса Годунова, могущественного «министра» Федора Ивановича, новым царем. Чтобы усилить свои позиции, Годунов попросил созвать народное собрание — *Земский собор* для выборов царя. Земский собор включал 500 членов: деятелей церкви, бояр, военных, представителей городов, особенно столицы. Первый собор был созван в 1566 г. Иваном IV, чтобы решить вопрос о войне или мире с Литвой**. И Иван, и Борис желали получить народную

* Карл IX, король Швеции в 1604—1611 гг. — *Прим. перев.*

** Первый Земский собор состоялся в 1549 г. В работе соборов участвовали высшее духовенство, члены Боярской думы, «государева двора», вы-

поддержку своего важного решения, причем Борис знал, что он встретит оппозицию старой знати. Земский собор, как и ожидалось, избрал на престол Бориса.

Борис Годунов (1598—1605) был одним из наиболее привлекательных лиц на московском престоле. Он сломил оппозицию знати, сослав наиболее опасных ее представителей, Бельских и Романовых, и начал проводить реформы, призванные усилить престиж Московского государства, улучшить его благосостояние и состояние образования. Казалось, он имел хорошие перспективы, но череда неурожайных лет, эпидемий и голода вызвала народное возмущение, которое использовал новый претендент на престол, Лжедмитрий I, самозванец, происхождение и обстоятельства появления которого на исторической сцене до сих пор остаются загадкой для историков России¹. Объявив себя сыном Ивана Грозного, чудесно спасшимся от смерти, уготовленной ему Борисом Годуновым в пору его регентства, он появился на границе Руси и Польши с армией донских казаков и польских волонтеров (хотя Сигизмунд III и не поддержал его). Его появление послужило началом *Смутному времени* в русской истории (1604—1613)*, грозившему разрушить все, построенное в государстве потомками Ивана Калиты.

Поначалу Борису сопутствовал успех в его попытках разоблачить самозванца в глазах народа как монаха-расстригу, переметнувшегося к «латынянам» и обещавшего запретить православие, но тому удалось снискать народную поддержку, и, когда Борис внезапно умер, даже знать во главе с Василием Шуйским оставила сына Бориса Федора и перешла на сторону Лжедмитрия (1605). Федор был убит, и Лжедмитрий утвердился в Москве.

Недовольная польскими обычаями нового царя и ревнуя к его польскому окружению, высшая знать выступила против Лжедмитрия и убила его. Осуществление заговора привело к кровавой бане, в которой погибли тысячи казаков и польских сторонников убитого царя. Восстание представляло собой попытку части высшей знати вернуть себе власть, и ее вождь, Василий Шуйский, стал царем (1606—1610).

борные от провинциального дворянства, купечества и городов, иногда также от государственных (черносошных) и дворцовых крестьян и др. сословных групп.—Прим. перев.

* Началом Смуты обычно считают пресечение династии Рюриковичей в 1598 г.—Прим. перев.

Однако низшие классы населения поднялись против царя, и уже новое восстание, предводительствуемое бывшим рабом* Болотниковым, угрожало общественному порядку. Многие дворяне, недовольные Шуйским, присоединились к восставшим. Москва была взята в осаду и спаслась только потому, что дворяне, напуганные эксцессами своих новых союзников, оставили их. Это позволило Шуйскому победить повстанцев и избавиться от их вождя Болотникова (1607).

Но Смутное время еще не закончилось. На Западе появился новый Ажедмитрий, таинственная личность, получившая в русской истории прозвище *Вора*; ему удалось сплотить вокруг себя многих людей низкого происхождения, казаков, литовцев и поляков, к нему же присоединились все враги Шуйского.

Видя, что поляки — сторонники нового Ажедмитрия, женившегося на полячке, вдове Ажедмитрия I, являются его политическими противниками, Сигизмунд III заключил соглашение с Василием Шуйским, но когда последний, находясь в тяжелых обстоятельствах, пошел на подписание договора с врагом Польши Швецией, король решил непосредственно вмешаться в московские дела. Однако он отверг здравый совет своего умного гетмана Жолкевского, что ему следует идти прямо на Москву и стремиться образовать федерацию Московского государства с Польско-Литовским на основе полного уважения религиозного и общественного строя Руси. Вместо этого Сигизмунд под нажимом литовской шляхты приступил к осаде Смоленска, планируя расширение своей территории и завоевание Москвы.

С этой целью он заключил соглашение с рядом сторонников Вора — Ажедмитрия II и сумел привлечь на свою сторону значительную часть его войска. Одновременно, обещая гарантировать в Московском государстве свободу вероисповедания, польский король принял сделанное Филаретом Романовым и другими боярами предложение о провозглашении царем его сына Владислава. Когда московская и шведская армии, посланные на выручку Смоленску, были разбиты Жолкевским, бояре сместили Шуйского и предложили царство сыну Сигизмунда при условии, что тот примет православие и будет править только с помощью русских бояр. Разбив остатки сторонников Вора, польская армия вошла в Москву.

Казалось, это событие явилось апогеем польского влияния в Московском государстве и знаменовало полный переворот в отношениях

* Беглым холопом.—Прим. перев.

двух славянских народов. Но такое положение длилось недолго: Сигизмунд III сам способствовал тому, что успех поляков завершился провалом, настаивая, чтобы царем был избран он, а не его сын, а Смоленск отошел к Литве. Он даже удерживал в плену несогласных с его планами членов депутации, посланной московскими боярами, и в том числе Филарета Романова. Это разожгло антипольские настроения среди бояр и населения, боявшихся, что Сигизмунд намеревается ввести в Московском государстве католичество. На Севере и Востоке начало распространяться мощное народное движение, и после убийства Вора даже его бывшие сторонники, бояре и казаки, примкнули к этому новому движению, превращавшемуся в религиозное и политическое восстание, крестовый поход против иностранных захватчиков.

За первой безуспешной попыткой изгнать поляков из Москвы последовали оккупация Новгорода шведами, а Смоленска поляками. Однако благодаря инициативе патриотов Минина и князя Пожарского было сформировано новое народное войско. Польская армия, пришедшая на выручку укрепившемуся в Кремле гарнизону, была разбита, и Москва освобождена с помощью казаков (1612). В начале следующего года Пожарский предложил каждому городу прислать по десять представителей на Земский собор. Этот собор, представлявший все классы населения, кроме несвободного крестьянства, избрал царем юного сына Филарета Михаила Романова (1613—1645). На московском троне утвердилась новая династия, правившая Россией до 1917 г.

Мечта Сигизмунда III о распространении власти на Московское государство не сбылась, и его провал вызвал резкую критику со стороны шляхты. Боясь нового восстания, Сигизмунд заключил союз с Габсбургами. Новый царь, выражая распространившиеся в Московском государстве настроения народного отмщения, уже через несколько месяцев после своего избрания поспешил послать армию против Смоленска, прочно удерживаемого поляками. Поляки смогли ответить тем же только после того, как Жолкевский установил мир на южной границе. Как только было заключено соглашение с турками, в 1617 г.² Владислав, величая себя царем, вторгся в Московское государство. Попытка поляков штурмом взять Москву не удалась, и было ясно, что у польского претендента нет шансов сменить нового царя. В 1618 г. в Деулино было заключено перемирие, по которому к полякам отходили Смоленск и Северская земля, причем Владислав отказался отречься от своих притязаний на московский престол.

Лелеевшиеся Сигизмундом амбициозные планы в Швеции и на Балтике тоже окончились неудачей. Сын и наследник Карла IX Густав II Адольф (1594—1632) в 1617 г., когда поляки были заняты войной с Москвой, вторгся в Ливонию. Это был ответ на нежелание Сигизмунда отказаться от своих притязаний на шведский престол. Попытки шведов добиться поддержки курфюрста бранденбургского побудили Сигизмунда согласиться на передачу герцогства Пруссия, ленного владения Польши, бранденбургскому курфюрсту Георгу Вильгельму Гогенцоллерну; это событие имело для Польши судьбоносное значение³.

Опираясь на молчаливую поддержку курфюрста, Густав II Адольф продолжил войну, заняв Ригу, и к 1625 г. овладел всей Ливонией, а затем приступил к захвату прибрежных городов Восточной Пруссии, кроме Гданьска. Несмотря на военные успехи, которых добился талантливый гетман С. Конецпольский, подписанное в 1629 г. перемирие зафиксировало потерю Польшей Ливонии и предоставило Швеции контроль над всем балтийским побережьем от Финляндии до Гданьска. Сигизмунд III сохранил лишь свои права на шведский трон.

В правление Сигизмунда III Польша столкнулась с крахом проводившейся Яном Замойским политики поддержания нейтралитета с Турцией. Основной причиной нового поворота событий были вторжения в татарские и турецкие земли казаков, живших в степях на границах Польско-Литовского государства, турецкого Крыма и Молдавии.

Происхождение казачества остается неясным, для объяснения его роста было выдвинуто много теорий⁴. Само слово, несомненно, имеет тюркское происхождение: казаками турки называли свободных людей, вольных воинов, а татары — странствующих воинов, людей, ведущих в степях кочевой образ жизни, мародерствуя и грабя.

От первой половины XV в. дошли многочисленные свидетельства о татарах-казаках, но упоминаются они и уже в начале XIV в. Многие из них нанимали для охраны генуэзские колонии в Крыму, особенно Кафа. Татары-казаки существовали также на Дону, Оке и Волге, к их услугам часто прибегали рязанские и московские князья. Самое раннее известие о казаках на границах Литвы, в районе Днепра, относится к концу XV в. Видимо, и здесь поначалу доминировал татарский элемент, хотя вскоре в их рядах появились и славяне*. Не-

* Казачество, при участии в нем разноэтничных элементов, формировалось преимущественно из славянского населения, селившегося в пограничье, на окраинах.— *Прим. перев.*

большие казачьи отряды нанимались киевскими и черкасскими воеводами в качестве пограничной степной стражи. Их ряды пополняли так называемые *уходники*, авантюристы, покидавшие по весне свои жилища, чтобы искать пропитания в степи рыбной ловлей, охотой и грабежом путешественников; в городах они появлялись, чтобы продать свои продукты и добычу перед возвращением на зимние квартиры.

Ряды этих степных авантюристов росли и за счет молодых крестьян, привлеченных богатствами степной территории и той неограниченной свободой, которой они могли там пользоваться, ибо узы феодальной зависимости еще не были распространены на пограничье — *Украину*⁵. Население Литовской Украины жило в постоянной опасности опустошительных набегов татарских орд. Это обстоятельство заставило их организовать свою защиту под руководством доверенных вождей. Вскоре они уже отплачивали татарам за опустошения той же монетой, совершая смелые вторжения в Крым. Один из аристократов, живших в пограничье, князь Д. И. Вишневецкий, организовал первый постоянный казачий полк для защиты украинского населения. Он укрепил район днепровских порогов, где заложил казачий центр — Запорожскую Сечь. Казачья община, имевшая республиканское устройство и общую собственность, возглавила всех казаков в районе Днепра. Вишневецкий тщетно пытался возбудить интерес литовцев и Ивана IV к защите Украины и выступлению против татар.

Численность казаков, все еще незначительная в первой половине XVI в., сильно выросла после заключения в 1569 г. Люблинской унии, когда южнорусские земли (Рутения) были отторгнуты от собственно Литвы и открыты для польской шляхты, получавшей там от короля земельные пожалования и пытавшейся заставить местное население нести такие же феодальные повинности, что и в Польше. Польские и южнорусские крестьяне, стремившиеся избежать этого бремени, начали массово присоединяться к казакам. Южнорусский элемент среди них делался все значительнее и наконец стал преобладать.

Рост казачества означал для Речи Посполитой возможность создать с его помощью сильное войско для обороны своих южных рубежей от татар и турок. С 1578 г. короли формировали особый полк из казаков, записанных в реестр. Эти «реестровые казаки» обладали значительными правами местной автономии и находились под ко-

мандованием верховного гетмана, назначавшегося королем*. Но в реестр было внесено относительно мало казаков, большинство их, так называемые вольные казаки, считались беглыми, причем предпринимались тщетные усилия заставить их вернуться в крепостную зависимость, от которой они бежали. Несмотря на это, польское правительство часто бывало вынуждено обращаться к ним за военной поддержкой. Слава о подвигах казаков в боях с татарами и турками вскоре распространилась по всей Европе, и их стали пытаться склонить к участию в планируемой папой Климентом VIII антитурецкой лиге.

Все это заставило казаков осознать свою силу, и они были недовольны недоброжелательным отношением к ним польского правительства. Вместо того чтобы максимально расширить реестр и таким образом усилить польское войско, оно, скорее, проводило курс на сокращение числа реестровых казаков, ограничение их автономии и заполнение командных постов в казачьих полках польскими или полонизированными офицерами.

Это и другие обиды побуждали казаков к выступлениям против польского правительства. Несмотря на жестокие кары, особенно после катастрофического поражения повстанцев при Лубнах в 1596 г.**, численность казачества не уменьшалась. Запорожское войско сохраняло независимость, и вскоре Сигизмунд III вынужден был обратиться к нему за помощью в войне со Швецией. Смута в Московском государстве, в которой Польша проявила такую живую заинтересованность, дала казакам желанную возможность пополнить свои ряды и проявить себя в боях и грабеже. Скоро они поразили всю современную Европу смелыми набегами на небольших судах против турецких городов на черноморском побережье; появлялись они и у окраин Константинополя.

Набеги усилились после отступления поляков из Московского государства, но протесты, которые Турция предъявляла Польше, были тщетны: король Сигизмунд был не в состоянии контролировать беспокойные отряды. Тем временем Турция установила контроль над Валахией и Молдавией, заменив господарей из рода Могилы собственными ставленниками. Родственные Могиле видные польские фа-

* Войско реестровых казаков было учреждено в 1572 г.; выборный казаками гетман утверждался королем.—*Прим. перев.*

** Имеется в виду подавление восстания Северина Наливайко 1594—1596 гг.—*Прим. перев.*

миллии вели частные войны в защиту своих родичей. Их поражение обострило внутреннее положение в польских землях, но гетману Жолкевскому удалось подписать соглашение с турками, пообещав им воздержаться от вторжения в Дунайские княжества и сдержать казаков (1617).

Казаки, однако, игнорировали заключенное соглашение, и Жолкевскому пришлось отражать новое вторжение турок. Для удержания казаков под контролем число реестровых было утроено, но когда Жолкевский, осведомленный о турецкой угрозе, вторгся в Молдавию, чтобы утвердить там пропольски настроенного правителя, казаки не оправдали ожиданий, и великий польский герой погиб (1620). Новая польская армия, усиленная сорока тысячами казаков, сумела противостоять турецким атакам, и в 1621 г. был заключен мир, подтвердивший соглашение 1617 г.

Сила казачества достигла максимума в первые десятилетия XVII в.⁶ В это время его цели существенно изменились: поначалу движение казаков имело отчетливо социальную направленность, и они мало интересовались религией. С этого же времени казаки, подстрекаемые эмиссарами греков-фанариотов, служивших турецким интересам, стали выступать защитниками православной религии и украинского (рутенского) народа.

Эта перемена связана с изменением религиозной ситуации в правление Сигизмунда III: заключением так называемой Брестской унии 1596 г., в результате которой две трети православного населения Польско-Литовского государства, в том числе митрополит киевский и епископ луцкий, вошли в унию с Римской церковью. Это событие увенчало победу обновленного польского католицизма и над Реформацией, и над православием, переживавшим глубокий моральный кризис. Предполагалось, что уния приведет к исчезновению в Речи Посполитой религиозных различий между католиками и православными и уменьшит притягательность Московского государства для приверженцев восточного обряда. Ожидания эти, однако, не сбылись. Треть населения, в том числе два епископа, остались верны православию и нашли ревностного защитника в лице Константина Острожского, одного из влиятельнейших магнатов государства. В результате унии православная церковь потеряла свой легальный статус, и все ее права и привилегии перешли к униатской церкви. Принятие унии во многих случаях, особенно в Галицкой земле, силой навязывалось польской шляхтой, осуществлявшей принцип «чья зем-

ля, того и вера». Православные защищали свое право на существование и, присоединившись к мятежу (рокошу) 1607 г., в 1609 г. восстановили свои основные права. Соперничество между православными, униатами и католиками продолжалось, причем православные тщетно требовали восстановления своей митрополии в Киеве.

Основными защитниками православной веры в Южной Руси были средние классы населения и лишь немногие представители дворянства; за помощью они часто обращались к казакам. Около 1616 г. вольные запорожские казаки вместе со своим гетманом, знаменитым Петром Сагайдачным, были приняты в православное братство, основанное в Киеве для защиты веры. Под защитой казаков Киев вновь медленно поднимался из руин, и в 1620 г. иерусалимский патриарх тайно поставил туда православного митрополита и пять епископов. Польское правительство отказалось признать новую православную иерархию, что дало царю и всем жителям Московского государства желанную возможность выступать в качестве защитников православия, преследуемого польской католической церковью и правительством.

Положение отягчалось тем, что польская католическая иерархия никогда не полагала униатских епископов равными себе в достоинстве и правах и продолжала считать униатов ниже католиков латинского обряда. Униатские епископы не допускались в сенат Польши и контролировались епископами-поляками, верующие должны были платить десятину не только собственным униатским священникам, но и польским. Костелы и приходы латинского обряда часто содержались за счет униатских церковных институтов, при этом для обучения униатского духовенства ничего сделано не было. Так что униаты должны были бороться за свои права на два фронта: против православного и против польского латинского духовенства, причем многие представители последнего предпочли бы латинизацию униатов. Власти в Риме тщетно пытались смягчить эту тяжелую ситуацию⁷.

Тем временем православные в Южной Руси — Рутении укрепляли свои позиции, основывая школы для обучения духовенства и молодежи, а также учредив в Киеве типографию, печатавшую многочисленные религиозные книги для духовенства и верующих. Наиболее активны в этом отношении были львовское и киевское братства. Под защитой казаков вновь росло значение Киева, и знаменитый Печерский монастырь становился важным православным религиозным центром Польско-Литовского государства. Киевский митрополит, находившийся под защитой казаков, после бесплодного ожидания

уступок от Сигизмунда III в 1625 г. обратился к московскому правительству с предложением перехода православного населения Рутении в подданство Москвы для спасения его от польских преследований.

Москва еще не оправилась от последствий «Смутного времени» и не отваживалась вмешаться, хотя и поощряла визиты украинских православных монахов. Новое развитие событий было вызвано суровыми мерами, принятыми польским правительством против православных после убийства в 1623 г. Иосафата Кунцевича, витебского униатского епископа, позднее канонизированного Римом*. Этот инцидент проявил и серьезность конфликта, и упорство, с которым православные отвергали унию. Все это вновь стало очевидным в 1629 г., когда очередная попытка насадить унию была сорвана ревнителями православия, поддержанными казаками. Последние оставались непокорными, несмотря на успешную кампанию против них на Украине С. Конецпольского (1625); в 1629 г. они вновь круто переломили ситуацию**.

Для православных желанная возможность улучшить свою участь открылась во время сеймовых обсуждений избрания сына Сигизмунда III Владислава (1632—1648). Православная партия, вновь поддержанная казаками, добилась от нового короля важных уступок: им было даровано право избрания киевского митрополита и пяти епископов; церковная собственность на украинских землях должна была быть поделена между православными и униатами, которым пришлось довольствоваться четырьмя епископами; церкви и монастыри также должны были быть поделены. Православные немедленно приступили к выборам нового митрополита — Петра Могилы, архимандрита Киево-Печерского монастыря, отпрыска рода молдавских господарей. Его деятельность открыла новую главу в развитии на Украине православия, что оказало влияние и на Московскую Русь⁸.

Эти уступки умиротворили казаков, и когда новый царь Михаил Романов (1613—1645) в 1633 г. вторгся в Речь Посполитую, Владислав с их поддержкой смог ему успешно противостоять***. По Поляновскому мирному договору (1634) Владислав отказался от притяза-

* И. Кунцевич, архиепископ полоцкий, был убит в Витебске.—Прим. перев.

** Имеется в виду казачье восстание 1630 г. под руководством гетмана Трясило.—Прим. перев.

*** Имеется в виду Смоленская война 1632—1634 гг.—Прим. перев.

ний на русский престол, но удержал за собой Смоленск и ряд других порубежных городов.

В надежде усилить контроль над непокорным запорожским войском польское правительство построило на днепровском пороге крепость Кодак, что вызвало три восстания казаков, окончившихся, однако, неудачей, поскольку реестровые казаки предпочли объединиться с правительством. В 1638 г., после подавления восстаний, количество реестровых казаков было сокращено до шести тысяч, а их привилегии значительно урезаны. В результате казаки оказались подчинены местным властям, эксплуатировавшим их, что вызывало жалобы и недовольство.

Поначалу король Владислав безуспешно пытался добиться удовлетворительного урегулирования своих притязаний на шведский престол, но достиг лишь ухода шведов с прусского побережья. Затем он перенес свою активность на юг в расчете распространить польское влияние на Молдавию и Валахию с помощью казаков, к которым обратился с просьбой начать вторжения на турецкую территорию; однако этот план пришлось оставить из-за оппозиции польской шляхты.

Одним из казачьих военачальников, осведомленных о плане короля, был Богдан Хмельницкий, воспользовавшийся ситуацией для организации нового восстания. Кроме удовлетворения личной мести за непростительное зло, причиненное ему и его семье польским шляхтичем, Хмельницкий надеялся, рассчитывая на доброе отношение короля к казакам, воспользоваться их недовольством правлением польской шляхты и добиться ряда уступок.

Повстанцы разгромили польскую армию, но Хмельницкий, ныне гетман казаков, удержал их от дальнейших действий, надеясь, что сын и наследник Владислава Ян Казимир (1648—1668) даст им те привилегии, которых они ждали от его отца. Обстоятельства, однако, придали восстанию иной характер. Новость об успехе гетмана была с энтузиазмом встречена православным населением, восстание распространилось и превратилось в национальную борьбу украинского народа против «порабощения поляками» и религиозную борьбу между православием и католицизмом. Украинское население выступило против польской шляхты и ее агентов — евреев и изгнало их, как и иезуитов, считавшихся наиболее опасными врагами православия. В этой обстановке общественного возбуждения восстание Богдана Хмельницкого потеряло свой ограниченный социальный и

экономический характер и со стороны всей Украины превратилось в борьбу за политические свободы и независимость⁹. Победив новую королевскую армию, Хмельницкий, видя, что не может рассчитывать на помощь своего союзника, крымского хана, отказался от идеи полной независимости и заключил с королем Зборовский мир (1649). Согласно ему, казаки должны были получить автономную территорию в составе прежних Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств; ее защита полностью вверялась реестровому казачьему войску, включавшему 40 тысяч человек под командованием гетмана. Православие должно было быть восстановлено в Польско-Литовском государстве, митрополит допущен в сенат, а евреям и иезуитам запрещено селиться на украинской территории.

Ни поляки, ни украинцы не были удовлетворены этими условиями. Новый договор, заключенный в 1651 г. после поражения казаков, оставленных их крымскими союзниками, был еще менее выгоден. Количество реестровых казаков уменьшалось вдвое, и им разрешалось селиться только в Киевском воеводстве; условия, касавшиеся религии, были полностью опущены. Недовольство росло, и Хмельницкий был вынужден искать поддержки вне Польши: он установил связи с трансильванским князем Дьердем Ракоци, с крымским ханом и с турецким султаном и, наконец, обратился к московскому царю, ссылаясь на этническую и религиозную общность двух славянских народов.

Когда в 1625 г. киевский митрополит обратился к царю за помощью, Московское государство еще не было достаточно сильным и не отважилось вмешаться. Однако на этот раз Земский собор, созванный царем Алексеем Михайловичем, решил, что казаки должны быть взяты под покровительство Москвы, а Польше надо объявить войну. В 1653 г. послы царя приняли верноподданническую клятву гетмана и его войска, гарантируя им все права и привилегии, которыми прежде пользовались казаки и жители Украины*. Переяславский договор** был дополнен в Москве, где продолжились переговоры (1654).

Текст Переяславского договора не сохранился; русские и украинские историки расходятся в оценке его значения. Первые рассматри-

* 8 января 1654 г. на Переяславской раде.—*Прим. перев.*

** Имеются в виду так называемые Статьи Хмельницкого (Мартовские статьи 1654 г.). Оригиналы статей не сохранились, известна редакция 1657 г.—*Прим. перев.*

вают его как простое вхождение Украины в состав Русского государства, вторые же не склонны признать, что он означал нечто большее, чем вассальную зависимость либо личную или реальную унию двух независимых государств.

Нет сомнения, что казаки присягнули на верность царю, но при условии, что они сохраняют свои права и привилегии. Это не было безусловной сдачей, о чем свидетельствует подтверждение привилегий казаков, дворянства и городов Украины, сделанное царем после переговоров в Москве. Украина получила значительные права самоуправления, хотя ее право на самостоятельные дипломатические отношения с соседями было ограничено. Гетман должен был избираться казаками, но затем уведомлять царя о своем избрании и обещать повиновение. Из этого, кажется, следует, что Богдан Хмельницкий рассматривал царя как своего суверена, а не просто союзника. О таком же характере отношений свидетельствуют и условия, хотя и не осуществленные на практике, что власть царя на Украине будут представлять воеводы, которые будут размещены в главных городах, и что налоги будут собираться в московскую казну¹⁰.

То, что условия договора никогда не были точно сформулированы и что цари часто предоставляли гетманам действовать как ответственным правителям Украины, объясняет его различные интерпретации.

Начавшиеся военные действия привели к захвату Смоленска армией царя и разрушению Вильнюса. Когда шведский король Карл X Густав воспользовался ситуацией и вторгся в западную Польшу, король Ян Казимир оказался в очень трудном положении. Молниеносный успех шведской армии поставил Польшу на грань катастрофы. Литовский гетман Януш Радзивилл замышлял литовско-шведскую унию, в Польшу вторгся трансильванский князь Ракоци, а остальная часть страны находилась в руках шведов или русских.

Началась борьба польского народа против шведских гарнизонов, причем нежелание царя и казаков позволить шведам надежно укрепиться на польской территории спасло на этот раз Польшу от намечавшегося раздела между соседями. Победоносное польское наступление началось из Львова, который, как и Гданьск, оставался верен королю¹¹. Возникшие осложнения с Данией заставили Карла X Густава поторопиться домой. Вмешательство Австрии и посредничество Франции ускорили подписание Оливского мирного договора 1660 г. Польша уступила свой сюзеренитет над Восточной Пруссией бран-

денбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму: это был еще один важный этап в возвышении Пруссии.

Тем временем на Украине начала складываться новая ситуация. Культурный уровень населения Украины был много выше, чем в Московской Руси, благодаря распространению польского и западноевропейского влияния среди южнорусского населения; его язык стал значительно отличаться от языка Восточной Руси. Украинская знать лелеяла идеи политической свободы, воспринятые ею в Польше, и поэтому вскоре стала с подозрением относиться к режиму абсолютной монархии, установившемуся в Москве, тем более, что становилась очевидной цель царя постепенно ограничить автономию Украины и полностью инкорпорировать ее в Московскую Русь.

Среди украинской шляхты проявлялись полонофильские стремления, в то время как низшие классы симпатизировали Москве. Острый конфликт между этими двумя тенденциями вспыхнул после внезапной смерти великого украинского вождя Богдана Хмельницкого. Хмельницкий хотел сделать должность гетмана наследственной в своем роде, и перед его смертью преемником был провозглашен его юный сын Юрий. Но так как этот сын был младшим и не особенно одаренным, казаки избрали гетманом Ивана Выговского, хорошо образованного и умного украинского шляхтича. При новом гетмане скоро проявилось пропольское и антимосковское направление. Выговский начал переговоры с крымским ханом, Швецией и Польшей, чтобы добиться независимого положения Украины в Польско-Литовском государстве. В 1658 г. было заключено тайное соглашение с Польшей — Гадячский договор, согласно которому Речь Посполита должна была быть трансформирована в федерацию Польши, Литвы и Украины. Три народа должны были быть объединены общим свободно избранным королем и помогать друг другу в войне. Если бы Московское государство пришло к соглашению с Польшей, оно было бы допущено в федерацию, первой военной целью которой ставилось завоевание Крыма.

Великое княжение Русское, как теперь следовало называть Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства, должно было иметь собственный сенат в качестве высшей законодательной власти, а исполнительная власть вручалась гетману, избиравшемуся королем из четырех кандидатов, выдвигавшихся казаками. Для казаков упразднялась крепостная зависимость, многие военачальники получали права шляхты и жаловались государственными землями. Православ-

ная церковь получала равные права с католической; строились многообещающие планы культурного развития Украины.

Поначалу казалось, что договор будет реализован. Русская армия, посланная против Выговского, потерпела поражение, однако гетман не воспользовался открывшейся возможностью вторжения в Московское государство, опасаясь, что в его отсутствие соперничавшие силы поднимут мятеж. Тем временем против Гадячского договора стали выступать с протестами простые казаки, опасавшиеся, что польская шляхта и получившая права шляхты старшина вернут казаков, оказавшихся вне тридцатитысячного реестра, в крепостное состояние. Недовольство, подогреваемое московской пропагандой, росло, казачьи массы восстали и, вынудив Выговского отказаться от гетманства, поставили на его место Юрия Хмельницкого. Последний аннулировал Гадячский договор и обещал быть верным царю. Новый договор, заключенный в 1659 г. между царем и казаками, существенно урезал автономию Украины и усилил контроль царя над гетманом. После крупного военного успеха поляков против московских войск в 1660 г. на Украине вновь воцарился хаос, происходили яростные столкновения русофильской и полонофильской партий казачества. После того как его гетманство было подтверждено королем, Юрий Хмельницкий потерпел поражение от сторонников Москвы, оставил свой пост и ушел в монастырь.

Конечным результатом всех этих событий был раздел Украины на две части: Правобережье Днепра управлялось гетманом, назначавшимся польским королем, а Левобережье — гетманом, избранным царем. Раздел был признан обеими сторонами Андрусовским перемирием, подписанным в 1667 г. Через два года Польше должен был быть возвращен Киев, но это условие никогда не было выполнено; Москва получала Смоленск и Северскую землю.

Гетман Правобережья Петр Дорошенко тщетно пытался объединить Украину, хотя поначалу казалось, что для этого у него есть все шансы. Раздел Украины между Польшей и Москвой не был популярен среди украинского народа. Более того, промосковского гетмана Ивана Брюховецкого простые казаки и крестьяне подозревали в том, что он хочет превратить старшину в новый правящий класс, подобный существующему в Польше и Московской Руси, и одновременно заискивает перед московским правительством, несмотря на очевидный курс Москвы на ограничение украинских свобод. Брюхо-

вещкий вынужден был изменить свою политику, но в конце концов был убит недовольными казаками.

Перед Дорошенко открылась возможность объединения Украины, но его решение признать над ней суверенитет султана было неудачно и отвратило от него многих сторонников. Московская дипломатия умело использовала растущее недовольство казачества Дорошенко, причем религиозный фактор вновь оказался в пользу царя, защитника православия. Москве удалось привлечь на свою сторону Демьяна Многогрешного, представителя Дорошенко в Левобережье. Избранный гетманом Левобережной Украины, Многогрешный заключил Глуховский договор (1669), предоставивший Москве право держать воевод и гарнизоны на Украине; казачий реестр устанавливался в 30 тысяч.

Авантюра Дорошенко могла иметь гибельные последствия для Польши. Султан Мехмед IV (1648—1687), желая сделать свой суверенитет над Украиной реальностью, вторгся в Польшу. В это время у власти там находился слабейший король, которого шляхта когда-либо сажала на трон,—Михал Вишневецкий, род которого, считалось, восходил к брату Ягайло. Этот факт, а также память о военных свершениях его отца побудили шляхту предпочесть его французскому кандидату, на сторону которого при помощи взяток Людовик XIV привлек многих магнатов. Его избрание состоялось после того, как Ян Казимир, обескураженный бесплодностью своих усилий изменить польскую конституцию, отрекся от престола и поселился во Франции (1668). Первые годы несчастливой правления Вишневецкого были заполнены интригами недовольной французской партии, желавшей вынудить его отречься. Вторжение турок произошло в момент, когда неудачливый король обнаружил очередной заговор. Турки разбили небольшую польскую армию, заняли крепость Каменец, прикрывавшую путь в юго-восточную Польшу, и двинулись к Львову.

Испуганный успехом турецкой армии и неспособный вовремя мобилизовать польские силы, король оказался вынужден заключить унижительный Бучачский мирный договор 1672 г., признававший турецкий суверенитет над Украиной, передававший султану Подолию и предусматривавший высокую ежегодную дань победителю.

Катастрофу предотвратил польный гетман Ян Собеский, бывший в числе магнатов, строивших заговор против короля. Поспешив к линии фронта, он благодаря огромному военному таланту и личному мужеству одержал в течение нескольких дней четыре победы. Сейм отказался ратифицировать Бучачский договор и обязал Собеского

продолжать военные действия. Несчастный король умер в тот самый день, когда Собеский одержал великую победу под Хотинем: 10 ноября 1673 г.*

Избранный в следующем году королем, Ян Собеский (1674—1696) еще до коронации вернулся на театр военных действий. Хотя общая вербовка войск не имела успеха, Собеский со своими опытными командирами во главе небольшой армии, набранной в основном за его собственный счет, остановил дальнейшее продвижение неприятеля. Благодаря стратегическому превосходству он сумел победить турок и добиться договора (1676), возвращавшего Польше две трети Правобережной Украины.

Другую потерю Польши — Восточную Пруссию — Собеский желал бы обернуть в свою пользу и с этой целью заключил союзы с Францией и Швецией (его французская политика во многом инспирировалась женой-француженкой Марией). Следуя этой линии, он поддержал антигабсбургское восстание в Венгрии и даже лелеял идею о возвращении Польше Силезии, но вскоре осознал, что сейм едва ли удастся убедить поддержать войну, возможно, ведущуюся из династических интересов. С другой стороны, турецкая угроза оставалась вполне реальной, а ожидать французской помощи для ее предотвращения не приходилось.

Это, а также тот факт, что его профранцузская политика встретила сильную оппозицию шляхты, вынудили Собеского заключить новый договор с императором Леопольдом I (1658—1705), ратифицированный сенатом. Согласно договору, обе стороны обязывались оказать друг другу помощь в случае турецкой угрозы их столицам. Вскоре опасность нависла над Веной, поскольку амбициозный великий везир Кара-Мустафа готовил новое наступление на империю и признал вождя антигабсбургской партии Имре Текея королем Венгрии.

Ян Собеский ясно видел, что завоевание Вены откроет туркам путь в сердце Европы и будет угрожать Польше с юго-запада. Поэтому, призванный императором и папой на помощь осажденной столице, он, не колеблясь, повел свою тридцатитысячную армию на соединение с имперской армией под командованием Карла Лотарингского. Именно Собескому принадлежит план совместного марша, а круговая атака польской кавалерии, предводительствуемой королем, разгромила турок и спасла Вену (12 сентября 1683 г.). Благодарность венцев была выражена во время благодарственной службы в соборе

* 11 ноября.—Прим. перев.

св. Стефана, когда в основу проповеди были взяты слова Евангелия «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» (Ио.1:6).

В последующие месяцы победы польской и австрийской армий при Паркане и Гране послужили началом освобождению всей Венгрии. Османская империя так и не оправилась от сокрушительных ударов, нанесенных ей Яном Собеским, и Европа была спасена. Турецкая угроза Европе и Польше, которую тщетно пытались отвести короли-Ягеллоны, была наконец уничтожена благодаря великим деяниям другого короля-поляка.

«Священная лига», формированию которой способствовал Собеский, была образована в 1684 г. в составе Польши, Австрии, Венеции и Рима. Венецианцы начали наступление в Морее в Греции, а имперские войска в 1685 г. взяли Будапешт*. В 1687 г. вторая знаменитая битва при Мохаче была выиграна Карлом Лотарингским, занявшим Белград. Турки, однако, сумели остановить продвижение имперских войск в Болгарию, Сербию и Трансильванию, и эта неудача ускорила массовое бегство сербов в южную Венгрию¹². За победой, одержанной в 1691 г. маркграфом Людовиком Баденским, в 1697 г. последовала знаменитая битва при Зенте, выигранная австрийским героем Евгением Савойским.

Ян Собеский не участвовал в этом наступлении, предпочитая продолжать военные действия на юге, где наиболее глубоко были затронуты польские интересы, но вместо наступления из Подолии к Черному морю сосредоточил все силы на завоевании Молдавии и Валахии, где ему приходилось воевать не только с турками, но и с местным христианским населением, как и прежде, враждебно относившимся к вмешательству Польши. В это предприятие он ввязался, желая добыть княжество для своего сына и, таким образом, открыть ему путь к польскому престолу, однако все его усилия в 1684—1691 гг. были напрасны и лишь отвратили Габсбургов, которые сами стремились распространить свое влияние на Дунайские княжества. Поглощенный военными действиями на Дунае и желая получить поддержку Москвы против Турции, Собеский в 1686 г. заключил «вечный мир» с Русским государством, подтвердивший перемирие 1667 г. и оставивший Киев в руках русских.

Ян Собеский сознавал необходимость усиления королевской власти и, возможно, преуспел бы в этом отношении, если бы сумел сохранить свою военную славу незапятнанной, но неудачи во время

* Буду в 1686 г.—*Прим. перев.*

кампаний в Молдавии ослабили его авторитет и способствовали росту оппозиции магнатов его династическим и монархическим планам. Он даже не дожид до того момента, когда его победы над турками были закреплены заключенным в 1699 г. Карловицким миром. По условиям мира, союзница Собеского Австрия возвращала себе всю Венгрию (кроме Баната с Темешваром), а также Трансильванию, Хорватию и Славонию, Венеция получала Морею и большую часть Далмации, а Польша — Подолию, которую тщетно пытался вернуть Собеский.

Таким образом, последние годы Яна Собеского, короля-героя, начало правления которого обещало столь многое, прозвучали горестной нотой, пророчески предвещавшей трагический конец, который эгоизм шляхты уготовил Польше. Его военные свершения, которые Польша не смогла использовать, лишь помогли Габсбургам усилить свои позиции в Европе.

Немногие в Польше предвидели угрозу конечной катастрофы, к которой аристократическая «парламентская» система медленно приближала страну. Многие иностранцы, наблюдавшие политическую систему Польши и ее воздействие на внутреннее положение, признавали ее недостатки и в своих мемуарах не скупались ни на острую критику, ни на мрачные пророчества¹³. Победы Собеского поднимали престиж страны, но к концу его правления вновь поднялась волна острой критики. Благодаря активному экспорту польского зерна через Гданьск в Западную Европу в начале XVII в. экономическое положение Польши было благоприятно. Конечно, такая конъюнктура складывалась только в пользу шляхты, а положение крестьян постепенно ухудшалось. Из польских городов продолжал процветать только Гданьск, мещане других городов, в общем, сохраняли уровень благосостояния XVI в., но после 1648 г. их положение ухудшилось. Польшу сокрушила тридцатилетняя война, начавшаяся восстанием Хмельницкого и приведшая ее примерно в такое же состояние, в какое другая Тридцатилетняя война* привела Германию и Чехию. Страна была опустошена, небольшие города полностью разрушены, промышленность и ремесла пришли в упадок, и даже дворянство серьезно пострадало. Но больше всего претерпели от казацкого восстания многочисленные евреи, жившие в особых кварталах городов,

* Имеется в виду Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. между габсбургским блоком и антигабсбургской коалицией.—Прим. перев.

выступавшие в качестве посредников во многих деловых сделках шляхты и часто финансировавшие и королей, и дворян.

Хозяйственный упадок, естественно, негативно сказался на культурной жизни Польши. Лишь немногие поляки могли себе позволить путешествовать и учиться за границей, а польские центры высшего образования: академии Краковская, Замоysкая (в городе Замосць), иезуитская Виленская — не могли сравниться с европейскими университетами. Прекрасные школы Чешских братьев в Лешно и унитарянцев в Ракове стали жертвами начавшей распространяться религиозной нетерпимости. Школы отцов иезуитов и пиаристов в Польше, судя по всему, не достигли такого же уровня, как в других странах. Наибольший упадок польской цивилизации наблюдался в конце XVII — первой половине XVIII вв.

Это положение отразилось и на польской литературе. Писатели первой половины XVII в. все еще находились под влиянием гуманизма и Ренессанса. Хотя они имитировали стиль и настрой Яна Кохановского, никто из них не достиг высоты его уровня. Среди наиболее заметных авторов — братья Шимон и Юзеф Зиморовичи, по происхождению из мещан. Шимон — автор одного из лучших польских циклов лирических песен *Roksolanki* (*Роксоланки*), Юзеф Бартоломей кроме поэтических идиллий *Sielanki nowe ruskie* (*Новые украинские селянки*) описал в прозе осаду Львова турками в 1672 г. *Annales* (*Анналы*) Веспасиана Коховского описывают правление Яна Казимира и поход Яна Собеского на Вену. Талантливым поэтом, хотя и не получившим глубокого литературного образования, был Вацлав Потоцкий, автор одной из лучших польских эпических поэм *Хотинская война*, прославившей победу над турками в 1621 г. *Воспоминания* Яна Пасека (ум. 1711*) — хороший образец старой польской прозы, глубокое проникновение в жизнь польской шляхты XVII в.; они явились одним из основных источников для исторических романов Г. Сенкевича. Латинские сочинения Шимона Шимоновича (ум. 1629) были популярны на Западе, его лучшее польское сочинение, *Эклоги*, обнаруживает сильное влияние гуманизма. Настоящим поэтом барокко был Ян Анджей Морштын, испытавший влияние итальянского поэта Дж. Марино. Самуэль Твардовский — автор эпических поэм на современные сюжеты и двух рифмованных хроник.

* Умер в 1701 г. — *Прим. перев.*

Произведения многих других авторов остались в рукописях и стали известны историкам литературы только в новое время. Подобно чешской барочной литературе, польская оценивалась столь же сурово как иллюстрация быстрого культурного упадка. Лишь недавно литературные произведения того времени были переоценены, исходя из вкусов и стиля эпохи, и стали выше цениться польскими специалистами; в сравнении же с чешской барочной литературой они находятся на гораздо более высоком уровне.

С точки зрения истории политических идей некоторый интерес вызывают произведения польских авторов, написанные в ответ на критику польского государственного устройства со стороны некоторых зарубежных наблюдателей. Ежи Опалиньский в *Монархии* (1614) представил польскую систему как наилучшее воплощение республиканских идеалов; ему же принадлежит ответ на ее острую критику английским поэтом Джоном Барклеем, автором *Icon animorum*. К Е. Опалиньскому присоединился Лукаш Опалиньский, хотя последний (*Rozmowa plebana z ziemianinem* — лучшее в то время польское произведение этого жанра) призывал к реформе польского представительного строя и усилению королевской власти. Шимон Старовольский и Анджей Фредро также выступали против Дж. Барклея, шведа Г. Конринга (1655) и немца Т. Ланциуса (1613), которые, как и ирландец Б. Коннор (1696), являлись главными критиками польской конституции. Их ответы показывают, сколь трудно было польской шляхте осознать, какой ущерб она приносила государству. А. Фредро даже выступал поборником *liberum veto*, права, позволявшего любому шляхтичу наложить вето на решение сейма, что являлось основной причиной политического бессилия польского государства после 1658 г.

Польские музыка, архитектура и изобразительное искусство по-прежнему развивались под итальянским влиянием. Благодаря итальянским музыкантам стало возможным основание Варшавского королевского оркестра, исполнявшего много итальянской музыки и считавшегося одним из лучших в Европе. Поляки могли гордиться и национальными композиторами, лучшим из которых был Миколай Зеленьский, писавший в стиле венецианской школы. Бартоломей Пенкель в своих сочинениях следовал концертному стилю римской школы. Выдающимися барочными композиторами считаются также Адам Яжембский и Марцин Мельчевский. При королевском дворе

исполнялись итальянские оперы, а многие магнаты имели собственные оркестры¹⁴.

Новый стиль барокко распространялся в Польше медленнее, чем в Чехии. Здесь он сочетался с традиционными национальными мотивами, подобно тому, как ранее элементы готики сочетались с ренессансным стилем¹⁵ и что оставалось типично и для всей первой половины XVII в. Сооружались новые замки в духе Ренессанса с реминисценциями готики, готические костелы с чертами Ренессанса (Казимеж, Варшава, Вильно, район Люблина). Сходное положение наблюдалось в скульптуре. В области живописи выделяется славившийся и за границей гравер Ян Зярко, которого можно сравнить с чехом Голларом, работавшим в Лондоне.

Вообще, стиль барокко принесли в Польшу иезуиты и некоторые магнаты, познакомившиеся с ним в Италии; в отличие от Чехии, она не могла похвастаться известными архитекторами-поляками: внедряли и распространяли его итальянцы. Дж. Тревано обновлял Краковский замок, К. Тенкалла работал в Вильно, другие мастера строили резиденции магнатов. Томазо Долабелла, писавший в стиле венецианской школы, стал придворным художником Сигизмунда III. В Польше работали также голландец Я. Мертенс и немец Б. Штробель.

Расцвет барокко начался в правление Яна Собеского, когда многим дворцам и костелам, разрушенным во время казачьих восстаний и войн со шведами, понадобились перестройка и обновление декора. Кроме Ю. Беллотти известны были еще два иностранца: голландец Тыльман Гамерский, сочетавший конструктивную величественность с простотой декора, и П. Феррари, предпочитавший живописность и богатство композиции. В целом, во многих отношениях польское барокко отличается от итальянских образцов. На него оказывали влияние Австрия и Моравия, где прежде работали некоторые из итальянских мастеров; особенно это очевидно на примере характерных для Польши костелов с двухбашенным фасадом.

В изобразительном искусстве также преобладали иностранные мастера. Кроме итальянцев М. Паллони и Дель Бене в Польше работали Клод Калло, племянник известного французского художника Жака Калло, и Франсуа Депорт. Из польских живописцев заслуживают упоминания только Е. Семигиновский и Я. Третко.

Несмотря на упадок Польши в экономической и политической сферах, она продолжала оказывать культурное влияние на своих восточных соседей. Развитие украинской культуры, замечательной в XVII в., во многом протекало под воздействием польской литерату-

ры и искусства их золотого века и периода барокко. Польское влияние распространилось и на Московское государство, где даже после провала польских походов на Москву наблюдалось следование польскому образу жизни. Некоторое польское влияние можно также усмотреть в первых попытках сочинения русских народных романов и повестей и в др. областях¹⁶.

Наиболее глубокими польские культурные влияния были в румынских княжествах Молдавия и Валахия. Возникновение румынской литературы во многом вдохновлялось Польшей, о чем свидетельствует даже то, что первый значительный писатель, Мирон Костин из Молдавии, по-польски написал эпическую историю своей страны и посвятил ее королю Яну Собескому. С другой стороны, для польских обычаев и образа жизни стали характерны многие восточные черты, но несмотря на это, польская культура оставалась глубоко укорененной в Западной Европе. Распространение польской культуры на Восток показывает, как велика могла бы быть роль Польши на Востоке в качестве форпоста западной цивилизации, если бы она не оказалась так трагически ослаблена благодаря эгоизму своего дворянства и порочности государственного устройства.

Примечания

¹ См. краткое исследование Г. фон Пеля: G. v. Pöhl, *Quellenkundiges zur Geschichte des ersten falschen Demetrius*, ZOG, 7 (1933), S. 73—87. Образцовая русская работа о Дмитрии и Смутном времени принадлежит С. Ф. Платонову: *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.* (М., 1937). Важной для изучения этого периода остается и его оценка древнерусских летописей и повествований эпохи Смуты: *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник* (впервые опубликовано в 1887—1888 гг. в Журнале министерства народного просвещения, в 1888 г. вышло отдельным изданием в Петербурге). *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени* опубликованы им в 13 т. РИБ (СПб., 1891). Монография Платонова о Борисе Годунове (Пг., 1921) (немецкий перевод: H. de Witte, Paris, 1929) касается также регентства Годунова при царе Федоре Ивановиче и появления Лжедмитрия. В 1911—1912 гг. на русском языке появились работы К. Валишевского и П. Пирлинга (см. Библ.). Согласно Платонову, претендент на престол был московским человеком, подготовленным для этой роли московскими боярами, особенно Романовыми, враждебными Годунову. Донесения о смерти настоящего Дмитрия были вновь исследованы Г. Вернадским (см. Библ.), правильно заключившим, что

смерть царевича произошла в результате несчастного случая и Борис Годунов был несправедливо обвинен в убийстве. Полная библиография проблемы приведена им в работе, опубликованной в *Oxford Slav. Papers*. О распространении легенды см. статью А. А. Рудакова в 12-м томе *Исторических записок* (1941), с. 154—283.

² См. выше, с. 563.

³ См. выше, с. 316. Он стал бренденбургским курфюрстом в 1619 г.

⁴ Г. Штекль (G. Stöckl) в работе *Die Entstehung des Kosakentums*, München, 1953, подверг ревизии все прежние концепции происхождения казачества, отражавшие национальные или социальные предпочтения их авторов; там же содержится обширная библиография проблемы на славянских языках. Из славянских авторов наиболее объективен известный историк Украины М. С. Грушевський (см. *Історія України — Руси*, т. VII; издавалась в Киеве и Львове в 1898—1936 гг., имеется нью-йоркское переиздание 1954—1958 гг.). О дальнейшей истории казаков и Украины см. т. VIII—X его труда. Ср. также М. И. Яворский, *Історія України*, Харків, 1928; Д. Дорошенко, *Напис исторії України* (т. 1—2, Варшава, 1932—33). Социальные аспекты истории казачества подчеркнуты В. А. Голобуцким: *Запорожское казачество*, Киев, 1957. Остается полезным труд Д. Н. Бантыш-Каменского *История Малой России* (3-е изд., СПб., 1842; переизд. 1903). Собранные им источники о возникновении Украины (1649—1687 гг.) опубликованы под редакцией О. М. Бодянского в ЧОИДР (т. 24, 1858 г.).

⁵ В XV—XVI вв. название *Украина* употреблялось, без различия, в отношении всех приграничных территорий Польско-Литовского и Московского государств, в XVII в. его стали прилагать исключительно к территории, пограничной с Польшей и Литвой. О термине *Украина* и его применении до XVI в. см.: С. Селюхин, *Україна, назва нашої землі з найдавніших часів*, Прага, 1936.

⁶ Они были организованы в полки в составе, по крайней мере, 500 человек во главе с полковником, делившиеся на роты по 100 человек во главе с сотником и взводы по 10 человек во главе с атаманом. При гетмане (главнокомандующем) состояли адъютант для исполнения приказов и особый офицер, которому подчинялась артиллерия. Все официальные документы оформлял писарь. В основе всей организации лежал выборный принцип. Высшие офицеры составляли совет при гетмане (*старшину*). Важные дела обсуждались также на общем собрании — *раде*.

⁷ Русский историк Е. Шмурло в своей работе *Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe Russe 1609—1654* (Praha, 1928) опубликовал 451 документ, в основном из архивов римской конгрегации для защиты веры, бросающий новый свет на положение униатов, отсутствие понимания со стороны польского духовенства и искренние попытки со стороны конгрегации спасти унию и превратить ее в инструмент для привлечения православных. Польские историки расхо-

дятся во взглядах на унию. О. Халецкий (O. Halecki, см. Библ.) склонен переоценивать те преимущества, которые она, ожидалось, должна принести польскому государству с точки зрения выравнивания культурных различий между составлявшими его народами. К. Левицкий (K. Lewicki, *Sprawa unii kościoła wschodniego z rzymskim w polityce dawnej Rzeczypospolitej*, Warsz., 1934) подчеркивает, что польские интересы пострадали, поскольку уния сохранила особое положение украинцев на польских землях, что вело к поглощению польских элементов. Вместе с тем он согласен с К. Ходыницким (K. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska*, Warsz., 1934), наиболее объективным польским историком унии, и другими авторами, что заключение унии было в интересах Польско-Литовского государства, но меры, принимавшиеся для ее реализации, не дали Польше возможности извлечь из нее ожидавшиеся прибыли. О росте промосковских тенденций среди православных после заключения унии см. выше, с. 419. О. Халецкий (O. Halecki, *From Florence to Brest*) приводит некоторые новые документы, особенно касающиеся позиции Острожского.

⁸ См. ниже, с. 608—609.

⁹ Такое пагубное развитие событий явилось следствием аннексии Южной Руси — Рутении Польшей после Люблинской унии. Остается под вопросом, стало бы положение столь опасным, если бы эти земли остались частью Литвы. О. П. Бакус (O. P. Backus, см. Библ.) показал, что унижение Литвы вследствие принуждения к унии вызвало среди литовской шляхты славянского происхождения промосковские настроения, ранее, очевидно, не существовавшие. После заключения церковной унии 1596 г. эти настроения значительно усилились среди православного населения, оскорбленного жестким отношением к нему польских властей.

¹⁰ Ср. V. A. Mjakotin, *Die Vereinigung der Ukraine mit dem Moskauer Staat*, ZOG, 7 (1933), S. 321—356. В обзоре русской и украинской литературы о происхождении Украины автор отмечает противоречия в теориях и толкованиях существующих источников; здесь же содержится полная библиография проблемы на славянских языках до 1933 г. (ее завершил Х. Шуман — H. Schumann, *Der Hetmanstaat*, JGO, I, 1936).

¹¹ Героическое сопротивление Ченстоховского монастыря шведам разожгло патриотический пыл поляков. Это и другие трагические и славные события польской истории описаны в романах Г. Сенкевича.

¹² Ср. выше, с. 430—432.

¹³ Один из наиболее критических отзывов о современной Польше дал в 1658 г. направлявшийся в Москву известный хорватский патриот-панславист Юрай Крижанич (см. с. 509). Он писал, что у поляков (ляхов) в государстве нет порядка и подданные не боятся ни короля, ни судей. Сильные считают себя вправе угнетать слабых подобно тому, как волки и медведи вправе задирают скот, и нет суда, который накажет их за это. Такое гнусное без-

законие поляки называют «шляхетскими вольностями» и хвалятся, что из всех народов только они свободны. Ни в каком ином государстве не найти такой отвратительной свободы. Таков чрезвычайно суровый приговор брата-славянина; он же показывает, сколь прочно утвердился монархический абсолютистский строй в сознании европейцев того времени,—они оценивали польский «парламентский» строй, основанный на старых феодальных принципах, как безнадежно устаревший и опасный для соседей Польши.

¹⁴ Имеется хорошая монография по истории польской музыки: Z. Jachimiecki, *Muzyka polska w rozwoju historycznym*, Kraków, 1948 (о музыке эпохи Ренессанса и барокко—т. I, с. 88—218). О польской барочной литературе ср. А. А. Angyal (с. 173, сл.—см. Библ. к главе XVII).

¹⁵ См. выше, с. 371.

¹⁶ Ср. ниже, с. 612 и сл.

Глава XIX

Московское государство при первых Романовых

Три царя — Московское государство, Швеция, Польша, Турция — Экспансия на Север и в Сибирь — Реформы Филарета Романова — Уложение 1649 г. — Новшества в налогообложении и управлении — Первые промышленные предприятия и западное влияние — Социальная нестабильность — Собор — Вызов царскому самовластию, русское двоевластие — Никонова реформа церковной службы — Разрыв между патриархом и царем — Никон и западная теория превосходства духовной власти — Византийская концепция царства — Византинизация царского двора? Староверы — Иноземцы и киевская ученость в Москве — Московские исторические сочинения — Новые тенденции в биографической литературе — Украинские ученые и писатели — Украинская и московская поэзия — Возникновение русской драмы — Западный роман в московской литературе — Московская архитектура и влияние барокко — Новые тенденции в московской живописи

Избрание на престол Михаила Романова открыло новый период московской истории — перехода от традиционного русского образа жизни, утвердившегося при Рюриковичах, к новой эпохе, начало которой положили реформы четвертого Романова, Петра Великого. Период 1613—1682 гг. характеризуется усилиями трех первых правителей новой династии восстановить древние обычаи и институты, установленные первыми царями и разрушенные катаклизмами Смутного времени. И тем не менее, вдохновляясь прошлым и стремясь следовать древним традициям, первые Романовы не могли игнорировать новые тенденции в ведении государственных дел, администрации и культуре, которые они наблюдали у западноевропейских соседей, как не могли они и избежать следования некоторым из них, перестраивая собственное государство.

Интересной особенностью этого периода было то, что перестройка государства успешно осуществлялась в правление государей, отличавшихся удивительной личной посредственностью. Следует признать, что именно это обстоятельство способствовало избранию Ми-

хаила Романова в 1613 г., наряду, конечно, с выдающимся положением семьи и ее родством с династией Рюриковичей (последнее привлекло консервативную часть Земского собора и помогло избежать претендентов-иностранцев, Владислава Польского, шведского принца или Габсбурга).

Хотя у собора была возможность урезать права избранного царя и усилить собственную власть в государственных делах, ведущим его членам не удалось последовать примеру соседей — польской шляхты, никогда не упускавшей случая расширить свои привилегии. Возможно, вследствие посредственности шестнадцатилетнего правителя такие предосторожности казались излишними, либо идея самодержавия столь глубоко укоренилась в их сознании, что более либерально настроенные бояре не отваживались выступить с подобной инициативой. При любом объяснении следует принять во внимание, что в 1613 г. положение старых боярских родов, скомпрометированных своей позицией во время Смуты и переговорами с поляками, было существенно подорвано.

Образованием юного царя полностью пренебрегали, и он не мог править самостоятельно, а потому препоручил ведение дел своей властной матери Марфе, оставившей монастырь, куда она была насильственно пострижена Борисом Годуновым, и своим родичам, особенно Салтыковым. К счастью, в 1619 г. отец царя Филарет вернулся из польского плена, был возведен в сан патриарха и твердо взял бразды правления в свои руки. Устранив всех соперников, включая бывшую жену, он правил жестко, немногие реформы, которые он произвел, помогли улучшить ситуацию. Впервые в русской истории было установлено нечто вроде двоевластия, причем патриарх присвоил себе титул *великий государь*, обычно дававшийся царю, и правил от имени сына. После смерти Филарета (1633) род Салтыковых восстановил свое влияние при дворе.

Сын Михаила Алексей (1645—1676) был образован лучше отца и даже имел некоторые литературные амбиции. Его грубые манеры смягчались большой личной добротой. Он был консерватор, истово верующий, любивший общество людей благочестивых и юродивых, очень почитавшихся русскими. И тем не менее Алексей Михайлович принял предложения некоторых своих более прогрессивных фаворитов и ввел при дворе определенные новшества в подражание западным манерам. Правительство, однако, оставалось в руках фаворитов, из которых наиболее выдающимися были его бывший воспи-

татель Борис Морозов, патриарх Никон и Артамон Матвеев, хотя интриги царских родичей часто делали их положение ненадежным.

Преемнику Алексея Федору (1676—1682), старшему сыну от его первой жены, в момент смерти отца было четырнадцать лет. Он был воспитанником Симеона Полоцкого, выдающегося киевского ученого*, и даже пытался писать стихи, но его болезненность не позволяла ему играть какую-либо роль в управлении государством. Из правивших за него фаворитов наиболее способным и известным был князь Василий Голицын.

После смерти Федора Алексеевича управление государством по-прежнему осложняли интриги родичей двух жен Алексея. Брат Федора Иван был слабоумен, и хотя он вместе со своим сводным братом Петром был провозглашен преемником Федора, его сестра Софья с помощью семейства Милославских и царской гвардии — *стрельцов* смогла стать реальным регентом до 1689 г., когда Петр взял правление в свои руки.

Проблемы, перед которыми стояло в это время московское правительство, были огромны и трудно разрешимы. Опасности, исходившей от Польши, удалось избежать только потому, что сейм отказался предоставить королю Владиславу средства, достаточные для похода на Москву. Смоленск и Северская земля оставались в руках Польши, а предпринятая в 1632 г. попытка отвоевать Смоленск для Московского государства закончилась катастрофой. Неудивительно, что Алексей Михайлович был в сомнениях, когда в 1651 г. казаки предложили переход Украины в его подданство.

Успех в войне 1654—1656 гг.** , в результате которой Смоленск был возвращен, а Литва оккупирована, стал возможен благодаря действиям казаков и вторжению в Польшу шведов. Надежды Алексея добыть польскую корону были разбиты Карлом X Густавом Шведским (1654—1660), провозгласившим себя польским королем и жаждавшим занять Литву, в то время находившуюся в руках русских. В 1617 г. был заключен Столбовский мир, позволивший Москве после уплаты значительной контрибуции вернуть Новгород. Но-

* Точнее, западнорусского. Симеон Полоцкий, хотя и окончил Киево-Могилянскую коллегию, до переезда в Москву жил и работал в Полоцке.— *Прим. перев.*

** Имеется в виду первый этап русско-польской войны 1654—1667 гг., завершившейся Андрусовским перемирием 1667 г.— *Прим. перев.*

вая война, начавшаяся в 1656 г., завершилась Кардисским миром 1661 г.* Москве не только не удалось вернуть территории на южном берегу Финского залива, завоеванные еще Борисом Годуновым и потерянные в 1617 г., но и пришлось уступить шведам часть Ливонии, занятой русскими войсками. Московское государство было вновь лишено доступа к Балтийскому морю. Карл X Густав мог похвастаться, что без его разрешения ни одно судно не может появиться в его море.

Приобретения на юге, подтвержденные Андрусовским перемирием 1667 г., вновь оказались под угрозой из-за авантюры Петра Дорошенки и вторжения Мехмеда IV на Украину. Общая турецкая угроза впервые свела Польшу и Московское государство в одном лагере. Чтобы защитить Киев, армия Алексея Михайловича заняла ставку Дорошенко на правом берегу Днепра, на полпути между Киевом и Черным морем. Гетман-авантюрист перешел на сторону Москвы, но должен был отказаться от гетманства, а позднее был назначен царем воеводой в Вятку. Полякам пришлось уступить большую долю от своей части Украины туркам (1676).

В 1677 г. русская армия впервые в истории столкнулась с турецкой у Чигирина. Успех русских произвел большое впечатление при дворе султана, но Москва не чувствовала еще себя достаточно сильной, чтобы продолжать войну против могущественного соседа. Когда армия Турции снова выступила** с целью утвердить Юрия Хмельницкого, теперь турецкого вассала, в качестве гетмана принадлежавшей ей части Украины, московские войска вместе с казаками оставили Чигирин, удержав в своих руках только Левобережье Днепра.

Началась массовая миграция украинцев в русскую часть Украины. Они селились в районе современного Харькова, называвшегося с тех пор Слободской Украиной, и управлялись особым наместником, назначавшимся царем. Перемирие, заключенное в 1681 г. между Турцией и Московским государством, гарантировало Москве владение этой частью Украины.

Первый открытый конфликт между Москвой и Турцией случился в правление Федора III Алексеевича. Дальнейшее развитие отношений между Москвой, Польшей и Турцией в основном определял Василий Голицын, продолжавший управлять делами и в регентство Софьи. Король Ян Собеский стремился втянуть ее в антитурецкую

* Военные действия завершило в 1658 г. Валиесарское перемирие.—
Прим. перев.

** Имеется в виду второй чигиринский поход 1678 г.—*Прим. перев.*

лигу. Регентское правительство сомневалось, хорошо сознавая, что казаки не одобряют польско-московский союз. Исход польско-турецких войн, однако, побудил Москву преодолеть свои колебания; большое впечатление здесь произвела и победа Собеского под Веной. В 1686 г. между двумя странами был заключен союз, так называемый «вечный мир». В ответ на обещание Москвы помочь полякам в войне с турками и значительную денежную помощь Польша отказалась от своих притязаний на Киев и даровала полную религиозную свободу своему православному населению.

Голицын, однако, оказался плохим военачальником. Его поход на Крым в 1687 г., предпринятый вопреки совету казачьего гетмана Ивана Самойловича, завершился неудачей, в чем был обвинен несчастный гетман и сослан в Сибирь. Новый гетман Иван Мазепа сопровождал Голицына во втором походе в 1689 г., но оба были разбиты при Перекопе. Этот провал был одной из основных причин падения Голицына и Софьи. Балтийское и Черное моря оставались закрыты для Московского государства, в обоих направлениях открыть окно было уготовано новому царю — Петру.

При первых Романовых больший успех сопутствовал экспансии Московского государства на север и восток, в сибирские степи. Устойчиво развивалась колонизация Сибири. В 1618 г. был основан Енисейск, в 1632 г. — Якутск, в 1652 г. — Иркутск*, в 1654 г. — Нерчинск. В 1637 г. русские достигли побережья северной части Тихого океана. В 1648 г. была предпринята смелая экспедиция из устья Колымы в устье Анадыря по Северному Ледовитому океану**.

Заняв бассейн Амура, в 1649 г. русские впервые вступили в прямой контакт с китайцами и маньчжурскими императорами***, а в 1652 г. победили их в первом военном столкновении. Однако первое московское посольство, достигшее Пекина в 1656 г., не сумело уладить спор. Китайцы перешли в наступление, военные действия и

* Иркутск (Иркутский острог) основан в 1661 г. — *Прим. перев.*

** Берегов Охотского моря русские достигли в 1639 г., здесь в 1649 г. был основан Косой острожек (Охотск). В 1648 г. экспедиция Семена Дежнева и Федота Алексеева Попова из устья Колымы проплыла в Тихий океан, обогнув Чукотский полуостров и открыв Берингов пролив (в 1649 г. С. Дежнев построил Анадырский острог). — *Прим. перев.*

*** Впервые проник в бассейн Амура и достиг его устья отряд Василия Пояркова в 1643—46 гг.; в 1649—53 гг. походы в Приамурье совершал Ерофей Хабаров. — *Прим. перев.*

переговоры продолжились. Василий Голицын, занятый крымскими проектами, видимо, пренебрегал положением на Дальнем Востоке, и мир, заключенный в 1689 г.^{*}, оказался не в пользу России, потерявшей бассейн Амура и вынужденной признать суверенитет Китая в Монголии. Экспансия Московского государства продолжилась на северо-восток: в 1697 г. была занята Камчатка^{**}, и русские впервые вошли в соприкосновение с Японией.

Хотя первые Романовы не были в состоянии осуществить все свои экспансионистские амбиции, ими были заложены прочные основы для дальнейшего расширения московской территории при Петре Великом и его преемниках. Учитывая отчаянное положение Московского государства к концу Смутного времени, эти достижения были поистине замечательны.

Смутное время наложило глубокий отпечаток на социальную, экономическую и финансовую структуру Московского государства. Старый порядок был поколеблен, земля опустошена, управление дезорганизовано, правительство почти не имело средств. Было настоятельно необходимо изыскать нужные ресурсы и дать возможность правительству обеспечить оборону страны и навести некоторый порядок в управлении. Этими необходимостями диктовались первые реформы, осуществленные патриархом Филаретом.

Чтобы наполнить казну и ликвидировать последствия наиболее вопиющих злоупотреблений недобросовестных сборщиков податей, Филарет повелел провести новую земельную перепись и назначил новых податных чиновников из состава налогоплательщиков. Были введены непрямые налоги, часто очень обременительные, и усилена введенная Иваном IV государственная монополия на питейные заведения и постоялые дворы. К сожалению, необходимость увеличить налогооблагаемую базу была сопряжена с ухудшением положения крестьянства. Крестьяне, отягощенные сверх меры повинностями в пользу своих господ-феодалов и поборами в государственную казну, все чаще оставляли свои земли, часто вместе с семьями, и присоединялись к казакам или переселялись в пограничные районы. Многие держатели поместий и вотчин, лишившиеся огромного количества крестьян, обрабатывавших их земли, были не в состоянии нести военную службу. Под влиянием жалоб дворянства Филарет разрешил

^{*} Имеется в виду Нерчинский договор.—Прим. *перев.*

^{**} Имеется в виду экспедиция Владимира Атласова 1697—1699 гг.—Прим. *перев.*

землевладельцам возвращать беглых, если они прожили на новом месте менее пяти лет; вскоре этот срок был увеличен до десяти лет*. Это был новый шаг на пути закрепощения крестьян. С другой стороны, Филарет облегчил положение купцов и ремесленников, живших на *посадах* (в предместьях укрепленных городов — центров местного управления), включив в тягло их конкурентов — царских *служилых людей*, живших там же либо поблизости в так называемых *слободах***.

Чтобы усовершенствовать администрацию, Филарет увеличил количество органов центрального управления — *приказов*, образованных при первых царях.

Реформы Филарета, хотя и не всегда успешные, были завершены при царе Алексее Михайловиче и получили санкцию закона в так называемом *Соборном уложении*, одобренном Земским собором в 1649 г., — своде законов, базирующемся на византийском и литовском праве, русских *судебниках* (кодексах права), царских *указах*, решениях различных приказов.

Уложение является важным памятником, не только отмечающим значительный этап в истории русского законодательства, но и отражающим социальные, финансовые, административные условия, характерные для Московского государства при первых Романовых. В нем была окончательно решена судьба крестьян: им запрещалось покидать свое легальное место жительства, а их обязательства перед землевладельцами становились наследственными. Крепостничество было подтверждено законом. Крестьянская общинная организация, *мир*, отныне делалась не только ответственной за своевременную уп-

* Впервые пятилетний срок сыска беглых крестьян (урочные лета) был установлен в 1597 г. Уложение Василия Шуйского 1607 г. предусматривало 15-летний срок сыска; после Смуты подтвержден пятилетний срок, увеличенный в 1641 г. до 10 лет для беглых и до 15 лет для вывезенных крестьян. — *Прим. перев.*

** Имеются в виду мероприятия по ликвидации так называемых «белых», исключенных из тягла, слобод. При Михаиле Федоровиче правительство пыталось ограничить рост «белых» частновладельческих слобод и вернуть оказавшихся там посадских людей в тягло. При Алексее Михайловиче в 1649—1652 гг. были ликвидированы частновладельческие слободы в городах; жившие в государевых слободах и освобожденные от налогов так называемые служилые люди «по прибору» (кроме стрельцов и части «служилых» казаков) — которых имеет в виду автор — обязывались продать свои торговые и ремесленные заведения или стать членами тяглой посадской общины. — *Прим. перев.*

лату налогов отдельными крестьянами, но и обязывалась осуществлять регулярные переделы обрабатываемой земли между ее членами.

Уложение сообщает дополнительные подробности о рабах* и разряде крепостных, впервые упоминаемых в Судебнике 1550 г.,—*закладчиках*: людях разных сословий, которые, чтобы избежать налогового обложения или выплатить долг с наросшими процентами (часто по фиктивно заключенному договору), готовы были пожизненно служить своему займодавцу**. Такая практика запрещалась и регулировались различные возможные связанные с ней злоупотребления, особенно обычай селить закладчиков около посадов, где они занимались торговлей и ремеслами в пользу своих хозяев, в особях *слобод* — «свободных» (освобожденных от государственных повинностей) поселениях. Отныне обитатели слобод облагались теми же повинностями, что и посадские, а образование новых слобод запрещалось. К сожалению, чтобы соблюсти фискальный интерес, правительство запретило жителям посадов менять свое место жительства и, таким образом, существенно ограничило свободы, необходимые для здорового развития торговли и промышленности. Это продиктованное фискальными интересами ограничение явилось одной из основных причин того, что города Московского государства никогда не могли играть в нем роль, сходную с ролью западноевропейских городов.

Правительство намеревалось способствовать развитию русской торговли. Уложение лишило всех иноземных купцов привилегий, данных им Иваном IV, разрешив торговать только в Архангельске. Более всего этим условием были задеты английские купцы: отныне их товары облагались пошлинами, и с их привилегированным положением в русской торговле было покончено¹. Другими указами правительство способствовало развитию русской торговли, в частности в 1667 г. запретило иностранцам заниматься розничной торговлей. Кроме того, поощрялась торговля русских купцов непосредственно с Азией.

Однако все эти меры не давали желаемого эффекта. В Московском государстве не существовало организованного сословия купечества, как в западноевропейских городах. Торговая монополия, которую до 1649 г. удерживали иностранные, главным образом английские, купцы, не способствовала развитию собственного купечества,

* Имеются в виду холопы.—Прим. перев.

** Впервые закладничество упоминается в 60-х гг. XIII в. Судебник 1550 г. запретил закладываться за монастыри, а Уложение 1649 г. запретило закладничество окончательно.—Прим. перев.

фискальная политика государства, законодательно оформленная Уложением, сдерживала его рост и после 1649 г.

Церкви пришлось смириться с существенным сокращением своих привилегий, также сделанным главным образом по фискальным соображениям. Уложение не только запретило крестьянам закладывать за церковных собственников, освобожденных от государственного тягла, но и приняло строгие меры против роста церковного землевладения, чтобы земля не выходила из тягла. Более того, в юридической, административной и финансовой сферах духовенство и крестьяне, сидевшие на церковных землях, оказались подведомственными особому учреждению — *Монастырскому приказу*. Исключение было сделано только для патриарха и патриарших учреждений.

Более всего выгод новое Уложение предоставило царским слугам — *служилым людям* (дворянам)*. Они были обязаны нести, в соответствии с размерами пожалованных им царем поместий, не только военную службу, более или менее обременительную, но и гражданскую. Различия между этим новым классом знати и древними родами, держателями наследственных вотчин, все более стирались, особенно после 1682 г., когда был отменен древний институт *местничества*, обязывавший царя никогда не назначать служилых людей на должность ниже, чем занимавшаяся их предками.

Общим направлением Уложения 1649 г. и других мероприятий первых Романовых являлось разделение населения на разряды, каждый из которых должен был нести определенные обязательства в пользу государства, и запрет перехода из одного разряда в другой. К принятию этих мер правительство вынуждали примитивность системы податного обложения при растущих государственных расходах и огромности территории.

Несмотря на многочисленные недостатки, Уложение знаменовало важный шаг вперед в развитии правовой системы; хотя многие его установления со временем были отменены, оно продолжало действовать в течение почти двухсот лет, пока не было заменено новым сводом законов в 1833 г.**

* С середины XVI в. собственно дворяне составляли лишь один из разрядов служилых людей «по отечеству» — членов Государева двора (дворяне московские и выборные из городов); провинциальные служилые люди назывались детьми боярскими городовыми. — *Прим. перев.*

** Имеется в виду издание в 1832 г. Свода законов Российской империи. — *Прим. перев.*

Те же финансовые надобности вынуждали правительство к нововведениям в податном обложении и денежной системе. Прежде в основу обложения была положена древняя *соха* — площадь пахотной земли, которую работник мог обработать за день, но в 1646—1678 гг.^{*}, чтобы побудить крестьян к обработке большего количества земли, единицей обложения было сделано все хозяйство — *двор*. Кроме того, существовало еще три прямых налога: ямские деньги для поддержания государственной почтовой службы, полоняничные деньги для освобождения русских из татарского плена и стрелецкие деньги для поддержания войска стрельцов, составлявших ядро постоянной армии и служивших в качестве царской гвардии.

Попытки введения непрямых налогов, особенно на соль и табак, имели катастрофические последствия. Налоги были слишком велики, и плоха была система их взимания. Стабильный доход давала только пошлина на вино, продававшееся на постоянных дворах, что составляло государственную монополию. Некоторые другие меры свидетельствуют об очень неумелом ведении финансовой политики. Прежде всего, это введение в обращение немецких талеров, перечеканенных в Архангельске по номинальной стоимости, вдвое превышавшей реальную. Другая операция — замещение серебряной монеты медной, которая должна была обращаться по курсу серебряной, — привела к первой в России инфляции и массовому разорению.

Первыми Романовыми были произведены важные перемены в управлении государством. Дальнейшее развитие получили административные нововведения, произведенные Иваном IV. В Смутное время выросло значение должности воеводы (главы местной администрации). Воевода располагался в укрепленной части города (в городе в собственном смысле, называвшемся также кремлем) и не только отвечал за сбор налогов, но и выступал судьей по гражданским делам, а также возглавлял местное ополчение. Эта должность давалась представителям низших разрядов царских слуг — *служилым людям*; *губной староста* (вторая должность в местной администрации), возглавлявший суд по уголовным делам, избирался местными дворянством. Воеводы и приданные им чиновники не получали жалования от правительства, а должны были содержаться населением. Эти сборы для содержания воевод регулировались *старостами*, избирав-

^{*} В 1630-е гг. была введена так называемая живущая (дворовая) четверть, увязывавшая соху с определенным количеством дворов крестьян и бобылей, а в 1679 г. — подворное обложение. — *Прим. перев.*

шимися посадскими людьми и местными крестьянами, ежегодно собиравшимися для этой цели в *земских избах*. Однако эти демократические институты не имели успеха. Воеводы действовали самовластно, вмешивались в выборы и вскоре были прославлены в русских пословицах за свою жадность и продажность*.

Растущее значение военных действий в порубежных районах побуждало правительство укрупнять административные единицы на западе, юге и юго-востоке в территориальные образования, называвшиеся *разрядами*. Это были автономные военные округа, управлявшиеся *разрядными воеводами*, которым подчинялись все уездные воеводы. Разрядные воеводы обладали всей полнотой военной и гражданской власти в своем разряде и были ответственны за набор войск и выплату им жалования. Разряды составили ядро административной реформы Петра Великого, разделившего государство на губернии во главе с губернаторами².

Та же военная необходимость заставляла первых Романовых осуществлять реорганизацию армии. Ядро ее по-прежнему составляли дворяне, держатели поместий, но их военные качества постоянно снижались. Дворяне были более заинтересованы в управлении своими поместьями и возвращении беглых крестьян, чем в военной службе. Многие из них разорились и оказались не способны выполнять свои военные обязанности. Другие уклонялись от службы, подкупая чиновников, ответственных за набор войск, или попросту дезертируя из армии, несмотря на суровые наказания, предусмотренные за дезертирство перед лицом неприятеля.

Снаряжение кавалерии и пехоты было устарелым, войска были плохо обучены. Единственными, кто мог воевать эффективно, были *стрельцы* (мушкетеры**), род войск, введенный Иваном IV. Все это

* Чины воевод соответствовали статусу города (от бояр в крупных центрах до детей боярских в небольших городах); понятие «служилые люди», «служилые люди по отечеству» включало различные разряды светских феодалов — от бояр до провинциальных («городовых») детей боярских. Воеводы получали государево жалованье (для содержания должностных лиц существовал особый налог — кормленный окуп), сосредоточивали в своих руках всю полноту административной и военной исполнительной власти в городе и уезде, их судебная компетенция зависела от наличия в городе других судебных учреждений (губных изб). — *Прим. перев.*

** Стрельцы — один из разрядов служилых людей «по прибору», постоянное пехотное войско, вооруженное огнестрельным оружием. — *Прим. перев.*

заставляло первых Романовых следовать примеру последних Рюриковичей и нанимать иностранных наемников, причем не только для обороны южных границ, но и для ведения боевых действий против западных соседей. Начало реорганизации московской армии положил патриарх Филарет. Иностранные офицеры, по большей части поляки, немцы и англичане, нанимались, чтобы командовать русскими частями и обучать их секретам современного ведения войны. Некоторым из них жаловались поместья, другим давалось высокое жалование. Создавались новые воинские части. Кавалерийские полки на европейский манер назывались *рейтарскими*, пехотные — *солдатскими* (они набирались из служилых людей северо-западных уездов и предназначались против знаменитой шведской армии). *Драгуны*, обученные и пешему, и конному бою, были более пригодны для действий в степной местности. Эти «полки нового строя» рекрутировались из обедневших дворян, стрелецких детей, вольных крестьян, лишившихся своих наделов, из не вошедших в реестр казаков и др.

Одновременно была сделана попытка ввести всеобщую военную службу, обусловив, что каждые сто дворов должны поставить одного конного и одного пешего воина и что один-два сына из большой семьи, не необходимые для сельскохозяйственных работ, вступят в армию*. Набор старых поместных войск постепенно снижался: около 1680 г. поместное дворянство могло поставить только 30 тысяч воинов.

Благодаря всем этим мерам военная мощь Московского государства значительно выросла. После присоединения Украины царь мог мобилизовать свыше 200 тысяч человек. Конечно, нечто вроде постоянной армии составляли только стрельцы и иностранные наемники, остальным мобилизованным разрешалось возвращаться к своим хозяйствам после завершения кампании. Но и в этой сфере первые Романовы заложили основы, на которых Петр Великий и его преемники построили мощную постоянную армию.

Важные улучшения были произведены в оснащении войска. Устаревшее вооружение постепенно вытеснялось огнестрельным оружием разных калибров. Артиллерия была приведена в соответствие с современными требованиями и увеличена. Проведенная модернизация сделала царскую армию несомненно сильнее татарских войск и сделала возможным ее соперничество с доблестной польской кавалерией и пехотой; при этом соперничество со шведской армией, лучше

* Имеются в виду так называемые даточные люди, несшие пожизненную службу в составе «полков нового строя». — *Прим. перев.*

всего обученной и вымуштрованной европейской армией XVII в., вряд ли было возможно.

Поначалу Московскому государству приходилось закупать современное военное снаряжение за границей, по большей части в Швеции и Англии. Были сделаны попытки поселить иностранных оружейников и других ремесленников, занятых в производстве огнестрельного оружия и снаряжения, в слободах Москвы и других городов. Попытки эти оказались неудачны, и чтобы обрести большую независимость в важнейшей военной сфере от часто враждебных иностранных держав, цари были вынуждены поощрять собственное производство военной продукции. Во всех районах государства проводились изыскания необходимых природных ресурсов. В 1632 г. голландец Андрей Виниус получил концессию на организацию в Туле первой оружейной мануфактуры. В Москве с помощью иностранных мастеров начали производить пушки всех калибров. Немецкие мастера помогали организовывать литейни для изготовления церковных колоколов. Поиски минералов увенчались открытием богатых залежей железной руды в бассейнах рек Вага, Кострома, Шексна. В этих северных районах немцем Марселисом из Гамбурга* были основаны первые крупные центры железоделательной промышленности. Затем стали организовываться другие промышленные производства, в частности стекольное. При царе Алексее была сделана первая попытка организовать текстильное производство. Основывались и другие предприятия, но в меньшем масштабе. Даже Петру Великому не удалось так, как он желал, ускорить развитие современных форм промышленности. В течение длительного времени русские оставались привержены примитивным формам производства, основанным на семейном домашнем ремесле.

Итак, мы видим, что при первых Романовых Московское государство во многих областях начало открывать двери влияниям Запада, по большей части исходящим из Англии и Голландии,—благодаря оживленному торговому обмену, установившемуся между этими двумя странами и Московским государством со времен Ивана IV. Обоюдная враждебность со Швецией имела результатом сближение с Данией, которая в XVII в. была мощным государством, контролирующим вход в Балтийское море.

Когда антитурецкие настроения, всегда тлевшие в Москве, но заглушавшиеся боязнью османской военной мощи, начали проявляться

* Петр Марселис был датским купцом.—Прим. перев.

смелее, московским послам открыла двери Венеция. Первые послы благодаря своему неуклюжему поведению произвели очень плохое впечатление, но политические резоны заставили венецианцев преодолеть отвращение и проложить дорогу в Москву. Около 1670 г. Москва даже предложила создать антитурецкую лигу — это была очень симптоматичная политическая инициатива.

Во второй половине XVII в. в связи с заинтересованностью Москвы в нейтралитете германских курфюрстов во время войны с Польшей более частыми стали дипломатические контакты с немецкими князьями. Польские и турецкие проблемы открыли русским послам дорогу в Вену. Одновременно в Москву приехал ряд сербских и болгарских эмигрантов, и усилились надежды православных христиан Балкан на освобождение их Москвой от турок. Все это демонстрирует изменение положения и авторитета Московского государства в Европе.

Несмотря на усилия правительства улучшить внутреннее положение, правление первых Романовых характеризовалось непрекращающимися народными волнениями. В первые годы царствования Михаила Федоровича не вошедшие в состав армии казаки, хотя и побежденные, продолжали доставлять беспокойство; часто их поддерживал недовольный люд на границах. Общий беспорядок усиливало появление новых самозванцев, претендовавших на происхождение от правителей эпохи Смуты.

Многие меры, принимавшиеся правительством, были жестоки и непопулярны, недовольство вызывало и правление фаворитов. Восстание 1648 г. было направлено против фаворита и шурина царя Алексея Бориса Морозова, но одновременно было вызвано и соляным налогом. Запрещение добровольного холопства (рабства) Уложением 1649 г. было встречено живыми протестами самих холопов и их хозяев — факт, характеризующий социальную и экономическую ситуацию в государстве. Наивные и неуклюжие неудачные манипуляции в денежной сфере еще сильнее разожгли общее недовольство и вызвали народное восстание 1662 г., жестоко подавленное.

Наиболее мощное восстание вспыхнуло на Дону (1669—1671) под руководством донского казака Степана Разина*. Утвердившись между Доном и Каспийским морем, Разин совершил морской поход на каспийское побережье Персии, из которого вернулся с богатой до-

* В 1667—1669 гг. Разин совершил так называемый поход за зипунами (за добычей) — в 1667 г. на Волгу и Яик, в 1668—1669 гг. по Каспийскому морю в Персию; собственно восстание произошло в 1670—1671 гг.

бычей. К нему присоединились многие донские казаки — беглые крестьяне и всякий беспокойный люд, и с этой армией он захватил Астрахань и Царицын. Движение переросло в социальное восстание крестьян и коренных народов Поволжья против землевладельцев. Добившись таких успехов, Разин стал угрожать Москве, но его разношерстная армия не могла противостоять тем нескольким полкам, обученным современному бою, которые правительство смогло послать против него. Потерпевший поражение и покинутый донскими казаками, Разин был захвачен в своей твердыне на Дону и казнен в Москве. Царские войска окончательно покончили с восстанием, захватив Астрахань в конце 1671 г. Победа усилила престиж Москвы среди казаков, но деяния народного вождя, героя борьбы за освобождение от крепостной неволи, по-прежнему прославлялись в песнях.

Может показаться удивительным, что Московское государство смогло выжить и даже расширить свои пределы при таких слабых правителях и после стольких потрясений, подрывавших его основы. В определенной степени это стало возможным благодаря сотрудничеству государя и народа, представленного Земским собором, избравшим на престол Михаила Романова и ставшим в государстве постоянным институтом. Некоторым образом Москва, казалось, возвращалась к демократическому институту киевского веча. В 1613—1622 гг. Земский собор функционировал постоянно, а позднее для обсуждения важных вопросов несколько раз созывался царями Михаилом и Алексеем. Конечно, существует огромная разница между народным собранием Руси, киевским вечем, и средневековой или современной парламентской системой Западной Европы. Скорее всего, Земский собор состоял из Боярской думы, расширенной за счет представителей более низких разрядов знати, из высшего духовенства, представителей дворян, купцов и других горожан. Дума представляла собой нечто вроде сената и функционировала в промежутках между его сессиями. Члены «низшей палаты» номинально избирались, но фактически часто назначались местными властями. Полные данные о составе и функционировании собора отсутствуют, но благодаря своей критике или сотрудничеству он часто оказывал влияние на ведение государственных дел. Возможно, голоса недовольства некоторыми мероприятиями правительства способствовали отказу от этого института после 1653 г.*

* Боярская дума представляла собой постоянный совещательный орган при царе, она же являлась постоянной курией Земских соборов. Нельзя го-

Несмотря на краткость своего существования, Земские соборы оказали глубокое воздействие на концепцию государства. Государство перестало быть просто вотчиной, наследственной собственностью правителя, как это было при династии Рюрика. Благодаря сотрудничеству народа и государя усилилось сознание национального и религиозного единства, и концепция русской земли все более срасталась с концепцией русского народа.

Члены Земского собора — этого «народного собрания» — никогда не выдвигали идею ограничения власти абсолютного правителя. Идея автократического правления по праву, дарованному свыше, так прочно утвердилась в умах, что никакой иной политической системы невозможно было представить. Политическая программа первых Романовых включала лишь восстановление и укрепление древних московских традиций, и самодержавие было одним из основных и общепринятых принципов, санкционированным церковью. Поэтому ни в коей мере не удивительно, что роль в московской политической жизни такого новшества, как представительное собрание, оказалась столь кратковременной.

Неожиданный вызов самодержавной власти царя, как кажется, бросили два деятеля церкви. На первый взгляд, именно таким образом можно интерпретировать правление патриарха Филарета. Впервые в русской истории было установлено нечто вроде теократии, успешно существовавшей в течение жизни энергичного патриарха. В действительности, однако, современники не рассматривали роль, которую играл патриарх, как революцию в отношениях между царем и церковью. Филарет был отцом царя и сам когда-то выступал кандидатом на престол. Он правил от лица своего послушного сына, как многие фавориты до и после него. К тому же, все еще существовала власть Земского собора. Преемники Филарета патриархи Иоасаф I и Иосиф не проявляли никаких намерений претендовать на реальную долю в управлении. Возобновились традиционные гармоничные отношения между мирской и духовной властью, столь твердо установленные еще в Киевском государстве³.

Однако пример Филарета провоцировал попытки подражать ему, тем более что он значительно усилил авторитет и власть патриарха.

ворить и о Земском соборе как о едином (состав, процедура и задачи отдельных соборов отличались), постоянном и тем более двухпалатном институте. Последние Земские соборы собирались после смерти царя Федора Алексеевича в 1682, 1683—1684 гг. — *Прим. перев.*

Под его властью находились огромные пространства церковных земель в уездах свыше сорока городов — от Белого моря до границы с Украиной и от Брянска на западе до Вятки. Была подтверждена его прямая юрисдикция над всеми церквями, монастырями и религиозными учреждениями на этой громадной территории, а также право судить ее население по всем вопросам, кроме уголовных. Чтобы осуществлять свою почти царскую власть, Филарет образовал *приказ**, занимавшийся административными, финансовыми и правовыми вопросами, учредил собственные налоги и организовал их сбор. Чтобы представить, насколько высокое положение занимал патриарх, следует вспомнить, что на территории, в XVII в. подлежавшей прямой и единоличной юрисдикции патриарха, в XIX в. было организовано 16 епархий. Эта ситуация искушала амбициозного деятеля церкви претендовать на более значительную роль в управлении Московским государством.

Такой человек появился: это был Никон, осмелившийся бросить вызов глубоко укорененным в государстве идеям об отношениях между двумя властями. Его имя также связано с реформами, давно назревшими и правильно задуманными, но плохо проведенными и глубоко расколовшими русскую церковь, причем раскол этот длится по сей день. Никон⁴, крестьянский сын, родился в 1605 г. и был назван при крещении Никитой. Получив образование в монастыре, стал священником в Москве. Под воздействием эмоционального стресса, вызванного смертью детей, убедил жену стать монахиней и сам постригся в монастыре около Белого моря, приняв имя Никон. В бытность его в Москве в 1646 г. в качестве монастырского игумена его внешность, поведение и красноречие произвели такое большое впечатление на молодого царя, что он был назначен архимандритом московского монастыря, в котором находилась родовая усыпальница Романовых**. Никон сблизился с царем и скоро научился поддерживать и увеличивать свое влияние на царя и правительство. В 1648 г. он был назначен митрополитом в Новгород, второй по величине город в государстве.

Пребывание Никона в Новгороде было, возможно, самым плодотворным в его жизни. Он проявил искреннее рвение о духовном благополучии своей паствы и ввел проповеди и религиозное обуче-

* В начале XVII в. было организовано несколько патриарших приказов — дворцовый, казенный, судный, церковных дел. — *Прим. перев.*

** Имеется в виду московский Новоспасский монастырь. — *Прим. перев.*

ние — это было новшеством в то время, поскольку вся религиозная жизнь в государстве сосредоточивалась на посещении службы. В организации службы Филарет проявил себя ревностным реформатором. Для экономии времени в то время стало общепринятым одновременное чтение и произнесение молитв и хоровое пение. В этой разноголосице уследить за словами было, конечно, невозможно. Никон запретил эту практику, и по его инициативе царь распространил запрет на другие епархии*. Никон также реорганизовал церковное пение, введя византийский распев; царь ввел его в своей дворцовой церкви, а оттуда он распространился в других церквях. Никон доказал свою полезность и в политической жизни: когда в 1650 г. в Новгороде началось восстание, он, рискуя жизнью, сумел остановить его.

Когда в 1652 г. царь пригласил Никона занять вакантный патриарший престол, он принял его, только заручившись письменным уверением, что царь не будет вмешиваться в религиозные дела. Став патриархом, Никон ускорил работу по широкому исправлению богослужебных книг, ставшему необходимым из-за многочисленных ошибок, попавших в тексты из-за небрежности переписчиков.

Эта необходимость ощущалась уже во времена Ивана IV и решение об исправлении книг было принято еще собором 1551 г. Первые печатные книги (1564 и 1565**)⁵ были очень несовершенны. После Смутного времени, когда многие богослужебные книги были утрачены, нужда в них возросла. Монахи, которым был поручен пересмотр книг, были ревностными реформаторами, но не имели никакой филологической подготовки, не знали греческого языка, и их исправления только множили ошибки. Кроме текстовых ошибок в Москве существовали заметные особенности в обрядах, на которые, как на отличные от принятых в Греческой церкви, указал иерусалимский патриарх во время своего посещения Москвы в 1649 г.

Хотя некоторые из этих особенностей казались очень небольшими, например количество земных поклонов, сугубое (два раза) или трегубое (три раза) возгласение аллилуйи, двоеперстие или троеперстие при крестном знамении, для людей XVII в. они имели ог-

* Введение единогласия по всей стране было санкционировано церковным собором 1651 г.—*Прим. перев.*

** Первая печатная книга, «узкошрифтное» Четвероевангелие, была выпущена около 1553 г. так называемой Анонимной московской типографией.—*Прим. перев.*

ромную важность. Для них служба была единственной формой общения с Богом, и исполненная ошибочно, она не имела никакой ценности перед Господом и была бесполезна для верующих. Поэтому более просвещенные монахи защищали исправление книг в соответствии с греческими оригиналами, поскольку византийская церковь была церковью материнской и источником православной христианской традиции.

Это движение, однако, встречало сильную оппозицию традиционалистов, превозносивших московское православие, для которых нестерпима была мысль, что их предки служили ошибочно. Они утверждали, что Византия утратила свою главенствующую позицию из-за «отступничества» в 1439 г. и принятия унии с Римом, и ей нельзя доверять, поскольку она находится под игом неверных. Некоторые из них утверждали, что Москва является Третьим Римом и единственной хранительницей православия.

Никон был в трудном положении. После присоединения Украины он считал необходимым привести в соответствие язык богослужебных книг, употреблявшихся в Москве, с теми, которые недавно были заново изданы Петром Могилой. Он считал, что лучшим способом унифицировать церковный и литературный язык Москвы и Украины будет согласование московских богослужебных книг с украинскими. Это была смелая лингвистическая попытка сближения двух наречий, которая должна была помочь сгладить различия между двумя народами.

Более того, Никон был твердо убежден в православии Греческой церкви и исполнен решимости завершить исправление русских богослужебных книг, сличив их с греческими оригиналами. Никон получил санкцию на этот проект от церковного собора 1654 г. и послал константинопольскому патриарху длинный список спорных вопросов. Послы во главе с Арсением Сухановым собрали почти семьсот греческих рукописей⁶, из которых только семь касались литургии. Поскольку среди московских духовных лиц не было знающих греческий язык, понадобилось доставить специалистов — из Греции (Арсения и Дионисия) и из Киева (Епифания Славинецкого). Хотя их работа и не удовлетворяет нашим современным требованиям, она была шагом вперед, и уже в 1655 г. исправленный русский служебник был утвержден новым церковным собором, в котором участвовали патриархи антиохийский* и Гавриил Сербский. Другие соборы одоб-

* Макарий. — *Прим. перев.*

рили произведенные Никоном исправления службы, и всем жителям государства было указано творить крестное знамение тремя перстами по греческому образцу.

Реформы, проведенные в спешке, часто на очень шатких с филологической точки зрения основаниях, вызвали сильную оппозицию. Радикальные московские националисты отказывались принять содержавшие украинизмы исправленные книги, ссылаясь на то, что в составе справщиков были киевские ученые монахи, подозрительные уже из-за своего знания латыни и связей с римскими «еретиками». Оппозицию возглавил кружок справщиков, назначенных еще патриархом Иосифом, но распущенных Никоном.

Оппозиция обрела чрезвычайно способного и страстного вождя в лице протопопа Аввакума. Родившийся около 1620 г., Аввакум⁷ уже в юности проявлял признаки натуры очень независимой и обладавшей просто страстью к страданию за свои идеи. Поначалу он не возражал против исправления богослужебных книг, но придя в ужас от количества произведенных Никоном изменений, отверг их, изъявив желание жить и умереть в соответствии со старой верой, не искаженной греками. Его многочисленные последователи называли себя *стафоверами*. Они были объявлены *раскольниками*, и Никон начал их безжалостно преследовать. Хотя царь глубоко уважал неистового протопопа, терпеть его оппозицию он не мог. Аввакум был заключен в тюрьму, бит кнутом и сослан сначала в Тобольск, а затем далее в Сибирь, но претерпел все испытания с терпением и мужеством; преследования разделяла его верная жена.

Никон проявил необычайную жестокость в преследовании противников реформ. Многие реформы вводились даже без санкции собора и самыми жесткими методами. Царь и царица не разделяли такой враждебности к раскольникам. Видимо, именно независимость Никона в этом вопросе сильно способствовала отчуждению между ним и Алексеем Михайловичем, проявившемуся уже в 1658 г. Непосредственный повод к разрыву был тривиален. Никон был оскорблен тем, что царь, переставший посещать отправлявшиеся Никоном службы, не пригласил его на торжественный обед. В запальчивости патриарх послал одного из служителей узнать о причине этого, однако придворные дурно обошлись с ним, а царь ничего не сделал, чтобы наказать обидчиков. Оскорбленный патриарх объявил о своей отставке и уехал из Москвы в полной уверенности, что царь лично принесет ему извинения и будет просить вернуться и снова занять кафедру.

Однако в своем рвении Никон переоценил важность своего положения. Его властные манеры и высокомерие снискали ему много врагов при дворе, а растущее вмешательство патриарха в государственные дела вызывало гнев царя, становившегося уже зрелым человеком. Алексей не пришел и не попросил Никона вернуться и, хотя в душе был глубоко огорчен случившимся, ничего не сделал, чтобы загладить разрыв. Никон, видя, что зашел слишком далеко, заявил, что он не оставляет патриаршество. Этим он предотвратил избрание нового патриарха, но все его попытки восстановить свое бывшее положение при дворе оказались тщетны. В конце концов, в 1666 г. царь созвал собор и, чтобы придать ему больший вес, пригласил восточных патриархов. Прибыли патриархи антиохийский и александрийский*, представлявшие также константинопольского и иерусалимского патриархов. Никону, державшемуся очень высокомерно, особенно в отношении восточных патриархов, были предъявлены обвинения, и в результате он был лишен не только патриаршества, но и архиерейского сана и сослан в монастырь.

Заявление двух восточных патриархов о том, что долгом русского патриарха является подчинение царю во всех политических делах, обнажает истинную суть всего конфликта. Никон пытался ввести в московскую политическую систему доктрину, не являвшуюся ни русской, ни византийской: о превосходстве духовной власти над светской. Должно быть, Никон познакомился с ней в Новгороде, который всегда был более открыт влияниям Запада. Некоторые из его реформ там, особенно забота о проповеди и о религиозном образовании, похоже, исходили из практики Рима, которая была вновь подтверждена решениями Тридентского собора. Также через Новгород в XV в. русские познакомились со знаменитой латинской подделкой — «Константиновым даром», согласно которому первый христианский император, прежде чем переехать из Рима в Константинополь, поставил пап выше епископов и передал им верховную власть над Западом, а также привилегию носить императорские инсигнии⁸. Эта подделка стала одной из основ, на которых в XI в. возникла теория превосходства духовной власти над светской. В средние века не возникало сомнений в подлинности документа, признан он был и греками, ставшими сомневаться в его достоверности только в XV в. Как раз тогда, когда он был введен в русскую каноническую литера-

* Макарий и Паисий.—Прим. *перев.*

туру, два гуманиста, Лоренцо Валла и Николай Кузанский, доказали его подложность.

В Московском государстве на основании «Константинова дара» собор 1503 г. выступил в защиту церковной собственности от посягательств Ивана III, а в 1550 г. митрополит Макарий — от посягательств Ивана IV⁹. В глазах Никона этот документ недвусмысленно демонстрировал превосходство духовной власти, и он был преисполнен решимости утвердить его в государстве. Никон включил его в славянское собрание канонического права и действовал именно в его духе, прося у царя уверения в том, что он не будет вмешиваться в церковные дела. Еще до патриаршества влияние на него «Константинова дара» сказалось в страстных протестах против сокращения церковных привилегий Уложением, которое он считал творением дьявола.

Никон обильно ссылался на «Константинов дар» в своих ответах Паисию, епископу газскому*. Ответы Паисия на представленные боярином Семеном Стрешневым вопросы, касающиеся поведения Никона, сыграли важную роль в осуждении патриарха. Никон отрицает юрисдикцию царя над священниками, его право созывать соборы, назначать патриархов и епископов, распоряжаться церковной собственностью и отчетливо выражает свое убеждение в том, что духовная власть выше светской: «Разве не знаешь, что не от царей приемлется начальство священства, но от священства на царство помазуются и что священство гораздо более царства?»¹⁰

Это было нечто совершенно новое и странное для московского ума, полностью чуждое традиционному политическому развитию Руси. Никону лучше было бы руководствоваться не латинским документом, ошибочно приписывавшимся Константину Великому, а подлинным греческим — шестой новеллой кодекса Юстиниана, подчеркивающей возвышенность и важность и священства, и царства, а также то, что благо всего человечества зависит от гармонии между этими двумя величайшими Божьими дарами человечеству, происходящими свыше от Его любви к нему. Эта новелла очень рано вошла в русское каноническое право и, очевидно, ею руководствовались киевские митрополиты в своих отношениях со светской властью¹¹.

Попытка Никона ввести в Московском государстве¹² чуждый ему принцип превосходства духовной власти над мирской была запоздалой и в то время уже вряд ли могла быть принята. На Западе духовная власть отступала перед абсолютизмом Бурбонов, и хотя Москов-

* Имеется в виду Паисий Лигарид, митрополит Газский.—Прим. перев.

ское государство XVII в. казалось целиком пронизанным религиозной атмосферой, процесс секуляризации разворачивался и здесь. Начался он еще в Смутное время, о глубине его распространения свидетельствуют антиклерикальные установления Уложения, принятые по настоянию светских членов Земского собора, причем царь, несмотря на свои личные симпатии церкви, должен был их одобрить. Народное противостояние реформам службы, принятым собором, также показывает, что хотя вождями русской церкви были уже иерархи, а не монашество, как при Иване III и Василии III, власть епископов над верующими не была такой крепкой, как можно было ожидать.

Таким образом, древние византийские концепции священства и царства вновь стали определять отношения между церковью и государством, но с упором на право правителя надзирать над церковью. Последнее было подчеркнуто Паисием в его ответах, а также восточными патриархами на соборе 1666—1667 гг., осудившем Никона. Возможно, в угоду царю патриархи сделали больший упор на необходимости церкви подчиняться главе государства, чем то было выражено в шестой новелле Юстиниана и Эпанагоге Фотия. Последние были известны русским иерархам, поскольку вошли в русское собрание канонического права—Кормчую книгу. Некоторые духовные лица протестовали против суждения патриархов, чувствуя, что оно не согласуется с московскими концепциями. Их страхи оказались вполне обоснованными, потому что это определение отношений между двумя властями и стало тем инструментом, с помощью которого русская церковь позднее была превращена в послушную прислужницу государства в соответствии с идеологемами, которые не были ни русскими, ни византийскими.

Оживленные контакты с православными восточными патриархами, казалось, вновь возвращали Московское государство не только к византийским литургическим традициям, но и к древним концепциям автократии царя. До тех пор цари оставались холодны к предложениям Запада считать себя наследниками константинопольских императоров¹³, не стремясь к власти над всеми православными христианами, так как греки считались ими отступниками от православия.

Моральная поддержка греков в споре об исправлении богослужебных книг привела к сближению московских официальных кругов с греческим и остальными тремя восточными патриархами. Византия вновь почиталась как источник русской веры, и Москва стала усиленно интересоваться судьбой восточного православия. Восточным иерархам, посещавшим Москву, делались щедрые пожертвования.

ния, и царь Алексей стал живее реагировать на их призывы стать не только православным государем, но и защитником всех православных народов. Иерусалимский патриарх Паисий (1608—1644) сравнивал свои поездки в Москву с вассальной клятвой, которую его предшественники обыкновенно давали константинопольским императорам. В 1653 г. во время пребывания в Москве бывший вселенский патриарх Афанасий III обратился к Алексею Михайловичу с призывом завоевать свое наследство—Константинополь, стать новым Константином и утвердить там вселенского патриарха. К царю за помощью обращались православные Украины, в Москву, единственное свободное православное царство, стремились эмигранты с юга, надеявшиеся на освобождение при содействии православного царя. Сербский патриарх Гавриил, присутствовавший на соборе 1655 г., имел возможность подробно рассказать царю о скорбной участи своей паствы. Даже католики-хорваты, казалось, готовы были признать московского царя государем всех славян: такое впечатление оставил в Москве ученый хорватский священник Юрай Крижанич, принятый царем Алексеем на службу в 1659 г. Конечно, хорват рассчитывал убедить царя принять унию с Римом.

Алексей Михайлович не отверг византийскую концепцию царя как покровителя православия. Хотя он и мог оказать своим греческим и славянским почитателям лишь моральную и финансовую поддержку, при Алексее в Москве несомненно утвердилось более широкое представление о роли Русского царства. Оно проявилось еще ярче, когда при Федоре Алексеевиче Московское государство впервые столкнулось с армией султана. С тех пор идея освобождения православных народов от мусульманского ига стала одним из принципов политики Москвы.

Федор Алексеевич планировал дальнейшее возвращение к византийской традиции. Юный царь, хорошо литературно образованный, вместе со своими советниками замыслил ввести при дворе древние византийские чины и титулы. Вскоре после 1682 г. был составлен новый перечень чинов Московского государства, который должен был заменить отмененную систему местничества. Авторы проекта хорошо знали состав византийского императорского двора. Добавление византийских чинов к прежде существовавшим московским должностям, не диктовавшееся практическими надобностями, является явным свидетельством намерения как можно более уподобить московский двор византийскому, который, таким образом, вновь возвратится к жизни.

Введение к предполагавшейся реформе чинов не только содержало упоминание шапки Мономаха, которую Владимир Мономах, считалось, получил от византийского императора, но и восхваляло отца Федора царя Алексея как возвышенного греческой славой — это был очевидный намек на грекофильские устремления Алексея. Более того, существуют свидетельства, что в царствование Федора Алексеевича возник проект перевода на русский язык полного кодекса Юстиниана, который должен был лечь в основу законодательства Московского государства. Далее, в уставе академии*, основание которой планировалось Федором и его советниками, подчеркивалось, что царь самым страстным образом желает следовать императорам Константину, Феодосию и Юстиниану¹⁴. Хотя замысленный институт, считалось, должен обучать не только «славянскому» и греческому языкам, но также и латыни, и польскому, царь здесь представлял желающим следовать примеру этих византийских императоров в отношении образования. Все это чрезвычайно интересно и показывает, что Москва медленно выходила из своей изоляции и жаждала найти новый импульс в Византии, своей первой наставнице, на наследие которой она начала претендовать. Возможно, если бы правление Федора было более долгим, Москва смогла бы найти решение некоторых своих проблем на основах, более близких ее характеру и ее прошлому. Может быть, это облегчило бы ей переход к наступающей новой эпохе и смягчило тот шок, который неизбежно должна была причинить резкая вестернизация московских институтов и образа жизни.

Несмотря на попытки найти новые импульсы вне Московского государства, в религиозной и культурной жизни страны по-прежнему преобладал дух изоляционизма. Смутное время разрушило многие достижения последних царей-Рюриковичей, а военная интервенция соседей Москвы, католиков-поляков и протестантов-шведов, сделала ее жителей еще подозрительнее к западным влияниям. Новые культурные импульсы не могли исходить из Византии, все еще подозрительной в глазах многих «отступницы», несмотря на отказ греков от унии. Московское государство оставалось в изоляции, упорно придерживаясь киевского культурного наследия, на котором был основан его рост после освобождения от монгольского ига.

Последствия этого положения оказались фатальны для русской церкви. Страстная оппозиция исправлению богослужебных книг вы-

* Так называемая Академическая привилегия 1682 г.— *Прим. перев.*

явила глубокий застой богословской мысли и недостаток религиозной образованности среди московского духовенства. Вся религиозная жизнь сосредоточивалась вокруг долгих служб, приобретших в глазах необразованных священников и мирян почти магическое значение. Они могли произвести желаемое воздействие на Господа, только будучи исполнены предписанным образом, не меняя ни единого слова. Этот крайний формализм московской веры являл разительный контраст живым теологическим спекуляциям современного Запада.

Староверы не прекратили своего сопротивления после низложения Никона. Их вновь возглавил Аввакум, возвращенный из ссылки, но, несмотря на увещевания царя Алексея, отказавшийся замолчать. Собор 1666—1667 гг. подтвердил осуждение раскольников Никонном, и преследования возобновились. Монахи Соловецкого монастыря на Белом море восстали и выдержали долгую осаду царской армии. Монастырь был взят только в 1676 г. с помощью одного монаха, предавшего свою братию. Аввакум вновь был подвергнут нечеловеческим лишениям и страданиям в Сибири, живо описанным в его *Житии*, но ничто не могло сломить его фанатического рвения. В конце концов, в 1681 г.* он был сожжен по указу царя Федора. Две знатные женщины, Феодосия Морозова и ее сестра княгиня Евдокия Урусова, жившие праведно, но присоединившиеся к расколу, были подвергнуты пыткам и умерли в заточении.

Приверженцы Аввакума проявили удивительный фанатизм. Изменения в богослужебных книгах рассматривались ими как работа Антихриста, отождествлявшегося сначала с Никонном, а затем с царями-преследователями; в своем мистическом рвении они ожидали конца света. Они бежали из центральных районов государства и селились главным образом на севере и на востоке, избегая всяких контактов с официальной церковью и государством. Среди фанатиков, искавших спасения от мирского зла, разворачивалась эпидемия массовых самоуморений голодом и самосожжений. Наиболее безжалостными преследованиями было отмечено регентство Софьи, но ничто не могло сломить сопротивления староверов, и к большому ущербу церкви раскол сохранился до современности¹⁵.

Хотя посещение служб по воскресеньям, праздникам и во время Великого Поста было обязательным и вся жизнь населения Москов-

* В 1682 г. в Пустозерске, в низовьях Печоры,—месте его последней ссылки (из Сибири был возвращен в 1664 г.)—Прим. перев.

ского государства, казалось, определялась церковью, моральные стандарты общества, как можно понять из описаний иностранных путешественников, были низкими¹⁶. Всех их поражали общая неграмотность, грубость манер, приверженность пьянству и другим порокам. Моральное усовершенствование могло быть достигнуто только благодаря улучшению образования и принятию идей, пришедших из-за границы.

Некоторый контакт с западной цивилизацией обеспечивали московские кварталы иностранцев, называвшиеся *Немецкая слобода**. В основном, здесь жили протестанты — немецкие, английские, голландские купцы, ремесленники, наемные солдаты, поскольку католики считались более опасны для православия. Патриарх Филарет был особенно ожесточен против поляков, державших его восемь лет в плену, и ставил их, вместе с другими католиками, в один ряд с язычниками и мусульманами, а также повелел крестить заново католиков, перешедших в православие¹⁷.

Иностранцы вели свой образ жизни и имели собственные церкви и школы. Хотя власти очень заботились о нераспространении еретической заразы на православие, их образ жизни находил подражателей среди высших классов общества. Отчеты русских послов в западные страны также способствовали распространению желания ввести некоторые европейские обычаи в Московском государстве. Царь Алексей и некоторые его приближенные были первыми в усвоении западных манер. Алексей Михайлович проявлял живой интерес к театральным представлениям и в 1673 г. учредил первую школу балетного и драматического искусства под руководством немецкого пастора Иоганна Готфрида Грегори**.

Таковы были первые робкие контакты с западной цивилизацией. Был, однако, и другой, более приемлемый центр, из которого западные обычаи и образованность могли проникать в Московское государство, — Киев¹⁸. Митрополит Петр Могила основал в Киеве академию по образцу иезуитских школ. Она давала знание «славянского», греческого, латинского, польского языков и стала важным центром православной учености¹⁹. В 1640 г. Могила предложил царю Алексею*** основать в Москве монастырь, в котором монахи Киевского

* В XVII в. кроме Немецкой слободы (Кукуя) в Москве было еще шесть иноземных слобод.—Прим. перев.

** В 1672 г.—Прим. перев.

*** Еще царю Михаилу Федоровичу.—Прим. перев.

братского монастыря учили бы греческой и славянской грамоте детей московской знати. Кружок справщиков, ультраконсервативные члены которого оказывали влияние на церковные дела, не доверял православным монахам, связанным с «латынянами» и читавшим их книги. Однако неуспех попытки московских богословов обратить датского королевича Вальдемара в православие и последовавший отказ царя в руке его дочери убедили их, что лучшее знание греческого языка и латыни улучшит их теологическую подготовку. После неудачного опыта с греками они повернулись к Киеву, особенно после того, как в 1648 г. царь попросил Могилу прислать ему двоих ученых, которые могли бы перевести греческую Библию на русский.

Преемник Могилы Сильвестр Коссов прислал в Москву двух учителей академии, Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, приступивших к переводу религиозных трудов с греческого языка и латыни. Справщики приняли катехизис Петра Могилы и напечатали его в Москве с некоторыми переделками.

Важное событие случилось в 1649 г., когда боярин Федор Ртищев, один из наиболее влиятельных приближенных царя и друг справщиков, основал около Москвы Андреевский монастырь и пригласил поселиться там киевских монахов. Так в Москве возникла первая богословская школа*. В ней было мало студентов, но ее влияние на московскую ученость было значительным. Из Киева прибыли новые ученые, и Никон поручил им исправление богослужебных книг. Разрыв со староверами, бескомпромиссными противниками западной учености, облегчил ситуацию, и в 1666 г. правительство впервые выступило с официальной инициативой учреждения высшей школы. Эта школа во главе с киевским ученым Симеоном Полоцким, которому царь Алексей доверил воспитание собственных детей, просуществовала недолго. Лишь в 1682 г. ученик Симеона Сильвестр Медведев возглавил школу, устроенную по образцу киевской академии, с преподаванием, основанным на латыни. В том же году была основана школа, дававшая предпочтение греческому языку**. В течение нескольких лет оба учреждения, представлявшие два течения в мос-

* В Андреевском монастыре обучали грамматике «славенской» и греческой, риторике, философии, латыни.—*Прим. перев.*

** Школа в Заиконоспасском монастыре, основанная Симеоном Полоцким, существовала с 1664 г., Сильвестр Медведев сменил в ней Симеона в 1669 г.; в 1682 г. после некоторого перерыва программа школы была им расширена. Возглавлявшаяся греками школа «греческого чтения, языка и

ковском обществе, оставались соперниками, одно предпочитало связи с Западом, другое — с греками. В 1687 г., однако, они слились в Славяно-греко-латинскую академию, обладавшую исключительным правом преподавания иностранных языков и свободных наук. К сожалению, эта монополия была распространена на все, считавшееся опасным для православия, особенно исходившее от «латынян». Этот антилатинский крен особенно пропагандировался двумя греческими монахами, братьями Лихудами. В 1693 г.* они были осуждены иерусалимским патриархом и смещены, после чего авторитет академии уменьшился, но когда их место заняли пролатинские преподаватели, она вновь стала важным образовательным институтом.

Несмотря на низкий уровень образованности общества, литературная жизнь в Московском государстве была довольно оживленной²⁰. Как и в других областях, в литературе русские стремились следовать традициям прошлого, что особенно очевидно на примере сочинений, описывающих Смутное время. В 1606 г. неизвестный монах составил *Иное сказание***, 1612 г. датируется *Плач о пленении и конечном разорении Московского государства*, между 1616 и 1620 гг. был написан *Временник* Ивана Тимофеева, *Сказание* Авраамия Палицына описывает осаду поляками Троице-Сергиева монастыря. Все эти авторы имитируют патетический стиль времен Макария, временами переходя на сухое перечисление действующих лиц и событий в традиции летописной литературы²¹. Князь Иван Хворостинин, большой почитатель западных обычаев и литературы, считавшийся великим еретиком, возможно, чтобы обелить себя, вернулся к этой традиции в своих *Словесах дней и царей и святителей московских*. Более оригинальна *Повесть* князя Семена Шаховского об убийстве царевича Дмитрия, которое он приписывает Борису Годунову. Лучшим из этих многочисленных сочинений является *Повесть* князя Катырева-Ростовского (ум. 1640)***, описывающая события 1607—1611 гг. с точностью историка, избегая характерной для того времени излишней риторики. Такого совершенства ему удалось достичь благодаря тому, что он вдохновлялся также и западной литературой: на его

письма» была организована в 1681 г. Ср. *Очерки русской культуры XVII века*, ч. 2, М., 1979, с. 150—151.—Прим. перев.

* В 1694 г.—Прим. перев.

** «Иное сказание» датируется 1610—1620-ми гг.—Прим. перев.

*** Вопрос об авторстве «Повести» в современной литературе не решен.—Прим. перев.

стиль и язык оказала влияние *Троянская история* Гвидо де Колумна, которую он читал в русском переводе.

Вместе с тем, в то время, когда в остальной Европе получили заметное развитие методы исторической критики, многие исторические труды все еще писались в стиле средневековой летописи. Таковы *Книга избрания и венчания на царство Михаила Федоровича, Титулярник*, составленные в Посольском приказе Артамоном Матвеевым*, *Историческое древнее описание и сказание* Каменевича-Рвовского, описывающее возникновение Москвы и русского народа. Другие сочинения обязаны живостью и воодушевлением народному творчеству, новые темы которому предоставили драматические события века: они описывают внезапную смерть героя войны с поляками князя Михаила Скопина-Шуйского (одно из лучших произведений того времени), взятие Азова казаками в 1637 г. и их оборону крепости от турок (1641); последнее имеет форму послания царю Михаилу Федоровичу с просьбой взять город под свою защиту.

Два автора оставили живые описания жизни Москвы XVII в. Первый из них — Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, перебежчик, представивший шведскому правительству взятое описание жизни Московского государства, его политической и экономической организации со всеми их несовершенствами. Хорватский миссионер Григорий** Крижанич, желавший усиления Московского государства — единственной надежды на освобождение славян, в своей написанной в сибирской ссылке *Политике*²² призывал к проведению реформ в западном духе. В этом и других сочинениях он рассуждает о вопросах экономики, торговли, промышленности, военного дела и предлагает способы, при помощи которых царь мог бы усилить государство. Ему также принадлежит грамматика общеславянского языка, составленного им путем комбинации с церковнославянским.

Два биографических сочинения описывают жизнь и труды великих антагонистов — патриарха Никона и Аввакума. *Житие Никона патриарха* составил его почитатель монах Иоанн Шушерин. Опасаясь углубляться в причины падения Никона, автор довольствуется следованием традиционной схеме агиографического описания. Совсем

* В настоящее время доказано, что эти книги лишь составлялись по его приказу. Ср. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в., ч. 2*, СПб., 1993, с. 341. — *Прим. перев.*

** Юрай (Юрий) Крижанич. — *Прим. перев.*

иное *Житие* Аввакума. Уже тем, что это автобиография, написанная живым, даже страстным стилем, отражающим упорство и горечь рокового конфликта с властью, оно представляет собой огромное новшество в русской литературе. Революционным было и то, что Аввакум отказался от старославянского литературного языка и писал на народном русском языке, подготовив, таким образом, почву для формирования современного русского литературного языка.

Разрыв с традиционным агиографическим стилем наблюдается и еще в двух сочинениях. *Повесть о Ульянии Осорьбиной* (Ульянии Лазаревской) написана около 1614 г.* сыном боярским Калистратом Осорьбиным (ее сыном). Хотя и не совсем свободная от агиографических элементов, *Повесть*, скорее, представляет собой биографию благочестивой женщины, жившей не в монастыре, а в миру и не прославленной чрезмерными аскетическими подвигами. *Повесть о боярыне Морозовой* также представляет собой биографию женщины, истовой последовательницы и ученицы Аввакума, считавшейся поэтому еретичкой. Некоторое родство с *Повестью о Ульянии Осорьбиной* обнаруживает *Повесть о Савве Грудцыне*, написанная около 1660 г. иноком Чудова монастыря** и имеющая определенные черты романа. Благочестивый автор описывает подвиги молодого человека, продавшего душу дьяволу, но в конце концов освободившегося от него благодаря вмешательству Богородицы. Видимо, она независима от аналогичных легенд, например о докторе Фаусте, распространенных на Западе, и указывает на новые тенденции, постепенно проникавшие в русскую литературу.

Развитие этих новых тенденций было ускорено во второй половине XVII в. с притоком киевских книжников и киевской литературы, благодаря которым жители Московского государства познакомились с культурой Польши и Западной Европы. Благодаря усилиям Петра Могилы, его академии и живым контактам с польской культурой православное население Украины имело высокий уровень культуры, и богословы здесь даже осмеливались полемизировать с учеными ие-

* В современной литературе датируется 1620—1630-ми гг. См. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.*, ч. 2, СПб., 1993, с. 430.—Прим. перев.

** Автор *Повести* неизвестен, датируется она 1660-ми гг. См. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.*, ч. 3, СПб., 1998, с. 177—178.—Прим. перев.

зуитами. Полоцкий епископ Мелетий Смотрицкий*, сам учившийся в иезуитской школе, еще до своего обращения к унии написал ряд богословских трактатов в защиту православия, а Захарий Копыстенский составил два ученых догматических полемических труда — *Книгу о вере* и *Палинодию*. С победой в Киево-Могилянской академии про-латинской и прозападной тенденций над консервативной прогреческой ее преподаватели усвоили в своих полемических трудах схоластический метод. Одним из наиболее плодovitых полемистов был ее ректор Иоанникий Голятовский (ум. 1668**). В своем *Ключе Разумения* он советовал православным проповедникам использовать достижения проповеднического искусства иезуитов; его восторженными последователями были черниговский архиепископ Лазарь Баранович и игумен Антоний Радивилловский.

Другие приверженцы новых схоластических методов, следуя польским историческим образцам, положили начало новой традиции украинской историографии. Один из них, Иннокентий Гизель, написал *Синопсис* украинской истории. Значительный прогресс в Киеве был достигнут в области филологии, особенно превзошедшим всех своих предшественников Лаврентием Зизанием. На основе греческого грамматического трактата, переведенного в Сербии на славянский язык, в 1619 г. Мелетий Смотрицкий опубликовал первую славянскую грамматику (*Грамматики славенския правилное синтагма*). В 1648 г. она с некоторыми изменениями была издана в Москве и использовалась в русских и украинских школах еще в течение всего XVIII в. В то же время Памва Берында составил первый *Лексикон славеноросский и имен толкование*, в котором сопоставил церковнославянские слова и выражения с разговорной украинской лексикой. Так были заложены основы для развития и нормализации украинского и русского литературного языков.

Большие нововведения пришли из Киева в искусство русской поэзии. Многие сочинения эпохи Смуты включали рифмованные строки неравной длины, заканчивающиеся глаголами. Эта форма прослеживается в восточнославянской литературе с очень раннего времени, но особенное развитие она получила в XVII в. Эти досиллабические стихи, игнорировавшие длину строки и пользовавшиеся скорее ассонансами, чем строгими рифмами, возможно, также связаны с

* Архиепископ полоцкий, епископ витебский и мстиславский. — *Прим. перев.*

** В 1688 г. — *Прим. перев.*

киевской традицией, но имеют и тесное родство с русским устным творчеством. В XVII в. в Московском государстве было сочинено много комических и сатирических стихотворных произведений.

Это был период, когда литература была пронизана устной традицией, и в XVII в. впервые можно наблюдать следы русского фольклора в письменной литературе. На этой основе получила развитие особая форма исторической песни. В 1619 г. священник английского посольства Ричард Джеймс сделал записи нескольких из них (ныне в Оксфорде)²³. Возникает переходная форма от устной к письменной традиции; наиболее замечательным ее памятником является *Повесть о Горе-Злосчастии*.

Под польским влиянием украинцы отказались от латинской метрики, в которой начали слагать стихи некоторые почитатели Горация и Сенеки, и стали пользоваться польским силлабическим стихосложением со строками равной длины, цезурой посередине строки и парными женскими рифмами²⁴. На Украине было написано огромное количество силлабических од, панегириков и др. Мастером этого нового поэтического искусства был западнорусский монах Симеон Полоцкий (1629—1680). Поначалу он писал стихи на белорусском, польском, латинском языках, но обосновавшись в 1663 г.* в Москве, перешел на великорусский. Он познакомил московский двор с панегирической поэзией барокко, распространенной в Польше и на Украине, сочинял также оды, стихотворения на мотивы современных западноевропейских собраний рассказов и анекдотов, сатирические композиции, высмеивавшие манеры московского общества. Его стихотворения собраны в два больших сборника — *Рифмологион* и *Вертоград многоцветный*. Глубокую богословскую ученость Симеон проявил в полемическом трактате против староверов *Жезл правления*. Своими многочисленными проповедями, опубликованными после его смерти в двух томах**, Симеон Полоцкий знакомил Москву с новыми принципами гомилетики, которым он научился от поляков. В этой сфере Симеон Полоцкий продемонстрировал заметное превосходство над московским богословом справщиком Иваном Наседкой, автором *Изложения на лютефы*, писавшим также досиллабические вирши, которыми завершается его богословский труд.

Московский ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев (1641—1691) также был стихотворцем, в основном в панегирическом

* В 1664 г.—Прим. перев.

** «Обед душевный» (1682), «Вечеря душевная» (1683).—Прим. перев.

жанре. Менее талантливый Карион Истомин продолжал писать в этом жанре и в XVIII в., а также применял свое искусство в педагогических целях — новшество, нашедшее ряд подражателей. Силлабо-тоническое стихосложение, основанное на упорядоченном расположении ударных и безударных слогов в стихе, получило дальнейшее развитие в начале XVIII в. в творчестве Петра Буслаева, Феофана Прокоповича и особенно Антиоха Кантемира, наиболее изысканного из них. В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов начинают новый период русского стихосложения — тонического.

Другим важным новшеством московской культурной жизни было появление драмы. Этот род искусства также поначалу попал в Москву из Киева. Состязаясь с иезуитами, привлекавшими публику драматическими спектаклями, устраивавшимися в школах, православные украинцы начали разыгрывать аналогичные представления, вдохновляясь византийской христианской драмой *Христос страждущий*, известной с XI—XII вв. В Киеве и Львове под значительным влиянием аналогичных польских произведений были написаны многочисленные религиозные пьесы.

В Москве этот польско-украинский жанр начал развивать опять-таки Симеон Полоцкий. Зная чрезвычайную враждебность консервативных церковных кругов к любым развлечениям такого рода, он начал с переделки византийской литургической драмы о трех отроках («Пещное действо») — *О Навходоносоре царе*, затем обратился к другим библейским сюжетам. Таким образом, Симеон Полоцкий положил начало московской школьной драме; его ревностным продолжателем в этом деле был другой украинец, Дмитрий Ростовский, автор житий святых. Его *Четии-Минеи* живее и интереснее великого труда Макария, они используют и материалы народных легенд Петра Скарги, и сочинений иезуитов. Минеи очень широко читались в России, в них же Дмитрий черпал материалы для драматических композиций.

Лучшим образцом школьной силлабической драмы является *Владимир* преподавателя риторики Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича, в начале XVIII в. ставившийся и в Москве. Это сочинение представляет собой заметный прогресс на пути реалистического воспроизведения исторических событий, адаптированного к вкусам тогдашнего общества.

Переход от школьной драмы, ограниченной религиозными и морализаторскими сюжетами, к более светским прозаическим пьесам происходил медленно. Он был подготовлен И. Г. Грегори, руководи-

телем театральной школы, устроенной по приказу царя Алексея. Грегори начал с библейских сюжетов: «Книги Есфирь» (*Артаксерксово действо*), «Книги Товита», «Книги Юдифи» (*Иудифь*), преемники же его И. Кунст и О. Фюрст ставили на московской сцене драмы, популярные в Западной Европе и переводившиеся на русский язык в Посольском приказе: так вскоре Москва познакомилась с пьесами Мольера и Корнеля.

Дальнейший прогресс был достигнут в начале XVIII в. благодаря инициативе царевны Натальи, младшей сестры царя Петра, не только построившей у себя театр, но и написавшей четыре пьесы на сюжеты житий Димитрия Ростовского. В ее театре были поставлены и пьесы светского характера. В московской Славяно-греко-латинской академии и других учебных заведениях также начали ставить пьесы светского характера, как правило, это были наивные и неуклюжие переделки западноевропейских произведений.

На этой основе развивался и русский народный театр, переживавший расцвет в правление Петра Великого. Имеются некоторые свидетельства, что известная русская пьеса о царе Максимилиане является переделкой очень популярной в эпоху барокко чешской пьесы о св. Дорофее, замученной императором Максимианом. В России она звучала скрытой сатирой на брак Петра с немкой-лютеранкой Екатериной.

Проникновение западноевропейской новеллы и романа в Московское государство началось во второй половине XVII в. из Польши через Киев. Инициатива здесь опять-таки принадлежит Симеону Полоцкому. Ему удалось возбудить интерес царя к польскому сборнику рассказов и легенд, переведенному с латинского оригинала ученым иезуитом Симоном Высоцким, и царь поручил ему подготовку русского перевода, известного как *Великое Зерцало**. Вскоре с польского языка были переведены также *Римские деяния*, *История семи мудрецов* (популярная в Европе переделка восточного сказания). Многочисленных читателей находили и переделки польских сатирических и иных произведений.

Романы и новеллы чешского, итальянского, сербского происхождения проникали в Московское государство прямо или через Польшу.

* «Великое Зерцало» переводилось переводчиками Посольского приказа под наблюдением царского духовника Андрея Савинова Постникова. См. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.*, ч. 1, СПб., 1992, с. 165—166.—Прим. перев.

шу: *Повесть о Василии Златовласом*, *Повесть о Брунцвике*, *Повесть о Бове королевиче*, *История о Мелюзине*, *Повесть о цесаре Оттоне и Олунде* и многие другие.

Выше было показано, как в первой половине XVII в. делались попытки сочинения оригинальных повествований в биографических повестях об Ульянии Осорьбиной, боярыне Морозовой, а также в *Повести о Савве Грудцыне*, *Повести о Горе-Злосчастии*. В конце этого периода возникает несколько произведений, которые могут считаться первыми русскими реалистическими романами: это морализаторская *Повесть о Фроле Скобееве*, *Повесть о Карпе Сутолове*, воспринявшая из арабских сказок Тысячи и одной ночи мотив купеческой жены, перехитрившей трех своих поклонников. За этими сочинениями последовали романы и повести, восходящие к проникшей в Россию иностранной литературе, но и отражающие эпоху Петра Великого, открывшего границы государства: таковы *История о Александре, российском дворянине*, *История о российском матросе Василии*, *История о российском купце Иоанне*, герои которых — полные жизни и жаждущие приключений путешественники в дальние страны²⁵.

Развитие искусства²⁶ в XVII в. демонстрирует тенденции, характерные и для всей политики новой династии, и для литературной жизни Московского государства. Художники вдохновлялись произведениями искусства, созданными еще при последних царях-Рюриковичах, но уже и не могли оставаться равнодушными к влиянию барокко — общеевропейского стиля, проникавшего через Украину из Польши. В особенности это типично для архитектуры. Наиболее характерным храмом, построенным Иваном IV, был собор Василия Блаженного с его пирамидальной шатровой формой, напоминающей деревянные церкви-башни, и ярусом закомар — кокошников. Храм Василия Блаженного оставался наиболее передовым сооружением, его стилю следовали многие зодчие. Наиболее ярким примером шатровой церкви является Успенская церковь в Угличе к северу от Москвы (1628). Ее простой фасад с тремя апсидами воскрешает характерные черты владимиро-суздальского стиля XIII в., три «острые» по силуэту шатра придают очень гармоничный вид. Еще один образец шатровой церкви — Рождества Богородицы в Путинках (1652). Здесь между четырьмя высокодекоративными шатрами помещена шатровая же колокольня; кокошники придают зданию чрезвычайно живописный облик. К сожалению, эта церковь — последняя, построенная в истинно русском стиле: патриарх Никон запретил строительство

шатровых храмов как противных традиции церкви; сохранялся этот тип только на Севере.

Другой тип храма, развивавший образцы деревянного зодчества,—бесстолпный. Первым сооружением в этом стиле является каменный храм Донской Богоматери (1593), одноглавый, с пирамидой кокошников. К этому же типу принадлежит и построенная после Смутного времени церковь Покрова в Рубцове (1626), послужившая образцом для других церковных сооружений вокруг Москвы. Декор ее фасада уже обнаруживает некоторое влияние барокко. Полное развитие новый официальный стиль получил в храме Грузинской Божьей Матери, богато декорированные барабаны которой венчают купола с кокошниками. Церкви Николы на Берсеневке и в Пыжах, а также Успения в Гончарах являются вариациями того же типа. Церкви Троицы в Останкино (типичный бесстолпный храм) и Григория Неокесарийского (1679) уже имеют барочные окна и декор. Не сохранившаяся церковь Николы «большой крест» также представляет собой типичный образец постройки, сочетающей традиционный русский стиль с очевидными чертами барокко. После 1670 г., когда для покрытия кровель стали использовать не свинец, а железо, кокошники исчезают. Барокко распространяется в самом конце XVII в. с Украины (где, однако, в этом стиле не было создано значительных произведений искусства)²⁷. Трудность усвоения западных форм традиционной русской архитектурой иллюстрирует церковь Знамения в усадьбе Голицыных в Дубровицах около Москвы. Называвшаяся некоторыми историками архитектуры чудовищной, она являет контраст церкви Покрова в Филях (1693), формы которой обнаруживают возвращение к традиционной русской пирамидальности.

Ростов, Углич, Ярославль — все эти города могут гордиться церквями, построенными в традиционном русском стиле. Наиболее красив из них сооруженный по образцу бесстолпных храмов, но значительно больший по размерам храм Иоанна Предтечи в Ярославле (1687)—жемчужина русского полихромного декора. Чисто русский, не обнаруживающий никаких барочных черт, он имеет пятнадцать золоченых глав и отдельно стоящую колокольню.

Не исчезла и деревянная храмовая архитектура. Образцы ее имеются на Украине, где она обнаруживает влияние барокко, и в России, особенно на севере, где она следует древним народным традициям. Лучшим произведением деревянного зодчества является церковь Преображения в Кижях, построенная в начале XVIII в. Старо-

веры также продолжали строить деревянные молебни в традиционных формах.

Шатровое завершение колоколен и башен было запрещено Никоном, но зато они стали выше, многояруснее. Хорошими образцами этой архитектуры являются узорочные башни Новодевичьего монастыря и ставшая одной из достопримечательностей Москвы барочная Сухарева башня, построенная при Петре Великом.

Гражданская архитектура также во многом следовала формам деревянного зодчества. Одной из самых замечательных деревянных построек был дворец в Коломенском (вновь отстроен в 1667—1681), утраченный в XVIII в. Наиболее выдающимся каменным зданием является Теремной дворец в Кремле, построенный в 1635 г. Михаилом Романовым. Резные наличники, карнизы и порталы представляют собой любопытное смешение итальянских и восточных мотивов. Поверх нижних этажей дворца был поставлен Теремок, предназначенный для царских сыновей. Его фронтоны повторяли формы деревянных сооружений. Потешный дворец, сооруженный в 1652 г. Алексеем Михайловичем, имеет барочный декор. Для украшения кремлевских дворцов царь Алексей приглашал зарубежных, в основном из Польши, ремесленников и художников.

Те же тенденции, что в архитектуре, наблюдались и в живописи. Нормой оставались традиционные приемы иконописи, предписанные Стоглавым собором и вновь подтвержденные в 1658 г., но в то же время очевидны робкие попытки следовать новым образцам и новой технике, с которыми сумели познакомиться некоторые художники. В первые годы XVII в. продолжалась работа царских мастерских, учрежденных Иваном IV в Оружейной палате. Борис Годунов, еще будучи регентом, украсил Грановитую палату росписями, выполненными в той же технике и отражающими те же идеи, что и выполненные по приказу Ивана IV росписи кремлевского дворца. Мастера строгановской школы²⁸, продолжавшие развивать традиции новгородской школы, связаны были и с Москвой.

После упадка обеих школ — годуновской и строгановской — в Смутное время царь Михаил Федорович, желая восстановить разрушения и удовлетворить спрос на иконы, должен был реорганизовать работу царевых мастерских в Москве, куда были собраны мастера со всей страны. Многие мастера строгановского стиля стали работать в русле новой московской школы. Наиболее выдающимися ее представителями были Прокопий Чирин и Никифор Савин, иконы которых

являют больше жизненности и человечности, хотя их авторы и стремились оставаться верными строгому канону. Здесь можно обнаружить первые признаки проникновения западного искусства в традиционную иконопись. Наряду с «вестенизирующими», неуклонно усиливающимися тенденциями можно наблюдать и восточные, почти китайские: особенно в образе св. Алексея митрополита. Иконы «Символ веры» и «Отче наш» показывают, что художники стремились отказаться от простых образцов и старых норм и развивать новую, усложненную технику.

Наиболее способным и смелым из царевых живописцев был Симон Ушаков (1626—1686). Великолепный рисовальщик, он делал эскизы для вышивок, знамен, монет, в своих гравюрах — наиболее ранних в России — обнаружил знакомство с граверным искусством Запада. В то же время иконы, выполненные им для московских церквей, близки поздней строгановской школе. Смелее его ставшая сенсацией икона «Благовещение с акафистом», богатством и разнообразием архитектурных деталей, одежд, обстановки переступившая границы традиционного стиля. Изображенные на ней лица жизненны и полны движения (в образе св. Алексея и Марии Египетской запечатлены царь и царица), к числу редких сцен принадлежит осада Константинополя. Образ «Нерукотворного Спаса» является скорее живописью, чем иконой, и обнаруживает знакомство с техникой голландской живописи XVI в., некоторые образцы которой он мог видеть в Москве. Ученики Симона Ушакова продолжали писать в этом новом стиле, далеко отошедшем от традиционного московского аскетизма.

О том, сколь смелыми были даже эти скромные попытки следовать западной технике, можно судить по враждебному отношению патриарха Никона к западному искусству, повелевшего конфисковывать и уничтожать иконы (по большей части привозные), выполненные в западном стиле. Его противник протопоп Аввакум также обрушил яростную критику на художников-«западников».

Лучше казались перспективы светской живописи. В Смутное время в Москве появились иноземные портреты, и первые Романовы, видимо, покровительствовали портретному искусству. Двор нуждался в мастерах декоративно-прикладного искусства, и для обучения и руководства работой московских мастеров было приглашено несколько иностранных художников. К сожалению, выдающиеся мастера, ценившиеся в Западной Европе, не отваживались приезжать в Московское государство. Русские мастера XVII в. должны были довольствоваться теми образцами западноевропейского стиля и техни-

ки, которые они могли найти в очень популярной в Москве «Лицевой Библии» Н. И. Пискатора (1650), содержавшей около трехсот гравюр. Фрески, выполненные в конце столетия в некоторых поволожских городах, особенно в Ярославле, демонстрируют заметное влияние гравюр из Библии Пискатора.

Все это являлось значительным прогрессом, но русские художники не могли двигаться дальше, не видя на родине произведений западного искусства, которые могли бы послужить им побудительным импульсом. Овладеть современной техникой они смогли, лишь получив возможность ездить за границу и там изучать европейское искусство.

Примечания

¹ О голландских и английских купцах в России см. хорошо документированное исследование Г. И. Любименко: *The Struggle of the Dutch with the English* (см. Библ.).

² Ср. ниже, с. 639.

³ Ср. F. Dvornik, *Byzantine Political Ideas in Kievan Russia*, *Dumbarton Oaks Papers*, v. 9—10 (1956).

⁴ Русская историография Никона подробно разбирается в одной из последних работ о патриархе: Н. В. Зызыкин, *Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи*, Варшава, 1931—1939, ч. 1—3 (ч. 1, с. 295—365). Специального упоминания заслуживают исследования П. Ф. Николаевского в *Христианских Чтениях* (1881—1890); Н. Ф. Каптерева, *Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов*, изд. 2-е, Сергиев Посад, 1913; П. С. Смирнова, *История русского раскола старообрядства*, изд. 2-е, СПб., 1895. Важные документы, касающиеся Никона, перевел У. Палмер: W. Palmer, *The Patriarch and the Tsar* (см. Библ.).

⁵ См. хороший обзор религиозной литературы, напечатанной в Москве в XVI—XVII вв.: P. Pascal, *La Vie de l'archiprêtre Avvakum*, P., 1938, p. 221—226.

⁶ Они включали произведения Гомера, Гесиода, Эсхила, Плутарха, Фукидида, Демосфена, византийские хроники, лексиконы, грамматики—сокровища, с огромным рвением собиравшиеся и изучавшиеся на Западе. Москва XVII в., однако, не понимала этой светской литературы. Ср. интересную заметку М. Ласкариса (*Byzantion*, 20, 1958, p. 543—545) об этой миссии, основанную на вновь открытой рукописи с Афона.

⁷ Полную библиографию работ об Аввакуме и староверах можно найти в труде П. Паскаля *Avvakum et le débuts du raskol* (см. Библ.). Наиболее важные материалы об Аввакуме и расколе опубликованы в девяти томах под редакцией Н. И. Субботина (*Материалы для истории раскола за первое время его существования*, М., 1875—1890). См. также Библ. о переводах *Жития* Аввакума.

⁸ Эта фальшивка впервые была использована в Новгороде в 1497 г. доминиканцем Вениамином, составившим по просьбе архиепископа Геннадия *Слово кратко* в защиту церковных имуществ. Этот католический монах использовал и другие латинские документы, проводящие идею превосходства духовной власти над мирской. О деятельности Вениамина см. А. Д. Седельников, *К изучению «Слова кратко» и деятельности доминиканца Вениамина*. Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 30, Л., 1926, с. 205—225.

⁹ Видимо, Макарий, будучи новгородским архиепископом, также ввел в практику «шествование на ослиати» в Вербное воскресенье, когда глава светской власти вел под узцы лошадь, на которой ехал архиепископ в подражание Христу. Согласно «Константинову дару», Константин почтил таким образом папу Сильвестра. Когда Макарий стал патриархом, из Новгорода этот обычай был распространен на Москву, и до отмены патриаршества цари таким образом оказывали почитание патриархам. Аутентичность «Константинова дара» стала подвергаться сомнению в России при Петре Великом. Ср. основополагающее исследование о греческих и славянских переводах «Константинова дара» А. Павлова: *Подложная царственная грамота...* (Византийский временник, т. 3, 1896, с. 18—82).

¹⁰ Эти важные документы были опубликованы в английском переводе У. Палмером в т. 1 его труда о Никоне (см. Библ.). Ответы Никона были опубликованы не полностью и только на русском языке. Лучшая русская работа об отношениях Никона и царя Алексея: Н. Ф. Каптерев, *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*, т. 1—2, Сергиев Посад, 1909—1912.

¹¹ См. перевод Ф. Дворника (*Byzantine Political Ideas*, p. 83).

¹² Отношение Никона к этому вопросу часто понимается неверно. Например, Флоринский (Н. Т. Florinsky, *Russia, A History and an Interpretation*, v. 1, N. Y., 1953, p. 290) считает, что теория превосходства церкви над государством является византийской, что очень далеко от истины.

¹³ Ср. выше, с. 450.

¹⁴ См. источники и библиографию в книге Г. Острогорского *Das Projekt* (см. Библ.).

¹⁵ *Беспоповцы* — радикалы среди староверов, отказавшиеся принимать священников, рукоположенных после 1666 г., отказались от обедни и причастия, довольствуясь крещением и покаянием. *Поповцы*, признающие действительность рукоположений после 1666 г., организованы в особую церковь, имеющую священников. С 1846 г. они получили иерархию, установленную боснийским епископом, признанную государством в 1881 г.* Преследования прекратились только во второй половине XVIII в., но возобно-

* Имеются в виду Русская Православная Старообрядческая церковь и босносараевский митрополит Амвросий.—Прим. перев.

вились при Николае I. Официально терпимость по отношению к ним была провозглашена лишь в 1874 г. Оба направления расколоты на секты, особенно многочисленные среди беспоповцев.

¹⁶ В. О. Ключевский в своей работе *Сказания иностранцев о Московском государстве* (1866) делает обзор и приводит полную библиографию русских изданий донесений иностранцев, посещавших Москву в XVI—XVII вв.

¹⁷ Эта практика была прекращена, опять-таки по рекомендации греков, собором 1666—1667 гг.

¹⁸ См. последнюю и лучшую публикацию об украинском влиянии на религиозную и культурную жизнь Московского государства XVII в.: К. В. Харлампович, *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, Казань, 1914, т. 1. См. также прекрасный обзор С. Ф. Платонова западных влияний на Московское государство при Иване IV, Борисе Годунове и первых Романовых: *Москва и Запад*, Берлин, 1926.

¹⁹ Основополагающий, хотя и незаконченный труд о Петре Могиле и его учениках принадлежит С. Т. Голубеву: *Петр Могила и его сподвижники*, т. 1—2, Киев, 1883—1897. Тем же автором опубликовано исследование *Киевская академия в конце 17 и начале 18 столетий* (Киев, 1901). См. Г. Флоровский, *Пути русского богословия*, Париж, 1937, и его же публикацию в *Kyrios* (см. Библ. к гл. XX)—полная библиография работ о Могиле и влиянии киевской академии на русское богословие.

²⁰ О русской литературе этого периода см. *История русской литературы*, т. 2, ч. 1, М., 1948. См. также А. Stender-Petersen, *Geschichte der russischen Literatur*, Bd 1 (см. Библ.).

²¹ См. выше, с. 578—ссылка на публикацию и исследование С. Ф. Платонова.

²² Новейшее исследование о Крижаниче, его политических идеях и взглядах на историю принадлежит Б. Д. Дацюку: *Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов*, М., 1946. См. также выше, с. 509, 518, 580.

²³ О песнях, собранных Р. Джеймсом, а также других исторических песнях см. хорошо документированное исследование Стифа (С. Stief, см. Библ.).

²⁴ О досиллабическом и силлабическом стихе и дальнейшем развитии русского стихосложения см. книгу Б. О. Унбегауна (В. О. Unbegaun, см. Библ.), а также труды Р. Якобсона о происхождении славянского народного стиха (см. Библ.).

²⁵ Полные сведения приводит А. И. Соболевский: *Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.* (СПб., 1903).

²⁶ Наиболее важные русские работы об искусстве XVII в.: *История русского искусства* под ред. И. Э. Грабаря, т. I—VI, М., 1909—1916; А. И. Успенский, *Царские иконописцы и живописцы XVII в.*, т. 1—4, М., 1910—1916;

А. И. Некрасов, *Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков*, М., 1936.

²⁷ Считается, что во время войны 1812 г. Наполеон I восхищался церковью Успения на Покровке (1696—1699) и принял специальные меры, чтобы она не была разрушена. К сожалению, Петр Великий в 1714 г. запретил каменное строительство вне Петербурга, чтобы ускорить возведение и украшение новой столицы; таким образом, традиция московской барочной архитектуры, не достигшая еще полного развития, прекратилась.

²⁸ Ср. выше, с. 387.

Глава XX

Российская империя и славянский мир

Юность Петра — Азовский поход; заграничное путешествие; первые реформы — Вторжение в Польшу; основание Санкт-Петербурга; Полтавская победа — Поражение на Пруте кладет конец успехам Петра на юге — Победы на Балтике; рождение Российской империи — Союз с Пруссией против Польши — Успехи на Дальнем Востоке, на Севере и на Каспии — Династические осложнения — Концепция централизованного государства с абсолютной властью правителя трансформируется в духе западных идей — Утилитаристская концепция государства в реформах Петра — Причины, побудившие Петра провести пагубную реорганизацию церкви — Теоретик реформ Петра — Феофан Прокопович; его политическая философия — Святейший Синод — протестантская консистория? Постепенная трансформация Синода в бюрократический институт, тщетные попытки реформ — Продолжение традиции Рюриковичей и первых Романовых преемниками Петра; России не удастся вернуть Силезию Чехии — Самые мрачные времена для чешского народа при Марии Терезии и Иосифе II — Пруссия и Россия кладут конец независимости Польши — Неудача «греческого проекта» Екатерины II — Французская революция гасит интерес Екатерины к новым социальным и политическим идеям — «Железный занавес» Павла; Александр I возвращается к реакции и деспотизму — Крымская война; реформы Александра II не удовлетворяют Герцена и Бакунина — Реакция при Александре III и Николае II; пророчество Ключевского; Революция 1917 г. — Российская империя; надежды поляков; Варшавское герцогство; Королевство Польское — Национальное возрождение славянских народов Австрии — Революция 1848 г.; панславистская идея — Российская империя и освобождение румын, греков и южных славян — Новый режим реализует мечты Рюриковичей и Петра Великого

Краткий обзор истории Московского государства при первых Романовых показывает, что «блестящей изоляции» Москвы от остальной Европы постепенно приходил конец. Воздействие Запада на социальную и культурную жизнь России делалось непреодолимым, Москва все быстрее вливалась в европейский мир. Вестернизация Московского государства была начата не Петром Великим, как обыч-

но считают, она была подготовлена преобразованиями, проводившимися еще его отцом, Алексеем Михайловичем, и братом, Федором Алексеевичем. Объединение с Европой нужно было ускорить, но нетерпеливый сводный брат царя Федора придал ему поистине ураганный темп, и в результате многие старые московские традиции были просто сметены, а созданная им обстановка оказалась слишком напряженной для многих подданных и неблагоприятной для ряда хороших русских традиций.

Во многих отношениях Петр I (1689—1725)¹ продолжал дело Ивана IV. Оба правителя имели сходный масштаб и характер. Они оба потеряли отцов в трехлетнем возрасте и провели детство в круговерти насилий и интриг, создававшейся соперничающими родичами и придворными, совершенно пренебрегавшими интересами юных наследников. Память о горьком опыте детства повлияла на формирование их характеров и породила враждебность к старой знати. Это объясняет грубость их манер и внезапные взрывы гнева, порождавшие жестокие и мстительные поступки против действительных или воображаемых врагов. Оба они не получили систематического образования и предпочитали жить вне города, вдали от придворной жизни, отравленной отвратительными интригами соперничающих кланов, оба искали друзей и поддержки среди выходцев из низших социальных слоев.

Иван IV возместил недостаток хороших учителей самостоятельным изучением русской литературы, что позволило ему стать одним из наиболее культурных московских литераторов той эпохи. Петр же, в отличие от Ивана, не интересовался гуманитарными знаниями и, судя по оставленным им письмам и документам, не был силен в орфографии. Мать не могла быть опорой в его духовном развитии, и Петр проводил время, занимаясь ручным трудом и военными упражнениями, находя товарищей среди солдат и авантюристов, живших в квартале иностранцев — Немецкой слободе. Там он встретил голландца Тиммермана, научившего его основам математики, своего будущего любимца франко-швейцарца Лефорта, побудившего его к зарубежным путешествиям, талантливого военного советника шотландца генерала Патрика Гордона. Голландец Карстен Брандт познакомил Петра с искусством кораблестроения и пестовал его страсть к мореплаванию, подчеркивая важность морского флота для современного государства.

Именно новые друзья Петра, иностранные офицеры и их полки, встали за Петра в августе 1689 г., и Софья, захотевшая избавиться от

Петра и править как царица, была низложена, а ее фавориты перешли на сторону победителей. К сожалению, Василия Голицына, «правую руку» Софьи, более всего сделавшего для вестернизации России, пришлось отправить в ссылку, и он не смог принять участие в реализации петровских реформ. Его место занял его дальний родственник и соперник князь Борис Голицын, удерживавший бразды правления, в то время как Петр продолжал «игры Марса и Нептуна» со своими друзьями-иностранцами, перенимая их манеры одеваться и вести себя, предаваясь с ними необузданному пьянству, грубым развлечениям и шутовству. Брак с Евдокией Лопухиной, организованный его матерью в 1689 г., не удовлетворял его, хотя жена и родила ему двух сыновей: Алексея и одного не выжившего. Живя врозь от жены, слишком консервативной на его вкус, он нашел любовницу в Немецкой слободе.

Война с Турцией² прервала этот разгульный период и открыла перед юным царем новые перспективы. Побуждаемый своими союзниками поляками и союзниками последних австрийцами, донимаемый набегами турецких вассалов — крымских татар при росте протурецких симпатий среди казаков, Петр решился на «увеселительную» войну — атаку на турецкую крепость Азов, уже оказывавшуюся на короткое время (1637—1642) в руках казаков. Первый неудачный приступ доказал необходимость иметь флот, чтобы отрезать город от снабжения по воде. С помощью австрийских инженеров Петр построил в Воронеже на Дону большую верфь, и благодаря построенному флоту и военным советам Гордона в 1696 г. Азов был взят. Вскоре в новом морском порту в Таганроге уже стояло четырнадцать военных кораблей, построенных и экипированных преимущественно иностранными мастерами и моряками, и в 1699 г. Петр с удовлетворением узнал о горестном изумлении турок при виде входящего в бухту Золотой Рог самого большого его корабля с послом на борту: московское судно впервые появилось в Черном море.

Первый военно-морской поход убедил Петра в необходимости строительства большого флота, чтобы открыть Черное море для России, и заключения союза с западноевропейскими державами — Австрией, Англией, Данией, Голландией, Венецией и папским престолом против Турции и ее татарских вассалов. Для нового морского проекта Россия нуждалась в специалистах, и, утихомирив жесткими мерами недовольных его прозападными манерами, Петр отправился в свое первое путешествие в Европу (1697). Через Ригу, Кенигсберг и Ганновер он достиг Амстердама, затем отправился в Лондон и через

Голландию, Вену, Прагу и Краков вернулся, сопровождаемый сотнями иностранных специалистов, нанятых для работы в России. Главной целью его путешествия было доскональное знакомство с искусством кораблестроения и мореплавания. Царь сам несколько месяцев работал на верфях Голландии и Лондона в качестве плотника.

Возвращение ускорили вести о новом восстании в Москве консервативных элементов, возглавленных стрельцами. Восстание было подавлено с беспрецедентной жестокостью, и это положило решительный конец прежнему консервативному Московскому царству. Петр начал вестернизацию страны бритьем столь чтившихся знатью бород. Этот жест характеризует и грубость, и нетерпение, с которыми осуществлялось преобразование отсталой Московии в более современное государство с постоянной армией, военным и торговым флотом, базовыми отраслями промышленности, более эффективным управлением, более прочными финансами, способствующее получению населением образования на родине и за рубежом. Основное для этого преобразования было осуществлено в результате трех лет лихорадочной деятельности с 1698 по 1700 гг.

В эти годы Петр справедливо считал мир на всех направлениях необходимым условием успеха реформ. Его план антитурецкого альянса потерпел неудачу, и только Венеция готова была продолжать военные действия. Австрия в 1699 г. в Карловцах заключила отдельный мирный договор, выторговав выгодные условия для себя, но забыв поддержать интересы своего нового союзника — России. Лишь в 1700 г. Петру удалось заключить мир с Турцией, закрепивший за ним Азов и Таганрог, право его подданных совершать паломничество в Иерусалим и, что важнее, право иметь в Константинополе своего представителя.

Тем временем Россия сумела усилить свои позиции на территории западной соседки и давней соперницы Речи Посполитой, а также обеспечить себе союзницу, необходимую для осуществления мечты Петра — открытия окна на Балтику. Выборы преемника Яна Собеского на польском престоле в 1697 г. вылились в соперничество между французским кандидатом принцем Конти, избранным огромным большинством шляхты, и саксонским курфюрстом Фридрихом Августом, избранным меньшинством. Петр, настроенный против кандидата Франции, союзницы Турции, угрозами вынудил польскую шляхту признать Августа II Саксонского законным королем (1697—1733).

Август II был амбициозным человеком. Пренебрегая интересами своего королевства, нуждавшегося в мире, он, в надежде вернуть Ливонию, заключил союз против Швеции с Данией и Петром. Молодой шведский король Карл XII (1697—1718) оказался, однако, способным военачальником. Сначала он разгромил Данию и армию Петра под Нарвой, но вместо похода на Москву сосредоточил свои силы против Польши. В 1702 г. большая часть страны с Варшавой и Краковом была в его руках, а в 1704 г. он добился избрания на польский престол своего кандидата — Станислава Лещинского. Затем Карл выступил против Саксонии и в 1705 г.* вынудил Августа II отказаться от польской короны.

Петр воспользовался передышкой, которую предоставила ему кампания Швеции в Польше, для лихорадочной работы над реорганизацией армии: перестроил артиллерию, большая часть которой была потеряна под Нарвой, основал железоделательные заводы, особенно на Урале, пороховые и полотняные мануфактуры для нужд армии, ввел новые налоги и набрал новых рекрутов, достигнув усиленным трудом максимума возможного. Его сверхчеловеческие усилия вскоре принесли плоды. Реорганизованная армия и вновь созданный небольшой Балтийский флот добились успехов на Неве и Ладожском озере, что позволило Петру заложить Санкт-Петербург (1703). Были заняты Юрьев (Дерпт) и Нарва (1704). Части, посланные в Польшу, не смогли, однако, воспрепятствовать успехам шведов, и, укрепив свои позиции, Карл XII решил выступить против России и сместить Петра с престола.

Для молодого царя это был самый опасный момент. Принуждение к непопулярным реформам и бремя налогообложения повсюду порождали недовольство. На Дону разразилось восстание казаков во главе с Булавиным, а гетман украинских казаков Иван Мазепа (1687—1709) предпринял последнюю попытку добиться с помощью Швеции независимости для польской и российской частей Украины. Петр резко усилил активность на всех направлениях. Восстание Булавина было подавлено; Меншиков, близкий сподвижник Петра, выходец из низов, энергично расправился со сторонниками Мазепы, умиротворил Украину и разрушил Запорожскую Сечь, базу казаков, примкнувших к Карлу XII. Лишившийся поддержки казаков, шведский король потерпел решающее поражение в Полтавской битве

* В 1706 г.—*Прим. перев.*

(1709). Большая часть его армии была захвачена в плен, а сам он вместе с Мазепой бежал в Турцию.

Эта выдающаяся победа заложила прочную основу для возникновения Российской империи. Старый антишведский союз с Польшей и Данией получил новую жизнь с присоединением к нему Бранденбурга и Ганновера, и Россия оказалась на авансцене германской политики. Возвращение Августа II на польский престол обозначило коренное изменение баланса сил в Восточной Европе. Петр являлся реальным хозяином положения в Польше, он захватил и, несмотря на обещание передать ее Августу II, удерживал Лифляндию. Даже герцогство Курляндское, являвшееся вассалом Польши, фактически оказалось в руках Петра, выдавшего за тамошнего герцога свою племянницу Анну, а после его внезапной смерти разместившего там свои войска. Более того, Петр занял Выборг и населенную финнами Карелию, взял Ригу и завоевал Эстляндию. Россия прочно утвердилась на Балтике, Санкт-Петербург был надежно защищен, а российские суда плавали по доселе закрытому для них Балтийскому морю. На севере Петр заложил основы политики, которой последовательно придерживались все его преемники, подтвержденной впоследствии и правителями СССР. Своему неожиданному триумфу Россия была обязана новой армии, вооруженной современным оружием, созданной благодаря колоссальным усилиям ее главнокомандующего и жертвам, принесенным всем народом.

Новые перспективы для своих преемников Петр открыл и на южном направлении. Бежавший шведский король, крымский хан и Франция подстрекали турок открыть военные действия против победоносного Петра. В условиях надвигающегося конфликта с Турцией царь начал искать союзников среди христианских подданных султана и прежде всего постарался перетянуть на свою сторону вассальные румынские княжества Молдавию и Валахию: это удалось в отношении молдавского господаря Дмитрия Кантемира, валашский господарь Константин Брынковяну колебался.

Одновременно, призвав в 1711 г. балканских христиан выступить против турок, Петр открыл путь русскому проникновению на Балканы. При этом он имел в виду не греков—из-за протурецких настроений фанариотов связи с их религиозными лидерами, столь оживленные при Алексее Михайловиче, сократились,—а сербов и черногорцев. Как и его отец, Петр поддерживал некоторые контакты с их церковной верхушкой, всегда жаждавшей сбросить турецкое

иго. Более того, встревоженные успехами Австрии и опасаясь ее попыток принудить их к унии с Римом, они обращались к православному царю за поддержкой. Петр даже нанял славян-моряков с Адриатики для службы на флоте, а один из них, Савва из Рагузы, стал его политическим агентом на Балканах. План выступления был составлен в спешке, и лишь черногорцы со своим владыкой-митрополитом* с готовностью откликнулись на призыв. Катастрофическое поражение, которое Петр потерпел от турок на Пруте в 1711 г., положило конец всем проектам такого рода. Петр был вынужден вернуть Азов и Таганрог султану, отказаться от своего нового флота, воздержаться от вторжения в Польшу и предоставить Карлу XII свободный проезд на родину в Швецию. Однако потерпевшие крах грандиозные проекты Петра на южном направлении не были забыты его преемниками. Он открыл путь экспансии России в направлении Крыма, Азовского и Черного морей и первым призвал южных славян к восстанию, провозгласив свою готовность стать их освободителем. Представление, что цари являются покровителями всех православных христиан, принятое уже его отцом, получило новую жизнь, и заинтересованность в развитии событий на Балканах никогда не переставала оказывать влияние на внешнюю политику России.

Петр вновь сосредоточился на основном направлении своих интересов — северном. Воспользовавшись отсутствием Карла XII, он завершил завоевание Лифляндии, Эстляндии и Ингрии (Ингерманландии) с Кронштадтом, укрепленным им, чтобы упрочить положение Санкт-Петербурга, вторгся в Финляндию и занял всю страну, хотя и не собирался удерживать ее. Его армия вела военные действия в северной Германии, помогая союзникам отбить у шведов все приобретения, полученные там по Вестфальскому миру. Союзники — Саксония, Польша, Дания, Пруссия, Ганновер — причиняли ему постоянное беспокойство: они были завистливы в отношении друг друга и стремились возложить на русских большую часть военных действий, приберегая все трофеи для себя. Когда Петр выдал, вопреки советам друзей и союзников, свою племянницу Екатерину за герцога мекленбургского, необразованного и деспотичного Карла Леопольда, его подозревали в желании получить прочный оплот в Германии, и английский король из Ганноверской династии Георг I был недоволен растущим влиянием России на Балтике. Желая завершить дорого-

* Данило Петрович Негош.—*Прим. перев.*

стоящую войну, в 1717 г. Петр даже посетил Париж, желая перетянуть на свою сторону поддерживавшую Швецию Францию.

Затянувшаяся война завершилась только после смерти Карла XII. Союзники оставили Петра, заключив в 1720 г. мирные договоры со Швецией, по которым Ганновер приобрел Верден, а Пруссия — Штеттин с Западной Померанией и, обещав Швеции денежную компенсацию, острова Волин и Узедом. Дания получила освобождение от таможенных платежей в Зундском проливе. Петр, оставшийся в одиночестве и под угрозой заключения союза между Швецией и Великобританией, не устрасился и был вознагражден капитуляцией Швеции. Ништадтский мир закрепил присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии с Выборгом и ряда островов в Балтийском море. Швеции была возвращена Финляндия и обещана денежная компенсация за потерянные территории. Мечты Ивана IV были воплощены в жизнь Петром.

Россия как великая держава прочно утвердилась на Балтике и была полна решимости остаться там навсегда. Петр безоговорочно завоевал для своей страны выдающееся место в европейской истории. Принятие Петром императорского титула, предложенного ему Сенатом после триумфального въезда царя-победителя в Москву, адекватно оформило новый статус России и опять-таки ознаменовало осуществление стремлений Ивана IV, тщетно настаивавшего на признании равнозначности царского и императорского титулов³.

Затем Петр выступил против Августа II Польского, рассорившегося с ним и рассчитывавшего с помощью императора Карла VI (1711—1740) и английского короля Георга I (1714—1727) усилить в Польше власть короля, поддерживаемого постоянной армией, и установить наследственную монархию. Но было уже слишком поздно. Петр, сохранявший в заложниках герцогство Курляндское, заключил договор с Фридрихом Вильгельмом I Прусским (в 1701 г. Пруссия стала королевством), также заинтересованным в ослаблении Польши. Солидаризировавшись с недовольной польской шляхтой, враждебной абсолютистским устремлениям Августа II, оба союзника настояли на сохранении прежнего элекционного государственного устройства Речи Посполитой и всех привилегий шляхты, включая право *либерум вето* каждого члена сейма. Польша должна была оставаться слабой и разобщенной.

Хотя перед началом военных действий со Швецией Август II сам начал обсуждение вопроса о передаче части польской территории ее

соседям и хотя его союзница Пруссия весьма склонялась к разделу, Петр не добивался никакого сокращения территории Польши, довольствуясь удержанием ее всеми возможными способами под сильным русским влиянием.

Хороший предлог для вмешательства во внутренние дела Польши содержал «вечный мир» с ней 1686 г., гарантировавший ее православному населению свободу вероисповедания. Под предлогом защиты православных от католиков и униатов Петр держал в Польше представителя, обязанного разбираться со спорами между тремя конфессиями и жалобами православных. Особенно удобный предлог для энергичного вмешательства представился Петру в 1724 г. Эксцессы, допущенные некоторыми протестантами против иезуитской коллегии в Торунь, завершились казнью ряда протестантов, что было в Польше редкостью. Все это вызвало в Европе большую озабоченность, и Петр воспользовался этим для заключения нового союза с Пруссией, требуя наказания виновников «резни» и гарантируя вместе с Пруссией соблюдение прав польских религиозных меньшинств. Таким образом, он предоставил своим преемникам оружие, которым они в любой момент могли с выгодой воспользоваться, и подготовил почву для раздела Польши, которой угроза интервенции решительно препятствовала провести любую реформу своего политического устройства.

Полностью поглощенный продвижением российских интересов на южном и северном направлениях, Петр не пренебрегал и дальневосточным. Он не стал бросать вызов китайской маньчжурской династии, которая, установив свою власть над всей Монголией, находилась тогда в апогее могущества, но начал завоевание Камчатки и присоединил Курильские острова. По его инициативе Беринг совершил свою первую арктическую экспедицию и открыл пролив, носящий его имя*. Так был проложен путь для экспансии России на Аляску и далее на юг почти до Сан-Франциско. Кроме того, Петр принял не увенчавшуюся успехом попытку установить прямые торговые связи с Индией.

В Индию и Китай существовал путь, по которому караваны перевозили шелк и пряности: через Центральную Азию и Персию. Анг-

* Впервые пролив между Азией и Америкой (Берингов) был открыт экспедицией Семена Дежнева и Федота Алексеева Попова в 1648 г.—*Прим. перев.*

личане и голландцы несколько раз пытались до него добраться, Иван IV желал утвердить здесь московских купцов. Петр пытался достичь этого караванного маршрута двумя путями: из Сибири и из Астрахани. Четыре экспедиции из Сибири в центральноазиатские степи (1714—1722) не обнаружили, как ожидалось, золота, однако было обозначено дальнейшее продвижение России на этом направлении, основан Омск и завязаны более тесные контакты с казахами и калмыками. Попытка распространить власть России на отделенные от нее пустыней Бухарское и Хивинское ханства на Амударье не увенчалась успехом. Когда хивинский хан обратился за защитой от враждебного бухарского хана, Петр послал туда большой экспедиционный корпус с задачей подчинить оба ханства и разведать путь в Индию (1716—1717). Однако в Хиве русские обнаружили уже нового, враждебного хана, после первого успеха экспедиция попала в ловушку, и почти все ее участники погибли.

Готовя эту экспедицию, Петр отправил посланником к персидскому шаху своего любимца А. Вольнского. Тот заключил торговый договор с Персией, а также представил информацию о ее внутренней слабости, завязал более тесные отношения с армянами, игравшими важную роль в торговле шелком, и с грузинами. Вольнский был назначен астраханским губернатором с поручением наблюдать за развитием событий на каспийском побережье и в Персии. Используя в качестве предлога насилие, чинившиеся в отношении русских купцов некоторыми номинально подчинявшимися Персии племенами, и низложение шаха восставшими афганцами, Петр, отправив кавалерию сушей, морем выступил из Астрахани в направлении Терека и занял свою первоочередную цель — Дербент, имевший важное коммерческое и стратегическое значение. Это было сделано из опасения, что Турция может воспользоваться анархией в Персии для продвижения на Каспий и установления своего контроля над шелковой торговлей. Его надежда занять с помощью дружественных грузин и армян Тбилиси не оправдалась, и Петр вынужден был вернуться к Тереку, но, не обескураженный этой неудачей, послал новый отряд для занятия персидского порта Решт. В 1723 г. был взят Баку и заключен договор с Персией, в соответствии с которым России в обмен на обещание защиты от врагов шаха были переданы персидские владения на каспийском побережье. Появление турок в Грузии помешало Петру расширить свое влияние на Кавказе. В 1724 г. был заключен договор с Турцией, оставивший каспийское побережье в руках Петра, а Грузию под турецким владычеством.

Наученный опытом в Турции, Петр воздержался от призывов православным народам к восстанию, как он это сделал в отношении южных славян, хотя армянские и грузинские правители и церковные иерархи уже в течение почти столетия поддерживали контакты с православными царями. Здесь также Петр заложил политический курс, которого продолжали придерживаться его преемники.

В одном жизненно важном вопросе Петр не оправдал национальных ожиданий: в обеспечении бесспорного престолонаследия. Его супружеские отношения с первой женой Евдокией продолжались очень недолго. Он вынудил ее уйти в монастырь и в самый опасный момент своей карьеры тайно женился на своей второй любовнице Екатерине, женщине неясного литовского происхождения; в 1712 г. состоялось торжественное венчание. Екатерина оказалась для Петра идеальной женой, и его письма к ней обнажают удивительно нежные свойства его характера, которых, казалось бы, трудно ожидать от человека его темперамента. К несчастью, второй мальчик, рожденный Евдокией, умер вскоре после рождения — Петр даже не нашел времени присутствовать на похоронах, — и пять сыновей от Екатерины также умерли в младенчестве, так что выжили только первенец Алексей и три дочери.

Петр пренебрегал воспитанием Алексея, и сын, сильно отличавшийся от него по характеру, вырос совершенно отчужденным от отца. Алексей не одобрял никаких отцовских реформ и не скрывал своего намерения отказаться от них и править по-старому. Петр женил его на принцессе брауншвейг-вольфенбюттельской Шарлотте, родившей ему сына Петра. Опасаясь крушения своих реформ, царь настаивал на том, чтобы Алексей, все более отождествлявшийся с оппозицией консервативной знати и духовенства, либо отказался от прав наследования, либо ушел в монастырь. Смертельно боявшийся отца Алексей бежал и нашел убежище в Австрии. Эмиссары Петра, обещавшего ему прощение, выманили его обратно, но он был лишен прав наследования, обвинен в заговоре против царя и приговорен к смерти. Прежде чем царь утвердил приговор, Алексей умер в тюрьме.

Петр сознавал жизненную важность проблемы престолонаследования и в 1722 г. подписал указ, провозглашающий право государя при жизни назначить себе любого преемника. Коронавание Екатерины в качестве императрицы в 1724 г., возможно, указывало на его желание, чтобы она правила в малолетство единственного мужского наследника Романовых — сына Алексея Петра. Однако указом о пре-

столонаследии Петр так и не воспользовался. Заключив браки своей племянницы Анны с герцогом курляндским, сына Алексея с немецкой принцессой, другой племянницы Екатерины с герцогом мекленбургским, дочери Анны с герцогом голштинским, Петр порвал с двухвековой традицией, запрещавшей брак московской царевны с иноземцем; правилом стал новый обычай, и все последующие государи его династии, кроме одного, женились на немецких принцессах. В жизнь российского двора и воспитание отпрысков династии Петр ввел иноземный элемент, который неизбежно оказывал воздействие на международные отношения России и ментальность некоторых ее государей.

Несмотря на эту неопределенность и соперничество старой и новой аристократии, наследование императорской короны осталось в рамках династической последовательности, хотя она в значительной мере и потеряла четкость. Благодаря Меншикову и гвардейским полкам новая знать одержала верх и провозгласила жену Петра Екатерину I царицей (1725—1727), хотя она и не обладала качествами правительницы. Реальным правителем был Меншиков, остававшийся им и в течение короткого царствования юного Петра II (1727—1730).

Герцогиня курляндская Анна, также признанная императрицей (1730—1740), не встретила никакой серьезной оппозиции, хотя и предпочитала назначать на важнейшие посты немецкую знать из Прибалтики. Ее преемницей стала дочь Петра Елизавета (1741—1762), самая способная из прямых наследников Петра*. Сын дочери Петра Анны Петр III (1762) был по воспитанию и настрою немецким принцем; к счастью, его жена Софья Ангальт-Цербстская, немка и лютеранка, стала русской по убеждениям и православной по религии и в качестве императрицы Екатерины II (1762—1796) открыла новый период русской истории, продолжив политический курс Петра и завершив европеизацию России.

То, что шестеро сменявших друг друга государей, если судить строго, не обладали необходимыми качествами для управления Россией, показывает, что идея централизованного Русского государства, возглавляемого абсолютным монархом, наследующим власть по праву члена династии, прочно утвердилась в русской ментальности. Не

* Елизавета Петровна пришла к власти в результате дворцового переворота, сместив правительницу Анну Леопольдовну и младенца-императора Ивана VI.—*Прим. перев.*

оспаривалась она и другими правителями, с которыми поддерживала отношения Россия, поскольку в то время такова была политическая система, принятая повсюду, за исключением Польши.

Даже в этой сфере Петр способствовал сближению традиционных московских политических идей с европейскими. Он не был мыслителем и не интересовался политическим теоретизированием, но его практический ум и мирские вкусы сделали его восприимчивым к утилитаристской концепции государства, в то время повсеместно обсуждавшейся и признанной остальной Европой; с ней он познакомился во время путешествий за пределы России.

Следует помнить, что московская концепция абсолютной теократической монархии, унаследованная от Византии, претерпела некоторые изменения уже в правление отца и брата Петра. Импульсы к таким переменам, естественно, исходили из Польши, где политические спекуляции были особенно в ходу, и передавались украинскими учеными из Киева. Например, Симеон Полоцкий учил, что государство возникло не только по воле Божьей, как следовало из византийской традиции, но и из естественного желания людей образовать общество, не могущее существовать без правителя. Правитель должен заботиться не только о духовном благополучии своих подданных, но и об их общей материальной пользе. Симеон рисует образ идеального правителя не только красками, восходящими к византийским «зерцалам», но и наделяет его чертами, заставляющими вспомнить труды Аристотеля, а также схоластические и современные европейские концепции. Стефан Яворский в курсах, читавшихся им в Киево-Могилянской академии, рассуждая о долге правителя строить отношения с подданными на представлениях о справедливости, обнаруживает еще большее влияние Аристотеля и латинских схоластов.

Другие западные идеи того времени о правителе и роли государства, основывавшиеся на концепции естественного права и развивавшиеся гуманистами и реформаторами, также понемногу проникали в Московское государство благодаря переводам польских политических сочинений. Например, существовал русский перевод *Тайная Тайных*, памятника, ошибочно приписывавшегося Аристотелю, особенно популярный среди последователей первого еретического движения — жидовствующих. В XVII в. были переведены на русский язык псевдоаристотелева *Экономика* — с польского перевода комментатора Аристотеля Себастьяна Петрици — и сочинение немца Лори-хиуса об установлении княжеском. Еще большее влияние должен

был оказать перевод трактата «Об исправлении государства» польского политического мыслителя А. Фрыч-Моджевского, также, возможно, сделанный в XVII в.: здесь говорилось о том, что власть короля устанавливается во имя достижения счастья его подданных и что правители также подвластны закону, который должен быть равным для всех. Этот трактат открывал для русского читателя и многие иные идеи, прежде не обсуждавшиеся в Москве.

Не следует забывать, что и Крижанич уже пытался примирить некоторые представления о принципах правления, дискутировавшие западными схоластами, с русскими теократическими воззрениями об абсолютной власти государя. Его полемика с политическими идеями, близкими протестантизму, показывает, что последние были известны и в Московском государстве времен Алексея Михайловича⁴.

А. Л. Ордин-Нащокин, выдающийся государственный деятель царствования Алексея Михайловича, возможно, был знаком с некоторыми из этих новых идей. Подчеркивая, что Москва есть центр православия, он вместе с тем отождествляет благо абсолютного правителя с благом государства. Эта утилитаристская концепция прослеживается и в других сочинениях⁵.

Естественно при всем этом, что с новыми представлениями о государстве был знаком и воспитанник Симеона Полоцкого юный царь Федор Алексеевич: это особенно очевидно из указа об отмене местничества, где говорится, что его долгом царя является способствовать всему, служащему общему благу, и искоренять все, ему препятствующее. Поэтому он считает необходимым отменить, как пагубные для общегосударственной пользы, права, проистекающие из чина и предшествующей службы того или иного рода. Такое обоснование впервые приводится в официальном московском документе.

В этом свете понятнее делаются ментальность Петра и мотивы, которыми он руководствовался в своих реформах. Конечно, Петр был воспитан в старых московских традициях, и во многих его документах и бумагах преобладает старая концепция царя — защитника православия, которому Бог вручил правление и защиту правосудия, но в эту концепцию вплетаются и новые идеи, апеллирующие к его практическому уму и представлению о государственном благе. Идея общественной пользы стала главным принципом его царствования и определила все законодательство и управление, а унаследованная традиция самовластия дала неоспоримое право реализовывать, в том

числе силой, указы, изданные в интересах общегосударственного блага, как он его понимал.

Эти общие представления удовлетворяли Петра, но вместе с тем он проявил и определенный интерес к западноевропейским политическим теориям, повелев перевести на русский язык краткий трактат немецкого юриста-теоретика Самуэля Пуфендорфа *De officio hominis et civis* (*О должности человека и гражданина*). Это был максимум, на который отваживалась теоретическая мысль Петра⁶, остальное он предоставил выходцу из Киево-Могилянской академии Феофану Прокоповичу, которого он избрал как умного и усердного распространителя своих идей.

Поскольку высшим интересом государства являлась победа в войне с Швецией, это определило многие реформы Петра и ускорило их осуществление. Эта настоятельная необходимость не давала ему возможности следовать всеобъемлющему плану. Поэтому не все его реформы оказались столь же долговременными, как учреждение Сената (1711) в составе небольшого круга назначенных царем чиновников, которым поручались выдвижение новых законов и надзор над всей администрацией империи, а также функции высшей судебной инстанции и органа, замещающего царя в случае его отсутствия: Сенат просуществовал до 1917 г. Многочисленные приказы, унаследованные от Московского царства, были заменены девятью коллегиями (1718), сосредоточившими главнейшие отрасли государственного управления: международные отношения, экономическую политику, армию, флот, финансы, правосудие*. Коллегии воспроизводили немецкую и шведскую системы управления и действовали только до царствования Александра I, преобразовавшего их в современные министерства. Александр также ликвидировал должность генерал-прокурора, который должен был руководить Сенатом и надзирать над деятельностью коллегий.

Преобразования Петра в области местной администрации определялись теми тенденциями к автономизации главнейших регионов, которые можно было наблюдать уже в XVII в. В соответствии со шведской моделью, вся страна была поделена на десять обширных губерний (позднее их число было увеличено) во главе с губернаторами, обладавшими административной, судебной, финансовой и воен-

* Указом 1718 г. образовывались десять коллегий, позднее их число было увеличено.—Прим. перев.

ной властью*. Муниципальная реформа, вводившая две гильдии, вела к правлению обеспеченных слоев и была отменена преобразованиями Екатерины Великой.

Утилитаристский принцип государственного блага определил петровские реформы армии и разделение населения на классы, каждый из которых должен был нести определенную службу государству: дворяне в армии или в гражданском управлении; поставка рекрутов в армию возлагалась на различные группы крестьянства; продвижение по службе в армии определялось не правом рождения, а личными заслугами, в других же областях — Табелью о рангах**.

Финансовые реформы Петра были наименее удачны. Дорогостоящие войны вынуждали его увеличивать прямые и косвенные налоги, которые распределялись неудовлетворительно. Наиболее обременительна для крестьянства была подушная подать. Поручив сбор налогов дворянству, он санкционировал, хотя и не намеренно, дальнейшее уравнивание полусвободных крестьян с крепостными. Чтобы обеспечить сбор налогов, было установлено, что крестьянин не имеет права оставить свое место жительства без письменного разрешения хозяина: так для поездок внутри государства были введены паспорта, и паспортная система стала в России традицией.

Утилитаристские принципы определили сверхчеловеческие усилия Петра, направленные на развитие российской промышленности, экономики и системы образования юных граждан. Основание им Морской академии, инженерной и артиллерийской школ отвечало практическим целям реформ образования; вместе с тем по предложению Г. В. Лейбница он выступил с инициативой (реализованной только после его смерти) учреждения в Санкт-Петербурге Академии, призванной стать важнейшим центром гуманитарных и прочих наук. Система Академии наук является характерной чертой научной жизни России по сей день.

Многие реформы Петра не пользовались популярностью среди современников⁷ и подвергаются суровой критике со стороны большого числа историков. Их осуществление часто было чрезмерно по-

* Петр I в 1708 г. учредил восемь губерний.— *Прим. перев.*

** Табель о рангах, акт, регламентировавший порядок прохождения службы, устанавливал ранги чинов военных, штатских и придворных. Чинопроизводство определялось выслугой (могла быть сокращена в случае особых заслуг) и последовательностью восхождения по служебной лестнице.— *Прим. перев.*

спешным, нескоординированным и необдуманным, случайным. И тем не менее, нет никакого сомнения, что реформы Петра сделали из Московского царства современное Российское государство, полноправного участника европейской жизни, важный фактор международной политики.

Одну из реформ, однако, можно считать пагубной для развития России — реформу церковной организации, ликвидировавшую патриаршество и заменившую его контролируемым государством Синодом: произошел слишком резкий разрыв с традициями, направлявшими ее историю в прошлом и считавшимися большинством населения священными.

Следует подчеркнуть, что такое вмешательство в жизнь церкви не было продиктовано чисто мирскими устремлениями. В религиозной сфере Петр оставался православным христианином, принимавшим учение церкви и соблюдавшим обряды, хотя пародии на религиозные церемонии, в которых он любил участвовать со всей своей веселой компанией, свидетельствуют о мирских, рационалистических и антиритуалистических настроениях. Его преданность православию подтверждает и отказ от попыток заключить унию с Римом, хотя такие предложения были, в том числе от Сорбонны, и это принесло бы ему политический выигрыш.

Петр считал свое правление особым долгом, доверенным ему Богом, перед которым он и будет держать ответ. Даже если воздействие на него современных западноевропейских представлений о правителе кажется доказанным, это не значит, что в XVIII в. такие представления обязательно имели следствием враждебное отношение к церкви. Даже любимый теоретик Петра Пуфендорф учил, что для абсолютистского государства религия необходима, поскольку она обеспечивает поведение людей в соответствии с нормами морали и выполнение ими обязанностей в отношении государства. Поэтому государство должно быть жизненно заинтересовано в религии, а правитель должен следить за выполнением церковью ее обязанностей в сфере образования и морали. По Пуфендорфу, абсолютистское государство предоставляет государю неограниченную власть над всеми управленческими институтами, что подразумевает также контроль над всеми конфессиями.

Такое определение абсолютной власти правителя хорошо согласовывалось с собственными убеждениями Петра, и его можно было примирить, хотя бы и искусственно, с основополагающими принци-

пами византийских политических теорий о том, что царь является представителем Бога и его долг заботиться не только о материальном благосостоянии подданных, но и об их вечном спасении, которого они могут достичь, только живя в соответствии с праведной верой и выполняя по учению церкви повеления Божьи.

Соединение этих новых представлений с традиционными русскими концепциями предопределило более строгий контроль над деятельностью церкви со стороны государства, но не исключало сохранения института патриаршества. Развитие событий, однако, заставило Петра обеспокоиться той угрозой, которая могла исходить от главы русской церкви успеху его реформ. До сих пор в России, как правило, отношения между церковью и государством складывались как гармоничное взаимодействие: церковь поддерживала абсолютного правителя и принимала его поддержку и руководство. Никон принял неудачную попытку переменить эти отношения и внедрить в Московском государстве чуждый ему западноевропейский католический принцип превосходства церковной власти над мирской. При поддержке епископов, которых также пугал рост власти патриарха в соответствии с этой теорией, его притязания были отвергнуты Алексеем Михайловичем. Идеи Никона, хотя и в более мягкой форме, попытался вернуть к жизни патриарх Адриан, который, определяя свои права, вновь упомянул о двух мечах (светской и духовной власти)—эту теорию обычно развивали западноевропейские католические богословы. Адриан заявил, что церковь призвана контролировать не только духовную, но и светскую сферу и патриарх, который носит образ Христа, как и царь, является правителем, причем стоит даже выше царя.

Хотя Адриан и не пытался применить эту теорию на практике, чтобы воспрепятствовать вмешательству Петра в жизнь церкви, царь, естественно, с большой настороженностью относился к подобным тенденциям, а пример Никона ясно показывал ему, что если патриарший престол займет сильная личность, их воплощение может нести угрозу его представлениям о государстве и правах правителя. Поскольку вся оппозиция реформам сосредоточивалась вокруг патриарха и царевича Алексея, Петр считал, что в интересах государства будет упразднение института патриаршества. Указы об учреждении Синода содержат очень ясное указание на эту опасность⁸.

Была еще одна важная причина, побудившая Петра произвести эти радикальные преобразования. Он был хорошо осведомлен об от-

сталости духовенства и верующих: пренебрежение церковью своим долгом было пагубно и для интересов государства.

Петр, хотя и предпочитал дела словам, понимал, что следует подготовить общее мнение к планируемым переменам, дав им некоторые теоретические обоснования, которые покажут, что преобразования вызваны не только практическими, но и историческими причинами, и свяжут их с традициями Московского царства. Теоретиком Петра был Феофан Прокопович, вызванный в Петербург в 1718 г.* В трактате *Правда воли монаршей* Феофан подробно разъясняет новые представления о государстве и делает попытку примирить их с традиционными византийскими и московскими идеями⁹: государство образуется по решению народа, заключающего договор с избранным им предводителем и вручающего ему исполнительную власть, но волю народа определяет Бог, и можно считать, что правитель дан Богом. Правитель является абсолютным сувереном, не ограниченным законом, подданные обязаны повиноваться ему, поскольку его воля есть Божья воля.

Подобное обожествление правителя происходит из византийской теории царства; компромисс между политическими концепциями, основанными на естественном праве, и старыми теократическими идеями едва ли был совместим с современными западными теориями, особенно Г. Гроция и Пуфендорфа. Теократическое обоснование вновь было актуализировано лишь на поздних этапах развития просвещенного абсолютизма.

Описывая обязанности монарха, Феофан Прокопович подчеркивает необходимость трудиться для общего блага людей, причем именно правитель определяет, в чем общее благо состоит. Здесь Феофан выступает как современный западноевропейский теоретик, исходя при этом из той теократической предпосылки, что правитель как представитель Господа должен способствовать славе Божьей и спасению своих подданных так же, как и их мирскому благу.

В других трактатах, в том числе первой части *Духовного регламента*, Феофан Прокопович прилагает свои теории о правах правителя к религии и церкви, подчеркивая византийскую идею, что царь есть представитель Бога на земле и, таким образом, институт церкви не может считаться равным государству или независимым от него. Как

* В 1716 г.—Прим. перев.

и на любой другой институт, на церковь распространяются государственные законы и указы.

Царь как верховный законодатель и судья обладает высшей властью не только в светской, но и в духовной сфере; поскольку Бог поручил ему надзор над церковной иерархией, он может быть даже назван епископом и правомочен решать религиозные вопросы.

Феофан здесь, кажется, подробнее развивает византийские концепции, возможно, в противовес Никону и его последователям, которым были близки западные католические идеи о независимости церкви относительно государства; при этом теократические положения смягчаются описанием происхождения государства в соответствии с естественным правом. Антикатолический антипапский настрой Феофана Прокоповича повлиял на его высокую оценку византийской теории отношений между церковью и государством.

Учреждение Святейшего Синода¹⁰ взамен патриаршества было инспирировано современными западноевропейскими идеями об абсолютной власти правителя, которые сочетались с византийскими теократическими концепциями и ими же камуфлировались. Сам институт Синода, очевидно, имел образцом коллегии (будущие министерства), образованные Петром для облегчения управления; как и другим коллегиям, ему был дан регламент, определивший его состав и полномочия.

Действительно, еще Лейбниц предложил Петру завершить реорганизацию государственного механизма созданием Духовной коллегии, и Петр интересовался тем, как протестантские правители управляют делами церкви, но учрежденный им Синод не сравним с протестантскими консисториями. Сам Петр представил его как продолжение соборов русской церкви, с той разницей, что Синод будет постоянно действующим органом; по своему значению он хотел сделать его равным Сенату.

Феофан Прокопович, со своей стороны, также был знаком с протестантским учением¹¹ и церковными институтами, но его теоретическая мысль, видимо, вдохновлялась скорее светскими западноевропейскими политическими идеями, которые он пытался примирить с византийскими теократическими концепциями. К примеру, наделяя царя правом выносить высшее решение в духовных делах, он, несомненно, шел дальше протестантских теоретиков: такое право могло проистекать только из византийского представления о царстве.

Тот факт, что нововведения подавались в традиционной словесной оболочке и со ссылками на знакомые и общепринятые концеп-

ции, объясняет, почему было нетрудно получить санкцию нового института восточными патриархами, зависившими от финансовых субсидий царя. Но все это, конечно, не могло скрыть того, что Святейший Синод был образован не по свободному решению церкви, а по воле светского правителя и что русская церковь отныне лишалась и той доли самостоятельности, которой она обладала до Петра. Подобную зависимость от мирской власти церковь могла бы потерпеть только в условиях теократии, секуляризация идей государственности и долга правителя неминуемо ставила ее во все большую зависимость от государства и превращала Синод в бюрократический институт, исполняющий распоряжения, данные в интересах государства.

Одной из причин, вызвавших такое неблагоприятное развитие событий, было отсутствие хорошо образованных богословов и знатоков канонического права среди русского духовенства. Призывы Петра к открытию учебных заведений для духовенства и верующих превращались в жизнь медленно, и положение с образованием клира не улучшалось. Семинария, основанная Феофаном Прокоповичем в Петербурге, была организована по образцу богословского факультета в Галле, обучение в ней велось в духе идей Феофана с упором на светские науки. В результате высшее духовенство не смогло обеспечить Синоду особое положение в государстве или, по крайней мере, равное по уровню Сенату или другим высшим государственным органам.

С другой стороны, западные философские и политические теории все шире распространялись среди русских интеллектуалов. Киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын организовал перевод на русский язык важнейших трудов таких ведущих политических мыслителей Европы, как Г. Гроций, Т. Гоббс, С. Пуфендорф, Дж. Локк и др., а в 1730 г. тщетно пытался ввести в России конституцию. Его оппонент, первый русский представитель современной историографии В. Н. Татищев, также был сведущ в западноевропейской политологии. При Екатерине II происходила дальнейшая секуляризация концепции государства; этот вестернизационный процесс характерен и для всего XIX в.

Русское духовенство было не в состоянии установить плотину, которая бы предотвратила наплыв западных идей, равно как и прекратить или, по крайней мере, замедлить секуляризацию Синода и подчинение церкви государственным нуждам. В царствование Екатерины I первый вице-президент Синода Феодосий Яновский сделал смелую попытку отстоять его свободу, но за свой протест против «тира-

нии» государства был смещен с поста и сослан в монастырь на Белом море. Вновь учрежденный Верховный тайный совет еще более грубо вмешивался в жизнь церкви, чем до того Сенат.

Надежды многих противников нововведений Петра и Феофана Прокоповича, что Петр II возродит традиционные отношения между церковью и государством, были разбиты со смертью царя, царица же Анна Ивановна наперекор политике своего предшественника ускорила процесс подчинения церкви. Голоса протеста со стороны духовенства подавлялись силой. Елизавета Петровна, хотя и больше благоволила церкви, не осмелилась подвергнуть ревизии установление своего отца.

Можно было опасаться, что Петр III, по воспитанию лютеранин, будет относиться к Синоду так же, как протестантские государи к своим церковным консисториям. Его попытка конфисковать церковные имущества была санкционирована Екатериной II Великой (1764). В ее правление секуляризация политической мысли в России достигла максимума и русская церковь потеряла последние следы своей независимости. Должность обер-прокурора, созданная Петром и порученная светскому лицу, долженствующему надзирать за работой Синода, была реформирована, и ее носитель стал представителем государства, призванным представлять Синоду пожелания государя; позднее он получил статус государственного министра. Звание главы русской церкви, которое Екатерина приложила к себе неофициально в письме к Вольтеру¹², было присвоено официально императором Павлом I¹³.

Только в XIX в., когда богословская мысль в России достигла высокого уровня, духовенство оказалось в состоянии защищать права церкви при помощи исторических и теологических аргументов. Изучение русской истории и славянофильское движение усилили интерес к реформам церковной организации. В 1905 г. эти устремления чуть было не были претворены в жизнь. Синод представил план реформ и обратился с просьбой о созыве поместного собора, который изберет патриарха, но утвержденное правительством присутствие, которое должно было подготовить созыв собора, в 1907 г. прекратило работу до более подходящего момента, который так и не наступил^{14*}.

* В 1906 г. Синод принял решение о созыве чрезвычайного церковного собора и учреждении «особого присутствия» для его подготовки; это решение было санкционировано царским указом. «Предсоборное присутствие» открылось в марте 1906 г. и закончило свои работы 15 декабря того же года.

Таким образом, русская церковь идентифицировалась с государственным самодержавием, и поборники политических и социальных реформ царской России считали ее своим противником. В 1917 г. русская церковь заплатила высокую кровавую цену за ошибки имперской России. Разрешив восстановление патриаршества, новые правители страны осуществили надежды и чаяния, выстрадавшие русским духовенством и верующими в течение двух столетий, но было уже слишком поздно.

Несмотря на то что после смерти Петра правители на русском престоле часто сменялись, в течение всего XVIII в. продолжался процесс расширения империи; направления этой экспансии уже были очерчены последними Рюриковичами и первыми Романовыми: в сторону Швеции, Польши и Турции. Около пятидесяти лет Россия противостояла политике Швеции, желавшей ее ослабления. Швеция дважды тщетно пыталась отбросить Россию назад. Наконец, чтобы обеспечить безопасность Санкт-Петербурга, Александр I (1801—1825) присоединил принадлежавшую Швеции Финляндию.

Проводя аналогичную политику в отношении Польши, Анна Ивановна выступила против нового избрания на польский трон поддерживаемого Францией Станислава Лещинского и совместно с Пруссией добилась избрания и признания шляхтой Августа III Саксонского (1734—1763)*. Таким образом, Польша лишилась последней возможности добиться обновления своей государственности под водительством короля-поляка, поддерживаемого Францией.

Русские войска вновь прошли по территории Польши при царице Елизавете Петровне, когда Россия в союзе с Австрией выступила против Пруссии, отнявшей у австрийской эрцгерцогини Марии Терезии (1740—1780) Силезию. Польша во время позорного правления короля-саксонца ничего не предприняла, чтобы защитить свои права, и не видела опасности, которую представляло для нее возвышение Пруссии в правление амбициозного Фридриха II Великого (1740—1786). Имперская Россия получила уникальную возможность оказать колоссальную поддержку двум славянским народам — чехам

См. Г. Флоровский, *Пути русского богословия*, Вильнюс, 1991, с. 478.—Прим. перев.

* Август III (1733—1763) утвердился на польском престоле в результате войны за польское наследство (1733—1735), в которой Россия выступала против Франции в союзе с Австрией и Саксонией.—Прим. перев.

и полякам, остановив рост Пруссии и вернув Силезию чешской короне. Елизавете, являвшейся личным врагом Фридриха, почти удалось сокрушить его, но прусский король был спасен ее преемником, Петром III, большим его поклонником, который вернул Пруссии все, завоеванное русской армией, и вышел из союза с Австрией. Россия ничего не получила от своих побед над прусской армией, а Чехия вновь должна была дорого заплатить за сохранение династии Габсбургов. После уступки Лужицы Саксонии почти вся Силезия отпала от чешской короны и досталась Пруссии. Польское и чешское население Силезии, уже находившееся под сильным немецким влиянием, было почти полностью германизировано в течение XIX в.

В то время как разворачивались все эти события, чешский народ переживал один из самых черных периодов в своей истории. В Чехии оставалось лишь несколько старых дворянских родов, и основные посты в администрации королевства им приходилось делить со знатью, чуждой по языку, лишенной чувства гордости за славное прошлое Чехии и раболепствовавшей перед венским двором. Все это облегчало дальнейшие посягательства Вены на оставшиеся еще у Чехии права. Чешский язык был вытеснен из государственных учреждений и рассматривался как пригодный для употребления только низшими слоями населения. В течение первого периода войны за австрийское наследство, когда союзник Франции баварский герцог Карл Альбрехт занял Прагу и был признан чешским королем (1741), существовала опасность, что Чехия будет присоединена к Баварии, однако его правление в Чехии и Германии (как императора Карла VII) было кратковременным. Мария Терезия смогла вернуть королевство себе, а императорский титул перешел к ее мужу, Францу Лотарингскому.

Хотя вся тяжесть войны за австрийское наследство пала на Чехию и развитие событий вновь продемонстрировало ее значение как территории, занимающей ключевое положение в Центральной Европе, Мария Терезия распространила на нее действие своих централизаторских абсолютистских реформ. Должность пражского наместника была ликвидирована, чешская канцелярия была объединена с австрийской (такое положение сохранялось до 1848 г.). Чехия была превращена в одну из наследственных немецких земель, одну из четырнадцати, позднее семнадцати, провинций Австрии. Она была разделена на шестнадцать земель, управлявшихся губерниумом, назначавшимся Веней без согласия сословий. Только Венгрия, своим освобо-

ждением от Турции обязанным главным образом чешским войскам и чешским капиталам, сумела сохранить свое особое положение как земли короны святого Иштвана.

Иосиф II, соправитель с 1765 г. и эрцгерцог в 1780—1790 гг., усилил централизацию государства, отняв последние прерогативы у земских учреждений на «наследственных землях» и вводя налоги по своему произволу. В утилитарных целях языком администрации был сделан немецкий, а с 1774 г. он стал в Чехии и языком обучения. Знание чешского еще более уменьшилось и находилось почти на грани исчезновения.

Естественно, все эти события оставались неизвестны России или игнорировались ею. Екатерина II, разорвав союз с Пруссией, не вмешивалась в австро-пруссский конфликт и проявляла заинтересованность только в развитии ситуации в Польше. При поддержке «русской» партии во главе с Чарторыскими она обеспечила избрание на престол своего кандидата и фаворита Станислава Понятовского (1764—1795). Пруссия приветствовала это, поскольку в саксонопольском государстве видела угрозу собственной экспансии.

Польские патриоты наконец разглядели угрозу независимости своего государства и сделали попытку провести некоторые реформы для спасения королевства. России и Пруссии, однако, сильная Польша была не нужна, реформы встретили противодействие, и в 1768 г. польский сейм вынужден был уступить пожеланиям могущественных соседей и даровать диссидентам — последователям некаатолических конфессий — равные права с католиками. За этим последовала реакция: антирусски настроенные патриоты, поддержанные Францией, организовали так называемую Барскую конфедерацию. В Польшу вторглись русские войска, украинское население подстрекалось к восстанию. Чтобы сохранить свое влияние в Польше, Франция спровоцировала выступление Турции против России. Австрия, несмотря на обеспокоенность возвышением России и Пруссии, воздержалась от активного участия в событиях, что развязало Екатерине руки в отношении Турции. Русские армии нанесли поражение туркам и продвинулись за Дунай. Екатерина, казалось, уже могла утвердить свою власть над всей Польшей и воплотить, таким образом, мечту Ивана IV о занятии польского престола.

Чтобы предотвратить это, Фридрих II убедил Австрию присоединиться к его плану раздела Польши между тремя державами. Мария Терезия (1740—1780) предпочла бы вернуть себе часть утраченной

Силезии, но ее сын Иосиф II заключил соглашение с Фридрихом, и австрийские войска (1769—1770) заняли города в Карпатах, уступленные Польше еще Сигизмундом I (Жигмондом) Венгерским, и часть Галиции. Наступившая в Польше анархия, когда в результате действий конфедератов король был фактически смещен с престола*, ускорила события. По первому разделу (1772) треть польских земель отошла России, Пруссии и Австрии: благодаря эгоизму шляхты, забывшей свой патриотческий долг, разразилась колоссальная национальная трагедия Польши.

Эта катастрофа могла бы спасти Польшу от худшего. «Патриотическая партия» под влиянием идей Французской революции признала, наконец, права горожан, и «Четырехлетний» сейм выработал новую конституцию, принятую 3 мая 1791 г., которая отменила все старинные злоупотребления, в частности право *liberum veto*, и провозгласила королевство наследственной монархией, причем наследником был объявлен саксонский курфюрст. Исполнительная власть принадлежала королю и находившемуся при нем совету, двухпалатный сейм наделялся законодательной властью. Хотя эта конституция была и далека от современных представлений, за пределами Франции это была первая попытка воплотить некоторые идеи, выдвинутые мыслителями эпохи Просвещения и Французской революции. Поскольку Пруссия и Австрия отнеслись к ней благоприятно, возникла надежда, что Польша будет спасена.

Однако Екатерина II оставалась непреклонной. При поддержке «русской» партии она спровоцировала образование конфедерации в защиту старого государственного устройства и вторглась в Польшу. Король попытался спасти ситуацию, предложив наследование престола великому князю Константину, но не смог предотвратить второго раздела Польши (1793) между Россией и Пруссией. Восстание, поднятое патриотами во главе с Т. Костюшко (1794), было подавлено. План передачи власти над оставшимися польскими землями представителю династии Габсбургов оказался нежизнеспособен, и третий раздел Польши (1795) между тремя соседними державами положил конец ее государственности.

Екатерина II лишь отчасти смогла реализовать унаследованные от Рюриковичей планы в отношении Польши: не все «русские» зем-

* Станислав Август Понятовский отрекся от престола в 1795 г.—Прим. перев.

ли Польско-Литовского государства вошли в состав империи. Стремясь воплотить мечты Рюриковичей, Екатерина не забывала и о робких планах первых Романовых и Петра I о продвижении за Дунай и на Балканы. Естественным союзником в этом выступала Австрия. Вслед за визитом Иосифа II в Петербург (1780) был заключен австро-русский союз, имевший цель чрезвычайно экстравагантную, но считавшуюся многими государственными деятелями того времени реализуемой,—изгнать турок из Европы. «Греческий проект» Екатерины предусматривал создание государства Дакии в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии, реставрацию Византийской (Греческой) империи (императором должен был стать ее внук Константин) и раздел власти над балканскими землями с Иосифом II. Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться. Екатерина заняла Крым и отодвинула границу до Днепра*, а также приобрела черноморскую крепость Очаков. Иосиф II занял Белград, но его преемник Леопольд II (1790—1792), которому угрожала Пруссия, вынужден был заключить мир, присоединив только небольшую часть северной Боснии в обмен на Белград. Екатерина также обеспечила себе право покровительства православным христианам Османской империи—привилегию, дававшую России предлог для вмешательства в турецкие дела, что использовали российские императоры в XIX в.

Второй раздел Польши был ускорен Екатериной под тем предлогом, что подрывные идеи, инспирируемые Французской революцией, распространяются в Польше и угрожают общественному и политическому порядку в соседних странах. Это характеризует и социальное, и политическое развитие России в XVIII в.: в начале своего правления Екатерина заигрывала с новыми идеями французского Просвещения, переписывалась с Вольтером, Монтескье и Дидро, читала труды французских энциклопедистов. Но хотя многие считали ее позицию в социальных и политических вопросах «прогрессивной», она была твердо убеждена, что абсолютизм является единственной политической системой, которая может быть принята. Императрицей ее сделало дворянство, и она была убеждена, что государственное управление может быть поручено только дворянству. Несмотря на попытку создать консультативный орган, избранный всеми сословиями, кроме крепостных крестьян, составлявших четыре

* Днестра; Ясский мир 1792 г. устанавливал русско-турецкую границу по Днестру.—*Прим. перев.*

пятих населения^{*}, ее законодательством почти ничего не было сделано для облегчения положения крепостных и очень мало для горожан: в основном, оно служило интересам дворянства и подтвердило его привилегированное положение.

Восстание казаков и крестьян под руководством Пугачева (1773—1774)^{**}, подавленное с некоторым трудом, побудило Екатерину произвести реформы управления. Вместо двенадцати^{***} губерний, введенных Петром Великим, она учредила 51, наделив губернатора большими полномочиями в гражданской, финансовой и судебной сферах, прежде сосредоточивавшимися в образованных еще Петром коллегиях. Это привело к полезной децентрализации управления, но пост губернатора оставался в руках дворянства.

Французская революция убила в Екатерине всякий интерес к новым социальным и политическим идеям. Все распространители этих «подрывных идей» были подвергнуты преследованиям. Новиков, пропагандист масонства, был заключен в крепость, еще более радикальный Радищев, живописавший угнетение крестьян помещиками, сослан в Сибирь. Екатерина отказалась следовать примеру своего союзника Иосифа II, также сторонника просвещенного абсолютизма, сделавшего смелую попытку отменить крепостничество. Россия, самое могущественное государство Центральной и Восточной Европы того времени, стала неколебимым оплотом абсолютизма и наиболее непримиримым противником идей Французской революции.

Павел I (1796—1801) подверг ревизии некоторые реформы Екатерины, так что создалось впечатление улучшения положения крепостных, но это было сделано скорее наперекор политике его матери, которую он глубоко не любил. На самом деле, он был даже еще более исполнен решимости сохранить самодержавный режим. С этой целью Павел изменил порядок престолонаследия, установленный Петром I, введя право первородства и регламентировав иерархическое старшинство и содержание членов императорской фами-

^{*} В работе Уложенной комиссии (созванной для кодификации законов — выработки нового Уложения, а не как «парламентский» институт) не участвовали помещичьи крестьяне, составлявшие около половины населения России (и около 53% крестьянского населения); государственные (черносошные) крестьяне имели в ней свое представительство.— *Прим. перев.*

^{**} 1773—1775.— *Прим. перев.*

^{***} В оригинале ошибочно — двадцати.— *Прим. перев.*

лии. Чтобы оградить Россию от «подрывных идей», распространявшихся из Франции, он воздвиг нечто вроде «железного занавеса», запретив всякие контакты с Францией, сделав почти невозможными для своих подданных поездки в Западную Европу, введя цензуру, запретив следовать французским модам; все подозрительные попадали в тюрьму или ссылались в Сибирь. Но таким образом Павел лишь возбудил недовольство и революционные настроения, жертвой которых и стал.

Александр I (1801—1825) в начале своего царствования вернулся к более либеральному режиму Екатерины II и несколько приподнял «железный занавес», но в своих планах либерализовать управление Россией молодой царь остановился на полпути. Известия об ужасах, сопровождавших Французскую революцию, удержали Александра от проведения более последовательных социальных и политических реформ, разработанных его блестящим статс-секретарем Михаилом Сперанским. Идея царского самодержавия все еще была слишком глубоко укоренена в русских умах. Опасным врагом предложенным реформам выступил историк Н. М. Карамзин, оказывавший глубокое влияние на русское дворянство и интеллигенцию. Карамзин считал самодержавный абсолютистский режим единственно возможным для России и выступал против любых значимых изменений в существующей социальной системе империи.

Затем все внимание царя поглотила война с Наполеоном, угрожавшим сокрушить Российскую империю. Конечная победа над ним, одержанная на полях сражений в России и Европе и увенчанная триумфальным входом русских войск в Париж (1814), представлялась Александру результатом прямого вмешательства Провидения. Его концепция автократии стала строго теократической с налетом мистицизма. Александр считал себя избранным Провидением, чтобы восстановить в Европе старый порядок, разрушенный революцией и Наполеоном. Эти идеи присутствуют в так называемом Акте Священного союза, который, как он считал, будет руководить судьбами Европы в соответствии с Божественным правом и справедливостью. Его побуждения были искренни, но на деле Священный союз победителей Наполеона стал основой абсолютистской политики великих держав, часто использовавших его для подавления всех национальных движений, пытавшихся добиться участия в управлении. Хитрый австрийский министр К. Меттерних особенно хорошо умел использовать союз в своих целях. Влияние Меттерниха отвратило Александра от всяких мыслей приспособить российский режим к со-

временным идеям конституционного правления, которым он предавался во время Венского конгресса. Последнее десятилетие правления Александра I было временем реакции и деспотизма. Однако развитие событий показало, что остановить распространение либеральных идей в России невозможно. Многие русские познакомились с этими идеями во время заграничного похода русской армии, и при посредстве возвращавшихся офицеров победоносной армии знания о западноевропейских социальных и политических институтах распространялись в России; это возбуждало желание модернизировать и либерализировать ее образ жизни. В Петербурге и на юге возникли тайные общества, пропагандировавшие идею конституционного правления. После смерти Александра во время краткого периода неопределенности с наследованием престола члены тайного общества в Петербурге во главе с князем С. П. Трубецким начали открытую агитацию в армии; события завершились восстанием декабристов (1825).

Катастрофический конец этой первой русской революции на несколько десятилетий остановил социальный и политический прогресс России. Николай I (1825—1855), чтобы оградить российское самодержавие от любых покушений, ввел жесткий полицейский режим и отказался отменить крепостное право, ограничившись немногими мерами, положившими конец лишь вопиющим злоупотреблениям. Многие недовольные интеллектуалы покидали страну и продолжали агитацию против царя из-за рубежа.

Чтобы сокрушить политику Николая I, понадобилась война. Его выступление против Турции — притязания на защиту прав христиан были удобным предлогом — вызвали интервенцию Англии и Франции и так называемую Крымскую войну, героической кульминацией которой явилась неудачная оборона Севастополя (1854—1856)*. Война обнажила пороки русского бюрократического правления, и новый царь Александр II (1855—1881) оказался вынужден отменить ряд мер, введенных его предшественником против университетов, печати и литераторов. Важнейшей из реформ Александра II была отмена крепостного права. Ее приветствовали даже революционеры-эмигранты, такие как А. И. Герцен, но в конце концов манифест 1861 г., носивший компромиссный характер и обеспечивавший преимущество консервативной землевладельческой аристократии, разочаровал

* 1854—1855.—Прим. перев.

сторонников более революционных мер. Земская реформа (1864), вводившая нечто вроде местных «сеймов», члены которых должны были избираться всеми классами населения,—им было поручено местное управление, явилась наиболее крупной уступкой царя сторонникам конституционного режима. Значительно улучшены были также судебная система и городское управление (1870).

Хотя царь и не собирался углублять реформы и даровать народу возможность оказывать большее воздействие на правительство,—его реакционность еще усилилась после попытки покушения на него, предпринятой членом революционной организации в 1866 г.^{*},—проводимые преобразования способствовали расцвету русской культуры. Уровень обучения на всех ступенях беспрецедентно повысился, положение дел в гуманитарной области значительно улучшилось, и в царствование Александра II русская литература достигла расцвета, поскольку величайшие писатели — Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Некрасов, А. Толстой — обрели необходимую свободу творчества.

Хотя и достаточно глубокие, реформы Александра II не удовлетворяли радикальные элементы русской интеллигенции. Под руководством А. И. Герцена, М. А. Бакунина и других эмигрантов за границей образовывались революционные организации, планировавшие осуществить в России радикальные социальные реформы в результате восстания народа или захвата правительственной власти. Убийство царя 1(13) марта 1881 г., подготовленное фанатичными революционерами, не привело к восстанию, которое бы обеспечило желанные реформы, как надеялись радикальные круги.

Цареубийство имело результатом только наступление реакции, которая характеризовала правление Александра III (1881—1894) и первую половину правления Николая II (1894—1917). Удушливая атмосфера царствования Александра III усугублялась политикой насильственной русификации всех народов империи, преследованиями евреев и неправославных конфессий. Опять потребовались война и поражение от Японии (1905), за которыми последовали беспорядки и угроза революции, чтобы наступили давно назревшие перемены. Конституция, дарованная Николаем II (1905), сохраняла за царем важные prerogatives, и первые две Думы завершили свою работу, ничего не добившись. Политические события развивались по на-

^{*} Имеется в виду выстрел Каракозова.—Прим. перев.

растающей, подхлестываемые агитацией марксистов во главе с Лениным, и правительству, чтобы добиться большинства, пришлось ограничить избирательные права горожан, рабочих и крестьян. Это было дурным знаком. Рабочие были взбудоражены агитацией, безнадежно опаздывавшие реформы не могли удовлетворить радикальные элементы. В конце концов сбылись пророческие слова великого русского историка В. О. Ключевского, прекрасно знавшего историю своего народа и нужды России. В 1895 г., узнав, что царь объявил о своем твердом намерении придерживаться принципов самодержавного правления, Ключевский, как говорят, грустно прокомментировал это, сказав: «Попомните мои слова, с Николаем II Романовым придет конец. Если у него будет сын, он не будет царствовать».

И вновь потребовались война, а за ней революция, чтобы это предсказание осуществилось. События показали большую эффективность революционных методов П. Н. Ткачева, а не М. А. Бакунина. В противовес отстаивавшейся Бакуниным революции масс, которая принесет желанные радикальные перемены в правительстве, Ткачев настаивал на насильственном захвате власти избранной группой революционеров, которые затем сверху будут воздействовать на народ. Неопытное демократическое правительство, недостаточно поддерживаемое народом, не смогло выдержать удар, и на смену царизму пришла диктатура пролетариата. Умело объединив народ при помощи демократических лозунгов, новый режим сумел добиться стабильности, используя многие принципы, унаследованные еще от царского самодержавия, — централизацию власти, могущественную и послушную бюрократию, упор на интересы государства, безжалостное применение силы, полицейский надзор и мощную, модернизированную, хорошо оснащенную армию. Благодаря умелой пропаганде то благоговение, с которым при царизме народ привык взирать на верховного правителя, было перенесено на новых вождей.

Ясно, что идеи самодержавия, на которых основывалась государственность крупнейшего и на протяжении XVIII в. единственного независимого славянского народа, помешали России исполнить миссию освободительницы других славянских народов, чего от нее ожидали. Трагическая судьба Польши поставила перед русской интеллигенцией славянский вопрос. В тайных обществах строились планы относительно той роли, которую будет играть среди славянских народов обновленная Россия. В Северном, Петербургском, тайном обществе замыслили преобразовать Россию в федерацию славян. Пол-

ковник П. И. Пестель, вождь Южного тайного общества, выступал за независимость Польши в союзе с Россией, в которой единственным официальным языком будет русский. Остальные мечтали об унии всех славян с Россией.

Министр иностранных дел Александра I поляк Адам Чарторыйский в 1804 г. предложил унию большей части славянских народов с Россией. Это предложение имело в виду противодействие планам Наполеона, в армии которого были тысячи польских эмигрантов, рассчитывавших с его помощью отвоевать независимость своей родины. Эти надежды чуть было не осуществились, когда Наполеон, одержав победы над тремя державами, ответственными за раздел Польши, образовал герцогство Варшавское в составе польских земель, занятых Пруссией, за исключением вольного города Данцига. Герцогству с правителем из Саксонского дома была дана конституция, а в 1809 г. после Венского мира к нему был присоединен Краков. Надежда перетянуть на свою сторону Александра I помешала Наполеону пойти еще дальше, но его вторжение в Россию в 1812 г. оживило надежды патриотов, что после поражения России Польша будет восстановлена. Героизм поляков во время наполеоновской кампании не мог предотвратить катастрофу.

Благодаря всему этому Венский конгресс (1814—1815) вынужден был серьезно заняться польской проблемой. Александр желал объединения всех польских земель с Россией, обещая полякам значительную автономию. Это была старинная мечта Рюриковичей, за осуществление которой на этот раз выступали многие поляки во главе с А. Чарторыйским. Пруссия хотела в порядке обмена отдать за Саксонию Познанскую землю. Однако Англия, Франция и Австрия, опасавшиеся слишком большого расширения России, выступили против этого плана, и Александру пришлось удовольствоваться присоединением к своей империи герцогства Варшавского, оставив Познань и Галицию Пруссии и Австрии.

Такое решение не было столь трагично, как представлялось многим польским патриотам. Александр стал королем нового Королевства Польского, которому им была дана либеральная конституция. Николай I даже короновался польской короной (1829) и уважал польскую конституцию. Но все это не удовлетворяло радикальных патриотов, мечтавших о восстановлении старой Польши со всеми землями, которые принадлежали ей в 1772 г. Начало революций во Франции и Бельгии в 1830 г. послужило сигналом к восстанию в Варшаве, но оно продолжалось недолго. В 1831 г. польская армия

потерпела поражение, конституция 1818 г.* была отменена, и Королевство Польское разделено на губернии, управлявшиеся так же, как и другие российские губернии.

В 1830 и 1848 гг. революционная атмосфера Франции захлестнула всю Европу. Идеи свободы, равенства и демократии, возрожденные французскими революционерами, получили сильное эхо среди негерманских народов Габсбургской империи. Первые признаки чешского национального возрождения проявились в конце правления Иосифа II. Принципы Просвещения, которые он исповедовал и которыми прикрывал свой абсолютизм, распространились среди чешского дворянства и средних слоев, влияние на которые оказала также философия И. Г. Гердера. Появились первые выступления в защиту чешского языка, в 1784 г. было основано Королевское чешское общество наук, брат и преемник Иосифа II Леопольд II (1790—1792) в онемеченном Пражском университете образовал кафедру чешского языка. Коронация Леопольда короной св. Вацлава оживила историческую память. Эти скромные начинания выжили и во время реакционного правления Франца II (1792—1835), с 1806 г. (поскольку Наполеон нанес смертельный удар Священной Римской империи германской нации) императора Австрии (Франц I), и при меттерниховском режиме, сохранявшемся и в правление Фердинанда I (1835—1848). Национальное возрождение было ускорено трудами пяти великих чешских и словацких ученых — Йозефа Добровского, основателя славистики, Йозефа Юнгмана, автора первой истории чешской литературы, Яна Коллара, поэта славянского величия, Павла Йозефа Шафарика, словака, как и Коллар, основателя славянской археологии, и Франтишека Палацкого, политического деятеля и первого великого чешского историка.

Благодаря их влиянию происходит рост национального самосознания чехов и словаков, нашедший выражение во время великого выступления 1848 г., результатом которого стали смещение Меттерниха и обещание конституции. На первом Славянском съезде в Праге, собравшемся под председательством Палацкого, была провозглашена солидарность всех славянских народов. На нем же русский революционер-эмигрант Бакунин высказывал панславистские идеи,

* Конституция 1815 г.; в 1818 г. собрался первый польский сейм.—Прим. *перев.*

призывая к всеобщей революции, которая разрушит Австрию, Пруссию и Россию и приведет к переустройству Европы и созданию федерации свободных и независимых славянских народов. Палацкий, со своей стороны, склонялся к федерализации Австрии, отказался от приглашения на общегерманское Национальное собрание во Франкфурте и оставался холоден к возможности руководства славянством со стороны царя. Однако все эти планы развеялись в дым. Чешское революционное движение было подавлено. Новая конституция, одобренная австрийским рейхстагом в Кромержиже, куда он переместился из революционной Вены, вводившая децентрализованную федеративную форму правления, была отменена, восстание в Венгрии подавлено русскими войсками, посланными Николаем I на помощь новому императору Францу Иосифу I (1848—1916). Царская интервенция помогла австрийскому правительству отвергнуть идею федерации, которая гарантировала бы славянским народам Австрии политическую и национальную свободу; правительство следовало централизаторским и германизаторским курсом. Австро-венгерское соглашение 1867 г., оставившее народы венгерской части империи под венгерским господством, а славян австрийской части — под германским, на многие десятилетия отсрочило осуществление надежд славян на самоуправление, что в итоге похоронило Австро-Венгерскую монархию.

Самодержавная политика царизма препятствовала развитию украинского и белорусского народов и их языков, допуская использование только русского языка в сфере администрации и образования. Возрождение украинского и белорусского языков и литератур происходит лишь в первой половине XIX в.

Хотя царское самодержавие по-прежнему возводило себя к теократической идее и претендовало на роль защитника православия, секуляризация русской политической мысли препятствовала применению этих принципов в практической политике. Когда православные греки начали борьбу за свое национальное освобождение, Александр I отказался прийти им на помощь под тем предлогом, что он связан принципами Священного союза, направленного против всякого революционного движения, угрожающего легитимным правительствам. Вместе с Англией и Францией он ограничился дипломатическим вмешательством, пытаясь примирить греков с султаном. Только в 1827 г., когда все дипломатические усилия провалились и европейское общественное мнение было возбуждено жестоким подавлением восстания турками, Россия, Англия и Франция вмешались и

одержали победу; Александр вынудил султана признать независимость греческого королевства (1830)*.

Победа над Турцией позволила России расширить свое влияние на православных румын и балканских славян. Румынские княжества Молдова и Валахия и Сербское княжество получили автономию и были поставлены под защиту России. Протекторат России над христианами Турции давал царизму возможности для вмешательства, аналогичные тем, которых добилась Екатерина II в Польше, но ревность других членов Священного союза привела к Крымской войне. Поражение, которое потерпела в ней Россия из-за враждебности и неблагодарности Австрии, лишило ее монополии на защиту турецких христиан и других ранее завоеванных преимуществ. Только на Кавказе защита православия принесла долговременные плоды благодаря присоединению Грузии после победоносной войны с Персией (1813). Это открыло России дорогу для оккупации Кавказа и впечатляющего продвижения к границам Индии, Китая и Японии во второй половине XIX в.

Панславистская идея не умерла: в России ее поддерживало движение славянофилов, а среди славянских народов — надежда на помощь России в борьбе за освобождение. Россия никогда не забывала предательства Австрии во время Крымской войны. Восстание в Боснии и Герцеговине (1875) вновь поставило перед Европой вопрос об освобождении православных славян. Рост панславистского движения в России нашел выражение в основании Славянского комитета (1857) и работе Славянского съезда в Москве (1867). Притязания на право вмешательства в защиту православных славян побудили огромное количество русских добровольцев присоединиться к болгарской и сербской армиям, хотя правительство и не решалось перейти к активным действиям. Только в 1877 г. под давлением общественного мнения Александр II приказал войскам выступить против Турции. Чтобы удержать Австрию от такого же вмешательства, как в 1856 г., Александр был вынужден пойти на уступки, значительно ограничившие русское влияние на Балканах и гарантировавшие право Австрии воспользоваться результатами победы — оккупировать Боснию и Герцеговину. С этого времени соперничество России и Австрии на Балканах продолжало развиваться и отравляло политическую атмосферу Европы. Оно не позволило России оказать решающее влияние на балканские народы во время освободительной Балканской войны 1912 г. и явилось одной из основных причин, приведших к Первой мировой войне.

* Имеется в виду Николай I, Александр умер в 1825 г.—*Прим. перев.*

Царской России не удалось извлечь все выгоды из панславистской идеи. По иронии истории режим, пришедший ей на смену, унаследовал от царского самодержавия и эту идею и сумел не только осуществить мечты Рюриковичей, объединив в 1939 и 1945 гг. все «русские» *отчины* вокруг Москвы, но и, используя панславистские чувства, распространить свое влияние на все славянские земли во имя нового «православия».

Примечания

¹ В современной русской историографии все еще нет удовлетворяющей всем требованиям биографии Петра. До сих пор лучшей работой о Петре и его правлении остается труд В. О. Ключевского: *Курс русской истории* (см. Библ.), т. 4, с. 1—264 (имеется отдельная публикация: *Петр Великий* — см. Библ., в т. ч. в переводе на франц. яз.—trad. par H. de Witte, Paris, 1953). *Петр Великий* С. Ф. Платонова (Париж, 1927) менее удовлетворителен. М. М. Богословский собрал материалы о царствовании Петра до 1700 г.: *Петр I. Материалы для биографии*, т. 1—5, М., 1940—1948. Об экономическом развитии в царствование Петра см. работу Е. И. Заозерской *Мануфактура при Петре I*, М.; Л., 1947. О русско-английских отношениях см. недавнее исследование Л. А. Никифорова *Русско-английские отношения при Петре I*, М., 1950. Полная русская библиография работ о Петре содержится в статье Б. Б. Кафенгауза в Историческом журнале, № 9, 1944, и в книге М. Н. Тихомирова *Источниковедение истории СССР*, т. I, М., 1940, гл. 16—20. См. также сборник статей под ред. А. И. Андреева *Петр Великий*, М., 1947; обсуждение проблемы идеологии Петра и его принципов управления: Б. И. Сыромятников, «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология, т. 1, М.; Л., 1943.

² Лучшая работа о турецко-русских отношениях при Петре принадлежит Б. Самнеру (см. Библ.), там же содержится полная библиография источников и литературы.

³ Новый титул «император всероссийский» раньше всего был признан Голландией. Швеция признала его в 1723 г., Турция—в 1733 г., Англия и Австрия—в 1742 г., Франция и Испания—в 1745 г., Польша—только в 1764 г.

⁴ См. новейшую русскую работу о политических и исторических взглядах Крижанича Б. Д. Дацюка: *Ю. Крижанич*, М., 1946.

⁵ О рукописной традиции переводной литературы см. исследование А. С. Лаппо-Данилевского *L'idée de l'état et son évolution en Russie depuis les troubles du XVIIe siècle jusqu'aux réformes du XVIIIe*, в кн.: *Essays in Legal History* под ред. П. Виноградова (Oxf., 1913, p. 356—383).

⁶ Записка, адресованная ему знаменитым немецким философом Г. В. Лейбницем (1646—1716), также оказала влияние на политическую мысль Петра и его реформы. В первой части Воинского Устава 1716 г. подчеркивается принцип полезности в реформах государственного управления, в Регламенте Главного Магистрата 1721 г. Петр разъясняет свои представления о «полицейском государстве», придавая слову «полиция» максимально широкий смысл. Его представления близки концепции «полицейского государства» — «Polizeistaat», развивавшейся в Пруссии Фридрихом Вильгельмом I.

⁷ В то же время многие современники поддерживали Петра и составляли проекты реформ, особенно Ф. Салтыков, А. Курбатов, А. Нестеров и др. О проектах реформ современников Петра см. Н. П. Павлов-Сильванский, *Проекты реформ в записках современников Петра Великого*, СПб., 1897.

⁸ Рекомендую ввести синодальную систему, Ф. Прокопович подчеркивал, явно имея в виду пример патриарха Никона, что таким образом будет устранена угроза открытой оппозиции государству.

⁹ *Правда воли монаршей* Феофана Прокоповича была опубликована в Москве в 1722 г., через два года появилось издание на немецком языке в Берлине. Лучший анализ этого труда, с указанием использованных Феофаном западноевропейских источников, принадлежит Г. Гурвичу: «*Правда воли монаршей*» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники, Юрьев, 1915.

¹⁰ См. лучшее исследование на русском языке о создании Синода: П. В. Верховской, *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент*, Варшава, 1916. Во введении автор разбирает труды русских историков о петровских реформах с 1724 до 1916 гг. Во втором томе опубликованы некоторые сочинения Феофана Прокоповича и другие документы. Лучшая западноевропейская работа — Р. Штуппериха (R. Stupperich, см. Библ.); ср. также труды Р. Витрама (R. Wittram, см. Библ.).

¹¹ Р. Штупперих в своем труде *Feofan Prokopovičs...* (см. Библ., там же русская библиография о богословских воззрениях Феофана) ясно показал (S. 350—362), что, несмотря на обвинения некоторых русских богословов, Феофан никогда не покидал лона церкви, жил с ней в согласии и защищал ее учение.

¹² Письмо от 27 декабря 1773 г., № 136 в публикации В. Ф. Реддавея *Documents of Catherine the Great* (см. Библ.), с. 188: «Comme chef de l'Eglise grecque...» («Как глава Греческой Церкви...»).

¹³ И. Смолич (I. Smolitsch, *Stellung d. russ. Kais.*, S. 149 — См. Библ.) видит в словах Павла I только декларацию того, что царь должен быть членом православной церкви. Император Павел был очень набожным человеком. Исследование И. Смолича показало, что до 1917 г. позиция Павла в отношении церкви не подвергалась оценке.

¹⁴ Более всего в неудаче реформы повинен обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев.

Список правителей

Князья суздальские, великие князья владимирские

ок. 1120—1157 Юрий I Владимирович Долгорукий

1157—1174 Андрей I Юрьевич Боголюбский

1176—1212 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (князь киевский Всеволод III в 1172*)

** Примечание переводчика: в 1173 г. Здесь и далее о великих князьях владимирских и московских см. Отечественная история. Энциклопедия, т. I, М., 1994, с. 411—412.*

1217—1238* Юрий II Всеволодович

** Примечание переводчика: в 1212—16 и в 1218—38.*

1238—1246 Ярослав I Всеволодович

1246—1248* Святослав Всеволодович

** Примечание переводчика: 1247—1248.*

1248* Михаил Ярославич

** Примечание переводчика: 1248—1249.*

1249—1252 Андрей II Ярославич

1252—1263 Александр Ярославич Невский

1263—1272* Ярослав II Ярославич Тверской

** Примечание переводчика: 1264—1271.*

1272—1276* Василий Ярославич Костромской

** Примечание переводчика: 1272—1277.*

1276—1281* Дмитрий Александрович Переяславский

** Примечание переводчика: 1277—1281.*

1281—1283 Андрей III Александрович Городецкий

1283—1293 Дмитрий Александрович Переяславский (вторично)

1293—1304 (с перерывами) Андрей III Александрович Городецкий (вторично)

1304—1318* Михаил II Ярославич Тверской

** Примечание переводчика: 1305—1317.*

1319—1325* Юрий III Данилович Московский

** Примечание переводчика: 1317—1322; в 1322—1325 — Дмитрий Михайлович Тверской.*

1326—1327* Александр Михайлович Тверской

** Примечание переводчика: 1325—1327.*

1328—1341* Иван I Данилович Московский (Калита)

** Примечание переводчика: 1328—1340.*

Великие князья московские и владимирские

? — 1248 Михаил

1263—1303 Даниил Александрович

1303—1325 Юрий Данилович

1325—1341* Иван I Данилович Калита

** Примечание переводчика: умер в 1340.*

1341—1353* Семен (Симеон) Иванович

** Примечание переводчика: Симеон Гордый, 1340—1353.*

1353—1359* Иван II Иванович (Кроткий, или Красный)

** Примечание переводчика: Иван II, 1354—1359.*

1359—1389* Дмитрий Иванович Донской

** Примечание переводчика: великий князь владимирский с 1362.*

1389—1425 Василий I Дмитриевич

1425—1462 Василий II Васильевич

1462—1505 Иван III Васильевич

1505—1533 Василий III Иванович

1533—1584 Иван IV Васильевич (Грозный; царь с 1547)

Цари московские

1533 (1547)—1584 Иван IV Васильевич

1584—1598 Федор Иванович

1598—1605 Борис Годунов

1605 Федор II Борисович

1605—1606 Дмитрий*

** Примечание переводчика: Лжедмитрий I.*

1606—1610 Василий IV Иванович Шуйский

1606—1613 Владислав Польский (был избран, но не вступил на трон)

1613—1645 Михаил Федорович Романов

1645—1676 Алексей Михайлович

1676—1682 Федор III Алексеевич

1682 Петр I Алексеевич (номинально)

1682—1696 соправители Петр I и Иван V; в 1682—1689 правительница Софья Алексеевна

1696—1725 Петр I (единолично)

Императоры всероссийские

1682—1725 Петр I Великий (император с 1721)

1725—1727 Екатерина I

1727—1730 Петр II

1730—1740 Анна Ивановна

1740—1741 Иван VI

1741—1762 Елизавета
1762 Петр III
1762—1796 Екатерина II
1796—1801 Павел I
1801—1825 Александр I
1825—1855 Николай I
1855—1881 Александр II
1881—1894 Александр III
1894—1917 Николай II

Правители Польши

ок. 960—992 Мешко I
992—1025 Болеслав I Храбрый
1025—1034 Мешко II
1034—1040 династические междоусобицы
1038—1058 Казимир I Восстановитель
1058—1079 Болеслав II Смелый
1079—1102 Владислав I
1102—1138 Болеслав III Кривоустый
1138—1146 Владислав II
1146—1173 Болеслав IV
1173—1177 Мешко III
1177—1194 Казимир II Справедливый
1194—1227 Лешек I Белый (соперник—Владислав Тонконогий)
1227—1279 Болеслав V
1279—1288 Лешек II Черный
1290—1296 Пшемислав (II)
1300—1305 Вацлав I
1305—1333 Владислав IV (I) Локетек
1333—1370 Казимир III Великий
1370—1382 Людовик Венгерский (Великий, Анжуйский)
1382—1384 междоусобица
1384—1399 Ядвига
1386—1434 Владислав V (II) (Ягайло)
1434—1444 Владислав VI (III)
1444—1447 бескорольевье
1447—1492 Казимир IV
1492—1501 Ян Ольбрахт
1501—1506 Александр I
1506—1548 Сигизмунд I

далее см.: короли польские, великие князья литовские

Великие князья литовские

ок. 1240*—1263 Миндовг

** Примечание переводчика: приблизительно с конца 1230-х гг.*

1270—1282 Тройната

1293—1316 Витень*

** Примечание переводчика: умер в 1315.*

1316—1341 Гедимин

1345—1377 Ольгерд (соправитель— Кейстут)

1377—1381 Ягайло

1381—1382 Кейстут

1382—1392 Ягайло (вторично)

?—1430 Витовт*

** Примечание переводчика: с 1392.*

1430—1435 Свидригайло

1435—1440 Сигизмунд

1440—1492 Казимир IV

1492—1506 Александр I

1506—1548 Сигизмунд I

1548—1572 Сигизмунд II Август

Короли польские, великие князья литовские

(согласно Люблинской унии 1569 г. Польши и Литвы)

1548—1572 Сигизмунд II Август

1573—1574 Генрих (Генрик) Валуа Французский*

** Примечание переводчика: до 1575.*

1576—1586 Стефан Баторий

1587—1632 Сигизмунд III Ваза

1632—1648 Владислав VII (IV)

1648—1668 Ян II Казимир

1669—1673 Михал Вишневецкий

1674—1696 Ян III Собеский

1697—1733 Август II*

** Примечание переводчика: с перерывом в 1706—1709.*

1733—1736 война за польское наследство

1736—1763 Август III**

** Примечание переводчика: война за польское наследство: 1733—35,
до заключения прелиминарного мира; Август III в 1733—1763.*

1764—1795 Станислав Август Понятовский

Чехия

905—921 Вратислав I

921—929 Вацлав Святой

929—967 Болеслав I
967—999 Болеслав II
999—1002 Болеслав III
1002—1003 Владивой (польский князь)
1003—1004 Болеслав Храбрый
1004—1034 Яромир, Одржих
1034—1055 Бржетислав I
1055—1061 Спитигнев II
1061—1092 Вратислав II (король 1085—1092)
1092—1110 Бржетислав II
1110—1120 Борживой II
1120—1125 Владислав I
1125—1140 Собеслав I
1140—1174 Владислав II (король в 1158—1174)
1174—1180 Собеслав II
1180—1189 Фридрих
1189—1191 Конрад Отгон (Ота)
1191—1192 Вацлав
1192—1197 Йиндржих (Генрих) Бржетислав*

** Примечание переводчика: в 1192—93 князем являлся Пржемысл I.*

Короли чешские

1197—1230 Пржемысл I Отакар*
** Примечание переводчика: в 1197 — князь, с 1198 — король Чехии.*
1230—1253 Вацлав I
1253—1278 Пржемысл II Отакар
1278—1283 регентство Оттона Бранденбургского
1283—1305 Вацлав II
1305—1306 Вацлав III (последний Пржемыслович)
1306—1307 Рудольф Габсбург
1307—1310 Йиндржих (Генрих) Хорутанский
1310—1346 Ян Люксембургский
1346—1378 Карл I (император Священной Римской империи Карл IV)
1378—1419 Вацлав IV
1419—1437 Сигизмунд Люксембургский
1437—1439 Альбрехт Габсбург (Австрийский)*
** Примечание переводчика: 1438—1439.*
1440—1457 Ладислав Погробек
1458—1471 Йиржи Подебрад
1471—1516 Владислав II (Ягеллон)
1516—1526 Людвик II (Ягеллон)

Правители Чехии и Венгрии, 1526—1835

1526—1564 Фердинанд I
1564—1576 Максимилиан I (император Максимилиан II)
1576—1612 Рудольф II
1612—1619 Матвей (Маттиас)
1619—1620 Фридрих Пфальцкий
1619—1637 Фердинанд II
1637—1657 Фердинанд III
1658—1705 Леопольд I
1705—1711 Иосиф I
1711—1740 Карл II (император Карл VI)
1740—1780 Мария Терезия
1741—1743 Карл Альбрехт Баварский
1780—1790 Иосиф II
1790—1792 Леопольд II
1792—1835 Франц I

Словакия

С ок. 906 до 1918 под властью Венгрии. В 907—1526 в Венгрии правили следующие князья и короли:

907—947 Жольт
947—972 Такшонь
972—997 Геза
997—1038 Иштван I Святой (король с 1000)
1038—1046 Петр
1041—1044 Шамуэль (Аба Шамуэль)
1047—1061 Эндре (Андрей) I
1061—1063 Бела I
1063—1074 Шаламон
1074—1077 Геза I
1077—1095 Ласло I Святой
1095—1114 Кальман (Коломан)
1114—1131 Иштван II
1141—1162 Геза II
1162—1172 Иштван III (престол оспаривали Ласло II и Иштван IV)
1172—1196 Бела III
1196—1204 Имре
1205 Ласло III
1205—1235 Эндре (Андрей) II
1235—1270 Бела IV
1270—1272 Иштван V
1270—1290 Ласло IV

1290—1301 Эндре (Андрей) III
1301—1305 Вацлав II Чешский
1305—1308 Отгон Баварский
1308—1342 Карл Роберт Анжуйский
1342—1382 Лайош I (Людовик) Великий (Анжуйский)
1382—1385 Мария Анжуйская
1385—1386 Карл II Неаполитанский
1387—1437 Жигмонд (Сигизмунд) Люксембургский
1437—1439 Альбрехт Габсбург
1440—1444 Уласло I Ягеллон
1445—1457 Ласло V Постум
1458—1490 Матвей Корвин (Матьяш Хуньяди)
1490—1516 Уласло II
1516—1526 Лайош II Ягеллон

Болгария

Западно-Болгарское (Македонское) царство

976—1014 Самуил
1014—1015 Гавриил Радомир
1015—1018 Иван Владислав
1018—1187 под властью Византии

Второе Болгарское царство

1187—1196 Асень I
1196—1197 Петр
1197—1207 Калоян
1207—1218 Борил
1218—1241 Иван Асень II
1241—1246 Калиман Асень
1246—1256 Михаил Асень
1257—1277 Константин Асень Тих
1278—1279 Ивайло
1279—1280 Иван Асень III
1280—1292 Георгий I Тертерий
1292—1298 Смилец

Междоцарствие

1300 Чака
1300—1322 Федор Святослав
1322—1323 Георгий II Тертерий
1323—1330 Михаил Шишман
1330—1331 Иван Стефан
1331—1371 Иван Александр

1371—1393 Иван Шишман
(1365—1396 в Видинском царстве Иван Срацимир)

Сербия

ок. 1167—1196 Стефан Неманя
1196—ок. 1228 Стефан Первовенчаный (король с 1217)
ок. 1228—ок. 1233 Стефан Радослав
ок. 1233—1242 Стефан Владислав
1242—1276 Стефан Урош I
1276—1282 Стефан Драгутин
1282—1321 Стефан Урош II Милутин
1321—1331 Стефан Урош III Дечанский
1331—1355 Стефан Душан (царь с 1345)
1355—1371 царь Стефан Урош
(1366—1371 король Вукашин)
1371—1389 князь Лазарь
1389—1427 Стефан Лазаревич (деспот с 1402)
1427—1456 Георгий Бранкович
1456—1458 Лазарь Бранкович

Священная Римская империя

911—918 Конрад I (Франконский) (германский король*)
** Примечание переводчика: до 1508 германские короли принимали императорский титул только после коронации папой в Риме; короли, не коронованные папой, отмечены нами в скобках.*
918—936 Генрих I Птицелов (Саксонский) (германский король)
936—973 Оттон I Великий (император с 962)
973—983 Оттон II
983—1002 Оттон III
1002—1024 Генрих II Святой (Баварский)
1024—1039 Конрад II Салический (Франконский)
1039—1056 Генрих III
1056—1106 Генрих IV
Престол оспаривали: 1077—1080 — Рудольф Швабский; 1081—1093 — Герман Люксембургский; 1093—1101 — Конрад Франконский
1106—1125 Генрих V
1125—1137 Лотарь II Саксонский
1138—1152 Конрад III Швабский (германский король)
1152—1190 Фридрих I Барбаросса
1190—1197 Генрих VI
1198—1212 Оттон IV Брауншвейгский

Престол оспаривал Филипп II Швабский (1198—1208) (германский король).

1212—1250 Фридрих II

Престол оспаривали: 1246—1247 — Генрих Распе; 1247—1256 — Вильгельм Голландский (германский король); 1250—1254 — Конрад IV (германский король).

1254—1273 — «Великое междоусобице».

Престол оспаривали: 1257—1273 — Ричард Корнуэльский (германский король); 1257—1272 — Альфонс X Кастильский (германский король).

1273—1291 Рудольф I (Габсбург) (германский король)

1292—1298 Адольф I (Нассау) (германский король)

1298—1308 Альбрехт I (Габсбург) (германский король)

1308—1313 Генрих VII (Люксембургский)

1314—1347 Людовик (Людвиг) IV (Баварский)

Престол оспаривал Фридрих III Австрийский (Габсбург) (1325—1330, германский король—соправитель).

1347—1378 Карл IV (Люксембургский)

Престол оспаривал Гюнтер Шварцбург (1347—1349).

1378—1400 Вацлав (Люксембургский) (германский король)

1400—1410 Рупрехт (Пфальцский) (германский король)

1410—1437 Сигизмунд I (Люксембургский)

Престол оспаривал Иобст (Йошт) Моравский (1410—1411).

1438—1439 Альбрехт II (Габсбург) (германский король)

1440—1493 Фридрих III

1493—1519 Максимилиан I

1519—1556 Карл V

1558—1564 Фердинанд I*

** Примечание переводчика: 1556—1564.*

1564—1576 Максимилиан II

1576—1612 Рудольф II

1612—1619 Матвей (Маттиас)

1619—1637 Фердинанд II

1637—1657 Фердинанд III

1658—1705 Леопольд I

1705—1711 Иосиф I

1711—1740 Карл VI

1742—1745 Карл VII (Баварский)

1745—1765 Франц I (Лотарингский)

1765—1790 Иосиф II

1790—1792 Леопольд II

1792—1806 Франц II

Византийская империя

976—1025 Василий II
1025—1028 Константин VIII
1028—1034 Роман III Аргир
1034—1041 Михаил IV
1041—1042 Михаил V
1042 Зоя и Феодора
1042—1055 Константин IX Мономах
1055—1056 Феодора (вторично)
1056—1057 Михаил VI
1057—1059 Исаак I Комнин
1059—1067 Константин X Дука
1068—1071 Роман IV Диоген
1071—1078 Михаил VII Дука
1078—1081 Никифор III Вотаниат
1081—1118 Алексей I Комнин
1118—1143 Иоанн II Комнин
1143—1180 Мануил I Комнин
1180—1183 Алексей II Комнин
1183—1185 Андроник I Комнин
1185—1195 Исаак II Ангел
1195—1203 Алексей III Ангел
1203—1204 Исаак II (вторично) и Алексей IV Ангелы
1204 Алексей V Мурдуфл
1204—1222 Феодор I Ласкарис
1222—1254 Иоанн III Дука Ватац
1254—1258 Феодор II Ласкарис
1258—1261 Иоанн IV Ласкарис
1259—1282 Михаил VIII Палеолог
1282—1328 Андроник II Палеолог
1328—1341 Андроник III Палеолог
1341—1391 Иоанн V Палеолог
1347—1354 Иоанн VI Кантакузин
1376—1379 Андроник IV Палеолог
1390 Иоанн VII Палеолог
1391—1425 Мануил II Палеолог
1425—1448 Иоанн VIII Палеолог
1449—1453 Константин XI Палеолог

Османские правители

1281—1324 Осман I
1324—1360 Орхан

- 1360—1389 Мурад I
1389—1402 Баязид I
1402—1413 междуцарствие
1413—1421 Мехмед (Мухаммед) I
1421—1451 Мурад II
1451—1481 Мехмед (Мухаммед) II Фатих*
* *Примечание переводчика: был у власти также в 1444 г.*
1481—1512 Баязид II
1512—1520 Селим I
1520—1566 Сулейман I (Великолепный, Кануни)
1566—1574 Селим II
1574—1595 Мурад III
1595—1603 Мехмед (Мухаммед) III
1603—1617 Ахмад (Ахмет) I
1617—1618 Мустафа I
1618—1622 Осман II
1622—1623 Мустафа I (вторично)
1623—1640 Мурад IV
1640—1648 Ибрахим
1648—1687 Мехмед (Мухаммед) IV
1687—1691 Сулейман II
1691—1695 Ахмад (Ахмет) II
1695—1703 Мустафа II
1703—1730 Ахмад (Ахмет) III
1730—1754 Махмуд I
1754—1757 Осман III
1757—1774 Мустафа III
1774—1789 Абдул-Хамид I
1789—1807 Селим III
1807—1808 Мустафа IV
1808—1839 Махмуд II
1839—1861 Абд ал-Маджид I
1861—1876 Абд ал-Азиз
1876—1909 Абдул-Хамид II
1909—1918 Мехмед (Мухаммед) V
1918—1922 Мехмед (Мухаммед) VI
1922—1924 Абд ал-Маджид II

Библиография

Сокращения

- AÖG — Archiv für österreichische Geschichte (в 1848—1865 под названием Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen), Bd 1—, Wien, 1865—.
- ASPh — Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1875—1929.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift, Leipzig, 1892—1943, München, 1949—.
- CMH — Cambridge Medieval History, Cambridge, vol. 1—8, 1911—1936.
- CSHB — Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Bd 1—50, Bonn, 1828—1897.
- FOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Berlin, 1954—.
- FRA — Fontes rerum Austriacarum, Abt. 1, Scriptores, Bd 1—9, Wien, 1855—1904; Abt. 2, Diplomataria et acta, Bd 1—, Wien, 1849—.
- FRB — Fontes rerum Bohemicarum, Bd 1—6, Praha, 1871—1907.
- HG — Historische Zeitschrift, München, 1859—1943, 1949—.
- JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Breslau, 1936—1941, München, 1953—.
- JKGS — Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, Breslau, 1924—1932.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- MGH — Monumenta Germaniae Historica, Diplomata, Epistolae, Scriptores.
- MHB — Monumenta historiae Bohemica, Bd 1—5, Praha, 1865—1870.
- MPH — Monumenta Poloniae historica, t. 1—, Lwów, 1864—1893, 1946—.
- OCA — Orientalia Christiana analecta, Roma, 1935—.
- OCP — Orientalia Christiana periodica, Roma, 1935—.
- OSP — Oxford Slavonic Papers, Oxford, 1950—.
- PL — Patrologia Latina, v. 1—221, Paris, 1844—1880.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. 1—, СПб.—Лг.—М., 1841—.
- RES — Revue des études Slaves, Paris, 1921—.
- РИБ — Русская историческая библиотека, т. 1—39, СПб.—Лг., 1872—1927.
- РИО — Русское историческое общество.
- RPTbK — Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, Bd 1—24, Leipzig, 1896—1913.
- SbAW — Sitzungberichte der Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Wien, 1848—.
- SEER — Slavonic and East European Review, London, 1921—.
- SF — Südost deutsche Forschungen, Leipzig, 1936 ff.
- SR — Slavische Rundschau, Praha, 1929—1940.
- SRB — Scriptores rerum Bohemicarum, Praha, Bd 1—3, 1783—1829.

SRP — *Scriptores rerum Polonicarum*, t. 1—22, Kraków, 1872—1917.

SRS — *Scriptores rerum Silesicarum*, Bd 1—17, Breslau, 1835—1902.

WMBH — *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Hercegovina*, Wien, 1893—1916.

ZOG — *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*, Königsberg.

ZSPH — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Leipzig, 1924—1944, Heidelberg, 1947—.

ZSSR — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanische Abteilung*, Weimar, 1880—1944, 1947—.

ЧОИДР — *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*.

1. Общие работы

До сих пор предпринималось очень немного попыток представить всеобъемлющий комплексный очерк истории и цивилизации всех славянских народов. Наиболее исчерпывающим вкладом в этой области является чешская работа Я. Бидло (J. Bidlo), *Dějiny slovanstva* (Praha, 1927). Этот же автор предпринял попытку разрешить проблему периодизации истории Восточной Европы, столь важную для понимания истории славян: *Ce qu'est l'histoire de l'orient européen, quelle en est l'importance et quelles furent ses étapes* // *Bulletin d'information de l'Europe orientale*, 6 (1934). При обсуждении проблемы к нему присоединился О. Халецкий: O. Halecki, *The Limits and Divisions of European History* (New York, 1950). Работа того же автора *Borderlands of Western Civilization* (New York, 1952) представляет собой прекрасное введение в историю западных и восточных славян. Очень кратким обзором является книга Ф. Новака *Medieval Slavdom and the Rise of Russia* (New York, 1930).

Наиболее основательные, с хорошей библиографией, труды по истории славянской литературы написаны по-чешски: J. Máchal, *Slovanské literatury* (t. 1—2, Praha, 1922, 1925), F. Wollman, *Slovesnost Slovanů* (Praha, 1928); они вполне заменили собой историю славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Спасовича (*Histoire des littératures slaves*, trad. par E. Denis, Paris, 1881; есть немецкий перевод), остающуюся, однако, полезной для не знающих чешский язык. Хорошее введение в сравнительное изучение славянских литератур принадлежит Д. Чижевскому: D. Čiževsky, *Outline of Comparative Slavic Literature* (Boston, 1952) и Р. Якобсону: R. Jakobson, *Kernel of Comparative Slavic Literature* (Harvard Slavic Studies, 1, 1953, p. 1—71). Краткий очерк истории славянской литературы выполнен недавно Е. Дамиани: E. Damiani, *Storia letteraria dei popoli slavi* (Firenze, 1952).

Очерк славянской истории и цивилизации с древнейших времен до XIII в. написан Ф. Дворником: F. Dvornik, *The Slavs: Their Early History and Civilization* (Boston, 1956). Книга С. Кросса (S. H. Cross) *Slavic Civilization through the Ages* (Cambr., Mass., 1948) — полезное введение в славяноведение. Общая

библиография по славяноведению собрана в сохраняющей свою ценность работе Р. Кернера: R. J. Kerper, *Slavic Europe: A Selected Bibliography in the Western European Languages* (Cambr., Mass., 1918). Основная библиография с краткими аннотациями приведена Л. И. Страховским: L. I. Strakhovsky, *A Handbook of Slavic Studies* (Cambr., Mass., 1949).

По историографии Восточной Европы прекрасная работа принадлежит Я. Мацуреку: J. Macúrek, *Dějepisectví evropského výchdu* (Praha, 1946). Написанная по-чешски, она, однако, полезна всем благодаря подробнейшей библиографии (стр. 291—331). W. Philip, I. Smolitsch, F. Valjavec, *Verzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums 1939—1952 zur Geschichte Osteuropas und Südosteuropas* (FOG, 1, 1954, S. 251—316)—немецкая библиография по истории Восточной и Южной Европы с 1939 до 1952 гг.; см. также F. Valjavec, *Südosteuropa-Bibliographie* (München, 1945 ff.). В FOG также содержится обзор соответствующих советских публикаций И. Смолича: *Verzeichnis sovietrussischen Schrifttums 1939—1952 zur Geschichte Osteuropas und Südosteuropas* (3, 1956, S. 99—281). Г. Хануш составил список всех диссертаций по Восточной Европе, опубликованных в 1951—1958: G. Hanusch, *Osteuropa-Dissertationen*, JGO, NF, 3 (1955), 4 (1956), 6 (1958). Учебник русской истории (*Manuel d'histoire russe*) Р. Ковалевского (Париж, 1948) содержит краткие библиографические справки по разным периодам русской истории. Более полезна в этом отношении, особенно для американских студентов, работа Морли: C. Morley: *Guide to Research in Russian History* (Syracuse, 1951). Очень важны опубликованные в JGO статьи Г. Штекля по советской историографии: G. Stökl, *Russisches Mittelalter und Sovietrussische Mediäavistic*—3 (1955), S. 105—122, *Russische Geschichte von der Entstehung des Kiever Reiches bis zum Ende der Wirren 862—1613*—6 (1958), S. 201—254, 268—288. Завершает эти библиографические обзоры статья Г. Хольма в JGO, 5 (1957), S. 9—42: Н. Holm, *Achtzig Jahre russischer Geschichtsschreibung ausserhalb Russland*. Она более критична, чем труд И. И. Гапановича (перевод Б. П. Никитина): *Introduction à l'histoire de la Russie, Historiographie russe hors de la Russie* (Paris, 1946). Имеется и более современная работа А. Г. Мазура: A. G. Mazour, *Modern Russian Historiography* (2nd ed., Princeton, 1958).

Дж. Ф. Кларк (J. F. Clarke) в университете Питсбурга подготовил обширную библиографию источников по истории южных славян (включая переводы некоторых пассажей на английский язык). Подробная библиография югославской историографии содержится в книге *Dix année d'historiographie yougoslave 1945—1955, Comité national yougoslave des sciences historiques* (Belgrade, 1955). Хорошие библиографические указания имеются в издании *Historija naroda Jugoslavije*, red. B. Grafenauer, D. Petrović, J. Šidak (t. 1, Zagreb, 1953). Издающаяся в Белграде с 1950 г. *Bibliografija Jugoslavije* предоставляет информацию о последних югославских публикациях. Библиографию (включающую работы, опубликованные в Болгарии с 1939—1945 гг.) по ранней истории южных славян и византийской истории можно обнаружить у Д. Ангелова и Д. Димитрова: *Bulletin des publications sur les travaux bulgares...*—Byzan-

tinoslavica, 9 (1948), p. 355—378. Данные о более ранних работах болгарских авторов имеются в обзоре И. Дуйчева (I. Dujčev) *Die bulgarische Geschichtsforschung während des letzten Vierteljahrhunderts (1918—1942)*—*Südostforschungen*, 7 (1942), S. 546—569.

Указания на источники и основополагающие работы по польской истории и литературе содержатся в труде В. Рекке и А. М. Вагнера: W. Recke, A. M. Wagner, *Bücherkunde zur Geschichte und Literatur des Königreiches Polen* (Leipzig, 1918). *Bibliografia historii polskiej* Л. Финкеля (L. Finkel, t. 1—3, L.—Kr., 1891—1906; 2 wyd., t. 1—3, Warsz., 1956) продолжена в издании *Bibliografia historii Polski. 1815—1914* (Warsz., 1954—). В том, что касается чешской истории, все еще сохраняет значение труд Ч. Зибрты: *Č. Zibrť, Bibliografie české historie*, t. 1—5 (Praha, 1900—1912); его дополняют издания: J. Klik, *Bibliografie vřdecké práce o české minulosti za posledních čtyřicet let. 1895—1934* (Praha, 1935); S. Jonášová-Hájková, *Bibliografie české historie za léta 1925—1941* (v. I—VI, Praha, 1929—1951). Ср. также J. Macek, V. Husa, B. Varsik, *25 ans d'historiographie* (Praha, 1960).

Slovenska bibliografia (t. 1—6, Ljubljana, 1954) включает библиографию на словенском языке за 1945—1952 гг.

Revue des études slaves (с 1921) содержит материалы для современной библиографии всех славянских народов.

2. Общие работы по истории славянских народов на неславянских языках

Antonoff, V. *Bulgarien vom Beginn seines Staatlichen Bestehens bis auf unsere Zeit, 679—1917*. (Berlin, 1917).

Braun, M. *Die Slawen auf dem Balkan*. (Leipzig, 1941).

Cambridge History of Poland. Vol. 1—2. (Cambridge, 1941, 1950).

Caro, J. *Geschichte Polens*. Bd 2—5. (Gotha, 1863—1888).—Продолжение книги Р. Репелла (R. Roepell).

Doroshenko, D. *History of the Ukraine*. (Edmonton, 1939).

Dybosky, R. *Poland in World Civilization*. (New York, 1950).

Florinsky, M. T. *Russia: A History and Interpretation*. Vol. 1—2. (New York, 1953).

Forbes, N. et al. *The Balkans: A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania and Turkey*. (Oxford, 1915).

Gáldi, L., Makkai, L., *Geschichte der Rumänen*. (Budapest, 1942).

Gittermann, V. *Geschichte Russlands*. Bd 1—2. (Hamburg, 1949).

Halecki, O. *A History of Poland*. (New York, 1943).

Hanisch, E. *Geschichte Polens*. (Bonn—Leipzig, 1923).

Haumant, E. *La formation de la Yougoslavie*. (Paris, 1930).

Hrushevsky, M. *A History of the Ukraine*. (New York, 1941).

Iorga, N. *Histoire des états balkaniques jusqu'à 1924*. (Paris, 1925).

- Карамзин, Н. М. *История государства Российского*. Изд. 5, кн. 1—3, СПб., 1842—1844.—Bächtold, R. *Karamzins Weg zur Geschichte* // *Basler Beiträge für Geschichtswissenschaft*, Bd 23 (1946).
- Kircher, W. *An Outline History of Russia*. 2nd ed. (New York, 1950). Нем. изд.—Штутгарт, 1950.
- Ključevskij, V. O. *A History of Russia*. Transl. by C. G. Hogart, vol. 1—5. (London—New York, 1911—1931). Нем. перевод—Übers. v. Reinhold v. Walter, *Geschichte Russlands*. Bd 1—4 (Stuttgart, Berlin, 1924—25). [Примечание переводчика: современное русское издание—Ключевский В. О., *Курс русской истории*: Сочинения, т. 1—5. (М., 1987—89)].
- Krofta, K. *A Short History of Czechoslovakia*. (New York, 1934).
- Krupnyckij, B. *Geschichte der Ukraine*. (Leipzig, 1939).
- Lednicki, W. *Life and Culture of Poland*. (New York, 1944).
- Leger, L. *Serbes, Croates et Bulgares*. (Paris, 1913).
- Lelevel, J. *Histoire de Pologne*. V. 1—2. (Paris, 1844).
- Lončar, D. *The Slovenes*. (Cleveland, 1939).
- Luetzow, C. F. *Bohemia, a Historical Sketch*. (London, 1910; revised ed., 1939, by H. A. Piehler).
- Maurice, C. E. *Bohemia from the Earliest Times to the Fall of National Independence in 1620*. (Story of Nations.) (London, 1896).
- Mazour, A. C. *Russia, Past and Present*. (New York, 1951).
- Mirsky, D. *A History of Russian Literature*. (New York, 1949)—Полезна в разделе нового времени.
- Mishev, D. *The Bulgarians in the Past*. (Lausanne, 1919).
- Pares, B. *A History of Russia*. 2nd ed. (New York, 1937).
- Platonov, S. F. *Histoire de la Russie*. (Paris, 1929).
- Platonov, S. F. *History of Russia*. Transl. by E. Aronsberg. (New York, 1925). (Примечание переводчика: современное русское издание—Платонов, С. Ф. *Лекции по русской истории*, М., 1993).
- Polish Encyclopedia*. (Genève, 1926). Vol. 1—S. Dobrzycki, History of Literature, p. 27—231; L. Konopczyński, History of Poland to 1815, p. 481—512.
- Prokeš, J. *Histoire tchécoslovaque*. (Paris, 1927).
- Ristelhuber, R. *Histoire des peuples balkanique*. (Paris, 1950).
- Rose, W. J. *Poland—Old and New*. (London, 1948).
- Schevill, F., Gewehr W. M. *A History of the Balkan Peninsula*. (New York, 1933).
- Seton-Watson, R. W. *A History of the Czechs and Slovaks*. (London, 1943).
- Zlatarski, V. N., Staneff N. *Geschichte der Bulgaren*. Bd 1—2. (Leipzig, 1917—1918).
- Соловьев, С. М. *История России с древнейших времен*. Изд. 3, кн. 1—13. (М., 1857—1863) (Примечание переводчика: Современное русское издание—Соловьев, С. М. *Сочинения*, кн. 1—15, М., 1988—1995.)—Klaus-Detlev v. Grothusen. *S. M. Solov'evs Stellung in der russischen Historiographie* // *FOG*, 4 (1956), S. 1—102.

- Songeon, G. *Histoire de la Bulgarie des origines à nos jours, 485—1913*. (Paris, 1913).
- Stadtmüller, G. *Geschichte Südosteuropas*. (München, 1950).
- Stählin, K. *Geschichte Russlands*. Bd 1—4. (Leipzig, Berlin, 1923).
- Sumner, B. H. *Survey of Russian History*. (London, 1944).
- Temperley, H. *History of Serbia*. (London, 1917).
- Thomson, S. H. *Czechoslovakia in European History*. (Princeton, 1953).
- Tompkins, S. H. *Russia through the Ages: From the Scythians to the Soviets*. (New York, 1940).
- Vernadsky, G. *A History of Russia*. 2nd ed. (New York, 1930) (Примечание переводчика: перевод на рус. язык — История России, М.—Тверь, 1996—).
- Vernadsky, G. *Political and Diplomatic History of Russia*. (London, 1937).
- Wojciechowski, Z. (ed.) *Poland's Place in Europe*. (Poznań, 1947).

Глава I

Литература

- Artzt, F. B. *The Mind of the Middle Ages, 200—1500: A Historical Survey*. (New York, 1953).
- Barracrough, G. *Mediaeval Germany, 911—1250*. Vol. 1—2 (Studies in Medieval History, vols. 1, 2) (Oxford, 1938).
- Bayley, C. C. *Formation of the German College of Electors in the Mid-Thirteenth Century*. (Toronto, 1949).
- Bernheim, E. *Mittelalterliche Zeitanschauungen in ihrem Einfluss auf Politik und Geschichtsschreibung*. (Tübingen, 1918).
- Bidlo, J. *The Slavs in Medieval History* // SEER, 9 (1930—1931), p. 34—55.
- Bloch, M. *La Société féodale*. V. 1—2. (Paris, 1939—1940).
- Boase, T. S. R. *Boniface VIII*. (London, 1933).
- Bond, F. *Gothic Architecture in England*. (London, 1905).
- Bryce, J. *The Holy Roman Empire*. (London, 1922).
- Cambridge Medieval History*, vol. 6. *Victory of the Papacy*. (Cambridge, 1929): E. F. Jacob, *Innocent III*; A. L. Poole, *Philip of Swabia and Otto IV*; *Germany in the reign of Frederick II*; *The Interregnum in Germany*.
- Carsten, F. L. *The Origins of Prussia*. (Oxford, 1954).
- Clagett, M., Post, G., Reynolds, R., eds. *Twelfth Century Europe and the Foundation of Modern Society*. (Madison, 1961).
- Dvornik, F. *The Slavs, Their Early History and Civilization*. (Boston, 1956).
- Encyclopédie de la Pléiade, Histoire universelle*. (Paris, 1954). V. 2: G. Leonard, *L'Italie médiévale*, p. 434—594; R. Folz, *Le Monde germanique*, p. 595—693; R. Fawtier, *Les Capétiens directs*, p. 708—873; A. Fichelle, *Le monde slave*, p. 1109—67.
- Fliche, A. *Le Chrétienté médiévale* // *Histoire du monde*, publ. sous la dir. de E. Cavaignac, v. 7, fasc. 2. (Paris, 1929).

- Ganshof, F. L. *Feudalism*. Transl. by P. Grierson. (London—New York—Toronto, 1952). Оригинальное французское издание — *Qu'est-ce la féodalité*. 2 éd. (Bruxelles—Lausanne, 1947); 3 éd., 1957.
- Gierke, O. F. *Political Theories in the Middle Ages*. Transl. by F. W. Maitland. (Cambridge, 1938).
- Haaf, R. ten. *Deutschordenstaat* — см. примечание 8.
- Haller, J. *Von den Staufern zu den Habsburgern*. 2. Aufl. (Berlin, 1943).
- Halphen, L. *L'essor de l'Europe (12e—13e siècles)*. 3 éd. (Paris, 1948).
- Hampe, K. *Deutsche Kaisergeschichte in der Zeit der Salier und Staufer*. 9. Aufl., hrsg. v. A. Baethgen. (Leipzig, 1946).
- Idem. *Das Hochmittelalter*. (Berlin, 1932).
- Haskins, C. H. *The Renaissance of the Twelfth Century*. (Cambridge, Mass., 1939).
- Hassinger, E. *Das Werden des neuzeitlichen Europa. 1300—1600*. (Braunschweig, 1959).
- Hauck, A. *Deutschland und die päpstliche Weltherrschaft*. (Leipzig, 1910).
- Hellman, M. Библиография работ по Тевтонскому ордену, см. примечание 8.
- Kantorowicz, E. H. *Kaiser Friedrich der Zweite*. (Berlin, 1928). Англ. издание — transl. by E. O. Lorimer. *Frederick the Second, 1194—1250*. (New York, 1957).
- Kauffmann, H. *Die italienische Politik Kaiser Friedrichs I, 1183—1189*. (Greifswald, 1933).
- Kempf, F. *Papsttum und Kaisertum bei Innocenz III*. (Roma, 1954).
- Kern, F. *Kingship and Law in the Middle Ages*. Transl. by S. B. Chrimes // *Studies in Medieval History*, ed. by G. Barraclough, vol. 4. (Oxford, 1939).
- Кнапке, P. J. *Frederick Barbarossa's Conflict with the Papacy: A Problem of Church and State*. (Washington, 1939). — Хорошая библиография; написано с точки зрения Рима.
- Koch, F. *Livland und das Reich bis zum Jahre 1225 // Quellen und Forschungen zur baltischen Geschichte, Bd 4*. (Posen, 1943).
- Lewis, E. K. *Medieval Political Ideas*. Vol. 1—2. (London, 1954).
- Lodge, R. *The Close of the Middle Ages, 1273—1494 // Periods of European History*. (London, 1949).
- Luchaire, J. *Innocent III: La papauté et l'empire*. (Paris, 1906).
- Mâle, E. *L'art religieux du 13e siècle en France*. (Paris, 1923).
- Maschke, E. *Der deutsche Ordenstaat*. (Hamburg, 1935).
- Mitteis, H. *Die deutsche Königswahl*. 2. Aufl. (Brünn, München, Wien, 1944).
- Idem. *Der Staat des hohen Mittelalters*. 4. Aufl. (Weimar, 1953).
- Otto, E. *Friedrich Barbarossa*. (Potsdam, 1943).
- Pagel, K. *Die Hanse*. (Braunschweig, 1952).
- Painter, S. *French Chivalry: Chivalric Ideas and Practices in Medieval France*. (Baltimore, 1948).
- Petit-Dutaillis, C. *La monarchie féodale en France et en Angleterre X^e—XIIIe siècle // Evolution de l'humanité*, publ. sous la dir. de H. Berr. (Paris, 1933).

- Pirenne, H. *La civilisation occidentale au moyen âge du XIe au milieu du XVe siècle*. (Paris, 1941).
- Pirenne, J. *Les grands courants de l'histoire universelle*, v. 2. *De l'expansion musulmane au traité de Westphalie*. (Neuchâtel, 1947).
- Raby, F. J. E. *A History of Christian-Latin Poetry from the Beginning to the Close of the Middle Ages*. 2nd ed. (Oxford, 1953).
- Idem. *A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages*. (Oxford, 1934).
- Schubert, H. v. *Der Kampf des geistlichen und weltlichen Rechts* // SBAW, phil.-hist. Kl., 1927.
- Sedgwick, H. D. *Italy in the Thirteenth Century*. Vol. 1—2. (Boston, New York, 1912).—Популярное издание.
- Sellery, G. C., Krey, A. C. *Medieval Foundations of Western Civilization*. (New York, 1929).
- Stickler, M. *Imperator vicarius Papal. Die Lehren der französisch-deutschen Dekretisten-schule des 12. und beginnenden 13. Jhs. über die Beziehungen zwischen Papst und Kaiser* // Mitteilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung, 62 (1954), S. 165—212.
- Strayer, J. R., Munro, D. C. *The Middle Ages, 395—1500*. (New York, London, 1942).
- Taylor, H. O. *The Medieval Mind*. Vol. 1—2. (Cambridge, Mass., 4th ed., 1949).
- Tellenbach, G. *Church, State and Christian Society at the Time of the Investiture Contest*. Transl. by R. F. Bennett // *Studies in Medieval History*, ed. by G. Barracough, vol. 3. (Oxford, 1941).
- Thomson, J. W. *Feudal Germany*. (Chicago, 1928).—Следует пользоваться с осторожностью.
- Totoraitis, J. *Die Litauer unter dem Könige Mindowe*. (Freiburg, die Schweiz, 1905).
- Tout, T. F. *The Empire and the Papacy, 918—1273* // *Periods of European History*, ed. by A. Hassal. Vol. 2, 8th ed. (London, 1924, reprint 1954).
- Ullmann, W. *The Growth of Papal Government in the Middle Ages*. (London, 1955).
- Idem. *Medieval Papalism: The Political Theories of the Medieval Canonists*. (London, 1949).
- Vogel, W. Библиография работ о Ганзе — см. примечание 9.
- Wojciechowski, Z. *Territorial Development of Prussia in Relation to the Polish Homeland*. (Toruń, 1936).

Глава II

Источники

- Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland*. Vol. 27, 1, W. W. Shirley, *Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III*. *Codex diplomaticus Majoris Poloniae*. Т. 1—4 (984—1400), pod red. J. Zakrzewski. (Poznań, 1877—81).

- Codex diplomaticus Poloniae Minoris*. Т. 1—4 (1178—1450), pod red. F. Pickosiński. (Kraków, 1876—1905).
- Codex epistolaris Primislai Ottocari II Bohemiae regis*, hrsg. v. T. Dolliner. (Wien, 1803). Содержит также письма Генриха Изернского.
- Emler, J. *FRB*, Bd 2 (продолжатели Козьмы Пражского), Bd 3 (Далимилова хроника), Bd 4 (Збраславская хроника), Bd 5 (Пулавская хроника). (Praha, 1873 ff.).
- Regesta diplomatica necnon epistolaria regni Bohemiae et Moraviae*, edit. C. J. Erben, J. Emler. Bd 1—4. (Praha, 1855 ff.).
- Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*, edit. G. Friedrich. Bd 1—5. (Praha, 1904—1965).
- Hampe, K. *Beiträge zur Geschichte der letzten Staufer: Ungedruckte Briefe aus der Sammlung des Magistres Heinrich von Isernia*. (Leipzig, 1910).
- Helbling, S. *Gedichte*, hrsg. v. J. Seemüller. (Halle/Saale, 1886).
- Krabbo, H. *Regesten der Markgrafen von Brandenburg aus askanischem Hause*. Bd 1—11. (Leipzig—München—Berlin, 1910—1933).
- Krammer, M. *Quellen zur Geschichte der deutschen Königswahl und des Kurfürstenkollegs*. Bd 1—2. (Leipzig, 1925—1932).
- MGHS*, t. 9 (*hist. an. 1264—1279, Continuatio Vindobon. 1267—1327, Chron. Salisburg.*); t. 17 (Eberhardus Althensis, Henricus de Heimburg), *MGH Const.*; t. 3 (письма Рудольфа и Пржемысла Отакара II), *MGH Deutsche Chroniken*; Bd 5 (Отакар Штирийский).
- MPH*, t. 2 (хроники кувявская, меховская); t. 3 (хроники малопольские), cf. *MGHS*, t. 19 (An. Cracov. Capituli, An. Polonorum, Mechovienses).
- Palacký, F. *Über Formelbücher, zunächst in Bezug auf böhmische Geschichte // Abteilungen der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 5. Folge, Bd 2, 5. (Praha, 1842).
- Seton, W. *Some New sources from the Life of Blessed Agnes of Bohemia*. (London, 1915). См. также J. K. Viskočil, *Legenda bl. Anežky*. (Praha, 1932).— Публикация легенды о блаженной Анежке и писем св. Клары Ассизской.

Литература

- Bachmann, A. *Geschichte Böhmens*. Bd 1—2. (Gotha, 1899, 1905).
- Bretholz, B. *Geschichte Böhmens und Mährens bis zum Aussterben der Premysliden, 1306*. (München, Leipzig, 1912).
- Emler, J. *Die Kanzlei Přemysl Otakars II. und Wenzels II. und die aus derselben hervorgegangenen Formelbücher // Abteilungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*. (Praha, 1878).
- Fiedler, J. *Böhmens Herrschaft in Polen // AÖG*, 14 (1855), S. 161—188.
- Franzel, E. *König Heinrich VII. von Hohenstaufen: Studien zur Geschichte des «Staates» in Deutschland*. (Praha, 1929).
- Hessel, A. *Jahrbücher des Deutschen Reichs unter K. Albrecht von Habsburg*. (München, 1931).

- Hugelmann, K. G. *Die Wahl Konrads IV. zu Wien im Jahre 1237*. (Weimar, 1914).
- Jastrow, J., Winter, G. *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Hohenstaufen*. Bd 1 (1190—1273). (Stuttgart, 1897, 1901).
- Kalousek, J. *Die Behandlung der Geschichte König Přemysl Otakars II.* // In prof. O. Lorenz, *Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhunderte*. (Praha, 1874).
- Kempf, J. *Geschichte des deutschen Reiches während des grossen Interregnum 1245—1273*. (Würzburg, 1893).
- Köster, A. *Die staatlichen Beziehungen der böhmischen Herzöge und Könige zu den deutschen Kaisern*. (Breslau, 1912).
- Krofta, K. *Bohemia to the Extinction of the Přemyslids* // CMH, 6 (1929), p. 422—427.
- Lewis, F. R. *Ottokar II of Bohemia and the Double Election of 1257* // Speculum, 12 (1937), p. 512—515.
- Lorenz, O. *Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhunderte*. Bd 1—2. (Wien, 1863—1867).
- Idem. *Geschichte König Ottokars von Böhmen*. (Wien, 1866). Ср., однако, критические замечания Я. Калусека.
- Maschke, E. *Polen und die Berufung des Deutschen Ordens nach Preussen*. (Danzig, 1934).
- Neumann, W. *Die deutschen Königswahlen und der päpstliche Machtanspruch während des Interregnums*. (Berlin, 1920).
- Novák, J. B. *Henricus Italicus und Henricus de Isernia* // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichte, 20.
- Pfeffer, W. *Die böhmische Politik unter Wenzel II*. Dissertation. (Halle, 1901).
- Priesack, J. *Die Reichspolitik des Erzbischofs Balduin von Trier in den Jahren 1314—1378*. (Göttingen, 1894).
- Redlich, O. *Rudolf von Habsburg: das Deutsche Reich nach dem Untergange des alten Kaisertums*. (Innsbruck, 1903).
- Thompson, J. W. *Medieval German Expansion in Bohemia* // SEER, 4 (1925—26), p. 605—628.
- Idem. *German Medieval Expansion and the Making of Austria* // SEER, 2 (1923—24), p. 263—288.
- Uhlirz, K., Uhlirz, M. *Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn*. Bd I. (Graz, 1907).
- Vancsa, M. *Geschichte von Nieder- und Oberösterreich*. (Stuttgart, 1927). Cf. A. W. Leeper, *A History of Medieval Austria*. (Oxford, 1941).
- Wegener, W. *Böhmen-Mähren und das Reich im Mittelalter; Untersuchungen zur Stellung Bömens und Mährens im Deutschen Reich des Mittelalters 919—1253*. (Köln—Graz, Böhlau, 1959). Пользоваться следует с осторожностью, ср. статью З. Финалы — Czech Histor. Review, N. S., 8 (1960), S. 176—85.
- Winkelmann, E. A. *Friedrich II*. Bd 1—2. (Leipzig, 1889—1897).
- Wunderlich, B. *Die neueren Ansichten über die deutsche Königswahl und den Ursprung des Kurfürstenkollegs*. (Berlin, 1913).

Глава III

Источники

- Acta imperii inedita saeculi XIII et XIV (1198—1400)*, hrsg. v. E. Winkelmann. Bd 1—2. (Innsbruck, 1880, 1885).
- Annales Parmenses maiores* // MGH, S XVIII, S. 664 f.
- Archivum Coronae Regni Bohemiae*, edit. V. Hrubý. T. 1 (1056—1346); t. 2 (1348—1355). (Praha, 1928, 1935).
- Chronica aulae regiae* // FRB, Bd IV. (Praha, 1884); FRA, Bd VIII. (Wien, 1875).
Cf. J. Loserth, *Die Königsaler Geschichtsquellen* // AÖG, 51 (1873), S. 451—99.
- Chronica principum Poloniae*, hrsg. v. Stenzel // SRS, I, S. 38 f.; ibidem, *Chronica polonorum*.
- Chronicon Benessii Minoritae* // MHB IV.
- Chronicon de St. Denis* // Grandes chroniques de France, v. V. (Paris, 1837).
- Chronicon Francisci Pragensis* // FRB IV.
- Chronicon Pulkavae* // MHB III, FRB V. (Praha, 1874).
- Codex diplomaticus Brandenburgensis*, hrsg. v. A. F. Riedel. (Berlin, 1838 f.).
- Codex diplomaticus Prussicus*, hrsg. v. J. Voigt, Bd I—III. (Königsberg, 1836 f.).
- Codex diplomaticus Silesiae*, hrsg. v. C. Grünhagen, C. Wutke, Bd XVI, XVIII, XXII, XXIX, XXX (1301—1342) // Verein für Geschichte und Altertum Schlesiens. (Breslau, 1892, 1898, 1903, 1923, 1925).
- Codex epistolarius Johannis, rex Bohemiae*, hrsg. v. Jacobi. (Berlin, 1841).
- Dantis Alagherii Epistolae*, ed. P. Toynbee. (Oxford, 1920).
- Froissart, Jean de. *Chronique*, publ. par K. de Lettenhove. (Bruxelles, 1863).
- Idem. *Les chroniques*, publ. par A. Buchon, v. 1—3. (Paris, 1837—1838).
- Guillaume de Machaut. *Oeuvres*, publ. par E. Hoepffner, v. 1—3 // Société des anciens textes français, v. 58. (Paris, 1908, 1911, 1921).
- Idem. *La prise d'Alexandrie*, publ. par M. Latrie // Société de l'Orient latin, Série hist. I. (Genève, 1877).
- Johann von Winterthur. *Chronica*, hrsg. v. F. Baethgen // MGH, S, Nov. Ser. III. (Berlin, 1924).
- Johannes de Turocz. *Chronica Hungarorum*, hrsg. v. Schwandter // SRH I, S. 47 f.
- Lites et res gestae intra Polonos ordinemque cruciferorum*, pod red. Działyński. T. 1—2, 2 wyd. (Poznań, 1890).
- Marsilius of Padua. *Defensor Pacis*, ed. C. W. Previté-Orton. (Cambridge, 1928).
- Monumenta Vaticana res gestas Bohemiae illustrantia*, pars I, II. Edit. Klicmann. (Praha, 1903, 1907).
- Nova Alamaniae, Urkunden, Briefe und andere Quellen, besonders zur deutschen Geschichte des 14. Jahrhunderts vornehmlich aus den Sammlungen des Trierer Notars und Offizials Rudolf Losse*, hrsg. v. Stengel. (Berlin, 1921, 1930).
- Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*. V. I—VII. (Praha, 1855—1954).
- Regesta Habsburgica*, t. III (1330—1340), hrsg. v. L. Gross. (Innsbruck, 1924).

- Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525*, hrsg. v. W. Hubatsch. Bd 1—2. (Göttingen, 1948—1950).
- Regesta imperii inde ab anno 1314 usque ad a. 1347, Die Urkunden Kaiser Ludwig des Bayern, König Friedrich des Schönen und König Johanns von Böhmen*, hrsg. v. J. F. Böhmer. (Frankfurt a. M., 1839). Additamentum I, II, III (1841, 1846, 1865). См. также *Wittelsbachische Regesten*, IV.
- Summa Gerhardi, Ein Formelbuch aus der Zeit Königs Johanns von Böhmen* // AÖG, Bd 63, hrsg. v. F. Tadra. (Wien, 1882).
- Vita Caroli quarti ab ipso scripta*. Edit. E. Emler // FRB III.

Литература

- Aubin, H., Petry, L., Schlenger, H. *Geschichte Schlesiens*. Bd 1. 3. Aufl. (Stuttgart, 1961).
- Bock, F. *Reichsidee und Nationalstaaten vom Untergang des alten Reiches bis zur Kündigung des deutsch-englischen Bündnisses im Jahre 1341*. (München, 1944).
- Boswell, B. *The Teutonic Order* // СМН, VII, p. 248—69; ПОЛНЫЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ — p. 858 ff.
- Cazalles, R. *Jean l'Aveugle, Comte de Luxembourg, roi de Bohême*. (Paris, 1947).
- Drivok, P. *Ältere Geschichte der deutschen Reichsstadt—Eger und des Reichsgebietes Egerland*. (Leipzig, 1875).
- Dumontrel, C. *L'impressa italiana di Giovanni di Lussemburgo Re di Boemia*. (Torino, 1952).
- Emmelmann, M. *Die Beziehung des Deutschen Ordens zu König Johann von Böhmen und Karl IV*. Dissertation. (Halle, 1910).
- Ficken, E. *Johann von Böhmen, eine Studie zum romantischen Rittertum des 14. Jahrhunderts*. Dissertation. (Göttingen, 1932).
- Fournier, P. *Le royaume d'Arles et de Vienne (1138—1378)*. (Paris, 1891).
- Hecht, F. *Heinrich von Kärnten als König von Böhmen* // Forschungen zur deutschen Geschichte, 9 (1871). S. 261 f.
- Idem. *Peter von Aspelt als Kirchenfürst und Staatsmann*. (Berlin, 1875).
- Homan, B. *Gli Angiovinini di Napoli in Ungheria 1290—1403*. Trad. L. Zambra, R. Mosca. (Roma, 1938).
- Hoschek, T. *Der Abt von Königsaal und die Königin Elisabeth aus Böhmen* // Prager Studien aus dem Gebiete der wissenschaftlichen Geschichte, Heft V. (Praha, 1900).
- Klages, H. E. *Johann von Luxemburg und seine auf Böhmen gerichtete Heiratspolitik (1310—1342)* // Mitteilungen des Vereines für die Geschichte der Deutschen in Böhmen, 50 (1912).
- Klein, W. *Schicksale der Überreste des Königs Johann von Böhmen, Grafen von Luxemburg* // Mitteilungen des Vereines für die Geschichte der Deutschen in Böhmen, 45 (1907), S. 368 f.
- Kohn, K. *Johann der Blinde, Graf von Luxemburg und König von Böhmen in seinen Beziehungen zu Frankreich*. (Luxemburg, 1895).

- Kraack, E. *Rom oder Avignon? Die römische Frage unter den Päpsten Clement V. und Johann XXII.* (Marburg, 1929).
- Krammer, H. *Das Kurfürstenkolleg von seinen Anfängen bis zum Zusammenschluss im Renser Kurverein des Jahres 1333* // Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des deutschen Reiches im Mittelalter und Neuzeit, hrsg. v. K. Zeumer, Bd V, Heft I. (Weimar, 1913).
- Landogna, F. *Giovanni di Boemia e Carolo IV di Lussemburgo, signore de Lucca* // Nuova Rivista Storica, 12 (1928).
- Lehleiter, A. *Die Politik Johannis von Böhmen in den Jahren 1330—1334.* (Tübingen, 1908).
- Linder, T. *Deutsche Geschichte unter den Habsburgern und Luxemburgern.* Bd 1—2. (Stuttgart, 1890—1893).
- Maschke, E. *Der Peterspfennig in Polen und dem deutschen Osten* // Königsberger histor. Forschungen, Bd 5. (Leipzig, 1933).
- Meltzer, F. *Die Ostraumpolitik König Johannis von Böhmen* // Beiträge zur mittelalterlichen und neueren Geschichte, Bd 12. (Jena, 1940).
- Mirot, L. *La cession de la ville et du comté de Lucques par Jean de Bohême à Philippe VI de Valois en 1334* // Mélanges de philologie, d'histoire et de littérature offerts à H. Hauvette. (Paris, 1934).
- Moeller, R. *Ludwig der Bayer und die Kurie im Kampf um das Reich* // Eberings Historische Studien, Heft 116. (Berlin, 1914).
- Mollat, G. *Les papes d'Avignon*, 9e éd. (Paris, 1950).
- Mommsen, T. *Italianische Analekten zur Reichsgeschichte des 14. Jahrhunderts* // MGH, Schr., Bd 11 (1952).
- Müller, K. *Der Kampf Ludwig des Baiern mit der römischen Kurie.* Bd 1. (Tübingen, 1879).
- Otto, H. *Die Eide und Privilegien Heinrichs VII. und Karls IV. aus ungedruckten Aktenstücken* // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken, 9 (1906).
- Idem. *Zur italienischen Politik Johannis XXII.* // Ibid., 16 (1914).
- Perels, E. *Zur Geschichte der böhmischen Kur im 14. und 15. Jahrhundert* // ZSSR, Germanische Abteilung, 45 (1945), S. 83 f.
- Petrarca, F. *Rime, trionfi e poesie latine.* A cura di F. Neri, G. Martellotti, E. Bianchi, N. Sapegno. (Milano, Napoli, 1951).
- Pöppelmann, L. *Johann von Böhmen in Italien, 1330—1333* // AÖG, Bd 35. Wien, 1866.
- Preger, W. *Beiträge und Erörterungen zur Geschichte des deutschen Reiches in den Jahren 1330—1334* // Abhandlungen der bayerischen Akademie der Wissenschaft, Hist. Kl., 15 (1880).
- Idem. *Die Politik des Papstes Johann XXII. in Bezug auf Italien und Deutschland* // Ibid., 26 (1886).
- Puymaigre, T. de. *Une campagne de Jean de Luxembourg, Roi de Bohême* // Revue des questions historiques, 42 (1882).

- Idem. *Jean l'Aveugle en France* // Ibid., 52 (1892).
- Salzer, E. *Über die Anfänge der Signorie in Oberitalien: Ein Beitrag zur italienischen Verfassungsgeschichte* // Eberings historische Studien, Heft 14. (Berlin, 1900).
- Schneider, F. *Kaiser Heinrich VII.* Bd 1—3. (Greiz i. V., Leipzig, 1924, 1926, 1928).
- Schötter, J. *Johann Graf von Luxemburg und König von Böhmen.* Bd 1—2. (Luxemburg, 1865).
- Sievers, G. *Die politischen Beziehungen Kaiser Ludwigs des Baiern zu Frankreich in den Jahren 1316—1337* // Eberings historische Studien, Bd 1 (1896).
- Simeoni, L. *Le Signorie.* (Milano, 1950).
- Stengel, E. *Avignon und Rhens, Forschungen zur Geschichte des Kampfes um das Recht am Reich in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts* // Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des deutschen Reiches um Mittelalter und Neuzeit, hrsg. v. K Zeumer. Bd 6, Heft 1. (Weimar, 1930).
- Stieber, M. *Böhmische Staatsverträge, I: Seit Přemysl Ottokar II—Gründung des Habsburgischen Reiches.* (Innsbruck, 1912).
- Uhlirz, K., Uhlirz, M. *Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn.* Bd 1. (Graz, Wien—Leipzig, 1927).
- Urban, M. *Die Staatsrechtliche Stellung Egers zu Böhmen* // Mitteilungen des Vereines zur Geschichte der Deutschen in Böhmen, 54 (1916), S. 345 f.
- Viard, J. *La campagne de juillet-août 1346 et la bataille de Crécy* // Le Moyen Âge, 36 (1926), p. 1—84.
- Vogt, E. *Die Reichespolitik des Erzbischofs Balduin von Trier in den Jahren 1328—1334.* (Gotha, 1901).
- Warmiski, M. St. *Die grosspolnische Chronik, eine Quellenuntersuchung.* Dissertation. (Kraków, 1879).
- Weech, F. von. *Kaiser Ludwig der Bayer und König Johann von Böhmen.* (München, 1860).
- Zeck, E. *Der Publizist Pierre Dubois, seine Bedeutung im Rahmen der Politik Philipps IV. des Schönen und seine literarische Denk- und Arbeitsweise im Traktat «De recuperatione Terrae Sanctae».* (Berlin, 1911).

Глава IV

Источники

(см. также главу III)

- Acta camerae apostolicae.* Pod red. J. Ptašnik. T. I, II. (Kraków, 1913).
- Acta Karoli IV imperatoris inedita*, hrsg. v. F. Zimmermann. (Innsbruck, 1891)—документы из итальянских источников.
- Annales Mechovienses* // MGHS 19; MPH 2.
- Annales Sanctae Crucis Polonici* // MGHS 19.
- Archidiaconi Gnesnensis Chronicon* (Janko z Czarnków), hrsg. v. Sommersberg // SRS 2; MPH 2.

- Baluzius, E. *Vitae paparum Avenionensium*, v. 1. (Paris, 1693, éd. G. Mollat, Paris, 1914—1922).
- Benessius de Waitmül (Beneš Krabice z Weitmile). *Chronicon* // FRB 4.
- Benessius minorita* // MBH IV.
- Chronica Cracoviae* (Janko z Czarnków) // SRS, Bd 2, S. 78—155.
- Chronica principum Poloniae*, hrsg. v. Stenzel // SRS, Bd 1, S. 38 f.
- Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*. (Brno, 1836—1903).
- Codex diplomaticus Lusatiae superioris*, hrsg. v. Köhler. (Görlitz, 1857).
- Codex diplomaticus Majoris Poloniae*, pod red. Y. Zakrzewski, F. Piekosiński. T. 1—5. (Posnań, 1877—1908).
- Codex diplomaticus Minoris Poloniae*, pod red. F. Piekosiński. (Posnań, 1876—1887).
- Codex diplomaticus Poloniae*, pod red. L. Ryzyszewski, A. Muzckowski. T. 1—4. (Warsz., 1847—1887).
- Codex diplomaticus Regni Poloniae et Lithuaniae*, pod red. Dogiel. (Wilno, 1758—1764).
- Codex juris Bohemici*, edit. H. Jireček. (Praha 1867).
- Długosz, J. *Opera Omnia*, pod red. A. Przedziecki. T. 1—14. (Kraków, 1863—1876).
- Francisci Pragensis Cronica (Continuacio Cosmae)* // FRB 4.
- Die Goldene Bulle Kaiser Karls IV.*, hrsg. v. K. Zeumer // Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches, Bd 2. (Weimar, 1908).
- Grünhagen, C. *Die Correspondenz der Stadt Breslau mit Karl IV. in den Jahren 1347—1355* // AÖG, Bd 34, S. 345—70.
- Huber, A. *Die Regesten des Kaiserreiches unter Kaiser Karl IV.* // J. F. Böhmer, *Regesta Imperii*, Bd 8. (Innsbruck, 1877).
- Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego*, pod red. T. Lubomirski. (Warsz., 1863).
- Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*, pod red. F. Piekosiński. T. 1. (Kraków, 1879).
- Lindner, T. *Das Urkundenwesen Karls IV. und seine Nachfolger (1346—1437)*. (Stuttgart, 1882).
- Monumenta Vaticana res gestas Bohemiae illustrantia*. T. 1, *Acta Clementis VI* (1342—1352), ed. L. Klicman. (Praha, 1903). T. 4, *Acta Gregorii XI*, č. 1 (1370—1372), ed. C. Stloukal. (Praha, 1949).
- Neplach. *Chronicon Bohemiae, Epitome*, ed. Dobner // MHB, T. 4.
- Palacký, F. *Über Formelbücher, zunächst in Bezug auf böhmische Geschichte* // Abhandlungen der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, 5. Folge, Bd 2, 4. (Praha, 1842).
- Petrarca. *Epistolae de rebus familiaribus et variae*, ed. Fracasetti. (Firenze, 1859—).
- Petrus Zittaviensis* // FRB, IV.
- Pomerellisches Urkundenbuch*, hrsg. v. M. Perlbach. Bd 1—2. (Danzig, 1881—1882).
- Preussisches Urkundenbuch*, hrsg. v. F. Philippi. Bd 1—3. (Königsberg, 1882—1944).
- Summa cancellariae*, hrsg. v. T. Neumann. *Ein Formelbuch Kaiser Karls IV.* (Görlitz, 1846).

- Theiner, A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*. Т. 1. (Roma, 1860—).
Vita Caroli IV imperatoris // FRB, III.
Werunsky, E. *Excerpta ex registris Clementis VI et Innocentii VI historiam s. Romanii imperii sub regimine Caroli IV illustrantia*. (Innsbruck, 1885).
Wittelsbachische Regesten, hrsg. v. J. F. Böhmer. (Stuttgart, 1854).

Литература

- Bittner, K. *Deutsche und Tschechen: Zur Geistesgeschichte des böhmischen Raumes*. Bd I. *Von den Anfängen zur hussitischen Kirchenerneuerung*. (Brünn, 1936).
Bryce, J. *The Holy Roman Empire*. (London, 1922).
Burdach, K. *Vom Mittelalter zur Reformation*. Bd 2, Teil 1, 3. (Berlin, 1912, 1913).
Исследование о Кола ди Риенцо.
Chaloupecký, V. *The Caroline University of Prague: Its Foundation, Character and Development in the Fourteenth Century*. (Prague, 1948).
Daenell, E. *Blütezeit der deutschen Hanse: Hansische Geschichte von der 2. Hälfte des 14. Jahrhunderts bis zum letzten Viertel des 15. Jahrhunderts*. Bd 1—2. (Leipzig, 1905—1906).
Fournier, P. *Le royaume d'Arles, 1138—1378*. (Paris, 1891).
Gabriel, A. *Les rapports dynastique franco-hongrois au Moyen Âge*. (Budapest, 1944).
Gerlich, A. *Habsburg — Luxemburg — Wittelsbach im Kampfe um die deutsche Königskrone*. (Wiesbaden, 1960).
Grieser, R. *Das Arelat in der europäischen Politik von der Mitte des 10. bis zum Ausgange des 14. Jahrhunderts*. (Jena, 1925).
Grotefend, S. *Erwerbungspolitik Kaiser Karls IV.* // Eberings historische Studien, Heft 66. (Berlin, 1909).
Herquet, D. *Beiträge zum Itinerar Karls IV. und zu seinem Aufenthalt in Schlesien mit dem König von Cypern im Jahre 1364* // Zeitschrift für Geschichte Schlesiens, Bd 14. (Breslau, 1878). S. 521—527.
Hütterbräuker, L. *Die Vikare Karls IV. in Deutschland* // Festschrift A. Brackmann. (Weimar, 1931). S. 546—568.
Карл IV — библиографию см. в примечании 2 к главе IV.
Klein, W. *Kaiser Karls IV. Jugendaufenthalt in Frankreich und dessen Einfluss auf seine Entwicklung*. (Berlin, 1926).
Lindner, T. *Karl IV. und die Wittelsbacher* // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichte, 12. (Wien, 1891). S. 64—100.
Idem. *Die Wahl Wenzels zum römischer Könige* // Forschungen zur deutschen Geschichte, 14. (Göttingen, 1874). S. 251 f.
Idem. *Das Urkundenwesen Karls IV. und seiner Nachfolger (1346—1437)*. (Stuttgart, 1882).
Lippert, W. *Wettiner und Wittelsbacher sowie die Niederlausitz im 14. Jahrhundert*. (Dresden, 1894).
Mollat, G. *La collation des bénéfices ecclésiastiques sous les papes d'Avignon*. (Paris, 1921).

- Odložilik, O. *The Caroline University, 1348—1948*. (Prague, 1948).
- Paulová, M. *L'idée cyrillo methodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère slave de Prague* // *Byzantinoslavica*, 11 (1950), p. 174 ff.
- Perlbach, M. *Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters*. Bd 1—2. (Halle, 1886). Т. 2 важен с точки зрения оценки прусских и польских хроник.
- Pirchan, G. *Italien und Kaiser Karl IV. in der Zeit seiner zweiten Romfahrt* // Deutsche Gesellschaft der Wissenschaften und Künste für die Tschechoslowakische Republik, Historische Kommission. Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte, Bd 6. (Praha, 1930).
- Idem. *Karlstein* // Prager Festgabe für Theodor Mayer. (Salzburg, 1953).
- Reincke, H. *Kaiser Karl IV. und die deutsche Hanse* // Pfingsblätter des Hansischen Geschichtsvereines, Blatt 22. (1931).
- Salomon, R. *Zur Geschichte der englischen Politik Karls IV.* // Festgabe Karl Zeumer. (Weimar, 1910). S. 397—411.
- Sanmann, H. von B. *Die Inkorporationen Karls IV.: Ein Beitrag zur Geschichte des Staatseinheitsgedankens im späteren Mittelalters* // Marburgerer Studien zur älteren deutschen Geschichte, 2. Reihe, 8 Stück. (Marburg, 1942).
- Scheffer, W. *Karl IV. und Innozenz VI., 1355—1360* // Historische Studien, Heft 101. (Berlin, 1912).
- Schmid, H. *Die rechtlichen Grundlagen der Pfarrorganisation auf westslavischem Boden und ihre Entwicklung während des Mittelalters*. (Weimar, 1938).
- Steinherz, S. *Die Beziehungen Ludwigs von Ungarn zu Karl IV.* // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichte, Bd 9. (Innsbruck, 1888).
- Studien zur Geschichte der Universität zu Prag*, hrsg. v. R. Schreiber. (Freilassing—Salzburg, 1955).
- Sturm, H. *Eger. Geschichte einer Reichsstadt*. (Augsburg, 1951). См. особенно стр. 103 и далее.
- Werunsky, E. *Maiestatas Karolina* // ZSSR, Germanische Abteilung, Bd 9 (1888).
- Winter, E. *Rudolf IV*, Bd 1—2. (Wien, 1934, 1936).

Глава V

Источники

- Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*, v. 1—6, collegerunt et digesserunt F. Miklosich und J. Müller. (Vindobonae, 1860—1890).
- Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*, v. 1—2, collegerunt et digesserunt L. v. Thalloczy, K. Jireček, M. Šufflay. (Vindobonae, 1913—18). Продолжение издания: J. Radonić, *Djuradj Kastriot Skanderbeg i Albanija u XV veku*. (Beograd, 1942).
- Actes de Chilendar, Actes Grecs* // Византийский Временник, т. 17 (1911). *Actes slaves* // Ibid., 19 (1915). Полную библиографию изданий документов с

- Афона см. в кн.: E. Amand de Mendieta, *Le presqu'île des caloyers: Le Mont-Athos*. (Brugge, 1955). P. 360—385.
- Actes serbes de Vatopedi*, ed. M. Lascaris // *Byzantinoslavica*, 6 (1935).
- Anonymous Greek Short Chronicles*, ed. S. Lampros, C. Amantos. (Athens, 1933).
- Die bulgarische Chronik 1296—1413*, hrsg. v. I. Bogdan // *ASPh*, 13 (1891), S. 526—535. Ср. также замечания К. Иречека — там же, 14 (1892), стр. 235 и сл.
- Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus*, ed. B. Wassiliewsky, V. Jernstedt // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 1896, ч. 38. Имеется немецкий перевод: H. G. Beck, *Vademecum des byzantinischen Aristokraten*. (Graz, 1956).— Источник, касающийся болгар и сербов в XI в.
- Chroniques greco-romanes*, ed. C. Hopf. (Berlin, 1873). См. стр. 270—340 об Албании в составе сербского государства.
- Codex diplomaticus partium regni Hungariae adnexarium*, ed. L. v. Thalloczy, A. Aldá-sy // *МНН*, D., v. 33 (1907).
- Démétrius Cydonès. Correspondence*, publ. par R.-J. Loenertz, v. 1—2. (Città del Vaticano, 1956—1960). Cf. idem, *Les recueils de lettres de Demetrius Cydonès*. (Vatican City, 1947).
- Le destan d'Umur Pacha*, trad. par I. Mélikoff-Sayar. (Paris, 1954).
- Diplomatarium Veneto-Levantinum (1200—1454)*, ed. G. M. Thomas, R. Predelli, v. 1—2. (Venezia, 1880—1899).
- Ducas. *Istoria turco-bizantină (1341—1462)*, ed. critică de V. Grecu. (București, 1958).
- Georgii Acropolitae Opera*, rec. A. Heisenberg, v. 1—2. (Lipsiae, 1903).
- Georgius Phrantzes, Joannes Cananus, Joannes Anagnostes* // *CSHB*, 1838.
- Грчакче повеле српских владара*. (Београд, 1936).
- Životi kraljeva i arhiepiskopa srpskih*, red. D. Daničić. (Zagreb, 1866). См. также *Serbische mittelalterliche Herrscher-Viten des 12. und 13. Jh. von Nemanja bis Stefan Lazarević*, übers. v. A. Hafner. (Berlin, 1959).
- Законик царя Стефана Душана 1349 и 1354*. (Београд, 1960). Англ. перевод — M. Burr // *Slavonic and East European Review*, 28 (1950), p. 198—217, 516—39.
- Innocentius III. Epistulae* // *PL*, v. 214—15.
- Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV*, cura L. Schopeni, v. 1—3. (Bonnae, 1828—1832).
- Laonicus Chalcocondylas. Historiarum Demonstrationes*, ed. E. Darkó, v. 1—2. (Budapesti, 1922—1927).
- Lebensbeschreibung des despoten Stefan Lazarević von Konstantin dem Philosophen*. (Haag, 1956).
- Leunclavius, J. *Historiae Musulmanae Turcorum*, libri XVIII. (Frankfurt, 1591).— Переводы важнейших турецких источников.

- Listine o odnošajih izmediu Južnoga Slavenstva i Mletačke Republike*, red. S. Ljubić, t. 1—10. (Zagreb, 1868—1891).—Акты из венецианских архивов, относящиеся к южным славянам.
- Monumenta historica Slavorum meridionalium*, ed. V. Maknjev. (Beograd, 1885).
- Monumenta serbica spectantia histor. Serbiae, Bosniae, Ragusii*, ed. F. v. Miklosich. (Wien, 1858).
- Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*, v. 1—48. (Zagrabiae, 1868—1966).
- Nicephorus Gregoras. *Byzantina historia graece et latine*, cura L. Schopeni, t. 1—2. (Bonnae, 1829—1830).
- Nicephori Gregorae. *Epistulae*, ed. P. A. M. Leone, t. I—II. (Matino, 1982—1983).
- Correspondence de Nicephore Grégoras*, éd. par R. Guiland. (Paris, 1927).
- Regesta pontificum romanorum*, ed. A. Potthast, t. I—II. (Berlin, 1874—1875).
- Стојановић Љ. *Стафи српски родослови и летописи*. (Београд—Ср. Карловици, 1927).
- Valenciennes, Henri de. *Histoire de l'empereur Henri de Constantinople*, éd. par J. Longnon. (Paris, 1948).
- Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, ed. A. Theiner, t. I—II. (Roma, 1859—1860).
- Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia*, ed. A. Theiner, t. I. (Roma, 1863).

Подробнее об источниках, касающихся южных славян, см. *Историја народа Југославије*, књ. 1—2, Београд, 1953—1960, а также работы Златарского и Мутафчиева, приведенные в примечании 1 к главе V. Источники по истории румын публикуются Румынской академией наук — *Documente privind istoria României* [ser.] А—С, [v. 1—, Вус.] 1951— (издание продолжается). Полезные сведения по сербской историографии и источниках по истории Сербии приводит С. Станоевич: Станојевић С., *Историја српског народа у средњем веку*, Београд, 1937.

Литература

- Babinger, F. *Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien 14.—15. Jahrhunderts*. (Brünn—München—Wien, 1944).
- Bănescu, N. *Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie*. (Bucureşti, 1946).
- Idem. *Un problème d'histoire médiévale: Création et caractère du second empire bulgare* (1185). (Bucureşti, 1943).
- Borchgrave, E. de. *L'empereur Étienne Dusan de Serbie et la péninsule balkanique au XIIe siècle* // Bulletin de l'Académie Royale des Sciences de Belgique, 3e série, 8 (1884), p. 264—92, 416—45.
- Bousquet, G. *Histoire du peuple bulgare depuis les origines jusqu'à nos jours*. (Paris, 1909).

- Braun, M., Schneider, A. *Bericht über die Eroberung Konstantinopels. Nach der Nikon-Chronik übersetzt und erläutert.* (Leipzig, 1943).
- Braun, M. *Kosovo, Die Schlacht auf dem Amselfelde in geschichtlicher und epischer Überlieferung.* (Leipzig, 1937).
- Buonocore, de Widmann, R. *Storia della Vecchia Serbia e sue relazioni con storia italiana.* (Napoli, 1908). Ненадежна.
- Coquelle, P. *Histoire du Monténégro et de la Bosnie depuis les origines.* (Paris, 1895).
- Diehl, C., et al. *L'Europe orientale de 1081 à 1453.* (Paris, 1945).
- Dölger, F. *Die dynastische Familienpolitik des Kaisers Michael Palaiologos (1258—1282)* // Festschrift E. Eichmann. (Paderborn, 1940). S. 179—90.
- Idem. *Einiges über Theodora die Griechin, Zarin der Bulgaren (1308—1330)* // *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave* (1949), p. 211—21.
- Franić D. *Die Lage auf der Balkanhalbinsel zu Beginn des 13. Jahrhunderts* // WMBH, 5 (1897), S. 304—36.
- Geanakoplos, D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West.* (Cambridge, Mass., 1959).
- Gegaj, A. *L'Albanie et l'invasion turque au XVe siècle.* (Paris, 1937).
- Gibbons, H. *The Foundation of the Ottoman Empire.* (Oxford, 1916).
- Giurescu, C. C. *Istoria Românilor.* V. 1—3. (București, 1942—1944).
- Grégoire, H. *L'opinion byzantine et la bataille de Kossovo* // *Byzantion*, 6 (1931), p. 247—51.
- Hilferding, A. *Geschichte der Serben und Bulgaren.* Bd 1—2. (Bautzen, 1856—64).
- Huber, A. *Ludwig I. von Ungarn und die ungarischen Vasallenländer.* (Wien, 1884).
- Hudal, A. *Die serbisch-orthodoxe Nationalkirche.* (Graz, 1922).
- Jireček, J. C. (K.) *Geschichte der Bulgaren.* (Praha, 1876).
- Idem. *Geschichte der Serben.* Bd 1—2. (Gotha, 1911—18).
- Idem. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel.* (Praha, 1877).
- Idem. *Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters* // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl.*, Bd 48, 49 (Wien, 1902—04).
- Idem. *Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien.* (*Studien zur Kulturgeschichte des 13.—14. Jhls.*) // *ibidem*, Bd 55, 58 (Wien, 1912). Частично переведено на французский язык: *La civilisation serbe au Moyen Âge.* (Paris, 1920).
- Idem. *Zur Würdigung der neuentdeckten bulgarischen Chronik* // *ASPH*, 14 (1892), S. 255—77. Замечания на публикацию Й. Богдана, *ibid.*, 13 (1891), S. 526—76.
- Jorga, N. *Latins et Grecs d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe (1342—1362)* // *BZ*, 15 (1906), p. 179—222.
- Kanitz, F. P. *Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart.* Bd 1—2. (Leipzig, 1904—09).
- Klaić, V. *Geschichte Bosniens von ältesten Zeiten bis zum Verfall des Königreiches.* (Leipzig, 1885).

- Komlóssy, F. von. *Das Rechtsverhältnis Bosniens und der Herzegovina zu Ungarn, mit besonderer Rücksicht auf das Mittelalter*. Перевод с венгерского Е. К. (Budapest, 1909).
- Lascharis, M. *Deux chartes de Jean Uroš, dernier Némánide // Byzantion*, 215—217 (1955—57), p. 277—323.
- Idem. *Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavoromaine // Byzantinoslavica*, 3 (1931), p. 500—10.
- Lemerle, P. *L'Emirat d'Ardin, Byzance et l'Occident: Recherches sur «La Gesta d'Umar Pacha»*. (Paris, 1957).
- Maritch, D. *Papstbriefe an serbische Fürsten im Mittelalter*. (Sremska Karlovci, 1933).
- Miklosich, F. V. *Die serbischen Dynasten Crnojevič*. (Wien, 1886). (SbAW, hist. Phil. Kl.).
- Miller, W. *Bosnia before the Turkish Conquest // English Historical Review*, 13 (1898), p. 643—66; см. также его работы о Греции и балканских государствах в CMH, vol. 4, Chapters XV—XVIII, p. 432—593.
- Idem. *The Medieval Serbian Empire // Quarterly Review*, 226 (1916), p. 448—507.
- Millet, G. *Ancien Art Serbe*. (Paris, 1919).
- Milobar, F. *Das geschichtliche Verhältniß Bosniens zu Kroatien und Ungarn*. (Zürich, 1898).
- Noli, F. S. *George Castrioti Scanderbeg*. (New York, 1947).
- Norden, W. *Das Papsttum und Byzanz*. (Berlin, 1903).
- Novak, V. *The Slavonic-Latin Symbiosis in Dalmatia during the Middle Ages // SEER*, 32 (1953—54), p. 1—28.
- Novaković, St. *Die Serben und Türken im XIV. und XV. Jh. Geschichtliche Studie über die ersten Kämpfe mit dem Türkischen Eindringen vor und nach der Schlacht auf dem Amsfelde*. Übers. v. K. Jezdimirovič. (Semlin, 1897).
- Obolensky, D. *The Bogomils, a Study in Balkan Neo-Manichaeism*. (Cambridge, 1948). См. также F. Rački, *Bogomili i Patareni*. (Zagreb, 1869—70).
- Ostrogorsky, G. *Étienne Dušan et la noblesse serbe dans la lutte contre Byzance // Byzantion*, 12 (1952), p. 151 f.
- Idem. *Historische Entwicklung der Balkanhalbinsel im Zeitalter der byzantinischen Vorherrschaft // Revue internationale des études balkaniques*, 2 (1936), p. 389—97.
- Idem. *History of the Byzantine State*. Transl. by J. Hussey. (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1957).
- Pauler, J. *Wie und wann kam Bosnien an Ungarn // WMBH*, 2 (Wien, 1894).
- Purković, M. A. *Two notes on Mediaeval Serbian History // SEER*, 29 (1950—51), p. 545—49.
- Radojčić, G. *La chronologie de la bataille de Rovine // Revue historique du sud-est européen*, 5 (1928), p. 136—39.
- Radojčić, N. *Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kossovo Polje // Byzantion*, 6 (1931), S. 241—46.
- Runciman, S. *The Sicilian Vespers: A History of the Mediterranean World in the later Thirteenth Century*. (Cambridge, 1958).

- Ruvarac, H. *Die Regierung des Banus Tvrtko (1353—1377)* // WMBH, 4 (1896), S. 324—42.
- Sainte-Marie, E. de. *L'Herzégovine: Étude géographique, historique et statistique*. (Paris, 1875).
- Songeon, G. *Histoire de la Bulgarie depuis les origines jusqu'à nos jours*, 485—1191. (Paris, 1913).
- Soulis, G. *Tsar Dušan and Mount Athos* // Harvard Slavic Studies, 2 (1956), p. 125—39; автор готовит монографию о Стефане Душане.
- Spinka, M. *A History of Christianity in the Balkans*. (Chicago, 1933).
- Stanojević, S. *Die Biographie Stefan Lazarević's von Konstantin dem Philosophen als Geschichtsquelle* // ASPH, 18 (1896), S. 409—72.
- Stevenson, F. Scumour. *A History of Montenegro*. (London, 1912).
- Sufflay, M. v. *Die Grenzen Albaniens im Mittelalter* // Illyrisch-albanische Forschungen, 1 (1916), S. 289—93.
- Idem. *Städte und Burgen Albaniens hauptsächlich während des Mittelalters*. (Denkschr. der Akad., vol. 63) (Wien, 1924).
- Temperley, H. *History of Serbia*. (London, 1917).
- Thallóczy, L. v. *Studien zur Geschichte Bosniens und Serbiens im Mittelalter*. Übers. v. F. Eckhart. (München, Leipzig, 1914).
- Idem. *Untersuchungen über den Ursprung des bosnischen Banates, mit besonderer Berücksichtigung der Urkunden im Körmender Archive* // WMBH, 11 (1909), S. 237—85.
- Unbegaun, B. *Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople* // RES, 9 (1929), p. 13—38.
- Villari, L. *The Republic of Ragusa*. (London, 1904).
- Vojnović, L. *Histoire de la Dalmatie*. V. 1—2. (Paris, 1934).
- Waring, L. F. *Kosovo* // SEER, 2 (1923—24), p. 56—70.
- Wittek, P. *The Rise of the Ottoman Empire*. (London, 1938).
- Wolff, R. L. *The Second Bulgarian Empire — Its Origin and History to 1204* // Speculum, 29 (1949), p. 167—206.
- Zlatarski (Slatarski), V. N. *Geschichte der Bulgaren*. Bd 1—2 (Leipzig, 1917—18).

Глава VI

Источники, литература

- Akta grodzkie i ziemskie*, pod red. A. Liske and A. Prochaska. (Акты городские и земские, т. 23.) (Lwów, 1868—1928).
- Balzer, O. *Les Statuts de Casimir le Grand*. (Studia nad historią prawa polskiego, t. 19.) (Poznań, 1947). По-польски; посмертное издание.
- Burr, M. *The Code of Stephen Dušan* // SEER, 28 (1949—50), p. 198—217, 516—39.
- Dąbrowski, J. *Corona Regni Pologiae au XIVe s.* (Bulletin internat. de l'Academie Polonaise, Class d'Histoire no. 7.) (Kraków, 1953).

- Dèer, J. *L'evoluzione dell' idea dello stato ungherese*. (Roma, 1941). О «священной короне» Венгрии, стр. 71, сл.
- Demel, I. *Geschichte des Fiskalamtes in den böhmischen Ländern*. Bd 1, *Das Fiskalamt des Königreiches Böhmen bis 1620*. (Innsbruck, 1909).
- Dopsch, A. *Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven*. (Weimar, 1909).
- Dvornik, F. *The Making of Central and Eastern Europe*. (London, 1949).
- Feine, H. E. *Eigenkirchenrechtliche Erscheinungen in Dalmatien im frühen Mittelalter* // ZSSR, S. 64, Kanon. Abt., 33 (1944), S. 265—77.
- Fontes rerum Slovenicarum*. vols. 1—3: *Urbaria aetatis mediae Sloveniam spectantia*, red. M. Kos. (Ljubljana, 1939—54). Комментарии на словенском языке.
- Francastl, P., ed. *Les origines des villes polonaises*. (Haag, 1961).
- Hartung, F. *Die Krone als Symbol der monarchischen Herrschaft im ausgehenden Mittelalter*. (Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, phil. hist. Kl., Bd 13.) (1940).
- Horvat, M. *Das Troginer 'Zavod' Buch vom Jahre 1326* // Studien zur älteren Geschichte Europas, Festschrift für H. F. Schmid, hrsg. G. Stökl. (Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas, Bd 2.) (Wien, 1956), S. 33—48.
- Inchiostri, U. *Contributo alla storia del diritto romano in Dalmazia nel X^e—XI secolo* // Archeografo Triestino, 3 serie, 3 (Trieste, 1907), p. 85—158.
- Jireček, C. (K.) *La civilisation serbe au moyen âge*. Trad. par L. Eisenmann. (Paris, 1920).
- Idem. *Die mittelalterliche Kanzlei der Ragusaner* // ASPH, 26 (1904).
- Idem. *Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters*. (Praha, 1916).
- Idem. *Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters*. (Wien, 1902—1909).
- Idem. *Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien*. См. библ. к гл. V.
- Jireček, H. *Codex juris bohemicus*. (Praha, 1867—).
- Kadlec, K. *Introduction a l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves*. (Paris, 1933). Важнейшая классическая работа; содержит полную библиографию источников и собраний публичного права славян: стр. 191, сл.— чешское право; стр. 226, сл.— польское право; стр. 290, сл.— хорватское право; стр. 53, сл.— государственный строй и публичное право болгар и сербов.
- Koebner, R. *Deutsches Recht und deutsche Kolonisation in den Piastenländern* // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 25 (1932).
- Kutrzeba, S. *Grundriss der polnischen Verfassungsgeschichte*. Übers. v. W. Christian. (Berlin, 1912).
- Madirazza, F. *Storia e costituzione dei comuni dalmati*. (Spalato, 1911.) Поверхностная работа.

- Mal, J. *Probleme aus der Frühgeschichte des Slowenen*. (Ljubljana, 1939.) Ср. стр. 127, сл. об интронизации словенских герцогов.
- Marczali, H. *Ungarische Verfassungsgeschichte*. (Tübingen, 1910).
- Matić, T. *Statut der Poljica* // WMBH, 12 (Wien, 1912), 329 ff.
- Mayer, E. *Die dalmatisch-istrische Munizipalverfassung im Mittelalter und ihre römischen Grundlagen* // ZSSR, German. Abt., 24 (Weimar, 1903).
- Mladenovitch, M. *Le caractère de l'état serbe au moyen âge*. Thèse. (Paris, 1930).
- Monumenta Ragusina*. Т. 1—5 (Zagreb, Academy, 1879—1897).
- Mošin. V. *Gab es unter den serbischen Herrschaft des Mittelalters eine griechische Kanzlei?* // Archiv für Urkundenforschung, 13 (1935), S. 183—97.
- Novaković, S. *Villes et citées au moyen âge dans l'Europe occidentale et dans la péninsule balcanique* // ASPH, 25 (1903), p. 321—40.
- Ostrogorsky, G. *Etienne Dušan et la noblesse serbe dans la lutte contre Byzance* // Byzantion, 22 (1952), p. 151—59.
- Idem. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Trad. par H. Grégoire. (Bruxelles, 1954).
- Peterka, O. *Rechtsgeschichte der böhmischen Länder*. Bd 1, *Geschichte des öffentlichen Rechtes und die Rechtsquellen in vorhussitischer Zeit*. (Reichenberg, 1923).
- Idem. *Ursachen und Wege der Rezeption des römischen Rechtes in Böhmen und Mähren* // Prager Festgabe für Th. Mayer, *Forschungen zur Rechtsgeschichte und Landeskunde der Sudetenländer*, Bd 1. (Salzburg, 1953), S. 37—55.
- Pfleifer, W. *Städtewappen und Städtiesiegel in Böhmen und Mähren*. (München, 1952).
- Preux, J. *La loi du Vinodol traduite et annotée* // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. (1896).
- Prochno, J. *Terra Bohemiae, regnum Bohemiae, corona Bohemiae* // Prager Festgabe für Th. Mayer, *Forschungen zur Rechtsgeschichte und Landeskunde der Sudetenländer*, Bd 1. (Salzburg, 1953), S. 91—111.
- Schmid, H. F. *Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen organisation* // JKGS, N. F., 2 (1927), S. 81 ff.
- Idem. *Dalmatinische Stadtbücher* // Zgodovinski časopis, 6—7 (1953), s. 330—90. (Kosov Zbornik).
- Idem. *Das deutsche Recht in Polen* // Deutschland in Polen. (München, Berlin, 1933).
- Idem. *Die Grundzüge und Grundlagen der Entwicklung des kirchlichen Zehnrechts auf kroatischem Boden während des Mittelalters* // Šišićev Zbornik, red. G. Novak. (Zagreb, 1929), S. 423—54.
- Idem. *Die sozialgeschichtliche Erforschung der mittelalterlichen deutschreichlichen Siedlung auf polnischem Boden* // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 20 (Stuttgart, 1928), S. 301—55. Содержит библиографию польских работ.
- Schubart-Fikentscher, G. *Die Verbreitung der deutschen Stadtrechte in Osteuropa*. (Weimar, 1942).

- Sigel, F. *Lectures on Slavonic Law*. (London, New York, 1902).
- Soloviev, A. *Le droit byzantin dans la codification d'Étienne Douchan* // *Revue historique de droit*, 7 (1928), p. 387—412.
- Idem. *Der Einfluss des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas* // *ZSSR*, Rom. Abt., 76 (1959), S. 432—79.
- Idem. *Le patriciat de Raguse au XVe siècle* // *Rešetarov Zbornik* (Dubrovnik, 1931), p. 59—66.
- Nimon, A. von. *Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte*. Übers. v. F. Schiller. (Berlin, 1904).
- Tomaschek, J. A. *Das alte Bergrecht von Iglai und seine bergrechtlichen Schöffensprüche*. (Innsbruck, 1897).
- Tyc, T. *Die Anfänge der dörflichen Siedlung zu deutschem Recht in Grosspolen (1200—1333)*. Übers. v. M. Tyc. (Osteuropa Institut, Bibliothek geschichtl. Werke aus den Literat. Osteuropas, Bd 2.) (Breslau, 1930).
- Tymieniecki, K. *Les paysans libres (kmiecie) en Pologne à la fin du moyen âge* // *La Pologne au VIIe Congrès internat. des sciences histor.* (Warsz., 1933).
- Vlajinats, M. *Die agrarrechtlichen Verhältnisse des mittelalterlichen Serbien*. (Jena, 1903).
- Wersche, K. *Das staatsrechtliche Verhältnis Polens zum Deutschen Reich während des Mittelalters* // *Zeitschr. der Hist. Ges. für die Provins Posen*, 3 (1888).
- Werunski, E. *Die Maiestas Carolina* // *ZSSR*, Germ. Abt., 9 (1888).
- Wojciechowski, Z. *Das Ritterrecht in Polen vor den Statuten Kasimir des Grossen*. Übers. v. H. Bellee. (Osteuropa Institut, Bibliothek geschichtl. Werke aus den Literat. Osteuropas, Bd 5.) (Breslau, 1930).
- Xapalatos, D. *Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida*. (München, 1937).
- Zaborski, B. *Über Dorfsformen in Polen und ihre Verbreitung*. Übers. v. Schrundbauer. (Osteuropa Institut, Bibliothek geschichtl. Werke aus den Literat. Osteuropas, Bd 3.) (Breslau, 1930).
- Zycha, A. *Das böhmische Bergrecht des Mittelalters auf Grundlage des Bergrechts von Iglau*. (Wien—Berlin, 1900).
- Idem. *Über den Ursprung der Städte in Böhmen und die Städtepolitik der Přemysliden*. (Praha, 1914).

Глава VII

Литература

- Analecta hymnica*, hrsg. v. G. M. Dreves. (Leipzig, 1886—1906).
- L'Art byzantin chez les Slaves. Orient et Byzance*. (Paris, 1930—32).
- Blaschka, A. *Die Wenzelslegende Kaiser Karls IV.* (Praha, 1934).
- Bisković, G. *L'Art médiéval en Serbie et en Macédoine*. (Beograd, 1936, reprint, 1952).

- Idem. *La sculpture de Dečani et la question du développement de quelques cycles iconographiques dans la sculpture médiévale* // Atti del Congresso Internaz. Di Studi Byzantini, vol. 2 (Roma, 1940).
- Brückner, A. *Ältere polnische Texte* // ASPh, 10 (1887), S. 365—416.
- Idem. *Böhmische Studien, Abhandlungen und Texte* // ASPh, 2 (1888), S. 81—104, 189—217, 421—522; 12 (1890), 321—58; 13 (1891), 1—25; 14 (1892), 1—45.
- Idem. *Geschichte der polnischen Literatur*. (Leipzig, 1901), S. 1—29.
- Idem. *Neue Quellen zur Geschichte der polnischen Sprache und Literatur*: I. Glosar nach 1455, II. Die Tischzucht des Slota und Verwandtes, III. Dorotheenlegende // ASPh, 14 (1892), S. 481—512.
- Idem. *Über die älteren Texte des Polnischen* // ASPh, 12 (1890), S. 140—55.
- Burdach, K. *Vom Mittelalter zur Reformation*. (Berlin, 1912—37).
- Burjan, M. L. *Die Klosterkirche von Studenica*. (Zenlenroda, 1934).
- Cronia, A. *Saggi di letteratura bulgara antica*. (Roma, 1926).
- Denkstein, V., Matouš, F. *Gothic Art in South Bohemia*. (Praha, 1955).
- Drobna, Z. *Die Gothische Zeichnung in Böhmen*. (Praha, 1956).
- Faral, E. *Les arts poetiques du XIIe et du XIIIe siècles*. (Paris, 1924).
- Fejfalck, J. *Alttschechische Leiche, Lieder und Sprüche des 14. und 15. Jh.* // SbAW, 39 (Wien, 1862), S. 627—745.
- Idem. *Studien zur Geschichte der altböhmischen Literatur* // SbAW, phil.-hist. Kl., 34 (Wien, 1861).
- Idem. *Über K. Wenzel von Böhmen als deutschen Liederdichter* // SbAW, hist. phil. Kl., 25 (1857). Ср. работы Я. Шусты в Český čas. hist., 21 (1912), s. 217—44.
- Filow, B. D. *Early Bulgarian Art*. (Berne, 1919).
- Friedel, A. *Magister Theodoricus*. (Praha, 1956).
- Friedjung, H. *Kaiser Karl IV. und sein Anteil am geistlichen Leben seiner Zeit*. (Wien, 1878).
- Frind, A. *Geschichte der Bischöfe und Erzbischöfe von Prag*. (Praha, 1873). До сих пор сохраняет ценность. Ср. его же *Kirchengeschichte Böhmens*. Т. 1—2 (Praha, 1864—78).
- Frova, A. *Pittura romana in Bulgaria*. (Roma, 1943).
- Grabar, A. *Peinture religieuse en Bulgarie, orient et Byzance I*. (Paris, 1928).
- Idem. *Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique*. (Paris, 1928).
- Greif, W. *Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. Ein neuer Beitrag zur Dares- und Dictysfrage*. (Marburg, 1886).
- Havránek, B. *Waren die Handschriften der polnischen Königin Hedwiga polnisch oder tschechisch?* // SR, 10 (1938).
- Heisenberg, A. *Über den Ursprung der illustrierten Chronik des Konstantins Manasses* // Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst, 5 (1928), S. 81—100.
- Hemmerle, J. *Nikolaus von Laun* // Studien zur Geschichte der Karls-Universität zu Prag, hrsg. v. R. Schreiber. (Freilassing-Salzburg, 1957), S. 81—129.
- Hyma, A. *The Christian Renaissance: A History of the «Devotio moderna»*. (Grand Rapids, 1924).

- Istrin, V. *Beiträge zur griechisch-slavischen Chronographie* // ASPh, 17 (1895).
- Jackson, T. G. *Dalmatia, the Quarnero and Istria*. 2 vols. (Oxford, 1887).
- Jagić, V. *Die Alexius-legende als serbisches Volkslied* // ASPh, 9 (1886).
- Idem. *Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung* // ASPh, 2 (1877), S. 1—109.
- Idem. *Der weise Akurios nach einer altkirchenslavischen Übersetzung* // BZ, 1 (1892).
- Jakobson, R. *Medieval Mock Mystery* // *Studia Philologica et Literaria in honorem L. Spitzer*. (Berne, 1958), p. 245—65.
- Jakubec, J., Novák, A. *Geschichte der tschechischen Literatur*. (Leipzig, 1909), S. 1—38.
- Janić, V., Hankey C. T. *Lives of the Serbian Saints*. (London, 1921).
- Jeanroy, A. *La poésie lyrique des troubadours*. Vol. 1—2. (Toulouse, Paris, 1934).
- Jelinek, H. *Histoire de la littérature tchèque des origines à 1850*. 4 éd. (Paris, 1930), p. 1—47.
- Jireček, J. C. (K.) *La civilisation serbe au moyen âge*. (Paris, 1920). Ср. главы V.
- Idem. *Das Gesetzbuch des serbischen Caren Stephan Dušan* // ASPh, 22 (1900), S. 144—214.
- Idem. *Eine slavische Alexandergeschichte in Zara 1389* // ASPh, 25 (1893), S. 157—58.
- Ян из Йенштейна. *Vita Joannis de Jenstein*, FRB, I, p. 439—68; *Relatio de se ipso*, hrsg. v. C. Höflet // *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung*, Bd 2 (Wien, 1865), S. 12 ff.; *Codex epistolarius*, hrsg. v. J. Loserth // AÖG, 55 (1877), S. 268 ff.; *Die Hymnen Johannes von Jenstein*, hrsg. v. G. Dreves (Leipzig, 1886); дополнительный материал можно найти в *Analecta hymnica*, 48 (1905), S. 421—51.
- Ян из Неймаркта. *Die Schriften Johannes von Neumarkt: Das Buch der Liebkosung, Übersetzung des pseudoaugustinischen «Liber soliloquium animae ad Deum»*, hrsg. v. J. Klapper (Berlin, 1930). Другие его произведения опубликованы Я. Клаппером и П. Пиуром в книге: K. Burdach, *Vom Mittelalter zur Reformation*, Bd VI, 1, 2, 4; Bd VII (1931, 1932, 1935, 1937).
- Kałuźniacki, E. *Aus der panegyrischen Literatur der Südslaven*. (Wien, 1901).
- Idem. *Werke des patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393), nach den besten Handschriften*. (Wien, 1901).
- Kloss, E. *Die schlesische Buchmalerei des Mittelalters*. (Berlin, 1942).
- Kolbuszewski, S. *Influences of Czech Culture in Poland in the Middle Ages* // SEER, 18 (1939—40), p. 155—69.
- Krofta, K. *Das Deutschtum in der tschechoslowakischen Geschichte*. (Praha, 1934). *Die Deutschen in Böhmen*. (Praha, 1924).
- Kunstmann, H. *Denkmäler des alttschechischen Literatur von ihren Anfängen bis zur Hussitenbewegung*. (Berlin, 1955).
- Lossnitzer, M. *Veit Stoss: Die Herkunft seiner Kunst, seine Werke und sein Leben*. (Leipzig, 1912).
- Lücker, M. A. *Meister Eckhardt und die 'Devotio Moderna'* // *Studien und Texte zur Geistesgeschichte des Mittelalters*, 1 (Leiden, 1950).
- Lützow, Count F. v. *Bohemian Literature*. (London, 1911).

- Idem. *A History of Bohemian Literature*. (London, 1899; 2nd ed. 1907.) На стр. 26—28 переводы нескольких произведений чешской лирики.
- Magoun, E. P. *Stojan Navaković on the so-called 'Serbian Alexander'* // *Bysantion*, 16 (1942—43), p. 315—38.
- Mašin, J. *Romanische Wandmalerei*. (Praha, 1954).
- Matějček, A., Pešina, J. *Gothische Malerei in Böhmen: Tafelmalerei 1350—1450*. (Praha, 1955).
- Matl, J. *Die Entwicklungsbedingungen der epischen Volksdichtung bei den Slaven* // *JKGS*, 5 (1929), S. 57—76.
- Idem. *Der heilige Sava als Begründer der serbischen Nationalkirche: Seine Leistung und Bedeutung für den Kulturaufbau Europas* // *Kyrios*, 2 (1937), S. 23—37. Библиография сербских работ.
- Meriggi, B. *Storia delle letterature ceca e slovacca*. (Milano, 1958).
- Millet, G. *L'Ancien art serbe*. (Paris, 1915). Cf. L. Bréhier, *L'architecture serbe au Moyen Âge* // *Le Moyen Âge*, 23 (1921).
- Idem. *La peinture du Moyen Âge en Yougoslavie (Serbie, Macédoine et Monténégro)*, vol. 1 (Paris, 1955); vol. 2 (Paris, 1957).
- Idem. *Recherches sur l'iconographie de l'évangile*. (Paris, 1916).
- Močul'skij, V. *Zur mittelalterlichen Erzählliteratur bei den Südslaven* // *ASPh*, 14 (1893).
- Monumenta Artis Bulgariae*, vol. 1, Grabar, A., *L'Eglise de Boiana* (Sofia, 1932); vol. 3, Filov, B., *Les Miniatures de l'Evangile du roi Jean Akexandre à Londres* (Sofia, 1934); vol. 4, Miaten, K., *Die Keramik von Preslav* (Sofia, 1936).
- Murko, M. *Geschichte der älteren südslavischen Literaturen*. (Leipzig, 1908).
- Idem. *Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven* // *SbAW*, phil.-hist. Kl., 122. (Wien, 1890).
- Idem. *Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und die Gesta Romanorum* // *ASPh*, 14 (1892).
- Namysłowski, W. *Die Rechtsbestände in den südslavischen Ländern und in Polen* // *Przewodnik hist.-prawny*, 2 (1932), S. 51—66.
- Idem. *Die Teilnahme der Bevölkerung an der Rechtssprechung in den mittelalterlichen kroatischen und serbischen Ländern* // *JKGS*, N. F., 3 (1927), S. 345—64.
- Nehring, W. *Altpolnische (Posener) Eidesformeln aus dem 14. Jahrhundert* // *ASPh*, 4 (1879), S. 177—89.
- Idem. *Altpolnische Sprachdenkmäler: Systematische Übersicht, Würdigung, und Texte: Ein Beitrag zur slavischen Philologie*. (Berlin, 1887). Ср. обзор А. Брюкнера в *ASPh*, 10 (1887), S. 365—416.
- Idem. *Ein schlesisch-polnisches Hochzeitsgedicht aus dem 14. Jahrhundert* // *ASPh*, 3 (1878), S. 637—39.
- Idem. *Über den Einfluss der altčechischen Literatur auf die altpolnische* // *ASPh*, 1 (1876), S. 66—81; 2 (1877), S. 409—36; 5 (1880), S. 216—67; 6 (1882), S. 159—84.
- Neuwirth, J. *Geschichte der bildenden Kunst in Böhmen, vom Tode Wenzels III. bis zu den Husitenkriegen*. (Praha, 1893).

- Idem. *Geschichte der christlichen Kunst in Böhmen*. (Praha, 1888).
- Idem. *Zur Geschichte der Miniaturalerei in Böhmen*. (Mitteilungen der k. k. Central-Commission, Bd 11). (Wien, 1885).
- Novaković, St. *Zur bulgarischen Alexandersage* // ASPH, 1 (1888).
- Obolensky, D. *The Bogomils*. (Cambridge, 1948), p. 234—49.
- Okunev, N. L., Mitrović, L. W. *La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe* // Byzantinoslavica, 3 (1931), p. 134 ff.
- Idem. *Monumenta Artis Serbicae*. Vol. 1—4. (Praha, 1928—32).
- Palacký, F. *Die Vorläufer des Hussitentums*. (Leipzig, 1869.) Первое издание 1846 г. под именем J. P. Jordan.
- Palacký F. *Würdigung der alten böhmischen Geschichtsschreiber*. (Praha, 1830; 2. Aufl., 1869).
- Parry, M., Lord, A. B. *Serbocroatian Heroic Songs*. 2 vols. (Cambridge, Mass., Belgrade, 1953, 1954).
- Pešina, J. *Tafelmalerei der Spätgotik und der Renaissance in Böhmen, 1450—1550*. übers. v. E. Winkler. (Praha, 1958).
- Petas, F., Paul, A. *Das jüngste Gericht. Mittelalterliche Mosaik vom Prager St. Veits Dom*. (Praha, 1954).
- Petković, V. R. *La peinture serbe du moyen âge*. (Belgrade, 1934).
- Pohl, K. *Beiträge zur Geschichte der Bischöfe von Olmütz in Mittelalter*. (Breslau, 1940).
Для меня недоступна.
- Prohaska, D. *Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und Herzegowina von den Anfängen im 11. bis zur nationalen Wiedergeburt im 19. Jahrhundert*. (Zagreb, 1911).
- Prokop, A. *Die Markgrafschaft Mähren in kunstgeschichtlicher Beziehung*. Bd 1—4. (Wien, 1904).
- Pypine, A. N., Spasocić, W. D. *Histoire des littératures slaves*. Trad. par E. Denis (Paris, 1881). Есть немецкий перевод: T. Pech (Leipzig, 1881—83).
- Raby, F. J. E. *A History of Secular Latin Poetry*. 2 vols. (Oxford, 1934).
- Radojčić, D. S. *Der Roman von Tristan und Isolde in der altserb. Liter.* // Die Welt über Slaven, 1 (1956), S. 35—49.
- Idem. *Drei Byzantiner, altserbische Schriftsteller* // Akten des XI. byzantin. Kongresses (München, 1959), S. 504 ff.
- Ringheim, A. *Eine altserbische Trojasage: Text mit linguistischer und literar-historischer Charakteristik*. (Praha, Uppsala, 1951).
- Šafařík, J. *Geschichte der südslavischen Literatur*. (Praha, 1864, 1865).
- Sas-Zaloziecky, W. *Die byzantinische Baukunst in den Balkanländer und ihre Differenzierung unter abendländischen und islamitischen Einwirkungen*. (Südosteurop. Arb. 46). (München, 1956).
- Schmaus, A. *Der neumanichäismus auf dem Balkan* // Saeculum, 2 (1951).
- Idem. *Zur Frage der Kulturorientierung der Serben im Mittelalter* // Südoststudien, 15 (1956), S. 179—201.
- Schreiber, R., hrsg. v. *Studien zur Geschichte der Karls-Universität zu Prag* // Forschungen zur Geschichte und Landeskunde der Sudetenländer, Bd 2. (Frei-

- lassing—Salzburg, 1954); *ibid.*, работы Я. Бергея, А. Блашки и Я. Хеммерле о Карловом университете.
- Sharenkoff, V. N. *A Study of Manichaeism in Bulgaria with Special Reference to the Bogomils*. (New York, 1927).
- Spina, F. *Die alttöcheische Katharinenlegende der Stockholm-Brünner Handschrift*. (Praha, 1913).
- Spinka, M. *A History of Christianity in the Balkans*. (Chicago, 1933).
- Stanojević, St. *Die Biographie Stefan Lazarevič's von Konstantin dem Philosophen* // ASPH, 18 (1890).
- Stanoyevich, M. S. *Early Yugoslav Literature (1000—1800)*. (New York, 1922). Слишком общая работа.
- Steinherz, S. *Ein Fährstenspiel Karls IV.* // Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte, Historische Kommission der deutschen Gesellschaft der Wissenschaften und Künste für die tschechoslowakische Republik. (Praha, 1925).
- Strzygowski, J. *Die Miniaturen des serbischen psalters* // Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., Bd 52. (Wien, 1906).
- Stwosz, Wit, *Der krakauer Altar*. (Warz., 1953.) С иллюстрациями.
- Swoboda, K. M. *Peter Parler: Der Bankünstler und Bildhauer*. (Wien, 1943).
- Syrku, P. *Zur mittelalterlichen Erzählliteratur aus dem Bulgarischen* // ASPH, 7 (1884).
- Szydlowski, T. *Le retable de Notre-Dame de Cracovie*. (Paris, 1935).
- Tadra, F. *Cancellaria Arnesti: Formelbuch des ersten Prager Erzbischofs Arnest von Pardubice*. (Wien, 1880).
- Idem. *Cancellaria Johannis Noviforensis* // Archiv für österreichische Geschichte, 68 (1886), S. 1—157.
- Idem, ed. *Summa Cancellariae Caroli IV.* (Praha, 1895).
- Thomson, S. H. *Learning at the Court of Charles IV* // Speculum, 25 (1950), p. 1—20.
- Tintelnot, H. *Die mittelalterliche Baukunst Schlesiens*. (Kitzingen, 1951).
- Trautmann, R. *Die altschechische Alexandreis* // Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 3. Reihe: Texte und Untersuchungen. (Heidelberg, 1916).
- Idem. *Die Einleitung der altschechischen Alexandreis* // ASPH, 36 (1915), S. 431 ff.
- Trogranić, F. *Letteratura medioevale degli Slavi meridionali dalle origine al 15 secolo*. (Roma, 1950.), p. 142—240.
- Turdeanu, E. *La littérature bulgare du 14e siècle et sa diffusion dans les pays roumains*. (Paris, 1947).
- Valjavec, F. *Geschichte der deutschen Kulturbeziehungen zu Südosteuropa*. Bd 1—2. (München, 1954—55).
- Vielhaber, G. *Der 'Libellus do bono mortis' des Erzbischofs Johann von Jenstein* // Festschrift des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. (Praha, 1902), S. 159—65.

- Wesselofsky, A. *Die altslavische Erzählung vom Trojanischen Kriege* // ASPH, 10 (1887), S. 27—42.
- Wilmart, A. *Auteurs spirituels et textes dévots au Moyen Age*. (Paris, 1932).
- Winter, E. *Die europäische Bedeutung des Frühhumanismus in Böhmen* // Zeitschr. für deutsche Geistesgesch., 1 (1935). S. 232—42.
- Idem. *Tausend Jahre Geisteskampf im Sudetenland*. (Praha, 1938).
- Wirth, Z. *Kutná Hora: La ville et son art*. (Praha, 1931).
- Wostry, W. *Ein deutschfeindliches Pamphlet aus Böhmen aus dem 14. Jahrhundert* // Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen, 53 (1915), S. 193—238.
- Xyngopoulos, A. *Thessalonique et la peinture macédonienne*. (Athens, 1955).
- Zeissberg, H. *Kleinere Geschichtsquellen Polens im Mittelalter* // AÖG, 55 (1877).
- Idem. *Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters*. (Leipzig, 1873).
- Idem. *Vincentius Kadlubek und seine Chronik Polens* // AÖG, 42 (1869).

Глава VIII

Источники

- Acta Concilii Constantiensis*, ed. H. Finke. (Münster, Bd 1, 1896; Bd 2, 1923).
- Aeneas Silvius. *Historia Bohemica*, 894—1458, ed. M. Freher // SRB (Hanover, 1602).
- Archiv český*. T. 1, 3, 6.
- Bachmann, A. *Urkunden und Aktenstücke sur österreichischen Geschichte im Zeitalter Kaiser Friedrich III. und König Georgs von Böhmen* // FRA, Bd 42.
- Beneš Krabice // FRB, 4 (1884), S. 460—548.
- Cochlaeus, J. *Historia Hussitarum*. (Mainz, 1548).
- Documenta Mag. Joannis Hus, vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia*, ed. F. Palacký. (Praha, 1869).
- Finke, H. *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils*. (Paderborn, 1889).
- Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen*, hrsg. v. K. Höfler, Bd 1—3. (Wien, 1856—66.) // FRA, Abt. I, Bd 2, 6, 7.
- John Hus. *De ecclesia*, ed. by D. S. Schaff. (New York, 1915). Новое издание: S. H. Thompson, M. *Johannis Hus, «Tractatus de ecclesia»* (Boulder, Colo., 1956).
- Idem. *The Letters of John Hus*, ed. H. B. Workman, R. M. Pope. (London, 1904).
- V. Novotný, M. *Jana Husa korespondence a dokumenty*. (Praha, 1920).
- Idem. *On Simony*. Transl. by M. Spinka // Library of Christian Classics, vol. 14, Advocates of Reform. (Philadelphia, 1953).
- Idem. Латинские труды опубликовал V. Flajšhans, M. *Joannis Hus, Opera Omnia*. T. 1—8 (Praha, 1903—08). Труды по-чешски опубликовал K. J. Erben, *Sebrané spisy české*, sv. 1—3 (Praha, 1865—68.) Новое двадцатипяти томное из-

- дание планируется Чехословацкой Академией наук. Т. 8, *M. Johannis Hus sermones de tempore qui collecta dicuntur*, vyd. A. Schmidtová (Praha, 1959). Диспуты Яна Гуса в Пражском университете: vyd. A. Schmidtová, *Joannes Hus Mag. Univ. Carolinae Positiones, Recommendationes, Sermones* (Praha, 1958).
- Вавржинец (Лаврентий) из Бржезова, Бартошек из Драгониц. *Хроника*: K. Höffler, *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung*, Bd 1, p. 596—620, FRB, Bd 5, ed. J. Goll.
- Palacký, F. *Starí letopisové čeští, 1378—1527* // SRB, 3 (Praha, 1829).
- Idem. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte Böhmens und seiner Nachbarländer im Zeitalter Georges von Podebrad* // FRA, 20 (1860).
- Petrus de Mladenowicz. *Opera historica*, ed. V. Novotný // FRB, 8 (1932).
- Reformatio Sigismundi*, Beiträge zum Verständnis einer Reformschrift des 15. Jahrhunderts, L. v. Dohna. (Göttingen, 1959).
- Sedlák, J., Neumann, A., Špaldák, A. *Studie a texty*. Т. 1—4. (Olomouc, 1914—25.).
- Тексты, касающиеся религиозных проблем гуситской эпохи.
- Vita Johannis de Jenczenstein* // FRB, vol. 1. См. Библ. к главе VI.
- Wratislav, Count. *Diary of an Embassy from King George of Bohemia to King Louis XI of France in the Year of Grace 1464*. (London, 1871).
- Žižka, J. *Vojenský Rad*, ed. F. Švejkovský; J. Durdík. *Staročeské vojenské rady*. (Praha, 1952).

Литература

- Arndt, R. *Die Beziehungen König Sigmunds zu Polen bis zum Ofener Schiedsspruch 1412*. Dissertation. (Halle/Saale, 1897).
- Aschbach, J. *Geschichte Kaiser Sigmunds*. Bd 1—3. (Hamburg, 1838—1845).
- Bachmann, A. *Böhmen und seine Nachbarländer unter Georg von Podiebrad (1458—1461) und des Königs Bewerbung um die deutsche Krone*. (Praha, 1878).
- Bartoš, F. M. *Wenceslas Budovec's Defense of the Brethren*, transl. by H. Kaminsky // Church History, 28 (1959), p. 229—39.
- Berger, W. *Johannes Hus und König Sigmund*. (Augsburg, 1871).
- Bernard, P. P. *Jerome of Prague, Austria and the Hussites* // Church History, 27 (1958), p. 1—22.
- Betts, R. R. *English and Czech Influences on the Hussite Movement* // Transactions of the R. Histor. Soc., 21 (1939).
- Idem. *The Influence of Realist Philosophy on Jan Hus and his predecessors in Bohemia* // SEER, 29 (1951), p. 402—19.
- Idem. *Social and Constitutional Development in Bohemia in the Hussite period* // Past and Present, 7 (1955).
- Idem. *Some Political Ideals of the Early Czech Reformers* // SEER, 31 (1952).
- Bezold, F. v. *König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten bis zum Ausgang des dritten Kreuzzugs*. (München, 1872).
- Boulier, J. *Jean Hus*. («Portraits de l'Histoire», no. 15) (Paris, 1958). Популярная работа.

- Caro, J. *Aus der Kanzlei Kaiser Sigismunds. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Constanzer Concils.* (Wien, 1879).
- Creighton, M. *History of the Papacy during the period of the Refomation.* Vol. 1. (London, 1881).
- Denis, E. *Georges de Podiebrad, les Jagellons, Fin de l'independance de Bohême.* Vol. 1. (Paris, 1890; éd., 1930).
- Idem. *Hus et la guerre des Hussites.* (Paris, 1878).
- Dienemann, E. *Die Romfahrtfrage in Wenzels Politik.* Dissertation. (Halle/Saale, 1909).
- Finke, H. *König Sigmunds reichsstädtische Politik.* (Bocholt, 1880).
- Fraknoi. W. *Mathias Corvinus, König von Ungarn, 1458—1490.* (Freiburg i. B., 1891).
- Friedrich, O. *Helden des Geistes: Jan Hus, Chelčický, Komensky.* (Zürich, 1935).
- Fries, G. E. *Herzog Albrecht V. von Österreich und die Hussiten.* (Linz, 1883).
- Frind, A. *Der heilige Johannes von Nepomuk.* (Eger, Praha, 1879). Новое издание завершил W. A. Frind, 1929.
- Gindely, A. *Geschichte der böhmischen Brüder.* Bd 1—2. (Praha, 1857, 1858).
- Goeller, E. *König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX. bis zur Berfung des Konstanzer Konzils (1409—1413) // Studien aus dem Collegium Sapientiae, Bd 7.)* (Freiburg i. B., 1902).
- Goll, J. *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder.* Bd 1—2. (Praha, 1878, 1882).
- Gottschalk, A. *Kaiser Sigmund als Vermittler zwischen Papst und Konzil, 1431—34.* Dissertation. (Borna—Leipzig, 1911).
- Gullet, E. *The Life and Times of John Huss.* (London, 1863).
- Hauck, A. *Studien zu Huss.* (Leipzig, 1916).
- Haupt, H. *Hussitische Propaganda in Deutschland.* (Raumers Teschenbuch.) (Leipzig, 1888).
- Heeren, J. J. *Das Bündnis zwischen König Richard II. Von England und König Wenzel vom Jahre 1381.* Dissertation. (Halle/Saale, 1910).
- Hefele, K. J. Leclercq, Dom H. *Histoire des conciles.* Vol. 8, 1. (Paris, 1916.) Константи́нский собор.
- Helmke, R. *König Wenzel und seine böhmischen Günstlinge im Reiche.* Dissertation. (Halle/Saale, 1913).
- Herben, J. *Huss and his Followers.* (London, 1926). Популярная работа.
- Heyman, F. G. *John Rokycana: Church Reformer between Hus and Luther // Church History, 28 (1959), p. 240—80.*
- Idem. *John Žižka.* (Princeton, 1955). Ср. обзор О. Одложлика в *Speculum*, 31 (1956), p. 381—83.
- Idem. *The National Assembly of Čáslav // Medievalia et Humanistica, 7 (1952).*
- Höffler, C. A. C. *Magister Johannes Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag 1409.* (Prague, 1864).

- Jacob, E. F. *The Bohemians at the Council of Basel, 1433* // Prague Essays, ed. R. W. Seton-Watson. (Oxford, 1949).
- Jireček, J. K. (C.) *Über die culturellen Beziehungen der Ungarn und Böhmen im 14. und 15. Jahrhundert und die ungarischen Hussiten* // Sitzungsberichte der königlichen böhmischen Gesellschaft (1885).
- Kaminsky, H. *Hussite Radicalism and the origin of Tabor 1415—1418* // *Medievalia et Humanistica*, 10 (1956), p. 102—30.
- Idem. *Pius Aeneas among the Taborites* // *Church History*, 28 (1959), p. 281—309.
- Ibid., 26 (1957), p. 43—71, *Chiliasm and the Hussite Revolution*.
- Kapras, J. *Un ancêtre de la Société des Nations*. (Praha, 1924).
- Kitts, E. J. *Pape John the Twenty-third and Master John Hus of Bohemia*. (London, 1910).
- Kluckhuhn, P. *Wenzels Jugendjahre bis zum Antritt seiner Regierung 1378 im Rahmen der Politik seines Vaters Kaiser Karls IV*. Dissertation. (Halle/Saale, 1914).
- Koller, H. *Untersuchungen zur Reformatio Sigismundi II.* // *Deutsche Arbeit*, 14 (1957), S. 482 ff.; 14 (1958), S. 418—64.
- Krofta, K. *Bohemia in the Fifteenth Century* // *CMH*, 8 (1936), p. 65—115.
- Idem. *John Hus* // *CMH*, 8 (1936), p. 45—64.
- Idem. *Die Deutschen in Böhmen*. (Praha, 1924).
- Krummel, L. *Utraquisten und Taboriten: Ein Beitrag zur Geschichte der böhmischen Reformation im 15 Jahrhundert*. (Gotha, 1871).
- Lindner, T. *Geschichte des deutschen Reiches unter König Wenzel*. Bd 1—2. (Braunschweig, 1875—80).
- Loserth, J. *Huss und Wiclif: Zur Genesis der hussitischen Lehre*. 2. Aufl. (München, Berlin, 1925).
- Idem. *Über die Versuche wiclif-husitische Lehre nach Österreich, Polen, Ungarn und Croatien zu verpflanzen* // *Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen*, Bd 24.
- Idem. *Die wiclifitische Abendmahllehre und ihre Aufnahme in Böhmen* // *Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen*, 30 (Praha, 1892).
- Lützwow, F. Count von. *The Life and Times of Master John Hus*. (London, 1909).
- Macek, J. *The Hussite Movement in Bohemia*. 2nd ed. (Praha, 1958).
- McGowan, J. P. *Pierre d'Ailly and the Council of Constance*. (Washington, 1936).
- McNeill, J. T. *Makers of Christianity*. Vol. 2 (New York, 1935), p. 166—74.
- Main, A. *The Emperor Sigismund*. (Oxford, London, The Stanhope Essay, 1903).
- Markgraf, H. *Über Georg's von Podiebrad Project eines christlichen Völkerbundes zur Vertreibung der Türken aus Europa und Herstellung des allgemeinen Friedens innerhalb der Christenheit* // *HZ*, 21 (1869), S. 245—304.
- Miebach, A. *Die Politik Wenzels und der Rheinischen Kurfürsten in der Frage des Schismas von der Thronbesteigung des Königs bis zum Jahre 1380*. Dissertation. (Münster i. W., 1912).
- Müller, J. T. *Geschichte der böhmischen Brüder*. Bd 1—2. (Herrnhut, 1922—1931).

- Naegle, A., *Der Prager Kanonikus Matthias von Janow* // Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen, 48 (Praha, 1910).
- Odložilik, O. *George of Poděbrady and Bohemia to the pacification of Silesia—1459* // University of Colorado Studies, Ser. B, vol. 1, no. 3, p. 265—88.
- Idem. *Problems of the Reign of George of Poděbrady* // SEER, 20 (1941), p. 206—22.
- Idem. *Wiclif and Bohemia*. (Praha, 1937).
- Idem. *Wycliffe's Influence upon Central and Western Europe* // SEER, 7 (1928—9), p. 634—48.
- Idem. *The Chapel of Bethlehem in Prague* // Studien zur älteren Geschichte Österreichs, hrsg. v. G. Stökl. (Wien, 1956), S. 123—41.
- Palacký, F. *Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höflet*. (Praha, 1868).
- Peschke, E. *Die Bedeutung Wiclefs für die Theologie der Böhmen* // Zeitschrift für Kirchengeschichte, 54 (1935), S. 462—83.
- Řičan, R. *Das Reich Gottes in den böhm. Ländern*. (Stuttgart, 1957).
- Schaff, D. S. *John Huss, His Life, Teachings and Death after Five Hundred Years*. (New York, 1915).
- Schwitzky, E. B. *Der europäische Fürstenbund Georgs von Podebrad*. (Marburg A. L., 1907).
- Spinka, M. *John Hus and the Czech Reform*. (Chicago, 1941).
- Stubbs, W. *Germany in the later Middle Ages, 1200—1500*, ed. A. Hassall. 2 vols. (London, 1908).
- Thomson, H. S. *Pre-Hussite heresy in Bohemia* // Engl. Hist. Review, 48 (1933).
- Uhlirz, M. *Die Genesis der vier Prager Artikel* // Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., vol. 175, Abhandlung 3 (1914).
- Uhlmann, P. *König Sigmunds Geleit für Hus und das Geleit im Mittelalter* // Hallische Beiträge zur Geschichtsforschung, hrsg. v. T. Lindner, Heft 5. (Halle/Saale, 1894).
- Vetter, H. *Die Beziehung Wenzels zum Deutschen Orden*. Dissertation. (Halle/Saale, 1912).
- Vischer, M. *Jan Hus. Aufruhr wider Papst und Reich*. (Frankfurt a. M., 1955). Следи за користом и опремајте се са опрезошћу.
- Vogel, C. *Peter Cheltschizki, ein Prophet an der Wende der Zeiten*. (Zürich, 1926).
- Vogt, C. *Peter Cheltschizki, Das Netz des Glaubens*. (Dachau, 1924).
- Vooght, P. de. *L'Hérésie de Jan Huss-Hussiana*. (Louvain, 1960).
- Waugh, W. T. *The Councils of Constance and Basel* // CMH, vol. 8, p. 1—44.
- Workman, H. B. *The Dawn of the Reformation*. Vol. 1, Wycliffe; vol. 2, John Hus. (London, 1901—2).
- Workman, H. B. *John Wyclif: A Study of the English Medieval Church*. 2 vols. (Oxford, 1926).
- Wostry, W. *König Albrecht II. (1437—39)* // Prager Studien aus dem Gebiete der Geschichtswissenschaft, vols. 12, 13. (Praha, 1906—7).
- Wratislaw, A. H. *John Huss*. (London, 1882).
- Wulf, M. V. *Die husitische Wagenburg*. Dissertation. (Berlin, 1889).

- Young, R. F. *Bohemian Scholars and Students at English Universities, 1347—1750* // *English Historical Review* (1923).
- Žilka, F. *The Czech Reformation and its Relation to the World Reformation* // *SEER*, 8 (1929—30), p. 284—91.

Глава IX

Источники

- Акты исторические*. Т. 1 (1334—1598). (СПб., 1841).
- Chronicle of Novgorod, 1016—1471*. Transl. by Mitchell, R., Forbes, N. (London, 1914). Примечание переводчика: *Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку*, ПСРА, т. 3. (СПб., 1841). *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. (М.; Л., 1950).
- Codex epistolaris Vitoldi 1376—1430*, ed. A. Prochaska // *Monumenta medii aevi*, t. 6. (Kraków, 1882).
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.* (М.—Л., 1950).
- Henricus Lettus. *Chronicon Livoniae* // MGH, S, Bd 23, S. 241—332. Новое издание выполнено Р. Арбузовым и А. Бауэром. (Hannover, 1955).
- Miklosich, F., Müller, I. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Bd 2. (Wien, 1860—1890).
- Paszkiewicz, H. *Regesta Lithuaniae ab origine usque ad magni Ducatis cum Regni Poloniae unione*. (Warsz., 1930).
- Petrus de Dusburg. *Chronica Terrae Prussiae* // SRP, T. 1, ed. Töpper, S. 21—219.
- Полное собрание русских летописей (ПСРА). Т. 3. (СПб., 1841). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (В 1950 г. новое издание было осуществлено А. Н. Насоновым). Новгородская третья летопись. Т. 4. (СПб., 1848). Новгородская четвертая летопись (2-е изд., Пг.; Л., 1915—1925).
- ПСРА., т. 17. (СПб., 1907). Летописи западнорусские.
- Приселков, М. Д. *Троицкая летопись: реконструкция текста*. (М.; Л., 1950).
- Richental, Ulrich v. *Chronik des Constanzer Concils*, hrsg. v. M. R. Buck. (Tübingen, 1882).
- Theiner, A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*. V. 1—3. (Roma, 1860).
- Черепнин, Л. В., *Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. 1—2. (М.—Л., 1948—51).
- Ясинский, М. Н. *Уставные земские грамоты литовско-русского государства*. (Киев, 1889).

Литература

- Ammann, A. M. *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis (1263)* // *Studien zum Werden der russischen Orthodoxie, Orient*.

- Christ. *Analecta*, vol. 105. (Roma, 1936). См. также обзор Л. Арбузова в *Kyrios*, 1 (1936), p. 294—305.
- Baumgarten, N. de. *Polotzk et la Lithuanie: Une page d'histoire* // OCP, 2 (1936), S. 223—48.
- Bellé, H. *Polen und die römische Kurie in den Jahren 1414—1424* // Osteuropäische Forschungen, Heft 2. (Berlin, 1914).
- Boswell, A. Bruce. *Poland and Lithuania in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* // GMH, vol. 8, p. 556—84.
- Chudziński, E. *Die Eroberung Kurlands durch den Deutschen Orden im 13. Jahrhundert*. (Borna, Leipzig, 1917).
- Deveike, J. *The Legal Aspect of the Last Religious Conversion in Europe* // SEER, 32 (1953—54), p. 117—31.
- Idem. *The Lithuanian Diarchies* // SEER, 28 (1950), p. 392—405.
- Gersdorf, H. *Der Deutsche Orden im Zeitalter der polnisch-litauischen Union: Die Amtszeit des Hochmeister Konrad Zöllner von Rotenstein (1382—1390)* // Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ost-Mitteleuropas, no. 29. (Marburg, 1957).
- Gnegel-Waitschies, G. *Bischof Albert von Riga: Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199—1229)*. (Hamburg, 1958).
- Goetz, L. K. *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters* // Abhandlungen des Hamburger Kolonialinstitutes, Bd 37. (Hamburg, 1916).
- Goll, J. *Kaiser Sigismund und Polen 1420—1436* // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, 15 (1894).
- Grousset, R. *L'empire des steppes: Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. (Paris, 1939).
- Grousset, R. and Bouvat, L. *L'empire mongol*. V. 1—2 // *Histoire du monde*, vol. 8, no. 3. (Paris, 1927—41).
- Halecki, O. *Imperialism in Slavic and East European History* // *The American Slavic and East European Review*, 11 (1951), p. 1—26.
- Hellmann, M. *Der Deutsche Orden und die Königskrönung des Mindaugas* // *Zeitschr. für Ostforschung*, 3 (1954), S. 387—96.
- Idem. *Das Lettenland im Mittelalter*. (Cologne, 1954).
- Idem. *Die geschichtliche Bedeutung des Grossfürstentums Litauen* // *Saeculum*, 9 (1958), S. 87—112.
- Idem. *Zu den Anfängen des litauischen Reiches* // JGO, NF, 4 (1956), S. 162 ff. Ответ Б. Т. Памяро.
- Hocij, M. *Die Krone des Mindaugas* // *Zeitschrift für Ostforschung*, 3 (1954). Ibid., 360—86 ff.
- Höfler, C. R. von. *Der Streit der Polen und der Deutschen vor dem Constanzer Konzil* // SbAW, phil.-hist. Kl. (Wien, 1880), S. 875.
- Uvinskis, Z. *Mindaugas und seine Krone* // *Zeitschrift für Ostforschung*, 3 (1954), S. 360 ff.
- Jablonowski, H. *Westrussland zwischen Wilna und Moskau*. (Leiden, 1955).

- Krollmann, C. *Die Schlacht bei Tannenberg, ihre Ursachen und ihre Folgen*. (Königsberg, 1910).
- Lamb, H. *Tamerlane, the Earth Shaker*. (New York, 1928).
- Murawski, K. E. *Zwischen Tannenberg und Thorn. Die Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad (1441—1449)* // *Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft*, Bd 10—11 (1953).
- Osten-Sacken, P. v. *Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392—1430)* // *Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurland*, 20 (1910), S. 169—294.
- Paszkievicz, H. *The Origin of Russia*. (London, 1954), p. 185—254.
- Pfitzner, J. *Grossfürst Witold von Litauen als Staatsmann*. (Brünn, 1930).
- Spuler, B. *Die Goldene Horde*. (Leipzig, 1943).
- Stökl, G. *Die politische Religiosität des Mittelalters und die Entstehung des Moskauer Reiches* // *Speculum* (1951), S. 392—412.
- Idem. *Russland von der Mongolenzeit bis zu Peter dem Grossen* // *Historia Mundi*, Bd 7 (Berne, 1957).
- Taube, M. v. *Internationale und kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum und Russland zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (12. und 13. Jahrhundert)* // *JGO*, 3 (1938), S. 11 sq.
- Idem. *Russische und litauische Fürsten an der Düna (im 12. u. 13. Jhr.)* // *JKGS* (1935), S. 495 ff.
- Vernadsky, G. *The Mongols and Russia*. (New Haven, 1953).
- Zegarski, T. *Polen und das Basler Konzil*. Dissertation (Posnań, 1910).

Глава X

Источники

- Acta Bosnae potissimum ecclesiastica* (925—1752), red. E. Fermeňđin // *Monum. spect. hist. Slav. meridional*, t. 23. (Zagreb, 1892).
- Acta Bulgariae ecclesiastica* (1556—1799), red. E. Fermeňđin // *Monum. spect. hist. Slav. meridional*, t. 18 (Zagreb, 1887).
- Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*, hrsg. v. L. de Thallóczy, C. Jireček, E. de Sufflay, Bd 1—2. (Wien, 1913, 1918).
- Acta Tomiciana*, pod red. S. Górski, Z. Celichowski. T. 1—12 (Poznań, 1852—).
Основной источник о правлении Сигизмунда I (1507—1530).
- Aeneas Silvius Piccolomini. *De statu Europae*, ed. Feher // *RGS*, vol. 2.
- Altmann, W. *Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismunds*. (Berlin, 1893).
- Archivum Jana Zamoyskiego*. T. 1—4 (Warsz., Kł., 1913—1948).
- Babinger, F. *Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke*. (Berlin, 1927). Критическая оценка ранних турецких историков; обширная библиография.

- Chalcocondilas, Laonicus. *Historiarum demonstrationes*, ed. J. Darkó. Т. 1—2. (Budapest, 1922, 1927).
- Chroniques greco-romaines inédites ou peu connues*, ed. C. Hopf. (Berlin, 1873). О Черногории и Албании в XV в.
- Codex diplomaticus comitum de Frangepanibus*, ed. L. v. Thallóczy. Т. 1—2. (Budapest, 1910).
- Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus et civilis*, ed. G. Fejer. Т. 1—40. (Budapest, 1829—44).
- Codex diplomaticus partium regno Hungariae adnexarum*, ed. L. v. Thallóczy, A. Hódinka. (Budapest, 1903—15).
- Comnenus monachus, proculus monachus* // CSHB. О сербском правлении в Фессалии и Эпире во 2-й половине XIV в. Новое издание: Sebastian Cirar Estópañan, *Bizancio y España*, vol. 2 (Barcelona, 1943).
- Critobulus, M. *Fragmenta histor.*, *graec.*, ed. C. Müller, vol. 5. Ср. статью J. Radonić в «Гласнике» Сербской Академии наук и Искусств (т. 138, Белград, 1930). Англ. перевод: T. Riggs, *History of Mehmed the Conqueror*. (Princeton, 1954).
- Diplomaterium relationum rei publicae Ragusanae cum regno Hungariae*, ed. L. v. Thallóczy. (Budapest, 1887).
- Djuradj Kastriot Skenderbeg i Arbanija u XV veku. Istoriska gradja*, red. J. Radonić. (Belgrade, 1942). Документы о Скандербеге.
- Dlugosius, Johannes. *Historiae Polonicae, libri XII, ab antiquissimis temporibus ad a. 1480* // *Opera omnia*, pod red. A. Przeździecki. Т. 5—9. (Kraków, 1873—78).
- Ducas, Michaelus. *Historia* (1347—1462) // CSHB.
- Ebendorfer, Thomas. *Chronicon austriacum* // SRA, t. 2.
- Fekete, L. *Einführung in die osman-türkische Diplomatie der türkischen Botmässigkeit in Ungarn*. (Budapest, 1926).
- Fontes Historiae Bulgaricae* (Sofia, 1954—), т. 1 — греческие источники; т. 2 — латинские источники; т. 4—5 — турецкие источники с переводом на болгарский язык.
- Georgii Sirmiensis Epistola de perditione regni Hungarorum* // МНН, t. 1 (Budapest, 1857).
- Georgius Phrantzes, Joannes Cananus, Joannes Anagnostes // CSHB, 1838.
- Jorga, N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe s.* V. 1—6 (Paris, 1889—1916).
- Leunclavius. *Historiae musulmanae Turcorum, libri XVIII*. (Frankfurt, 1591). Переводы турецких источников.
- Lezze, Donado da. *Historia turchesca, 1300—1514*, ed. I. Ursu (București, 1909).
- Matricularum Regni Poloniae Summaria*, pod red. T. Wierzbowski. Cz. I—IV, Т. I—III (1447—1548). (Warsz., 1905—15).
- Monumenta vetera Slavorum meridionalium historiam illustrantia*, ed. A. Theiner. V. 1—2. (Roma, 1863—75).

- Neuman, K. F. *Reisen des Johannes Schiltberger aus München 1394—1427*. (München, 1859). О Никопольском сражении.
- Neshri, Mehemed. *Gihannümā; die altosmanische Chronik*, hrsg. v. T. Menzel, F. Taeschner. (Leipzig, 1951—55).
- Philippi Callimachi Historia rerum gestarum in Hungaria et contra Turcos per Vladislaum Poloniae et Hungariae regem* // МРН, 6, S. 1—162.
- Thuriocz, Johannes de. *Chronica Hungarorum*, ed. Schwandtner // SRH, 1 (1746).
- Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, ed. A. Theiner. V. 1—2. (Roma, 1859—60).
- Windecke, Eberhart. *Historia vitae imp. Sigismundi vernacula 1386—1442*. Ed. W. Altman. (Berlin, 1893).

См. также греческие источники к гл. V. Выше перечислены основные источники.

Литература

- Alexandrescu-Dersca, M. M. *La campagne de Timur en Anatolie* (1402). (București, 1942).
- Andrić, A. *Geschichte des Fürstentums Montenegro von der ältesten Zeit bis zum Jahre 1852*. (Wien, 1853).
- Angelov, D. *Certains aspects de la conquête des peuples balkaniques par les Turcs* // Byzantinoslavica, 17 (1956), p. 220—75.
- Atiya, S. A. *The Crusade of Nicopolis*. (London, 1934).
- Babinger, F. *Mehmed der Eroberer und seine Zeit: Weltenstürmer einer Zeitwende* (München, 1953). Французский перевод — H. E. del Medico, *Mahomet II, le Conquérant et son temps* (1432—1481). (Paris, 1954).
- Idem. *Von Amurath zu Amurath, Vor- und Nachspiel der Schlacht bei Varna (1444)* // Oriens, 3 (1950), S. 229—65.
- Bain, R. N. *The Siege of Belgrade by Muhammad II, 1456* // English Historical Review, 8 (1892), p. 235—52.
- Beckmann, G. *Der Kampf Kaiser Sigismunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen 1392—1437*. (Gotha, 1902).
- Braun, M. *Lebensbeschreibung des Despoten Stefan Lazarević von Konstantin dem Philosophen: Im Auszug herausgegeben und übersetzt*. (Haag, 1956).
- Brauner, A. *Die Schlacht bei Nikopolis*. Bd 1—4. (Hamburg, 1838—45).
- Dujčev, I. *La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine* // Byzantinoslavica, 14 (1953), p. 16—54; 16 (1955), p. 318—29; 17 (1956), p. 276—340. Содержит важную библиографию по славянским источникам.
- Fekete, L. *Das Fethnâme über die Schlacht bei Varna* // Byzantinoslavica, 14 (1953), S. 258—70.
- Fraknói, V. *Mathias Corvinus, König von Ungarn*. (Freiberg i. B., 1891).

- Gegaj, A. *L'Albanie et l'invasion turque au XVe siècle* // Université de Louvain, Recueil de travaux publiés par les membres des conférences d'histoire et de philologie, 2e série, fasc. 40. (Paris, 1937).
- Gopčević, S. *Geschichte von Montenegro und Albanien*. (Gotha, 1914), S. 79—124.
- Gruber, D. *Kampf der Kroaten mit den Türken seit dem Falle Sigets (1556) bis zum Frieden von Zitva-Darog (1606)*. (Agram, 1879).
- Gündisch, G. *Die Türkeneinfälle in Siebenbürgen bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts* // JGO, 2 (1937), S. 393—412.
- Halecki, O. *The Crusade of Varna: a Discussion of Controversial Problems*. (New York, 1943).
- Idem. *Angora, Florence, Varna, and the Fall of Constantinople* // Akten des XI byzantin. Kongresses (München, 1959), p. 217—20.
- Hammer-Purgstall, J. v. *Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft*. (Wien, 1856).
- Huber, A. *Die Kriege zwischen Ungarn und Türken 1440—1443* // Archiv für österreichische Geschichte, 68 (1886).
- Idem. *Ludwig I. von Ungarn und die ungarischen Vasallenländer*. (Wien, 1884).
- Jorga, N. *La Campagne des Croisés sur le Danube*. (Paris, 1927).
- Idem. *Geschichte des osmanischen Reiches nach den Quellen dargestellt*. (Gotha, 1908, 1909) (т. 1 — до 1451 г.; т. 2 — до 1538 г.).
- Klaić, V. *Geschichte Bosniens*. (Leipzig, 1889). S. 248—439.
- Kohler, I. *Die Schlachten bei Nikopolis und Varna*. (Breslau, 1882).
- Kuperlwieser, L. *Die Kämpfe Ungarns mit den Osmanen bis zur Schlacht bei Mohács*. (Wien, 2. Aufl. 1899).
- Lechat, R. *Lettres de Jean de Tagliacozzo sur le siège de Belgrade et la mort de St. Jean Capistran* // Analecta Bollandiana, 39 (1921).
- Lybyer, A. H. *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent*. (Cambridge, Mass., 1913).
- Miklošić, F. *Die serbischen Dynasten Crnojević* // SbAW, phil.-hist. Kl. (Wien, 1886).
- Miller, W. *The Founder of Montenegro* // English Historical Review, 25 (1910).
- Norden, W. *Das Papsttum und Byzanz*. (Berlin, 1903), S. 164—744.
- Novaković, St. *Die Serben und Türken*. См. главу V.
- Ostrogorski, G. *History of the Byzantine State*. (New Brunswick, 1957), p. 457—509.
- Polišenský, J. V. *Bohemia, the Turk and the Christian Commonwealth (1462—1520)* // Byzantinoslavica, 14 (1954), p. 82—108.
- Popescu, M. *Die Stellung des Papsttums und des christlichen Abendlandes gegenüber der Türkengefahr vom Jahre 1523 bis zur Schlacht bei Mohacz, 1526*. (1887). Для меня недоступна.
- Radonić, T. *Histoire des Serbes de Hongrie*. (Paris, 1919).
- Rosetti, R. *Stephen the Great of Moldavia and the Turkish Invasion (1457—1503)* // SEER, 6 (1927—28), p. 87—103.

- Šišić, F. *Die Schlacht bei Nikopolis* // WMBH, 6 (1899), S. 291—327.
- Idem. *Die Schlacht bei Nikopolis 1396*. (Wien, 1899).
- Idem. *Die Wahl Ferdinands I. von Österreich zum König von Kroatien*. (Zagreb, 1917).
- Skok, P. *L'importance de Dubrovnik dans l'histoire des Slaves* // Le Monde Slave, 8 (1931), p. 161—71.
- Thallóczy, L. v. *Ungarn und Ragusa* // Ungarische Revue, 9 (1889), S. 1—10, 85—96.
- Idem. *Zur Geschichte der Despotenfamilie Branković. Bruchstücke aus der Geschichte der nordwestlichen Balkanländer* // WMBH, 3 (1895).
- Ursu, J. *Die auswärtige Politik des Peter Rareș, Fürst der Moldau*. (Wien, 1908).
- Villari, L. *The Republic of Ragusa, an Episode of the Turkish Conquest*. (London, 1904).
- Vlajić, P. W. *Untergang des bosnischen Königreiches*. (Sarajevo, 1926).
- Wostry, W. *König Albrecht II. (1437—1439)*. Bd 1—2. (Praha, 1906, 1907).
- Zinkeisen, J. W. *Geschichte des osmanischen Reiches in Europa*. Bd 1—7. (Hamburg, 1840—63.) Сохраняет ценность.

Глава XI

Источники

- Дневник Люблинского сейма 1569 года*, под ред. М. Ковалевича (СПб., 1869).
- Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum*, pod red. J. Karwasińska. 2 wyd., t. 1—2 (Poznań, 1890—1935).
- Paszkiewicz, H. *Regesta Lithuaniae ab origine usque ad magni Ducatus cum Regno Poloniae unionem*. (1930).
- Paul Vladimir, Rector of Cracow University. *Scriptum denunciatorium errorum Satyrae J. Falkenberg. Concilio Constantiensi datum*, ed. S. Betch. (Sacrum Poloniae Millenium.) (Roma, 1955). Vol. 2, p. 165—192. Текст и комментарий на английском языке; хорошая библиография.
- Regesta Historico Diplomatica ordinis S. Mariae Theutonicorum*, ed. E. Joachim, W. Hubatsch. Bd 1, 1198—1454; Bd 2, 1455—1510. (Göttingen, 1948—50).
- Rüssow, B. *Livländische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen Anmerkungen versehen von E. Pabst*. (Reval, 1845).
- SRP, ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. T. 1—5. (Leipzig, 1861—74). До конца существования Тевтонского ордена. T. 1—*Petri de Dusburg Chronicon*.
- Töppen, M., hrsg. *Akten der Ständtage Preussens*. Bd 1—5. (Königsberg, 1836—61).
- Voigt, J. *Codex diplomaticus prussicus*. Bd 1—6. (Königsberg, 1836—61).

Подробнее источники указаны в трудах Ф. Л. Карстена, А. Б. Босуэлла и В. Хубача (см. Библ. к главам I, III, XI).

Литература

См. также главы III и IV

- Barthold, F. W. *Geschichte der deutschen Hanse*. 2. Aufl. (Leipzig, 1909).
- Forstreuter, K. *Der Deutsche Orden und Südosteuropa* // Kyrios, 1 (1936).
- Idem. *Die preussische Flotte im 16. Jahrhundert* // Altpreuussische Forschungen, 17 (1940), S. 113 ff.
- Idem. *Zu den Kriegsstudien des Herzogs Albrecht von Preussen* // Altpreuussische Forschungen, 19 (1942).
- Idem. *Preussen und Russland*. (Göttingen, 1955).
- Gersdorf, H. *Der Deutsche Orden im Zeitalter der polnisch-litauischen Union: Die Amtszeit des Hochmeisters Konrad Zöllner von Rotenstein (1382—1390)* // Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ost-Mitteleuropas, 29. (Marburg, 1957).
- Halecki, O. *L'évolution historique de l'Union polonolithuanienne* // Le Monde Slave, 2 (1926).
- Hellmann, M. *Das Lettenland im Mittelalter*. (Münster, 1954).
- Helm, K., Ziesemer, W. *Die Literatur des Deutschen Ritterordens*. (Giessen, 1951).
- Heyden, H. *Kirchengeschichte Pommerns, Osteuropa und der deutsche Osten*. Bd 1—2, 2. Aufl. (Köln—Braunfeld, 1957).
- Hirn, J. *Die Renuntiation des Deutschmeisters Maximilian auf Polen und die damit zusammenhängenden Ereignisse 1587—1603: Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-nordischen Politik in den Tagen Kaiser Rudolfs II.* // Mitteilungen der Institut für österr.-Gesch.-Forsch., Erg. Bd 4 (1893), S. 248—96.
- Hötsch, O. *Die polnisch-litauische Union* // ZOG, 1 (1911), S. 604—10.
- Hubatsch, W. *Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens* // Quellensammlung zur Kulturgeschichte, Bd 5. (Göttingen, Frankfurt, Berlin, 1954.), S. 191—98: Источники и библиография.
- Joachim, E. *Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg* // Publikationen aus den preuss. Staatsarchiven, Bd 50, 58, 61. (Leipzig, 1892—93).
- Karge, P. *Herzog Albrecht von Preussen und der Deutsche Orden* // Altpreuussische Monatschrift, 39 (1902).
- Kirchner, W. *The Rise of the Baltic Question*. (Newark, 1954).
- Lelewel, J. *Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie jusqu'à leur union definitive avec la Pologne conclue à Lublin en 1569*. Trad. par E. Rykaczewski. (Paris, Leipzig, 1861).
- Lohmeyer, K. *Geschichte von Ost- und Westpreussen*, Abt. 1, до 1411, 3. Aufl. (Gotha, 1908).
- Murawski, K. E. *Zwischen Tannenberg und Thorn: Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad von Erlichshansen 1441—49*. (Göttingen, 1953).
- Nieborowski, P. *Der Deutsche Orden und Polen in der Zeit des grössten Konfliktes*. 2. Aufl. (Breslau, 1924).

- Nimmert, B. *Danzigs Verhältnis zu Polen in den Jahren 1466—1492* // Zeitschrift des westpreuss. Geschichtsvereines, 53 (1912), S. 109—201.
- Oehler, M. *Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen 1409—11*. (Elbing, 1910).
- Perlbach, M. *Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters*. Bd 1—2. (Halle, 1896).
- Rundstedt, H. G. v. *Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zur Schlacht bei Tannenberg, 1410*. (Weimar, 1937).
- Schienenmann, Th. *Russland, Polen, und Livland*. (Berlin, 1887).
- Thomson, E. *Baltische Bibliographie 1945—1956* // Ostdeutsche Beiträge aus dem Göttinger Arbeitskreis, Bd 5. (Würzburg, 1957).
- Thunert, F. *Der grosse Krieg zwischen Polen und dem deutschen Orden 1410 bis 1 Febr. 1411*. Dissertation. (Königsberg, 1886, Zeitschrift des westpreuss. Geschichtsvereines, 16, 1886.).
- Weise, E. *Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jh.* Bd 1—2. (Königsberg, Marburg, 1939, 1955).
- Idem. *Das Widerstandsrecht im Ordenslande Preussen und das mittelalterliche Europa* // Veröffentlichungen der niedersächsischen Archivverwaltung, Heft 6. (Göttingen, 1955).
- Wittram, R. *Baltische Geschichte: Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180—1918: Grundzüge und Durchblicke*. (München, 1954).
- Idem. *Baltische Kirchengeschichte*. (Göttingen, 1956).
- Zegarski, T. *Polen und das Basler Konzil*. Dissertation. (Posen, 1910).

Глава XII

Источники

См. также главы IX и XV

- Acta Alexandri regis, Poloniae* (1501—06), ed. F. Papée. (Kraków, 1927) // *Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia*, t. 19.
- Acta et diplomata graeca*, см. гл. IX, Т. Miklosich.
- Acta Stephani regis* (1576—86), ed. J. Polkowski // *Acta historica res gestas Poloniae illustr.*, 11 (1889).
- Acta Tomiciana*, см. источники к гл. X.
- Акты исторические*. Т. 1—5. (СПб., 1841—43). См. т. 1, СПб., 1841.
- Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1—5. (СПб., 1846—53). Т. 1 (1561—1568; привилеи литовских князей), т. 2 (1568—1638); т. 3 (1544—1587).
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*. Т. 1—15. (СПб., 1863—92). Т. 1 (1561—1568; церковное право); т. 2 (1599—1637).
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук*. Т. 1—4. (СПб., 1836).

Акты юридические. СПб., 1838.

Архив Юго-Западной России. Ч. 1—8. (Киев, 1859—1914). Ч. 1, т. 1—9 (1859—93); ч. 2, т. 1 (1861); ч. 3, т. 1, 2, 3, 5 (1863—1902); ч. 6, т. 1, 2, 4, 6 (1876—1911); ч. 7, т. 1, 2 (1886—90).

Codex diplomaticus Poloniae..., pod red. L. Ryszewski, A. Vaczkowski. Т. 1—3. (Warsz., 1847—1887). Источники до 1506 г.

Documenta pontificum Romanorum historiam Ukrainae illustrantia (1075—1953). Vol. 1 (1075—1700), ed. A. G. Welykyj. (Roma, 1953).

Giovio, Paolo. *The Historie of the Legation or Ambassade of Greate Basilius, prince of Moscovia, to pape Clement the VI* // P. M. Anglerius, *The Three Decades of the Newe Worlde.* (London, 1555).

Документы правления Стефана Батория. Большая часть опубликована А. Павинским в *Źródła dziejowe*, 21 т. (Warsz., 1876—94). Т. 2, 3, 4, 8, 9. Т. 8 посвящен Королевской Пруссии и Сигизмунду Августу.

Herberstein, S. v. *Rerum Moscoviticarum commentarii.* (Vienna, 1549). Engl. Transl. by O. P. Backus. (Lawrence, Univ. of Kansas, 1956).

Monumenta Poloniae historica. Т. 1—6. (Lwów, 1869—88, Kraków, 1893). См. т. 5.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Т. 1—10. (СПб., 1851—1871). Т. 1, 2 (1588—1621 гг.).

Pierling, P. *Bathory et Possevino: Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves.* (Paris, 1887).

Послания Ивана Грозного (под ред. Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье). (М.; Л., 1951).

Русские летописи:.

Новгородская четвертая летопись. ПСРА, т. 4, 2-е изд. (Пг.; Л., 1915—1925).

Хронограф редакции 1512 года. ПСРА, т. 22, ч. 1. (СПб., 1911).

Летопись Софийская вторая. ПСРА, т. 6. (СПб., 1853).

Степенная книга: Книга Степенная царского родословия. ПСРА, т. 21, ч. 1—2. (СПб., 1908—13).

Летопись Тверская. ПСРА, т. 15. (СПб., 1863).

Летопись Воскресенская. ПСРА, т. 7—8. (СПб., 1856—59).

Летописный свод Московский великокняжеский конца XV в. ПСРА, т. 25. (М.; Л., 1949).

Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 1—39. (СПб.—Пг.—Л., 1872—1927). Т. 2, 3, 6; Литовская метрика—т. 20, 27, 30, 33.

Сборники русского исторического общества (РИО). Т. 1—148. (СПб.—Пг., 1867—1916). Т. 35 (Польша, Литва, 1487—1530 гг.); т. 37 (Англия); т. 40 (Крымские, казанские татары, турки, 1479—1480 гг.); т. 41 (Татары).

Theiner, A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae* (1217—1775). Vol. 1 (Roma, 1860—64); vol. 2 (Roma, 1861); vol. 3 (Roma, 1863).

Ziegler, A. W. *Vier bisher nicht veröffentlichte Briefe Isidors von Kijev* // BZ, 44 (1951), S. 570—77. Cf. OCP, 18 (1952), S. 135—42.

Литература

Alef, G. *The Political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasili II* // Speculum, 34 (1959), p. 1—19.

Amann, A. M. *Ostslavische Kirchengeschichte*. (Wien, 1950).

Bächtold, R. *Südwestrussland im Spätmittelalter: Territoriale, wirtschaftliche und soziale Verhältnisse*. (Basel, 1951).

Baumgarten, N. de. *Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIVe au XVIe siècle* // Orientalia Christiana, 94 (1934).

Bouvat, L. *L'empire mongol, 2e phase*. (Paris, 1927).

Cherniavsky, M. *The Reception of the Council of Florence in Moscow* // Church History, 24 (1955), p. 347—59.

Etienne Batory, *Roi de Pologne, Prince de Transylvanie* // Recueil de travaux publiés par l'Académie Polonaise et l'Académie Hongroise. (Kraków, 1935). Указания на источники и полная библиография о Батории и его времени (стр. 513—64).

Forstreuter, K. *Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen*. (Göttingen, 1955). См. также гл. XI.

Geanakoplos, D. *The Council of Florence and the Problem of Union Between the Greek and Latin churches* // Church History, 24 (1955), p. 324—46.

Golder, F. A. *Russian Expansion on the Pacific (1641—1850)*. (Cleveland, 1914).

Hofmann, G. *Quellen zu Isidor von Kiew als Kardinal und Patriarch* // Orientalia Christiana periodica, 18 (1952), p. 143—57.

Jablonowski, H. *Die Aussenpolitik Stephan Bathorys* // JGO, 21 (1937).

Idem. *Westrussland zwischen Wilna und Moskau: Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh.* (Leiden, 1955).

Johansen, P. *Novgorod und die Hanse*. См. примечание 13.

Karhunen, K. I. *Jean III et Stefan Batory: Études sur les relations politiques entre la Suède et la Pologne de 1576 à 1583*. (Genève, 1911).

Lantzeff, G. V. *Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration*. (Berkeley, Cal., University of California Press, 1943).

Lubimenko, I. *England's Part in the Discovery of Russia* // SEER, 6 (1927—28), p. 104—18.

Idem. *Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand* // Bibliothèque de l'Ecole des hautes Etudes, Sect. hist. et phil., fasc. 26. (Paris, 1933). Обширная библиография.

Malowist, M. *Poland, Russia, and Western Trade in the 15th and 16th Centuries* // Past and Present, 13 (1958).

Medlin, W. K. *Moscow and East Rome*. (Geneva, 1952).

- Müller, G. F. *Conquest of Siberia and the History of Transactions, Wars, Commerce, etc., carried on between Russia and China from the Earliest Period.* (London, 1842).
- Nolde, B. *La formation de l'empire russe, études, notes et documents.* (Paris, 1952). Vol. 1. Продвижение на Волгу, в Сибирь и на Урал. Полная библиография источников и исследовательских работ.
- Paczkowski, J. *Sigmund August als Grossfürst-Regent von Litauen (1544—1548)* // ZOG, 3 (1913), S. 548—58.
- Paszkievicz, H. *The Origin of Russia.* (London, 1954), p. 183—254.
- Philipp, W. *Ein Anonymus der Tver Publizistik im 15. Jahrhundert* // Festschrift für Dmytro Čyževskij. (Ost-Europ. Institut der freien Universität Berlin, slavistische Veröffentlichungen, Bd 16.) (Berlin, 1954).
- Pierling, P. *Antonio Possevino: Missio Moscovitica.* (Paris, 1882).
- Idem. *Un nouveau nonce du pape en Moscovie.* (Paris, 1884).
- Idem. *Papes et Tsares.* (Paris, 1890).
- Idem. *Rome et Moscou (1547—79).* (Paris, 1883).
- Idem. *La Russie et le Saint-Siège, études diplomatiques.* V. 1—5, 2 éd. (Paris, 1906—1912).
- Rahmer, H. *Vom ersten bis zum dritten Rome.* (Rektoratsrede, Innsbruck, 1950).
- Ramm-Helmsing, H. v. *Die Moskauer Westpolitik Ivan III, und Ivan IV* // Deutsche wissenschaftliche Zeitschrift für Polen, 33 (1937), S. 61—69.
- Schaffgotsch, K. *Iwan der Schreckliche: Geschichte seines Reiches und seiner Zeit.* (Wien, 1941).
- Semjonov, Juri. *Die Eroberung Sibiriens: Ein Epos menschlicher Leidenschaften: Der Roman eines Landes.* (Berlin, 1937). Популярное издание.
- Ševčenko, I. *Intellectual Repercussions of the Council of Florence* // Church History, 24 (1955), p. 291—323.
- Smolitsch, I. *Leben und Lehre der Starzen.* (Wien, 1936). Рец.: BZ, 38 (1938), S. 180. См. также гл. XIII.
- Idem. *Zur Geschichte der russischen Ostpolitik des 15. und 16. Jhs* // JGO, 6 (1941), S. 55—84.
- Špidlik, T. *Joseph de Volololamsk, un chapitre de la spiritualité russe.* (Roma, 1956).
- Spuler, B. *Die Goldene Horde.* (Leipzig, 1943).
- Stökl, G. *Russland und Europa vor Peter dem Grossen* // HZ, 184 (1957), S. 531—54.
- Stratonov, I. A. *Die Reform der Lokalverwaltung unter Ivan IV.* // ZOG, 7 (1932), S. 1—20.
- Vernnadsky, G. *The Expansion of Russia* // Transactions of the Connecticut Academy, 31 (New Haven, 1933), p. 391—425.
- Idem. *The Heresy of the Judaizers and the Policy of Ivan III of Moscow* // Speculum, 8 (1933), p. 436—54.
- Idem. *The Mongols and Russia.* (New Haven, 1953).
- Waliszewski, K. *Ivan le Terrible.* (Paris, 1904).
- Wipper, R. *Ivan Grozny.* Transl. by J. Fineberg. (Moscow, 1947).

- Ziegler, A. *Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche* // Das östl. Christentum, Heft 4—5. (Würzburg, 1938).
- Zivier, E. *Neuere Geschichte Polens*. Bd 1, Die zwei letzten Jagellonen (1506—1572). (Gotha, 1915).

Глава XIII

Литература

- Ainalov, D. *Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau*. (Berlin, Leipzig, 1933).
- Alpatov, M., Brunov, N. *Geschichte der altrussischen Kunst*. (Augsburg, 1932).
- Andreyev, N. *The Pskov-Pechery Monastery in the 16th Century* // SEER, 32 (1953—54), p. 318—43.
- Backvis, C. *Le renvoi des ambassadeurs grecs, tragédie classique et drame polonais* // Annuaire de l'Institut de Philol. et d'Hist. Orient, et Slaves, 11 (1951), p. 31—60.
- Badalić, J. *Marko Marulić in Deutschland* // Die Welt der Slaven, 5 (1960), S. 245 ff.
- Bräuer, H. *Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur* // ZSPH, 27 (1959), S. 322—347. Статья касается филологических проблем.
- Bunt, C. G. E. *A History of Russian Art*. (London, New York, 1946).
- Buxton, D. R. *Russian Medieval Architecture*. (Cambridge, 1934).
- Conant, K. G. *Medieval Russian Churches*. (Boston, 1949), p. 65—90.
- Čorović, V. *Serbische Volkslieder über den Abgang des hl. Sava zu den Mönchen* // ASPH, 28 (1906).
- Cronia, A. *Storia della letteratura serbo-croata*. (Milan, 1956), p. 1—119. До 17 в.; очень общего характера.
- Idem. *Marko Marulić* // Wiener slavist. Jahrbuch, 3 (1953), S. 5—21.
- Deanović, M. *Anciens contacts entre la France et Raguse*. (Zagreb, 1950).
- Denisoff, E. *Maxime le Grec et l'Occident*. (Louvain, Paris, 1943).
- Filipović, V. *Marko Marulić als Philosoph* // Die Welt der Slaven, 2 (1957), S. 259 ff.
- Grabar, I. *Die Malerschule des alten Pskow zur Frage der Dezentralisierung des künstlerischen Nachlasses von Byzanz* // Zeitschrift für bildende Kunst, Heft I. (Leipzig, 1929—30).
- Grumel, V. *La personnalité de Maxime le Grec* // Revue des études byzantines, 2 (1944), p. 255—60.
- Gudzij, N. K. *History of Early Russian Literature*. Transl. by S. W. Jones. (New York, 1949).
- Hamilton, G. H. *The Art and Architecture of Russia*. (Baltimore, 1954).
- Hrdina, C. *Commentarius brevis et iucundus itineris atque peregrinationis... susceptae ab illustri... barone de Rosmital et Blatna*. (Praha, 1951). См. также ниже публикацию М. Леттса.
- Jagić, V. *Die christlich-mythische Schicht in der russischen Volksepik* // ASPH, 1 (1876).

- Idem. *Der erste Cetinjer Kirchendruck v. J. 1494* // Denkschriften der Wiener Academie, 43 (1895).
- Jireček, C. (K.) *Beiträge zur ragusanischen Literaturgeschichte* // ASPH, 21 (1898).
- Idem. *Die mittelalterliche Kanzlei der Ragusaner* // ASPH, 25, 26 (1903, 1904).
- Idem. *Der ragusanische Dichter Šiško Mencetić* // ASPH, 19 (1896).
- Jugie, M. *Maxime l'Hagiorite, dit le Grec* // Dictionnaire de théologie Catholique, 10 (Paris, 1928), cols. 460—63.
- Kjellin, H. *Ryska Ikoner*. (Stockholm, 1956).
- Klonowicz, S. *The Boatman*. Transl. by M. Coleman // Cambridge Springs, P., 1958.
- Kloss, E. *Die schlesische Buchmalerei des Mittelalters*. (Berlin, 1942).
- Klostermann, R. A. *Maxim Grek in der Legende* // Zeitschrift für Kirchengeschichte, 53 (1934), S. 171—228.
- Ян Кохановский. Сочинения.
- Die Abfertigung der griechischen Gesandten*. Übers. v. A. Stylo. (Kraków, 1901).
- Cochanovius, J. *Carmina Latina*, pod red. J. Przyborowski. (Warsz., 1884).
- Jean Kochanowski. *Chants*. Traduits du polonais avec une introduction et un commentaire par J. Langlade. (Paris, 1932).
- Choix de poèmes de Jean Kochanowski*. Traduit. par A. Mary. (Paris, 1931).
- Jan Kochanowski. *Lamenti (Treny)*, versione poetica dal polacco di E. Damiani. (Inst. Per l'Eur. Orient.) (Roma, 1930).
- Laments by Jan Kochanowski*. Versified by D. Prall. (Berkeley, 1920).
- Poems by Jan Kochanowski*. Transl. by D. Radin, M. B. Peacock, R. E. Merrill, H. H. Havermale, G. R. Noyes. (Berkeley, 1928). «Трены», «Отказ греческим послам» и др.
- Threnes de J. Kochanowski (1530—1584)*. Traduits du Polonais par Rognigny. (Paris, 1919).
- Ян Кохановский. Исследования.
- Bruchnalski, W. *Jan Kochanowski (1529—1584)* // SEER, 9 (1930—31), p. 56—78.
- Cf. *ibid.*, 6 (1927—28), p. 401—14, St. John's Eve, transl. by G. R. Noyes, M. B. Peacock; *ibid.*, 4 (1925—26), p. 317—20, Laments, transl. by D. Prall.
- Jan Kochanowski und das Judentum: Ein Beitrag zur polnischen Literaturgeschichte*. Ch. Wolf Steckel. (Breslau, 1937).
- Langlade, J. *Jean Kochanowski, l'homme, penseur, le poète lyrique*. (Paris, 1932). Библиография.
- Pietrkiewicz, J. *The Mediaeval Dream-Formula in Kochanowski's Treny* // SEER, 31 (1952—53), p. 388—404.
- Weintraub, W. *Kochanowski's Renaissance Manifesto* // SEER, 30 (1951—52), p. 412—24.
- Kondakov, N. P. *The Russian Icon*. Transl. by E. H. Minns. (Oxford, 1927).
- Idem. *The Russian Icon*. T. 1—4. (Praha, 1928—33).
- Kot, S. *Five Centuries of Polish Learning*. (Oxford, 1941.), p. 1—16.

- Idem. *L'Humanisme et la Renaissance en Pologne* // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 15. (Genève, 1953).
- Kot, S. *Le rayonnement de Strassbourg en Pologne à l'époque de l'Humanisme* // RES, 27 (1951).
- Kozak, E. *Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Litteratur bei den Slaven* // Jahrbücher für protestantische Theologie, 18 (1892).
- Kowalczyk, G. *Die Denkmäler der Kunst in Dalmatien*. (Berlin, 1910).
- Kurbskij, A. M. *The Correspondence between A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia, 1569—1573*, ed. with a translation and notes by J. L. I. Fennell. (Cambridge, 1955).
- Letts, M. *The Travels of Leo of Rožmítal through Germany, Flanders, England, France, Spain, Portugal and Italy, 1465—67* // Publications of the Hakluyt Society, second series. (Cambridge, 1957).
- Loukomski, G. K. *L'architecture religieuse russe du XIe siècle au XVIIe siècle*. (Paris, 1929).
- Martel, A. *La langue polonaise dans les pays ruthènes*. (Lille, 1938).
- Moravski, K. *Histoire de l'Université de Cracovie*. Vol. 1. (Kr., 1900—05).
- Music of the Polish Renaissance: A Selection of Works from the XVIth and Beginning of the XVIIth Century*, ed. by J. M. Chromiński and Z. Lissa. (Warsz., 1955).
- Памятники полемической литературы Западной Руси* // РИБ, т. 4, 7, 13.
- Pelesz, J. *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*. Bd 1—2. (Würzburg, Wien, 1881).
- Pešina, J. *Painting of the Gothic and Renaissance Periods, 1450—1550*. (Prague, 1958).
- Petković, V. R. *L'art dalmate du moyen âge*. (Paris, 1919).
- Philipp, W. *Ein Anonymus der Toerer Publizistik im 15. Jahrhundert* // Festschrift für Dmytro Čyževskyj. (Ost-Europa-Institut an der Freien Universität Berlin, slavistische Veröffentlichungen, vol. 5) (Berlin, 1954), S. 230—48.
- Idem. *Über das Verhältnis des 'Slovo o pogibeli russkoj zemli' zum 'Žitie Aleksandra Nevskogo'* // FOG, 5 (1957), S. 7—37.
- Pollak, O. *Studien zur Geschichte der Architektur Prags 1520—1600*. (Wien, 1910).
- Prohaska, D. *Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegowina*. (Zagreb, 1911).
- Prokop, A. *Die Markgrafschaft Mähren in kunstgeschichtlicher Beziehung*. Bd 1—4. (Wien, 1904). Преимущественно об архитектуре.
- Rambud, A. *La Russie épique*. (Paris, 1876).
- Reau, L. *L'art russe*. (Paris, 1920). Образцовая работа.
- Russian Icons*. UNESCO (1958). Текст В. Н. Лазарева и О. Демуса на английском, французском, немецком и русском языках.
- The Sacred Art in Poland*. Vol. 1, *Architecture, Ars Christiana*, ed. A. Krauze (Warsz., 1956); vol. 2, *Religions painting* (Warsz., 1958). Текст также на французском и немецком языках.

- Schweingurth, P. *Aristotile Fioravanti: Die italienische Forschung und das Buch von V. Snegirev* // JGO, 2 (1937), S. 413—32.
- Idem. *Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter*. (Haag, 1930). Образцовая работа.
- Serbo-Croatian Heroic Songs*, collected by M. Parry, edited and translated by A. B. Lord, 2 vols. (Cambridge, Mass., Belgrade, 1953, 1954).
- Setschkareff, V. *Die Dichtungen Gundulićs und ihr poetischer Stil*. (Bonn, 1952).
- Skarga, P. *Les sermons politiques*. Trad. par A. Berga. (Paris, 1916).
- Idem. *The Eucharist*. Transl. E. J. Dworaczek. (Milwaukee, 1939).
- Smolitsch, I. *Russisches Mönchtum*. (Augsburg, 1953).
- Idem. *Studien zum Klosterwesen Russlands* // Kyrios, 4 (1939).
- Stang, C. S. *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. (Oslo, 1935).
- Stanojević, S. *Die Biographie St. Lazarević's von Konstantin dem Philosophen als Geschichtsquelle* // ASPH, 18 (1896).
- Stele, F. *Monumenta artis Slovenicae*. Vol. 1—2 (Ljubljana, 1935—38). Vol. 1: Средневековая фресковая живопись.
- Strojev, V. *Zur Herkunftsfrage der Judaiser* // ZSPH, 11 (1934).
- Шимонович, III. *Избранные произведения* // J. Bowring, *Specimens of the Polish Poet*. (London, 1827).
- Trogrančić, F. *Storia della letteratura croata*. (Roma, 1953). 15—19 вв. Рецензия И. Яварека в SEER, 32 (1953—54), p. 550 ff.
- Ulbrich, A. *Kunstgeschichte Ostpreussens von der Ordenszeit bis zur Gegenwart*. (Königsberg, 1932).
- Unbegaun, B. *Les relations vieux-russes sur la prise de Constantinople* // RES, 9 (1920), p. 13—28.
- Vaillant, A. *La langue de Dominko Zlatarić, poète ragusain*. V. 1—2. (Paris, 1928—31).
- Idem. *Les piesni razlike de D. Zlatarić*. (Paris, 1928).
- Vernadsky, G. *Russia at the Dawn of the Modern Age*. (New Haven, 1959).
- Voyce, A. *Russian Architecture*. (New York, 1948). В основном о современной архитектуре.
- Waczynski, B. *Nachklänge der Florentischen Union*, см. гл. XVIII.
- Wesselofsky, A. *Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos* // ASPH, 9 (1886), S. 282—91.
- Idem. *Neue Beiträge zur Geschichte der Salomonsage* // ASPH, 6 (1882), S. 393—411, 548—90.
- Winfield, D. *Four Historical Compositions from the Medieval Kingdom of Serbia* // Byzantinoslavica, 19 (1958), p. 251—78.
- Woermann, K. *Geschichte der Kunst*. 2. Aufl. (Leipzig, Wien, 1919). Bd 4, S. 313—22, 444—49.
- Wolffgramm, *Die osmanische Reichskrise im Spiegel der bulgarischen Haidukengedichte* // Leipziger Vierteljahrschrift für Südostforschung, 16 (1942), S. 341—72.
- Wollner, W. *Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen*. (Leipzig, 1879).

- Woltner, M. *Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung* // ZSPh, 21 (1953), S. 159 ff., 344 ff.; 23 (1955), S. 189—200; 27 (1959), S. 179—198. Обширная библиография. Будет продолжено.
- Żółkiewski, S. *Expedition to Moscow*. Transl. by J. Giertych. (1959).

Глава XIV

Источники и литература

См. также главу X

- Alderson, A. D. *The Structure of the Ottoman Dynasty*. (Oxford, 1956).
- Backus, O. P. *Die Rechtstellung der litauischen Bojaren 1387—1506* // JGO, 6 (1958), S. 1—32. Хорошая библиография источников по истории литовского права.
- Balzer, O. *Aus Problemen der Verfassungsgeschichte Polens*. (Kraków, 1916).
- Braun, M. *Die Slaven auf dem Balkan bis zur Befreiung von der türkischen Herrschaft*. (Leipzig, 1941), S. 126—43, 163—200.
- Codex iuris municipalis Regni Bohemiae*. Т. 1, 2, ed. J. Čelakovský (Praha, 1886—95), 1225—1419. Т. 3, ed. G. Friedrich (Praha, 1948), 1420—1526. Т. 6/1, *Privilegia non regalium civitatum provincialium ann. 1232—1452*, ed. A. Haas (Praha, 1954).
- Conze, W. *Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen*. (Leipzig, 1940).
- Dix années d'historiographie yougoslave 1945—1955*. (Belgrade, 1955), S. 209 ff.
- Dorošenko, D. *Orthodox-östliche Kirchen- und römisch-westliche Uniongeschichte im neueren polnischen Schrifttum* // Kyrios, 1 (1936), S. 402—10. Обзор работ по истории православной и униатской церквей в Польше польских ученых — К. Ходыницкого, К. Левицкого, М. Андрусика, Я. Волинского.
- Draganocić, K. S. *Massenübertritte der Katholiken zur Orthodoxie im kroatischen Sprachgebiet zur Zeit der Türkenherrschaft* // ОСР, 3 (1937), S. 181—232.
- Idem. *Über die Gründe der Massenübertritte der Katholiken zur Orthodoxie im kroatischen Sprachgebiet* // ОСР, 3 (1937), S. 550—99.
- Dujčev, I. *Die bulgarische Geschichtsforschung während des letzten Vierteljahrhunderts, 1918—1942* // Südostforschungen, 7 (1942), S. 546—73.
- Idem. *Il cattolicesimo in Bulgaria nel secolo XVII secondo i processi informativi sulla nomina dei vescovi cattolici* // ОСА, no. 111 (1937).
- Eichmann, F. *Die Reformen des osmanischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses der Christen des Orients zur türkischen Herrschaft*. (Berlin, 1858).
- Elekes, L. *Die Anfänge einer rumänischen Gesellschaft. Versuch einer rumänischen Entwicklungsgeschichte im XIII.—XIV. Jh.* // Archivum Europae Centro-Orientalis, 7 (1941), S. 361—488.
- Fijalek, J. *Le sort réservé à l'Union de Florence dans le Grand-Duché de Lithuanie sous le règne de Casimir Jagellon* // Bulletin internat. de l'Acad. polonaise des sciences et des lettres, cl. d'hist. et de Philol., 1—3 (Jan.—Mar., 1934).

- Filov, B. *Geschichte der bulgarischen Kunst unter der türkischen Herrschaft und in der neueren Zeit.* (Berlin, Leipzig, 1933).
- Folwarski, H. *Erasmus Ciolek, genannt Vitellius, Bischof von Płock (1503—1522)* // ZOG, 9 (1935), S. 38—88.
- Gibb, H. A. R., Bowen, H. *Islamic Society and the West.* (Oxford, 1954).
- Giese, F. *Die geschichtlichen Grundlagen für die Stellung der christlichen Untertanen im osmanischen Reich* // Der Islam, 19 (1931), S. 264—77.
- Hadrovics, L. *Le peuple serbe et son église sous la domination turque.* (Paris, 1947).
- Idem. *Ungarn und die Kroaten* // Ungarische Jahrbücher, 21 (1941), S. 72.
- Hajek, A. *Bulgarien unter der Türkenherrschaft.* (Berlin, Leipzig, 1925).
- Halecki, O. *L'évolution historique de l'Union polono-lithuanienne* // Le monde slave (1926), S. 279—93.
- Idem. *From Florence to Brest.* (Roma, 1958).
- Hammer-Purgstall, J. v. *Geschichte des osmanischen Reiches.* Bd 1—10, 2. Aufl. (Budapest, 1834—36).
- Hasluck, F. W. *Christianity and Islam under the Sultans*, ed. M. M. Hasluck. 2 vols. (Oxford, 1929).
- Hellmann, M. *Staat und Recht in Altrussland* // Saeculum, 5 (1954), S. 41 ff.
- Hofmann, G. *Die Wiedervereinigung der Ruthenen mit Rom* // OC, No. 12 (1924—25), S. 125—72.
- Hudal, A. *Die serbisch-orthodoxe Nationalkirche.* (Graz, 1922).
- Ivić, A. *Ansiedlung der Bulgaren in Ungarn* // ASPH, 31 (1910), S. 414—30.
- Jánossy, D. *Die Territorialfrage der serbischen Wojwodschaft in Ungarn* // Jahrbuch des Institutes für ungarische Geschichtsforschung in Wien, 3 (1933), S. 357—74.
- Jireček, J. C. (K.) *Die Bedeutung Ragusas in der Handelsgeschichte des Mittelalters.* (Wien, 1899).
- Idem. *Geschichte der Serben.* Bd 2. (Gotha, 1918).
- Idem. *Der Grossvezier Mehmed Sokolović und die serbischen Patriarchen Makarij und Antonij* // ASPH, 9 (1886), S. 291—97. История Сербии в 16 в. Ср. Н. Ruvarac, *Nochmals Mehmed Sokolović und die serbischen Patriarchen* // Ibid., 10 (1887), S. 43—53.
- Jorga, N. *Geschichte des osmanischen Reiches nach den Quellen dargestellt.* Bd 1—5. (Gotha, 1908—13).
- Idem. *Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung.* Bd 1—2. (Gotha, 1905).
- Kadlec, K. *Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves.* (Paris, 1933). Источники по истории чешского права—стр. 216—225, польско-литовского права—стр. 272—285.
- Kállay, B. v. *Geschichte der Serben*, übers. v. J. H. Schwikker. Bd 1—2. (Budapest, Wien—Leipzig, 1878).
- Kanitz, F. P. *Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart.* Bd 1—3. (Leipzig, 1904—14).
- Konopczynski, L. *Le Librium Veto.* (Paris, 1930).

- Köprülü, M. Fuad. *Alcune osservazioni intorno all' influenza delle istituzioni bizantine sulle istituzioni ottomane* (Publicazioni dell' Istituto per l'Oriente, no. 50.) (Roma, 1953).
- Kretschmayer, H. *Geschichte von Venedig*. Bd 1—3. (Gotha, 1905—34).
- Kukuljević, J. *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. T. 1—3. (Zagreb, 1861—1862).
- Kupelwieser, L. *Die Kämpfe Österreichs mit den Osmanen vom Jahre 1526 bis 1537*. (Wien, 1899).
- Kutrzeba, S. *Grundriss der polnischen Verfassungsgeschichte*, übers. v. W. Christiani. (Berlin, 1912).
- Kutrzeba, S., Semkowicz, W. *Acta unji Polski z Litwy*. (Kraków, 1932).
- Kyriakos, D. *Geschichte der orientalischen Kirchen*, übers. v. E. Rausch. (Leipzig, 1902).
- Langer, W. L., Blake, R. P. *The Rise of the Ottoman Turks and its Historical Background* // *American Historical Review*, 37 (1932), p. 468—505.
- Lascaris, M. *Joachim, métropolit de Moldavie et les relations de l'église moldave avec le patriarcat de Peč et l'archevêché d'Achris* // *Académie Romaine, Bulletin de la Section Historique*, 13 (1927), p. 129—59.
- Libri citationum et sententiarum, seu Knihy pňhonné a nálezové*, ed. V. Brandl. T. 1—7. (Brno, 1872—1911). Публикация книг за 1374—1503 гг.
- Литовские статуты* // *Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских*, кн. 18, 19, 23. (М., 1854—55). Кн. 21 — Первый статут 1529 г., кн. 19 — Второй статут 1566 г., кн. 18 — Третий статут 1588 г. Ср. также И. И. Лаппо, *Литовский статут 1588 г.*, т. 1—2, Каунас, 1934—38.
- Ludat, H. *Vorstufen und Entstehung des Städtewesens in Osteuropa*. (Köln, 1955).
- Lybyer, A. *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent*. (Cambridge, Mass., 1913).
- Marczali, H. *Ungarische Verfassungsgeschichte*. (Tübingen, 1910).
- Idem. *Ungarische Verfassungsrecht*. (Tübingen, 1911).
- Mažuranić, V. *Südslaven im Dienste des Islam (vom 10. bis 16. Jh.)* // Ein Forschungsbericht aus kroatisch erschienenen Studien, ed. C. Lucerna. (Zagreb, Leipzig, 1918).
- Nedkoff, B. C. *Die Čizya (Kopfsteuer) im osmanischen Reich. Mit besonderer Berücksichtigung von Bulgarien*. (Leipzig, 1942).
- Nistor, J. *Die auswärtigen Handelsbeziehungen der Moldau im 14., 15. und 16. Jh.* (Gotha, 1911).
- Novaković, S. *Die Serben und Türken im 14. und 15. Jh.*, übers. v. K. Jezdimirović. (Semlin, 1897).
- Okinševič, L. *The Law of the Grand Duchy of Lithuania, Background and Bibliography*. (New York, 1953).
- Pejacsevich, J. *Peter Freiherr von Parchevich, Erzbischof von Martianopol, apostolischer Vikar und Administrator der Moldau, bulgarischer Internuntius am kaiserlichen Hofe und kaiserlicher Gesandter bei dem Kosaken-Hetman Bogdan Chmielnicki (1617—*

- 1674). *Nach archivalischen Quellen geschildert* // AÖG, 59 (1880), S. 337—637.
- Radonitch, J. *Histoire des Serbes de Hongrie*. (Paris, 1919).
- Rohde, G. *Die Ostgrenze Polens*. Bd 1—2. (Köln—Graz, 1955).
- Rutkowski, J. *Histoire économique de la Pologne avant les partages*. (Paris, 1927).
- Scheel, H. *Die staatsrechtliche Stellung der ökumenischen Kirchenfürsten in der alten Türkei: Ein Beitrag zur Geschichte der Türkischen Verfassung und Verwaltung* // Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., no. 9 (1942).
- Schwicker, J. *Geschichte der österreichischen Militärgrenze*. (Wien, Teschen, 1883).
- Sigel, F. *Lectures on Slavonic Law*. (London, New York, 1902). Болгария, стр. 15—20; Сербия, стр. 20—25; Россия, стр. 26—62; Чешское королевство, стр. 63—99; Польша, стр. 100—136; Хорватия, стр. 137—152.
- Šišić, F. *Zrinski et Frankopan, deux martyrs nationaux croates* // Questions contemporaines, no. 20. (Paris, 1919).
- Stadtmüller, G. *Geschichte Südosteuropas*. (München, 1950), S. 261—84, 334—60.
- Idem. *Osmanische Reichsgeschichte und balkanische Volksgeschichte* // Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa, 3 (1939), S. 1—24.
- Staneff, N. *Geschichte der Bulgaren*. Teil 2, *Vom Beginn der Türkenseit bis zur Gegenwart*, übers. v. H. Kaspar (Swischtoff). (Leipzig, 1917).
- Stökl, G. *Die Wurzeln des modernen Staates in Osteuropa* // JGO, NF 1 (1953), S. 255 ff.
- Idem. *Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthod. Slawen* // Saeculum, 5 (1954), S. 104 ff.
- Taubenschlag, R. *Gli influssi romano-bizantini sul secondo statuto lituano* // Studia et documenta historiae et juris, 3 (1937), p. 42—62.
- Temperley, H. W. V. *History of Serbia*. (London, 1917). P. 106—161.
- Timon, A. v. *Ungarische Verfassungs und Rechtsgeschichte*, übers. v. F. Schiller. 2. Aufl. (Berlin, 1909).
- Tkalčić, J. B. *Monumenta historica liberae regiae civitatis Zagrabiae*. T. 1—19. (Zagreb, 1889—1953). Документы, датирующиеся 1093—1660 гг.
- Tomaschek, J. A. *Recht und Verfassung der Markgrafschaft Mähren im XV Jh.* (Brünn, 1863).
- Vaniček, F. *Spezialgeschichte der Militärgrenze*. Bd 1—4. (Wien, 1875).
- Vernadsky, G. *Russia at the Dawn of Modern Age*. (New Haven, 1959).
- Völker, K. *Kirchengeschichte Polens*. (Berlin, Leipzig, 1930).
- Voinovitch, L. de. *Histoire de Dalmatie*. (Paris, 1934). V. 2, p. 495—620.
- Wojciechowski, Z. *L'État polonais au moyen âge: Histoire des institutions*. (Paris, 1949), p. 100 ff.
- Xenopol, A. D. *Histoire des Roumains de la Dacie de Trajane depuis les origines jusqu'à l'unification des principautés en 1859*. V. 1—2. (Paris, 1896).

Глава XV

Источники

См. также главу XII

Fletcher, G. *La Russie au 16e siècle*. (Paris, 1864).Heinrich von Staaden. *Aufzeichnungen über den Moskauer Staat*, hrsg. v. F. Epstein. (Hamburg, 1930).Herberstein, S. v. *Rerum moscoviticarum: commentarii*. (Vienna, 1549). Англ. перевод см. в Библ. к гл. XII.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. (СПб., 1851).

Памятники древнерусского канонического права. РИБ, т. 6. (СПб., 1908).

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. (М., 1993). Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье. (М.; Л., 1951). Нем. перевод—K. Stählin, *Der Briefwechsel Ivans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij (1564—1579)* (Leipzig, 1921). Английский перевод—J. L. I. Fennell, *The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia, 1564—1579* (Cambridge, 1955). Произведения А. Курбского и Ивана IV опубликованы также в 31-м т. РИБ; ср. Устрялов Н. Г., *Сказания князя Курбского*. 2-е изд. (СПб., 1842).

Сборник Русского исторического общества. Т. 35, 53, 95.

Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчиков. (СПб., 1863).

Судебник. Изд. Г. Телберг. (Харбин, 1926).

Судебники XV—XVI вв. Под ред. Б. Д. Грекова. (М.—Л., 1952).

Литература

Ammann, A. M. *Ostslavische Kirchengeschichte*. (Wien, 1950).Andreyev, N. *Kurbsy's Letters to Vas'yan Muromtsev* // SEER, 33 (1954—55), p. 414—436.Backus, O. P. *Motives of West-Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514*. (Lawrence, Okla., 1957).Idem. *Die Rechtstellung der litauischen Bojaren 1387—1506* // JGO, 6 (1958), S. 1—32.Behr-Sigel, E. *Nil Sorskij et Joseph de Volokolamsk* // Irénikon, 14 (1937), p. 360—377.Dennisoff, E. *Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski* // OCP, 20 (1954), p. 44—84.Dvornik, F. *Byzantine Political Ideas in Kievan Russia* // *Dumbarton Oaks Papers*, 9—10 (1956), p. 73—121.Dewey, H. *The 1497 Sudebnik* // *American Slavic and East European Review*, 15 (1956), p. 325—38.

- Idem. *The White Lake Charter: a Medieval Russian Administrative Statute* // *Speculum*, 32 (1957), p. 74—83.
- Eck, A. *L'asservissement du paysan russe* // *Le Servage*. (Bruxelles, 1937), p. 243—64.
- Idem. *Le grand domaine dans la Russie du moyen âge* // *Revue historique au sud-est Européen* (București, 1944), p. 82—136.
- Idem. *Le moyen âge russe*. (Paris, 1933), p. 61—473.
- Fennell, J. L. I. *The Attitude of the Josephites and the Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaisers* // *SEER*, 29 (1951), p. 486—509.
- Gitterman, V. *Geschichte Russlands*. (Hamburg, 1949). Bd 1, S. 133—145 (Иван III), S. 147—184 (Иван IV и его реформы).
- Греков, Б. Д. *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.* Кн. 1—2. (М., 1952—54). Немецкое издание — *Die Bauern in der Rus*, übers. v. H. Truhart, K. v. Bergstrasser. (Berlin, 1958—59).
- Kadlec, K. *Introduction à l'étude comparée de l'histoire du droit public des peuples slaves*. (Paris, 1933), p. 159 ff.
- Kulischer, J. M. *Russische Wirtschaftsgeschichte*. (Jena, 1925). Bd 1, S. 158—452.
- Leontovitsch, V. *Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der russischen Selbstherrschaft*. (Stuttgart, 1947).
- Medlin, W. K. *Moscow and East Rome, a Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia*. (Geneva, 1952).
- Neander, I. *Die Bedeutung der Mongolenherrschaft in Russland* // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. (Stuttgart, 1954), S. 257—70.
- Obolensky, D. *Byzantium, Kiev, and Moscow* // *Dumbarton Oaks Papers*, 11 (1957), p. 21—78.
- Idem. *Russia's Byzantine Heritage* // *Oxford Slavonic Papers*, 5 (1950).
- Oljančyn, D. *Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine. I. Was ist die Häresie der 'Judaisierenden'* // *Kyrios*, 1 (1936), S. 176—89. Полезная библиография русских и украинских работ.
- Olšr, G. *Gli ultimi Rurikidi e le basi ideologiche della sovranità dello Stato russo* // *ОСР*, 12 (1946), p. 322—73.
- Philipp, W. *Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches* // *Osteuropäische Forschungen*, Bd 20. (Berlin, 1935). Ср. также А. Л. Сакетти, Ю. Ф. Сальников, *О взглядах И. С. Пересветова* // *Вопросы истории*, № 1 (1957), стр. 117—124.
- Polosin, I. I. *Le servage russe et son origine* // *Revue internationale de sociologie*, 36 (1928), p. 605—45.
- Rahner, H. *Vom ersten bis zum dritten Rom* (Innsbruck, 1950). Вступительная речь, содержит общий обзор.
- Schaeeder, H. *Moskau das dritte Rom*. (Hamburg, 1929; Darmstadt, 1958).
- Ševčenko, I. *A neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology* // *Harvard Slavic Studies*, 2 (1954), p. 141—79.

- Smolitsch, I. *Studien zum Klosterwesen Russlands. II. Zum problem des Klosterbesitzes im 15. und 16. Jh.* // Kyrios, 4 (1939), S. 29—38.
- Stratonov, I. A. *Die Reform der Lokalverwaltung unter Ivan IV.* // ZOG, 7 (1932), S. 1—20.
- Struve, P. *Medieval Agrarian Society in its prime: Russia* // The Cambridge Economic History, ed. J. H. Clapham and E. Power. (Cambridge, 1942), p. 418—37.
- Stremoukhoff, D. *Moscow, the Third Rome: Sources of the Doctrine* // Speculum, 28 (1953).
- Szeftel, M. *Aspects of Feudalism in Russian History* // Feudalism in History, ed. R. Coulborn. (Princeton, 1956), p. 166—82.
- Idem. *Le Justicier (Sudebnik) du Grand Duc Ivan III* // Revue historique du droit français et étranger (1956), p. 531—68.
- Idem. *The Sudebnik of 1497. Paleographical Analysis, Composition and Sources* // For Roman Jakobson. (The Hague, 1956), p. 547—52.
- Taube, M. de. *A propos de Moscou, troisième Rome* // Russie et Chrétienté, 3—4 (1948), p. 17—24.
- Toumanoff, C. *Moscow the Third Rome: Genesis and Significance of a Politico-Religious Idea* // The Catholic Historical Review, 40 (1955), p. 411—47.
- Vernadsky, G. *Feudalism in Russia* // Speculum, 14 (1939), p. 300—23.
- Idem. *The Mongols and Russia.* (New Haven, 1953).
- Idem. *On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History* // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, 36 (1945), p. 33 ff.
- Idem. *Serfdom in Russia* // Comitato internaz. di scienze storiche X congresso internaz. di scienze storiche, Relazioni. (Roma, 1955). Vol. 3, p. 249—72. Хорощая библиография.
- Wolff, R. L. *The Three Romes: The Migration of an Ideology and the Making of an Autocrat* // Daedalus. (Boston, 1959), p. 291—311.
- Zernov, N. *Moscow the Third Rome.* (London, 1944). Популярный обзор.

Глава XVI

Источники и литература

- Analecta Romana, quae historiam Poloniae s. XVI illustr.*, red. J. Korzweniowski, SRP, 15. (Kraków, 1894).
- Ball, H. *Das Schulwesen der Böhmischen Brüder.* (Berlin, 1898).
- Bednáf, F. *Zwei Versuche der alten Brüderunität um einen Aufbau der praktischen Theologie im 16. Jh.* // Theologische Zeitschrift. (Basel, 1952).
- Benrath, K. *Dominis de Marcantonio* // RPTbK, 4 (1898), p. 781—87.
- Idem. *Dudith (Dudić)* // RPTbK, 5 (1898), p. 54—55.
- Idem. *Vergerio, Pietro Paolo* // RPTbK, 20 (1908), p. 546—50.

- Benz, E. *Wittenberg und Byzanz: Zur Auseinandersetzung der Reformation mit dem Griechentum und der östlich-orthodoxen Kirche. Melanchthon und Antonios Eparchos aus Corcyra. Melanchthon und Jakobus Heraklides Despota. Melanchthon und der Serbe Demetrios* // *Kyrios*, 4 (1939—40), S. 1—28, 97—128, 222—61.
- Benz, E. *Wittenberg und Byzanz. Zur Begegnung und Auseinandersetzung der Reformation und der östlichen Kirche.* (Marburg/L., 1949).
- Berga, A. *Pierre Skarga: Étude sur la Pologne du XVIe siècle et le protestatisme.* (Paris, 1916).
- Brandi, K. *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation und Gegenreformation.* 2. Aufl. (Leipzig, 1942).
- Brock, P. *The Political and Social Doctrines of the Unity of Czech Brethren in the 15th and Early 16th Centuries.* (Slavic Printings and Reprintings.) (The Hague, 1957).
- Brückner, A. *Aus dem religiösen Leben der Čechen und Polen* // *ZOG*, 7 (1933), S. 491 ff.; S. 494—99—гуситы; S. 499—508, протестанты, ариане, польские братья.
- Idem. *Die Kultur des alten Polen* // *ZOG*, 7 (1933), S. 161—93.
- Caligarii, I. *A nuntii in Polonia epistolae et acta, 1578—81, Monumenta Poloniae Vaticana*, red. L. Boratyński. T. 4. (Kraków, 1915).
- Charvériat, E. *Les affaires religieuses en Bohême au XVe siècle.* (Paris, 1886).
- Constant, G. *Concession à l'Allemagne de la communion sous les deux espèces* // *Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome*, vol. 128, 128 bis. (Paris, 1923).
- Czarnowski, S. *La réaction catholique en Pologne à la fin du 16e et au début du 17e siècle.* (Warsz., 1933).
- Czerwenka, B. *Geschichte der Evangelischen Kirche in Böhmen.* Bd 1—2. (Bielefeld—Leipzig, 1860—1870). Bd 1—Ян Гус. Bd 2—Чешские братья (протестанты до нового времени). (Leipzig, 1869, 1870).
- Daum, H. *Die Verfolgung der Evangelischen in Böhmen.* (Darmstadt, 1860).
- Eberlein, H. L. *Schlesische Kirchengeschichte: Das evangelische Schlesien.* Bd 1. (Düsseldorf, 1952).
- Elze, T. *Primus Trubers Briefe.* (Tübingen, 1897).
- Idem. *Die slovenischen protestantischen Druckschriften des 16. Jh.* (Venezia, 1896).
- Idem. *Die Superintendenten der evangelischen Kirche in Krain während des 16. Jh.* (Wien, 1863).
- Idem. *Truber primus* // *RPTkH*, hrsg. v. A. Hauck, 20 (Leipzig, 1908), S. 136—43.
- Idem. *Die Universität Tübingen und die Studenten aus Krain.* (Tübingen, 1877).
- Engels, W. *Tübingen und Byzanz: Die erste offizielle Auseinandersetzung zwischen Protestantismus und Ostkirche im 16. Jh.* // *Kyrios*, 5 (1940—41), S. 250 ff.
- Fox, P. *The Refomation in Poland: Some Social and Economic Aspects.* (Baltimore, 1924).
- Friedrich, O. *Helden des Geistes: Hus, Cheltschitzki, Komensky.* (Zürich, 1936).
- Gindely, A. *Geschichte der Böhmischen Brüder.* Bd 1—2. (Praha, 1857—68). История до 1609 г.

- Goll, J. *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder*. (Praha, 1878).
- Hočevar, W. *Die Anfänge der Reformation aus dem Gebiete des heutigen Jugoslawien* // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 55 (1936), S. 615—33.
- Holtzmann, R. *Maximilian II. bis zu seiner Thronbesteigung*. (Berlin, 1903).
- Hosius. *Stanislai Hosii Epistolae*, ed. Hipler, Zakrzewski.: *Acta histor. res gestas Poloniae illustrantia*, t. 4, 9 (Kraków, 1878—87).
- Hosius, Kardinal Stanislaus, *Bischof von Ermland und Herzog Albrecht von Preussen, ihr Briefwechsel über das Konzil von Trent (1560—62)*. Hrsg. v. E. Wermter. (Münster, 1957).
- Hrejsa, F. *Kirchengeschichte Böhmens* // *Ekklesia*. Bd 5. (Leipzig, 1937).
- Hutton, J. E. *A History of the Moravian Church*. 2nd ed. (London, 1909).
- Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich*. Работы Т. Эльце о словенской Реформации в томах 1 (1880), 5 (1884), 12 (1891), 14 (1893), 15 (1894), 20 (1899), 21 (1900), 22 (1901); в т. 24 (1903)— J. Loserth, *Truberiana*; в т. 23 (1902) и 24 (1903)—исследования И. Пиндора о словенской протестантской литературе.
- Jatzwauk, J. *Sorbische (wendische) Bibliographie* // *Sächsische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl.* 98, 3. 2. Aufl. (Berlin, 1952).
- Jednání a dopisy konsistoře katol. i utrakvis.*, ed. K. Borový. (Praha, 1869).
- Jørgensen, K. *Ökumenische Bestrebungen unter den polnischen Protestanten bis zum Jahre 1645* (Copenhagen, 1942).
- Kahle, W. *Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der russischorthodoxen Kirche*. Dissertation. (Marburg, 1956).
- Kidd, B. J., ed. *Documents of the Continental Reformation*. (Oxford, 1911).
- Kidrič, F. *Die protestantische Kirchenordnung der Slovenen im 16. Jh.* (Heidelberg, 1919).
- Kleeberg, G. *Die polnische Gegenreformation in Livland*. (Leipzig, 1931).
- Klima, J. V. *Komenský und Polen* // *SR* (1938).
- Kostrenčić, J. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven in den Jahren 1559—1565*. (Wien, 1874).
- Kot, S. *Bazel und Polen. XV—XVII Jahrh.* // *Zeitschrift für schweizerische Geschichte*, 30 (1950).
- Idem. *L'influence de Michel Servet sur le mouvement antitrinitarien en Pologne et en Transylvanie*. (Haarlem, 1953).
- Idem. *Le mouvement antitrinitarien au 16 et au 17 siècle* // *Humanisme et Renaissance*, 4 (Paris, 1937).
- Idem. *Opposition to the Pope by the Polish Bishops, 1557—1560* // *OSP*, 4 (1953).
- Idem. *Polish Brethren and the Problem of Communism in the 16th Century* // *Transactions of the Unitarian Historical Society in London*, 12 (1957).
- Idem. *Polish Portestants and the Huguenots* // *Proceedings of the Huguenot Society of London*, 17 (London, 1945).
- Idem. *Le rayonnement de Strasbourg en Pologne à l'époque de l'humanisme* // *Mélanges André Mazon, RES*, 27 (1951).

- Idem. *La reforme dans le Grand Duché de Lithuanie, facteur d'occidentalisation culturelle*. (Bruxelles, 1953).
- Idem. *Socinianism in Poland: The Social and Political Ideas of the Polish Anti-Trinitarians in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Transl. from Polish by E. M. Wilbur. (Boston, 1957).
- Idem. Szymon Budny, der grösste Häretiker Litauens im 16. Jahrhundert // Festschrift H. F. Schmid, Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, 2 (1956), S. 63—124.
- Krasiński, W. *Abriss der Geschichte der Entstehung und des Falles der Reformation in Polen*. (Warsz., 1903). Польское издание — J. Bursche. Т. 1—2 (Warsz., 1903—05).
- Kroess, A. *Geschichte der böhmischen Provinz der Gesellschaft Jesu*. Bd 1—2 (Wien, 1910—27).
- Kupsch, E. *Der polnische Unitarismus* // JGO, 5 (1957), S. 401—40.
- Legrand, E. *Deux vies de Jacques Basilicos*. (Paris, 1889).
- Lencz, G. *Der Aufstand Bockays und der Wiener Friede*. (Debreczen, 1917).
- The Letters of Elizabeth, Queen of Bohemia*, compiled by L. M. Baker, with an introduction by C. V. Wedgwood. (London, 1953).
- Loesche, G. *Geschichte des protestantismus im vormaligen und im neuen Österreich*. 3. Aufl. (Wien, 1930).
- Idem. *Luther, Melancthon und Calvin in Österreich-Ungarn*. (Tübingen, 1909).
- Lortz, J. *Kardinal Stanislaus Hosius: Beiträge zur Erkenntnis der Persönlichkeit und des Werkes: Gedenkschrift z. 350. Todestag*. (Braunsberg, 1931).
- Loserth, J. *Akten und Korrespondenzen zur Geschichte der Gegenreformation in Innerösterreich unter Ferdinand II*. Bd 1—2. (Wien, 1906—07). FRA, 58, 60.
- Idem. *B. Hubmaier und die Anfänge der Wiedertäufer in Mähren*. (Brünn, 1893).
- Idem. *Die Reformation und Gegenreformation in den innerösterreichischen Ländern im 16. Jh.* (Stuttgart, 1989).
- Idem. *Zur Geschichte der Reformation und Gegenreformation, Rückblick und Ausschau* // Jahrbuch der Gesellschaft für Geschichte des Protestantismus in Österreich, 25 (1904), S. 183—221.
- Lubienicz, S. *Historia Reformationis Poloniae, in qua tum Reformatorum tum anti-Trinitariorum origo et progressus in Polonia et finitimis provinciis narratur*. (Freistadii, 1685).
- Martel, A. *La langue polonaise dans les pays ruthènes*. (Lille, 1938).
- Martinů, J. *Die Waldesier und die Husitische Reformation in Böhmen*. (Wien—Leipzig, 1910).
- Molnár, A. *Luc de Prague et les Vaudois d'Italie* // Bolletino della Società di Studi Valdesi. (Torre Pellice, 1949).
- Monumenta Reformationis Polonicae et Lithuanicae*, pod red. Synod Jednoty Ewang.-Reform. Litewskiej. Ser. 1, part 1. (Vilna, 1925).

- Müller, J. T. *Die Gefangenschaft des Johann Augusta, Bischofs der Böhmischen Brüder 1548 bis 1564 und seines Diakonen Jakob Bilek von Bilek selbst geschrieben.* (Leipzig, 1895).
- Idem. *Geschichte der Böhmischen Brüder.* Bd 1—3. (Herrnhut, 1922—31).
- Idem. *Zinzendorf als Erneuerer der alten Bräderkirche.* (Leipzig, 1900).
- Müller, L. *Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie vom 16. bis zum 18. Jh.* (Wiesbaden, 1951).
- Murko, M. *Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.* (Praha—Heidelberg, 1927). Также в *Slavia*, 4 (1925—27).
- Obál, B. *Die Religionspolitik in Ungarn nach den westfälischen Frieden während der Regierung Leopold I.* Dissertation. (Halle, 1910).
- Oberuč, J. *Les persécutions des Luthériens en Slovaquie au 17e siècle.* (Strasbourg, 1927).
- Oman Lenanton, C. *Elizabeth of Bohemia.* (London, 1938).
- Orechoviana. *Opera inedita et epistolae Stanislai Orzechowski,* pod red. J. Korzeniowski. (Kraków, 1891).
- Pescheck, C. A. *Die Auswanderung glaubenstreuer Protestanten aus Böhmen nach Sachsen.* (Löbau, 1858).
- Idem. *Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.* Bd 1—2. (Leipzig, 1850).
- Peschke, E. *Die Theologie der Böhmischen Brüder in ihrer Frühzeit.* Bd 1—2 (Stuttgart, 1935—40).
- Petri, H. *Jacobus Basilicus Heraklides, Fürst der Moldau* // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 48 (1927), S. 705—43.
- Petri, H. *Vorbemerkungen zu einer Geschichte der Reformation und Gegenreformation in den Donaufürstentümern* // *Südostdeutsche Forschungen*, 2 (1937), S. 17—35.
- Pichler, A. *Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche des 17. Jh., oder der Patriarch Cyrillus Lukarys und seine Zeit.* (München, 1862).
- Pindor, J. *Die evangelische Kirche Kroatien-Slavoniens in Vergangenheit und Gegenwart.* (Esseg, 1902).
- Řičan, R. *Das Reich Gottes in den böhmischen Ländern: Geschichte des tschechischen Protestantismus.* Übers. v. B. Popelaš. (Stuttgart, 1957).
- Ruffini, F. *Studi sui Riformatori italiani,* a cura di A. Bertolo, L. Firpo, E. Ruffini. (Torino, 1955).
- Šafařík, P. F. *Geschichte der südslavischen Literatur.* 3 vols. (Praha, 1864—65).
- Schramm, G. *Neue Ergebnisse der Antitrinitarier-Forschung* // *JGO*, 8 (1960), S. 421—436.
- Servière J. de la. *Dominis (Marc-Antoine de)* // *Dictionnaire de Théologie catholique*, ed. A. Vacant, E. Mangenot, E. Amann, 4 (1924), cols. 1668—1675.
- Skalský, G. A. *Brüder Lukas von Prag und die 'Anweisungen für Priester' vom J. 1527* // *Zeitschrift für Brüdergeschichte*, 2 (Herrnhut, 1908).
- Śliżiński, J. *Über den Aufenthalt der Böhmischen Brüder in Lissa* // *Zeitschrift für Slavistik*, 2 (1957).

- Smid, W. *Über Entstehung und Herausgabe der Bibel Dalmatins* // Mitteilungen des Muscalvereines für Krain, 17 (1904), S. 71—146.
- Smith, C. H. *The Story of the Mennonites*. (Newton, Kansas, 1950).
- Sommer, E. *Into Exile: The History of the Counter-Reformation in Bohemia (1620—1650)*. Transl. by V. Grove. (London, 1943).
- Stadtmüller, G. *Geschichte Südosteuropas*. (München, 1950), S. 251—60, 285—308.
- Stasiewski, B. *Reformation und Gegenreformation in Polen. Neue Forschungsergebnisse*. (Münster, i W., 1960).
- Stökl, G. *Die deutsch-slavische Südgrenze des Reiches im 16. Jh.* // Schriften des Ost-europa-Institutes zu Breslau, NR, Heft 12. (Breslau, 1940). Важно с точки зрения протестантской словенской литературы.
- Idem. *Das Echo von Renaissance und Reformation in Moskauer Russland* // JGO, 7 (1959).
- Thompson, S. H. *Luther and Bohemia* // Archiv für Reformationsgeschichte, 44 (1953), S. 160—81 (библиография).
- Trogranić, F. *Storia della letteratura croata*. (Roma, 1953). История хорватской литературы 15—19 вв. Рец.: V. Javarek, *SEER*, 32 (1953—54), S. 550 ff.
- Uchansciana, Listy Uchańskiego (1549—81)*, pod red. T. Wierzbowski. T. 1—2. (Warsz., 1884, 1885).
- Valjavec, F. *Geschichte der deutschen Kulturbeziehungen zu Südosteuropa*. Bd 1—2. (München, 1954—55). Т. 2 о распространении Реформации в Венгрии, Трансильвании, Румынии, Словакии и Хорватии.
- Völker, K. *Die Glaubensfreiheit in den Städten Polens* // ZOG, 9 (1935), S. 67—88.
- Idem. *Kirchengeschichte Polens*. (Berlin—Leipzig, 1930), S. 133—260.
- Idem. *Stefan Batorys Kirchenpolitik in Polen* // Zeitschrift für kirchengeschichte, 56 (1937), S. 59—86.
- Völker, K. *Der Unionsgedanke des Consensus Sandomirensis* // ZOG, 7 (1933), S. 508—525.
- Whatley, E. J. *The Gospel in Bohemia*. (London, 1878). Популярная работа.
- Wilbur, E. M. A *History of Unitarianism, Socinianism, and its Antecedents*. (Cambridge, Mass., 1945). *A History of Unitarianism*. 2 vols. (Ibid., 1945—52).
- Williams, G. H. *Studies in the Radical Reformation (1517—1618): A Bibliographical Survey of Research since 1939* // Church History, 27 (1958), p. 46—69, 124—160.
- Winter, E. *Tausend Jahre Geisteskampf im Sudetenraum*. (Salzburg—Leipzig, 1938), S. 146—97.
- Wittram, R. *Baltische Kirchengeschichte: Beiträge zur Geschichte der Missionierung und Reformation der evang. luth. Landeskirchen und des Volkskirchentums in baltischen Ländern bis zum Ende des 2. Weltkrieges*. (Göttingen, 1956).
- Workman, H. B. *The Dawn of the Reformation*. Vol. 2. (London, 102, reprint, 1933).
- Wotschke, T. *Polnische Studenten in Wittenberg, Leiden, Heidelberg, Königsberg, Leipzig, Altdorf* // JKGS, 1 (1926), 2 (1927), 3 (1928), 4 (1929), 5 (1930).

- Idem. *Polnische und litauische Studenten in Königsberg* // JKGS, 6 (1931), S. 428 ff.
- Idem. *Urkunden zur Reformationgeschichte Böhmens und Mährens*. (Jahrbücher des Vereines für die Geschichte der Deutschen in Böhmen.) (Praha, 1929).
- Zimmermann, H. *Hans Ungnad, Freiherr von Sonneck, als Förderer reformatorischer Bestrebungen bei den Südslaven* // SF, 2 (1937), S. 36—58.

Глава XVII

Источники

- Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1—5. (СПб., 1846—53); т. 2, 3, 4.
- Archivum domu Radziwiłłow*, SRP, 8 (Kraków, 1885). Переписка М. К. Радзивилла, Я. Замойского, Л. Сапег.
- Archivum Jana Zamoyskiego*, pod red. W. Sobieski, J. Siemieński. (Warsz., 1904—1913).
- Archivum Sapiehow* (1575—1606), pod red. A. Prochaska. Т. 1. (Lwów, 1892).
- Borový, C. *Akta Konsistoře*. (Praha, 1867).
- Budovec, V. *Korespondence z let 1579—1619*. Vyd. J. Glücklich. (Praha, 1908).
- Idem. *Nová korespondence z let 1580—1616*. Vyd. J. Glücklich. (Praha, 1912).
- Документы по истории Трансильвании, Валахии и Молдавии 16—17 вв., издаются Румынской Академией наук (1953—56); вышло 19 томов.
- Fontes rerum Transylvanicarum, Acta et Epistolae relationum Transylvaniae...* ed. A. Veress. Т. 1—4. (Budapest, 1914—21).
- Gindely, A. *Dekrety Jednoty Bratrské*. (Praha, 1865).
- Idem. *Quellen zur Geschichte der Böhmischen Brüder*. (Historische Commission der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften). (Wien, 1863).
- Kollmann, H. *Acta sacrae congregationis de propaganda fide, res gestas Bohemicas illustrantia*. Т. 1. (Praha, 1923).
- Я. А. Коменский:
- Analecta Comeniana*. Vyd. J. Kváčala. (Юрьев, 1909).
- Continuatio admonitionis fraternae...* Publ. J. Kváčala. (Brno, 1913). Автобиографический фрагмент.
- Korespondence*. Vyd. J. Kváčala. (Praha, 1897—1902).
- Korespondence*. Vyd. A. Patera. (Praha, 1892).
- Opera didactica omnia. Editio anni 1657 lucis ope expressa*. 5 t. in 3. (Praha, 1957).
- Veškeré spisy*. Vyd. J. Novák et al. (Brno, 1910).
- Pampaldia*, ed. D. Čyżewskij, H. Geisler, Schaller. (Heidelberg, 1958).
- Moravské korespondence a akta z let 1620—1636*. Т. 1—2. Vyd. F. Hrubý. (Brno, 1934—37). Моравские эпистолярные и актовые источники.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*. Ч. 1—10. (СПб., 1851—1871). См. т. 1—2.

- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и с Ногайскою ордами и с Турцией.* Сборник РИО, т. 41, 95. Материалы 1474—1521 гг.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орде-ном в Пруссии.* Сборник РИО, т. 53. Издал Г. Карпов.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литов-ским.* Сборник РИО, т. 35, 59, 71. Издал Г. Карпов. Материалы 1482—1571 гг.
- Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г.* Издал Н. Н. Бантыш-Камен-ский. ЧОИДР, кн. 4, 1860, кн. 1, 1861, кн. 4, 1862.
- Podlaha, A. *Dopisy reformační komise v Čechách z let 1627—1639. Sbírká pramenů cír-kevní. dějin českoslov., st. 16—18.* (Praha, 1908).
- Skála, P. ze Zhoře. *Historie česká od 1602—1632.* Т. 1—5. (Wien, Praha, 1865—70).
- Slavata, V. *Paměti od r. 1608—1619.* Т. 1—2. (Praha, 1857—68).
- Žerotín, Karel z. *Dopisy, 1591—1610.* Vyd. F. Dvorský. (Praha, 1904).
- Idem. *Spisy.* Vyd. V. Brandl. Т. 1—5. (Brno, 1866—72).

Литература

- Albrecht, D. *Die deutsche Politik Papst Gregors XV.* (München, 1956).
- Angyal, A. *Die Slavische Barokwelt.* (Leipzig, 1961).
- Baron, H. *Calvins Staatsauffassung und das konfessionelle Zeitalter.* (Berlin—Mün-chen, 1924).
- Bourke, J. *Baroque Churches of Central Europe.* (London, 1958).
- Brandt, K. *Kaiser Karl V. Werden und Schicksal einer Persönlichkeit, und eines Welt-reiches.* 2. Aufl. (München, 1938). Англ. издание: *The Emperor Charles V.* (New York, 1939).
- Bretholz, B. *Neuere Geschichte Böhmens (1526—1576).* (Gotha, 1920).
- Brunner, O. *Vom Gottesgnadentum zum monarchischen Prinzip // Das Königtum, Vor-träge und Forschungen, hrsg. v. T. Mayer, 3* (1956), S. 279—305.
- Cambridge Modern History, vol. 4: The Thirty Years' War.* (London, 1906).
- Charles Quint et son temps: Symposium.* (Paris, 1959).
- Chudoba, B. *Spain and the Empire, 1519—1643.* (Chicago, 1952).
- Čyževský, D. *Analecta Comeniana // Kyrios, 2* (1937), p. 313—30.
- Idem. *Comenius' 'Labyrinth of the World': Its Themes and Their Sources // Harvard Slavic Studies, 1* (1953), p. 83—135.
- Idem. *Neue Veröffentlichungen über die tschechische Barockdichtung // ZSPH, 11* (1935), S. 3 ff.; *ibid.*, 12 (1935), S. 1 ff.; *ibid.*, 13 (1936). Обзоры новых чешских работ.
- Deggeller, G. *Karl V und Polen-Litauen.* (Würzburg, 1939).
- Denis, E. *Les premiers Habsbourgs. La défenestration de Prague; Fin de l'indépendance bohème.* Vol. 2. (Paris, 1890; 2 éd., 1930).

- Droysen, G. *Geschichte der Gegenreformation*. (Berlin, 1893).
- Dvořák, F. *Kupecký Jan, der grosse Porträtmaler des Barocks*. (Praha, 1956).
- Fidler, J. *Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Wasilij Ivanovitsch, Grossfürst von Russland von dem J. 1514* // SbAW, 40 (Wien, 1860), S. 27—123.
- Franz, H. G. *Die Kirchenbauten des C. Dientzenhofer, Beiträge zur Geschichte der Kunst im Sudeten- und Karpathenraum*. Bd 5. (Brünn, München, Wien, 1942).
- Gindely, A. *Die Berichte über die Schlacht auf dem Weissen Berge bei Prag*. (Wien, 1877).
- Idem. *Die Gegenreformation und der Aufstand in Oberösterreich i. J. 1626* // SbAW, 118 (1889).
- Idem. *Geschichte des dreissigjährigen Krieges*. Bd 1—4. (Praha, 1869—80). Engl. transl. by A. Ten Broek, *History of the Thirty Years War*, 2 vols. (New York, 1884, reprint 1898).
- Idem. *Rudolf II. und seine Zeit*. Bd 1—2. (Praha, 1863—68).
- Goldinger, W. *Das Zeremoniell der deutschen Königskrönung seit dem späten Mittelalter* // Mitteilungen des oberöstr. Landesarchivs, 5 (1957).
- Halecki, O. *Die Beziehungen der Habsburger zum litauischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen* // Mitteilungen des Inst. f. österr. Gesch., 36 (1915).
- Hankamer, P. *Deutsche Gegenreformation und deutsche Barock*. 2. Aufl. (Stuttgart, 1947).
- Hantsch, H. *Die Geschichte Österreichs*. Bd 1—2, 3. Aufl. (Graz, 1951—53).
- Hegemann, H. W. *Die deutsche Barockbaukunst Böhmens*. (München, 1943).
- Heyberger, A. *Jean Amos Comenius: Sa vie et son oeuvre d'éducateur*. (Travaux publiés par l'Institut d'Etudes Slaves, vol. 7.) (Paris, 1928).
- Hoetzsch, O. *Federation und fürstliche Gewalt (Absolutismus) in der Geschichte Ost-europas im 17. und 18. Jh.* // ZOG, NR, 4 (1934), S. 1—38.
- Huber, A. *Geschichte Österreichs*. Bd 1—5. (Gotha, 1885—89). См. т. 3, 4, 5.
- Hurter, F. *Geschichte Kaiser Ferdinands II. und seiner Eltern bis zur Krönung in Frankfurt*. Bd 1—10. (Schaffhausen, 1850—62).
- Jabłonowski, H. *Die Aussenpolitik Stephan Bathorys* // JGO, 1 (1937).
- Kidd, B. J. *The Counter-Reformation, 1550—1600*. (London, 1933).
- Krajcar, J. *Bohuslav Balbín S. J. als Geschichtsschreiber*. (Roma, 1956).
- Kubíček, A. *The palaces of Prague*. (Praha, 1946).
- Kvačala, J. *Johann Amos Comenius*. (Wien—Berlin—Leipzig, 1892).
- Kvačala, J. *Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland* // Monumenta Germaniae Pedagogica, 26 (Berlin, 1903).
- Idem. *Thomas Campanella und Ferdinand II* // SbAW, 159 (1908).
- Leitsch, W. *Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jh. Teil I, 1609—1654*. (Graz, Köln, 1960. Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums in Osteuropa, Bd 4).
- Loesche, G. *Die böhmischen Exulanten in Sachsen* // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des protestantismus in ehemaligem Österreich, 42—44 (Wien—Leipzig, 1923).

- Mathews, A. *Comenius and Harvard College* // Publications of the Colonial Society of Massachusetts, 21 (1929), p. 146—90.
- Noailles, E. *Henri de Valois et la Pologne en 1572*. V. 1—3. (Paris, 1867).
- Novotný, K., Poche, E. *The Charles Bridge of Prague*. (Praha, 1947).
- Odložilík, O. *Comenius and Christian Unity* // SEER, 9 (1930—31), p. 79—93.
- Idem. *Jan Amos Komenský*. (Chicago, 1942).
- Idem. *Karel of Žerotín and the English Court (1564—1636)* // SEER, 15 (1936—37), p. 413—25.
- Oestrich, G. *Justus Lipsius als Theoretiker des neuzeitlichen Machtstaats* // Historische Zeitschrift, 181 (1956).
- Pekař, J. *Wallenstein 1630—1634: Tragödie einer Verschwörung*. (Berlin, 1937.) Перевод с чешского: *Valdštejn 1630—1634*. (Praha, 1936).
- Pilieski, T. v. *Das polnische Interregnum von 1572—1573 und die Königswahl Heinrichs von Valois*. (Heidelberg, 1861).
- Pešina, J. *Tafelmalerei der Spätgotik und der Renaissance in Böhmen*. (Praha, 1959).
- Rassow, P. *Forschungen zur Reichsidee im 16. und 17. Jh.* (Köln, 1955).
- Idem. *Karl V., der letzte Kaiser des Mittelalters*. (Göttingen, 1957).
- Redlich, O. *Österreichs Grossmachtbildung in der Zeit Kaiser Leopolds I.* (Gotha, 1921).
- Idem. *Über Kunst und Kultur des Barock in Österreich* // AÖG, 115 (1943), S. 333—79.
- Rezek, A. *Geschichte der Regierung Ferdinands I. in Böhmen*. (Praha, 1878).
- Ritter, M. *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges (1555—1648)*. Bd 1—3. (Stuttgart, 1889—1908).
- Roberts, M. *Gustavus Adolphus*. 2 vols. (London, New York, 1953—58).
- Rutkowski, J. *Histoire économique de la Pologne avant les partages*. (Paris, 1927).
- Schaedke, H. *Die Entwicklung des enzyklopädischen Bildungsgedanken und die Pansophie des J. A. Comenius*. (Leipzig, 1930).
- Schneider, F. *Die neuen Anschauungen der deutschen Historiker über die deutsche Kaiserpolitik des Mittelalters und die mit ihr verbundene Ostpolitik*. (Weimar, 4. Aufl. 1940).
- Spinka, M. *That Incomparable Moravian*. (Chicago, 1943).
- Srbik, H. v. *Wallensteins Ende*. 2. Aufl. (Salzburg, 1952).
- Stech, V. V. *Die böhmische Barockskulptur*. (Praha, 1958). Перевод с чешского; англ. перевод — R. F. Samsour, *Baroque Sculpture*. (London, 1959).
- Stele, F. *Monumenta artis Slovenicae*. Vol. 2, *La peinture baroque et romantique*. (Ljubljana, 1935—38).
- Stieve, F. *Ferdinand II, deutscher Kaiser: Allgemeine deutsche Biographie*, Bd 6. (Leipzig, 1877), перепечатано в: *Abhandlungen Verträge und Reden* (Leipzig, 1900).
- Strettiova, O. *Das Barockporträt in Böhmen*. (Praha, 1957).
- Sturmberger, H. *Kaiser Ferdinand II. und das Problem des Absolutismus*. (München, 1957).
- Turnbull, G. H. *Hartlib, Dury and Comenius*. (Liverpool, 1947).
- Übersberger, H. *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jh.* Vol. 1, 1489—1605. (Wien, 1906).

- Ulmann, H. *Kaiser Maximilian I.* Bd 1—2. (Stuttgart, 1884—1891).
Walsh, W. T. *Philip II.* (New York, 1937).
Wedgwood, C. V. *Thirty Years War.* (London, 1938).
Wittram, R. *Formen und Wandlungen des europäischen Absolutismus // Festschrift*
H. Gogarten. (Giessen, 1948).
Young, R. F. *Comenius in England.* (Oxford—London, 1932).

Глава XVIII

Источники

- Acta historica res gestas Polonie illustantia.* Т. 3, 5, 7 (1879, 1881, 1884)—акты из французских архивов, относящиеся к королю Яну III, ред. К. Валишевский; т. 11 (1887)—документы, относящиеся к войнам Стефана Батория, ред. Я. Полковский; т. 6 (1883)—акты, относящиеся к походу 1683 г. Яна III, ред. Ф. Клушицкий.
- Acta Tomiciana, legationum, responsionum et rerum gestarum Sigismundi primi regis Poloniae per St. Górski,* ed. Z. Celichowski. Т. 1—13. (Kórnik, 1852—1916). Т. 6—материалы, касающиеся отношений между православными и католиками.
- Акты исторические.* Т. 1—5. (СПб., 1841—43). Тома 1—2 включают материалы, относящиеся к данной главе.
- Дополнения к Актам историческим.* Т. 1—12. (СПб., 1846—75).
- Акты Московского государства.* Т. 1—3. (СПб., 1890—1901).
- Акты, относящиеся к истории Западной России.* Т. 4—5. См. Библ. к главе XVII.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.* Т. 1—15. (СПб., 1863—92). Материалы, относящиеся к данной главе, содержатся в т. 1—13.
- Архив Юго-Западной России.* Ч. 1—8 (т. 1—35). (Киев, 1859—1914). Материалы, относящиеся к данной главе, содержатся в т. 1—12 части 1-й; 1—3 части 2-й; 1—2 части 3-й; 4, 6 части 8-й.
- Архив рода Сапега*—См. Библ. к главе XVII.
- Архив Яна Замоиского*—См. Библ. к главе XVII.
- Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1584—1620,* red. T. Lubomirski. (Kraków, 1868).
- Отчеты папских нунциев в Польше и др. документы о Польше, 1548—1690 гг.;* под ред. E. Rykaczewski. Т. 1—2. (Berlin, Posen, 1864).
- Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.* РИБ, т. 13. (СПб., 1891). Изд. С. Ф. Платонов.
- Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis le traité de Westphalie, jusqu'à la révolution française.* (Paris, 1884—1901). Vol. 4, 5: L. Farges, Pologne.

Сборник РИО, т. 137, 142 (М., 1912, 1913)—акты дипломатических отношений между Польшей и Москвой, 1598—1615 гг., под ред. С. Ф. Платонова и С. А. Белокурова.

Чтения ОИДР, кн. 24 (1858). Документы о возникновении Украины под ред. О. М. Бодянского.

Литература

Allen, W. *The Ukraine: A History*. (Cambridge, 1940).

Ammann, A. M. *Abriss der ostslavischen Kirchengeschichte*. (Wien, 1950).

Idem. *Zur Geschichte der Geltung der Florentiner Konzilsentscheidungen in Polen—Litauen. Der Streit über die Gültigkeit der 'Griechentaufe'* // ОСР, 8 (1942), S. 289—316.

Backus, O. P. *Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514*. (Lawrence, Kansas, 1957).

Backvis, C. *Some Characteristics of Polish Baroque Poetry* // OSP, 6 (1955), p. 51—71.

Battaglia, O. F. de. *Jan Sobieski, König von Polen*. (Zürich, 1946).

Borschak, E. *L'Ukraine dans la littérature de l'Europe occidentale* // Le Monde Slave, 3, 4 (1933—34).

Cayer, Abbé. *Histoire de Jean Sobieski, roi de Pologne*. V. 1—3. (Warsz.—Paris, 1761).

Christensen, A. E. *Dutch Trade to the Baltic about 1600*. (Copenhagen, 1941).

Cyževskij, D. *Die slavische Barockforschung*. См. Библ. к гл. XVII.

Dorošenko, D. *A Survey of Ukrainian Historiography*. Supplement by O. Ohloblyn, *Ukrainian Historiography, 1917—1956*. (New York, 1957).

Drost, W. *Polen und die Kunst des Westens während der Renaissance und der Barockzeit* // Altpreuussische Forschungen, 12 (1935).

Fijalek, J. *Le sort réservé à l'Union de Florence dans le Grand-Duché de Lithuanie sous le règne de Casimir Jagellon* // Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres, cl. d'histoire et de philol., 1—3 (January—March, 1934).

Fleischhacker, H. *Die politischen Begriffe der Partner von Perejaslav* // JGO, NF, 2 (1954), S. 221—231.

Idem. *Russland zwischen zwei Dynastien (1598—1613)*. (Baden bei Wien, 1933).

Idem. *Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der moskauer Aussenpolitik*. (Breslau, 1938).

Fletcher, G. *Russian Common Wealth: Russia at the Close of the Sixteenth Century*, ed. F. A. Bond. (Hakluyt Society, vol. 20.) (London, 1856).

Frommann, T. *Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung*. (Halle, 1872).

Gindely, A. *Die maritimen Pläne der Habsburger und die Teilnahme Kaiser Ferdinands II. am polnisch-schwedischen Kriege während der Jahre 1627—1629*. (Denkschriften der Akademie). (Wien, 1891).

Gorgas, S. *Volkswirtschaftliche Ansichten in Polen im 17. Jh.* (Innsbruck, 1905).

- Graham, S. *Boris Godunof*. (London, 1933). Следует пользоваться с осторожностью.
- Guépin, A. *Un apôtre de l'union des églises au XVIIe siècle, St. Josaphat...* V. 1—2. (Paris, 1897—98).
- Günther, O. E. *Der Vertrag von Perejaslav in Widerstreit der Meinungen* // JGO, NF, 2 (1954), S. 232—57. Почти полная библиография до 1954 г.
- Halecki, O. *From Florence to Brest. (Sacrum Poloniae Millenium)*. (Roma, 1958).
- Idem. *La Pologne et la question d'Orient de Casimir à Jean Sobieski* // La Pologne au VIIe Congrès international des sciences historiques. (Warsz., 1933).
- Idem. *Possevino's last Statement on Polish-Russian Relations* // OCP, 19 (1953), p. 261 ff.
- Idem. *Le Problème de l'Union des Églises* // La Pologne au VIe Congrès international des sciences historiques. (Warsz., 1930).
- Hayden, H. *Kirchengeschichte Pommerns*. Bd 1—2. (Köln, 1958).
- Hiltebrandt, P. *Die polnische Königswahl von 1697 und die Konversion Augusts des Starken*. (1907). Для меня недоступна.
- Hirsch, F. *Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter dem grossen Kurfürsten*. (Berlin, 1885—86).
- Hrushevsky, M. *A History of Ukraine*, ed. by O. J. Frederiksen. (New Haven, London, Oxford, 1941).
- Ionesco, T. *La vie et l'oeuvre de Pierre Moghila, métropolite de Kiev*. (Paris, 1944).
- Jekel, F. J. *Polens Staatsveränderungen und letzte Verfassung*. Bd 1—4. (Wien, 1803—1806).
- Jörgensen, K. E. J. *Ökumenische Bestrebungen*. См. Библ. к гл. XVI.
- Korduba, E. *Die Entstehung der Ukrainischen Nation* // Contributions à l'histoire de l'Ukraine au VIIe Congrès international des sciences historiques. (Lwów, 1933).
- Krupnyckij, B. *Geschichte der Ukraine*. (Im Auftrage des ukrainischen wissenschaftlichen Instituts in Berlin). (Leipzig, 1939).
- Krusche, J. *Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preussens am Zarenhofe bis zum Eintritt Russlands in die Reihe der europäischen Grossmächte*. Dissertation. (Breslau, 1932). Также в Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slawen, NF, 8 (1932).
- Kyriakos, D. A. *Geschichte der orientalischen Kirche von 1453—1989*. Übers. v. E. Rausch. (Leipzig, 1902).
- Laskowski, O. *Sobieski, King of Poland*. (Glasgow, 1944).
- Lehmann. *Brandenburgisch-polnische Türkenzüge von 1671—88*. (Berlin, 1884). Для меня недоступна.
- Lelewel, J. *Geschichte Polens unter Stanislaus August*. (Braunschweig, 1831).
- Malvy, A., Viller, M. *La confession orthodoxe de Pierre Moghila, métropolite de Kiev 1633—46, approuvée par les patriarches grecs du XVIIe siècle. Texte latin inédit publié avec introduction et notes critiques* // OCP, 10. no. 39 (1927).

- Margeret, Jacques. *Estat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie (1590—1606)*. (Paris, 1946).
- Massa, I. *Histoire des guerres de la Moscovie 1601—1610*. V. 1—2 (Bruwelles, 1866), éd. par M. Obolenski et A. v. d. Linde.
- Meyer, P. *Die theologische Literatur der griechischen Kirche im 16. Jh.* (Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche, hrsg. v. N. Bonwetsch и R. Seeberg, Bd 3, Heft 6.) (Leipzig, 1899).
- Mjakotin, V. A. *Die Vereinigung der Ukraine mit dem Moskauer Staat* // ZOG, 7 (1933).
- Morton, J. B. *Sobieski, King of Poland*. (London, 1932).
- Niitemaa, V. *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*. (Helsinki, 1952).
- Panaiteescu, P. P. *L'influence de l'oeuvre de Pierre Mogila archevêque de Kiev dans les principautés roumaines* // Mélanges de l'École Roumaine en France, 5 (Paris, 1926).
- Pärnänen, J. *Sigismond Vasa et la succession au trône de Suède, 1592—1594, d'après la correspondance diplomatique du nonce apostolique Germanico Malaspina*. (Genève, 1912).
- Pierling, P. *Dmitri le Faux et les Jésuits*. (Paris, 1913).
- Idem. *Rome et Demetrius*. (Paris, 1878).
- Idem. *La Russie et le Saint-Siège*. Vol. 3. (Paris, 1901).
- Platonov, S. F. *Boris Godunov*, übers. v. H. de Witte. (Paris, 1929).
- Poehl, G. v. *Quellenkundliches zur Geschichte des ersten falschen Demetrius: Mosquera-Barezzi Barezzi* // ZOG, 7 (1933), S. 73—87.
- Polčín, S. *La mission religieuse du P. Antoine Possevin S. J. en Moscovie* // OCA, no. 150 (Roma, 1957).
- Rauch, G. v. *Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jhts.* // HZ, 178 (1954), S. 25—46.
- Rutkowski, J. См. Библ. к гл. XVII.
- Salvandy, N. de. *Histoire du roi Jean Sobieski et de la Pologne avant et sous Jean Sobieski*. V. 1—2. (Bruxelles, 1876).
- Savant, J. *Les cosaques: Histoire des cosaques*. (Paris, 1944).
- Schiemann, T. *Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jh.* (Berlin, 1884).
- Schumann, H. *Der Hetmanstaat* // JGO, 1 (1936).
- Skribanowitz, H. *Pseudo-Demetrius I*. Dissertation. (Berlin, 1913).
- Stökl, G. *Die Entstehung des Kosakentum*. (München, 1953).
- Tappe, E. D. *Charles II and the prince of Moldavia* // SEER, 28 (1950), p. 406—424. Gheorghe Stefan, 1653—1658.
- Taube, M. v. *Russland und Westeuropa: Russlands historische Sonderentwicklung in der europäischen Völkergemeinschaft*. (Institut für internat. Recht an der Universität Kiel, Erste Reiche, Vorträge und Einzelschriften, Heft 8.) (Berlin, 1928).
- Vernadsky, G. *The Death of the Tsarevich Dimitry, a Reconsideration of the Case* // Oxford Slavonic Papers, 5 (1954), p. 1—19.
- Idem. *Die Tragödie von Uglič und ihre Folgen* // JGO, NF, 3 (1955), S. 41—49.

- Waczynski, B. *Nachklänge der Florentiner Union in der polemischen Literatur zur Zeit der Wiedervereinigung der Ruthenen im 16. und Anfange des 17. Jhts.* // ОСР, 4 (1938), S. 441—72.
- Waliszewski, K. *La crise révolutionnaire 1584—1614.* (Paris, 1906). Библ.—р. 463—483.
- Idem. *Marysienka, reine de Pologne, Marie de la Grande d'Arguien.* (Paris, 1898).
- Willan, T. S. *The Muscovy Merchants of 1555.* (Manchester, 1953).

Глава XIX

Источники

- Акты исторические*, т. 4—5. Дополнения к Актам историческим. См. Библиографию к гл. XVIII.
- Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1—5. (СПб., 1846—53). См. т. 4—5.
- Архив Юго-Западной России*. См. Библ. к гл. XVIII.
- Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов*. М., 1893.
- Documenta pontif. Roman. hist. Ucrainae illustr.* Vol. 1. (Roma, 1953).
- Hofmann, G. *Der hl. Josaphat. Quellenschriften in Auswahl*, ОСР, 12. (Roma, 1923—1925). Содержит указания на источники об Иосафате и унии.
- Житие патриарха Никона Иоанна Шушерина*. Русский архив, 3 (1909).
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. Ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. (М., 1934). *La vie de l'archiprêtre Avvakum...* Trad. par P. Pascal (Paris, 1938)—хорошая библиография. Англ. перевод—J. Harrison and H. Mirrlees, *Avvakum: the Life* (London, 1924).
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов*. Т. 1—3. Ред. А. А. Новосельский и В. И. Лебедев. (М., 1954—1962).
- Ljubimenko, I. *The Correspondence of the First Stuarts with the First Romanovs* // Transactions of the R. Historical Society, 4th series, 1. (London, 1918), p. 77—91.
- Idem. *Letters illustrating the Relations of England and Russia in the 17th Century* // English Historical Review, 32 (1917), p. 92—103.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования*. Под ред. Субботина, т. 1—9. (М., 1875—95).
- Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovitsch, Fedor III et Pierre le Grand, czars de Russie*, ed. A. Theiner. (Roma, 1859).
- Oxford Slavonic Papers. Vol. 1 (1950), 4 (1954), 6 (1955), 7 (1957), 8 (1958), 9 (1960). Документы и письма, касающиеся англо-русских отношений, изд. С. Коноваловым.
- Памятники дипломатических сношений*. См. Библ. к главе XII; т. 3—10.
- Памятники истории старообрядчества XVII в.* Кн. I, вып. 1.—РИБ, т. XXIX. (М., 1927).

- Полное собрание законов Российской империи*, т. 1—2. СПб., 1830.
 Rinhuber, L. *Relation du voyage en Russie fait en 1684*. (Berlin, 1883).
Судебники XV—XVI вв. Под ред. Б. Д. Грекова. (М.—Л., 1952).
 Šmurlo, S. *Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe, 1609—1654*. (Praha, 1928).
Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae... historiam illustrantia, ed. A. Theiner.
 Vol. 3. (Roma, 1863).

Литература

- Adelung, F. *Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland*. Bd 1—2. (St. Petersburg—Leipzig, 1846, reprint, Amsterdam, 1960).
 Amburger, E. *Die Familie Marselis Studien zur russ. Wirtschaftsgeschichte*. (Giessen, 1957).
 Arsenjew, W. K. *Russen und Chinesen in Ostsibirien*. Übers. v. F. Daniel. (Berlin, 1926).
 Bain, R. N. *The First Romanovs*. (London, 1905).
 Idem. *Slavonic Europe: A Political History of Poland and Russia from 1447 to 1796*. (Cambridge, 1908).
 Boresky, Th. *Life of St. Josaphat Martyr of the Union*. (New York, 1955). Популярная работа.
 Braun, M. *Der Aufstieg Russlands von Wikingerstaat zur europäischen Grossmacht (1000—1700)*. (Leipzig, 1940).
 Idem. *Das Eindringen des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert* // *Die Welt der Slaven*, 1 (1956), S. 35—49.
 Idem. *Die Slawen auf dem Balkan*. (Leipzig, 1941).
 Brückner, A. *Die russisch-litauische Kirchenunion und ihre literarischen Denkmäler* // *ASPPh*, 19 (1897), S. 189—201.
 Burgi, R. *A History of the Russian Hexameter*. (Hamden, 1954).
 Champion, P. *Henri III, roi de Pologne (1573—1574)*. (Paris, 1943—51).
 Cyżewskij, D. *Zu den polnisch-russischen liter. Beziehungen* // *ZSPH*, 23 (1955), S. 256—260.
 Dorozenko, D. *Die Namen 'Rus', 'Russland' und 'Ukraine' in ihrer historischen und gegenwärtigen Bedeutung* // *Abhandlungen des ukrainischen wissenschaftlichen Instituts in Berlin*, 3 (1931), S. 3—23.
 Fleischhacker, H. *Der politische Antrieb der moskauischen Kirchenreform. Zwei Dynastien* // *JGO*, 2 (1937), S. 224—33.
 Idem. *Die staats- und völkerrechtlichen Grundlagen der moskauischen Aussenpolitik* // *JGO*, Beiheft 1. (Breslau, 1938).
 Idem. *Russland zwischen 1518—1613*. (Baden, 1933).
 Florovskij, A. *Le conflit des deux traditions — la latine et byzantine — dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux 16e et 17e ss.* // *Bulletin de l'assoc. russe pour les recherches scientifiques à Prague*, 5 (10) (1937), p. 171—92.

- Forstruter, K. *Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zum Peter dem Grossen*. (Göttingen Bausteine für Geschichtswissenschaft, Bd 23). (Berlin, Frankfurt, Göttingen, 1955).
- Gerhardi, W. *The Romanovs: Evocation of the Past as a Mirror for the Present*. (New York, 1940). Для широкой публики.
- Golder, F. A. *Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850*. (Cleveland, 1914).
- Hamilton, G. H. *The Art and Architecture of Russia*. (Baltimore, 1954).
- Hedenström, A. von. *Die Beziehungen zwischen Russland und Brandenburg während des ersten nordischen Kriege 1655—1660*. Dissertation. (Marburg, 1896).
- Ionesco, T. *La vie et l'oeuvre de Pierre Mogila, métropolite de Kiev*. (Paris, 1944).
- Jakobson, R. *Ivan Fedorov's Primer* // Harvard Library Bulletin, 9 (1955).
- Idem. *The Kernel of Comparative Slavic Literature* // Harvard Slavic Studies, 1 (1953), p. 1—81.
- Idem. *Studies in Comparative Slavic Metrics* // OSP, 3 (1952), p. 21—66.
- Jensch, G. *Der Handel Rigas im 17. Jh. Ein Beitrag zur livländischen Wirtschaftsge-schichte in schwedischer Zeit* // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, 24, Heft 2 (1930).
- Jugie, M. *Moghila Pierre* // Dictionnaire de Théologie Catholique, 10, cols. 2063—2081.
- Karskij, E. *Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur*. (Berlin—Leip-zig, 1926).
- Köhne, B. v. *Berlin, Moskau, St. Petersburg 1649—1763*. (Berlin, 1882).
- Langsch, J. *Die Predigten der «Coena spiritalis» von Simeon Polockij*. (Leipzig, 1940).
- Idem. *Zur Charakteristik Simeon Polockijs als Prediger* // Kyrios, 5 (1940—41), S. 82—130.
- Lantzeff, G. V. *Siberia in the 17th Century: A Study of the Colonial Administration*. (Berkley—Los Angeles, 1943).
- Laskowski, O. *Sobieski, King of Poland*. (Glasgow, 1944).
- Ledit, J. *Nicon* // Dictionnaire de Théologie Catholique, 11, cols. 646—55.
- Leitsch, W. См. Библ. к гл. XVI.
- Lubimenko, I. *The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars* // Ameri-can Historical Review, 19 (1913—14), p. 525—42.
- Idem. *Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*. (Bibl. de l'École des hautes Études, sciences hist. et phil., 261). (Paris, 1933).
- Idem. *The Struggle of the Dutch with the English for the Russian Market in the 17th Cen-tury* // Transactions of the R. Historical Society, Fourth Series, 7 (London, 1924), p. 27—51.
- Idem. *Trois lettres inédites d'Elisabeth d'Angleterre à la cour de Russie* // Mélanges d'his-toire offerts à M. Charles Bémont. (Paris, 1913). P. 549—57.
- Malvy, A., Viller, M. *La confession orthodoxe de Pierre Moghila, métropolite de Kiev (1633—1646)* // OCP, 39 (1927).

- Martel, A. *La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche, 1569—1667*. (Lille, 1938).
- Mattiesen, H. *Die Versuche zur Erschliessung eines Handelsweges Danzig—Kurland—Moskau—Asien, besonders für Seide* // JGO, 3 (1938), S. 533—67.
- Mazon, A., Cocron, F. *La comédie d'Artaxerxes, présentée en 1572 au Tsar Alexis par Gregorii le Pasteur*. (Paris, 1954).
- Müller, G. *Die Türkenherrschaft in Siebenbürgen: Verfassungsrechtliches Verhältnis Siebenbürgens zur Pforte 1541—1688*. (Hermannstadt, 1923).
- Murko, M. *Die Geschichte von den sieben Weisen* // SbAW, 72 (Wien, 1890).
- Idem. *Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum* // ASPh, 14 (1891), S. 405—21.
- Nolde, B. *La formation de l'empire russe*. Vol. 1. (Paris, 1952).
- O'Brien, C. Bickford. *Russia under Two Tsars (1682—1689)*. (Berkley, 1952).
- Oljančyn, D. *Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine, II. Schule und Bildung* // Kyrios, 2 (1937), S. 38—69, 143—57, 265—78, 351—66. В основном об образовании на Украине в 15—18 вв. Полезная библиография. Список украинских студентов в иностранных университетах.
- Ostrogorsky, G. *Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič* // JKGS, 9 (1933), S. 86—138.
- Idem. *Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt* // Seminarium Kondakovianum, 7 (1935), S. 187—204.
- Palmer, W. *The Patriarch and the Tsar*. 6 vols. (London, 1871—).
- Pascal, P. *Avvakum et les débuts du Raskol*. (Paris, 1938).
- Pelesz, J. *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*. Bd 1—2. (Würzburg—Wien, 1881).
- Pierling, P. *Rome et Démétrius d'après les documents nouveaux*. (Paris, 1878).
- Idem. *La Russie et le Saint-Siège*. vol. 3. (Paris, 1901).
- Idem. *La Russie et le Saint-Siège: études diplomatiques*. V. 1—2. (Paris, 1884).
- Podzneeov, A. V. *Die geistl. Lieder des Epifanij Slavineskij* // Die Welt der Slaven, 5 (1960), S. 356—85.
- Psalmson, F. *Un russisant anglais au 16—17e siècle, Richard James (1592—1638)* // Bulletin de géographie historique et descriptive, 3 (Paris, 1911).
- Puls, H. *Die Beziehungen zwischen England und Russland im 16. und 17. Jh. unter Berücksichtigung des zeitgenössischen englischen Schrifttums über Russland*. Dissertation. (Hamburg, 1941).
- Rauch, G. v. *Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jh.* // Historische Zeitschrift, 178 (1954).
- Stender-Petersen, A. *Anthology of Old Russian Literature*. (New York, 1954), p. 325 ff. Примечаниями следует пользоваться с осторожностью.
- Idem. *Geschichte der russischen Literatur*. Bd 1. (München, 1957).
- Idem. *Tragoediae Sacrae: Materialien und Beiträge zur Geschichte der polnisch-jesuitischen Jesuitendramatik der Frühzeit*. (Dorpat, 1931).
- Stief, C. *Studies in the Russian Historical Song*. (Copenhagen, 1953).

- Stökl, G. *Russland von der Mongolenzeit bis zu Peter dem Grossen* // *Historia Mundi*, 7 (1958), S. 392—438.
- Idem. *Der Moskauer Zemskij Sobor* // *JGO*, 8 (1960), S. 421—36.
- Stremoukhoff, D. *La tiare de Sant Sylvestre et le Klobuk blanc* // *RES*, 34 (1957), p. 123—28.
- Stupperich, R. *Zur neueren Nikon-Forschung* // *ZOG*, 9 (1935), S. 173—80.
- Обзор работ о Никоне, вышедших до 1914 г., неизданного труда А. фон Штромберга и книги Н. В. Зызыкина: *Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи*, т. 1, Варшава, 1931.
- Übersberger, H. *Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten*. Bd 1. (Stuttgart, 1913).
- Unbegaun, B. O. *Russian Versification*. (Oxford, 1956).
- Vernadsky, G. V. *Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben des 18. Jh.* // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*, 6 (1928), S. 119—42.
- Waliszewski, K. *Le berceau d'une dynastie, les premiers Romanov (1613—1682)*. (Paris, 1909).
- Winter, E. *Der Kampf der Ecclesia ruthena gegen den Rituswechsel* // *Festschrift Eichmann*. (Paderborn, 1940).
- Zenowski, S. A. *Die Mönch Epifanij und die Entstehung der altruss. Autobiographie* // *Die Welt der Slaven*, 1 (1956), S. 276—92.

Глава XX

Источники

- British Diplomatic Instructions*, 1689—1789. Vol. 1, Sweden. (London, 1922).
- Военные уставы Петра Великого*. Под ред. Н. А. Рубинштейна. Вступ. статья и коммент. П. П. Епифанова. (М., 1946).
- Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the Instruction of 1797*, ed. W. F. Reddaway. (Cambridge, 1931). Частная корреспонденция Екатерины II опубликована в Сборниках РИО, т. 1, 2, 4—10, 13—15, 17, 20, 23, 32, 33, 36, 42, 43, 47, 48, 51, 52, 57, 87, 97, 98, 107, 115, 118. *Ibidem*, т. 3, 5, 6, 11, 15, 22, 25—документы, относящиеся к периоду от Петра I до Екатерины II; т. 1—6, 21, 30, 31—к царствованиям Александра I и Александра II.
- Documents relatifs à l'histoire du deuxième et troisième partage de la Pologne*, pod red. B. F. Dembiński. Т. 1—2. (Lwów, 1902).
- Memoirs of Catherine the Great*. Transl. by K. Anthony. (New York, London, 1927). Примечание переводчика: Екатерина II, императрица. Записки Екатерины II. (М., 1909).
- Письма и бумаги имп. Петра Великого*. Т. I—VI. (СПб., 1887—1912); т. VII—XI. (М.—Л., 1946—1962).

Stanislaus Auguste: Mémoires de Stanislaus Auguste et sa correspondance avec l'imperatrice Catherine II. (Posen, 1862).

Theiner, A. *Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae.* Т. 4 (1697—1775). (Roma, 1864).

Tolstoj, D. A. *Le catholicisme romain en Russie.* (Paris, 1864—69). Документы, касающиеся отношений Петра I и Рима, т. 1, стр. 324—378; послание Сорбонны об унии церквей, там же, стр. 368—377.

Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, hrsg. v. E. Herrmann. Bd 1, Russland unter Peter dem Grossen. (Leipzig, 1872).

Литература

Ammann, A. M. *Abriss der ostslavischen Kirchengeschichte.* (Wien, 1950), S. 247—388.

Anderson, M. S. *Britain's Discovery of Russia, 1553—1815.* (London, 1958).

Askenazy, S. *Napoleon et la Pologne.* (Paris, 1925).

Bain, R. N. *Charles XII and the Collapse of the Swedish Empire, 1682—1719.* (New York—London, 1895).

Idem. *The Daughter of Peter the Great.* (Westminster, 1899).

Idem. *The First Romanovs, 1613—1725.* (London, 1905). История Московского государства и подъем России нового времени при Петре Великом и его предшественниках.

Idem. *The Last King of Poland and his Contemporaries.* (London, 1909).

Idem. *Peter III. Emperor of Russia: The Story of a Crisis and a Crime.* (Westminster, 1902).

Idem. *The Pupils of Peter the Great: A History of the Russian Court and Empire, 1697—1740.* (Westminster, 1897).

Beer, A. *Die erste Teilung Polens.* (Wien, 1873).

Bell, J. *Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia.* (Glasgow, 1763). Шотландец Дж. Белл был одним из врачей Петра I.

Benz, E. *Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche. Die russische Kirche und das Abendland Christentum im Zeitalter der heiligen Allianz.* (Mainz, 1950).

Idem. *Ein Unionsversuch unter Peter dem Grossen // Evangelium und Osten*, 8 (1935), S. 114—24.

Idem. *Leibniz und Peter der Grosse.* (Berlin, 1947).

Bilbassow, F. v. *Geschichte Katharina II.* Bd 1—3. (Berlin, 1891—1893).

Baikalov, V. A. *The Conquest and Colonization of Siberia // SEER*, 10 (1932), p. 537—71.

Borschak, E., Martel, R. *Vie de Mazeppa.* (Paris, 1931). Ср. также О. Оглобин. *Гетьман Иван Мазепа та його доба*, Нью-Йорк, 1960.

Bratianu, G. J. *La Moldavie et ses frontières historiques.* (Buc., 1940).

Braun, M. *Der Aufstieg Russlands zur europäischen Grossmacht.* (Leipzig, 1940).

Bridge, C. A. G., ed. *History of the Russian Fleet during the Reign of Peter the Great by a Contemporary Englishman // Navy Records Society's Publications*, vol. 15. (1899).

- Browning, O. *Peter the Great*. (London, 1898). Биография, не основанная на материалах источников, но лучше биографии С. Грэхема (S. Graham) (Лондон, 1929) и К. Ондарда (C. Ondard) (1930).
- Brückner, A. *Iwan Possoschkow: Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen*. (Leipzig, 1878).
- Idem. *Katharina die Zweite*. (Berlin, 1883).
- Brückner, A. *Peter der Grosse*. (Berlin, 1879). Сохраняет ценность.
- Burenstam, C. *Retour de la Turquie de Charles XII par la Transylvanie, la Hongrie et l'Autriche*. (Bruxelles, 1874).
- Coquart, A. *Dmitri Pisarev (1840—1868) et l'idéologie du nihilisme russe*. (Paris, 1946).
- Cordone, C. de. *L'empereur Alexander II: Vingt-six ans de règne*. (Paris, 1883).
- Doerries, H. *Dunkle Existenzen und dunkle Machenschaften in Schatten Peters des Grossen* // JGO, 4 (1939), S. 111—35.
- Idem. *Peters des Grossen Beziehungen zu Danzig 1716—17 und die Begründung der russischen Agentur* // FOG, 1 (1954), S. 23—44.
- Idem. *Ruslands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen*. (Osteuropäische Forschungen, NF, 26.) (Königsberg, Berlin, 1939).
- Dorošenko, D. *Hetman Mazeppa* // ZOG, 7 (1932), S. 51—73.
- Doroshenko, D. (Dorošenko, D.) *History of the Ukraine*. (Edmonton, 1939).
- Fabre, J. *Stanislas Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières: Étude du cosmopolitisme*. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, fasc. 116.) (Strasbourg, Paris, 1952).
- Feldman, W. *Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen (1795—1914)*. (München—Berlin, 1917).
- Florowskij, G. *Westliche Einflüsse in der russischen Theologie* // Кyrios, 2 (1937), с. 1—22. Хорошая библиография. Резюме его книги на русском языке *Пути русского богословия*. (Париж, 1937).
- Forst-Battaglia, O. *Stanislaus Poniatowski und der Ausgang des alten Polenstaates*. (Berlin, 1927).
- Galitzin, A. *Mémoires inédits sur les règnes de Pierre-le-Grand, Cathérine I et Pierre II*. (Paris, 1865).
- Golder, F. A. *Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850*. (Cleveland, 1914).
- Grunwald, C. de. *La Vie de Nicolas I*. (Paris, 1946).
- Haintz, O. *König Karl XII von Schweden*. Bd 1, *Der Kampf Schwedens um die Vormacht in Nord- und Osteuropa, 1697—1709*. (Berlin, 1958).
- Hammer-Purgstall, J. von. *Geschichte der Chane der Krim*. (Wien, 1856). Использует также источники Крымского ханства.
- Hassinger, E. *Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700—1713*. (München, 1953).
- Haumant, E. *La Russie au XVIIIes*. (Paris, 1904).
- Hepner, B. P. *Bakounine et le panslavisme révolutionnaire*. (Paris, 1950).
- Kerner, R. J. *Bohemia in the Eighteenth Century*. (New York, 1932).

- Kersten, K. *Peter der Grosse. Vom Wesen und von den Ursachen historischer Grösse.* (Amsterdam, 1935), 2. Aufl., 1951.
- Ključevskij, V. O. *A History of Russia.* Transl. by C. J. Hogarth, vols. 4, 5. (London, New York, 1911—13). Нем. перевод—R. v. Walter (Stuttgart, Berlin, 1925), Bd 3.
- Idem. *Peter der Grosse und andere Porträts aus der russ. Geschichte.* Übers. und hrsg. v. F. Braun. (Stuttgart, 1953).
- Idem. *Peter the Great.* Transl. by L. Archibald. (London, 1958).
- Idem. *Russische Geschichte von Peter d. Grosse bis Nikolaus I.* (Zürich, 1945).
- Koch, H. *Die russische Orthodoxie im petrinischen Zeitalter: Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken.* (Osteuropa Institut in Breslau, Quellen und Studien, NF, 1.) (Breslau, 1929).
- Kohn, H. *Pan-Slavism, its History and Ideology.* (Notre Dame, 1953). Популярное изложение.
- Köhne, B. v. *Berlin, Moskau, St. Petersburg 1649 bis 1763: Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preussen und Russland.* (Schriften des Vereins für die Geschichte der Stadt Berlin, Heft 20.) (Berlin, 1882).
- Konenenko, S. *Ukraine and Russia.* (Marquette Slavic Studies, vol. 4.) (Milwaukee, 1958.) Экономические отношения в 1654—1917 гг.
- Krupnický, B. *Hetman Mazepa und seine Zeit (1687—1709).* (Leipzig, 1942).
- Lappo-Danilevskij, A. *L'Idée de l'état*, см. примечание 5.
- Lensen, G. *The Russian Push toward Japan, Russo-Japanese Relations, 1697—1895.* (Princeton, 1959).
- Leontief, V. *Peter der Grosse, seine Wirtschaftspolitik und sein angeblicher Merkantilismus* // JGO, 2 (1937), S. 234—71. Cf. Vernadsky, G. *L'industrie russe sous Pierre de Grand* // Le Monde Slave (1934).
- Lord, R. H. *The Second Partition of Poland: A Study in Diplomatic History.* (Cambridge, Mass., 1915.) Лучшее научное описание.
- Idem. *The Third Partition of Poland* // Slavonic Review, 3 (1925).
- Lukinich, E. *Der Kaisertitel Peters des Grossen und der Wiener Hof* // JKGS, NF, 5 (1929), S. 369—70.
- Lutoslanski, K. *Les partages de la Pologne et la lutte pour l'indépendance.* (Lausanne—Paris, 1918).
- Manteuffel-Szoegé, G. v. *Geschichte des polnischen Volkes während seiner Unfreiheit, 1772—1914.* (Berlin, 1950).
- Mavor, J. *An Economic History of Russia*, 2nd ed. (London, 1925.) Vol. 1, p. 100—63. Вопросы экономики и финансов эпохи Петра I.
- Mazour, A. G. *The First Russian revolution: The Decembrist movement.* (Berkley, 1937).
- Miljukov, P., Seignobos, C., Eisenmann, L. *Histoire de la Russie.* (Paris, 1932). Vol. 1, p. 258—427. Критический анализ реформ Петра I.
- Morley, Ch. *Alexander I and Czartoryski* // SEER (April, 1947).

- Mouravieff, B. *Le testament du Pierre le Grand: Légende et réalité*. (Neuchâtel, 1949).
- Nolde, B. *La formation de l'empire russe*. Vol. 2. (Paris, 1953.) Русская библиография начиная с эпохи Петра I.
- Nordmann, C. J. *Charles XII et l'Ukraine de Mazeпа*. (Paris, 1958). Диссертация; хорошая библиография.
- Petrovich, M. B. *The Emergence of Russian Pan Slavism, 1856—1870*. (New York, 1956).
- Pierling, P. *La Russie et le Saint-Siège*. Vol. 4. (Paris, 1907).
- Pirenne, J. H. *La Sainte Alliance: Organization Européenne de la paix mondiale*. Vol. 1—2. (Neuchâtel, 1946—49).
- Rauch, G. v. *Mockau und die europäischen Mächte des 17. Jhts.* // Historische Zeitschrift, 178 (1954), S. 25—46.
- Reddaway, W. *Frederick the Great and the Rise of Prussia*. (New York, London, 1904, reprint, 1925).
- Redlich, O. *Das Werden einer Grossmacht. Österreich von 1700—1740*. 3. Aufl. (Brünn—München—Wien, 1942).
- Raisanowski, N. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A study in Romantic Ideology*. (Cambridge, Mass., 1953). Нем. перевод—München, 1954.
- Rose, W. J. *Stanislas Konarski, Reformer of Education in 18th Century Poland*. (London, 1929).
- Ruffinann, K. H. *England und der russische Zaren- und Kaisertitel* // JGO, NF, 3 (1955), S. 217—24.
- Sacke, G., Speranskij, M. M. *Politische Ideologie und reformatische Tätigkeit* // JGO, 4 (1939), S. 330—50.
- Salomies, J. *Der Hallesche Pietismus in Russland zur Zeit Peters des Grossen*. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Series B, vol. 31, 2.) (Helsinki, 1936).
- Scheibert P. *Von Bakunin zu Lenin. Geschichte der russischen revolutionären Ideologien 1840—95*. (Stud. z. Gesch. Osteur., 3.) (Leiden, 1956).
- Schiemann, C. *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I*. Bd 1—4. (Berlin, 1908—1919).
- Schumann, H. *Der Hetmanstaat (1654—1754)* // JGO, 1 (1936), S. 499—548.
- Schuyler, E. *Peter the Great, Emperor of Russia*. 2 vols. (New York, 1884.) Сохраняет ценность.
- Semjonov, J. *Die Eroberung Sibiriens*. (Leipzig, 1940.) Популярное издание.
- Šerech, J. *Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter the Great* // SEER, 30 (1951), p. 40—62.
- Smolitsch, I. *Katharinas II., religiöse Anschauungen und die russische Kirche* // JGO, 3 (1938), S. 568—79.
- Idem. *Die Stellung des russischen Kaisers zur orthodoxen Kirche in Russland vom 18. bis zum 20. Jht.* // FOG, 2 (1955), S. 139—64.
- Sokolnicki, M. *Le testament de Pierre le Grand: Origines d'un prétendu document historique* // Revue des sciences politiques, 27 (1912), p. 88—98.

- Sommer, E. F. *Der junge Zar Peter in der Moskauer Deutschen Sloboda* // JGO, 5 (1957), S. 67—105.
- Stählin, K. *Geschichte Russlands*. Bd 2. (Berlin, 1930), S. 1—190. Очень хороша в части истории царствования Петра I.
- Steinmann, F. K. P. *Pobedonoscevs Leben und Wirken*. (Königsberg, 1933).
- Stolypin, P. A., Krivoschein, W. *Die Kolonisation Sibirens*. (Berlin, 1912).
- Stupperich, R. *Feofan Prokopovič in Rom* // ZOG, 5 (1931), S. 335 ff.
- Idem. *Feofan Prokopovičs theologische Bestrebungen* // Kyrrios, 1 (1936), S. 350—62.
- Idem. *Feofan Prokopovičs und Johann Franz Buddeus* // ZOG, 9 (1935), S. 341 ff.
- Idem. *Kiev—das zweite Jerusalem* // ZSPH, 12 (1935), S. 332—54.
- Idem. *Staatsgedanke und Religionspolitik Peters des Grossen*. (Königsberg—Berlin, 1936).
- Idem. *Zur Geschichte der russischen hagiographischen Forschung (von Ključevskij bis Fedotov)* // Kyrrios, 1 (1936), S. 47—56.
- Sumner, B. *Peter the Great and the Emergence of Russia*. (London, 1956). Reprint.
- Idem. *Peter the Great and the Ottoman Empire*. (Oxford, 1949). Скрупулезное исследование с хорошей библиографией.
- Temerley, H. W. V. *England and the Near East*. (London, New York, 1936). О Крымской войне.
- Tolstoj, D. *Le catholicisme en Russie*. V. 1—2. (Paris, 1863—64).
- Tompkins, S. R. *The Russian Mind from Peter the Great through the Enlightenment*. (Univ. of Oklahoma Press, 1953).
- Tschiževskij, D. *Das 'Wahre Christentum' Arndts in Russland* // Evangelium und Osten, 8 (1935), S. 41—47.
- Übersberger, H. *Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten*. Bd 1, *Bis zum Frieden von Jassy*. (Stuttgart, 1913).
- Valjavec, F. *Der Josephinismus: zur geistigen Entwicklung Österreichs im 18. u. 19. Jh.* (Brünn, München, Wien, 1944, 2. Aufl., 1945).
- Vandal, A. *Louis XIV et Elisabeth de Russie*. (Paris, 1911).
- Vassileff, M. *Russland und Frankreich von der Thronbesteigung Peters des Grossen bis... 1717*. (Gotha, 1902).
- Vernadsky, G. *Alexander Ier et le problème slave* // RSE, 7 (1927).
- Idem. *Bohdan, Hetman of the Ukraine*. (New Haven, 1941).
- Idem. *L'industrie russe sous Pierre Le Grand* // Le Monde Slave (1934). Против тезиса Леонтьева, что Петр Великий поддерживал только военные отрасли.
- Waliszewski, K. *Autour d'un trône: Catherine II de Russie*. 4 ed. (Paris, 1894). Engl. Transl. (London, 1895).
- Idem. *La dernière des Romanovs: Elisabeth de Russie*. (Paris, 1900). *La Russie au Temps d'Elisabeth Ire, dernière des Romanovs*. (Paris, 1933).
- Idem. *Le fils de la grande Catherine, Paul Ier, Empereur de Russie*. (Paris, 1913). Engl. Transl. (London, 1913).
- Idem. *La Russie il y a cent ans: Le règne d'Alexandre I*. Vol. 1—3. (Paris, 1923—25).

- Idem. (Walischewski, K.). *Pierre le Grand, l'éducation, l'homme, l'oeuvre*. 7 ed. (Paris, 1909). Следует пользоваться с осторожностью. Есть англ. перевод. (London, New York, 1897).
- Winter, E. *Der Josephinismus und seine Geschichte*. (Brünn, München, Wien, 1943).
- Wittram, R. *Peter der Grosse: der Eintritt Russlands in die Neuzeit*. (Berlin, 1954).
- Idem. *Peters des Grossen Verhältnis zur Religion und den Kirchen* // HZ, 173 (1952), S. 271 ff.
- Idem. *Peter der Grosse und Livland: Zur Kernfrage des Nordischen Krieges* // Deutschland und Europa, Festschrift H. Rothfels, hrsg. v. W. Conze. (Düsseldorf, 1951).
- Idem. *Peters des Grossen erste Reise in den Westen* // JGO, NF, 3 (1955), S. 373—403.
- Wolf, F. *Preussen und die Protestanten in Polen 1724*. (Berlin, 1894).
- Wolkonsky, M. *Die Dekabristen: Die ersten russischen Freiheitskämpfer des 19. Jh.* Übers. v. W. Jollos. (Zürich, 1946).
- Xenopol, A. D. *Histoire des Roumains*. (Paris, 1896).

Указатель исторических лиц

- Аввакум, идеолог раскола в русской православной церкви, писатель 601, 607, 611, 612, 620, 621
- Август, римский император 96, 105, 451
- Август II, король польский, курфюрст саксонский (Фридрих Август I) 628—630, 632
- Август III, король польский, курфюрст саксонский (Август Фридрих) 647
- Августа Ян, епископ Чешских братьев 476, 478, 515
- Августин Блаженный, теолог, церковный деятель 208, 239
- Августин из Оломоуца, моравский гуманист 355
- Агапит, византийский писатель, автор «Поучения» 392, 448
- Агнешка, аббатиса в Тшебнице 64
- Агрикола Рудольф, швейцарский гуманист 363
- Адальберт, архиепископ зальцбургский, брат Пржемысла I 47
- Адальберт Ранконис, см. Ранконис Адальберт
- Адашев Алексей, окольничий, член Избранной рады 460, 466
- Аделаида Гессенская, жена Казимира III Великого 80, 115
- Адлета, первая жена Пржемысла I 47
- Адриан, русский патриарх 642
- Адриан VI, папа римский 390
- Алевиз Новый, итальянский архитектор в Москве 386
- Алевиз Фрязин (Алоизио ди Каркано), итальянский архитектор в Москве 386
- Александр, князь киевский 331
- Александр I, великий князь литовский, король польский 296, 309, 331, 332, 334, 363, 407, 411, 523
- Александр III, папа римский 31, 129
- Александр V, папа римский 241
- Александр VI, господарь молдавский 510
- Александр I Павлович, российский император 639, 647, 653, 654, 657, 659
- Александр II Николаевич, российский император 654, 655, 660
- Александр III Александрович, российский император 655
- Александр из Гэльса, средневековый теолог 42
- Александр Македонский, царь Македонии 42, 200, 201
- Александр Михайлович, князь тверской 270
- Александр Ярославич Невский, великий князь владимирский 265, 269, 336
- Алексей, русский митрополит 271, 272, 273, 440, 445
- Алексей I Комнин, византийский император 124

- Алексей III Ангел, византийский император 132
- Алексей Стратигопул, византийский полководец 142
- Алексей Михайлович, русский царь 417, 567, 583—586, 588, 594—596, 601, 602, 605—609, 616—619, 622, 626, 631, 638, 642
- Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 627, 635, 636, 642
- Алеши Андрей, далматинский зодчий 391
- Алкиати Дж.П., итальянский антитринитарий 495
- Альберт, ливонский епископ 37
- Альберт, войт в Кракове, вождь восстания против Владислава Локетка 76
- Альберт Великий, средневековый теолог 42
- Альберт Пражский, доминиканец, чешский писатель 197
- Альбик из Уничова, архиепископ пражский, писатель 242, 352
- Альбрехт I Габсбург, герцог австрийский, германский король 60, 61, 520
- Альбрехт II Габсбург, герцог австрийский, германский король, король Чехии и Венгрии 255, 288, 293, 421, 520, 521
- Альбрехт III, герцог австрийский 110
- Альбрехт Бранденбургский (Гогенцоллерн), гроссмейстер Тевтонского ордена, герцог прусский 309—312, 315, 369, 491, 492, 499, 511, 526
- Альбрехт Медведь, герцог саксонский 27, 35
- Альбрехт Рижский, епископ, основатель Ордена Меченосцев 284
- Альбрехт Фридрих, герцог прусский 315, 316
- Альбрехт Штермберг, см. Штермберг Альбрехт
- Альби, Пьер д'Альби, французский богослов 261
- Альфонс, король арагонский и неаполитанский 293
- Альфонс V, король португальский 398
- Альфонс X Мудрый, король кастильский, избранный германский король, претендент на титул императора Священной Римской империи 32, 56, 57, 398
- Амвросий, босносараевский митрополит 622
- Андексы, германский княжеский род 127, 173
- Андрей, епископ пражский 164
- Андрей, сын Ивана Калиты 271, 440
- Андрей (Эндре) II, венгерский король 52, 134, 138, 141, 145, 175, 178, 266
- Андрей (Эндре) III, венгерский король 60
- Андрей Васильевич Углицкий, русский князь, брат Ивана III 326, 343
- Андрей Габернфельдский, чешский протестантский писатель 544
- Андрей Курбский, см. Курбский А.М.
- Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владимиро-суздальский 278, 438, 462, 464
- Андроник II Палеолог, византийский император 148, 150
- Андроник III Палеолог, византийский император 150

- Анежка (Агнеса), блаженная, чешская княжна, дочь Пржемысла I 46, 49, 50, 63, 195, 209
- Анжуйская династия, в Польше, Венгрии и др. странах 32, 33, 60, 61, 66, 69, 96, 116, 125, 146, 148, 151, 212, 420, 520
- Анна, жена сербского короля Радослава, дочь эпирского правителя Феодора Ангела 135
- Анна (Алдона), дочь Гедимины Литовского 77
- Анна, вторая жена Карла IV Люксембургского и дочь Рудольфа Виттельсбаха, курфюрста Пфальца 92
- Анна, третья жена Карла IV Люксембургского, дочь князя свидницкого и яворского 106
- Анна, жена Стефана Батория, сестра Сигизмунда II Августа 532
- Анна, жена Сигизмунда III Вазы, эрцгерцогиня австрийская 533
- Анна, жена Ричарда II, сестра Вацлава IV 234, 239
- Анна Ивановна, российская императрица 630, 636, 646, 647
- Анна Леопольдовна, правительница России при Иване VI, внучка Ивана V 636
- Анна Петровна, герцогиня голштинская, дочь Петра I 636
- Анна Ягеллонка, жена Фердинанда I, сестра Лайоша (Людвика) II 297, 298, 309
- Ансельм, святой, теолог 196
- Антон Брус из Мохельниц, архиепископ пражский 477
- Антон Далматин, хорватский реформатор 506
- Антоний, константинопольский патриарх 282
- Анчич И., хорватский католический писатель 509
- Ариосто Лудовико, итальянский поэт 348, 390
- Аристотель, древнегреческий философ 42, 194, 637
- Аристотель Фиораванти, итальянский архитектор в Москве 386
- Арношт из Пардубиц, пражский архиепископ 195, 204, 206, 214, 232, 237, 548
- Арпады, венгерская княжеская и королевская династия 16, 60, 143, 176, 179
- Арсений, греческий монах, справщик русских богослужебных книг 600
- Арсений Сатановский, киевский монах, справщик русских богослужебных книг 609
- Арсений Суханов, русский церковный деятель, дипломат 600
- Арсений Черноевич (Црноевич), сербский патриарх 432, 434
- Артемиий, русский церковный деятель, последователь Нила Сорского, обвиненный в ереси и бежавший в Литву 383, 512
- Асень I, царь Второго Болгарского царства 126, 130, 156
- Аскании, германский княжеский род 36, 54, 69, 75, 107
- Атласов Владимир Васильевич, русский землепроходец 587
- Афанасий III, патриарх константинопольский 605
- Ахмат, хан Золотой Орды 330
- Бабенберги, австрийская династия 35, 49, 50, 51, 173
- Байер И., чешский архитектор 549
- Бакунин Михаил Александрович, русский революционер-анархист 655, 656, 658

- Балдуин I, первый император Латинской империи 132
- Балдуин II, император Латинской империи 137, 142
- Балдуин, архиепископ трирский, брат Генриха VII Люксембургского 66
- Балшичи, сербский род 153, 289
- Бальб Иероним, гуманист 354
- Бальбин Богуслав, чешский историк 548, 554
- Бандулавич И., хорватский католический писатель 509
- Баннет Ян, чешский католический писатель 546
- Баракович Юрай, далматинский поэт 391
- Баранович Лазарь, украинский церковный деятель, писатель 613
- Барбара, дочь Яноша Запольяи, жена польского короля Сигизмунда I 524
- Барклей Джон, английский поэт 576
- Барма, московский зодчий 387
- Бароний Цезарь, кардинал, историк церкви 157, 507
- Бартош Писарж, чешский хронист 358
- Бату (Батый), монгольский хан 140, 213
- Башкин Матвей, русский еретик 383
- Баязид I Молниеносный, турецкий султан 155, 289
- Баязид II, турецкий султан 294—297
- Бела III, венгерский король 126, 127
- Бела IV, венгерский король 53, 55, 63, 139, 144, 145, 146, 157, 158, 176
- Беллотти Ю., итальянский архитектор в Польше 577
- Беллярмин (Беллармино) Роберт, итальянский католический богослов-полемист 509
- Белостенец И., хорватский католический богослов 509
- Бельские, княжеский род на Руси 335, 557
- Бельский Иоаким, польский писатель 370
- Бельский Марцин, польский писатель 15, 370
- Бенедикт, польский путешественник в Монголию 213
- Бенедикт XI, папа римский 149
- Бенедикт XII, папа римский 81, 83
- Бенедикт XIII, папа римский 240
- Бенеш, каноник монастыря св.Ииржи, чешский миниатюрист 197
- Бенеш из Горжовице, чешский писатель 205
- Бенеш Крабица из Вайтмиля, чешский хронист 105, 204, 205, 227
- Береччи Лука, итальянский архитектор в Польше 371
- Беринг Витус, мореплаватель 633
- Берли Уолтер, английский философ 359
- Бернар Клервоский, святой, французский теолог и церковный деятель 196, 208
- Бернард, архиепископ Рагузы 129
- Бертольд IV Андекс, маркграф Истрии 127
- Берында Памва, украинский ученый, писатель 613
- Бетлен Габор, князь Трансильвании, король Венгрии 489
- Бецковски Ян Франтишек, чешский историк 548

- Биро Матьяш, протестантский проповедник в Венгрии 487
- Благослав, см. Ян Благослав
- Бландрата Дж., итальянский анти-тринитарий 495
- Бланка, первая жена Карла IV Люксембургского 92
- Бобальович Вук, далматинский гуманист 388
- Богдан III, молдавский господарь 297
- Богуслав, магистр Богуслав, канцлер 64
- Богуслав V, померанский герцог 107
- Богуслав Билейовский, чешский хронист 358
- Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц, чешский поэт 355, 356, 392
- Богуфал, польский хронист, епископ познаньский 212
- Боден Жан, французский правовед, политический мыслитель 348
- Бодин, см. Константин Бодин
- Боккаччо Джованни, итальянский писатель-гуманист 347, 356, 359
- Бокхорн, немецкий протестантский священник 513
- Болеслав I Храбрый, польский князь 27, 212
- Болеслав III Кривоустый, польский князь 167
- Болеслав-Юрий, польский князь, правивший в Галицкой земле 110, 267
- Болл Джон, один из вождей восстания Уота Тайлера в Англии 254
- Болотников Иван Исаевич, предводитель восстания в Московском государстве 558
- Бона (Бона Сфорца), польская королева, жена Сигизмунда I 300, 302, 364, 371, 490, 526, 527
- Бона Николай, один из правителей Дубровника 424
- Бонавентура, святой, теолог 42, 196, 199, 208
- Бонифаций VIII, папа римский 34, 60, 65, 70, 469
- Бонифаций IX, папа римский 232, 234
- Бономо Петр, триестский епископ, гуманист 501
- Борил, царь Второго Болгарского царства 132, 137, 217
- Борис (Михаил), болгарский князь, святой 131, 447, 448
- Борис и Глеб, русские князья, святые-мученики 320
- Борис Александрович, великий князь тверской 321, 322, 344, 378
- Борис Васильевич Волоцкий, русский князь, брат Ивана III 326
- Борис Федорович Годунов, русский царь 341, 342, 533, 534, 556, 557, 578, 583, 585, 610, 619, 623
- Бохорич Адам, словенский филолог, реформатор 502
- Бочкаи Иштван, вожь антигабсбургского восстания в Венгрии 487, 489, 506
- Бошкович Руджер, далматинский ученый 425
- Браге Тихо, датский астроном 359
- Брандль Петр, чешский художник 550
- Брандт Карстен, голландец, учитель Петра I 626
- Бранковичи, сербский род 154, 289, 292

- Браун Матиаш, чешский скульптор 550
- Браччолини Поджо, итальянский писатель, философ-гуманист 262, 348, 356
- Бренц И., реформатор 506
- Бридель Фредерик, чешский поэт эпохи барокко, иезуит 547
- Брокоф Фердинанд Максимилиан, чешский скульптор 550
- Бруман Матия, загребский епископ 504
- Брунеллески Филиппо, итальянский архитектор, скульптор 347
- Бруно фон Шаумбург, епископ оломоуцкий 54
- Брынковяну Константин, господарь Валахии 630
- Брюховецкий Иван Мартынович, гетман Левобережной Украины 570
- Будный Симон, деятель Реформации в Польше, Литве и Белоруссии, антитринитарий 496, 511, 512, 517
- Булавин Кондратий Афанасьевич, казак, предводитель восстания на Дону 629
- Буллинггер Генрих, швейцарский реформатор 490, 501, 512
- Бунич-Вучич Иван, далматинский поэт 390
- Бурбоны, королевская династия во Франции и Испании 537, 603
- Буслаев Петр, русский поэт 615
- Буцер Мартин, деятель Реформации 476
- Бучич Миклош, хорватский реформатор 505
- Буш, Люберт Берньер ван ден Буш, нидерландский реформатор 227
- Бюде Гийом, французский правовед 348
- Бялый Ян, польский архитектор 372
- Вавржинец (Лаврентий) из Бржезовы, чешский хронист 352
- Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне; чех 541, 542, 553
- Вальдемар II, датский король 37
- Вальдемар IV, датский король 108, 113
- Вальдемар, датский королевич, сын Кристиана IV, несостоявшийся жених Ирины, дочери царя Михаила Федоровича 609
- Вальдемар, маркграф из династии Асканиев 93
- Вальдес (Пьер Вальдо), основатель учения вальденсов 257
- Вальтер Шатильонский, французский поэт 200
- Варфоломей Трогирский, епископ, папский легат 152
- Василий, кандидат на пост болгарского патриарха 131
- Василий I Македонянин, византийский император 448
- Василий II Болгаробойца, византийский император 124
- Василий Великий, церковный деятель, теолог 375
- Василий I Дмитриевич, великий князь московский 278—283, 318, 341, 440, 443
- Василий II Васильевич, великий князь московский 18, 283, 284, 318—323, 325, 330, 342, 440, 446, 449, 465
- Василий III Иванович, великий князь московский 325, 333—335, 344, 378, 381, 441,

- 446, 448—450, 453, 459, 465,
523—528, 552, 604
- Василий IV Иванович Шуйский,
русский царь 557, 558, 588
- Василий Юрьевич Косой, князь
звенигородский и галицкий 319
- Василько, брат Даниила Галицкого 266
- Вассиан Патрикеев, русский церковный деятель, лидер нестяжателей 382, 383
- Вассиан Рыло, архиепископ ростовский 463
- Вассиан Санин, брат Иосифа Волоцкого, писатель 381
- Вацлав, святой, чешский князь 167, 195, 199, 204, 255, 658
- Вацлав I, чешский король 46, 48, 50—53, 164, 202
- Вацлав II, король чешский, польский и венгерский 58—62, 67, 75, 87, 166, 170, 172, 202, 203, 520
- Вацлав III, король чешский, польский и венгерский 60, 61, 75, 176
- Вацлав IV, чешский король 101, 106, 109, 118—120, 205—208, 211, 231—236, 238—241, 245, 248—251, 260, 280, 354, 401, 404
- Вацлав из Будейовиц, вождь Чешских братьев 481
- Вацлав Вратислав из Митровиц, чешский писатель 359
- Вельфы, германский княжеский род 35, 54
- Вениамин, монах-доминиканец, член кружка архиепископа новгородского Геннадия 381, 622
- Вербеци Иштван, венгерский юрист 422
- Вергерий Петар Павел, хорватский реформатор 505—507
- Вергилий, римский поэт 355, 356
- Ветранович Мавро, хорватский поэт 389
- Веттины, германский княжеский род 36, 47, 54, 103, 107
- Видо Марко, итальянский поэт 369
- Вилем Заиц из Вальдека, чешский пан 203
- Виллани Джованни, итальянский писатель 43, 348
- Вильгельм, рижский архиепископ, брат Альбрехта Бранденбургского 310, 311
- Вильгельм Австрийский, герцог австрийский из дома Габсбургов, сын Леопольда III, муж дочери Лайоша Великого Ядвиги 117, 118, 276, 520
- Вильгельм Голландский, граф голландский, германский король, претендент на императорский титул 52, 56
- Вильгельм II, сицилийский король 128
- Вильгельм II Гогенцоллерн, германский император 128
- Виниус Андрей, голландский купец и промышленник 594
- Винрих фон Книпрод, великий магистр Тевтонского ордена 112
- Висконти, итальянский род правителей Милана 73, 95—97, 100
- Висконти Джан Галеаццо, герцог миланский 234
- Виссарион, никейский епископ, кардинал, глава греческих гуманистов в Италии 333
- Витковцы, знатный чешский род 188, 189
- Витовт, великий князь литовский 252, 277—284, 286, 305, 321, 413

- Виттельсбахи, южногерманский род, правивший в Баварии 35, 66, 74, 77, 78, 82—84, 92, 93, 96, 103, 106, 109, 112
- Виттенберги, саксонский герцогский род 35
- Вишневецкий Дмитрий Иванович, князь, предводитель казаков, основатель Запорожской Сечи 561
- Вишневецкий Михал, король польский 571
- Владимир I Святославич (Святой), киевский князь 268, 336, 464, 465
- Владимир II Всеволодович Мономах, киевский князь 451, 452, 463, 606
- Владимир Андреевич, князь боровской и серпуховской 275
- Владимир Торопецкий, русский князь 284
- Владислав, сын Вацлава I 52
- Владислав, король неаполитанский 242, 243
- Владислав, сербский король, см. Стефан Владислав
- Владислав, претендент на сербский престол из рода Неманичей 149
- Владислав (Уласло) II Ягеллон, король чешский и венгерский 256, 294, 296—298, 329, 401, 402, 406, 421, 423, 473, 474, 521—525
- Владислав III, брат Пржемысла I, маркграф моравский 46
- Владислав I Локетек, король польский 60, 61, 75—78, 88, 114, 167, 170, 172
- Владислав II (V) Ягайло, см. Ягайло
- Владислав III Варненчик, король польский и венгерский (Уласло I Ягеллон) 288, 290—294, 303, 421, 521
- Владислав IV, король польский, сын Сигизмунда III 431, 558, 559, 565, 566, 583, 584
- Владислав из Гельнева, блаженный, польский композитор 229, 366
- Влахович Грегор, протестантский проповедник в Хорватии 504
- Влаич Матия, см. Флаций Иллирик
- Войтех (Войцех)-Адальберт, святой, епископ пражский 195, 213, 228
- Волынский Артемий Петрович, русский государственный деятель, дипломат 634
- Вольтер, французский писатель и философ 349, 646, 651
- Вольфрам фон Эшенбах, средневековый поэт 42
- Врамец А., хорватский богослов и историк 505
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимирский 438
- Вуек Якуб, польский католический писатель 500
- Вукан (Вук), сын Стефана Немани, великий жупан Сербии 130, 133, 134
- Вукашин, сербский правитель (король) Македонии 153
- Выговский Иван Евстафьевич, украинский гетман 569, 570
- Высоцкий Симон, иезуит, русский переводчик 616
- Вышенский Иван, украинский писатель 375
- Габсбурги, династия в Священной Римской империи, Австрии, Чехии, Венгрии, Испании 19, 61,

- 66, 68—81, 109, 120, 173, 288,
297—302, 304, 309, 329, 334,
338, 344, 360, 403, 406, 423,
519—543, 548, 551, 552, 556,
559, 573, 574, 648, 650
- Гавриил, патриарх сербский 600,
605
- Гаек из Либочан Вацлав, чешский
хронист 351, 359, 548
- Галилей Галилео, итальянский
ученый 348
- Галл Аноним, польский хронист
212, 213
- Галлен Генрих фон, магистр Ли-
вонского ордена 310, 311
- Гальбакс М.В., австрийский живо-
писец 550
- Гамерский Тыльман, польский ар-
хитектор 577
- Гартман Адам, член Общины чеш-
ских братьев, писатель 544
- Гварини Гварино, итальянский
архитектор 550
- Гварино Веронезе, итальянский
гуманист 362
- Гварини Джамбаттиста, итальян-
ский поэт 389
- Гвидо де Колумна, итальянский
писатель 611
- Гедимин, великий князь литов-
ский 77, 110, 112, 112, 268
- Гедиминовичи, литовский княже-
ский род 415, 456
- Гекторович Петар, далматинский
поэт 391
- Гелен Зигмунд, чешский издатель,
гуманист 357
- Геннадий, архиепископ новгород-
ский, 381, 447, 622
- Генрик Глоговский, польский си-
лезский князь 75, 76
- Генрик IV Пробус, польский силез-
ский (вроцлавский) князь 59, 170
- Генрик VI, польский силезский
(вроцлавский) князь 77, 78
- Генрих Баварский, герцог бавар-
ский 56
- Генрих, герцог Нижней Баварии
74, 82
- Генрих (Йиндржих), герцог ка-
ринтийский (хорутанский), пле-
мянник Пржемысла II 55
- Генрих (Йиндржих) Хорутанский,
чешский король, см. Йиндржих
Хорутанский
- Генрих, герцог лотарингский и
брабантский 62
- Генрих II, французский король
398
- Генрих IV Наваррский, француз-
ский король 536, 546
- Генрих I, германский король 26
- Генрих IV, император Священной
Римской империи 27
- Генрих VI, император Священной
Римской империи 31—33, 46,
47, 128
- Генрих (VII), германский король,
сын Фридриха II 49—51, 63
- Генрих VII Люксембургский,
граф люксембургский, импера-
тор Священной Римской импе-
рии 62, 65, 66, 69, 87, 95,
97—99
- Генрих III, английский король 49,
50, 62, 63
- Генрих VII, английский король
397, 398
- Генрих Биттерфельдский, рефор-
матор, представитель *devotio
moderna* в Чехии 207
- Генрих (Генрик) Валуа, польский
король 409, 492, 530, 531
- Генрих Габсбург, австрийский
герцог, брат Фридриха III Авст-
рийского 68

- Генрих Изернский, итальянец при чешском дворе, писатель 58, 202, 203
- Генрих Лев, герцог Саксонии и Баварии 27, 35
- Георг I, английский король 631, 632
- Георг Вильгельм Гогенцоллерн, курфюрст бранденбургский 560
- Георг Фридрих, герцог прусский 315, 316
- Георгий Акрополит, византийский историк и государственный деятель 141
- Георгий Амартол (Мних), византийский хронист 218
- Георгий (Юрай) Бранкович, сербский правитель 289, 290, 291, 421
- Георгий I Тертерий, царь Второго Болгарского царства 147—149
- Георгий II Тертерий, царь Второго Болгарского царства 148
- Георгицевич А., хорватский политический писатель 509
- Гераклид Иаков, молдавский господарь, протестант 510—511
- Герасим, киевский митрополит 284
- Герасимов Дмитрий, дьяк, посол Василия III к Клименту VII 528
- Герберштейн Сигизмунд фон, имперский посол в Москву 334, 441, 454, 526
- Гердер Иоганн Готфрид, немецкий философ 658
- Герман Баденский, маркграф 53
- Герман фон Зальца, магистр Тевтонского ордена 38
- Геродот, древнегреческий историк 194
- Геррман Ф., чешский эмигрант в Америке 552
- Гертруда, племянница Фридриха II Бабенберга, жена чешского принца Владислава, а затем Германа Баденского 52
- Герцен Александр Иванович, русский революционер, писатель 654, 655
- Гесиод, древнегреческий поэт 621
- Гжегож Павел из Бжезина, польский антитринитарий 495
- Гжегож из Санока, львовский архиепископ, гуманист, поэт и философ 362, 363
- Гизель Иннокентий, украинский писатель 613
- Гийом Виллардуэн, ахейский князь 141
- Гирей, династия крымских ханов 295
- Главинич Ф., хорватский католический писатель 508
- Глинские, литовский княжеский род 415
- Глинский Михаил Львович, литовский политический деятель, затем приближенный Василия III 334, 523
- Гоббс Томас, английский философ 645
- Гогенцоллерны, династия бранденбургских курфюрстов, герцогов Пруссии 313, 315, 316, 543
- Гогенштауфены, см. Штауфены
- Годины Абрахам и Исаак, голландские живописцы в Чехии 550
- Гозий Станислав, епископ вармийский, католический богослов 497, 500
- Голицын Борис Алексеевич, князь, сподвижник Петра I 627

- Голицын Василий Васильевич, князь, боярин, приближенный царя Федора Алексеевича и правительницы Софьи 584—587, 627
- Голицын Дмитрий Михайлович, князь, русский государственный деятель 645
- Голлар (Холлар) Вацлав, чешский гравер и рисовальщик 554, 577
- Голятовский Иоанникий, украинский богослов, писатель 613
- Гольбейн Ханс, немецкий художник 348
- Гомер, древнегреческий эпический поэт 194, 369, 621
- Гонезий (Гонядзкий) Петр (Петр из Гонедза), польский антитринитарий 495
- Гонорий III, папа римский 134, 157
- Гончаров Иван Александрович, русский писатель 655
- Гораций, римский поэт 355, 356, 368, 369, 614
- Гордон Патрик, сподвижник Петра I, шотландец 626, 627
- Горка Анджей, вождь польских протестантов 492
- Горка С., польский реформатор, ректор Виттенбергского университета 490, 493
- Горский Станислав, польский гуманист 364
- Гослицкий Лаврентий, польский политический мыслитель 365
- Гоццио, итальянский юрист в Праге 166
- Грбич Матия (Матиас Гарбиций Иллирик), хорватский реформатор 505—508
- Грегори Иоганн Готфрид, немецкий пастор, создатель театра в Москве 608, 615
- Григорий, болгарский агиограф 217
- Григорий, архимандрит Пересопницкого монастыря, автор т.н. Пересопницкого Евангелия 374
- Григорий, епископ Антибари 129
- Григорий, митрополит киевский 324
- Григорий, вождь Чешских братьев, писатель 258, 353
- Григорий Богослов (Григорий Назианзин), теолог, церковный деятель 375
- Григорий Грубый из Елени, чешский писатель-гуманист 356, 392
- Григорий из Хаймбурга, немецкий дипломат, автор апологии Йиржи Подебрада 353
- Григорий Мамма, константинопольский патриарх 323, 324
- Григорий Синаит, византийский мыслитель и церковный деятель 217
- Григорий Цамблак, киевский митрополит, болгарский писатель 217, 220, 282
- Григорий VII, папа римский 18, 27, 29, 169, 194, 212
- Григорий IX, папа римский 50, 134, 139
- Григорий X, папа римский 56, 147, 158
- Григорий XI, папа римский 118
- Григорий XII, папа римский 240
- Гроот Г., фламандский мистик 470
- Гроций Гуго, голландский юрист, социолог 643, 645
- Губмайер Бальтазар, деятель Реформации в Германии, анабаптист 514
- Гуго Сен-Викторский, теолог 196, 208

- Гундулич Иван, далматинский поэт 389
- Гурницкий Лукаш, польский писатель 368
- Гус Ян, чешский реформатор 228, 237—250, 254, 257, 260—262, 350—353, 405, 474, 475, 482, 514
- Гусев Владимир, приближенный Ивана III 455
- Густав II Адольф, король шведский 542, 560
- Гута, дочь Яна Люксембургского, жена Иоанна II Доброго 73
- Гута Габсбург, жена Вацлава II, дочь Рудольфа I Габсбурга 58
- Гуттерер Якоб, немецкий и моравский анабаптист 514
- Гюнтер, граф, претендент на наследство Людовика Баварского 93
- Дабиша, боснийский правитель 303
- Давид Ф., трансильванский епископ-антитринитарий 496
- Далимил (Далимил Мезиржицкий), чешский хронист 203
- Далматин Антон, см. Антон Далматин
- Далматин Юрай, см. Юрай Далматин
- Дамиан, сербский летописец 220
- Даниил, епископ владимирово-волинский, поставленный митрополитом Исидором 323
- Даниил, митрополит московский, иосифлянин 335, 382, 453
- Даниил Адам из Велеславина, чешский писатель и издатель 360
- Даниил Александрович, князь московский 269, 270, 342, 385
- Даниил Романович, князь галицкий и волинский 266, 267
- Даниил Черный, русский иконописец 387
- Данило, сербский архиепископ и писатель-историк 149, 220
- Данило Петрович Негош, митрополит (владыка) Черногории 631
- Данте Алигьери, итальянский поэт 43, 66, 87, 206, 347
- Дантышек Ян, польский поэт 364
- Дежнев Семен Иванович, русский землепроходец 586, 633
- Декарт Рене, французский философ 545
- Дель Бене, итальянский художник в Польше 577
- Демосфен, древнегреческий оратор 621
- Депорт Франсуа, французский художник в Польше 577
- Дешан Эташ, французский поэт 226
- Джеймс Ричард, священник английского посольства в Москве 614, 623
- Джентиле Дж.В., итальянский антитринитарий 495
- Джорджич Игнатий, далматинский поэт 390
- Джорджо да Себенико, см. Юрай Далматинец
- Джотто, итальянский художник 387
- Дивкович Матия, хорватский религиозный писатель 509
- Дидро Дени, французский философ 651
- Димитрий, православный серб, обратившийся в протестантизм 510, 511
- Димитрий Ростовский, русский святой, митрополит ростовский, писатель 615, 616

- Димитрий Хоматиан, архиепископ охридский, ученый-канонист 135
- Динценхофер Килиан Игнац, чешский архитектор 549—550
- Динценхофер Криштоф, чешский архитектор 549—550
- Дионисий, греческий монах, справщик русских богослужебных книг 600
- Дионисий, болгарский монах-переводчик 217
- Дионисий, русский иконописец 387
- Дионисий, митрополит тырновский 430
- Дионисий Глушицкий, русский церковный деятель, заволжский старец 381
- Дионисий Картузианец, французский мистик 470
- Дитрихштейн Ф., кардинал, епископ оломоуцкий 483
- Длугош Ян, польский историк 362—365
- Дмитрий, князь галицкий 410
- Дмитрий, царевич, сын Ивана IV 466
- Дмитрий, царевич, младший сын Ивана IV 342, 578, 610
- Дмитрий Иванович Донской, князь московский, великий князь владимирский 272—276, 278, 336, 339, 379, 440, 442, 445
- Дмитрий Иванович, внук Ивана III 333, 453
- Дмитрий Константинович, великий князь суздальско-нижегородский 272, 273
- Дмитрий Михайлович, князь тверской 270
- Дмитрий Прилуцкий, русский святой 381
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь галицкий 320—322, 325
- Добровский Йозеф, чешский ученый, деятель национального возрождения 658
- Доброслав, князь Дубровника 181
- Довгалевский Митрофан, украинский писатель 376
- Долабелла Томазо, итальянский художник в Польше 577
- Доментин, сербский писатель-агиограф 135, 220
- Доминик, святой, основатель монашеского ордена 42
- Доминис Марк-Антонио ди (Господнетич), далматинский реформатор 506
- Донателло, итальянский скульптор 347, 348
- Доннер Георг Рафаэль, австрийский скульптор в Словакии 551
- Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Украины 570, 571, 585
- Достоевский Федор Михайлович, русский писатель 655
- Драгишич Юрай, боснийский теолог и филолог 388
- Драгутин (Стефан Драгутин), сербский король 148, 158, 159, 220
- Драшкович Юрай, бан Хорватии, деятель контрреформации 506
- Држич Джоре, хорватский поэт 389
- Држич Марин, хорватский драматург 389
- Дудич Андрей, печский епископ, перешедший в протестантизм 505
- Дю Белле Жоашен, французский поэт 369
- Дюбуа Пьер, французский легист, публицист 34, 65, 70

- Дюрер Альбрехт, немецкий художник 348, 361, 372, 554
- Евгений IV, папа римский 253, 284
- Евгений Савойский, австрийский полководец 573
- Евдокия, жена Стефана Первовенчанного, дочь византийского императора Алексея III 132
- Евфимий Зигавин, византийский богослов 217
- Евфимий Тырновский, константинопольский патриарх, болгарский писатель 217
- Едигей, правитель Золотой Орды 279
- Екатерина, дочь Карла IV Люксембургского, жена Рудольфа IV Габсбурга, затем Оттона Ленивого Бранденбургского 106, 109
- Екатерина, жена Сигизмунда II Августа, дочь Фердинанда I 528
- Екатерина, дочь Лайоша I Великого 117
- Екатерина I Алексеевна, российская императрица, жена Петра I 616, 635, 636, 645
- Екатерина II Алексеевна (Великая), российская императрица 636, 640, 645, 646, 649—652, 660
- Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, дочь Ивана V 631, 636
- Елена, правительница Боснии 303
- Елена, жена сицилийского короля Манфреда 141
- Елена, сербская королева, мать Милутина (Стефана Уроша II) 149, 220, 223
- Елена, жена Стефана Душана, сестра Ивана Александра Болгарского 151, 159
- Елена, дочь Ивана III, жена Александра I Литовского 331, 334, 523
- Елена Васильевна Глинская, жена Василия III, мать Ивана IV 335, 453, 459, 528
- Елена Ольгердовна, жена князя Владимира Андреевича Боровско-Серпуховского 275
- Елена Стефановна Волошанка, сноха Ивана III 333, 334, 453
- Елизавета (Елишка), дочь Вацлава II, жена Яна Люксембургского 62, 67, 87, 91
- Елизавета, дочь Владислава Локетка, см. Эльжбета
- Елизавета, жена Лайоша Великого Анжуйского 154
- Елизавета, мать Лайоша (Людовика) Анжуйского, правившая в Польше 116
- Елизавета, четвертая жена Карла IV Люксембургского, дочь Богуслава V, герцога Померании-Вольгаста 107, 113
- Елизавета Габсбург, жена Сигизмунда II Августа, дочь Фердинанда I 300, 527
- Елизавета Люксембургская, вдова Альбрехта II, мать Ладислава Погробека 290, 421, 521
- Елизавета Петровна, российская императрица 636, 646, 648
- Епифаний Премудрый, русский писатель, агиограф 379
- Епифаний Славинецкий, украинский и русский писатель, ученый 600, 609
- Ермак Тимофеевич, казачий атаман, покоритель Сибири 336
- Ефрем, автор Жития Авраамия Смоленского 377
- Жанден Жан**, французский философ 71

- Жеротин, Карел из Жеротина, чешский политический деятель, писатель 546, 553
- Жерсон Жан, французский богослов 261
- Жигмонд, король Венгрии, см. Сигизмунд I
- Жижка Ян, вождь гуситов 250—253, 260, 262, 351, 352, 355, 405
- Жолкевский Станислав, польский полководец 556, 558, 559, 563
- Жоффруа де Виллардуэн, французский средневековый историк 43
- Жуанвиль Жан де, французский средневековый историк 43
- Завиш, чешский поэт и композитор 202
- Завиш из Фалькенштейна, чешский магнат 56, 58, 189
- Замойский Ян, польский великий канцлер, гуманист 316, 365, 372, 532, 533, 534, 560
- Запольяи Янош, венгерский правитель 299, 301, 486, 524, 527, 528
- Захарий Копыстенский, украинский богослов, писатель 613
- Збынек из Газенбурга, пражский архиепископ 238, 242
- Здик Йиндржих, епископ оломоуцкий, чешский латинский проповедник 194
- Зеленьский Миколай, польский композитор 576
- Земовит III, мазовецкий князь 116, 172
- Зизаний Лаврентий, украинский ученый-филолог 613
- Зизаний Стефан, украинский богослов, церковный писатель, брат Лаврентия Зизания 375
- Зиморович Шимон, польский поэт 575
- Зиморович Юзеф Бартоломей, польский поэт 575
- Златарич Динко, далматинский поэт 389
- Зоранич Петар, далматинский писатель 391
- Зосима, митрополит московский 447
- Зофья Ягеллонка, дочь Казимира IV, мать Альбрехта Бранденбургского 309
- Зоя, византийская императрица 27
- Зоя Палеолог, см. Софья Палеолог
- Зриньи, род хорватских магнатов 505, 506
- Зриньи Миклош, хорватский бан 301, 391, 505
- Зриньи Петр, вождь заговора против Габсбургов 423
- Зриньи Юрай, сын Миклоша Зриньи, протестант, основатель типографии 505
- Зярнко Ян, польский гравер 577
- Иаков Мних, монах Киево-Печерского монастыря, писатель 463
- Иаков (Яков) I, английский король 484
- Ивайло, пастух, вождь восстания, провозгласивший себя болгарским царем 147
- Иван Александр, царь Второго Болгарского царства 151, 153, 217, 218, 222
- Иван Асень II, царь Второго Болгарского царства 137—141, 182
- Иван Асень III, царь Второго Болгарского царства 147
- Иван Срацимир, царь болгарского Видинского царства, сын Ивана Александра 153, 154

- Иван Шишман, царь болгарского Тырновского царства 153, 154
- Иван Рильский, болгарский святой 217
- Иван I Данилович Калита, князь московский, великий князь владимирский 270—272, 386, 440, 442, 445, 557
- Иван II Иванович Красный (Кроткий), князь московский, великий князь владимирский 271, 440
- Иван III Васильевич, великий князь московский 321, 325—333, 335, 343, 386, 440—442, 446—451, 453, 455, 457—459, 463, 465, 522, 523, 528, 529, 552, 603, 604
- Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 310, 311, 313, 325, 335—345, 379, 383, 388, 393, 442, 446, 448—454, 456, 459—462, 465, 466, 512, 513, 528—532, 556, 557, 561, 587, 589, 591, 592, 594, 599, 603, 617, 619, 623, 626, 632, 634, 649
- Иван V Алексеевич, русский царь, брат Петра I 584, 636
- Иван VI Антонович, российский император 636
- Игнатий, болгарский патриарх 147
- Игорь Святославич, князь новгород-северский, герой «Слова о полку Игореве» 379
- Иеремия из Асколи, см. Николай IV
- Иероним, святой, теолог 208
- Иероним Пражский, чешский реформатор 239, 247, 249, 250, 262, 351
- Изабелла, сестра Генриха III Английского 49, 63
- Изабелла, королева Кастилии, жена Фердинанда Арагонского 398, 521, 535
- Изабелла, дочь Филиппа II Испанского 537
- Изабелла, жена Яноша Запольяи, дочь Сигизмунда I Польского 300, 301, 527
- Изабелла Португальская, жена Карла V, мать Филиппа II Испанского 536
- Иларион, киевский митрополит, писатель 463
- Иловский Станислав, польский гуманист 365
- Имре, венгерский король 47, 133, 134, 145
- Иннокентий III, папа римский 18, 29, 31, 32, 47, 130—133, 145, 164, 468
- Иннокентий IV, папа римский 29, 39, 52, 134, 266, 267
- Иннокентий V, папа римский 158
- Иннокентий VI, папа римский 97, 152
- Иоанн, архиепископ новгородский 378
- Иоанн, архиепископ Антибари 133
- Иоанн, миланский архиепископ из рода Висконти 97
- Иоанн Бриеннский, император Латинской империи 138
- Иоанн Дамаскин, византийский богослов 375
- Иоанн Златоуст, византийский церковный деятель, писатель 217, 375
- Иоанн Малала, византийский хронист 218
- Иоанн Схоластик, византийский писатель 443
- Иоанн III Дука Ватац, никейский император 139—141

- Иоанн IV Ласкарис, никейский император 142, 146
- Иоанн V Палеолог, византийский император 152
- Иоанн VI Кантакузин, византийский император 151, 152
- Иоанн VII Палеолог, византийский император 289
- Иоанн VIII Палеолог, византийский император 323
- Иоанн XXI, папа римский 158
- Иоанн XXII, папа римский 68, 71, 73, 74, 76, 77, 81, 85, 236, 254, 469
- Иоанн XXIII, папа римский 242—245
- Иоанн II Добрый, французский король 73, 85, 114
- Иоанн Шушерин, монах, русский писатель 611
- Иоанна, неаполитанская королева 96, 101
- Иоанникий, сербский патриарх 151
- Иоасаф, русский митрополит 335
- Иоасаф I, русский патриарх, преемник Филарета 597
- Иоасаф, патриарх константинопольский 518
- Иоасаф Видинский (Бдинский), митрополит, болгарский писатель 217
- Иоахим Фридрих, курфюрст бранденбургский 316
- Иоганн, сын Генриха Нижнебаварского, внук Яна Люксембургского 82
- Иоганн VII фон Шлейниц, епископ мейсенский 485
- Иоганн IX фон Хаугвиц, епископ мейсенский 485
- Иоганн Генрих (Ян Йиндржих), сын Яна Люксембургского, муж Маргариты Маульташ, граф тирольский, затем маркграф моравский 72, 81—83, 90, 260
- Иоганн Георг, курфюрст саксонский 484
- Иоганн Сигизмунд, курфюрст бранденбургский 316
- Иоганн из Шуттвы, немецкий гуманист 206
- Иона, рязанский епископ, затем русский митрополит 322—324, 465
- Иов, русский патриарх 465
- Иосиф, русский патриарх 597, 601
- Иосиф II, австрийский эрцгерцог, император Священной Римской империи, сын и соправитель Марии Терезии 649—652, 658
- Иосиф Волоцкий (Иосиф Санин), русский церковный деятель, игумен Волоцкого монастыря, основатель иосифлянства 380, 381, 447, 453
- Ирина, жена Константина Тиха, дочь Феодора II Ласкариса 141, 146
- Исаак II Ангел, византийский император 126, 127
- Исайя, сербский монах-переводчик 217
- Исидор (Сидор), русский митрополит 322—324
- Исидор Севильский, святой, теолог и церковный писатель 196
- Искра из Брандиса Ян, военачальник таборитов 290, 421, 434, 486
- Истомин Карион, русский поэт, просветитель 615
- Иштван (Стефан) I Святой, первый король Венгрии 143, 157, 174, 175, 422, 649
- Иштван V, венгерский король, сын Белы IV 53, 158

- Йелито** Петр, епископ оломоуцкий, ранний чешский гуманист 206
- Йиндржих** из Липы, чешский пан 67
- Йиндржих** Рожмберк (Генрих Розенбергский), чешский пан 233
- Йиндржих** (Генрих) Хорутанский, герцог каринтийский, чешский король 61, 62, 72, 81
- Йиржи** Подебрад, чешский король 255—259, 263, 294, 329, 353—355, 359, 401, 405, 406, 434, 521
- Йошт** (Иобст), маркграф Моравии 233, 235, 244, 260
- Кабот** Джон, мореплаватель 398
- Кабош**, вождь восстания кабошьенов во Франции 254
- Кадлински** Феликс, чешский поэт эпохи барокко 547
- Кадлубек** Винцент, польский хронист 212
- Казимир III Великий**, польский король 78—80, 84, 89, 110—116, 123, 167, 169, 172, 190, 212, 213, 267, 276, 410—412, 417
- Казимир IV** (Ягеллончик), литовский великий князь, польский король 256, 290, 294, 295, 303, 307, 309, 321—331, 343, 363, 371, 417, 445, 522
- Казимир** Щецинский (Слупский), поморский князь, внук Казимира III, усыновленный им 115, 116, 171, 190
- Казимир**, сын Владислава Локетка 77
- Калиман I** Асень, царь Второго Болгарского царства 140
- Калиман II** Асень, царь Второго Болгарского царства 141
- Каллимах** (Буонакорси Филиппо), гуманист 363, 364, 371, 407
- Каллист**, константинопольский патриарх 272
- Калло** Жак, французский художник 577
- Калло** Клод, французский художник в Польше 577
- Калоян** (Иван Калоян), царь Второго Болгарского царства 130—133, 182
- Каль** Гильом, вождь восстания Жакерия во Франции 254
- Кальвин** Жан, деятель Реформации 348, 349, 472, 473, 476, 479, 487, 490, 491, 493, 495, 499, 501
- Каменевич-Рвовский**, русский писатель 615
- Каневалле** Д., итальянский архитектор в Чехии 549
- Каневалле** Марко Антонио, итальянский архитектор в Чехии 549
- Кантемир** Антиох Дмитриевич, русский поэт, просветитель, сын Д.К.Кантемира 615
- Кантемир** Дмитрий Константинович, молдавский господарь, советник Петра I 630
- Капетинги**, династия французских королей 33, 41, 66, 69, 91
- Каракозов** Дмитрий Владимирович, русский революционер 655
- Кара-Мустафа**, турецкий великий везир 572
- Карамзин** Николай Михайлович, русский историк, писатель 653
- Каратти** Ф., итальянский архитектор в Чехии 549
- Карл**, австрийский эрцгерцог, сын Фердинанда I 501, 502
- Карл I** Анжуйский, сицилийский король 32, 34, 146, 148
- Карл I**, английский король 397

- Карл IV Люксембургский, маркграф Моравии, затем король Чехии (Карел I), император Священной Римской империи (имя, данное при рождении, — Вацлав) 15, 21, 67, 73—75, 79—115, 117—123, 152, 161, 166, 167, 172, 189, 197, 199, 202—206, 208—211, 227, 231—233, 235, 236, 241, 251, 254, 255, 260, 354, 399, 401, 404, 405
- Карл V, император Священной Римской империи, король Испании 298, 301, 309, 334, 476, 477, 510, 521, 526—528, 535, 536, 538, 552
- Карл VI, император Священной Римской империи, правивший в Чехии и Венгрии 632
- Карл VII, император Священной Римской империи, правивший в Чехии и Венгрии, герцог баварский (Карл Альбрехт) 648
- Карл IV Красивый, французский король 67, 70, 88
- Карл V Мудрый, французский король 99
- Карл VI, французский король 234
- Карл VIII, французский король 397, 398
- Карл IX, французский король 530
- Карл IX, шведский король 556, 560
- Карл X Густав, шведский король 568, 584, 585
- Карл XII, шведский король 629—632
- Карл Валуа, граф, брат Филиппа IV Красивого, претендент на императорский титул, основатель королевского дома Валуа 66, 70, 149
- Карл Великий, франкский король, основатель империи 25, 29, 30, 219, 468
- Карл Леопольд, герцог мекленбургский 631
- Карл Лотарингский, полководец 572, 573
- Карл Роберт Анжуйский, венгерский король 61, 77, 79, 87, 90, 110, 125, 176, 177, 179, 180
- Карл Смелый, герцог бургундский 521
- Карп, основатель ереси стригольников в Новгороде 380
- Карнарутич Б., далматинский поэт 391
- Карпини Плано, путешественник на Восток 213
- Касим, татарский царевич 319—321, 330
- Кастриоти Георг, см. Скандербег
- Катон Старший, римский писатель 200
- Катулл, римский поэт 368
- Катырев-Ростовский Иван Михайлович, князь, русский писатель 610
- Кашич Варфоломей, хорватский писатель, деятель контрреформации 508, 518
- Кейстут, литовский князь 111, 268, 277, 290
- Кеплер Иоганн, астроном 359
- Кетлич Генрик, архиепископ гнезненский 169
- Кеттлер Готтгард фон, магистр Ливонского ордена 311
- Кжицкий Анджей, архиепископ гнезненский, поэт-гуманист 364
- Киприан, русский митрополит, писатель 217, 380
- Кириак Анконский, итальянец в Константинополе 303

- Кирилл (Константин), святой, просветитель славян 25, 194, 195, 255, 517
- Кирилл Лукарис, константинопольский патриарх 518
- Кирилл Туровский, епископ, древнерусский писатель 463
- Клара Ассизская, святая 51, 63, 195
- Кларет, магистр Кларет, чешский лексикограф 226
- Кленович Себастиан, польский поэт 370
- Климент III, папа римский 129
- Климент IV, папа римский 54
- Климент V, папа римский 34, 66, 149
- Климент VI (Пьер Роже), папа римский 83, 84, 94, 96, 97
- Климент VII, папа римский 528
- Климент VII, авиньонский анти-папа 234
- Климент VIII, папа римский 568
- Ключевский Василий Осипович, русский историк 656
- Козьма Пражский, чешский хронист 204
- Кола ди Риенцо, вождь пополанов в Риме 96—98, 121, 206, 254
- Колда из Колдиц, доминиканец, чешский писатель 197
- Колет Джон, английский гуманист 348
- Коллар Ян, деятель чешского и словацкого национального возрождения, поэт 658
- Коломан (Кальман), венгерский король 178
- Коломан, сын Андрея II Венгерского 266
- Колонна Скиарра, вождь восстания против Иоанна XXII в Риме, гибеллин 71
- Колумб Христофор, мореплаватель 398, 501
- Коменский Ян Амос, чешский мыслитель, педагог, писатель, епископ Чешских братьев 493, 499, 540, 545, 553
- Комнины, византийская династия 156
- Конецпольский Станислав, польский гетман 560, 565
- Конзул Стефан (Истрианин), хорватский реформатор 505, 506, 510
- Кониаш Антоний, деятель контрреформации в Чехии 554
- Коннор Б., ирландский писатель 576
- Конрад III, германский король 30
- Конрад IV Штауфен, германский король, претендент на императорский титул 32, 52
- Конрад Вальдгаузер, реформатор 207, 236
- Конрад из Вехты, пражский архиепископ 251
- Конрад Мазовецкий, польский князь 38
- Конрад Отгон, чешский князь 163
- Конрадин (Конрад), герцог швабский, сын Конрада IV, внук Фридриха II 56
- Конринг Г., шведский писатель 576
- Константин (Петр) Бодин, правитель (король) сербского княжества Зета 126, 128
- Константин, претендент на сербский престол из рода Неманичей 149
- Константин I Великий, византийский император 378, 603, 605, 606, 622

- Константин VII Багрянородный, византийский император 27
- Константин IX Мономах, византийский император 451
- Константин XI Палеолог, византийский император 323, 332, 446, 465
- Константин Манассия, византийский хронист 218, 219, 222, 448
- Константин Павлович, русский великий князь, сын Павла I 650, 651
- Константин Тих, царь Второго Болгарского царства 141, 146, 221
- Константин Философ (Константин Костенечский), болгарский книжник 217, 220
- Константинс Йиржи, чешский католический писатель 546
- Констанция, вторая жена Пржемысла I, сестра Имре Венгерского 47
- Констанция, дочь Рожера II 31
- Конті Франсуа-Луи, французский принц, претендент на польский престол 628
- Коперник Миколай, польский астроном 363
- Копыстенский Захарий, см. Захарий Копыстенский
- Коранда Вацлав, чешский утравист, писатель 353
- Кордатур Ян, лютеранский проповедник в Буде 486
- Корнелиус Викторин из Вшегрд, чешский юрист, писатель 356, 406
- Корнель Пьер, французский драматург 616
- Коссов Сильвестр, митрополит киевский 609
- Костин Мирон, румынский писатель 578
- Костюшко Тадеуш, руководитель польского восстания 1794 г. 650
- Котошихин Григорий Карпович, подьячий, автор сочинения о России 611
- Котян, половецкий хан, поселившийся в Венгрии 144
- Кохановский Ян, польский поэт 15, 368—370, 390, 575
- Коховский Веспасиан, польский писатель, историк 575
- Крапах Лукас, немецкий художник 361
- Кранмер Томас, деятель английской Реформации 516
- Краячевич Николай (Сарториус), хорватский иезуит, писатель 508, 509
- Крель Себастьян, словенский реформатор, писатель 502
- Кретъен де Труа, средневековый поэт 42
- Кржиж, торговец, основатель Вифлеемской часовни в Праге 237
- Кржиштан из Прахатиц, чешский ученый, писатель 352
- Крижанич Юрай (Юрий), хорватский политический мыслитель, писатель 15, 509, 518, 580, 605, 611, 623, 638, 661
- Кристиан IV, король датский, герцог гольштейнский 541
- Криштоф Гарант из Польжиц, чешский писатель-путешественник 359
- Крокус Корнелий, немецкий писатель 368
- Кромвель Томас, деятель Английской революции 397

- Кромер Марцин, польский епископ и католический писатель 365, 500
- Крыский, польский гуманист 312
- Крюгер Я., чешский историк 548
- Куен Марк, епископ оломоуцкий 480
- Кулин, бан Боснии 145
- Кунгута (Кунигунда), вторая жена Пржемысла II, внучка Белы IV 55, 58, 64
- Кунгута (Кунигунда), дочь Пржемысла II, невеста Фридриха Мейсенского, жена Болеслава Мазовецкого, аббатиса 56, 196, 197, 210
- Кунигунда Бранденбургская, племянница Пржемысла II 55
- Кунст Иоганн, немецкий драматург и актер в Москве 616
- Кунцевич Иосафат, полоцкий униатский архиепископ 565
- Купецки Ян, чешский художник 550
- Курбатов Алексей Александрович, русский государственный деятель, сподвижник Петра I 662
- Курбский, Андрей Михайлович, князь, член Избранной рады, русский писатель 375, 383, 393, 452, 460, 461
- Курбский Федор Семенович, князь, русский воевода 328
- Курицын Федор, дьяк, приближенный Ивана III 451
- Кутхен из Шпринсберка Мартин, чешский историк-утракист 358
- Кучборский В., польский католический писатель 500
- Ладислав Погробек (Ласло V Постум), король венгерский и чешский 255, 256, 288, 290, 293, 421, 422, 434, 486, 521
- Лазарь (Лазарь Хребелянович), сербский князь 153, 155, 223, 289
- Лайош (Людовик) I Великий, король венгерский и польский из Анжуйской династии 80, 81, 96, 110, 111, 113, 115, 116—118, 150—154, 169, 171, 177, 178, 212, 276, 407, 410, 520
- Лайош (Людвик) II Ягеллон, король венгерский и чешский 297, 298, 309, 422, 486, 487, 521, 526
- Ланциус Т., немецкий писатель 576
- Ласкаж Анджей, епископ познаньский 362
- Лаские, польский магнатский род 364
- Лаский Ян, канцлер, затем примас Польши, составитель статута Лаского 412, 491
- Лаский Ян, польский реформатор, племянник примаса Лаского 364, 494, 517
- Ласло IV, венгерский король 144
- Ласло Постум, см. Ладислав Погробек
- Латимер Хью, деятель Реформации в Англии 348
- Лауенбурги, саксонский герцогский род 35, 103
- Лаурин из Клатова, чешский миниатюрист 211
- Лев VI, византийский император 448
- Лев X, папа римский 471, 527
- Лев, русский князь, сын Даниила Галицкого 267
- Лев, кардинал и папский легат 133
- Лев из Рожмиталя, глава посольства короля Йиржи Подебрада 354

- Левакович Р., хорватский католический писатель 508
- Лейбниц Готфрид Вильгельм, немецкий философ 640, 644, 662
- Лейцентритт Иоганн, декан Будинского капитула 485
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, русский революционер-марксист, организатор Октябрьской революции 1917 г., государственный деятель 656
- Леонардо да Винчи, итальянский художник, ученый 348
- Леопольд I, император Священной Римской империи, правивший в Чехии и Венгрии 423, 424, 432, 572
- Леопольд II, император Священной Римской империи, правивший в Чехии и Венгрии 651, 658
- Леопольд III, герцог австрийский из дома Габсбургов 520
- Леопольд VI Бабенберг, герцог австрийский 49
- Лет Помпоний, итальянский гуманист 470
- Лефевр д'Этапль Жак, французский гуманист 471
- Лефорт Франц, сподвижник Петра I, швейцарец 626
- Лешко Краковский, польский князь 266
- Лещинский Станислав, польский король 629, 647
- Лжедмитрий I, русский царь, самозванец 557, 558, 578
- Лжедмитрий II (Вор), самозванец 558, 559
- Лисманин Францишек, польский богослов-реформатор греческого происхождения 494
- Лихуды Иоанникий и Софроний, братья-греки, преподаватели Славяно-греко-латинской академии в Москве 610
- Локк Джон, английский философ 645
- Ломоносов Михаил Васильевич, русский ученый, поэт 615
- Лопухина Евдокия Федоровна, русская царица, первая жена Петра I 627, 635
- Лоренцо Валла, итальянский гуманист 470, 603
- Лорихиус, немецкий писатель 637
- Лотарь II, германский король 30
- Лохелий Ян, архиепископ пражский 483
- Лука Жидята, епископ новгородский, автор «Поучения» 463
- Лукаш Пражский, старейшина Чешских братьев 259, 357, 475
- Лукиан Самосатский, древнегреческий писатель-сатирик 194, 356
- Лураго Карло, итальянский архитектор в Чехии 549
- Луцич Ханибал, хорватский драматург и поэт 390, 391
- Любарт, литовский князь, сын Гедимины, претендент на галицко-волинский престол 110
- Любраньский Ян, епископ познаньский, гуманист 364
- Людвик (Лайош) II Ягеллон, см. Лайош II
- Людмила, святая, чешская княгиня 195
- Людовик I Великий (Венгерский, Анжуйский), король польский и венгерский, см. Лайош I
- Людовик IX Святой, французский король 32, 34, 65
- Людовик X, французский король 396

- Людювик ХП, французский король 398, 471
- Людювик ХП, французский король 542
- Людювик ХИУ, французский король 571
- Людювик (Людвиг) Баварский, герцог 50, 51
- Людювик ИУ (Людвиг) Баварский, герцог Верхней Баварии, германский король, император Священной Римской империи 66—85, 88, 92, 93, 95, 99, 102
- Людювик Баденский, маркграф, полководец 578
- Людювик Виттельсбах, маркграф бранденбургский, сын Людювика ИУ 78, 83, 106
- Люксембурги, династия в Священной Римской империи, Чехии, Венгрии 72—74, 81—85, 106, 107, 117, 120, 233, 520, 521
- Лютер Мартин, деятель Реформации 259, 262, 310, 357, 471—476, 485—487, 491—493, 499—502, 506—508, 511, 513, 514
- Лютюмирский Станислав, польский реформатор 494
- Лясоцкий Миколой, польский гуманист 362
- Магнус, датский принц, участник Ливонской войны 338, 339
- Мазепа Иван Степанович, гетман Украины 586, 629
- Майо да Вомио Балтазар, итальянский архитектор 360
- Макарий, патриарх антиохийский 600, 602
- Макарий, игумен Хиландарского монастыря, сербский патриарх 429
- Макарий, митрополит московский 382, 384, 453, 460, 529, 603, 610, 615, 622
- Макиавелли Николо, итальянский политический мыслитель 348, 364
- Максим Грек, русский публицист, филолог, писатель 381, 382, 393
- Максимиан, римский император 616
- Максимилиан, австрийский эрцгерцог, претендент на польский престол 532, 533
- Максимилиан I, император Священной Римской империи 119, 297, 309, 329, 334, 340, 450, 521—526, 529, 535, 551
- Максимилиан II, император Священной Римской империи, король Чехии и Венгрии 301, 302, 312, 478—480, 511, 515, 529—532, 539
- Максимилиан Баварский, герцог, глава Католической лиги 484, 515, 541
- Малецкий Ян, польский писатель 368
- Мамай, правитель Золотой Орды 274, 445
- Манассия Константин, см. Константин Манассия
- Маннель (Манлий) Ганс, деятель Реформации в Словении, типограф 502, 505
- Мануил I (Сарентен), никейский патриарх 135
- Мануил Ангел, правитель (император) Фессалоник 138
- Мануил I Комнин, византийский император 124, 126, 145
- Мануил II Палеолог, византийский император 282

- Манфред Гогенштауфен, сицилийский король 33, 141
- Маргарита, дочь австрийского герцога Леопольда VI Бабенберга, жена Генриха VII, а затем Пржемысла II 49, 51, 53, 55
- Маргарита, дочь Яна Люксембургского 80
- Маргарита, жена Генриха Нижнебаварского, дочь Яна Люксембургского 82
- Маргарита, дочь Карла IV 81
- Маргарита Маульташ, графиня тирольская, дочь Йиндржиха (Генриха) Хорутанского, жена сына Яна Люксембургского Иоганна Генриха, затем Людовика Бранденбургского 72, 81, 83, 90
- Марини Антонио из Гренобля, дипломат, автор политического трактата 353, 354
- Марини Дж., итальянский архитектор в Чехии 549
- Марино Джамбаттиста, итальянский поэт 547, 575
- Мариньола Джованни (Ян), францисканец, путешественник на Восток и чешский хронист 204
- Мария, дочь Лайоша I Великого, жена императора Сигизмунда I 101, 117, 520
- Мария, жена Лайоша II Ягеллона, внучка императора Максимилиана I 297, 522
- Мария, жена Константина Тиха, племянница Михаила VIII Палеолога 146, 147, 158
- Мария, жена Яна Собеского 572
- Мария Борисовна, первая жена Ивана III 321
- Мария Бургундская, жена императора Максимилиана I, дочь Карла Смелого 521, 535
- Мария Терезия, австрийская эрцгерцогиня 647, 648, 649
- Мария Тюдор, английская королева 312, 536
- Марко (Марко Кралевич), герой сербского эпоса, сын короля Вукашина 153, 391, 394
- Марко Поло, итальянский путешественник 41
- Мармон Огюст, маршал Франции, герцог Рагузский 425
- Марселис Петр, датский купец, основатель мануфактур в Московском государстве 594
- Марсилиус Падуанский, итальянский философ и политический мыслитель 71, 89, 90
- Мартин V, папа римский 249, 252
- Мартин Кабатник, деятель движения Чешских братьев, путешественник на Восток 259
- Мартин Опавский (Мартин Поляк), историк 205, 212
- Мартин Поляк, см. Мартин Опавский
- Мартиниц Ярослав, приближенный короля Матвея в Чехии 483, 484
- Марулич Марко, далматинский писатель и философ 390
- Марфа, мать царя Михаила Федоровича 583
- Марциал, римский поэт 355
- Мастер Вышебродского алтаря, чешский художник 210
- Мастер Тршебоньского алтаря, чешский художник 211
- Матвеев Артамон Сергеевич, боярин, приближенный царя Алексея Михайловича 584, 611
- Матвей (Маттиас), император Священной Римской империи, ко-

- роль Чехии и Венгрии 481, 483, 484, 506, 549
- Матвей Корвин (Матьяш Хуньяди), венгерский король 256, 293, 294, 308, 329, 361, 421, 422, 423, 434, 521, 522
- Матвей Краковский, реформатор, представитель *devotio moderna* в Чехии 207
- Матвей из Янова, чешский реформатор 207—209, 227, 237, 248, 257
- Матей Ж.Б., французский архитектор в Праге 549
- Матфей Властарис, византийский канонист 220
- Матье из Арраса, французский архитектор в Праге 209
- Машо Гильом де, французский поэт и композитор 89, 123, 226
- Махмудек, казанский хан 319
- Медведев Сильвестр, русский писатель, ученый, ученик Симеона Полоцкого 609, 614
- Медичи, флорентийский род 347
- Мейнхарт, рижский епископ 37
- Меланхтон Филипп, реформатор 348, 357, 476, 480, 487, 491, 495, 499, 506—508, 510, 511, 515, 518
- Мелетий Смотрицкий, филолог, церковный деятель юго-западной Руси 613
- Мелиус Петр, протестантский проповедник в Венгрии 487
- Мельчевский Марцин, польский композитор 576
- Менгли-Гирей, крымский хан 295—297, 330
- Менчетич Петар, далматинский поэт 388
- Менчетич Шишко, хорватский поэт 389
- Меншиков Александр Данилович, сподвижник Петра I 629, 636
- Мертенс Я., голландский художник в Польше 577
- Метеир, валашский воевода 431
- Меттерних Клеменс, австрийский государственный деятель 653, 658
- Мефодий, святой, просветитель славян 25, 194, 195, 255, 358
- Мефодий, сербский епископ 157
- Мехмед I, турецкий султан 290
- Мехмед II, турецкий султан 291—293
- Мехмед IV, турецкий султан 571, 585
- Мехмед Кёпрюлю, турецкий великий везир 431
- Мехмед-паша Соколу, турецкий великий везир 428
- Мешко I, польский князь 167
- Микалья Якопо, итальянский иезуит 508
- Микеланджело Буонарроти, итальянский скульптор 348
- Миколай Прузень, польский миниатюрист 216
- Микулаш из Гуси, вождь гуситов 250, 262
- Микулаш Конач из Годишкова, чешский гуманист, писатель 356, 359
- Микулаш из Лобковиц, советник Вацлава IV 240
- Микулаш из Лоуни, чешский гуманист 227
- Микулаш из Пельгржимова (Бискупец), чешский хронист, таборит 353
- Милич из Кромержижа, чешский реформатор 207, 208, 209, 236, 237, 254, 260

- Миловец Б., хорватский католический писатель 509
- Милославские, русский боярский род 584
- Милутин (Стефан Урош II), сербский король 148, 149, 158, 159, 220
- Миндовг, литовский князь 39, 267
- Минин Кузьма, вождь народного ополчения, освободившего Москву 559
- Михаил, князь новгородский 331
- Михаил, правитель (король) княжества Зета 128
- Михаил, сын Сигизмунда Литовского 323
- Михаил I Ангел Дука Комнин, основатель Эпирского деспотата 156
- Михаил II Ангел, правитель Эпирского деспотата 141, 142
- Михаил I Асень, царь Второго Болгарского царства 140, 141
- Михаил III Шишман, царь Второго Болгарского царства 148, 150
- Михаил VIII Палеолог, византийский император 44, 142, 146—149
- Михаил Александрович, великий князь тверской 273
- Михаил Андреевич, князь верейский 325
- Михаил Борисович, великий князь тверской 327, 328
- Михаил Федорович (Романов), русский царь 559, 565, 582, 583, 588, 595, 596, 608, 611, 619
- Михаил Ярославич, князь тверской 270
- Михаил де Каузис, обвинитель Яна Гуса 244
- Михай, валашский господарь 430
- Михайлович Константин, польский писатель сербского происхождения 367
- Михалович Ян из Ужендова, польский архитектор и скульптор 372
- Михна Адам, чешский поэт эпохи барокко 547
- Мицкевич Адам, польский поэт 368, 369
- Многогрешный Демьян Игнатъевич, гетман Левобережной Украины 571
- Могила, род молдавских господарей 562
- Могила Иеремия, молдавский господарь 534
- Могила Петр, митрополит киевский, писатель, основатель Киево-Могилянской академии 376, 565, 600, 608, 609, 612, 623
- Могила Симеон, валашский господарь 534
- Моджевский, см. Фрыч-Моджевский
- Моллер Альбин, лужицкий (сорбский) писатель 485
- Мольер Жан Батист, французский комедиограф, театральный деятель 616
- Монтень Мишель, французский философ-гуманист 348, 349
- Монтескье Шарль Луи, французский философ, просветитель 651
- Мор Томас, английский гуманист 348
- Морано Бернардо, итальянский архитектор в Польше 372
- Мориц Саксонский, французский полководец 477
- Морозов Борис Иванович, боярин, приближенный царя Алексея Михайловича 584, 595

- Морозова Феодосия Прокопьевна, боярыня, раскольница 607
- Морштын Ян Анджей, польский поэт 575
- Мосх, александрийский поэт 389
- Мрнавич И. Т., хорватский поэт 509
- Мстислав II Изяславич, князь киевский 265
- Мстислав Мстиславич Удалой, русский князь 266
- Мстиславец Петр, русский первопечатник 385
- Мунехин Мисюръ, дьяк в Пскове, адресат посланий старца Филофея 448
- Мурад I, турецкий султан 154, 155
- Мурад II, турецкий султан 290, 291, 303
- Мурад III, турецкий султан 429, 431
- Мурзиновский С., польский реформатор 499
- Муската, епископ краковский, противник Владислава Локетка 76
- Мухаммед-Эмин, казанский хан 330
- Мюллер, самозванец, выдававший себя за Вальдемара, маркграфа из династии Асканиев 93
- Мюнцер Томас, немецкий радикальный реформатор 514
- Наливайко Северин, руководитель казацкого восстания 562
- Наогеоргус Томас, лютеранский писатель 368
- Наполеон I, французский император 415, 624, 653, 657, 658
- Наседка Иван, русский богослов и писатель 614
- Наталья Алексеевна, русская царевна, сестра Петра I, автор театральных пьес 616
- Некрасов Николай Алексеевич, русский поэт 655
- Неманичи, сербская династия 141, 154, 159, 222, 223, 289
- Неплах, чешский хронист 205
- Нестеров Алексей, русский государственный деятель, сподвижник Петра I 662
- Нестор-Искандер, русский писатель 379
- Никита Стифат, византийский мыслитель 217
- Никитин Афанасий, тверской купец, путешественник, писатель 378
- Никифор, киевский митрополит, автор посланий и поучений 463
- Николай I, папа римский 29
- Николай IV, папа римский 147, 149, 158, 159
- Николай V, антипапа 71
- Николай I Павлович, российский император 623, 654, 657, 659, 660
- Николай II Александрович, российский император 655
- Николай из Дрездена, деятель Реформации 248
- Николай Кузанский, теолог, философ 603
- Николай Торосович, армянский униатский архиепископ 433
- Николо Фиорентино (Никола Флорентинец), итальянский художник в Далмации 391
- Никон, русский патриарх 584, 598—604, 607, 609, 611, 617, 619, 620—622, 642, 644, 662
- Нил Сорский, русский церковный деятель, основатель нестяжательства 381, 453
- Нинослав, бан Боснии 146

- Новавилла Филиппо, итальянский епископ, деятель уtrakвизма 474
- Новиков Николай Иванович, русский просветитель, писатель 652
- Ногай, татарский правитель 147, 148
- Ногаре Гийом, легист, советник Филиппа IV 34
- Овидий**, римский поэт 389, 390
- Одорик из Пордонне, блаженный, путешественник 63
- Окино Бернардино, итальянский богослов; антитринитарий 495
- Оккам Уильям, английский философ-францисканец 68, 89, 90
- Олах Николай, венгерский архиепископ 487
- Олег, древнерусский князь 268
- Олесницкий Збигнев, краковский епископ, гуманист 294, 362, 407
- Ольгерд, литовский великий князь 111, 268, 269, 272—277, 281, 445
- Ондржей из Дубы, чешский юрист, писатель 406
- Опалиньский Ежи, польский писатель 576
- Опалиньский Лукаш, польский поэт и публицист 576
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, русский государственный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича 638
- Оржеховский Станислав, польский политический мыслитель 392
- Орси Дж., итальянский архитектор в Чехии 549
- Орсини Наполеоне, кардинал 74
- Осорьин Каллистрат, русский писатель 612
- Острожские, литовский княжеский род 415
- Острожский Константин, великий гетман литовский 298
- Острожский Константин Константинович, основатель типографии в Остроге 374, 375, 563, 580
- Остророг Станислав, польский магнат, покровитель Чешских братьев 493
- Остророг Ян, польский гуманист, писатель 493
- Отгон I, германский король, основатель Священной Римской империи 17, 26, 46, 54, 70, 105, 157, 468
- Отгон III, император Священной Римской империи 26, 157
- Отгон IV, император Священной Римской империи 32, 47, 48, 50
- Отгон Баварский, герцог 52
- Отгон Бранденбургский, маркграф, опекун Вацлава II 58
- Отгон Брауншвейгский, маркграф 50
- Отгон Ленивый, маркграф бранденбургский 106
- Очко из Влашима, пражский архиепископ 106
- Павел II**, папа римский 256, 332, 450
- Павел IV, папа римский 536
- Павел I Петрович, император все-российский 646, 652, 653, 662
- Павел Влодковиц из Брудзеня, польский гуманист, ректор Краковского университета 306, 362
- Павел Кржиштан из Колдина, чешский юрист, писатель 356
- Павел из Левочи, словацкий архитектор 211

- Падовано Джованни Мария, итальянский архитектор в Польше 372
- Пазмани Петр, венгерский архиепископ 488, 489, 551
- Паисий, патриарх александрийский 602
- Паисий, патриарх иерусалимский 605
- Паисий Лигарид, митрополит газский 603, 604
- Палацкий Франтишек, деятель чешского национального возрождения, ученый 658, 659
- Палеолог Иаков, антитринитарий в Трансильвании и Польше 496
- Палеологи, династия в Византии 44, 142, 151
- Палингений, итальянский гуманист 368
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря, русский писатель 610
- Паллони М., итальянский художник в Польше 577
- Палмотич Джуние, далматинский поэт 390
- Паоло дела Стелла, см. Стелла Паоло дела
- Папич П., хорватский католический писатель 509
- Папроцкий Бартош, польский и чешский писатель 370
- Парлер (Парлерж) Петр, архитектор в Чехии 209, 210, 216
- Парчевич Петр, католический архиепископ Софии 431
- Пасек Ян Хризостом, польский писатель 575
- Пафнутий Боровский, основатель и игумен Рождественского монастыря в Боровске 381, 447
- Пахомий Логофет (Пахомий Серб), русский писатель-агиограф 380, 383
- Пейцере Каспар, лужицкий протестант 515
- Пейн Питер, последователь Дж.Уиклифа 253, 352
- Пелликан К., швейцарский реформатор 501
- Пельцль Франтишек Мартин, деятель чешского национального возрождения, историк, филолог 554
- Пенкель Бартоломей, польский композитор 576
- Пересветов Иван, русский писатель-публицист 383, 394, 460, 466
- Пестель Павел Иванович, русский революционер-декабрист 657
- Петр, царь Первого Болгарского царства, сын Симеона 130, 131, 156, 183, 217
- Петр I, царь Второго Болгарского царства, основатель династии Асеней 126, 130
- Петр I Алексеевич (Великий), император всероссийский 17, 21, 529, 582, 584, 586, 587, 592—594, 616, 617, 619, 622, 624—647, 651, 652, 661, 662
- Петр II Алексеевич, император всероссийский 635, 636, 646
- Петр III Федорович, император всероссийский 636, 646
- Петр, король Кипра 113, 123
- Петр, русский митрополит 271, 464
- Петр Аспельт, архиепископ майнцский 62
- Петр из Дрездена, деятель Реформации 248

- Петр Житавский, чешский хронист 204, 205
- Петр Кларификатор, чешский реформатор 208
- Петр Ломбардский, католический теолог и философ 350
- Петр из Младеновиц, последователь Яна Гуса 247, 352
- Петр Рареш, молдавский господарь 299
- Петр Розенбергский (Рожмберк), чешский пан 392
- Петр Фома Перигорский, папский легат, ученый 152
- Петрарка Франческо, итальянский поэт-гуманист 43, 74, 88, 97—99, 122, 205, 206, 254, 347, 356, 359, 388, 391
- Петрици Себастьян, польский философ 637
- Пешина Томаш, чешский историк, каноник 548
- Пий II, папа римский, см. Пикколомини
- Пий IV, папа римский 477
- Пикколомини Энеа Сильвио (Пий II), папа римский, поэт-гуманист 256, 353, 354
- Писецкий Вацлав, чешский гуманист 356
- Пискатор Николас Иоаннис, голландский издатель и гравер 621
- Плавт, римский комедиограф 389
- Плантагенеты, английская королевская династия 49, 50
- Платон, древнегреческий философ 194
- Плахи Йиржи (Ферус), чешский католический писатель 546
- Плещеевы, русский боярский род 271
- Плифон, византийский философ 468
- Плутарх, древнегреческий писатель и историк 194, 621
- Победоносцев Константин Петрович, русский государственный деятель, юрист 662
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, вождь народного ополчения, освободившего Москву 559
- Помпонацци Пьетро, итальянский философ 349
- Понятовский Станислав Август, польский король 649, 650
- Попов Федот Алексеев, русский землепроходец 586, 633
- Поппель Николай, имперский посол в Московское государство 522
- Посилович П., хорватский католический писатель 509
- Поссевино Антонио, посол папы в Московском государстве 339, 532
- Постник, московский зодчий 387
- Постников Андрей Савинов, духовник царя Алексея Михайловича 616
- Потоцкий Вацлав, польский поэт 575
- Поярков Василий Данилович, русский землепроходец 586
- Прандол, епископ краковский 54
- Префат Одальрих, чешский писатель-путешественник 359
- Пржемысл I Отакар, чешский король 46—50, 161, 164
- Пржемысл II Отакар, маркграф моравский, чешский король, сын Вацлава I 46, 53—58, 63, 64, 164, 166, 173, 189, 195, 196, 202, 203, 519
- Пржемысл, маркграф моравский, брат Вацлава I 51

- Пржемысловичи, чешская княжеская и королевская династия 46—52, 60—67, 87, 91, 161, 165, 167, 189, 204, 215, 520
- Прокоп, святой, основатель Сазавского монастыря в Чехии 48, 195, 198, 203, 255
- Прокоп, брат Йошта Моравского 233, 260
- Прокоп Голый (Великий), вождь гуситов 252, 253
- Прокупек (Прокоп Малый), сподвижник Прокопа Голого, вождь сирот 253
- Прокопович Феофан, русский государственный и церковный деятель, писатель 615, 639, 643—646, 662
- Проперций, римский поэт 368, 389
- Прус, легендарный брат императора Августа, предок Рюрика 451, 452
- Прусиновский В., епископ оломоуцкий 480
- Псевдо-Дионисий Ареопагит, византийский философ 217
- Пугачев Емельян Иванович, донской казак, предводитель народного восстания 652
- Пуфендорф Самуэль, немецкий юрист 639, 641, 643, 645
- Пшемислав II, великопольский князь, король польский 59, 170
- Пясецкий П., польский католический историк 500
- Пясты, польская княжеская и королевская династия 54, 75, 78, 116, 161, 167, 169—171, 216, 406
- Рабле Франсуа, французский писатель-гуманист 348
- Радзивилл Барбара, жена польского короля Сигизмунда II Августа 492, 527
- Радзивилл Миколай Черный, литовский магнат 416, 493, 511, 530, 531
- Радзивилл Януш, литовский гетман 568
- Радзивиллы, польско-литовский княжеский род 301, 313, 314, 415, 530
- Радзивилловский Антоний, украинский церковный писатель 613
- Радищев Александр Николаевич, русский политический мыслитель 652
- Радослав, сербский король 135, 138, 157, 220
- Разин Степан, вождь народного восстания в Московском государстве 595, 596
- Ракоци Дьердь, князь Трансильвании 489, 543, 545, 567, 568
- Ранина Динко, далматинский поэт 389
- Ранконис Адальберт (Ранкув из Йежева, Войтех), чешский богослов-реформатор 207, 237
- Рареш, см. Петр Рареш
- Растко (Растислав), см. Сава
- Рафаэль Санти, итальянский художник 348
- Резек Фабиан, администратор ут-раквистов 480
- Рей Миколай, польский поэт и писатель 367, 368, 370, 499, 500
- Рейнер Вацлав, чешский художник 550
- Рейнольд Дассельский, германский канцлер 30
- Рейсбрук Я. ван, фламандский мистик 470
- Рейхлин Иоганн, немецкий гуманист 348
- Репков Эйке фон, см. Эйке фон Репков

- Решка Станислав, польский католический писатель, биограф Гозия 500
- Рикса (Рейчка), дочь Пшемислава II, жена Вацлава II, а затем Рудольфа Чешского 59, 61, 67
- Ричард II, английский король 234, 239, 254
- Ричард Корнуэльский, граф корнуэльский, германский король, претендент на императорский титул 32, 56, 57
- Ришелье, кардинал, фактический правитель Франции при Людовике XIII 542
- Робер де Куртене, император Латинской империи 137
- Роберт, король Неаполитанского королевства 69, 72, 74
- Роберт Гвискар, вождь норманнов 128
- Рожер II, сицилийский король 31, 128
- Рожмберки (Розенберги), чешский панский род 360
- Розван, молдавский господарь 534
- Рокита Ян, протестантский священник 513
- Рокицана Ян, вождь уtrakвистов, архиепископ пражский 233, 257, 258, 353
- Роман, литовский митрополит 272
- Роман Мстиславич, князь галицко-волынский 265—267
- Романовы, династия русских царей и императоров 432, 557, 583, 586—588, 590—594, 597, 598, 620, 623, 625, 635, 647, 651
- Романов Никита (Никита Романович Захарьин-Юрьев), русский боярин, дядя царя Федора Ивановича 341
- Ронсар Пьер, французский поэт-гуманист 348, 369
- Роса Ян, чешский поэт, филолог, юрист эпохи барокко 547, 548
- Ростислав, великоморавский князь 25
- Ростислав, русский (галицкий) князь, зять Андрея II Венгерского, правивший в южнославянских землях 141, 146, 158, 266, 285
- Ртищев Федор Михайлович, приближенный царя Алексея Михайловича, окольничий 609
- Рублев Андрей, русский иконописец 387
- Рудольф, король Чехии из династии Габсбургов, сын Альбрехта I 61, 67, 520
- Рудольф I Габсбург, граф, германский король, претендент на императорский титул 15, 46, 56—58, 61, 64, 519, 520
- Рудольф II, император Священной Римской империи, король Чехии и Венгрии 423, 430, 479—483, 487—489, 506, 532—534, 539, 550
- Рудольф IV, герцог австрийский 109, 110, 113, 122
- Рудольф Виттельсбах, курфюрст Пфальца 92
- Рупрехт, курфюрст пфальцский, германский король 234, 240, 244
- Рюрик, князь, основатель династии русских князей и царей 337, 451
- Рюриковичи, русская династия, восходящая к Рюрику 19, 266, 268, 269, 315, 335, 342, 415, 436, 456, 465, 529, 531, 556, 582, 593,

- 597, 606, 617, 647, 650, 651, 657, 661
- Сава (Савва) (Растко)**, святой, сербский архиепископ, сын Стефана Немани 130, 134, 135, 136, 139, 219, 220, 229
- Савва из Рагузы**, далматинец на службе у Петра I 631
- Савин Никифор**, русский иконописец 619
- Савонарола Джироламо**, итальянский церковный деятель 381
- Сагайдачный Петр Кононович**, гетман украинских казаков 564
- Салтыков Федор Степанович**, русский государственный деятель, сподвижник Петра I 662
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович**, русский писатель 655
- Салтыковы**, родственники царя Михаила Федоровича по женской линии 583
- Самойлович Иван Самойлович**, гетман Украины 586
- Самуил**, царь Западно-Болгарского царства 130, 131, 216
- Сантини Ян (Дж.)**, итальянский архитектор в Чехии 549
- Сапег**, польско-литовский род 415
- Светислав**, болгарский боярин 146
- Свидригайло**, литовский князь, брат Ягайло 280, 284, 287, 307, 321
- Свинка Якуб**, архиепископ гнезненский 59
- Свифт Джонатан**, английский писатель 545
- Свотлик Георг**, лужицкий (сербский) писатель, филолог 486
- Святополк Владимирович Окаянный**, древнерусский князь 320
- Севериан Габальский**, византийский богослов 217
- Секлюция Ян**, польский протестантский печатник 499
- Селим I**, турецкий султан 294, 297
- Селим II**, турецкий султан 302, 429
- Семигиновский Е.**, польский художник 547
- Сенека**, римский философ 205, 356, 614
- Сенкевич Генрик**, польский писатель 575, 580
- Серапион Владимирский**, епископ владимирский, писатель 376
- Сервет Мигель**, испанский мыслитель, врач, антитринитарий 495
- Сергий Радонежский**, русский святой, основатель Троицкого монастыря 273, 274, 445
- Сигизмунд**, великий князь литовский, брат Витовта 284, 287, 290, 321, 323, 414
- Сигизмунд I Старый**, король польский, великий князь литовский 297—302, 309, 310, 334, 363, 364, 369, 371, 409, 490, 491, 523—527
- Сигизмунд I**, сын Карла IV Люксембургского, император Священной Римской империи, король чешский и венгерский (Жигмонд) 101, 117, 118, 120, 233, 235, 242—245, 247—253, 255, 280, 281, 284, 288—290, 292, 293, 302, 306, 354, 420, 520, 650
- Сигизмунд II Август**, король польский, великий князь литовский 300—302, 311—313, 315, 364, 369, 416, 491, 492, 527—529
- Сигизмунд III Ваза**, король польский и шведский 316, 431,

- 532—534, 541, 542, 555—560,
562, 563, 565, 577
- Сигизмунд (Жигмонд) Батори,
трансильванский князь 430
- Сигизмунд Корибутович, племян-
ник Ягайло 252, 281
- Сидет-Гирей, крымский хан 298
- Сикст V, папа римский 358
- Сикст Оттерсдорфский, чешский
писатель 358
- Сильвестр, русский священник,
член Избранной рады 335, 460,
466
- Сильвестр I, папа римский 378,
622
- Сильвестр II, папа римский 157
- Симеон (Великий), царь Первого
Болгарского царства 27, 132,
182, 216, 221
- Симеон Новый Богослов, визан-
тийский мыслитель 217
- Симеон Полоцкий, белорусский и
русский церковный деятель,
писатель 584, 609, 614—616,
637, 638
- Симеон Солунский, византийский
писатель 448
- Симеон (Семен) Иванович Гор-
дый, князь московский, сын
Ивана Калиты 271, 440
- Симонида, византийская царевна,
жена Стефана Уроша II Милу-
тина 148
- Синапий Даниил, словацкий писа-
тель 545
- Скадде Герард, нидерландский
реформатор 227
- Скала Павел, чешский протестант-
ский писатель 544
- Скалигеры, итальянский род пра-
вителей Вероны 73
- Скандербег (Георг Кастриоти), ал-
банский борец против турок 292
- Скарга Петр, иезуит, польский
проповедник и писатель 366,
370, 371, 500, 615
- Скиргайло, литовский князь, брат
Ягайло 278
- Скопин-Шуйский Михаил Василь-
евич, князь, русский полково-
дец 611
- Скорина Франциск, белорусский
первопечатник 374, 393
- Славата Вильгельм, приближен-
ный короля Матвея в Чехии
483, 484
- Славники, чешский княжеский
род 228
- Слоньский Габриэль, польский ху-
дожник 372
- Слота, польский писатель 366
- Смил Фляшка из Пардубиц, чеш-
ский писатель 200
- Смилец, царь Второго Болгарско-
го царства 147
- Смотрицкий Герасим, украинский
писатель 375
- Смотрицкий Мелетий, см. Меле-
тий Смотрицкий
- Собеский Ян III, см. Ян III Собес-
кий
- Солари Пьетро Антонио, итальян-
ский архитектор в Москве 386
- Солинат, католический епископ
Софии 431
- Соломония Сабурова, первая (раз-
веденная) жена Василия III 453
- Софоний (Рязанец), предполагае-
мый автор Задонщины 379
- Софья, королева Чехии, жена Вац-
лава IV 238, 250
- Софья (Зоя) Палеолог, жена Ива-
на III 332, 333, 386, 446, 453,
522
- Софья Алексеевна, царевна, пра-
вительница Русского государст-

- ва, дочь царя Алексея Михайловича 584—586, 607, 626, 627
- Софья, принцесса Ангальт-Цербстская, см. Екатерина II
- Социн (Соццини) Лелий, итальянский реформатор 496
- Социн (Соццини) Фауст, итальянский реформатор, основатель социнианства в Польше, племянник Лелия Социна 496
- Спацио Джованни, итальянский архитектор в Чехии 360
- Сперанский Михаил Михайлович, русский государственный деятель 653
- Спецца А., итальянский архитектор в Чехии 549
- Станислав из Знойма, чешский реформатор 239, 240, 242
- Станислав Могила (Станислав Самостшельник из Могилы), польский художник 372
- Станкаро Франческо, итальянский антиринитарий 495
- Старин Михаэль, кальвинистский проповедник в Славонии 505
- Старовольский Шимон, польский католический писатель и историк 500, 576
- Стелла, Паоло дела Стелла, итальянский архитектор в Чехии 360
- Статориус Петр, польский протестант 499
- Степан Вукчич, правитель Хума 292
- Степан Котроман, правитель (бан) Боснии 159
- Степан Котроманич, правитель (бан) Боснии 149, 151, 182
- Степан Остоич, правитель Боснии 303
- Степан Остоя, правитель Боснии 303
- Степан Томаш, правитель Боснии 303
- Степан Томашевич, король Боснии 292, 303
- Стефан, молдавский господарь 299
- Стефан, сын Стефана Уроша II Милутина 148
- Стефан Баторий, польский король 315, 338, 339, 365, 366, 500, 531, 532
- Стефан III Великий, молдавский господарь 295—297, 333
- Стефан Владислав (Владислав), сербский король 138—140, 220
- Стефан Душан, сербский царь 150—152, 154, 159, 182, 184—186, 191, 203
- Стефан Лазаревич, правитель Сербии 155, 220, 289, 302, 303
- Стефан (Симеон) Неманя, основатель сербского государства и династии Неманичей 124, 126—130, 132, 133, 184, 186, 219
- Стефан Первовенчаный, сербский король 128, 130, 132—136, 219
- Стефан Урош I, сербский король 140, 141, 146, 185, 220
- Стефан Урош II, см. Милутин
- Стефан Урош III (Стефан Дечанский), сербский король 149, 150, 217, 220
- Стефан Урош IV, сербский царь 152, 153
- Стефан из Колина, учитель Яна Гуса 237, 260
- Стефан из Палеча, чешский реформатор, затем обвинитель Яна Гуса 239, 240, 242, 244

- Стефан Пермский, русский святой, миссионер-просветитель коми 379
- Стош (Ствош) Вит, немецкий и польский скульптор 211, 371
- Странский Павел, чешский протестантский писатель 544
- Стрешнев Семен Лукьянович, русский боярин, приближенный царя Алексея Михайловича 603
- Строгановы, род русских купцов и промышленников 336, 387
- Стрыйковский Мацей, польский историк 370
- Субедей, монгольский полководец 140
- Сузо Г., немецкий мистик 470
- Сулейман I Великолепный, турецкий султан 297—301, 429
- Сцультетус Авраам, проповедник при дворе Фридриха Пфальцского 484
- Тадеуш Гаек, чешский ученый 359
- Тайлер Уот, вождь восстания в Англии 254
- Тамерлан (Тимур, Тимурленг), среднеазиатский правитель и полководец 278, 286, 289
- Таннер Ян, чешский католический писатель 548
- Тарновский Ян, польский великий гетман 298, 299
- Ташицкий Миколай, польский правовед 412
- Тассо Торквато, итальянский поэт 389, 390
- Татищев Василий Никитич, русский историк, государственный деятель 645
- Таулер И., немецкий мистик 470
- Твардовский Самуэль, польский поэт 575
- Твртко I, правитель Боснии 154, 159, 292, 303
- Твртко II, правитель Боснии 303
- Текей (Тёкёли) Имре, венгерский полководец, князь Трансильвании 432, 572
- Тенкалла К., итальянский архитектор в Польше 577
- Тено Ян, польский протестант 499
- Теодорик (мастер Теодорик), чешский художник 210
- Тертерии, болгарская царская династия 147
- Тибулл, римский поэт 368, 389
- Тиммерман Франц, голландец, учитель Петра I 626
- Тимофеев Иван, русский дьяк, писатель 610
- Тит Ливий, римский историк 362
- Тициан, Тициан Вечеллио, итальянский художник 348
- Тицин Иаков, лужицкий (сорбский) писатель, филолог 486
- Ткачев Петр Никитич, русский революционер-народник 656
- Толстой Лев Николаевич, русский писатель 258, 655
- Томицкий Петр, польский гуманист, епископ краковский 364, 527
- Тохтамыш, хан Золотой Орды 274, 278, 279, 443
- Траба Миколай, архиепископ гнезненский 362
- Траханиот Юрий, посол Ивана III к императору Фридриху III 522
- Тредиаковский Василий Кириллович, русский поэт 615
- Тревано Дж., итальянский архитектор в Польше 577
- Третко Я., польский художник 577
- Тржановский Йиржи (Граносций Георг), протестантский священ-

- ник в Словакии, автор собрания гимнов 488, 544
- Трубар Примож (Трубер Примус), деятель Реформации в Словении, писатель 501—504, 510
- Трубар Ф., словенский протестантский священник, сын П.Трубара 503
- Трубецкой Сергей Петрович, князь, деятель движения декабристов 654
- Трукзес Мартин, великий магистр Тевтонского ордена 308
- Трясило (Федорович) Тарас, украинский гетман, вождь казачьего восстания 565
- Тургенев Иван Сергеевич, русский писатель 655
- Турзо Дьердь, палатин Венгрии 488
- Турзо Ф., словацкий епископ, перешедший в протестантизм 516
- Турн Йорг фон, имперский посол в Московское государство 522
- Узбек, хан Золотой Орды 270, 442
- Уиклиф Джон, английский реформатор 238—242, 245, 246, 249, 254, 257, 261, 350—352
- Уинтроп Джон, английский губернатор Массачусетса 545
- Уласло, см. Владислав
- Улу-Мухаммед, хан Золотой Орды, основатель Казанского ханства 319, 342
- Ульяна Александровна, жена Ольгерда Литовского, сестра Михаила Тверского 273, 275
- Унгнад Ганс фон, барон, основатель протестантской типографии, покровитель Приможа Трубара 501, 508—511
- Уолтер, епископ карлайльский 62
- Урбан IV, папа римский 32
- Урбан V, папа римский 99, 100, 260
- Урбан VI, папа римский 234, 260
- Урош II, сербский жупан 124
- Урусова Евдокия Прокопьевна, княгиня, раскольница, сестра боярыни Морозовой 607
- Уханьский Якуб, архиепископ гнезненский 338
- Ушаков Симон, русский живописец 620
- Фабриций Павел, епископ Чешских братьев, писатель 544
- Фабриций Филипп, секретарь, приближенный короля Матвея в Чехии 484
- Федор I Иванович, русский царь 341, 531—533, 556, 557, 578
- Федор II Борисович, сын Бориса Годунова 557
- Федор III Алексеевич, русский царь 584, 585, 605—607, 626, 638
- Федор Святослав Тертерий, царь Второго Болгарского царства 148
- Федоров Иван, русский первопечатник 385
- Феогност, русский митрополит 271, 464
- Феодор I Ласкарис, никейский император 135
- Феодор II Ласкарис, никейский император 141, 142
- Феодор Ангел, правитель (император) Эпирского деспотата 137, 138
- Феодорит, киевский митрополит 272
- Феодосий, византийский император 606
- Феодосий, сын Феофана Грека 387

- Феодосий, сербский писатель-агиограф 220
- Феодосий Косой, русский еретик 383
- Феодосий Тырновский, болгарский церковный деятель и мыслитель 217
- Феофан, александрийский поэт 389
- Феофан Грек, русский иконописец 387
- Феофил, архиепископ новгородский 326
- Феофилакт Болгарский, писатель 448
- Фердинанд I Австрийский (Габсбург), император Священной Римской империи, король Чехии и Венгрии, зять Владислава II Ягеллона 297—301, 309, 311, 358, 423, 424, 476—478, 486, 493, 500, 501, 522, 527—530, 536, 538
- Фердинанд II, император Священной Римской империи, король Венгрии и Чехии, герцог штирийский 431, 481, 483, 484, 489, 503, 508, 539—542, 544, 546, 552, 553
- Фердинанд III, император Священной Римской империи, король Чехии и Венгрии 423, 543
- Фердинанд I, австрийский император, король венгерский 658
- Фердинанд II, король арагонский, супруг Изабеллы Кастильской 398, 521, 535
- Фердинанд I Кобургский, болгарский царь 128
- Феррари П., итальянский архитектор в Польше 577
- Филалет Христофор, украинский писатель 375
- Филарет (Романов), патриарх московский, отец царя Михаила Федоровича 558, 559, 583, 587, 588, 593, 597, 608
- Филипп I, митрополит московский 333
- Филипп II (Колычев), русский святой, митрополит московский 466
- Филипп II Штауфен (Швабский), германский король, претендент на императорский престол 32, 37, 47, 48
- Филипп II Август, французский король 33, 47
- Филипп IV Красивый, французский король 34, 59, 60, 65, 66, 70, 469
- Филипп VI, французский король 69, 72, 74, 81, 85
- Филипп II, испанский король, сын Карла V 536—539
- Филипп III, испанский король 537—539
- Филипп IV, испанский король 537, 542, 543
- Филипп Красивый, герцог бургундский, сын Максимилиана I и Марии Бургундской 521, 535
- Филиппс Дж., чешский эмигрант в Америке 553
- Филофей, константинопольский патриарх 272
- Филофей, старец Елизарова монастыря 378, 379, 448, 465
- Фиоль Швайпольт, славянский первопечатник 374
- Фишер Кристоф, чешский ученый 546
- Флаций Иллирик (Матия Влаичич), хорватский реформатор 505—507, 511

- Флорентий Радейвин, нидерландский реформатор 208
- Фома, протестантский проповедник в Полоцке 513
- Фома, автор панегирика Борису Тверскому 344, 378
- Фома, деспот Мистры, отец Софыи Палеолог 332
- Фома Аквинский, философ и теолог 42, 198, 208
- Фома Кемпийский, религиозный мыслитель, ранний реформатор 208
- Фома Сплитский (Фома Архидьякон), хронист 134
- Форгах Симон, венгерский архиепископ 487
- Фотий, русский митрополит 282
- Фотий, константинопольский патриарх 194, 447, 448, 604
- Франкопаны, хорватские магнаты 421
- Франкопан Крсто, вождь заговора против Габсбургов 423
- Франтишек Пражский, чешский хронист 204
- Франтишек из Роздражова, чешский католический писатель 546
- Франц I Лотарингский, император Священной Римской империи 648
- Франц II, император Священной Римской империи, затем австрийский император, король венгерский (Франц I) 658
- Франц Иосиф I, австрийский император, король венгерский 659
- Франциск I, король французский 349, 398, 471, 526, 535
- Франциск Ассизский, святой 42, 56, 63, 70, 71, 195, 196
- Фредро Анджей, польский писатель 576
- Фрелих И., реформатор 511
- Френцель Михаэль, лужицкий (сорбский) писатель 485
- Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи 30, 31, 35, 37, 38, 42, 46, 47, 101, 127, 128, 161
- Фридрих II Штауфен, император Священной Римской империи 32, 33, 44, 48—52, 56, 62, 63, 102, 161, 166
- Фридрих III, император Священной Римской империи 255, 290, 329, 340, 354, 440, 451, 520, 521, 535
- Фридрих II, король прусский 647—650
- Фридрих II Бабенберг, герцог австрийский 51, 52
- Фридрих III Габсбург, герцог австрийский, король германский 66, 68, 71
- Фридрих Мейсенский, маркграф, претендент на германский трон 56
- Фридрих Пфальцкий, король Чехии и Венгрии, курфюрст пфальцкий 484, 539, 541, 553
- Фридрих Август I, курфюрст саксонский, см. Август II
- Фридрих Вильгельм, курфюрст бранденбургский 569
- Фридрих Вильгельм I, король прусский 632, 662
- Фридрих Вильгельм III, король прусский 90
- Фридрих Саксен-Мейсенский, великий магистр Тевтонского ордена 309
- Фробен Иоганн, базельский типограф-издатель 357

- Фруассар Жан, французский хронист, поэт 86
- Фрыч-Моджевский Анджей, польский гуманист 365, 494, 517, 638
- Фрязин Марк (Марко Руффо), итальянский архитектор в Москве 386
- Футгеры, немецкий банкирский дом 535
- Фукидид, древнегреческий историк 194, 621
- Фюрст О., немецкий театральный деятель в Москве 616
- Фюрстенберг Вильгельм фон, магистр Ливонского ордена 311
- Фьорентино Франческо, итальянский архитектор 371
- Хабаров Ерофей Павлович, русский землепроходец 586
- Хабделич Юрай, хорватский католический писатель 508, 509
- Хановский А., чешский миссионер 546
- Хворостинин Иван Андреевич, князь, русский политический деятель и писатель 610
- Хельблинг Зайфрид, немецкий поэт 57
- Хельчицкий Петр, чешский радикальный реформатор 257—259, 263, 405
- Херольт, католический писатель 509
- Хмельницкий Богдан, гетман Украины, вождь восстания 566—569
- Хмельницкий Юрий, гетман Украины, сын Богдана Хмельницкого 569, 570, 585
- Ходкевич Ян Кароль, польский военачальник 556
- Хойнан Иоганн, лужицкий (сорбский) филолог 486
- Хрён Томаш, епископ люблянский, вождь контрреформации в Словении 503
- Христофор Вюртембергский, герцог, покровитель Приможо Трубара 501, 507
- Хуана Безумная, жена герцога бургундского Филиппа Красивого, королева Кастилии и Арагона 521, 535
- Хубилай, монгольский хан 42
- Хуньяди Матьяш, см. Матвей Корвин
- Хуньяди Янош, полководец, регент Венгерского королевства 290—293, 421, 422, 433, 434
- Цвингли Ульрих, деятель Реформации в Швейцарии 472, 475, 490, 512
- Цельтис Конрад, гуманист 354, 363
- Цёлек Эразм, епископ плоцкий 371
- Ципико Ц., далматинский историк и дипломат 388
- Цицерон, римский оратор и писатель 205, 335, 356
- Цриевич Илия, хорватский гуманист 388
- Цтибор из Дрновиц, чешский юрист, писатель 406
- Цтибор Товачовский из Цимбурка, чешский юрист, писатель 354, 406
- Цуццери Флора (Цвета Зузорич), знатная дама из Дубровника 389
- Ч**ак Матуш, словацкий магнат 176, 177
- Чака, царь второго Болгарского царства, сын Ногая 148
- Чарторыские (Чарторыйские, Чарторыжские), польско-литовский княжеский род 415, 649

- Чарторыйский Адам, князь, русский и польский политический деятель 657
- Чезарини Джулиано, кардинал, папский легат 252, 290
- Ченек из Вартемберка, глава гуситской лиги 247, 250
- Черноевичи (Црноевичи), черногорские правители 293, 303
- Чингисхан, основатель монгольской империи 449
- Чирин Прокопий Иванович, русский иконописец 619
- Чубранович Андрей, хорватский поэт 389
- Шажиньский (Сэмп Шажиньский)** Миколай, польский поэт 370
- Шарлотта, принцесса брауншвейг-вольфенбюттельская, жена царевича Алексея Петровича 635
- Шаумбурги, графы Гольштейна 54
- Шафарик Павел Йозеф, деятель чешского и словацкого национального возрождения, ученый 658
- Шаховской Семен Иванович, князь, русский писатель 610
- Шашек, автор описания чешского посольства во Францию 1465—67 гг. 354
- Шидловецкие, польский магнатский род 372
- Шидловецкий Кшиштоф, польский гуманист, канцлер 364, 372, 527
- Шимонович Шимон, польский поэт 575
- Шишгорич Юрай, хорватский гуманист 388
- Шишмановичи, болгарская царская династия 148
- Шкрета Карел, чешский художник 550
- Шнитценпаумер Георг фон, посол императора Максимилиана I в Москву 524, 529
- Шонберг Дитрих, посол Тевтонского ордена в Москву 465
- Шпее Фридрих фон, немецкий иезуит, поэт 547
- Шпиндлер Христофор, словенский протестант 501
- Штауфены (Гогенштауфены), династия германских королей и императоров Священной Римской империи 18, 27, 30, 33, 35, 41, 45, 48, 50, 52, 56, 59, 101, 102, 105
- Штейр Матей, чешский католический писатель, издатель Библии св. Вацлава 546
- Штермберк Альбрехт, чешский епископ, гуманист 206
- Штермберки (Штернберги), чешские магнаты 200, 549
- Штефан из Кошице, словацкий архитектор 211
- Штитный Томаш, чешский реформатор 207, 208, 237, 257
- Штробель Б., немецкий художник в Польше 577
- Шубич Стефан, хорватский магнат 335, 459
- Шуйские, княжеский род на Руси 335, 459
- Эдуард I, английский король 34, 166
- Эдуард III, английский король 81, 82, 85, 86, 90
- Эдуард, «Черный принц», принц Уэльский, сын Эдуарда III 86
- Эзоп, древнегреческий баснописец 200
- Эйке фон Репков, немецкий юрист, составитель «Саксонского зеркала» 43, 62

- Экк Иоганн, немецкий богослов, противник Лютера 474
- Экхарт (Майстер Экхарт), немецкий мистик 470
- Эльжбета (Елизавета), дочь Владислава Локетка, жена Карла Роберта Анжуйского 77
- Энгельберт, архиепископ кельнский 49, 50
- Эндре II, см. Андрей II
- Энеа Сильвио Пикколомини (Пий II), см. Пикколомини
- Эразм Роттердамский, гуманист 348, 356, 357, 363, 364, 392, 471, 472, 489
- Эрдеди Петар, бан Хорватии 504
- Эрдеди Томаш, бан Хорватии 506
- Эрнест, австрийский эрцгерцог, претендент на польский престол 530—532
- Эсхил, древнегреческий драматург 621
- Этьен Марсель, руководитель восстания в Париже 254
- Юлий II**, папа римский 410, 471
- Юнгман Йозеф, деятель чешского национального возрождения, ученый 658
- Юрай Далматин, словенский протестантский писатель 502, 503
- Юрай Далматинец (Джорджо да Себенико), далматинский зодчий 391
- Юрий, русский князь, брат Ивана III 326
- Юрий Владимирович Долгорукий, князь суздальский, великий князь киевский 462
- Юрий Данилович, князь московский 270, 442
- Юрий Дмитриевич, князь галицко-звенигородский, дядя Василия II 318, 319
- Юстиниан I, византийский император 103, 147, 398, 443, 444, 603, 604, 606
- Яворский Стефан**, русский церковный деятель, писатель 637
- Ягайло, великий князь литовский, король польский (Владислав II) 118, 170, 252, 274—280, 282, 284, 286—288, 295, 305—307, 313, 321, 407, 413, 520, 571
- Ягеллоны, династия в Польше, Литве, Чехии, Венгрии 21, 288, 294, 296, 297, 302, 309, 329, 338, 401, 403, 406, 414, 422, 521, 522, 525, 527, 529—532, 555, 573
- Ядвига, святая 195, 216
- Ядвига, польская королева, жена Ягайло, дочь Людовика I Венгерского 117, 118, 170, 171, 214, 276, 279, 520
- Яжембский Адам, польский композитор 576
- Яков Ворагинский (Якопо ди Варрацце), доминиканский проповедник и богослов 197, 199
- Якоубек (Якоб Малый), чешский реформатор 239, 247—249, 255, 351, 352
- Якуб, доминиканец, чешский писатель 199
- Якуб из Жнина, архиепископ гнезненский 228
- Якуб, татарский царевич 319, 320
- Якубиц Николай, лужицкий (сорбский) писатель 485
- Ян Благослав, епископ Чешских братьев, писатель, филолог-гуманист 357, 358, 478, 515
- Ян Гасиштейнский из Лобковиц, чешский писатель-путешественник 359
- Ян IV Дражицкий, епископ пражский 204—206

- Ян Железный, епископ литомышльский 244, 247
- Ян Желивский, вождь гуситов 248, 249, 351
- Ян Згоржелицкий, брат Вацлава IV 233
- Ян из Йенштейна, пражский архиепископ 196, 197, 202, 207, 208, 228, 232, 237, 260, 405
- Ян II Казимир, польский король 497, 566, 568, 571, 575
- Ян Кардинал, ректор Пражского университета 248
- Ян Кирилл, епископ Чешских братьев, писатель 544
- Ян Литомышльский, епископ 235
- Ян (Иоганн) Люксембургский, чешский король 21, 62, 66, 67, 70—90, 104, 167, 171, 195, 203, 204, 209
- Ян Непомук, чешский святой, генеральный викарий 232
- Ян Ольбрахт, польский король 294—296, 303, 309, 331, 363, 407, 411, 522, 523
- Ян Очко, пражский архиепископ 232, 237
- Ян из Пржибрам, чешский писатель, гусит 351, 352
- Ян Пфлюг из Рабштейна, чешский гуманист, писатель 355
- Ян Рокицана, см. Рокицана Ян
- Ян Скала из Дубравии, чешский историк 358
- Ян III Собеский, польский король 431, 498, 571—575, 577, 578, 585, 586, 628
- Ян из Стршеды (Ян из Неймаркта, Иоанн де Ново Форо), чешский гуманист 206—208, 210, 227
- Ян Черный, чешский историк, член Общины чешских братьев 358
- Ян Чешка, чешский писатель, ут-раквист 359
- Ян Шлехта из Вшегрд, чешский философ-гуманист 355
- Яницкий (Янициус) Клеменс, польский поэт 364
- Янко из Чарнкова, польский хронист 123, 212
- Яновский Феодосий, русский церковный деятель 645
- Янош Жигмонд, сын Яноша Запольяи, венгерский правитель 300, 301, 527
- Ярослав, член чешского посольства во Францию 1469 г. 354
- Ярослав Владимирович Мудрый, киевский князь 264, 268, 337, 464